

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3 3433 07855872 7

INDEXED

13

ВѢСТНИКЪ
Е В Р О Ш Ы

ДЕСЯТЫЙ ГОДЪ. — ТОМЪ VI.

ГОДЪ XXXIX. — ТОМЪ CCXXX. — 1/18 НОЯВРЯ, 1875.

ВѢСТНИКЪ Е В Р О П Ы

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ—ПОЛИТИКИ—ЛИТЕРАТУРЫ

ПЯТЬДЕСЯТЬ-ШЕСТОЙ ТОМЪ

ДЕСЯТЫЙ ГОДЪ

ТОМЪ VI

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала:
на Васильевскомъ Острове, 2-я линія,
№ 7.

Экспедиція журнала:
на Вас. Остр., Академ. переулокъ.
№ 9.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1875.

1870983

1870983

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
592574
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS.
1913

(168)

ВОСПОМИНАНІЯ

ИЗЪ ПУТЕШЕСТВІЯ ПО СЕРБІИ

въ 1867 году.

Небольшая территория, около 1000 кв. м., съ населеніемъ немного болѣе одного милліона, носящая въ настоящее время названіе Сербскаго княжества, была свидѣтельницей многихъ историческихъ катастрофъ, имѣвшихъ мировое значеніе. Здѣсь, на берегахъ Савы и Дуная, совершалась борьба древней цивилизаціи съ европейскимъ варварствомъ: германскія и славянскія племена, а потомъ авары и гунны попеременно вторгались въ эту страну, извѣстную тогда подъ именемъ древней Мѣзии, прорывались сквозь цѣпь римскихъ легионовъ, но, въ концѣ-концовъ, ослабленные физически и нравственно, признавали господство Рима и Византіи. Здѣсь же разыгрался не одинъ актъ изъ борьбы христіанства съ язычествомъ, окончившейся также торжествомъ перваго надъ послѣднимъ. Позже, на развалинахъ дряхлѣющаго классическаго міра, возникаютъ здѣсь новыя государства изъ новыхъ элементовъ, но на старыхъ началахъ. Быстро возвышаются царства Симеона Болгарскаго и Стефана Душана, но также быстро и падаютъ, не успѣвши слить въ одно цѣлое разнородные элементы. Раздираемая династическо-родовыми расчѣтами и потрясаемая социальнорелигіозной разладицей, они оказываются слабыми, чтобы противостоять дикой силѣ азіатскихъ кочевниковъ, воодушевленныхъ религіознымъ фанатизмомъ и успѣвшихъ заручиться плодами арабской и византійской цивилизаціи. На разва-

линахъ христіанскихъ храмовъ и дворцовъ становятся мечети, гаремы, бани, базары...

Коссовская битва, рѣшившая участь Сербскаго царства, была только началомъ цѣлаго ряда войнъ, сопровождавшихся самыми ужасными кровопролитіями и опустошеніями, въ теченіи пяти столѣтій, и мы не можемъ сказать — окончившихся въ наше время. Театромъ этой пятивѣковой войны, прерываемой только болѣе или менѣе продолжительными перемиріями, была опять Сербія—прибрежья Савы и Дуная и долины Моравы, Дрины, Колубары и Тимока. Сава и Дунай составляли вѣчный фронтъ двухъ армій—мусульманской Турціи и христіанской Австро-Венгрии. То первая овладѣвала этимъ фронтомъ и доходила до Вѣны, то вторая проторгалась за него и приближалась къ Стамбулу...

Въ Бѣлградѣ, какъ въ фокусѣ, постоянно сосредоточивались всѣ силы и стремленія борющихся сторонъ; тамъ видны до сихъ поръ слѣды поперемяннаго перехода его изъ рукъ въ руки: на глубинѣ трехъ и болѣе саженъ находятся остатки римскихъ построекъ; груды мусору и полуразвалившіяся мечети свидѣтельствуютъ о послѣдующемъ господствѣ турокъ; остатки дворца принца Евгенія и укрѣпленія Лаудана завѣщаны господствомъ Австро-Венгрии; слѣды древняго Сербскаго царства составляютъ только монастыри и храмы, служившіе царямъ станціями и пріютами для отдохновенія, а ихъ преемникамъ, бѣдной сербской райѣ, впоследствии они послужили убѣжищемъ и крѣпостями, изъ которыхъ добыта сербская независимость. Рядомъ съ шанцами Лаудана помѣщаются и окопы Чернаго Георгія.

Въ исторіи этой страны нѣтъ потому почти ни одной отрадной страницы: одна война, одни междоусобія, сопровождаемые кровавыми сценами; Сербія страдала и отъ турокъ, и отъ христіанъ, иногда вдобавокъ, природныхъ сербовъ. Исторія Сербіи есть исторія ея мученичества...

При всемъ несомнѣнномъ сочувствіи нашего общества къ судьбамъ соплеменныхъ намъ народовъ, мы должны однако знать, что такому сочувствію далеко не соответствуетъ наше знакомство съ ихъ современнымъ положеніемъ и условіями ихъ быта. Еслибы у насъ кто-либо и захотѣлъ поближе познакомиться со страной и народомъ, интересующими въ настоящій моментъ всю Европу, то въ русской литературѣ не найдется почти ничего, кромѣ сочиненій Гильфердинга, который только отчасти знакомитъ насъ съ современною жизнію сербовъ, а за тѣмъ двѣ-три книги, какъ у гг. Майкова и Попова, носятъ на себѣ характеръ спеціально ученаго, историческаго сочиненія. Мы не имѣемъ карты.

Развѣ у кого-нибудь удѣляди почти лубочныя изданія карты Турціи, сдѣланныя съ спекулятивною цѣлью по случаю крымской кампаніи. И теперь, если дѣла продлятся, навѣрное не замедлятъ появиться такія же, которыя бѣють больше на наглядность, полагаемую въ яркости красокъ и аляповатости.

Другое дѣло — у нѣмцевъ.

Возьмемъ, на примѣръ, хоть Тёммеля «Историческое, политическое и т. д. описаніе Босніи вмѣстѣ съ турецкою Кроаціей, Герцеговиной и Старой Сербіей». Онъ писалъ на основаніи очень многихъ сочиненій на разныхъ языкахъ, между которыми стоитъ и русское, «очень важное произведеніе бывшаго русскаго консула въ Сараевѣ, А. Гильфердинга»; тамъ, гдѣ дѣло касается исторіи, онъ заглянулъ въ самые источники; книга эта написана не для ученыхъ спеціалистовъ и не для любителей занимательнаго чтенія, а для людей, желающихъ серьезно познакомиться съ краемъ. Поэтому его книга, при чрезвычайно сжатомъ объѣмѣ (210 стр. in 8°), очень полна и увѣсиста. Послѣ историческаго обзоренія каждой страны, онъ даетъ полное описаніе ея топографіи со статистикой; затѣмъ идетъ административное дѣленіе, пространство, населенность, политическія отношенія между собою и къ туркамъ, культура, школа, нравы, образъ жизни, земледѣліе, торговля и т. д. «Сербія» Каница, помимо ея субъективностей, также довольно обстоятельное описаніе Сербскаго княжества. Оно бѣетъ, правда, на литературность, но главная задача — удовлетворить извѣстной дѣловой цѣли, а не пустому дилетанству.

Для насъ современныя событія въ Герцеговинѣ нѣчто нечаянное, не потому, конечно, чтобы ихъ такъ трудно было предвидѣть, а просто потому, что намъ вообще было не до нихъ, и о герцеговинцахъ мы никогда не задумывались; австрійцы же прямо готовились къ этому. Въ прошломъ году одинъ гонведъ, нѣкто А. Теретянскій, издалъ довольно плотную брошюру, подъ заглавіемъ: «Стратегическое положеніе сербо-боснійскаго и болгарскаго военнаго театра по отношенію къ австро-венгерскому государству»; онъ мотивируетъ свое изданіе такимъ образомъ: «такъ какъ все увеличивается признаки бури, которая рано или поздно должна разрѣшиться надъ Венгріей, то я предпринялъ въ общихъ очеркахъ освѣтить съ военной точки тотъ пунктъ, гдѣ собираются грозовыя тучи, и являюсь теперь передъ публикой съ этимъ скромнымъ трудомъ, который не имѣетъ претензіи на оригинальность, а составляетъ сводъ свѣдѣній изъ тѣхъ книгъ и статей, которыя касаются упомянутыхъ краевъ». Сочиненіе это напеча-

тано въ прошломъ, а написано еще въ 1873 г. Послѣ общаго описанія каждаго края въ отдѣльности, А. Теретянскій указываетъ и оцѣниваетъ его стратегическое значеніе, даетъ цѣлые маршруты, съ расчисленіемъ, сколько до какаго мѣста можно сдѣлать переходовъ, какія затрудненія можно встрѣтить въ продовольствіи или смотря по времени года. Онъ принимаетъ въ соображеніе прежніе походы, въ особенности останавливается на войнѣ 1853 и 54 гг. Все сочиненіе проникнуто опредѣленною и нѣсколько нескрываемою цѣлью указать своимъ всѣ крѣпкіе и слабые пункты въ позиціи Австро-Венгріи по отношенію въ территоріи, занимаемой юго-славянами, и тамъ откровенно высказывается, что ожидается война если не съ турками, то со славянами.

Нѣмцы имѣютъ, наконецъ, превосходную карту Киперта, изд. 1871 г., при составленіи которой онъ руководился не только изданными уже картами отдѣльныхъ частей, но и снимками съ неизданныхъ еще съѣмокъ, какъ, напр., карты Сербіи капитана — Йовановича, долины р. Моравы — Алексича, и между прочимъ отъ Штубендорфа, изъ русскаго генеральнаго штаба, ему доставленъ былъ фотографированный снимокъ съ маршрутной карты одного русскаго офицера (собственно, кажется, не русскаго, а хорвата Каталиничча).

Видно, что для людей это составляетъ серьезное дѣло, потому они такъ и стараются о распространеніи не столько чувствъ, сколько свѣдѣній, издають множество книгъ, которыя безъ сомнѣнія не только читаются, но и штудируются.

Впрочемъ, какъ ни мало мы знаемъ вообще о земляхъ юго-славянъ, но Гильфердингъ, знакомитъ насъ съ Босніею и Герцеговиною такъ, какъ ни одно сочиненіе на всѣхъ иностранныхъ языкахъ; слабѣйшую часть составляетъ топографія, но это было не его дѣло. Мы имѣемъ еще описаніе Черногорья г. Попова, который былъ тамъ до 1848 года, Е. Ковалевскаго и, кромѣ того, было нѣсколько журнальныхъ статей. Меньше всѣхъ посчастливилось въ этомъ отношеніи князеству Сербіи, о которой я знаю только статью В. И. Ламанскаго; но это не описаніе страны и народа, а скорѣе опредѣленіе и оцѣнка направленія ихъ интеллигенціи въ наукѣ, литературѣ и политикѣ.

Въ настоящее время Сербія становится весьма интереснымъ пунктомъ. Она находится болѣе чѣмъ между двухъ огней: она видитъ возставшую братію, которая, возставая, питала надежду, что ея свободные родичи не бросятъ ее на жертву; на ней лежитъ нравственный долгъ помочь своимъ не только ради ихъ,

но ради того, чтобы и самой черезъ то стать прочтѣе и раздвинуть тѣсную рамку, въ которую до сихъ поръ поставлена ея жизнь, какъ государства; а между тѣмъ съ двухъ сторонъ тотчасъ готовы налетѣть на нее Турція и Австрія. Воздержаться и на этотъ разъ, какъ уже случалось не однажды, и снова отказаться на неопредѣленное время отъ выполнения задачи юго-славянскаго Пьемонта! но не вызоветъ ли это домашней революціи? Что тогда? не повлечетъ ли это за собою опять вмѣшательство Австріи и Турціи? Положеніе Сербіи оченьъ трудное; задача правительства разсчитать и взвѣсить всѣ шансы и рѣшиться—*быть или не быть*.

Сербія не одинъ уже разъ попадаетъ въ такое положеніе: одинъ разъ, когда было движеніе въ Герцеговинѣ, когда Лука Вукаловичъ бился на Граховомъ, часть сербовъ княжества кинулась—было туда же; ихъ схватили и засадили въ тюрьму, а перубѣжчиковъ оттуда прогоняли; также поступило сербское правительство, когда было движеніе въ Босніи. То былъ актъ *высокой политики*, которой держалось сербское правительство при покойномъ князѣ Михаилѣ; но эта высокая политика отнимала у Сербіи популярность въ родственныхъ ей краяхъ и вызывала неудовольствіе въ своихъ патріотахъ. Высокая политика эта зашла такъ далеко, что общее неудовольствіе въ краѣ дошло до послѣдняго предѣла, и кризисъ завершился *тончидерской катастрофой*.

Въ настоящее время Сербія находится въ положеніи, подобномъ тому, въ какомъ она была 8 лѣтъ назадъ; но теперь дѣла крупнѣе, положеніе правительства по отношенію къ внѣшнимъ дѣламъ затруднительнѣе; оно слабѣе, но тѣмъ лучше: перемѣна министерства составляла уже уступку требованіямъ края, и въ этой уступкѣ было его спасеніе, а новое министерство вовсе не такъ радикально, какъ многіе думаютъ: всѣ эти личности играли уже роль тотчасъ по убіеніи князя Михаила и тогда не были ни красными, ни крайними, какими представляетъ ихъ себѣ князь; съ тѣхъ поръ эти лица еще больше унялись. Вопросъ только въ томъ, насколько радикальны требованія народа, насколько движеніе въ Герцеговинѣ и Босніи успѣло затронуть сердца и головы въ княжествѣ. Думаю, что это не зашло еще слишкомъ далеко: кромѣ образованной молодежи и людей, кровно связанныхъ съ возставшими краями, мало кто будетъ рваться въ бой. Сербскій народъ теперь не тотъ, какимъ онъ былъ во времена Чернаго-Георгія: онъ тогда не имѣлъ ничего и нужно было добиться чего-нибудь, а терять было нечего; теперь же онъ ус-

цѣль обжиться и кое-что понажить, и рисковать тѣмъ, что имѣеть, охотно не станеть.

Сужу о настоящемъ по близкому прошлому, свидѣтелемъ котораго мнѣ привелось быть именно при подобномъ же положеніи. Воспоминанія объ этомъ прошломъ, запоздалыя по времени, но весьма аналогическія и вовсе не лишнія, потому что это прошлое мало кому у насъ извѣстно, — я предлагаю нашимъ читателямъ, съ цѣлью дать хоть нѣкоторое понятіе о странѣ и народѣ, играющихъ роль въ событіяхъ дня.

Пишу, не имѣя подъ руками для помощи памяти ни одного лоскутка изъ путевыхъ записокъ и замѣтокъ, которыя по обстоятельствамъ остались въ Сибири. Поэтому представляю только общіе очерки, иногда забываю названіе или не припомню числа. Казалось бы, что при этомъ всѣ мелочи должны совершенно изгладиться изъ памяти и остаться одни крупныя черты и факты, а случается наоборотъ: какая-нибудь мелочь, картинка не цѣлаго ландшафта, лицо, ничего не значущій разговоръ—такъ крѣпко засѣли въ памяти, точно сейчасъ вижу или слышу. И вотъ, такую-то мелочь, если она характерна, поневолѣ буду допускать въ разсказѣ и восполнять ею недостатокъ забытыхъ болѣе крупныхъ чертъ.

Говорить о географическомъ положеніи Сербіи, я думаю, будетъ лишнее, такъ какъ всѣ газеты заняты теперь описаніемъ всѣхъ этихъ странъ, дѣлающихся театромъ войны; но не лишнее будетъ, для связи, разсказать, въ какомъ положеніи и настроеніи находилось княжество въ то время, когда я предпринялъ путешествіе.

I.

Въ мартѣ 1867 г. пріѣхалъ я въ Бѣлградъ и поселился въ гостинницѣ «У короны», недалеко отъ Кали-Мейдана—площади, отдѣляющей городъ отъ крѣпости. Домъ, гдѣ была эта гостинница, принадлежалъ Карагеоргіевичу, жившему въ Венгрии въ качествѣ прогнаннаго эрксъ-князя. Устройство и порядокъ гостинницы такіе же, какъ во всѣхъ австрійскихъ гостинницахъ: буфетчикъ сербъ изъ *прека*, прислуга—дѣвушки, не получавшія вдобавокъ никакого жалованья, ни содержанія. Домъ большой, хорошій, но большую часть времени пустой; кое-когда только заѣзжалъ кто-нибудь переночевать одну ночь, и то потому только, что всѣ другія гостинницы заняты.

Впослѣдствіи мнѣ это объяснилось.

Его избѣгали всѣ именно потому, что онъ принадлежалъ Карагеоргіевичамъ: останавливаться въ этой гостинницѣ — значило поддерживать прогнанную династію и въ нѣкоторомъ смыслѣ дѣйствовать противъ династіи господствующей.

А между тѣмъ, пользуясь пустотой, приверженцы Карагеоргіевичей, или, вѣрнѣе, противники Обреновича, въ числѣ которыхъ былъ и хозяинъ гостинницы, собирались тамъ, и за чашами *чернаю* (*краснаю*) вина, также изъ имѣній Карагеоргіевича, совѣщались о томъ, какъ бы затѣять *буну* (возмущеніе): князя отправить *преко Саве*, министровъ его, конечно, сбросить, на мѣсто засѣсть самимъ, а на княжеское мѣсто посадить сына Карагеоргіевича *Петра* (Петра).

Въ другихъ мѣстахъ шли совѣщанія по тому же предмету, только въ другомъ родѣ: были люди, которые не хотѣли никого изъ Карагеоргіевичей, а думали установить республику, благо народная *скупштина* есть; она же назначить отвѣтственныхъ министровъ, выработаетъ весь порядокъ и вообще вступить только во всѣ свои права, которыя оттягали у нея Обреновичи. Были, однако, и еще претенденты прямо на княжеское мѣсто. Партій было много и въ различныхъ сферахъ: въ либеральной, не раздѣляющей никакихъ династическихъ соображеній, въ старой консервативной, вздыхавшей о прежней династіи, въ министерской и эрксъ-министерской, въ кружкѣ совершенно отдѣльномъ, готовившемъ создать новую династію; однимъ словомъ, партій и претендентовъ было множество.

Но скоро выдвинулась одна, такъ-называемая либеральная

партія (я говорю — *такъ-называемая*, потому что тутъ были люди крайне консервативнаго забала, а либералы играли роль второ-степенную; они даже не дѣйствовали, и привлечены были только какъ люди полезные для увлеченія молодежи, которая могла агитировать въ народѣ), и всѣ остальные притихли: каждая изъ нихъ сочла болѣе удобнымъ предоставить одной либеральной партіи произвести переворотъ, а потомъ ужъ въ мутной водѣ ловить рыбу, не рискуя предварительно съ своей стороны ничѣмъ. Для этого всѣ они, въ этой активной партіи, постарались имѣть своего человѣка, который ихъ обо всемъ оповѣщалъ, и въ роковой моментъ дѣйствительно всѣ были на своихъ мѣстахъ; но одинъ перехитрилъ всѣхъ, и либералы заплатились тѣмъ, что живьемъ выдали своихъ, вторыхъ разстрѣляли — кого на *Карабурнѣ* (за городомъ), кого подъ крѣпостью; и сначала, въ страхѣ іудейскомъ, рады были пристать ко всему, только бы спасти свои божи, а потомъ, мало-по-малу очнувшись, сочли за лучшее примириться съ настоящимъ положеніемъ и пошли на компромиссъ съ новымъ правительствомъ, чтобы подавить окончательно всѣхъ носившихъ на себѣ печать стараго режима, и добились того только, что тотъ же самый режимъ сталъ проводиться новыми людьми.

Люди истинно либеральные, конечно, скоро поняли свое, можно сказать, глупое положеніе, снова возвратились къ самимъ себѣ, отдались наукѣ, литературѣ, школѣ, молодежи, которую сначала оттолкнули — было отъ себя, и мало-по-малу возстановили свою репутацію въ странѣ, въ народѣ, который одно время вѣрилъ имъ, а потомъ извѣрился.

Либералы готовили переворотъ или, вѣрнѣе, подготавливались къ нему, помогая другимъ и не зная вполне, какимъ путемъ онъ будетъ произведенъ; иные изъ нихъ не знали даже, когда это должно произойти: одинъ, напримѣръ, выѣхалъ изъ Бѣлграда какъ разъ наканунѣ катастрофы и, какъ оказалось, ничего не подозрѣвалъ о томъ, что должно было совершиться; искренность его видна въ томъ, что онъ тогда же вернулся назадъ, когда одинъ изъ его близкихъ друзей былъ уже взятъ и вскорѣ послѣ того разстрѣлянъ. Это была какая-то игра въ жмурки: на одномъ изъ совѣщаній было лицо, составлявшее правую руку одного изъ министровъ, котораго рѣшено было убить, и это лицо, когда рѣшался вопросъ о томъ, какъ поступить съ княземъ, говорило:

— Пуля, пуля — одинъ конецъ! — Это лицо осталось не тронутымъ.

Заговоръ такимъ образомъ дѣлался чуть не на улицѣ; о немъ знали

всѣ. Въ иностранныхъ газетахъ были очень прамыя указанія, что Сербія стоитъ наканунѣ переворота. Были, говорятъ, письма къ метрополиту, и онъ представлялъ ихъ князю; письма были и самому князю. Крѣпко вѣруя въ неусыпную бдительность своей полиціи, которая подъ министерствомъ Николы Христича отправляла всевозможныя политическія и общественныя функціи, князь былъ спокоенъ.

Странную смѣсь представляла Сербія, какъ политическій организмъ. Князь, призванный народомъ, преданнымъ ему, какъ сыну народнаго героя, сподвижники котораго не сошли еще въ могилу, не вѣрять народу, попираетъ его права въ лицѣ скупщины, и окруживъ себя бюрократіею на австрійской закваскѣ, замыкается въ своемъ *конакѣ* (дворцѣ) и остается глухъ и слѣпъ ко всему, что дѣлается въ странѣ. Все вниманіе сосредоточено на полиціи и войскѣ. Вся Сербія обратилась въ огромное полицейское управленіе. Всѣ функціи въ ней, не только полицейскія, но судебныя и экономическія, отправлялись окружными начальниками (родъ нашихъ исправниковъ) и *капетанами* (становыми приставами) со стаею жандармовъ и *пандуровъ*, власти которыхъ не было предѣла. По Сербіи шагу нельзя было сдѣлать безъ паспорта, и даже капетанъ, зарвавшійся въ чужой округъ, преслѣдуя воровъ и убійцъ, отрѣшался отъ должности (конечно, онъ былъ уже прежде намѣченъ, какъ неблагонадежный). Каждый поселянинъ, какое бы ни встрѣтилъ новое лицо, требовалъ паспорта, хотя не умѣлъ бы читать. Быстро также развилась страсть къ даванью и полученію векселей: самыя мелкіе грошовые счета дѣлались на бумагѣ; потребность въ письмѣ явилась огромная; а при малораспространенной грамотности явилась масса фальшивыхъ документовъ. Вся Сербія обратилась къ тяжбамъ. Открылось широкое поле для сутягъ. Пользуясь поголовнымъ сутяжничествомъ, чиновники извлекали выгоды, не стѣсняясь самыми безстыдными средствами. Одинъ чиновникъ цѣлое окружье такъ опуталъ, что не осталось ни одного почти селенія, въ которомъ всѣ не были бы въ тяжбѣ между собою, и онъ положительно грабилъ всѣхъ, начиная съ настоятелей монастырей и до послѣдняго бѣдняка, который, чтобы заплатить за тяжбу, долженъ былъ продать послѣднюю козу. Все было въ его рукахъ, и это сходило ему долго, пока онъ не расхвасталъ, что у него въ рукахъ и министръ Н. Христичъ. Тогда только его отрѣшили и безъ достаточныхъ, впрочемъ, уликъ въ мошенничествахъ засадили въ тюрьму въ Топчидерѣ, гдѣ онъ нашелъ себѣ компанію, чтобы оставить заговоръ. Съ поразительнымъ цинизмомъ онъ заявлялъ,

что по совѣсти онъ виноватъ, но по суду съ нимъ поступили незаконно.

Промышленности въ странѣ никакой, торговля вся основана на торгашествѣ и плутнѣ; то и дѣло злостныя банкротства, земледѣліе упадаетъ, страна наполняется паразитами. Печать задушена. Цензура распространена даже на орфографію. Частное мнѣніе доносится министру и князю, и если оно имъ не по вкусу, сопровождается преслѣдованіемъ. Шпіонство кругомъ. Общественной жизни никакой.

«Скупштина» — законный органъ страны — обратилась въ пистой парадъ, на которомъ дебютировали министры и ихъ клереты, а остальные члены были безгласными свидѣтелями. «Сербская Омладина», задачу которой составляло объединеніе сербства и нисколько не касалось политическаго строя и социальныхъ отношеній, заподозрѣна, и ея собраніе, въ Бѣлградѣ, разогнано. Рядомъ съ этимъ совершались колоссальныя кражи и мошенничества въ военномъ министерствѣ, на которомъ, послѣ полиціи, сосредоточено было все вниманіе правительства.

Какой-то общій гнѣтъ, тяжелое чувство выносили всякій, кому въ то время приводилось жить въ Бѣлградѣ и возвращаться въ различныхъ сферахъ.

А между тѣмъ, нѣсколько милліоновъ славянскаго населенія ожидало отъ этого юнаго государства своего освобожденія и готово было отдаться ему безъ завѣта и договора. Сербія считалась юго-славянскимъ Пьемонтомъ, и ея правительство прежде всѣхъ чувствовало въ себѣ то же призваніе.

Въ то время, когда я былъ въ Бѣлградѣ, движеніе было въ Болгаріи, или собственно въ Македоніи, но производилось пайками болгарскихъ хайдуковъ, подъ предводительствомъ знаменитыхъ Иля, Панайота, Тоты и др. Потомъ эти герои явились въ Бѣлградъ, гдѣ получали содержаніе отъ правительства и предполагалось, что, когда изъ Сербіи двинутся отряды, они будутъ путеводителями; тамъ же находилась цѣлая болгарская рота, чтобы приготовить изъ нихъ офицеровъ. Проживали агенты отъ болгарскаго комитета. Говорили, что изъ Россіи привезено было оружіе, болѣе 100 или до 200,000 тульскихъ ружей, которыя пошли на передѣлку въ Крагуевацѣ, гдѣ на оружейномъ заводѣ шла кипучая работа. Послѣ все это оказалось пуфомъ. Выводились огромные счета, но дѣлалось мало и плохо. А между тѣмъ, по видимому, Сербія сильно вооружалась. И все это дѣлалось, будто бы, по тайному договору съ Россіей. Русскіе инженеры и артиллеристы пріѣзжали туда, чтобы увидѣть, что сдѣлано уже, и что-

бы помочь сербамъ совѣтомъ, знаніемъ и опытностію. Это было всего курьезнѣе: сербъ былъ въ Парижѣ и Берлинѣ, а тутъ русакъ пріѣзжаетъ обучать его; обидно! Такихъ нежеланныхъ совѣтниковъ отъ души ненавидѣли и принимали самымъ сквернымъ образомъ, какъ не принимали послѣдняго шваба; а между тѣмъ говорили, что это дѣлается только для вида, чтобы иностранцы не узнали объ интимныхъ отношеніяхъ Сербіи съ Россіей. Не знаю, какъ чувствовали себя наши офицеры, но все это было въ духѣ «великой политики».

И тутъ опять является игра въ жмурки. Очевидно было, что все, что ни дѣлается, извѣстно иностраннымъ консуламъ изъ самаго близкаго къ дѣлу источника. Интимныя отношенія у сербскаго правительства были съ Калаемъ, венгерскимъ консуломъ, а также съ французскимъ консуломъ, съ русскимъ же велись какія-то тайныя дѣла только для виду. Все равно какъ для виду только держали и болгарскихъ вождей: имъ говорили, что имъ поручать вести отряды противъ турокъ; а туркамъ сообщали, что они нарочно отвлекаютъ ихъ, чтобы дать краю успокоиться. Въ такихъ же ложныхъ ожиданіяхъ, какъ болгары, вращались въ Бѣлградѣ и черногорцы. Придетъ ли кто изъ Старой Сербіи, изъ Македоніи — все это призывается къ Блазнавацу, военному министру, и тотъ развиваетъ передъ ними картину будущаго освобожденія, только нужно, чтобы они уже впередъ присягнули на подданство Сербіи и повременили немного, когда заготовятъ достаточно оружія и боевыхъ снарядовъ, а надъ этимъ работаютъ день и ночью. Простота вѣрила, и имя Михаила произносилось всюду съ надеждой и благоговѣніемъ. Блазнавацъ рисовался сербскимъ Гарибальди; былъ, конечно, и свой Кавуръ.

Скоро однако эта игра въ жмурки надоѣла всѣмъ. Надоѣли Блазнавацу и черногорцы, и болгары. Сталъ онъ ихъ спроваживать; а болгаръ въ одно прекрасное утро за то, что они не хотѣли исполнять черныхъ работъ и требовали наеоящаго ученія, вздули палками. Возмутились несчастные и всѣ сразу двинулись вонъ изъ братскихъ объятій. Агенту ихъ много хлопотъ стѣбло, чтобы удержать отъ скандала, потому что они готовы были на все: они хотѣли убить Блазнаваца, и хотя бы это имъ не удалось, но тѣмъ не менѣе дѣло не обошлось бы безъ кровопролитія, что между братьями было бы крайне неловко.

Все это однако передъ свѣтомъ было скрыто. За предѣлами Сербіи публика увѣрена была, что Сербія готовится къ бою. Поэтому симпатіи славянъ обращались къ ней. Тогда же явился чкъ Крнка, предлагая свое скорострѣльное ружье, которое при

достаточной скорости отличалось простотою и грубостью механизма, что предохраняло его отъ скорого полома и порчи. Его привяли, поводили за носъ, выудили изъ него, что было нужно, и отпустили ни съ чѣмъ. Впослѣдствіи туда явился одинъ русскій музыкантъ, дававшій концертъ во дворцѣ абиссинскаго короля, съ предложеніемъ особенной системы ружья, съ помощію котораго одинъ будетъ убивать 500 чел., и турки будутъ непремѣнно прогнаны; тогда нужно будетъ возстановить византійскую имперію съ царемъ изъ русскаго царствующаго дома.

Забрелъ какъ-то русскій офицеръ, чтобы попасть въ волонтеры; натерпѣвшись всякой нужды, онъ радъ-радъ былъ, что его на время прикомандировали на оружейный заводъ въ Крагуевцѣ. Всѣхъ принимали, всѣмъ подавали надежды.

Является туда и еще одинъ соотечественникъ въ началѣ мая: настали жары, а онъ въ ватной шинели съ мѣховымъ воротникомъ; тоже прибылъ искать какого-то дѣла. Но въ это время близились уже къ разрѣшенію дѣла другого рода, въ которыхъ ему было бы неловко, и его постарались выпроводить, чтобы онъ не попалъ въ какую-нибудь кашу, какъ кура во щи, да еще далъ бы поводъ говорить, что Россія посылала своихъ эмиссаровъ дѣйствовать противъ сербскаго правительства, о чемъ и поговаривали.

Откуда-то явился хорватъ, когда-то участвовавшій въ возстаніи въ Босніи, тоже, видимо, пронюхавшій о какомъ-то дѣлѣ.

Хаживалъ ко мнѣ одинъ отставной *капетанъ* (становой); въ синемъ вицмундирѣ, съ красными кантами и желтыми пуговицами и въ фесѣ на головѣ, и вели мы съ нимъ бесѣду о томъ, какъ бы высвободить нашу славянскую братью изъ-подъ турецкаго ига, и тутъ же сообщалъ, какъ все больше и больше растетъ недовольство въ Сербіи противъ правительства, какъ оно безтактно поступаетъ и у себя дома, и во внѣшней политикѣ. Когда я ему замѣчалъ, что при такомъ положеніи нечего и думать объ освобожденіи турецкихъ славянъ, онъ всегда отвѣчалъ мнѣ съ нѣкоторою запальчивостію: «Ама, вѣруйте ми, битье-то, битье (будетъ)» — но всегда добавлялъ, что прежде должно совершиться еще что-то другое. Это былъ намекъ на переворотъ, котораго всѣ ожидали. Бродя съ нимъ по улицамъ, мы встрѣчали много новыхъ лицъ, съ которыми со всѣми онъ былъ знакомъ и раскланивался. И неудивительно: въ такомъ маленькомъ государствѣ всѣ между собою знакомы. Нѣкоторыхъ онъ называлъ мнѣ по именамъ, видимо, желая обратить мое вниманіе на

нихъ. Много народу съѣзжалось изъ провинціи по разнымъ дѣламъ, но въ сущности всѣхъ привлекало одно какое-то дѣло.

Полиція этого не могла не знать и не замѣчать: она и знала, и имѣла, но, какъ полагали, ждала, чтобы дѣло довести до конца, дать побольше собраться народу и тогда уже накрыть всѣхъ сразу. Для этого только.

Никола Христочъ, не позволявшій никому заживаться въ Бѣградѣ безъ особенной надобности, допустилъ сборище болѣе обыкновеннаго и впередъ торжествовалъ свою побѣду. Онъ сообщилъ свой планъ князю, и тотъ былъ вполне спокоенъ и увѣренъ, и также впередъ торжествовалъ. А между тѣмъ ожиданіе охватывало всѣхъ.

Бывало, чуть услышишь бой барабана не въ урочный часъ, бѣжишь смотрѣть, не произошло ли чего: оказывается что же: аукціонъ или объявленіе какого-нибудь указа. Часу въ сельмомъ публика всегда собиралась на Брачарѣ противъ инженерныхъ казармъ, тамъ, гдѣ шла дорога въ Топчидеръ, по которой объ эту пору обычно проѣзжалъ князь со своею племянницей, молодой, очень красивою дѣвушкой. Публика собиралась не даромъ, а все чего-то поджидала. Ждетъ, бывало, публика часовъ ю девяти; выйдуть трубачи изъ казармъ, къ воротамъ, проиграютъ сначала маршь «Всадники други», потомъ «Коль славенъ», и за тѣмъ одна труба прокричитъ нѣсколько вызывающихъ звуковъ, пробьетъ барабанъ зорю; все стихнетъ; а публика ждетъ, когда князь проѣдетъ обратно, и разойдется ужъ поздно.

Такъ было въ первыхъ числахъ мая. Зажился я въ Бѣградѣ, дожидаясь только весны, чтобы пуститься въ глубь страны; въ концѣ апрѣля смѣло уже можно пуститься въ путь, не боясь никакихъ невзгодъ; подождалъ еще дня три, думалъ, что будетъ, и наконецъ рѣшился отправиться: и надоѣло отчасти, и нужно же видѣть край и народъ. Наканунѣ простился со своими пріятелями, которымъ невозможно было проводить меня, такъ какъ всѣ они были люди занятые по утрамъ; пришелъ ко мнѣ только мой пріятель старикъ. «Идите съ Богомъ,—говорилъ онъ мнѣ,—здѣсь вы не увидите настоящихъ сербовъ; здѣсь народъ франъ, трусъ, торгашъ; еслибъ не дѣла, сейчасъ бы отсюда бѣжали; здѣсь всякое дѣло тянуть»—и началъ онъ мнѣ рассказывать о какомъ-то дѣлѣ съ Христочемъ.

— Да вы что мнѣ о Христочѣ говорите; вы мнѣ скажите, когда у васъ будетъ то, чего вы всѣ ждете?

— Ничего не будетъ у насъ, а если и будетъ, то конецъ будетъ скверный. Сонъ мнѣ видѣлся такой, по которому я знаю,

что будетъ северно. Нынѣшнюю ночь приснилось мнѣ, будто я сижу въ какой-то темной и холодной комнатѣ.

— Ну такъ что-жь?

— А то, что этотъ же самый сонъ я видѣлъ, когда мы хотѣли прогнать Карагеоргіевича. Дѣло не удалось; наши струсили; меня бросили въ тюрьму; морили девять мѣсяцевъ и приговорили въ смертной казни; а тутъ какъ разъ его и сбросили; опоздай на одинъ день, меня бы не было. А теперь я не надѣюсь ни на кого, ни на что.

— Зачѣмъ же вы идете?

— Э, брате, шта тью! — отвѣтилъ онъ — пожимая плечами, т.-е. не знаю, что отвѣтить: нужно, долженъ.

Поговорили мы съ нимъ о томъ, что не слѣдуетъ вѣрить снамъ; что по сербской пословицѣ «санъ е лажа (ложь), Богъ е истинно»; но старикъ мой видимо былъ смущенъ своимъ роковымъ сномъ, который безъ сомнѣнія навѣялъ ему то обстоятельство, что дѣло, которому онъ служилъ, не клеилось, между самими заговорщиками видны были рознь, несогласіе и нерѣшимость. И еще его смущало то обстоятельство, что съ ними замѣшался монахъ.

— Боюсь я этого монаха. Въ немъ капли крови нѣтъ, а говорить, такъ пламя мечеть. Боюсь я его.

Было ли то темное предчувствіе или сознательное предвидѣніе, когда человѣкъ видитъ ложь, но по долгу присяги вѣрить; потомъ я видѣлъ его уже между подсудимыми; но объ этомъ послѣ.

Я стремился вонъ изъ Бѣлграда, чтобъ видѣть скорѣе край и народъ, чтобъ отдохнуть и освѣжиться послѣ тяжелаго чувства, давившаго cadaго въ Бѣлградѣ.

II.

Около 8-ми ч. утра я былъ уже на пристани, на Савѣ. Движенія было еще мало: два-три *хамала* (носильщики) и *рабаджии* (возчики владей) составляли всю почти публику; отправляющихся было не много и еще меньше провожающихъ. Но мой знакомый старикъ въ красномъ фесѣ и свѣтло-синемъ полицейскомъ вицмундирѣ былъ уже тутъ. Оказалось, что онъ пришелъ проводить меня и сказать два-три слова. Видъ его былъ веселый, сіяющій; совсѣмъ не такой, какимъ я его видѣлъ наканунѣ. «Должно быть, видѣлъ хорошій сонъ», подумалъ я про себя.

Послѣ обычныхъ привѣтствій и пожеланій мнѣ вполнѣ воспользоваться и насладиться предстоящимъ путешествіемъ, онъ добавилъ: «изъ Шабаца вы не уѣзжайте скоро; тамъ вы услышите нѣчто дивное, и тогда поспѣшите обратно въ Бѣлградъ. Вамъ, какъ наблюдателю, будетъ что видѣть и передать своимъ: вы увидите тогда, каковъ сербскій народъ; а вы намъ также будете нужны». Дальнѣйшіе разспросы были бы съ моей стороны нескромностью, и я отправился въ ожиданіи чего-то. Австрійскій пароходъ, помнится, «Делиградъ», — небольшой и довольно грязный, медленно тащился противъ теченія рѣки, какъ-бы намѣренно давая намъ налюбоваться видомъ Бѣлграда; да и рѣка повилаась такъ, что, сколько ни ѣдешь, все возвращается къ прежнему мѣсту.

Мутно-зеленоватая Сава, гладкая какъ зеркало, не вошла еще вполнѣ въ свое русло: тамъ осталось отъ разлива длинное озеро, въ видѣ протока; тамъ шелъ заливъ, а мѣстами только-что выступившая изъ-подъ воды почва успѣла уже покрыться яркою, свѣжею зеленью или сплошь, какъ снѣгомъ, укрылась бѣлою звѣздчаткой. Лѣвый (австрійскій) берегъ плоскій, низкій, чрезвычайно лустъ; только вдали кое-гдѣ виднѣется колокольня церкви или во гривѣ танутся рощи и среди ихъ гдѣ-нибудь чуть замѣтно выдѣтся деревенка. Бѣлыя чайки вьются надъ нами; а по берегу безопасно бродить цапля, лакомясь по мелкому заливу различною водяною снѣдью; завидѣвъ и заслышавъ пароходъ, она отбѣжала отъ берега, поворотилась къ намъ задомъ, подогнула ноги, собираясь летѣть, но пароходъ отвернулъ, и она снова спокойно предалась своему занятію.

Но что за растительность на островахъ?! Они сплошь поросли дубомъ, темная шапка котораго, какъ кудрями, убрана свѣтлою зеленью диваго винограда, а середина его, сажени на двѣ вышины, залита ярко-пурпуровымъ цвѣтомъ шиповника, который, пробиваясь къ свѣту сквозь гущу его вѣтвей и темной листвы, обсыпалъ его своими цвѣтами. По лугу трава выше колѣна, и съ разноцвѣтнаго ковра его по-временамъ обдаетъ ароматомъ. Живни только мало. На разстояніи болѣе ста верстъ отъ Бѣлграда до Шабаца только и есть одно мѣстечко Палежъ или Обреновицъ, да еще два-три селеньца; а то все лѣсъ да низменный лугъ. Кое-гдѣ только подъ лѣсомъ попадаются уединенныя полосы посѣвовъ ржи или пшеницы.

Медленно тащится пароходъ. Сколько ни ѣдемъ, а все не можемъ уйти изъ виду Авала (гора надъ Бѣлградомъ, съ развалиной стараго зѣмка наверху); она будто гонится за нами: то

мы видимъ ее справа, то слѣва, то вдругъ она опередила насъ, будто идетъ къ намъ на встрѣчу или мы поворотили къ ней назадъ. Это все дѣлають извилины рѣки.

Общество на пароходѣ немногочисленно и не разнообразно по народностямъ, но костюмы замѣчательны смѣсью общеевропейскаго съ національнымъ. Одинъ въ черномъ скюртукѣ и съ краснымъ фесомъ на головѣ, другой, наоборотъ — въ полномъ сербскомъ костюмѣ, а на головѣ шляпа; буфетчикъ, рыжий еврей, старался изобразить изъ себя мадьяра и серба вмѣстѣ; только турокъ былъ вполне вѣренъ самому себѣ: на бритой головѣ — чалма, широкіе штаны, стяннутые у щиколки, мягкіе сапоги и сверху башмаки, въ рукахъ трубка на длинномъ чубукѣ. Сидитъ онъ на кучкѣ своего багажа и товара, покрытыхъ ковромъ, и покуриваетъ трубку на длинномъ чубукѣ, безъ цѣли и безъ смысла поглядывая на рулевого, какъ онъ ворочаетъ колесо, кладя руль направо, налево или совсѣмъ на бортъ.

Большая часть публики — торговцы сербскіе, шабачане и лозничане (изъ Лозницы), и турокъ-боснаецъ или собственно потурченецъ. Физиономія его не сербская: черные глаза, смотрящіе какъ-то тускло, не то важно, не то бессмысленно; носъ длинный, но плотно прилегающій къ лицу, скулы, нѣсколько больше выдающіяся, чѣмъ у серба, рѣдкіе усы, несмотря на то, что ему далеко за тридцать, длинная шея съ сильно выдающимся кадыкомъ, точно въ этомъ мѣстѣ она изломана. Когда онъ ходитъ по палубѣ, закинувши руки назадъ, и не выпуская ни на минуту чубука, голова у него сильно подается впередъ и держится гордо на изломанной шеѣ, а въ то же время наклоняется вмѣстѣ съ верхнею частью туловища. Особенность образа жизни и привычекъ, конечно, сообщили ему особенную физиономію, такъ что, во что бы вы его ни одѣли, вы сейчасъ признаете въ немъ турка или, по крайней мѣрѣ, не признаете въ немъ серба, какимъ онъ есть по происхожденію. Онъ даже говоритъ по-сербски, а по-турецки знаетъ только сказать привѣтствіе, ругань и кое-какъ молитвы.

— Какой ты турокъ, когда не умѣешь говорить по-турецки? — приставалъ въ нему шабачанинъ.

— Ни самъ рай, есамъ сарафъ, био самъ у Стамбуль на хаджилуку, а самъ добио цареве фермане ¹⁾, — отвѣтилъ потурченецъ, отчеканивая каждое слово и ударяя себя въ грудь, гдѣ,

¹⁾ Я не рай, я мѣняло, былъ въ Константинополѣ на богомольѣ и получилъ царскіе указы.

за паухой на зеленомъ шнурѣ, держаль дѣйствительно какую-то бумагу. Это разбогатѣвшій мѣняло изъ Банья-луки, успѣвшій разнаго рода одолженіями расположить къ себѣ мѣстные власти; затѣмъ онъ отправился въ Константинополь и тамъ исколоталъ себѣ право собирать поземельную дань.

Онъ ѣхаль изъ Константинополя и съ нимъ переводчикъ, шогавенькій *цинцаръ*, который говоритъ рѣшительно на всѣхъ языкахъ, употребляемыхъ на Балканскомъ полуостровѣ, и не знаетъ самъ, какой онъ народности. Цинцары родомъ болѣею частію изъ Македоніи, гдѣ смѣшались вмѣстѣ славяне, греки, румыны, албанцы и еще можетъ быть остатки какого-нибудь исчезнушаго народа; бродя по всему полуострову, они чувствуютъ себя всадѣ, какъ дома. Впрочемъ, специальность цинцаръ составляетъ содержаніе *механъ* (постоялыхъ дворовъ), и рядомъ съ этимъ уже идутъ всевозможныя другія занятія: торговля, хлѣбопашество, ремесло и т. д. Больше всего они любятъ называть себя эллинами, но, поселившись на постоянное жительство въ Сербіи, охотно превращаются и въ сербовъ.

Бесѣды велись крайне неинтересныя, все вертѣлось на торговлѣ въ самомъ узкомъ смыслѣ. Нѣкоторые изъ нихъ были въ Пештѣ и въ Вѣнѣ, но и тамъ для нихъ весь интересъ сосредоточивался на цѣнахъ различныхъ товаровъ.

Припоминая свои поѣздки, какъ сухопутныя, такъ и на пароходѣ въ предѣлахъ сербскихъ земель, я замѣчаю одну странность: я не встрѣчалъ никогда женщину; видно, что тамъ она крѣпко сидитъ у домашняго очага, отъ котораго боится оторваться, помня еще турецкія времена, когда это было дѣйствительно опасно. Такъ и въ этотъ разъ на пароходѣ не было ни одной женщины, ни дѣтей.

«Поневоля къ полю, воли лѣсу нѣтъ», говоритъ русская пословица; такъ и тутъ—поневоля приводилось смотрѣть на берега да на воду, когда общества почти не было. Къ сожалѣнію, и мѣстность была крайне однообразна. Впереди на перерѣзъ рѣки шли два хребта: въ сербскому берегу Церъ, въ австрійскому Фрушка-гора, и издали казалось, будто они сливаются, а по мѣрѣ того, какъ подвигались впередъ, они все раздвигались, и наконецъ мы плывемъ между ними, но берега такъ же плоски, какъ и были. Стали попадаться *байдаки* (плавучія мельницы), какія попадаются на Дунаѣ и Дравѣ, а у насъ на Дону и на Уралѣ. По лѣвую сторону отъ насъ стелется *Мачва*, обширная равнина, въ которой больше, чѣмъ во всѣхъ другихъ мѣстахъ, сѣется хлѣба, и потому она иначе не называется, какъ *урожайная*

Мачва. Глушь понемногу исчезаетъ; вмѣсто лѣса, вы видите только отдѣльно стоящіе обгорѣлые дубы и между ними всюду засѣянные поля. Рѣка разбилаь на островки, а тамъ показалась темною полоскою и стѣна Шабачкой крѣпости: сѣрая, низкая, на низкой мѣстности она совершенно не похожа на крѣпость, да и врядъ-ли можетъ считаться крѣпостью; вдобавокъ она во многихъ мѣстахъ разрушена.

Вотъ вамъ и Шабачъ.

Широкія улицы, чистенькіе домики, множество лавокъ, каменная выбѣленная церковь съ необыкновенно высокимъ шпицемъ, суетня на базарной площади, публика, воссѣдающая на скамеечкахъ передъ кофейнями, — все это вмѣстѣ сообщаетъ весьма живую и веселую фвізіономію этому окружному городку княжества, имѣющему до 2¹/₂ тысячъ жителей.

Особенность этого города та, что онъ меньше другихъ смотреть чисто сербскимъ городомъ; это замѣтно какъ въ его наружномъ видѣ, такъ и въ самой жизни; онъ больше всѣхъ другихъ напоминаетъ собою небольшіе городки или мѣстечки Баната или Срема. Отсутствіе оригинальности въ расположеніи и постройкѣ дѣлаетъ его мало интереснымъ. Пошелъ я въ церковь, гдѣ служба только-что кончилась; священники повели меня въ алтарь показывать ризницу, и между прочимъ показали сосудъ, пожертвованный русскимъ купцомъ (чуть ли не изъ Тулы), воздухи, шитыя русской барыней и еще нѣсколько вещей, присланныхъ изъ Россіи. А наконецъ, въ стѣнѣ церкви мѣдная доска съ надписью, въ которой значитъ, что она построена въ царствованіе такого-то турецкаго султана, при сербскомъ князѣ Милошѣ и подъ покровительствомъ русскаго императора Николая.

Въ Шабачѣ находится епископская каедрa, въ то время пустая, такъ какъ старый епископъ померъ, а новый еще не былъ назначенъ. Меня повели посмотреть его домъ. Домъ оказался запертымъ, а человѣка съ ключомъ не оказалось дома, и потому мнѣ привелось осмотрѣть его наружность, которая не представляла ничего особеннаго: довольно большой, длинный и, кажется, двухъ-этажный каменный домъ, со множествомъ оконъ и съ плоскимъ фасадомъ; вотъ и все тутъ. Но передъ нимъ садъ, составляющій дворъ, и въ немъ, рядомъ съ вустами розъ, я увидѣлъ желтыя гвоздики (шапки), кануперь, зарю (мобистонъ) и душистые васильки (базилика), которые составляютъ непремѣнную принадлежность каждаго огорода у малороссіянъ. Откуда такое сходство? занесено ли это духовными лицами, получающими образованіе въ Кіевѣ, или самостоятельная черта сер-

бовъ, указывающая на ихъ родство съ южно-руссами? На другой день мнѣ привелось наблюдать еще нѣкоторыя черты, также напоминающія Малороссію.

Горожане сами собою представляли для меня мало интереса, потому что въ нихъ я видѣлъ копіи бѣлградскихъ горожанъ, съ которыми я уже достаточно познакомился. Поэтому мнѣ хотѣлось скорѣе видѣть сельскій людъ.

Планъ мой былъ отправиться вверхъ по-надъ Дриной вдоль боснійской границы, потомъ выйти на Ужицу, оттуда перевалить въ долину Моравы и т. д. Но Мачва также отличается особенностями, какихъ нѣтъ въ другихъ мѣстахъ, и потому я рѣшился сдѣлать для нея отдѣльную экскурсію; но еще одинъ день остался, чтобы видѣть маневры. Утромъ (помнится, это былъ Ниволинъ день) была торжественная служба въ единственной церкви, а послѣ обѣдни черезъ городъ потянулось войско съ обозами артиллеріи: это была народная милиція, собравшаяся для обученія. Собрано было тысячъ до 6 милиціи: съ утра по улицамъ двигались отряды изъ различныхъ фезовъ (уѣздовъ) и нельзя было не замѣтить во всѣхъ ихъ рѣзкой разницы, какой трудно было бы ожидать, принимая во вниманіе незначительность района. Нѣкоторые отличались большимъ ростомъ, крѣпкимъ, воинственнымъ видомъ, какъ, напр., съ Поцерва: что ни солдатъ, то *юнакъ*; другіе были гораздо мельче, неуязвы, такъ и смотрѣли простыми *слакками*. Но всѣ были необыкновенно довольны, отдавались военному обученію съ любовью. Стоя на границѣ Босніи, они всѣ до одинаго проникнуты были мыслию объ освобожденіи своей братіи по-ту сторону Дрины. Тутъ случилось нѣсколько босняковъ, бѣдно одѣтыхъ въ истасканныя *цини* (верхняя одежда) и засаленные фесы, смотрѣвшихъ дѣйствительно какими-то пригнетенными *райями*; ихъ привѣтствовали всѣ, какъ почетныхъ гостей, угощали, водили всюду и, показывая маневры, утѣшали утѣреніями, что не въ дальнемъ будущемъ готовится ихъ освобожденіе. Воодушевленные мыслию о предстоящемъ освобожденіи славянъ изъ-подъ турецкаго гнета, сербы охотно несутъ военную повинность; съ обозомъ какого-нибудь батальона шло множество липняго народа, приходили даже женщины полюбоваться на своихъ сыновей, мужьевъ или братьевъ. Маневры эти, продолжающіеся дня три (въ промежутокъ времени между окончаніемъ пахаты и началомъ покоса) — не похожи на обычныя военныя ученія, это было какое-то празднество, нѣчто въ родѣ олимпійскихъ игръ древнихъ грековъ. Мѣткость выстрѣловъ артиллеріи была удивительная; но конница была не совсѣмъ подготовлена: одинъ

эскадронъ, встрѣченный выстрѣлами засѣвшаго пѣшаго отряда, весь разсыпался вслѣдствіе того, что лошади испугались, и при этомъ нѣсколько человѣкъ свалилось.

День былъ жаркій; движенія были бѣшенныя; пальба не прерывалась ни на минуту; нельзя было ничего видѣть въ дыму и въ пыли; и, только окончилось дѣло, раздался звукъ *сериалы* (деревянной дудки), и пошло *коло* (пляска). Вечеромъ въ каждой палаткѣ шелъ пиръ: печеная на рожкѣ баранина запивалась вкуснымъ поцерскимъ виномъ, лютаа паприка (красный перецъ) служила приправой ко всему: угощеніе это приносилось горожанами. Въ 9 часовъ пробили зорю; кругомъ поставлена цѣпь, и ужъ никто не выйдетъ изъ лагеря и не войдетъ въ него. Я не знаю солдата болѣе веселаго и болѣе исполнительнаго, чѣмъ сербскій солдатъ; его какъ будто самая жизнь дисциплинировала, онъ солдатъ по природѣ, по призванію. Поэтому, вольный и непокорный внѣ строя, сербъ дѣлается безусловно покорнымъ, какъ скоро вы успѣли поставить его въ строй. Этимъ воспользовался Блазнавацъ, какъ военный министръ, во время топчидерской катастрофы: извѣстивши по телеграфу о случившемся, онъ тотчасъ же, не давши народу одуматься, по телеграфу же поставилъ всю Сербію подъ ружье подъ предлогомъ, будто бы угрожаетъ нападеніе со стороны Турціи, и затѣмъ уже могъ дѣлать, что хотѣлъ. Блазнавацъ былъ истый сербъ; народъ зналъ объ его злоупотребленіяхъ, но любилъ его за его военныя затѣи, мечтая, что онъ изъ Сербіи создастъ такую силу, съ которой можно будетъ цѣлую Турцію разгромить и возсоздать царство Стефана Душана.

Затѣмъ я отправился въ экскурсію вверхъ по Савѣ, въ селеніе Дреновацъ, часахъ въ трехъ отъ Шабаца. Отличная шоссированная дорога; по бокамъ огромныя туовыя деревья и черешни. Все это насажено по приказанію Милоша, лѣтъ 25 назадъ. По сторонамъ сплошныя нивы: рожь уже выколосилась давно, завязывается даже колось у пшеницы, и между нею, по свѣтло-зеленому фону, краснѣютъ цвѣты полевого мака; вездѣ торчатъ обгорѣлые дубы, поднимая къ небу свои черныя, обожженные вѣтви; иные свалились давно, но хозяинъ поля не заботится убрать ихъ исполинскіе остовы и предпочитаетъ обходить ихъ плугомъ, жервуя значительною частью годной для пашни земли; видно, что не дорожатъ лѣсомъ и чувствуютъ просторъ. Мѣстами, у обгорѣлаго дерева уцѣлѣлъ одинъ мощный стволъ, и подъ его зеленымъ навѣсомъ теперь покоится пахарь, укрываясь отъ солнца и предаваясь сладкому сну послѣ тяжелой работы. Время было послѣобѣденное и мужчины спали всѣ; даже дѣти угомонились, только

женщины сидѣли, занятыя ручною работою: шили или пряли. Изъ этого можно бы вывести, что женщина не принимаетъ участія въ тяжелой работѣ мужчины и потому не нуждается въ отдыхѣ. Напротивъ, она все время ходила за плугомъ, воя лошадей и держа еще ребенка на рукѣ; потомъ она успѣла сходить въ селеніе, взять обѣдъ и принести на пашню, накормить всѣхъ, уложить ребенка и, когда всѣ успокоились, принялась опять за работу. Мнѣ приводилось встрѣчать на дорогѣ, что женщина идетъ съ ребенкомъ у груди, который привязанъ къ ней полотенцемъ, на головѣ несетъ пищу, и въ то же время на ходу прядетъ, держа гребень съ куделей подъ лѣвой мышкой, а правой вытягивая нить. Когда ѣдетъ на возу, она всегда прядетъ или вяжетъ крючкомъ. Дреновацъ — бывшее селеніе изъ числа *уморенныхъ*, какъ называютъ сербы всѣ селенія, въ которыхъ дома расположены рядами, улицами, вмѣстѣ, а не въ разбросъ, какъ живутъ большею частью сербы. *Уморенныя* села созданы Милошомъ, который вообще любилъ все регулировать; образцомъ ему послужили австрійскія селенія, особенно огромныя селенія въ Банатѣ и Военной Границѣ. Съ тѣхъ поръ сербское правительство постоянно заботится объ томъ, чтобъ какъ-нибудь всѣ селенія *уморить*, но это мало удается.

Улицы въ Дреновацѣ такія же широкія, какъ въ Шабацѣ, и еще вдобавокъ обсажены деревьями; подъ навѣсами деревьевъ идутъ лавочки съ различными товарами, съ напитками и яствами, стоятъ извозчики изъ Баната; мѣстами колодцы съ журавлемъ (отъемомъ). Отыскиваю священника, чтобы попросить его быть моимъ руководителемъ. Скоро меня довели до *попа Ивоки*, который на первый разъ мало похожъ былъ на попа: одѣтъ въ какой-то казакскій, широкія штаны, башмаки; имѣя на головѣ какую-то сѣрую суконную ермолку, съ короткими волосами, безъ бороды, только съ черными усами, онъ скорѣе похожъ былъ на малороссійскаго казака, чѣмъ на священника. Онъ что-то работалъ и потому востромъ его былъ принаровленъ къ работѣ. Узнавши, что я русскій путешественникъ, онъ схватилъ меня за обѣ руки, притащилъ къ себѣ, обнялъ и крѣпко поцѣловалъ.

«Никогда еще я не видѣлъ русскаго» — говорилъ онъ, и смотрѣлъ на меня такъ, какъ будто хотѣлъ сразу просмотрѣть насквозь. Затѣмъ появилось угощеніе, отъ котораго я отказался, обливши откровенно, что моя цѣль видѣть житье-бытье простаго народа и что я намѣренъ пораньше вернуться въ городъ. Онъ началъ меня и пошелъ только переодѣться. Черезъ нѣсколько минутъ передо мной былъ уже настоящій русскій священникъ:

та же раса съ болѣе узкими рукавами, и притомъ вся она не такъ широка; подъ низомъ полукафтанье съ широкимъ матеревымъ поясомъ розоваго цвѣта, на головѣ родъ камилавки, только пониже, съ округлою верхушкой и небольшимъ перехватомъ. И пошли мы по селенію. Первое, что видается въ глаза, это вездѣ заборы передъ домами и отсутствіе оконъ на улицу, а если и есть, то съ деревянною рѣшеткой. Можно подумать, что тамъ сильное воровство и даже разбой. Ничего не бывало: теперь въ цѣлой Сербіи миръ и тишина, воровство бываетъ очень рѣдко, вслѣдствіе всеобщаго довольства; большая часть преступленій относятся къ разряду насилій вслѣдствіе запальчивости, ревности или мести, нерѣдки также поджоги вслѣдствіе тѣхъ же побудительныхъ причинъ; разбой и грабежи бывають только въ мѣстностяхъ, пограничныхъ съ турецкими землями. А въ такомъ благоустроенномъ селеніи, какъ всѣ селенія по Мачвѣ, не слышать ни воровства, ни разбоя, и рѣшетки въ окнахъ напоминають только прежнее время, когда было полное господство турокъ и даже до недавняго времени, когда турки держались въ вѣрнопостяхъ. По той же причинѣ всѣ дома не смѣютъ прямо выступить на улицу и прячутся за заборами, состоящими изъ плахъ, поставленныхъ стоймя плотно одна къ другой, со связями между ними.

Домъ—собственно мазанка. Изъ дерева дѣлается только остовъ: по угламъ и по серединѣ ставятся столбы, которые связываются перекладинами, промежутки между ними крестъ-на-крестъ забираются обтесаннымъ жердникомъ; между ними дѣлается переплетъ изъ тонкихъ тесинокъ или изъ прутьевъ, и все это потомъ замазывается; сверху на стропила кладется рѣшетина, и крыша кроется соломой, преимущественно кукурузной. Крыша эта очень толстая и высокая, такъ что небольшіе домики и амбарчики кажутся совершенно кучами соломы.

Входимъ въ первый попавшійся дворъ. Онъ очень обширный и застроенъ домиками меньшаго размѣра и амбарчиками. Это цѣлый хуторокъ: всего три домика и четыре амбарчика, въ которыхъ также живутъ, не считая амбарчика на столбикахъ для склада провизіи, погреба и построекъ для домашнихъ животныхъ. Входя въ домъ, вы прежде всего попадаете въ обширныя сѣни съ землянымъ поломъ и безъ потолка; влѣво дверь въ комнату, и тутъ же у стѣны очагъ; нѣсколько отступя отъ стѣны, надъ нимъ виситъ цѣпь съ крюкомъ, чтобы навѣшивать котелъ для варева; на немъ же готовится настоящее сербское кушанье—*печене*, по нашему жаркое, которое у нихъ всегда печется на угольяхъ; пе-

кутъ такимъ образомъ на рожиѣ цѣлыхъ барановъ и свиней; тутъ же на угольяхъ пекутъ лепешки и хлѣбцы. Изъ жидкихъ кушаній употребляется только *чорба* (родъ похлебки) различныхъ сортовъ, самое названіе которой показываетъ, что она переята у турокъ; поэтому, печка въ нашемъ смыслѣ у сербовъ не существуетъ. Очагъ же сербскій напоминаетъ огнище у азіатскихъ кочевниковъ въ ихъ юртахъ и кибиткахъ. Для вывода дыма надъ очагомъ устроена труба, прислоненная къ стѣнѣ. Сплетенная изъ прутьевъ и внутри вымазанная глиной съ коровьимъ пометомъ, она идетъ, конечно, сверху крышу и тамъ обмазана и снаружи. Совершенно такія же трубы я видѣлъ въ малороссійскихъ хатахъ. Влѣво изъ сѣней, какъ я уже сказалъ, комната: это была обыкновенная комната съ поломъ и вдобавокъ съ печкой, аршина въ полтора вышины, съ топкою изъ сѣней: это также отступленіе отъ чисто сербскаго устройства. Обычно полъ въ сербскихъ домахъ битый изъ глины или кирпичный, и часть только у передней стѣны, въ видѣ эстрады или деревяннаго помоста, поднята вершка на два надъ каменнымъ поломъ—и называется *идтосъ*. Онъ обыкновенно бываетъ устланъ коврами, сукномъ или войлоками, и кругомъ по стѣнѣ просто подушки, или положенныя на возвышеніи въ родѣ низкихъ лавокъ, и называются *миндерлуки*—все это турецкое, такъ что утратился изъ мебели столъ, а вмѣсто него употребляется *софра* или *софра*—маленькій столикъ въ родѣ подноса на низенькихъ ножкахъ. Въ описываемой мною комнатѣ видно было австрійское вліяніе: кромѣ печи и мощенаго пола, былъ столъ крашеный, въ родѣ тѣхъ, какіе употребляются вѣмецкими колонистами въ Россіи, нѣсколько стульевъ; на стѣнѣ, сбоку, были изображенія Христа, Божіей Матери и святыхъ на бумагѣ,—произведеніе австрійскихъ дешевыхъ литографій. Передній уголъ былъ совершенно пустъ, но передъ нимъ свѣщивался съ потолка на шнурѣ голубъ, сдѣланный изъ тѣста, съ бумажнымъ хвостомъ и такимъ же хохолкомъ, и тамъ же къ потолку привѣшлены были пучки васильковъ и шафрана (*сосуа*),—опять непремѣнное убранство передняго угла въ каждой малороссійской хатѣ.

Такимъ образомъ, иконы, занимавшія когда-то передній уголъ, исчезли, и замѣнившія ихъ священныя картины стали сбоку; но удалялъ одинъ атрибутъ, указывающій, что когда-то онъ былъ также убранъ образами, какъ у всего православнаго люда въ Россіи.

Остальные домики въ этомъ же родѣ. Одинъ изъ нихъ былъ пустой, а въ другомъ были маленькія дѣти, двѣ замужнія жен-

щины снохи, одна дѣвушка и старуха. Въ комнатахъ были наставлены прѣлки, ткацкіе станки, сундуки, висѣли колыбели и разложена была различная домашняя рухлядь. Въ амбарчикахъ находились вся одежда, подушки, шерстяныя лохматыя одѣяла, по-сербски *уберы*. Въ этой семьѣ или скорѣе *домашней общинѣ*, какъ ее называютъ нѣмцы (Hauscommunion), всѣхъ было около 30 душъ, изъ нихъ 17 чел. находились на полевой работѣ. Это и есть сербская *задруна*, въ которой набирается человекъ до 40. Прежде она была еще многочисленнѣе, а теперь все упадаетъ и рассыпается. О ней мы поговоримъ послѣ, а теперь идемъ по двору и займемся находящимися передъ нами личностями.

За этимъ дворомъ, на которомъ находились жилия зданія, идетъ другой, раздѣленный на-двое: въ одной половинѣ помѣщеніе для свиней, въ другой—для рогатаго скота и лошадей; а нимъ еще дворъ или, вѣрнѣе, садъ изъ сливовыхъ деревьевъ, а по срединѣ нѣсколько деревь тутовыхъ и одно дерево грецкого орѣха. Послѣднее раскинуло вѣтви свои сажени на 4 въ діаметрѣ, и подъ нимъ-то мы присѣли отдохнуть на скамеечкѣ. Тутъ же неподалеку была *винница*, въ которой хранилась *сливовица* и *ракія*, два напитка, приготовляемые изъ сливы — первый простымъ настоемъ и броженьемъ, второй—перегонной. Въ другомъ концѣ сада былъ пчельникъ.

Покуда мы сидѣли, явилась дѣвушка съ подносомъ въ рукахъ; на немъ стояли двѣ чашки чернаго кофе, двѣ рюмки янтарной сливовицы и варенье.

Дѣвушка была въ длинной холщевой рубашкѣ, подпоясана широкимъ ремнемъ, по краямъ рукавовъ, по обшивкѣ, вышивка разноцвѣтной бумагой, и также вышиты плеча; волосы заплетены въ одну косу сзади; на ногахъ *опонки* (родъ поршней или башмаковъ изъ мягкой кожи). Украшеній ни на шеѣ, ни на головѣ—никакихъ, необыкновенно просто. Тутъ же стояла старуха въ юбкѣ сверхъ рубашки, и голова повязана бумажнымъ синимъ платкомъ съ концами, пущенными сзади; стояла она, приложивши руку къ щекѣ и рассказывала о своемъ житьѣ, отвѣчая на мои разспросы; священникъ пояснилъ ей, что я братъ-русъ, пришелъ издалека, чтобъ познакомиться съ сербами.

— «Развѣ опять будетъ война съ турками?» спросила старуха. Ей нужно было пояснить, что кромѣ знакомства у меня нѣтъ никакой другой цѣли. Она же съ своей стороны пояснила намъ, что война должна быть, это говорятъ швабы (сербы австрійскіе). И еще есть одна примѣта, что передъ войной всегда являются русскіе съ образами, деревянными чашками и лож-

нами, на высокихъ телѣгахъ и на своихъ лошадяхъ, въ упряжи съ высокими дугами. Это были офени, прѣвзжавшіе въ нимъ, и мени старуха приняла-было за нихъ.

Дѣвушка стояла передъ нами съ порожнимъ подносомъ, дожидая, когда мы кончимъ кофе; она смотрѣла прямо, съ любопытствомъ слушала и рассматривала меня, нисколько не стыдясь и не потупляясь, какъ это дѣлаютъ наши дѣвушки.

Старуха и молодая дѣвушка напоминали мнѣ малороссіевокъ; подлѣ меня сидѣлъ православный священникъ; мы говорили на своемъ родномъ языкѣ; густые листья орѣха какъ шатромъ укрывали насъ отъ жаркаго солнца; наверху раздавались на разные лады крики иволги: во всемъ столько знакомаго, родного, что невольно забываешь, гдѣ находишься.

Долго бы можно было тутъ просидѣть, хорошо бы остаться и пожить, какъ предлагала старуха, отдавая въ мое распоряженіе лучшую *собу* (комнату); но вездѣ жить не достанетъ времени. Путешественникъ не долженъ нигдѣ заживать, ему нужно больше видѣть. Постоянно нужно дѣлать различіе между путешественникомъ и изслѣдователемъ: первый только намѣчаетъ факты и явленія, тогда какъ изслѣдователь, по его указанію, будетъ ихъ изучать и объяснять.

Осмотрѣлъ я еще церковь и школу. Школа велась порядочно; но ей грозило почему-то закрытіе, потому что хотѣли отнять занимаемый ею домъ, принадлежащій общинѣ; по распоряженію административной власти и противъ желанія общины, его хотѣли обратить въ помѣщеніе капетана. И тутъ та же неприятная нота, стонущая и жалующаяся на стѣсненіе свободы, которая мнѣ такъ надоѣла въ Бѣлградѣ.

Въ 6 часовъ вечера того же дня я былъ опять въ Шабачѣ, гдѣ успѣлъ уже найти прежнихъ знакомыхъ по Бѣлграду и приобрести новыхъ. Всѣ они наканунѣ были въ очень веселомъ настроеніи, и когда я любовался ихъ народнымъ войскомъ, съ самодовольствомъ и увѣренностью говорили: «это войско должно послужить народному дѣлу, а теперь оно служить не ему; какъ знать: не нынче, завтра, можетъ быть побредемъ и за Дрину!» Вечеромъ же засталъ ихъ совсѣмъ другими: они не удерживали меня больше остаться подольше погостить въ Шабачѣ, какъ наканунѣ, молча потягивали черный кофе, курили македонскій табакъ и по временамъ только кто-нибудь отрывисто процѣживалъ сквозь зубы: «рдыаво, брате, рдыаво!» (худо!) На другой день въ 10 часовъ утра я былъ уже на пути. Мой путь былъ къ монастырю Петковицѣ, на склонѣ Церскаго хребта, до котораго,

какъ мнѣ говорили, часа три ходу; но оказалось больше, потому что говорили это люди, которые сами туда не ходили.

Начало пути было по хорошей поссированной дорогѣ. Кругомъ равнина, усѣянная огромными старыми дубами, между которыми большіе промежутки, занятые посѣвомъ или пущенные подъ лугъ, и при этомъ все пространство обгорожено и разбито на участки. Свободнаго нѣтъ ни влочка земли, вся она присвоена, какъ частная собственность. Огорожа вездѣ состоитъ изъ дубовыхъ плахъ; иной участокъ еще разгороженъ на нѣсколько частей: лугъ отгороженъ отъ усадьбы, поле отгорожено отъ луга; однимъ словомъ, на всемъ пространствѣ вы видите клѣтки и дѣленія, точно гдѣ-нибудь въ серединѣ Европы. А чего стѣбитъ такая огорожа! Она стѣбитъ того, что ради нея весь лѣсъ истребленъ, остался только рѣдко—дубъ; лѣсъ въ Сербіи сохранился только въ горахъ, гдѣ нѣтъ жилья и откуда его нельзя вывезти. Въ хозяйственномъ отношеніи это дѣленіе имѣетъ еще ту невыгоду, что каждый хозяинъ долженъ имѣть отдѣльный выгонъ и отдѣльнаго пастуха; въ большихъ задругахъ это еще не такъ ощутительно, но въ мелкихъ оно ведетъ къ тому, что они мало-помалу сокращаютъ хозяйство и въ концѣ-концовъ отдаются мелкой торговлѣ, перебиваясь перекупкой и перепродажей. Такое дѣленіе всей земли совершено было при Милошѣ, и надѣлы производились крайне произвольно, сопровождаясь взяточничествомъ и насилиями. Въ основаніе было положено владѣніе землей при спахихъ (турецкихъ помѣщикахъ): земледѣльцы, сидѣвшіе на извѣстномъ спахилукѣ, и платившіе опредѣленную дань за извѣстный участокъ, послѣ прогнанія спахій признаны были владѣльцами того самаго участка; но получили такіе надѣлы и люди, никогда не обработывавшіе земли, отъ которыхъ богачи скупали участки, и такимъ образомъ возникли новые спахилуки, которыми Милошъ надѣлялъ свою родню и своихъ друзей.

Сербія—страна гористая; въ ней есть превосходныя земли, но ихъ немного; онѣ находятся разсѣянно по долинамъ и расширениямъ ихъ при сліяніи рѣкъ; остальное же пространство занимаютъ горы и узкія, крутыя, ни къ чему негодныя мѣста. Поэтому такой несправедливый, неровный раздѣлъ повелъ къ тому, что хоть кругомъ и приходится на каждую душу не менѣе 20 десятинъ и если отбросить всѣ плохія мѣста, то однихъ удобныхъ земель было бы по 15 десятинъ, а тамъ ужъ есть пролетаріатъ — люди, которымъ не къ чему рукъ приложить; вслѣдствіе этого непомѣрно плодится торговашество, а рядомъ много земель, лежащихъ втунѣ, безъ обработки; цѣны же на землю вы-

себя, потому что владѣльцы не нуждаются въ продажѣ ихъ, хоть сами и не обрабатываютъ. Я знаю, что сербское правительство очень стѣснялось приѣмомъ переселенцевъ изъ Герцеговины, Черногорья и другихъ юго-славянскихъ земель именно вслѣдствіе недостатка свободной земли.

По большой дорогѣ мнѣ привелось идти немного; а тамъ былъ своротъ, и вотъ тутъ-то нужно было умѣть напасть на истинный путь. Маленькія селеньица, черезъ которыя я проходилъ, были пусты, потому что всѣ были въ полѣ на работѣ. Вижу впереди идущаго *селяка* (житель села), догоняю его: «Помози Богъ!» — говорю ему я первый. — Богъ ти помого! — «Какосто?» (какъ поживаете?) — Фала Богу! (благодарить Бога) — «Юшь какосте?» (еще какъ) — Зафалюемъ (благодарю). Авобочъ да? (куда идешь?) — У Петковицу — отвѣчаю, и начинаю разспрашивать о дорогѣ. Растолковалъ онъ мнѣ дорогу и я хотѣлъ было идти, сказавши «съ Богомъ», какъ онъ остановилъ меня вопросомъ: «Што си?» — что ты? т. е. кто ты таковъ. Объявляю, что — русъ. Какой вѣры? — Православной. — «Знаешь *Отче нашъ*?» — Знаю. — «Поговори». — Читаю «Отче нашъ», а онъ уставился въ землю и слушаетъ, взвѣшивая каждое произнесенное мною слово. «Ама добро, брате, читашь; па ти си србинъ». Начинаю пояснять, что я не сербъ, а русскій, но что русскіе и сербы славяне, люди родственные по языку и одного православнаго исповѣданія.

— Нѣтъ, ты србинъ, ты этого самъ не знаешь; а вотъ ты хочешь видѣть наши монастыри, такъ когда дойдешь въ Студеницкую лавру, тамъ есть ученые монахи и у нихъ старыя книги, они тебѣ покажутъ, что русскіе всѣ сербы.

Затѣмъ сталъ упрашивать меня вернуться назадъ въ селеніе, къ нему въ гости, чтобъ разспросить, какъ живутъ сербы тамъ, далеко, въ русской странѣ. Но, боясь запоздать и сбиться съ дороги, я отказался отъ такого пріятнаго приглашенія и потянулъ дальше.

Путь былъ дѣйствительно не такой, чтобы можно было запаздывать: передо мной вилась тропинка и представлялось совершенное безлюдье. Направленіе было прямо на полдень; солнце жгло и било прямо въ лицо; *rinse-nez* сваливается съ носа, а безъ него я вижу все въ туманѣ, въ даль же вовсе не вижу; на часа ужъ пополудни, а монастыря все не видать. Жажда нестерпимая; кругомъ ни рѣки, ни ключа. Поднимаюсь въ горы, и тутъ какъ разъ невысокій каменный столбикъ и изъ него по желобку течетъ холодная вода, чистая, вкусная, а подлѣ кустъ розъ. Напился и сталъ разсматривать надпись, которая гласила

въ такомъ родѣ: «помяни душу умершаго такого-то», и больше ничего, ни креста, ни другого какого-нибудь религіознаго знака. Но всякій, безъ сомнѣнія, отъ души не только помянетъ того, кто соорудилъ этотъ памятникъ, но и благословитъ его память. А черезъ нѣсколько сажень и настоящій надгробный памятникъ, только не такой, какъ у насъ: каменная плита не лежитъ, а поставлена, и на ней съ одной стороны нарисована турецкая, длинная тонкая винтовка, а съ другой — надпись: «такой-то погибъ отъ руки турка соколянина, оставивши плачущихъ братьевъ и малыхъ дѣтей».

Случай этотъ относится къ недавнему времени, когда небольшое укрѣпленіе въ сосѣднемъ лозницкомъ округѣ Соголь находилось во власти турокъ. Нѣсколько десятковъ турокъ, составлявшихъ гарнизонъ этой крѣпости, не имѣвшіе никакого военнаго значенія, потому что совершенно отрѣзаны отъ сообщенія со своими, служили карой для края, производя въ окрестностяхъ грабежи и убійства, и дѣлая жизнь въ этой окружности небезопасною, а при малѣйшемъ отпорѣ со стороны мѣстныхъ жителей возникали жалобы на неуваженіе со стороны сербовъ трагата и сузеренства турецкаго султана.

Въ настоящее время такую же зацѣпкой служить тоже маленькая крѣпостца на берегу Дрины, противъ Малаго Зворника. Не имѣя никакого стратегическаго значенія, этотъ пунктъ даетъ только поводъ къ столкновеніямъ, что собственно и нужно для Турціи.

Почтивши память погибшаго отъ руки соколянина и того, во имя котораго холодный влѣчь утоляетъ жажду утомленнаго путника, отправляюсь дальше. Тутъ же показалось селеньице, разбросанное у подошвы горы, а дальше видѣется и монастырь, весь закрытый лѣсомъ, только чуть просвѣчиваютъ стѣны и блеститъ крестъ на церкви.

Селеніе это называется Прияворъ; но это не есть собственное имя; такихъ *прияворовъ* много по Сербіи близъ монастырей: это были монастырскія селенія, обязанныя на него работать и платить ему дань въ различныхъ видахъ. Въ настоящее время это уже кончилось; монастыри однако надѣлены угодьями въ достаточномъ количествѣ, и такъ какъ они всегда помѣщались въ самыхъ лучшихъ мѣстахъ, то и земли, прилежащія къ нимъ, богатствомъ почвы и разными удобствами отличаются отъ всѣхъ прочихъ земель.

Въ Петковицѣ отъ стараго времени осталась только стѣна вокругъ, да и то наполовину разрушенная, церковь же построена недавно и тутъ же домъ для монаховъ.

Вхожу через калитку; на дворѣ никого; когда-то мощный, онъ заросъ весь травой: по стѣнѣ поросли деревца и космами свѣшивается плющъ; звонко раздаются мои шаги по каменному двору, но не только никого не видать, не замѣтно даже слѣдовъ человѣка. Однако, покуда я осматривался, подлѣ меня оказался, какъ изъ земли выросъ, монахъ лѣтъ тридцати: русые волосы и борода въ беспорядкѣ, глаза опущены въ землѣ, и какъ-то механически спрашиваетъ, кого мнѣ надо. Въ это время увидѣлъ меня и настоятель обители, отецъ Пантелей, съ которымъ я успѣлъ познакомиться еще въ Бѣлградѣ. Онъ узналъ меня и принялъ въ объятія. Первое, что онъ предложилъ, было — снять сапоги и надѣть мягкія туфли: отказался я на первый разъ, а потомъ, однако, согласился и вполнѣ почувствовалъ всю благодѣтельность такого переобуванья. Это хорошо однако, если вамъ предстоитъ довольно продолжительный отдыхъ, въ противномъ же случаѣ лучше не снимать сапогъ, иначе потомъ ихъ не надѣнешь; вслѣдствіе чего я и отказывался, не зная еще, останусь ли ночевать.

Обстановка жилища игумена была самая обыкновенная для мірскаго человѣка: столъ съ письменными принадлежностями, какъ въ какой-нибудь мелкой канцеляріи, по обѣ стороны два кресла, старыя, обтупенныя кожей; нѣсколько простыхъ деревянныхъ стульевъ, диванъ и кровать; въ углу одинъ большой образъ распятаго Христа, валойчикъ, а подлѣ, въ стѣнѣ, швафчикъ: въ немъ были *тефтере* (приходорасходныя книги и инвентари), которыми отецъ-настоятель очень тяготился; запасъ бумаги и чернилъ, бутылочки съ сливовицей и ракіей и еще кое-какая мелочь. Надъ кроватью висѣла какая-то священная картина и рядомъ пистолеть.

— Однако, святой отецъ, какъ видно, дѣйствуетъ не однимъ словомъ божіимъ, а иногда прибѣгаетъ и къ орудію смерти, — закричалъ я.

Въ отвѣтъ онъ приподнял мнѣ подушку и показалъ тамъ револьверъ, а въ углу, какъ оказалось, стояла и винтовка.

Тутъ онъ сталъ пояснять, какъ не безопасно здѣсь положеніе въ виду близости боснійской границы, откуда нерѣдко перебѣгаетъ всякій народъ.

— А главное, — добавилъ онъ, — мы должны быть готовы ко всему: турки ли перешагнутъ къ намъ черезъ Дрину, намъ ли придется предупредить ихъ — я не отстану: съ крестомъ на груди и съ оружіемъ въ рукахъ долженъ буду идти съ народомъ, и не въ заднихъ рядахъ.

Отецъ Пантелей молодой еще человекъ, лѣтъ тридцати съ небольшимъ, высокій, тонкій, чрезвычайно живой и задушевный.

Ихъ всего было два монаха, да еще пришелъ недавно одинъ монахъ изъ Черногорья—старикъ лѣтъ 60-ти, слѣпой на одинъ глазъ, съ густыми черными, съ просѣдью, кудрями. Этотъ человекъ былъ весь любовь и кротость; но, несмотря на природную мягкость, и онъ отдавался той же миссиі, проповѣдуя войну за освобожденіе страждущей братіи. Своимъ чередомъ шло угощеніе: раниа, кофе, молоко, сыръ и хлѣбъ были на столѣ, а отъ обѣда я отказался, такъ какъ его нужно было еще готовить и до вечера было недалеко, слѣдовательно, обѣдъ лучше отложить на ужинъ.

Черезъ часъ раздались удары въ висящую деревянную доску (влепало) — это былъ призывъ къ вечернѣ. Пошли въ церковь. Тѣсненькая, темная, образа только въ иконостасѣ; игумень пошелъ въ алтарь, остальные двое стали на клиросѣ. Та же служба, какъ и у насъ, совершается на томъ же языкѣ, съ нѣкоторою разницею въ произношеніи и иной напѣвъ. Черногорецъ не обладалъ слухомъ, но имѣлъ сильный, хоть и старчески-хриплый басъ, и никакъ не могъ подладиться къ другому монаху, который твердо держался своего напѣва и выносилъ высочимъ теноромъ; иногда становился на клиросѣ игумень, но не могъ поладить ни съ тѣмъ, ни съ другимъ; но это несогласное тріо, потрясавшее воздухъ въ пустой церкви, поднималось подъ своды и раздавалось какъ-будто откуда-то сверху, сливаясь тамъ въ одинъ сильный звукъ, въ которомъ, если не было гармоніи, то слышалось много чувства. Кончилась вечерня, снялъ игумень священническое облаченіе, и снова передо мною Пантелей, будущій воинъ, считающій годы и дни, когда можно будетъ взять винтовку и пойти на враговъ своего народа.

Дальнѣйшее знакомство показало, что онъ былъ хорошій хозяинъ: у него было нѣсколько свиней, корова, много куръ и отличный подвалъ, уцѣлѣвшій отъ стараго времени, и въ немъ — не одинъ боченокъ вина.

Ужинъ былъ полный: главнымъ матеріаломъ послужили куры, затѣмъ яйца и свиное мясо. Монахи вкушали все, и круговая чаша не миновала никого.

Послѣ ужина долгая бесѣда все на ту же тему. Видно, что и въ монастырской кельѣ знали происходившее въ Бѣлградѣ и въ вѣчномъ результатѣ ожидалось движеніе въ Боснію. Мнѣ казалось, что и черногорецъ попалъ сюда не случайно и что-то обдумывалъ.

П. Ровинскій.

БОГАТЫРСКАЯ ЖЕНА

Б Ы Л И Н А.

I.

Князь Владиміръ стольно-кіевскій
Приглашалъ на пирь гостей,
Вѣрныхъ слугъ своихъ—дружинниковъ,
Удалыхъ богатырей;

Звалъ ихъ яства ѣсть сахарныя,
Пить медвяныя питья;
И сходились гости званые,
И бояре, и князья.

Много было ими выпито
Искрометнато вина;
То-и-дѣло осушались
Чаши полныя до дна.

Обходилъ дружину храбую
Съ хмѣльной брагой турій рогъ,
Только хмѣль гостей Владиміра
Подъ столы свалить не могъ.

Вотъ, какъ въ-полсыта наѣлися
И въ-полпьяна напились,

Гости начали прихвастывать,
Похвалиться принялись:

Кто хвалился силой крѣпкою;
Кто несмѣтною казною;
Кто своей утѣхой сладкою —
Богатырскою женой;

Кто товарами заморскими;
Кто испытаннымъ конемъ...
Лишь Данило призадумался,
Наклонившись надъ столомъ.

На пиру великокняжескомъ
Онъ не хвалится ничѣмъ.
И насмѣшливо дружинники
Шепчатъ: «глухъ онъ, али нѣтъ?»

«Ты о чемъ, скажи, задумался?» —
Князь Данилѣ говорить:—
Взоръ твой ясный темной думою,
Словно облакомъ, закрыть.

«Али нѣтъ казны и силушки
У тебя, Данило-свѣтъ?
Платье-ль цвѣтное изношено?
Аль жены-утѣхи нѣтъ?»

Встрепенулся свѣтъ-Денисьевичъ,
Молвилъ князю: «Всѣмъ богатъ;
А своей я темной думушкѣ,
Добрый княже, самъ не радъ.

«На твоемъ пиру, на княжескомъ
Собесѣдникъ я плохой,
И тебѣ я, княже, кланяюсь:
Отпусти меня домой.

«Отчего—и самъ не вѣдаю—
Грусть взяла меня теперь»...
Всталъ Данило, князю-солнышку
Билъ челомъ и вышелъ въ дверь.

II.

И дружинѣ молвилъ ласково
 Князь Владиміръ, поклонясь:
 «Всѣ вы, други, переженены,
 Не женаты лишь я, вашъ князь.

«Между вами обездоленнымъ
 Я хожу холостякомъ,
 Помогите же, товарищи,
 Мнѣ въ несчастіи такомъ.

«Прищтите мнѣ невѣстушку,
 Чтобы ласкова была,
 И смышлена въ книжной грамотѣ,
 И румяна, и бѣла.

«Чтобъ женой была мнѣ доброю,
 Доброй матушею вамъ;
 Чтобъ не стыдно государыней
 Звать ее богатырямъ».

Князь умолекъ—и призадумались
 Всѣ его богатыри:
 Свatomъ быть для князя стольнаго
 Трудно, что ни говори!

Лишь Мишата не задумался.
 «На примѣтѣ есть одна,—
 Молвилъ онъ,—лебедка бѣлая,
 Богатырская жена.

«То жена Данилы славнаго.
 Ужъ куда какъ хороша,
 Василиса свѣтъ-Микулишна,
 Расрасавица-душа!

«Ясны очи соколиныя,
 Брови соболя чернѣй;
 Въ цѣломъ городѣ Черниговѣ
 Василисы нѣтъ умнѣй.

«Не уступить мужу книжному
Въ русской грамотѣ она,
И пѣтью-четью церковному
Хорошо обучена».

Съ грознымъ гнѣвомъ на Путятича
Князь Владиміръ поглядѣлъ:
«Съ пьяну, что-ль, заговорился ты,
Али въ петлю захотѣлъ?»

«Развѣ я лишился разума?
Развѣ звѣрь я, али тать?
Отъ живого мужа можно ли
Мнѣ жену насильно взять?»

Не сробѣлъ Мишата; верадчиво
Князю молвилъ онъ въ отвѣтъ:
«Князь! Данило ходитъ подъ Богомъ:
Нынче живъ, а завтра нѣтъ.

«Коль слова мои не по-сердцу,
То казнить меня вели;
Только прежде поохотиться
Въ лѣсъ Денисьича пошли.

«Въ темныхъ дѣбряхъ, подъ Черниговомъ,
Звѣря тьма, а лову нѣтъ:
Прикази поймать Денисьичу
Злого тура на обѣдъ.

«На охотѣ все случается;
Съ дикимъ звѣремъ труденъ бой,
И не взять его охотнику,
Княже, силою одной».

Понялъ князь Владиміръ кievскій
Смысль лукавыхъ этихъ словъ,
И писать къ Данилѣ грамоту
Онъ призывалъ своихъ писцовъ.

Тѣ писцы писали къ витязю,
Чтобы онъ въ лѣсахъ густыхъ

Ради князя поохотился
На звѣрей и птицъ лѣсныхъ;

Поискалъ-бы тура дикаго,
Съ поля взялъ его живьемъ. —
И отправилъ князь Путятича
Съ этой грамотой посломъ.

III.

Въ свѣтломъ теремѣ Даниловомъ,
Призадумавшись, одна,
Подъ окномъ сидитъ красавица,
Богатырская жена.

Мужъ уѣхалъ поохотиться
Въ боръ черниговскій чѣмъ свѣтъ.
Вотъ ужъ время близко къ вечеру,
А Денисьича все нѣтъ.

Скучно ей одной безъ милаго,
Грусть тоска ее томить...
Вдругъ услышала: у терема
Раздается стукъ копытъ.

Гость неожиданный и непрошенный,
У Даниловыхъ воротъ
Привязавъ коня усталого,
Скоро къ терему идетъ.

Не спросился слугъ невѣжливый
Володиміровъ посолъ:
Онъ въ свѣтлицу бездокладочно
Съ княжьей грамотой вошелъ.

Василиса гнѣвно встрѣтила
Неучливаго посла,
И неладнымъ смердомъ княжескимъ,
Разсердившись, назвала.

А Путятичъ молвилъ, дѣ-земли
Василисѣ поклоняся:
«Не гнѣвися, государыня,
Что вошелъ я, не спросяся.

«Не своей сюда охотою
Я прѣхалъ: князь велѣлъ.
Въ теремъ твой безъ воли княжеской
Я войти бы не посмѣлъ.

«Къ твоему Данилѣ грамоту
Князь велѣлъ мнѣ отвезти.
Получи; а за невѣжливость,
Государыня, прости».

Василиса закручинилась,
Прочитавъ княжой приказъ;
Побѣлѣли щеки алыя,
Слезы хлынули изъ глазъ.

Поняла она изъ грамоты,
Что недоброе въ ней есть,
Что замыслилъ князь Денисьича
Злою хитростью извѣсть.

Кличеть слугъ къ себѣ Микулишна
И велить сѣдлатъ коня:
«Снаряжайте, слуги вѣрные,
Къ мужу въ поле вы меня.

«Дайте платье молодецкое,
Принесите лузъ тугой!
Сердце чуетъ горе лютое
И дрожить передъ бѣдой»...

И катились слѣзы горькія
Крупнымъ градомъ по лицу.
Слуги вѣрные ретиваго
Привели коня къ крыльцу.

На коня она садилася,
Взявъ волчанъ каленыхъ стрѣлъ;

И, едва земли касаяся,
Конь, какъ вихорь, полетѣлъ.

IV.

Надъ собой бѣды не вѣдая,
Рыщетъ въ полѣ богатырь,
Бодрый конь Данилу по полю
Быстро носить въ даль и въ ширь.

Настрѣлялъ съ утра Денисьевичъ
Много дичи луговой.
Онъ охотой не натѣшится,
Не спѣшитъ къ женѣ домой.

Вдругъ онъ видитъ: отъ Чернигова
Не орелъ къ нему летитъ, —
Мчится вихремъ добрый молодець,
Подъ конемъ земля дрожить.

Закричалъ Данило мѣлодцу,
Мечъ поднявъ надъ головой:
«Стой, удалый добрый мѣлодецъ!
Говори, кто ты таковой?»

Если другъ, то побратаемся,
Поведемъ любовно рѣчь;
Если недругъ, потягаемся,
У кого тяжеле мечъ».

Говорить прѣзжій молодець,
Шапку снявъ съ густыхъ кудрей:
«Не узналъ ты, свѣтъ-Денисьевичъ,
Молодой жены своей!»

«Знать, не долго намъ понѣжиться
И въ любви пожить съ тобой.
Перестань охотой тѣшиться,
Поѣзжай скорѣй домой!»

Туть прочла ему Микулишна
Володиміровъ ярлыкъ;
Но Данило въ хитрый умыселъ
Князя стольнаго не вникъ.

Отвѣчаетъ онъ съ усмѣшкою
Молодой своей женѣ:
«Вижу я, тебѣ кручинушка
Померещилась во снѣ.

«Гдѣ же видано и слыхано,
Чтобы князь богатыря
За любовь и службу вѣрную
Извести задумалъ зря?

«Лучше въ теремѣ хозяйничай,
Знай домашній обиходъ,
И словами неразумными
Не пугай меня впередъ.

«Я на тура поохотиться
Радъ для князя всей душой;
Только мало стрѣлъ осталось,
А запасныхъ нѣтъ со мной.

«Привези колчанъ мнѣ маленькій,
А большого не бери:
Много стрѣлъ ловцу не надобно,
Мѣтко бьютъ богатыри.»

Говоритъ она: «Со стрѣлами
Я большой колчанъ взяла.
Не сердись: нужна при случаѣ
Въ полѣ лишняя стрѣла.

«Чуетъ горе сердце вѣщее.—
Ты словамъ моимъ повѣрь:
Туръ не страшенъ для охотника,—
Человѣкъ страшнѣй, чѣмъ звѣрь»...

Съ грустью тяжкою Микулишна
Крѣпко мужа обняла,

И вернулась къ Чернигову,
Путь слезами полила.

V.

Рыщетъ витязь день до вечера
По лугамъ и по лѣсамъ;
Звѣря тура круторогаго
Ищетъ онъ и тамъ и сямъ:

Въ буеракахъ и кустарникахъ,
Въ чащахъ дикихъ и густыхъ...
Вотъ ужъ день склонился къ вечеру
И дремучій лѣсъ затихъ.

Но не слышно по окрестности
Рева туряго нигдѣ...
Шепчетъ витязь опечаленный:
Надо-жъ быть такой бѣдѣ!

Онъ прилетѣ, ворча, подъ дерево;
Бредитъ туромъ и во снѣ...
Лишь заря блеснула на небѣ,—
Витязь снова на конѣ.

Рыщетъ по лѣсу Денисьевичъ,—
Какъ на грѣхъ удачи нѣтъ!
Не привезъ и нынче витязю
Дичь на княжескій обѣдъ!

Снова день склонился къ вечеру,
Нѣтъ въ лѣсу души живой,
Только рысь порою быстрая
Промелькнетъ вдали стрѣлой;

Только вѣроны зловѣщіе
Съ крикомъ носятся вверху,
Громко каркая надъ витяземъ:
Быть невгодѣ! быть грѣху!

Только холодомъ кладбищенскимъ
 Вдругъ повѣсть нетопырь...
 Ночи сумрачнѣй, подъ дерево
 Легъ могучій богатырь.

Шею вытянувъ упругую,
 Конь дыханіемъ своимъ
 Грѣетъ добраго хозяина
 И печально ржетъ надъ нимъ.

«Что ты льнешь ко мнѣ, ласкаешься,
 Мой товарищъ боевой?—
 Говорить ему Денисьевичъ:—
 Что понишь ты головой?»

«Что своимъ дыханьемъ огненнымъ
 Жмешь ты мнѣ лицо и грудь?
 Иль боишься звѣря лютаго?
 Или чуешь что-нибудь?...»

Конь трясетъ косматой гривой
 И копытомъ въ землю бьетъ,
 Точно хочеть что-то вымолвить,—
 Только словъ недостаетъ.

Лишь блеснулъ на небѣ розовый
 Лучъ зари, предвѣстникъ дня,
 Всталъ Данило съ ложа жѣсткаго,
 Сѣлъ на добраго коня.

Ѣдетъ онъ изъ лѣса темнаго
 Въ поле счастья попытать...
 Что въ дали туманной слышится?
 Не идетъ-ли съ юга рать?

Мать сыра-земля колышется
 И дремучій боръ дрожить;
 Словно громъ гремитъ раскатистый,—
 Раздается стукъ копыть.

Сталь Данило за кустарникомъ,
 Видитъ: съ южной стороны

Грозно движутся два всадника,
Словно двѣ большихъ копны.

Что-то будетъ, что-то станется?..
Сердце ёкнуло въ груди...
Видно, пасть въ борьбѣ Денисьичу
Съ тѣмъ, кто ѣдетъ впереди.

Скачетъ конь подъ нимъ, играючи;
Блещетъ золотомъ шоломъ...
И узналъ Данило съ горестью
Брата названнаго въ немъ.

Онъ одѣтъ въ кольчугу крѣпкую,
Тяжела его рука,
И на смертный бой Денисьича
Онъ зоветъ издалека.

Словно соколь съ чернымъ ворономъ,
Близкой смерти вѣщуномъ,
Онъ съ Алешкою Поповичемъ
Мчится по полю вдвоемъ...

Дрогнувъ, слѣзъ съ коня Денисьевичъ, —
Сердце сжала злая боль...
Онъ съ Добрынею Нивитичемъ
Побратался для того-ль?..

«Видно, князю я не надобенъ! —
Говорить онъ самъ себѣ:—
Но по волѣ князя стольнаго
Не погибну я въ борьбѣ.

«Кровью брата и товарища
Я земли не обагрю,
Для потѣхи князьей совѣстно
Въ бой вступать богатырю.

«Не убить Добрынѣ молодца
Въ поединкѣ рововомъ!» —
И воткнулъ копьё злачёное
Въ землю онъ тупымъ концомъ;

Сбросилъ съ плечъ доспѣхи твердые,
Грудью палъ на остріе —
И пробило молодецкую
Грудь злачёное копьё.

Мать сыра-земля зардѣлася,
Теплой кровью полита, —
И душа Давиды чистая
Вышла въ алія уста.

И когда борцы подѣхали
Вызывать его на бой, —
Только трупъ одинъ безжизненный
Увидали предъ собой.

VI.

Что за праздниѣ въ стольномъ Кіевѣ? —
Князь съ дружиной удалой
На помолвку собирается
Къ Василисѣ молодой.

Многоцѣнную жемчужную
Онъ везетъ невѣстѣ нить;
Хочетъ сердце неподкупное
Ожерельями купить.

Веселъ князь Владиміръ кіевскій:
Витязь преданный его
На лугу, въ травѣ некошеной,
Спитъ, не слышитъ ничего.

Праздно вокругъ него валяются
Стрѣлы, мечъ и крѣпкій щитъ;
Добрый вонь безсмѣннымъ сторожемъ
Надъ хозяиномъ стоитъ.

Шею гордую, косматую
Опустилъ онъ грустно ницъ

И отъ трупа грознымъ ржаніемъ
Отгоняетъ хищныхъ птицъ...

Василиса убивается
Въ свѣтлой горницѣ своей:
Не видать ей мужа милаго!
Не слышать его рѣчей!

А Владиміръ по дороженькѣ
На ретивомъ скакунѣ,
Впереди своихъ дружинниковъ,
Мчится къ будущей женѣ.

Грудь высокая волнуется;
Въ жилахъ кровь ключомъ кипитъ;
Къ голубымъ очамъ красавицы
Дума пылая летитъ...

Что стучить-гремять въ Черниговѣ?
Что вздымаетъ пыль столбомъ? —
Поѣздъ свадебный Владиміра
Къ Василисѣ ѣдетъ въ домъ.

И, предчувствуя недоброе,
Слуги въ страхѣ къ ней сошлись;
Говорятъ ей: «Государыня!
Въ платье мужа нарядись!»

«Изъ конюшни мужней лучшаго
Скакуна себѣ бери!
За тобой идутъ изъ Кіева
Князь и всѣ богатыри».

Отвѣчаетъ имъ красавица:
«Мнѣ не надобно коня,
Не хочу, чтобъ слуги вѣрные
Пострадали за меня.

«Передъ княземъ неповинна я,
Передъ Богомъ я чиста.
Принимайте-жъ князя съ почестью,
Отворяйте ворота».

Слезы вытерла горючія
 Богатырская жена,
 И велѣла платья лучшія
 Принести къ себѣ она.

Освѣжила въ мыльнѣ чистую
 Ключевой водой лицо,
 И встрѣчать гостей непрощенныхъ
 Смѣло вышла на крыльцо.

Словно дня сіяньемъ ласковымъ
 Небо пышно разсвѣло;
 Словно утромъ рано на небо
 Солнце ясное вошло;

То не зорюшка румянится,
 И не солнышко блеститъ:
 Василиса свѣтъ-Микулишна
 На крыльцѣ рѣзномъ стоитъ.

Тихо, словно очарованный,
 Подошелъ Владиміръ къ ней,
 И не можетъ отъ красавицы
 Оторвать своихъ очей;

И не можетъ ей разумное
 Слово вымолвить въ привѣтъ...
 Изойди всю землю русскую,
 Въ ней красы подобной нѣтъ!

Низко князю поклонилася
 Богатырская жена,
 И въ дверяхъ остановилася,
 Молчалива и скромна.

Что-жь въ душѣ у ней таилось,
 Князь того не угадалъ,
 И въ уста ее сахарныя
 Горячо поцѣловаль.

И промолвилъ онъ Микулишнѣ:
 «Твой супругъ въ лугахъ погибъ,

На охотѣ трудной до-смерти
Дивнѣй туръ его зашибѣ.

«Не вернуть намъ къ жизни мертваго, —
Не роняй же горькихъ слезъ:
Я колечко обручальное
Молодой вдовѣ привезъ.

«Жить не слѣдь тебѣ вдовицею;
Вѣкъ въ кручинѣ горевать,
Красоту свою и молодость
Погубить тебѣ не стать.

«Будь женою мнѣ и матушкой
Для моихъ богатырей,
Одѣвайся въ подвѣчное
Платье свѣтлое сворѣй.

«Въ путь-дорогу мы отправимся, —
Поѣздъ свадебный готовъ».
Василиса волѣ княжеской
Покорилася безъ словъ;

Нарядилася въ платье цвѣтное
И покрылася фатой,
И въ рукавъ широкій спрятала
Ножъ отточенный, складной.

VII.

Ѣдетъ князь съ невѣстой милою,
Въ столичный городъ свой спѣша.
Все сильнѣй въ немъ кровь волнуется
И горитъ его душа.

Но невесело дружинники —
Молча слѣдуютъ за нимъ;
Опустилъ Добрыня голову,
Тяжкой думою томимъ.

Шепчетъ онъ: «Владиміръ-солнышко!
Въ дѣлѣ зломъ не быть добру!
Не подумавши, затѣяли
Мы неладную игру.

«Все мнѣ братній трупъ мерещится,
Что неприбранный лежитъ,
Рана страшная, какъ грозное
Око, на небо глядитъ.

«Извели мы ясна-сокола,
Онъ попался въ нашу сѣть;
Но едвали бѣлой лебедью
Намъ удастся завладѣть».

Молча ѣдутъ князь съ невѣстою...
Слышно ржанье въ сторонѣ:
Это конь Даниловъ вѣсточку
Подаетъ его женѣ.

Василиса встрепенулася,
Придержала скакуна
И Владиміру, ласкаючись,
Тихо молвила она:

«Въ чистомъ полѣ ржанье слышится,
Въ небѣ вѣроны кричатъ...
Князь Владиміръ! Я отправлюся
Въ ту сторонку наугадъ.

Видно, тамъ мой мужъ валяется,—
Отпусти меня къ нему,
Я въ послѣдній разъ убитаго
Мужа крѣпко обойму.

«Вдоволь я надъ нимъ наплачуся,
Трупъ слезами орошу.
Если-жъ съ мужемъ не прощуся я,—
Передъ Богомъ согрѣшу»...

Потемнѣлъ Владиміръ-солнышко,
Свѣтлыхъ думъ пропалъ и слѣдъ...

Отказать невѣстѣ—совѣстно;
Отпустить—охоты нѣтъ.

Голова на грудь склонилася,
Шевельнулась совѣсть въ немъ,—
И на просьбу Василисину
Согласился онъ съ трудомъ.

Въ провожатые Микулишнѣ
Далъ онъ двухъ богатырей,—
И помчалася красавица,
Вѣтра вольнаго быстрѣй.

VIII.

Вотъ, въ долинѣ, за кустарникомъ,
Трупъ лежитъ въ травѣ густой,
Точно дерево, разбитое
Безпощадною грозой.

Въ беспорядкѣ кудри черныя
Опустились надъ челою;
Истекаетъ кровью алою
Грудь, пробитая вощемъ.

Измѣнила смерть холодная
Красоту его лица,
И раскинуты бессильныя
Руки мощнаго бойца...

И, спрыгнувъ съ коня ретиваго,
Точно первый снѣгъ бѣла,
Безъ рыданій, къ мужу мертвому
Василиса подошла;

И упавъ на грудь Данилову,
Горемычная вдова
Громео вскрикнула: «Злодѣями
Ты убить, а я жива!

«Для чего-жь мнѣ жизнь оставлена,
Если нѣтъ тебя со мной?
Не грѣшно ли мнѣ, не стыдно ли
Быть Владиміра женой?

«И не лучше-ль злому половцу
Мнѣ отдать и жизнь и честь,
Чѣмъ съ убійцей мужа милаго
Цѣлый вѣкъ въ слезахъ провесть?

«Нѣтъ, не лечь на ложе брачное
Опозоренной вдовѣ,
И не быть съ дружиной княжеской
И съ Добрынею въ родствѣ;

«Не носить уборы цѣнные,
Жемчуги и янтарі...
Подойдите и послушайте
Вы меня, богатыри!

«Вы скажите князю стольному,
Чтобъ валяться не далъ намъ
Въ полѣ овъ безъ погребенія,
На съѣденіе звѣрямъ.

«Прикажите, други, плотникамъ
Сколотить намъ гробъ большой,
Чтобъ не тѣсно было милому
Спать со мной въ землѣ сырой».

Такъ сказала имъ Микулишна—
И пробила грудь ножомъ;
Изъ глубокой раны хлынула
Кровь горячая ключемъ.

На груди супруга милаго
Умерла его жена,—
Жизнь безъ слезъ она оставила,
До конца ему вѣрна.

IX.

Грозенъ князь Владиміръ кіевскій
 Возвратился въ городъ свой,
 Не съ красавицей-княгинею,
 А съ глубокою тоской.

Не съ весельемъ князя встрѣтили
 Горожане у воротъ;
 Пусты улицы широкія,
 Точно вымеръ весь народъ.

Надъ богатымъ, славнымъ Кіевомъ
 Тишь могильная стоитъ;
 Лишь по улицамъ, въ безмолвіи,
 Раздается стужъ копытъ.

Грозенъ князь вошелъ въ хоромины;
 Молча слуги вслѣдъ идутъ;
 И велѣлъ имъ князь Путятича
 Привести въ себѣ на судъ.

И, дрожа отъ страха смертнаго,
 Сталъ Путятичъ у дверей...
 Не для пира-столованія
 Князь созвалъ богатырей.

Знать, прошла пора веселая
 Шумныхъ княжескихъ потѣхъ:
 Смотрятъ сумрачно дружинники,
 Стольный князь суровѣй всѣхъ.

Съ гнѣвомъ молвилъ онъ Путятичу:
 «Какъ намъ быть съ тобою, свать?
 Ъздилъ въ даль я за невѣстою,
 А вернулся неженатъ.

«Ты затѣялъ дѣло хитрое,
 Да пропалъ задаромъ трудъ:
 Идутъ слуги въ Кіевъ съ ношею,
 Двухъ повойниковъ несутъ.

«Погубилъ слугу я вѣрнаго—
И остался холостой.
Видно, князю не приходится
Володать чужой женой.

«И не должно князю слушаться
Злыхъ совѣтниковъ своихъ:
Злой слуга змѣи опаснѣе,
На худое дѣло лихъ.

«Мнѣ же рѣчь твоя понравилась;
Эта рѣчь была грѣшна,—
И не смѣть теперь мнѣ съ совѣсти
Вѣвовѣчнаго пятна.

«Князь Владиміръ стольно-кїевскій
Щедрымъ слылъ до этихъ поръ...
Чѣмъ же мнѣ тебя пожаловать,
Наградить за мой поворъ?

«Всѣ дѣла твои лукавыя
И совѣты были злы,—
И за то, Мишата, жалую
Я тебя котломъ смолы».

И. СУРИКОВЪ.

НАСЕЛЕНІЕ ПЕТЕРБУРГА

и

ЕГО ЭКОНОМИЧЕСКІЙ И СОЦІАЛЬНЫЙ СОСТАВЪ

по переписи 1869 года.

Окончаніе.

III *).

Соціальный складъ трудящагося населенія.— Самодѣтельное и несамодѣтельное населеніе по занятіямъ. — Возрастный составъ трудящагося населенія. — Размѣщеніе по домамъ и квартирамъ.

Смотря по тому, большее или меньшее число несамоостоятельныхъ лицъ, о которыхъ приходится заботиться, лежитъ на рублахъ у каждаго самостоятельнаго работника, мы выводимъ заключеніе о степени промышленной силы населенія, независимо отъ другихъ соображеній нравственнаго порядка, какія могутъ быть связаны съ этимъ фактомъ. Чѣмъ меньше, напротивъ, въ извѣстной хозяйственной группѣ лицъ, живущихъ на средства работника — или потому, что ихъ дѣйствительно меньше, или потому, что многіе изъ нихъ должны также работать — тѣмъ хозяйственная сила такой

*) См. выше: октябрь, 606 стр.

группы слабѣе. Такова нить, которая должна руководить нами при сопоставленіи цифръ самостоятельнаго и живущаго на его средства населенія. Д-ръ Швабе, редактировавшій изданіе послѣдняго берлинскаго ценза, поэтому позаботился весьма обстоятельно выдѣлить во всѣхъ отрасляхъ занятій это несамостоятельное населеніе, приурочивъ его, кромѣ того, къ другому весьма важному соціальному факту—степени самостоятельности самодѣятельнаго населенія. *Angehörige* (для котораго собственно нѣтъ русскаго подходящаго выраженія) распредѣлены не только по возрасту, полу, но и по тому, принадлежатъ ли они въ *Arbeitgeber*'амъ (хозяевамъ), или *Arbeitnehmer*'амъ (рабочимъ). Само собою разумѣется, что здѣсь можетъ идти рѣчь только о промышленности и торговлѣ, ибо далѣе, въ либеральныхъ профессіяхъ, можно только различать нанимателей и прислугу. Подобная сводка даетъ возможность сдѣлать много въ высшей степени интересныхъ выводовъ относительно соціального положенія берлинскаго населенія. Отъ сравненія съ Лондономъ мы вынуждены совершенно отказаться, за недостаткомъ матеріаловъ для того въ англійскомъ цензѣ.

Такимъ образомъ, въ Берлинѣ оказывается, что вообще на 100 *Selbstthätige* (самостоятельно трудящихся) живутъ всего 88,6 *Angehörige*; слѣдовательно, самостоятельное населеніе на 12⁰/₁₀₀ больше, чѣмъ то, которое живетъ на его средства. Очевидно, положеніе болѣе выгодное, чѣмъ, напримѣръ, положеніе парижскаго населенія, гдѣ на 100 самостоятельныхъ приходится только 65 несамостоятельныхъ.

При дальнѣйшемъ анализѣ оказывается, что изъ всѣхъ группъ по занятіямъ въ наивыгоднѣйшемъ положеніи стоятъ: 1) духовенство и 2) общественная служба, гдѣ на 100 самостоятельныхъ приходится 209 несамостоятельныхъ; потомъ слѣдуютъ: 3) гражданская администрація, 192; 4) придворная служба, 177; 5) пром. передвиженія, 173; 6) судебное вѣдомство и адвокатура, 148; 7) торговля, 117; 8) собственники и рентьеры, 112; 9) сельскіе хозяева, 103; 10) занимающіеся воспитаніемъ, 97; 11) науками и искусствами 92; 12) промышл. обрабатывающая, 90; 13) врачебное пособіе, 83; 14) личныя услуги, 29.

Мы не считаемъ военныхъ (12 на 100), потому что въ этомъ родѣ занятій не можетъ быть рѣчи о заработкѣ для поддержанія семьи или близкихъ. Цифры эти едва ли нуждаются въ комментаріяхъ: они суть вмѣстѣ и выводы. Во всѣхъ отрасляхъ производства въ свою очередь проходитъ тотъ фактъ, что ббльшая зажиточность хозяевъ, сравнительно съ рабочими, даетъ

для нихъ постоянно большую цифру независимаго населенія, на ихъ заботахъ лежащаго:

		На 100 самост. приходится не- самостоятель- ныхъ.
Промышленность	{ Хозяева. . . .	236
	{ Работники. . .	72
Торговля	{ Хозяева. . . .	210
	{ Работники. . .	47
Передвиженія. .	{ Хозяева. . . .	230
	{ Работники. . .	144

Въ Парижѣ матеріалы не позволяютъ намъ прослѣдить этихъ отношеній по разнымъ группамъ занятій, но въ средней величинѣ тоже на 100 хозяевъ приходится 110 независимаго, на 100 у нихъ служащихъ (администрація) 74, у работниковъ только 58.

Составителямъ петербургскаго свода матеріаловъ, добытыхъ переписью, факты эти казались вѣроятно маловажными, потому что имъ стоило бы небольшого труда разработать группу независимаго населенія, по тѣмъ же формамъ, по которымъ разработано населеніе самостоятельно трудящееся и, наконецъ, дополнить сдѣланную разверстку по занятіямъ, полу и возрасту данными о семейномъ состояніи обѣихъ социальныхъ группъ. Данными бы получились болѣе цѣнные, чѣмъ, на примѣръ, ни къ чему почти не ведущая сводка по занятіямъ и сословіямъ, занятіямъ и вѣроисповѣданіямъ. Въ той формѣ, какъ матеріалъ теперь изданъ, онъ даетъ общую цифру независимаго по родовымъ группамъ занятій, по полу и по возрасту, — только.

Прежде нежели сдѣлать изъ него какіе-нибудь выводы необходимо обратить вниманіе на то, что отношеніе независимаго населенія къ самостоятельному можетъ служить для измѣренія хозяйственной обеспеченности въ томъ случаѣ, когда населеніе данной мѣстности состоитъ изъ элементовъ преимущественно, если не исключительно, осѣдлыхъ. Берлинская перепись разработана такъ, что въ ней въ каждой небольшой группѣ можно выдѣлить туземное отъ пришлаго, и единственный, хотя большой недостатокъ ея въ этомъ отношеніи тотъ, что она разумѣетъ подъ 'Zugezogene' всѣхъ не родившихся въ Берлинѣ, хотя бы въ немъ и осѣдлыхъ. Наша перепись не даетъ даже и этого. При большомъ несомнѣнно числѣ жителей Петербурга, приходящихъ сюда только на заработки, имѣющихъ семью на родинѣ, всякое заключеніе объ отношеніи самостоятельнаго и независимаго

населенія въ отдѣльныхъ группахъ занятій можетъ быть ошибочно. Необходимо выдѣлить пришлое населеніе. За неизбѣніемъ прямыхъ средствъ къ этому, мы позволили себѣ прибѣгнуть къ способу, хотя нѣсколько произвольному, но все же сколько-нибудь ведущему къ цѣли.

Мы имѣемъ указаніе, въ вѣдомости занятій по сословіямъ, данныя о томъ, сколько крестьянъ какой губерніи числится въ томъ или другомъ промыслѣ. Число ихъ значительно, какъ мы увидимъ, въ промышленности сельской, обрабатывающей, торговой и перевозочной, и ничтожно въ другихъ профессіяхъ. Между ними есть хозяева и рабочіе; послѣднихъ на много, конечно, больше. Рабочіе несомнѣнно въ Петербургѣ неосѣдлы, почти всѣ не имѣютъ съ собою своей семьи, или вообще лицъ на ихъ попеченіи. Конечно, къ нимъ слѣдовало бы присоединить нѣкоторое число мѣщанъ; но объ нихъ не имѣется данныхъ, откуда они. Мы приняли всѣхъ крестьянъ-рабочихъ за пришлыхъ и не имѣющихъ, слѣдовательно, отношенія къ петербургскому самостоятельному населенію. Получаемая за вычетомъ ихъ цифра самостоятельнаго населенія во всякомъ случаѣ имѣетъ больше права на сравненіе съ цифрою несамостоятельнаго населенія, нежели находимая въ общихъ итогахъ. Что касается до населенія несамостоятельнаго, то въ немъ процентъ приплываго, такимъ же образомъ выведенный, несравненно меньше. Тогда какъ въ самостоятельно трудящемся населеніи онъ, по родовымъ группамъ, колеблется для м. нас. между 69 и 52, въ женскомъ стоитъ близь къ 25, въ несамостоятельномъ онъ равенъ 17% въ мужскомъ населеніи и 18% въ женскомъ. Но разложить это пришлое несамостоятельное населеніе по занятіямъ невозможно, ибо въ сводѣ оно не разложено по занятіямъ и сословіямъ. Приходится вездѣ несамостоятельное населеніе, въ отношеніи къ самостоятельному, понижать приблизительно на 17%. Впрочемъ, въ относительныхъ цифрахъ разница выходитъ самая незначительная. Послѣ всѣхъ сдѣланныхъ поправокъ получается слѣдующій рядъ отношеній несамостоятельныхъ къ 100 самостоятельнымъ, причемъ занятія расположены въ нисходящемъ порядкѣ по числу несамостоятельныхъ:

1. Придворная служба 159 (159)
2. Общественная служба. 153 (153)
3. Гражданская служба 137 (137)
4. Священнослужители 135 (135)
5. Торговля : 123 (65)
6. Сельское хозяйство. 105 (47)
7. Передвиженіе 103 (46)

8. Собственники и рентьеры . . .	103 (103)
9. Судебное вѣдомство и адвокатура.	102 (102)
10. Врачебное пособіе	81 (81)
11. Науки и искусства	79 (79)
12. Обрабатывающая промышл. . . .	79 (42)
13. Личныя услуги	35 (23)
14. Воспитаніе и образованіе	34 (34)

Всѣ занятія, кромѣ военныхъ и моряковъ, 70. Въ скобкахъ приведены отношенія, полученныя прямо изъ итоговъ, безъ введенія поправокъ. Разница между обоими рядами тѣмъ больше, тѣмъ больше пришло элемента въ общемъ числѣ самостоятельнаго населенія. Предполагаемая же нами величина его равняется для мужского населенія въ пром. передвиженіи 69⁰/₀, въ сельскомъ хозяйствѣ 66⁰/₀, торговлѣ 58⁰/₀, обрабатывающей промышленности 56⁰/₀. И въ группѣ личныхъ услугъ 52⁰/₀; для женскаго—въ личныхъ услугахъ 43⁰/₀, въ обрабатывающей и торговой промышленности 27⁰/₀, передвиженія 4⁰/₀.

Сравнивая наши отношенія съ берлинскими, мы выводимъ слѣдующія заключенія:

1) У насъ число несамостоятельнаго населенія, по отношенію къ самостоятельному, вообще, болѣе слабо, возьмемъ ли мы всю массу населенія или отдѣльныя его группы, въ неисправленномъ или исправленномъ видѣ. Въ то время, какъ въ Петербургѣ на 100 самостоятельныхъ приходится 50 несамостоятельныхъ, и за отчисленіемъ пришло самостоятельнаго и несамостоятельнаго населенія 70, въ Берлинѣ мы находимъ 88,6. Было бы слишкомъ смѣло заключать отсюда о меньшей хозяйственной силѣ нашего населенія, хотя вѣрность такого вывода весьма вѣроятна; но несомнѣнно, что фактъ самъ по себѣ весьма характеренъ.

Въ Петербургѣ населеніе живетъ преимущественно интересами матеріальными, нравственные болѣею частію гдѣ-нибудь на сторонѣ, внѣ Петербурга.

2) Хозяйственныя группы въ нисходящемъ порядкѣ располагаются почти одинаково въ Петербургѣ и Берлинѣ, выражая одинъ общій социальный законъ, по которому тѣмъ болѣе обезпечены матеріальные интересы даннаго класса, тѣмъ болѣе число несамостоятельныхъ лицъ группируется около работника, образуя съ нимъ одну, такъ сказать, социальную кѣточку. Менѣе всего обезпеченными въ социальномъ отношеніи у насъ являются занимающіеся воспитаніемъ и образованіемъ—гораздо менѣе, чѣмъ въ Берлинѣ (97 на 100 сам. и 34 у насъ): у насъ этотъ классъ стоитъ на послѣднемъ мѣстѣ (14-мъ, въ Берлинѣ на 10-мъ); выше, на слѣдующемъ мѣстѣ, стоятъ личныя услуги, гдѣ менѣе

всего пришлыхъ элементовъ, потому промышленность обрабатывающая, занимающая совершенно одинаковое мѣсто въ ряду другихъ занятій и въ Берлинѣ, и у насъ (12-е), занимающіеся науками и искусствами (въ Берлинѣ и у насъ 11-е мѣсто), врачевнымъ пособіемъ. Наиболѣе обжившіеся и устроившіеся въ Петербургѣ хозяйственные классы населенія будутъ: принадлежащіе къ придворной службѣ, духовныя лица, занимающіе общественныя должности, чиновники гражданской администраціи, лица, занимающіяся торговлей, перевозочной промышленностью, собственники и рентьеры, лица судебного вѣдомства.

Сама по себѣ, однако, цифра несамостоятельнаго населенія имѣетъ еще мало значенія: надобно знать, изъ чего состоитъ это населеніе, какъ оно распредѣляется по полу, возрасту, семейному состоянію. Отвѣты на эти вопросы по русскимъ даннымъ возможны только въ самой общей формѣ, потому что несамостоятельные разложены только въ общемъ итогѣ по возрасту и не разложены вовсе по семейному состоянію; одно только распредѣленіе половъ можетъ быть сдѣлано по родовымъ группамъ занятій.

Половой составъ несамостоятельнаго населенія имѣетъ всегда болѣе или менѣе одинъ характеръ: въ немъ больше гораздо женщинъ, чѣмъ мужчинъ. Точно также по возрастному составу болѣе всего въ немъ дѣтей и затѣмъ стариковъ; среднее отношеніе дѣтей до рабочаго возраста и стариковъ, перешедшихъ рабочей возрастъ, къ взрослому населенію, опредѣляетъ нормальное отношеніе мужского несамостоятельнаго населенія къ самостоятельному. Судя по таблицѣ г. Бунаковского, ‰ дѣтей до 15 лѣтъ въ общемъ мужскомъ населеніи равняется 36,3‰, стариковъ послѣ 60 лѣтъ 5,4‰. Взрослое населеніе можетъ попасть въ разрядъ несамостоятельныхъ: или, если въ немъ есть больные и увѣчные, не могущіе работать, или тунеядцы, живущіе при кормильцахъ и ничего не дѣлающіе, или, наконецъ, въ крайнихъ случаяхъ, вслѣдствіе неимѣнія занятій. Понятно также, что чѣмъ болѣе нуждается семья въ поддержкѣ труда своего главы трудомъ еще другихъ членовъ семьи, особенно малолѣтнихъ, тѣмъ меньше въ такомъ населеніи будетъ несамостоятельныхъ мужчинъ и тѣмъ меньше дѣтей. Чѣмъ ранѣе истощаетъ свои силы работникъ, тѣмъ раньше онъ поступаетъ въ разрядъ несамостоятельныхъ и ложится на попеченіе семьи.

Съ точки зрѣнія этихъ соображеній рассматриваемое петербургское населеніе представляется намъ въ довольно неблагоприятномъ видѣ.

Во-первыхъ, несамостоятельныхъ мужчинъ въ немъ мало — 28% противъ 31% въ Берлинѣ ¹⁾, и сообразно съ этимъ менѣе, чѣмъ въ Берлинѣ, дѣтей до 14 лѣтъ: 84,2% м. и 35,5% ж., сравнительно съ 91% и 41% въ этомъ послѣднемъ. Во-вторыхъ, возмужалое мужское населеніе въ Петербургѣ представлено сильнѣе, чѣмъ въ Берлинѣ. А именно, на 100 всѣхъ возрастовъ считается м. п.:

	Въ Петербургѣ.	Въ Берлинѣ.
14—20	9,5	6,6
21—30	2,9	2,0
31—40	0,7	0,1
41—50	0,7	0,0

Наконецъ, въ третьихъ, число лицъ старѣе 50-ти лѣтъ въ несамостоятельномъ населеніи тоже болѣе, чѣмъ въ Берлинѣ:

	Въ Петербургѣ.		Въ Берлинѣ.	
	м.	ж.	м.	ж.
51—60	0,5	5,6	0,0	4,8
61 и выше	1,5	4,7	0,2	2,7

процентовъ всего несамостоятельнаго населенія соответствующаго пола.

Одна изъ главнѣйшихъ причинъ такого, неблагоприятнаго для Петербурга, состава несамостоятельнаго населенія кроется, безъ сомнѣнія, въ слишкомъ раннемъ началѣ трудовой жизни, въ рано начинающейся работѣ дѣтей, этомъ больномъ мѣстѣ всего нашего хозяйственнаго и социальнаго строя. При отсутствіи законовъ, ограничивающихъ minimum рабочаго возраста, русскій человѣкъ рано вступаетъ на тяжелый путь труда. Петербургскія данныя показываютъ, что дѣтей до 10-ти лѣтъ считается въ числѣ рабочихъ 656 (427 м. и 229 ж.), т.-е. около 1% всѣхъ дѣтей этого ранняго возраста. Петербургскія данныя однако представляютъ положеніе дѣлъ еще въ лучшемъ свѣтѣ, или потому, что оно дѣйствительно лучше, или потому, что возрастъ работающихъ дѣтей увеличенъ хозяевами. Мы всегда были убѣждены, что % дѣтей, работающихъ на фабрикахъ и заводахъ промышленной полосы Россіи, больше петербургскаго, и дѣйствительно, свѣдѣнія, собранныя русскимъ техническимъ обществомъ по этому вопросу, подтвердили такое предположеніе. Съ возрастомъ возрастаетъ и число работающихъ дѣтей, такъ что въ 11—15-

¹⁾ И здѣсь мы откидываемъ пришлое населеніе, выдѣленное на основаніи вышеизложенныхъ данныхъ.

лѣтнемъ число ихъ доходить до 21,795 ¹⁾ (18,056 м. и 3739 ж.), или 52% всѣхъ дѣтей, а за исключеніемъ живущихъ въ закрытыхъ учебныхъ заведеніяхъ, болѣею частью не принадлежащихъ къ петербургскимъ семействамъ, процентъ этотъ дойдетъ до 61! По отношенію къ самодѣятельному населенію дѣти до 15 лѣтъ составляютъ среди мужского населенія 6,9%, среди женскаго 3,6%. Чтобы судить о размѣрахъ эксплуатаціи дѣтскаго труда, выражаемой этими цифрами, стоить сравнить ихъ съ берлинскими. Тамъ насчитывается всего 4186 дѣтей до 14-ти-лѣтняго возраста, считающихся самостоятельно трудящимися ²⁾, что составляетъ, по отношенію къ общему числу дѣтей до этого возраста, 1,4%, у насъ 18,3% или въ 13 разъ болѣе. Если даже предположить, что всѣ 4186 дѣтей этихъ принадлежатъ къ возрасту 10—14 лѣтъ, то и тогда наше отношеніе будетъ превосходить берлинское (6%) почти въ 9 разъ ³⁾.

Наиболѣе эксплуатируется дѣтскій трудъ въ промышленности обрабатывающей, гдѣ мальчики до 15 лѣтъ составляютъ 10,6% рабочихъ, дѣвочки 7,1%; затѣмъ слѣдуетъ торговля 10,2% и 0,8%, перевозочная промышленность 4,8% и 0,2%; наконецъ, личныя услуги—1,8% мальчиковъ и 2,6% дѣвочекъ.

Значеніе приведенныхъ цифръ не умаляется нисколько тѣми фактами, которые раскрываются при ближайшемъ анализѣ данныхъ и которые указываютъ на то, что большинство дѣтей является полу-учениками, полу-работниками въ разныхъ ремеслахъ, а не собственно на фабрикахъ, потому что еще вопросъ, что ведетъ, при нашихъ предпринимательскихъ порядкахъ, къ болѣшему физическому изнуренію и нравственной порчѣ дѣтей—ремесленный или фабричный складъ труда. Свѣдѣнія, собранныя русскимъ техническимъ обществомъ, показали намъ, что дѣти, работающія на фабрикахъ, живутъ болѣею частію при родителяхъ; многія изъ нихъ ходятъ въ школу; дѣти же, помѣщенные въ ученіе къ мастерамъ, болѣею частью заброшены въ столицу родителями, живущими далеко, заброшены съизмала подъ весьма сомнительное воспитательное вліяніе мастерской. Случаи самоубійствъ отъ жестокаго обращенія хозяевъ съ такими «учени-

¹⁾ За исключеніемъ самостоятельныхъ, живущихъ доходами съ имущества, пенсією, призрѣваемыхъ, арестантовъ, временно-заѣзжихъ и пр.

²⁾ Исключены призрѣваемые, иначе итогъ будетъ 5271.

³⁾ Перевѣсъ нашихъ цифръ долженъ быть, собственно говоря, нѣсколько меньше, потому что мы принуждены взять возрастную группу однимъ годомъ болѣе; но общее значеніе факта и даже его количественное выраженіе мало измѣняются отъ этого.

каки-нибудь попадаются въ хроникѣ петербургской жизни: фактъ едва ли возможный на фабрикѣ, хотя мы утверждаемъ это на основаніи личнаго наблюденія, а не статистическаго материала, котораго нѣтъ. Наибольшій процентъ мальчиковъ до 15 лѣтъ занятъ въ двухъ отрасляхъ промышленности: въ приготовленіи одежды и въ торговлѣ изъ лавокъ (по $19\frac{1}{2}\%$ въ каждой)—главнымъ образомъ въ изготовленіи мужского платья и въ изготовленіи обуви (у портныхъ 33% , у сапожниковъ 55% мальчиковъ, занятыхъ въ этой отрасли) и въ торговлѣ мелочной (мелочныя лавки), бакалейной и напитками (ренсковые погреба). Затѣмъ, 9% мальчиковъ служатъ по трактирнымъ и питейнымъ заведеніямъ; 8% у столяровъ, обойщиковъ и другихъ хозяевъ, занятыхъ по устройству жилищъ; 8% въ изготовленіи металлическихъ издѣлій (отчасти на желѣзно-дорожныхъ и механическихъ заводахъ); 4% на филатурахъ и ткацкихъ фабрикахъ; 4% у булочниковъ, кандитеровъ и пр.; 4% служатъ въ извозчикахъ и другихъ промыслахъ, связанныхъ съ перевозкою по сухому пути, наконецъ, 4 же % числится въ личной прислугѣ. Остальные 20% распредѣляются по разнымъ другимъ производствамъ и отраслямъ торговли.

Что касается до дѣвочекъ (до 15 лѣтъ), то сфера ихъ труда гораздо тѣснѣе, чѣмъ сфера труда, открывающаяся мальчикамъ. Дѣвятихъ (40%) дѣвочекъ относится къ категоріи швей, $\frac{2}{5}$ къ личной прислугѣ; затѣмъ около 11% на работницъ на фабрикахъ (обработка воловнистыхъ веществъ), 5% работаютъ на табачныхъ фабрикахъ, до 4% служатъ въ прачкахъ. Можетъ быть, ни въ одномъ другомъ фактѣ не выражается такъ рельефно преобладающій ремесленный характеръ петербургской промышленности надъ фабричнымъ, какъ въ приведенномъ распредѣленіи дѣтскаго труда: для ремесла онъ является такъ сказать главною школою. Въ Берлинѣ, напримѣръ, изъ небольшого числа дѣтей, которое вообще тамъ считается въ средѣ рабочаго населенія, болѣе половины— 68% м. и 58% дѣвочекъ—суть фабричныя работницы; помѣщенныя же въ ремесленныя заведенія распредѣляются небольшими числами между всѣми промыслами почти равномерно, съ небольшимъ преобладаніемъ ихъ между портными, сапожниками, швеями, переплетчиками и проч. Впрочемъ, ничего положительнаго въ этомъ отношеніи сказать нельзя, такъ какъ берлинское изданіе переписи 1871 г., при раскладкѣ *Selbstthätige* по возрастамъ не дѣлаетъ различія между хозяевами и ихъ работниками.

Конкуренція, которую дѣтскій трудъ представляетъ труду

взрослаго населенія, выражается тѣмъ процентомъ дѣтей, каковой находимъ мы въ общемъ итогѣ работниковъ данной промышленной группы. По этому проценту всѣ родовыя группы производствъ располагаются для мужчинъ въ слѣдующемъ порядкѣ:

Переплетное и футлярное	16,1
Торговля въ лавкахъ	15,9
Производство одежды	15,9
Производство инструментовъ	15,6
Тракторный промыселъ	15,0
Устройство жилищъ	12,8
Содержаніе въ чистотѣ одежды	12,2
Пряденіе и тканье	10,5
Производство по продовольствію	9,2
Постройка жилищъ	9,0
Производство металлическихъ издѣлій	8,3
Типографіи, литографіи	6,1
Разносная торговля	4,5
Шорное, сѣдельное и пр. производства изъ кожи.	4,2
Извозный промыселъ	3,3
Личная прислуга	1,8
Химическія производства	1,2

Въ отрасляхъ женскаго труда, конкуренція труда малолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ работницъ сильнѣе всего въ приготовленіи одежды—10,8⁰/₀ работницъ этого промысла, въ переплетномъ производствѣ—10,7⁰/₀, въ фабричной обработкѣ волокна—9,7⁰/₀, въ производствахъ по продовольствію (табачное)—8,4⁰/₀ и въ лавочной торговлѣ—1,3⁰/₀.

Обращаясь къ величинѣ самодѣятельнаго населенія, перешедшаго за 50-лѣтній возрастъ, мы находимъ, что въ Петербургѣ въ общемъ итогѣ она для обоихъ половъ почти одинакова съ берлинскою: 77⁰/₀ противъ 82⁰/₀ для мужскаго и 32⁰/₀ противъ 26⁰/₀ для женскаго, за исключеніемъ собственниковъ, рентеровъ, призрѣваемыхъ и др. лицъ, не живущихъ непосредственными трудовыми силами. Но анализируя отдѣльныя отрасли производствъ, мы замѣчаемъ между Петербургомъ и Берлиномъ значительную разницу. Разница эта выражается въ почти повсемѣстно большемъ ⁰/₀ 50-лѣтнихъ и выше работниковъ въ берлинскомъ населеніи, за исключеніемъ области личныхъ услугъ, гдѣ разница значительно въ пользу Петербурга. Такъ, въ обрабатывающей промышленности для мужчинъ мы находимъ у насъ 7⁰/₀, противъ 9,5⁰/₀ въ Берлинѣ, для торговли 8,8⁰/₀ противъ 11,3⁰/₀, для передвиженія 9,5⁰/₀ противъ 11,6⁰/₀. Но еще больше эта разница въ производствахъ не-матеріальныхъ: среди занимающихся

воспитаніемъ и образованіемъ 4,7% противъ 18,5% въ Берлинѣ, занимающихся науками и искусствомъ 10,5% противъ 15,6%, въ гражданской службѣ 12,7% противъ 22,6%. Въ женскомъ населеніи разниця не столь значительна и, при небольшой экстенсивности явленій, иногда дѣлается неопредѣленною, причемъ петербургскія отношенія превышаютъ иногда берлинскія.

Приведенные факты составляютъ признаки другихъ фактовъ, имѣющихъ большое значеніе и въ социальномъ, и въ экономическомъ смыслѣ. Эти послѣдніе факты будутъ тѣ вѣроятныя причины, отъ которыхъ первые зависятъ. Въ производствахъ матеріальныхъ, тамъ въ особенности, гдѣ масса работниковъ участвуетъ механическимъ трудомъ, меньшій % лицъ, перешедшихъ за 50-лѣтній возрастъ, указываетъ на раннее наступленіе упадка физическихъ силъ, требующее постоянного пополненія рабочаго контингента приливомъ извнѣ силъ свѣжихъ, молодыхъ. Такова въ особенности вся область обрабатывающихъ производствъ. Въ Петербургѣ не только % работниковъ старѣе 50 лѣтъ въ нихъ меньше, но и въ суммѣ способнаго къ самостоятельному труду населенія этотъ возрастной классъ въ обрабатывающей промышленности представляется всего 22% противъ 42% въ Берлинѣ для мужчинъ и 9% противъ 14,5% для женщинъ. Другими словами, у насъ только 22% этого возрастнаго класса сохраняютъ способность къ труду, требующему преимущественно сохраненія физическихъ способностей, въ Берлинѣ 42%. Хотя весьма вѣроятно, что высказанныя нами причины имѣютъ значительную долю въ прозведеніи приведенныхъ фактовъ, но несомнѣнно и то, что есть еще другое условіе, стоящее съ ними рядомъ. Наше фабричное и отчасти ремесленное населеніе есть въ то же время населеніе вѣстнянское, не имѣющее осѣдлости въ городахъ; въ города идетъ народъ болѣе молодой, старый уступаетъ ему отхожіи промыслы, и въ суммѣ фабричнаго и ремесленнаго городского населенія % стариковъ долженъ быть вслѣдствіе этого меньше. Но, не зная возрастнаго состава пришлага рабочаго люда, мы не въ состояніи и измѣрить вліянія этого фактора. Точно то же имѣетъ мѣсто и въ сферѣ труда не-матеріальнаго, съ тою разницею, что пришлый элементъ по численности здѣсь ничтоженъ, и что меньшая численность разсматриваемаго возраста указываетъ еще на то обстоятельство, что общество въ меньшей мѣрѣ пользуется опытностью, знаніемъ людей именно въ тѣхъ производствахъ, гдѣ оно всего дороже: тутъ молодыя силы не всегда суть и наиболѣе производительныя.

Что касается до «личныхъ услугъ», то въ Петербургѣ мы

находимъ въ нихъ гораздо больше представителей стараго населенія, и относительно всего числа лицъ этой профессіи, и относительно всей этой возрастной группы.

	По отношенію къ работникамъ катего- рии личнымъ услугъ.		По отношенію ко всему числу 50-ти- лѣтнихъ и выше.	
	П.	Б.	П.	Б.
М.	13,8%	8,2%	16,8%	4,4%
Ж.	12,2%	4,1%	17,0	3,9%

Фактъ этотъ объясняется для мужчинъ довольно просто тѣмъ, что у насъ въ рубрику службы личной включены сторожа при общественныхъ и казенныхъ зданіяхъ; но относительно таковаго большого числа старухъ въ средѣ личной прислуги, какое мы находимъ у насъ, въ матеріалахъ нѣтъ фактовъ для достаточнаго его объясненія.

Какими же средствами живетъ остающаяся не у промысла часть пятидесятилѣтнихъ и болѣе пожилыхъ петербурцевъ? Тутъ принадлежность тому или другому полу имѣеть существенное значеніе. Большинство старыхъ мужчинъ, не занятыхъ въ промышленности, живетъ доходами, средствами, нажитыми прежде, пенсією; большинство же такихъ старыхъ женщинъ остается на попеченіи семьи или общественнаго призрѣнія. Этотъ общій социальный фактъ въ Петербургѣ не такъ рѣзко выдается, какъ, напримѣръ, въ Берлинѣ. Изъ мужчинъ, перешагнувшихъ за пятый десятокъ и не имѣющихъ промысловаго занятія въ Петербургѣ, 58% живетъ доходами съ имущества и пенсією—въ Берлинѣ почти 74%; изъ женщинъ той же категоріи на попеченіи семействъ остается у насъ 52,3% и 24% живетъ призрѣніемъ общественнымъ и частнымъ, въ Берлинѣ 77,7% остаются на рукахъ родственниковъ трудящихся и только 7,4% пользуется благотворительностью. Различіе въ этихъ величинахъ можетъ быть объяснено, весьма вѣроятно, исключительнымъ развитіемъ въ нашей столицѣ благотворительныхъ учреждений и особымъ ихъ характеромъ. Мы вообще мало заботимся о предупрежденіи болѣзненности и нищеты; но много хлопочемъ о леченіи этихъ общественныхъ недуговъ, увеличивая такимъ образомъ населеніе больницъ и богадѣленъ, вмѣсто того, чтобы сокращать его. Особенностями же нашихъ пенсіонныхъ уставовъ можетъ быть объяснена и болѣшая, сравнительно съ берлинскою, цифра пожилыхъ женщинъ, живущихъ пенсією: она абсолютно и относительно превосходитъ берлинскую—3,754 или 12,8% у насъ и

1,357 или 3,7% въ Берлинѣ (по отношенію къ несамостоятельно-трудящимся женщинамъ, старѣе 50 лѣтъ).

Подъ вліяніемъ изложенныхъ фактовъ, относительно участія труда главнымъ образомъ дѣтей и отчасти стариковъ, складывается своеобразно въ Петербургѣ и процентъ возмужалаго рабочаго населенія. Если справедливо выразить относительнымъ количествомъ этого населенія рабочую силу данной промышленности или данной группы людей, то сравненіе для Петербурга будетъ невыгодно: въ общей массѣ трудящагося населенія у насъ 81,8% муж. и 75,0% женщинъ принадлежатъ съ возрасту 15—50 лѣтнему, въ Берлинѣ 87% и 80%. Частныя отношенія, для отдѣльныхъ промышленныхъ группъ, однако уклоняются иногда значительно отъ этихъ среднихъ. Отрасли, въ которыхъ въ Петербургѣ менѣе возмужалаго населенія, чѣмъ въ Берлинѣ, будутъ, для мужского населенія:

Обработывающая промышленность.	82,3%	(Б. 89,4%)
Торговая промышленность.	81,0 >	(— 87,5 >)
Перевозочная и трактирная	85,6 >	(— 88,0 >)
Личныя услуги.	84,4 >	(— 90,4 >)

Въ женскомъ населеніи въ такомъ положеніи стоитъ одна группа личныхъ услугъ 85,3% (Б. 95,1%).

Возмужалый возрастъ въ Петербургѣ представленъ сильнѣе, чѣмъ въ Берлинѣ въ женскомъ населеніи, занятомъ во всѣхъ матеріальныхъ производствахъ, и въ мужскомъ въ группѣ лицъ, служащихъ и занимающихся воспитаніемъ и образованіемъ¹⁾. Въ остальныхъ профессіяхъ, въ общихъ итогахъ, возмужалый возрастъ представленъ почти одинаково въ обоихъ сравниваемыхъ населеніяхъ, и формальная причина этого лежитъ въ непримѣнности къ этимъ отраслямъ занятій труда лицъ другихъ возрастныхъ категорій (главнымъ образомъ дѣтскаго труда). Таковы: науки, литература, искусство, военная служба, адвокатура и пр.

Послѣ возрастнаго состава производительнаго населенія, въ хозяйственно-соціальномъ отношеніи представляется весьма существеннымъ далѣе вопросъ о соотношеніи самостоятельно и

¹⁾ Женщины возмужалаго возраста:

Промышленность обработывающая	П. 82%	Б. 75,7%
„ торговая.	„ 82,2	„ 77,6
„ перевозочная	„ 74,6	„ 66,8
Мужчины: воспитаніе и образованіе.	„ 85,1	„ 80,5
„ гражданская служба	„ 87,3	„ 77,4

несамостоятельно трудящагося населенія, или, какъ нѣмцы удачно называютъ эти двѣ группы, *selbstständig* и *unselbstständig Ernährende*. Различіе это, конечно, имѣетъ мѣсто въ промышленности и торговлѣ, а не въ свободныхъ занятіяхъ, не въ производствѣ услугъ, гдѣ всѣ трудящіеся суть *Selbstständige*. Выше, говоря о размѣрахъ предпріятій въ разныхъ отрасляхъ промышленности, мы брали за мѣрку число работниковъ, т.-е. *unselbstständig Ernährende*, къ хозяевамъ, т.-е. къ *selbstständig Ernährende*. Теперь мы тѣ же цифры должны взять въ общихъ итогахъ по отношенію къ промышленному населенію.

Хозяинъ, самостоятельно кормящій свою семью, есть не только представитель капитала и лицо, несущее рискъ предпріятія, т.-е. не только извѣстный экономическій элементъ въ промышленности, но онъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ и потому самому особый элементъ социальный. Противопоставляется ему въ хозяйственномъ и социальномъ отношеніи наемный исполнитель въ предпріятіи, представитель труда, работникъ. Хозяинъ самостоятеленъ не только въ хозяйственномъ, но и въ социальномъ отношеніи; онъ не только есть орудіе распредѣленія валовой выручки предпріятія, но и въ извѣстной степени проведенія нравственныхъ и культурныхъ возрѣній того общественнаго слоя, къ которому принадлежитъ. Чѣмъ менѣе промышленность приближается къ формѣ фабричности, связывающей хозяина и работника одною внѣшнею взаимностью труда и заработной платы, тѣмъ сильнѣе вліяніе хозяина на нравственную природу работника. При ремесленной формѣ промышленности работникъ или живетъ въ семьѣ хозяина, или по крайней мѣрѣ проводитъ въ ней день: въ томъ и другомъ случаѣ представляется множество путей, которыми хозяинъ можетъ вліять на образъ мыслей, нравственныя понятія, даже на религіозныя и политическія убѣжденія работника. Когда предпріятія расширяются, принимаютъ фабричную форму, работники и хозяинъ становятся другъ другу все болѣе и болѣе чуждыми, какъ нравственныя единицы: работники образуютъ совершенно самобытный социальный слой, съ своими возрѣніями на нравственность, общественныя и политическія отношенія; хозяева составляютъ имущественно обезпеченный классъ, съ консервативными убѣжденіями, работники — необезпеченный или мало обезпеченный матеріально классъ, съ радикальными взглядами на общественныя вопросы. При ремесленной формѣ промышленности, къ классу, близкому къ классу хозяевъ предпріятій, должны быть причислены и такъ-называемые «одиночки». Въ хозяйственномъ смыслѣ мы ихъ причисляли къ работникамъ, но въ социаль-

вомъ должны поставить ихъ отдѣльно: у нихъ есть независимое положеніе, они образуютъ своего рода общественныя ячейки, живутъ особнякомъ, работаютъ на дому, не находятся подъ нравственнымъ и умственнымъ вліяніемъ семьи того хозяина, на котораго работаютъ. Одиночки, конечно, мыслимы только въ ремеслахъ, въ производствахъ, не нуждающихся въ приложеніи механическихъ двигателей. Едва только производство переходитъ въ фабричную форму, одиночки исчезаютъ. Работа можетъ происходить только въ одномъ общемъ помѣщеніи, подъ общимъ надзоромъ, и работникъ лишается права располагать своимъ временемъ; онъ подчиняется одному общему порядку. При извѣстныхъ размѣрахъ производствъ ремесленнаго, въ извѣстныхъ случаяхъ, и фабричнаго почти всегда возникаетъ, наконецъ, еще одинъ классъ работниковъ — это служащіе, лица, администрирующія предприятие, исполняющія по найму одну изъ функций предпринимательской дѣятельности. Они не могутъ быть приравнены къ хозяевамъ, ибо суть, подобно работникамъ, *Arbeitnehmer*, не могутъ быть поставлены и въ одну категорію съ работниками, ибо пользуются болѣею обеспеченностью и независимостью положенія и болѣе тѣсно, внутренне такъ-сказать, связаны съ интересами хозяевъ.

Такимъ образомъ, мы можемъ насчитать пять группъ производителей, представляющихъ различныя ступени соціальной самостоятельности: хозяева, служащіе у нихъ, одиночки, фабричные рабочіе (живущіе артелями или въ наемныхъ углахъ, безъ семьи) и ремесленные рабочіе. Выдѣлить изъ данныхъ, доставляемыхъ переписями, эти классы иногда довольно трудно. Петербургскія данныя прямо, на примѣръ, даютъ цифру хозяевъ, рабочихъ, одиночекъ и административныхъ лицъ; берлинскія даютъ число хозяевъ (*Arbeitgeber*), служащихъ (*Directionspersonal*) и рабочихъ (оба послѣдніе класса суть *Arbeitnehmer*). Въ дополненіе къ этому мы находимъ въ берлинской переписи свѣдѣнія о рабочихъ по образу жизни ихъ, съ раздѣленіемъ на тѣхъ, которые живутъ у хозяевъ, въ собственной квартирѣ, въ меблированныхъ комнатахъ и въ углахъ (*Schlafleute*), чего нѣтъ въ изданіи петербургской переписи. Но послѣдняго рода данныя въ Берлинѣ относятся ко всѣмъ *Arbeitnehmer*'амъ, слѣдовательно и къ работникамъ, и къ служащимъ, фабричнымъ и ремесленнымъ. Очевидно, что соображенія относительно рода промысла не могутъ тутъ помочь въ выдѣленіи служащихъ, фабричныхъ, ремесленныхъ рабочихъ и одиночекъ, если таковые вообще имѣются въ Берлинѣ. Сравнительный анализъ соціальныхъ группъ дѣ-

лается невозможнымъ, и мы принуждены ограничиться однимъ обзоромъ петербургскаго населенія и только нѣкоторыми соображеніями сравнительнаго характера.

Промышленное населеніе Петербурга слагается изъ слѣдующихъ элементовъ: 10,6% хозяевъ промышленныхъ и торговыхъ заведеній, 1% служащихъ, 15,5% одиночекъ, 16,0% фабричныхъ рабочихъ и 56,9% ремесленниковъ рабочихъ. Цифра фабричныхъ рабочихъ выведена приблизительно, т.-е. взята цифра рабочихъ тѣхъ отраслей производства, которыя имѣютъ вообще фабричный характеръ. У насъ получилась цифра почти вдвое большая противъ показанной въ 6-мъ выпускѣ II серіи статистическаго временника; но мы болѣе имѣемъ основанія вѣрить своему вычисленію, давшему 29,583 муж. и 6,347 жен. рабочихъ, чѣмъ цифрѣ 20,600 обоого пола, зная, какъ даются хозяевами фабрикъ показанія о числѣ рабочихъ. Такимъ образомъ, болѣе или менѣе обеспеченнымъ социальнымъ положеніемъ и самостоятельностью пользуется немного болѣе 27% промышленнаго населенія.

Должно однако замѣтить, что число лицъ административнаго персонала представляется крайне незначительнымъ и въ дѣйствительности оно вѣроятно нѣсколько больше; напримѣръ, во всей торговлѣ вовсе не показано въ переписи служащихъ. Но тоже болѣе чѣмъ вѣроятно, что они ничѣмъ не отличаются, въ большинствѣ случаевъ, отъ работниковъ (приказчики и пр.). Вообще, какъ мы замѣтили уже выше, сама хозяйственная жизнь еще мало выработала этотъ особый классъ живущаго трудомъ населенія и не отдѣляла его, кромѣ фабричныхъ производствъ, отъ остальной массы работниковъ. Остальные 73% промышленнаго населенія суть работники. Выдѣлить изъ нихъ представляется возможнымъ, на основаніи данныхъ о населеніи квартиръ (II выпускъ переписи 1869 года), и то приблизительно, слѣдующія группы:

Ремесленные рабочіе, живущіе у хозяевъ промысл. заведеній	34,7% >
Фабричные рабочіе, живущіе на фабрикахъ	1,0 >
Рабочіе, живущіе артелями	3,6 >
Рабочіе, живущіе по квартирамъ и угламъ	60,7 >

всѣхъ рабочихъ. Отношенія эти вѣрны приблизительно, потому что абсолютныя цифры получены черезъ перемноженіе числа квартиро-хозяевъ (хозяевъ) на среднее число живущихъ у нихъ рабочихъ ихъ же промышленныхъ заведеній; среднее число рабочихъ получалось изъ средняго числа отдѣльныхъ группъ квартиро-

хозяевъ по числу рабочихъ ¹⁾. По отношенію къ соответствующимъ группамъ получаются такія отношенія:

Изъ всѣхъ рабочихъ ремесленниковъ живетъ у своихъ хозяевъ	45,3%
Изъ фабричныхъ рабочихъ живетъ у своихъ хозяевъ	4,6 >
Изъ фабричныхъ ²⁾ рабочихъ живетъ артелями.	16,3 >
Ремесленные рабочіе, живущіе по квартирамъ и угламъ	54,7 >
Фабричные рабочіе, живущіе такимъ же образомъ.	79,1 >

Итакъ, въ своей жизненной обстановкѣ болѣе или менѣе обезпечены почти половина ремесленныхъ и одна-пятая фабричныхъ рабочихъ, чѣмъ мы однако отнюдь не утверждаемъ, чтобы жизнь у хозяина или въ артели была во всякомъ случаѣ или безусловно лучше, чѣмъ жизнь въ квартирѣ подвального этажа, чердака или угла на заднемъ дворѣ.

Сравненіе сколько-нибудь основательное съ Берлиномъ, мы свезали, невозможно; посмотримъ однако, какъ тамъ дробится промышленное населеніе на группы, подобныя нашимъ.

Хозяева составляютъ въ Берлинѣ 16,1%, промышленнаго населенія,			
Административный персоналъ	4,5 >	>	>
Рабочіе	79,4 >	>	>
	100,0		

По отношенію къ образу жизни оба послѣдніе класса распределяются такимъ образомъ:

Живетъ у хозяевъ	6,7%
> въ своей собственной квартирѣ.	33,6 >
> у родственниковъ	26,6 >
> въ меблированныхъ комнатахъ	6,2 >
> въ углахъ (Schlafleute)	26,9 >

Насколько тутъ сравненіе возможно, мы получаемъ слѣдующіе выводы:

- 1) Число хозяевъ, слѣдовательно вполнѣ selbständig Ernährenden, въ Берлинѣ въ полтора раза болѣе, чѣмъ въ Петербургѣ.
- 2) Рабочихъ, живущихъ у хозяевъ, въ Петербургѣ въ пять и ²/₁₀ разъ болѣе, чѣмъ въ Берлинѣ.
- 3) Если принять хоть нѣкоторое сходство между одиночками и живущими въ собственной квартирѣ рабочими, то берлинская

¹⁾ Напримеръ, считается 96 квартиро-хозяевъ, у которыхъ живетъ отъ 6 до 7 рабочихъ. Мы помножили 96 на 6 ¹/₂ и т. д.

²⁾ Предполагая, отчасти произвольно, но все же не безъ основанія, что артели живутъ рабочіе фабричныя.

цифра этихъ послѣднихъ будетъ вдвое почти превосходить относительную цифру нашихъ одиночекъ.

4) Затѣмъ, по чужимъ квартирамъ, мебелированнымъ комнатамъ и угламъ въ Берлинѣ живетъ 59,7% рабочихъ (предполагая, что собственно служащіе болѣею частью живутъ или у хозяевъ, или въ собственной квартирѣ — введеніе ихъ въ расчетъ невозможно и должно мало измѣнить отношеніе), въ Петербургѣ — 60,7%, т.-е. почти одно и то же относительное число работниковъ.

Общій же выводъ можетъ быть выраженъ слѣдующими положеніями: 1) въ Берлинѣ существуетъ гораздо менѣе социальной связи между хозяевами и работниками, обусловливаемой сожительствомъ, вслѣдствіе ли стремленія рабочаго населенія къ болѣе обособленности, вытекающей изъ болѣе обеспеченности, или вслѣдствіе болѣе фабричнаго характера промышленности, или наконецъ вслѣдствіе меньшаго числа учениковъ (малолѣтговъ) въ ремесленныхъ заведеніяхъ и болѣе большого числа мѣстныхъ рабочихъ, имѣющихъ въ Берлинѣ осѣдность помимо помѣщенія при промышленномъ заведеніи. 2) Число лицъ, живущихъ заработками у хозяевъ, но обеспеченныхъ настолько, чтобы жить «домомъ», своей квартирой, гораздо больше въ столицѣ Германіи, чѣмъ въ Петербургѣ. Такое эконоическое положеніе обеспечиваетъ, въ свою очередь, легкость перехода изъ состоянія несамостоятельнаго кормильца въ состояніе хозяина.

Все же около 60% производителей-промышленниковъ живетъ и у насъ въ Петербургѣ въ незавидномъ положеніи работниковъ, размѣщенныхъ по разнымъ труппамъ мебелированныхъ комнатъ (понятно, что такое рабочія *chambres garnies*) и угламъ. Ни наша, ни берлинская перепись не дають, да и не могутъ дать матеріала для описанія отдѣльно жилищъ рабочаго класса. Однако, на основаніи общихъ данныхъ о размѣщеніи квартиръ и по нимъ жителей, можно въ известной степени судить о томъ, какъ этотъ классъ живетъ, зная, что въ удѣлъ ему достаются почти всегда подвалы и верхніе этажи домовъ, преимущественно надворныхъ строеній. Не столько по различію первоначальной регистраціи, сколько по различію въ сводкѣ, обѣ переписи не могутъ быть однако сравниваемы между собою въ деталяхъ.

Въ общемъ видѣ жизнь берлинскаго населенія представляется въ весьма безотрадномъ свѣтѣ. 12,545 человекъ живетъ въ помѣщеніяхъ, не только имѣющихъ одну комнату, но комнату безъ печи: это составляетъ 1,6% населенія; въ квартирѣ въ 1 комнату, съ печкой, при неотопливаемыхъ одной-двухъ, живетъ 375,031 чел. или 47,1% населенія, такъ что почти половина населенія

помѣщается въ квартирахъ изъ 1 комнаты. Большая часть такихъ квартиръ предназначена для жилья—89,7% неотапливаемыхъ квартиръ и 83,1% отапливаемыхъ. Въ этой квартирѣ въ одну комнату, безъ печки, помѣщается среднимъ числомъ 2,6 чел., а въ отапливаемой 4 чел. Если при этомъ въ квартирѣ производится какой-нибудь промыселъ, то число живущихъ возрастаетъ въ средней величинѣ до 3,4 человекъ на нетопленную и 4,3 человека на топленную комнату. Обитатели этихъ тѣсныхъ квартиръ большею частью или одиночки ремесленники (но ихъ немного—около 20 т. обоого пола и всѣхъ возрастовъ ¹⁾), или рабочіе ремесленныхъ и фабричныхъ заведеній. Этотъ послѣдній классъ составляетъ главный контингентъ и такъ-называемыхъ переполненныхъ квартиръ, т.-е. гдѣ на 1 комнату приходится болѣе 6 живущихъ или на 2 комнаты болѣе 10. Такихъ квартиръ въ Берлинѣ 17% всѣхъ квартиръ, и въ нихъ живетъ 27,5% населенія. Оно состоитъ изъ 81,8% родителей съ дѣтьми и 15,7% ночлежниковъ.

Посмотримъ на ту же картину съ другой точки зрѣнія, такъ какъ объ ихъ соединить вмѣстѣ мы не имѣемъ возможности.

85,840 чел. населенія Берлина живетъ въ подвалахъ и $\frac{1}{4}$ часть ихъ въ подвалахъ надворныхъ строеній — это 10,8%⁰. Почти половина этихъ 85 т.—мелкіе мастеровые, ремесленники, тутъ же имѣющіе свою мастерскую; другая половина только живетъ въ подвалахъ. На противоположномъ концѣ домовъ выше 4 Тйрре, т.-е., считая подвалъ или entresol, въ шестомъ и выше этажѣ, помѣщается еще 63,997 чел. или 8,1%⁰ населенія, изъ котораго $\frac{6}{7}$ пользуются квартирой только для житья и спанья (zum Wohnen und Schlafen). Къ этимъ двумъ, самымъ невыгоднымъ образомъ поставленнымъ, почти 150 т. (18,9%⁰) населенія слѣдуетъ прибавить еще почти въ такомъ же положеніи находящихся обитателей 5-хъ этажей, въ числѣ 139,684 чел. (17,7%⁰), чтобы дополнить число тѣхъ жителей Берлина, на долю которыхъ выпадаютъ нетопленные комнаты и душныя, низкія жилища, съ 6-ю и болѣе людьми, живущими въ одной комнатѣ. Эти темныя пятна, которыхъ мы не можемъ, по недостатку матеріала, намѣтить болѣе мелкими чертами, отъ которыхъ они стали бы нѣсколько свѣтлѣе, занимаютъ болѣе трети всего позитива картины.

Петербургъ съ перваго взгляда, кажется, не допускаетъ существованія въ немъ подобныхъ явленій. Расквинулся онъ на 92-хъ

¹⁾ Большая часть ремесленныхъ заведеній имѣетъ въ Берлинѣ 2—3 комнаты.

кв. верстахъ 8242 домами, такъ что на одинъ домъ приходится около 2300 кв. сажень пространства ¹⁾ вообще, и около 530 кв. саж. занято собственно домами, въ то время, какъ Берлинъ занимаетъ пространство вдвое меньшее, съ 14,478 домами, на каждый изъ которыхъ приходится только около 800 кв. сажень общаго пространства. Дома въ Петербургѣ гораздо ниже домовъ Берлина: то, что Берлинъ не захватилъ въ ширину, онъ вознаграждаетъ на высотѣ своихъ строеній. Средній домъ Берлина, если его высоту выразить въ этажахъ, и для этажа принять одинъ масштабъ съ Петербургомъ, изобразится вертикальною колонною въ полтора вершка, петербургскій такою же колонною въ вершокъ, и притомъ въ Петербургѣ половина городскихъ частей имѣетъ дома ниже средней высоты, въ Берлинѣ дома ниже средняго мы находимъ только въ 3-хъ частяхъ изъ 16-ти. Казалось бы, въ Петербургѣ народъ живетъ шире, просторнѣе, чѣмъ въ Берлинѣ. Но ближайшее изслѣдованіе даваемыхъ статистикою цифръ показываетъ, что тѣснота жизни въ Петербургѣ большая, чѣмъ въ Берлинѣ, приближающемся болѣе Петербурга къ типу большого города по своей вѣшности. Другими словами, Петербургъ имѣетъ общій признакъ городовъ, стоящихъ на переходной ступени отъ провинціального города къ большому.

Не входя въ изслѣдованіе отчего и почему, мы находимъ, что у насъ на 1 домъ приходится 75 человѣкъ жителей, при среднемъ числѣ 10 квартиръ на домъ, въ Берлинѣ 60 человѣкъ, при 12 — 13 квартирахъ. Но происходящую отсюда большую тѣсноту испытываютъ не всѣ классы населенія одинаково. Тутъ, на первый взглядъ, опять средніе итоги могутъ быть обманчивы.

Если взять ⁰/о-ное отношеніе квартиръ по числу комнатъ, то получимъ слѣдующіе два ряда цифръ:

Квартиры.	Петербургъ.	Берлинъ.
Въ 1 комнату . . .	18,9%	56,1%
> 2 > . . .	16,8%	22,2%
> 3 > . . .	18,2%	10,3%
> 4 > . . .	14,4%	4,7%
> 5—8 > . . .	24,6%	5,2%
> 8 и болѣе . . .	7,1%	1,5%

Всѣ преимущества здѣсь на сторонѣ Петербурга: въ немъ незначительно число квартиръ въ одну комнату и значительно, напротивъ, число большихъ квартиръ. Но разница немного со-

¹⁾ Безъ воды въ обомъ городахъ.

брахается, если принять во вниманіе, что изъ числа квартиръ въ 1 комнату въ Берлинѣ считается болѣе $\frac{1}{3}$ такихъ, которыя имѣютъ, кромѣ отапливаемой комнаты, еще одну неотапливаемую, а въкоторыя и болѣе одной. Хотя берлинскій климатъ не гарантируетъ большихъ удобствъ жизни въ неотапливаемой комнатѣ, но въ сущности $\frac{1}{3}$, — нѣсколько болѣе квартиръ въ 1 комнату, — имѣютъ все же болѣе одной комнаты въ дѣйствительности. Наши же цифры относятся къ квартирамъ, имѣющимъ дѣйствительно 1, 2 и т. д. комнатъ. Распредѣляя населеніе по классамъ квартиръ, мы получаемъ:

Изъ общаго числа жителей живеть:

Въ квартирахъ	въ Петербургѣ.	въ Берлинѣ.
изъ 1 комнаты . . .	12,2	48,7
> 2 > . . .	15,1	24,9
> 3 > . . .	17,8	11,2
> 4 > . . .	15,0	5,5
> 5—8 > . . .	26,1	6,9
> 8 и болѣе . . .	12,8	2,8

Итакъ, у насъ сравнительно гораздо болѣшій $\%$ населенія живетъ въ просторныхъ квартирахъ. Но стоить только привести въ соотношеніе абсолютныя цифры квартиръ, комнатъ въ нихъ и ихъ обитателей, чтобы всѣ отношенія обратились въ сторону весьма невыгодную для Петербурга. Въ самомъ дѣлѣ:

Квартиры	На 1 квартиру		На 1 комнату	
	приходится живущихъ въ нихъ			
	Петерб.	Берл.	Петерб.	Берл.
Въ 1 комнату. . .	4,5	3,8	4,5	3,7
> 2 > . . .	6,4	4,8	3,2	2,4
> 3 > . . .	6,9	4,8	2,3	1,6
> 4 > . . .	7,3	5,3	1,8	1,3
> 5—8 > . . .	7,5	6,0	1,2	1,0
> 8 и болѣе. . .	13,2	7,9	1,1	0,7

Всѣ слои населенія, начиная отъ комнаты бѣдняка до барской квартиры, живутъ въ Петербургѣ тѣснѣе; но нравственная разница тутъ значить больше, чѣмъ разница въ арифметическихъ величинахъ. Если въ квартирѣ изъ 4-хъ и болѣе комнатъ приходится болѣе обитателей въ отношеніи 10 къ 15, то такое же, даже меньшее, отношеніе гораздо чувствительнѣе для обитателей 1 или 2 комнатъ. Даже не принимая въ расчетъ этихъ соображеній, мы найдемъ, что если достаточные классы, занимающіе болѣе 5-ти комнатъ на квартиру, живутъ въ Петербургѣ и Берлинѣ, и вездѣ, вѣроятно, одинаково широко, занимаютъ по комнатѣ на человѣка, то средніе и недостаточные классы

населенія живутъ у насъ тѣснѣе, чѣмъ въ Берлинѣ. Занимающихъ 2—4 комнаты въ Петербургѣ считается до 295 т. чел. на 126,397 комнатъ — слѣдовательно, 2,3 чел. на 1 комнату. въ Берлинѣ такихъ жителей около 331 т. на 171,894 комнаты, или 1,3 на комнату. Бѣдняковъ, живущихъ въ одной комнатѣ, въ Петербургѣ 75,055 на 16,505 комнатъ или 4,5 на одну; въ Берлинѣ ихъ гораздо больше—387¹/₂ т., но они живутъ въ 98 т. комнатъ, не считая неотопливаемыхъ, которыя имѣются и при квартирахъ среднего класса, или по 3,7 на комнату. Контрастъ между довольствомъ и стѣсненнымъ положеніемъ, между роскошью и бѣдною обстановкою у насъ необходимо долженъ быть рѣзче, чѣмъ въ Берлинѣ, причемъ люди среднего состоянія стоятъ ближе къ низшей, чѣмъ къ высшей ступени, по своей житейской обстановкѣ.

Чрезмѣрно населенныя квартиры, гдѣ скучивается болѣе 6-ти человекъ въ одной комнатѣ или болѣе 10-ти въ двухъ, имѣются въ Петербургѣ въ меньшемъ числѣ, чѣмъ въ Берлинѣ: 6168 противъ 30,520, т.-е. такихъ квартиръ у насъ почти въ пять разъ меньше, чѣмъ въ Берлинѣ. Населеніе этихъ квартиръ представляетъ у насъ равнымъ образомъ меньшую, и абсолютную и относительную численность: въ Петербургѣ около 51,300 чел.¹⁾ или 8,3%, въ Берлинѣ 218,300 или 26,5%. Но разлагая эти величины на ихъ составные элементы, мы встрѣчаемся въ Петербургѣ съ явленіями, которыхъ нѣтъ въ Берлинѣ. Пусть читатель самъ судить о смыслѣ ихъ. Вотъ они.

Квартиры въ одну комнату, гдѣ живутъ:

	Петербургъ.		Берлинъ.	
Отъ 6 до 10 человекъ . .	2911	72,4%	28,706	98,7%
> 11 > 20 > . .	849	21,1%	502	1,3%
> 21 > 30 > . .	184	4,6%	—	—
> 31 > 50 > . .	63	1,6%	—	—
> 50 и выше > . .	12	0,3%	—	—
	4019	100	29,208	100

Квартиры въ двѣ комнаты, гдѣ живутъ:

	Петербургъ.		Берлинъ.	
Отъ 10 до 15 человекъ . .	1320	61,4%	1277	97,4%
> 16 > 20 > . .	432	20,1%	35	2,6%
> 21 > 30 > . .	280	13,0%	—	—
> 31 > 50 > . .	97	4,5%	—	—
> 50 и выше > . .	20	1,0%	—	—
	2149	100	1312	100

¹⁾ Прямо этой цифры перепись не даетъ: она вычислена черезъ перемноженіи числа квартиръ на среднее число жителей въ нихъ.

Цифры говорят сами за себя: такихъ труппныхъ жилищъ, какія представляются тремя послѣдними рядами квартиръ обѣихъ категорій, въ Берлинѣ нѣтъ, тѣмъ болѣе, что, какъ мы сказали, при одной комнатѣ и при двухъ комнатахъ отопляемыхъ, есть комнаты неотопляемыя въ извѣстной части квартиръ (въ $\frac{1}{3}$ приблизительно). Вотъ гдѣ настоящій петербургскій квартирный вопросъ.

Петербургскій сводъ представляетъ возможность дать нѣкоторый отвѣтъ на вопросъ, какія это комнаты со скученнымъ населеніемъ? Болѣе 53% квартиръ въ одну комнату съ 6-ю и болѣе чело-вѣкъ населенія имѣютъ только 2 окна, и изъ нихъ почти поло-вина одно окно; изъ квартиръ въ двѣ комнаты съ 10-ю и бо-лѣе чело-вѣкъ жителей 9% имѣютъ 1 и 2 окна и 54% 3 и 4 окна на двѣ комнаты.

Подвальное населеніе Петербурга составляетъ нѣсколько мень-шій %, чѣмъ въ Берлинѣ, именно 7,5% (въ Берлинѣ 10,8%); но 33% его живетъ въ одной комнатѣ, съ среднимъ населеніемъ почти въ 5-ть чело-вѣкъ на комнату, и 30% въ двухъ комна-тахъ, съ среднимъ населеніемъ въ 7 чело-вѣкъ на квартиру ($3\frac{1}{2}$ на комнату); подвальные однокомнатныя квартиры составляютъ $\frac{1}{3}$ часть всѣхъ квартиръ этой категоріи. На пятые этажи петер-бургскихъ домовъ, которыхъ впрочемъ немного, приходится всего 2% жителей, изъ которыхъ 8% живетъ въ квартирахъ съ 1-й комна-той и съ средней численностью на комнату въ 5 чел., и 17% въ двухъ комнатахъ съ численностью 7,6 чел. на квартиру. Въ четвер-тыхъ этажахъ, т.-е. послѣднихъ большей части домовъ, живетъ 8% населенія, изъ коихъ 5% въ одной комнатѣ, 9% въ двухъ комна-тахъ, съ среднимъ числомъ жильцовъ на комнату 4,6 чел. въ первыхъ и на квартиру въ 6 чело-вѣкъ. Сводя вмѣстѣ эти итоги, получимъ цифру обитателей подваловъ и послѣднихъ этажей въ 106,349 чел. (17,3% населенія), изъ которыхъ 38,015, т.-е. болѣе трети, довольствуются квартирами въ одну-двѣ комнаты, по-мѣщаясь въ средней величинѣ по 4 чело-вѣка въ комнатѣ. Наши цифры не поддаются сравненію съ прусскими, по совершен-ному различію въ первоначальной сводѣ данныхъ; но мы должны еще прибавить, что при несомнѣнно болѣе скученности бѣд-нѣйшихъ классовъ въ маленькихъ помѣщеніяхъ, петербургскія высокія цѣны именно на эти маленькія квартиры, будучи глав-ною причиною самой большой скученности, дѣлаютъ положеніе бѣдняковъ еще тяжелѣе.

По даннымъ, собраннымъ во время переписи, въ Петербургѣ средняя цѣна за комнату, въ квартирахъ, имѣющихъ одну ком-

нату, равнялась 90 р. 57 к. въ годъ, въ квартирахъ, имѣющихъ двѣ комнаты, 75 р. 43 коп.—въ средней 80 р. въ годъ за комнату въ этихъ двухъ категорiяхъ квартиръ. Цѣны, въ расчетѣ на 1 комнату, самыя дешевыя стоятъ въ квартирахъ въ 4, 5 комнатъ (57 р. съ копейками) и повышаются уже съ квартиръ не менѣе чѣмъ въ шесть комнатъ. Съ тѣхъ поръ цѣны стали еще выше. Дешевыхъ квартиръ въ Петербургѣ несравненно меньше, чѣмъ въ Берлинѣ, какъ видно изъ слѣдующаго сравненiя.

Квартиры съ годичною платою въ	Петербургъ.	Берлинъ.
1869 г.	1869 г.	1872 г.
50 р. (тал.) и менѣе	6,8%	21,5%
50 р. (тал.)—100 р. (т.)	16,8%	38,3%

а дорогихъ гораздо болѣе:

болѣе 1000 р. (тал.)	4,1%	1,5%
----------------------	------	------

Если принять въ соображенiе, что обитатели подваловъ и верхнихъ этажей у насъ составляютъ 17% населенiя, дешевыя квартиры только 23,6% квартиръ, а въ Берлинѣ хотя тѣ же обитатели составляютъ 36% населенiя, но за то дешевыя квартиры составляютъ 60% квартиръ, то едва ли можетъ быть сомнѣнiе въ томъ, что бѣдняку въ Петербургѣ жить тяжеле, чѣмъ въ Берлинѣ.

IV.

Женскiй трудъ въ Петербургѣ.

Намъ остается очертить, какъ одно цѣлое, еще одинъ фактъ изъ экономической и социальной жизни Петербурга, о которомъ нѣкоторыя замѣчанiя по необходимости нашли себѣ мѣсто выше, а именно женскiй трудъ въ его количественныхъ отношенiяхъ.

Перепись 1869 года нашла въ Петербургѣ, кромѣ 1819 завѣзжихъ, 288,000 лицъ женскаго пола, слѣдовательно значительно меньше, чѣмъ мужчинъ (374,248). Это даетъ отношенiе на 100 м. 77 ж.—явленiе, не представляющее ничего особеннаго, кромѣ силы перевѣса численности мужчинъ: оно замѣчается во многихъ городахъ Россiи и западной Европы. Изъ 60 губернскихъ городовъ Европейской Россiи въ $\frac{1}{2}$ мужчинъ больше, чѣмъ женщинъ, изъ 584 уѣздныхъ и заштатныхъ, помѣщенныхъ въ Статистическомъ временникѣ, въ 250, и чѣмъ крупнѣе города,

тѣмъ перевѣсъ мужчинъ больше. Въ Пруссіи, въ городахъ болѣе чѣмъ съ 20,000 жителей, тоже на 100 м. 98 ж., въ Берлинѣ такое же соотношеніе численности половъ. Только далѣе на западъ Европы эта характеристическая особенность утрачивается большими городами. Въ Парижѣ, при его 2-милліонномъ населеніи, численность мужчинъ и женщинъ уравнивается почти, а въ Лондонѣ, имѣющемъ около 3 милл. жителей, женщинъ больше, чѣмъ мужчинъ.

Разлагая 288,000 петербургскихъ женщинъ на составныя элементы, мы находимъ, что около 23⁰/₁₀₀ суть дѣти и дѣвушки до 16 лѣтъ; около 30⁰/₁₀₀ незамужнія, перешедшія 16-лѣтній возрастъ, 31⁰/₁₀₀ замужнія и 15,5⁰/₁₀₀ вдовъ, причемъ около ¹/₄ замужнихъ женщинъ живетъ въ Петербургѣ безъ мужей. Если взять только одно взрослое женское населеніе, то въ немъ будетъ: ²/₅ (39⁰/₁₀₀) незамужнихъ, ²/₅ (41⁰/₁₀₀) замужнихъ и ¹/₅ (20⁰/₁₀₀) вдовъ. Сравнительно съ Берлиномъ напр., оказывается, что вообще въ женскомъ населеніи отличительною чертою Петербурга надобно принять большое число вдовъ: въ Берлинѣ ихъ менѣе 11⁰/₁₀₀, у насъ 15,4⁰/₁₀₀; число же замужнихъ и холостыхъ, а равно и дѣтей представляетъ почти одинаковую пропорціональность, однако съ перевѣсомъ Берлина въ послѣднемъ. Но во взросломъ женскомъ населеніи Петербурга вдовы и замужнія, живущія безъ мужей, рѣшительно удерживаютъ за собою относительный перевѣсъ, вслѣдствіе чего дѣвушекъ и замужнихъ женщинъ въ немъ меньше. Женъ безъ мужей насчитывается въ Петербургѣ около 25⁰/₁₀₀ замужнихъ женщинъ, въ Берлинѣ только 3,8⁰/₁₀₀ ¹). Большое число вдовъ указываетъ уже само по себѣ на большое число старухъ: въ возрастѣ старѣе 50 лѣтъ принадлежатъ у насъ почти 19⁰/₁₀₀ женскаго населенія, въ Берлинѣ 12⁰/₁₀₀. Сравненіе съ Лондономъ будетъ видно изъ слѣдующихъ цифръ:

Дѣтей до 15 лѣтъ 31% (П. до 16 л. 23%)
 Незамужнія старше 15 лѣтъ. . . 32% (П. около 30%)

¹) Болѣе точныя отношенія будутъ:

	Общее ж. населеніе.		Взрослое ж. насел.	
	П.	Б.	П.	Б.
До 16 лѣтъ	22,8	25,4	—	—
Дѣвушки старѣе 16 л. . .	29,8	31,4	39,0	43,5
Замужнія	31,0	31,6	41,0	43,6
Вдовы	15,4	11,6	20,0	12,9

Одинъ % въ Петербургѣ остается на тѣхъ, коихъ семейное состояніе неопредѣленно.

Замужнія	38% (П. 31%)
Вдовы	9% (П. 15,5%)
Женъ безъ мужей	8% замужн. (П. 25%)

Вліяніе семейственности и осѣдлаго населенія Лондона здѣсь ясно выражается сравнительно съ петербургскимъ, съ большимъ неосѣдлымъ элементомъ.

Во взросломъ женскомъ населеніи Лондона вдовъ только 6% (у насъ 20%), замужнихъ 49% (у насъ 41%), незамужнихъ 45% (у насъ 39%).

Вычтя дѣтей (т.-е. до 16 лѣтъ) и старухъ, мы получимъ цифру возмужалаго женскаго населенія, способнаго въ самостоятельной дѣятельности, въ 179 т. человекъ (61% ж. пол.), противъ 246 т. въ Берлинѣ (63%) и 782 т. въ Лондонѣ (45%).

Цифра эта составляется, при разложеніи на социальныя свои элементы, изъ слѣдующихъ слагаемыхъ:

Живеть на средства самостоятельно трудящихся . . .	42,2%
> съ доходовъ отъ имущества	2,2%
> пенсіями	1,3%
> частнымъ и общественнымъ призрѣніемъ . . .	1,2%
Находится въ больницахъ	1,0%
> въ тюрьмахъ	0,1%
Живеть на неопредѣленные средства	0,7%
> открыто проституціею	1,0%
> либеральными профессіями	3,2%
> въ личномъ услуженіи	28,5%
> отъ заработковъ въ с.-хоз. промышлѣ	0,2%
> > > въ обработыв. пр.	16,1%
> > > въ торговлѣ	0,7%
> > > въ перевозочной промышл.	1,6%

Изъ этихъ процентныхъ отношеній легко видѣть, что половина взрослыхъ петербургскихъ женщинъ зарабатываетъ себѣ средства къ жизни, и преимущественно или въ качествѣ прислуги, или въ качествѣ хозяекъ и работницъ въ обрабатывающей промышленности, и только 42% живеть насчетъ своихъ мужей, отцовъ и другихъ самостоятельно трудящихся.

Мы говоримъ только 42%, потому что величина эта дѣйствительно незначительна сравнительно съ тою, какою мы находимъ въ другихъ большихъ городахъ. Въ Берлинѣ почти 60% взрослого женскаго населенія живеть насчетъ главы семейства, и 41% (противъ 50,3% у насъ) имѣеть прямыя заработки отъ своего труда; въ Лондонѣ 51% взрослого женскаго населенія не живеть своимъ трудомъ. Такимъ образомъ, нельзя не признать, что вообще въ Петербургѣ женскій трудъ имѣеть болѣе широкое

примѣненіе, чѣмъ въ Берлинѣ и Лондонѣ, и что петербургская женщина живетъ болѣе самостоятельной жизнью. Хорошо это или худо, говорить ли это въ пользу, или не въ пользу социальнаго строя петербургскаго общества—вопросовъ этихъ мы не касаемся и не можемъ касаться, пока не знаемъ, въ какомъ качествѣ женщина является участницей въ общественномъ трудѣ и насколько ея трудъ согласенъ или несогласенъ съ силами женщины и другими цѣлями и задачами дѣятельности женщины. Послѣдующій нашъ анализъ даетъ однако нѣкоторые факты, которые помогутъ читателю получить отвѣтъ, хотя можетъ быть не вполне категорическій на эти вопросы. Естественными участницами въ трудовой дѣятельности являются холостыя взрослые и вдовы: на первыхъ не лежитъ, въ большинствѣ случаевъ, забота о семьѣ; вторыя, оставаясь главами семьи, часто должны не только заботиться о хозяйствѣ семейномъ, но и искать средствъ для веденія этого хозяйства ¹⁾. Такихъ лицъ насчитывается въ Петербургѣ около 107,000; такъ какъ производительное взрослое женское населеніе составляетъ около 89¹/₂ тысячъ, то остается около 18 тысячъ холостыхъ и вдовъ, которыя имѣютъ средства не прибѣгать къ заработкамъ, и даже болѣе, если принять въ соображеніе, что въ состояніи, вынуждающемъ заработокъ, находится значительное число замужнихъ женщинъ. Этотъ излишекъ ненуждающагося въ заработкахъ взрослога женскаго населенія надъ предполагаемою суммою нуждающагося въ нихъ составляетъ всего 17%; въ Лондонѣ ²⁾ этотъ излишекъ составляетъ 24%, а въ Берлинѣ ³⁾ онъ равенъ 41%. Ясно, что экономическое положеніе женщины въ Петербургѣ мало обезпечено, и что нужда есть главная причина большей самодѣятельности ея. Тѣмъ желательнѣе, чтобы сфера труда, ей открытая, была возможно шире.

Та же нужда, ведущая женщину на поле активной хозяйственной жизни, выражается и въ другомъ фактѣ, уже положительно неблагоприятномъ. Я разумѣю дѣтскій трудъ: изъ 64 тысячъ съ небольшимъ дѣвочекъ, не достигшихъ 16 лѣтъ—6¹/₂% уже работницы и 87% живетъ на попеченіи семьи ⁴⁾, тогда

¹⁾ Ниже помѣщаемыя сопоставленія цифръ вынуждены отсутствіемъ въ петербургскомъ сводѣ данныхъ о семейномъ положеніи населенія по занятіямъ: пробѣлъ, несомнѣнный для разрѣшенія многихъ вопросовъ изъ области женскаго труда.

²⁾ Въ Лондонѣ 461 т. незамужнихъ старше 15 л. и 153 т. вдовъ, самостоятельное взрослое женское населеніе 466 т. вмѣстѣ съ non productive class.

³⁾ 176,600 незамужнихъ и вдовыхъ и 103,000 взрослыхъ работницъ, изъ которыхъ лишь 5% замужнихъ, 14% вдовъ и 81% дѣвушекъ старше 16 лѣтъ.

⁴⁾ Кромѣ живущихъ въ закрытыхъ заведеніяхъ.

какъ въ Берлинѣ первая цифра не достигаетъ одного процента, а послѣдняя доходить до 99⁰/₀, и даже въ Лондонѣ только 3⁰/₀ дѣвочекъ, недостигшихъ 15 лѣтъ, уже работаетъ, и 97⁰/₀ живетъ на попеченіи семьи. Переходя за пятьдесятъ лѣтъ, женщина въ Петербургѣ точно также мало находитъ поддержки въ семьѣ: на попеченіи самостоятельно трудящихся остается 35⁰/₀ старыхъ женщинъ, тогда какъ въ Берлинѣ ихъ почти 44⁰/₀, въ Лондонѣ 60⁰/₀ ¹⁾; и хотя у насъ относительно болѣе 50-лѣтнихъ женщинъ и старѣе живетъ пенсією или доходами съ имущества (15⁰/₀ сравнительно съ 10⁰/₀ въ Берлинѣ), но зато 17⁰/₀ сравнительно съ 6⁰/₀ составляетъ население богадѣленъ и больницъ и 32⁰/₀ сравнительно съ 21⁰/₀ вынуждены продолжать трудовую жизнь.

Остановимся теперь на той цифрѣ женскаго населенія, которое занимается производствомъ матеріальныхъ цѣнностей и услугъ, и которая выражается въ Петербургѣ 107¹/₂ тысячами, въ Берлинѣ 114¹/₂ тысячами, въ Лондонѣ приблизительно 440 тысячами.

Приложеніе женскаго труда во всей этой области гораздо менѣе разнообразно, чѣмъ приложеніе труда мужчины. Недостатокъ физическихъ силъ, существующіе обычаи и законы и пр., мѣшаютъ всестороннему развитію экономической дѣятельности женщины. Но въ Петербургѣ во всякомъ случаѣ промышленная дѣятельность женщины не только сильнѣе, но и разнообразнѣе, и именно въ области такъ-называемыхъ либеральныхъ профессій, чѣмъ въ Берлинѣ и Германіи вообще. Но все же двѣ сферы хозяйственной дѣятельности являются наиболѣе доступными для женскаго труда — личное услуженіе и обрабатывающая промышленность, а въ частности производство одежды, содержаніе ея въ чистотѣ и механическая обработка волокна. Въ Петербургѣ 55⁰/₀ производительнаго женскаго населенія принадлежитъ къ классу прислуги, 33⁰/₀ къ обрабатывающей промышленности, и въ ней 43⁰/₀ приходится на приготовленіе одежды, 33⁰/₀ на промыслы, связанные съ чисткою одежды, и 11⁰/₀ на фабричную обработку волокна — итого 87⁰/₀ на эти три отрасли обрабатывающей промышленности. То же самое мы видимъ и въ Берлинѣ, съ тою только разницею, что тамъ, вслѣдствіе меньшаго количества прислуги вообще, эта отрасль, наиболѣе сподручная женщинѣ, для

¹⁾ Лондонскій процентъ можетъ быть слишкомъ великъ, потому что по матеріаламъ цѣна нельзя выдѣлать тѣхъ старухъ, которыя пользуются привилегіями. Притомъ нельзя было ихъ выдѣлать съ 50-лѣтняго возраста, потому что дѣленія возрастомъ разграничиваются не 0, а 5.

нея менѣе представляетъ помѣщенія, и наибольшій % трудящихся женщинъ приходится на обрабатывающую промышленность: 48,7%, на прислугу только 42,7%. Затѣмъ, въ самой обрабатывающей промышленности женскій трудъ еще болѣе концентрируется на производствѣ одежды: имъ занимается 64% женщинъ, затѣмъ слѣдуютъ фабрики и потомъ уже промыслы, касающіеся содержанія въ чистотѣ тѣла и одежды. Самою же рѣзкою отличительною чертою женскаго труда въ Петербургѣ служитъ большой % женщинъ, занятыхъ въ либеральныхъ профессіяхъ: почти втрое относительно болѣе, чѣмъ въ Берлинѣ: 3,6% противъ 1,3%. Большая часть женщинъ этихъ профессій — 42% посвящаетъ себя высокому призванію воспитанія, 30% уходу за больными и 15% занятію литературой, науками и искусствомъ. Если не считать большого числа женщинъ монашествующихъ и имѣющихъ соотношеніе съ церковнослуженіемъ, которыхъ вообще нѣтъ въ Берлинѣ, то сравнительныя отношенія выйдутъ слѣдующія:

Женщины:	Петербургъ.	Берлинъ.
Занимающіяся воспитаніемъ	47%	54%
> врачевнымъ пособіемъ и уходомъ за больн.	34%	25%
> науками и искусствами	16%	19%
Остальныя профессіи (служба госуд. и пр.)	10,3%	0,2%
	100	100

Итакъ, занятія, сопряженныя съ болѣе спеціальною подготовкою или съ высшимъ образованіемъ, въ Петербургѣ считаются относительно меньше женщинъ, чѣмъ въ Берлинѣ. Уходъ за больными, должность сидѣлокъ и монашество, если только послѣднее не есть болѣе потребленіе, чѣмъ производство, болѣе доступны жевскому призванію, чѣмъ наука, искусство и воспитаніе. Но тѣмъ не менѣе и на этомъ поприщѣ женщина стоитъ у насъ далеко впереди берлинской, если принять въ расчетъ вообще малое также число мужчинъ, на немъ дѣйствующихъ. На 100 мужчинъ приходится женщинъ:

	Петерб.	Берлинъ.
въ наукѣ, искусствѣ и литературѣ	31	14
> воспитаніи и образованіи	183	82
То же самое найдемъ и во врачевномъ персоналѣ	89	50
и въ гражданской службѣ	1	0,2

Что касается до прислуги, то здѣсь, напротивъ, въ Берлинѣ женщина рѣшительно подавляетъ конкуренцію мужчины и захватила эту область промышленной дѣятельности въ свои руки: на

100 м. приходится 240 женщинъ въ числѣ прислуги, между тѣмъ какъ у насъ только 180. И тутъ нельзя не обратить вниманія на ту особенность Берлина, проходящую черезъ всѣ сферы женскаго труда, что большинство трудящихся женщинъ принадлежитъ въ самому цвѣтущему возрасту, т.-е. отъ 21 до 30 лѣтъ, между тѣмъ какъ у насъ всѣ возрастныя группы принимаютъ болѣе равномѣрное участіе въ трудѣ. Для прислуги соответствующія возрастныя группы представляются въ такихъ $\%$ отношеніяхъ къ общей суммѣ:

	до 15	16—20	21—30	31—40	41—50	51—60	60 и выше.
Петербургъ . .	3,6	10,4	33,6	24,5	16,8	8,5	3,6
Берлинь . . .	0,8	28,4	50,9	11,2	4,6	3,0	1,1

Переходя къ обрабатывающей промышленности, мы анализируемъ женскій трудъ въ ней нѣсколько подробнѣе. Мы только что отмѣтили тотъ фактъ, что $\frac{2}{5}$ всѣхъ женщинъ, въ ней участвующихъ, занято въ приготовленіи одежды. Съ этой отрасли занятій и начнемъ.

Изъ 15,400 женщинъ этой отрасли болѣе 62% заняты по изготовленію женскаго платья и болѣе 16%—бѣлья, т.-е. болѣе 72% суть швеи (болѣе 12,000); на остальные производства по части одежды приходится 28%. Опять то же явленіе бѣльшаго разнообразія въ приложеніи женскаго труда: въ Берлинѣ швеи составляютъ почти 88%¹⁾; на другія производства остаются только 12%. Ремесло швеи женщина начинаетъ рано и кончаетъ поздно: мы находимъ у насъ 6,5% дѣтей до 15 лѣтъ и 8,0% женщинъ старѣе 50; въ Берлинѣ 1,4% и 7,7%. Замѣчательно, что малый процентъ малолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ рабочихъ въ берлинской промышленности, который слѣдуетъ приписать чисто законодательнымъ мѣрамъ, вліяетъ на усиленный наплывъ работниковъ и работницъ въ непосредственно затѣмъ слѣдующей возрастной группѣ. Это обнаруживается особенно по отношенію къ женщинамъ. Въ общемъ итогъ трудящагося населенія у насъ, гдѣ мало—и несовершеннолѣтніе составляютъ почти 7% мужчинъ и 3,6% женщинъ, въ возрастѣ 16—20 лѣтъ имѣется только 11,5% мужчинъ и 8,6% женщинъ; въ Берлинѣ же, гдѣ первая группа даетъ 1,2% для обоихъ половъ, въ 15—20 лѣтъ мы находимъ 16,3% мужчинъ и 22% женщинъ, хотя разница можетъ отчасти происходить и отъ неполнаго соответствія возрастныхъ группъ, что однако не

¹⁾ 31,000 изъ 36,000. Огромная цифра швей въ Берлинѣ можетъ быть объяснена только сбытомъ ихъ продуктовъ на вѣнныя рынки.

исключаетъ разницы для пбловъ между ними. Между швеями % женщинъ 15—20-лѣтнихъ въ Берлинѣ вдвое болѣе, чѣмъ у насъ (Берлинъ 27% и Петербургъ 14%); въ 20—30 лѣтъ цифры почти одинаковы (Петербургъ 35,5%, Берлинъ 37,9%); но затѣмъ числа быстро понижаются, и въ Берлинѣ быстрѣе, чѣмъ въ Петербургѣ. Поступая въ ученье часто ранѣе 10 лѣтъ, дѣвочка поамъ къ 15 дѣлается работницею,—и $\frac{1}{10}$ часть 30—40 швей остается швеями до конца своей жизни. Изъ производительницъ предметовъ одежды, хозяекъ заведеній 575 (5%), работницъ 6,641 (38%) и одиночекъ 8,352 (57%). Одиночки суть почти исключительно швеи (90%). Интересенъ тотъ фактъ, что число хозяекъ мастерскихъ дамскихъ платьевъ и бѣлошвейнъ почти равно числу хозяекъ. Въ Берлинѣ хозяекъ еще менѣе, всего 1,2%; главная масса состоитъ изъ работницъ—98%; остальные 0,8% приходится на служащихъ, которыхъ у насъ не показаны отдѣльно.

Вторая главнѣйшая отрасль женскаго труда—содержаніе въ чистотѣ гѣла и одежды. Тутъ главную роль играютъ прачки: 143 хоз., 3,155 раб. и 8,196 одиночекъ (въ %-хъ: 1,2%, 27,4% и 71,4%), всего 98% этой группы. Число прачекъ въ 11 слишкомъ тысячъ для петербургскаго населенія нельзя не назвать чрезмѣрнымъ, производство переполнено ими: Берлинъ, съ населеніемъ гораздо болѣшимъ, насчитываетъ только до 5,800 прачекъ. Относительно возрастнаго состава этой группы занятій должно замѣтить, что ни въ одной почти отрасли промышленности нѣтъ столько пожилыхъ и старыхъ женщинъ, какъ между прачками: это занятіе какъ-бы послѣднее убѣжище для женщинъ, прошедшихъ разные роды дѣятельности или вынужденныхъ взяться за работу уже въ томъ возрастѣ, когда привыкать и учиться другой поздно. Обработка волокнистыхъ веществъ, пряденіе, ткачество, набивка и окраска съ другими, второстепенными отраслями этой промышленности, даетъ занятіе 4,275 женщинамъ. Это почти исключительно работницы (хозяекъ 1%) на хлопчатобумажныхъ филатурахъ и ткацкихъ фабрикахъ (73%); особня, этой промышленности присущія условія, дѣлающія удобнымъ широкое приложеніе вообще дѣтскаго труда, обуславливаютъ особенно большой % малолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ работницъ, даже въ Берлинѣ, гдѣ въ возрасту до 15 лѣтъ принадлежитъ ихъ 2,6% (сравнительно съ средней для всѣхъ производствъ въ 1,3%); у насъ отношеніе еще болѣе, конечно, неблагоприятно—почти 10% (сравнительно съ 3,4 въ средней).

Изъ прочихъ отраслей обрабатывающей промышленности женскій трудъ находитъ еще большое приложеніе на табачныхъ фа-

брикахъ, гдѣ въ Петербургѣ занято 2,089 женщинъ, изъ которыхъ тоже большой % несовершеннолѣтнихъ — 8,5 и почти 51% 15 — 20-лѣтнихъ. Въ другихъ производствахъ женщина мало является въ качествѣ работницы: производство питательныхъ веществъ, обработка металловъ камней, выдѣлка химическихъ продуктовъ, строительное дѣло—все это такіе промыслы, въ которыхъ физическій трудъ женщины почти не прилагается; женщина если берется за эти роды труда, то почти исключительно въ качествѣ предпринимательницы, хозяйки. У насъ, по крайней мѣрѣ изъ данныхъ переписи, не видно, чтобы она являлась въ нихъ въ должностяхъ по управленію чужими предприятиями, что, наоборотъ, въ Берлинѣ мы находимъ во всѣхъ почти поминутныхъ производствахъ, хотя и въ весьма ограниченномъ числѣ.

Было бы въ высшей степени интересно выдѣлить, говоря о женскомъ трудѣ въ Петербургѣ, элементъ осѣдлый отъ приплаго; но мы уже указали выше, до какой степени вообще по даннымъ нашей переписи трудно это сдѣлать. Единственный критерій для сужденія о величинѣ пришлыхъ элементовъ мы находимъ въ показаніи числа крестьянъ, уроженцевъ другихъ мѣстъ, преимущественно отдаленныхъ отъ Петербурга. Произведя необходимыя вычисленія въ этомъ смыслѣ для женскаго трудящагося населенія, мы получили итоги, показывающіе, что въ средѣ его пришлый элементъ гораздо менѣе силенъ, чѣмъ въ мужскомъ населеніи, какъ и слѣдовало, конечно, ожидать. Въ обрабатывающей промышленности въ мужскомъ населеніи смѣло можно сказать, что половина работниковъ — все не-петербургскіе; въ женскомъ немного болѣе $\frac{1}{4}$ части—до 27%. Но въ отдѣльныхъ производствахъ колебаніе величины этого наплывного населенія весьма значительно. Болѣе всего мы находимъ его въ фабричныхъ производствахъ: въ обработкѣ волокнистыхъ веществъ, на примѣръ, до 49% (для муж. 68%); затѣмъ въ производствахъ, касающихся пищи и вообще предметовъ продовольствія—34% (муж. 67%), въ производствахъ по содержанію въ чистотѣ тѣла и одежды—31% (для муж. 43%). Во всѣхъ другихъ производствахъ, гдѣ мало приложимъ вообще женскій трудъ и гдѣ онъ входитъ въ видѣ предпринимательскаго труда въ производство—онъ почти нераздѣльно принадлежитъ осѣдлому населенію. Напротивъ, въ классѣ прислуги пришлыя работницы являются опять въ значительномъ числѣ, доходящемъ до 43%, и пришлый элементъ женскій уравнивается почти, въ относительномъ значеніи, съ пришлымъ мужскимъ (до 52%).

Намъ остается охарактеризовать, въ общихъ чертахъ, женскій трудъ сравнительно съ Берлиномъ еще въ двухъ отрасляхъ промышленности — торговой и перевозочной. Несмотря на всю сподручность торговаго промысла для женщины, что и выражается въ довольно значительномъ процентѣ женщинъ торговой профессіи въ Берлинѣ (почти 4%) и въ Лондонѣ (3%), въ Петербургѣ женщина имъ занимается очень мало: процентъ равенъ 2 съ небольшимъ. Притомъ самый характеръ участія женскаго труда таковъ, что 1) большинство изъ нихъ работницы, а не хозяйки, между тѣмъ какъ въ Берлинѣ, напротивъ, хозяекъ больше, чѣмъ работницъ: у насъ на 1 хозяйку приходится 2 работницы, въ Берлинѣ на 2 хозяйки 1 работница, и что 2) огромное большинство женщинъ (11 противъ 3) занимается мелочнымъ, разноснымъ торгомъ и торговлею съ ларей, тогда какъ въ Берлинѣ 90% занимается торговлею изъ лавокъ и магазиновъ. Наибольшее число торговыхъ-хозяекъ имѣютъ: табачныя лавки, мелочныя, готоваго бѣлья, ткацко-мануфактурныхъ издѣлій, стараго платья—44% всѣхъ хозяекъ, торгующихъ изъ лавокъ; остальные 56% распредѣляются между 30-ю другими родами лавочной торговли, перечисленными въ петербургскихъ матеріалахъ.

При такихъ скромныхъ областяхъ торговли, доступныхъ женщинамъ, конкуренція мужскому труду съ ея стороны весьма, конечно, слаба (на 100 муж. приходится только около 10 женщинъ), она втрое менѣе, чѣмъ у насъ же, въ обрабатывающей промышленности вообще, и во столько же разъ слабѣе, чѣмъ конкуренція женскаго труда въ торговлѣ Берлина (на 100 м. 38 ж.).

Въ перевозочной промышленности участіе женскаго труда и само по себѣ, и сравнительно съ трудомъ мужчины, совершенно ничтожно. Представительницы женскаго труда здѣсь—содержательницы извоза. Все же и здѣсь число ихъ значительно относительно больше, чѣмъ въ Берлинѣ. Напротивъ, трактирный промыселъ, содержаніе трактировъ, меблированныхъ квартиръ и пр., исполненіе обязанностей прислуги въ нихъ представляетъ для женщины особенно широкое поприще въ Петербургѣ. Въ Берлинѣ даже абсолютная цифра ихъ вдвое меньше, чѣмъ въ Петербургѣ, а относительная менѣе втрое. Отношеніе хозяекъ къ работницамъ у насъ какъ 8 къ 1, въ Берлинѣ какъ 2 къ 1; на 100 мужчинъ, занимающихся въ трактирномъ промыслѣ въ числѣ хозяекъ, въ Петербургѣ приходится 200 ж., въ Берлинѣ только 28; на 100 работниковъ у насъ 4 работницы, въ Берлинѣ 15. Эти отношенія очень рельефно характеризуютъ зна-

ченіе, какое имѣеть трактирный промыселъ въ женскомъ трудѣ Петербурга и какого рода этотъ трудъ.

Разлагая на составныя части цифру хозяекъ, мы найдемъ, что 88⁰/₀ ихъ содержитъ квартиры, 3,5⁰/₀ кабаки и портерныя. 2⁰/₀ меблированныя комнаты, 1,3⁰/₀ трактиры и рестораны, остальные 5,2⁰/₀ кухмистерскія, постоянныя дворы и съѣстныя лавки. Изъ работницъ почти 60⁰/₀ приходится на трактиры и рестораны, гдѣ онѣ занимають главнымъ образомъ должность судомоекъ и прачекъ.

Въ числѣ заработковъ женщины остается еще одинъ промыселъ, имѣющій если не экономическое, то безспорно большое социальное значеніе—это проституція. Но данныя, касающіяся его, трудно уловимы вообще и тѣмъ менѣе могутъ быть съ достаточною точностью получены переписью ¹⁾. Въ нее могутъ попасть проститутки явныя, отправляющія открыто свое ремесло, его нескрывающія и его нестыдящіяся. Извѣстно же, что явная проституція составляетъ только незначительную долю тайной, которой обильный контингентъ даютъ швеи, горничныя, жены, бросившія мужей, фабричныя работницы и пр. Эта скрывающаяся проституція не всегда находится въ одинаковомъ отношеніи съ явной, въ зависимости отъ различія въ системѣ врачебно-полицейскихъ мѣръ, относящихся къ проституціи. Отсюда большая несоизмѣримость качества данныхъ для различныхъ государствъ.

Явная проституція измѣряется въ Петербургѣ отношеніемъ 1 на 100 взрослыхъ женщинъ, въ Берлинѣ 1 на 114, въ Парижѣ 1 на 135: но отсюда вовсе не слѣдуетъ, чтобы проституція въ Парижѣ или Берлинѣ была распространена менѣе, тѣмъ у насъ. По приблизительнымъ вычисленіямъ, тайной проституціей въ Парижѣ занимается 1 изъ 5 взрослыхъ женщинъ, въ Берлинѣ 1 изъ 12. Несравненно болѣе значенія для сравнительнаго изученія имѣють данныя о внутреннихъ признакахъ класса проститутокъ, ибо здѣсь есть болѣе основанія предполагать, что извѣстное и неизвѣстное находятся между собою въ постоянномъ соотношеніи. Петербургская перепись даетъ возможность прослѣдить только возрастной составъ проституціи, такъ какъ ни семейное состояніе, ни семейныя отношенія не комбинированы въ ней съ занятіями.

Печальную карьеру проститутки женщина начинаетъ очень рано; но въ Петербургѣ вообще повже все-таки, тѣмъ въ Бер-

¹⁾ Английскій цензъ, напр., не можетъ вовсе дать цифръ проститутковъ.

лѣтъ: 14—15-лѣтнихъ проституткоѣ въ Берлинѣ 2,1% всѣхъ женщинъ этой профессіи, въ Петербургѣ 0,1 и, повидимому, не покидаетъ ее до самыхъ преклонныхъ лѣтъ: проституткоѣ старше 40 лѣтъ считается въ Петербургѣ 3,2%, въ Берлинѣ 2,7. Maximum принадлежитъ къ 20—30 годамъ (въ Петербургѣ 61,3%, въ Берлинѣ 61,9%), хотя несомнѣнно, что maximum тайной проституціи приходится на возрастную группу непосредственно предшествующую, ибо явной проституціи обыкновенно предшествуетъ тайная, и явная есть уже по большей части признакъ безвыходности положенія женщины, занимавшейся развратомъ, или какъ побочнымъ ремесломъ, или просто случайно. Большинство явныхъ проституткоѣ Петербурга состоитъ изъ мѣстныхъ элементовъ; пришлый элементъ, несмотря на крайнее разнообразіе свое—нѣтъ товара болѣе интернаціональнаго, чѣмъ женщина—представляется, вѣроятно, никакъ не болѣе, какъ 30%. Въ этомъ отношеніи Петербургъ отсталъ отъ Берлина, гдѣ болѣе 50% проституткоѣ суть пришлыя. До какой степени могутъ быть интересны въ отношеніи изученія проституціи статистическія данныя о ней, можно видѣть изъ того, что намъ даетъ берлинская статистика. Изъ нея мы узнаемъ, что юныя проститутки по большей части не имѣютъ даже постояннаго жилья: 50% изъ имѣющихъ менѣе 20-ти лѣтъ суть ночлежницы, или вовсе не имѣютъ пристанища; перейдя за 20 лѣтъ, проститутка получаетъ возможность поселиться въ меблированной квартирѣ (40% этой возрастной группы) и, только перейдя за 30 лѣтъ, имѣетъ средства жить въ собственной квартирѣ (45% этого возраста). Четвертую часть проституткоѣ составляютъ разведенныя или бросившія мужей; одна седьмая проституткоѣ продолжаетъ заниматься этимъ ремесломъ, имѣя на рукахъ дѣтей. Къ сожалѣнію, Петербургъ не даетъ такого рода матеріаловъ для изученія одного изъ самыхъ интересныхъ моментовъ въ жизни большихъ городовъ.

Мы прослѣдили одна за другою всѣ отрасли женскаго труда, насколько позволяютъ статистическіе матеріалы переписи, и хотѣли бы провести еще параллель между распредѣленіемъ женскаго труда въ Петербургѣ и распредѣленіемъ его въ Лондонѣ, но должны предупредить читателя, что если такое сопоставленіе и возможно, то развѣ въ самыхъ крупныхъ чертахъ. Раздѣленіе труда такъ глубоко проникло даже въ отрасли ремесленной промышленности въ Лондонѣ, что даже соединеніе нѣсколькихъ детальныхъ группъ въ одно цѣлое не даетъ ничего тождественнаго съ какими-нибудь нашими группами. Кромѣ этого

внутренняго отсутствія однородности фактовъ, есть еще цѣлая масса чисто вѣшнихъ затрудненій. Система сводки нашего ценза близка сходится съ берлинскою, которая отчасти служила и образцомъ для нея, и не имѣетъ ничего общаго съ англійскаго. Въ лондонскомъ матеріалѣ не только занятія классифицированы иначе, но цѣлыя отдѣлы исчезаютъ въ этой классификаціи. Мы не найдемъ тамъ, напр., весьма интересныхъ для характеристики занятій и соціального строя данныхъ о числѣ живущихъ общественнымъ и частнымъ призрѣніемъ, находящихся въ богадѣльняхъ, тюрьмахъ, больницахъ, закрытыхъ учебныхъ заведеніяхъ, лица, не живущія своимъ трудомъ, не распределены по занятіямъ; хозяева не отдѣлены отъ служащихъ и рабочихъ. Въ сводкѣ возрастовъ, какъ мы уже упоминали, возрастные періоды не сходятся ни съ нашими, ни съ берлинскими; нѣтъ комбинаціи занятій съ семейнымъ состояніемъ. Статистики жилищъ и квартиръ вовсе нѣтъ и такъ далѣе.... Понятно, что при такихъ условіяхъ не на чемъ остановиться, или идти съ сравнительнымъ методомъ болѣе вглубь явленій.

Выше была приведена цифра взрослого женскаго населенія, самостоятельно трудящагося, т.-е. имѣющаго отъ 15 до 55 лѣтъ; получилось около 25% всего женскаго населенія. Въ Петербургѣ процентъ этотъ равенъ 36, а въ Берлинѣ 37. Лондонскій процентъ долженъ казаться тѣмъ ниже, что онъ заключаетъ въ себѣ болѣе широкую возрастную группу, чѣмъ оба другіе; но онъ объясняется отчасти и тѣмъ, что ни Петербургъ, ни Берлинъ не считаютъ въ своемъ женскомъ населеніи столько дѣтей (до 15 лѣтъ): они составляютъ въ Лондонѣ 31% всего женскаго населенія, въ Берлинѣ 26%, въ Петербургѣ 23% (до 16 лѣтъ). Замужнихъ въ Лондонѣ хотя менѣе, чѣмъ въ Берлинѣ, но гораздо больше, чѣмъ въ Петербургѣ. Тѣмъ не менѣе и по отношенію къ одному взрослому населенію трудящихся женщинъ въ Лондонѣ менѣе, чѣмъ въ Петербургѣ, а именно 54% противъ 60%, и почти столько же, какъ въ Берлинѣ (46%), если принять во вниманіе составъ лондонской возрастной группы (до 55 лѣтъ, въ Берлинѣ и у насъ до 50 только).

Профессиональный составъ всѣхъ лондонскихъ трудящихся женщинъ, взятый по родовымъ категоріямъ занятій и сравнительно съ Петербургомъ и Берлиномъ, представляется въ слѣдующемъ видѣ:

	Л.	П.	Б.
Прислуга	49,4%	55%	42,7%
Обрабатывающая промышл.	43,0%	33,4%	48,7%

	Л.	П.	Б.
Торговля	2,9%	2,2%	3,8%
Перевозочная пром. съ трак- тирнымъ промысломъ	2,2%	3,8%	1,4%
Свободныя занятія	2,5%	5,6%	3,4%

Необходимо однако замѣтить, что классъ свободныхъ занятій выходитъ въ Лондонѣ потому значительно меньше, чѣмъ въ Берлинѣ, что въ него не вошли нѣкоторыя цифры, не выдѣленные сводомъ ценза, напр. сидѣлки въ больницахъ и больничная прислуга. Во всякомъ случаѣ отъ этой прибавки увеличеніе не могло бы быть настолько значительно, чтобы измѣнить сравнительное значеніе, представляемое свободными занятіями, въ дѣятельной жизни лондонской женщины. На ея долю выпадаетъ все-таки главнымъ образомъ механической, физической трудъ.

При небольшомъ количествѣ не-матеріальнаго и не-физическаго труда, находящагося въ ея распоряженіи, дѣятельность лондонской женщины гораздо одностороннѣе и петербургской и берлинской. Почти 72% посвящаютъ свои силы преподаванію и воспитанію, превосходя въ этой профессіи болѣе чѣмъ въ три раза число мужчинъ (на 100 м. 366 ж.). Есть одна цифра дѣятельности для нея болѣе доступная, чѣмъ для петербургской и берлинской—это государственная и общественная служба, которую занято 7%, т.-е. въ 35 разъ больше, чѣмъ Берлинѣ, и въ пять съ половиною больше, чѣмъ у насъ.

Промышленный, въ тѣсномъ смыслѣ, женскій трудъ въ Лондонѣ доступенъ женщинамъ во всѣхъ почти его отрасляхъ. Хотя и тутъ почти половина, 48%, занята въ разныхъ ремеслахъ, по приготовленію одежды, и 18% въ содержаніи ея въ чистотѣ (сравнительно съ 43 и 33 въ Петербургѣ); но за то остальное число распредѣляется ровнѣе по другимъ производствамъ, чѣмъ и у насъ и въ Берлинѣ. Тутъ лондонская, и вообще англійская, женщина отвоевала значительную часть территоріи у мужчины, хотя едва ли какое-либо общество можетъ въ этомъ отношеніи ей завидовать. Само собою разумѣется, что главными занятіями женщины, которыя составляютъ какъ-бы ея естественную монополію и оспаривать которыя у нея ни у кого не можетъ быть желанія, остаются въ Лондонѣ тѣ же два — швей и прачки. Швей въ Лондонѣ болѣе 100 тысячъ, прачекъ, какъ мы свазали уже, около 44 тысячъ, и безъ сомнѣнія масса ихъ—простыя работницы. По отношенію къ трудящемуся населенію это составитъ 34%, въ Берлинѣ 31%, въ Петербургѣ

25%. Но возрастное распределение обѣихъ группъ, несмотря на различіе въ составѣ лѣтъ въ каждомъ возрастномъ періодѣ, въ Лондонѣ совершенно своеобразно. Между швеями, сравнительно съ Петербургомъ и Берлиномъ, гораздо болѣе пожилыхъ и очень старыхъ женщинъ; за то за ремесло швей женщина берется тамъ позже, чѣмъ у насъ. Въ возрастѣ отъ 10-ти до 20-ти лѣтъ у насъ 28% всѣхъ швей, въ Берлинѣ 20,5%, въ Лондонѣ 17%; почти 5% ихъ принадлежить къ возрастамъ старѣе 65, тогда какъ у насъ и въ Берлинѣ такого %-та не составляетъ вся возрастная группа отъ 50-ти лѣтъ и выше. Относительное преобладаніе старухъ въ Лондонѣ еще сильнѣе между прачками, въ ущербъ возмужалымъ годамъ. Въ Петербургѣ прачекъ, имѣющихъ болѣе 50-ти лѣтъ, считается 16%, въ Берлинѣ—22,7% всѣхъ прачекъ, въ Лондонѣ старше 55-ти лѣтъ—24%. За то въ классѣ домашней прислуги болѣе самыхъ молодыхъ женщинъ, до 20-ти-лѣтняго возраста, особенно если сравнить съ Петербургомъ: вмѣсто 14% петербургскихъ, мы находимъ почти 30%; старухъ въ домашней прислугѣ въ Лондонѣ менѣе, чѣмъ въ Петербургѣ, въ отношеніи 9 къ 12. Интересно, что въ молодыхъ годахъ преобладаютъ горничныя, потомъ къ 40—50 годамъ экономки и кухарки, и въ высшихъ возрастахъ судомойки. Безъ сомнѣнія, это выраженіе общаго закона, которому слѣдуетъ въ своей профессіи домашняя прислуга: сначала, пока молодость и силы, женщина идетъ въ горничныя; бѣльшая опытность въ домашнемъ хозяйствѣ и специальная подготовка дѣлаютъ изъ женщины кухарку и экономку; упадокъ силъ заставляетъ идти въ грязную работу.

Въ отношеніи вообще распределенія трудящаго женскаго населенія въ Лондонѣ мы ожидали встрѣтить и дѣйствительно встрѣчаемъ факты, прямо вытекающіе изъ меньшей охраны въ Англій, со стороны закона, труда малолѣтнихъ. Число дѣвочекъ до 15-ти лѣтъ, въ числѣ работницъ, тамъ конечно меньше, чѣмъ въ Петербургѣ, но больше гораздо, чѣмъ въ Берлинѣ. Вотъ сравнительное распределеніе возрастовъ въ %, въ обрабатывающей промышленности:

	Лондонъ.	Берлинъ.	Петербургъ.
до 15 лѣтъ. . .	2,3	до 15 лѣтъ. . .	1,6
15—55 > . . .	81,5	15—50 > . . .	85,7
55 и выше . . .	16,2	50 и выше . . .	12,7
			10,9

Трудно рѣшить, что именно обуславливаетъ здѣсь большой % старыхъ женщинъ: долгая ли сохраняемость трудовыхъ спо-

собностей, или совершенная необезпеченность хозяйственная, заставляющая женщину нести тяжелое бремя труда до самой глубокой старости. Въ Лондонѣ около 2% работницъ принадлежатъ къ возрасту болѣе 75-ти лѣтъ. Изъ 5-ти старухъ, перешедшихъ за 55-ть лѣтъ, одна работаетъ въ промыслахъ (не считая прислуги), въ то время, какъ въ Петербургѣ 1 изъ 8, въ Берлинѣ 1 изъ 7, перешедшихъ только 50-ти-лѣтній возрастъ. Нельзя сказать, чтобы положеніе не было тяжелое.

Въ торговой промышленности женскій трудъ въ Лондонѣ совершенно исчезаетъ сравнительно съ мужскомъ (на 100 мужч. 4 женщ.), хотя по отношенію къ женскому труду въ отдѣльности и представляется 3%. Подобно тому, какъ въ Петербургѣ, много женщинъ торговой профессіи занимаются разноснымъ торгомъ, по крайней мѣрѣ столько же, сколько торгуетъ изъ лавокъ. Въ перевозочной промышленности участіе женщины еще слабѣе вообще и еще ничтожнѣе сравнительно съ широкимъ участіемъ въ ней мужчины.

Что касается, наконецъ, до трактирнаго промысла, то Лондонъ представляетъ намъ, подобно Берлину, далеко меньшее участіе въ немъ женщины, чѣмъ въ Петербургѣ. На 100 хозяевъ приходится 52 хозяйки — вдвое почти болѣе, чѣмъ въ Берлинѣ, и въ четыре раза больше, чѣмъ въ Петербургѣ. Но за то женская прислуга въ трактирахъ, ресторанахъ и пр. въ Лондонѣ весьма значительна и сравнительно съ мужской — на 100 мужч. 33 женщ. (Петербургъ 4, Берлинъ 15), и сравнительно съ числомъ хозяевъ — 3 хов. на 2 работницы (Петербургъ 16:2, Берлинъ 4:2), и прислуга эта почти исключительно состоитъ изъ молодыхъ женщинъ не старѣе 35-ти лѣтъ. Къ возрасту 15—20 лѣтъ принадлежитъ 27% трактирной прислуги, къ 20—25 л. 40% и 25—35 л. 26%, итого 93%. Общее число хозяевъ распадается въ Лондонѣ и Петербургѣ, насколько возможно взять пождественныя группы, на слѣдующія составныя части:

Лондонъ. Петерб.

Содержательницы мебелированныхъ комнатъ и кухмистерскихъ.	60%	94%
> кофеенъ и закусочныхъ	15%	0,5%
> трактировъ, ресторановъ и гостинницъ . . .	20%	1,5%
> пивныхъ	5%	4%

Содержаніе мебелированныхъ комнатъ и кухмистерскихъ, такимъ образомъ, не только даетъ въ Петербургѣ заработокъ относительно большому числу женщинъ, но даже абсолютная цифра

нихъ не многимъ менѣе лондонской (3,017, въ Л. 3,818). Подобное предложеніе очевидно предполагаетъ значительной спросъ, источника котораго надобно искать въ случайномъ или временномъ пребываніи значительнаго приплаго населенія и въ слабой домовитости его.

Кончая наше изслѣдованіе, мы не можемъ не пожалѣть, что размѣры и назначеніе журнальной статьи не позволяютъ намъ дать лицамъ, интересующимся подобными изслѣдованіями, сводовъ тѣхъ абсолютныхъ цифръ, которыя послужили основаніемъ для всѣхъ выводовъ. Въ статистической работѣ это, собственно говоря, необходимо: только тогда и можно полагаться на относительныя цифры, когда видишь, изъ какихъ элементовъ сложились абсолютныя, и когда, въ случаѣ сомнѣнія, есть возможность самому провѣрить и итоги, и отношенія. Но основныя цифры, послужившія матеріаломъ для настоящей статьи, заняли бы втрое болѣе мѣста, чѣмъ самая статья.

Ю. Янсонъ.

ЛОРА ЛЕЙ

БАЛЛАДА КЛИМЕНТА БРЕНТАНО *).

На Рейнѣ, въ Бахарахѣ
Волшебница жила,
Красой своей чудесной,
Сердца къ себѣ влекла,

И многихъ погубила.
Уйти любви сътей
Нельзя тому ужъ было,
Кто разъ увлекся ей.

*) Въ биографіи Гейне, Адольфа Штродтмана, находятся слѣдующія любопытныя подробности о той же темѣ известнаго Гейневскаго стихотворенія: „немногимъ, быть можетъ, известно, что сказаніе о Лорелей не есть „преданіе старины глубокой“; происхожденіе его относится не дагѣ, какъ къ началу нынѣшняго столѣтія; никто изъ прежнихъ писателей ничего не зналъ о какомъ бы то ни было „культѣ Лоры“ или о юварной нимфѣ Лурлейской скалы близъ Саузъ-Гоара, столь опасной для плывущихъ мимо судоходовъ. Къ созданію такого мифа, развившагося на нашихъ глазахъ, немало подало Климентъ Brentano, введя во вторую часть своего романа „Годен“ (извѣст. въ 1802 г.) цѣлую балладу, содержаніе которой—какъ онъ самъ заявляетъ—внимательно изъ самизъ. Въ стихотвореніи этомъ, переведенномъ нами, и рѣчи нѣтъ о сиренѣ или нимфѣ, а говорится о молодой дѣвушкѣ изъ бюргерской семьи, жившей въ Бахарахѣ и обвиненной передъ епископомъ въ чародѣйствѣ, только за то, что мѣсте люблялись въ нее за красоту. Названіе „Lorlei“ (Lei значитъ *слащавый умъ*) подало Brentano мысль назвать дѣвушку *Лора Лей*. Этого было достаточно ии Николая Фогта, помѣшаннаго на Рейнскихъ сагахъ, чтобы сочинить, въ 1811 г., такую исторію: ахъ Лурлей—голосъ женщины, очаровывавшей своей красотой всѣхъ, кромя того единственнаго лица, кого она сама любила. Съ горя несчастная мѣсте

Призвалъ ее епископъ;
Онъ думалъ осудить,
Но самъ красой плѣнился
И долженъ былъ простить.

Растроганный, онъ молвилъ:
— Бѣдняжка, не таишь
Кто колдовать заставилъ
Тебя? мнѣ повинись.

«Отецъ святой! пощады
У васъ я не прошу;
Мнѣ жизнь не въ жизнь: собою
Я гибель приношу.

«Глаза мои — какъ пламя,
И жгутъ сердца людей!
Сожгите же скорѣе,
Колдунью Лору Лей!»

— Нѣтъ, Лора, не могу я
Тебя на смерть обречь!
Скажи: какъ ты сдумѣла
Мнѣ въ сердцѣ страсть зажечь?

въ монастырь, но, увидавъ по дорогѣ своего милого, пляскаго по Рейну, съ отчаянiя бросается въ воду. Трое поклонниковъ, провожавшихъ ее, послѣдовали туда же за ней. Вотъ почему передняя скала съ троекратнымъ эхо зовется „Камнемъ трехъ рыцарей“. Такимъ образомъ Фогтъ, на основанiи сочиненнаго стихотворенiя Бретано, пустилъ въ ходъ мнимое „народное преданiе“, которое вскорѣ послужило тѣмой для многихъ поэтовъ. Графъ Отто Гейнрихъ фонъ-Лѣбенъ первый превратилъ Вахарахскую самоубiйцу въ нимфу, которая, сидя на высокой скалѣ, очаровываетъ плывущихъ мимо судокодовъ чудными пѣснями и топитъ ихъ; его стихотворенiе было напечатано въ 1821 г. въ „Urania“, подъ заглавiемъ: „Loreley, eine Sage vom Rhein“. Гейне воспользовался этою тѣмою при сочиненiи своей извѣстной баллады, и придаль новую и прелестную форму содержанiю, плохо изложенному, и замѣнилъ вирши Лѣбена бессмертнымъ стихотворенiемъ. Многие поэты затѣмъ обработывали „сказанiе о Лорелеѣ“ каждый на свой ладъ. Эйхендорфъ сдѣлалъ ее лѣсною нимфой. Симрокъ въ ученой аллегорiи превратилъ ее въ музу рейнской области. Гейбель избралъ ее тѣмой драматическаго сюжета для опернаго либретто; Германъ Гершъ — для пятиактной трагедiи, а герцогъ Адольфъ Нассаускiй задумалъ, въ началѣ пятидесятныхъ годовъ, воздвигнуть на Лурлейской скалѣ гигантскую статую въ честь „древняго культа Лорн“; модель была уже изготовлена профессоромъ Гопфгартеномъ, когда критика опрокинула все преданiе, доказавъ его поддѣлку подъ старину, — и теперь модель валлется въ дворцовомъ саду Вибериха.

Казнить тебя нѣтъ силы,
Красавица моя!
Вѣдь вмѣстѣ съ этимъ сердце
Свое разбилъ бы я.

«Отецъ святой! не смѣйтесь
Надъ бѣдной сиротой,
Молите лучше Бога,
Чтобъ далъ Онъ мнѣ покой.

«Не жить ужъ мнѣ на свѣтѣ,
Никто мнѣ здѣсь не милъ,
Молить пришла о смерти,
Терпѣть не стало силъ.

«Обманута я другомъ,
Покинулъ онъ меня,
Уѣхалъ на чужбину,
Въ далекіе края.

«Румянцемъ, бѣлизною
И прелестью очей,
Да кроткими рѣчами
Прельщаю я людей.

«А мнѣ самой не легче,
Душа моя болитъ,
Красы моей блистанье
Мнѣ сердце леденить.

«Дозвольте-жъ христіанкой
Покинуть здѣшній свѣтъ!
На что мнѣ жизни бремя?
Всю со мною нѣтъ!»

Трехъ рыцарей епископъ
Зоветь и имъ велить
Свести ее въ обитель,
А самъ ей говорить:

— Молися Богу, Лора,
Въ обители святой,

Черницею готовься
Свершить свой путь земной.

Вотъ рыцари всѣ трое
Садятся на коней,
И ѣдутъ; съ ними, грустно,
Красотка Лора Лей.

«О рыцари! дозвольте
На тотъ утесъ взбѣжать,
Чтобъ милаго мнѣ замокъ
Оттуда увидать,

«И съ Рейномъ попрощаться;
А тамъ я удалюсь
Въ обитель, гдѣ черницей
Отъ міра скоронюсь».

Утесъ угрюмъ и мраченъ
И гладокъ, какъ стѣна;
Но легче серны дивой
Взбѣгаетъ вверхъ она.

Глядитъ впередъ и молвить:
«Вонъ, лодочка летить,
А въ этой лодкѣ, вижу,
Мой милый другъ сидитъ.

«О! сердце какъ забилося!
И жизнь мнѣ вновь красна!»
И съ этимъ словомъ въ воду
Вдругъ бросилась она.

— ДТЪ.

ДРЕВНІЙ ПЕРІОДЪ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

И ОБРАЗОВАННОСТИ.

Сравнительно-историческіе очерки.

При изученіи древнѣйшаго періода нашей литературы и образованности, съ сравнительно-исторической точки зрѣнія, слѣдуетъ остановиться прежде всего на свойствахъ самаго племени и на тѣхъ существенныхъ условіяхъ, въ какія съ самаго начала поставлено было умственное развитіе возникавшаго общества. Итакъ, первыми представляются вопросы объ этнологическомъ появленіи и особенностяхъ народа; во-вторыхъ, объ исторической обстановкѣ національности, которою опредѣлялись источники и размахъ ея умственныхъ приобрѣтеній.

I. Цивиза, народность.

Еще недавно, въ періодъ романтическаго возвеличенія народностей, было весьма распространено ученіе, что историческая жизнь народа представляетъ единичное, особое развитіе одного типа, даннаго разъ при самомъ его началѣ и затѣмъ выростающаго въ одномъ неизбѣжномъ направленіи, — какъ произведеніе природы, которое всегда остается самимъ собой, какъ левъ всегда остается львомъ, или дубъ дубомъ. Внѣшніе элементы, входящіе

въ жизнь народа въ теченіе исторіи, не измѣняютъ типа, но поглощаются и ассимилируются имъ, такъ что измѣненіе, хотя и является во внѣшности, не простирается на сущность типа: получаетъ ли народъ религію; онъ приурочиваетъ ее къ этой сущности; приобретаетъ ли науку и чужія учрежденія, онъ ихъ переживаетъ и усваиваетъ изъ нихъ лишь то, что отвѣчаетъ его характеру. Въ такихъ случаяхъ, гдѣ трудно было говорить о подобной передѣлкѣ новаго элемента, напр., когда идетъ рѣчь о принятіи христіанства, говорили обыкновенно, что народный характеръ былъ именно таковъ, какой требовался для новой религіи, что этотъ народъ именно и долженъ былъ стать по преимуществу христіанскимъ, и т. п.

Такое ученіе всего чаще бывало и бываетъ кодексомъ національной исключительности. Ссылками на неизмѣнность типа хотятъ дать основаніе національному мистицизму, который въ гордомъ самодовольствѣ считаетъ свою національность вершиной человѣческаго развитія, и пренебрегаетъ чужимъ опытомъ и заслугой, потому что принятіе ихъ или иной разъ подчиненіе имъ считаетъ униженіемъ для національнаго достоинства. Понятно, что такой взглядъ въ практической жизни можетъ приводить къ самому странному пониманію всѣхъ національныхъ отношеній. Но эта фаталистическая неизмѣнность типа отвергается съ самаго начала безпристрастнымъ наблюденіемъ самого историческаго развитія.

Въ данный моментъ, національность безъ сомнѣнія есть опредѣленный типъ, съ отличительными свойствами, въ значительной степени наследственными, родовыми, — но, если только нація имѣла исторію, доступную для наблюденія, — мы увидимъ, что этихъ отличительныхъ свойствъ данной минуты невозможно распространить на цѣлую исторію націи, или даже на какой-либо обширный историческій періодъ. Если народъ не былъ поставленъ въ особыя условія, сохранявшія его быть въ однихъ неизмѣнныхъ формахъ; если онъ дѣлалъ какія-нибудь культурныя приобращенія; особенно же, если онъ обнаруживалъ положительную склонность къ цивилизаціи, и дѣлалъ въ ней успѣхи, — мы непремѣнно увидимъ, что было время, когда его типъ былъ иной, чѣмъ теперь, когда нынѣшнія свойства еще только приобращались, когда господствовали другія свойства; и будетъ время, когда нынѣшнія свойства смѣнятся другими — по тѣмъ условіямъ развитія, какія окружали прежде этотъ типъ и будутъ окружать его впоследствии. Сравненіе съ произведеніями органической природы только подтвердитъ *измѣняемость* типа. И действительно, она бываетъ

столь обширна, что начальныя и конечныя ступени развитія на обыкновенный взглядъ представляютъ нерѣдко совершенно разныя формы, единство которыхъ объясняется только наука, — именно тѣмъ, что указываетъ промежуточныя ступени.

Очевидно, что полное опредѣленіе національнаго типа заключается въ одной данной или настоящей его формѣ, а во всемъ его историческомъ развитіи, — въ его пройденныхъ ступеняхъ, приобретенномъ результатѣ и въ будущихъ возможностяхъ. Къ этимъ послѣднимъ и направляется національный идеаль, — въ нихъ цѣль сознательныхъ стремленій націи, или стремленій ея наиболее развитой доли.

Возможность исторіи заключается въ измѣняемости типа, или въ способности къ усовершенствованію. Историческія требованія совершенно сходятся здѣсь съ естественно-историческими, или антропологическими.

Племя предполагаетъ наследственность, сохраненіе старыхъ качествъ; но измѣняющіяся условія жизни требуютъ отъ всякаго организма, и отъ человѣческаго племени, еще другого свойства — способности приспособляться къ новымъ обстоятельствамъ, побуждать трудности, не испытанныя прежде и возникающія, для племени, отъ измѣненій природныхъ и отъ всякихъ историческихъ столкновений, и находить въ себѣ силу для разрѣшенія новыхъ требованій жизни. Различныя племена, какъ мы видимъ ихъ въ исторіи, въ различной степени одарены этой способностью приспособленія, побужденія трудностей, или совершенствованія. Племена, расположенныя больше къ наследственному сохраненію старыхъ свойствъ, мало способны выдерживать новыя условія, приходятъ въ упадокъ и совсѣмъ погибаютъ, оставляя мѣсто другимъ, болѣе энергическимъ, которымъ и принадлежитъ дальнѣйшее развитіе. Отсюда — дѣленіе племенъ по ихъ способности или неспособности къ цивилизаціи; способность къ развитію становится условіемъ самаго существованія ¹⁾.

¹⁾ Нѣкоторые антропологи утверждали и то, что въ абсолютномъ смыслѣ нельзя говорить объ этой способности или неспособности; что самны дикія, некультурныя въ данную минуту племена, способны дойти до болѣе высокихъ ступеней цивилизаціи (какъ американскій негръ выше своихъ африканскихъ единоплеменниковъ; какъ сами индѣйскіе культурные народы вышли изъ первоначально очень дикаго состоянія), — и это есть только дѣло времени, — но въ действительности бываетъ обыкновенно такъ, что этого времени не остается, что требуется быстрое движеніе развитія, чтобы племя могло уцѣлѣть, а между тѣмъ долгая привычка къ неподвижному традиционному быту притупляетъ способность къ приобрѣтенію новыхъ свойствъ. Обыкновенно, это бываетъ встрѣча съ болѣе развитымъ племенемъ, гдѣ борьба не идетъ. Такъ гибли индѣйцы въ Америкѣ, туземцы въ Полинезій или въ Африкѣ. Тоже также Европа не будетъ, наконецъ, ждать и съ турками.

Для самихъ культурныхъ племенъ, постоянное совершенствованіе есть необходимое условіе жизни. Все чаще является сознаніе, что для сохраненія прибрѣтеннаго и для блага будущихъ поколѣній необходимо распространять знанія, поднять весь уровеньъ способностей.

«Цивилизація, — говоритъ одинъ изъ новѣйшихъ изслѣдователей племеннаго начала, — есть новое требованіе, наложенное на человѣка теченіемъ событій, подобно тому, какъ въ исторіи геологическихъ измѣненій мы видимъ постоянно новыя требованія, налагаемыя на различныя породы животныхъ. Эти требованія дѣйствуютъ двояко: или они измѣняютъ природныя качества породы путемъ естественнаго подбора, когда перемѣны происходили довольно медленно, а порода была довольно воспріимчива, или же истребляютъ породы совершенно, когда перемѣны были слишкомъ рѣзки, а порода упорна. Число человѣческихъ породъ, совершенно исчезнувшихъ подъ гнетомъ требованій новой цивилизаціи, служитъ страшнымъ для насъ урокомъ. Я думаю, что ни въ какой періодъ всемірной исторіи не было ни одной породы животныхъ, которая истреблялась бы на такихъ огромныхъ пространствахъ и съ такою изумительною быстротою, какъ дикіе народы... Обитатели обширныхъ странъ были совершенно стерты съ лица земли въ короткое время трехъ столѣтій не столько натискомъ болѣе сильной породы, сколько вліяніемъ цивилизаціи, которая была имъ не по силамъ. Даже и мы, передовые работники въ свиданіи этой цивилизаціи, начинаемъ чувствовать себя неспособными жить въ мирѣ съ нашимъ собственнымъ сознаніемъ. Потребности централизаціи, сообщеній, образованія, требуютъ отъ нашей породы болѣе мозгу и умственныхъ силъ, чѣмъ сколько она имѣетъ. Мы громко жалуемся на недостатокъ болѣе способныхъ людей во всѣхъ сферахъ жизни: ни государственные люди, ни философы, ни ремесленники, ни простые рабочіе не стоятъ на высотѣ тѣхъ многочисленныхъ знаній, которыхъ требуетъ ихъ профессія. Наша широкая цивилизація обнимаетъ множество различныхъ интересовъ, съ которыми государственные люди и философы нашей породы не могутъ справиться... Порода наша изнемогаетъ отъ этихъ требованій, превышающихъ ея силы, и можетъ выродиться подъ ихъ тяжестью...

«Когда трудности борьбы за жизнь не превышаютъ силъ извѣстной породы, тогда онѣ полезны и поддѣрживаютъ ее, — иначе причиняютъ смерть; такъ бѣдныя и тощія растенія вядаютъ жалкую жизнь подлѣ линіи лѣтнихъ снѣговъ на Альпахъ, а немного выше совершенно вымираютъ... Намъ нуженъ мозгъ

болѣ развитой для того, чтобы онъ могъ приспособиться къ потребностямъ современной жизни и исполнять свою задачу съ болѣе легкостью, чѣмъ теперь. Мы могли бы, въ известной мѣрѣ, возвысить природу человѣка до уровня съ новыми потребностями, стѣсняющими его существованіе; мы могли бы также, въ известной мѣрѣ, измѣнить самыя потребности такъ, чтобы онъ какъ можно менѣе стѣснялся человѣка. Ясно, что нужно стремиться къ тому и другому въ одно время, съ цѣлью поставить природу человѣка и условія его жизни въ самую полную гармонию»... ¹⁾).

Когда вопросъ цивилизаціи и ея требованій ставится такимъ серьезнымъ образомъ тѣми, кто дѣйствительно были «передовыми работниками въ ея созиданіи», то, кажется, онъ заслуживаетъ по крайней мѣрѣ не меньшаго вниманія у тѣхъ, кто не такъ много участвовалъ въ созиданіи этой цивилизаціи, не такъ много вкладывъ ея приобретеніями, но подлежитъ во всякомъ случаѣ тѣмъ же требованіямъ.

Разъясненіе того, въ какомъ отношеніи стояло и стоитъ въ цивилизаціи наше племя, есть одна изъ задачъ нашего историческаго изученія, имѣющихъ существенную важность для сознательнаго пониманія нашего общественнаго положенія. Имѣло ли изъ старя наше племя задатки развитія, какіе отличаютъ племена культурныя; чѣмъ объясняется его удаленіе отъ европейскаго развитія въ средневѣковую эпоху; какой путь необходимъ нашей образованности для истиннаго національнаго блага—все это вопросы глубокой важности и въ чисто научномъ интересѣ и въ практическомъ общественномъ смыслѣ. Наше историческое изученіе, слишкомъ занятое разработкой фактическихъ частныхъ, кажется, не потеряло бы, если бы посвящало имъ больше вниманія.

Итакъ, въ началѣ историческаго изслѣдованія о судьбѣ нашей образованности является вопросъ о племени, его природныя свойствахъ, способности его къ развитію. Рассматривая нашъ національный типъ, нельзя опять принимать его какъ готовый въ какой-нибудь данный моментъ, только съ тѣми свойствами и въ тѣхъ отношеніяхъ, какія онъ тогда имѣлъ или считается имѣвшимъ. Онъ долженъ быть изучаемъ во всей своей исторіи, и исходная точка для его опредѣленія должна быть тамъ, гдѣ только исторія можетъ услѣдить первые его зачатки, происхожде-

¹⁾ Френсъ Гальтонъ, Наслѣдственность таланта. Спб. 1875, стр. 268 и д.

не народа, первоначальныя черты его культурнаго характера. Въ новѣйшемъ періодѣ развитія національнаго типа является вопросъ объ его отношеніи къ общечеловѣческой цивилизаціи. Эта цивилизація является критеріемъ, которымъ опредѣляется относительное значеніе національныхъ типовъ, и въ вопросѣ историческаго развитія получаетъ особенную важность отношеніе народа къ началамъ общечеловѣческой цивилизаціи, степень его способности (или его неспособность) усвоивать ее, быть дѣятельнымъ, сознательнымъ ея участникомъ и двигателемъ.

Если бы кто сомнѣвался въ этой способности славянства и въ частности русскаго народа по ихъ прошедшему, не представлявшему, за немногими исключеніями, особеннаго творческаго участія въ европейскомъ развитіи (сомнѣнія этого рода не одинъ разъ высказывались въ европейской литературѣ), — то исторія послѣднихъ столѣтій могла бы достаточно показать, что русское племя, вмѣстѣ съ славянствомъ, призваны быть участниками и дѣятелями общечеловѣческой цивилизаціи. Историческія изслѣдованія новѣйшей науки доказываютъ съ другой стороны, что, по самому племенному происхожденію и свойствамъ, славянское племя есть прямой потомокъ арійской расы, культурной по преимуществу, и находится въ тѣснѣйшемъ родствѣ съ тѣми европейскими народами, которымъ со времени классической древности и донинѣ принадлежитъ созданіе общечеловѣческой цивилизаціи.

Новѣйшая наука пришла однако къ послѣднему заключенію очень недавно, лѣтъ сорокъ тому назадъ. Долгое отдѣленіе славянскаго и особенно русскаго міра отъ западно-европейскаго, національныя враждебныя столкновенія давно заставляли ихъ чуждаться другъ друга; обѣ стороны не признавали между собою ничего общаго. Старая память объ единствѣ ихъ происхожденіи затерялась, кажется, еще до начала ихъ извѣстной исторіи Древній лѣтописецъ, объясняя библейское преданіе и вѣроятно противопоставляя свой народъ азіатскимъ дикарямъ, причислялъ славянъ къ европейской системѣ народовъ, къ Іафетову племени; но впослѣдствіи, русскіе все больше отдалялись отъ этой системы забывали Іафетово національное единство и, уже на чисто религиозномъ основаніи, охотнѣе считали себя на (православномъ Востокѣ и становились враждебно къ (католическому) Западу. Къ свою очередь Западъ, исторія котораго велась въ кругу роман германскихъ народовъ, не имѣя сношеній съ Россіей, почти не бывалъ о ней; узнавалъ ее (особенно съ XVI-го вѣка) какъ вообще узнавали тогда невѣдомыя страны. Россія считалась Азія; такъ какъ она занимала мѣсто древней Скиѣи и Сармат

на нее отчасти переносилось понятіе объ этихъ странахъ и народахъ, памятное изъ древнихъ писателей; на Россію смотрѣли тою на какое-то гуннское царство, народу ея еще долго приписывалось туранское происхожденіе; когда узнали о ней нѣсколько больше, католическая Европа враждебно смотрѣла на нее какъ на страну схизматическую; Европа ученая видѣла въ ней незнакомую страну. Немногіе путешественники, разумно смотрѣвшіе на русскій народъ, какъ Герберштейнъ, не могли ослабить предубѣжденія, питаемаго противъ Россіи... Восемнадцатый вѣкъ ввелъ, наконецъ, Россію въ систему европейскихъ государствъ, — но только новѣйшая наука окончательно выяснила тѣснѣйшую племенную связь славянства съ европейскими народами, и раскрытіемъ его исторіи укрѣпила основаніе ихъ нравственной солидарности.

Слабые начатки сравнительнаго языковеденія въ концѣ прошлаго столѣтія уже дали неясное указаніе на это родство. — Прочное установленіе этой науки съ 1830-хъ годовъ поставило внѣ всякаго сомнѣнія это родство, и опредѣлило даже его значительную близость. Знаменитый Бопиъ, который былъ истиннымъ основателемъ сравнительнаго языковеденія ¹⁾, указавши единство европейскихъ народовъ въ арійскомъ корнѣ и древнѣйшій арійскій языкъ въ санскритѣ, приходилъ къ заключенію, что славянскій языкъ не только принадлежитъ къ тому же корню, но, изъ европейскихъ, находится въ самомъ близкомъ родствѣ къ санскриту. Рядъ новѣйшихъ филологовъ, совершившихъ трудныя и остроумныя изысканія надъ формами и лексическимъ составомъ языковъ арійскаго корня, старался выяснить самый процессъ, какииъ возникло изъ перваго общаго источника все разнообразіе арійскихъ племенъ и языковъ, и ту послѣдовательность, въ которой шло ихъ постепенное выдѣленіе и образованіе.

Народъ никогда не помнитъ своего возникновенія, которое всегда остается для него или совершенно темно, или теряется въ мифологическихъ генеалогіяхъ, созданныхъ въ болѣе позднія эпохи, и въ вопросѣ о выдѣленіи и образованіи арійскихъ племенъ и языковъ дѣло шло о такихъ временахъ, которыя не оставили никакихъ памятниковъ или записанныхъ извѣстій, — несмотря на то, новая наука нашла возможнымъ бросить нѣкоторый свѣтъ на эти загадочныя событія: какъ геологія возстановляетъ исторію земли по наслоеніямъ формаций и сохраннымъ ими органическимъ остаткамъ, такъ языковеденіе умѣло напасть на историче-

¹⁾ Его „Сравнительная грамматика“ арійскихъ языковъ вышла въ 1833—1842 гг.

скую нить въ тѣхъ остаткахъ древности, которые сохранились въ извѣстныхъ теперь формахъ и наслоеніяхъ языковъ арійскаго племени. Изученіемъ формъ и лексическаго состава языковъ сравнительное языковѣдѣніе доказало прежде всего, что славянское племя принадлежитъ къ той индо-европейской или арійской расѣ, которая, по своимъ умственнымъ дарованіямъ, достигла всемірно-историческаго значенія и является главною двигательною силою современной цивилизаціи. За первымъ общимъ выводомъ слѣдовалъ длинный рядъ замѣчательныхъ трудовъ, по преимуществу нѣмецкихъ, гдѣ реставрація древности поведена была дальше. Положивъ основаніе исторіи языка, наука пыталась возстановить первоначальное культурное состояніе кореннаго племени, вѣроятный процессъ развѣтвленія народовъ изъ одного стараго корня, вѣроятный видъ и составъ языковъ, мѣровъ, быта и пр. И до сихъ поръ остается въ этомъ вопросѣ много неяснаго, въ выводахъ ученыхъ много предположительнаго; но во всякомъ случаѣ уже теперь достигнуты результаты, не подлежащіе сомнѣнію, а дальнѣйшія изученія, конечно, должны еще расширить эти результаты. Родиной того пра-языка, отъ котораго произошли языки арійскихъ племенъ, принимается болѣею частію ученыхъ центральная верхняя Азія, — отсюда племена разошлись потомъ, одни на юго-востокъ, въ Индію, другія на западъ; послѣднія стали родоначальниками европейскихъ племенъ. Таковъ выводъ, принимаемый большинствомъ изслѣдователей; но не всѣ, однако, соглашаются признать здѣсь родину арійскихъ племенъ. Не такъ давно было высказано мнѣніе, имѣющее на своей сторонѣ также не одного замѣчательнаго ученаго, — по которому этой родиной была не Индія, а Европа, такъ что славянское племя было бы въ такомъ случаѣ туземнымъ. Англичанинъ Латамъ, высказавшій это мнѣніе въ 50-хъ годахъ, нашелъ союзниковъ въ нѣмецкихъ ученыхъ ¹⁾; они основывали свой взглядъ, главнымъ образомъ, на фактахъ языка, и отчасти на фیزیологическихъ соображеніяхъ. Именно, сравнивая общій арійскій запасъ словъ, находятъ, что для обозначенія главнѣйшихъ азіатскихъ хищныхъ звѣрей (какъ левъ и тигръ, и также верблюдъ) въ арійскихъ языкахъ нѣтъ одного общаго названія, — что должно бы быть, еслибы первоначальный источникъ этихъ языковъ былъ азіатскій; — а съ другой стороны оказывается согласіе въ обозначеніи нѣкоторыхъ родовъ деревьевъ, по преимуществу европейскихъ (какъ береза, букъ, дубъ, и нѣко-

¹⁾ Какъ Велфей, Шигель, Гейгеръ и др.

тупе роды хлѣба) и есть указанія на климатическія условія, которыя не совсѣмъ подходятъ къ предполагаемой азіатской родинѣ. Указываютъ кромѣ того на внѣшнія свойства племенъ, господство бѣловурого типа, который именно и удержался всего яснѣе на европейской родинѣ. Думаютъ наконецъ, что легче предположить одинъ случай выселенія одной группы въ Азію, чѣмъ рядъ выселеній изъ Азіи въ Европу (какъ должно предполагать, принимая родину арійскихъ племенъ въ Азіи).

Послѣдователи господствующаго мнѣнія приводили противъ этого взгляда весьма вѣсныя возраженія. Указываютъ, напримѣръ, обстоятельство, не объяснимое при этомъ взглядѣ, именно, что языки старой Индіи и старой Бавтріи (санскритъ и вендъ), за которыми всѣ согласно признаютъ наибольшую чистоту и совершенство древнихъ элементовъ, едва ли бы могли сохранить эти качества, еслбы индійцы и иранцы отдѣлились прежде всѣхъ отъ коренного племени и сдѣлали далекій путь изъ Европы въ Иранъ и Индію; первобытная форма, наиболѣе чистая и близкая къ древнѣйшему языку, должна была сохраниться и географически всего ближе къ первобытному жилищу племени, и это очевидно говоритъ за Азію, какъ родину арійцевъ. До сихъ поръ это послѣднее мнѣніе имѣетъ за себя гораздо больше доказательствъ.

Чтобы выяснитъ исходную точку, отъ которой отправлялось дальнѣйшее выдѣленіе племенъ и языковъ, сравнительное языковѣдѣніе старалось опредѣлить языкъ древнѣйшихъ аріевъ. Этого хотѣли достигнуть (вонецно, гипотетически) такимъ образомъ, что изъ поднѣйшаго разнообразія отдѣльныхъ языковъ выдѣляли черты, которыя оказывались общи имъ всѣмъ и, слѣдовательно, должны были принадлежать языку основному. Этимъ путемъ, и цѣной усиленныхъ и кропотливыхъ изслѣдованій восстановлены были вѣроятныя грамматическія формы и словарь первобытнаго арійскаго языка, — языка европейскихъ племенъ на ихъ азіатской родинѣ. Словарь, составленный путемъ изученія каждаго отдѣльнаго корня, который оказывался проходившимъ черезъ всѣ индоевропейскіе языки, этотъ словарь долженъ былъ заключать въ себѣ и указанія о степени культуры арійскихъ племенъ въ ту эпоху, когда они еще жили въ своемъ первобытномъ союзѣ. Восстановленный такимъ образомъ арійскій пра-языкъ представляетъ древнѣйшую форму всѣхъ тѣхъ языковъ, какіе изъ него произошли, слѣдовательно, древнѣйшую форму и славянскаго, и германскаго, и греческаго языка и т. д., которыхъ зародыши тогда въ немъ заключались.

Литература вопроса о древне-арійскомъ языкѣ и цивилизаціи уже теперь весьма значительна. Сравнительное изученіе индоевропейскихъ языковъ постоянно приводило изслѣдователей къ вопросу о первоначальномъ источникѣ того или другого корня, и такимъ образомъ мало-по-малу опредѣлялся рядъ древнихъ коренныхъ словъ, извѣстныхъ всѣмъ новѣйшимъ языкамъ и восходившихъ до древне-арійскаго источника. Не входя въ подробности, довольно упомянуть, что главные труды по этой реставраціи древне-арійскаго языка принадлежали Шлейхеру, одному изъ замѣчательнѣйшихъ представителей сравнительнаго языкознанія, который въ особенности примѣнялъ общее изслѣдованіе и къ исторіи славянскихъ нарѣчій. Одна изъ работъ его въ этомъ направленіи явилась на русскомъ языкѣ ¹⁾. Сюда примыкаютъ и труды Курціуса (особенно въ примѣненіи къ исторіи греческаго языка), Гейзе, Штейнталя, Гейгера. Въ связи съ исторіей быта и мифологіи надъ этимъ же вопросомъ работали много другихъ замѣчательныхъ представителей новой науки, какъ знаменитый Яковъ Гриммъ, Максъ Мюллеръ, Бенфей, Пигтѣ, А. Кунъ и пр., и пр. Наконецъ, всѣ эти предварительныя изслѣдованія дали возможность обобщенія, которое явилось въ формѣ настоящаго словаря древнѣйшаго арійскаго языка и словаря главныхъ его отраслей въ ихъ древнѣйшей формѣ ²⁾.

Параллельно съ этимъ шли другія разнообразныя изслѣдованія далекой древности, которыя освѣщали также и древность арійскую и славянскую.

Таковы изслѣдованія о геологическихъ древностяхъ, свидѣтельствующихъ о первобытномъ населеніи Европы, о свайныхъ постройкахъ и т. п.; о такъ-называемомъ «каменномъ», «бронзовомъ» и «железномъ» вѣкѣ, которые уже прямо касаются арійскихъ племенъ Европы ³⁾. Таковы другія любопытныя изслѣдова-

¹⁾ „Краткій очеркъ до-исторической жизни сѣверо-восточнаго отдѣла индо-германскихъ языковъ“, въ Запискахъ Акад. Наукъ, т. VIII, 1865.

²⁾ Aug. Fick, „Wörterbuch der indogermanischen Grundsprache“, Gött. 1868. Теперь выходитъ третье, очень распространенное изданіе этого словаря. Тому же автору принадлежитъ изслѣдованіе: „Die ehemalige Spracheinheit der Indogermanen Europa's“, Gött. 1873; о немъ скажемъ даѣе.

³⁾ Въ нашей литературѣ по этому предмету есть, кажется, одно только изслѣдованіе г. Котляревскаго: „Металлы и ихъ обработка въ до-историческую эпоху у племенъ индоевропейскихъ“ („Древности“, труды моск. археологич. общества. М. 1865). Въ славянской (чешской) литературѣ лучшіе труды этого рода принадлежатъ Воцелю. Недавно, одно изъ его археологическихъ сочиненій явилось, въ переводѣ г. Задерацкаго, и на русскомъ языкѣ: „Древнѣйшая бытовая исторія славянъ и чеховъ въ особенности“. Кіевъ, 1875.

нія по такъ-называемой матеріальной археологіи, которая съ помощью историческихъ данныхъ и сравнительнаго языковнаія старается возстановить ходъ внѣшней культуры,—какъ это дѣлаетъ, напримѣръ, г. Генъ въ замѣчательныхъ изслѣдованіяхъ о «Культурныхъ растеніяхъ и домашнихъ животныхъ», о «Соли» ¹⁾. Таковы изслѣдованія о внутреннемъ бытѣ народовъ, археологія мифовъ, преданій, народной поэзіи, обычнаго права, — та область изысканій, гдѣ гениальнымъ руководителемъ былъ Я. Гриммъ. Наконецъ, изслѣдованія, относящіяся прямо къ славянской древности и языку: труды Шафарика, Палацкаго, Миклошича, главные труды русскихъ славистовъ и археологовъ такъ извѣстны, что глѣть надобности особо ихъ указывать.

Обстоятельный обзоръ того, что сдѣлано было до сихъ поръ для объясненія древнѣйшей исторіи славянства, и главные результаты читатель можетъ найти въ книгѣ западно-славянскаго ученаго Крека ²⁾.

Мы укажемъ въ немногихъ словахъ главные выводы, къ которымъ пришли изслѣдованія сравнительной филологіи.

Итакъ, родину древне-арійскаго племени и языка полагаютъ въ Азіи. Система звуковъ этого языка, по общему мнѣнію ученыхъ, была очень проста, но, несмотря на простоту звуковъ, формы языка были очень богаты и ясно образованы ³⁾.

На основаніи реставрированнаго словаря языковнаіе старалось возстановить и степень цивилизаціи первобытнаго народа — гурдь, исполненный величайшаго интереса, потому что никакіе письменные памятники не достигали этой далекой древности ⁴⁾. Эти изслѣдованія получаютъ и для насъ ту важность, что культурныя отношенія первобытнаго арійскаго народа представляютъ собой и самую раннюю ступень славянской цивилизаціи — ту ступень, съ которою славяне вышли изъ древне-арійскаго союза, которая и для нихъ, какъ для другихъ европейскихъ племенъ, была исходнымъ пунктомъ дальнѣйшаго развитія.

Эта древне-арійская цивилизація была уже далеко не первобытная. Во-первыхъ, мы находимъ здѣсь уже ясно опредѣленный семейный союзъ, въ которомъ вообще заключается зародышъ об-

¹⁾ Первое изъ этихъ сочиненій вышло и на русскомъ языкѣ, Сиб. 1872.

²⁾ „Einleitung in die slavische Literaturgeschichte und Darstellung ihrer älteren Perioden“. Von Dr. Gregor Krek. Graz, 1874.

³⁾ Шлейхеръ сдѣлалъ научный tour de force, реставрировавши такимъ образомъ эту басню на древне-арійскомъ языкѣ.

⁴⁾ Cp. W. Dw. Whitney, „Language and the Study of Language“, 2 ed. Lond. 1868, стр. 205 и д.

щественнаго устройства; этотъ союзъ обнимаетъ не только ближайшихъ членовъ семьи, но и болѣе отдаленное родство; между прочимъ находятъ указанія, что вдова не была осуждаема на смерть, какъ это сдѣлалось потомъ обычаемъ въ Индіи. Слова, обозначающія родство, вообще съ наивной живописностью передаютъ бытовые отношенія. Занятіемъ древнѣйшаго племени было скотоводство и очень первобытное земледѣліе съ кочевымъ характеромъ. Главныя изъ домашнихъ животныхъ были уже извѣстны; изъ дикихъ звѣрей есть названія только для немногихъ (какъ волкъ, медвѣдь, заяцъ); и вообще замѣчаютъ, что обыкновенно въ древне-арійскомъ языкѣ можно указать только слова для болѣе мирныхъ занятій, тогда какъ слова для дѣятельности болѣе воинственной принадлежатъ уже позднѣйшимъ поволѣніямъ, тому періоду, когда племена уже отдѣлились отъ корня и вели раздѣльную жизнь. Домашній скотъ составлялъ главное богатство, главную пищу и главное средство для мѣны, вмѣсто неизвѣстныхъ еще денегъ; и любопытно, что по раздѣленіи племенъ, когда нужно было прискаты названія для денегъ, то въ разныхъ языкахъ, уже очень несходныхъ, эти названія опять заимствованы были одинаково отъ свота ¹⁾.

Древнѣйшій арійскій народъ уже имѣлъ понятіе объ общинной связи и о власти, причемъ слово, означавшее первоначально пастуха, въ позднѣйшемъ употребленіи стало означать защитника, наконецъ царя,—какъ у Гомера царь постоянно является какъ «пастухъ народовъ». Для защиты отъ враговъ семьи соединялись подъ начальство одного вождя; оружіемъ были лукъ, копье, щитъ; въ домѣ дверь запиралась такъ, чтобы выдержать нападеніе; для защиты служили и заборы.

Въ числѣ породъ обрабатываемаго хлѣба былъ несомнѣнно овесъ и вѣроятно рожь, которую умѣли молоть и печь хлѣбъ; пищею служило и мясо домашнихъ животныхъ. Вино было еще неизвѣстно, но былъ какой-то опьяняющій напитокъ, имѣвшій отношеніе къ жертвоприношеніямъ. Было уже умѣнье ткать, плести, шить; извѣстно было изготовленіе простѣйшихъ орудій. Изъ металловъ очень извѣстно было золото, вѣроятно также мѣдъ и серебро; но не желѣзо. Языкъ древне-арійцевъ имѣетъ слова для обозначенія разныхъ породъ деревьевъ, разныхъ цвѣтовъ; извѣстно было судоходство, но «море» было неизвѣстно древне-арійцамъ, въ чемъ между прочимъ находятъ новое доказатель-

¹⁾ Извѣстныя слова: лат. pecunia, отъ pecus; нѣм. schatz; старо-слав. „скотъ“ въ смыслѣ денегъ, и т. п.

ство того, что они жили внутри азіатскаго материка. Письма не знали, и оно уже гораздо позднѣе было занято у семитовъ.

Объ умственномъ развитіи арійцевъ можно судить по тому, что въ счетѣ они употребляли уже десятичную систему; числа они знали до ста, и могли считать сотнями. Относительно ихъ понятій въ правѣ трудно сдѣлать какія-нибудь опредѣленія; замѣчаютъ, что у арійскихъ племенъ нѣтъ общаго слова для обозначенія «закона», что слова, выражающія у нихъ это понятіе, имѣли первоначально другое значеніе;—впрочемъ, наше понятіе закона и права слишкомъ отвлеченно для первобытныхъ ступеней цивилизаціи. У древне-арійцевъ положены были и основанія религіи. Божествомъ ихъ было небо, которое представлялось какъ «свѣтящее», и отъ котораго исходилъ и зависѣлъ свѣтъ, теплота и жизнь. Другія явленія природы, благопріятныя и неблагопріятныя, также занимали въ этой религіи свое мѣсто; но сравнительная мифологія еще не успѣла ясно опредѣлять ихъ значеніе.

На такой, приблизительно, ступени стояло древне-арійское племя въ ту пору, когда еще не выдѣлялись изъ него вѣтви, давши начало позднѣйшимъ особымъ народамъ. Само собою разумѣется, что эта ступень, уже довольно далекая отъ собственно дикаго быта, не была первою ступенью этого племени; она только первая, до которой достигаютъ преданія языка; на дѣлѣ, и она была уже плодомъ предшествовавшаго развитія—какъ и самый языкъ дошелъ до своей древне-арійской формы только черезъ другія, болѣе первобытныя формы ¹⁾. Но позднія арійскія племена, племена второй формаціи, пережили еще въ общемъ союзѣ древнѣйшую пору цивилизаціи: такимъ образомъ онѣ не знали грубѣйшихъ формъ быта, и начали свою отдѣльную жизнь уже съ извѣстнымъ запасомъ культурныхъ знаній.

Какъ долго древне-арійскій языкъ существовалъ въ этой нераздѣльности,—для рѣшенія этого вопроса сравнительное языковѣдѣніе не имѣетъ пока никакихъ средствъ; оно не можетъ сва-

¹⁾ Всѣ вообще языки дѣлятся (по взгляду, который выставленъ былъ первоначально Фр. Шлегелемъ, но особенно развитъ В. Гумбольдтомъ, Поттомъ и Шлейхеромъ) по морфологическимъ особенностямъ на три группы: однослоговые, какъ китайскій; сложные или приставочные (agglutinirende); и наконецъ флектирующіе, т.е. имѣющіе измѣненія формъ. Арійскіе языки принадлежатъ къ послѣдней группѣ, которая представляетъ такимъ образомъ высшую организацію языка. Но ученые съ изобрѣтательностью думаютъ, что эта форма не всегда принадлежала арійскому языку и что, напротивъ, онъ перешелъ сначала отъ простыхъ формъ, болѣе первобытныхъ и грубыхъ, и затѣмъ уже приобрѣлъ свою послѣднюю флектирующую организацію, представляющую высшее развитіе языка.

зять, какой періодъ времени требовался для развитія извѣстныхъ формъ языка, какія условія ускоряли или замедляли его и т. д. Но дѣленіе, наконецъ, произошло, по всей вѣроятности такъ, какъ это совершалось впослѣдствіи надъ отдѣльными языками. Въ первоначальномъ языкѣ, какъ въ самомъ племени, начинали появляться мѣстные отличія, которыя расширялись потомъ въ отдѣльные говоры и нарѣчія, и наконецъ выросли въ совершенно отдѣльные языки, — такъ что различные отдѣлы племени переставали понимать другъ друга. Такое развитіе нарѣчій могло начаться еще на древней родинѣ, но наибольшее раздѣленіе происходило по всей вѣроятности тогда, когда самыя племена расселялись, утверждали жилища въ различной обстановкѣ климата, природы и, слѣдовательно, быта: новыя физическія условія съ теченіемъ времени оказывали вліяніе на самыя органы рѣчи, а слѣдовательно на весь фонетическій характеръ языка (такъ вообще европейскіе языки потеряли древнюю арійскую простоту гласныхъ звуковъ, и стали употреблять звуки сложные, двугласные и т. д.); вмѣстѣ съ этимъ измѣнялись самыя формы, которыя, кромѣ того, забывались, теряли свое прежнее богатство, искажались; старыя корни утрачивали свой древній смыслъ и продолжали развиваться съ новыми значеніями; новыя потребности создавали и новыя слова, и т. д., — такъ что, въ концѣ-концовъ, развитіе звуковое и лексическое получали совсѣмъ иное, отличное направленіе, которое все болѣе и болѣе разобщало племена и нарѣчія между собой, и новыя ростки заслонили наконецъ первоначальный корень.

О томъ, въ какой послѣдовательности совершалось выдѣленіе арійскихъ языковъ, существуютъ различныя мнѣнія, которыя одинаково опираются пока только на вѣроятныхъ соображеніяхъ. Вопросъ чрезвычайно трудный, потому что единственнымъ основаніемъ для его рѣшенія остаются опять одни остатки языка, безъ всякой помощи фактической исторіи. Основаніемъ для его приблизительнаго рѣшенія служить наблюденіе относительной близости или отдаленности между собою исторически извѣстныхъ языковъ. Напримѣръ, если замѣчается, что славянскій языкъ гораздо ближе къ литовскому, чѣмъ къ греческому, то изъ этого самъ собою представляется выводъ, что славянское племя позднеѣ разошлось съ литовскимъ, чѣмъ съ греческимъ, или что въ тѣ времена, когда выдѣлялся греческій языкъ, было еще цѣльное литовско-славянское племя, которое уже только послѣ раздѣлилось опять на литву и славянъ. Но послѣдовательное проведеніе этого приѣма представляетъ многоразличныя трудности, до сихъ поръ

не побужденныя наукой — потому что во взаимныхъ отноше-
нiяхъ европейскихъ арийскихъ языковъ представляется множество
случаевъ сходства и несходства, на основанiи которыхъ возмо-
женъ гдѣи рядъ весьма различныхъ комбинацiй. Въ настоящее
время распространены въ особенности двѣ гипотезы относительно
хронологической и генетической послѣдовательности арийскихъ
языковъ.

По одной изъ этихъ гипотезъ, о послѣдовательности выдѣле-
нiи племенъ можно заключать по сохраненiю въ языкѣ перво-
бытныхъ, древнихъ чертъ; такъ что чѣмъ больше языкъ отдѣ-
лившагося народа представляетъ подобныхъ слѣдовъ древности,
тѣмъ позднѣе должно было произойти его отдѣленiе отъ корня.
Такимъ образомъ прежде всего оказывается преимущество древ-
ности за старо-индiйскимъ и иранскимъ (азиатскiй отдѣлъ) — въ
противоположность всѣмъ другимъ арийскимъ языкамъ; далѣе,
оказывается относительная древность кельтскаго, италiйскаго и
греческаго (южно-европейскiй отдѣлъ), передъ германскимъ, ли-
товскимъ и славянскимъ (сѣверно-европейскiй отдѣлъ), такъ что
эти послѣднiе языки стоятъ по древности въ послѣднемъ ряду.
Изъ этого заключали, что германо-лито-славянскiй, или сѣверно-
европейскiй отдѣлъ прежде всего выдѣлился изъ общаго союза и
предпринялъ свое странствованiе на западъ, за нимъ послѣдо-
валъ южно-европейскiй, а отдѣлъ азиатскiй (индо-иранскiй) всего
мѣше остался въ первобытныхъ жилищахъ и сохранилъ всего
больше древняго. Но два послѣднiе отдѣла обнаруживаютъ столь
ясныя слѣды ближайшаго родства, что до образованiя южно-евро-
пейскаго (греко-итало-кельтскаго, или пелазго-кельтскаго) отдѣла
предполагаютъ еще азиато-южно-европейскiй основной языкъ, изъ
котораго образовались упомянутыя языки обыкновеннымъ разви-
тiемъ. Затѣмъ, въ неравные періоды времени произошло даль-
тѣйшее дѣленiе. Изъ азиатскаго основнаго языка — индiйскiй и
иранскiй; изъ южно-европейскаго — греческiй и итало-кельтскiй, и
изъ послѣдняго — италiйскiй и кельтскiй; изъ сѣверно-европейскаго
основнаго языка — германскiй и славяно-литовскiй, и затѣмъ изъ
послѣдняго — славянскiй (родоначальникъ всѣхъ славянскихъ на-
рѣчiй) и литовскiй. Самые народы расположены географически
такимъ образомъ, что чѣмъ западнѣе находится народъ, и, слѣдо-
вательно, чѣмъ дальше отъ древне-арийской родины, тѣмъ меньше
языкъ его заключаетъ остатковъ древности, тѣмъ своеобразнѣе
вообще его строенiе.

Другая гипотеза ставитъ вопросъ нѣсколько иначе. Она при-
нимаетъ до образованiя упомянутаго сѣверно-европейскаго отдѣла

(германо-лето-славянскаго) еще одну древнюю ступень — европейскій основной языкъ. По этой гипотезѣ, древне-арійскій раздѣлился первоначально на два главные отдѣла: восточный (азиатскій) и западный (общеевропейскій)—такъ что между европейскими языками предполагается тѣсная связь, и всѣ они вмѣстѣ рѣзко отличаются отъ азиатской (индійско-иранской) группы, какъ особый отдѣлъ, между прочимъ отличенный большей даровитостью и въ культурномъ отношеніи, — а та азиато-южно-европейская ступень, какая принимается въ первой гипотезѣ, здѣсь совершенно отпадаетъ. Общоевропейскій основной языкъ дѣлится на сѣверный и южный отдѣлъ, и греческій языкъ является между ними какъ посредствующее звено.

Вторая изъ приведенныхъ гипотезъ имѣетъ больше послѣдователей и, быть можетъ, больше научныхъ основаній. Изъ другихъ мнѣній объ этомъ предметѣ замѣтимъ еще два любопытныя по отношенію къ славянству, — во-первыхъ, мнѣніе Боппа, который думалъ, что отдѣленіе лето-славянскаго отъ восточно-арійской отрасли произошло позднѣе, чѣмъ отдѣленіе другихъ европейскихъ языковъ; и во-вторыхъ, недавно высказанное мнѣніе Юг. Шмидта, который, въ противоположность приведеннымъ гипотезамъ, не принимаетъ рѣзко отдѣленныхъ группъ языковъ, а думаетъ напротивъ, что развитіе арійскихъ языковъ шло вообще волнообразными линіями, такъ что языки не разграничивались одинъ отъ другого рѣзкими чертами, а напротивъ, сливались между собою посредствующими звеньями, — такъ что, напр. лето-славянскій языкъ, который изъ европейскихъ языковъ все ближе къ нѣмецкому, но въ то же время тѣсно связанъ съ восточно-арійскимъ, такимъ образомъ служитъ переходною ступенью отъ нѣмецкаго къ восточно-арійскому, или отъ европейской вѣтви аріевъ къ вѣтви азиатской ¹⁾. Опроверженію этой теоріи посвящена значительная доля упомянутой книги Авг. Фика о прежнемъ единствѣ языка у европейскихъ индо-германцевъ, — гдѣ онъ совершенно отвергаетъ предполагаемую связь лето-славянскаго съ восточно-арійскимъ, и, напротивъ, вполне причисляетъ этотъ языкъ къ европейской группѣ ²⁾.

¹⁾ Joh. Schmidt, „Die Verwandschaftsverhältnisse der Indo-germanischen Sprachen Weimar, 1872.

²⁾ Но рядомъ съ этими изсчеданіями, надъ которыми работали главнѣйшіе представители сравнительнаго языковеденія, слѣдуетъ упомянуть и о недовѣрчивомъ взглядѣ Макса Мюллера, который находить невозможными эти попытки сравнительнаго языковеденія и выводитъ хронологію и генеалогію языковъ. Его слова могутъ служить

Но какъ бы то ни было, при всемъ различіи мнѣній о томъ, въ какомъ порядкѣ и съ какими особенностями шло выдѣленіе арійскихъ языковъ, изслѣдователи согласны въ томъ, что языки сѣверно-европейскіе — германскій, славянскій и литовскій — составляютъ отдѣльную группу, несомнѣнно и тѣсно родственную. Они указали особенности звуковъ и формъ, которыя отдѣляютъ эту группу отъ остальныхъ, и, принадлежа всѣмъ тремъ названнымъ языкамъ, даютъ возможность предполагать, что существовалъ нѣкогда отдѣльный сѣверно-европейскій языкъ, изъ котораго потомъ развились германскій, литовскій и славянскій. Относительно древнеарійскаго, этотъ сѣверно-европейскій языкъ многое потерялъ, много произвелъ новаго въ звукахъ и формахъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ сохранилъ и такія черты древности, какія не находятся въ другихъ группахъ. Въ лексическомъ составѣ замѣтно, противъ первоначальной ступени, расширеніе умственного горизонта.

Когда началось дѣленіе въ самой группѣ, то первоначально, какъ утверждаютъ очень вѣроятно, она разбилась на два отдѣла — германскій и литовско-славянскій, такъ какъ оба послѣдніе языка

прибромъ осторожности, которая не оставляетъ однако нѣмецкой филологической науки.

„...Во всѣхъ наукахъ очень важно ставить правильно задачи,—говоритъ онъ.— Исканіе ближайшихъ отношеній между множествомъ независимыхъ діалектовъ, чтобы строить на нихъ историческіе выводы относительно развитія народовъ, кажется мнѣ, по самой сущности дѣла, бесплоднымъ. Мы очень хорошо знали прежде, что всѣ арійскіе діалекты находились въ тѣсномъ родствѣ; теперь, когда собрано множество специальныхъ сходствъ между каждымъ двумя языками, мы знаемъ, что

Славянскій очень близокъ къ нѣмецкому (Гриммъ, Шлейхеръ)
 Нѣмецкій очень близокъ къ кельтскому (Эбель, Лоттнеръ)
 Кельтскій очень близокъ къ латинскому (Ньюманъ, Шлейхеръ)
 Латинскій очень близокъ къ греческому (Моммзенъ, Курціусъ)
 Греческій очень близокъ къ санскритскому (Гроссманъ, Зонне, Кернъ)
 Санскритскій очень близокъ къ зендскому (Бюрнуфъ),

и говоря уже о другихъ второстепенныхъ случаяхъ родственности; т. е., если можно принять здѣсь математическія дѣйствія, [мы знаемъ въ концѣ, что [знали въ началѣ, — что всѣ эти языки очень близки между собою, — и узнали мы только то, что отдѣльные діалекты арійскаго языка не „последовательною очередью“ (successive) отдѣлились одинъ отъ другого, но что они, послѣ долгой общей жизни, медленно, и въ некоторыхъ случаяхъ даже [одновременно, выступали изъ старой родственной связи и получали свою особую національную независимость. Теперь по-крайней-мѣрѣ, это—единственное, что можно сказать съ спокойной совѣстью и что всего лучше соиздается съ ходомъ развитія другихъ діалектовъ“... (Ueber die Resultate der Sprachwissenschaft, Strassburg, 1872, стр. 20—21).

Нѣкоторые изъ этихъ попытокъ могутъ быть еще рановременны; но общая ихъ возможность одинакова напр. съ возможностью сравнительной миеологіи, которой и Максъ Миллеръ не отвергаетъ.

опять представляют особенности, имъ одинаково общія и одинаково отличныя отъ германскаго. И здѣсь, какъ прежде, литовско-славянскій въ иныхъ случаяхъ утратилъ древнія черты, въ другихъ, напротивъ, сохранилъ ихъ больше, чѣмъ германскій. Большая близость литовскаго съ славянскимъ указываетъ на продолжительное сосѣдство: и то, и другое извѣстно, на значительномъ пространствѣ времени, и изъ свѣдѣній, записанныхъ исторіей. Но наконецъ разрѣшилась и эта связь, и славянскій языкъ выдѣлился въ особое цѣлое, и въ свою очередь сталъ основнымъ языкомъ для многообразныхъ нарѣчій, существующихъ въ настоящее время, и нѣсколькихъ другихъ, уже вымершихъ, какъ нарѣчія балтійскія и полабскія.

Вопросъ о мѣстѣ древнѣйшихъ славянскихъ поселеній въ Европѣ до сихъ поръ представляетъ не мало темнаго. По тому порядку, въ какомъ представляютъ развитіе языковъ, славяне искони должны были находиться ближе въ азіатской родинѣ, чѣмъ германцы, и слѣдовательно на востокъ отъ нихъ. Полагаютъ, что первоначальнымъ гнѣздомъ славянскаго племени была мѣстность между верховьями Дона и Днѣпромъ, и за Днѣпръ къ восточному берегу Балтійскаго моря и къ средней Вислѣ, и на югъ не далѣе Припяти. Впослѣдствіи, ихъ расселеніе направилось въ сѣверномъ, южномъ и западномъ направленіяхъ, — въ эпохи, которыя однако очень трудно опредѣлить. На сѣверѣ и востокѣ расположены были финскія племена; на югѣ до Чернаго моря скитались орды не арійскаго происхожденія, которыя вытѣснены были изъ своихъ жилищъ скивами и сарматами, послѣдними арійскими пришельцами въ Европѣ ¹⁾.

Когда славянское племя заняло свое мѣсто въ указанной области, рѣшить трудно, почти невозможно, по недостатку какихъ-нибудь положительныхъ историческихъ указаній. Приблизительную эпоху славянскаго поселенія въ Европѣ старались, между прочимъ, опредѣлить и по даннымъ матеріальной археологіи, по изслѣдованіямъ памятниковъ такъ-называемаго «каменнаго» и «бронзоваго» вѣка въ Европѣ, — и хотя эта археологія едва ли имѣетъ до сихъ поръ весь нужный матеріалъ, ученые дѣлали выводъ (согласный, впрочемъ, и съ указаніями исторіи языка);

¹⁾ Вопросъ о скивахъ до послѣдняго времени не привелъ ни къ какому рѣшительному заключенію; прежніе ученые считали ихъ то монголами, то финнами; славянскіе историки (а также и нѣкоторые русскіе) видѣли въ нихъ, или по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ ихъ отдѣлахъ, — славянъ. Едва ли не болѣе вѣроятно мнѣніе, принимающее скивовъ за иранское племя. Но вообще вопросъ требуетъ еще изслѣдованій, и въ историческихъ свѣдѣтельствахъ и въ археологическихъ памятникахъ.

что славяне* еще не было въ Европѣ въ продолженіе европейскаго бронзоваго періода, что они пришли сюда уже съ знаніемъ металловъ: золота, серебра и мѣди (или бронзы, т.-е. мѣди, смѣшанной съ оловомъ). Желѣзо еще во времена Геродота было извѣстно грекамъ понтійскихъ колоній и ихъ сосѣдямъ, скивамъ; у славянъ этотъ металлъ (называемый одинаково по всѣмъ славянскимъ нарѣчіямъ) былъ извѣстенъ еще въ періодъ ихъ дѣльнаго союза. Изъ всего этого заключаютъ, что славяне, пришедши въ Европу уже съ извѣстной культурой, встрѣтили въ мѣстахъ своего поселенія или пустыню, или племена туземцевъ, употребившихъ еще каменные орудія и поэтому стоявшихъ, вѣроятно, на очень невысокой ступени развитія ¹⁾. Славяне заняли страну, покрытую рѣками и лѣсами, и первоначальная очистка почвы и постепенное расширеніе своей области должны были занять неопредѣленно продолжительное время, въ теченіе котораго славяне могли оставаться скрытыми отъ исторіи.

Хронологическій вопросъ очень трудно рѣшать и по даннымъ языка,—которыя по крайней мѣрѣ даютъ факты для заключеній о состояніи ихъ культуры. Исходнымъ историческимъ пунктомъ, когда славяне можно считать обитателями указанной мѣстности, полагаютъ время не позже V-го вѣка до Р. Х., и гораздо рѣе, чѣмъ скионы и сарматы заняли берега Понта Эвксинскаго и сосѣднія земли. На основаніи данныхъ, представляемыхъ исторіей языка, думаютъ, что славяне въ это время не только жили здѣсь какъ отдѣльный народъ, выдѣлившійся отъ литвы, но что въ средѣ этого народа уже намѣчено было дѣленіе на тѣ двѣ отрасли (сѣверо-восточно-южную и западную), изъ которыхъ развились потомъ двѣ главныя группы славянскихъ племенъ и нарѣчій.

Мы указывали прежде, какими средствами языкованіе достигается опредѣленія культурнаго состоянія: это — изученіе лексическаго состава языковъ. Это изученіе было примѣнено и къ древнеславянскому языку. Масса словъ одного корня и образованія, какая встрѣчается въ разныхъ діалектахъ, не допускаетъ возможности случайнаго совпаденія, и необходимо должна быть отнесена къ періоду ихъ общаго союза: эти слова должны, конечно, указывать на существованіе обозначаемыхъ ими предметовъ и понятій въ пору общаго союза. Эти слова — или составляютъ общеарійское наслѣдіе, и слѣд. указываютъ на ступень развитія, существовавшую еще до образованія отдѣльнаго славянства; — или они являютъ уже новымъ, спеціально славянскимъ произведеніемъ, и

¹⁾ Котляр., Металлы, стр. 69; Krek, Einleitung, стр. 37—38.

въ такомъ случаѣ обозначаютъ степень, добытую самимъ племенемъ, и его спеціальную принадлежность; или иногда (относительно этого періода въ немногихъ примѣрахъ) это бываютъ слова, хотя и арійскія, но заимствованныя у другихъ племенъ, — и тогда они указываютъ на вѣщнія вліянія, приносившія новыя понятія; или наконецъ, не мало важнымъ отрицательнымъ указаніемъ бываетъ самое отсутствіе извѣстныхъ словъ, изъ котораго слѣдуетъ и отсутствіе тѣхъ понятій.

Собирая такого рода матеріалъ, находятъ, что славяне были народъ по преимуществу земледѣльческой. У нихъ издавна было распространено скотоводство, больше чѣмъ у родственныхъ имъ германцевъ; любимымъ занятіемъ было разведеніе пчелъ. Объ особенномъ распространеніи земледѣлія свидѣлствуютъ общеславянскія названія земледѣльческихъ орудій и родовъ хлѣба, какъ «рожь», «пшеница», «ячень», «овесъ», «просо»¹⁾; дагѣ слова, какъ «жито», обозначающее у разныхъ славянъ именно тотъ сортъ хлѣба, который составляетъ главную пищу; названія огородныхъ растений; слова — орать, сѣять, косить; серпъ, коса, мотыга, лопата, возъ; гумно, мельница, житница; мясо, молоко, овощъ; яблоко, груша, вишня, слива, орѣхъ. Былъ извѣстенъ особенный опьяняющій напитокъ, былъ «медъ»; но «вино» было заимствовано отъ германцевъ, которые сами узнали его изъ римской Галліи²⁾. Изъ названій деревьевъ, общеславян-

¹⁾ Эти самыя названія — общеславянскія.

²⁾ Ср. Гена, „Культурныя растения“, стр. 21 и слѣд. Въ томъ же сочиненіи читатель можетъ найти любопытное изслѣдованіе о распространеніи пѣтуха у европейскихъ народовъ (стр. 179—189). Принимая по другимъ фактамъ, что пѣтухъ появился въ Греціи (съ востока) не ранѣе половины VI-го вѣка до Р. Х., авторъ полагаетъ, что къ сѣвернымъ племенамъ онъ перешелъ около V-го столѣтія, и на основаніи этого дѣлаетъ даже историческіе выводы, между прочимъ, и относительно тогдашняго положенія славянства.

Такъ, г. Генъ говоритъ, что около этого времени — славяне и литовцы должны были уже быть раздѣленными, потому что различно называютъ пѣтуха.

„Славянскій народъ долженъ былъ тогда распадаться, на первоначальной почвѣ, на позднѣйшія группы: сѣверо-восточно-южную и западную, такъ какъ „пѣтухъ“ (пѣтухъ) является только у первыхъ, kogut, kohut (пѣтухъ) преимущественно у послѣднихъ, между тѣмъ какъ первое слово лишь по значенію (пѣвецъ), но не по этимологіи, сходится съ литовскимъ, а можетъ быть и германскимъ.“

„По отдѣленіи своемъ отъ литовцевъ, славяне должны были состоять въ связи, выходящей также и въ другихъ признакахъ, съ мидо-персидскими племенами (славянами, сарматами, будинами и алаянами), чѣмъ авствуетъ изъ другихъ указаній, такъ какъ общеславянское „куръ“, „кура“, есть также и у персовъ: churu, churûb, churûs.“

Но хронологическія предположенія автора остаются произвольны, и присутствіе общеславянскаго слова недостаточно выяснено.

своему языку принадлежать — дубъ, липа, яворъ, букъ, верба, береза и т. п., деревья, принадлежащія именно той полосѣ, гдѣ предполагаются древнѣйшія европейскія жилища славянъ.

Особенное распространеніе земледѣлія показываетъ, что степь культуры общеславянскаго союза была уже довольно значительна, и заключала въ себѣ важное основаніе для дальнѣйшихъ успѣховъ. Когда земледѣліе становится главнымъ занятіемъ, быть племени получаетъ большую прочность, и укрѣпленіе домашнихъ связей ведетъ къ развитію общественнаго союза. На прочную осядлость указываетъ обширное число общеславянскихъ словъ для обозначенія «дома», «двора» съ различными принадлежностями постройки, — деревни («весь»). Для защиты служили «городъ», «овопъ»; оружіемъ были лукъ, стрѣлы, мечъ и т. д.

Относительно внутренняго быта племенъ, факты языка указываютъ существованіе той родовой общины, которая извѣстна и по древнѣйшимъ литературнымъ преданіямъ славянства, а также и по живымъ обычаямъ въ нѣкоторыхъ краяхъ славянскаго міра. Это — широко развитый патриархальный бытъ, съ властью главы семейства, или, по его смерти, избраннаго старшины, съ нераздѣльной собственностью. Съ размноженіемъ общины часть ея выходила въ особое поселеніе, гдѣ возникало тоже устройство, съ новымъ старшиной. Общины назывались по имени родоначальника, или старшины (какимъ былъ или старшій по родству, или наиболѣе способный изъ родичей-общинниковъ), — чѣмъ объясняется безконечное множество мѣстныхъ названій во всемъ славянствѣ, происходящихъ изъ личныхъ именъ; или же по особенностямъ занятаго мѣста. Изъ многихъ общинъ, связанныхъ общими происхожденіемъ, составлялось «племя» и по связи съ мѣстностью — «землю» (въ тѣсномъ и болѣе широкомъ смыслѣ); племена образовали «народъ», «языкъ».

При этомъ устройствѣ, исходившемъ изъ патриархальнаго семейнаго начала, обезпечивались личныя права и личная свобода, — но мало обезпечивалась сила цѣлаго народнаго союза. Еще древніе писатели указывали особенную черту славянъ въ томъ, что они не терпятъ господства надъ собой одного чловека: это было вообще устройство весьма демократическое, — но слишкомъ первобытное, обособленное, что и впоследствии создавало между славянами крайнее разъединеніе и препятствовало образованію прочнаго государства.

Но патриархально-общинный бытъ получилъ чрезвычайно обширное развитіе: славянскій языкъ представляетъ до чрезвычайности обильную массу словъ для обозначенія родства — по пря-

мой и боковой линіи и до весьма далекихъ степеней родственности: эти названія показываютъ, что каждому родичу обезпечивалось принадлежавшее ему мѣсто въ родовой общинѣ и утверждалась его ближайшая связь съ общиной. Нѣкоторые изъ этихъ названій, при измѣненіяхъ быта, вышли изъ употребленія; но все-таки большое число ихъ еще остается въ ходу въ народной жизни ¹⁾.

Обще-славянскія названія существуютъ для простѣйшихъ ремеслъ; для названій одежды—«сувно» (какъ одежда), плащъ, риза, «рубъ»; для принадлежностей стройки и желѣзныхъ орудій—тесть, долото, влещи, сѣкира ²⁾.

Въ арифметическомъ счетѣ, славяне, еще находясь въ союзѣ съ германцами, дошли до «тысячи» (tausend). Ко временамъ славянскаго союза относятся и первыя юридическія опредѣленія, слѣды которыхъ остаются, во-первыхъ, въ словахъ какъ «право», «правда», «законъ», «судъ»; во-вторыхъ, въ нѣкоторыхъ изреченіяхъ и обычаяхъ юридическаго характера, восходящихъ до обще-славянской древности. Какъ любопытный фактъ—замѣчаютъ въ первобытномъ славянскомъ языкѣ отсутствіе словъ для обозначенія собственности и наслѣдства, въ позднѣйшемъ смыслѣ: ихъ дѣйствительно не было и не могло быть при родовой общинѣ, которая была господствующей формой быта. Наконецъ, религія славянскаго древняго союза была почитаніемъ природы, какъ у всѣхъ арійскихъ племенъ, причемъ явленія небесныя въ особенности поражали воображеніе и вызывали религіозныя мненія и олицетворенія. Славянамъ приписываютъ представленіе о силахъ благоприятныхъ человѣку, для которыхъ было обще-славянское слово «богъ», и неблагоприятныхъ, къ которымъ относилось обще-славянское «бѣсъ»,—по введеніи христіанства примѣненное къ дьяволу.

Дѣленіе славянскихъ народовъ, какъ полагаютъ, началось еще на ихъ первой европейской родинѣ; т.-е. прежде, чѣмъ началось расселеніе племенъ на югъ и западъ, въ языкѣ уже стало оказываться то различіе, которое впоследствии рѣзко отдѣлило сѣверно-восточно-южную вѣтвь (племена: русское, сербское и болгарское) отъ вѣтви западной (племена: балтійскія, чешское, польское).

¹⁾ Этотъ обычай старинны до сихъ поръ живъ въ русскомъ народѣ, — а въ прошломъ вѣкѣ родство очень считалось и въ высшихъ слояхъ общества.

²⁾ Это послѣднее слово считается, впрочемъ, заимствованнымъ у скифовъ, какъ и самое жегъзо.

Письменная исторія не достигаетъ до этихъ временъ. Если не относить къ славянамъ нѣкоторыхъ извѣстій Геродота о скизахъ (нѣкоторыя племена ихъ казались ученымъ племенами славянскими), — то первыя извѣстія начинаются не ранѣ первыхъ вѣковъ по Р. Х. Но для Плинія или Птолемея славянскія страны были такъ отдаленны, славянскія имена такъ непривычны (и притомъ ихъ такъ мало умѣли тогда передавать), что выводы, выводимые изъ нихъ свѣдѣній, остаются слишкомъ мало доказательными. Историки римской имперіи, въ разсказахъ о борьбѣ Рима съ варварами, касаются и племенъ славянскихъ, которыя участвовали и въ нашествіяхъ и пораженіяхъ, — но этимъ историкамъ не было большой заботы различать варварскія народности, и новѣйшіе изслѣдователи съ трудомъ отыскиваютъ у нихъ то, что относилось къ славянству. Первыя опредѣленные извѣстія начинаются у писателей VI-го вѣка, у грековъ: Прокоція, Агаѳіа, Менаандра, Маврикія; у латинскихъ писателей, начиная съ Иордана. Съ этихъ поръ не прекращаются свѣдѣнія о славянахъ у византійцевъ и лѣтописцевъ западныхъ. Но извѣстія византійцевъ, несмотря на значительное обиліе, далеко не отличаются точностью: греки смотрѣли на славянъ, какъ на варваровъ; презирая ихъ грубость и ненавидя ихъ силу, греческіе писатели, съ классическимъ пренебреженіемъ къ варварскому міру, не посвящали славянамъ настолько вниманія, чтобы ясно различать ихъ народности, — продолжаютъ напр. говорить о «скизахъ», когда ихъ давно не было, разумѣя подъ этимъ именемъ и болгаръ, и русскихъ, и другихъ варваровъ, — какъ случится. Ихъ запутанныхъ извѣстій о тогдашнихъ народностяхъ еще доселѣ не разъяснили вполне наши изслѣдователи. Если прибавить къ этому, что болѣею частію свѣдѣнія грековъ о славянахъ (восточныхъ и южныхъ) только случайны и касаются ихъ столкновеній съ Византіей, то понятно, какъ трудно извлечь изъ нихъ что-либо полное о томъ, что совершалось внутри самаго славянскаго міра. Съ пріятіемъ христіанства начинается славянская письменность, восточная и западная, и своя исторія. Только съ этимъ наступаетъ для славянства собственно-историческое время.

Теперь полагаютъ, что славянское племя начало дѣлиться на племена и распространяться географически уже съ первыхъ вѣковъ по Р. Х. Изъ границъ, обозначенныхъ нами прежде, они начинаютъ расширять свою территорію во всѣ стороны, и мало-по-малу расселились отъ Балтійскаго до Чернаго моря, отъ Дона до Карпатъ, до раздѣла Вислы и Одера. Съ своей восточной и западной границы они двинулись потомъ и далѣе, въ

предѣлы Римской имперіи и на балтійское поморье... Въ эти вѣка они извѣстны были подъ общими именами сербовъ («споровъ») или венедовъ; позднѣе, въ половинѣ VI-го вѣка, эти названія дополняются новыми: являются имена «славянъ» — для западной вѣтви, «антовъ» — для восточной. Еще позднѣе, имена смѣняются еще разъ: «анты» были забыты; «венеды», въ формѣ вендовъ и виндовъ, «сербы» остаются названіями частныхъ племенъ; общимъ обозначеніемъ всего чаще является имя славянъ. Византійскіе греки уже знаютъ «склавиновъ», болгаръ, сербовъ, знаютъ народъ, называемый «росъ», но продолжаютъ говорить о гуннахъ и тавроскиноахъ, — разумѣя подъ первыми и болгаръ, и печенѣговъ, подъ вторыми — русскихъ.

Это разнообразіе именъ у иноземныхъ писателей объясняется отчасти путаницей старыхъ названій, иногда только книжныхъ, и настоящихъ племенныхъ именъ, которыя стали входить въ употребленіе, когда стали ближе и извѣстнѣе самыя племена. Въ славянствѣ шель тогда процессъ выдѣленія вѣтвей: отдѣлявшіяся племена рѣзче отличаютъ другъ друга, и это различіе становится замѣтно для иноземцевъ. При этомъ оказывается, что имена, служившія нѣкогда (у иностранныхъ писателей, а иногда, кажется, и у самихъ славянъ) для обозначенія дѣлаго племени, употреблялись теперь для частныхъ отраслей: «венды» — для славянъ лужицкихъ и для хорутанъ; «сербы» — для сербовъ южныхъ и сербовъ лужицкихъ; самое имя славянъ опять специализируется для «словаговъ», «словинцевъ» (хорутанъ) и «словенъ» русскихъ, т. е. новгородцевъ или сѣверной Руси.

Какъ произошло дѣленіе, какія вѣтви раньше повинули союзъ, остается до сихъ поръ предметомъ споровъ. Думаютъ, что послѣ упомянутаго раздвоенія племени, еще въ прежнихъ жилищахъ общаго союза, раньше другихъ отдѣлилось полабское племя, за нимъ лужицкое или чешское, занявшее около V-го вѣка Богемію, и т. д. Филологическія указанія слишкомъ неясны и спорны; и пока приходится довольствоваться историческимъ фактомъ позднѣйшаго распредѣленія племенъ. Это распредѣленіе уже завершилось въ IX-му вѣку, и географическое положеніе славянъ въ эту пору должно въ значительной мѣрѣ соответствовать ихъ послѣдовательному выдѣленію ¹⁾.

¹⁾ Но не можетъ соответствовать вполне, потому что въ періодъ славянскаго движенія на западъ и югъ происходило не мало перемѣщеній, и многіе изъ перникъ пришельцевъ погибли въ столкновеніяхъ съ туземцами и въ самомъ началѣ, и вносильственъ (какъ балтійское славянство).

Для нашей цѣли нѣтъ надобности слѣдить въ подробностяхъ за этимъ разселеніемъ, достаточно указать общее направленіе движенія. Замѣтимъ, во-первыхъ, что оно находилось въ связи съ тѣмъ громаднымъ движеніемъ народовъ, которое начинается съ первыхъ вѣвовъ нашей эры и заканчивается едва въ XIII-мъ столѣтіи нашествіемъ монголовъ. Это было общее движеніе на западъ, охватившее сначала кельтскія и германскія племена, двинувшіяся на Римскую имперію; за ними въ освободившіяся страны направлялось славянство, отчасти искавшее лучшихъ жилищъ, отчасти, вѣроятно, тѣснимое нашествіями готскими, гуннскими, аварскими. За гуннами, аварами двинулись новыя азіатскія орды, мадарскія, печенѣжскія, полорецкія, наконецъ,—татаро-монгольское нашествіе XIII-го вѣка (и пожалуй, послѣднее турецкое нашествіе XV-го вѣка).

Насколько достигаютъ историческія свидѣтельства, и насколько могла освѣтить ихъ критика, первыя движенія славянства на югъ начинаются уже съ конца II-го и съ III-го столѣтія по Р. Х. Сначала въ средѣ другихъ племенъ, потомъ самостоятельными толпами они являются въ Дакію, на Дунаѣ и за Дунаемъ и здѣсь въ первый разъ сталкиваются съ римлянами. Затѣмъ, въ V, VI и VII-мъ вѣкахъ совершаются новыя нашествія, и славяне окончательно утверждаются въ Мизіи, Фракіи и Македоніи, доходятъ до Фессаліи, Эпира и Пелопоннеза, такъ что греческіе писатели жаловались, что «вся Эллада ослабѣла». Конечно, ослабѣла только временно, и хотя въ этихъ странахъ осталось много мѣстныхъ славянскихъ названій, но славянское населеніе не удержалось на этомъ крайнемъ пунктѣ, отчасти, можетъ быть, отхлынувши назадъ, отчасти слившись съ туземцами. Въ VII-мъ столѣтіи болгарское нашествіе и выдѣленіе славянскаго племени, принявшаго это имя своихъ завоевателей. Еще ранѣе, начиная съ V-го и окончательно въ первой половинѣ VII-го вѣка, въ нѣсколько пріемовъ, утвердились славяне на западѣ Балканскаго полуострова, въ Иллиріи, Далмаціи. Это были новыя массы сербскаго племени, хорваты и сербы, вышедшіе изъ своихъ старыхъ жилищъ «Бѣлой Хорватіи» (западная часть Галиціи) и «Бѣлой Сербіи» (восточнѣе Б. Хорватіи, при истокѣ Днѣстра и Прута); крайнія поселенія другой славянской отрасли проникли до нынѣшней Каринтіи, Крайна и Тироля и коснулись итальянскихъ предѣловъ.

Другая вѣтвь, двинувшаяся на западъ, заняла, около V-го вѣка по Р. Х., Богемію, Моравію и отдѣльными группами дошла до самой Гельвеціи. Изъ Богеміи и Моравіи разселеніе дви-

нулось въ горной Карпатской странѣ (словаки). Сѣверо-западная вѣтвь, съ IV—V-го вѣка, заняла балтійское поморье, и крайними поселеніями доходила до береговъ Нѣмецкаго моря и Голландіи.

Наконецъ, произошло расселеніе восточнаго славянства, описанное въ извѣстномъ разсказѣ Нестора.

Отсюда начинается жизнь племень, записанная исторіей. Въ первые вѣка по расселеніи, они были еще весьма близки другъ къ другу, какъ это обнаруживается между прочимъ въ самыхъ племенныхъ названіяхъ, которыя повторяются одинаково на различныхъ и далекихъ концахъ славянскаго міра, въ обѣихъ различныхъ вѣтвяхъ племени ¹⁾.

Нельзя думать, чтобы сходство этихъ именъ доказывало, что одно племя съ сходнымъ именемъ непременно происходило изъ другого; нѣкоторыя имена, заимствованныя отъ характера населенной мѣстности (какъ «поляне», «древляне»), легко могли явиться совершенно независимо одно отъ другого; но въ другихъ именахъ сходство едвали случайно и можетъ говорить если не за единство стараго рода, раздѣлившагося и разбросаннаго потомъ вслѣдствіе переселеній, то, по крайней мѣрѣ, за память о старомъ родѣ или за общій складъ языка. Близость племень очевидна на другомъ фактѣ—замѣчательной близости тогдашнихъ варячьихъ, какъ они выражаются въ письменныхъ памятникахъ IX—XI вѣка у болгаръ, русскихъ, сербовъ, чеховъ и хорутанъ. При началѣ славянской письменности, эта близость языковъ послужила средствомъ литературнаго общенія, получившимъ важное значеніе въ судьбѣ русской образованности.

Обращаемся къ русскому славянству. Разсказъ Нестора, все еще темный несмотря на всѣ комментаріи, не даетъ ясныхъ указаній о томъ, когда и съ какими обстоятельствами произошло расселеніе русскаго славянства: вѣроятно и самъ онъ не имѣлъ

¹⁾ Выше мы указывали подобное повтореніе въ именахъ цѣлаго славянскаго племени. Такое же повтореніе видимъ и въ названіяхъ частныхъ племенъ.

Такъ, напримѣръ, были:

— Поляне: кievскіе и польскіе (поляки).

— Хорваты: на Руси (упомянутые Несторомъ); бѣлые хорваты, сербскіе хорваты, хорваты у чеховъ.

— Древляне: русскіе и полабскіе.

— Дульбы: русскіе, чешскіе и паннонскіе.

— Дреговичи: русскіе и болгарскіе, и въ Германіи.

— Мораване: въ чешской Моравіи и въ болгарской Моравѣ.

— Смольяне: русскіе и болгарскіе, и т. д. Ср. Дринова, Заселеніе Балк. полуостр. Славянами, М. 1873, стр. 168; Иречка, Slovanaké právo etc.

объ этомъ свѣдѣній, кромѣ тѣхъ, какія записаны въ лѣтописи. По его представленію, не очень точному и въ которомъ старое преданіе мѣшалось съ новыми книжными соображеніями, родиной славянства былъ «Иллирикъ», угорская и болгарская земля его времени: первымъ появленіемъ славянства по Нестору было то, что они «сѣли по Дунаю»; затѣмъ произошло нашествіе «волоховъ» на этихъ дунайскихъ славянъ, которое и заставило ихъ двинуться на сѣверъ и расселиться между прочимъ по землямъ, которыя стали потомъ русскими землями. Нашествіе «волоховъ», по наиболѣе вѣроятному объясненію этого имени ¹⁾, означаетъ столкновеніе славянъ съ римлянами, воевавшими при императорѣ Траянѣ въ Дакии, въ населеніи которой славяне составляли значительную долю. Но если у Нестора дѣйствительно разумѣются римляне, то его извѣстіе о расселеніи славянъ отъ ихъ нашествія трудно помирить съ тѣми историческими представленіями, которыя находятъ славянское населеніе въ этомъ краѣ не только ранѣе нашествія «волоховъ», но и въ болѣе раннюю эпоху, во времена Геродотовой Скиѳіи. Славяне, ушедшіе отъ волоховъ, должны уже были встрѣтить на сѣверѣ своихъ соплеменниковъ. Несторъ ничего не говоритъ объ этомъ: но въ другомъ случаѣ самъ предполагаетъ русскихъ славянъ (въ области Новгорода), во время прихода апостола Андрея.

Какъ бы то ни было, въ историческимъ временамъ, племя русскаго славянства раскинулось на огромномъ пространствѣ восточно-европейской равнины, въ мало благопріятномъ сосѣдствѣ финновъ разныхъ племенъ, волжскихъ болгаръ, хазаръ, азиатскихъ кочевниковъ — занимавшихъ сѣверъ, востокъ и отчасти югъ. Возможность культурныхъ сношеній была только на югѣ и западѣ: это были южное славянство и Византія, западное славянство и Скандинавія, предполагаемое отечество варяговъ.

Такимъ образомъ, русскія племена въ самомъ началѣ государственной жизни, съ котораго началось и болѣе сильное культурное движеніе, поставлены были на предѣлахъ европейскихъ аріевъ съ финскими и тюркскими ордами, и если съ юга и запада могли открываться и дѣйствительно открывались благопріятные культурные пути, то по вѣсѣмъ вѣроятіямъ и кочевой юго-востокъ не остался безъ извѣстнаго дѣйствія на складъ народной жизни древней Руси.

¹⁾ Имя „волоховъ“ по древнему употребленію, и до сихъ поръ у чеховъ и поляковъ, означаетъ итальянцевъ, — романскій народъ; отсюда же и „валахи“ обозначаютъ румыновъ.

Наши историки обыкновенно относили почти все культурное движеніе русскихъ племенъ къ призванію князей и введенію христіанства: князья внесли дѣятельность и единство въ раздѣленную жизнь племенъ; съ ними расширяются промыслы и торговля, начинаются искусства; христіанство, введя грамоту, начало книжную образованность. Справедливо то и другое, но и до этого времени русское славянство вовсе не было въ такомъ первобытномъ состояніи, какъ думаютъ, и извѣстныя культурныя связи существовали гораздо ранѣ основанія варяжскаго государства. Пришедшіе князья (если они пришли въ IX-мъ вѣкѣ) нашли уже города, — и, конечно, гораздо больше, чѣмъ записала ихъ лѣтопись, и вѣроятно уже очень старые, потому что первый лѣтописецъ не помнилъ объ ихъ основаніи ¹⁾. Монетные клады, находимые въ средней и сѣверной Руси, уже отъ VII-го вѣка, указываютъ на торговыя сношенія съ востокомъ, черезъ волжскую Болгарію, и т. п. Если «русскіе, изъ племени славянъ», уже въ IX-мъ вѣкѣ торговали мѣхами въ Азіи, какъ говорятъ о томъ восточные писатели, то, конечно, не приходъ варяговъ породилъ эту торговлю. Когда Святославъ говорилъ о торговлѣ русскихъ въ дунайскомъ Переяславцѣ, то едва ли сомнительно, что и эта торговля была уже старая и извѣстная. На востокъ древней Руси, еще до призванія князей, русскіе передовые пункты далеко проникли въ финскія земли, напр. Ростовъ, — такъ что если и «меря» участвовала въ призваніи князей, то это могла быть вовсе не чисто финская «меря», а господствовавшее въ ея странѣ русское населеніе.

Факты изъ исторіи языка свидѣтельствуютъ, что культурныя инстинкты постоянно поддерживались въ славянскомъ племени, и немаловажные результаты въ этомъ отношеніи приобрѣтены были еще до основанія русскаго государства и введенія христіанской вѣры.

Славянство вообще встрѣчалось враждебно съ германскими племенами, но, несмотря на то, еще въ такъ-называемыя до-историческія времена между ними былъ обмѣнъ культурныхъ знаній. Слѣдъ его остался въ языкѣ — въ словахъ, заимствованныхъ однимъ народомъ у другого. Заимствованія обличаются обыкновенно, болѣе или менѣе ясно, формами словъ, ихъ положеніемъ въ языкѣ, и слова подобнаго рода остаются любопытными свидѣтельствами объ отдаленныхъ временахъ, отъ которыхъ не сбереглось другой исторической памяти. Такъ, по мнѣнію Гримма,

¹⁾ См. любопытныя изслѣдованія г. Самохвасова, въ книгѣ: „Древніе города Россіи“. Спб. 1873.

германцы заимствовали у славянъ слово «плугъ» и, конечно, самую вещь. Такъ славяне, съ своей стороны, заимствовали у германцевъ другія слова — между прочимъ, нѣсколько словъ, употребленныхъ въ древнемъ переводѣ св. писанія ¹⁾. Появленіе этихъ словъ въ старомъ славянскомъ языкѣ объясняютъ поселеніемъ, на Балканскомъ полуостровѣ, между славянами нѣкоторыхъ нѣмецкихъ племенъ (готовъ), которыя пришли туда, въ теченіе II—V вѣка по Р. Х., отчасти вмѣстѣ съ славянами, отчасти и раньше ихъ; съ IV-го вѣка готы были христіанами, имѣли переводъ св. писанія и еще въ IX-мъ вѣкѣ сохраняли здѣсь между славянами свой языкъ и совершали на немъ свое христіанское богослуженіе ²⁾. Въ болгарскомъ и сербскомъ языкѣ и вромѣ того есть слова нѣмецкаго происхожденія, неизвѣстныя въ другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ и объясняемыя изъ того же источника. По другому указанію, быть можетъ, болѣе справедливому, готскія слова, вошедшія вообще въ славянскій языкъ, происходятъ изъ двухъ разныхъ періодовъ. Одна ихъ часть перешла отъ готовъ къ славянамъ еще до начала славянскихъ переселеній на югъ и западъ, во всякомъ случаѣ до Р. Х., и сохранилась въ разныхъ нарѣчіяхъ славянскаго языка, и отчасти въ литовскомъ. Другая часть принадлежитъ собственно старо-болгарскому нарѣчію и вошла въ него тогда, когда предки нынѣшнихъ болгаръ жили еще не на полуостровѣ, а на сѣверѣ отъ Дуная и испытывали политическій перевѣсъ нѣкогда могущественныхъ готовъ, которые около 200 г. по Р. Х. двинулись отъ Балтійскаго моря къ Черному: «городъ на Днѣпрѣ» былъ тогда въ теченіе нѣкотораго времени главнымъ городомъ готскихъ владѣтелей ³⁾.

Надо думать, что эти слова втораго рода, хотя бы и были заимствованы у готовъ однимъ болгарскимъ славянствомъ, не были однако незнакомы и русскому славянству до введенія христіанства при Владимірѣ,—какъ вѣроятно и первое появленіе христіанства, которое предшествовало первымъ князьямъ и уже признано такъ-сказать официально въ договорѣ Олега, происходило не безъ вліянія южно-славянскихъ единоплеменниковъ. Пись-

¹⁾ Эти слова: „олтарь“ (древне-нѣм. altari; если не прямо отъ латинскаго altare); „востъ“ (др. нѣм. faste); „крамола“ (др. бав. carmola); „буки“ (т.-е. буква, отъ готск. boka, буква и книга); „пѣназь“ и т. д.

²⁾ Дривовъ, тамъ же, стр. 142 и слѣд. Сл. Бруна, Черноморскіе Готы. Спб. 1874, стр. 17.

³⁾ См. Кузнецъ, — Ein Beitrag zur vergleichenden Alterthumskunde des baltischen Volkstammes, въ Mélanges russes, t. IV, 1867, стр. 520.

менность, посредствомъ кирилловской азбуки, положительно должна была предшествовать крещенію Владиміра, — какъ даетъ право заключать самое написаніе договоровъ языческихъ князей съ греками. Въ старой письменности, если не ошибаемся, нѣтъ ни малѣйшаго слѣда, чтобы упомянутыя заимствованныя слова при введеніи христіанства были не вразумительны для русскихъ славянъ или требовали толкованія.

Въ преданіяхъ языка, — повидимому, еще время общаго славянскаго союза, — находятъ указанія и на встрѣчи славянства съ римлянами. Такъ, извѣстное слово «коляда», названіе славянскаго языческаго праздника (на святки), трудно объяснимое инымъ образомъ, считаютъ за римское «calendae»¹⁾: это были именно январскія календы, съ празднованіемъ которыхъ совпадалъ славянскій народный праздникъ. Въ соборныхъ запрещеніяхъ, которыми осуждались римскія свѣточныя календы, это слово передается по-славянски словомъ «коляда». Но какимъ образомъ могло быть принято латинское названіе на мѣсто туземнаго? Это могло произойти, конечно, только тамъ, гдѣ славяне столкнулись съ римскимъ населеніемъ: для южныхъ славянъ это было возможно на Балканскомъ полуостровѣ, гдѣ они при первыхъ нашествіяхъ еще застали много римскаго; но это могло быть и въ Дакіи, гдѣ славяне въ теченіе нѣкотораго времени не только встрѣчались съ римлянами, но находились подъ ихъ владычествомъ — при Траянѣ²⁾.

Эпоха Траяна оставила, повидимому, сильныя впечатлѣнія въ славянскихъ племенахъ. Имя Траяна очень извѣстно въ преданіяхъ болгарскихъ, сербскихъ и русскихъ — онъ сдѣлался сказочнымъ героемъ, вошелъ въ мифологію: въ старыхъ памятникахъ имя его ставится на ряду съ языческими божествами русскаго славянства, Перуномъ, Хорсомъ и т. д. Вѣва Траяновы упоминаются въ Словѣ о полку Игоревѣ. Нѣкоторые изъ толкователей этого произведенія затруднялись дать Траяну мѣсто въ русской

¹⁾ Дриновъ, тамъ же, стр. 76 и слѣд.

²⁾ Распространеніе этого слова другимъ путемъ, какой можно еще предположить, именно переходомъ изъ церковной книги, Кормчей, — трудно принять между прочимъ потому, что мудрено было бы народу усвоить для своего праздника названіе, въ которомъ (въ устахъ духовныхъ) заключалось уже прямое, строгое оужденіе; притомъ слово слишкомъ распространено въ народномъ употребленіи, что затруднительно было бы для чисто книжнаго слова. Узнанное въ быту распространяется легче.

Изъ названій народныхъ праздниковъ, Миклошичъ считаетъ заимствованнымъ (изъ средне-греческаго) и слово „русалья“, „русальная недѣля“ (Ueber die Rusalien. Wien, 1864); но наши ученые отвергаютъ его производство.

юмъ XII-го вѣка; но, кажется, нужно согласиться, что и въ сказочныхъ преданіяхъ, и въ старыхъ памятникахъ, упоминающихъ о русскомъ язычествѣ, и въ Словѣ о полку Игоревѣ идетъ рѣчь именно о римскомъ императорѣ...

Во временамъ гораздо раньше русскаго христіанства должно принадлежать также и введеніе нѣсколькихъ латинскихъ словъ, употребленныхъ въ переводѣ Священнаго Писанія, какъ «цесарь», «оцеть» (acetum, укусь), «рава» (лат. arca), «олтарь» (если не брать съ готскаго) и др., которыя могли быть уже нѣсколько знакомы въ народномъ употребленіи раньше, чѣмъ пошла въ книгу. По объясненію, данному еще Шафариковомъ, эти слова должны были быть заимствованы болгарскими славянами отъ балканскихъ племенъ, которыя больше говорили по-латински, чѣмъ по-гречески: это были или остатки римскихъ колоній, или ороманенныя туземныя племена полуострова, извѣстныя доннѣ подъ именемъ «влаховъ»¹⁾. Такимъ образомъ, христіанскія понятія входили въ языкъ ранѣе формальнаго введенія христіанства и должны были облегчать первый трудъ перевода св. Писанія. И вообще, славянскій переводъ Писанія является въ югѣ развитыхъ формахъ языка, чѣмъ было въ готскомъ переводѣ Ульфилы (который впрочемъ на пять вѣковъ раньше славянскаго); въ то время какъ послѣдній нерѣдко пользуется для передачи христіанскихъ понятій прямо терминами языческаго быта, въ славянскомъ переводѣ язычество уже сглажено и является лишь отвлеченнаго характера, не напоминая стараго язычества. — Замѣтимъ опять, что и здѣсь въ нашихъ памятникахъ нѣтъ усилій, чтобы подобныя слова требовали комментарій для русскихъ читателей²⁾.

Такимъ образомъ, южно-славянское и русское племя искони были открыты для культурныхъ связей съ западными народами, и имъ не должны цѣнить этихъ связей слишкомъ низко: если въ результатъ заимствовались слова, это показываетъ, что происходили бытовыя вліянія. Припомнимъ наконецъ, что южное славянство съ вераго прочнаго утвержденія на балканскомъ полуостровѣ вступило въ отношенія къ Византіи. Правда, эти отношенія до VIII

¹⁾ Мы упоминали, что въ древнемъ славянскомъ употребленіи имя „Влаховъ“ означало римскія или романскія и ороманенныя племена; у византійскихъ историковъ сами болгары называются иногда также „влахами“, вѣроятно по сосѣдству и сходствѣ съ послѣдними.

²⁾ См. подробности у Буслаева, О вліяніи христ. на слав. яз. М. 1848, стр. 105 и слѣд.; Бодисскаго, О проих. слав. письменъ, М. 1855, стр. 229 и слѣд.; Дринова, тамъ же, стр. 140—141.

и даже IX-го вѣка очень темны, но появленіе славянина на императорскомъ престолѣ въ VI-мъ вѣкѣ, присутствіе, между другими «варварами», и славянъ въ ряду первыхъ сановниковъ имперіи еще въ эти темные вѣка, даетъ понять, что въ утверждавшемся здѣсь славянскомъ племени византійская цивилизація уже находила воспримчивую почву. А съ южнымъ славянствомъ русскія племена были ближайшими сосѣдями, и память о сношеніяхъ между ними осталась въ лѣтописномъ преданіи о поселеніи Кія на Дунаѣ, гдѣ онъ построилъ свой «Кіевецъ»¹⁾.

На востокѣ и юго-востокѣ русское племя, единственное изъ славянскихъ, имѣло другую задачу. Остановленное на западѣ крѣпкими славянскими и германскими поселеніями, русское племя имѣло открытое движеніе только на сѣверъ, востокъ и юго-востокъ, гдѣ его сосѣдями были многоразличныя финскія и тюркскія племена. Мало-по-малу русское племя занимало финскія земли, добывая ихъ не столько завоеваніемъ, сколько колонизаціей, не столько истребляя, сколько поглощая и ассимилируя финскія населенія. На югѣ была вѣчная борьба съ мѣнявшимися азіатскими ордами, тюрками, печенѣгами, половцами, хотя войны перемежались союзами, дружбой и даже родственными связями князей... Эти междуплеменные отношенія съ азіатскимъ востокѣмъ продолжаются на все теченіе русской исторіи: можно сказать, они не кончены и теперь; только прежнее наступательное движеніе восточныхъ племенъ давно кончилось, и со временъ сверженія татарскаго ига русское племя само движется на востокъ, поворяя и поглощая его народы.

Этотъ процессъ смѣшенія съ финскими и тюркскими племенами и поглощенія ихъ въ русскую народность начался, какъ мы замѣтили, вѣроятно еще задолго до образованія государства. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ возымѣлъ свое вліяніе на народность²⁾. Но чѣмъ, и въ какихъ предѣлахъ обнаружилось это вліяніе?

Очевидно прежде всего, что русская народность обазывал

¹⁾ Слова, заимствованныя славянскимъ языкомъ изъ другихъ, были предметомъ изученія Миллошича: „Die Fremdwörter in den slavischen Sprachen, Wien, 1866. См. также чешскую книгу Маценауэра (Cizi slova etc. Врзнь, 1870). Миллошичъ принадлежитъ къ любознательнымъ изысканіямъ о славянскомъ элементѣ въ чужихъ языкахъ: мадыарскомъ, румунскомъ, албанскомъ, новогреческомъ.

²⁾ Одна школа западныхъ писателей пришла, какъ извѣстно, къ цѣлой теоріи финскомъ или тюранскомъ происхожденіи русской народности. Спорить противъ этой теоріи, конечно, бесполезно, — потому что въ ней больше высказывалась политическая вражда, чѣмъ этнографическое изслѣдованіе.

въ этихъ встрѣчахъ племенныхъ элементовъ могущественный перевѣсъ. Она брала верхъ до такой степени, что финскія племена встали на огромныхъ пространствахъ, принявши русскій бытъ и русскій языкъ; а принятіе языка составляетъ сильнѣйшій признакъ потери прежней народности. Но народность поглощенная оставляетъ однако и свое дѣйствіе. Наши историки уже давно дѣлали предположеніе, что примѣсъ финскихъ элементовъ привнесла въ сѣверномъ отдѣлѣ русскаго славянства тѣ особенности, которыя отличали потомъ великорусское племя. Примѣсъ начался, вѣроятно, съ первыхъ встрѣчъ, когда русскіе стали занимать сѣверо-восточный край, будущія княжества суздальское и шадмирское, такъ что начало великорусской особенности относится еще ко временамъ до призванія князей. Съ другой стороны, на югѣ явились обстоятельства, которыя могли видоизмѣнить народный типъ въ иную сторону. На первыхъ порахъ нашей исторіи на сѣверномъ берегу Чернаго и на Азовскомъ морѣ живетъ (кромѣ уличей и тиверцевъ) русскій элементъ, доселѣ составляющій для исследователей мудреную задачу. Это — черноморская Русь. Эта Русь, по всей вѣроятности, играла роль въ тѣхъ кочевско-разбойничьихъ походахъ, мѣстомъ дѣйствія которыхъ была нижняя Волга, при-кавказскія страны и Черное море. Въ тѣхъ двухъ отдѣлахъ, на какіе дѣлилось населеніе древней Руси, безъ сомнѣнія еще по очень давнему племенному различію («славне» — въ Новгородѣ, и собственно «Русь» — на югѣ, въ Киевѣ и проч.), черноморское населеніе причисляется, вѣроятно, къ послѣднему, потому что носитъ названіе Руси; ему вѣроятно и Черное море обязано своимъ именемъ «русскаго моря», которое нерѣдко слышится въ историческихъ памятникахъ.

Этотъ-то край и былъ издавна и до конца среднихъ вѣковъ мѣстомъ постоянного этнологическаго броженія. Когда арійскія племена прошли здѣсь въ Европу, этимъ же путемъ проходили иновѣчныя толпы восточныхъ дикарей и кочевниковъ, жили здѣсь въ постоянныхъ набѣгахъ на сосѣдей и междоусобныхъ войнахъ, и исчезали потомъ, уступая мѣсто другимъ ордамъ и т. д. Мало вѣроятно, что въ эти мѣстности издавна направлялось и русское населеніе, и въ этой обстановкѣ приобрѣло тѣ черты предвѣщающаго удалства, о которыхъ свидѣлствуютъ напр. упомянутыя кочевско-разбойничьи походы Руси около Кавказа. Лѣтписи можно даже понять, что при Игорѣ здѣсь былъ уже русскій подручный князь; она говоритъ темно о подвигахъ Святослава въ этихъ странахъ (это были страны очень далекія и мало знакомыя для Киева), больше говоритъ она о Мстиславѣ, — и кажется, что воѣ

эти князья имѣли уже здѣсь подготовленную почву для своихъ подвиговъ. Чѣмъ больше новѣйшія изслѣдованія проникаютъ въ давнюю исторію этого края, тѣмъ все дальше приходится отодвигать этнографическую границу русскаго славянства, еще въ докняжескія времена. Теперь еще невозможно поставить эту границу, но вообще въ Черноморской Руси, обставленной подобными условіями, едва ли не слѣдуетъ видѣть далекихъ предковъ малорусскихъ «черкасъ», — одинъ изъ элементовъ, полагавшихъ начало южно-русской разновидности нашего племени, съ ея оригинальнымъ типомъ и другими особенностями.

Этотъ вопросъ о происхожденіи двухъ главныхъ отдѣловъ русскаго племени — одинъ изъ любопытнѣйшихъ въ русской этнографіи — до сихъ поръ не находилъ достаточнаго объясненія, какъ вообще вопросъ объ этнологическихъ судьбахъ русской народности. Одинъ изъ нашихъ историковъ, болѣе внимательно изучавшихъ этотъ предметъ, приходилъ къ такому заключенію о послѣднихъ результатахъ отношеній русскаго племени къ финскому, тюркскому и т. д. востоку. «Съ самаго начала русской исторіи, — говоритъ онъ, — среди постоянной борьбы съ Востокомъ, наши предки неизмѣнно сохраняли всѣ основные признаки европейскаго происхожденія, не утратили ни одной его существенной черты. Въ этой-то крѣпости храненія европейскаго типа, среди непрерывнаго смѣшенія съ племенами азиатскаго происхожденія, и состоитъ величайшая заслуга русскаго народа; поэтому-то каждый шагъ русскаго племени въ глубину Азіи и становился несомнѣнной побѣдой русской гражданственности. Чуждые племена вливались въ народность русскую подъ условіемъ принятія ими главныхъ условій народности и славянской и европейской»¹⁾.

Но, несмотря на то, Ешевскій признаетъ, что племена, поглощенные русской народностью, слившіяся съ ней, обрусѣвшія не могли не участвовать въ образованіи типа, который существуетъ теперь на мѣстахъ ихъ прежнихъ жилищъ. «Довольно рѣзкое отличіе великорусскаго племени отъ малорусскаго, можетъ быть, объясняется развитіемъ постороннихъ примѣсей на общей обоимъ славянской основѣ. Не даромъ же сѣверо-восточная часть славянъ русскихъ рано уже начинаетъ отличатся по характеру отъ юго-западной. Не даромъ въ лѣтописяхъ давно уже замѣченъ особенности въ характерѣ жителей разныхъ областей, особенно стѣ, отличающія, напримѣръ, рязанца отъ жителя области суз-

¹⁾ Ешевскій, „Русская колонизация сѣверо-восточнаго края“, въ Соч., т. II стр. 610.

дальшой, отъ москвича, а еще болѣе отъ смолянина или кievлянина» и пр. ¹⁾).

Водѣйствіе поглощенныхъ народностей не подлежитъ сомнѣнію—надобно думать, не только по физическому типу, но и по культурнымъ свойствамъ. Замѣтимъ пока, что поглощаемыя народности или по тому, или по другому изъ этихъ отношеній, а чаще по обоимъ, стояли ниже арийскаго славянства, и, слѣдовательно, результатъ могъ имѣть и свои неблагоприятныя стороны, могъ производить извѣстное пониженіе культурныхъ запросовъ и стремленій.

Мы не будемъ подробно останавливаться на томъ, какую степень развитія представляло русское племя при окончательномъ отдѣленіи отъ другихъ славянскихъ вѣтвей. Безъ сомнѣнія, общеславянской запасъ цивилизаціи продолжалъ развиваться и укрѣплялся въ обычай, — присутствіе городовъ (до прихода варяговъ) показывало, что родовыя общины уже соединялись въ болѣе крупныя единицы—съ народнымъ правленіемъ, съ первоначальными промыслами и торговлей. Обработка земли—путемъ земледѣльческаго хозяйства, расчищавшаго лѣса и передвигавшагося съ мѣста на мѣсто—постоянно увеличивала земледѣльческую территорию и господство русской народности... Родовая община сохранялась, вѣроятно, во всей силѣ; впоследствии, уже при Ярославѣ, замѣтны признаки ея ослабленія—передъ церковно-государственными порядками.

О древнемъ русскомъ язычествѣ осталось очень немного прямыхъ историческихъ свидѣтельствъ; и тѣ далеко не ясны и точны—такъ что нѣкоторые изслѣдователи даже подвергали сомнѣнію дѣйствительное существованіе нѣкоторыхъ божествъ, названныхъ въ летописи и другихъ памятникахъ (напр. Мовоши или Воюса). Но недостаточность прямыхъ современныхъ свидѣтельствъ ю извѣстной степени вознаграждается той обширной мифологіей, какая сохранилась въ устныхъ народныхъ преданіяхъ, нѣсняхъ и повѣрьяхъ. Мы должны предположить извѣстными главнѣйшія изслѣдованія объ этомъ предметѣ ²⁾, и хотя обильный матеріалъ преданій все еще требуетъ внимательнаго пересмотра, но уже не подлежитъ сомнѣнію фактъ, на который мы и хотимъ ука-

¹⁾ Тамъ же, стр. 614.

²⁾ Труды Срезневскаго, Буслаева, Аванасьева, Котляревскаго, Рыбникова, Гильфердинга и пр., и пр.; изданія и толкованія ибсенъ и другихъ памятниковъ народной словесности.

зять, — именно, тѣснѣйшая связь русскихъ мѣологическихъ преданій, во-первыхъ, съ преданіями всѣхъ другихъ славянскихъ племенъ, во-вторыхъ, съ нѣмецкими и литовскими, въ-третьихъ, съ преданіями арійскихъ народовъ вообще ¹⁾.

Вопросъ о славянскомъ письмѣ до христіанства былъ опять предметомъ многихъ споровъ и еще не рѣшенъ окончательно. Исходнымъ пунктомъ изслѣдованій была знаменитая статья X-го вѣка, «о письменахъ», монаха Храбра. Онъ упоминаетъ о «чертахъ и рѣзахъ» (вырѣзываемыхъ фигурахъ), какіе существовали у славянъ во времена язычества, и упоминаетъ затѣмъ, что, «крестившись», они употребляли греческія и латинскія письмена (еще до изобрѣтенія Кирилломъ особой азбуки), — хотя, это было очень неустроенно. Уже изъ этого видно, что «черты и рѣзы» никакъ не могли представлять какой-нибудь звуковой азбуки: это были дѣйствительныя черты и условныя вырѣзываемыя знаки, которые уподобляютъ слоговымъ рунамъ. Въ первый разъ звуковыя знаки явились съ «греческими и латинскими» письменами, перенятыми задолго до крещенія отъ Кирилла и Меѳодія. Греческія и латинскія письмена употреблялись «много лѣтъ», по словамъ монаха Храбра, и только послѣ этихъ многихъ лѣтъ является изобрѣтеніе Кирилла, настоящая, весьма замѣчательная по полнотѣ и правильности, азбука; простыя греческія и латинскія буквы стали вѣроятно употребляться послѣ какихъ-нибудь частныхъ крещеній, бывавшихъ еще до Кирилла и Меѳодія. Вопросъ усложняется еще упоминаніемъ памятниковъ о евангеліи, писанномъ «русскими письменами» и которое Кириллъ видѣлъ въ Корсунѣ, во время путешествія для проповѣди у хазаръ (до изобрѣтенія азбуки); и, наконецъ, еще существованіемъ въ тѣ же древнія времена другой славянской азбуки, глаголической, происхождение которой не отыскано до сихъ поръ. По историческимъ извѣстіямъ, южные славяне «писали» договоры еще въ VII-мъ вѣкѣ; русскіе славяне писали ихъ еще до официального введенія христіанства, при Олегѣ. — Слово «писать» принадлежитъ всѣмъ славянскимъ нарѣчіямъ, стало быть, находилось уже въ первоначальномъ обще-славянскомъ языкѣ. Мало того, оно восходитъ даже до арійскихъ корней ²⁾, но въ своемъ арійскомъ употребленіи означало не писать въ нашемъ смыслѣ слова, а вырѣзывать, украшать, составлять; такъ что относилось

¹⁾ Отстаиваетъ пока въ сторонѣ восточныя, не-арійскія связи и вліянія, для этой до-исторической эпохи слишкомъ мало опредѣленныя и не легко опредѣлимныя.

²⁾ Die ehemalige Spracheinheit, стр. 57.

или въ руническихъ, не звуковыхъ, «чертамъ и рѣзамъ» монета Храбра, или даже къ образному письму.

Славянскій бытъ тѣхъ временъ представлялъ чрезвычайно много общаго у всѣхъ племенъ. До сихъ поръ въ разныхъ краяхъ славянства сохранились обычаи старой родовой общины. Въ тѣ времена они были повсюду господствующими. Историки много рассказываютъ о мирныхъ земледѣльческихъ наклонностяхъ славянскаго племени; даже въ тѣ времена, когда какія-то силы двигали славянъ на западъ и югъ, когда они въ особенности со, вершали свирѣпыя нападенія на византійскую имперію, — они только-что отвоевавши себѣ какой-нибудь край, способны были тотчасъ же мѣнять воинственное настроеніе на трудолюбивое земледѣліе. Рассказываютъ также о любви славянъ къ свободѣ, — вслѣдствіе которой они не терпѣли надъ собою власти, — и дѣйствительно, они предпочитали селиться врозь, отдѣльными общинами, безъ подчиненія одному главѣ, устроивая дѣла на народныхъ сходбищахъ, «снѣмахъ» старшинъ; когда родовыя общины расширились на обширныя мѣстности и до значительныхъ населеній, онѣ продолжали оставаться раздѣленными единицами. Такъ было и въ русскомъ, и въ сербскомъ, и въ балтійскомъ славянствѣ и проч. Эта любовь къ разьединенію была равносильна нелюбви къ государственности и, слѣдовательно, беззаботности о болѣе широкомъ національномъ интересѣ; общины рѣдко бывали въ мирѣ и согласіи; соединяясь для крупнаго, важнаго дѣла, — наковы были, напр., ихъ нашествія, — они потомъ снова распадались на безсвязныя единицы. Отсюда — давно замѣченное отсутствіе прочныхъ государствъ: правда, византійскіе и германскіе сосѣди дѣлали все, чтобы государства не могли образоваться въ западномъ и южномъ славянствѣ; нашествіе венгровъ внесло еще новую силу, ставшую поперекъ славянству, — но во всякомъ случаѣ слишкомъ продолжительное господство патріархальнаго разьединенія, принадлежавшее характеру самаго славянства, было одной изъ главнѣйшихъ причинъ ихъ политической слабости — при всей многочисленности племени. Балтійское и полабское славянство подпало нѣмецкому завоеванію, и быстро начало исчезать; Чехія и Польша запутались въ отношеніяхъ къ германской римской имперіи; племена сербское и болгарское не выдержали борьбы съ Византіей и съ турками. Цѣлости русскаго государства между прочимъ помогли внѣшнія причины: географическое отдѣленіе (напр., когда Русь нападала на Византію подъ стѣнами самого Константинополя, греческое войско никогда не бывало на русской землѣ; поляки въ старомъ періодѣ доходили, и то съ

русскими князьями, только до Киева), азиатская дикость юго-восточныхъ кочевниковъ, громадность недоступнаго неприятелю пространства;—но и это государство съ трудомъ выдержало разбродъ удѣльнаго періода и только тяжкими усилиями и пожертвованіями достигло объединенія, потерявъ однако и до настоящей минуты юго-западную вѣтвь подлиннаго русскаго племени.

Приведенныя черты древнѣйшаго періода славянскаго племени представляютъ нѣсколько фактовъ, имѣющихъ весьма существенную важность для сравнительно-историческаго изученія.

Прежде всего, мы видимъ тѣсную родственную связь славянства съ арійскими племенами, и особенно тѣми, которыя въ классической древности и въ новѣйшія времена были главнѣйшими дѣятелями цивилизаціи. Въ различныхъ комбинаціяхъ, которыми ученые старались объяснить послѣдовательное развѣтвленіе арійскаго племени, славянство почти всѣми изыскателями ставится въ ближайшій союзъ съ европейскою отраслюю. Мы приводили выше одно исключительное мнѣніе (Лог. Шмидта), по которому славянское племя считается промежуточнымъ звеномъ между германскимъ и восточно-арійскимъ; но въ большей части мнѣній, славянство есть вполнѣ членъ семьи европейскихъ аріевъ, и въ частности славянскій языкъ вышелъ изъ того «основнаго языка» вторичной формаціи, въ которомъ были первоначально слиты элементъ германскій, литовскій и славянскій, или, другими словами, славянское племя развилось изъ той сѣверно-европейской группы, въ которой оно составляло нѣкогда нераздѣльное цѣлое съ литвой и германцами.

Такимъ образомъ, если «національность», «раса» имѣютъ важное значеніе въ исторіи развитія народа (въ чемъ нѣтъ сомнѣнія), то указанные несомнѣнные выводы науки не дадутъ мѣста ни тѣмъ исключительнымъ теоріямъ, которыя недружелюбно къ намъ выдѣляютъ славянскій міръ въ чужое для Европы явленіе исторіи,—ни тѣмъ нашимъ теоріямъ, которыя говорятъ объ особомъ «греко-славянскомъ» или, вѣрнѣе, «византійско-славянскомъ» мірѣ, недружелюбно къ Европѣ. Если только давать значеніе племенному началу,—очевидно, что невозможно брать это начало въ одинъ произвольно выбранный моментъ и затѣмъ распространять условія этого момента и впередъ, и назадъ, навязывая черты этого момента и будущей исторіи, и прошлымъ вѣкамъ, которые ничего о немъ не знаютъ и не имѣютъ съ нимъ общаго.

Напротивъ, исходная точка историческаго развитія была одна со всѣми арійскими племенами Европы — первоначальныя преданія, культурныя знанія и языкъ, вынесенныя изъ арійской родины, и новый запасъ, вынесенный изъ германо-лето-славянскаго союза. По раздѣленіи этихъ племенъ, исторія, при помощи языкознанія, указываетъ однако между ними продолженіе культурныхъ связей... Степень развитія, существовавшая въ русскомъ славянствѣ передъ основаніемъ государства, по всей вѣроятности была выше, чѣмъ ее обыкновенно полагаютъ: языкъ старо-болгарскій, (будущій церковно-славянскій) уже заключалъ въ себѣ богатый матеріалъ, пользуясь которымъ можно было дать замѣчательный переводъ писанія и вслѣдъ затѣмъ цѣлой духовной литературы, а этотъ языкъ былъ очень близокъ въ старому русскому, — какъ можно судить и изъ того, что старо-болгарскія книги могли уже скорѣе перейти на Русь и читаться какъ собственныя.

Но были обстоятельства, которыя съ самаго начала замедляли въ славянствѣ, и въ русскомъ племени, быть можетъ, еще болѣе, успѣхи образованности, — и это замедленіе потомъ, другими историческими условіями, усилилось до полного раздѣленія съ Европой, до возникновенія (и у западныхъ народовъ, и у самихъ русскихъ) мысли объ ихъ коренномъ различіи, наконецъ до антипатіи и вражды между ними и до національной исключительности въ русскомъ обществѣ.

Славянство позднѣе другихъ племенъ является на исторической почвѣ ¹⁾: его историческая жизнь началась позднѣе, и оно тѣмъ самымъ не могло идти въ уровень съ народами, его предшественниками. Мы не знаемъ условій, и не имѣемъ понятія объ

¹⁾ У насъ нерѣдко говорили и еще говорятъ о славянахъ, и особенно русскихъ, какъ о *молодомъ народѣ*, находя въ этомъ великое преимущество передъ Европой, и сравнивая насъ съ другимъ, будто бы тоже *молодымъ* народомъ — американцами. Мы видѣли, во-первыхъ, какова молодость славянства въ этнологическомъ смыслѣ: она равна нѣмецкой молодости. Во-вторыхъ, молодость историческая въ сущности только объявляеть въ большей культурной работѣ, — потому что молодой народъ вступаетъ исторіей въ трудную конкуренцію со старыми, хорошо въ этомъ смыслѣ вооруженными племенами.

Сравненіе насъ съ Сѣверной Америкой не выдерживаетъ никакой критики, по крайней мѣрѣ до сихъ поръ и въ данную минуту. По своему общественному характеру, русскій народъ еще не переработалъ первобытныхъ общественныхъ отношеній и во многихъ отношеніяхъ находится еще на патріархальной ступени. Американцы начали свою „молодость“ съ того, до чего дошло европейское развитіе: ихъ общественный характеръ былъ опредѣленъ по лучшимъ задаткамъ общественной свободы, разработаннымъ въ Европѣ, и теоретически, по философіи XVIII-го вѣка. Разница во всемъ бытъ такъ велика, что „сходство“ можетъ быть отнесено только очень слабымъ воображеніемъ.

эпохѣ, когда распался германо-лито-славянскій союзъ, но одно географическое разселеніе племень, потеря самаго воспоминанія о прежней связи ¹⁾, указываетъ, что отдѣленіе произошло задолго до того, какъ славяне начали называть себя славянами. Ранѣе выдѣлившись, германцы успѣли продвинуться далѣе на западъ, занять болѣе богатныя и удобныя мѣста, и раньше вступили въ прямыя связи съ народами, уже совершившими циклъ античной цивилизаціи, богатыми знаніемъ и искусствами. Смѣшеніе германскихъ племень съ римскими или романизированными туземцами западной Европы и оживленіе самихъ романскихъ населеній (*lingua gotiana rustica* была, какъ извѣстно, основаніемъ новыхъ романскихъ языковъ) полагало начало новымъ народностямъ, хранившимъ при самомъ возникновеніи римскія преданія, — въ то время, когда славянскія племена жили еще въ полной непосредственности стараго быта. Романо-германская имперія Карла Великаго уже приняла римскій титулъ и мечтала продолжать древнюю имперію. Преданія римской цивилизаціи, на время заглушенныя варварскимъ нашествіемъ, уже вскорѣ стали быстро оживляться и не только содѣйствовали построенію государства, но дали сильный толчокъ умственному движенію. Съ VIII—IX вѣка новая западная Европа начинаетъ исторію своей науки, когда славянство «нуждалось» греческими и латинскими письменами ²⁾, еще не имѣя своей азбуки.

Таково было относительное положеніе романо-германскаго и славянскаго міра, во времени перваго образованія русской государственности. Жизнь племени была поглощена образованіемъ національной области, трудомъ колонизаціи, вытѣсненіемъ низшихъ финскихъ племень, очисткой и разработкой почвы, защитой отъ дикихъ племень юго-восточныхъ... Громадныя пространства, на которыхъ племя было разбросано, дѣлали труднымъ и распространеніе тѣхъ все-таки рѣдкихъ вліяній цивилизаціи, какія могли приходиться съ юга и запада. При всей способности къ образованію, даже при положительной даровитости, каковая обнаруживается въ различныхъ проявленіяхъ этого племени въ первыя историческія времена, условія были мало благоприятны...

Но не только въ эту пору обнаружилось болѣе позднее выступленіе славянства на историческое поприще. Они и вообще были народъ исторически болѣе новый, у котораго явленія на-

¹⁾ Имя славянъ („словѣне“) происходитъ отъ „слова“, и значило: говорящіе понятю, говорящіе съ нами одинаково. „Нѣмцы“ были: говорящіе непонятно.

²⁾ Выраженіе монаха Храбра.

родной жизни совершались сравнительно поодѣе. Уже весь германско-лето-славянскій союзъ является въ исторіи гораздо поодѣе германско-италійскаго; но и въ своемъ союзѣ славяне шли поодѣе германцевъ—что не трудно прослѣдить во всѣхъ сторонахъ икъ внутренняго развитія и внѣшняго быта—мифологіи, общественннхъ учрежденіяхъ, начаткахъ образованности.

У народовъ первобытныхъ все отвлеченное мышленіе занмается въ мифологіи. Всѣ представленія космогоническія и бытовныя, нравственность, право и обычаи отливаются въ мифологическую форму, единственную, какая бываетъ возможна для первобытныхъ временъ. Сравненія показываютъ, что основныя положенія славянской мифологіи однородны съ арійскими вообще, и въ частности съ германскими, но несомнѣнно, что славянская мифологія далеко не успѣла приобрѣсти такого развитія, какое имѣла германская. Она была довольно богата, какъ можно судить и по тому, что отъ нея сохранилось доннѣ въ народной памяти и обычаѣ, богата поэтическимъ смысломъ, но не содала такой обширной космогоніи и исторіи боговъ, каковую мы находимъ въ мифологіи германской и скандинавской. Въ языческой религіи русскаго славянства не развилось жречества, не было настоящихъ храмовъ,—въ разбросанныхъ поселеніяхъ, роль жреца исполнялъ глава семейства, и только праздники языческаго календаря собирали жителей на «игрища между селами», о которыхъ говоритъ летописецъ. Большее развитіе языческой религіи оказалось только у балтійскаго славянства, вслѣдствіе его особенныхъ условий, когда насильственное введеніе христіанства нѣмецкимъ оружіемъ вызвало сильную языческую реакцію; восточное славянство не имѣетъ ничего подобнаго тѣмъ храмамъ, великолѣпнѣю которыхъ удивлялись нѣмецко-латинскіе историки, оставшіе почти единственныя свидѣтельства о мифологіи балтійскаго славянства. Нѣкоторые изслѣдователи высказывали мысль, что эта недостаточность развитія языческой мифологіи у русскаго славянства была скорѣе вынужденъ, потому что облегчала принятіе христіанства, которому, такимъ образомъ, не приходилось бороться съ крѣпкой языческой системой; но, говоря о мифологіи, мы говорили только о силѣ развитія въ языческія времена,—что же касается болѣе легкаго введенія христіанства, слѣдуетъ добавить, что это введеніе, какъ оно совершилось при Владимірѣ, не дало полнаго поворота народной мысли и вѣрѣ. Именно, оно не прекратило мифологическаго періода, который у насъ едва ли не дольше, чѣмъ гдѣ-нибудь, продолжалъ господствовать въ народныхъ массахъ,—съ X-го вѣка измѣнилось только его направ-

леніе, и русскіе духовные учителя еще въ XIV-мъ вѣкѣ съ негодованіемъ вооружались противъ народнаго «двоевѣрія», мѣшавшаго христіанство съ язычествомъ, и отдѣльныя жалобы этого времени идутъ до самаго конца стараго періода, до XVII-го вѣка. Особаго рода «двоевѣріе» продолжается и до настоящаго времени.

Старыя національныя преданія не дали у насъ и той пищи для поэтическаго развитія, какъ то было на Западѣ, и въ романскихъ, и въ германскихъ народностяхъ. «Слово о полку Игоревѣ» осталось единственнымъ поэтическимъ памятникомъ, стоящимъ одиноко въ тогдашней письменности. Поэзія національныхъ преданій не развилась—фактъ, значеніе котораго едва ли было до сихъ поръ достаточно оцѣнено.

Съ паденіемъ появленіемъ христіанства повдно положены были и начатки образованности. Въ то время, какъ, напр., готы имѣли переводъ писанія еще въ IV-мъ вѣкѣ, въ славянскомъ мірѣ онъ является въ IX-мъ. Мы увидимъ далѣе, что и заповѣдавшая письменность поставлена была мало благоприятно; вслѣдствіе новыхъ возникшихъ условий, книжная образованность пріобрѣтала все болѣе и болѣе церковный характеръ, болѣе и болѣе исключительный, — такъ что ежели въ X-мъ вѣкѣ было уже значительное разстояніе между нашей и западной письменностью по объему содержанія, то впослѣдствіи это разстояніе не уменьшалось, а только увеличивалось.

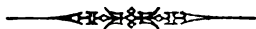
Наконецъ, позднѣе развился въ русскомъ славянствѣ и государственный бытъ.

Итакъ, разсматривая первыя начала, съ которыхъ отерывается историческое развитіе русской государственности и образованія, мы видимъ народность столь же несомнѣннаго арійскаго корня, какъ другія европейскія племена, народность, вмѣстѣ съ ними сдѣлавшую первыя шаги къ цивилизаціи, и всего болѣе близкую къ племени германскому. Но какъ цѣлое славянство, такъ особенно русскій народъ является на историческое поприще, въ среду уже сдѣланныхъ древнею Европой культурныхъ пріобрѣтеній, позднѣе своихъ собратьевъ и географически далѣе всѣхъ отъ центровъ цивилизаціи. Это прежде всего помѣшало ему идти рядомъ съ ними: онъ еще переживалъ патриархальныя бытовыя формы, когда Западъ уже началъ пользоваться наслѣдіемъ античной цивилизаціи. Такое положеніе ни мало не было его виной, а дѣломъ историческихъ обстоятельствъ. Мы увидимъ, что первая дѣятельность племени среди этихъ обстоятельствъ обнаруживала много истинной энергіи и культурныхъ задатковъ.

Народъ былъ не только способный къ цивилизаціи, но положительно даровитый и своими нравственными свойствами возбуждавшій сочувствіе даже въ иноплеменныхъ историкахъ (германскихъ и византійскихъ), мало расположенныхъ преувеличивать его достоинства. Но кромѣ указаннаго отдаленія (по хронологіи развитія и географическому положенію) отъ центровъ цивилизаціи, были еще невыгодныя условія, которыя должно было одолѣть славянству. Когда южная и западная отрасли его должны были выдерживать борьбу съ германцами и византійцами, русская отрасль имѣла свои трудныя задачи: ваять обширныя земли, которыя представлялись естественной ея областью; переработать патріархальныя начала въ бытъ государственный, и наконецъ спасти свой европейскій характеръ отъ вліяній восточнаго соудства: здѣсь русское племя, съ одной стороны, воспринимало въ себя массу финскихъ туземныхъ элементовъ, съ другой — должно было защищать самое существованіе отъ наплыва дивихъ кочевыхъ народностей, надвигавшихся изъ азіатскихъ степей и извѣстной долей также замѣшавшихся въ русское племя.

Въ первую пору послѣ образованія государства, русская народность энергически выносила эти трудныя условія, далекая отъ болѣе цивилизованнаго міра и предоставленная только самой себѣ. Это было свѣжее начало многотрудной исторической жизни.

А. Пыпинъ.

ТУРКЕСТАНЪ И ТУРКЕСТАНЦЫ

Окончаніе.

III *).

Введенное нами «положеніе» не тронуло у туркестанцевъ народнаго судопроизводства. Учрежденіе должности уѣзднаго судьи, руководствующагося во всемъ тѣми же законами, что и наши мировые судьи — не поразило туземцевъ какъ какая-нибудь новость неслыханная и невиданная. Основная идея мирового суда та же, что и въ судѣ казіевъ и биевъ: гласность, изустность, характеръ посредничества, третейскаго разбирательства и склоненіе сторонъ къ соглашенію къ миру. Нашъ судья оказался такимъ образомъ знакомымъ народу лицомъ, только съ новою рѣчью и съ новыми законами, болѣе прежнихъ мягкими и справедливыми.

Большая кротость въ отправленіи правосудія, внесенная нами въ бытъ народа, сглаживаетъ понемногу переходъ къ чисто русскому суду и подрываетъ грозную когда-то власть мусульманскаго духовенства, имѣвшаго право изрекать устами казія даже смертные приговоры.

Уничтоженіе тѣлесныхъ наказаній, практиковавшихся здѣсь самымъ роскошнымъ образомъ, — отъ палокъ до отсѣченія руки, — отмѣна смертной казни (туземный способъ состоитъ въ перерѣзаніи горла: преступника рѣжутъ какъ барана, безъ дальнихъ разговоровъ и безъ всякой церемоніи) — рѣзкій переходъ отъ драконовой строгости къ мягкости христіанскаго законодательства — все это нисколько не разнуздало, привыкшаго къ виду крови, на-

*) См. выше: сент., 55; окт., 498 стр.

рода и всё опасенія многихъ доморощенныхъ криминалистовъ оказались напрасными. Число преступленій, по сознанію самихъ казней,—а это чего-нибудь стоитъ,—даже уменьшилось противъ времени владычества хановъ, и уменьшилось не на малую долю, а чуть не вчетверо! Если ужъ люди, менѣ всего желавшіе отъ насъ тѣлесныхъ наказаній и смертной казни, должны сознаться, что предсказанія ихъ не сбылись, то мы можемъ положиться на ихъ показаніе относительно уменьшенія цифры преступленій.

Впрочемъ, это вовсе не исключительное явленіе и нисколько не относится къ добронравію туземцевъ — то же самое повторяется во всё времена и у всѣхъ народовъ.

Зимою, когда всё работы по хозяйству уже окончены, въ народѣ просыпается страсть къ сутяжничеству: цѣлыми эскадронами тянутся конные истцы въ уѣздное управленіе и къ уѣздному суду. Но не одна страсть къ влязуамъ тянетъ ихъ сюда, не сутяжничество, какъ думаютъ нѣкоторые русскіе, а стремленіе познакомиться съ новымъ закономъ. Наши слѣдственные и судебныя разбирательства служатъ для народа прекрасными лекціями гражданскаго и уголовнаго права. Издалека, чуть не изъ за пятьсотъ верстъ плетется другой любопытный, въ свитѣ какого-нибудь истца, единственно чтобы послушать, какъ будутъ разбирать русскіе. Минѣ кажется, плохо дѣлаютъ тѣ, кто старается отдѣлаться отъ доучающей толпы и выпроводить ее поскорѣе вонъ—это значитъ отказать въ поученіи, отказать отъ случая бросить нѣсколько здоровыхъ сѣмянъ въ тучную и благодатную почву.

Предоставивъ народу полную свободу выбора своихъ судей, мы не впали на этотъ разъ въ ошибку, давно уже тяготѣющую надъ Оренбургомъ и Сибирью: мы не ввели экзаменованныхъ, или *указныхъ* муллъ. Что за бѣда, что народные судьи будутъ невѣждами въ коранѣ? Намъ нѣтъ никакого резона указывать народу на коранъ, какъ на якорь спасенія—это разъ. Неофициальный, негарантированный, какъ знатокъ, казій будетъ даже лучше для дѣла, потому что волей-неволей ему придется руководствоваться не столько закономъ — шаріатомъ, сколько обычаемъ, здравымъ смысломъ и совѣстію, а это, конечно, вдесятеро лучше. Навонецъ, если допустимъ, что выборъ народа былъ неудаченъ и казій плететъ Богъ вѣсть что—это нисколько не помешать дѣлу, при возможности апелляцій, и, конечно, поднять значеніе русскаго суда еще и по сравненію съ неудачнымъ казиемъ. Возможность апелляціи къ русской власти и къ русскому суду, другими словами: возможность непосредственнаго контроля

повела къ болѣе справедливому отношенію народныхъ судей къ тяжущимся. Все чаще и чаще приходится такому судѣ искать рѣшенія дѣла въ своей совѣсти, въ области безусловной справедливости, а не шаріата, подорваннаго уже силою «русскаго права».

Всѣхъ дѣлъ, рѣшенныхъ казіями и біями кураминскими въ 1870 году, было 1213. Больше всего, по обыкновенію, было дѣлъ по долговымъ претензіямъ—а именно: 478. Затѣмъ, слѣдуютъ дѣла по расторженію браковъ—ихъ 229; по кражамъ—185; по тяжбамъ о наслѣдствѣ рѣшено 110; по нарушенію договоровъ о сватовствѣ—84; поземельныхъ споровъ—55; личныхъ оскорбленій—45; поправки хлѣба—22; по убійствамъ—5.

Мы уже говорили въ своемъ мѣстѣ, какимъ авторитетомъ пользуются русскіе и въ особенности *тюри*, т.-е. офицеры и чиновники, въ глазахъ среднеазіатцевъ, которые охотно обращаются къ русскому для третейскаго разбирательства своихъ споровъ. Знаменитый «аксакъ-майоръ», простой рыбакъ, бралъ даже обычный *бѣйликъ* за каждое рѣшенное имъ дѣло.

Къ русскому суду туземцы могутъ обращаться только до разбора дѣла у казіевъ или біевъ, а послѣ этого не иначе, какъ съ согласія *облыкъ* сторонъ. Понятно, что кому выгоднѣе вѣдаться у своего казія или бія, тотъ и не соглашается переносить дѣло къ русскому судѣ. Кляузникъ всегда предпочтетъ шаріатъ, а случаи, когда обѣ стороны считаютъ себя правыми—непремѣнно, въ концѣ-концовъ, приведутъ ихъ къ судебнымъ уставамъ 20-го ноября 1864 года. Другой случай, когда дѣло должно поступить непременно къ русскому судѣ—это, когда истецъ и отвѣтчикъ принадлежать къ разнымъ народностямъ: напимѣръ, одинъ изъ нихъ сартъ, а другой киргизъ. Первый долженъ бы судиться у казія, второй у бія; чтобы помирить ихъ интересы—самое лучшее послать ихъ къ русскому судѣ. Точно также, если между тяжущимися есть русскій, кураmineцъ, индеецъ, еврей—дѣло должно идти къ русскому судѣ.

Незнаніе нашими судьями туземныхъ нарѣчій ведетъ, конечно, къ тому, что участь дѣла въ значительной степени зависитъ отъ вольнонаемнаго переводчика. Переводчики здѣсь болѣею частію татары,—люди безъ всякаго образованія; все знаніе ихъ ограничивается только грамотностію, умѣньемъ читать и писать, а еще чаще только говорить по-русски и татарски—это такъ-называемые «словесные» переводчики. И такая-то личность играетъ роль непремѣннаго члена русскаго суда. Переводчикъ

допоязеть судью. Судья въ отсутствіе переводчика остается глухъ и нѣвъ.

Если въ судьи у насъ выбираютъ людей съ оглядкой, то необходимо установить какой-нибудь нравственный цензъ и для переводчиковъ. Судья, которому предоставляется нанимать переводчиковъ отъ себя, на счетъ суммъ, отпускаемыхъ ему на канцелярію—весьма естественно принужденъ лавировать между двумя обстоятельствами: чтобы это было недорого, и чтобы это было удовлетворительно. Совмѣстить и то и другое почти никогда невозможно.

Представьте же себѣ, что въ судьи у насъ назначаютъ офицеровъ изъ строя, а то и отставныхъ, а если и чиновниковъ, то нѣтъмъ не лучше офицеровъ, то-есть безъ всякой юридической подготовки. Дополните таковаго судью «словеснымъ» татарикомъ, и тогда легко будетъ представить себѣ, какъ идетъ у нихъ судъ! Пока не введены судебныя палаты, апеллировать приходится въ областное правленіе, а это, во-первыхъ, не *масное* учрежденіе, во-вторыхъ, находится далеко отъ крайнихъ пунктовъ области (Ташкентъ, напримѣръ, въ доброй тысячѣ верстъ отъ границъ казалинскаго уѣзда), въ-третьихъ, требуетъ *письменныхъ* прошеній, а наконецъ, туземцы не всѣ еще усвоили себѣ значеніе апелляціи: они думаютъ, что это будетъ *жалоба* на своего судью и что судья будетъ недоволенъ, будетъ мстить, когда нужда приведетъ къ нему снова за какимъ-нибудь дѣломъ.

Этими мотивами объясняется то обстоятельство, что, несмотря на неопытность судей и невѣжество «словесныхъ» переводчиковъ, апелляцій все-таки было до сихъ поръ сравнительно немного.

Туземцы отлично понимаютъ, *отъ комъ* сила, и въ случаѣ нужды отправляются на поклонъ къ «тильмачъ-тюрь». Являются на сцену разныя *силы*—подарки, завязывается тамырство—дружба; переводчикъ щеголяетъ и платьемъ и лошадьми.

Нашъ судъ представляется точно какимъ-нибудь элевзинскимъ таинствомъ; судья—это оракулъ, изрекающій по временамъ таинственные «глаголы»; переводчикъ—это жрецъ, вопрошающій оракула, передающій ему молитвы просителей и разъясняющій послѣднимъ отвѣты оракула. То ли передаетъ жрецъ оракулу, что ему сказано истцомъ или отвѣтчикомъ, такъ ли толкуетъ онъ отвѣты оракула—это повѣрѣ никакой не подвергается, и потому естественно, что приговоръ судьи не всегда бываетъ впопадъ.

Наше право представляетъ однако же такую силу, что даже и неумѣлые, даже зловредные слуги подорвать его не могутъ.

Кромѣ судьи, туземцы обращаются нерѣдко и къ уѣздному начальнику. Если онъ не гонитъ ихъ къ судьямъ, если онъ чело-вѣкъ доброжелательный и терпѣливый, то его даже предпочтутъ судьямъ за большую авторитетность его приговоровъ. Уѣздный начальникъ, сверхъ того, часто разъѣзжаетъ по уѣзду по какимъ-нибудь надобностямъ, а это для просителей весьма важное удобство. Еслибы судья не сидѣлъ сиднемъ въ центральномъ пунктѣ, а разъѣзжалъ періодически и въ назначенное для того время, то это было бы, конечно, еще лучше.

Принимая къ своему разбирательству разныя (конечно, не важныя) дѣла, уѣздный начальникъ врывается, такъ сказать, въ область судьи, а это подчасъ ведетъ къ столкновеніямъ. Но есть одна категория дѣлъ, которыя до сихъ поръ предоставлены были вѣдѣнію уѣздныхъ начальниковъ — это бракоразводныя. Сторона, недовольная рѣшеніемъ казія или бія, имѣла право обращаться къ русской власти. Судьи назначены были и приступили къ обязанностямъ долго спустя послѣ уѣздныхъ начальниковъ. Кромѣ того, судья долженъ былъ руководствоваться уставами 20 ноября 1864 года, долженъ былъ, такъ сказать, пропагандировать русское право, а ни одна статья этихъ уставовъ не разрѣшаетъ ему расторгать браки; напротивъ, есть статьи, положительно воспрепятствующія всякія мѣры къ нарушенію святости и неразрывности брака.

Свѣтскій судъ можетъ вмѣшаться между мужемъ и женою только съ измѣненіемъ соответствующихъ законовъ, а до тѣхъ поръ общество должно довольствоваться простымъ полицейскимъ распоряженіемъ о выдачѣ женѣ отдѣльнаго вида на жительство. Известно, какое участіе въ судьбѣ женъ принимали у насъ шефъ жандармовъ, нѣкоторые генералъ-губернаторы и наконецъ оберъ-полицеймейстеры. Благодаря ихъ заступничеству положеніе многихъ женъ сдѣлалось сноснымъ.

Такой, выработанный нашею житейскою практикой, порядокъ думали ввести и въ русскомъ Туркестанѣ, уѣздный начальникъ получилъ право давать притѣсняемой женѣ отдѣльный видъ. При легкости развода по мусульманскому закону ¹⁾ — такой отдѣльный видъ, обыкновенно, принимался народомъ за формальный разводъ; женщина вступала нерѣдко въ новый бракъ и тѣмъ дѣло оканчивалось. Труднѣе было согласить стороны относительно мате-

¹⁾ Если въ спорѣ или ссорѣ мужъ скажетъ женѣ *малак* или „ты для меня, какъ спина моей матери“, то между ними все кончено, жить вмѣстѣ они не могутъ, а если помирятся, то должны опять идти къ муллѣ для совершенія новаго брака. *Учъ-малак*, три раза сказанное, дѣлаетъ новый бракъ невозможнымъ.

важнаго вознагражденія. Обычай вносить за жену калымъ и расходы жениха при заключеніи брака значительно усложняли дѣло разными вычислениями: что стоилъ батманъ риса, употребленный на плоть гостямъ, что могли стоить бараны, халаты и т. д.

Я расскажу здѣсь, какъ велось у насъ, въ Курамѣ, это дѣло.

Начать съ того, что при уѣздномъ управленіи былъ составленъ, такъ-сказать, *постоянный съездъ* казіевъ и биевъ. По проекту положенія съѣзды должны были собираться по мѣрѣ надобности, т.-е. по мѣрѣ накопленія апелляціонныхъ жалобъ на рѣшенія казіевъ и биевъ. Время съѣзда и члены его назначались уѣзднымъ начальникомъ. Такъ какъ съ самаго начала оказалось множество дѣлъ, подлежащихъ перерѣшенію, и какъ апелляціи поступали каждый день, то съѣздъ, собранный однажды, не могъ окончить всѣхъ дѣлъ ни къ какому сроку и самъ собою обратился въ *постоянный*. Вышло нѣчто въ родъ маленькаго сената. Члены, впрочемъ, переменялись поочереды. Первоприсутствующимъ нашего сената былъ назначенъ почтенный старикъ, мулла Назаръ, въ киргизскихъ биевъ, знавшій довольно изрядно и коранъ. Забѣлительно, что этотъ киргизъ мулла былъ выбранъ въ казіи сартами. Ко всякому рѣшенію *мулла Назаръ* легко подыскивалъ соответствующую цитату и закрѣплялъ приговоръ буквой шариата. Если бы представителю русской власти вздумалось назвать бѣлое желтымъ, а потомъ чернымъ, то мулла Назаръ нисколько бы не затруднился доказать по корану, что это не бѣлое, а слѣдовательно, желтое и наконецъ даже и не желтое, а самое черное! Всякій изъ насъ, кто зналъ секретъ муллы Назара, не могъ при встрѣчѣ съ нимъ сохранять серьезный видъ. Какъ римскіе авгуры, мы улыбались другъ другу!

Какъ киргизъ, мулла Назаръ былъ не только не фанатикъ, но даже и просто считалъ коранъ годнымъ только для запугиванія профановъ, для приданія себѣ ученаго вида и проч. Мулла созидалъ безъ всякаго спора, безъ всякаго внушенія, что коранъ, какъ сводъ законовъ, уже устарѣлъ и если былъ когда-нибудь годенъ, то развѣ у арабовъ, а къ здѣшнимъ сартамъ и въ особенности къ киргизамъ — онъ совершенно почти непримѣнимъ. Видя въ русскихъ полную доброжелательность и отдавая нашимъ законамъ должное преимущество, мулла Назаръ всегда старался вводить рѣшенія съѣзда подъ русскія начала.

За нерѣдкими отлучками уѣзднаго начальника, мнѣ, какъ старшему помощнику, часто приходилось присутствовать при

вершеніи бракоразводныхъ дѣлъ. Я именно присутствовалъ или, пожалуй, и предсѣдательствовалъ, но обыкновенно, выяснивъ допросами сторонъ ихъ обоюдныя претензіи и счеты, самое рѣшеніе я представлялъ съѣзду, причѣмъ высказывалъ и свое мнѣніе. Только въ тѣхъ случаяхъ, когда въ членахъ съѣзда замѣтно было сочувствіе къ мужу, я доводилъ дѣло до конца и затѣмъ только спрашивалъ мнѣнія членовъ, доказывалъ неправильность ихъ взглядовъ, и когда въ пользу жены составлялось большинство—объявлялъ постановленіе.

Просили о разводѣ всегда женщины—оно и понятно: вѣдь разводъ зависитъ отъ мужа, и если ему въ тягость брачныя узы—онъ самъ и дастъ себѣ разводную. Иногда мужъ и соглашается на разводъ, но требуетъ назадъ калымъ—женщинѣ опять приходится идти въ судъ.

У насъ принято было, что всякая женщина, являясь передъ судомъ, непременно откырываетъ лицо. Члены съѣзда не находили въ этомъ ничего оскорбительнаго для женской чести, а мулла Назаръ доказалъ, что въ коранѣ ничего нѣтъ о покрывалахъ ¹⁾, что этотъ обычай введенъ здѣсь насильно какимъ-то завоевателемъ.

Итакъ, мужчины относятся въ открытому на судѣ лицу женщины довольно безразлично. Нельзя того же сказать о самихъ женщинахъ: привычка ли, жеманство, кокетство или и въ самомъ дѣлѣ чувство стыдливости играетъ тутъ роль, но не *всѣ* охотно подчиняются правилу. Упорнѣе всего отстаиваютъ свое покрывало старушки, но когда покрывало будетъ наконецъ снято—громкій хохотъ развеселившихся судей служить наградою ея стыдливости.

— Чего боялась?—спрашиваютъ ее. — Слава Богу, мы всѣ остались живы, никто отъ красоты твоей не померъ!

Обыкновенно въ такихъ случаяхъ я въ сотый разъ пояснялъ, почему мы требуемъ открытаго лица. Члены съѣзда это уже знали, но мнѣ казалось необходимымъ, чтобы и женщина знала: тогда у ней не останется воспоминанія о *ненужномъ* насиліи, да и другимъ она расскажетъ, почему русскій судъ не терпитъ покрывала.

Почему я знаю, что истица, свидѣтельница, отвѣтчица—именно тѣ лица, за кого себя выдаютъ? Развѣ не бывали при-

¹⁾ Женщины закрываютъ лицо густою, черною волосною сѣткою и затѣмъ на голову накладываютъ воротникъ халата безъ рукавовъ. Рукава, пожалуй, и есть, но они сшиты вмѣстѣ и болтаются назадъ, достигая до полу.

хѣры, что подъ женскимъ платьемъ, подъ ея покрываломъ, скрывались и мужчины?

Понятно впрочемъ, что если женщина рѣшилась наконецъ обратиться къ нашему суду — значить, ей плохо, значить, у *своихъ* она защиты не находитъ. Мужья такъ деспотически и подчасъ такъ жестоко обращаются со своими женами, что я принялъ за правило всегда поддерживать женщину. Скажутъ, что это не безпристрастно, что судья не долженъ руководствоваться предвзятыми взглядами и т. д. Но вѣдь моя поддержка только-что уравнивала шансы, потому что члены сѣзда обыкновенно симпатизировали мужу.

— Какъ пришла къ вамъ баба жаловаться—вы ужъ за несгорой, — замѣтилъ разъ одинъ изъ судей.

— Эльбетте (конечно), — отвѣтилъ я, и рассказалъ побасенку, какъ овца пришла на судъ къ волкамъ. — Кто же ее защититъ здѣсь, если и я буду молчать?

— Такъ-то такъ, да вѣдь этакъ, пожалуй, отъ насъ разбѣгутся всѣ жены!

— А ты обращай съ женой по-человѣчески — вотъ и не поидеть въ судъ. У тебя же три жены, а вѣдь ни одна до сихъ поръ не жаловалась. Хорошій человѣкъ ласковъ и добръ къ женѣ, а дурному не надо давать воли.... Какъ обращаются подчасъ туземцы съ женами можно судить, напримѣръ, хоть изъ того, что девять-десять жалобъ возникаютъ изъ-за побоевъ. Одна показываетъ разсѣченную серпомъ руку, другая пробитую камнемъ голову, третья натертая кандалами раны на рукахъ и ногахъ и т. д. Прибавьте къ этому, что одинъ ревнивецъ выжигаетъ раскаленнымъ желѣзомъ дѣтородныя части у двоихъ своихъ женъ; другой совсѣмъ убиваетъ жену за то, что она не такъ нѣжно его любитъ, какъ его покойнаго брата ¹⁾. Ко всему этому надобно вспомнить, что за истязанія, увѣчья и даже за убійство жены туземецъ не несетъ почти никакой отвѣтственности. Мнѣ всегда тяжело было отказать женщинѣ въ просьбѣ о разводѣ: я боялся дурныхъ для нея послѣдствій со стороны оскорбленнаго ея жалобю мужа. Въ такихъ случаяхъ я обыкновенно требовалъ письменнаго поручительства старшинъ и родственниковъ мужа, которые обязывались наблюдать за поведеніемъ его въ семьѣ, а за увѣчья и за жизнь жены отвѣчали куномъ. Если

¹⁾ По мусульманскому закону, вдова можетъ выдти только за брата покойнаго мужа или ужъ вовсе не выходить ни за кого.

родственники отказывались ручаться за мужа, то это былъ лучший для него приговоръ, и жена освобождалась.

Фактъ простыхъ побоевъ, при замкнутости семейнаго быта осѣдлыхъ туземцевъ, рѣдко могъ быть подтвержденъ свидѣтельскими показаніями. Если никакихъ слѣдовъ побоевъ не сохранилось, то мужъ обыкновенно отрицалъ этотъ фактъ; сосѣди рѣдко выскажутся не въ пользу мужа, деревенскія власти тоже, и бѣдную женщину приходится возвратить мужу, въ ожиданіи на будущій разъ боевыхъ знаковъ или увѣчья. Когда эти знаки и увѣчья на лицо, когда отрицать факта невозможно—мужъ обыкновенно увѣряетъ, что жена его не слушается, не чинить ему халата, не моетъ бѣлья, бранится съ нимъ или заглядывается на чужихъ...

Именно такими доводами оправдывался одинъ сартъ, чуть не убившій жену камнемъ.

— Если твоя лошадь заупрямится, что ты съ нею сдѣлаешь?— спрашиваю.

— Стегну нагайкой.

— А не лучше-ли зарѣзать?

— Денегъ стоить.

— Ну, а если лошадь лягнетъ?

— А я ее палкой.

— Отчего не серпомъ, не саблей?

— Денегъ стоить.

— Итакъ, съ лошадью ты лучше обращаешься, чѣмъ съ женой—жена, значить, ничего не стоитъ. Ну, если ты ею не дорожишь—зачѣмъ отказываешь въ разводѣ, зачѣмъ не отпускаешь?

— Да я согласенъ отпустить, только пусть она калымъ возвратитъ.

— Какъ великъ калымъ?

— Сорокъ тиллей деньгами, двѣ лошади хорошихъ, пять халатовъ адрасовыхъ да на угощеніе пошло два батмана брѣнчу (рисъ и шесть барановъ).

Присутствующіе оцѣнили примѣрно лошадей въ 120 р., халаты въ 40 р., рисъ въ 12 р. и барановъ въ 18, а все въ 190 р. Съ сорока тиллями это составляетъ 342 р.

Жена не отрицаетъ того, что она не заботится о мужниной одеждѣ, но оправдывается тѣмъ, что мужъ ее не одѣваетъ, кормитъ какъ собаку, бьетъ, и все изъ-за того, что задумалъ взять еще другую жену.

Жена дѣйствительно была одѣта въ разорванномъ до-нельзя халатѣ,—но этой вывѣскѣ я уже не вѣрилъ: одна бойкая ста-

руха, жившая не подалеку отъ управленія, снабжала такими халатами всѣхъ просительницъ, въ расчетѣ разжалобить русскихъ.

Мужъ отвѣтилъ, конечно, что онъ и кормить и одѣваетъ жену какъ слѣдуетъ, а такой халатъ, какъ теперь на ней—ему и самому стыдно было бы позволить надѣть, вѣрно, достала у какой-нибудь нищей. Что касается до другой жены, то это его дѣло, и позволенія у первой жены ему спрашивать не приходится.

— Прекрасно, значить, ты нарочно мучишь жену, чтобы заставить ее хлопотать о разводѣ, а самъ думаешь взять съ нея назадъ калымъ и на эти деньги достать новую жену помоложе? Этакъ ты и будешь все мѣнять женъ — за одинъ калымъ переищишь ихъ хоть десять!

Мужъ не могъ удержаться отъ улыбки: такъ ему показалось это заманчиво.

Дѣло казалось мнѣ достаточно яснымъ: мужу приглянулась другая, онъ задумалъ взять ее въ жены. Старая жена отступаетъ на второй планъ и, какъ постылая, не видитъ больше ласки. Она обижена, ревнуетъ и мститъ по-своему: небреженіемъ о хозяйствѣ. Начинаются ссоры, открытая война и побои... Мужу невыгодно отпустить даровую работницу, и развода онъ ей не даетъ. Жена понимаетъ, что ее удерживаютъ только для работы, и рѣшается сложить руки, чтобы потерять цѣну и въ смыслѣ работницы—авось мужъ прогонитъ какъ дармоѣдку! Побои усиливаются. Жена, наконецъ, не въ силахъ терпѣть долѣе и съ помощію родныхъ, тайкомъ, спасается въ Той-Тюбе подъ защиту русскихъ. Ясное дѣло, что возвратитъ ее мужу—все равно, что отдать на казнь. Я уговариваю упрямого сарта дать самому разводъ и, въ виду рѣшительнаго отказа, выдаю женщинѣ отдѣльный видъ.

Въ другомъ случаѣ, когда обстоятельства дѣла склонили членовъ съѣзда присудить въ пользу мужа возвращеніе калыма (жена, по сварливости характера, всегда первая начинала ссору, мужъ пенсово ее волотилъ), я нашелъ это несправедливымъ. Сварливость жены, по отъѣзду самого мужа и сосѣдей, проявилась только въ послѣдніе два года. Замужемъ она 15-ть лѣтъ и все время жила съ мужемъ согласно. Работницы у нихъ никогда не было. Я думаю, что бѣдная женщина просто устала. На судѣ она съ воплями и слезами объявляетъ, что къ мужу ни за что не пойдетъ—довольно онъ ее билъ.

Мужъ соглашается отпустить ее, но безъ жены ему никакъ нельзя, а денегъ у него на это нѣтъ, и потому онъ требуетъ возвращенія калыма.

— Ты хочешь, чтобъ жена вмѣсто себя поставила тебѣ другую?

— Зачѣмъ, и самъ найду.

— Хорошо; ты найдешь себѣ другую жену, а взгляни: можетъ ли твоя жена найти себѣ другого мужа? Она уже стара ¹⁾, непосильная работа и нужда стубили ея красоту прежде времени. Кто ее возьметъ? Будетъ она жить у родныхъ... тамъ работницъ много... она отдохнетъ—вотъ и весь ея барышъ. Откуда ей взять денегъ? Если бы она была помоложе—можетъ быть кто-нибудь и нашелся бы внести за нее твой калымъ, да и то за *женщину*, самъ знаешь, цѣна не та, что за дѣвушку.

— Ну, хорошо, сбавлю, такъ и быть, пять тиллей (19 руб.),—объявляеть мужъ.

— Сколько же всего тебѣ придется?

— Да вотъ считайте: калыму двадцать тиллей (76 рублей), лошадь, два адрасовыхъ халата и три простыхъ, три барана, батманъ брѣнчу.

— Хорошо: 76 да 40—вѣдь лошадь не то, чтобы очень уже хорошая? да 22 за халаты, да 9 за барановъ, да 6 за рись—всего 153 рубля. — Пять тиллей ты сбавляешь—остается 134. Сочтемъ теперь сколько *ты* ей долженъ.

— Я ничего не долженъ.

— Вотъ сейчасъ посмотримъ. Сколько стобитъ нанять работницу на мѣсяць?—обратился я къ казіямъ.

— Смотри какая—дешевле пяти козановъ (коканъ равенъ 20 копейкамъ) нельзя.

— Мнѣ кажется, это вы сказали дешево: вѣдь у насъ простой мердеваръ (чернорабочій) получаетъ въ день не менѣе кокана, значить въ мѣсяць до 6-ти рублей, а по вашему счету бабѣ придется за весь день только 3 копейки!—Но, хорошо—положимъ и такъ. Въ годъ значить 12 рублей.—Ты вѣдь до сихъ поръ не жаловался на лѣдность жены?—спросилъ я мужа.

— Да что-жъ—ничего, работала, что нужно.

— Я вѣдь знаю, *какъ* у васъ работаетъ женщина: ты толчешься на базарѣ, а прѣхалъ домой—сейчасъ на-бокъ, отдыхать отъ великаго труда; жена толчетъ въ ступѣ просо тазелымъ пестомъ, а ты и не пошелохнешься помочь.

— Мужчинѣ это неприлично.

¹⁾ Дѣвушки выходятъ замужъ нерѣдко 12—13-ти лѣтъ. Немудрено, что въ 25 лѣтъ онѣ уже старухи.

— Такъ, вотъ если ужъ считать твою жену *женою*, то какъ *работницею* ты долженъ бы ей платить 12 р. въ годъ, а въ 15 лѣтъ это выйдетъ 180 рублей. Скинемъ два года, что ты не доволенъ ею, остается 156 рублей. Молодость ея, красота, которую ты у нея взялъ—это все не въ счетъ. За одну работу ея ты уже долженъ 156 рублей. Она же должна только 134—значитъ за тобой остается еще 22 рубля.

Поручивъ муллѣ Назару покончить дѣло такъ, чтобы женѣ ни въ какомъ случаѣ не пришлось приплатить, я вышелъ на свѣжій воздухъ.

Черезъ полчаса старикъ разыскалъ меня въ саду и показалъ листокъ, покрытый печатами членовъ съѣзда; самая крупная и выше всѣхъ приложенная—это его собственная.

— Десять тиллей рѣшили въ пользу мужа... пусть ему половину калыма вернуть...—несмѣлымъ голосомъ заговорилъ мулла.

— Дай-ка сюда приговоръ,—протянулъ я руку; пойдн теперь въ мехкеме, да и скажи казіямъ, чтобы составили другой—жена не должна платить за свои пятнадцать лѣтъ службы и за побои. Такъ и сдѣлано.

Были и такіе случаи, что мужъ и самъ не хотѣлъ оставлять у себя жену, за ея благосклонность ко всѣмъ холостымъ, и требовалъ только возврата ему калыма. Если показанія сосѣдей подтверждали доводы мужа, то обыкновенно дѣло рѣшалось въ его пользу, и родственники жены присуждались къ уплатѣ (почти всегда съ рассрочкой) болѣе или менѣе значительной части калыма, смотря по числу прожитыхъ супругами лѣтъ. Чѣмъ дольше *служила* жена, тѣмъ меньше она платитъ мужу при разводѣ.

Разъ въ улицахъ Той-Тюбе съ утра пошла суматоха, слышалась перебранка, шумъ и крики. Прибѣжалъ курбашъ и объявилъ, что народъ волнуется и что дѣло идетъ о какой-то женщицѣ, уведеной ночью изъ савли мужа русскими...

Обстоятельство не изъ всеневныхъ. Предупредивъ караулъ и казачью сотню, чтобы держали ухо востро, я вышелъ къ толпѣ и вызвалъ обиженныхъ и ихъ свидѣтелей въ мехкеме. Оказалось, что потерпѣвшій—молодой и красивый сартъ, служившій джигитомъ при уѣздномъ начальницѣ. Джигитъ этотъ всего мѣсяць какъ женился, и говорили, на красивой дѣвушкѣ. Виновниками всей суматохи оказались два татарина, служившіе вольнонаемными писцами въ уѣздномъ управленіи.

Одинъ изъ этихъ пшцовъ титуловался княземъ¹⁾ и (законно: такъ значилось и въ паспортѣ) получивъ образованіе въ какомъ-то кантонистскомъ батальонѣ, былъ довольно бойкій малый. Этотъ - то князь и наблюдалъ. Живя по сосѣдству съ Али-берди (имя джигита), князь видѣлъ черезъ недоконченный заборъ его жену и какъ-то такъ условились. Мужъ рѣдко ночевалъ дома и проводилъ ночи въ чай-ханѣ своего отца. Воротившись ранѣе обыкновеннаго онъ не нашелъ жены, разбудилъ домашнихъ, обыскалъ весь садъ и съ толпою проснувшихся сосѣдей приступилъ къ дому, гдѣ жили татары, но тѣ заперлись. Улучивъ минуту, когда толпа отошла, жена проскользнула въ свою саклю и тамъ сплела исторію: какъ она вышла въ садъ за «дѣломъ», какъ ее подсторожили татары, завязали ротъ и утащили къ себѣ...

Въ разсказѣ не было ничего неправдоподобнаго, а мужу и роднымъ пріятнѣе было вѣрить въ фактъ насилія, чѣмъ обоюднаго согласія...

Татары сознались въ «грѣхѣ», но ни похищенія, ни насилія, по ихъ словамъ, тутъ не было. Надобно было отправиться на мѣсто дѣйствія. Замять дѣло не было никакого резона, да я и не хотѣлъ, чтобы не прибавить еще раздраженія въ народѣ. Героиня оказалась весьма сконфуженной и путала показанія. Я удалилъ ее мужа и родныхъ, указавъ ей несообразности въ ея разсказѣ (зачѣмъ ночью она выходила за дѣломъ не туда, куда ходитъ днемъ; отчего не крикнула; отчего подъ деревомъ близъ арыка трава сильно примята и тутъ ея шелковый платокъ; зачѣмъ ночью она выходила въ лучшемъ своемъ платьѣ и въ шелковомъ платкѣ и т. п.), обнадежилъ ее, что не дамъ ее въ обиду и, наконецъ, вызвалъ обстоятельный разсказъ всего происшествія.

По ея словамъ, мужъ долго былъ бачей въ разныхъ чайныхъ и въ томъ числѣ у своего отца... Женясь на ней, чтобы имѣть въ домѣ помощницу для его матери, онъ почти весь день проводитъ на базарѣ, а ночью спитъ въ лавкѣ, балагуритъ съ гостями и воспоминаетъ холостую жизнь... Ей всего пятнадцать лѣтъ, и она желала бы видѣть въ мужѣ побольше нѣжности.... Онъ

¹⁾ Въ Казани цѣлая слобода такихъ князей. Въ народѣ слово князь сдѣлалось синонимомъ татарина. Когда хотѣтъ сдѣлать ему любезность, называютъ княземъ. «Эй князь, что покупаешь?»—Наиболѣе сообразительнае изъ нихъ принимали крещеніе, женились на русскихъ купчихахъ и стали основаніе русскимъ, уже княжескимъ родамъ.

пропустилъ уже не одну *пятницу* ¹⁾... Быть замужемъ и спать одной ей тяжело...

Вотъ почему она пошла на свиданіе съ сосѣдомъ; да она и сосѣдъ уйдетъ, потому что жить съ мужемъ не хочетъ: бачи никогда не бываютъ хорошими мужьями... Оставалось теперь, чтобы женщина повторила весь рассказъ при судѣ. Для этого ее надобно было изъять изъ семьи мужа, поставить ее внѣ вліянія обиженной стороны. Курбашъ охотно согласился взять женщину къ себѣ на поруки, а я послалъ въ Ташкентъ нарочнаго къ уѣздному начальнику, который прискакалъ немедленно и тотчасъ посадилъ подъ арестъ татарскаго донъ-жуана. На другой день женщина подтвердила всѣ свои показанія и просила развода. Мужъ охотно согласился на это и получилъ, по приговору суда, весь свой калымъ и всѣ свои издержки. Часть этого штрафа долженъ былъ внести злополучный князь, котораго затѣмъ и вприводили въ Ташкентъ съ джигитомъ. Тѣмъ и кончилось дѣло, грозившее сначала большими неприятностями.

Иногда на судѣ вдругъ, и совершенно случайно, открывались самыя сокровенныя подробности, помимо желанія самихъ сторонъ. Явилась, напримѣръ, очень молодая женщина (лѣтъ пятнадцати), бывшая уже годъ замужемъ, съ жалобой, что мужъ приковываетъ ее къ ножкѣ кровати, когда уходитъ изъ дому. На рукахъ и ногахъ ея дѣйствительно видны слѣды отъ натертыхъ кандалами ранъ. Мужъ оправдывается тѣмъ, что жена безпрестанно отъ него бѣгаетъ, то къ матери, то къ кому-нибудь изъ родныхъ знакомыхъ, иногда и просто прячется въ саду.

Что за причина такого необыкновеннаго отвращенія? Мужъ — статный, красивый и еще молодой человекъ, характера по-видимому вовсе не суроваго. Сосѣди и старшины отзываются о немъ одобрительно. Жена сознается, что она дѣйствительно бѣгала нѣсколько разъ, но объясняетъ это простымъ нерасположеніемъ. виноваты, значить, обѣ стороны — какъ же рѣшить вопросъ о калымѣ? Мужъ считаетъ себя совершенно правымъ, но не обвиняетъ жену ни въ распутствѣ, ни въ сварливости. Очевидно, что осталось что-то недосказаннымъ. Теряясь въ догадкахъ и безплодныхъ разспросахъ, я однако же освѣдомился на всякій случай: когда жена убѣжала въ первый разъ? Оказалось, что въ первую же ночь...

Одинъ изъ присутствовавшихъ старшинъ замѣтилъ при этомъ,

¹⁾ Если мужъ небрежно исполняетъ свои обязанности, то уже въ пятницу онъ долженъ быть исправенъ, а не то жена можетъ жаловаться казію.

что и мать ея, сидѣвшая тутъ же рядомъ съ дочерью, постоянно бѣгала отъ мужей, семь разъ разводилась и теперь замужемъ уже за восьмымъ.

— Да что она?—спросилъ я.

— Нѣтъ, совсѣмъ не то—сама даже отказывалась отъ брака, да родные уговаривали, а мужа хорошій калымъ давали... сами дураки за нею ухаживали.

— Что такъ?—обратился я къ этой матери.

— Да такъ,—съ улыбкой отвѣчала она.

— Ты не знаешь, что за причина?—снова обратился я къ словоохотливому старшинѣ.

— Правду сказать, такъ она только красива, а то не годится...—отвѣтилъ тотъ съ усмѣшкой.—У пятерыхъ мужей она все была дѣвкой, а не бабой,—добавилъ онъ.

Женщина, о которой шла рѣчь, бойко поглядывала на присутствующихъ и весело улыбалась. Она все еще довольно красива и одѣта опрятно и даже нарядно.

— Можетъ быть, и твоя жена *не ходится*?—спросилъ я мужа истицы.

Тотъ улыбнулся и взглянулъ на жену. Бѣдная покраснѣла, опустила голову и закрылась длиннымъ рукавомъ рубашки.

Понемногу, слово за словомъ, мужъ рассказалъ, наконецъ, что жена его до сихъ поръ еще дѣвица, что она плачетъ, кричитъ, кусается; что ее бралась *лечить* какая-то знахарка, такъ же, какъ «лечили» ея мать, но что жена все боится «лечения».

Дѣло шло, очевидно, о какомъ-то физическомъ недостаткѣ...

Я спросилъ мужа: зналъ ли онъ, сказали ли ему родные жены объ ея недостаткѣ?

— Нѣтъ, не зналъ и никто ничего не сказалъ... обманули кругомъ..

Мнѣ казалось справедливымъ рѣшить дѣло въ пользу мужа, который, съ своей точки зрѣнія, купилъ не то, что торговалъ, или «за свои гроши, да купилъ себѣ бѣду». Къ тому же еще, жена возвращалась къ своей матери дѣвушкою.

Такъ съѣздъ и постановилъ: мужъ получилъ назадъ калымъ, а издержки его пропали даромъ, за то, что онъ надѣвалъ на жену кандалы.

Замѣчательно, что тутъ же нашелся любопытный, который потомъ предложилъ матери внести за нее прежнему мужу калымъ, и на другой или третій день праздновалъ свадьбу... Молодая ушла и отъ этого любителя... Тотъ однакоже не унывалъ, отшучивался, какъ умѣлъ, отъ своихъ друзей, и наконецъ,

уговорилъ-таки жену согласиться на какую-ту операцію. Послѣ этого молодые жили уже весьма согласно.

Обычай жениться по наслѣдству, на вдовѣ брата, приводитъ иногда также къ разнымъ семейнымъ несогласіямъ. Мы уже говорили выше, что одинъ такой мужъ убилъ свою, «унаслѣдованную» отъ брата, жену изъ ревности къ покойному. Совершивъ преступленіе, несчастный ревнивецъ бросился бѣжать изъ кибитки (дѣло происходило во время уборки хлѣба); зоркіе сосѣди замѣтили въ этомъ обстоятельстве что-то необычайное и навѣдались въ его кибитку, а затѣмъ верхами поскакали за преступникомъ.

Бѣдный, съ блуждающимъ взоромъ и нервическою дрожью во всемъ тѣлѣ—стоялъ передо мною убійца.

— За что ты убилъ жену?

— Это не я.

— Твоя рубашка въ крови, твой серпъ въ крови, кибитка твоя стоитъ отдѣльно и всѣ были на работѣ—ты одинъ ушелъ съ поля и всѣ это видѣли; затѣмъ ты бѣжалъ и прятался отъ людей. Значить, это ты...

— Это не я...

— Кто же?

— Не знаю—можетъ быть, шайтанъ.

— Ты ли, шайтанъ ли—мнѣ все равно. Если шайтана не поймутъ, то отвѣчать будешь одинъ ты.

Убійца нервически улыбнулся и, успокоившись нѣсколько разрѣшеніемъ сѣсть, предложеніемъ ставана воды и вообще ободрающею обстановкой нашего судьянца, сталъ понемногу отвѣчать на вопросы: на комъ былъ женатъ, хорошая ли была жена, все ли дѣлала, что нужно по хозяйству и т. п. Сосѣди отозвались о преступникѣ, какъ о смирномъ и кроткомъ человѣкѣ. Со времени женитьбы онъ сталъ задумчивъ болѣе обыкновеннаго, во съ женой былъ ласковъ и шума у нихъ никогда не слыхали.

— Вотъ, всѣ твои знакомые отзываются о тебѣ, какъ о хорошемъ человѣкѣ,—обратился я къ преступнику;—теперь я вижу, что тутъ не твоя вина... вижу, что виноватъ одинъ шайтанъ... Расскажи же намъ, какъ онъ тебя подвелъ?

— Жена меня не любила, все плакала по братѣ. Что я ни дѣлалъ—все не помогало, все она плакала, все вспоминала о прежнемъ мужѣ... Обидно это... Думалъ, думалъ я,—ничего не придумаю... Смотрю, а на мѣ кровь... я испугался и побѣжалъ...

— Когда ты воротился съ поля, что ты сказалъ женѣ?

— Я прошу ея не вспоминать мнѣ о братѣ и любить меня хоть немного...

— Что же она?

— Она опять заплакала... Смотрю, а на мнѣ кровь... я испугался и побѣжалъ...

Причина этого несчастія была ясна. Но все же пришлось передать дѣло судебному слѣдователю, и «несчастный» пошелъ въ каторгу.

Женщинамъ большею частью не легко переходить по наследству отъ брата къ брату. Если даже о любви не было и помину, что при закрытыхъ лицахъ весьма возможно, то все-таки легко могла явиться хоть простая привычка, да, наконецъ, быть вещью, переходить, какъ халатъ, съ одного плеча на другое, служить, какъ лошадь, поочередно всякому, кто взялъ нагайку — все это, конечно, не можетъ пройти безъ протеста, хотя бы и затаеннаго въ глубинѣ души. Менѣе терпѣливыя протестуютъ вслухъ и нерѣдко обращаются къ суду. Разъ мнѣ пришлось разбирать дѣло о насильственномъ совершеніи брака съ такою вдовою. Истица, по обыкновенію, явилась въ отрепьяхъ и жаловалась, что братъ ея покойнаго мужа держалъ ее взаперти, морилъ голодомъ, грозилъ всячески и, наконецъ, принудилъ согласиться на бракъ. Мулла, призванный для этого, зналъ о насиліи, но поддержалъ мужа.

Доказать все это, конечно, было нечѣмъ: и мужъ и мулла увѣряли, что истица сама желала вступить въ бракъ и просила ихъ о томъ. Жена возразила стереотипною фразою, что мужъ ее не кормитъ, не одѣваетъ и въ подтвержденіе сослалась на то, что она «вторая» и потому въ загонѣ; а кромѣ ихъ семья состоитъ еще изъ матери и младшаго брата — всего изъ пяти членовъ, поэтому мужъ не въ силахъ содержать ихъ всѣхъ какъ слѣдуетъ.

Мужъ отвѣтилъ, что все это ложь и что онъ достаточно богаты, чтобы содержать семью. Это подтвердилъ и аксакаль.

Со стороны истицы былъ только ея братъ, который, конечно, ее и поддерживалъ. Скромный костюмъ мужа и вообще какой-то угнетенный видъ его давали скорѣе право заключить объ его бѣдности, чѣмъ излишествахъ, но какъ удостовѣриться? Не ѣхать же къ нему въ гости за 70 верстъ. Тутъ мнѣ пришла мысль рѣшить задачу съ опредѣленія цифры дохода мужа.

— Исправно платить онъ подати? — спросилъ я аксакала.

— Очень исправно.

— Торговлей не занимается?

— Нѣтъ, только земледѣлемъ.

— Сколько платитъ въ годъ хераджа и танапа? ¹⁾

— Рублей шесть.

— Подать составляетъ одну десятую съ урожая. Если подать кого въ *шесть* рублей, значить урожай цѣнился въ *шестьдесятъ*. Итакъ, на *шестьдесятъ* рублей надобно кормиться пятерымъ, надобно имъ одѣться, да надобно держать лошадь, ворову... Большое ли это богатство?

— Пять рублей въ мѣсяцъ, какое же богатство!— воскликнулъ мулла Назаръ.

— Я и самъ полагаю, что тутъ о второй женѣ нечего и думать. Двѣ жены — это росеешь, которую можетъ позволить себѣ только богатый, а на пять рублей и одну-то жену дай Богъ продержатъ безъ нужды... Поэтому я вѣрю женщинѣ: мужъ действительно *не можетъ* ее ни кормить, ни одѣвать, какъ слѣдуетъ, а по мусульманскому закону это совершенно достаточно для развода.

— Другъ (правда),—подтвердилъ мулла Назаръ.

— Получивъ жену по наслѣдству, мужъ не платилъ калыма и потому вопросъ упрощается: счетовъ никакихъ, и отнынѣ жена свободна,—заклучилъ я.

Кажется, я исчерпалъ уже всѣ случаи, ведущіе здѣсь къ жалобамъ и разводу. Скажу въ заключеніе, что новый проектъ напрасно изъясилъ семейныя дѣла изъ вѣдѣнія уѣздной администраціи. Судья до сихъ поръ весьма рѣдко выѣзжалъ изъ своей резиденціи, тогда какъ уѣздный начальникъ волей-неволей *долженъ* разъѣзжаться по уѣзду, а въ семейныхъ расправахъ именно важно, чтобы третейскій судья (настоящая роль уѣзднаго начальника въ этомъ случаѣ) самъ являлся, гдѣ онъ нуженъ, а не ждать, когда къ нему пріѣдутъ просители. Женщинѣ уйти отъ жестокаго мужа да еще за двѣсти-триста верстъ — дѣло трудное, и я увѣренъ, что, съ передачей бракоразводныхъ дѣлъ вѣдѣнію уѣздныхъ судей, число самыхъ дѣлъ уменьшится и, значить, уменьшится и благотворное вліяніе русскихъ на семейный бытъ туземцевъ, на положеніе женщины и смягченіе нравовъ.

Составителями проекта, конечно, руководило желаніе провести къ концу идею о раздѣленіи судебной и административной вла-

¹⁾ *Хераджъ*—десятое зерно зернового хлѣба (пшеница, рисъ, горохъ и т. д.); *танапъ*—десятая часть остальныхъ произрастеній, не сыпучихъ, напримѣръ, арбузы, шуградь, хлопковъ, табакъ и т. д.

стей; но вѣдь это — послѣднее слово цивилизаціи, а здѣсь мы едва только заикнулись на первомъ!

Именно, заикнулись...

Говорять въ отвѣтъ, что судьямъ будетъ поставлено въ непремѣнную обязанность: разѣзжать по уѣздамъ въ назначенные сроки. Это, конечно, было бы хорошо, но едва ли будетъ въ точности исполняться.

Если боятся, что уѣздные начальники, какъ не-юристы, будутъ судить вкривь и вкось, каждый молодецъ на свой образецъ, то вѣдь и судьи туркестанскаго края почти всѣ изъ фронта или изъ чиновниковъ, никогда прежде не мечтавшихъ о судейской карьерѣ, никогда не подозрѣвавшихъ, что они тоже юристы!

При третейскомъ разбирательствѣ нужны главнымъ образомъ здравый смыслъ и добросовѣстность. Если этихъ качествъ не замѣчаютъ въ уѣздныхъ начальникахъ, то зачѣмъ ихъ терять на службѣ? Третейскимъ судьей можетъ быть каждый, въ кому обратятся стороны, и я полагаю бы нисколько не вреднымъ, чтобы семейныя распри могли улаживаться не только судьи, но также и администрація. Вѣдь на обязанности послѣдней лежитъ *предупрежденіе* преступленій, а что же это, какъ не предупрежденіе, если я отниму у палача его жертву?

Много кровавыхъ трагедій можетъ остановить власть, являющаяся во-время. Я полагаю бы даже, что нѣкоторую дозу ответственности за каждое несчастіе долженъ бы нести аульный старшина у киргизовъ и аксакалъ у сартовъ. Въ деревнѣ каждому извѣстно, кто какъ живетъ, какъ обращается съ женой. Старшина долженъ принимать мѣры противъ несчастій, долженъ увѣдомлять волостного о жестокомъ обращеніи мужей, долженъ содѣйствовать женѣ, желающей принести жалобу на мужа, долженъ покровительствовать ей. Когда такой порядокъ установится, когда къ нему привыкнутъ, тогда станетъ безразлично, уѣздный ли начальникъ, судья ли или даже его письмоводитель будутъ вершить бракоразводныя дѣла. Надо полагать, что и самыхъ дѣлъ возникать будетъ мало, потому что узда, наложенная на мужей возможностью потерять и жену и свои деньги, конечно, заставитъ ихъ быть справедливей къ женамъ, а женщина по-немногу сброситъ съ себя цѣпи рабства.

Чтобы народъ видѣлъ въ нашемъ судѣ дѣйствительно судъ скорый, какъ уже видитъ въ немъ судъ правый и милостивый — надобно имѣть побольше органовъ суда въ уѣздахъ. Здѣшніе уѣзды не то, что въ европейской Россіи, а пожалуй будутъ и вчетверо больше. Если еще принять въ соображеніе, что судопроизводство

затрудняется необходимостью вести каждое дѣло на двухъ языкахъ, что по меньшей мѣрѣ требуетъ *одное болѣе* времени, то недостаточность одного судьи на уѣздъ будетъ очевидна.

Что же сказать о такомъ ненормальномъ явленіи, какъ *общій судья* для города Ташкента и для Кураминскаго уѣзда? Судебный слѣдователь также *общій*. Обиліе занятій по городу ведетъ къ тому, что слѣдователя иногда ничѣмъ не вызовешь на производство слѣдствія, и дѣло, «не терпящее отлагательства», съ горячими слѣдами и т. д., *откладывается* въ долгій ящикъ и *стынетъ* вмѣстѣ съ довѣріемъ къ нашей энергіи...

Кромѣ того, одна пересылка свидѣтелей, а также отвѣтчиковъ съ окраинъ уѣзда въ Ташкентъ—стоитъ и времени, и денегъ, и немалой переписки, и нарядовъ войскъ въ конвой (къ арестованнымъ отвѣтчикамъ). Отдаленность резиденціи русскаго судьи заставляетъ стороны обращаться къ своимъ бѣимъ и казіямъ, значеніе, вліяніе которыхъ и замѣтно, въ особенности на окраинахъ. Такимъ образомъ, кругъ дѣятельности народныхъ судей расширяется здѣсь въ ущербъ значенію и вліянію русскаго права. Главное условіе судопроизводства—простота и незатѣйливость обрядовъ, а слѣдовательно и скорость. Хитрая процедура и разныя инстанціи способны охладить къ суду даже и не такихъ первобытныхъ людей, какъ туземцы. Безпрестанная пересылка плутихся отъ одного лица къ другому, при разстояніяхъ, мало располагающихъ къ прогулѣ, поневолѣ заставитъ народъ предпочесть свой домашній судъ, несмотря даже на нѣкоторые его недостатки.

Главную заботу уѣздной администраціи составляетъ пока сборъ податей, затѣмъ «отписки» по входящимъ нумерамъ, и наконецъ тишина и спокойствіе въ народѣ. Благосостояніе народа, нужды его—последнее, о чемъ здѣсь думаютъ.

Безнедоимочный и своевременный сборъ податей—это «злоба дня» и мѣрило степени годности уѣзднаго начальника. Не мудрено поэтому, что это дѣло стоитъ на первомъ планѣ. Система податей—въ видѣ процента съ дохода, а не съ капитала—въ сущности весьма справедлива (и большой капиталъ можетъ не давать никакого дохода,—какъ, напримѣръ не дѣйствующая фабрика), но когда дѣло идетъ о доходѣ съ земледѣлія, то вопросъ значительно усложняется.

Какъ опредѣлить раньше уборки хлѣба десятую часть урожая? Надобно, во-первыхъ, знать: сколько засѣяно земли, какимъ продуктомъ, сколько пошло зерна на посѣвъ, а во-вторыхъ, какъ

хороши всходы, полонъ ли колосъ, можно ли ожидать до уборки особенной засухи. Чтобы по урожаю опредѣлить доходъ, надобно еще вычесть расходы по обработкѣ земли, сообразить, какъ хорошъ урожай во всемъ краѣ и какія могутъ быть, поѣтому, цѣны. Сборщики податей изъ туземцевъ едва въ состоянн справиться и съ одною какою-нибудь частью этой обширной задачи. Вычислить площадь даннаго участка не всегда подъ силу и знающему топографу, а тутъ еще поля разбиты на такія неправильныя вѣтки, треугольники, трапеци, что, какъ говорится, «чортъ ногу сломить». Плановъ никакихъ, времени для оцѣнки урожая и раскладки податей сообразно съ нимъ весьма мало, участки сборщиковъ велики—что тутъ дѣлать?

А глазомѣръ на что?

Такъ «на глазъ» опредѣляются площади обработанной земли, на глазъ же прикидывается урожай, на глазъ вычисляется доходъ, на глазъ назначается цифра хераджа и танапа!

Сборщики всегда жили хорошо, благодаря глазомѣру: сколько именно слѣдуетъ сдать въ казну,—они отлично умѣли прикинуть на глазъ.

Для отчетности, вмѣстѣ съ деньгами, представлялась обыкновенно длинная хартія, изъ склеенныхъ въ видѣ ленты листовъ бумаги: это былъ списокъ земледѣльцевъ, противъ каждаго изъ которыхъ представлялось число обработанныхъ имъ танаповъ земли и количество внесенной имъ подати. Рассказываютъ, что пока хартія переходила, бывало, по инстанціямъ изъ рукъ въ руки, то кто-нибудь и удосужится вырѣзать въ серединѣ нѣсколько листовъ, затѣмъ склеить концы и передаетъ «сокращенную» хартію слѣдующему... Казна, послѣ этой стрижки, конечно, получила «нѣсколько» менѣе. Не знаю, насколько этотъ рассказъ достоверенъ, но, принимая во вниманіе, что хартіи писались на туземныхъ нарѣчійхъ, что переводить ихъ было некому, значить и контролировать не было возможности,—принимая все это во вниманіе, невольно повѣришь правдоподобному разсказу. Тутъ еще на подкрѣпленіе являются такія цифры, какъ 82 тысячи, внесенныя кураминцами въ 1867 году, то-есть до реформы и 224 тысячи, внесенныя въ 1868, *посль* ея. Какъ же собирались деньги, какъ сдавались и полностью ли,—поневоля возьметъ раздумье.

Теперь сборы сдѣлались *окладными*: каждая волость знаетъ, сколько она должна доставить. До организаціи же все зависѣло отъ сборщика: онъ представлялъ только то *меньшее*, чего ужъ не могъ не представить. Значить, если начальникъ былъ строже,

требовательнѣе, сердитѣе—то сборы возрастали, а нѣтъ, то и держались на минимумѣ. Сами туземцы удивлялись нашему неумѣнью брать все, что слѣдовало: Ташкентъ при бегахъ, говорятъ, давалъ чуть не въдесятеро больше, чѣмъ при Сѣровѣ ¹⁾... Для надзора за сборщиками въ кураминскомъ уѣздѣ была принята слѣдующая мѣра: члены одной думы посылались въ районъ другой, а члены этой въ районъ третьей, такъ что обмана тутъ не происходило, обманъ былъ затрудненъ. Члены разъѣзжали по чужимъ волостямъ, гдѣ они нисколько не заинтересованы потворствовать ради будущихъ выборовъ и подмѣчали неправильности раскладки, утайку податей и пр.

Съ этою же цѣлью посылались и джигиты, служившіе по найму при уѣздномъ начальникѣ. Казалось бы, что за находка служить за 20 рублей на всемъ своемъ, да еще коннымъ? А между тѣмъ охотниковъ являлось много и за цѣну въ половину меньшую: весь секретъ въ томъ, что джигиты, такъ сказать, «чиновникъ особыхъ порученій» и въ своемъ муравейникѣ приобрѣтаютъ значеніе. Посланный съ какимъ-нибудь порученіемъ отъ уѣзднаго начальника, джигитъ вездѣ почетный гость, распросамъ нѣтъ конца, угощеніямъ тоже. Хорошо исполненное порученіе приноситъ халатъ, денежную награду, а тамъ, впереди, мерещатся: почетные халаты съ галунами, медаль въ петлицу, медаль на шею... вотъ и «почетный туземецъ»!

Быть честнымъ, хоть на первое время, гораздо выгоднѣе, чѣмъ плутовать. Это отлично подмѣтили туземцы, и пользуются случаями отличиться. Многіе изъ насъ, по законно приобрѣтенной недовѣрчивости, никакъ не могутъ допустить мысли, чтобы человекъ, получающій ничтожное вознагражденіе, устоялъ отъ соблазна. Можно ли нанять честнаго человека въ конные разсыльные за 20 рублей?

Да, можно. Джигиты идутъ не за 20 р., а за маленькій почетъ и за большія надежды. Плохъ тотъ солдатъ, который не надѣется быть генераломъ—плохъ тотъ джигитъ, который не надѣется быть волостнымъ! Нѣсколько примѣровъ уже есть, что джигиты дѣлались членами думы и волостными, а шагнуть «изъ ничего въ люди»—хоть кого заставить поразмыслить. Всѣ преступники—плохіе счетчики: не разочтеть всѣхъ шансовъ и бухветъ. Честнымъ быть не только спокойнѣе, но и выгоднѣе. Порядочный джигитъ поступаетъ съ расчетомъ, и глядишь, не ошибся.

Такихъ джигитовъ уѣздный начальникъ держалъ шесть, полу-

¹⁾ Замѣнителъ по казанскому дѣлу офицеръ уральскаго войска.

чая на нихъ и отъ казны (въ общей суммѣ на канцелярію) и отъ хозяйственныхъ управленій. Два джигита назначались въ старшему помощнику. Каждый волостной получалъ деньги на двухъ джигитовъ, изъ нихъ одинъ командировался черезъ два мѣсяца въ третій къ уѣздному начальнику. Значитъ, треть года джигитъ волостного въ отсутствіи. Изъ 28 волостей ежемѣсячно доставлялся, значитъ, контингентъ въ 9 джигитовъ, смѣнявшихъ предшествовавшую серію.

Полицейскій надворъ въ большихъ селеніяхъ поручался такъ называемымъ *курбашамъ*, имѣвшимъ также по два джигита. Курбаша поставлены были: въ Той-Тюбе, въ Бискентѣ, въ старомъ Ташкентѣ и въ старомъ Чиназѣ.

На канцелярскіе расходы отпускается въ мѣсяць 66 р. 66 к. Переписка же доходитъ теперь до четырехъ тысячъ исходящихъ номеровъ въ годъ. Цифра росла прогрессивно: въ 1868 году входящихъ номеровъ было 1,487, исходящихъ 1,597, а въ 1869 — первыхъ было 1,940, а вторыхъ — 2,160. Прибавьте къ этому веденіе журналовъ, отчетности и т. п., то окажется, что менѣе трехъ писцовъ держать нельзя. Затруднительность имѣть вообще что-либо порядочное, да еще на мизерныя средства, которыми располагаетъ уѣздный начальникъ — ставить канцелярію подъ часъ въ весьма непріятное положеніе, и дѣлопроизводство, конечно, должно прихрамывать.

Всѣ управленія наперерывъ стараются сманить одно отъ другого порядочнаго писца. Сманить можно, конечно, увеличеніемъ жалованья, и вотъ нѣкоторые ташкентскіе писцы получаютъ до 35 р. въ мѣсяць. Другіе, служа гдѣ-нибудь въ казенномъ управленіи (штабъ, интендантство и т. п.), ходятъ еще «на вечернія занятія» въ какую-нибудь палату и за это получаютъ до 25-ти рублей. Понятно, что съ богатыми палатами уѣздный начальникъ тягаться не можетъ и потому поневолѣ довольствуется «бракомъ» — какими-нибудь запивохами. Такой молодецъ занимается, конечно, периодически: день работаетъ — день *болитъ*.

Въ виду такого порядка вещей является необходимость увеличить сумму, отпускаемую на канцелярскіе расходы. Казенные писаря и безъ того отнимаютъ у государства множество рукъ, и потому желать ихъ для уѣздныхъ управленій едва ли слѣдуетъ.

На пониженіе цѣны можетъ, конечно, вліять и болѣе правильное отношеніе между спросомъ и предложеніемъ; но это правильное отношеніе само собою не явится, потому что на писарское амплуа въ такую даль нѣкто добромъ не поѣдетъ. Здѣсь

было бы для всѣхъ безразлично: добромъ ли, зломъ ли приве-
денъ сюда человекъ—лишь бы работалъ исправно.

Для простой ссылки на житье туркестанскій край совершен-
но удобенъ. Спросъ на писцовъ, прислугу, мастеровыхъ—обез-
печиваетъ порядочному ссылному вѣрный кусокъ хлѣба. Мало
ли какія обстоятельства стащить человека съ прямого пути. Но-
вая обстановка, новые люди, которые не знаютъ, да и не инте-
ресуются знать его прошедшее—все это въ состояніи поставить
на ноги потерпѣвшаго крушеніе чиновника, свихнувшагося ма-
стерового и прочихъ.

Въ обществѣ впрочемъ привыкли смотрѣть на Ташкентъ (въ
смыслѣ нарицательномъ), какъ на мѣсто ссылки, но это—другое
дѣло. Разныя «неповорныя дѣти» посылаются сюда отцами «на
исправленіе». Запутавшіеся въ сѣтяхъ собственныхъ векселей,
разные «несостоятельные офицеры» обрезаютъ себя на добро-
вольное изгнаніе, отправляясь въ ссылку въ Ташкентъ же. Семей-
ныя неудачи, «несчастіе въ товарищахъ» (понимайте: остра-
шить)—все это такъ и тянетъ въ Ташкентъ!

Насколько «исправляются» неповорныя дѣти, пусть сважутъ
отцы. Мы не станемъ перечислять всѣхъ бѣдныхъ «дѣтей», за-
щитившихъ жизнью за это исправленіе, но предостережемъ от-
цовъ отъ такой мѣры.

Люди, не способные къ труду, не приученные къ нему, люди
привыкшіе къ «компаніи», промотавшіе на своемъ вѣку не одну
тысячу маменькиныхъ денегъ—такіе люди въ Ташкентѣ не исправ-
ляются. Правда, расходы ихъ значительно сокращаются, но един-
ственно потому, что шампанское замѣняется спиртомъ.

Зато кто труда не боится, а главное *не стыдится*, тотъ легко
найдетъ здѣсь работу. Кто не слышалъ въ Ташкентѣ объ изво-
шкѣ съ титуломъ барона?..

Мы знаемъ теперь средства уѣзднаго начальника по отноше-
нію къ сборамъ податей, поддержанію порядка и «отписки». Пусть не думаютъ, что «отписка»—вздоръ, что дѣльному чело-
вѣку некогда тратить время на «казенную литературу». У насъ
были такіе уѣздные начальники, которые пробовали отмалчиваться,
но это удавалось только сначала—теперь всѣ неопустительно
«спускаютъ» номера:—отвѣтилъ, и правъ.

Посмотримъ же, какъ приходится *управлять* уѣздомъ ны-
нѣшнему начальнику.

Территоріи уѣздовъ болѣею частью громадны. Кураминскій
уѣздъ не изъ самыхъ крупныхъ, а въ немъ 520 квадр. миль!
Для наглядности уважемъ только, что московская губернія только

немногимъ больше — въ ней 596 кв. миль. Тульская имѣтъ 552 кв. м. Эстляндская меньше Курамы на 165 кв. м. Каждая изъ польскихъ губерній если не на треть, то въ половину меньше. О мелкихъ княжествахъ и герцогствахъ Германіи нечего и говорить. Даже Баденъ, Гессенъ, Мекленбургъ, Ольденбургъ, наконецъ Саксонія и Виртембергъ и тѣ меньше Курамы. Сравнить же сколько *тамъ* чиновниковъ заправляютъ дѣломъ и сколько здѣсь!

Даже и по числу жителей кураминскій уѣздъ сильнѣе многихъ финляндскихъ губерній, а между тѣмъ весь губернаторъ помѣщается здѣсь въ какомъ-нибудь майорѣ! Обширность территоріи дѣлаетъ непосредственный личный надзоръ при помощи объѣздовъ почти невозможнымъ: за разѣздами пришлось бы бросить все остальное. Разѣзды, кромѣ того, влекутъ за собою неодолимые для небогатаго человѣка расходы: не говоря о прогонныхъ деньгахъ (да на почтовыхъ уѣзда и не объѣдешь) еще приходится содѣржать неизбежную свиту изъ джигитовъ и должностныхъ, сопутствующихъ по ихъ участкамъ, наконецъ расплачиваться за встрѣчи и угощенія, дарить халаты наиболѣе усердствующимъ и проч.

Не уступая нѣмецкимъ королевствамъ по величинѣ территоріи, туркестанскіе уѣзды управляются администраціей едва соотвѣтствующей, по составу ея и содержанію, большому русскому селу. Уѣздный начальникъ, старшій помощникъ, младшій изъ туземцевъ и, пожалуй, еще письмоводитель — вотъ и всѣ.

Уѣздные начальники получаютъ содержаніе совершенно недостаточное, въ виду расходовъ, сопряженныхъ съ должностью. Жалованья и столовыхъ по тысячѣ, разѣздныхъ 500, экстраординарныхъ 600. Всего 3100. Кураминскому хуже всѣхъ: куда бы начальство ни выѣхало, откуда бы ни пріѣхало — провожать его и угощать на станціяхъ придется ему, такъ какъ Ташкентъ лежитъ внутри кураминскаго уѣзда. Конечно, годъ на годъ не приходится, но двѣ встрѣчи вещь обыкновенная; а если принять во вниманіе вошедшую въ обычай торжественность встрѣчь — триумфальныя арки, пушечную пальбу, «приглашеніе» народовъ къ личному участию и роскошныя угощенія — то взвѣсить расходы будетъ не трудно. Надобно еще сказать, что уѣздный начальникъ встрѣчаетъ всегда на границѣ уѣзда, — понятно, что угощеніе среди степи, въ необитаемомъ пунктѣ, требуетъ еще болѣе расходовъ вслѣдствіе необходимости везти все издалека. Наконецъ, не было до сихъ поръ примѣра, чтобы ожидаемый пріѣхалъ въ назначенный имъ самимъ день. Разныя серьезныя

обстоятельства всегда задержать выѣздъ до «счастливаго» дня. Летучка за летучкой ¹⁾ бѣгутъ по тракту, разнося «фальшивыя тревоги». Обѣдъ приготовлень, столъ накрытъ, всё въ парадной формѣ, ждутъ не дождутся. Но вотъ видна пыль... Бѣжить летучка... «Остались ночевать въ городѣ». Что-жъ, господа, надо порѣшить обѣдъ — не держать же его два дня, приглашаетъ уѣздный начальникъ, прикидывая въ умѣ: во сколько же обойдется встрѣча?

Иногда такихъ «встрѣчныхъ» обѣдовъ приходится порѣшить не два, не три — встрѣча-то и станетъ въ копейку.

О народѣ, «приглашенномъ» встрѣтить начальство за десятки верстъ отъ своихъ жилищъ — и говорить нечего. Ташкентцы до сихъ поръ помнятъ одну встрѣчу въ 1869 году. Продавая дѣлу недѣлю и не имѣя возможности уѣхать назадъ, люди сильно нуждались въ самомъ необходимомъ. Начальникъ города не догадался организовать правильный подвозъ съѣстныхъ припасовъ, которые страшно вздорожали. Пришлось довольствоваться дынями, арбузами... — явилась дизентерія, произошло нѣсколько смертныхъ случаевъ.

— Это все отъ дынь, — успокоивается попечительный начальникъ. Къ довершенію всего халаты, взятые многими на прокатъ для встрѣчи, порядкомъ поистрепались и за нихъ пришлось расплачиваться. Лавочники тоже считали себя въ убыткѣ за время отсутствія на пикникѣ... Говорили еще, что аксакалы, на которыхъ возложено было *приглашать* народъ, сумѣли соединить пріятное съ полезнымъ, и потому участниками встрѣчи оказались преимущественно люди не особенно богатые... Такъ ужъ вышло.

Уѣздному начальнику отпускается 600 р. на угощеніе туземцевъ и на подарки имъ. Извѣстно, какое угощеніе: чай, шовъ, сласти. Но и на это всегда найдется много охотниковъ, въ особенности у *хакима*. И домашнимъ пріятно похвастаться: «очень ужъ просилъ полковникъ — надо было зайти».

Сначала наши хакимы горячо принялись «угощать» туземцевъ, но, обжегшись на первыхъ же порахъ — притихли. Теперь кромѣ чаю, да и то не каждый разъ, туземецъ уже не дожидается, а между тѣмъ ежемѣсячно въ контрольную палату посылается свидѣтельство о томъ, что: «на угощеніе туземцевъ употреблено столько-то, на подарки — столько-то, а всего 50 рублей», то-есть такъ разъ мѣсячная сумма.

На угощеніе туземцевъ получаютъ и губернаторы и генераль-

¹⁾ Такъ передали казаки слово *эстафета* — характерно и удачно.

губернаторъ, получаютъ также помѣсячно и также должны посылать счета въ контроль.

Очевидно, что это совершенно ненужная формальность, а между тѣмъ всякому понятно чувство, съ которымъ подписываютъ эти лица свои счета. Все это слѣдовало бы отиѣнить. Деньги не расходуются иногда нѣсколько мѣсяцевъ подъ радъ, а потомъ сразу уйдутъ на какое-нибудь торжество.

Какъ бы то ни было, а матеріальное благосостояніе уѣздныхъ начальниковъ не изъ блестящихъ. Не въ этомъ ли искать объясненія того факта, что многіе изъ нихъ уходили, какъ говорится, «со скандаломъ»?

Если уѣздный начальникъ поставленъ въ грустную необходимость бороться съ нуждой, если его преслѣдуетъ подавляющая мысль о томъ, какъ бы свести концы съ концами, какъ бы урѣзать фалды, чтобъ вышли рукава—не ждите отъ него ни особой энергіи, ни особой любви къ дѣлу, потому что эти двѣ вещи, т.-е. энергія и любовь къ дѣлу влекутъ за собою лишніе расходы, а на это капиталовъ не хватаетъ. Благоразуміе и простая выкладка на счетахъ заставятъ хоть кого поприжаться и, вмѣсто самостоятельнаго администратора, выйдетъ простой чиновникъ, болѣе или менѣе удачно отписывающійся по входящимъ нумерамъ!

Если всякая жалоба, всякій уголовный случай, прежде перехода къ судѣ или судебному слѣдователю, должны быть достаточно разъяснены, достаточно разслѣдованы уѣздною администраціею, то она должна имѣть къ тому всѣ средства. Нельзя остаться при томъ личномъ составѣ, какой существуетъ въ настоящее время. Если быстрота дѣйствій можетъ цѣниться гдѣ-нибудь, то ужъ вонечно здѣсь, гдѣ каждый проказникъ въ состояніи уйти отъ глаза и руки администраціи въ одинъ день—благо есть хорошій конь и степь по сосѣдству.

Быстрота и разстояніе—два начала несовмѣстныя. Онѣ обратно пропорціональны: чѣмъ меньше разстояніе, тѣмъ быстрѣе его пройдешь. Отсюда: чѣмъ меньше уѣздъ, тѣмъ дѣйствительнѣе надзоръ, тѣмъ легче управленіе, тѣмъ замѣтнѣе дѣятельность власти, тѣмъ быстрѣе исполняются распоряженія, тѣмъ сильнѣе вліяніе администраціи—значить тѣмъ лучше.

Если по какому бы то ни было причинамъ невозможно перекроить уѣзды, образовать нѣсколько новыхъ, то остается только одно средство: раздѣлить уѣзды на участки или станы. Становой приставъ вовсе не дурное изобрѣтеніе, и если теперь это слово рѣжетъ ухо, то единственно вслѣдствіе неудачной практики древ-

ныхъ становыхъ. Но вѣдь на Руси и всѣ низшія административныя, судебныя и фискальныя должности—обыкновенно опошлялись слѣдствіе мизернаго казеннаго содержанія и ненасытимой потребности «жевать». Приказный, подъячій, цѣловальникъ сдѣлались синонимами грабителя и бранными словами.

Понятное дѣло, что при нѣкоторой щедрости въ содержаніи, при должномъ вниманіи къ службѣ—всегда можно привлечь къ дѣлу порядочныхъ людей. Громкія фразы о «безкорыстномъ служеніи государственнымъ цѣлямъ», о безнравственности самой мысли о вознагражденіи, пропорціональному количеству труда—имѣ приводилось слышать только отъ людей, получающихъ большее содержаніе или живущихъ «воспоминаніями» о своемъ доблестномъ завѣдываніи казеннымъ хозяйствомъ, о своихъ полкахъ и т. д.

Положимъ однакоже, что новое вино не захочетъ вливаться въ старыя сосуды, что не найдется людей, согласныхъ носить личку становыхъ—замѣните ее исправниками, участевыми. Опасеніе это, конечно, вздорное, и я привелъ его, только чтобъ не выкинуть слова изъ пѣсни.

Бураминскій уѣздъ можно бы было раздѣлить по его арычныхъ системамъ на станы: ангреновскій, чирчикскій и карасуйскій. Приставовъ пришлось бы назначить только двухъ, потому что чирчикскимъ могъ бы завѣдывать теперешній старшій помощникъ.

Содержаніе становымъ можно бы назначить по 1200 р., да 200 р. на разъѣзды, 300 р. на переводчика и 500 р. на канцелярію, всего одному 2200 р., а двумъ 4,400 р. Старшему помощнику, какъ начальнику канцеляріи уѣзднаго начальника, можно дать только на переводчика 300, да разъѣздныхъ 400, (онъ завѣдываетъ уѣздомъ въ отсутствіе уѣзднаго начальника), что съ получаемыми имъ 1500 рублями составитъ 2200. Всего потребуется 5100 р. новаго расхода, который конечно не можетъ быть сочтенъ непроезвительнымъ, въ виду достиженія болѣе основательнаго знакомства съ населеніемъ, болѣе бдительнаго надзора за сборщиками податей, за благочиніемъ и порядкомъ. Расходъ этотъ, конечно, окупится не только въ нравственномъ, но и въ матеріальномъ отношеніи: близкій и, слѣдовательно, болѣе дѣйствительный надзоръ за правильною раскладкою и сборомъ податей—непремѣнно выразится соответствующимъ плюсомъ.

Необходимость этой реформы была заявлена мною еще въ 1870 году въ «общихъ видахъ и предположеніяхъ» касательно уѣзд. Меня утѣшаетъ теперь мысль, что не я одинъ пришелъ

къ высказаннымъ выводамъ: комиссіи, разработывавшія новый проектъ положенія, нашли нужнымъ ввести раздѣленіе уѣздовъ на участки, общество любителей естествознанія (въ Москвѣ) представило проектъ образцовыхъ фермъ и мастерскихъ при нихъ, на началахъ, общихъ съ моими. Что касается до необходимости мѣстныхъ фабрикъ и заводовъ, то заявленія объ этомъ я встрѣчалъ нѣсколько разъ въ печати.

Исходя изъ той мысли, что администрація не должна ограничиваться ролью только сборщика податей и полицейскаго надзирателя, но должна принять на себя и роль проводника цивилизаціи, я считалъ необходимымъ совершенствовать всѣ отрасли народнаго хозяйства, промышленности и быта. Для этого необходимо отказаться хоть на время отъ старой финансовой политики: собирать съ народа какъ можно больше и возвращать ему какъ можно меньше. Надобно освоиться съ истиной, что безъ обновленія и усовершенствованія *источниковъ* дохода, мы всегда будемъ собирать гроши тамъ, гдѣ легко могли бы найти рубль. Грошъ, кинутый въ почву сегодня—дастъ завтра же рубль барыша.

Для улучшенія земледѣлія и хозяйства придется прежде всего ввести улучшенныя орудія, испытать предварительно, какія наиболѣе удовлетворяютъ мѣстнымъ условіямъ? Для этихъ опытовъ, а также для примѣра, необходимо учредить нѣсколько образцовыхъ фермъ и садовъ. Эти фермы и сады послужатъ школами, гдѣ воспитается поколѣніе агрономовъ. Ремесленныя и механическія мастерскія, гдѣ бы можно было исправлять или даже и дѣлать новыя земледѣльческія орудія по выписаннымъ изъ европейской Россіи образцамъ—поставятъ дѣло на твердую почву. Изъ орудій могли бы быть полезными: плуги, бороны, земледробилки, сѣялки, грабли; изъ машинъ: жатвенныя, молотильныя, вѣялки, соломорѣзки, зернодробилки, переносныя мельницы, гидравлическіе прессы, джины для очистки хлопка и пр.

Жителямъ должно быть предоставлено право брать на прокатъ орудія и машины за самую умѣренную плату, обезпечивающую только ремонтъ и процентъ погашенія.

При фермахъ и механическихъ заведеніяхъ должны быть устроены ремесленныя школы, преимущественно для русскихъ дѣтей.

Что касается до фабрикъ, то это самое выгодное предпріятіе, какое только можно придумать. Въ то же время это единственное пока средство вести борьбу съ англійскими фабрикатами, водворяемыми нами самими при посредствѣ безпошлиннаго кавказскаго транзита отъ Поти черезъ Тифлисъ и Баку на Астрабадъ.

Удешевить собственные товары можно, во-первыхъ, удешевленіемъ провоза—для чего нужна желѣзная дорога; во-вторыхъ, учрежденіемъ фабрикъ на мѣстѣ. Желѣзная дорога хотя и составляетъ общее желаніе, но едва ли осуществится ранѣе десяти лѣтъ, да и тогда не подорветъ мѣстныхъ фабрикъ.

Люди, смотрящіе на среднеазиатскую Россію, какъ на русскую колонію, хотятъ, чтобы и все общество раздѣляло ихъ древніи колоніальныя теоріи: Туркестанскій край пусть доставляетъ Россіи хлопокъ, шелкъ и вообще сырье, а Россія будетъ все это выдѣлывать на своихъ фабрикахъ и посылать назадъ.

Мы смотримъ на Туркестанскій край, какъ на часть Россіи, и въ силу такого же права на попеченіе о себѣ, какъ и воровская губернія. Разъ, что признали край русскимъ, надобно и заботиться о немъ, какъ о Россіи. Пасынковъ не должно быть въ государствѣ, которое хочетъ быть сильнымъ. Къ сожалѣнію, эти старыя истины нуждаются еще въ повтореніи, такъ какъ значеніе ихъ не всѣми сознается.

Въ чемъ же выгода русскаго Туркестана? Высылать ли все сырье въ европейскую Россію, или обрабатывать часть его на мѣстѣ?

Кажется, не трудно рѣшить этотъ вопросъ: отсылать свой шелкъ въ видѣ грены, въ видѣ яичекъ шелкопряда и въ видѣ тканей—разница; отдавать цѣлый караванъ хлопка, чтобы получить обратно только одинъ тюкъ его въ видѣ дорогого ситца—не особенно выгодно; отдавать цѣлаго быка, чтобы получить назадъ одинъ выдѣланный хвостъ—тоже не весьма лестно.

Да, наконецъ, съ чего взяли, что «русскія» фабрики потерпятъ отъ конкуренціи «азиатскихъ»?

Россія получаетъ до 3-хъ милліоновъ пудовъ хлопка, изъ нихъ только 800 тысячъ чрезъ азиатскую границу. Въ ней 68 бумагопрядильныхъ, 1657 бумаготкацкихъ фабрикъ и 133 ситце-набивныхъ; на всѣхъ ихъ работаетъ до 140,000 рабочихъ. Сумма производства этихъ фабрикъ равнялась въ 1868 году 121.674,000 рублямъ. Провозъ хлопка по европейской границѣ въ 1867 году равнялся 38 милліонамъ рублей, а въ 1871 году—48 милліонамъ рублей. Пряжи привезено было въ 1867 г. на 4.743,000 р., а въ 1871 на 8.291,000 р. Весьма вѣроятно, что и сумма производства въ 1871 году повысилась до 160 милліоновъ. Въ Азію же отпущено бумажныхъ издѣлій всего на 1.438,000 р. Ясно поэтому, что какихъ-нибудь двѣ-три ташкентскихъ фабрики не подорвутъ 160-ти-милліоннаго производства, которое вдобавокъ даетъ въ Азію менѣе одной сотой.

Самые дешевые русскіе ситцы съ провозомъ обходятся на-

столько дорого, что масса туземцевъ не въ состояніи покупать ихъ и довольствуется домашними тканями, весьма грубыми.

Базары Бухары переполнены англійскими товарами, проникающими сюда чрезъ Кавказъ, Каспій, Астрабадъ и Мешедъ. Аршиномъ мы не завоюемъ рынка—только непосредственное занятіе страны можетъ обезпечить нашей торговлѣ среднеазиатскій рынокъ, но и тутъ англійскіе товары уступятъ развѣ только репрессивнымъ мѣрамъ. Ожидать же, что туземцы будутъ предпочитать наши, болѣе дорогіе товары, изъ одной любезности, конечно, нельзя. Значить, контрабанда будетъ сильная.

Придется сознаться, что единственное средство помочь горю—заключается въ учрежденіи своихъ фабрикъ. Слѣдовало бы начать съ простой бязи или маты ¹⁾, конечно, болѣе широкой, чѣмъ туземная, затѣмъ кисея, дешевенькіе ситцы, миткаль, а тамъ, пожалуй, полушелковыя ткани, канаусъ, сукно. Полезно также было бы устроить чугунно-литейные заводы, стеариновый, мыловаренные, сахарный и т. д.

Литейное дѣло здѣсь существуетъ, и довольно сносное, только въ малыхъ размѣрахъ. Впрочемъ, для госпитальной церкви отлить однимъ туземцемъ даже мѣдный колоколь—и довольно порядно. Свѣчи и сахаръ достигаютъ иногда неслыханной въ Россіи цѣны: 50 коп. за фунтъ свѣчей и до рубля за фунтъ сахара. Поэтому фабрикантъ убытку не понесетъ. Кажется, въ Ташкентѣ образовалось уже товарищество для устройства бумагопрядильни и ткацкой. Отъ души желаемъ успѣха.

О школахъ мы уже говорили въ своемъ мѣстѣ; заключимъ вопросомъ о другомъ воспитательномъ учрежденіи: о театрѣ. Туземцы все свое свободное время проводятъ на базарахъ, на улицахъ, занимаясь прогулкой, разговорами или созерцаніемъ; страсть къ новостямъ, къ зрѣлищамъ чисто афинская. Мы говорили уже, къ чему приводитъ эта страсть при неизмѣннн театровъ, цирковъ или вообще чего-нибудь путнаго.

Театръ могъ бы облагородить эту страсть и дать ей хорошее направленіе; достаточно было бы дать хотя одинъ образецъ европейской народной сцены, а затѣмъ, при любви туземцевъ къ зрѣлищамъ, нельзя сомнѣваться въ дальнѣйшемъ успѣхѣ народнаго театра и въ благотворномъ вліяніи его на нравы мѣстныхъ жителей.

М. ТЕРЕНТЬЕВЪ.

¹⁾ Матюю называютъ не тканью, а кусокъ въ извѣстное число аршинъ. „Дай мнѣ мату бязи“—все равно что: дай кусокъ бязи. Русскіе не разобрали сначала, да такъ и назвали самую ткань.

СЕЛЬЦО МАЛИНОВКА

П О В Ъ С Т Ъ .

Утро было ясное, въ воздухѣ стоялъ запахъ отъ молодыхъ листьевъ и черемухи. Изъ свѣжей, зеленой глубины лѣса раздавался голосъ кукушки; далеко гдѣ-то слышенъ былъ крикъ журавлей. Весна была въ полномъ блескѣ.

По извилистой, проселочной дорогѣ шла дѣвушка лѣтъ девятнадцати; она была не велика ростомъ, въ простомъ, ситцевомъ, новъ вымытомъ платьѣ; бѣлокурые ея волосы съ легкимъ рыжимъ отбѣномъ, въ двѣ косы, висѣли вдоль спины; глаза у нея были сѣрые, и точно будто отъ удивленія она ихъ открывала слишкомъ кругло; носъ довольно толстый, немного вздернутый; она далеко не была красива, однако всякій съелъ бы ее за красоту, кто встрѣтилъ бы ее среди этой обновленной, могучей природы; румянецъ свѣжо игралъ сквозь ея тонкую бѣлую кожу, она смотрѣла открыто и счастливо; казалось, будто весенній день и молодая дѣвушка пополняли другъ друга. Она сама чувствовала, что все вокругъ нея—родное ей; ей казалось, будто природа, и она—одно и то же, что она понимаетъ радость встрепенувшихся лѣсовъ и полей, что они радуются и зеленѣютъ только для нея; журавлинный крикъ и кукушка—все раздвинулось внутри ея, и сердце у нея радостно билось въ отвѣтъ; она шла скорымъ шагомъ и сама себѣ улыбалась.

Дорога огибала поле и проходила черезъ рѣдкую березовую рощицу; неожиданно близко гдѣ-то закуковала другая кукушка. Молодой дѣвушкѣ вдругъ стало весело, радостно пошевелились вскрикнула и пустилась бѣгомъ по дорогѣ! —

большая соломенная шляпа свалилась ей на спину, ситцевое платье шуршало; прошлогодніе листья бѣжали за ней по дорогѣ; кукушка испуганно полетѣла прочь изъ рощи; большой черный жукъ, спокойно перебиравшійся черезъ колею, остановился въ недоумѣніи и долго послѣ все стоялъ неподвижно.

Дѣвушка бѣжала, бѣжала, одной рукой прижимая къ себѣ пучокъ черемухи, другой придерживая платье; и рощичу оставила она за собой и небольшой лугъ; передъ ней сквозь низенькіе кусты блеснула на солнцѣ рѣчка, а за рѣчкой въ густой зелени мелькнула красная крыша, глянуло и окошко между вѣтокъ. Пробѣжавъ черезъ старый почернѣвшій мостокъ, дѣвушка остановилась и съ усиліемъ перевела духъ.

«Анна Сергѣевна!» — раздался за ней молодой мужской голосъ; она обернулась; къ ней шелъ изъ бустовъ мальчикъ лѣтъ шестнадцати, большой ростомъ, неловко шагая по кочкамъ, будто непривычно еще ему было справляться съ длинными ногами; лицо у него было красивое, полумужское, полуребяческое; на верхней губѣ пробивались усики; темнорусые, густые волосы вились; на немъ была не то блуза, не то рубашка изъ толстаго суроваго полотна, слабо придерживанная низко-спущеннымъ кожаннымъ кушавомъ, такіе же суровые шаровары, засунутые въ высокие сапоги, и поношенная соломенная шляпа; на плечѣ онъ несъ ружье.

— А я гляжу, кто это бѣжить! — говорилъ онъ, приближаясь: — здравствуйте, Анна Сергѣевна.

— Она улыбнулась и протянула ему руку.

Здравствуйте, Илюша; что это вы, на охотѣ были? Какъ можно объ эту пору? Вѣдь птицы гнѣзда вьютъ?

Илюша махнулъ рукой.

— Большой бѣды имъ отъ меня не будетъ! — сказалъ онъ: — плохо стрѣляю, даже обидно!

Самая нехорошая пора была для мальчика; онъ былъ, что называется: ни рыба, ни мясо! самъ онъ не зналъ, что онъ, ребенокъ ли, молодой ли человекъ! — «Тыфу ты!» — думалъ онъ про себя часто: — «какъ северно! самъ не знаю какъ говорить, какъ взрослый что ли, или нѣтъ!» И говорилъ-то онъ разными голосами: то у него выходило нѣсколько словъ басомъ, то онъ взвизгивалъ какъ дѣвочка; конфузился очень, и старался казаться развязнымъ, и не удавалось, и все выходило неловко! — «Северно!» повторялъ онъ про себя, въ видѣ утѣшенія, что по крайности хоть самъ передъ собой сознаетъ, что дѣлаетъ неловкости, а не одни посторонніе замѣчаютъ.

— Вы гдѣ были?—спросилъ онъ.

— Я пошла такъ, куда глаза глядятъ; сначала нашла въ рощѣ черемухи, наломала; наша почти отцвѣла.

Они пошли рядомъ.

— Какъ сегодня хорошо пахнетъ!—заговорила дѣвушка, вдыхая воздухъ.

— Да это отъ вашего бужета,—пропицалъ Илюша.

— Ну, что у васъ новенькаго?—спросила она, нюхая черемуху:—я давно вѣдь ужъ васъ не видала.

Илюша слегка покраснѣлъ и постарался ущипнуть усы.

— Я не знаю что вамъ рассказать; у насъ кажется все по старому! Маменька возится со скотницами; жаловалась нынче утромъ, что телятникъ обманулъ ее, дешево телятъ взять, папенька цѣлый день на пашнѣ.

— А вы на пашню ходите?

— Нѣтъ; я все больше съ ружьемъ по лѣсамъ хожу.

— Про графское семейство не слышать.

— Папенька получаетъ письма; нынѣшній годъ опять велѣли варить варенье, опять начнутся хлопоты у маменьки.

— Да она развѣ все сама варить?

— Нѣтъ, ей матушка съ дочерью помогали, да это помощь небольшая.— Вотъ вамъ однако новость, Анна Сергѣевна: къ батюшкѣ жильца ждуть!

— Право? Кто онъ такой?

— Не знаю. Изъ Москвы кто-то.

Они между тѣмъ подошли вдоль частоккола къ кресту, служащему валиткой.

— Вы зайдете къ намъ, Илюша?—спросила дѣвушка.

— Нѣтъ, благодарю васъ, отвѣчалъ онъ торопливо:—я ужъ и такъ давно изъ дому.

— А то войдите, милости просимъ; впрочемъ, какъ угодно; до свиданья.

Она подала ему руку, потомъ повернула крестъ, вошла въ садъ, и громко затаивъ:

Возлѣ рѣчки, возлѣ мосту...

скрылась за большимъ вустомъ сирени, облитымъ еще не распустившимися цвѣточками.

Садъ былъ не великъ, всего одна дорожка полукругомъ шла вкредь домомъ вдоль забора; но чего-чего въ этомъ саду не было понемногу! Три большія темныя ели росли направо у самого дома, и березы тутъ были, и липовая аллея шла вдоль

частогола до самой дороги; сирень и жимолость разрослась ужь черезчуръ. Направо отъ дома были гряды со всякими ягодами; а среди густой, разнообразной зелени, выглядывалъ веселенькій деревянный домикъ съ мезониномъ и красной крышей, точно спѣлое яблоко въ вѣткахъ. И домикъ, и зелень, и ели, и крупные розовые пионы — все отражалось въ маленькомъ, чистомъ прудикѣ, полномъ по самыя края, занимавшемъ все пространство между узенькимъ балкончикомъ и дорожкой; огибавшей садъ.

Свѣтлое платье молодой дѣвушки мелькнуло въ аллеѣ, отразилось въ прудикѣ и зашуршало по ступенькамъ балкона.

— Тѣтя! — кривнула она на порогѣ.

— Ого! — отвѣчалъ мягкій, старческій голосъ.

Въ дверяхъ, ведущихъ въ столовую, показалась женщина лѣтъ пятидесяти, кругленькая, въ темномъ холстинковомъ платьѣ и въ простомъ бѣломъ чепчикѣ. Вся она была добрая, и ея мягкія руки съ золотымъ обручальнымъ кольцомъ, глубоко врѣзавшимся въ растолстѣвшій палець, и бѣлое, покрытое мелкими морщинами, лицо, и живые сѣренькіе глазки безъ бровей и рѣсницъ, и гладко причесанные сѣдые волосы, и бородавка, съ волосиками на подбородкѣ, — все въ ней выражало доброту, и, казалось, было необходимой принадлежностью этой доброты. Съ перваго раза, увидавъ Пелагею Матѣевну, нельзя было сомнѣваться въ двухъ ея свойствахъ: въ добротѣ и въ томъ, что она кому-нибудь на свѣтѣ приходилась тетвой: ужь такое у ней было лицо!

— Ухъ! какой букетъ! — воскликнула она: — а я безъ тебя вѣдь опять журила Авдѣя! Напился пьянъ вчера вечеромъ! Бѣдная Мышка опять безъ корма въ конюшнѣ стоитъ!

— Тѣтя, да вы его хоть браните, хоть нѣтъ, онъ опять завтра напьется! Вы вѣдь у меня браниться не умѣете! — прибавила дѣвушка, ласкаясь къ теткѣ.

— Кошечка ты моя! Нѣтъ, я его порядкомъ одною сегодня пожурила. Нельзя же! Добро бы у насъ много людей, а то вѣдь по настоящему онъ одинъ, а Прохорычъ чтó за сторожъ!

— Да. Кто хочеть, тотъ и обрадывай насъ, — замѣтила Анюта, устанавливая свой букетъ въ рукомойникѣ и, видимо, не думая о томъ, чтó говорила.

— Полно вадоръ говорить, Анюта; кому охота насъ обрадывать! Господь милостивъ! А мнѣ старика жаль, ему бы на покой пора, а онъ служи.

Пелагея Матѣевна ушла куда-то по хозяйству, а Анюта сѣла на кресло и долго любовалась на свой букетъ; имъ однимъ только и нарушалась нѣсколько чопорность маленькой гостини.

Какъ только помнила себя Анята, ничего въ этой гостинной не переживлось. Жесткій, неудобный диванъ, кресла, покрытыя бѣлыми чехлами, стояли симметрично, будто на размѣренномъ разстоянн другъ отъ друга. Въ простѣнкахъ, на узенькихъ подзеркальничкахъ, передъ узенькими зеркалами, стояли, подъ стеклянными колпаками, узенькія золоченыя вазы съ букетами неестественно сдѣланныхъ, поблекшихъ отъ времени цвѣтовъ. Надъ диваномъ, противъ балконной двери, висѣло затанутое *миссейкой* отъ мутъ, такое наклоненное зеркало, что въ него видѣть было только одинъ полъ да ноги проходящихъ по комнатѣ. Въ углу, на тумбѣ, тоже подъ стекляннымъ колпакомъ, стояли бронзовые часы, изображающіе двухъ молодыхъ дѣвушекъ, пришедшихъ за водой къ фонтану; сколько лѣтъ уже никто не снималъ колпака съ часовъ, сколько лѣтъ лежали двѣ мертвыя мухи на бронзовой поверхности воды, никому не было извѣстно. Пелагея Матвѣевна и Анята никогда не сидѣли въ гостинной; какъ-то разъ Анята задумала снять чехлы, принесла на столъ книгу, рабочій ящикъ, чтобы по крайней мѣрѣ видно было, — говорила она, — что люди живутъ; Пелагея Матвѣевна озабоченно, но молча слѣдила за ея движеніями. На другой день, когда Анята взопла, въ удивленію ея, чехлы были надѣты, рабочаго ящика и книгъ не было болѣе, — она позвала дѣвушку.

— Кто это прибралъ здѣсь, Паша? — спросила она.

— Это мнѣ, барышня, тетенька велѣли: потѣшилась, говоритъ, Анна Сергѣевна, и будетъ! А мнѣ, говорятъ, ужъ червь-чуръ не нравятся эти новые порядки! Точно, говорятъ, будто не узнаю я своей гостинной.

Анята только пожала плечами, и не смѣла болѣе настаивать; только одно она ввела, чтобы лѣтомъ всегда буеть стоялъ на столѣ.

За то, что за дѣвичій беспорядокъ царствовалъ въ комнатѣ Аняты! Въ какой часъ ни войди, чего-чего не было разбросано въ ней! Иной разъ пристыдить ее тетка: «убери ты свой мусоръ, птичка моя!» И все Анятѣ некогда убрать свой мусоръ. На столѣ были двѣ-три книги, начатая работа, какія-то ленты, голубой кушакъ; тутъ же стояла банва съ цвѣтами; на комодѣ, кромѣ фарфоровой чернильницы, изображающей пастушка, облоупившагося на пенъ, куда вливались чернила, было цѣлое собраніе камушковъ всякихъ цвѣтовъ и формъ. На стѣнѣ висѣлъ дегерротипный портретъ матери Аняты, когда она была невѣстой. Родителей своихъ Анята не помнила, тетка взяла ее къ себѣ двухъ лѣтъ, послѣ ихъ смерти.

Единственное окно комнаты выходило на востокъ, изъ него было видно далеко; подъ окномъ былъ маленькій огородъ, потомъ заборъ, лугъ, пересѣкаемый серебристой, извилистой лентой рѣки, далѣе, темная полоса лѣса на горизонтѣ, а за лѣсомъ, когда заходящее солнце ударило въ ту сторону, горѣлъ, какъ свѣчка, крестъ на церкви села Троицкаго, за четыре версты отъ Малиновки. Кругомъ она вилась плюцъ; тутъ же висѣла пустая клѣтка, въ ней прежде былъ чижикъ, но кошка Мазурка унесла его: это было сильное горе, еще свѣжее въ памяти Анюты.

Часовъ около четырехъ, Пелагея Матвѣевна съ племянницей только-что съѣли чай пить передъ огромнымъ самоваромъ, съ крышковой на бекрень, когда въ гостиной раздались чьи-то шаги, а вслѣдъ за этимъ въ дверяхъ показался длинный, сконфуженный Илюша.

— А-а!—загѣла Пелагея Матвѣевна, увидавъ его: — добро пожаловать! Милости просимъ. Чего хотите?

Илюша неловко подошелъ, вертя въ рукахъ свою старую соломенную шляпу, и краснѣя все болѣе и болѣе.

— Поворно благодарю, — сказалъ онъ, взглядывая то на Анюту, то на самоваръ, почему-то: — я только собственно по дѣлу къ вамъ, Анна Сергѣевна; принесъ я вамъ тутъ... принесъ чижика.

Незамысловатое, кажется, было дѣло, принести и подарить чижика, а какъ долго рѣшался Илюша на этотъ подвигъ, болѣе недѣли уже онъ избѣгалъ встрѣчи съ Анютой изъ-за этого обстоятельства; наконецъ утромъ того дня, увидавъ ее въ полѣ, онъ вдругъ рѣшился заговорить съ нею и тутъ же далъ себѣ слово, что передъ вечеромъ, во что бы то ни стало, чижикъ будетъ ей, тѣмъ болѣе, что на другой день Троицынъ день и храмовой праздникъ, значить, уже избѣжать Анюты нельзя. Какъ ни старался вообще Илюша, никакъ онъ не могъ исполнѣ скрыть отъ Анюты съ нѣкоторыхъ поръ своего волненія при ней; онъ безпрестанно дѣлалъ неловкости, конфузился; хотѣлось ему узнать, замѣчаетъ ли она, что при ней онъ самъ не свой, что она занимаетъ такое большое мѣсто въ его умѣ, хотѣлось знать и страшно было, да и какъ узнать? Она все такая же была съ нимъ, какъ всегда, привѣтливая и ласковая.

— Какой вы добрый, Илюша!—говорила Анюта, возвращаясь изъ своей комнаты:—такъ у меня стало весело теперь.

«Что бы такое ей отвѣчать?» подумалъ Илюша: «что она добръе меня, что ли? Нѣтъ, не ловко!» — и онъ не сказалъ ничего.

— Прощайте, — будто рѣшилъ онъ вдругъ и подошелъ къ Пелагѣ Матвѣевнѣ.

— Ахъ батюшки! какъ скоро! Что такое случилось? — возразила старушка, утирая платкомъ свое мягкое, раскраснѣвшееся отъ чаю лицо: — куда вы торопитесь?

— Всенощная сегодня у насъ. Вы будете у всенощной?

— Нѣтъ, некогда; завтра, дастъ Богъ, у обѣдни будемъ.

Анюта улыбулась Илюшѣ, онъ неловко поклонился, опять почувствовалъ, что надо бы сказать что-нибудь, все-таки ничего не сказалъ, и наконецъ вздохнулъ свободнѣе на балконѣ.

Разъ десять въ теченіе вечера Анюта ходила посмотрѣть на своего чижика; она радовалась ему какъ ребенокъ; да въ сущности, что же она и была какъ не ребенокъ? Врядъ ли когда-нибудь немного серьезная мысль останавливалась въ ея головѣ. Она была однако далеко не глупа, и считалась даже первой ученицей въ пансіонѣ, въ Москвѣ, гдѣ кончила свое воспитаніе за два года передъ тѣмъ; но Анюта не принадлежала къ числу тѣхъ молодыхъ дѣвушекъ, которыя въ ея года и даже раньше, находясь, какъ она, въ неблагоприятной для развитія обстановкѣ, чувствуютъ, что есть жизнь иная, иное — широкое, открытое для всѣхъ поприще; которыя не ждутъ, чтобы обстоятельства повернулись для нихъ иначе, и нетерпѣливо переносятъ его и рвутся, стремятся къ чему-то смутному. Анюта не дождала еще ни до какой тревожной эпохи, неизбежной въ жизни всякой молодой дѣвушки, неглупой и живой; жизнь текла однообразно и тихо, и Анюта принимала ее такъ, какъ она слагалась, не желая, и не ожидая никакой перемѣны. Никакое движеніе общественное не достигало до Малиновки. Въ Троицкомъ кое-кто читалъ газеты, но они и туда доходили изъ пятыхъ-шестыхъ рукъ, и даже важныя событія внѣшняго міра узнавались черезъ мѣсяць или полтора. Анюта привезла съ собой изъ пансіона нѣсколько книгъ, ихъ она знала почти наизусть, а другихъ негдѣ было достать. Она никогда не скучала, ее интересовали самыя ничтожныя событія ежедневной жизни; длинны казались ей только иногда зимніе вечера, но часть зимъ она проводила въ Троицкомъ у священника, съ дочерью котораго была дружна съ дѣтства. Эта пріятельница ея, Маша, была однихъ лѣтъ съ нею, бойкая, черноглазая дѣвушка, принадлежащая уже къ новому поколѣнію поповскихъ дочекъ; она не ходила растрепанная и въ грязномъ платьѣ по буднямъ, не мыла половъ, и не

стряпала, писала чистымъ почеркомъ, интересовалась модой, и съ жадностью читала все, что попадалось ей въ руки, особенно если это былъ, какъ она говорила, «раманъ»; она была единственная дочь отца Василия. Отецъ Василій радовался дружбѣ своей дочери съ *барышней*, какъ всѣ называли Анюту въ Троицкомъ: — «дѣвица прекрасная, благоразумная», говаривалъ онъ про нея; но съ возвращенія ея изъ пансіона онъ запретилъ Машѣ говорить ей *ты*: — «все-таки барышня, — разсуждалъ онъ, — можетъ выдти за кого-нибудь знатнаго, и тогда легко случится неприятели».

На другое утро, въ девять часовъ, передъ крыльцомъ стояла старая пролетка безъ верху, на круглыхъ рессорахъ. Авдѣй сидѣлъ на козлахъ, сгорбившись въ ожиданіи господъ, и курилъ коротенькую трубку; ветхій его армякъ изъ сѣрой нанки, съ темной заплатой на лѣвомъ локтѣ, былъ подпоясанъ ради праздника ярко-лиловымъ шерстянымъ кушакомъ; изъ ворота армяка, чуть не до ушей, поднимался воротъ кумачной рубашки, застегнутый множествомъ бѣленькихъ пуговокъ; картузь на немъ былъ новый; зеленныя шерстяныя перчатки заткнуты за кушакъ.

Мышка, лошадка старая, но такая же кругленькая и добрая, какъ ея госпожа, совсѣмъ бѣлая, стояла какъ вкопаная, по временамъ только подергивая кожу на боку отъ мухъ, или отмахиваясь хвостомъ. Наконецъ, обѣ барыни вышли на крыльцо: Пелагея Матвѣевна въ старомодной шляпѣ, изъ-подъ которой виднѣнъ былъ бѣлый чепчикъ, и въ свѣтло сѣромъ шелковомъ платьѣ, Анюта въ бѣломъ кисейномъ, и съ огромнымъ букетомъ черемухи въ рукахъ. Табъ и пригнулась на одну сторону пролетка на своихъ круглыхъ рессорахъ, когда ступила Пелагея Матвѣевна на высокую подножку; сѣла и Анюта. Авдѣй не спѣша прибралъ трубку за пазуху; Паша сбѣжала съ крыльца и торопливо подоткнула платье Анюты, чтобы не попало въ колесо.

— Готовы; съ Богомъ! трогай, Авдѣй! — провнесла Пелагея Матвѣевна, крестясь одной рукой, а другой держась за кушакъ кучера. Авдѣй тронулъ возжой гладкую спину Мышки, и старушка усердно пустилась мелкой рысцой по знакомой дорогѣ, а рессоры между тѣмъ потрескивали какимъ-то, имъ однимъ свойственнымъ, звукомъ, высоко подбрасывая пролетку на малѣйшемъ толчкѣ.

— Осторожиѣе, Авдѣюшка! Охъ, не торопись голубчикъ! — безпрестанно повторяла Пелагея Матвѣевна, не выпуская кушака Авдѣя: — успѣемъ еще! некуда торопиться!

Не доѣзжая полверсты до Троицкаго, пришлось ѣхать шагомъ; дорога вся была усыпана народомъ. Безпрестанно приходилось Авдѣю останавливать Мышку. — «Берегись! эй, ты, молодчикъ! Посторонись, ба-ушка! Ой, лебедка, задавлю! Пошли вы, чего средь дороги встали! Нешто не видите, господу ѣдутъ!» — кричалъ онъ то ласково, то грубо, смотря по тому, относилась ли рѣчь къ раздраженнымъ бабамъ и дѣвкамъ, шедшимъ по двѣ, по три, и за громкимъ разговоромъ не слыхавшимъ пролетки; или къ цѣлой кучѣ босыхъ мальчишекъ въ цвѣтныхъ ситцевыхъ рубашкахъ, съ намоченными квасомъ головами, или къ нарядному парню въ красной рубахѣ, въ накинутомъ на плечи армякѣ, и ухарски на сторону надвинутой шапкѣ съ павлиными перьями, приплясывавшему на пути подъ звуки гармоніи.

— Народъ православный въ церковь идетъ, а онъ, ишь-ты, ужъ пляску затѣялъ! — замѣтилъ сквозь зубы Авдѣй.

— Ты бы, въ самомъ дѣлѣ, къ обѣдни сходилъ! — обратилась Целагея Матвѣевна къ парню: — день великъ, напляшешься!

— Небось, и въ церковь поспѣемъ! — отвѣчалъ парень, кивнувъ головой.

И вся эта пестрая, движущаяся толпа разступалась передъ бѣленькой, толстой лошадкой, а между тѣмъ дѣвушки и парни толкали другъ друга, указывая на Анюту, и дѣлая вслухъ замѣчанія.

— Ай да барышня! Какая бѣ-ѣ-ленькая! — слышалось въ толпѣ.

— А черемухи-то, черемухи! Словно вѣники! — замѣтилъ кто-то.

Вотъ потянулись по обѣимъ сторонамъ длинныя парусинныя палатки; и лакомства и краснаго товару, и бусъ и всякихъ бездѣлушекъ было вдоволь, но передъ этими лавками покупателей еще не было; дагѣ двѣ-три бабы разсматривали глиняную посуду, разложенную на травѣ, и громко бранились съ купцомъ; мужики прицѣплялись по-чѣмъ косы, лопаты, грабли; тутъ же рыжій мальчишка какимъ-то раздвѣивающимся звукомъ наигрывалъ все ту же трель на дудкѣ; ближе къ церкви народъ толпился еще болѣе, пахло ржанымъ хлѣбомъ и сапогами. На каменныхъ ступеняхъ сидѣло трое слѣпыхъ; они держали въ рукахъ деревянные чашечки для подачи, медленно качаясь взадъ и впередъ, однообразнымъ тономъ воспѣвая страданія Велисарія, а когда мѣдная копейка звучала въ чашечкѣ, они перебивали свое пѣнье и на тотъ же протяжный напѣвъ желали добраго здоровья благодѣтелямъ, а родителямъ царствія небеснаго. Около ограды расположилось отдѣльными кучами множество бабъ, старыхъ и молодыхъ; кто ужъ орѣхи щелкалъ, кто лепешку ѣлъ, и всѣ во

весь голосъ сообщали свои бѣды и интересы, или спорили, тѣкая другъ друга пальцами, не обращая вниманіе на громко по временамъ доносившееся до нихъ церковное пѣніе.

Обѣдня уже началась, когда удалось Пелагеѣ Матвѣевнѣ съ племянницей пробраться до середины церкви; духота была ужасная! Маша издали вивнула головой, показывая, что, молъ, здѣсь просторнѣе, но Пелагея Матвѣевна отчаянно развела руками въ знакъ того, что двинуться нельзя. Иконостасъ былъ весь въ зелени, въ березкахъ; старый дьяконъ былъ извѣстенъ въ околоткѣ своимъ сильнымъ басомъ; на клиросѣ собралось столько охотниковъ, что едва можно имъ было поднять руку, чтобы перекреститься; пѣли они, какъ водится всегда по праздникамъ въ сельскихъ церквяхъ, кто въ лѣсъ, кто по дрова, особенно одинъ чей-то голосъ смѣлѣе всѣхъ выкрикивалъ и выдѣлывалъ такіа замысловатая штуки, что другіе недоумѣвали и ужъ думать не могли поспѣть за нимъ.

Наконецъ обѣдня отошла и молебень тоже; заколыхался, посыпалъ народъ вонъ изъ церкви, и пестрой лентой сталъ расходиться въ разныя стороны.

— Идите къ намъ чай пить?—шепнула Маша на ухо Анютѣ, проходя возлѣ нея.

— Идемъ, идемъ!

— Приходите поскорѣй, пожалуйста.

— А что, чижикъ здоровъ?—спросилъ тоже шопотомъ Илюша, подходя.

— Здоровъ, веселенькій такой!

За Илюшей подошелъ маленький, живой старичокъ, бывший почтмейстеръ уѣзднаго города.

— А вы все хорошѣете, Анна Сергѣевна! просто настоящій розанчикъ-цвѣтокъ!—замѣтилъ онъ хриплымъ голосомъ, проходя мимо.

— Пойдемъ-ка, пройдемся по ярмаркѣ,—предложила Пелагея Матвѣевна своей раскраснѣвшейся племянницѣ, — пока не такъ тѣсно, мнѣ надо посмотреть, нѣтъ ли банокъ подъ соленье.

Онѣ вышли на площадь; народу подбавилось порядкомъ; посреди нѣсколько дѣвушекъ и парней уже поговаривали о хороводѣ; встрѣчались мужики уже нѣсколько нетвердо стояшіе на ногахъ, и черезчуръ низко кланявшіеся господамъ.

Долго выбирала Пелагея Матвѣевна свои банки, наконецъ закупила она все, и велѣла принести къ батюшкѣ.

Только-что вступили онѣ на крыльцо священникова дома, какъ къ нимъ на встрѣчу выбѣжала Маша: — «Ахъ! какъ вы

долго! Да гдѣ же это вы были?—Анюта голубушка! — шепнула она впохыхахъ:—къ намъ вчера прѣхалъ жилецъ! свазали— студентъ, я думала *хорошенькій* будетъ, а онъ такой!—она съдѣла презрительный жестъ — даже и на молодого человѣка нѣтъ не походить!»

Онѣ вошли. Гостей собралось порядочно въ маленькой комнатѣ, все больше мужчины; кромѣ Пелагеи Матвѣевны и Анюты, гостя была только одна. Илюшина мать, Мавра Осиповна, сухая, желтая, маленькая женщина, лѣтъ сорока, съ озабоченнымъ, исключительно хозяйственнымъ выраженіемъ лица; возлѣ нея, въ креслахъ номѣстился мужъ ея, Тимошеей Харитоновичъ, настоящій обращенъ русскаго управляющаго. Возлѣ печки на стулѣ сидѣлъ Илюша, а по приходѣ Анюты онъ всталъ, и ужъ не зналъ, какъ ему опять сѣсть; наконецъ рѣшился, и такъ неожиданно скоро опустился на свой стулъ, что нѣкоторые изъ присутствовавшихъ взглянули на него.—Тутъ же былъ становой приставъ, всегда любезный съ дамами, и почти всегда пьяный при исполненіи должности,—и маленькій живой почтмейстеръ, и церковный староста, толстый, богатый троицкій купецъ. Матушка сидѣла у стола передъ огромнымъ самоваромъ, на которомъ стоялъ чайникъ формы крымскаго яблока, съ большимъ, аляповато-нарисованнымъ розаномъ, и раскладывала салфеточки на подносѣ. На противоположномъ концѣ комнаты стоялъ, облокотившись на комодъ, новый жилецъ, и, не вмѣшиваясь въ разговоръ, нѣсколько исподлобья, но съ любопытствомъ смотрѣлъ на всѣхъ.

При появленіи Пелагеи Матвѣевны всѣ встали.

— Милости прошу!—говорила попадья, отодвигая столъ отъ дивана,—вотъ сюда пожалуйста, около Мавры Осиповны. А вотъ, позвольте познакомить съ новымъ гостемъ: Дмитрій Ивановичъ Косыревъ.—Анюта посмотрѣла на *новаго гостя*. Правда, что слово *хорошенькій* не шло въ этому крупному, тяжелому человѣку, но не особенно дурень показался онъ ей; у него были густые, темные волосы, изрядная борода немного свѣтлѣе волосъ, умные, серьезные глаза; голосъ у него былъ не особенно приятный, но особенно внушительный. Ему было двадцать-шесть лѣтъ, но онъ казался старше. Онъ только-что кончилъ медицинскій курсъ въ московскомъ университетѣ.—Для той роли, которой ожидала отъ него Маша, онъ рѣшительно не годился. Видно было, что всѣ шуточки, намеки, маленькія уловки, на которыя горазды барышни вообще, а уѣдныя въ особенности, не только пропадутъ даромъ съ нимъ, но что онъ, чего добраго, спросить объ-

ясненія въ нихъ. — Медвѣды! — надо было ожидать, что отзовется всякая о немъ.

Пришелъ батюшка, подали чай, и разговоръ, долго не клеившійся, пошелъ на ладъ. Анята подозвала Илюшу; становой вполголоса говорилъ съ Машей, а она посмѣивалась все чему-то. Батюшка съ Дмитриемъ Ивановичемъ разговорились о нововведеніяхъ, о нуждахъ крестьянъ, о земствѣ, о школахъ; Пелагея Матвѣевна горячо, тономъ знатока, увѣряла понадѣю и Мавру Осиповну, что лучше огурцы солить безъ чеснока.

Время шло незамѣтно, Пелагея Матвѣевна поднялась; звали ее остаться обѣдать, да она не захотѣла: — «не люблю, чтобы меня въ праздникъ долго дома не было, — объяснила она, — помилуй Богъ что случится! До бѣды не долго! Да мой кучеръ любить лишнюю рюмочку выпить, ужъ доѣхать лучше, пока не разобрало его!»

Дѣйствительно, отъ Авдѣи ужъ пахло виномъ, но онъ сидѣлъ еще бодро на козлахъ, и Пелагея Матвѣевна съ племянницей спокойно доѣхали до Малиновки.

Весь вечеръ слышны были, то вдали, то вблизи, смѣхъ и пѣсни, часто голоса были не твердые. Пелагея Матвѣевнѣ не сидѣлось на мѣстѣ: — «Ужъ какъ я за это праздники не люблю! — говорила она, — прости меня Господи, что я такъ про праздники выразилась! Все душа не на мѣстѣ!»

Около одиннадцати часовъ вечера, Анята уже свѣчку погасила и находилась въ томъ состояніи, близкомъ отъ сна, когда мысли и чувства начинаютъ, хотя не смѣло еще, пользоваться своимъ отпускомъ, какъ вдругъ внезапный лай Бушуя, дворовой собаки, подъ самымъ окномъ, заставилъ ее вздрогнуть; она не много приподнялась и стала прислушиваться; лай удалялся, потомъ Бушуй опять пробѣжалъ подъ окномъ, опять удалился, никакъ не рѣшаясь уговориться; Анятѣ показалось, что кто-то осторожно прошелъ по корридору, потомъ какая-то дверь тихонько скрипнула.

«Ужъ не тѣтя ли ходить?» подумала она, — «надо-бы встать, посмотреть!» но глаза у ней такъ и слипались, непреодолимая лѣнь овладѣла ею; тутъ Прохорычъ на дворѣ сталъ звать Бушуя, потомъ застучалъ въ доску, все стукло, и Анята заснула.

На слѣдующее утро она, по обыкновенію, встала не поздно, но тѣтя ея все-таки успѣла уже напиться чаю.

— Ты слышала тревогу вчера вечеромъ, моя птичка? — спросила она.

— Точно, мнѣ показалось, будто чьи-то шаги въ корридорѣ!
Что такое было?

— Это я вздумала прогуляться, вообрази!

— Зачѣмъ?

— Бушуйка залаяла; ну, ты сама знаешь, мнѣ все кажется, воръ заберется, особливо въ праздникъ, помилуй Богъ, не трезвый человѣкъ, да и огня я боюсь! Я подождала, не застучитъ ли Прохорычъ въ доску—нѣтъ; чего мудреного, думаю, заснуть старикъ, а тутъ и обрадывай, кто хочешь! Я поскорѣй туфли на босу ногу, куцавейку надѣла, и отправилась, да боялась очень тебя разбудить, полъ въ сѣняхъ скрипитъ; выхожу на крыльцо, зову Прохорыча, не откликается, я въ кухню...

— Тѣтя! какъ это вы не побоялись?

— Что-жъ прикажешь дѣлать!

— А Паша?

— Зачѣмъ Пашу будить, она и такъ день-деньской набѣгается! Ну, подхожу я въ кухню, а на крыльцѣ сидитъ Прохорычъ, да такъ-то спитъ! я его разбудила, насили добудилась, да и жаль, правду сказать, старика! Какъ онъ въ доску застучалъ, Бушуйка успокоилась, я и легла; да вотъ неприятно, насморкъ у меня сдѣлался!

— Хорошо, что только насморкъ; не мудрено и хуже продуться! Вѣдь ночи теперь холодныя!

Бъ вечеру, часовъ въ пять, явился Илюша; они наканунѣ условились съ Анютой куда-то далеко сходить посмотрѣть, не расцѣли ли незабудки. — Возвращайся скорѣй,—просила Пелагея Матвѣвна,—меня что-то поламываетъ, должно быть не отъ насморку ли; я пожалуй, не дожидая тебя, напьюсь чаю, да лягу въ постель!

— Если хотите, я дома останусь,—предложила Анюта, нахвая между тѣмъ шляпу.

— Зачѣмъ ты это говоришь?—возразила тетка,—ну, вотъ это не люблю! не-зачѣмъ тебѣ дома оставаться, да небось идти хочется; не предлагала бы лучше! Ступай, да только возвращайся поскорѣй!

Они пустились въ путь; Анютѣ было досадно и на слова тетки, и на себя; но скоро это впечатлѣніе изгладилось; Илюша тоже разошелся болѣе обыкновеннаго, смѣшилъ ее своими разсказами, сообщилъ ей свои планы на счетъ какой-то славной гварьеры; они шли скоро, однако было почти совсѣмъ темно, когда они возвратились. Паша встрѣтила Анюту въ гостиной и сказала ей, что тетка легла и зоветъ ее къ себѣ. Анюта вошла.

Пелагея Матвѣевна въ кровати; среди множества подушечекъ и подушекъ, изъ-за огромнаго пуховика, видна была только ея голова въ ночномъ чепчикѣ.

— Какъ вы себя чувствуете, тѣтя?—спросила Анята, подходя.

— Теперь ничего, и насморкъ поменьше, согрѣлась въ постели. А ты весело погуляла?

— Очень весело, только незабудокъ не нашли.

— Рано незабудкамъ. Ну, прощай, спать хочется.

Анята наклонилась къ тѣткѣ, она высвободила руку изъ подъ одѣяла, перекрестила ее и поцѣловала.

Анята ушла къ себѣ и пока раздѣвалась, ей вспомнились смѣшныя выходки Илюши, и она заснула еще подъ веселымъ впечатлѣніемъ своей прогулки.

Не было еще шести часовъ утра, какъ дверь Анятиной комнаты тихонько отворилась; Анята приподняла голову и взглянула сонными глазами:

— Чтѣ ты, Паша?—спросила она.

— Барышня, тетенька нездоровы,—отвѣчала она шопотомъ, — всю ночь у нихъ жаръ былъ, я и не ложилась.

Анята вскочила съ постели.

— Какъ-же ты меня не разбудила — сказала она съ упрекомъ, и начала кое-какъ одѣваться второпяхъ, трясясь всѣмъ тѣломъ.

— Онѣ строго запретили говорить вамъ, я-было нѣсколько разъ хотѣла; да теперь онѣ точно въ забытыи...

Анята вышла изъ своей комнаты, прошла черезъ корридоръ; въ окно прямо ударили лучи восходящаго солнца, обливая со всѣмъ незнакомымъ ей, какимъ-то странно-чистымъ, свѣжимъ свѣтомъ шкафъ съ посудой и никогда неупотребляемый старинный самоваръ на шкафѣ. Осторожно отворила она дверь къ теткѣ.

— Кто это?—спросила Пелагея Матвѣевна отрывистымъ голосомъ; слышно было, что въ горлѣ у ней пересохло.

— Это я, тѣтя,—отвѣчала Анята тихо, подходя къ постели.

— Воды!

Въ комнатѣ было темно, ставни были закрыты, лампадка, догорая, вспыхивала; Анята то видѣла лицо Пелагеи Матвѣевны, лежащей съ закрытыми глазами, и столикъ возлѣ постели, то не могла различить почти ничего; она ошупью нашла стаканъ съ водой, покрытый бумагой, и подала его больной. Пелагея Матвѣевна взяла горячей рукой, жадно отпила глотка три, потомъ голова ея упала опять на подушку и она сказала немного спойнѣ:

— Господи Иисусе! какъ горитъ! Иди спать, мой ангелъ!

Анюта ничего не отвѣчала, ноги у ней подкашивались, она сѣла на стулъ. Пелагея Матвѣевна никогда не была нездорова, да Анютѣ вообще никогда еще въ жизни не приходилось видѣть больную; она не могла отдать себѣ отчета, что такое? что слѣдуетъ дѣлать? такъ *это* называется болѣзнью? Да полно, тѣтка ли ей тутъ лежить? Можетъ быть, это все ей только кажется? Можетъ быть, кто-нибудь ей скажетъ: вы ошибаетесь, ваша жизнь течетъ какъ обыкновенно! И зачѣмъ темно такъ въ комнатѣ? Развѣ сегодня не такой день, какъ всѣ дни? Развѣ такъ непременно слѣдовало, чтобы было сегодня?

— Горчичникъ!—проговорила Пелагея Матвѣевна.

Анюта обернулась къ Пашѣ:

— Горчичникъ,—повторила она.

Паша подошла къ ней:

— У насъ въ домѣ, барышня, нѣтъ горчицы.

— Что же дѣлать? Боже мой!

— Развѣ нѣтъ ли у магушви? Не послать ли Авдѣя верхомъ?

— Пошли, пошли поскорѣе!

— Что вы говорите?—спросила тѣмъ же отрывистымъ голосомъ Пелагея Матвѣевна.

— Ничего, тѣтя, ничего.

Жаръ все усиливался; Пелагея Матвѣевна металась, безпрестанно просила пить, не узнавала Анюту, и звала ее. Анютѣ было страшно; судорожно сжавъ руки, она стояла у кровати и бессмысленно глядѣла на тѣтку.

«Отчего она мечется», думала она, «отчего она такая странная?» Ей хотѣлось броситься къ ней и умолять ее перестать метаться; ей хотѣлось начать утро снова, начать его, какъ всегда; она не рѣшалась отвѣчать на короткіе, несвязные вопросы тѣтки.

Промель долгій, безконечный, мучительный часъ. На дворѣ раздавался лошадиный топотъ; Паша вышла, и минутой спустя въ комнату вошелъ батюшкинъ жилецъ.

Анюта не удивилась ему, но ей почему-то стало менѣе страшно. Дмитрій Ивановичъ подошелъ къ кровати, не обращая вниманія на Анюту, пощупалъ пульсъ больной, провелъ рукой по ее лбу, наклонился, послушалъ, какъ она дышетъ; потомъ онъ обернулся, сдѣлалъ знакъ Анютѣ, чтобы она шла за нимъ, и на цыпочкахъ вышелъ изъ комнаты.

У двери стояла Паша.

— Не отходите отъ нея,—приказалъ онъ,—пить много не давайте, я сейчасъ приду.

Изъ корридора дверь была отворена въ гостинную, она казалась еще пустѣе и чопорнѣе обыкновеннаго при этомъ утреннемъ освѣщеніи и при этой обстановкѣ.

Дмитрій Ивановичъ вошелъ и затворилъ дверь за собой; онъ казался спокойнымъ, однако лицо его не только было серьезное, но почти благоговѣйно; Анютѣ это выраженіе показалось какимъ-то страшнымъ предзнаменованіемъ, она отчаянно взглянула на него.

— Ваша тѣтушка сильно простужена, — сказалъ онъ.

Анюта все глядѣла ему въ глаза, будто не понимая его словъ.

— Она рѣдко, вѣрно, бываетъ больна? — спросилъ Косыревъ.

— Никогда! — произнесла она какъ-то безъ голоса.

На лицѣ Косырева выраженіе нѣсколько измѣнилось, онъ со вниманіемъ посмотрѣлъ на Анюту.

— Я надѣюсь, что ея нездоровье обойдется безъ особенно серьезныхъ послѣдствій, — сказалъ онъ, — но, повторяю, она сильно простудилась; лучше времени не терять; я привезъ съ собой лекарство и горчицы, дайте мнѣ ложку и какой-нибудь лоскутокъ стараго бѣлья.

Анюта не двигалась съ мѣста; вдругъ она закрыла лицо руками, опустила на стулъ и глухо зарыдала. Косыревъ посмотрѣлъ кругомъ, вышелъ въ столовую, отворилъ шкафъ, налилъ воды въ стаканъ, и принесъ Анютѣ.

— Выпейте, — почти призывалъ онъ, и принялся вынимать изъ кармановъ стѣляночки и бумажки съ лекарствомъ. Анюта хлебнула воды раза два, потомъ опять закрыла лицо рукой. Дмитрій Ивановичъ взялъ ея платокъ, налилъ на него воды, намочилъ ей лобъ и подалъ стаканъ:

— Будьте благоразумны; вы нужны при вашей тѣтушкѣ. Прикажите самоваръ поставить, — прибавилъ онъ, — ей надо липоваго чаю.

Анюта вытерла глаза, встала и пошла къ двери; но тутъ она остановилась и, обернувшись къ Косыреву, спросила нетвердымъ голосомъ:

— Она... она останется жива?

Онъ поднялъ голову, но не взглянулъ на нее.

— Надѣюсь, что болѣзнь не приметъ очень серьезнаго оборота, — отвѣчалъ онъ, — вы мнѣ поможете ходить за ней.

Анюта тихонько вышла въ столовую, отворила окно, выходящее противъ самой кухни, и повала Авдотью, только-что шедшую доить коровъ:

— Авдотья, поставь самоваръ, голубушка, какъ можно скорѣе. Тётенька очень нездорова,—прибавила она будто нѣ-хотя.

Авдотья бросила подойникъ на траву и всплеснула руками:

— Господи Иисусе Христе! что-жь это съ ними?—вскрикнула она.

— Простудилась. Авдотьюшка, милая, поскорѣй!

— Сейчасъ, сейчасъ будетъ готово, барышня. Мати Пресвятыя Богородица!—бормотала она, качая головой и вбѣгая на крыльцо кухни.

Анюта возвратилась въ гостинную, Косыревъ дѣлалъ горчичникъ. Молча приготовилъ онъ все, что нужно было, примочку для головы, чай, питье; Анюта старалась помогать ему, и тоже молча, какъ-то боязливо взглядывала иногда на него, будто хотѣлось ей прочесть на его лицѣ то, что онъ думалъ. Жаръ у больной не уменьшался, она болѣе не бредила, но только охала и металась. Анюта не отходила отъ нее, мѣняла ей компрессы на головѣ, подавала пить.

Около половины дня, Косыревъ подошелъ къ Анютѣ и сказалъ ей, что Папа замѣнить ея мѣсто, а она пусть выйдетъ въ другія комнаты. Анюта, не разсуждая, послушалась; онъ вышелъ за ней въ гостинную.

— Вы еще ничего не ѣли,—сказалъ онъ,—я приказалъ поставить самоваръ, я тоже немного голоденъ.

— Мнѣ не хочется.

Косыревъ посмотрѣлъ на нее, она была очень блѣдна.

— У васъ ничего не болитъ?—спросилъ онъ.

— Ничего.

— Вы спали ночью?

Анюта быстро отвернула голову, чтобы скрыть накопившіяся у ней въ глазахъ слезы.

— Спала,—сказала она, проведя рукой по щекамъ,—меня Папа утромъ только разбудила.

Косыревъ подошелъ къ балконной двери и отворилъ ее.

— Выйдите-ка сюда,—сказалъ онъ,—какой воздухъ!

Маленькій малиновскій садъ былъ переполненъ пѣніемъ птичекъ; въ свренивомъ кустѣ перекливались два зяблика; въ аллеѣ застойчиво кричалъ козочникъ; передъ балкономъ Авдѣй подкашивалъ траву между піоновъ, пахло землей и свѣжей травой.

Анюта глубоко вдохнула въ себя весенній воздухъ и уставивъ взглядъ въ даль, задумалась. Дмитрій Ивановичъ оставилъ ее на

балконѣ и тихонько пошелъ въ комнату больной. Когда онъ возвратился, самоваръ кипѣлъ въ столовой, на балконѣ Анюты не было; онъ сошелъ въ садъ, обошелъ кругомъ по дорожкѣ и увидалъ свѣтлое платье на скамейкѣ; Анюта сидѣла подперши лицо обѣими руками, она утромъ не успѣла причесаться; густыя, но грубыя пряди волосъ ея кое-какъ были завернуты кругомъ маленькой, круглой головы. Она была блѣдна; съ утра выраженіе лица ея успѣло измѣниться, на немъ видно было какое-то сдержанное безпокойство, Анюта точно постарѣла, глаза у нея впали.

Дмитрій Ивановичъ сѣлъ возлѣ нея, и прутивомъ принялся чертить что-то на песокъ; Анюта будто не замѣтила его; минутъ пять просидѣли они такъ, потомъ Анюта подняла голову и спросила:

— Вы были у ней сейчасъ?

— Былъ, она спокойна, и жару менѣе; я думаю, она заснетъ, не надо къ ней входить пока.

Анюта опять приняла прежнее положеніе и погрузилась въ свою думу. Косыревъ посмотрѣлъ на нее, потомъ на свой прутикъ, почесалъ бороду и опять посмотрѣлъ на Анюту.

— О чемъ вы думаете?—спросилъ онъ неожиданно, и принялся усерднѣе прежняго чертить по песку; она слегка вздрогнула, отняла руки отъ лица и выпрямилась.

— Не знаю! то-есть, нѣтъ! неправда! знаю! Я думала что я виновата въ томъ, что она больна.

— Почему?

— Потому что я полѣвилась встать третьяго дня ночью, когда я услышала, что ходять въ корридорѣ; а потомъ вчера не слѣдовало...

Анюта вдругъ покраснѣла и замолчала.

— Чего не слѣдовало?—спросилъ Дмитрій Ивановичъ, продолжая чертить по песку.

Анюта сорвала свѣженькій, еще весь въ складочкахъ листикъ отъ липы и взяла его въ ротъ.

— Не слѣдовало мнѣ уходить изъ дому, она уже была нездорова.

Оба помолчали; Дмитрій Ивановичъ вдругъ поднялъ голову и взглянулъ такъ прямо ей въ глаза, что она опустила ихъ и опять покраснѣла.

— Анна Сергѣевна! вы всегда такъ себя мучите?—спросилъ онъ свойственнымъ ему короткимъ и какъ-то мужественно-внушительнымъ манеромъ.

— Мнѣ не приходилось этого замѣчать, — отвѣчала она вѣжливо, — вообще... какъ вамъ сказать? — я какъ-то до сихъ поръ никогда не думала о себѣ, — не думала, что я дѣлаю... то со мной дѣлается.

— Такъ—не надо; вы не обдумывали своихъ дѣйствій?

— Нѣтъ.

— А надо думать, и поступать какъ можно лучше, — сказалъ Косыревъ, не глядя болѣе на нее, — по крайнему разумѣнію; ну, если вопреки нашей волѣ выйдетъ не хорошо, не-зачѣмъ мучить себя, видно такъ слѣдуетъ: если знаешь, что самъ виноватъ, что же дѣлать! Было не воротись, пусть будетъ урокъ на будущее. Пойдите чай пить, — прибавилъ онъ вставая.

Передъ вечеромъ пришла Маша изъ Троицкаго; ея приходъ сильно обрадовалъ Анюту, и вмѣстѣ съ тѣмъ она только тутъ будто ясно поняла, что случилось; ей показалась такъ далеко уже отъ нея та эпоха ея прежней жизни, въ которой она видѣла эту Машу.

Пелагея Матвѣевна все была въ одномъ положеніи, она не гуляла никого, не говорила, только по временамъ слабо проплакала. Анюта и Паша смѣнялись при ней; Косыревъ почти не отходилъ отъ ея постели. Грустна была Малиновка. Въ домѣ было тихо, всѣ ходили на цыпочкахъ, говорили шопотомъ; одни стѣнные часы стучали по прежнему однообразно, но какъ-то громче и настойчивѣе обыкновеннаго, будто хотѣли сказать: намъ нужна свобода! мы можемъ громко говорить! Въ корридорѣ можно укусомъ. Въ столовой никто не прибралъ посуду послѣ этого отпятаго чая.

Въ девять часовъ Косыревъ вышелъ изъ комнаты Пелагеи Матвѣевны и у двери встрѣтилъ Анюту:

— Я къ вамъ шелъ, — сказалъ онъ, — хотѣлъ посоветовать вамъ пойти лечь; я останусь при вашей тѣтушкѣ на ночь.

— Ахъ, нѣтъ! — воскликнула Анюта умоляющимъ голосомъ, и будто не надѣясь умолить, прибавила тише: — позвольте мнѣ просидѣть у ней; я вѣдь здорова, вѣдь я спала ту ночь, у меня ничего не болитъ, я буду сидѣть въ креслахъ!

Дмитрій Ивановичъ выслушалъ ее.

— Не слѣдуетъ, — сказалъ онъ твердо... — вы будете свѣжѣе завтра; а ночью уснете и не услышите, если ей чего понадобится. Я пришлю къ вамъ Папу рано утромъ.

Анюта молча опустила голову.

— Пораньше, пожалуйста, — попросила она.

Косыревъ подалъ ей руку.

— Лягте, пожалуйста, тотчасъ же и постарайтесь заснуть.

Анюта тихимъ шагомъ пошла въ свою комнату, но, не раздвѣваясь, отворила окно и сѣла, облокотясь на него. Наступилъ вечеръ, тихій, теплый весенній вечеръ; въ лоцинѣ поднимался бѣлый туманъ, гдѣ-то выла собака; въ Троицкомъ церковный сторожъ ударилъ въ колоколъ, легкій дребезжащій звукъ долетѣлъ до нея и замеръ; за нимъ второй ударъ.

«Вотъ день, — думала Анюта, — прошелъ день, и какой! А вчера было совсѣмъ другое! Отчего я не могла предвидѣть, что сегодня будетъ? А теперь что будетъ?» — точно камень лежала тоска у нея на сердцѣ. — Вотъ она идетъ эта неизвѣстная, ничѣмъ неотвратимая будущность! И неужели ей, молодой, сидѣть такъ, и ждать какъ она идетъ, несмотря на свой избытокъ силъ и здоровья; да еще и чувствовать себя виновной? — И зачѣмъ это я такъ сдѣлала, — думала она: — ужъ видно дурно ей было, что она захотѣла лечь, и какъ это я не догадалась, что она хуже себя чувствуетъ, чѣмъ хочетъ показать! и очень нужно было идти за три версты, и забудокъ-то нѣтъ. Кабы меня за это наказалъ кто-нибудь! побранилъ бы! Ну, я сама себя накажу! Да какъ наказать! Чего лишить себя? У насъ сегодня вторникъ; до будущаго вторника я не сорву ни одного цвѣтка! вотъ мнѣ наказаніе! пусть ничего въ комнатахъ не будетъ! пусть не на что мнѣ будетъ любоваться!»

Туманъ бѣлый все выше и выше поднимался, шире и шире обхватывалъ лоцину; летучая мышь пролетѣла мимо самаго окна...

«Что онъ за человекъ, этотъ Дмитрій Ивановичъ, — думала Анюта, — добрый онъ, кажется, такой, а говорить такъ отрывисто, будто даже грубо, и почему мнѣ страшно его? Первый день онъ здѣсь, и когда что скажетъ, какъ хочешь, а надо его слушаться!» — Свѣжо становилось; Анюта затворила окно, спустила только платье и какъ была одѣтая, такъ и легла на постель.

Въ концѣ недѣли Пелагеѣ Матвѣевнѣ стало лучше; крѣпкое, здоровое сложеніе ея взяло-таки верхъ, несмотря на годы, и вмѣсто горячки или тифа, какъ можно было ожидать, ее продержалъ только жаръ съ легкимъ бредомъ не много болѣе двухъ сутокъ; за то послѣ этого она стала такъ слаба, что рукой едва двинуть могла.

Въ теченіе этой недѣли, Дмитрій Ивановичъ не отходилъ отъ нея; онъ уѣзжалъ изъ Малиновки домой отдохнуть часа на два въ день и возвращался опять къ больной. Въ домѣ онъ сталъ

своей человѣкъ; впрочемъ, нигдѣ онъ не былъ долго чужимъ. Анята не много робѣла при немъ; это и было естественно: она чувствовала постоянно, будто Косыревъ, хотя и былъ чужой для нея, однако понималъ ея мысли и побужденія почему-то, и слѣдилъ за ней, а самъ болѣею частью молчалъ. Ей иногда становилось обидно, что она не могла противиться его волѣ, даже въ бездѣлицахъ; какъ ни противорѣчила она ему, какъ ни старалась воставить на своемъ, все выходило по его волѣ, и безъ споровъ, даже почти безъ разсужденій.

Разъ, передъ вечеромъ, Пелагея Матвѣевна спала; Паша сидѣла у нея; Анята вынесла стулъ на балкончикъ и шила. Косыревъ еще утромъ ушелъ въ Троицкое и сказалъ, что придетъ ночевать при больной въ послѣдній разъ. Солнце почти уже скрылось за деревьями, послѣдніе косые лучи догорали, просвѣчивая между стволовъ елей; въ прудикѣ играла рыба, поминутно всплескивая и оставляя за собой широкіе, постепенно исчезающіе круги на водѣ. Около креста, у забора, показалась истасканная соломенная шляпа Илюши; мальчикъ прошелъ черезъ садъ, и, увидавъ Аняту, которая, не замѣчая его, продолжала шить, по своему обыкновенію смутился; однако онъ поднялъ шляпу, и, стараясь преодолѣть робость, произнесъ, остановившись у ступенекъ:

— Здравствуйте-сь!

Анята вздрогнула и подняла голову.

— Ахъ, Илюша! это вы? Какъ вы тихо подошли, я и не слыжала!

— Я васъ испугалъ?

Онъ взошелъ на балкончикъ и пожалъ протянутую ему руку съ наперсткомъ.

— Нѣтъ, не испугали! Только я занялась работой, не слыжала, какъ вы подошли.

— Какъ здоровье Пелагеи Матвѣевны?

— Слава Богу, полегче; спасибо вотъ Дмитрію Ивановичу! Мама не онъ, не знаю, что бы съ нами было!

По лицу Илюши скользнуло какое-то неуловимое выраженіе.

— Не повѣрите, какъ онъ за тѣтенькой ухаживалъ! — промолвила она: — точно родной, право!

Илюша, ничего не отвѣчая, подпрыгнулъ, чтобы сѣсть на высокую перила балкона.

Анята опять наклонилась надъ работой.

— Что это вы насъ давно не навѣщали, Илюша?

Илюша покраснѣлъ.

— А?—продолжала Анюта, вдѣвая иглу.

— Я думалъ, вамъ не до меня будетъ, Анна Сергѣевна; а про васъ я слышалъ отъ Марьи Васильевны: каждый день ходилъ на Поповку навѣдываться.

Они оба помолчали.

— Что, онъ придетъ къ вамъ опять сегодня? — спросилъ вдругъ Илюша, повидимому, продолжая вслухъ свою мысль.

— Кто? Дмитрій Ивановичъ? придетъ. А что?

— Ничего. Вы его полюбили?

Анюта въ свою очередь немного покраснѣла.

— Странный вопросъ! А вы?

Илюша какъ-то неопредѣленно прошипѣлъ сквозь зубы:

— Ш-ш-ш! вотъ уже!

— Отчего же?

— Да что въ немъ хорошаго? Помилуйте! Богъ знаетъ что онъ про себя воображаетъ! Вотъ вы хоть спросите у Марьи Васильевны, она вамъ то же скажетъ. Смотрить на насъ на всѣхъ свысока, не подходи! Если бы онъ когда со мной, напримѣръ, благоволилъ заговорить, кажется бы..... Да я не знаю что скорѣе можетъ случиться, чѣмъ это! — Да Богъ съ нимъ! мнѣ все равно! Только зачѣмъ онъ пріѣхалъ, безъ него лучше было!—Да и что я-то ему сдѣлалъ? Строго такъ на меня смотреть!

Анюта засмѣялась.

— Полноте, Илюша; это вы такъ себѣ воображаете; я васъ увѣряю, что напротивъ...

Она не договорила: по дорожкѣ шелъ Дмитрій Ивановичъ, не спѣша, не много разваливаясь, какъ всегда; въ рукѣ онъ бережно держалъ двѣ-три вѣточки розоваго шиповника. «Лѣгокъ на поминѣ», произнесъ Илюша сквозь зубы; Косыгрѣвъ, все такъ же не спѣша, поднялся по ступенькамъ, которыя скрипнули подъ нимъ, подалъ шиповникъ Анютѣ, коротко прибавивъ: — «вы говорили, что любите. Только три цвѣточка и распустились пока», — потомъ обратился къ Илюшѣ, и протянулъ ему руку: — «здравствуйте», сказалъ онъ, выговаривая это слово по свойственной ему привычкѣ особенно отчетливо, не пропускавая ни одной буквы; — «что скажете»? Илюша небрежно поклонился; какъ настоящій ребенокъ, ему хотѣлось показать Дмитрію Ивановичу, что онъ для него ровно ничего не значитъ. — Анюта съ радостнымъ восклицаніемъ взяла шиповникъ и понюхала: «а мое обѣщаніе не любоваться на цвѣты до вторника»? подумала она вдругъ, и смутилась; лицо ея приняло серьезное

выраженіе, она съ какимъ-то страхомъ взглянула на шиповникъ и положила его возлѣ себя на столѣнь.

— Однако тепло, — замѣтилъ Дмитрій Ивановичъ, проведя пальцами въ волосахъ, — чудный вечеръ!

Илюша взялъ свою шляпу.

— Вы домой торопитесь, или я васъ спугнулъ? — спросилъ Косыревъ, и, не дождавшись его отвѣта, обратился къ Анютѣ: — то она, какова?

— Не знаю; теперь спать; послѣ обѣда слаба была, я ваши капли давала.

Косыревъ вошелъ въ домъ.

— Прощайте, Анна Сергѣевна, — обратился къ ней Илюша; онъ съ трудомъ сдерживалъ свою злобу на Дмитрія Ивановича.

— Куда вы, въ самомъ дѣлѣ торопитесь, Илюша? Вѣдь не поздно. — Отчего же вы его такъ не влюбили? — прибавила она толголоса.

— Не влюбилъ! — повторилъ только Илюша, поклонился и ушелъ. — «Медвѣдь проклятый! — бормоталъ онъ, шагая по дорожѣ, — туда-же цвѣточковъ принеси!» Анюта встала, взяла шиповникъ и задумалась: — «и какъ глупо было давать это обѣщаніе! Будто оно могло принести пользу тѣтѣ! Куда дѣвать эти цвѣты теперь? — Чтѣ за вздоръ! — рѣшила она, встряхнувъ головой, — да и не я ихъ сорвала!» Она налила воды въ стаканъ, и поставила шиповникъ на столѣ въ гостинной.

На слѣдующее утро, выходя изъ своей комнаты, она встрѣтила Пашу въ корридорѣ.

— Какова тѣтя? — спросила она.

— Не хороша, барышня, что-то жаръ опять сдѣлался; Дмитрій Ивановичъ всю ночь укусы прикладывали.

Анюта бросилась-было по корридору, но Паша остановила ее, сказавъ, что теперь поуспокоилось, и больная и Дмитрій Ивановичъ спать. Анюта вошла въ гостинную, и взглядъ ея упалъ на шиповникъ.

— «Вотъ оно, неисполненное обѣщаніе, отзывается! — мелькнуло у ней въ головѣ: — да вѣдь это выходитъ суевѣріе, больше ничего!» — Она подошла къ балконной двери, отворила ее, прошла по саду, возвратилась, взяла работу, и сѣла у порога. Странное дѣло! какъ она ни старалась не глядѣть на букетъ, она не могла ни на минуту забыть, что онъ тутъ, въ гостинной, на столѣ; она старалась думать о другомъ, старалась уговаривать

себя,—ничего не помогало! Наконецъ она не вытерпѣла, встала, почти съ озлобленіемъ взяла ставанъ и вышлеснула воду съ цѣвѣтами съ балкона, въ уголокъ между домою и кадкой, подставленной подъ жолобомъ; будто тяжесть какая скатилась у ней съ сердца. Только-что усѣлась она опять за работу, какъ вошелъ Дмитрій Ивановичъ.

— Нехорошая ночь была?—обратилась Анюта къ Косыреву.

— Да, жаръ дѣйствительно опять былъ, но за то теперь ей гораздо лучше; къ утру она очень хорошо спала; приважите куриного бульону сдѣлать.

Анюта пошла въ кухню, потомъ заглянула къ тѣтѣ: блѣдное, осунувшееся, но все такое же доброе лицо ея, съ бородавкой на подбородкѣ, едва видно было въ глубинѣ подушекъ и пуховиковъ всѣхъ величинъ.

Пелагеѣ Матвѣевнѣ было замѣтно лучше, она говорила громче, и попросила поскорѣе чего-нибудь ѣсть. Посидѣвъ нѣкоторое время у больной, Анюта вышла въ гостинную; Дмитрій Ивановичъ читалъ, сидя на диванѣ.

— Я васъ только ждалъ,—сказалъ онъ, вставая:—я отправлюсь домой на сегодня; мнѣ, слава Богу, нечего болѣе дѣлать при вашей тѣтушкѣ; завтра побываю въ теченіе дня.

Онъ взялъ шляпу; они вышли вмѣстѣ на балконъ и, разговаривая, тихонько дошли по саду до калитки.

— Не забудьте 10 капель на ночь, — докончилъ Косыревъ, повертывая крестъ.

— Не забуду; вы завтра придете?

— Приду.

— А шиповникъ жаль, что выбросили,—сказалъ онъ совершенно спокойнымъ голосомъ, не взглянувъ на нее: — если вамъ было неприятно, вы бы не брали вчера, было бы и лучше и проще.—Я думалъ, вы не такая, Анна Сергѣевна! прощайте.

Онъ поднялъ шляпу и, все-таки не взглянувъ на нее, пошелъ по дорогѣ.

При словѣ «шиповникъ» Анюта раскрыла губы, да такъ и осталась неподвижной; темный румянецъ покрылъ ея лицо, уши, даже и шею; она не нашлась что ей сказать, а вотда опомнилась, Дмитрій Ивановичъ былъ уже далеко; ей стало такъ досадно, неловко, обидно, что даже слезы брызнули у ней изъ глазъ; она замаяхнулась и изъ всѣхъ силъ ударила кулакомъ по столбу калитки. Тихими шагами, потирая изрѣдка и дуня на раскраснѣвшійся кулакъ, пошла она по дорожкѣ къ дому; въ головѣ у нея бродили какія-то незнакомыя ей мысли.

Весь слѣдующій день Анята была, что называется, не въ своей тарелкѣ; погода была пасмурная, шелъ мелкій, настойчивый дождичекъ, точно осенью; утро провела она у тѣток, Дмитрій Ивановичъ не приходилъ, время тянулось однообразно, ей становилось все болѣе и болѣе досадно; она не хорошо понимала мысль Дмитрія Ивановича, не могла себя объяснить, въ чемъ собственно состояло недоразумѣние, и именно это-то и было такъ неловко.

Далеко за полдень дверь на крыльцѣ скрипнула; въ то же мгновеніе, не отдавая себя отчета, что она дѣлаетъ, Анята бѣгомъ бросилась въ свою комнату и замерлась. Она слышала, какъ Дмитрій Ивановичъ вошелъ къ Пелагеѣ Матвѣевнѣ, потомъ, минуту черезъ двадцать, вышелъ и спросилъ, гдѣ Анна Сергѣевна.

— «Глупость! вадоръ! малодушіе!—повторила Анята сама себя,— и что за бѣда, что бы онъ ни подумалъ!—Непростительно глупо!»—повторяла она, поправляя волосы передъ зеркаломъ, а сердце, между тѣмъ, такъ и билось у нея!

Въ эту минуту Паша постучала у двери.

— Иду сейчасъ!—крикнула Анята, и вся красная вышла въ корридоръ; дверь въ гостинную была отворена.

Дмитрій Ивановичъ ходилъ по комнатѣ, заложивъ руки въ карманы. Онъ протянулъ руку Анятѣ, и, какъ ей показалось, не посмотрѣлъ на нее.

— Кажется, можно поздравить съ рѣшительнымъ выздоровленіемъ,—сказалъ онъ:—она ночь хорошо провела?

— Два раза просыпалась только.

— Ну, и слава Богу!

Анята безъ всякой видимой причины подошла къ окну и стала смотрѣть.

— Сыро;—замѣтилъ коротко Дмитрій Ивановичъ.

— Да, дождь все идетъ, теперь на долго! на лужахъ нузыри дѣлаются!

— Ну-съ, прощайте!

Анята обернулась.

— Вы уходите?

Косыревъ со вниманіемъ застегивалъ до верку сюртукъ.

— Некогда! я думаю, завтра я не поеду сюда; въ случаѣ чего особеннаго, пришлите Авдѣя.

— Хорошо, благодарю васъ.

Онъ ушелъ, а Анята все стояла неподвижно среди гостиной, глядя въ полъ.

— «Еще хуже стало!» — думала она, и раздосадованная, совсѣмъ уже въ дурномъ расположеніи духа, вошла въ тѣтѣн. Какъ нарочно Пелагея Матвѣевна, противъ своего обыкновенія, тоже была всѣмъ недовольна; то бульонъ былъ солонъ, то опять жидокъ, то холоденъ, то Анюта недовко пить подала, все пришлось на бѣлье, весь воротъ намокъ. На лицѣ Анюты было выраженіе холодной, сдержанной досады; крѣпко стиснутыя губы изрѣдка пропускали отрывистое слово, когда надо было что-нибудь приказать; это такъ было непохоже на ея обыкновенную ласковую и веселую рѣчь, что Паша нѣсколько разъ съ удивленіемъ взглядывала на нее, а вечеромъ, подогрѣвая въ кухнѣ котлетку для больной, она даже замѣтила вслухъ:

— Барышня что-то нынче больно не въ духѣ.

— О-о?! — произнесла Авдотья, остановившись у плиты, и посмотрѣвъ на Пашу; она подперла подбородокъ обнаженной до локтя, вымазанной тѣстомъ, рукой: — что же это такое съ ними?

— Богъ ихъ знаетъ, — отвѣчала презрительно Паша, вѣроятно найдя, что *бабъ* не слѣдовало обращать вниманіе на случайно вслухъ высказавшееся замѣчаніе: — нешто наше дѣло разбирать господь!

Прошла недѣля, и другая. Пелагея Матвѣевна совсѣмъ оправилась, окрѣпла; по цѣлымъ днямъ сидѣла она на балконѣ, надъ которымъ устроили парусинный навѣсъ, въ родѣ маркизы; настало настоящее лѣто, кончался іюнь. — Дмитрій Ивановичъ заходилъ иногда, въ Малиновку, но рѣдко; Анютѣ казалось, что съ самой исторіи шиповника онъ не былъ болѣе совсѣмъ такимъ, какимъ бывалъ прежде; дѣйствительно, онъ обращался съ ней церемонно, а когда они сидѣли втроемъ, то болѣею частью разговаривалъ съ Пелагеей Матвѣевной. Послѣ своего выздоровленія, Пелагея Матвѣевна нашла перемѣну въ племянницѣ. Она казалась ей задумчивой, часто бывала не въ духѣ, похудѣла. — «Бѣдняжка моя! — думала она, — какъ она измучилась, ухаживая за мной, за старухой!»

Дни шли за днями, и Анюта не становилась разговорчивѣе, а раза два она даже довольно грубо отвѣчала на какое-то замѣчаніе тѣтки. Пелагея Матвѣевна не рассердилась на нее, но стала беспокоиться: — «съ измалѣтства никогда не бывало этого! — думала одна, глядя ей вслѣдъ: — что-то въ ней есть недоброе! помилуй ее Господи!»

Въ Петровъ-день Маша звала Анюту къ себѣ; съ болѣзнями

тётки она не была въ Троицкомъ; Анюта почему-то долго отговаривалась, но наконецъ согласилась; послѣ обѣдни она усадила тётку въ пролеточку, повторила Авдѣю, чтобы онъ ѣхалъ острожнѣ домой, а сама отправилась съ Машей на Поповку.

День стоялъ душный, жаркій, въ вечеру напши тучи и разразилась такая страшная гроза съ ливнемъ, что и думать нельзя было Анютѣ идти домой; долго толковали о томъ что дѣлать, какъ быть, и рѣшили, что Пелагея Матвѣевна и ждать племянницу не станеть въ такую погоду, а пусть она переночуетъ, а утромъ на другой день онѣ съ Машей отправятся въ Малиновку пѣшкомъ. Мама уступила свою постель Анютѣ, и притащила себѣ тюфякъ на полъ.

Повдно улеглись онѣ и погасили свѣчку, но имъ не спалось обѣимъ; молнія ежеминутно бросала быстрый бѣлый свѣтъ въ узенькую комнату, освѣщала горшки гераніума на окнѣ, въ беспорядкѣ сваленныя на стулѣ платья обѣихъ дѣвушекъ и висѣвшій на стѣнѣ портретъ Машинаго дѣда, писанный масляными красками маляромъ, когда-то перекрашивавшимъ церковь. Громъ, нѣсколько ослабѣвшій вечеромъ, гремѣлъ опять чаще и сильнѣе. Дождь стучалъ въ стекла, и вода съ шумомъ лилась на землю изъ переполнившейся кадки.

— Анюта! а Анюта!—произнесла Мама полушопотомъ.

— Что?

— Вы не спите?

— Нѣтъ, а что?

— Экая гроза!

— Да! точно опять ближе стала.

Онѣ помолчали немного.

— Вамъ спать не хочется?—спросила Мама.

— Нѣтъ, не хочется.

— И мнѣ не хочется—рѣшила Мама, сбрасывая съ себя одѣяло; она привстала и сѣла на своемъ тюфякѣ.

— Анюта, вы не разсердитесь, если я вамъ скажу одну вещь?

— Что такое?

— Вы не разсердитесь?

— Ну, говорите!

— Вѣдь вы въ Дмитрія Ивановича влюблены!

Анюту такъ и передернуло; она рада была, что темно было въ комнатѣ.

— Что-жъ вы не отвѣчаете? Развѣ неправда?

— Вздоръ какой!

— Нѣтъ не въдоръ, а влюблены, ужъ я сейчасъ вижу! И похудѣли, и по глазамъ видно.

— Ну, а вы за то въ Илюшу!

Маша разсмѣялась.

— Въ такого мальчишку-то! Развѣ можно! Да у Илюши кто въ головѣ сидитъ? — Вы же! — А чтó я вамъ расскажу! Онъ Дмитрія Ивановича какъ ненавидитъ! Ревнуетъ! Намедни я ему что-то сказала про него, такъ, знаете, подразнить! Какъ онъ разсердился!! Батюшки мои!! — и при воспоминаніи объ этомъ Маша опять засмѣялась.

— Тите! матушка услышитъ!

— Да какъ хотите, и я, правду сказать, не особенно Дмитрія Ивановича *обожаю!* — зашептала опять Маша: — чтó въ немъ хорошаго? Смотритъ тавой букой, едва слово когда скажетъ; такъ поговорить съ нимъ, посмѣяться никогда нельзя; такъ на тебя взглянетъ! Да я его просто напросто боюсь! — А чтó, онъ у васъ какъ? Такой же?

Въ эту минуту молнія свергнула ярче прежняго и тотчасъ почти вслѣдъ за ней громъ ударилъ съ такой силой, что окна задрезжали; обѣ дѣвушки перекрестились, за стѣной батюшка кашлянулъ. — Анюта была рада, что ударъ грома избавилъ ее отъ отвѣта на вопросъ Маши; вообще, весь этотъ разговоръ ей не нравился, ей почему-то было неловко и точно обидно.

— Анюта, вамъ не страшно? — спросила Маша, трясаясь отъ холода и страха.

— Нѣтъ, только за тетиньку страшно: она грозы боится, я думаю всю ночь проходить по дому, лампадки вездѣ затеплить.

Онѣ опять замолчали.

— Анюта! — заговорила Маша тихонько.

— Чтó?

— Бромѣ шутокъ, голубушка, не сердитесь, милая, скажите правду истинную: онъ вамъ нравится?

— Да.

Маша не ожидала такого рѣшительнаго и скорого отвѣта; она быстро представила себѣ Дмитрія Ивановича, такимъ, какъ онъ вечеромъ сидѣлъ у самовара, живо увидала передъ глазами его серьезное, задумчивое, ей казалось, даже строгое лицо, съ коротенькой, темной бородкой: неужели этотъ человѣкъ *мои* нравится?

— Что-жъ однако вамъ въ немъ нравится? — спросила она съ разстановкой.

— Я не знаю, Маша, какъ вамъ сказать!

Анютѣ представился тотъ же Дмитрій Ивановичъ, сидящій у стола, на которомъ кипѣлъ самоваръ, и она подумала, что странно однако, чтобы кому-нибудь могло это серьёзное, умное лицо, не нравиться!

— Если хотите, и я его немножко боюсь,—сказала Анюта, —во вмѣстѣ... Ужъ какъ онъ за тѣтей ухаживалъ!

— А вы за него замужъ пойдете?

— Полноте, Маша, полноте! Грѣхъ вамъ просто!—Да онъ и не думаетъ объ этомъ! Я ему совсѣмъ не нравлюсь!—Ей припомнилась почему-то исторія съ шиповникомъ, и забытая досада точно вынырнула изъ какого-то угла головы.

— Ну, я не знаю, нравитесь ли или нѣтъ,—замѣтила Маша, Богъ ихъ знаетъ, мужчинъ! Не разберешь!—А гроза точно утихаетъ!

— Кажется, утихаетъ; два часа пробило, слышали?

— Да. Спать надо.

Маша юркнула подъ одеяло и крѣпко зажмурила глаза.

— Покойной ночи, я сейчасъ засну.

— Спите,—отвѣчала Анюта, и перевернулась къ стѣнѣ.

Не прошло пяти минутъ, какъ ровное, продолжительное дыханіе Маши дѣйствительно оправдало ея слова; Анюта долго не могла заснуть; она перевертывалась то на одну, то на другую сторону, слушала отдалявшіеся раскаты грома, слушала, какъ вода слабѣе барабанила по жолобу; смотрѣла, какъ уже рѣдко сверляющая молнія освѣщала гераніумъ, портретъ батюшки и свящую Машу, а въ огнѣ далеко виднѣющійся черной полосой лѣсъ и мокрую извилистую дорогу; она думала то о тѣткѣ, какъ она, бѣдная, вѣрно стала успокоиваться теперь и улеглась, то о себѣ и о разговорѣ съ Машей, и она чувствовала, какъ кровь приливала у ней къ щекамъ! Наконецъ, пробило три часа, и она заснула.

На другое утро молодыя дѣвушки встали обѣ рано; солнце такъ и свѣтило, такъ и смѣялось въ освѣжившейся природѣ, въ мокрыхъ листьяхъ деревьевъ, въ лужицахъ, въ рѣчкѣ.

Въ одну минуту онѣ одѣлись и, пока самоваръ не кипѣлъ еще, отправились погулять въ садъ. У самага овна были устроены скамьи.

— Давайте-ка!—предложила Маша, и обѣ со смѣхомъ вспрыгнули на доску:—выше, Анюта, выше! Не бойтесь, крѣпко!—кричала Маша, задыхаясь и, сгибая колѣни, изъ всей силы старалась выше толкнуть доску; обѣ онѣ раскраснѣлись, платья ихъ

надувались отъ быстрого движенія, качели громко скрипѣли, будто умоляя о пощадѣ.

— Голубушки, какъ высоко! — крикнула матушка въ окно, ради Христа, осторожнѣе! Маша, а ты поди-ка сюда, мнѣ тебя нужно.

Онѣ пріостановили качели, Маша на лету спрыгнула съ доски и убѣжала въ домъ. Доска подалась въ сторону, потому мало-по-малу приняла обычное плавное движеніе. Анюта стояла, держась обѣими руками за веревки, тихо покачиваясь взадъ и впередъ, и забылась. Подставки тихо поскрипывали, а въ густомъ куствѣ бузины весело, громко свистѣла иволга.

— Богъ его знаетъ! — думала Анюта, — а вѣдь Маша угадала, должно быть! Эхъ! какъ иволга свиститъ! — такъ вотъ оно что? Вотъ онс! Да, люблю! Вонъ она опять свиститъ... Боже мой! какъ душа полна! Да, люблю! просто люблю!

— О чемъ это вы задумались? — спросилъ совершенно возлѣ нея голосъ Дмитрія Ивановича. Анюта обернула къ нему свое красное, улыбающееся лицо и оживленные глаза:

— Да такъ! — отвѣчала она и немного толкнула доску, — о томъ и о семь!

— Гмъ! о томъ и о семь! — А какова гроза была?

— Страшная! Какой дождь лилъ!

— Вы боитесь грозы?

— Нѣтъ! тѣтенька боится.

Они замолчали, а иволга опять засвистала въ бузинѣ.

— А вотъ, говорятъ, если крещенскую свѣчу зажечь, такъ громъ не упадетъ, — сказала Анюта.

— Вы вѣрите этому, Анна Сергѣевна?

— И вѣрю, и нѣтъ.

— Я думаю, что свѣча не при чемъ тутъ...

— Правда.

— Вы примѣтамъ вообще вѣрите?

— Инымъ, кажется, вѣрю, — отвѣчала Анюта, задумавшись, — да, вѣрю, — повторила она. — Дмитрій Ивановичъ! — сказала она вдругъ, съ нѣкоторымъ смущеніемъ обратившись въ Босыреву, который стоялъ, поднимая одну ногу на доску качелей, — помните шиповникъ? вѣдь это было суевѣріе!

И она въ нѣсколькихъ словахъ разсказала ему все, что было.

Онъ выслушалъ ее и задумался.

— Отчего вы мнѣ этого тогда не сказали? — спросилъ онъ.

— Не знаю, мнѣ какъ-то стыдно было!

Изъ-за забора показалось въ эту минуту нѣсколько мужи-

ювъ; на плечахъ они несли косы, которыя ярко сверкали на солнцѣ, а у пояса, въ жестяномъ ящичкѣ, гремѣло у нихъ то-чило. Всѣ они поклонились Косыреву.

— Чтѣ хозяйка, какова?—спросилъ онъ, останавливая одного изъ мужиковъ.

— Дай Богъ тебѣ много лѣтъ здравствовать, батюшка, со-всѣмъ здорова, — отвѣчала мужикъ, кланяясь.

— Ну, слава Богу! только смотри, чтобы она много не ра-ботала, а то опять захвораетъ!

— Какъ можно, батюшка! Помилуй Господи!

Мужикъ надѣлъ картузь и тяжело побѣжалъ за другими, звонко побрякивая точиломъ.

— Вотъ жизнь-то бѣдныхъ нашихъ крестьянѣвъ! Просто не-помято, какъ могутъ онѣ ее переносить! — замѣтилъ Дмитрій Ивановичъ: — вы, Анна Сергѣевна, вблизи знаете жизнь въ де-ревняхъ?

— Не могу сказать, чтобы вблизи; какъ-то рѣдко случалось мнѣ говорить съ ними.

— Но вы, однако, постоянно жили въ деревнѣ?

— Да, только четыре года я была въ Москвѣ, въ пансіонѣ.

— И неужели васъ никогда не интересовало посмотрѣть нѣсколько поближе крестьянскій бытъ, ознакомиться съ нимъ?

— Не знаю... нѣтъ!

— Вы не подумали, что можете имъ быть полезны?

Анюта спустила одну ногу съ доски, и, припрыгнувъ нѣ-сколько разъ на ней, соскочила на земаю.

— Какую же могу я принести пользу? вотъ вы докторъ, я понимаю!

— Самоваръ давно кипитъ!—крикнула Маша въ окно.

Они оба вошли въ гостинную; всѣ уже сидѣли за налитыми чашками, тутъ былъ и Илюша. На Дмитрія Ивановича напелъ какой-то рѣдкій стихъ, онъ разговаривалъ, даже шутилъ и смѣ-шилъ общество.

Послѣ чаю Анюта собралась домой, Илюша вызвался про-водить обѣихъ дѣвушекъ; онѣ надѣли шляпы и вышли; на крыльцѣ сидѣлъ Дмитрій Ивановичъ, тоже въ шляпѣ и съ палкой въ рукахъ.

— Вы меня примете въ свое общество?—спросилъ онъ, вставая со скамейки. Маша съ насмѣшливымъ удивленіемъ посмотрѣла на него, потомъ на Анюту, Илюша до крови-прикусилъ губу, егда Анюта весело и непритворно сказала:

— Милости просимъ!

Они пошли.

Дорога была не широкая; въ иныхъ мѣстахъ еще не скошен-ная, мокрая, высокая трава стояла по обѣимъ сторонамъ; чтобы не замочить платье, Анюта пропустила Машу впередъ и пошла за ней посреди дороги. Она не слушала разговора ея съ Илюшей, она вся предалась живымъ, новымъ ощущеніямъ. Ей было хорошо! Не много позади шель Дмитрій Ивановичъ; она знала, что онъ близко отъ нея, слышала его шаги, и знала, что именно и поэтому ей легко и весело. Уже давно сильное, но неопредѣленное въ ней чувство стало ясно ей только въ это утро. «Такъ вотъ оно! Вотъ оно что!» — все повторяла она сама себѣ. Въ ней было такъ полно, что душило ее! Радостно, свѣжо связывалась ей любовь въ первый разъ, въ это чудное, лѣтнее утро! Она свѣтилась, пѣла въ ней, именно такъ, какъ блестяло солнце, какъ раздавалась пѣснь жаворонка, то звонкая, переливчатая, то исчезающая въ синевѣ неба!

Косыревъ докурилъ папироску и поравнялся съ ней.

— Что за день! — сказалъ онъ, — какъ гроза очистила воздухъ!

Анюта ничего не отвѣчала; ей казалось, что если она откроетъ ротъ, то не совладаетъ съ своимъ голосомъ, — вскрикнуть или запеть. Они молча прошли нѣсколько шаговъ.

— Вы много читаете? — спросилъ Косыревъ.

Анюта перевела духъ.

— Вовсе почти не читаю, нѣгдѣ книгъ достать.

— Что же вы дѣлаете?

— Какъ вамъ сказать, — отвѣчала Анюта шутливо, — это трудно опредѣлить; шью, гуляю, разговариваю, ѣмъ.

— Больше ничего?

— А что же еще?

— И такъ вы проведете всю жизнь?

— Какъ?

— Будете пить, гулять, разговаривать, ѣсть?

— Какъ же мнѣ иначе провести жизнь? — спросила Анюта серьезно.

— Послушайте, еслибы въ концѣ вашей жизни у васъ кто-нибудь спросилъ, на что вы употребляли жизнь, силы, здоровье, вы бы отвѣчали также: шила, разговаривала, гуляла?

Анюта шла, опустивъ голову.

— Я никогда объ этомъ не думала, — сказала она тихо.

— Вы вѣрно думаете, съ какого права я говорю такъ съ вами, Анна Сергѣевна, — сказалъ Косыревъ; но вамъ бы жизнь

представлялась иная, свѣтлѣе, шире еще, еслибы вы поняли ее, поняли себя. Вы не сердитесь на меня?

— Ахъ, нѣтъ! полноте, пожалуйста не думайте этого! Мнѣ такъ странно! Вы какъ-то все говорите такое новое, точно новую книгу отпираете.

Косыревъ слегка улыбнулся.

— Ни отъ кого я ничего такого не слыхала, нивогда мнѣ въ голову ничего не приходило. Да кто можетъ меня здѣсь научить, какъ иначе употреблять жизнь? А вѣдь правда! Послушаешь васъ, такъ хочется взяться за что нибудь! Вотъ я давеча тоже думала.

— Что думали?

— Вы говорили про мужиковъ; вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, живешь тутъ и не знаешь даже, что кругомъ дѣлается. Да чѣмъ имъ-то имъ быть полезной? Дмитрій Ивановичъ, ну, что же мнѣ изъ нихъ сдѣлать?

— Мало ли что? Знаете, много можно имъ сдѣлать добра, итъ добрымъ словомъ. Въ вашей жизни доброе слово сказать легко, вѣдь вы живете свободная, счастливая, но только быда въ томъ, что живете день за день, не оглядываясь кругомъ и на себя.

— Илья Тимофѣевичъ! много вы рыбы наудили нынче утромъ? — обратился Косыревъ къ Илюшѣ, повидимому, намѣренно рѣзко обрывая направленіе разговора.

— Штукуъ десять мелочи, — отвѣчалъ Илюша довольно грубо, и опять заговорилъ съ Машей.

Косыревъ засмѣялся.

— Вы не знаете, за что я ему такъ не нравлюсь? — спросилъ онъ.

Анюта вдругъ вспыхнула.

— Не знаю.

— Онъ, мнѣ кажется, не совсѣмъ равнодушенъ къ вамъ? Я не ошибаюсь?

— Можетъ быть. Вонъ, посмотрите, тѣтя къ намъ навстрѣчу идетъ!

Поздно вечеромъ, того же дня, солнце давно уже исчезло, темная твердь небесная вся покрылась звѣздами; Пелагея Матрѣевна сидѣла на балконѣ, Анюта вполонину лежала на верхнихъ ступенькахъ; въ канавѣ, воалѣ садика, перекатами вываживали хоромъ лягушки, въ лугу все еще трещалъ сверчокъ, да-

леко въ деревнѣ слышалось хороводное пѣнье. И тѣтя и племянница молчали.

— Тѣтя, что вы думаете о Дмитріѣ Ивановичѣ? — спросила неожиданно Аня.

— Дмитрій Ивановичъ?—Ничего; человекъ, кажется, хороший, солидный. Что тебѣ вздумалось, душа моя?

— Да такъ, тѣтя, я такого никогда не видала.

— Много ли ты людей на своемъ вѣку видала? Человекъ онъ, какъ всѣ, только немножко гордъ, я думаю, да себѣ на умѣ, я этого не люблю. Впрочемъ, грѣхъ мнѣ на него говорить: кабы не онъ, можетъ быть я теперь въ могилѣ бы лежала.

Онѣ опять замолчали, и хороводъ примолкъ; одинъ сверчокъ съ новой силой затрепалъ въ темной, теплой ночи.

— А чѣмъ онъ по-твоему не такой, какъ другіе?—заговорила Пелагея Матвѣевна.

— Сама не знаю, онъ все такое новое говорить!

— Что новое?

— Про все, про меня, про людей. Онъ, должно быть, очень уменъ.

И сверчокъ замолкъ, и лягушки квакать устали, по небу пролетѣла яркая звѣздочка и потухла.

— Погасла,—проговорила Аня.

Старушка не слыхала ее, у ней въ мысляхъ блеснула тоже звѣздочка, и надъ ней она задумалась.

Опять по прежнему тихо потекло время въ Малиновѣ, на посторонній взглядъ ничего не измѣнилось: Паша въ дѣвичьей все такъ же шила, мурлыча какую-то пѣсню; Авдотья развѣшивала на веревкахъ пестрые рубахи Авдѣя и ситцевыя платья Аняты; Прохорычъ ворчалъ, задавая кормъ коровамъ, только передъ домомъ, вмѣсто піоновъ, зацвѣлъ макъ всѣхъ цвѣтовъ, да въ деревьяхъ птички вывели молодыхъ. Съ виду все та же была Малиновка, а внутри между тѣмъ много перемѣнилось. Пелагея Матвѣевна поняла теперь, о чемъ задумывалась ее племянница и боязливо слѣдила за ней, не говоря однако съ ней ни о чемъ. Для Аняты открылась новая жизнь, или, какъ она выразилась сама, Дмитрій Ивановичъ ей отперъ новую комнату, но только первый день этой новой жизни прожила она радостно; вслѣдъ за этимъ потянулся цѣлый рядъ дней, дѣйствительно новыхъ, но, переживая ихъ, она пожалѣла о своей прежней беззаботной жизни. Она слишкомъ мало привыкла разбирать себя, свои мысли, чтобы

жестю и теперь отдавать себѣ отчетъ въ нихъ; только одно знала она, что ей почему-то не нравилось болѣе прежнее житье, почему-то стало тѣсно въ Малиновкѣ, и Авдотья казалась ей глуше прежняго, и въ первый разъ только она замѣтила, что у двери изъ корридора въ столовую, вмѣсто отломанной ручьи, привязана веревочка. Съ горячо любимой ею тѣткой ей было скучно сидѣть, и стара она была, другого вѣка совсѣмъ, и разговоръ съ нею не клеился, не о чемъ говорить имъ было. Маша и Илюша давно не бывали въ Малиновкѣ. Тѣ свѣтлыя, сіяющіе дни, въ которые Дмитрій Ивановичъ заходилъ, случались довольно рѣдко, пролетали они для Анюты быстро, въ какомъ-то чаду, а послѣ нихъ становилось еще хуже. «Зачѣмъ это я такъ сказала ему!» думала она непремѣнно всякій разъ, перебирая весь разговоръ, всякое обстоятельство: «и забыла сказать, что хотѣла, и говорилось у меня все что-то не то, да я и сама не знаю, что я говорила, такъ это все вышло неловко! Хотя бы онъ поскорѣе опять пришель, я ужъ буду по-спокойнѣе». И опять все то же выходило.

Разъ какъ-то, въ жаркій іюльскій день, Анюта сидѣла, развалившись на диванѣ въ своей комнатѣ, для свѣжести засучивъ рука повыше, и лѣниво глядѣла въ открытое окно; птицы и звѣри, и вся природа, казалось, боялись пошевелиться отъ жары; вдали, надъ лугомъ, воздухъ даже зыблился около кустовъ, солнце палило безъ пощадки, пахло гарью, нигдѣ не слышно было ни одного звука, только кузнечики трещали десятками въ коротенькой, скошенной, горячей травѣ. Вдругъ въ окнѣ, въ самомъ лучѣ солнца, зажужжала какая-то толстая муха, то почти неподвижно держалась она на одномъ мѣстѣ, неудовимо-скоро шевелила крылышками, то бросалась въ сторону, то опять пріостанавливалась, будто въ нерѣшимости, влетѣть ли ей въ комнату или нѣтъ. «И какъ ей не жарко жужжать»,—думала Анюта, угряясь платкомъ:—и что ей надо. Если она влетитъ въ комнату, значить, онъ меня не любитъ, а улетитъ прочь, такъ любить». Муха описала кругъ въ воздухѣ и съ громкимъ жужжаніемъ скрылась за окномъ. «Любить!—подумала Анюта, улыбнувшись:—онъ бы сказалъ, что это примѣта. А на самомъ дѣлѣ, любить ли онъ меня? Кто его знаетъ? Дѣвичья, говорятъ, душа потѣмки; правда, можетъ быть, да вѣдь у него не дѣвичья; значить, всякая душа, ~~мужья~~ бы она ни была—все потѣмки!»

Въ началѣ августа собралось большое общество за грибами вечеромъ: и старый, и малый отправился, и троицкіе всѣ, не включая Дмитрія Ивановича, и Пелагея Матвѣевна пошла съ племянницей. Спокойный сосновый лѣсъ огласился смѣхомъ, говоромъ, ауваньемъ по всѣмъ концамъ.

— Папаша, не подходите ко мнѣ, дайте только! — кричала Маша, вопедшая *от азартъ*, какъ говорила про нее Пелагея Матвѣевна.

— Илюша, батюшка, глядите-ка, глядите, какая пропасть ихъ!

— Голубчикъ, — обратилась Пелагея Матвѣевна къ Илюшѣ: — не разберу я, поганка ли вонь подь кустикомъ или рыжики, сбѣлется что-то, а напрасно нагибаться не хочется, спинь больно!

Батюшка подвязалъ рясу поясомъ, сдвинулъ шляпу на затылокъ, рукава булавками закололъ, забылъ все, и подвигался, не оглядываясь никуда, отъ одного гриба къ другому, разговаривая вполголоса самъ съ собой, — онъ былъ страстный охотникъ искать грибы.

— Ишь ты, крошка! куда спрятался! — тихонько разсуждалъ онъ, нагибаясь за рыжиномъ: — небось! Не миновать и тебѣ! Э-а! а большого-то я и не видалъ! Экій богатырь какой, здоровый!

Косыревъ подошелъ къ Анютѣ:

— У васъ есть корзинка? — спросилъ онъ.

— Есть.

— Возьмите въ нее мой вкладъ, два всего нашель. Да и у васъ, я вижу, немного. Мы съ вами видно не годимся грибовъ искать. Вотъ тѣ, другое дѣло! Корзинки полныя!

— Посмотрите, Дмитрій Ивановичъ, какого вы раздавили!

— Что же дѣлать!.. Ау! — отвѣчалъ Косыревъ на голосъ Маши: — авось не заблудимся... Мы съ Ильей Тимофѣевичемъ помирились, — продолжалъ онъ: — весь вечеръ вчера разсуждали! Онъ докторомъ хотеть быть — вообразите!

— Вотъ какъ, это — новое у него желаніе явилось! Да еще переимѣнить нѣсколько разъ, онъ такой непостоянный. А славный мальчикъ, не правда ли?

— Непостоянный, дѣйствительно! Они съ Марьей Васильевной очень сошлись послѣднее время, — прибавилъ Косыревъ, улыбаясь: — вы ревнуете, Анна Сергѣевна?

Анюта засмѣялась.

— Э, нѣтъ! Да мы съ нимъ теперь, должно быть, тоже скоро совсѣмъ будемъ по прежнему, просто добрыми друзьями, а то

послѣднее время точно черная копья между нами пробѣжала. Ребятство, а неприятно, тѣмъ болѣе, что я немножко виноватой себя чувствовала.

— Отчего?

— Я несовсѣмъ честно поступила.

— Въ чемъ?

Отъ Дмитрія Ивановича нельзя было отдѣлаться, не выскрывъ всего.

— Какъ вамъ сказать! Я прежде такъ, для забавы, немножко... Я не знаю, какъ бы объяснить, я дѣлала видъ будто и не замѣчалъ, что онъ такъ ко мнѣ расположенъ, и подзадоривала его, а потомъ, какъ надоѣло, и бросила его, не стала почти говорить съ нимъ. — Анюта нагнулась, чтобы поднять грибокъ. — Теперь онъ утѣшился, — прибавила она, улыбувшись: — имъ съ Машей весело, а мнѣ все-таки не хотѣлось остаться точно будто во враждѣ съ нимъ, и не стѣмло того изъ-за глупости.

Дмитрій Ивановичъ все шелъ и задумывался: не сравнивалъ ли онъ эту чистосердечную исповѣдь съ нѣкоторыми разговорами, случайно слышанными имъ между Машей и Илюшей?

— Такъ вотъ мы съ нимъ до поздней ночи толковали, — началъ онъ: — а вы что вчера вечеромъ дѣлали?

— Что я дѣлала? Погодите, вспомню! Ахъ, да! сидѣла на лавочкѣ и думала, и о чемъ думала — то: я хотѣла спросить у васъ, вотъ вы все противъ суевѣрія говорите; ну, а какъ вы объясните, что со мной было вчера вечеромъ: нашла вдругъ на мнѣ тоска, безъ всякой причины, и не то, что тоска, хуже тоски, просто точно предчувствіе какое; будто вотъ несчастіе сейчасъ какое случится, а просто спать лечь не рѣшалась, такъ и прошло тоже безъ причины.

Дмитрій Ивановичъ задумался.

— Вообще трудно опредѣлить, чему можно вѣрить такому, чему нельзя; нѣтъ сомнѣнія, что инныя чувства такого рода существуютъ, а откуда они берутся — Богъ вѣсть, только предаваться-то имъ не надо. И предчувствія иногда оправдываются, только не всегда и даже рѣдко; зачѣмъ намъ мучиться понапрасну, впередъ? Намъ не дано знать будущее, и навѣрно это къ лучшему.

— Такъ что-жъ это у меня было?

— Знаете ли, какъ я себѣ объясню такую безпричинную тоску?

— Какъ?

— Это можетъ быть просто, помимо нашей воли являющееся

сознаніе, что въ будущемъ не можетъ наша жизнь пройти совершенно безъ всякаго горя.

— Такъ все же оно предчувствіе, значить?

— Если хотите: да и нѣтъ. Не ожиданіе чего-нибудь близкаго, опредѣленнаго, а такъ, неминуемѣе, многихъ, можетъ быть и дальнихъ, темныхъ полосъ. Вѣдь никакая жизнь безъ нихъ не протечетъ!

— Объ этомъ такъ страшно подумать!

— Э, нѣтъ! Не страшно! Жизнь такъ хороша, такъ богата задатками счастья для всякаго, кто знаетъ, гдѣ ихъ искать и найти, что темныя полосы, какъ тѣнь на рисунокѣ, кладутся для того только, чтобы свѣтъ рѣзче выдавался; безъ нихъ было бы не хорошо.

Они вышли на опушку лѣса; солнце садилось; рыжани, золотистыя, розовыя облака столпились вокругъ него, напоминая своей формой не то громаднаго какаго-то мехнатаго звѣря, не то скачущую амазонку съ широко раскинутымъ платьемъ. Оба молча смотрѣли на чудную картину; въ полѣ заливался жаворонокъ, вдали, въ деревнѣ, слышно было мычанье загоняемаго стада, лай собакъ, крики дѣтей. Свѣтъ болѣе и болѣе потухалъ, облака блѣднѣли.

— Я завтра уѣзжаю, — сказалъ вдругъ Косыревъ.

— Куда? — спросила Анюта, испуганно обернувшись къ нему.

— Въ Москву.

— На долго?

— Не знаю, смотря по дѣламъ.

Послѣдній лучъ исчезъ въ эту минуту, облака приняли сѣровато-лиловый оттѣнокъ, вмѣсто амазонки сдѣлалась какая-то странная, неопредѣленная форма. Ауканье послышалось вдали, потомъ стало приближаться.

— Вамъ дорога направо, — сказалъ Косыревъ, — а въ Троицкое направо. Прощайте.

Анюта молча протянула ему руку, онъ ее взялъ и удержалъ въ своей.

— Анна Сергѣевна! Пожелайте, чтобы моя поѣздка въ Москву удалась: вотъ, въ силу пожеланій отъ души, я вѣрю! — сказалъ, онъ улыбался.

— Желаю, Дмитрій Ивановичъ, дай Богъ вамъ!

— Благодарю васъ. Прощайте, повторилъ онъ, крѣпко сжавъ ее руку, и такимъ взволнованнымъ голосомъ, что Анюта взглянула

на него, ихъ глаза встрѣтились; у Анюты точно перевернулось сердце, но въ ту же минуту Косаревъ отвернулся и пошелъ на встрѣчу обществу.

— Какъ онъ странно посмотрѣлъ на меня, — думала Анюта, молча идя по дорогѣ рядомъ съ тѣткой: — вотъ мое солнце завтра закатится, а потомъ осень, и увижу ли я его еще когда-нибудь; Богъ знаетъ! — Она остановилась будто-бы поглядѣть на закатъ, и обернулась въ ту сторону, куда пошли троицкіе; далеко, по ту сторону лощины, по восточному, поднимались всѣ тѣсной кучкой; шаговъ десять за ними, поодаль, стоялъ Дмитрій Ивановичъ; ясно видно было всю его крупную фигуру, и соломенную шляпу; онъ стоялъ, опершись одной рукой на трость, и глядѣлъ назадъ по дорогѣ.

— Анюта, что-жъ ты остановилась, — крикнула Пелагея Матвѣвна.

Анюта еще разъ, мысленно, простилась съ стоявшими тамъ далеко на дорогѣ, и пошла за тѣткой. — Какъ сейчасъ близко былъ: вотъ эту руку онъ пожалъ, — думала она, глядя на свою правую руку: — дай Богъ ему того, что онъ желаетъ! — «Прощайте, Анна Сергѣевна», почему-то повторила она.

— Копь бы работу въ руки взяла, подѣлала бы что-нибудь, душа моя, — говорила Пелагея Матвѣвна Анютѣ дня два спустя послѣ прогулки въ лѣсу. — Немудрено, что свучаешь, день-деньской безъ работы сиди!

— У меня нѣтъ работы.

— Ну, начни себѣ; затѣй что-нибудь.

— Охоты нѣтъ, тѣтя.

Пелагея Матвѣвна посмотрѣла на Анюту и увидѣла ея красные, заплаканные глаза; сердце у нея такъ и покотилось.

— Охъ, дитя мое; страдаешься глядя на тебя, право! Совсѣмъ ты у меня другая стала. Коли горе у тебя какое, скажи бы мнѣ, легче бы стало! я бы, можетъ, и помочь могла.

— Анюта улыбнулась. — Не поможете, тѣтя!

— Не могу помочь? что-жъ это такое? Богъ съ тобой, мой ангелъ!

Анюта не отвѣчала.

— И не говори, душа моя! я знаю! — Не хитра, а понять это и у меня разуму хватаетъ! Не добрый онъ человѣкъ; сблизь онъ тебя совсѣмъ съ толку! — прибавила она. — Прости Господи!

Видеть Богъ, что я вѣкъ за него молиться буду, за тѣ, что онъ меня спасъ, да ходилъ за мной, какъ сынъ родной, а только не думала я, чтобы...

Анюта, вся красная, съ широко-открытыми глазами, стояла передъ ней:

— Не говорите ни слова про него! — перебила она, — вы не знаете его, и не можете его знать! онъ такой чело-вѣкъ...—слезы задушили ее, она закрыла лицо руками и убѣжала въ свою комнату.

Всю ту ночь Пелагея Матвѣевна глазъ не закрывала; пока Анюта росла, много ей было заботъ, но такъ тяжело еще никогда ей не было; перевертывала, пережевывала все въ своей незамысловатой головѣ старушка, и все не могла придумать, что ей дѣлать: и неблагодарной-то ей не хотѣлось быть съ Дмитриемъ Ивановичемъ, и за племянницу страшно было. Вторые пѣтухи пропѣли, а Пелагея Матвѣевна и не думала еще спать. — «Чѣмъ свѣтъ, — наконецъ рѣшила она, — велю Авдѣю пролетку заложить и свѣзжу, съ батюшкой посоветуюсь; все-таки она ему и дочь духовная, и его онъ знаетъ, авось добрый совѣтъ подастъ». Такъ на этомъ рѣшеніи и соснула она немножко, когда ужъ свѣтло было...

— Не повѣрите до чего я измучилась, батюшка, — говорила на другое утро Пелагея Матвѣевна, утирая платкомъ глаза, — просто ночи не сплю. — А когда вы его обратно ждете?

— Самъ не знаю, онъ говорилъ, что воротится черезъ два-три дня.

Пелагея Матвѣевна встала.

— Поуспокоили вы меня немножко, спасибо вамъ, батюшка, — сказала она, подставляя свою пухлую руку съ обручальнымъ кольцомъ подъ благословеніе отца Василія; они оба вышли на крыльцо; Пелагея Матвѣевна сѣла въ свою, будто повѣшенную на круглыхъ рессорахъ, пролеточку и, еще разъ простившись и поблагодаривъ священника, велѣла трогать осторожнѣе.

Въ то же утро Анюта шла тихонько по дорожкѣ въ садъ; ей было грустно, пусто и тоскливо. «Да, дѣйствительно пожалуй съ толку сбилъ! — думала она про себя: — зачѣмъ онъ потревожилъ мою прежнюю жизнь? — зачѣмъ показалъ, что этого всего недостаточно; зачѣмъ заставилъ желать жить иначе, когда никому показать мнѣ, какъ жить иначе? Зачѣмъ взбаломутилъ меня, и теперь я останусь одинокая среди людей, которые объ этомъ новомъ взглядѣ не скажутъ мнѣ ни слова, и съ которыми однако до него мнѣ было хорошо и спокойно жить?» — Какъ нарочно

передъ ней все летала какая-то маленькая птичка: то садеть на кустъ, покачается, чиркнетъ, то вспорхнетъ и полетитъ; но Аня и не замѣтила ее, она даже не видала ни муравьевъ, пропнувшихся черезъ дорожку, и прямо ступила въ нее.

Вдругъ, среди своихъ размышленій, Аня подняла голову и увидѣла у креста, у забора, доброе, смуглое лицо Дмитрія Ивановича; невольное восклицаніе вырвалось у нея. Косыревъ шель и весело поздоровался съ ней.

— Такъ радъ, что скоро удалось все обдѣлать и воротиться, — сказалъ онъ: — въ городѣ такая духота и пыль!

— Что же, хорошо дѣла окончили?

— Хорошо. Теперь я могу сказать, какія это дѣла были. Мнѣ письмомъ потребовали въ Москву съ предложеніемъ мѣста; вотъ я тамъ побывалъ, и все повончилъ: съ 1-го октября поступаю дѣла порядочно будутъ; ну, да я работы не боюсь! — прибавилъ онъ, какъ-то особенно весело улыбувшись.

Аня шла серьезно, глядя передъ собой. По краямъ дорожки росло множество крупной ромашки, она въ разбѣянности нагнулась и сорвала одну изъ нихъ.

— Вы знаете, какъ по нимъ гадаютъ? — спросилъ Дмитрій Ивановичъ.

— Какъ? т.-е. да или нѣтъ?

Аня посмотрѣла на него: лицо его вдругъ приняло то самое серьезное, почти благоговѣйное выраженіе, которое она уже видѣла разъ, тогда, когда онъ объявилъ ей, что тѣтка ея сильно больна, и ей опять стало страшно чего-то.

— Нѣтъ, не только «да» или «нѣтъ» говорится, — отвѣчалъ Косыревъ, какъ-то странно слишвомъ серьезно относясь къ тому, что говорилъ, — говорится что-то другое.

Въ это время Пелагея Матвѣевна сидѣла у отворенной балюнной двери и вязала чулокъ. Разговоръ съ бабушкой все припоминался ей, и все-таки заботливо ей было. «Такой онъ умный человѣкъ, — думала она, — кажется, совсѣмъ къ намъ не подходитъ. Мнѣ-то съ нимъ иной разъ и заговорить неловко! Что ему до меня, до простой! А она у меня умница выросла! Обо всемъ разсудить!» Старушка мысленно перенеслась въ дальнее, давно прошедшее время! Сидитъ она, семнадцатилѣтняя дѣвушка въ простенькой чистенькой горенкѣ за пальцами, и ей тоже, какъ Аня въ послѣднее время, что-то грезится все новое, небывалое, а мать бранитъ, что шитье не такъ аккуратно у нея выходитъ, какъ всегда; и много думушекъ дѣвичьихъ она зашиваетъ въ своихъ пальцахъ, и вдругъ входитъ отецъ ея и весело такъ, громко го-

верить ей:— «а ну-ка, Поля, вставай-на, дочь моя! Вотъ Лука Семеновъ пришель, знаешь ли, по какому дѣлу? Согласна ты за него замужъ идти?»

Она встаетъ изъ-за илалецъ и, нивво опустивъ закрасившесся лицо, говорить, что воли любовь родителямъ женихъ ея, такъ и она согласна. Вспомнила Пелагея Матвѣвна, что въ этотъ день въ первый разъ обмѣнялась она двумя-тремя словами съ своимъ женихомъ, подумала, что простой человекъ былъ Лука Семеновъ, а хорошій и добрый мужъ былъ онъ ей до самой своей смерти: «Анютѣ ужъ не такого кадо! Она-бы съ нимъ счастлива не была!» пришло ей въ голову; она помяла, что Анюта не удовольствовалась бы ея скромнымъ, тихимъ удѣломъ: «не моего вѣку ужъ она!» подумала старушка, вздохнула и только тутъ замѣтила, что чулокъ соскользнулъ къ ея ногамъ и руки лежать безъ работы на колѣняхъ.

По ступенькамъ взопла Анюта, держа Дмитрія Ивановича одной рукой за руку.

— Ахъ, батюшка! вы воротились, а я и не знала!— сказала старушка, и не успѣла досказать, что хотѣла; Анюта закинула ей на шею свободную руку, не выпуская другой Дмитрія Ивановича.

— Тѣтя, вы теперь простите меня!— проговорила она, улыбая лицо въ плечо старушки.

Вся преобразилась Малиновка! просто дымъ воровствомъ стоялъ! такихъ сборовъ, приготовлений, таковой суеты еще не видывалъ скромный домикъ съ мезониномъ! Всѣ торопились.

Свадьбу назначили въ началѣ сентября, и тотчасъ же послѣ молодые должны были уѣхать въ рязанскую губернію, навѣстить стариковъ Косыревыхъ, а потомъ и устроиться; посидитъ имъ надо было въ Москвѣ до 1-го октября.

Въ дѣвичьей шли приданое, и какъ отворяли дверь туда, такъ до самой гостинной отрывками доносилась пѣсня дѣвушекъ

Какъ два голубя на шеагѣ...

выводила запѣвало; а иногда кто-нибудь входилъ въ комнату съ полными руками, и въ шпириво-растворившуюся дверь вылетали пѣсни:

Свѣтъ нашъ, Анна Сергѣевна,
По комнатѣ ходить,
По за-а-гѣ гуляеть!

Униваны бѣлыя ручки
 Разными перстнями,
 Убраная головушка
 Разными вещами!

Громче всѣхъ отдѣлялся голосъ Машы:

— Просто утѣшиши я, ей-богу; съ утра до вечера не пиши, не ѣмши!—говорила она, а между тѣмъ ни за что не могла допустить, чтобы приданое шло безъ слѣдовавшихъ при ней пѣсней, и сама постоянно участвовала въ хорѣ.—Одна у насъ барышня,—объясняла она,—добро бы ихъ много! а те выданы Анну Сергѣевну и баста! больше нѣкого, такъ *хуми* се те во крайней мѣрѣ, какъ слѣдуетъ, по православному обычаю соберемъ.

Доброе, веселое лицо Пелагеи Матѣевны постѣвало ободрить всѣхъ: и швей въ дѣвичьей, и стланухъ въ кухнѣ, и извѣдка скромно заглядывало въ тотъ уголокъ гостиной, гдѣ всего чаще, какъ она говорила: «пріютились мои-то два голуба!» Когда никто не могъ видѣть старушку, она оглядывалась кругомъ, нѣтъ ли кого, крестилась, на-скоро утирала платкомъ глаза, а при комъ-нибудь была омытъ весела и шутила.

Къ свадьбѣ ожидали порядочно гостей, кое-какихъ дальнихъ родственницъ Анюты, и со стороны Косырева родныхъ. Часть ихъ предполагалось помѣстить въ Троицкомъ, у батюшки, а двумъ-тремъ изъ почетныхъ думали предложить остановиться въ Малиновкѣ. Вѣсть о свадьбѣ Анюты сворехонько пронеслась по околотку и всѣ ей порадовались: Косырева всѣ успѣли полюбить.

Маша, какъ слѣдовало, весело поздравила Анюту и обняла ее, но изъ души у ней было невозможно пасмурно; она не ревновала, а завидовала своей пріятельницѣ; Илюша хорошъ былъ такъ, для забавы, а настоящаго жениха гдѣ было найти въ Троицкомъ? Ждать забавнаго какого-нибудь приходилось, какъ Дмитрій Ивановичъ? Такъ это и посѣдѣешь, а не дожденься! Между тѣмъ и стѣбѣхъ Анюты огорчалъ ее.

— Попируемъ на вашей свадьбѣ, и полно! — говорила она Дмитрію Ивановичу.—Тихо здѣсь станеть, просто скука смертная. Все равно, что живуяю меня зарозотъ, право!

Илюша приварадился, чтобы прити поздравить малиновскихъ жезельницъ; ему невозможно было келовко съ Анютой; онъ догадывался, что она знала про его мимолетную страсть и про его вѣстознество; вѣдѣго замытаго врага Дмитрія Ивановича, ванишь онъ былъ сначала, онъ сталъ просто поклонникомъ его; онъ старался, въ чемъ могъ, подраззять ему, и даже перенялъ

его походу. Съ помолвки Анюты, Илюша сталъ еще нѣжнѣе ухаживать за Машей; она обходилась съ нимъ довольно грубо, особенно когда онъ слишкомъ приставалъ къ ней и надѣдалъ. Косыревъ просилъ Илюшу быть у него шаферомъ.

Дѣвичникъ прошелъ спокойно, гостей никого еще не пріѣхало, ихъ ожидали въ самый день свадьбы; были одни только свои, т.-е. троицкіе.

— Вотъ мы и засидѣлись, — заговорила матушка въ концу вечера, — вамъ на покой пора, да и хлопотъ еще всякихъ наберется. Кто это тамъ въ корридорѣ? — продолжала она, прислушиваясь.

Въ корридорѣ слышны были сдержанные голоса, и дверь въ сѣбни поскрипывала; въ столовую какъ-то особенно осторожно и несмѣло вошла Паша и остановилась у порога, тряся плечами отъ смѣха и закрывая рукой лицо.

— Барышня! — едва могла она проговорить.

— Что такое?

— Да тутъ, барышня, пришли.

— Кто пришелъ?

— Деревенскія дѣвушки величать васъ пришли! — высказала наконецъ Паша и окончательно расхохоталась.

— Величать насъ? Какъ же сдѣлать, тѣта?

Косыревъ всталъ.

— Ихъ надо позвать въ столовую, неправда ли, тѣтушка? — обратился онъ къ Пелагеѣ Матвѣевнѣ.

Пелагеѣ Матвѣевнѣ отъ всей суеты и отъ волненій не переставало быть жарко, лицо у нея было темно-красное, мокрое почти съ самаго дня помолвки Анюты, а ужъ въ этотъ вечеръ, она и чепчикъ развязала, и носового платка изъ рукъ не выпускала.

— Ахъ, какъ же это такъ! У меня вымыли полы, заточуть! — заговорила она торопливо, утерла лицо, завинула назадъ завязки чепчика и махнула рукой. — Ну, пожалуй, пускай войдутъ! Введи ихъ, Паша.

Шопотъ, хихиканье за дверью усилилось, затонали грубыми башмаками; Паша отворила обѣ половинки двери, и въ столовую вошло человѣкъ восемь молодежи и дѣвушекъ; переднія были повязаны платками, въ желтыхъ и синихъ борсеткахъ; за ними нѣоторыя въ наваленныхъ на плечи тулупахъ; впереди бабъ вѣсилось было два-три мальчика, стуча огромными сапогами, но ихъ кто-то грубо потащилъ назадъ, и они, едва удерживаясь на вогнутыхъ подошвахъ, со стукомъ скрылись за бабами. Наконецъ,

все присмирѣло, и одинъ пискливый, сдавленный бабій голосъ началъ:

А по са-а-дику, саднеу,
По зелену виноградику...

и остальные голоса подхватили:

Тутъ-а ходилъ-гулялъ молодець,
Что Митрій-то свѣтъ-Ивановичъ,
Онъ-а чесалъ свои русыя кудри,
Чесалъ ку-у-дри, приговаривалъ:
Прилегайте кудри русыя
Ко моей-ли буйной головушкѣ,
Привыкай-ка, свѣтъ мой Аннушка,
Привыкай-ка, свѣтъ Сергѣевна,
Ко мому-ли уму-разуму
Да ко ндраву молодецкому.
Ужъ и мнѣ-ли красной дѣвицѣ
За досаду рѣчь казалася,
Привывать мнѣ не хотѣлося...

— Нѣтъ, не казалось за досаду, — замѣтила тихо Анята Дмитрію Ивановичу.

Онъ улыбнулся ей, взялъ ее за руку и подошелъ съ нею къ бабамъ.

— Спасибо вамъ, — сказалъ онъ, и подаль бумажку запылу. — Вы за наше здорovie чаю выпейте.

— Дай Богъ на здорovie! Дай Господи много лѣтъ! Покорѣйше благодаримъ! — заговорили всѣ бабы разомъ; два-три мальчика опять выглянули изъ-за двери, бабы поклонились въ поясъ, и Паша, утомленная смѣхомъ, который не переставалъ трясти ее во все время, пока бабы пѣли, затворила обѣ половинки двери.

— Что даль? По полтнѣ? Нешто тагъ выходить? Ишь-ты, гдѣ, не шутка! Что даль-то? Ты дѣли поровну! — шептали и говорили бабы, толкаясь на крыльцѣ, и, выходя со двора, онѣ опять заткнули:

По са-а-дику, саднеу...

Часы въ столовой шипѣли, шипѣли и, наконецъ, пробили одиннадцать, а Косыревъ съ Анятой все еще сидѣли на балконѣ. Ночь была тихая, теплая, рѣдная ночь въ сентябрѣ; звѣздочки блестяли, моргали множествомъ глазокъ надъ тихой, уснувшей, на несколько часовъ только успокоившейся Малиновкой.

Дмитрій Ивановичъ прислушался къ бою часовъ и всталъ:

— Пора мнѣ ѣхать, — сказалъ онъ, — пора отдохнуть; намъ

обонитъ предстоитъ дальній путь завтра; простимся въ послѣдній разъ.

— Въ послѣдній, — повторила Анята, вставая, и окинула взглядомъ маленькій садикъ, прудикъ, въ которомъ отражались звѣзды, и балкончикъ, и все это мѣсто, въ которомъ она беззаботно провела жизнь, и столько передумала въ послѣдніе мѣсяцы.

— Дмитрій, какъ еще недавно я васъ вовсе не знала, вѣдь это странно подумать; а съ тѣмъ поръ какъ вы къ намъ заглянули, какъ все перемѣнилось! И еслибы теперь я не ѣхала съ вами, вы бы меня здѣсь оставили, я не знаю какъ я стала бы жить, что со мною было бы? Какъ бы я справилась одна съ разными новыми мыслями?

— Этого нивогда не могло бы быть, — отвѣчалъ Косыревъ, приподнимая опустившуюся ей на лобъ прядь волосъ; онъ поглядывалъ на эту круглую маленькую голову, на большіе глаза, съ такимъ довѣріемъ глядѣвшіе на него, на толстыя грубыя косы, въ беспорядкѣ приколотыя на головѣ, и доцѣловалъ ее въ лобъ.

— Вы не боитесь ѣхать одни ночью?

— Не въ первый разъ, — отвѣчалъ онъ.

Они вмѣстѣ сошли съ балкона, и молча проишли по саду на ту сторону дома. У березы стояла телѣжка; старой батюшкиной лошади послѣднее время пришлось часто ждать именно у этой березы; она сначала иногда усиленно махала головой, пробовала грызть кору, слѣдъ ея зубовъ видѣнъ былъ на березѣ, потомъ она привыкла и спокойно дремала въ ожиданіи жениха.

Косыревъ подошелъ къ ней и началъ отвязывать ее.

— Ничего не разберу, какъ тутъ Авдѣй упуталъ ремень, — сказалъ онъ: — Анята, вотъ вамъ спички, посвятите-ка мнѣ.

Анята заглянула спичку и поднесла къ березѣ; среди темной ночи странно освѣтилась рыжая морда лошади, чернѣйшій ремень, обернутый кругомъ изгложенного, обросшаго мхомъ ствола березы, и темная голова Косырева въ соломенной шляпѣ. Спичка догорала. Дмитрій Ивановичъ вынулъ изъ кармана ножикъ, разогнулъ его и отрѣзалъ ремень.

— Глупо трудиться надъ пустяками, — сказалъ онъ, — не стѣбитъ того, да и завтра не понадобится болѣе.

Зауглившійся кончикъ спички упалъ изъ руки Аняты, и темнота стала опять ровная вездѣ...

Долго стояла Анята на крыльцѣ и все прислушивалась къ жесткому, деревянному звуку телѣжки, замирающему вдали.

Смутно было у ней на душѣ; ея внутреннее расположеіе не шло къ тихой, совсѣмъ тихой ночи; она старалась вдѣхнуть въ себя спокойствіе окружающей ея природы, и не могла. То ей казалось, что счастье ея сливномъ полно, и ей становилось какъ-то жутко, будто оно не могло такъ продолжаться; то грустно ей было уѣзжать изъ Малиновки, грустно оставлять тѣтку совсѣмъ одну; она попрекала себя, что послѣднее время отдалилась отъ нея, и такъ невооратно далека казалась ей вся ея прошедшій дѣвичья жизнь, и такъ смутно-таинственна и серьезна будущность.

Она вздохнула и взошла домой; ошущю она заперла балюшъ и подошла къ неплотно-притворенной двери Пелагеи Матвѣевны.

— Войди, голубожъ, я не сплю.

По голосу Пелагеи Матвѣевны слышно было, что сонъ еще далеко отъ нея. Анюта подошла къ кровати.

— Повдно, птичка моя!.. Чтѣ, проводила его?

— Проводила.

— А я улеглась, не дожидаясь тебя: очень устала.

— Да, я думаю, тѣтя, столько хлопотъ я вамъ надѣлала.

— Нѣтъ, нѣтъ, ты не знаешь, отчего я устала,—перебила ее старушка.

— Отчего?

Пелагея Матвѣевна засмѣялась сама надъ собой, своимъ тихимъ, беззвучнымъ смѣхомъ, съ трудомъ высвободила руку съ платкомъ и утерла слезу.

— Смѣйся надо мной, душа моя,—сказала она,—а чтѣ прикажешь дѣлать? Ты знаешь, у насъ мало кроватей для гостей; мы съ Пашей вздумали подмости громоздить разныя; я побоялась, что не крѣпко будетъ. Ну, посуди сама: вдругъ кто въ первый разъ у насъ, и провалится! Захотѣлось мнѣ самой попробовать, крѣпко ли, да на одной я и провалилась. Вотъ какой неприятный случай! Хорошо, что не изъ чужихъ кто! теперь мы веревками подвязали крѣпко!

Анюта съ испугомъ глядѣла на тетку.

— Да вы знаете, тѣтя, какъ ушибиться могли,—сказала она наконецъ.

— Я осторожно, Анюта,—объяснила скромно Пелагея Матвѣевна, будто нѣсколько сконфуженная и желая извиниться,—да и не высоко было.

— Какія вы у меня бѣдовыя! Чуть не доглядишь, тѣтя, вы и шалите.—Да чего Папа смотрѣла?—продолжала Анюта.

— Она про это не знаетъ, — застучалась Пелагея Матвѣевна, — я ее нарочно на то время выслала за нитками.

Анюта наклонилась надъ постелью и поцѣловала руку у тѣтки; старушка пригнула ее къ себѣ, крѣпко прижалась губами ко лбу племянницы и перекрестила ее.

— Спи спокойно, голубокъ мой, почивай, моя птичка... «Последнюю ночьку подъ моей крышкой», хотѣла она было сказать, но почувствовала, что не сможетъ выговорить.

Анюта еще разъ поцѣловала ее и пошла къ себѣ. Въ ея комнатѣ тихо было. Передъ образами теплилась лампадка, какъ навагунѣ большого праздника, и блѣдно освѣщала столы, стулья, покрытые разными уложенными и разложенными вещами; у окна, на гвоздикѣ, висѣло бѣлое кисейное подвѣчное платье.

Анюта остановилась среди комнаты; скрестивъ руки на груди и опустивъ голову, она долго стояла, не шевелясь...

Ольга Шелеповская.

ШЕРРЪ-ЖОЗЕФЪ ПРУДОНЪ

ВЪ ПИСЬМАХЪ

Correspondance de P.-J. Proudhon, précédée d'une Notice sur P.-J. Proudhon par J.-A. Langlois. Paris. A. Lacroix et C-ie. 1875. Tomes I-XIV.

СТАТЬЯ ЧЕТВЕРТАЯ *).

I.

Проведенный въ Парижѣ, на свободѣ—новый 1853—годъ начался для Прудона недовольствомъ на результатъ процесса, затѣннаго имъ съ однимъ безансонскимъ книгопродавцемъ: процессъ онъ проигралъ, и раздражается противъ магистратуры въ письмахъ, отъ 1-го января, къ Морису и доктору Маге. А въ этомъ дѣлѣ онъ вовсе не былъ абсолютно правъ. Книгопродавецъ скупилъ, проданное Прудонѣ на вѣсь, сочиненіе изъ перваго періода его писательства, и сталъ его продавать вопреки желанію автора. *Формально* онъ оказался, конечно, правымъ, и Прудонъ напрасно горячился изъ-за того, что будто его «грабятъ!» Третье письмо, отправленное 1-го же января, къ Мадьё-Монжэ имѣетъ болѣе общій характеръ. Въ немъ Прудонъ съ новой силой высказывается противъ всѣхъ идоловъ яacobинскаго энциклопедизма, и въ особенности противъ народныхъ *массъ*. Онъ рѣшительно ничего не хочетъ ждать отъ нихъ, не хочетъ обращаться къ нимъ суду, считая ихъ «повонченными» путемъ «противорѣчій» и

*) См. выше: мартъ, 154; май, 78; июль, 88; авг. 528; сент. 118; окт. 580 стр.

«самоубійства». Его логика не останавливается ни предъ какою горькой истиной. «Тираниа существуетъ, — говоритъ онъ, — кто же ее создалъ? Вы мнѣ доказываете, что — преднамѣренный убійца 2-го декабря. Вовсе нѣтъ! Создала ее подлость всего того, чему мы служили, чему мы льстили, что мы обожали подъ именемъ буржуазіи, народа, пролетаріата и прочъ». Послѣ такого *паденія* искусственно-созданныхъ демократическихъ идеаловъ, Прудонъ считаетъ себя свободнымъ отъ всякаго преклоненія передъ ними, не признаетъ иного закона, кромѣ собственной совѣсти; а на все остальное «плюетъ и топчетъ его ногами» — до тѣхъ поръ, пока оно не искупитъ своего паденія. Переходя къ личнымъ интересамъ, онъ объясняетъ мотивъ отказа въ разрѣшеніи двухнедѣльнаго *обозрѣнія* тѣмъ, что Мопя не прощаетъ ему письма къ Луи-Наполеону, по которому брошюра о государственномъ переворотѣ была освобождена изъ-подъ ареста. Такія неприятности, въ связи съ мрачнымъ поворотомъ внутренней политики къ иезуитскому абсолютизму, вызываютъ въ Прудонѣ горькое раздраженіе, довольно ярко противорѣчащее его недавнему философскому *объективизму*. Онъ бросаетъ перчатку своимъ согражданамъ:

«Мы съ вами разошлись! — восклицаетъ онъ, полный внутренняго пыла. — Я достаточно поработалъ: монархія, церковь, капиталъ знаютъ, кто я такой. Не боюсь я того, что потомство упрекнетъ меня въ непониманіи хода революціи и контръ-революціи; оно отмститъ вамъ за меня; и, читая мои сарказмы, обращенные на людей этой революціи, оно скажетъ, что я храбро выполнилъ мой долгъ. И другіе, не хуже меня, рисковали для революціи тюрьмой и смертью; но никто изъ нихъ не выдерживалъ такого потока всемірной клеветы, никто, подобно мнѣ, не приносилъ въ жертву своего характера, репутаціи, добраго имени, достоинства».

А такъ какъ полиція не позволяетъ ему возобновить дѣятельность публициста, имѣющаго свой журналъ, онъ собирается уйти снова въ критическіе труды. Друзьямъ же эмигрантамъ онъ объявляетъ, въ этомъ же самомъ письмѣ, что они могутъ вернуться *безъ условій*; но предупреждаетъ ихъ, что во Франціи они будутъ играть роль нуля.

Въ тому же Маджэ-Монжэ написано и второе письмо, отъ 4-го января, съ такими же безотрадными соображеніями по внутренней и внешней политикѣ. Черезъ два дня, Прудонъ составляетъ для пріятели своего X*** письмо къ министру Персины по дѣлу о концессіи желѣзной дороги, куда онъ съ охотой желалъ

бы присоединиться; а отъ 7-го января обращается съ длиннѣйшимъ письмомъ къ принцу Наполеону. Это посланіе передано имъ въ болѣе подробномъ извѣщеніи. Мотивировано письмо признательностью за ходатайство принца, благодаря которому пріятель Прудона, «гражданинъ» Тессье дю-Мотэ («le citoyen Tessié du Motay», какъ онъ его называетъ въ письмѣ), вѣчно осужденный, могъ вернуться въ Парижъ. Принцъ собственноручно выразилъ желаніе, въ письмѣ къ какому-то третьему лицу, чтобы Прудонъ былъ тотчасъ же извѣщенъ объ удачномъ исходѣ его ходатайства. «Это письмо, принцъ,—говоритъ Прудонъ,—стель я своею собственностью, и *сохраняю его съ гордостью*». Такое вступленіе уже отбывается фальшивой ногой. Въ дальнѣйшемъ его содержаніи найдется не мало столь же фальшивыхъ нотъ, помышляющихъ, что Прудонъ не только по вопросу брака и женщины остался крестьяниномъ изъ Франшъ-Конте, но и наполеоновскую легенду не подвергалъ должной критикѣ. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ письма мы находимъ фразы и восклицанія на счетъ Наполеона I-го, совершенно неприличные для такого ума и такой трезвой природы, какіе были у Прудона. Ему ли было говорить венцы, въ родѣ «la gloire de votre nom», обращаясь къ тому, кого прозвали *Plon-Plon*? Ему ли было преклоняться передъ пустой и нравственно-позыдной славой Наполеона I-го? Мыслителю и патриоту, какъ Прудонъ, нечего было ожидать появленія въ свѣтъ сочиненій, въ родѣ «Исторіи Наполеона I-го» Жаффрэ, чтобы создать себѣ трезвый, а стало быть, и безопадный взглядъ на этого картоннаго героя французскаго шовинизма, которому нѣтъ, и не можетъ быть, оправданія предъ судомъ человѣческимъ! За фразой «la gloire de votre nom» идетъ фраза: «l'honneur de votre maison», казущаяся почти цинической послѣ переворота 2-го декабря, какъ бы Прудонъ ни смотрѣлъ на это событіе. И о какой же «чести» могъ онъ говорить съ «принцемъ», который, вопреки своимъ quasi-демократическимъ убѣжденіямъ, помирився съ фактомъ измѣны республикѣ, и преспокойно сталъ провѣдать и проживать содержаніе, назначенное ему въ народныхъ деньгъ великодушнымъ кузеномъ?..

Трудно схватить главную, руководящую идею этого многоликого посланія. Личныя изліянія (а ихъ-то бы, всего меньше, замѣтно было видѣть) перемѣшаны съ общими взглядами, струнированными около того довода, что императоръ долженъ спастись съ себя иезуитско-романскія вліянія. Прудонъ точно нарочно избираетъ такое лицо, какъ принцъ Наполеонъ, чтобы высказать о своемъ внутреннемъ состояніи вещи, какія ему при-

лично было бы говорить только испытанному единомышленнику. Спору нѣтъ, онъ и тутъ вполне вѣренъ себѣ; по «извліянію» получаютъ все-таки характеръ жалобы, имѣющей цѣлью: найти поддержку въ кузенѣ императора, подкуривая его живому радикализму:

«Да, принцъ, — объявляетъ Прудонъ, — въ первый разъ, въ послѣднія пять лѣтъ, я почувствовалъ, что трушу. Когда я былъ трибуномъ-новичкомъ, я выдержалъ анашему цѣлаго собранія; я пошелъ на хулу страны моей за то, что считалъ истиной; даже сидя въ заперти, я не боялся гнѣва правительства и прокуратуры. Тогда существовала все-таки борьба; мы — радикалы, хоть одной ногой стояли на почвѣ конституціи; ничего еще не было рѣшено противъ республики, противъ революціи. Теперь же, даже при терпимости главы государства, даже съ гарантіей его слова, я не могу считать себя безопаснымъ. Въ виду противо-революціоннаго движенія буржуазіи, монархистовъ и духовныхъ, организованнаго, вотъ уже тринадцать мѣсяцевъ, вокругъ и подъ прикрытіемъ президента и императора; въ виду того круга вмѣнъ, который оцѣпилъ его, точно какая крѣпость — я слишкомъ хорошо предвижу, какимъ взрѣвамъ ярости подвергался бы я при одинокомъ и несвоевременномъ протестѣ: оставшись живымъ въ битвѣ идей, я не чувствую въ себѣ довольно духу, чтобы сдѣлаться жертвой анахронизма. Хищный звѣрь тогда только и становится всего ужаснѣе, когда онъ защищаетъ свою добычу. А теперь: республика, революція, прогрессъ, свобода, и, говоря совсѣмъ на чистоту, имперія и императоръ, — все это стало жертвой нашихъ вѣчныхъ враговъ». Поэтому, парадоксально заключаетъ Прудонъ, и не слѣдуетъ бороться съ торжествующимъ реакціоннымъ движеніемъ; а надо дожидаться слова руки прибытія Генриха V-го!.....

Точно также и по вопросамъ внѣшней политики мы наталкиваемся на взгляды, желанія и сѣтованія, черезчуръ отзываются традиціями первой имперіи. Прудонъ точно не можетъ помириться съ трактатами 1815 года, забывая, что величіе Франціи, за періодъ первой имперіи, сидѣло все на солдатскомъ захватѣ и насиліи. Внутри Франціи онъ указываетъ принцу Наполеону на заговоръ старыхъ партій, опутавшій новаго императора. Роялисты смотрѣли и смотрятъ на Луи-Бонапарта какъ на второго Монка. Духовенство ненавидитъ его. Чиновники на три-четверти — ждуть Шамбора. Перечисляя всѣ эти факты, Прудонъ, если не выказываетъ себя настоящимъ бонапартистомъ,

то принимаетъ тотъ приверженца, желающаго направить Наполеона III на настоящій правительственный путь, пользуясь случаемъ, представившимся ему въ видѣ quasi-радикальнаго кузена.... Про себя лично и свое дальнѣйшее поведеніе Прудонъ говоритъ, еще разъ, что онъ рѣшился молчать, выжидая лучшихъ временъ, и собирается, прося у принца аудіенціи, потолковать съ нимъ на тѣмъ своего посланія. Воскличаніе, заканчивающее письмо и обращенное къ принцу: «хорошо, еслибы вы меня на столько же обезопасили, насколько я вамъ насказалъ тревожныхъ вещей!»... —показываетъ отчасти, что Прудонъ желалъ заручиться поддержкой принца Наполеона, и смотрѣлъ на него гораздо серьезнѣе, чѣмъ бы слѣдовало. Аудіенція дѣйствительно состоялась, что мы узнаемъ изъ письма къ Матію, отъ 13 января. Прудонъ сообщаетъ, что сынъ Жерома, наследникъ престола (тогда Наполеонъ III былъ еще холостъ), «раздѣляетъ вполнѣ всѣ эти идеи насчетъ заговора, явнаго или тайнаго, среди котораго живетъ императоръ». Хотя Прудонъ и старается увѣрить пріятеля, что самъ онъ, со времени провозглашенія имперіи, дѣлается все спокойнѣе и спокойнѣе, но ему однакожь пришла мысль: издавать на пріятельную подписку свое *Revue* за границей; и онъ съ охотой бы перебрался въ Женеву, еслибы у него было вѣрнаго заработка, въ годъ, тысячи въ четыре, и даже въ *три* франковъ. Принцъ Наполеонъ подтвердилъ ему то, что въ разрѣшеніи журнала ему отказали по просьбамъ духовенства. И потерю своего процесса съ книгопродавцемъ объясняетъ онъ тѣмъ же вліяніемъ: «между мною и папами (*grêtraille*) война—на жизнь и смерть. Они вѣдь будутъ гнать меня повсюду, отнимая у меня работу, кусокъ хлѣба, всѣ мои естественныя, гражданскія и политическія права, наускивая на меня власти, всякую сволочь и ханжей. Я знаю ихъ подпольныя ковы; поэтому-то мнѣ и хотѣлось бы перебраться въ Женеву.

«Но если только они не пустятъ въ ходъ убійства, посредствомъ жегѣза или яда, разомъ прекращающаго борьбу—я не уступаю; и предсказываю вамъ: они погибнутъ!»

Длинное преніе о 2-мъ декабрѣ, какое привелось Прудону вести съ Шарлемъ Эдмономъ, тотчасъ по выходѣ изъ тюрьмы, возобновилось опять въ письмѣ, отъ 13 января, къ Марку Дюфрессу. Основную мысль Прудоновой брошюры Маркъ Дюфрессъ выразилъ такую фразой: «*L. N.* (т.-е. Луи-Наполеонъ) *est l'agent fatal de la Révolution.*» Противъ подобнаго толкованія Прудонъ энергически протестуетъ... Онъ хотѣлъ лишь сказать и доказать, что Луи-Наполеонъ принужденъ, въ силу исторической необхо-

дности событій и подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія, риску иначе погибнуть—служить революціи». Ему нисколько нежелательно было впасть въ фатализмъ, въ родъ того, въ какомъ упрекаютъ Кузена, Тьера и другихъ: онъ оправдалъ бы такимъ путемъ и самое преступленіе 2-го декабря. Онъ старался доказать, во-первыхъ, указаніемъ на общество, а во-вторыхъ, напоминаніемъ историческихъ antecedенцій, а): *отъ принципа*, что всякое историческое событіе, хорошее или дурное, вытекаетъ не изъ случайной, а изъ существенной исторической предпосылки; б) *фактически*, что прогрессъ послѣднихъ трехъ вѣвовъ, въ силу эвономическихкихъ потребностей, сдѣлалъ революцію настоятельно и заставилъ самихъ властолюбцевъ служить ей или погибать. На самый же актъ 2-го декабря слѣдуетъ смотрѣть двояво: какъ на паденіе извѣстнаго политическаго строя, и какъ на дерзкую узурпацію, которая, однакоже, не была бы исполнима, еслибъ Франція не находилась въ такомъ подавленномъ состояніи, еслибъ идеи деспотизма не наполняли головы всѣхъ, подъ различными именами. Съ такой точки зрѣнія смотреть Прудонъ и на изданіа, въ родъ «Napoléon le Petit»—Виктора Гюго: въ нихъ авторы обрушиваются на одного *случайнаго* виновника 2-го декабря, не объясняя нисколько: *почему* онъ могъ успѣть...

«Не впадая, слѣдовательно, въ фатализмъ — оправдывается Прудонъ передъ пріятелемъ — я показываю, съ очевидностью, каково никто еще не достигалъ, что общество, подчиненное непреклоннымъ законамъ, можетъ все-таки быть отведено въ сторону отъ своей предопредѣленной судьбы въ тѣхъ случаяхъ, когда оно, создавъ себѣ призрачную организацію, ложныя идеи, пустые интересы, даетъ случайно явившейся партіи или человѣку возможность обратиться противъ самого себя этотъ порочный организмъ, эти ложныя идеи, эти несправедливыя интересы.

«Нѣтъ, любезный другъ, я вовсе не хотѣлъ прельщать Бонапарта и привлекать его къ себѣ: отдѣляйтесь вы, на мой счетъ, отъ этого нелѣпаго мнѣнія; еще менѣе задавался я макиавелическою мыслью: доводить его до самоубійства, ставя его на огненную почву революціи; а главное: — я отрицаю ту идею, будто я хотѣлъ возвеличить его, во имя ли неспособности республиканцевъ, во имя ли его успѣха.

«Всѣ мои слова (какъ легко мнѣ показать) протестуютъ противъ такихъ гипотезъ.

«Я просто-напросто сказалъ: ходъ вещей такъ сложился во Франціи, что отнынѣ эвономическая революція — неизбежна, и

что всѣ власти, которыя пожелають воспринять ответственность ей — погибнуть. Это — первый пунктъ.

«Въ то же время, социальный строй до такой степени противенъ свободѣ, а господствующіе предрассудки такъ хорошо направлены къ нарушенію права и закона, что какъ только представится узурпаторъ въ родѣ Луи-Наполеона, случай 2-го декабря непремѣнно долженъ былъ удасться».

И опять Прудонъ повторяетъ то положеніе, что всякое историческое событіе имѣетъ въ предшествующемъ состояніи общества свою существенную (essentielle) причину. Онъ хочетъ, въ дальнѣйшихъ доводахъ, убѣдить пріятеля, что ему нельзя же было въ брошюрѣ, предназначенной для свободнаго обращенія въ публику, сказать, что «социальная революція была бы въ настоящую минуту безъ основы, еслибы состояніе общества не сдѣлало возможнымъ удачу какого-нибудь Луи-Наполеона». Выразивъ въ этихъ словахъ тайную идею своей брошюры, Прудонъ спрашиваетъ Дюфресса: «могъ ли я это сказать?» И вслѣдъ затѣмъ онъ проситъ его хорошенько растолковать все это общими друзьямъ, не считающимъ вовсе общественнаго строя Франціи такимъ сверхъ и не вѣрющимъ въ логику событий. О себѣ и своихъ личныхъ дѣлахъ Прудонъ говоритъ, въ концѣ письма, нѣсколько плачевно: по всей вѣроятности онъ разумѣетъ планы по дѣловой карьерѣ, которыми онъ въ это время былъ занятъ.

Въ тотъ же день, 13-го января, написалъ такое большое письмо М. Дюфрессу, Прудонъ даетъ подробныя инструкціи Мажю, по своему процессу въ Безансонѣ. Онъ самъ хочетъ составить для апелліаціи цѣлый *mémoire*, съ цѣлью показать, какъ тогдашняя магистратура поддѣлывалась къ клерикальной партіи. Въ текущей политикѣ (о чемъ онъ говоритъ и въ этомъ дѣловомъ письмѣ) Прудонъ продолжаетъ видѣть рѣзкій поворотъ въ роялизму, въ лицѣ Генриха V-го. Ему одинаково противны и прокси іезуитовъ съ легитимистами, и выходки революціонныхъ вожаковъ, въ родѣ Ледрю-Роллена, Кошута и Маццини. Злобно остро онъ надѣ ихъ самолюбіемъ и неспособностью, и кончаетъ возгласомъ: «Ces hommes me sont odieux, vous dis-je».

Среди всѣхъ своихъ дѣловыхъ заботъ и сношеній Прудонъ принялся опять за теоретическія труды, о чемъ онъ извѣщаетъ Шарля Белья, отъ 23-го февраля, стало быть, уже черезъ сорокъ дней: «если мое сочиненіе, совершенно философскаго содержанія, — поясняетъ онъ, — пройдетъ, вопреки попомъ, я могу поглядѣть на себя, какъ на человѣка, въ известной степени, заново воскресшаго для литературной жизни, самой отрадной и

привольной, хотя и менѣе выгодной для меня». Ему же сообщаетъ онъ, что совсѣмъ-было перебрался на новую квартиру въ *Rue Saint-Jacques*; но хозяинъ, узнавъ кто онъ, отказался отъ контракта и заплатилъ неустойку: «не правда ли, забавно было бы,—спрашиваетъ Прудонъ,—еслибы домовладѣльцы стали мнѣ мстить, выгоняя меня на улицу?»

Проходить опять слишкомъ три недѣли безъ писемъ. Отъ 17-го марта сохранилось коротенькое письмецо къ нѣвоему Одѣ (Hodé), гдѣ Прудонъ говоритъ, что писалъ своему другу Пильсу, недѣлю передъ тѣмъ: письма этого нѣтъ въ собраніи; по всей вѣроятности, и другія затерались, хотя въ это время онъ врядъ ли много переписывался: онъ страшно работалъ, и по составленію дѣловыхъ «мемуаровъ», и по теоретическимъ сочиненіямъ. За Пильса онъ хлопоталъ съ неустаннымъ энергіей и добился-таки того, что, при поддержкѣ принца Наполеона, перевели его изъ вѣрности *Belle-Isle* въ парижскую тюрьму *St.-Pélagie*, гдѣ ему дали отдѣльную комнату. Дѣловая «записка», которою Прудонъ былъ всего сильнѣе занятъ, писалась имъ по концессіи желѣзной дороги изъ Безансона въ Мюльгаузенъ. Капиталъ былъ найденъ, весь иностранный; компанія просила только 3%-ной гарантіи; но министръ Манъ не пропустилъ этого дѣла, и попытка Прудона сдѣлаться правителемъ — опять не удалась. Онъ мечталъ, еслибы предпріятіе это состоялось, получить отъ концессионера 500,000 франковъ на возобновленіе своего «Народнаго банка». Между апрѣлемъ и маемъ — опять большой перерывъ въ перепискѣ, на цѣлыхъ 26 дней, и въ письмѣ отъ 24-го мая мы узнаемъ, что Прудонъ, перебравшись на новую квартиру (гдѣ онъ только по поводу новой беременности своей жены нанялъ ей няньку), продолжаетъ работать цѣлые дни, и задуется на то, что его время разорвано на клочки. Онъ ужъ и то сократилъ до-нельзя переписку и личныя свиданія, сдѣлался «суровъ и жестокъ», а все-таки много времени уходитъ у него даромъ. Въ припискѣ онъ объявляетъ, что у него за-разъ пишутся «пять или шесть различныхъ сочиненій».

За своихъ друзей — политическихъ заключенныхъ — онъ продолжаетъ энергически хлопотать. Но онъ желаетъ (и говорить это въ письмѣ къ Hodé, отъ 25-го мая), чтобы тѣ, кто уже получилъ облегченіе своей участи, а именно: Пильсъ, Ланглюа и Волье, хоть сколько-нибудь поддержали его, написали бы благодарственное письмо къ принцу Наполеону и въ немъ упомянули бы слово о несчастномъ другѣ Пайѣ, который все еще томился внѣ Парижа. При этомъ Прудонъ упоминаетъ тѣхъ гос-

юдь изъ политическихъ заключенныхъ, которые хитрятъ и двоедушничаютъ въ дѣлѣ улучшенія судьбы своей. Тайно они очень добиваются облегченій, но когда имъ удастся что-нибудь, они играютъ роль людей, только пассивно относящихся къ мѣрамъ послабленія. Прудону больше и не хочется, чтобы они пользовались его дружескими хлопотами, а потомъ отворачивались отъ него и кричали, что онъ занскиваетъ у властей!

II.

Свои новые труды Прудонъ не считаетъ въ безопасности отъ нападеній цензуры и прокурорскаго надзора. И только-что онъ приступилъ къ одному изъ этихъ изданій, какъ разразился надъ его головой скандалъ, изъ котораго враги его пожелали сдѣлать нѣчто очень позорное для его добраго имени. Прудонъ, какъ известно, женился на простой парижской работницѣ. Какъ намъ разсказывало одно лицо, бывшее съ нимъ въ очень близкихъ сношеніяхъ, знакомство его съ будущей женой произошло чуть ли не на улицѣ, и онъ вплоть до брака врядъ ли зналъ лично своего тестя. По крайней мѣрѣ, тесть *не зналъ* за кого онъ выдаетъ дочь, и даже не совсѣмъ твердо былъ въ произношеніи его имени, называя его не Прудонъ, а Прюдонъ. Тесть этотъ былъ изъ самыхъ малограмотныхъ «разночинцевъ», какъ у насъ выражаются; въ молодости онъ попался за что-то по подозрѣнію въ бонапартизмъ, но себя считалъ преданнымъ легитимистомъ и находился въ тайныхъ сношеніяхъ съ агентами Шамбору. По бѣдности, и пользуясь обычаемъ французскаго попрошайничанья, онъ задумалъ обратиться за пособіемъ къ самому Шамбору и попросилъ зятя своего, Прудона, сочинить ему черновую петицію. Прудонъ написалъ ее. Открываютъ потомъ одинъ изъ первыхъ «заговоровъ», до которыхъ такъ падеа была бонапартова полиція, такъ-называемый: «*Complot de Vincennes ou de la Ligue fédérale*». Къ нему припутываютъ и Пьегара (Piégard)—тестя Прудона. Въ его бумагахъ нашли черновую петицію къ Шамбору, писанную рукой Прудона. На этомъ фактѣ императорскій прокуроръ, разумѣется, остановился, и судъ приговорилъ старика къ *двулѣтнему тюремному заключенію*. Но этого мало. На судебныхъ засѣданіяхъ не только адвокаты другихъ обвиненныхъ, но и прокуроръ даютъ понять, что Пьегаръ былъ старый пошлякъ, служившій «и нашимъ и вашимъ», болѣе того: шпионъ и «*agent provocateur*». Легко сообразить, какіе толки пошли во-

кругъ репутаціи Прудона. Не только всѣ противники его идей, но и ближайшіе единомышленники пришли въ волненіе. Фактъ петиціи былъ несомнѣненъ; текстъ черновой—также въ рукахъ обвинительной власти. Какъ бомба, разразился этотъ скандалъ надъ Прудонѣмъ. Сначала, въ письмѣ отъ 14-го августа, къ Буттвилю, онъ довольно спокойно пишетъ объ этой исторіи. Скорбя о томъ, что онъ самъ сдѣлался «началомъ своего отца» (такъ онъ называетъ тестя), Прудонъ въ то же время выставяетъ его, какъ врага бонапартовой «расы», въ лицѣ котораго покарали и его самого. Однако, тотчасъ же пишетъ онъ отъѣтъ въ журналы: «*Presse*», «*Estafette*», «*Siècle*» и другіе, и проситъ Буттвиля похлопотать объ его напечатаніи. Прудонъ считаетъ свой отзывъ въ журналы «подавляющимъ» (*écrasante*), и кончаетъ письмо, утѣшая себя тѣмъ, что процессъ показалъ его бѣдность, его женитбу на безприданницѣ-работницѣ и тотъ ужасъ, «который внушаетъ ему и старая, и новая императорская тираннія». Но уже въ слѣдующемъ письмѣ къ Шарлю Эдмону (безъ числа), Прудонъ предается взрыву досады, которому предшествовало мучительное душевное состояніе. Онъ такъ его описываетъ:

«... Я былъ въ волненіи, заставившемъ жену мою и трепетать, и плавать. И вдругъ я вскричалъ: *какимъ образомъ могъ я все это надѣлать?* (т.-е. составить для тестя подобную петицію). Я старался подыскать *разумную* причину, побудившую меня дѣйствовать, и не находилъ ея. И вдругъ слова моей жены дали мнѣ ключъ для этой ужасной загадки: *вы не хотѣли*, сказала она мнѣ, *огорчить отказомъ моего отца, и я помню, что вы при этомъ громко хохотали!*»

Мимоходомъ обратимъ вниманіе на то, что жена Прудона говоритъ ему «вы». Этотъ отгѣновъ супружескихъ отношеній, весьма обычный въ аристократическомъ свѣтѣ—у такого человѣка, какъ Прудонъ, показываетъ бытовую суровость *мужа*, которой онъ до конца своей жизни остался вѣренъ.

Послѣ того, рассказываетъ Прудонъ, прочтя въ журналѣ самую петицію, онъ нашелъ, что она просто-на-просто *пародія* (*parodie*) (шутка), которую тестъ его, конечно, не понималъ. Въ ней нарочно наставлено было Богъ - знаетъ что въ стилѣ публичныхъ писателей, а къ редакціи Прудона старикъ Пьегаръ прибавилъ еще кое-что отъ себя безграмотнымъ и смѣшнымъ языкомъ. Но такое объясненіе «загадки» не могло же быть сообщено публикѣ. Прудону хочется, чтобы мистификація и тестя и полиціи была только слегка задѣта на засѣданіи апелляціоннаго суда. Пока, онъ относительно спокоенъ, потому что еще не видитъ въ этомъ

дѣлъ ничего иного, кромѣ «клеветы» и «злодѣйства» со стороны прокурорскаго надвора. Записка въ Шарлю Эдмону, отъ 22-го августа, ясно указываетъ на это. Но въ слѣдующемъ, по порядку, письмѣ къ доктору Кретену (безъ числа) мы уже узнаемъ главную причину грязныхъ толковъ, опутавшихъ Прудона. Онъ наконецъ добился отъ пріятелей настоящаго объясненія: Пьегара не только судебныя власти, но и люди Прудонова кружка считали шпиономъ. И являлся вопросъ: зналъ ли про то самъ Прудонъ, помогая тестю въ его обращеніяхъ къ покровителямъ? Толковали на ту тѣму, что настоящее прошеніе, написанное Пьегаромъ, «ясно выражало то, что петиція (редактированная Прудономъ) говорила въ частныхъ выраженіяхъ». Прудонъ добылъ себѣ это подлинное прошеніе, которое совсѣмъ и не приводилось на засѣданіи, и находить, что еслибъ онъ самъ его написалъ, *то гордился бы имъ*. Онъ хочетъ составить, на эту тѣму, длиннѣйшій мемуаръ: до того его взволновала сплетня, заходившая вокругъ него. Самъ онъ сознается, что ужасно страдалъ и мучился дѣлу ю недѣлю и готовъ бы былъ, со сраму, покончить съ собой, еслибъ онъ, дѣйствительно, помогъ своимъ перомъ старому шпиону и даже сочувствовалъ отчасти его анти-бонапартизму. Ожидая того, что апелляціонный судъ подтвердитъ приговоръ суда первой инстанціи, Прудонъ спрашиваетъ пріятеля: «развѣ я чрезъ это окажусь подлецомъ?» Люди его кружка совѣтуютъ ему отказаться отъ всякой солидарности съ тестемъ; но онъ не хочетъ этого: онъ желаетъ бороться, во что бы то ни стало.

Посреди такой интимной катастрофы, Прудонъ остается все тѣмъ же человѣкомъ принципа и въ дѣлѣ, гдѣ бы каждый на его мѣстѣ поступилъ иначе. Мы знаемъ, что онъ хлопоталъ о концессіи желѣзной дороги для компаніи англійскихъ капиталистовъ. Правительство дало ее Перейрѣ. Министръ финансовъ Манъ и самъ Перейра нашли, что Прудону слѣдуетъ заплатить 40,000 фр. — такъ-называемаго «отступнаго». Хлопоталъ Прудонъ съ своимъ пріятелемъ М***, которому онъ и пишетъ, отъ 23-го августа, что, на свою долю, *не принимаетъ такого вознагражденія*:

«Я принималъ участіе въ хлопотахъ и съ цѣлью *политической*, и въ интересѣ принципа. Принципъ этотъ: конкуренція, которую я желалъ возбудить между желѣзными путями, вѣтвью отъ Безансона до Мюльгаузена. Императоръ рѣшилъ иначе; мнѣ ничего брать вознагражденія за принципъ. *Деньги и идея—дѣла несомнѣяемыя величны*».

Какъ въ правительственномъ дѣлѣ, такъ и въ философско-соціаль-

ныхъ воззрѣнiяхъ, онъ не перестаетъ стоять на той же высотѣ, раздираемый интимными неприятностями. Письмо къ Труссару отъ 31-го августа, написано черезъ недѣлю, а оно посвящено чисто-теоретическому интересу. Прудонъ говоритъ въ немъ о небольшомъ этюдѣ этого Труссара на тему «Вареломеевской ночи» и упрекаетъ автора въ томъ, что тотъ сваливаетъ злодѣйства фанатизма на отдѣльныя личности, а папу и католичество выгораживаетъ, между тѣмъ какъ слѣдуетъ доказывать совсѣмъ противоположное. Такъ же энергически, какъ и прежде, возстаетъ Прудонъ противъ фальшивой теорiи паденiя и вырожденiя нацiй.

Предоставимъ ему самому защищать свои доводы, въ извлеченiи они бы много потеряли:

«Вы кажется не вѣрите, — спрашиваетъ онъ Труссара, — что наша несчастная страна поднимается; чувство обиды, нанесенной ей и отъ которой она безнаказанно страдаетъ, отнимаетъ у васъ всякую надежду на политическое и социальное пробужденiе. Вы выражаетесь по этому поводу общими мѣстами, столь распространенными со временъ Соломона: о старости, паденiи, вырожденiи народовъ; точно будто этотъ школьный тезисъ — пунктъ вѣроученiя! Позвольте же мнѣ высказать вамъ здѣсь всю мою мысль; я имѣю на это право, ибо такiя разсужденiя огорчаютъ меня.

«Отставляю къ сторонѣ общiй вопросъ развитiя и паденiя народовъ, по которому я исповѣдую мнѣнiя, диаметрально-противоположныя вашимъ; но они находятся еще въ состоянiи парадокса, почему и потребовали бы цѣлой диссертации, и слишкомъ далеко завели бы меня. Ограничусь нашей теперешней Францiей.

«Неужели вы думаете, что эта нацiя, настолько полная пыла и жизненности въ 1847 г., вдругъ и во всемъ измѣнилась въ шесть лѣтъ? Неужели вы думаете, что нацiя измѣнятся больше людей? Думаете ли вы, выражаясь à la-Сийесъ, что мы уже не то сегодня, чѣмъ были вчера? Скажу еще положительнѣе, еще конкретнѣе: думаете ли вы, что настоящiй порядокъ дѣйствительно — реальный и законный продуктъ Францiи съ 1789 по 1852?.. Что эта идея (онъ говоритъ о тогдашнемъ бонапартовомъ режимѣ) вышла вдругъ изъ ея мозга, что она (т.-е. идея) — дочь ея души, историческiй исходъ ея предшествующаго движенiя. Развѣ эта имперiя, подновленная изъ старой, похожа, въ нашихъ глазахъ, на XIX-й вѣкъ, т.-е. развѣ она либеральна, социалистична, съ философскимъ направленiемъ, съ экономическими принципами; европейская она, французская?.. Развѣ все это держится за что-нибудь, идетъ куда-нибудь, выра-

заетъ собою какую-нибудь мораль, доктрину или судьбу? Очевидно — нѣтъ: одной лишь постановкой такихъ вопросовъ видишь, чувствуешь, судишь, говоришь себѣ тотчасъ же, что мы находимся въ невозможномъ, въ негнѣномъ!..

«Какъ же мы попали во все это? Вотъ что нужно изучать вмѣсто того, чтобы предаваться всегда вреднымъ сѣтованіямъ.

«Надо мужественно сознаться въ одной вещи: мы были обмануты ложной доктриной, демократической доктриной правительства массы (*multitude*). Тѣ, кто довелъ насъ до того состоянія, въ какомъ мы находимся—мнимые поборники логики... доставившіе намъ сразу десять милліоновъ избирателей, имѣвшихъ такой именно уровень развитія (на три-четверти своего состава), какъ древне-римскій плебсъ.

«Однимъ словомъ, мы—жертвы *utopii*. Вмѣсто того, чтобы двигаться прогрессивно, мы продѣлывали въ 1848 г. абсолютные принципы: мы приняли въ буквальный смыслъ, какъ безусловную истину *a priori*, догматъ *народоправства* (*souveraineté du peuple*), и пришли съ этимъ народоправствомъ къ тому же результату, къ какому пришли, когда-то, греческіе и римскіе города: къ *тиранніи*, къ *имперіи*».

Временное торжество Бонапарта Прудонъ объясняетъ доводами, уже намъ извѣстными. Онъ не отрицаетъ того, что вторая имперія можетъ продержаться нѣкоторое время: «*стодитъ только ей*, подчеркиваетъ онъ, *идти по теченію идей и обстоятельствъ*»; но главное условіе, по его мнѣнію,—чтобы правительство Бонапарта удержалось: надо ему способствовать тому, что онъ хотѣлъ задержать, т.-е. перестать быть самимъ собою.

«Раньше четверти вѣка, —предсказываетъ Прудонъ,—сдѣлаются вульгарными истинами, быть можетъ даже совершившимися фактами: преобразование собственности, уничтоженіе торговаго процента, ренты, паденіе финансоваго феодализма и замѣна его системой рабочихъ обществъ и т. д. и т. д. Экономистъ, особливо тотъ, кто стоитъ посредникъ, видитъ уже теперь эти вещи; онъ уже осозналъ ихъ, онъ вычисляетъ ихъ ходъ и прогрессъ; онъ считаетъ, опредѣляетъ, обозначаетъ всѣ отношенія, систематизирующія движеніе и дѣлающія его съ каждымъ днемъ все непреборимѣе. Тутъ-то и есть рожденіе настоящей Франціи, рожденіе, которое должно было совершиться при какомъ угодно общественномъ нарядѣ: республикѣ, имперіи, монархіи, даже аvarціи, рожденіе, удивляющее міръ, приводящее его въ изумленіе».

Вотъ на это-то и возлагаетъ Прудонъ свои надежды, прибав-

ляя, что подъ «сапогомъ» императора лежитъ теперь старая Франція, которой ему совсѣмъ не жаль.

«Франція не знаетъ себя, кончается оны, она потеряла сознание своихъ собственныхъ отправленій (орégation), но въ концѣ-концовъ, она *дѣйствуетъ*, и вскорѣ это будетъ видно вопреки растратамъ общественныхъ суммъ, ажіотажу, громаднымъ подачкамъ, скандаламъ; она дѣйствуетъ, говорю я, сообразно своему достоинству.

«Я же, поглощенный моими любимыми занятіями, держусь въ сторонѣ и наблюдаю. Перехожу я, по-очередно, отъ исторіи къ экономіи, отъ экономіи къ филологіи; то я собираю матеріалы и довольствуюсь классификаціей ихъ; то я занимаюсь построениемъ идей, которыя поднимаются, потихоньку отъ людей, изъ того вихря, гдѣ волнуется будущность. Увѣренность моя въ революціи поддерживается во мнѣ ясность мысли; а отъ времени до времени я развлекуюсь, мечтая о тѣхъ *случайностяхъ*, которыя могутъ ускорить общую эмансипацію. Не думаю я, чтобы можно было дѣлать что-либо иное... Я самъ завоевалъ себѣ свободу; работаю я для одной лишь свободы другихъ: ей недостаетъ для моего счастья...»

Исторія или, лучше сказать, сплетня о шпіонствѣ Прудонна тестя все еще не улеглась, хотя Прудонъ и говоритъ Альфреду Даримону, въ письмѣ отъ 29-го августа, что она «*est enfin soulée à fond*». Тутъ же онъ признаетъ тотъ фактъ, что Пьегаръ *донесъ* на заговоръ, испугавшись за свою безопасность. Прудонъ оправдываетъ его мотивы, но слишкомъ кратко и неубѣдительно. На сцену выступаетъ его упорство, его нежеланіе отказаться отъ всякой солидарности съ человѣкомъ,—и не на прокурорскій взглядъ,—не стоящимъ того, чтобы изъ за-него такъ волновались. Мы видимъ, что Прудонъ пишетъ новое объяснительное письмо въ редакцію газетъ и проситъ Даримона, запиской отъ 30-го августа, разнести его въ «*Débats*», «*Presse*», «*Estafette*» и т. д.; а на другой день, послѣ неудачной попытки напечатать письмо, высказывается все тому же Даримону, какъ огорчаютъ его «вытянутыя лица» пріятелей по поводу всей этой исторіи. Онъ долженъ опять оправдываться, доказывая, что его участіе въ петиціи Пьегара ничего не значитъ въ смыслѣ факта *публичной* жизни; а для его *частной* жизни все дѣло сводится къ «политической шалости» (*polissonnerie politique*). Тѣмъ не менѣе онъ страшно волнуется и заклинаетъ друзей показать ему гдѣ же та *пропастъ*, то *преступленіе*, какія хотятъ сдѣлать изъ «невинной вещи». Онъ умоляетъ ихъ: говорить яснѣе, говорить во что бы то ни стало! Даже типографъ отказался печатать

его новую брошюру, и Прудонъ видитъ въ этомъ дѣйствіе клеветы. «И вы думаете, — спрашиваетъ онъ чуть не съ яростью, — что я не поднимусь!.. О!.. Надо же мнѣ добиться возможности говорить. А мнѣ нечего маскировать: *публичная жизнь, частная жизнь* — все будетъ перебрано. Я не могу быть побитъ на собственной почвѣ».

Къ довершенію этихъ непріятностей, Прудонъ получилъ ругательное письмо отъ того дѣльца, съ кѣторымъ онъ хлопоталъ о юнкессіи, за отказъ воспользоваться отступнымъ въ 40,000 франковъ. На ту же тѣму принужденъ онъ былъ писать и объяснительное письмо принцу Наполеону, отъ 7-го сентября. Въ немъ мы находимъ рѣзкую логику гражданской честности, которой врядъ ли кто изъ сверстниковъ Прудона владѣлъ въ таковой же степени.

Теоретическая переписка съ Труссаромъ продолжалась, своимъ чередомъ, и нельзя не удивляться искренности Прудона, съ какою онъ отдавался разработкѣ дорогихъ для него идей, даже посреди тревожнѣйшихъ испытаній интимной жизни. Въ корреспондентѣ своемъ Прудонъ нашелъ идеалиста, доказывавшаго ему, что извѣстный матеріальный прогрессъ не прибавляетъ ничего къ нравственному достоинству націи. Прудонъ возражаетъ, говоря, что онъ никогда и не утверждалъ противнаго:

«Я протестую, — восклицаетъ онъ, — противъ каждаго наведенія, какое вы, въ этомъ смыслѣ, могли бы сдѣлать противъ меня; какъ и вы, я смотрю на матеріальныя преимущества, какъ на ничтожество, если они не *предписаны* принципами чести и справедливости; какъ и вы, я протестую противъ всякаго раскола, какового желали бы добиться въ обществѣ, а слѣдовательно противъ всякаго помысла о стачкѣ между *благосостояніемъ* и *добродетелью*».

«Хорошо понявъ это и установивъ соглашеніе между нами по этому пункту, остается узнать: чтó я разумѣю подъ успѣхами, добытыми въ экономической области за послѣдніе два года, когда я привожу доказательства жизненности нашей націи...»

«Вотъ уже два года, какъ я предаюсь совершенно-спеціальнымъ историческимъ изслѣдованіямъ, составляющимъ необходимое пополненіе моихъ этюдовъ по экономіи и философіи. Я захотѣлъ прослѣдить поближе, по фактамъ, чтó называютъ *упадкомъ* (*décadence*) народовъ: упадокъ римлянъ, грековъ, египтянъ и проч. и проч. У каковаго же народа не было своего *упадка!*»..

«Пожалуйста, государь мой, избавьте меня, на этотъ разъ, отъ подробностей; вы ихъ со временемъ найдете въ сочиненіи

ad hoc—но все это была школьная болтовня, вызванная слишком легкой аналогіей между жизнью недѣлимаго и развитіемъ націй. Я нашелъ народы, которые могли быть истреблены мечомъ, нашествіемъ, разгромомъ, чумой и т. д.; и отрицаю формально противъ Монтескьё, Боссюэ и т. д. *упадокъ* какого бы то ни было народа. Я утверждаю, что самое это слово — *упадокъ*, въ примѣненіи его къ обществу, по сравненію съ явленіями индивидуальной жизни, болѣе чѣмъ неудобно: оно лживо, оно обозначаетъ нѣчто невозможное и нелѣпое. Я докажу это вполне убедительно, не посредствомъ *философіи* исторіи, а съ помощью только *исторіи*, сведенной на самую высшую ея простоту; я покажу это, говорю я, на примѣрѣ восточныхъ народовъ, египтянъ, грековъ, римлянъ,—всѣхъ народовъ, однимъ словомъ, которые, какъ обыкновенно утверждаютъ, *выродились* и подъ конецъ исчезли.

«Выводъ изъ этого принципа—продолжаетъ Прудонъ— настолько важнаго, какъ вы видите, что онъ ведетъ за собою цѣлый переворотъ въ преподаваніи исторіи, — тотъ, въ отношеніи напр. Франціи, что настоящее поколѣніе лучше, вообще говоря, чѣмъ поколѣніе реставраціи и первой имперіи, лучше генерациі 89 и 93 годовъ, лучше той, что была при Людовикѣ XIV. И я могу, сдастся мнѣ, доказать это не анекдотами, а, поймите меня хорошенько—*исторіей*».

Прудонъ не можетъ принять упрека, бросаемаго французской націи въ безнравственности за текущую политику, все потому же, что онъ считаетъ «логику событій» сильнѣе воли народа и общества, которые смотрятъ на вторую имперію, какъ на *несчастье*, какъ на *оскорбленіе*, а вовсе не какъ на собственное *злодѣйство*, совершенное съ намѣреннымъ попираніемъ всякой нравственности.

«Нужно ли мнѣ,—спрашиваетъ онъ,—напоминать такому уму, какъ ваше, что все это — вовсе не *оптимизмъ*? Нужно ли мнѣ говорить, что эти могучіе законы исторіи, вносящіе ясность въ мою душу, не только не служатъ оправданію, извиненію или смягченію злодѣйствъ тиранніи, но представляютъ собою ихъ высшій приговоръ; развѣ не ясно, что если тиранніа въ чемъ можетъ найти себѣ извиненіе, то именно во всѣхъ этихъ теоріяхъ упадка и самопроизвольнаго извращенія народовъ, позволяющихъ говорить слабодушнымъ: властелинъ, въ концѣ-концовъ, есть выраженіе той страны, которая его терпитъ; эти теоріи создаютъ, такимъ образомъ, своего рода законность деспотизму изъ мнимаго вырожденія націй.

«Да, повторяю я, общество, само по себѣ, вещь несоврати-

мая и неподверженная порчѣ; общество постоянно движется впередъ. Можно его убить, убивая его составные члены; можно ослабить его, опустошая и терроризируя; можно замедлить его ходъ, отнимая у него лучшую часть (его «аристократію», прибавляемъ Прудонъ), которой оно живетъ и сводя его къ недвижному прагу *массы*. Само по себѣ, оно всегда подвигается впередъ, всегда находится въ возбужденіи; оно, по существу своему, бодро и често; трусость, испорченность—его противоположности, т.-е. то, что составляетъ противъ-общество (*non-société*). Поэтому-то тотъ, кто растлѣваетъ его, оскорбляетъ или мѣшаетъ ему—виновать въ неискупаемомъ преступленіи.

«Неужели вы находите, что французское общество испорчено потому только, что вы видите въ немъ множество испорченныхъ людей? Еще разъ замѣчу, что такъ разсуждать, значить: переносить на социальный организмъ сужденіе, примѣнимое лишь въ отдѣльныхъ личностямъ. Чтобы вы сразу поняли хорошо мою мысль, я скажу, что общество можетъ быть очень крѣпко, а масса личностей, составляющихъ его — испорчена, и, наоборотъ, то избранное меньшинство добродѣтельныхъ людей можетъ составлять общество, лишенное силы и достоинства.

«Итакъ, я заново ставлю мой вопросъ: развѣ Франція слабе, чѣмъ въ предшествующія эпохи? Развѣ у насъ нѣтъ 37-ми милліоновъ жителей на 27,000 квадратныхъ льѣ? Развѣ нами не править принципъ 89-го года? Развѣ вы не видите, какъ деспотизмъ каждый день наталкивается на невозможное, отмѣняетъ свои мѣры, извиняется въ своемъ поведеніи и проч.? Избранная часть общества развѣ вымерла? Остается ли непонятой новая мысль? Не покоряетъ ли она и тѣхъ, кто хотѣлъ бы ее изгнать? Сколько бы я могъ привести вещей, показывающихъ, какъ эти люди безсильны, какія они терпятъ пораженія!.. На гербѣ нашего общества можно вписать даже то лицемѣріе, какое господствуетъ теперь; всѣ эти слова: *религія, порядокъ, собственность* и т. д., которыми вооружились, чтобы напасть на революцію—что же они; если не иносказательное признаніе всѣмъ началъ справедливости и морали?»

Заключенія свои Прудонъ формулируетъ такъ:

«Я отрицаю, въ принципѣ, *упадокъ* народовъ.

«Я утверждаю, фактически, внутренний (*immanent*) прогрессъ, интеллигенцію и высокую нравственность Франціи, даже—и въ особенности—въ настоящую минуту.

«Я заключаю—для будущаго—объ удвоенномъ влияніи нашего отечества на земной шаръ и о невозможности, въ какую

поставлено наше *фатальное* правительство,—поддерживать долго затѣянное имъ дѣло грубаго насилия, которое удалось ему при невѣжествѣ массъ и недоразумѣнιάхъ партій».

III.

Подробности домашней жизни находимъ мы всегда въ письмахъ Прудона къ доктору Magé. Такъ и на этотъ разъ, въ письмѣ отъ 16-го сентября, рассказываетъ Прудонъ про рожденіе третьей своей дочери Стефаніи,—про серьезныя неприятности по издательскимъ дѣламъ и про исторію тестя. Надѣется онъ также получить нѣсколько акцій отъ братьевъ Готье въ случаѣ успѣха какого-то крупнаго предпріятія. О своемъ отказѣ принять отступное въ 40,000 франк. Прудонъ говоритъ все съ той же простотой, и дѣлаетъ такого рода признаніе:

«Въ первый разъ подвергся я денежному искушенію: долженъ я однако прибавить, что со мной поступили съ добрымъ намѣреніемъ и деликатностью». Другому приятелю, Сюше, отъ 22-го сентября, Прудонъ сообщаетъ опять исторію Пьегара, видимо скрывая все то, что было въ ней неприятнаго для него лично. Про свое участіе въ петиціи онъ совершенно умалчиваетъ и старается выставить Пьегара не только порядочнымъ человекомъ, но и жертвою своихъ убѣжденій, что отзывается уже чѣмъ-то, совсѣмъ не-прудоновскимъ!

Серьезная послѣ-родовая болѣзнь жены заставила его бояться за свою семейную жизнь: онъ разбираетъ перспективу вдовства съ тремя дочерьми въ письмѣ отъ 25-го сентября къ Матію. Тѣ строки, гдѣ Прудонъ говоритъ про это, показываютъ, что въ немъ, и по происшествіи нѣсколькихъ лѣтъ супружества, не было нѣжной привязанности къ женѣ. Ему жаль было бы *не ее*, а *своею* одиночества съ обузой дѣтей на рукахъ; его смущаетъ исключительно домъ безъ хозяйки, а не душевное горе, соединенное съ потерей любимаго существа; повторимъ уже связанное нами: во всемъ этомъ Прудонъ остался, до смерти своей, суровымъ безансовскимъ мужикомъ. Онъ надѣется, судя по тому же письму къ Матію, приготовить къ печали, въ теченіе 1854 года, два первыхъ тома той «Всемирной исторіи», о которой онъ не разъ упоминалъ въ приятельской перепискѣ. Текущая политика раздражаетъ его, и главное его стремленіе въ ту минуту:—удалиться въ философскую иронію, которая и «утѣшаетъ и мститъ».

Мы уже познакомились съ характеромъ его историко-философскихъ писемъ въ Труссару. Третье письмо такого же содержания (помѣченное 27 сентября) адресовано какому-то Х***; но подъ этимъ Х — мѣ нельзя не признать все того же Труссара, такъ какъ письмо отъ 27-го сентября представляетъ собою несомнѣнное продолженіе двухъ разобранныхъ нами посланій. Оно еще обширнѣе по объему, и равняется маленькой брошюрѣ или очень большому газетному фельетону.

Прудонъ начинаетъ съ того, что называетъ своего корреспондента: «monsieur et ami» и заявляетъ, что раздѣляющій ихъ вопросъ сдѣлалъ значительный шагъ впередъ. Корреспондентъ (и тутъ уже очевидно, что онъ — Труссаръ) соглашается съ Прудономъ, что общество (французское) — вещь, не подлежащая порчѣ, и что оно, такъ или иначе, движется впередъ. Расколъ мнѣній заключается между ними лишь въ томъ, что корреспондентъ Прудона спрашиваетъ: «Франція, дѣлаясь лучше, съ объективной точки зрѣнія, становится ли лучше по существу (virtuellement)?» На это Прудонъ отвѣчаетъ, что, во-первыхъ, терминъ «virtuel» слишкомъ общъ и неопредѣленъ; во-вторыхъ, что признаніе общества неподлежащимъ порчѣ есть уже, само собою, признаніе той «общественной добродѣтели», о которой хлопочетъ его корреспондентъ. Въ сущности, они оба согласны въ главной идеѣ органическаго развитія общества, а старая пѣсня о паденіи и возвышеніи народовъ есть только — вопіющее противорѣчіе этой научной идеѣ. Замѣчательно, какъ Прудонъ формулируетъ свой личный протестъ противъ обычнаго у историковъ и публицистовъ приѣма: приводить «аналогіи» и сравненія откуда ни попало, и давать имъ право гражданства въ соціологическихъ вопросахъ.

«Основа вашихъ критическихъ замѣчаній,—пишетъ онъ въ Х***,—онякъ-таки аналогія между недѣлимымъ и обществомъ; а такое уподобленіе (assimilation)—невозможно, діаметрально противоположно природѣ вещей. Конечно, можетъ случиться въ обществѣ, что всѣ недѣлимые, составляющие его, испытываютъ въ данный моментъ общее чувство утомленія, эпикурейства, фанатизма, или испуга; тогда происходитъ, въ силу этого обобщеннаго личнаго чувства, извѣстное рѣшеніе, извѣстный общественный актъ, болѣе или менѣе удачный, нравственный и достойный почтенія. Подобные факты не рѣдки, и я вовсе не думаю отрицать ихъ. Знаменитая паника въ іюнѣ 89 года и въ февралѣ 92-го—служить имъ примѣромъ. Но такіа движенія, сами по себѣ, весьма скоропреходящи; они вовсе не составляютъ соціальныхъ проявле-

ній (manifestations); они просто пертурбаціи, вызванны въ обществѣ личными вліяніями, которыя (т.-е. пертурбаціи) убили бы и общество, еслибы онѣ могли сдѣлаться постоянными и преобладающими».

И вслѣдъ затѣмъ Прудонъ приводитъ два большихъ историческихъ примѣра: *Франція послѣ Наполеона* и *Римъ послѣ Юлія Цезаря*, и еще разъ резюмируетъ свой общій взглядъ на прогрессивное движеніе французскаго общества:

«Нѣтъ ни порчи, ни вырожденія во французскомъ обществѣ; только можно сказать, что въ минуту рѣшительнаго преобразованія (métamorphose) оно испугалось и раздѣлилось; а благодаря этому страху, этому раздѣленію, самая безнравственная его часть, въ смыслѣ личностей, составляющихъ націю, овладѣла властью и гнететъ общество.

«Французское общество, такъ могуче развитое по своему составу (son économie), можетъ ли оно быть принесено въ жертву новымъ императоромъ, подобно тому, какъ римское общество было заклано (immolé) Цезаремъ? Тутъ весь вопросъ.

«На чтѣ я отвѣчаю:

«Да, еслибъ у Наполеона были, какъ у Цезаря, въ распоряженіи, для того, чтобы кормить чернь и поддерживать буржуазный пролетаріатъ, тѣ два великихъ средства: дань покореннаго міра и трудъ рабовъ».

Но такъ какъ у него нѣтъ ни того, ни другого, то Прудонъ и заключаетъ, что временный захватъ власти и не имѣетъ никакого рокового значенія для французской націи, какъ органическаго социальнаго тѣла.

«Однимъ словомъ, — кончаетъ Прудонъ, — за исключеніемъ внѣшнихъ причинъ: войны, нашествія, избіеній, рабскаго плѣненія, увода, чумы и т. п., которыя могутъ измѣнить и погубить цивилизацію, общая органическая причина, измѣняющая общества и вносящая въ нихъ порчу, приводящая ихъ къ тому, что мы называемъ *упадкомъ*, это — *a priori*: смѣшеніе социальной воли съ *всеобщей подачей голосовъ* и замѣна послѣдняго первой».

«Все равно, какъ происходитъ всеобщая подача голосовъ, т.-е. личная идея (individualiste), принятая большинствомъ народа, тайно или формально. Коль скоро она дѣлается закономъ націи, неминуемо должно произойти то, что социальная воля будетъ попорчена (viciée) въ своихъ законныхъ проявленіяхъ и мало-по-малу уничтожена. Такъ оно и бываетъ, когда народъ беретъ дѣйствіе массой за социальное дѣйствіе, а подчиненную одноформенность за органическое единство; монархическое, дик-

таторское или триумфаторское обаяніе за богатство, величіе и славу; а кончаетъ онъ, беря себѣ *приемника* (dépositaire) своей мысли и своей власти, уничтоженіемъ собственнаго организма и превращаясь, какъ выразался Наполеонъ, въ состояніе праха (à l'état de poussière).

«Эта участь всякой *демократіи* и выпадала на долю всѣмъ народамъ древности: *это было необходимо*. Духъ побѣды и грабежа и учрежденіе рабства составляли основу политики въ этихъ, *страстью жившихъ обществахъ* (passionelles); почему въ концѣ *каждаго историческаго хода* (évolution) и получалось истребленіе однихъ войной и захватомъ (incorporation), распаденіе другихъ посредствомъ цезаризма.

«Въ настоящее время такой исходъ уже невозможенъ; положеніе цивилизованныхъ націй не позволяетъ уже ни эксплуатаціи побѣжденныхъ расъ, на потребу какой-либо одной, ни возврата къ древнему рабству. Поэтому-то социальный организмъ и сдѣлался не подлежащимъ порчѣ; онъ сталъ сильнѣе всякихъ *плебисцитовъ* и всякихъ голосованій; и каждое правительство, позволяющее себѣ деспотическіе приемы, заранѣе осуждено долго не продержаться.

«Общество не можетъ жить безъ труда, а трудъ безъ раздѣленія; раздѣленіе же труда предполагаетъ обмѣнъ, кредитъ и проч., и проч. Экономическій организмъ убиваетъ военный и духовный деспотизмъ. Общество этимъ-то и заявляетъ свою бодрость; вскорѣ оно само убѣдится въ ней; тогда исчезнуть навсегда униженія, навлеченныя на него *всеобщимъ предразсудкомъ* — индивидуализмомъ, восхваляемымъ, какъ общій мотивъ. Тогда *группы*, измѣнившіе въ трудное время всяческаго мрака, вернуться къ сознанію чести и къ чувству свободы, и мало-по-малу появится и *добродѣтель* массъ, доведенная до уровня общественной силы».

Такимъ образомъ, Прудонъ остается въ этихъ обобщеніяхъ вѣренъ основному социологическому взгляду, который въ его устахъ вдвойнѣ знаменателенъ: онъ не былъ никогда *прямымъ послѣдователемъ* положительной доктрины, и, несмотря на то, выработалъ себѣ чисто-научный образъ мышленія по вопросамъ историко-философскаго интереса.

Въ этотъ періодъ своего мышленія Прудонъ составилъ небольшой этюдъ, подъ заглавіемъ: «Программа по философіи прогресса» (Philosophie du progrès. *Programme*). Его издатели — братья Гарнье — отказались выпустить эту вещь въ Парижѣ; она появилась въ Брюсселѣ; но французскія власти не допустили ее

въ продажу. Прудонъ обращается съ жалобой и за категорическимъ отвѣтомъ къ министру внутреннихъ дѣлъ. Но какъ первое письмо отъ 20-го октября, такъ и второе, болѣе обширное и настоятельное, отъ 14-го ноября, остались безъ отвѣта. Читая эти посланія, трудно не пожалѣть логики и гражданской прямоты Прудона въ подобныхъ обращеніяхъ къ доблестнымъ сподвижникамъ Наполеона III.

Свой этюдъ, изданный въ Бельгій, Прудонъ доставилъ старинному земляку — профессору философіи Тиссо, и пишетъ ему по этому поводу:

«Мои предшествующія изданія должны быть разсматриваемы какъ монографіи, критики, опыты: теперь слѣдуетъ повалить уже достаточно подрытое зданіе и дать общій взглядъ на новую постройку. Вотъ, въ таковомъ-то революціонномъ дѣлу я и приступаю нынче.

«Подъ *новой постройкой* — вы хорошо это поймете — я разумѣю нововведенія въ политикѣ, философіи и т. д.; всегда лишь измѣненія вида идей, какія принимались прежде, скажу больше, по необходимости принимались. Всякая обновляющая доктрина, не устанавливающаяся *исторически*, ничего не стоитъ, и даже обманываетъ своимъ именемъ; она вовсе не новая, а хуже старой, или же она — утопія».

«Вы мнѣ скажете: въ какой степени я заслуживаю быть помѣщеннымъ въ новаторы такого рода.

«Во всякомъ же случаѣ, смѣю сказать впередъ, что моя теорія нравственности или мои *этические* принципы, равно какъ мои принципы по философіи, исторіи, доставляютъ мнѣ, въ настоящую минуту, случай нанести католицизму самый ужасный ударъ, какой когда-либо ему наносили...

«Бѣда лишь въ томъ, что какъ бы мы — философы — ни работали, во имя свободы, позади насъ стоитъ партія такъ-называемыхъ либераловъ и республиканцевъ, занятыхъ заковычаніемъ тѣхъ цѣпей, которыя мы разбиваемъ — во имя народоправства. Когда мы избавимся отъ этой яacobинницы (de cette jacobinière)!»

Въ успѣхъ своего послѣдняго этюда Прудонъ сомнѣвается, судя по письму къ Шарлю Эдмону, отъ 2-го ноября, гдѣ онъ говоритъ, что съ разныхъ сторонъ ему дѣлаются возраженія и замѣчанія, заставляющія его думать, что онъ «сдѣлалъ самую неисправимую неловкость въ жизни». На главное же замѣчаніе о недостаточности доказательствъ соціального *процесса*, Прудонъ отвѣчаетъ:

«*Процессъ* есть форма соціального движенія, совершенно

также какъ эллипсисъ есть форма движенія земли; и если я выбралъ это слово для заглавія моей программы, вмѣсто слова: *движеніе*, болѣе общаго, то потому, что я не хотѣлъ вовсе брать такого заглавія, которое назвали бы, пожалуй, *принципомъ*, а желалъ обозначить лишь капитальный вопросъ, рѣшительную расшнуровку котораго я и продолжаю».

И теоретическому корреспонденту своему Труссару пишетъ Прудонъ на тѣму брошюры о прогрессѣ, отъ 4-го ноября. Весьма характерно также слѣдующее мѣсто изъ письма къ Тиссо, отъ 22-го декабря, если его сопоставить съ тѣмъ, что онъ не такъ давно говорилъ про Огюста Конта, какъ основателя школы и создателя *гуманитарной* религіи:

«Истина, въ которую я вѣрую, мнѣ еще неизвѣстна, и я всегда ее буду искать; я говорю, что она подвижна и ускользаетъ постоянно; и тѣмъ труднѣе схватить ее, чѣмъ больше желаніе поскорѣе установить ее. Это-то и мѣшаетъ мнѣ назваться *позитивистомъ*. Слово это я бы считалъ самымъ нелѣпымъ (*sot*) въ философіи, *еслибы я не чувствовалъ такого почтенія къ творцу ея*; но я еще менѣе *мистикъ*, такъ какъ *истина*, существованіе которой я утверждаю, какъ *реальность* — для меня существенно подвижна, видима, осязаема. Точно также и въ смыслѣ воспріятія она есть: представленіе, формула, законъ, число, мѣра и т. д. — все вещи, какъ мнѣ кажется, радикально противоположныя мистицизму.

«Наконецъ, — и это для меня главное, — я полагаю (*affirme*) *человѣчество*, какъ *высшее существо*... Кто взвѣситъ это положеніе, и повѣритъ тому, что я понимаю размѣръ, важность и глубину его; кто пойметъ, что девятнадцатый вѣкъ призванъ къ тому, чтобы замѣнить въ укладѣ челоуѣчества (*dans le gouvernement de l'humanité*) теологическія и политическія начала экономическими и социальными принципами, тотъ воздастъ должное моему намѣренію, и, вмѣсто нападокъ на изложеніе и литературную отдѣлку, обратитъ главное вниманіе на цѣль».

Противорѣчіе, указанное нами, какъ нельзя лучше объясняется самимъ Прудономъ въ томъ письмѣ къ Труссару, о которомъ мы сейчасъ упомянули:

«Продолжайте сообщать мнѣ, — пишетъ онъ ему, — ваши превосходныя и дружескія замѣчанія. Увы! я не *ученый*, мнѣ нечего стыдиться этого; и потомъ — я всегда, несмотря на мои почти сорокъ-пять лѣтъ, такъ страстенъ, такъ увлекаюсь и сердеченъ и воображеніемъ, что часто не нападаю на истину иначе, какъ въ видѣ фантазіи, самой прекрасной изъ всѣхъ возможныхъ.

Во мнѣ сужденіе почти-что равняется вкусу! Посудите же, ка-кимъ опасностямъ подвергаюсь я, когда говорю о философіи».

Изъ этого самоосужденія надо, конечно, кое-что поубавить; но несомнѣнно, что мыслительный аппаратъ Прудона находился всегда подъ вліяніемъ его рынаго темперамента. Надо ему от-дать ту справедливость, что онъ и не выдавалъ никогда своихъ воззрѣній, принциповъ, обобщеній за нѣчто окончательное, за *систему*.

Въ концѣ 1853 года настроеніе его сдѣлалось довольно тре-вожнымъ; онъ видѣлъ, что власти всячески отнимаютъ у него кусокъ хлѣба. Не только брошюра его о прогрессѣ не была впу-щена во Францію, но и книжка, написанная имъ *анонимно* по заказу издателя: «Руководство для биржевого спекулянта», по-тому лишь не была задержана, что нельзя было формально при-драться къ имени автора. Онъ серьезно ищетъ мѣсто приказчика въ 3000—4000 франковъ жалованья. Не мудрено, что при его постоянной нуждѣ онъ приглашаетъ пріятеля, Шарля Эдмона, встрѣчать новый 1854-ый годъ за обѣдомъ по 2 франка съ «головами».

Д — Е В Ъ.

СОВРЕМЕННЫЙ РОМАНЪ

ВЪ

А Н Г Л И И

I.

Подобно тому, какъ рядомъ съ политической исторіей существуетъ исторія цивилизаціи, на ряду съ хроникою современныхъ политическихъ и экономическихъ фактовъ могла бы существовать фельетонная исторія современнаго общества. Въ воззрѣніяхъ и нравахъ общества каждой страны происходитъ постепенное видоизмѣненіе, которое находится въ прямой связи съ измѣненіями политическими и экономическими. Понять, въ чемъ состоитъ сущность видоизмѣненія въ данномъ обществѣ, откуда исходить и куда ведетъ это видоизмѣненіе—вотъ необходимое условіе для фельетониста, который хочетъ возвыситься надъ простымъ репортерствомъ объ увеселеніяхъ. Но даже и въ обыкновенныхъ газетныхъ фельетонахъ, будь они театральные и художественные или «общіе еженедѣльные» (существующіе теперь только въ русской прессѣ), проявляется, иногда безсознательно для самихъ авторовъ, точка зрѣнія, которую мы назвали бы «философско-исторической», еслибы названіе это не было слишкомъ притязательно для этюдовъ, причисляемыхъ къ «жанру», а не къ исторической живописи, хотя иногда по смыслу своему они прямо относятся къ послѣдней. Въ обществахъ европейскаго континента видоизмѣненіе воззрѣній и нравовъ идетъ быстрее, чѣмъ въ Англіи, такъ какъ политическія перемѣны на континентѣ рѣзче и неожидательнее. Для каждаго изъ континентальныхъ обществъ можно на-

звать два-три основныхъ историческихъ или экономическихъ факта за послѣднее двадцатилѣтіе, которые дали обществу новое направление, какъ-бы заслонили собою для него всю предшествующую исторію и представили собою ту исходную точку, отъ которой отправляется общественное мнѣніе, ту точку, отъ которой оно идетъ впередъ и съ которой оно смотритъ на путь, передъ нимъ лежащій, и на всѣ предметы, представляющіеся на этомъ пути. Такіа «основныя» событія у насъ — освобожденіе крестьянъ, вообще реформы и прочее; въ Германіи — объединеніе, побѣда надъ французами и экономическій кризисъ; во Франціи — экономическое развитіе при второй имперіи, паденіе этого правленія, пораженіе и упадокъ могущества страны, неустойчивость и неполнота возстановленной свободы; въ Италиі — освобожденіе отъ ига, объединеніе народа и огромное увеличеніе налоговъ. Таковы факты, которые мы назвали «основными» для фельетонной исторіи современности. Затѣмъ, дѣло общественнаго бытописателя въ каждой отдѣльной странѣ выяснитъ себѣ, какъ отозвались эти факты на настроеніи и бытѣ общества, подмѣтитъ черты видоизмѣненія и, по совокупности ихъ, подведетъ его подъ точное опредѣленіе.

Къ сожалѣнію, интересная область фельетонной исторіи современности, въ которой можно бы найти столько поучительнаго не только для простыхъ смертныхъ, но даже и для государственныхъ людей, «дѣлающихъ большую исторію», весьма мало разрабатывается. Можно даже сказать, что въ систематической связи, съ точными наблюденіями и положительными опредѣленіями, то есть съ договариваніемъ «послѣднихъ словъ», она, по крайней мѣрѣ — на мѣстѣ, не разрабатывается нигдѣ. Есть нѣсколько попытокъ въ этомъ родѣ, попытки очертить фізіономію даннаго общества въ настоящій моментъ, разъяснить и опредѣлить переживаемое имъ видоизмѣненіе, но всѣ эти попытки сдѣланы не членами наблюдаемаго общества, а иностранцами. Притомъ всѣ онѣ весьма неполны въ томъ или другомъ отношеніи. Такъ, года два тому назадъ, въ аугсбургской «Всеобщей Газетѣ» помѣщенъ былъ рядъ этюдовъ подъ заглавіемъ «Франція и французы», въ которыхъ было много дѣльнаго; но этюды эти относились къ Франціи и французамъ до погрома 1870 г., стало быть, въ фельетонной исторіи современности не принадлежали. О современной Россіи есть нѣсколько иностранныхъ сочиненій, въ которыхъ встрѣчаются и попытки характеристики русскаго общества въ данный моментъ, съ тѣмъ видоизмѣненіемъ возрѣвній и общественныхъ нравовъ, какое обусловилося основными событіями двадцатилѣтія. Но такъ какъ Европа не знала русскаго обще-

ства, какимъ оно было и до этого видоизмѣненія, то естественно, что въ этихъ сочиненіяхъ—за исключеніемъ, впрочемъ, одной нѣмецкой книги о «русскомъ обществѣ», вышедшей два года тому назадъ—задачи смѣшиваются и авторы передаютъ, какъ новое для своихъ читателей, много того, что само по себѣ очень старо. Въ «Кельнской Газетѣ» въ настоящее время печатается рядъ статей «Изъ Америки», довольно близко подходящихъ къ рамкамъ фельетонной исторіи современности, а именно описывающихъ тѣ измѣненія въ возрѣніяхъ, бытѣ и правахъ, какія произведены въ обществѣ великой сѣверо-американской республики таковыми основными событіями современности—покореніемъ возставшаго юга и освобожденіемъ рабовъ, безграничнымъ господствомъ одной партіи и проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ въ Тихому океану. Но при всемъ знакомствѣ съ наблюдаемою страной, автору этихъ статей недостаетъ и дарованія и умѣнья систематически расположить матеріалъ, такъ что многое повторяется, и въ объясненіяхъ остается много пробѣловъ.

Почему область эта такъ мало разрабатывается и почему на цѣльные этюды о данномъ обществѣ собираются только иностранцы? Это можно объяснить неблагодарностью подобной задачи лично для автора, который бы ее предпринялъ. По самой сущности бытописательнаго этюда, онъ содержалъ бы въ себѣ много общезвѣстнаго въ томъ обществѣ, которому этюдъ былъ бы посвященъ; новы были бы въ дѣйствительности только освѣщеніе и выводы. Но выводы эти по необходимости опирались бы только на общихъ чертахъ и не годились бы для политической цѣли, по кажущейся ихъ бездоказательности. Затѣмъ, при отсутствіи этого главнаго двигателя современной печати, оставалась бы одна приманка—литературный успѣхъ. Но чѣмъ безпристрастнѣе и откровеннѣе была бы оцѣнка авторомъ того общества, въ которомъ онъ живетъ, тѣмъ менѣе вѣроятностей, что она понравилась бы этому обществу. Благодаря пресловутому «національному принципу», наше время есть время шовинизма по преимуществу. Хотя правоописательное направленіе преобладаетъ въ литературѣ, но писатели ограничиваются выборомъ одного какого-нибудь соціальнаго явленія, одной общественной группы и еще придаютъ своимъ наблюденіямъ форму комедіи или романа. Такая рѣзкая откровенность, какая мѣстами встрѣчается у Гейне о нѣмцахъ или у Курье и даже у Рейбъ о французахъ, положительно немыслимы въ наше время.

Англійское общество, какъ и континентальныя, не можетъ выдвигаться собственными хроникерами своего современнаго быта

и духа. Попытки прямо очертить фязіономію, духъ и обычай англійскаго общества также сдѣланы не самими англичанами, но иностранцами. Такъ, книга Эскироса объ англійской жизни представляетъ довольно вѣрный и ясный снимокъ, а книга Тэна о томъ же предметѣ заключаетъ остроумную, мѣстами весьма мѣткую характеристику возрѣній англійскаго общества. Но ни та, ни другая не излагаютъ современнаго видоизмѣненія его жизни. Книга Эскироса только констатируетъ факты, не наблюдая тѣхъ теченій, которыя ведутъ въ ихъ измѣненію, а книга Тэна характеризуетъ англійскую жизнь не по отношенію къ ней самой, какъ она была прежде, но по отношенію къ жизни континентальной и преимущественно французской. Оттого у Тэна въ видѣ отличительныхъ чертъ англійскихъ возрѣній и обычаевъ указаны и такія, которыя общи всѣмъ протестантскимъ обществамъ, и такія, которыя общи Англій съ Сѣвѣрною Америкою. Сверхъ того, очерки названныхъ французскихъ писателей написаны гдѣ около пятнадцати тому назадъ (хотя книга Тэна издана уже послѣ войны 1870—71 гг.), стало быть, современными ихъ считать нельзя.

Но за то сама беллетристика въ Англій можетъ служить пособіемъ для изслѣдованія общественныхъ возрѣній и нравовъ, а также и видоизмѣненій въ нихъ, — гораздо болѣе, чѣмъ беллетристика въ иныхъ странахъ по отношенію къ обществамъ тѣхъ странъ. Беллетристику вообще по ея направленіямъ мы можемъ раздѣлить на три рода: на тенденціозную, фантастическую и чисто описательную (избѣгаемъ слова «реалистскую», такъ какъ оно употребляется въ двухъ ацепціяхъ и потому сбивчиво). Само собою разумѣется, что писателю необыкновенно-даровитому, гениальному, дается при вполнѣ вѣрномъ изображеніи дѣйствительности создать нѣчто въ одно время и глубоко-тенденціозное и художественное. Дѣйствіе такихъ беллетристическихъ произведеній бываетъ неотразимо. У такого художника дѣйствительность бываетъ схвачена такъ, что она сама высказываетъ его мысль. Таковы: Теккерей, Гоголь, Тургеневъ. Дивенъ умѣлъ совмѣщать и описательность, и тенденціозность и фантастичность, хотя въ каждомъ его произведеніи все-таки преобладаетъ одно изъ этихъ направленій, иногда въ ущербъ правдѣ, иногда въ ущербъ ясности и доказательности мысли. Но такихъ писателей, которымъ удалось соединить два направленія, мы и должны причислять къ обоимъ, сохраняя затѣмъ все-таки право дѣлить всю беллетристику на три рода. Затѣмъ англійская беллетристика за послѣдніе полвѣка отличалась отъ континентальной меж-

ду прочимъ тѣмъ, что въ ней произведеній описательныхъ было несравненно больше, чѣмъ въ беллетристичѣ континентальной, въ которой большинство романовъ писалось подъ вліаніемъ или тенденціи, или чистой фантазіи, то-есть одного эстетическаго произвола. Писатель съ огромнымъ дарованіемъ, Бальзакъ, прямо избравшій себѣ задачею обрисовать современное ему французское общество, выводявшій въ большинствѣ своихъ романовъ лица или одни и тѣ же, или находившіяся въ опредѣленномъ отношеніи къ героямъ другихъ его произведеній, нарисовавшій цѣлую галерею портретовъ изъ даннаго общества—его-то именно и не изобразилъ. Серьезно онъ занимался только изслѣдованіемъ психическихъ движеній человѣка вообще, а въ остальномъ давалъ полную волю своей художнической фантазіи. Его анатомическая жекія всегда тонкая работа; но субъекты его лежатъ на столѣ, обнаженные. Онъ могъ одѣть ихъ въ любыя платья, заставить ихъ дѣйствовать въ любой странѣ, и все-таки физиологическіе законы, въ нихъ дѣйствующіе и имъ наблюдаемые, не составляли бы принадлежности ни мѣста, ни времени. Въ наблюденій психическихъ движеній Бальзакомъ руководила только чисто-эстетическая преокупация, и онъ давалъ полный произволь фантазіи ¹⁾. Жоржъ - Зандъ — писательница тенденціозная и фантастическая вмѣстѣ, также какъ и Эжень Сю. Дюма старшій и младшій оба писатели чисто-фантастическіе, хотя и весьма непохожіе другъ на друга; оба рисуютъ произвольные типы, иногда весьма эффектные. Изъ нѣмцовъ Ауэрбахъ, Гуцковъ, Фрейтагъ, Шпильгагенъ или тенденціозны или фантастичны; мы разумѣемъ фантастичность въ смыслѣ изображенія типовъ, созданныхъ одной фантазіею художника ²⁾.

О русскихъ беллетристахъ упоминать не будемъ, это завело бы насъ слишкомъ далеко. Приведенныхъ примѣровъ достаточно для подтвержденія, что у континентальныхъ писателей преобладаютъ тенденціозность и фантастичность, а не описательность. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда континентальные писатели задаются мыслью просто изобразить условія быта, особенности воззрѣній и нравовъ, они избираютъ для этого обыкновенно какой-нибудь мало-извѣстный міръ или мірокъ: деревню, маленькій провинціальный

¹⁾ Опредѣленія въ литературѣ имѣютъ исключеніе, какъ и въ грамматикѣ; такъ Eugénie Grandet и César Birotteau—два романа Бальзака, въ которыхъ преобладаетъ описательность.

²⁾ Относительно деревенскихъ разсказовъ Ауэрбаха и Soll und Haben Фрейтага надо сдѣлать ту же оговорку, которая сдѣлана выше о двухъ романахъ Бальзака.

городъ или какія-нибудь положенія и профессіи, отличающіеся тѣмъ-либо оригинальнымъ. Они какъ будто отказываются черпать матеріалы изъ широкаго теченія той рѣки, которая представляется собирательнымъ умомъ всей націи, той рѣки, которой теченіе, какъ бы мирно и обыденно оно ни казалось, опредѣляетъ между тѣмъ въ дѣйствительности дальнѣйшую судьбу всего народа. Англійскіе беллетристы, въ послѣ-байроновскій періодъ, наоборотъ, ничѣмъ такъ часто и обстоятельно не занимались, какъ изображеніемъ обыденной жизни англійскаго образованнаго общества—everyday english life.

Такое различіе было вовсе не случайно, оно имѣло свои опредѣленныя причины. Издавна свободное, англійское общество было довольно. Оно любило смотрѣть въ зеркало само на себя и требовало отъ зеркала только вѣрности. Оно не ждало отъ беллетриста ни утѣшенія въ испытаніяхъ, ни выраженія въ поэтическихъ образахъ его тайныхъ, загнанныхъ, преслѣдуемыхъ стремленій. Ему не нужно было ни инсвазаній, ни кризисовъ въ борьбѣ — въ такой мѣрѣ, какъ континентальнымъ обществамъ. Образованное общество, обеспеченное капиталомъ или высокимъ заработкомъ, въ Англіи никогда не замыкало окончательно «своихъ сытой вороны», по выраженію одного изъ нашихъ критиковъ. Надъ общимъ уровнемъ оно видѣло остатки древнихъ привилегій, подлежащихъ устраненію, въ себѣ самоѣ совнавало болѣе или менѣе—слабости, мѣшавшія устраненію такихъ привилегій; подъ общимъ своимъ уровнемъ, оно видѣло массу народа, мало образованную и необразованную, вовсе необеспеченную и лишенную политическаго права; на глубинѣ — оно угадывало множество совершенно безправныхъ, лишенныхъ и пропитанія, и даже человѣческихъ понятій—людей, цѣлое сословіе жертвъ громадной борьбы за существованіе. Но, завоевавъ себѣ само свое благосостояніе, всѣ свои права и улучшенія, оно относилось къ существующей долѣ зла спокойно, имѣя полное довѣріе къ своимъ силамъ достигнуть постепенно, благодаря свободѣ, всѣхъ улучшеній, какія окажутся возможны. Вотъ почему, хотя сатира Тэкверса и Дикенса и тенденціозность ихъ обоихъ имѣли и причину быть, и мѣсто въ сознаніи общества, но оно все-таки не было въ такомъ положеніи, чтобы надъ умомъ его вѣчно тяготѣли мысли о безотрадности жизни и о необходимости борьбы. Англійское общество все-таки было довольно собою и имѣло достаточно причинъ любоваться своей обыденной жизнью, интересоваться тѣми второстепенными теченіями, которыя проявлялись въ разныхъ ея областяхъ. Дѣятельность парламентская, торговая, мануфактурная,

землевлѣдѣльческая, земская, въ Англіи произвела результаты болѣ крупные, чѣмъ гдѣ-либо, результаты колоссальные. Какъ же было не любоваться той обыденной жизнью, которая производила результаты столь необыкновенные! Съ другой стороны, почти два столѣтія внутренняго мира, спокойнаго теченія впередъ, подъ напоромъ могущественнаго общественнаго мнѣнія, создавали въ воззрѣніяхъ, а затѣмъ и въ нравахъ англійскаго общества такую цѣльность, каковой не замѣчалось ни въ одномъ изъ континентальныхъ обществъ, разбитыхъ на группы, даже на единицы, въ виду почти всякаго вопроса, будь онъ политическій, философскій, экономическій или социальный. Династическія партіи исчезли, партія радикаловъ, въ смыслѣ континентальномъ, политически не существовала. Однимъ словомъ, общество не было раздѣляемо и волнимо партіями, желающими переворота. Оппозиція превратилась въ «оппозицію его величества», и предводитель ея считался всегда властью, признанно правительствомъ. Но это еще не все. Сфера политическая, руководящая страной, была немногочисленна. Люди, изъ которыхъ состояло политическое сословіе въ Англіи еще въ весьма недавнее время, были болѣе или менѣе всѣ люди богатые, прошедшіе однѣ и тѣ же школы, имѣвшіе и средства и привычки почти одинаковыя. Обществу не было причины предаваться мечтаніямъ, за отсутствіемъ удовлетворяющей дѣйствительности, политической метафизикѣ—за отсутствіемъ политической работы. Все дѣло законодательства и управления было безспорно въ рукахъ образованнѣйшей части общества, а этотъ руководящій классъ, немногочисленный и однородный, соединяя въ своихъ рукахъ всѣ средства вліянія, всякую силу, создавалъ для всего народа законы не только въ смыслѣ юридическомъ, но и въ смыслѣ нравственномъ: онъ сообщалъ всему обществу свои идеалы, свои взгляды на всѣ проявленія не только общественной жизни, но даже домашняго быта. Послѣдствіемъ того была совершенная цѣльность въ воззрѣніяхъ и обычаяхъ всѣхъ слоевъ англійскаго сколько-нибудь образованнаго общества. Средства, чтобы дѣйствовать и жить такъ или иначе, были различны, но идеаль дѣятельности и образа жизни былъ у всѣхъ одинъ и тотъ же. Англичанину не было нужды размышлять, какъ бы онъ устроилъ свою жизнь, еслибы у него были средства жить выше уровня обыкновеннаго рабочаго.

У всѣхъ англичанъ былъ одинъ идеаль общественнаго положенія и одна программа домашняго комфорта; затѣмъ каждый старался приблизиться къ этому идеалу и осуществлять для себя эту программу по мѣрѣ личныхъ силъ и средствъ. Англійскія воз-

зрѣнія на жизнь и англійская манера жить представляли нѣчто вполне опредѣленное, окончательно установившееся, и считались внѣ всякаго сомнѣнія и спора лучшими. При такой опредѣленности и цѣльности воззрѣній, молодому человеку въ Англии не приходилось доходить до всего собственнымъ умомъ, начиная аб ово, придумывать для собственнаго обихода особое міросозерцаніе — какъ въ тѣхъ обществахъ, гдѣ никакихъ собирательныхъ воззрѣній не установилось—или выбирать для себя одно изъ готовыхъ міросозерцаній—какъ въ тѣхъ обществахъ, гдѣ въ воздухѣ носятся нѣсколько различныхъ, взаимно-враждебныхъ коллективныхъ взглядовъ на задачу и всего общества, и единичнаго человека.

Самый выборъ между политическими программами двухъ главныхъ партій для большей части молодыхъ людей высшаго класса рѣшался просто наследственностью: члены nobility и gentry родились торіями или вигами. Такимъ образомъ, молодые люди, освобожденные отъ необходимости выработать себѣ совершенно самостоятельныя личныя убѣжденія, прямо отдавались практической дѣятельности, вступали въ «борьбу жизни», стараясь завоевать себѣ такое положеніе, чтобы по возможности приблизиться къ общему идеалу и осуществить возможно полнѣе для себя общую программу.

Указывая на эту отличительную черту англійскаго общества, мы вовсе не намѣрены представлять ее образцовою и видѣть въ ней,—какъ то дѣлаютъ иные,—источникъ великихъ успѣховъ, достигнутыхъ Великобританіею. Во всякомъ случаѣ черта эта не можетъ служить образцомъ для подражанія, такъ какъ характеръ націи гораздо болѣе создается исторіею, нежели самъ создаетъ ее. Опредѣленность и цѣльность общественныхъ воззрѣній бесспорно являются въ отдѣльной націи, какъ и въ отдѣльномъ человѣкѣ великой силою, потому что она производитъ увѣренность въ себѣ, постоянство въ намѣреніяхъ, логическую выдержку въ дѣйствіяхъ. Но успѣхъ зависитъ не отъ одной этой силы, а еще отъ свойства самыхъ цѣлей, для которыхъ она употребляется. Твердость и цѣльность воззрѣній въ англійскомъ обществѣ имѣли и невыгодную сторону. Они поддерживали массу предрассудковъ, весьма замедляли улучшенія въ разныхъ сферахъ гражданской жизни, изгоняли самый принципъ свободы почти изъ всѣхъ областей быта, за исключеніемъ области чисто-политической, которая вся основалась и разработалась на этомъ живительномъ принципѣ, а потому и служила въ Англии источникомъ всякаго свѣта и единственнымъ проводникомъ улучшеній. Сферы церкви, суда,

школа, администраціи упорствовали въ рутинѣ, обусловленной именно твердостью, цѣльностью сложившихся воззрѣній и обычаевъ. Парламентъ давалъ починъ къ улучшеніямъ во всѣхъ этихъ сферахъ, парламентъ и печать, то-есть двѣ силы, исходившія изъ принципа свободы.

Та же самая отличительная черта англійскаго общества, обуславливая въ немъ такое нравственное однообразіе, которое не было благопріятно успѣхамъ умственнаго развитія и производило ту скуку, которою томилась всѣ англичане, почему-либо ставшіе въ общихъ воззрѣній и общихъ вкусовъ. Тираниія непреложныхъ условій, связывавшихъ каждый шагъ человѣка, казалась имъ невыносимою; чѣмъ глубже было общее убѣжденіе въ важности каждаго изъ этихъ условій, тѣмъ глубже они казались нѣ-которымъ, немногимъ людямъ независимаго склада мышленія, тѣмъ несноснѣе былъ для этихъ людей деспотизмъ этой своего рода китайщины. Самъ байронизмъ—сверхъ своего обще-культурнаго, такъ сказать міроваго значенія—спеціально въ Англій имѣлъ еще значеніе протеста противъ этой «китайщины».

Все предыдущее объясняетъ намъ, почему въ Англій, болѣе чѣмъ гдѣ-либо на континентѣ, беллетристика имѣла характеръ описательный. Здѣсь, въ англійскомъ обществѣ, самоувѣренномъ и самодовольномъ, была и охота любоваться собою, черпать, какъ мы выразились выше, «изъ широкой рѣки, которая представляется собирательнымъ умомъ всей націи», и удобство черпать изъ нея готовы, реальные типы и положенія, потому что это была въ самомъ дѣлѣ великая рѣка, всѣмъ любезная, всѣхъ привлекавшая и удовлетворявшая, и одна отражавшая въ себѣ всю Англій, не то—что въ иныхъ странахъ, гдѣ на каждую общественную группу приходится свой ручеекъ, а, пожалуй, на каждаго человѣка своя лужица, не отражающая ничего, кромѣ его собственной физиономіи. Естественно, что въ такихъ странахъ художникъ произвольно выбиралъ себѣ журчанье любого фонтана или гладкую поверхность любого пруда, и расцвѣчивалъ ихъ прихотливыми красками своей фантазіи. Континентальный беллетристъ въ большинствѣ случаевъ былъ пейзажистъ или жанристъ, смотря потому, какая склонность въ немъ преобладала—къ свободной эстетической фантазіи или къ тенденціозности. Въ англійской беллетристичѣ художникъ описательной школы былъ все-таки историческимъ живописцемъ, потому что не сочинялъ и не выбиралъ произвольно своего матеріала, но описывалъ могущественную дѣятельность жизни цѣлой націи. Даже тогда, когда жизнь эта изображалась у него въ десяткѣ фигуръ и въ рамкѣ одной семейной жизни, въ его

картинѣ все-таки былъ историческій элементъ, какъ живописецъ на полотнѣ нѣсколькими, иногда второстепенными фигурами изображаетъ намъ цѣлый эпизодъ исторіи.

Итакъ, англійская беллетристика, по преобладанію въ ней характера описательнаго, по точности, правдѣ ея картинъ и по тому общему значенію, какое этимъ изображеніямъ принадлежало, вслѣдствіе цѣльности англійскихъ воззрѣній и обычаевъ, можетъ представить весьма цѣнное пособіе при изученіи тѣхъ медленныхъ, но неизбѣжныхъ теченій, постепенныхъ видоизмѣненій, которыя происходятъ и въ англійскомъ обществѣ. Спеціальныя хроникеры современныхъ теченій въ настроеніи общества и фелетонныя исторіи такихъ теченій въ разные періоды здѣсь менѣе нужны, чѣмъ во всякой другой литературѣ; для уразумѣнія этихъ теченій въ Англии даже мемуары менѣе необходимы, чѣмъ въ другихъ странахъ. Сама беллетристика по реальности своей, по вѣрности съ общественной жизнью, можетъ служить для исторической характеристики. Сравните Англию двадцатыхъ годовъ, какъ она отзывается въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ Тэекера, и Англию между реформами 1832 и 1867 гг., какъ она изображается у безчисленныхъ романистовъ того періода, и вы замѣтите уже значительное, хотя и постепенное, медленное видоизмѣненіе. Руководящій классъ расширился; вмѣсто «верхнихъ десяти тысячъ», преобладаніе въ странѣ перешло уже къ «верхнимъ ста-тысячамъ», изъ нобиліарно-аристократической, Англія превратилась въ смѣшанно-аристократическую, въ общество, управляемое союзомъ аристократій родовой и денежной. Первая реформа дала капиталу большій доступъ къ политическому вліянію, а громадное развитіе торговли и промышленности создало такую колоссальную силу капиталовъ, что самое значеніе родовой аристократіи и ея привилегій могли сохраниться только путемъ союза политическаго и соціальнаго съ этой сравнительно-новой силой. Лордство осталось, потому что нашло поддержку въ сословіи промышленныхъ богачей и подъ условіемъ принимать ихъ въ свою среду. Вмѣстѣ съ усиленіемъ значенія класса, опирающагося на движимый капиталъ, получилъ нѣкоторое значеніе и классъ, опирающійся на высокіе заработки, на большой профессиональный доходъ, дававшій возможность юристамъ, инженерамъ, даже врачамъ являться сенсателами на парламентскія мѣста въ большихъ городахъ, которымъ реформа предоставила большее число представителей въ нижней палатѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ нижняя палата перестала наполняться почти исключительно кандидатами, избранными подъ вліяніемъ крупной землевладѣльческой собственности, значеніе этой палаты еще

возросло противъ прежняго, возросло такъ, что первенство палаты пэровъ превратилось въ чистую фикцію. Безсиліе, обнаруженное пэрами въ сопротивленіи великимъ реформамъ, уронило ихъ значеніе. Хотя при открытіи и закрытіи сессіи члены общинъ должны являться въ палату лордовъ, а не наоборотъ, и являются тамъ безъ шпиль, но это собственно и есть все, что осталось отъ первенства верхней палаты надъ нижнею. Значеніе послѣдней возросло до того, что вліятельнѣйшіе государственные люди стали отказываться отъ награды пэрствомъ, для того, чтобы сохранить свои мѣста въ собраніи державномъ, а не быть замѣнутыми въ орнаментальный архивъ.

Соотвѣтственно всему этому произошли измѣненія и въ общественномъ настроеніи, въ воззрѣніяхъ, нравахъ и обычаяхъ, не столь быстрыя, какія бывають въ иныхъ странахъ, конечно, но тѣмъ не менѣе весьма замѣтныя. Прежній аристократическій идеалъ джентльмена, имѣвшій въ себѣ нѣкоторый отбѣнокъ дилетантства, допускавшій необузданность страстей, нѣкоторое пренебреженіе ко всему не родовитому, нѣкоторый цинизмъ въ удовольствіяхъ и языкѣ, любовь къ приключеніямъ, даже къ нѣкоторой оригинальности, лишь бы безукоризненно соблюдалась свѣтскость, весь этотъ типъ, представлявшій смѣсь давнихъ преданій воинственнаго, рыцарскаго, увѣреннаго въ своемъ господствѣ класса, съ духомъ отрицанія, навѣяннымъ французскою революціею и съ отбѣнкомъ байронизма—долженъ былъ постепенно видоизмѣниться, приближаясь къ идеаламъ, свойственнымъ буржуазіи, хотя бы самой богатой: умѣренности, точности, трезвости. Поединки и ночныя уличныя похождения молодыхъ лордовъ подъ веселую руку,—подъ дѣйствіемъ буржуазной струи въ общественномъ мнѣніи, оказались shocking и должны были исчезнуть. Лорды бѣдные стали считать не только возможнымъ гоняться за купеческими придаными, но стали признавать эту погоню закономъ своей природы, обязанностью, единственнымъ исходомъ, такъ какъ подъ наплывомъ буржуазныхъ идей лордъ бѣдный превратился въ общественномъ мнѣніи въ какого-то самозванца, въ человѣка, стоящаго ниже всякаго скромнаго, но солиднаго торговца.

Но воззрѣнія буржуазной среды, получившей власть, не только разбавили собою и видоизмѣнили понятія нобиліарныя; въ свою очередь они окрасились послѣдними. Слово «дворянинъ», gentleman, превратившееся въ общее достояніе достаточныхъ классовъ, само уже показываетъ однако, что буржуазія не замѣнила прежняго идеала совершенно новымъ, выкроеннымъ на какой-нибудь коммерческой аршинъ, но усвоила себѣ прежній идеалъ, нѣсколько

переработавъ его. Всѣ «сто тысячъ», принявшія власть отъ прежнихъ «десяти тысячъ», стали жить одинаково. Высшимъ общественнымъ положеніемъ осталось и во мнѣніи новаго общества положеніе землевладѣльца, высшимъ отличіемъ — званіе члена парламента, высшимъ украшеніемъ — родовой титулъ. Громадная сила капиталовъ, наживаемыхъ англійскою торговлею и промышленностью, нахлынула на земельное владѣніе, стараясь приобрѣсть своимъ владѣльцамъ «мѣстную почву», «резиденцію въ графствѣ» и всѣ связанныя съ тѣмъ общественныя преимущества. Отъ этого земля возросла въ цѣнѣ такъ, что новые приобрѣтатели помещали въ нее свой капиталъ на два процента, а если считать особыя издержки «на представительство», обусловленныя сельскою резиденціею, то земельная собственность нерѣдко обращалась новымъ приобрѣтателямъ въ убытокъ. Но за то она вводила ихъ въ кругъ *gentry*, давала имъ вліяніе въ цѣломъ околотеѣ, доступъ къ власти мировыхъ судей и т. д., участіе въ охотахъ на лисицу, и на второмъ, третьемъ поколѣніи, благодаря родственнымъ связямъ, превращала ихъ въ настоящее туземное *gentry*, хотя и недавняго происхожденія. Богатая буржуазія усвоила себѣ аристократическіе обычаи представленія во дворѣ, полевого спорта, картинныхъ галлерей и, вмѣсто любимаго нѣкогда портвейна, стала пить послѣ обѣда бордоское вино, указанный аристократіею *claret*; наиболее же существенное приобрѣтеніе, сдѣланное буржуазіею отъ этого вступленія ея въ господствующій классъ, состояло, конечно, въ высшемъ воспитаніи дѣтей. — Результатъ отъ этого смѣшенія получился весьма благоприятный. Образовалось многочисленное общество, оживленное духомъ бодрости и свѣжести, свойственной классамъ, которыхъ значеніе находится въ періодѣ роста, просвѣщенное, дѣятельное, съ трезвой мыслью и трезвыми привычками жизни, общество, вслѣдствіе своей цѣльности, строго наблюдавшее за своими членами, каравшее остракизмомъ всякое рѣзкое нарушеніе его законовъ и допускавшее разборчиво, не вдругъ, не безъ справокъ и наблюденія, новыхъ членовъ въ свою среду. Намъ случилось нѣсколько лѣтъ тому назадъ представить нашимъ читателямъ обзоръ произведеній одного изъ лучшихъ, безпристрастнѣйшихъ и точнѣйшихъ бытописателей этого общества — Антони Троллопа, и по поводу этого писателя бросить бѣглый взглядъ на фізіономію того общества, которое онъ съ такою любовью и вмѣстѣ добросовѣстностью изображалъ въ разныхъ его слояхъ, и преимущественно въ сферахъ землевладѣльцевъ, духовенства, администраціи и либеральныхъ профессій. Троллопъ, безъ сомнѣнія, полнѣйшій хроникеръ той

обыденной англійской жизни, которая сама наиболѣе интересовала англійское общество до послѣдняго времени. Но имя хроникеровъ ея—легіонъ. Общій запросъ былъ именно на сцены изъ *everyday english life*, и всѣ современные англійскіе беллетристы испробовали свои силы на этомъ сюжетѣ, хотя Диккенсъ и Бульверъ избирали и инныя области для своего творчества. Особенно независимо, всецѣло предавъ эстетической свободѣ былъ Бульверъ, который перебиралъ всякіе сюжеты—отъ историческихъ въ тѣсномъ смыслѣ до метафизическо-фантастическихъ.

II.

Но законъ постепеннаго видоизмѣненія не пересталъ дѣйствовать; за однимъ видоизмѣненіемъ должно было начаться другое. Какъ ни было англійское общество довольно собою и сколько ни имѣло оно справедливыхъ причинъ быть собой довольнымъ, оно не могло остаться навсегда въ одномъ фазисѣ развитія. За послѣдніе годы англійская беллетристика какъ будто начинаетъ терять компасъ. Изображеніе обыденной англійской жизни, повидному, уже не удовлетворяетъ общество, потому ли, что въ немъ возникаютъ новыя теченія, или потому, что сама эта жизнь измѣняется, и изображеніе ея по прежнимъ шаблонамъ уже не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Вѣрнѣе, что въ англійской жизни начинаетъ утрачиваться отличавшая ее доселѣ цѣльность. Беллетристика стала выходить изъ рамки, въ которой она преимущественно держалась съ сороковыхъ годовъ. Замѣчательно, что Тэжкерей, Диккенсъ и Бульверъ, несмотря на все обаяніе своихъ талантовъ и на большое вліяніе, которое первые двое оказали на общество, остались безъ послѣдователей, остались единичными явлениями. Второстепенные и третьестепенные беллетристы, которыхъ имя легіонъ, и которые были главными поставщиками ежедневнаго чтенія и главными представителями вкуса «верхнихъ тысячъ», преимущественно работали въ одной рамкѣ, занимались изображеніемъ обыденной жизни достаточныхъ англійскихъ классовъ. Но по мѣрѣ того, какъ численность достаточныхъ классовъ увеличивалась, по мѣрѣ того, какъ возрастали заработки и значеніе либеральныхъ профессій, и возвышался уровень образованности въ средѣ фермеровъ и высшей категоріи городскихъ рабочихъ, а затѣмъ новая избирательная реформа привела къ участию въ политической жизни новыя многочисленныя классы населенія, и вмѣстѣ съ тѣмъ, громадное повсемѣстное

развитіе сообщеній сдѣлало повѣзди на континентъ доступными множеству людей изъ такихъ слоевъ общества, которые прежде не могли и мечтать о томъ и пребывали въ самомъ удивительномъ невѣжествѣ и самыхъ узкихъ предразсудкахъ на счетъ всего иностраннаго, по мѣрѣ того, какъ совершались всѣ эти измѣненія, — цѣльность англійской жизни не могла не утрачиваться. Понятія должны были расширяться и демократизироваться. Милліонъ болѣе или менѣе достаточныхъ и образованныхъ людей, тотъ «верхній милліонъ», къ которому переходитъ политическая власть, который является теперь наслѣдникомъ «верхнихъ ста тысячъ», не можетъ, уже по самой своей численности и разнообразію положеній, сохранить прежней цѣльности въ понятіяхъ и обычаяхъ. Неизбѣжно долженъ былъ явиться разбродъ, и текущая беллетристика должна была отразить этотъ разбродъ въ себѣ. Мы еще возвратимся къ характеристикѣ этого оборота, замѣчаемаго въ современной англійской жизни, но прежде укажемъ признаки разброда въ новѣйшей англійской беллетристикѣ.

Она, какъ мы уже сказали, какъ-бы потеряла компасъ. Нѣкоторые писатели все еще продолжаютъ работать по прежнимъ шаблонамъ, описывать богатыхъ свайровъ, пользующихся всеобщимъ уваженіемъ и рѣшительнымъ вліяніемъ въ своихъ округахъ, банкировъ и негоціантовъ, этихъ «внззей» промышленности и торговли, царящихъ въ замкахъ XIX-го вѣка, то-есть въ фабричныхъ твердыхъ изъ кирпича, не штукатуренныхъ, но окрашенныхъ дымомъ, который придаетъ имъ колоритъ своего рода мрачнаго величія, подобнаго тому, какое древнимъ замкамъ придали вѣковой мохъ и вѣковая плѣсень;—изображаютъ могучихъ фабрикантовъ, снабжающихъ своими издѣліями весь свѣтъ и гордыхъ тѣми высокими башнями, надъ которыми развѣваются по вѣтру хотя не флаги, выдавшіе крестовые походы и битву при Гастингсѣ, но не менѣе гордые знамена современнаго могущества — колоссальные столбы дыма неизмовѣрной по силѣ, исполинской по легионамъ рабочихъ фабрикаціи; рисуютъ строгихъ честностью и гордыхъ нравомъ банкировъ и негоціантовъ въ ихъ мрачныхъ, но также величественныхъ величія конторахъ въ Сити, вмѣщающихъ тайны громаднхъ, всесвѣтныхъ оборотовъ за своей скромной наружностью, за окнами изъ матоваго стекла въ половину рамы, и лакированной дверью съ львиной лапой изъ чугуна въ видѣ молотка и скромной надписью одной фамиліи и К^о на бронзовой дощечкѣ;—описываютъ, какъ тѣ и другіе джентльмены, весьма похожіе по наружности и нравамъ, весьма часто воспитанные въ тѣхъ же школахъ, возвращаются

домой съ поля, съ завода или изъ Сити, утомленные бременемъ своихъ личныхъ дѣлъ, за которыми вечеромъ для нихъ будутъ слѣдовать дѣла по управленію страной, моются и переодеваются во фраки къ своему домашнему обѣду, за которымъ ихъ встрѣтитъ, декольте и въ перчаткахъ, ихъ супруги, полныя сознанія своего величія, и прелестныя миссъ Арабеллы, Лидіи, Виолетты, Эстеры, въ самомъ дѣлѣ прелестныя и образованныя лучше, чѣмъ бывають образованы дѣвушки въ какой-либо другой странѣ Европы. Затѣмъ, рассказываютъ любовныя дѣла, то-есть виды на бракъ этихъ миссъ Арабеллы, Лидіи и такъ далѣе, въ чемъ и состоитъ завязка и развязка романа. Замѣтимъ, что эти богатыя дѣвицы, несмотря на различіе происхожденія въ смыслѣ геральдическомъ, весьма похожи другъ на дружку. Давно прошло и даже исчезло изъ памяти то время, когда дѣвицы богатой англійской буржуазіи отличались отъ дочерей аристократіи въ воспитаніи и выдержкѣ. Давно тѣ и другія равняются во всевозможныхъ accomplishments, имѣють не только хорошее общее образованіе, но еще читають Данта и Шиллера въ подлинникѣ, не говоря о французскихъ писателяхъ, которые рекомендуются имъ «съ разборомъ»; рисуютъ акварели, блистають за роялемъ и игрой, и пѣніемъ, а иногда и за арфой; отправляются—когда живутъ въ Лондонѣ—около пяти часовъ въ Гайдъ-Паркъ, гдѣ садятся на чистокровныхъ hacks и скачуть по Rotten-Row, со старичкомъ-лапашей, большими и малыми братцами и знакомыми кавалерами, съ рѣдкимъ цвѣткомъ въ петлѣ жакета, въ то время, какъ цѣлая армія мамашъ, замѣчательно-здоровыхъ на видъ, съ головными уборами и лентами нѣсколько яркаго и преувеличеннаго свойства, тихо катается въ длинныхъ рядахъ болясокъ, съ напудренными кучерами и лакеями, выставляющими въ штиблетахъ разныхъ цвѣтовъ болѣе или менѣе жирныя икры.

Въ то время, какъ нѣкоторые писатели—число ихъ все уменьшается—продолжаютъ описывать эту жизнь и видѣть главный интересъ именно въ ней, другіе беллетристы—и число этихъ увеличивается—бросаются въ разныя стороны, въ усиліи найти что-нибудь болѣе новое и, по возможности, оригинальное. Видно, что въ читающей публикѣ предъявляются уже и иныя требованія, что есть не мало такихъ читателей, отъ которыхъ книгопродавцы не разъ слышали: опять то же самое, вѣдь это надоѣло; какое намъ дѣло до богатей... или нѣчто въ этомъ родѣ, а книгопродавцы, натурально, передали такія слова своимъ постояннымъ беллетристамъ. И вотъ, беллетристы пускаются въ поиски за новыми сферами для романовъ. Самый простой приѣмъ,

въ которому они стали прибѣгать, это—перенесеніе мѣста дѣйствія изъ Англіи за границу, или въ англійскія колоніи. Другіе избираютъ новое поле, опускаясь въ низшіе слои народа, въ крестьянскій или рабочій міръ, третьи остаются въ прежней сферѣ, но не занимаются описаніемъ ея обыденной жизни, а задаются проведеніемъ какой-нибудь общественной идеи, напр., о расширеніи гражданскихъ правъ женщинъ, или о необходимости большаго контроля за домами умалишенныхъ; четвертые, наконецъ, хотятъ занять новыхъ своихъ читателей просто необыкновенностью описываемыхъ фактовъ, впадаютъ въ дѣланнй, искусственный слогъ, въ разныя невѣроятности, однимъ словомъ, отбрасываютъ то условіе, которое было лучшимъ свойствомъ строго-описательной англійской школы—трезвость языка и соблюденіе правды въ характерахъ и положеніяхъ.

Такъ какъ главный фактъ въ той перемѣнѣ, которая совершается въ англійскомъ обществѣ, есть именно постепенная демократизація его, то—самой вѣрной по отношенію къ дѣйствительности—точкой отправленія для поисковъ беллетриста за новыми сферами было, конечно, спуститься нѣсколько ниже прежняго уровня, уйти въ буржуазію менѣе достаточную, и въ массу народа, и, оставаясь описательнымъ, перенести свои наблюденія туда. Такъ и сдѣлалъ наиболѣе талантливый изъ новѣйшихъ англійскихъ беллетристовъ—Джорджъ Эллиотъ. Рамкой для романа его «Adam Bede» послужила именно рабочая среда; да и вообще Эллиотъ даже и тогда, когда онъ бралъ себѣ тѣмою бытъ духовенства—*Scenes of clerical life*—то-есть бралъ тѣму, много разработанную Троллопомъ и другими наблюдателями достаточнаго, средняго общества, все-таки предпочтительно изображалъ въ связи съ этой тѣмою бытъ мелкой буржуазіи. Въ романѣ «Felix Holt» Эллиотъ даже попробовалъ нарисовать типъ «новаго человѣка», истиннаго радикала, пожалуй нѣчто въ родѣ англійскаго Базарова. Задача эта выполнена въ беллетристическомъ отношеніи успѣшно, благодаря искусству Эллиота придавать рельефность чертамъ не особенно крупнымъ. Но въ отношеніи публицистическомъ, если допустить, что авторъ имѣлъ въ виду тенденцію, нельзя сказать, чтобы вопросъ о «новомъ человѣкѣ» былъ разрѣшенъ Эллиотомъ удовлетворительно. Феликсъ Гольтъ въ радикализмѣ своихъ воззрѣній на жизнь и на отношенія между людьми далеко отстаетъ отъ тѣхъ «новыхъ людей», которыхъ пробуютъ создавать русскіе романисты. Существенныя черты его—прямота характера и нѣкоторый стоицизмъ, проявляющійся тѣмъ, что онъ сперва не рѣшается предложить дѣвушкамъ раздѣлить съ нимъ его бѣдную, трудовую жизнь, но кончаетъ, виро-

чемъ, тѣмъ, что соединяется съ нею бракомъ; въ довершеніе различія съ отечественными романами, въ которыхъ выводятся на сцену «новые люди», у Эллиота развязка—что называется—самая благонамѣренная, такъ что на послѣдней страницѣ появляется даже маленький Феликсъ Гольтъ—дѣтя счастливаго во всѣхъ отношеніяхъ брака. Что касается политическихъ воззрѣній этого «истиннаго радикала», то они не могли не показаться слишкомъ узкими послѣдователямъ радикальныхъ теорій, существующихъ на континентѣ. Положительныхъ идеаловъ онъ не высказалъ, не заявилъ, какія новыя права долженъ получить англійскій народъ, а между тѣмъ указать предѣлы, за которыми, по его мнѣнію, требованія новыхъ правъ были бы нераціональны; высказался прямо противъ всеобщаго избирательства и ежегоднаго переизбранія членовъ палаты общинъ, доказывая, что пока просвѣщеніе не дало массѣ средствъ дѣйствовать сознательно, всеобщее избирательство повело бы только къ усиленію вліянія на выборы особаго рода избирательныхъ агентовъ, которые берутся за избраніе, какъ за подрядъ и, благодаря своему искусству и тѣмъ средствамъ, которыя пускаются ими въ ходъ, могутъ успѣшно провести всякаго кандидата, независимо отъ тѣхъ политическихъ идей, какія онъ представляетъ. Многіе изъ читавшихъ этотъ романъ Эллиота, на континентѣ и въ Америкѣ, вѣроятно сказали себѣ, что его герой-радикалъ «слишкомъ мелко плаваетъ». Сверхъ того, въ самомъ приѣмѣ автора видно неискреннее отношеніе къ той задачѣ, за которую онъ взялся. Дѣло въ томъ, что онъ не вывелъ на сцену радикала современнаго, но нарочно перенесъ дѣйствіе въ давнее время, во время, еще близкое къ первой избирательной реформѣ, и такимъ образомъ увернулся отъ необходимости высказать опредѣлительно свои взгляды на современность. Онъ хотѣлъ очертить новый типъ, типъ человѣка протестующаго противъ преобладанія достаточныхъ классовъ, но поставилъ его не среди настоящихъ, а среди прошедшихъ, отчасти уже измѣнившихся условій. Въ этомъ нельзя не видѣть неискренности. Но романъ, по рисовкѣ характеровъ и въ особенности по изложенію разныхъ шарлатанскихъ приѣмовъ, сопровождающихъ выборы, вышелъ все-таки весьма удаченъ, какъ почти все, что написано Эллиотомъ. Онъ не высказалъ никакихъ опредѣленныхъ стремленій, но обнаружилъ—въ романѣ, о которомъ сейчасъ упомянуто еще болѣе, чѣмъ во всѣхъ другихъ—стремленіе выдти изъ сферы обыденной жизни богатыхъ классовъ, потребность современной англійской беллетристики открыть «новые горизонты».

Мы взяли для перваго примѣра — Эллиота, талантъ перво-степенный, писателя, котораго считаютъ преемникомъ Теккере и Диккенса, и должны были признать, что хотя поиски за новыми сферами начаты имъ были совершенно вѣрно, согласно съ преобладающею чертою переменъ, происходящей въ англійскомъ обществѣ, а именно — съ демократизаціею его, но что этимъ пока и ограничивается заслуга Эллиота. Писатель, который намѣренно выступилъ изъ заколдованной сферы богатаго, довольнаго условіями жизни и довольнаго собою общества, который хочетъ проложить новые пути, опускаясь ниже, въ слои общества обдѣленные и потому не вполне довольные и даже совсѣмъ недовольные, въ массу, которая пріобрѣтаетъ теперь никогда не принадлежавшее ей вліяніе на ходъ дѣлъ и значеніе въ сознаніи политическихъ руководителей страны, — такой писатель имѣетъ предъ собой задачу болѣе обширную, чѣмъ одинъ, хотя бы изумительно-вѣрный анализъ частныхъ и одна рисовка невиданныхъ еще оригиналовъ. Онъ долженъ дать понять, куда направлены умственные стремленія этой массы въ ея собирательномъ видѣ; онъ долженъ показать въ своихъ картинахъ бессиліе и бесплодность и, наконецъ, равнодушіе, которыя одолѣли въ настоящее время вождей тѣхъ политическихъ партій, какія мы знали въ Англии доселѣ, партій аристократіи и богатой буржуазіи, и рядомъ съ этимъ многозначительнымъ явленіемъ указать намъ въ новыхъ типахъ сколько-нибудь опредѣленные стремленія силъ свѣжихъ, уже вторгающихся и въ политическую область, и въ область обычая и вкуса. Этой задачи Эллиотъ доселѣ не выполнилъ.

Но обратимся теперь къ писателямъ менѣе сильнаго дарованія, менѣе стѣсненнымъ художническимъ вдохновеніемъ, менѣе богатымъ внутренней повіею, чѣмъ Эллиотъ. Всѣ эти драгоценныя качества дѣлаютъ писателя менѣе способнымъ служить флюгеромъ, подчиняющимся дующему въ данный моментъ вѣтру. Чѣмъ больше вѣсу имѣетъ умственная индивидуальность беллетриста, тѣмъ онъ можетъ быть независимѣе отъ вкуса, отъ моды, отъ запроса. Но вотъ, возьмемъ миссъ Брэддонъ, которую можно признать самой модной писательницей послѣдняго десятилѣтія. Ея талантъ несомнѣненъ, но онъ не такого свойства, чтобы стѣснять ее въ удовлетвореніи запроса, какъ онъ есть. У нея довольно ума и наблюдательности, но преобладающія особенности ея таланта — говоря старымъ языкомъ — чисто «вишняго» свойства: умѣнье подстрекнуть любопытство читателя и затѣмъ поддерживать это, любопытство живостью разсказа и такими перипетіями, что самый серьезный человѣкъ, если

только онъ случайно приблизился къ концу романа позднимъ вечеромъ, способенъ зачитаться имъ до глубокой ночи, лишь бы узнать въ чемъ, наконецъ, тутъ дѣло. Замѣчательно при этомъ, что приемъ, употребляемый этой писательницею, весьма однообразенъ. Первый, прочтенный всей Европой романъ ея, «Lady Audley's Secret», открылъ ей самый секретъ этого приема. Съ тѣхъ поръ, почти во всѣхъ ея романахъ, которыхъ насчитывается около двадцати, почти всегда разыгрывается какой-нибудь «секретъ», какая-нибудь тайна. Но при всемъ однообразіи приема, и хотя даже тайна иногда съвозитъ наружу съ первыхъ главъ, читатель увлекается бойкостью разсказа, а иногда и мастерской рисовкой характеровъ. Несмотря на бессодержательность ея романовъ, миссъ Брэддонъ все-таки весьма замѣтный талантъ. Она въ своемъ родѣ англійскій Дюма. Будь и въ настоящее время въ Англии запросъ исключительно на english everyday life, миссъ Брэддонъ благополучно продолжала бы рисовать занимательныя картинки изъ жизни сквайровъ, банкировъ и т. д., хотя и съ такими пикантностями, какъ, на примѣръ, побѣгъ богатой дѣвицы съ грумомъ, кража духовнаго завѣщанія, убійства и тому подобное. Всѣ эти ужасы благополучно совершались бы въ Англии, и въ той же средѣ. Что миссъ Брэддонъ и теперь была бы не прочь оставаться именно въ этой средѣ — доказывается ея романомъ «Куй желѣзо, пока горячо» (Taken at the flood), который печатался, одновременно съ оригиналомъ, въ переводѣ «Вѣстника Европы». За то уже, если миссъ Брэддонъ вышла изъ обычной доселѣ колеи и пустилась въ поиски за «новыми сферами», то можно съ достовѣрностью заключать по одному этому признаку, что запросъ въ читающей публикѣ въ послѣднее время измѣнился. Писатели, подобные миссъ Брэддонъ, не представляютъ собою мысли общества; они способны только подчиниться его вкусамъ. Въ ней не могла выразиться логически переменна, происходящая въ обществѣ, какъ эта переменна выразилась въ Эллиотъ, который, уступая будто-бы внутреннему убѣжденію, а между тѣмъ, въ дѣйствительности, только представляя собою историческую потребность, ушелъ внизъ, въ слои, впервые возникающіе къ политической жизни. Миссъ Брэддонъ могла только понять, что во вкусахъ происходитъ переменна, что измѣнился запросъ, и постаралась удовлетворить новому запросу чисто-внѣшнимъ образомъ.

Работая неумоимо, эта писательница за самые послѣдніе годы успѣла написать нѣсколько романовъ. Два изъ нихъ рѣзко отличаются нѣкоторыми особенностями отъ ея прежнихъ произведеній. Таковъ романъ «Robert Ainsleigh». Во-первыхъ, дѣй-

ствіе помѣщено въ прошлое столѣтіе; во-вторыхъ, половина его происходитъ въ Остъ-Индіи; въ-третьихъ—герой (разсказъ ведется въ первомъ лицѣ) серьезнѣйшимъ образомъ описываетъ ходъ завоеванія Остъ-Индіи, положеніе дѣлъ остъ-индской компаніи, ея политику въ отношеніи мѣстныхъ раджей, изображаетъ намъ типы туземныхъ богатырей-защитниковъ независимости Индостана, войну въ Индіи съ французами и т. п. Однимъ словомъ, на одну половину—Скоттъ, на другую половину—Куперъ и еще, такъ-сказать, на третью половину—все-таки миссъ Брэддонъ, но въ какомъ обезображенномъ видѣ! Неизбѣжный «секретъ» есть; тотъ элементъ, который англичане зовутъ *sensational*, доведенъ даже до крайности, такъ какъ героя насильно захватываютъ въ рекруты и онъ, въ бою съ французами—въ Индіи—узнаетъ своего отца, сподвижника послѣдняго изъ Стюартовъ! Но самая обстановка до такой степени необычайна, что обычные сюрпризы, являясь вдобавокъ къ ней, становятся уже положительно *top fort*. Самый языкъ—дѣланный; авторъ усиливается подражать языку мемуаровъ. Понятно, что при такихъ условіяхъ исчезли всѣ хорошія качества писательницы. Миссъ Брэддонъ хотя и напоминаетъ Дюма по бойкости дѣйствія и занимательности, и не особенно трезва въ вымыслѣ, но доселѣ была гораздо трезвѣе, правдивѣе Дюма въ рисовкѣ характеровъ. Но, спрашивается, какая же правдивость можетъ быть соблюдена, когда приходится рисовать типы махараджей прошлаго столѣтія? Даже занимательность исчезла: весь индійскій эпизодъ, вся эта политика, войны и «мѣстный колоритъ», на которые потрачена значительная часть романа, дѣлаютъ его въ высшей степени скучнымъ, именно потому, что они прилетены только для искусственнаго возбужденія интереса. Еще поразительнѣе средство, употребленное тѣмъ же авторомъ, съ той же цѣлью, въ романѣ «Lucius Davogen». Романъ этотъ начинается прологомъ, котораго дѣйствіе происходитъ въ снѣжныхъ пустыняхъ той части британской Америки, которая лежитъ къ западу отъ Каменистыхъ горъ, то-есть въ соседствѣ съ нѣкогда русскою Америкою. Изъ пяти человѣкъ, которые вводятся въ этой своего рода увертюрѣ будущности, одинъ сѣждаетъ другого, а третій убиваетъ перваго за это. Такой поступокъ тѣмъ болѣе заслуживаетъ сожалѣнія, что какъ убитый, такъ и убитый прежде утѣшали своихъ товарищей бѣдствія, играя на скрипкѣ Аматіи концерты Беріо и сонаты Гайдна, сидя въ срубѣ, окруженномъ снѣгами и почти умирая съ голоду! Вотъ до какихъ крайностей можетъ доводить беллетриста желаніе во что бы то

ни стало возбудить интересъ посредствомъ картинъ еще невиданныхъ.

Миссъ Брэддонъ, впрочемъ, не всегда и въ послѣднихъ своихъ романахъ прибѣгаетъ къ столь крайнимъ средствамъ. Такъ, въ романѣ «A Strange World» новость благоразумно ограничена тѣмъ, что ббольшая часть разсказа посвящена міру актеровъ и описанію фермы, на которой происходятъ необыкновенныя приключенія, хотя впрочемъ есть и замокъ, принадлежащій владѣльцу, убившему своего родственника. Въ числѣ послѣднихъ романовъ этой писательницы, кромѣ уже названнаго выше «Taken at the flood», есть еще одинъ, въ которомъ нѣтъ даже ничего новаго, и потому-то эти два романа и есть лучшіе изъ послѣднихъ произведеній этого автора, особенно «Strangers and Pilgrims», въ которомъ миссъ Брэддонъ, отбросивъ заботу объ искусственномъ возбужденіи интереса разными новостями, могла заняться рисовкою характеровъ съ прежней рельефностью и достаточной трезвостью.

Уильямъ Блэкъ — другой занимательный романистъ. Изъ прежнихъ его произведеній, романъ «In silk attire», не представляя ничего особеннаго, читался съ интересомъ. Но особенную извѣстность получило новое произведеніе, явившееся два года тому назадъ — «A princess of Thule». Мысль его заключается въ томъ, что дѣвушка, воспитанная на свободѣ, въ глуши, на маленькомъ островѣ Гебридской группы, не можетъ привыкнуть къ условіямъ свѣтской жизни въ Лондонѣ — мысль неглубокая. Для изложенія ея, очевидно, не стоило писать романа, и если онъ былъ написанъ, то разумѣется для того, чтобы удовлетворить потребности англійской публики въ картинахъ, по возможности совершенно новыхъ, невиданныхъ. Сущность тутъ въ оригинальной обстановкѣ: отецъ героини, нѣчто въ родѣ фермера, называется королемъ своего островка и дочь его — принцесса; жители этого королевства и самъ король говорятъ то на кельтскомъ нарѣчій, то шотландскимъ говоромъ, съ произношеніемъ довольно близкимъ къ тому, какое приписываютъ англійскіе романисты гѣвцамъ и евреямъ, когда они изображаютъ нѣмецкое произношеніе англійскаго языка. Фактъ, что романъ этотъ имѣлъ успѣхъ, служитъ только признакомъ измѣненія во вкусахъ англійскихъ читателей: ихъ уже не удовлетворяетъ вѣчное зеркало ихъ обыденной жизни, въ которое они прежде такъ любовались сами собою. Рядомъ съ названнымъ романомъ Блэка мы можемъ поставить «Off the Skelligs», Жана Ингелю, романъ, также имѣвшій нѣкоторый успѣхъ именно по оригинальности обстановки дѣй-

ствія и написанный именно въ надеждѣ понравится читателямъ новостью обстановки. Интеллоу не послалъ своихъ героевъ въ Остъ-Индію или Канаду, не помѣстилъ ихъ королями на неизвѣстномъ островѣ, но за то заставилъ ихъ въ продолженіи цѣлаго перваго тома плавать на бригѣ, принадлежащемъ одному изъ нихъ, спасать экипажъ другого судна отъ пожара и рассуждать о богословскихъ предметахъ.

III.

Обратимся къ Уильми Коллинсу. Вотъ еще хорошій примѣръ для указанія той же перемѣны. Коллинсъ прежде заботился исключительно о занимательности дѣйствія. Сотрудничество его съ Диккенсомъ въ журналѣ «All the Year Round» не сообщили ему малѣйшей искры Диккенсовой задумчивости и богатства фантазій; онъ оставался среднимъ, хотя и весьма извѣстнымъ беллетристомъ, и шелъ по общей колеѣ, не мудрствуя лукаво. Вдругъ Уильми Коллинсъ началъ дѣлаться тенденціознымъ. Мы нисколько не намѣрены разсматривать здѣсь преимущества разныхъ направленій въ беллетристикѣ. Мы только констатируемъ фактъ, что Коллинсъ до романа «Man and Wife» тенденціознымъ не былъ, а начиная съ этого романа сдѣлался тенденціознымъ, потому что и на немъ сказалась потребность открывать «новые пути» для англійской беллетристики. Тенденціозность у него явилась новою приправой, для возбужденія вкуса. Само собою разумѣется, что мы не могли бы сказать этого о всякомъ романистѣ, который вводитъ въ свои созданія общественную идею. Невозможно бы, напримѣръ, сказать это о Жоржъ-Сандѣ. У него все пропитано идеею, онъ весь воодушевленъ ею, и съ самыхъ первыхъ произведеній Ж. Санда было совершенно несомнѣнно, что онъ писалъ именно для идеи, которая его одушевляла, которой онъ былъ всецѣло преданъ. Но о Коллинсѣ мы можемъ сказать то, что сказали: что у него тенденціозность — только приправа, что онъ взялся за проведеніе общественныхъ идей точно такъ, какъ миссъ Брэддонъ взялась за остъ-индскую или канадскую обстановку, а именно изъ побужденія придать своимъ произведеніямъ интересъ новизны. У Коллинса въ двухъ новѣйшихъ романахъ («Man and Wife» и «The Law and the Lady») «пришпилена» къ дѣйствию идея о необходимости измѣненій въ пользу женщины—англійскихъ гражданскихъ законовъ. Но идея эта именно только «пришпилена» къ дѣйствию, а истин-

ное значеніе этихъ романовъ то же самое, какъ и прежнихъ романовъ Коллинса; они, какъ и романы Брэддонъ, прежде всего — *sensational*, то-есть написаны просто съ цѣлью занять читателя необыкновенными приключеніями, короче, они—сказки. Изъ двухъ сейчасъ названныхъ романовъ Коллинса достаточно будетъ остановиться на первомъ—на «*Man and Wife*».

Стремленіе къ отмѣнѣ законодательныхъ ограниченій, тяготившихъ на цѣлой половинѣ человѣческаго рода, достойно всякаго уваженія и сочувствія. Но для того, чтобы служить такому дѣлу, нельзя вводить его защиту въ какой-нибудь рассказъ такъ себѣ, между прочимъ, и тутъ же, рядомъ, высказывать убѣжденія, диаметрально противоположныя основной идеѣ. Между тѣмъ, такъ именно поступилъ въ этомъ романѣ Коллинсъ. Въ своемъ предисловіи онъ высказывалъ, что цѣль его—указать на необходимость пересмотра законовъ о брачномъ союзѣ, дѣйствующихъ въ Англіи, и между прочимъ—спеціально, съ цѣлью дать замужнимъ женщинамъ права по распоряженію принадлежащимъ имъ имуществомъ. Безвыходность прежняго положенія для женщины, при особенно тяжкихъ условіяхъ, высказывается у него убійствомъ мужа женою. Этотъ романъ былъ написанъ въ то время, когда вопросъ о нѣкоторомъ обезпеченіи имущественныхъ правъ замужнихъ женщинъ былъ уже возбужденъ въ парламентѣ; съ тѣхъ поръ состоялся уже въ этомъ отношеніи новый законъ. Цѣль во всякомъ случаѣ большая и, казалось бы, всѣхъ силъ таланта Коллинса едва ли могло бы хватить—не въ одномъ только, но и во всѣхъ послѣдующихъ романахъ,— чтобы выразить одну такую мысль. Между тѣмъ у Коллинса эта мысль играетъ въ романѣ роль второстепенную; исторія женщины, находящейся въ безвыходномъ положеніи, у него только эпизодъ. Мысль эта показалась ему, повидимому, совершенно недостаточною, чтобы въ самомъ дѣлѣ посвятить романъ ей. Онъ ввелъ въ него еще другую, тоже «общественную идею», идею о вредномъ вліяніи гимнастики, спорта и вообще развитія физическаго воспитанія на англійское общество. Намъ могутъ сказать, что романъ можетъ быть построенъ и на двухъ «общественныхъ идеяхъ», какъ fuga или любой музыкальный номеръ строится на развитіи двухъ мелодій; что авторъ долженъ быть совершенно волею въ этомъ. Положимъ, такъ; положимъ, что авторъ былъ волею признать недостаточною для философіи своего романа одну такую идею, какъ расширеніе правъ женщины, хотя прежде Коллинсъ обходился и безъ одной «общественной идеи», безъ всякой философіи, будучи откровенно тѣмъ, чѣмъ создала его природа

—сказочникомъ. Но возможно ли вѣрить, что Коллинсъ захотѣлъ въ самомъ дѣлѣ служить идеѣ, когда онъ тутъ же прямо ей противорѣчить. Въ предисловіи онъ говоритъ: «настоящій рассказъ въ одномъ отношеніи отличается отъ прежнихъ рассказовъ того же автора: на этотъ разъ вымыселъ основанъ на фактахъ и имѣеть цѣлью оказать сильное содѣйствіе къ ускоренію отмигнн нѣкоторыхъ злоупотребленій, слишкомъ долго остававшихся безъ противодѣйствія; что касается настоящаго возмутительнаго (scandalous) положенія брачныхъ законовъ въ соединенномъ королевствѣ, не можетъ быть спора»... Иными словами, Коллинсъ предувѣдомлялъ читателей, что на этотъ разъ онъ имѣлъ цѣлью не сочинять только сказку, подобную прежнимъ его сказкамъ, но указать на общественное злоупотребленіе и требовать большаго обезпеченія правъ для женщины. Между тѣмъ въ одномъ мѣстѣ романа находится слѣдующій взглядъ на женщину, принадлежащій не кому-либо изъ дѣйствующихъ лицъ, но самому автору, и прелестный въ устахъ защитника расширенія правъ женщины: «какъ бы настойчиво новѣйшіе теоретики ни отрицали это, тѣмъ не менѣе несомнѣнна истина, что естественное положеніе (condition) для женщины есть—найти себѣ въ мужчинѣ господина (a master). Взгляните въ лицо такой женщины, которая не находится въ прямой зависимости отъ какаго-либо мужчины, и столь же несомнѣнно, какъ солнце въ безоблачномъ небѣ—вы увидите женщину, которая лишена счастья (is not happy). Не имѣть господина—вотъ для нихъ главный, хотя и неизвѣстный недостатокъ; имѣть господина, вотъ—несознательно для нихъ самихъ—единственное возможное пополненіе ихъ жизни». Спрашивается, при подобномъ убѣжденіи, какою же могло имѣть смыслъ требовать для женщинъ расширенія правъ и спеціально правъ, ограждающихъ ихъ отъ воли ихъ господъ, и направленныхъ къ тому, чтобы мужъ господиномъ не былъ?

Этотъ взглядъ, наивно высказанный новымъ приверженцемъ правъ женщинъ, заставляетъ насъ сомнѣваться, чтобы онъ искренно придавалъ серьезное значеніе той идеѣ, за проведеніе которой взялся, а второстепенное мѣсто, отведенное этой «идеѣ» въ романѣ, заставляетъ насъ сказать, что Коллинсъ употребилъ ее просто какъ приправу къ сказкѣ, для большаго возбужденія интереса, безъ всякаго серьезнаго намѣренія. Онъ повелъ читателей къ «идеѣ», какъ миссъ Брэддонъ повела ихъ въ Остъ-Индію, для новинки, для отысканія новыхъ сюжетовъ; онъ заставилъ между прочимъ женщину задушить своего мужа вовсе не для того, чтобы доказать безвыходность ея положенія, но просто по-

тому, что ему хотѣлось изобразить любопытный способъ удешевленія: пьяный мужъ спитъ въ комнатѣ, запертой изнутри на ключъ, головой въ перегородкѣ; въ этой перегородкѣ жена продрѣла раньше отверстіе, заклеенное обоями; когда онъ заснулъ, она просунула мокрое полотенце и покрыла имъ плотно его лицо; будучи мертвецки пьянъ, онъ тотчасъ задохнулся. Мы убѣждены, что Коллинсу въ душѣ больше всего хотѣлось именно рассказать этотъ «новый приемъ», а «новая идея» и «безвыходность» тутъ были приплетены просто для лучшаго уснащенія рассказа.

А въ самомъ дѣлѣ, шуму надѣлали все-таки приплетенныя къ нему идеи—признавъ, что англійское общество сильно тронулось въ своемъ прежнемъ спокойномъ самодовольствѣ. Другая «идея»—о вредномъ вліяніи гимнастики и спорта на нравы, насколько не вяжется съ первою, а между тѣмъ также произвела впечатлѣніе, пожалуй еще болѣе первой, такъ что даже нельзя сказать достоверно, какъ преимущественно представляется «Man and Wife» Коллинса въ воспоминаніи англійскихъ читателей: въ связи съ женскимъ вопросомъ или въ связи съ гимнастикой. Что касается этого «вопроса», то-есть о вліяніи гимнастики и полезныхъ спортивныхъ на англійское воспитаніе, то самъ по себѣ едва ли онъ можетъ имѣть то значеніе, которое ему приписано Коллинсомъ, хотя вопросъ этотъ подалъ ему поводъ къ обрисовкѣ новаго типа — образованнаго атлета, который вышелъ удачнымъ и представляетъ единственный рельефный очеркъ въ этомъ романѣ. Несомнѣнно, что въ англійскомъ характерѣ есть элементъ грубости, но весьма сомнительно, чтобы грубость эта зависѣла отъ развитія атлетическихъ упражненій въ послѣднемъ поколѣніи, какъ утверждаетъ Коллинсъ. Это послѣднее обстоятельство можетъ содѣйствовать грубости только въ томъ смыслѣ, что тѣлесныя упражненія и вообще спортъ отнимаютъ у молодыхъ англичанъ время, которое могло бы быть посвящено литературѣ и изящнымъ искусствамъ. Молодой нѣмецъ и французъ изъ достаточныхъ классовъ, вообще говоря, болѣе интересуются театромъ, беллетристикой и музыкою, чѣмъ молодой англичанинъ, для котораго идеаль развлеченія есть лошадь, лодка, удочка, ружье, такъ что самое слово «забава» — sport — получило въ Англии специальное значеніе. Но корни относительной грубости въ характерѣ лежатъ гораздо глубже. Суровость климата, свойство пищи и напитковъ, отсутствіе поэтическаго элемента въ богослуженіи и доведенная до крайности конкуренція въ борьбѣ за пропитаніе или за положеніе въ странѣ, гдѣ всѣ карьеры переполнены—вотъ причины

общія, дѣйствующія какъ на низшіе, такъ и на высшіе классы и обусловливающія нѣкоторую нравственную суровость. Затѣмъ, національный характеръ, мало общительный, удаление дѣтей въ «дѣтскую» въ значительной степени лишаютъ отца вліянія на нравственную формацию дѣтей, что для мальчиковъ имѣетъ огромное значеніе, приучая ихъ съ весьма раннихъ лѣтъ видѣть въ отцѣ только начальство; говоря про отца, молодые англичане даже и называютъ его шутливо «the governor», какъ нѣмцы — «der Alte»; наконецъ — преобладаніе въ низшихъ и среднихъ школахъ тѣлесныхъ наказаній и службы младшихъ учениковъ старшимъ, съ широкимъ просторомъ для расправы между учениками — вотъ условія, которыя специально въ достаточныхъ классахъ содѣйствуютъ нѣкоторой грубости характера. Условія эти создаютъ вѣрную волю и развиваютъ въ молодомъ человѣкѣ самостоятельность; но всякая добродѣтель, какъ говорится, имѣетъ и соотвѣтствующій ей недостатокъ, имѣетъ свой drawback. Въ одномъ полѣ растутъ такіа сорныя травы, а другому соотвѣтствуютъ иные плевелы, и естественно, что силѣ воли и независимости характера соотвѣтствуетъ особый недостатокъ, который именно и есть рѣзкость, грубость.

Впрочемъ, для насъ важнѣе обратить вниманіе на самый тотъ фактъ, что такой писатель, какъ Коллинсъ, писатель, который не способенъ бы былъ пойти противъ общаго теченія, еслибы оно въ самомъ дѣлѣ оставалось общимъ, еслибы оно не начинало разбиваться на различные заводы и токи, — рѣшился отнестись критически къ жизни образованныхъ, достаточныхъ классовъ въ Англіи и указывать этому обществу, доселѣ столь довольному собой, на присутствіе въ немъ даже элементовъ дикости. Дикій, нравственно-запущенный человѣкъ считался въ Англіи исключительной принадлежностью такъ-называемыхъ «подонковъ городской черни»; онъ получилъ особую кличку современнаго дикаго — the Rough. Но Коллинсъ рѣшился указывать обществу, что въ немъ самомъ есть дикіе, roughs, одѣтые самымъ приличнымъ образомъ. «The Rough», съ чистой кожей и въ хорошемъ сюртукѣ на плечахъ, легко можетъ быть найдимъ на различныхъ ступеняхъ англійскаго общества, въ среднихъ и высшихъ классахъ», говоритъ Коллинсъ, и затѣмъ ссылается на примѣры разныхъ «скандаловъ», произведенныхъ англійскими офицерами, студентами, даже купцами, посѣтителемъ лондонской биржи, незадолго до появленія его романа, и отмѣченныхъ газетами. Къ роману приложены соотвѣтствующія ссылки на газеты. Но этотъ запасъ фактовъ крайне недостаточенъ и необѣднителенъ; скандалы, подобные тѣмъ, на какіе сослался Кол-

лись, во-первыхъ, бывали въ Англии всегда (въ самой выпискѣ изъ «Times» о скандалѣ въ оксфордскомъ университетѣ прямо упоминалось о *традиции* скандаловъ: въ годовой университетскій праздникъ); во-вторыхъ, бываютъ вездѣ, и видѣть въ нихъ послѣдствіе вреднаго вліянія гимнастики и спорта на англійскіе нравы можетъ только такой близорукой мыслитель, каковъ Коллинсъ, съ тѣхъ поръ, какъ онъ вообще взялся быть мыслителемъ. Но для дѣли настоящаго очерка немаловаженъ тотъ фактъ, что Коллинсъ рѣшился относиться отрицательно къ прежнему идеалу англійской жизни и указывать достаточнымъ классамъ на присутствующій имъ самый элементъ «дикости». Это уже—явный признакъ поворота въ литературѣ, а стало быть и въ воззрѣніяхъ самого общества.

Надо указать еще на одинъ новѣйшій романъ того же писателя, вышедшій въ 1873 году—«The New Magdalen». Въ немъ Коллинсъ, отыскивая «новыя сферы», касается именно такой, въ которую англійская беллетристика доселѣ не опускалась, и берется за проведеніе такой общественной идеи, которой проведеніе въ англійской беллетристикѣ еще весьма недавно было бы просто невозможно, до такой степени она показалась бы shocking. «Новая Магдалина», которая называетъ себя Мёрси Мерригъ,—одна изъ жертвъ уличнаго разврата въ Лондонѣ,—попадаетъ въ особый пріютъ, назначенный для спасенія такихъ женщинъ, и потомъ не можетъ удержаться ни на одномъ мѣстѣ; вездѣ обнаруживается, что она — изъ пріюта; прочіе слуги не хотятъ служить съ нею, хозяева ей отказываютъ, несмотря на то, что она безукоризненно ведетъ себя и что самое паденіе ея совершилось безъ ея вины. Она поступаетъ сестрою милосердія въ французскую армію во время войны 1870 года, и ей представляется случай присвоить себѣ бумаги одной англичанки изъ хорошаго семейства, которую она считаетъ убитою, во время бомбардировки французскихъ бараковъ нѣмцами. Превжніе опыты показали ей, что для нея нѣтъ спасенія отъ проплага, что она осуждена вѣчно влечь его за собой, какъ ядро, къ которому приковываются каторжники во Франціи. Испушеніе освободиться отъ этого страшнаго яра, безъ вреда для кого-либо, такъ какъ она убѣждается, что у убитой соотечественницы даже нѣтъ родственниковъ, слишкомъ сильно. Она присвоиваетъ себѣ бумаги убитой, возвращается въ Англию, поступаетъ компаньонкою въ богатый домъ, пріобрѣтаетъ привязанность хозяйки, которая начинаетъ смотрѣть на нее какъ на свою дочь, и любовь достойнаго молодого человѣка. Но затѣмъ въ домъ является мнимо-убитая англичанка и происходитъ

раздирательныя сцены, весьма драматично написанныя. Авторъ въ концѣ рѣшается предоставить Мёрси Мерриксъ, бывшей проституткѣ, побѣду надъ ея соперницей, добродѣтельной дѣвушкой, которая оказывается слишкомъ исполненною узкихъ предрассудковъ и британскаго чванства чистотою крови. Мёрси, искупленная страданіями и любовью, выходитъ замужъ за любимаго человѣка. Но такъ какъ общество не соглашается принять ее въ свою среду, то мужъ убѣждаетъ съ нею въ одну изъ англійскихъ колоній, причемъ оказывается, что авторъ сочувствуетъ Мёрси и относится несочувственно къ безпощадной исключительности англійскаго общества.

Если такой романъ могъ появиться въ современной англійской беллетристикѣ и имѣть успѣхъ, то уже нѣтъ возможности сомнѣваться въ важномъ измѣненіи, происходящемъ на нашихъ глазахъ въ воззрѣніяхъ и вкусахъ англійскаго общества. Разумѣется, Коллинсъ избралъ даже и этотъ сюжетъ и эту социальную идею болѣе какъ романистъ, ищущій новыхъ путей и новыхъ сферъ, однимъ словомъ, новинки для удовлетворенія измѣняющагося вкуса читателей, нежели какъ мыслитель, преданный идеямъ социальнаго перерожденія. Идея этого романа нова только въ англійской беллетристикѣ. Коллинсъ вывелъ ее съ той же главной цѣлью, съ какою помѣстилъ въ началѣ дѣйствія сцену изъ франко-германской войны, желая дать что-нибудь, пикантное новостью и современностью. Но что сказать о массѣ англійскихъ читателей такого романа? Не они ли въ еще недавніе годы едва ли не огуломъ осуждали всю современную французскую беллетристику какъ «неприличную», impropres, ссылаясь притомъ именно на мысль объ «искупленіи падшей женщины любовью», мысль которая проводилась столь часто французскими авторами, начиная отъ В. Гюгô и А. Дюма-сына до беллетристовъ-сотрудниковъ «Figaro», что сдѣлалась до нѣкоторой степени «общимъ мѣстомъ» французской беллетристики. Но что же такое «New Magdalen», какъ не эта именно, наиболѣе опасная и безнравственная, по мнѣнію прежнихъ англичанъ, мысль — искупленіе падшей женщины, мысль «Marion Delorme» и «Dame aux Camélias»? Замѣтимъ, что В. Гюгô и Дюма-сынъ уморили своихъ героинь, не рѣшась осуществить для нихъ счастливой доли, а Коллинсъ преспокойно выдалъ свою героиню замужъ за отличнаго человѣка, какъ настоящій практическій британецъ: ужъ если есть искупленіе, то почему же и не поощрить его наградой? Вотъ признакъ, что «континентальныя идеи» уже не встрѣчаютъ въ Англии прочнаго отпора въ цѣльности установившихся воззрѣній

общества; что цѣльность эта исчезаетъ, причѣмъ однимъ изъ главныхъ факторовъ такого измѣненія является именно сближеніе англичанъ съ континентальными обществами и постепенное усвоеніе ими континентальныхъ воззрѣній.

Мы не хотимъ сказать, что всѣ слои англійскаго общества въ настоящее время уже такъ измѣнились, что готовы были бы отвѣстись сочувственно къ Мёрси Меррикъ, хотя бы въ романѣ, а тѣмъ болѣе и въ жизни. Но мы говоримъ, что самый составъ англійскаго общества значительно измѣнился въ теченіе какого-нибудь десятилѣтія, что въ него вошли новые элементы, нарушившіе прежнюю цѣльность воззрѣній. Само собою разумѣется, что поколѣнія не перевоспитываются и что въ настоящее время еще весьма сильны въ нѣкоторыхъ кругахъ прежнія воззрѣнія, хотя уже и не господствуютъ безусловно, внѣ всякаго спора и отрицанія. Иначе и быть не можетъ, да и беллетристика показываетъ это. Даже тѣ авторы, которые ищутъ новыхъ путей, порою и теперь возвращаются на путь старый; мы показали это примѣромъ миссъ Брэддонъ. Но есть писатели, которые измѣненію не подверглись, не погнались за новостью, остались въ новыхъ своихъ произведеніяхъ тѣмъ, чѣмъ были прежде. Таковы, чтобы не говорить безъ примѣровъ, миссисъ Крэкъ (миссъ Мѣлокъ, болѣе извѣстная подъ именемъ «автора романа «Джонъ Галифаксъ, джентльмѣнъ»), и Чарльсъ Ридъ. Миссисъ Крэкъ остается въ прежней сферѣ обыденной жизни достаточнаго англійскаго общества и среди цѣльности прежнихъ воззрѣній («The Woman's Kingdom», «A Brave Lady», «My Mother and I»). Чарльсъ Ридъ остается прежнимъ любителемъ эксцентрическихъ сценъ и адвокатомъ такихъ специальныхъ идей, какъ усиленіе контроля за домами умалишенныхъ и обнаруженіе шарлатанства въ медицинѣ («Hard Cash», «Put Yourself in his place», «Terrible Temptation», «A Simpleton»). Изъ старыхъ и новыхъ писателей, остающихся вѣрными прежней средѣ и прежней комфортабельной ясности и цѣлости воззрѣній, можно еще указать на миссисъ Вудъ («The Master of Greylands» — занимательный романъ совершенно въ старомъ вкусѣ, съ прибавленіемъ превращенія почтеннаго сквайра въ контрабандиста), на талантливыхъ Уайта-Мельвилля («Uncle John») и Джемса Пэна («Walter's Word», гдѣ, впрочемъ, есть уступка новости — введеніе сицилійскихъ бандитовъ въ исторію англійскаго семейства). Для примѣра мы указываемъ только новѣйшія произведенія каждаго автора. Повторимъ: «прежній товаръ» еще спрашивается, — это естественно. Но важно не то: важно, что есть сильный запросъ на товаръ по

возможности новыхъ, на новыя сцены, новые сюжеты и даже новыя воззрѣнія.

Приведемъ еще въ свидѣтели двухъ старыхъ писателей—Бульвера и Дизраэли, въ ихъ послѣднихъ романахъ. Романъ Бульвера «Kenelm Chillingley» вышелъ года два тому назадъ. Онъ самъ по себѣ не представлялъ ничего новаго. Сила творчества, богатство поэзіи, чисто-эстетическая свобода въ очертаніи сценъ и типовъ,—всѣ эти свойства Бульвера проявились и въ этомъ романѣ съ достаточнымъ блескомъ. Но въ романѣ этомъ все-таки есть одна особенность. Писатель, бывшій моднымъ въ то время, когда Тэккерей былъ писателемъ начинающимъ, Бульверъ чувствовалъ себя отживающимъ и одиновымъ среди современнаго измѣненія понятій и нравовъ, и въ этомъ послѣднемъ произведеніи онъ, какъ-бы наманувъ смерти, излилъ свое сѣтованіе, свою жалобу на это измѣненіе. Недовольство Бульвера новыми условіями жизни и новыми воззрѣніями неоднократно выражается имъ въ послѣднемъ романѣ и чувствуется въ каждой строкѣ, даже тамъ, гдѣ онъ и не упоминаетъ о немъ. Все новое, чѣмъ былъ недоволенъ Бульверъ, что казалось ему чуждымъ, можетъ быть характеризовано однимъ словомъ: демократизація. Постепенная демократизація, въ которой распускаются черты прежняго англійскаго общества—вотъ что болѣзненно поражало умиравшаго романиста давней эпохи, и хотя онъ готовъ былъ признать нѣкоторые улучшенія, введенныя переменой, ему больно было видѣть, что родной ему типъ англійскаго джентльмена исчезаетъ. Другой писатель, начавшій свою карьеру въ ту же давнюю эпоху, Дизраэли былъ чистымъ эстетикомъ, фантазистомъ, какъ и Бульверъ, но въ послѣднемъ своемъ произведеніи «Lothair» уже прямо подвергся духу времени: написалъ его на данный живой фактъ, изобразилъ въ немъ одно изъ теченій современной англійской жизни—усиленіе католичества, теченіе, которое и само по себѣ отчасти зависитъ отъ ослабленія прежней цѣльности и всеобщности воззрѣній образованнаго общества въ Англии.

Въ общемъ итогъ нельзя сказать, что раздробленіе прежняго англійскаго міросозерцанія, насколько оно отразилось доселѣ на беллетристикѣ, принесло ей пользу. Въ отношеніи литературнаго достоинства, прежніе романы вообще были лучше нынѣшнихъ, и изъ новыхъ вообще лучше тѣ, которые написаны по старому, и это естественно. За старую школу стоитъ сила—ясный и твердый цѣль нравственныхъ и общественныхъ понятій, установившійся въ теченіе жизни двухъ поколѣній. Единичнымъ же новаторамъ—потому что новой школы еще нѣтъ, да и быть не можетъ,

пока не получились опредѣленные кристаллы отъ процесса, совершающагося въ обществѣ — приходится избирать задачу и рѣшать ее собственными силами, обновлять и картину, и манеру ея отдыки. Только весьма крупному таланту посильно такое дѣло: проложеніе новыхъ путей. И вотъ новое стремленіе произвело пока одинъ крупный талантъ: дало англійской беллетристикѣ одно цѣнное приобрѣтеніе, именно талантъ Джорджа Эллиота. За то сколько безтолковости, фальши и безвкусія произвело ослабленіе прежнихъ основъ и исканіе новыхъ интересовъ и новыхъ приемовъ! Мы уже указывали на примѣръ самаго популярнаго изъ современныхъ англійскихъ романистовъ — миссъ Брэддонъ, какъ вредно отозвалось на среднихъ талантахъ безусловное стремленіе къ новшеству. Но уважемъ еще на примѣръ одного писателя, едва ли не самаго моднаго въ настоящее время. Мы говоримъ о романистѣ, пишущемъ подъ псевдонимомъ Ouida. Вотъ замѣчательный примѣръ писателя, который не хочетъ пользоваться тѣмъ, что ему дала природа, и стремится къ тому, чего ему природа не дала. Онъ обладаетъ большою способностью передавать колоритно и вѣрно то, что ему случилось наблюдать; а наблюдалъ онъ жизнь богатыхъ классовъ въ Англійи весьма много, изучилъ ее во всѣхъ отрасляхъ. Напримѣръ, портреты англійскихъ конногвардейцевъ, изображеніе борьбы челоуѣка недостаточнаго съ затрудненіями, какія ему представляетъ обстановка, требующая ежегоднаго расхода въ нѣсколько десятковъ тысячъ рублей — прелестны по анализу, по очевидной правдѣ; разговоры о лошадяхъ и вся обстановка скачекъ въ романѣ «Under two Flags» обличаютъ основательное изученіе обширнаго предмета для того, чтобы написать двѣ-три главы. Самый языкъ фешенебельныхъ юношей между собой, эти фамиллярныя сокращенія рѣчи, эта смѣсь slang'a съ философіею своего рода, — необыкновенно живы, взяты прямо съ натуры. При такихъ свойствахъ, еслибы этотъ авторъ захотѣлъ изображать, по старому, жизнь богатыхъ классовъ, безъ претензій на продолженіе новыхъ путей, безъ стремленія къ созданію цѣлыхъ поэмъ, богатыхъ фантазіею, онъ былъ бы однимъ изъ виднѣйшихъ среднихъ писателей прежней школы.

Но видно силенъ запросъ на новостъ, когда писатель рѣшается для удовлетворенія его работать прямо наперекоръ своему таланту. Фантазія его бѣдна, силы творчества онъ не имѣетъ; вся сила его въ описаніи того, что онъ наблюдалъ. Между тѣмъ онъ бросается именно въ фантазіи самаго необузданнаго свойства, переноситъ дѣйствіе въ чужія страны, въ исключительныя условія, полагаетъ богатство воображенія въ насильствен-

номъ созданіи самыхъ необыкновенныхъ картинъ, а силу мысленія въ самомъ тривіальномъ «причитываніи» надъ страданіями своихъ героев; литературный блескъ въ противнѣйшемъ дѣланномъ, высокопарномъ языкѣ, какъ будто нарочно передразнивая первую манеру Бульвера, которому могло прощаться многое, потому что онъ былъ поэтъ въ душѣ, поэтъ, котораго воображеніе и въ сотой долѣ превосходило все, что только можетъ, надрываясь, сочинить Ouida. Скучнѣе, искусствениѣе по вымыслу и противнѣе по языку, чѣмъ романъ «Chandos» трудно себѣ представить. Но вотъ что всего замѣчательнѣе: романы Ouida имѣютъ успѣхъ. Судя по этому, вкусъ англійской публики положительно пришелъ въ какое-то хаотическое состояніе. Впрочемъ, стоить взглянуть на то, какъ относится англійская критика къ произведеніямъ Ouida. Критика сохранила еще настолько остатка прежней трезвости, что въ романахъ Ouida ее поражаетъ невѣроятность нѣкоторыхъ событій; она подсмѣивается надъ такими казусами, что изнѣженные, нѣсколько байроновскіе герои этого романиста, даже истомленные кутежомъ или болѣзнью, опрокидываютъ и подбрасываютъ на воздухъ самыхъ крѣпкихъ и здоровыхъ злодѣевъ. Но критику не возмущаетъ, повидимому, вся фальшивость направленія этого писателя, то прискорбное пренебреженіе, какое онъ обнаруживаетъ къ своему таланту, и то злоупотребленіе, какое онъ совершаетъ надъ сферами искусства, несродными, недостижимыми для его таланта.

Англійская публика, повидимому, спрашиваетъ болѣе всего именно *новости*, какая бы она ни была. Какъ объяснить иначе тотъ фактъ, что въ одно время съ невѣроятностями миссъ Бреддонъ имѣютъ успѣхъ серьезныя этюды Элліота; что рядомъ съ нелѣпостями и искусственностью Ouida, имѣли успѣхъ, напримѣръ, такіе скромные, трезвые, свободные отъ всякихъ прикрасъ, очерки школьной жизни и крестьянскаго быта, какіе мы находимъ въ небольшомъ произведеніи неизвѣстнаго автора, подъ заглавіемъ «Johnny Ludlow»? Разбродъ понятій и стремленіе болѣе всего къ новизнѣ объясняютъ и такой фактъ, какъ появленіе въ новѣйшей англійской беллетристикѣ особой группы юмористовъ-забавниковъ «во что бы то ни стало» и безъ всякой цѣли, а также другой фактъ — успѣха въ Англии новыхъ беллетристовъ американскихъ. Во главѣ юмористовъ-забавниковъ стоитъ Бёрнандъ, очень остроумный и совершенно оригинальный фельетонистъ «Понча», которому принадлежало бы мѣсто весьма видное, еслибы онъ самъ не нисходилъ въ нѣкоторыхъ своихъ ве-

шахъ до бессмысленнаго фарса, и—гораздо ниже его—нѣсколько специальныхъ «забавниковъ», которые разработываютъ область идиотизмовъ языка, мимоходомъ затронутую Тэккеремъ въ его «James de la Pluche» (Записки лакея); изъ этихъ забавниковъ мы назовемъ популярнѣйшаго—Светчли («Mrs. Brown», «The Brown Parrot» и т. д.). Упомянувъ объ американскихъ писателяхъ, имѣющихъ успѣхъ въ Англіи, мы разумѣли не Бичеръ-Стоу, которая относится къ временамъ давнимъ и обязана была своимъ успѣхомъ великому человѣческому интересу освобожденія рабовъ, и не поета Лонгфелло, который къ нашему очерку не относится, но, напримѣръ, Бретъ-Гарта въ его прозаическихъ вещахъ («The Roaring Camp», и т. д.). У Бретъ-Гарта есть несомнѣнный талантъ, но онъ далеко не заслуживаетъ того почетнаго мѣста, какое ему теперь отводится: весь секретъ особаго его успѣха—въ новости его картинъ.

Одинъ изъ характеристическихъ признаковъ новыхъ теченій въ жизни и возрѣніяхъ англійскаго общества можно указать въ возникающемъ отрицаніи спорта. Правда, это отрицаніе, по крайней мѣрѣ насколько оно касается спорта—*rag excellence*, доселѣ представляется въ Англіи чѣмъ-то въ родѣ нигилизма. Но уже одинъ тотъ фактъ, что подобное отрицаніе могло проявиться, свидѣтельствуетъ о томъ, какія бреши понадѣлало новое время въ прежней цитадели англійскихъ возрѣній. Теперь уже не рѣдкость встрѣтить молодыхъ людей, которые почитаютъ всякую борьбу пѣтуховъ и травлю крысъ—положительно неприличными; нѣкоторые новаторы рѣшаются сказать, что стрѣльба въ летъ по голубямъ (*pigeon-shooting*) на призы, аристократическое удовольствіе, для котораго существуютъ особые клубы, и даже умерщвленіе сотнями фазановъ (*pheasant-shooting*) въ аристократическихъ паркахъ, гдѣ эта птица нарочно разводится для охоты (какъ, впрочемъ, и лисицы, олени и зайцы)—суть удовольствія глупыя. Но теперь есть въ Англіи нигилисты еще болѣе крайніе, такіе, которые посягаютъ даже на охоту за лисицей (*hunting*), то-есть на тотъ «мужественный спортъ», который есть душа сельской жизни богатыхъ классовъ, и на самыя скачки, это «славное, національное учрежденіе Великобританіи». Нигилисты держатъ ставку въ вопросъ, не должны ли общества покровительства животныхъ принять подъ свою защиту лисицъ и даже скаковыхъ лошадей? Само собою разумѣется, что такія притязанія, направленные къ разрушенію нѣкоторыхъ коренныхъ основъ англійской жизни, до сихъ поръ вызываютъ еще возгласы презрѣнія и негодованія. Но замѣчательно и то, что такія притязанія заявляются.

Лѣтъ двадцать тому назадъ это было бы положительно невозможно.

Собираясь однажды въ Ипсомъ, взглянуть на знаменитѣйшую въ мірѣ скачку въ такъ-называемый Derby-day, мы упомянули о томъ въ разговорѣ съ виднымъ представителемъ новыхъ идей въ Великобританіи.—«Представьте, я ни разу тамъ не былъ», сказалъ онъ.—«А сегодня мы были въ Тоуэрѣ».—«Вотъ и въ Тоуэрѣ мнѣ никогда не случилось быть», сказалъ нашъ собесѣдникъ. Выражаясь словами Данта: *alloga intesi e certo fui*,—тогда мы уразумѣли и получили увѣренность, что по-истинѣ многое измѣнилось въ современной Великобританіи, когда возможны подобныя факты. Посѣтить не разъ далекія страны и не видать ни разу ни дѣрби, ни Тоуэра! Вѣдь послѣ этого можно ожидать, что скоро не останется и слѣдовъ отъ той Англіи, которой самая сущность, по континентальнымъ понятіямъ, заключалась въ боѣ пѣтуховъ, кулачныхъ бояхъ, процессіи лондонскаго лорда-мэра, охотѣ на лисицу, парикахъ судей и спикера общины, «шерстяномъ мѣшеѣ» лорда-канцлера, сожженіи куклы Гея Фоуеса, лондонской башнѣ (Тоуэрѣ), шотландскихъ брѣвахъ въ Greta-Green у кузнеца, веденіи жены съ веревкой на шеѣ для продажи на рыноѣ и въ илѣмъ-пуддингѣ. Какъ любилъ Тэкерей это континентальное понятіе объ Англіи! А между тѣмъ, по глѣтамъ, онъ могъ бы дожить самъ до исчезновенія даже на континентѣ этого представленія о Великобританіи. Бой пѣтуховъ и кулачные бои исчезли, надъ процессією лорда-мэра смѣются, сожженіе Фоуеса дѣлается только уличными мальчишками въ самомъ «меккиномъ» видѣ, о Тоуэрѣ никто не говоритъ, никто имъ не гордится, браки въ Greta-Green остались только въ самыхъ старыхъ романахъ; правда, парики еще сохранились, сохранились скачки и охота на лисицу. Но и на эти остатки посягаетъ уже безбожный радикализмъ, и самые защитники ихъ какъ-то затрудняются повторять заветныя слова о «*great national institution*» и «*manly sports*».

IV.

Красворѣчивымъ, задушевнымъ защитникомъ спорта въ полемикѣ, занимавшей англійскую журналистику, долженъ былъ выступить и выступилъ Антонъ Треллопъ, этотъ правдивѣйшій и многосторонній наблюдатель и бытописатель «общеденной авглійской жизни», когда она еще была невозмутимо и неоспоримо

среди твердыхъ береговъ цѣльныхъ, установившихся воззрѣній прежняго англійскаго общества. — Здѣсь читатель выправѣ спросить, отчего же мы не коснулись въ этомъ очеркѣ Троллопа, чей примѣръ и чье свидѣтельство по данному вопросу могутъ быть важнѣ всякаго иного примѣра и иного свидѣтельства, такъ какъ мы сами когда-то представляли очеркъ прежней «англійской жизни» по романамъ Троллопа? Измѣнился ли онъ самъ, и если остался вѣренъ себѣ, то не сказалъ ли онъ чего-либо о переживѣ, происходящей въ той жизни, которую онъ изображалъ съ такою любовью?

Троллопа мы приберегли для конца именно потому, что его примѣръ и свидѣтельство въ занимающемъ насъ вопросѣ имѣютъ особое значеніе. Теперь скажемъ, что Троллопъ въ послѣдніе годы писалъ мало. Въ томъ, что имъ написано новаго, мы встрѣчаемъ того же милаго и правдиваго Троллопа, какимъ онъ былъ всегда, но нѣкоторые уступки новизнѣ, если хотите, сдѣлаъ и онъ. Такъ, онъ написалъ повѣсть «The Golden Lion of Granpere», которой дѣйствіе происходитъ *не въ Англии*, что совершенно чуждо прежней его сферѣ. Въ одномъ изъ новыхъ его романовъ, «Lady Anna», дочь графа выходитъ замужъ — странно сказать — за портного, съ полнымъ одобреніемъ автора. Портной этотъ, къ довершенію ужаса, завзятый радикаль. Но это не помѣшало автору отнестись къ выводимому имъ типу съ полнымъ уваженіемъ, хотя въ характеристикѣ его проглядываетъ порою несочувствіе автора. Такъ, портной настаиваетъ, чтобы все состояніе его жены находилось въ полномъ его распоряженіи, и авторъ иронически замѣчаетъ по этому поводу: «если хотите найти человѣка съ здравыми убѣжденіями въ семейной власти и правахъ мужа (какъ главы семейства), непременно возьмите радикала». Но независимо отъ такой «новости», какъ подобный бракъ, ни въ настроеніи Троллопа, ни въ его манерѣ писать не произошло никакой перемены. Какъ литераторъ, онъ остался вѣренъ себѣ. За то недавно онъ выступилъ съ новымъ произведеніемъ, большимъ романомъ, который особенно интересенъ съ нашей точки зрѣнія именно потому, что посвященъ тому самому вопросу, о которомъ идетъ рѣчь въ этомъ очеркѣ. «The Way we live now» — «Какъ мы живемъ теперь», — вотъ заглавіе этого послѣдняго произведенія Троллопа. И вотъ, въ немъ-то наиболѣе многосторонній и самый правдивый бытописатель англійскаго общества даетъ свидѣтельство, что въ условіяхъ жизни этого общества, его нравахъ и воззрѣніяхъ въ послѣднее время произошли весьма замѣтныя измѣненія.

Въ настоящую минуту мы воснемся здѣсь только нѣкоторыхъ примѣровъ новыхъ явленій, выведенныхъ въ романѣ ¹⁾. Главнымъ лицомъ является капиталистъ съ иностраннымъ именемъ, явившійся неизвѣстно откуда, но сдѣлавшійся однимъ изъ царей лондонской биржи; происхожденіе и прошлое его совершенно неизвѣстны, но ходятъ неясныя слухи о некрасивыхъ дѣлахъ его на континентѣ, особенно въ Парижѣ. Все это не мѣшаетъ англійскому обществу, нѣкогда столь разборчиво и неохотно принимавшему въ свою среду новыхъ людей, даже съ совершенно яснымъ и безукоризненнымъ прошедшимъ — увиваться около этого спекулянта, добиваться, какъ милости, приглашеній къ нему въ домъ. Положимъ, еще во время сезона въ Лондонѣ такой чело-вѣкъ могъ бы и въ прежнее время какъ-нибудь втереться въ нѣкоторые дома, хотя, конечно, свѣтъ не пошелъ бы къ нему въ домъ, не признавъ бы его семейства. Но теперь его принимаютъ даже въ замкахъ, то-есть тамъ, гдѣ наиболѣе высказывалась исключительность. Что же касается жизни въ Лондонѣ, то тамъ къ нему въ домъ являются герцогини, министры и даже принцы королевскаго дома. Секретъ въ томъ, что у герцогини есть братья, младшіе сыновья и племянники, которымъ наследственное аристократическое богатство не можетъ удѣлить средствъ, достаточныхъ для того, чтобы жить такъ, какъ имъ жить слѣдуетъ. А неизвѣстный спекулянтъ даетъ мѣста въ компаніяхъ и пристраиваетъ вокругъ себя цѣлыя семейства аристократическихъ паразитовъ. Потомъ, нѣтъ такого аристократическаго семейства, въ которомъ бы, въ силу майората, нѣкоторые молодые люди не были обречены самымъ своимъ рожденіемъ, во что бы то ни стало, жениться на деньгахъ. Вслѣдствіе этого матери и тетки сближаются съ двусмысленнымъ милліонеромъ, чтобы завладѣть его дочерью, каждая для своего сына или племянника. Троллопъ выводитъ однако и такого «истиннаго» сквайра, джентльмена стараго времени, который не поддается новымъ взглядамъ, считаетъ неприличнымъ водить знакомство съ чело-вѣкомъ худой славы потому только, что онъ — милліонеръ. Но на этомъ же сквайрѣ авторъ показываетъ одну изъ причинъ ослабленія прежняго духа общества, распаденія прежняго кодекса его возрѣній. Вѣрнѣйшей хранительницей, истиннымъ брустверомъ этого духа и этихъ возрѣній въ Англии была среда наследственнаго помѣстнаго сословія, среда сквайровъ. Но вслѣдствіе громаднаго накопленія капиталовъ промышленностью и спекуляціей, эта среда, если даже она и сохранила

¹⁾ Въ ближайшей книгѣ журнала будетъ помѣщенъ подробный анализъ этого романа.

прежнія свои средства, стала казаться бѣдною; промышленные тузы совершенно затемняютъ ее не только въ Лондонѣ, но и въ самыхъ графствахъ, приобретаая тамъ имѣнія, гдѣ и живутъ съ роскошью, о которой свайры не могутъ и думать. Что касается аристократіи, то значительное число ея членовъ прямо живутъ насчетъ спекулянтовъ, добиваются, какъ милости, акцій и мѣстъ въ компаніяхъ, а тѣмъ болѣе приданаго за дочерьми, «у которыхъ ноги все-таки не такъ громадны, какъ состояніе».

Другая область, которой касается Троллопъ, это сфера литературнаго «humbug» и «ruffing», то-есть недобросовѣстнаго созданія печатью репутацій людямъ и предпріятіямъ. Естественно, что съ демократизаціею общества печати представляется болѣе возможности *дѣлать* общественное мнѣніе, когда руководящій классъ менѣе избранно-образованъ, чѣмъ прежде, когда печать только *воспринимала* и представляла общественное мнѣніе. Эти два вида вліянія печати весьма различны, и само собой разумеется, что первому изъ нихъ должна соответствовать нѣкоторая деморализація печати. Лучшими примѣрами для обоихъ этихъ видовъ вліянія печати могутъ служить печать въ прежней Англіи и печать въ нынѣшней Америкѣ (Соед. Штатахъ). Въ романѣ Троллопа есть и картина хода спекулятивнаго предпріятія и типы спекулянтовъ, начиная съ аристократа, который думаетъ, что онъ можетъ составить постоянный доходъ, регулярно покупая одну бумагу дешево и продавая дорого, и вончая настоящимъ сѣвероамериканцемъ, который пускаетъ въ Англіи предпріятіе желѣзной дороги въ Мексику. Нѣкоторыя черты романа, очевидно, взяты изъ самой близкой современности. Такъ, въ нынѣшнемъ году надѣлало много шума парламентское изслѣдованіе злоупотребленій на лондонской биржѣ съ желѣзно-дорожными займами республики испанской Америки, и замѣтимъ, что однимъ изъ самыхъ смѣлыхъ и крупныхъ виновниковъ въ этихъ колоссальныхъ надувательствахъ былъ Чарльсъ Лефевръ, лондонскій банкиръ, съ французскимъ именемъ и даже французъ по происхожденію, какъ спекулянтъ у Троллопа.

Новѣйшій романъ Троллопа «Какъ мы живемъ теперь», дѣйствительно обнаруживаетъ ослабленіе замкнутости, значительное уменьшеніе нравственной требовательности, смѣшеніе граней, однимъ словомъ, нѣкоторое relaxation въ прежнихъ условіяхъ быта англійскаго общества, и намекаетъ на нѣкоторыя причины этого явленія. Но изучать всѣ причины, сводить ихъ въ систему и изслѣдовать всѣ ихъ главныя проявленія, конечно—не дѣло романиста. Онъ только намекаетъ на то, что долженъ высказать и

объяснить публицистъ. Мы не имѣемъ претензіи исполнить здѣсь эту задачу, которая потребовала бы историческаго и статистическаго обзора развитія англійской жизни за послѣднее двадцатилѣтіе. Мы оговорились впередъ, что беремъ только за этюдъ съ характеромъ очерка, а не научнаго изслѣдованія. Мы хотѣли показать на англійской беллетристикѣ то интересное явленіе, что прежняя англійская жизнь съ ея цѣльностью возрѣній постепенно исчезаетъ и осуждена на полную переработку новыми теченіями. Избирательная реформа 1867 года создала такое условіе, которое перенесетъ центръ власти въ странѣ гораздо ближе къ почвѣ, передастъ власть изъ рукъ «ста тысячъ» къ рукамъ «милліона», а руководящій классъ, состоящій изъ милліона, не можетъ сохранять той цѣльности возрѣній, какая была возможна для класса менѣе многочисленнаго, котораго члены были поставлены въ болѣе равныя условія. За переработкою возрѣній аристократическихъ въ возрѣнія аристократическо-буржуазныя, которая была послѣдствіемъ первой реформы, должна теперь послѣдовать переработка этихъ возрѣній въ новыя—демократическія. Каковы они будутъ въ Англіи—излишне предугадывать. Одно уже можно сказать теперь, что возрѣнія въ значительной степени раздѣлятся по общественнымъ слоямъ и группамъ; цѣльность исчезнетъ, малыя коллективныя единицы пріобрѣтутъ самостоятельныя взгляды на лучшія условія жизни, однимъ словомъ, англійское общество сблизится—съ континентальнымъ.

Л. Полонскій.

ПОЛОЖЕНІЕ ССЫЛЬНЫХЪ

ВЪ

С И Б И Р И

I.

НАЛИЧНОЕ ЧИСЛО ССЫЛЬНОГО НАСЛЕНІЯ.

Въ виду совершающейся тюремно-уголовной реформы и вліянія на нее вопроса о ссылке, мы попытались собрать наиболѣе достовѣрна свѣдѣнія о современномъ положеніи и жизни ссыльныхъ въ Сибири, съ цѣлью дать болѣе полный матеріалъ и облегчить самый трудъ реформирующимъ. Вызваны къ этому мы были тѣмъ побужденіемъ, что не имѣя опредѣленныхъ свѣдѣній о современномъ состояніи ссылки, о точномъ числѣ ссыльныхъ, находящихся въ Сибири, ихъ занятіяхъ, нравственности и вліяніи на страну, подкрѣпленныхъ достовѣрными фактами и статистическими данными, мы едва ли можемъ сдѣлать какое-нибудь вѣрное сужденіе, а тѣмъ болѣе произнести приговоръ этому наказанію. Занимаясь этимъ вопросомъ, мы пришли къ убѣжденію, что всѣ существовавшія до сихъ поръ недоразумѣнія, сомнѣнія и споры о значеніи нашей ссылки, происходятъ только отъ недостаточнаго знакомства съ дѣйствительностью.

Безотносительно ко всякому выводу, какой бы ни истекалъ изъ этихъ данныхъ, мы рѣшились сгруппировать всѣ наличныя свѣдѣнія, какія могли добыть объ этомъ наказаніи за самое позднее

время, поставить ихъ на самую убѣдительную и прочную почву цифровыхъ данныхъ, опубликованныхъ фактовъ, уголовной практики и мѣстныхъ свѣдѣній, руководствуясь преимущественно официальными отчетами и свѣдѣніями. Второе, — мы задались цѣлью выдѣлить все то гадательное и ложное, которое входило въ число обольщеній о значеніи этого наказанія. Въ-третьихъ, — указать на пробѣлы тѣхъ свѣдѣній, которыя до сего времени не собирались, но которыя должны были служить существенной частью для того, чтобы имѣть хоть какое-нибудь о ней понятіе. Въ заключеніе, мы поставили себѣ задачу руководствоваться не частными случаями, а суммою данныхъ и статистическихъ цифръ, чтобы свести ихъ къ одному выводу и получить понятіе о цѣлой совокупности системы.

О количествѣ и самомъ состояніи нашей ссылки обыкновенно до сихъ поръ судили по числу высылаемыхъ ежегодно въ Сибирь преступниковъ; единственныя свѣдѣнія, которыя мы могли получать о нихъ — это вѣдомости Приказа о ссыльныхъ, удостоверяющія, сколько прошло уголовныхъ преступниковъ черезъ рубежъ Россіи въ Сибирь. Цифры ежегодно отправляющихся въ Сибирь ссыльныхъ казались намъ довольно внушительными, чтобы сдѣлать заключеніе о довольно видномъ значеніи ссылки въ дѣлѣ колонизаціонномъ. По позднѣйшимъ свѣдѣніямъ число ссыльныхъ доходить до 16,000 въ годъ — контингентъ довольно значительный. Прежде ссылка равнялась отъ 6000 до 9000. Это дало поводъ заключить, что съ начала нынѣшняго столѣтія, лѣтъ въ 50 слишкомъ, ссылка дала Сибири полмилліона народа. По естественному приросту она должна была образовать въ этотъ періодъ болѣе одного милліона жителей; такой контингентъ лицъ не могъ остаться безъ пользы для малонаселенной Сибири. Далѣе, мы думали, что населеніе это должно было внести извѣстный трудъ въ край и содѣйствовать его экономическому преуспѣянію. Ссыльные естественно должны были населять его и обзаводиться здѣсь хозяйствомъ; такимъ образомъ, ссылка, исключая изъ общества вреднаго члена, дѣлала изъ преступника честнаго и благонадежнаго работника. Избавляя одну страну отъ вредныхъ и опасныхъ элементовъ, устрашая другихъ силою кары и угрозою депортацій, мы давали другому краю новую кровь, трудовыя силы, и самое зло, такъ сказать, претворяли въ добро на другой почвѣ. Вслѣдъ за высылкой за Уралъ, мы были убѣждены, что все наличное населеніе ссыльныхъ находится на лицо, обзавелось хозяйствомъ, семьею, крѣпко водворилось здѣсь и благополучно производитъ потомство. Вотъ тѣ заключенія, которыя могли быть сдѣланы на

четь нашей ссылки и которыя дѣйствительно были сдѣланы. Все то давало поводъ заключить объ особенныхъ преимуществахъ того наказанія и той пользы, какую приносило оно Россіи. Наказаніе это считалось, такимъ образомъ, караніемъ и исправленіемъ, очищеніемъ общества отъ дурныхъ элементовъ и полезной колонизаціей новаго края. Оно удовлетворяло и суровыхъ кривалистовъ и представителей исправительнаго принципа, наконецъ, гуманистовъ, предпочитавшихъ его душной тюрьмѣ, такъ какъ здѣсь ссыльные несутъ наказаніе и работаютъ на чистомъ воздухѣ. Оно обольщало даже утопистовъ, желавшихъ наказаніе сдѣлать совсѣмъ нечувствительнымъ. Казалось бы, что соединеніе уже столь противоположныхъ свойствъ въ сущности и на дѣлѣ, вытѣснявшихъ другъ друга въ самомъ принципѣ, могло бы зародить нѣкоторыя сомнѣнія въ его дѣйствительности и осуществимости, но на самомъ дѣлѣ оно содѣйствовало обольщенію, соединило около себя только массу защитниковъ ссылки и усилью общество. Вслѣдъ за успокоеніемъ, что мы имѣемъ полмилліона ссыльнаго населенія за Ураломъ, мы уже не заботились справляться о томъ, насколько находится въ наличности это населеніе, тѣмъ оно занимается и какова судьба его. Только при началѣ тюремно-ссылной реформы и послѣ удостовѣренія писателей и этнографовъ, побывавшихъ въ Сибири, какъ, на примѣръ, Достоевскаго, Львова, Максимова, Д. Завалишина, Ровинскаго и другихъ, мы узнали, что жизнь ссыльныхъ и «несчастливыхъ» въ Сибири далеко не находится въ удовлетворительномъ состояніи. Отдѣльныя картины нашей каторги и ссылки, а также частныя описанія ея безнадежнаго положенія въ Сибири не могли, однако, удовлетворить насъ вполне. При началѣ реформы естественъ былъ вопросъ о состояніи ссылки въ цѣлой ея совокупности и на основаніи самыхъ достовѣрныхъ данныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, принимаясь за реформу, нужно было себѣ выяснить, что реформировать и почему реформировать?.. Къ сожалѣнію, такихъ-то данныхъ и не доставало до послѣдняго времени. Желая отчасти пополнить этотъ пробѣлъ, мы взяли за статистическое изслѣдованіе нашей ссылки.

Прежде всего мы были поражены тѣмъ недостаткомъ свѣдѣній, какой имѣется по этому предмету, и были поставлены въ затрудненіе отыскать самые источники, изъ которыхъ могли бы мы пользоваться.

Единственныя свѣдѣнія, которыми у насъ привыкли руководствоваться, — это только цифры Приказа о ссыльныхъ, дающія знать, сколько уголовныхъ преступниковъ прошло черезъ рубежъ

Урала изъ Россіи въ Сибирь. За этимъ рубежомъ, спустя моментъ перехода, какъ о числѣ, такъ и о положеніи ссыльныхъ мы уже не имѣемъ никакихъ свѣдѣній; самыя вѣдомости Приказа о ссыльныхъ — о количествѣ ссылки за прошлые годы, далеко не были полны, а цифры Приказа не были разработываемы и публикуемы вплоть до изслѣдованія г. Анучина, кончившагося, къ сожалѣнію, 1846-мъ годомъ ¹⁾. О числѣ ссыльныхъ, проходившихъ въ Сибирь, мы знаемъ точно только то, что съ 1827 по 1846 годъ прошло въ Сибирь 150,755 человекъ. Въ началѣ столѣтія, съ 1807 по 1812 г., ссылалось не болѣе 2035 чел. въ годъ. Съ 1817 года ссылка увеличивается на 3100; въ 1823 году она равняется 6667 чел., но въ 1824—26 г. поднимается до 11,116 чел.; затѣмъ, съ 1826 г. упавъ на 7987, возрастаетъ уже болѣе равномернo, доходя постепенно до 8, 9, 11,000. и, наконецъ, къ 1874 году—до 16,000. Въ послѣднюю навигацію (1874), съ 5 мая до 30 сентября, черезъ Томскъ прошло въ числѣ партій и отправлено на пароходахъ ссыльныхъ: 1220 разряда каторжныхъ, 2343 поселенцевъ, 1358 водворяемыхъ рабочихъ, 1694 административныхъ ссыльныхъ, 110 по 31 ст. Улож. о Наказ. и пересыльныхъ 241. Женъ и взрослыхъ дѣтей за преступниками 1080; дѣтей моложе 15 лѣтъ 1269. Итого: 9245. Сверхъ того, съ 1-го мая по 1-е октября отправлено изъ Тюмени тѣшимъ порядкомъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей 7644; всего, такимъ образомъ, прошло черезъ Томскъ изъ Россіи въ Сибирь 16,889 ссыльныхъ, съ сопровождающими ихъ семействами. Изъ этихъ цифръ видно, что ссылка въ началѣ нынѣшняго столѣтія, и особенно въ ея первую четверть, далеко не была такъ значительна, какъ то ей приписываютъ. Она поднялась сильно съ 1824 по 1826 годъ—до 11,000, но затѣмъ быстро сократилась, вслѣдствіе учрежденій въ Россіи арестантскихъ ротъ. Цифра ея возрастаетъ до 9000 только въ десятилѣтіе съ 1850 г. по 1860 г., поэтому брать круглымъ числомъ по 9000 за первое полустолѣтіе рѣшительно нѣтъ никакой возможности, и цифра полумиліона должна быть перенесена: она не столько охватываетъ предшествовавшій періодъ, сколько позднѣйшій съ послѣдними 20-ю годами, на которые приходится около 275,000. Одно неоспоримо, что ссылка у насъ растетъ неимоверно, и трудно предвидѣть ей предѣлы, до которыхъ мо-

¹⁾ Должно пожалѣть, что трудъ г. Анучина, во 2-й своей части изслѣдованій гораздо позднѣйшихъ и гораздо интереснѣйшихъ для исторіи ссылки, до сихъ поръ не могъ появиться.

жетъ она разростись. Мы пользовались ссылкой, ни мало не стѣсняясь, въ видахъ карательныхъ, какъ и предупредительныхъ, въ формѣ уголовной, какъ и административной. По вычисленію г. Анучина, въ 20 лѣтъ, съ 1826 по 1846 г., болѣе половины ссылки приходится на лицъ, высланныхъ административнымъ порядкомъ (79,909). Позднѣе на одинъ Амуръ прошло 12 штрафныхъ солдатъ. Кромѣ того, масса людей высылается по приговорамъ сельскихъ обществъ, для поощренія чего въ послѣднее время ассигнуются значительныя суммы всѣми земствами. Изъ этого видно, что ссылка, какъ наказаніе, практиковалась у насъ, во многихъ случаяхъ, за неизбѣимъ тюремъ, арестантскихъ ротъ, рабочихъ домовъ, и создала обширный параллелизмъ въ уголовномъ кодексѣ. Ссылка по суду до послѣдняго времени играетъ меньшую роль, чѣмъ ссылка административная въ Сибирь. Такъ, въ навигацію 1875 г. сосланныхъ по суду прошло черезъ границу Сибири 4907, сосланныхъ же административнымъ порядкомъ 9378. Такимъ образомъ, число арестантовъ, высылаемыхъ въ Сибирь по распоряженію правительственныхъ властей и по приговорамъ обществъ, въ значительной степени превышаетъ число преступниковъ по суду, а именно: изъ привилегированнаго сословія сосланныхъ по суду было $31\frac{1}{3}\%$, административныхъ $68\frac{2}{3}\%$, простого званія по суду 39% , административнымъ порядкомъ 61% . Такимъ образомъ, ссылка должна разсматриваться у насъ какъ мѣра предупредительная и какъ замѣна массы другихъ наказаній, очень незначительныхъ по сущности, и еще какъ мѣра колонизаціонная, необыкновенно широко примѣняемая во всѣхъ случаяхъ.

Итакъ, допуская, что ссылка наша съ послѣдними годами обнимаетъ около полумилліона людей (мы также охотно готовы были бы допустить, что она обнимаетъ и милліонъ), намъ остается спросить, гдѣ эти полмилліона народа, насколько они сохранились и каково ихъ приращеніе въ Сибири. Это для насъ будетъ, безъ сомнѣнія, гораздо важнѣе цифры высланныхъ. Въ этомъ случаѣ чрезвычайно важно становится знать, сколько находится наличнымъ числомъ всѣхъ ссыльныхъ, переселенныхъ и водворенныхъ въ Сибири. Къ сожалѣнію нашему, мы нашли мѣсте всего объясненій по этой части въ нашей официальной статистикѣ. Нѣкоторые увѣряютъ, что число приписанныхъ ссыльныхъ въ Сибири, числящихся по официальнымъ отчетамъ, ровно 202,854 человека. Насколько вѣрна эта цифра, мы не беремъ судить, принявъ за основаніе самостоятельныя изысканія. Цифра приписанныхъ ссыльныхъ однако можетъ быть измѣрена по свѣ-

дѣніямъ Приказовъ о ссыльныхъ, распределяющихъ ихъ на мѣсто поселенія, и по губернскимъ отчетамъ. Изъ губернскихъ отчетовъ за 1873 годъ видно, что на каждую изъ четырехъ главныхъ сибирскихъ губерній числилось ссыльныхъ поселенцевъ отъ 40 до 50,000 человѣкъ; въ иркутской губерніи считалось до 1873 года 40,000 человѣкъ ¹⁾. Въ томской губерніи по губернаторскимъ отчетамъ 50,000 человѣкъ; въ забайкальской области за 1870 и 1872 г. ссыльныхъ числилось 21,335; въ якутской области 2987 ²⁾. Такимъ образомъ, на всѣ губерніи Сибири съ областями и Амурскимъ краемъ можно считать числящихся водворенными на поселеніе до 209,000 человѣкъ и прибывающихъ ежегодно на губернію около 3000 ³⁾. Замѣтимъ кстати, что свѣдѣнія эти крайне противорѣчивы и неопредѣленны; но самое важное то, что число людей, считающихся по официальнымъ спискамъ, далеко не составляетъ число дѣйствительно на лицо существующаго населенія. Многіе частные изслѣдователи, какъ Пейзенъ, д-ръ Ширекъ, производившій исчисленіе приписаннымъ поселенцамъ въ верхоленскомъ округѣ, доказали, что на лицо ссыльныхъ можетъ считаться едва $\frac{1}{6}$ часть. Теперь это подтверждается и другими официальными данными, по отношенію къ цѣлымъ губерніямъ. Уже въ 1872 г. во время статистической переписи иркутской губерніи оказался недочетъ въ 15,987 душъ. Это объяснено было тѣмъ, что въ официальные свѣдѣнія вносилось всюду все населеніе, приписанное къ извѣстному участку, а въ статистическую перепись пошло лишь одно наличное населеніе. Убыль, по мнѣнію статистическаго комитета, произошла оттого, что масса лицъ находится въ безвѣстной отлучкѣ съ мѣста причисленія, и что эти отлучки падаютъ исключительно на 40,000 ссыльнаго населенія (Пам. кн. ирк. губерніи 1873 года, XI). Позднѣйшія официальныя данныя еще болѣе разъяснили дѣло. Подворная опись по иркутской губерніи ясно опредѣлила громадный недочетъ ссыльно-поселенцевъ противъ числившихся по спискамъ. Начальникъ иркутской губерніи, генералъ Шалашниковъ, лично убѣдился, что на лицо ихъ едва $\frac{1}{6}$ часть на мѣстѣ; затѣмъ столько же уволены на заработки, а бѣльшая половина въ бѣгахъ и неизвѣстной отлучкѣ, нерѣдко со дня прихода своего къ участку. Для болѣе точной повѣрки были командированы, наконецъ, особые чиновники въ

¹⁾ Памятная книжка иркутской губерніи на 1873 г., стр. XI.

²⁾ Восточная Сибирь, Календарь 1875 г., стр. 136, 137.

³⁾ Въ 1873 году въ енисейскую губернію въ теченіе года прибыло ссыльныхъ 2619. Въ томскую губернію 2234 человѣка.

три округа, нижеудскій, балаганскій и иркутскій, которые донесли, что въ этихъ волостяхъ *«нѣтъ больше двухъ третей ссыльныхъ»*. Изъ 10,378 душъ, приписанныхъ и числящихся въ волостяхъ, оказалось въ наличности только 1994 души обоаго пола, 2476 уволены на заработки, а остальные 5561 человекъ въ бѣгахъ. Другія свѣдѣнія подтверждаютъ, что на 45,000 приблизительно ссыльнаго населенія только тысячъ 14 живетъ въ мѣстахъ причисленія, около 10,000 находятся на промыслахъ и заработкахъ, остальные въ безвѣстной отлучкѣ. Есть волости, какъ Манзурская, въ которой изъ 2400 причисленныхъ поселенцевъ живетъ только 300, но указываются примѣры, когда и вмѣсто 5 и 7000 въ волости приписанныхъ ссыльныхъ оуптиса 200 и 300, какъ видно изъ отзывовъ мѣстнаго начальства о положеніи ссыльныхъ и ихъ отлучкахъ; то же подтверждается и во всей Сибири, хотя подобной повѣрки, какъ въ иркутской губерніи, нигдѣ еще въ точности не производилось.

Все это приводитъ къ заключенію, что наличное ссыльное населеніе въ Сибири составляетъ громадную разницу съ числомъ высланныхъ сюда и числомъ приписанныхъ по волостямъ. Мы видимъ, что, кромѣ числа вымиравшихъ по дорогѣ, бѣгущихъ съ пути, оно уменьшается противъ приписки немедленно по прибытіи отъ какихъ-то причинъ на $\frac{2}{3}$ и даже $\frac{4}{5}$. Такимъ образомъ, изъ 200,000 мы вправѣ считать наличными едва 40 и 60,000 остающихся въ мѣстахъ ссылки, а вмѣсто указываемыхъ 500,000 ссыльныхъ во весь періодъ и милліона, выросшаго путемъ народоженія, которыхъ мы предполагали обогатившими Сибирь, намъ представляется 400,000 потеряннаго и неизвѣстно куда дѣвшагося народа, умершаго или погибшаго въ бѣгахъ. Картина совершенно обратная и крайне неутѣшительная.

Если бы подобная потеря людей и могла показаться преувеличенной, то, во всякомъ случаѣ, недочетъ цѣлыми десятками тысячъ, который нынѣ является доказаннымъ, не можетъ не заслуживать вниманія.

Увеличеніе населенія Сибири путемъ ссылки было крайне ничтожно, какъ указываютъ факты. Это доказывается, во-первыхъ, тѣмъ, что до настоящаго столѣтія и вплоть до двадцатыхъ годовъ, ссылка была ничтожна по численности. Второе—безпорядками этой ссылки, самымъ составомъ, возрастомъ и отношеніемъ между полами въ средѣ ссыльныхъ, которые нисколько не способствовали плодovitости, размноженію и приросту населенія въ Сибири. Наконецъ, пропорціей ссыльнаго люда къ числу другихъ жителей Сибири, какъ прежде, такъ и нынѣ. Уже Сперанскій,

вѣхавъ въ Сибирь и собравъ всѣ свѣдѣнія о составѣ и количествѣ ссыльнаго населенія, дѣлаеть слѣдующія открытія въ одномъ изъ своихъ писемъ: «не думай и не позволяй себѣ думать,—писать онъ,—чтобы Сибирь населена была ссыльными и преступниками. Число ихъ какъ капля въ морѣ, ихъ почти не видно, кромѣ нѣкоторыхъ публичныхъ работъ. Невѣроятно, какъ вообще число ихъ маловажно. По самымъ достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, они едва составляютъ до 21 т. въ годъ, и въ томъ числѣ никогда и десятой части нѣтъ женщинъ. Со временемъ я издамъ таблицы, которыя удивятъ просвѣщенную Европу»¹⁾. Сперанскій, кажется, заключилъ поэтому о ничтожной преступности въ Россіи. Таблицы, изданныя г. Анучинымъ, подтвердили эту ничтожность ссылки въ прежнее время. Эти же таблицы указали на составъ ссыльныхъ по возрастамъ и поламъ. Средняя продолжительность жизни поселенцевъ въ Сибирѣ не могла быть болѣе десяти лѣтъ, такъ какъ всѣ они являются уже взрослыми и преимущественно между 30 и 50 годами²⁾. Затѣмъ, самая пропорція ссыльныхъ женщинъ не соответствовала мужскому населенію, такъ какъ ссыльныя женщины составляли $\frac{1}{6}$ часть, если 18 женщинъ приходилось на 100 мужчинъ и $\frac{1}{8}$ часть ихъ была старѣе 40 лѣтъ³⁾. Притомъ, самый характеръ женскаго населенія, какъ мы увидимъ ниже, далеко не былъ благонадеженъ и благопріятенъ бравамъ. По позднѣйшимъ свѣдѣніямъ о пересылкѣ за 1867, 68, 69 и 70 годы видно, что женщины проходило съ ссыльными партіями чрезъ Тюмень $\frac{1}{11}$, $\frac{1}{10}$, $\frac{1}{8}$ и $\frac{1}{7}$ на число мужчинъ⁴⁾. Ссыльные рѣдко обзаводились семействомъ въ Сибирѣ. Существующія изслѣдованія указываютъ, что ссыльное населеніе въ Сибирѣ рѣшительно не увеличилось; такъ, напримѣръ, свидѣтельствуетъ г. Гагемейстеръ въ статистическомъ обзорѣ Сибирѣ, предпринятомъ по распоряженію министерства внутреннихъ дѣлъ.

О существующемъ распредѣленіи контингента ссыльныхъ и ихъ отношеніи къ числу мѣстнаго населенія можно имѣть нѣкоторыя позднѣйшія свѣдѣнія по губерніямъ. Въ спискахъ населенныхъ мѣстъ томской губерніи, изд. центрального статистическаго комитета за 1868 г., приводятся слѣдующія, довольно

1) Ист. свѣд. о дѣятельности гр. Сперанскаго въ Сибирѣ, Вагива. 1872. Т. I. стр. 76 и 77.

2) Анучинъ. „Матеріалы для угол. стат. Россіи“. Тобольскъ, ч. 1, стр. 44.

3) Анучинъ. „Матеріалы для уголов. статист. Россіи“. Ч. 1.

4) Табл. прик. о ссыльныхъ, опублик. въ № 171, 1875 г. „Голоса“.

полныя цифры о числѣ и составѣ ссыльныхъ въ губерніи. Ка-торжныхъ, приписанныхъ на поселеніе, водворенныхъ на льготѣ, въ цехѣ слугъ, съ женщинами и дѣтьми, числилось всего 34,915 человекъ; изъ нихъ было 21,622 м. п. и 13,293 ж. п. Изъ подробной таблицы въ спискахъ видно, что собственно ссыльные составляютъ 77,1%, ихъ дѣти 21,4%, и по волѣ пришедшіе съ ссыльными женщины и дѣти 1,5% всѣхъ ссыльныхъ. На 100 д. муж. пола вообще приходится по 61,5 женщ., въ частности на 100 д. муж. пола собственно ссыльныхъ по 53,3 женщинъ; на 100 мальчиковъ 88,1 дѣвочекъ. Изъ общаго числа ссыльныхъ наибольшую категорію составляютъ дряхлые, именно 42,4%, приписные 27,1% и поселенцы 5,3%. Распредѣленіе по округамъ является далеко неравномѣрнымъ, особенно въ томской губерніи; въ округахъ: томскомъ ихъ 51,4%, изъ числа распредѣленныхъ въ губерніяхъ, т.-е. болѣе половины; въ маріинскомъ—28,2%; въ каинскомъ—19,7%; въ прочихъ округахъ 0,7%; въ барнаульскомъ горномъ округѣ за то нѣтъ ни одного ссыльнаго. На число всѣхъ жителей губерніи приходится ссыльныхъ по округамъ: въ томскомъ по 12,6 души на 100 обоего пола, общаго населенія; въ маріинскомъ—19,3 и въ каинскомъ 7,8 на 100 ¹⁾).

О распредѣленіи ссыльныхъ и числѣ ихъ въ иркутской губерніи даютъ понятіе послѣднія свѣдѣнія иркутск. статистическаго комитета за 1873 годъ. На 100 жителей общаго населенія губерній, взятыхъ въ каждомъ округѣ особо, приходится ссыльныхъ, считая всѣхъ приписанныхъ на поселеніе въ губерніи: въ иркутскомъ 15,3%; изъ этого числа женщинъ только 47%; въ балаганскомъ 9,1%, изъ этого числа женщинъ 1,6%; въ нижнеудинскомъ 15,5%, женщинъ 4%; верхоленскомъ 4,3%, женщинъ 1%; биренскомъ—3,6%, женщинъ 0,7%. Вообще ссыльные составляютъ 10,7% изъ 100% общаго числа жителей губерніи, изъ коихъ 7,8% муж. и 2,9% женщинъ ²⁾). Изъ этого распредѣленія видно, что губернія, наиболѣе наполненная ссыльными, содержитъ все-таки довольно ничтожный контингентъ по отношенію ко всему другому населенію. Надобно помнить при этомъ, что это далеко не наличное число ссыльныхъ, а только фиктивный максимумъ, числящійся по спискамъ. На каждую изъ сибирскихъ губерній приходится ссыльныхъ, какъ видно по позднѣйшимъ свѣдѣніямъ:

¹⁾ Списки населен. мѣстъ, изд. центр. стат. комит., т. LX, томск. губ. 1868 г.

²⁾ Памятная книжка ирк. Губ., изд. статист. комит. 1873 г., стр. XII.

Въ тобольской	губ.	на 1.806,848 жит.	50,000	ссылныхъ,	то-есть	4,6%
> томской	>	> 838,756	> 50,000	>	>	6,0%
> енисейской	>	> 372,862	> 45,000	>	>	12,00%
> иркутской	>	> 378,244	> 40,000	>	>	10,5%
> забайкальской обл.	>	> 430,780	> 21,385	>	>	4,9%
> якутской	>	> 231,977	> 2,987	>	>	1,2%

На всю Сибирь, такимъ образомъ, можно положить 209,322 ссыльныхъ, а на все находящееся свободное русское населеніе 6,2%. Распределеніе ссыльныхъ не равномернo, какъ по губерніямъ, такъ и по округамъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ они сучены до чрезвычайности; въ каинскомъ и маріинскомъ округахъ томской губерніи они составляютъ почти $\frac{1}{6}$ населенія и могутъ ввести въ заблужденіе о значеніи ссылки въ Сибирь; за то въ иныхъ округахъ ихъ нѣтъ совершенно, точно также, какъ и въ цѣлхъ областяхъ, такъ, напримѣръ, въ Семипалатинскѣ, въ Камчаткѣ, въ Охотскомъ краѣ, въ Акмолинской области и т. п.

Точныхъ свѣдѣній о приростѣ ссыльныхъ путемъ браковъ и рожденій рѣшительно не собиралось до сего времени, поэтому о потомствѣ ссыльныхъ мы не имѣемъ точныхъ свѣдѣній; но судя по причинамъ, препятствовавшимъ размноженію и потомству ссыльныхъ, можно заключить, что приростъ этотъ былъ ничтоженъ. А причинъ, препятствующихъ плодовитости, было множество, какъ-то: 1) преобладаніе между ссыльными холостыхъ, остающихся таковыми на цѣлую жизнь; 2) поздній возрастъ; 3) преобладаніе между ссыльными дряхлыхъ и старыхъ, въ огромномъ процентѣ, какъ показываетъ томская губернія; 4) запрещеніе бродягамъ вступать въ бракъ первыя 5 лѣтъ; 5) затрудненіе браковъ для каторжныхъ; 6) разрывъ браковъ при отправкѣ въ Сибирь; 7) нерасположеніе ссыльныхъ изъ бродягъ къ семейной жизни; 8) нерасположеніе туземцевъ заключать браки съ ссыльными; 9) преобладаніе въ ссыльномъ населеніи проституціи, развитіе болѣзней, сифилиса и многое другое. Всѣ эти причины составляли издавна препятствіе размноженію ссыльно-поселенцевъ и парализовали его. Поэтому, всѣ изслѣдователи приходили къ заключенію, что приростъ здѣсь былъ незначительный¹⁾. За то есть неопровержимыя свидѣтельства преобладающей смертности между ссыльными. Смертность эта огромна до послѣдняго времени и начинается во время пересылки; пересыльные арест-

¹⁾ Къ этому выводу пришелъ въ „Статистическомъ обзорѣн Сибиря“ г. Гакелъ-стеръ и изслѣдователь сибирской колонизаціи г. Пейзенъ. Медленный ростъ сибирскаго населенія, достигающій нынѣ 3.500,000, показываетъ одну прибыль путемъ рожденій, свободного населенія и полное безучастіе ссылки.

тавты заболѣваютъ въ партіяхъ и нерѣдко на дорогѣ ихъ поражаютъ цѣлыя эпидеміи. Въ 1873 г. еще доносило енисейское начальство, что между арестантами появился такой тифъ, что больницы были переполнены, больные заражали конвой, врачей и оружныхъ арестантовъ, больныхъ было 1156 чел. и умерло въ одной больницѣ 109 чел. Далѣе идетъ смертность ссыльныхъ въ ссылкѣ, подъ вліяніемъ бѣдственныхъ условій быта на сибирскихъ принсакахъ, гдѣ смертность болѣе, чѣмъ во всѣхъ другихъ мѣстахъ, рядъ скоропостижныхъ смертей, которыя на ссыльныхъ ниспадаютъ по преимуществу, и наконецъ, погибель во время бѣговъ и исчезновеніе людей въ неизвѣстности во время бѣгствъ и бродяжничества. Такой смертности и счета не ведется въ Сибири: пропалъ, такъ пропалъ! но въ концѣ огромный дефицитъ ссыльнаго населенія ясно показывается, какъ велики подобныя потери людей. Что касается ѣдущихъ за ссыльными женщинами и дѣтей, то объ нихъ извѣстно и выяснено только два факта. Между женщинами замѣчается нравственное паденіе вслѣдствіе пребыванія въ партіяхъ, и въ Сибирь онѣ являются неспособными къ семейной жизни; что касается дѣтей, то они поражаютъ смертностью въ пути; недавно изъ Москвы еще отправлялись арестантскія дѣти, зараженныя корью, и разносили эпидемію ¹⁾. При отсутствіи медицинской помощи на баржахъ и пароходахъ, на этапкахъ и во время пѣшеходнаго странствія по Сибири, смертность *эта постигла половину всѣхъ дѣтей*. Нечего говорить, что подобныя условія никогда не способствовали сохраненію и цѣлости даже существующихъ ссыльныхъ семействъ.

Все это даетъ намъ поводъ предположить скорѣе о вымирании ссыльныхъ, чѣмъ объ ихъ приростѣ, что подтверждается вполне подсчетомъ числящагося по спискамъ населенія, котораго вмѣсто прибыли оказывается на $\frac{4}{5}$ менѣе. Всякое предположеніе объ ихъ семейственномъ приращеніи привело бы иначе насъ къ заключенію, что они въ объемѣ $\frac{4}{5}$ всего числа исчезли куда-то съ женами и дѣтьми.

¹⁾ Вѣстникъ изъ Тюмени. „Голосъ“, № 288, 1874 г.

II.

БЫТЬ СИБИРСКИХЪ ССЫЛЬНЫХЪ.

Обратимся теперь къ самому положенію и жизни ссыльныхъ въ Сибири, которые лучше всего откроютъ намъ современное состояніе ссылки и дадутъ понятіе о значеніи этого наказанія, какъ оно проявляется въ дѣйствительности.

Неутѣшительное и бѣдственное положеніе ссыльныхъ давно уже свидѣлствуются многими исследователями; намъ остается остановиться на самыхъ позднѣйшихъ и — какъ менѣе всего споримыхъ — официальныхъ донесеніяхъ. Лучшимъ свидѣтельствомъ бытъ ссыльныхъ мы сочли нужнымъ представить извлеченіе изъ отчета о бытѣ ссыльныхъ иркутской губерніи, доставленнаго ревизоромъ иркутскихъ поселеній. Записка эта касается современнаго положенія ссыльныхъ въ волостяхъ и степени ихъ зажиточности и осѣдлости въ мѣстѣ приписки. Всѣхъ ссыльно-поселенцевъ въ экономическомъ отношеніи иркутскій ревизоръ дѣлитъ на два главныхъ разряда: «домовладѣльцевъ» и «бездомовныхъ». Изъ домовладѣльцевъ одни занимаются *хлѣбопашествомъ*, другіе *ремеслами* и т. п. Вторая категорія бездомовныхъ *бобылей* находится въ *сельскихъ работникахъ* у крестьянъ на сроки или поденно, наконецъ занимается ремеслами, и третья категорія — *нищенствующіе*. Домовладѣльцевъ вообще очень мало, пишетъ ревизоръ; такъ, напримѣръ — въ кимельмейской волости изъ 496 ссыльныхъ, проживающихъ въ мѣстахъ причисленія, насчитывается лишь только 109 домохозяевъ; изъ нихъ только 59 сами хозяева-хлѣбопашцы, остальные живутъ въ *работникахъ*. Большая часть домовъ *лачуги*, разваливающіяся отъ времени; хлѣбопашество производится въ чрезвычайно маломъ размѣрѣ, многомного, если поселенецъ засѣваетъ 4 десят. (надо замѣтить, что при сибирскомъ хозяйствѣ крестьяне засѣваютъ вдвое и втрое болѣе), т.-е. столько, сколько нужно для прокормленія его съ семействомъ; избытка хлѣба для продажи почти не бываетъ. Рѣдко у кого можно найти нѣсколько штукъ рогатаго скота: большая часть имѣетъ по одной лошади и коровѣ, но есть и такіе, которые и того не имѣютъ, а нанимаютъ лошадей у крестьянъ на время полевыхъ работъ. Вообще, положеніе поселенцевъ-хозяевъ далеко не удовлетворительно, притомъ многіе изъ нихъ имѣютъ большія семейства, по 5 и болѣе человекъ дѣтей. Рѣдкія исключенія зажиточности представляютъ или поселенцы,

ивные долго кабачниками, или вынесшіе что съ приськовъ. Поселенцевъ - работниковъ въ описываемой волости было 236 человекъ, и изъ нихъ 200 человекъ живутъ срочно у крестьянъ, остальные нанимаются временно на разныя работы и идутъ въ пастухи, сторожа и проч. Эти послѣднія обязанности исполняютъ старше и болѣзненные люди, неспособные въ тяжелому труду. Изъ числа 236 чел. работниковъ только 15 имѣютъ кое-какіе дома. Обыкновенно хорошій работникъ въ этой мѣстности получаетъ въ годъ 70 р. и, кромѣ того, обувь и верхнюю одежду; но хорошихъ работниковъ-поселенцевъ очень мало, и большая часть изъ нихъ люди пожилые, слабосильные, потратившіе свои силы въ острогахъ и по большой сибирской дорогѣ. Поэтому и оцѣнка труда ихъ очень низкая: многіе изъ нихъ получаютъ не болѣе 30 рублей въ годъ, другіе еще менѣе. Нѣкоторые выговариваютъ у хозяевъ себѣ приськовъ, т.-е. обмѣненіе съ четверть десятины земли сѣменами хозяина. Если положеніе поселенцевъ-домохозяевъ не удовлетворительно, сообщаетъ ревизоръ, то *положеніе работниковъ-поселенцевъ* можно назвать *бѣдственнымъ*. Проходить годы тяжкаго непрерывнаго труда, а онъ, работникъ, не сберегъ самъ ни копѣйки изъ получаемой платы; притомъ это обусловливается способностью сибирскаго крестьянина кабалить работника. Такой закабаленный безправенъ; работникъ получаетъ деньги въ праздники отъ хозяина «на пропой» и ежегодно находится *въ дому*. Поэтому большинство предпочитаетъ быть поденщиками, хотя заработокъ ихъ ничтоженъ: рублей 50 въ годъ, что едва хватаетъ на прокормленіе. Ремесленники въ волости имѣютъ слѣдующій заработокъ: деревенскій портной 30 коп. въ день, на хозяйскихъ харчахъ, — сапожникъ 30 коп., кузнецъ, плотникъ и столяръ выработываютъ даже болѣе рубля въ день, повидимому достаточно; но, во-первыхъ, работа бываетъ не постоянная, случаются долгіе перерывы по недостатку заказчиковъ; во-вторыхъ, ремесленники болѣею частью пьяницы, поэтому и ихъ быть неудовлетворителенъ. Другіе же, какъ, напр., пастухи, караульные сторожа получаютъ вознагражденіе еле-достаточное на пропитаніе, а нѣкоторые живутъ изъ одного хлѣба. Наконецъ, въ каждой волости находится нѣсколько десятковъ положительно неспособныхъ ни къ какому труду, это — старики, дряхлые, немощные, калѣки, напр. слѣпые, хромые, разбитые параличомъ, они терпятъ и холодъ и голодъ — *холодъ* потому, что лѣтомъ и зимой ходятъ въ однихъ изорванныхъ лохмотьяхъ, а *голодъ*, — когда болѣе, сильный морозъ принудятъ ихъ сидѣть въ избѣ, лишен-

ныхъ возможности собрать христовымъ именемъ нѣсколько кусковъ хлѣба.

Все это относится, однако, до положенія поселенцевъ, обжившихся въ Сибири, осѣвшихъ и составляющихъ культурный классъ. Это, конечно, меньшинство поселенцевъ. Еще интереснѣе замѣчания иркутскаго ревизора о поселенцахъ льготныхъ и только-что приписанныхъ; онъ приводитъ просто цифры ихъ пребыванія на лицо, которыя служатъ достаточной характеристикой этихъ людей. На выдержку взяты 1869 и 1870 годы: всѣхъ вновь причисленныхъ въ эти годы къ описываемой волости поселенцевъ было 555 человекъ, изъ нихъ уволено по билетамъ на золотые промыслы и другія работы 193 чел., живутъ на мѣстѣ, причислены—125, умерло 12 и *въ неизвѣстной отлучкѣ* 225 человекъ; слѣдовательно, изъ всего числа поступившихъ только *одна четвертая часть проживаетъ въ мѣстахъ водворенія, и половина почти неизвѣстно гдѣ находится*. Всѣхъ же ссыльныхъ находится въ отлучкѣ въ упомянутой волости 645 человекъ. Самовольныя отлучки, по мнѣнiю иркутскаго ревизора, объясняются происхожденiемъ приписанныхъ ссыльныхъ. Указанные 555 человекъ ссыльныхъ происходили: 21 изъ рядовыхъ, сосланныхъ за неоднократныя побѣги изъ службы, 8 киргизовъ, 9 изъ крестьянъ, а остальные всѣ *бродяги*, судимые и сосланные за бродяжество. Таковъ контингентъ, изъ котораго предполагалось сдѣлать осѣдлое населенiе въ Сибири. Замѣтимъ вкратцѣ, что, по преступленiямъ, ссылаемые за бродяжество составляютъ главный контингентъ ссылки; такъ, въ 20 лѣтъ въ Сибирь было сослано 48,556 бродягъ, что составляетъ $\frac{2}{3}$ всего числа преступниковъ (Анучинъ). По свидѣтельству иркутскаго ревизора ссыльныхъ, бродяги, происходящiе болѣею частiю изъ бѣглыхъ солдатъ, скрывающихъ свое прежнее происхожденiе, и изъ ссыльныхъ, возвращенныхъ снова въ Сибирь, представляютъ по преимуществу нравственно испорченныхъ людей. Ко всякому даже малѣйшему труду они чувствуютъ отвращенiе; какъ наблюдатель, авторъ записки свидѣтельствуетъ, что подобныя бродяги, содержась въ тюрьмѣ, прятались подъ нарами, какъ дѣти, чтобъ не выдти почистить дворъ. Для бродяги, вкусившаго всю сладость бродяжеской жизни, невыносимо тяжело принятыя за топоръ, соху, борону, поэтому большая часть бродягъ скорѣе занимается на золотые промыслы, прельщаясь задатками и разгульной жизнью; но на промыслахъ надо работать, и бродяга бѣжитъ съ приисковъ болѣею частiю даже во время слѣдованiя туда, пропивши и задатокъ и одежду нанимателя. Не являясь на мѣсто причи-

сненіи изъ боязни быть возвращеннымъ на прински для отработки задатка, онъ уходитъ въ бѣга, бродитъ по Сибири искать легкихъ средствъ наживы, и тамъ, гдѣ подобныя бродяги появились, начинаются кражи, грабежи и разбои. Допытываясь о причинахъ бродяжничества, свидѣтель удостовѣряетъ, что не разъ слышалъ разсужденіе бродяги, что «жить на одномъ мѣстѣ ему тоскливо», да и не къ чему «особенно привязываться къ мѣсту»; вѣдь онъ хоти и «безшабашная» голова, да одна, поэтому не для чего ему и трудиться; онъ «несчастнѣйшій», обреченъ самою судьбою закончить свою одинокую забубенную жизнь гдѣ-либо въ залюстѣяхъ Сибири. И дѣйствительно, большая часть поселенцевъ, происходящихъ изъ бродягъ, ведетъ безобразную жизнь; къ тому же первыя пять лѣтъ по прибытіи въ Сибирь имъ запрещено вступать въ бракъ самимъ закономъ (650 ст. Уст. о пасп. и бѣгать).

Къ довершенію картины положенія ссыльныхъ ревизоръ поселеній рисуесть намъ отношенія туземцевъ и крестьянъ къ ссыльному населенію. Онъ говоритъ, что поселенцы жаловались на стѣсненіе, причиняемое имъ крестьянами и на недружелюбныя отношенія къ нимъ. Ревизоромъ приводится по этому поводу въ примѣръ нѣсколько разобранныхъ имъ жалобъ, изъ которыхъ видно, что крестьяне довольно пристрастны въ жизни къ поселенцамъ. Бывшій крестьянскій голова выстроилъ конюшни, примкнувъ ихъ къ поселенческой избушкѣ, и не обратилъ вниманія на его жалобы, что ссыльный будетъ жить какъ кроль въ темнотѣ. Когда поселенецъ обратился къ крестьянскому сходу, то вмѣсто удовлетворенія, получилъ предложеніе перенести домъ на другое мѣсто. Другой крестьянинъ вывезъ себѣ изъ лѣса приготовленное поселенцемъ «дранье» (тесъ), воспользовавшись неопытностью ссыльнаго, не сдѣлавшаго на дрань условленныхъ знаковъ по мѣстному обычаю. Поселенцы другой волости жаловались, что крестьяне обложили ихъ сборомъ, такъ-называемымъ рекрутскимъ. Нѣкоторые изъ ссыльныхъ предъявляли претензіи, что они не избавлены отъ постоя въ домахъ ихъ проходящихъ рекрутскихъ партій и несутъ эту повинность наравнѣ съ крестьянами и т. п.

Вообще, чуть не повсемѣстно, прибавляетъ ревизоръ, поселенцы жалуются на стѣсненія въ надѣлѣ пахатной землею и сѣнокосами, чѣмъ и объясняютъ свое нерасположеніе къ хлѣбопашеству. Они говорили, что имъ отводить лѣсную чащу или землю кочковатую, требующую неимоверныхъ усилій для обработки, вслѣдствіе чего большая часть ссыльныхъ занимается гото-

вую уже, расчищенную землю, а между тѣмъ въ распоряженіи почти каждаго сельскаго общества находятся огромныя залежи разработанной земли, никѣмъ не занятой, остающейся послѣ смерти владѣльцевъ или по другому случаю безъ употребленія. Считаю подобную землю своею собственностью, крестьяне предполагаютъ лучше отдавать землю въ наймы за деньги, чѣмъ надѣлать бесплатно поселенцевъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ссыльные жалуются также на принужденіе ихъ къ отбыванію повинностей, преимущественно дорожной, хотя по 738 ст. Уст. о ссыльныхъ, поселенцы въ видѣ льготъ избавляются отъ этихъ повинностей до приписки ихъ къ обществу. Всѣ жалобы поселенцевъ, обращаемаы къ крестьянскимъ сходкамъ и къ сельскимъ властямъ, оказывалось, остаются безъ послѣдствій или рѣшаются не въ ихъ пользу.

Вообще, крестьяне относятся къ поселенцамъ враждебно, ищеть ревизоръ: какъ только поселенецъ поправитъ свое состояніе, они начинаютъ завидовать ему, или чаще, подозрѣвать его. Говорятъ обыкновенно, что поселенецъ кого-нибудь ограбилъ, нажилъ деньги фальшивыми бумажками, и ищутъ разные способы разорить его. Поселенцу представляется одинъ выходъ—кабальнаго труда у крестьянина, и трудъ этотъ, конечно, не отличается справедливостью: жалобы на хозяина въ сельскую правду остаются безъ удовлетворенія, а при жалобахъ хозяина—поселенца обвинять, хотя бы онъ былъ правъ. Сверхъ того, хозяева-крестьяне расправляются часто съ работниками собственноручно. Апелляціи для поселенца нѣтъ. У крестьянъ сложилась поговорка: «варнаку, — какъ называютъ крестьяне ссыльнаго согражданина, ругаясь и шутя, — вѣры нѣтъ».

Приводимыя печальныя отношенія къ ссыльнымъ, раскрываемыя лицомъ вполне достовѣрнымъ, показываютъ намъ, во-первыхъ, прежде всего, что происхожденіе ссыльныхъ нимало не забывается въ новой мѣстности и въ новомъ обществѣ, какъ предполагала цѣль этого наказанія, и какъ были увѣрены теоретики до сего времени. Примѣръ отношенія къ ссыльнымъ въ Сибири могъ быть объясненъ однимъ продуктомъ грубости нашего крестьянства. Но такое же недружелюбное отношеніе къ ссыльнымъ проявлялось и въ другихъ несравненно болѣе развитыхъ обществахъ, какъ, напр., въ Австрали, изъ одного уже смѣшенія элементовъ общества честныхъ гражданъ съ людьми, заклейменными закономъ, опозоренными, да вдобавокъ и на самомъ дѣлѣ сомнительнаго нравственнаго характера. Если подобное предубѣжденіе возникло въ Сибири, въ средѣ крестьянства, не могшаго по своему неразвитію понимать, что уравненіе и сожителство съ ссыльными

не безчеститъ ихъ, то оно показываетъ, что здѣсь были болѣе оцутительныя и дѣйствительныя причины. Одинъ составъ уже преступниковъ указываетъ на ихъ сомнительныя нравственныя достоинства, къ которымъ крестьянство не могло проникнуться уваженіемъ и признать ихъ за одинаковыхъ себѣ согражданъ. Поведеніе ссыльныхъ въ Сибири, ихъ побѣги, преступленія и средства наживы вдобавокъ также не показывали ихъ благонадежности. Все это заставило въ общемъ установиться такому взгляду среди мѣстнаго крестьянства, который прямо вынесенъ былъ изъ опытовъ, и потому самое предубѣжденіе имѣло нѣкоторое основаніе. Въ заключеніе, трудно было бы отъ одного сибирскаго крестьянства требовать особенно возвышенныхъ, гуманныхъ отношеній къ преступнику и забвенія всего его прошлаго, когда другая гражданская среда извергла его за преступность и съ этимъ же клеймомъ приписывала къ крестьянскому обществу. Но въ жесткости этихъ отношеній была и не одна тенденціозная сторона: горечь ихъ увеличивалась тѣмъ, что мѣстное сибирское крестьянство несетъ съ давна огромныя траты, повинности и тяжести, налагаемыя ссылкой, которыя не можетъ не чувствовать; онѣ заключались въ подводныхъ, различныхъ земскихъ повинностяхъ по препровожденію ссыльныхъ, по содержанію въ волости до устройства ихъ; въ оплачиваніи ихъ содержанія въ больницахъ, въ различныхъ хлопотахъ при приселеніи ссыльнаго; при огражденіи своего имущества и интересовъ отъ подобнаго приплаго и незнакомаго населенія, надо сознаться, все-таки не совсѣмъ безопаснаго; при всѣхъ этихъ налогахъ, обремененіяхъ, и заботахъ, налагаемыхъ ссылкой, крестьянство не могло остаться къ ссылке хладнокровнымъ, а къ самому ссыльному дружелюбнымъ. Утвердившіяся въ средѣ крестьянства предубѣжденія и враждебныя отношенія вообще къ ссыльному не могли не отражаться въ частностяхъ, безъ сомнѣнія, многими несправедливостями—это обуславливалось въ общемъ убытками и затратами крестьянскихъ обществъ, стремившихся выместить чѣмъ-нибудь на ссыльномъ, какъ и безправнымъ положеніемъ послѣдняго, представлявшимъ просторъ и возможность его стѣсненія. Вслѣдствіе этого, возрѣніе на ссыльныхъ установилось въ крестьянствѣ почти враждебное, но явилось и другое зло: отсутствіе прочнаго положенія у ссыльнаго, отсутствіе всякаго имущества и его безправное положеніе, обуславливаемое лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія, создали для него такое зависящее положеніе въ дѣлѣ изысканія труда, которое повело прямо къ кабалѣ. Ссылный, даже при желаніи заняться трудомъ, ставится въ необходимость соглашаться на всѣ условія крестьянина.

Условия эти крайне невыгодны: ссыльный не имѣетъ никакихъ гарантій, что трудъ его оплатится. Въ самыхъ обидахъ, наносимыхъ хозяиномъ, онъ не можетъ найти управы. Все это не столько поощряетъ его, сколько отвращаетъ окончательно отъ труда и побуждаетъ къ бродяжеству. Оставляя деревни старожиловъ, ссыльные отправляются искать по Сибири болѣе выгоднаго заработка; поэтому они стремятся массами на прииски, гдѣ, однако, встрѣчаютъ тотъ же кабальный трудъ, только въ болѣе грандіозныхъ размѣрахъ. Положеніе это рисуется слѣдующими чертами у автора «Списковъ населенныхъ мѣстъ въ томской губерніи»:

«Ссыльные, не имѣющіе осѣдлости, составляютъ большинство, они живутъ преимущественно въ работникахъ у старожиловъ, или переходятъ для работъ изъ одной деревни въ другую; но самая главная ихъ масса нанимается ежегодно на золотые прииски. Результатомъ подобной жизни людей этого разряда бываетъ по болѣе части крайняя нищета и преступность. Въ большинствѣ случаевъ это происходитъ отъ разгульной бездѣлательной жизни самихъ поселенцевъ, но частью же отъ равнодушія и даже нѣкотораго презрѣнія къ нимъ старожиловъ, которые не называютъ ихъ иначе, какъ «варнакъ», техническое слово, выражающее мошенникъ. Главной ловушкой для ссыльныхъ служатъ золотые прииски, привлекающіе ихъ тѣмъ, что, проработавъ менѣе полугода, можно возвратиться съ деньгами, тѣмъ болѣе, что задатки даются впередъ весьма хорошіе. Однако же, заработки кончаются почти всегда тѣмъ, что ссыльный не только не приноситъ съ собой денегъ, но даже не имѣетъ возможности возвратиться въ мѣсто своей приписки. Наемъ въ работники къ старожиламъ не менѣе гибеленъ для ссыльныхъ. Старожилы, задатками и обѣщаніемъ устроить со временемъ жизнь ссыльнаго, удерживаютъ его годъ-за-годъ только до тѣхъ поръ, пока ссыльный имѣетъ силы работать; по истощеніи же силъ, отказываютъ такому работнику, не только не устроивъ его будущности, но даже иногда не заплативъ слѣдуемыхъ денегъ»¹⁾.

Кабальные отношенія и несправедливость къ поселенческому труду, такимъ образомъ, вошли въ обыкновеніе въ Сибири во всѣхъ отрасляхъ занятій. Довершеніемъ характеристивы быта ссыльныхъ по губерніямъ и ихъ положенія могутъ служить отзывы мѣстныхъ губернаторовъ въ ихъ ежегодныхъ отчетахъ. Начальникъ томской губерніи въ 1873 году доносилъ, напримѣръ, слѣдую-

¹⁾ Списки населенныхъ мѣстъ Р. И., изд. цент. статистич. вомнт. Т. LX, томск. губ., 1868 г., стр. LXXVI.

щее: «всѣхъ ссыльныхъ въ губерніи находится 50,000. Экономическій бытъ ссыльныхъ не измѣнился и по прежнему находится въ жалкомъ положеніи. Большая часть этихъ людей, отвыкнувъ отъ трудовой жизни, по прибытіи на мѣсто ссылки не имѣтъ осядлости и ведутъ жизнь почти бродячую. Осядлость приобретаютъ тѣ только изъ нихъ, которые приходятъ сюда съ семействами и приносятъ съ собой матеріальныя средства для первоначальнаго домообзаводства. Отношеніе ссыльныхъ къ коренному населенію хотя и не враждебное, но тѣмъ не менѣе вскій сибирякъ смотритъ недовѣрчиво на ссыльнаго, а ссыльный на сибиряка, и оба они не долюбляють другъ друга».

Въ заключеніе, томскій губернаторъ характеризуетъ особенный наплывъ ссыльныхъ въ округахъ и обремененіе ими волостей. При скопленіи ссыльныхъ послѣдствіемъ является то, что многіе осмыные при недостаткѣ заработковъ впадаютъ въ новое преступленіе и дѣлаются нигуда негодными членами общества; поэтому начальникъ края находилъ бы нужнымъ пріостановить на дѣль тѣ снабженіе губерніи ссыльными.

Вопросъ объ устройствѣ быта ссыльныхъ занималъ постоянно высшее начальство, которымъ по соглашенію съ мѣстнымъ принимались различныя мѣры къ прочному водворенію ихъ на мѣстахъ поселенія. Енисейскій губернаторъ пишетъ: «устроивались казенныя поселенія изъ ссыльныхъ, выдавались и до сихъ поръ выдаются возвратныя и безвозвратныя пособія; были устроиваемы дома и цехи слугъ, ходатайствуется о разрѣшеніи ссыльнымъ приобретать недвижимое имущество», но всѣ принимавшіяся мѣры не привели къ ожидаемой цѣли и вопросъ этотъ до сихъ поръ остается открытымъ. Въ настоящее время, путемъ различныхъ запросовъ лицами, хорошо знакомыми съ бытомъ ссыльныхъ и ихъ отношеніемъ къ коренному населенію, добыты только свѣдѣнія, подтвержденныя цифровыми данными, которыя свидѣтельствуютъ, что коренное населеніе, какъ сельское, такъ и городское, страдаютъ отъ постояннаго наплыва ссыльныхъ, несетъ за нихъ тягости, а взамѣнъ не получаетъ ничего, кромѣ массы преступленій и заботъ о поддержаніи существованія, уже неспособныхъ ни къ какимъ работамъ по изнуренію, старости и т. п. Изъ цифръ, приведенныхъ въ статьѣ «Народная нравственность», очевидно, что громадный процентъ преступленій падаетъ на ссыльныхъ, къ тому же, самыхъ важныхъ, въ сильной степени подрываетъ и благосостояніе, и нравственность населенія, среди котораго они живутъ. Безъ всякаго участія ссыльныхъ, это населеніе, вслѣдствіе преступности ихъ, по необходимости несетъ обя-

занность устраивать и поддерживать волостныя и сельскія тюрьмы. разыскивать повсюду арестантовъ, держать надъ ними караулъ. отбывать этапную повинность, наряжать облавы, повятыхъ и т. д. Кромѣ того, бѣлая половина дѣлъ въ волостныхъ правленіяхъ суть дѣла по завѣдыванію ссыльно-поселенцами, а расходы на содержаніе этихъ управленій, простирающіеся до весьма значительной цифры, лежатъ исключительно на крестьянахъ. Наконецъ, поселенцы, признанные неспособными къ пропитанію себя, хотя и получаютъ ежегодно пособіе изъ поселенческаго капитала въ размѣрѣ 19 р. 13 к. на душу, все-таки остаются на попеченіи крестьянъ, такъ какъ за невозможностью существовать на полученное пособіе обращаются къ нищенству. Такимъ образомъ поселенцы, съ самаго вступленія въ Сибирь, еще полныя силъ, въ рѣдкихъ случаяхъ обращаются къ труду постоянному, могущему доставить прочное благосостояніе, а по бѣльшей части поддерживаютъ свое существованіе работой случайной, неопредѣленной, переходя съ мѣста на мѣсто, что приучаетъ ихъ къ бродяжничеству, или же нанимаются на золотыя промыслы, зарабатываютъ тамъ хорошія деньги, но употребляютъ ихъ, по окончаніи операціи, на пьянство, разгульную жизнь, снова нанимаются и остаются на промыслахъ до старости или полнаго упадка физическихъ силъ отъ изнурительной работы. Съ наступленіемъ же этихъ періодовъ расходятся по деревнямъ и селеніямъ для нищенства.

Иркутскій губернаторъ, въ тѣхъ же отчетахъ, приводилъ, что положеніе ссыльныхъ находится неустроеннымъ до послѣдняго времени. Положеніе поселенцевъ, какъ по значительности числа ихъ, такъ и по разбросанности и по затруднительности регулированія этой бродячей массы, представляетъ болѣе трудности и часто совсѣмъ лишаетъ администрацію возможности принять какія-либо мѣры къ улучшенію быта этой части населенія, тѣмъ болѣе, что и средства администраціи крайне ограниченны.

Еще болѣе безутѣшнымъ представляется положеніе ссыльныхъ въ якутской области, по отчету ея начальника. Ссыльно-поселенцы якутской области въ селеніяхъ никакого хозяйства не имѣютъ; незнакомыя съ образомъ жизни якутовъ и языкомъ ихъ, они никакъ не могутъ сжиться съ ними, и потому при первомъ случаѣ уходятъ на пріиски олекминскаго и киренскаго обротовъ. Большинство изъ нихъ—бездомовныхъ, нисколько не заботится объ обезпеченіи своей будущности, и заработки пропадаютъ немедленно въ кабакахъ. Въ деревню они возвращаются послѣ нѣсколькихъ лѣтъ, истощенные физически, увѣчные и дряхлые, гдѣ живутъ скитальчествомъ и подаеніемъ. Съ 1873 г. прибыло на поселе-

нѣ въ область 115 снопцовъ и 534 человекъ башкирь, но устройство ихъ невозможно, такъ какъ башкиры не имѣютъ собственныхъ средствъ на устройство. Они претерпѣваютъ во всемъ недостатокъ; снопцы также бѣдствуютъ. Сверхъ того, — якутскій начальникъ просилъ о прекращеніи ссылки старыхъ и дряхлыхъ сектантовъ, богадѣленъ для которыхъ нѣтъ достаточно, а содержаніе ихъ для правительства дорого (36 р. 50 к.). Такимъ образомъ, изъ всѣхъ отчетовъ мѣстнаго сибирскаго начальства оказывается, что быть ссыльныхъ находится далеко не въ удовлетворительномъ состояніи. Большинство ссыльныхъ не находится на лицо: значительная часть изъ нихъ не имѣетъ никакого имущества и домообзаведенія, ведетъ бродячую жизнь, условія труда дурны и стѣснительны, средства обезпеченія скудны; даже у приписанныхъ и осѣдлыхъ ссыльно-поселенцевъ преимущественно господствуетъ бѣдность и нужда. Бѣдственное положеніе ссыльныхъ, обреченныхъ въ большинствѣ на бродяжничество и нищенство, свидѣтельствуется въ заключеніе накопляющимися на нихъ недоимками. По официальнымъ отчетамъ означено, что въ томской губерніи недоимка на ссыльныхъ простирается до 41,015 рублей. Въ енисейской губерніи всего недоимки считалось въ 1873 г. 655,872 р. Большая часть недоимки считается на ссыльно-поселенцахъ и крестьянахъ изъ поселенцевъ, какъ выражается отчетъ. Въ иркутской губерніи только въ четырехъ волостяхъ за ссыльными числилось въ 1873 г. недоимокъ 20,783 р. Недоимки эти обусловливались тѣмъ, что ссыльные не имѣли собственности и никакихъ средствъ обзавестись хозяйствомъ, присутствіемъ дряхлыхъ и старыхъ, приписанныхъ къ обществамъ, отсутствіемъ ссыльныхъ въ неизвѣстной отлучкѣ и въ заключеніе отказомъ крестьянскихъ обществъ принимать эту недоимку на свой счетъ, такъ какъ приписка совершается безъ согласія общества. Но кромѣ податныхъ недоимокъ несостоятельность ссыльныхъ характеризуется хлѣбными долгами и ссудами изъ хлѣбныхъ капиталовъ. Хлѣбной недоимки на поселенцахъ иркутской губерніи вѣдѣнія экспедиціи о ссыльныхъ числилось 2256 р., тогда какъ на крестьянахъ только 940 р.; на ссыльныхъ болѣе, чѣмъ на двородцахъ (Памятн. книжк. иркут. губ. 1865 г.). Все это доказываетъ, что наши ссыльные во все время пребыванія въ Сибирь обречены на бѣдственное существованіе. Понятно, что при такихъ условіяхъ никогда не было достижимо и исправленіе; напротивъ, должны были проявиться результаты обратныя.

Намъ остается прибавить, что всѣ до сихъ поръ предпринимавшіяся мѣры и попытки улучшенія быта ссыльныхъ, начиная

съ организаціи ихъ по деревнямъ въ 1809 г. и кончая проектами Сперанскаго и уставомъ о ссыльныхъ, не привели ни къ чему.

Мѣстная администрація никогда не въ силахъ была справиться съ массой присылаемыхъ ссыльныхъ и была занята исключительно только разсылкою и распредѣленіемъ ихъ по деревнямъ. Въ этомъ состоитъ роль ея до послѣдняго времени. Годъ отъ году увеличивающаяся ссылка принесла только безпорядокъ. Печальный бытъ ссыльныхъ остается все тотъ же, что и сообщается въ ежегодныхъ отчетахъ.

III.

Нищенство, бродяжество и поваги ссыльныхъ.

Дурныя матеріальныя условія жизни ссыльныхъ поселенцевъ создали изъ нихъ пролетаріатъ, который породилъ и многія другія явленія въ Сибири, а именно: нищенство, бродяжество и поваги ссыльныхъ. Что касается нищенства поселенцевъ, то оно является обыденнымъ и обыкновеннымъ, которому уже никто не удивляется.

Масса драхлыхъ и неспособныхъ ссыльныхъ содержится самимъ правительствомъ на казенномъ вспомоствованіи и въ богадѣльняхъ. Недостатокъ этихъ богадѣленъ однако постоянно вызываетъ жалобы мѣстнаго начальства, большая часть нищенствующихъ живетъ насчетъ сель и городовъ. Нѣкоторые города жалуются на обремененіе ихъ нищенствомъ; такъ, въ 1870 г. въ «Томскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» мы встрѣчаемъ «мысли объ уничтоженіи бродячества и нищихъ въ городѣ»; статья жалуетъ на скопленіе нищихъ, бродягъ и высчитываетъ тѣ суммы, которыя несетъ мѣстная благотворительность. Полагая самую умѣренную сумму по копѣйкѣ съ cadaго дома на нищихъ, и то образуется сумма въ 8000 р., но въ нѣкоторыхъ домахъ выходитъ до 10 руб. и болѣе въ годъ, пишетъ авторъ. Изъ нищихъ встрѣчаются и мелкіе ворюжки, причиняющіе ущербъ жителямъ; затѣмъ между ними находится масса дѣтей безъ призрѣнія. Факты эти привели мѣстнаго изслѣдователя къ мысли объ основаніи цѣлаго нищенскаго учрежденія и рабочаго дома, куда соединить всѣхъ нищенствующихъ ссыльныхъ, такъ какъ это было бы дешевле для города и полезнѣе для нравственности самихъ нищихъ («Томск. Губ. Вѣд.» 1870 г. № 20). Это показываетъ, что даже мѣстное общество, при безпорядочности нашей

ссылки, начало приходитъ въ мысли объ устройствѣ какаго-нибудь исправительнаго заведенія (своего рода пенитенціарнаго заведенія) для блуждающихъ ссыльныхъ. Бродяжество и нищенство по деревнямъ, вѣроятно, менѣе подлежатъ учету, но несомнѣнно, что содержаніе массы нищенствующихъ сводится къ значительнымъ пожертвованіямъ. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ крестьяне для проходящихъ поселенцевъ строятъ и отводятъ особыя избы и содержатъ на свой счетъ проходящихъ ссыльныхъ, нерѣдко снабжая ихъ въ первое время и домашними принадлежностями. Проходящіе бѣглецы, до 30-ти тысячъ въ годъ, исключительно ютятся на счетъ крестьянъ. Количество этого бродячества, судя по отлучкамъ ссыльныхъ изъ волостей, засвидѣтельствованныхъ официальными данными, огромно. По паспортнымъ книгамъ Иркутской губерніи выдано было поселенцамъ видовъ для отлучекъ 9195, но масса поселенцевъ уходитъ безъ всякихъ паспортовъ и, взявъ ихъ только на первое время для отлучки, совершенно исчезаетъ. Подъ вліяніемъ тѣхъ же неестественныхъ условій, въ средѣ ссыльныхъ рождаются побѣги; побѣги эти идутъ съ юрты и съ поселенія; причинами ихъ являются, какъ доказано, для каторжныхъ—дурныя условія на каторгѣ, отсутствіе строго устроенныхъ мѣстъ заключенія, отсутствіе всякаго надзора и безнадѣжность самихъ каторжныхъ достигнуть когда-либо лучшаго положенія. Что касается до бѣгства ссыльно-поселенцевъ, то они обусловлены отчасти контингентомъ преступниковъ, изъ которыхъ присылается большинство уже готовыхъ бродягъ и людей неспособныхъ къ труду, дурными матеріальными условіями, встрѣчаемыми тотчасъ на мѣстѣ поселенія, отсутствіемъ всякаго имуществъ и связей въ мѣстѣ поселенія, невыгодными и несправедливыми отношеніями кабальнаго наемнаго труда, полной безправностью ссыльнаго въ мѣстѣ поселенія, дающею поводъ сто приписать, безнадѣжностью ссыльнаго при безсрочной ссылкѣ и тоской по родинѣ. Бѣгства изъ Сибири начинаются уже изъ ссыльныхъ партій и съ дороги. Такъ, напримѣръ, по свидѣтельству военнаго министерства извѣстно, что при кѣпшей пересылкѣ всегда означалось 15% бѣглыхъ на 120,000 передвижныхъ арестантовъ. Переходъ отъ бродячества къ бѣгству у ссыльно-поселенцевъ является естественнымъ; для ссыльно-поселенца малѣйшій поводъ даетъ случай къ бѣгству; нанимающіеся на присылку бѣгутъ съ нихъ и не возвращаются въ мѣста приписки изъ опасенія быть высланными назадъ, и это ихъ разомъ дѣлаетъ бѣглыми. Значительная часть ссыльныхъ не знаетъ что дѣлать въ Сибири, и по привычкѣ къ скитальчеству, наконецъ подъ вліяніемъ чувствъ,

влекущихъ ихъ, естественно стремятся въ Россію. Бѣгство поселенцевъ, не имѣющихъ никакихъ препятствій, гораздо значительнѣе даже бѣгства каторжныхъ. Есть доказательства, что изъ одной губерніи, енисейской, въ три года ушло въ бѣга до 6000 поселенцевъ. Весь недосчитываемый статистическими переписями по волостямъ контингентъ приписанныхъ ссыльныхъ, равный $\frac{4}{5}$, долженъ считаться въ большинствѣ на долю бѣглыхъ. Какъ мы приводили, по послѣдней повѣрѣ въ четырехъ иркутскихъ волостяхъ изъ 10,378 душъ числится 5651 въ бѣгахъ, кромѣ уволенныхъ на заработки. Въ манзуровской волости той же губерніи изъ 2400 приписанныхъ поселенцевъ только 300 живутъ на мѣстахъ причисленія, до 500 человекъ на золотыхъ промыслахъ и частныхъ работахъ, а остальные 1600 человекъ въ невѣстной отлучкѣ, т.-е. въ бѣгахъ. Мѣстами на 5000 поселенцевъ приходится только 300 въ наличности. Судя по этимъ исчислениямъ по волостямъ, нужно положить почти половинное число на каждую губернію ссыльныхъ отсутствующихъ. На нѣкоторыя губерніи число это доходило до 20,000, а на весь контингентъ ссыльныхъ въ Сибири до 100,000. Число это было бы ужасно для бѣглыхъ, еслибы оно не заключало въ себѣ безвѣстно пропавшихъ въ бѣгахъ и погибшихъ; доказанъ и извѣстенъ, кромѣ того, тотъ фактъ, что масса бѣглыхъ убивалась сибирскими крестьянами и инородцами по лѣсамъ, ихъ просто стрѣляли какъ звѣря. Это дало поводъ одному изъ наблюдателей сибирской жизни замѣтить даже, что если бы крестьяне не уничтожали бѣглыхъ, то съ ними едва-ли Сибирь могла бы справиться (Д. Завалишинъ, письма о Сибири, «Моск. Вѣд.» 1865 г.) Погибель, самая страшная, массы людей такимъ путемъ заслуживаетъ вниманія даже болѣе, чѣмъ усиленная смертность ссыльныхъ. Исчисленіе бродягъ показываетъ приблизительно, что число пропавшихъ безъ вѣсти, т.-е. погибшихъ въ лѣсахъ, должно считать до $\frac{2}{3}$. Такимъ образомъ на существующій въ живыхъ и постоянно передвигающійся контингентъ бѣглыхъ приходится положить не менѣе 30,000—40,000 ¹⁾). Число пойманныхъ ссыльныхъ въ Сибири и въ Россіи могло бы дать нѣкоторое понятіе о всемъ количествѣ побѣговъ, но, къ сожалѣнію, данныя эти не вездѣ извѣстны, отчетности имъ не велось и они не сведены ни къ какому общему итогу. Что касается Сибири, то собраніе этихъ

¹⁾ Это подтверждается и многими другими данными: отзывами и свидѣніями, добытыми нами въ Сибири при этнографическомъ изслѣдованіи распредѣленія сибирскаго бродячества (см. Русская община въ тюрьмѣ и ссылки, Ядринцева).

свѣдѣній затруднялось тѣмъ, что ссыльные бѣгле судились различными вѣдомствами, а именно: гражданскими судами, судомъ военнымъ, гдѣ побѣги сопряжены были съ значительными преступленіями, наконецъ полицейскими управленіями, которыя исключительно разбирали бродягъ. Поэтому число бѣглыхъ не вошло ни въ однѣ судебныя вѣдомости, не вошло оно и въ какіе бы то ни было статистическіе отчеты. Значительная часть бѣло-каторжныхъ просто высылалась назадъ на заводы. Однако значительность бѣгствъ изъ Сибири свидѣтельствуется тѣмъ, что съ 1827 по 1846 г. въ числѣ ссыльныхъ въ Сибирь, по свѣдѣніямъ тобольскаго Приказа, означено было 18,328 возвращенныхъ сибирскихъ бѣглыхъ. По отчетамъ, опубликованнымъ г. Максимовымъ изъ вѣдомостей сибирскихъ заводовъ видно, что со всѣхъ заводовъ каждое десятилѣтіе бѣжало 12,929 человекъ, любили же и возвращали ихъ только 2730 чел. Въ девять лѣтъ въ Сибири было поймано 13,788 бродягъ мужчинъ и 3528 женщинъ. Бѣгства изъ Сибири не прекращаются и до послѣдняго времени. Къ 1-му января 1859 г. считалось во всѣхъ нерчинскихъ заводахъ не возвращенныхъ изъ бѣговъ ссыльно-каторжныхъ 3104 и 508 горныхъ служителей. Въ бѣгахъ оказывалось, такимъ образомъ, 24⁰/₁₀₀ всѣхъ ссыльныхъ. По свѣдѣніямъ 1869, 1870 и 1871 гг., представленнымъ чиновнику министерства внутреннихъ дѣлъ Власову при ревизіи сибирской каторги видно, что съ каторы нерчинскихъ приисковъ изъ числа 7462 чел. бѣжало 1016. Вообще съ Амура, съ Сахалина, съ Забайкальскихъ каторжныхъ работъ за это время изъ 10,228 каторжныхъ бѣжало 1430 чел. Процентъ бѣглыхъ мѣстами доходитъ до 50⁰/₁₀₀.

По имѣющейся официальной таблицѣ иркутскаго солевареннаго завода за нѣсколько лѣтъ, которую мы могли добыть, видно, что съ 1860 по 1870 на 2999 рабочихъ процентъ бѣглыхъ разнится ежегодно:

Въ 1860	25 %
> 1861	9 >
> 1862	18 ¹ / ₂ >
> 1863	28 ¹ / ₂ >
> 1864	32 ¹ / ₂ >
> 1865	32 ¹ / ₂ >
> 1866	90 ¹ / ₂ >
> 1867	53 ¹ / ₂ >
> 1868	37 ¹ / ₂ >
> 1869	45 >
> 1870	41 >

Такимъ образомъ, можно убѣдиться, что были годы, когда съ иркутскаго солевареннаго завода уходили изъ 100 человѣкъ 90!

Причины побѣговъ съ каторги до сихъ поръ не устранены и находятся въ связи съ ея недостатками и неустройствами, на что ссылаются мѣстныя власти. Послѣднія свѣдѣнія о положеніи каторги, заимствованныя нами изъ официальныхъ отчетовъ, рисуютъ слѣдующую картину. Въ 1873 году, на нерчинскихъ рудникахъ было 2758 ссыльно-каторжныхъ; большая часть ихъ употреблялась на золотые промыслы кабинета. Ссыльно-каторжные только испытываемые содержатся въ тюрьмахъ, а разряда исправляющихся, по неизмѣннѣ помѣщеній, живутъ вѣ въ тюремѣ, въ собственныхъ домахъ и по квартирамъ у другихъ ссыльныхъ и обывателей. Зданія, въ которыхъ содержатся каторжные, ветхи и тѣсны; та же тѣснота въ казармахъ конвоя, которая не даетъ возможности держать три смѣны. Больные преступники помѣщаются въ зданіи, которое находится въ разрушенномъ состояніи; вслѣдствіе такого положенія тюремъ приступлено было къ выводу изъ карійскихъ промысловъ «богадѣльскихъ» въ числѣ 300 человѣкъ. Бѣжало съ заводовъ ссыльно-каторжныхъ въ этомъ году 585 человѣкъ, а возвращено изъ бѣговъ 28. Кромѣ того, въ забайкальской области взято 372 бродяги. Въ теченіе года ссыльно-каторжными сдѣлано было 50 преступленій.

Въ иркутской губерніи ссыльно-каторжныхъ въ 1873 году считалось 1867. Они содержались въ солеваренныхъ заводахъ, иркутскомъ и усть-кутскомъ, желѣзно-дѣлательномъ николаевскомъ и частью въ вновь строящейся александровской центральной тюрьмѣ (бывшемъ винокуренномъ заводѣ). Въ этой тюрьмѣ помѣщено въ концѣ 1873 года 384 челов. об. п. Каторжные содержатся частью въ квартирахъ, частью въ казармахъ по неизмѣннѣ тюремѣ, вслѣдствіе чего побѣги значительны. Въ 1873 году изъ иркутскаго солевареннаго завода бѣжало 231 человѣкъ, а изъ александровской тюрьмы — 16 человѣкъ. Въ 1872 году изъ усть-кутскаго изъ 110 человѣкъ бѣжало 56.

О содержаніи ссыльныхъ на Сахалинѣ мы имѣемъ свѣдѣнія по отчетамъ г. Власова, извѣстнымъ многимъ; но вотъ послѣднія публикуемыя свѣдѣнія о тяжелыхъ условіяхъ тамъ. Журналъ «Здоровье» сообщаетъ слѣдующія подробности о Корсаковскомъ постѣ на островѣ Сахалинѣ: «по официальному отзыву отъ заведывающаго ссыльно-каторжными, помѣщеніе для нихъ весьма неудовлетворительно. Когда вы подходите къ острожному дому, то васъ поражаетъ угрюмость и непривѣтливость зданія, притомъ зданіе видимо разрушается. По фасаду на южную сторону, онъ

имѣть длины 65 футовъ; входъ въ него съ сѣверной стороны. Прежде всего вступаешь въ небольшой холодный корридоръ, а направо и нѣлѣво находятся общія мужскія камеры, съ трехъ сторонъ которыхъ построены нары, шириною 5 фут., а высоту 2 фута. Посреди комнаты, поддерживаемой двумя столбами, стоятъ ушатъ съ водой. Надъ нарами протянуты веревки, гдѣ просушиваютъ свое платье ссыльно-каторжныя. Высота комнаты 11 футовъ, а сама она почти квадратная, въ длину и въ ширину около 26 фут. Свѣту относительно величины комнаты весьма мало; это помѣщеніе, имѣющее 21 кубическую сажень вмѣстимости, назначено для 40 или для 49 ночующихъ человѣкъ, которымъ не всегда хватаетъ мѣста на нарахъ и нѣкоторые изъ нихъ въ такомъ случаѣ должны спать подъ нарами. Въ этомъ помѣщеніи холодно. Воздухъ промзглый, напоминающій воздухъ анатомическаго института, и когда мнѣ приходилось среди полночи бывать здѣсь вмѣстѣ съ начальникомъ сахалинскаго отряда, то онъ положительно не могъ выносить этого воздуха. Немудрено, при тѣснотѣ помѣщенія, достигнуть такихъ качествъ воздуха, когда среди комнаты стоитъ безъ всякихъ предосторожностей пораша съ нечистотами, награждая усталыхъ отъ работы и сонныхъ заключенныхъ своимъ зловоніемъ. Въ другомъ помѣщеніи, по лѣвую сторону, имѣющемъ такіе же размѣры, ночуетъ отъ 20 до 30 ссыльно-каторжныхъ, да караулъ человѣкъ въ 20 солдатъ; тутъ же помѣщается и гауптвахта въ видѣ темныхъ кануръ. Можетъ быть, для ссыльно-каторжныхъ такая стѣснительная обстановка допускается, какъ мѣра наказанія; но караулъ солдатъ тутъ же не причемъ, и за чтó онъ долженъ испытывать такое наказаніе — неизвѣстно.

Въ женскомъ отдѣленіи ссыльно-каторжныя женщины еще больше стѣснены, да вдобавокъ здѣсь висятъ дѣтскія люльки и тутъ же сушатъ пеленки. Въ три года умерло отъ чахотки 15 ссыльно-каторжныхъ, смерть которыхъ, можно сказать прямо, произошла отъ отвратительнаго помѣщенія. Если, какъ слышно, съ навигаціей 1875 г. придутъ черезъ Суэзъ новыя партіи ссыльно-каторжныхъ, то въ посту Корсаковскомъ, при теперешнемъ помѣщеніи ссыльно-каторжныхъ, можно ожидать повальнаго развитія тифозныхъ болѣзней. Для леченія же ссыльно-каторжныхъ сюда присланы изъ Николаевска испорченные медикаменты, а въ травахъ и корняхъ были черви. Отношеніе между заболѣвшими ссыльно-каторжными къ общему числу ихъ было въ 1874 г. какъ 227.2 : 100, т.-е. каждый заболѣвалъ болѣе, чѣмъ два раза въ годъ; отношеніе умершихъ къ общему числу какъ 11.7:

100, т.-е. при такихъ условіяхъ теперешнее ссыльно-каторжное населеніе должно вымереть въ $8\frac{1}{2}$ лѣтъ!»

Такимъ образомъ, тяжкія условія каторги при безпорядочномъ и неустроенномъ состояніи естественно вызвали побѣги. Въ прежнее время это было столь привычное явленіе, что начальникъ завода при приѣмѣ партіи выкрикивалъ: «кто хочетъ оставаться, получай одежду, а кто въ бѣга, тому незачѣмъ!» Каторжнымъ предоставлялось на волю оставаться на заводѣ или уходить немедленно. Одежда же, которую не брали бѣглецы во избѣжаніе преслѣдованій, представляла выгодную экономію начальству. Начальство знало, что все равно каторжныхъ не удержишь, — результатомъ явилось, что нѣтъ такого опытнаго каторжнаго или бродяги, который не былъ бы увѣренъ, что онъ уйдетъ съ сибирской каторги. Въ послѣднее время это является гласными процессами. Корреспондентъ одной газеты передаетъ (1875 г.) о слѣдующей сценѣ, происходившей 23 января въ ярославскомъ окружномъ судѣ, при объявленіи въ окончательной формѣ рѣшенія суда бѣглому каторжнику Гарному (онъ же Гармановъ). Эффектно звеня цѣпями и поглаживая свою бородку, онъ спойно выслушалъ судебный приговоръ, обрекавшій его на каторжную работу въ продолженіи двѣнадцати лѣтъ и одного мѣсяца, и на семьдесятъ-одинъ ударъ плетью. Когда былъ объявленъ этотъ приговоръ, Гарный, до того времени молчавшій, оперся на рѣшетку и повторилъ:

— Семьдесятъ одна плеть! Двѣнадцать лѣтъ съ мѣсяцемъ въ каторгѣ! Многогнѣкъ-съ, господа судьи! Строгонгнѣкъ-съ!

Ему велѣли молчать; но Гарный, очевидно, рисуясь передъ публикой, провзнесъ слѣдующій протестъ противъ судебного рѣшенія:

— Вѣдь, пожалуй, и лошадь не вынесетъ 71 удара! И зачѣмъ меня осудили къ нечетвѣ? Почему не 70 плетей? Лучше бы ужъ дали круглое число, 75, да ровно на 12 лѣтъ или на 13 годовъ въ каторгѣ быть приказали... Ну, ужъ судъ! Господа судьи были строги, а господа присяжные спали.

Гарный освѣдомился, кто исполнялъ обязанность старшины, и далъ обѣщаніе когда-нибудь покороче познакомиться съ нимъ. Такое обѣщаніе смутило многихъ присяжныхъ, вовсе не желавшихъ воспользоваться знакомствомъ съ головоуѣздомъ, который далѣе потребовалъ возвращенія ему разныхъ отобранныхъ у него вещей и денегъ.

Предсѣдательствовавшій, г. Волковъ, объяснилъ дерзкому преступнику, сохраняя хладнокровіе и полное достоинство, подобаю-

несуду, что вещи и деньги пойдутъ на покрытие судебныхъ издержекъ. Гарный, выслушавъ этотъ законный отвѣтъ, воскликнуть:

— Ну, судъ! У вора деньги воруютъ!.. Ну, да ничего: пусть мои денешки полежатъ здѣсь въ сохранности, по крайней мѣрѣ проценты вѣроятныя. *Я вѣдь возвращусь сюда и получу капиталъ съ процентами...*

Бродяжничество въ Сибири до послѣдняго времени не уменьшается. Въ одной томской губерніи поймано бродягъ:

Въ 1870 году	1600
> 1871 >	904
> 1872 >	662
> 1873 >	703

Въ Забайкальѣ до 500 человекъ и т. д.

Это показываетъ, что бѣгство и бродяжество ссыльныхъ и каторжныхъ продолжаетъ существовать въ Сибири, несмотря на неоднократно возбуждаемый вопросъ объ этомъ и принятыя въ послѣдніе годы въ Восточной Сибири особенныя преслѣдованія бѣглыхъ. Даже самый Сахалинъ не гарантируетъ отъ бѣгства, такъ какъ по послѣднимъ свѣдѣніямъ видно, что съ поста Дуэ, съ 1869 по 1871 г., бѣжало до 60 каторжныхъ, черезъ проливъ поймано изъ нихъ 27, 8 убито при поимкѣ, а 25 такъ и исчезли. Одинъ изъ нашихъ бѣглыхъ каторжныхъ на Сахалинѣ перерѣзалъ цѣлое японское семейство. Все это приводитъ къ заключенію, что побѣги эти не могутъ быть устранены при настоящей формѣ и положеніи ссылки. Постройка каторжныхъ тюремъ не прекратитъ бродяжничества и побѣговъ ссыльно-поселенцевъ, не могущихъ примириться съ ссылкой. Мѣстныя условія Сибири только благоприятствуютъ этому: обширныя пространства, невозможность услѣдить за ссыльными, покровительство и пристанодержательство бродягамъ со стороны другихъ ссыльныхъ, составляющихъ осѣдлое населеніе, наконецъ, терпимость и боязнь со стороны крестьянъ, обусловленная ихъ собственными интересами, не начинать войны съ ссыльнымъ бродячимъ элементомъ, изъ опасенія мести поджогами, которыми угрожаютъ ссыльные, въ случаѣ ихъ поимки; въ заключеніе, администрація въ Сибири, какъ сама сознается, не обладаетъ достаточными средствами и силами бороться съ этимъ явленіемъ, а тѣмъ менѣе прекратить его. Сибирскія тюрьмы по траву до того наполняются иногда бродягами, что мѣстное начальство отказывается помѣщать ихъ и дается увѣщаніе волостнымъ властямъ официально «прекратить преслѣ-

дованіе бродягъ». Томскій губернаторъ сдѣлалъ однажды около города облаву, и въ одно утро было взято 800 человекъ. Такія облавы на бѣглыхъ, какъ на волковъ, устраиваются во всѣхъ сибирскихъ городахъ. Около нѣкоторыхъ деревень Сибири зимуютъ по 2 и по 3 т. скончившихся этихъ странниковъ; въ сибирскихъ тюрьмахъ сосредоточивается временами по 1000 и 1500 бѣглыхъ бродягъ. Въ екатеринбургскомъ замѣ недавно встрѣчалось по 300 задержанныхъ бродягъ изъ ссыльныхъ, возвращающихся въ Россію. Бѣглецы изъ Сибири попадаютъ во всѣхъ городахъ Россіи и въ Петербургѣ. Съ 1867 г. по 1873 годъ, по свѣдѣніямъ петербургскаго оберъ-полиціймейстера было задержано въ Петербургѣ 8015 бродягъ, 145 бѣглыхъ и 276 дезертировъ—таково распространеніе изъ Сибири бродяжества. Нечего говорить, что оно не можетъ быть устранено частными мѣрами. Оно находится въ связи съ неудовлетворительною системою. Нѣкоторые, объясняя бродяжество, какъ явленіе мирное, находятъ его не столь опаснымъ, какъ другіе; но это, во-первыхъ, не подтверждается, ибо преступленія бродягъ значительны; а второе, во всякомъ случаѣ, условія жизни, сопровождаемыя бродяжествомъ, и результатъ его — острогъ, плети или гибель, едвали могутъ считаться нормальными, и самое явленіе желательнымъ для кого-либо. Достаточно для того рассмотретьъ ближе самыя преступленія бродягъ; мы увидимъ при этомъ, какое они оказываютъ вліяніе на общій уровень нравственности.

Н. Ядринцевъ.

СМОЛЕНСКОЕ ЗЕМСТВО

По поводу вопроса объ упадкѣ благосостоянія Смоленской губерніи.

Если вопросъ о положеніи сельскаго хозяйства, о бытѣ сельскихъ обывателей и о мѣрахъ, необходимыхъ для улучшенія того и другого, представляетъ, въ настоящее время, первостепенную важность для всей Россіи—то тѣмъ важнѣе онъ для мѣстностей, которыя вслѣдствіе скудости почвы страдаютъ отъ частыхъ неурожаевъ, гдѣ жители не имѣютъ заработковъ вслѣдствіе слабаго развитія фабричной дѣятельности и отсутствія промысловъ, и гдѣ, слѣдовательно, невыгодныя стороны нашей сельской жизни и хозяйства отзываются гораздо тяжелѣе, чѣмъ въ мѣстностяхъ, надѣленныхъ болѣе благопріятными условіями. По той же причинѣ и самый вопросъ объ улучшеніи сельскаго хозяйства и быта сельскихъ сословій нуждается не только въ общей постановкѣ, но и, главнѣйшимъ образомъ, въ разработкѣ и изученіи по частямъ тѣхъ мѣстныхъ, часто исключительныхъ, условій, среди которыхъ приходится жить и хозяйничать сельскому люду. Нельзя также не признать, что, кромѣ общихъ мѣропріятій, кромѣ улучшенія общихъ условій сельской жизни и движенія законодательства въ этомъ направленіи, возможны и необходимы частныя мѣры, способныя устранить причины упадка и разстройства отдѣльныхъ мѣстностей.

Изученіе положенія и условій сельскаго хозяйства въ Россіи поставлено на очередь самимъ правительствомъ. Докладъ Высочайше утвержденной комиссіи объ изслѣдованіи сельскаго хозяйства представлялъ общій очеркъ настоящаго состоянія сельскаго хозяйства въ Россіи; но этого еще далеко недостаточно: чтобы вопросъ о мѣрахъ къ улучшенію сельскаго хозяйства сталъ на болѣе твердую практи-

ческую почву, необходимо, чтобы земства, съ своей стороны, занялись изученіемъ разнообразныхъ мѣстныхъ условій хозяйства; указали какъ общія, такъ и частныя причины его упадка и иыскали мѣры для ихъ устраненія. Хотя подобныя изслѣдованія составляютъ одну изъ высшихъ задачъ земства, въ кругъ обязанностей котораго положеніе о земскихъ учрежденіяхъ включило:— „представленіе, чрезъ губернское начальство, высшему правительству свѣдѣній и заключеній по предметамъ, касающимся мѣстныхъ хозяйственныхъ нуждъ и пользы губерніи или уѣзда и ходатайство по симъ предметамъ“ (§ 2, ст. XII, Полож. о Земскихъ Учрежд.),—тѣмъ не менѣе намъ неизвѣстно, чтобы какое-либо земство, за исключеніемъ смоленскаго, предприняло подобнаго рода изслѣдованія.

Смоленская губернія, за которой уже издавна упрочилась репутація одной изъ бѣднѣйшихъ губерній Россіи, несомнѣнно принадлежитъ къ числу тѣхъ мѣстностей, которыя болѣе другихъ нуждаются въ частныхъ мѣрахъ для устраненія причинъ все болѣе и болѣе увеличивающагося обѣднѣнія. Голодъ 1867 года и послѣдующіе неурожайные годы сдѣлали положеніе ея жителей настолько бѣдственнымъ и тяжелымъ, что само правительство, видя страшное накопленіе недоимокъ, снарядило особую комиссію для изученія на мѣстѣ эконоическаго положенія крестьянъ; съ другой стороны, смоленское земство, утомленное постоянными заботами прискивать средства для прокормленія голодающаго населенія, поставило своей задачей изыскать коренныя мѣры къ улучшенію быта губерніи. Труды правительственной комиссіи, пріѣзжавшей въ 1870 году въ смоленскую губернію, подъ предсѣдательствомъ тайнаго совѣтника Гирса, не были обнародованы, и только нѣкоторыя извлеченія изъ нихъ встрѣчаются въ матеріалахъ, приложенныхъ къ докладу Высочайше утвержденной комиссіи для изслѣдованія положенія сельскаго хозяйства въ Россіи; практическимъ послѣдствіемъ ея дѣятельности, можно думать, были чисто частныя мѣры—разсрочка недоимокъ и отсрочка въ уплатѣ выкупныхъ платежей для нѣкоторыхъ крестьянъ только западныхъ уѣздовъ смоленской губерніи. Земство, проработавъ два года, также окончило свою задачу, причемъ окончательные результаты его изслѣдованій мы находимъ въ журналахъ чрезвычайнаго губернскаго собранія, бывшаго въ февралѣ и мартѣ 1874 года.

Тому обстоятельству, что земство окончило свой трудъ уже спустя нѣсколько времени послѣ обнародованія доклада сельско-хозяйственной комиссіи, мы придаемъ особую важность. Извѣстно, что въ отношеніи трудовъ комиссіи былъ высказанъ тотъ упрекъ, что собранія ея свѣдѣнія о сельскомъ хозяйствѣ отличаются крайней отрывочностью, часто несогласованы между собою, и потому не мо-

гуть дать прочных выводовъ для рѣшенія сельско-хозяйственнаго вопроса, и что соображенія и заключенія комиссiи совершенно общаго свойства и скорѣе имѣютъ цѣлью обратить вниманіе правительства на ту или другую сторону сельскаго хозяйства, чѣмъ предрѣшить тѣ или другія мѣры окончательно. Смоленское земство, напротивъ, сразу стало на практическую почву и занялось отысканіемъ коренныхъ мѣръ для улучшенія быта губерніи. Сопоставляя труды комиссiи и земства, мы вправѣ были ожидать, что работа земства будетъ важнымъ матеріаломъ для критической оцѣнки и повѣрки свѣдѣній комиссiи и живой иллюстраціей въ отношеніи условій сельско-хозяйственнаго быта жителей смоленской губерніи, и что данныя, добытыя земствомъ, дадутъ возможность разрѣшить и осуществить тѣ бесспорно-полезныя мѣропріятія, которыя правительственная комиссiя едва могла намѣтить. Къ сожалѣнію, наши надежды не оправдались: земство также не подготовило твердой почвы для своихъ изслѣдованій; оно даже не потрудилося изучить тѣ условія, среди которыхъ приходится жить и вести хозяйство сельскому населенію, и—что гораздо хуже—старалось объяснить многія неудовлетворительныя стороны сельскаго быта губерніи съ той исключительной точки зрѣнія, которая рѣшительно не можетъ способствовать безпристрастному рѣшенію вопроса.

Однако, какъ бы то ни было, смоленское земство было первымъ, которому пришлось практически заняться вопросомъ объ улучшеніи истинныхъ условій сельскаго хозяйства и быта сельскихъ обывателей, и это первенство досталось ему, къ сожалѣнію, не потому, что его представители готовы считать себя передовыми по своей интеллигенціи, по способности къ обсужденію вопросовъ высшаго свойства, а потому, что жители смоленской губерніи стоятъ впереди другихъ по своей бѣдности, по скудости своей почвы, по количеству своихъ недомогъ и вообще по невыгоднымъ сторонамъ своего экономическаго быта, и что они передовые изъ числа тѣхъ, которые нуждаются въ исключительныхъ мѣрахъ помощи и спасенія. Все это придаетъ труду земства, несмотря на его недостатки, настолько важное значеніе, что мы рѣшились посвятить настоящую статью, какъ вообще вопросу объ упадкѣ благосостоянія смоленской губерніи, такъ въ частности—разбору тѣхъ заключеній, къ которымъ пришло земство по этому предмету.

I.

Реформа 19 февраля 1861 года была такимъ важнымъ фактомъ въ экономической жизни Россіи, настолько измѣнила весь строй этой жизни и условія быта сельскихъ жителей, что судить о настоящемъ положеніи смоленской губерніи можно только сравнивъ это настоящее со временемъ, предшествовавшимъ реформѣ; тогда только будутъ ясны и осязательны результаты, которые дала реформа для экономического развитія губерніи, и тогда только можно намѣтить и самое направленіе этого развитія. Вотъ почему мы обращаемся къ положенію смоленской губерніи почти за 10 лѣтъ до освобожденія крестьянъ, а именно ко времени 50-хъ годовъ, выбирая этотъ періодъ времени уже потому, что русская литература обладаетъ произведеніемъ, гдѣ сельско-хозяйственный бытъ смоленской губерніи за это время нашелъ себѣ болѣе или менѣе полное опредѣленіе. Произведеніе это— „Сельско-хозяйственная статистика смоленской губерніи“, изданная въ 1855 году Я. Соловьевымъ. Пользуясь ею и другими источниками, мы сдѣлаемъ очеркъ положенія смоленской губерніи въ сельско-хозяйственномъ отношеніи въ до-реформенное время.

Уже на первыхъ страницахъ своего труда Соловьевъ опредѣляетъ тогдашнее положеніе губерніи слѣдующими словами:— „малое пріращеніе населенія, упадокъ городовъ, уменьшеніе пространства воздѣлываемыхъ земель, накопленіе недоимокъ, обѣднѣніе страны,—все это такія явленія, изъ которыхъ болѣе большая часть противорѣчитъ общему порядку—движенію впередъ“. Причины такого неудовлетворительнаго положенія губерніи, по мнѣнію Соловьева, кроются не только въ экономическихъ условіяхъ, но и въ историческихъ фактахъ: опустошенія 1812 года оставили особенно глубокіе слѣды. Независимо отъ значительныхъ жертвъ въ отечественную войну людьми, хлѣбомъ и деньгами, по вычисленію Я. Соловьева, сумма потерь въ строеніяхъ и движимомъ имуществѣ, для жителей девяти уѣздовъ, наиболѣе пострадавшихъ отъ непріятельскаго нашествія, простиралась до 74.372,844 рублей; сверхъ того, было расхищено разнаго скота до 500 т. головъ и осталось незасѣянною третья часть всѣхъ паханныхъ земель, а именно 320 т. десятинъ; населеніе уменьшилось на 86,373, т.-е. на 8%. По словамъ Соловьева, общее благосостояніе было потрясено въ самомъ корнѣ; помѣщики и крестьяне, чтобы обратиться къ прежнему своему быту, должны были войти въ частные и казенные долги; чрезвычайные расходы вели за собой чрезвычайныя усилія къ возвращенію потеряннаго достоянія. Въ мѣстности, обильной источниками богатства, усилія эти увѣнчались бы успѣ-

томъ; но смоленская губернія бѣдна этими источниками, которыхъ едва хватаетъ на содержаніе жителей въ обыкновенное время. Изъ этого выходятъ два заключенія, изъ которыхъ каждое зависитъ отъ другого. Во-первыхъ, отечественная война до сихъ поръ (говорится о 50-тъ годахъ) оставила слѣды на смоленской губерніи. Во-вторыхъ, это именно доказываетъ бѣдность средствъ, которая въ теченіе 40 лѣтъ не позволила вознаградить потерь, причиненныхъ войною.

Обращаясь къ частностямъ сельско-хозяйственнаго быта губерніи въ 50-хъ годахъ, мы находимъ, что сельскіе жители составляли главную массу населенія, а именно: 1.024,960 душъ обоого пола, или 94% всего населенія; горожане только 6%, или 58,289 душъ. Въ числѣ сельскихъ жителей числилось: а) помѣщиковъ 15,955 душъ обоого пола; б) государственныхъ крестьянъ 197,999, и в) помѣщичьихъ крестьянъ 774,535 д., въ томъ числѣ дворовыхъ 57,616 д. Государственные крестьяне составляли 19%, а помѣщичьи крестьяне 75% общаго числа сельскихъ жителей. Крѣпостныя души распределялись слѣдующимъ образомъ между помѣщиками: въ западныхъ, бѣлорусскихъ уѣздахъ ¹⁾ на каждаго владѣльца приходилось отъ 36 до 81 души; въ четырехъ же восточныхъ или великорусскихъ уѣздахъ на каждаго владѣльца среднимъ числомъ приходилось:

Въ вяземскомъ	100	душъ муж. пола.
» юхновскомъ	189	» " "
» сичевскомъ	288	» " "
» гжатскомъ	323	» " "

У сельскихъ обывателей считалось всей, удобной и неудобной, земли 4.843,913 дес., въ томъ числѣ казенныхъ земель 607,680 дес. Изъ этого числа, при генеральномъ межеваніи считалось пахатныхъ земель 1.837,575 дес. Но Соловьевъ уменьшилъ эту цифру до 1.462,907 дес., принявъ, при опредѣленіи количества пахатной земли въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, что каждое рабочее тягло обрабатывало по 7 дес. въ господскихъ и крестьянскихъ поляхъ. Однако рецензентъ книги Соловьева, Ивановъ ²⁾, находилъ ее преувеличенной; онъ не оспаривалъ количества пахатной земли, положенной на каждое тягло, но самое число тягловъ находилъ невѣрнымъ въ томъ отношеніи, что Соловьевъ полагалъ на тягло по двѣ души, по его же соображеніямъ ихъ слѣдовало вѣсть по 3 души. Такимъ образомъ,

¹⁾ Уѣзды: бѣльскій, дорогобужскій, духовщинскій, ельнинскій, краснинскій, порѣчьскій и рославскій.

²⁾ С. Ивановъ. Статистич. очеркъ состоянія смоленской губ., „Русскій Вѣстникъ“ 1867 г.

можно признать, что послѣ генеральнаго мезеванія западни умены- шались значительнымъ образомъ, вслѣдствіе неблагоприятныхъ усло- вій для веденія хозяйства. Скучность и истощеніе почвы были однимъ изъ этихъ условий, послѣдствія котораго выражались частыми неуро- жаями и малой производительностью почвы. Съ 1833 по 1855 годъ было 11 неурожайныхъ годовъ, т.-е. изъ общаго числа половинъ неурожайныхъ лѣтъ ¹⁾; средніе же урожаи Соловьевъ опредѣлялъ для ржи въ 3 и 3½ зерна и для овса въ 2 и 2½ зерна. Большіе обильное удобреніе могло бы возвысить плодородіе почвы; но ското- водство, которое дало бы удобреніе, было крайне недостаточно, отчасти по неимѣнію хорошихъ луговъ, отчасти по случаю частыхъ падежей. По вычисленію Соловьева, на одну десятину пашни прихо- дилось немного болѣе полъ-десятины луга или 38 мудовъ сѣна: между тѣмъ, какъ, по имѣнію хозяевъ, трехпольное хозяйство мо- жетъ держаться только въ томъ случаѣ, когда на каждую десятину пашни приходится не менѣе 150 мудовъ хорошаго сѣна. Какъ ни ничтожно количество луговой земли, принятое Соловьевымъ, но можно думать, что и оно было преувеличено. Вильсонъ ²⁾ считаетъ въ смо- ленской губ. на 100 дес. пашни луговой земли 43,1 десят., т.-е. менѣе полъ-десятины. Съ теченіемъ времени количество кормовыхъ средствъ не только не увеличивалось, но, напротивъ, уменьшалось. Въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, по объясненію Иванова ³⁾, покосныя земли, вслѣдствіе недостатка рабочихъ рукъ, съ каждымъ днемъ исчезали, заростая кустарниками. Въ связи съ этимъ, вѣроятно, шло и уменьшеніе количества скота. Такъ, въ 1851 году, по отчетамъ губернатора и свѣдѣніямъ статистическаго комитета, считалось въ губерніи:

Лошадей	498,000	головъ.
Рогатаго скота	479,000	„
Овецъ	520,000	„
Свиной	204,000	„

а въ 1861 году, т.-е. черезъ 10 лѣтъ, было:

Лошадей	368,000	головъ.
Рогатаго скота	475,000	„
Овецъ	487,000	„
Свиной	177,000	„ ⁴⁾ .

¹⁾ Матеріалы по вопросу объ обезпеченіи продовольствія изданы минист. внутр. дѣлъ, 1860 г.; неурожайные годы: 1838, 1840, 41, 44, 45, 46, 1850, 51, 52, 53 и 1855.

²⁾ Вильсонъ. Объясненія къ сельско-хозяйственному атласу, изд. 1869.

³⁾ Ивановъ. Очеркъ, стр. 614.

⁴⁾ Матеріалы Высоч. утвержд. комиссіи для изслѣдованія хозяйства, т. IV.

По вычисленію Соловьева, на каждую десятину парового поля приходилось около двухъ штукъ крупнаго скота (1,8 штуки), тогда какъ для поддержанія урожайности почвы необходимо, по крайней мѣрѣ, 6 штукъ крупнаго скота. У крестьянъ количество удобренія уменьшалось извозами; то же удобреніе, которое имѣлось, главнѣйшимъ образомъ употреблялось на конопляники. При такихъ условіяхъ, истощеніе земли должно было усиливаться годъ отъ году, а нѣсть съ тѣмъ уменьшаться и количество запашекъ, что и было въ дѣйствительности.

Недостатокъ въ оборотномъ капиталѣ считался одной изъ главнѣйшихъ причинъ упадка помѣщичьихъ хозяйствъ; но кредитъ, который явился вслѣдствіе возможности залога имѣній въ кредитныхъ учрежденіяхъ, не только не помогъ хозяйству, но даже способствовалъ къ уменьшенію средствъ и доходовъ съ имѣній, такъ какъ только немногіе воспользовались занятыми капиталами для улучшенія хозяйствъ, большинство же обременило долгами свои имѣнія и потому встрѣчало только затрудненія въ уплатѣ $\frac{9}{10}$, особенно въ неурожайные годы; часто владѣльцы должны были продавать за безцѣнокъ свои произведенія, не дожидаясь хорошихъ цѣнъ, какъ скоро подходили сроки платежей опекунскому совѣту ¹⁾. Какъ велики были долги на помѣщичьихъ имѣніяхъ, можно судить по слѣдующимъ цифрамъ: въ 1-му іюля 1859 г. всѣхъ заложенныхъ имѣній было 2,338, съ 264,278 душами крестьянъ мужского пола, то-есть изъ общаго числа крестьянъ по 10-й ревизіи (343,433 помѣщ. крестьянина) въ залогъ было 76% На означенныхъ имѣніяхъ числилось долгу 18.502,131 руб. и недоимокъ 611,966 руб., то-есть на каждомъ имѣніи было долгу 7,947 руб., а на каждой душѣ 70 руб. ²⁾. Не этимъ же ограничивались долги помѣщиковъ; по случаю неурожая 1846 г., имъ дана была ссуда изъ кредитныхъ установленій по 10 руб. на душу, а въ 1851 году дано заимообразно, для прокормленія крестьянъ, 386 т. Такимъ образомъ, на помѣщичьихъ имѣніяхъ накопился долгъ въ 2 или 3 милліона, единственно для прокормленія крестьянъ ³⁾.

Доходы, которые получали помѣщики при даровой обработкѣ земли, опредѣлялись Соловьевымъ сообразно средней урожайности, и среднимъ цѣнамъ на хлѣбъ ⁴⁾, съ десятины ржаного поля,

¹⁾ Ивановъ. Очеркъ, стр. 606.

²⁾ Цибриковъ. Смоленская губ. Матеріалы для статистики Россіи, собраніе офицера генерал. штаба, стр. 225.

³⁾ Соловьевъ. Статистика, стр. 248.

⁴⁾ Среднія цѣны: ржи 3 р. 15 к. за четверть, овесъ 1 р. 56 к., ячмень 2 р. 3 к. Слѣст. Соловьева, стр. 319.

въ 11 руб. 81 коп., и съ десятины ярового хлѣба въ 8 руб. 51 коп.; а такъ какъ рабочее тягло обрабатывало обыкновенно помѣщику 2 десятины земли, одну въ озимомъ, а другую въ яровомъ полѣ, то доходъ отъ рабочаго тягла составлялъ 20 руб. 32 коп. При такихъ доходахъ, земледѣліе, по мнѣнію Иванова, не могло представлять утѣшительныхъ явленій. Размѣръ оброчовъ съ тягла, по свѣдѣніямъ Соловьева, составлялъ 20 руб., по свѣдѣніямъ же редакціонныхъ комиссій, онъ опредѣлялся въ 25 руб. съ тягла ¹⁾.

Низкому доходу съ имѣній соответствовали и низкія цѣны на имѣнія. По выводамъ Соловьева, средняя цѣна за душу при 13 дес. составляла, въ періодъ 1841—1850 годовъ, 117 руб.; такимъ образомъ, цѣна заселенной земли была 9 руб. за десятину; по уѣздамъ она измѣнялась отъ 6-ти до 14-ти рублей. Стенень и густота населенія мѣстности вліяли на повышение цѣнъ; десятина незаселенной земли стоила, среднимъ числомъ, 5½ рублей.

Въ пятилѣтіе, послѣ крымской войны, цѣны на хлѣбъ значительно повысились, такъ-что средняя цѣна ржи въ смоленской губ., въ 1857—1859 годахъ, была 4 руб. 86 коп. за четверть ²⁾, т.-е. на 53% выше цѣнъ, принятыхъ Соловьевымъ; это, въ свою очередь, вѣроятно повліяло на продажныя цѣны незаселенной земли, которыя въ 1854—1859 г. были значительно выше принятыхъ Соловьевымъ, а именно, въ западныхъ уѣздахъ отъ 6-ти до 18-ти руб., а въ восточныхъ отъ 11-ти до 23-хъ руб. за десятину ³⁾.

Такъ какъ работники, рабочій скотъ и земледѣльческія орудія для обработки помѣщичьихъ полей доставлялись крестьянами, поэтому всѣ недостатки крестьянскаго хозяйства отзывались и на помѣщичьемъ. Положеніе же крестьянъ, не только помѣщичьихъ, но и государственныхъ, было крайне неудовлетворительно. Принятое дѣленіе губерніи на восточную и западную части имѣло не только этнографическое, но и экономическое значеніе. Въ восточныхъ уѣздахъ, населенныхъ великоруссами, имѣнія помѣщиковъ, какъ мы видѣли, по числу крѣпостныхъ душъ, были крупнѣе, чѣмъ въ уѣздахъ западныхъ, населенныхъ бѣлоруссами. Это обстоятельство вліяло какъ на положеніе хозяйствъ самихъ владѣльцевъ, которые имѣли болѣе средствъ для ихъ улучшенія, такъ и на положеніе крестьянъ, ибо можно признать, что крѣпостное право въ своихъ проявленіяхъ

¹⁾ Матеріалы редакц. ком. Томъ III, кн. 2. Также у Сребницкаго. Крестьянское дѣло. Т. III.

²⁾ По отчетамъ министер. внутр. дѣлъ, въ объясненіяхъ въ Сел. Хоз. атласу Вильсона, стр. 212—217.

³⁾ По свѣдѣн. хозяйственнаго департ. и земскаго отдѣла, въ прилож. къ докладу сельской комиссіи, т. IV.

выражалось слабѣе въ большихъ имѣніяхъ, чѣмъ въ имѣніяхъ мелкихъ владѣльцевъ. Бѣольшая часть оброчныхъ крестьянъ находилась въ восточныхъ уѣздахъ; какъ это обстоятельство, такъ равно близость къ Москвѣ и этнографическія причины—бѣольшая предприимчивость и смышленность великоруссовъ сравнительно съ бѣлоруссами обуславливали болѣе сильное развитіе промышленной дѣятельности въ восточныхъ уѣздахъ, гдѣ среди казенныхъ крестьянъ было вдвое болѣе промышленниковъ, чѣмъ въ уѣздахъ западныхъ. Выручка промышленниковъ и вообще цѣны на трудъ были выше въ восточныхъ уѣздахъ, чѣмъ въ западныхъ, вслѣдствіе этого хозяйство и бытъ крестьянъ восточныхъ уѣздовъ были удовлетворительнѣе.

Годовыя издержки семьи, состоящей изъ 8-ми душъ обоого пола, Соловьевъ опредѣлялъ слѣдующимъ образомъ:

Въ великорусскихъ уѣздахъ:

На пишу	83 руб. 85 коп.
„ одежду	60 „ — „
„ отопленіе, освѣщеніе, ремонтъ строеній, домашнее заведеніе и церковныя требы	25 „ 66 „
А всего.	169 руб. 51 коп.

Въ бѣлорусскихъ уѣздахъ:

На пишу.	75 руб. 32 коп.
„ одежду	42 „ — „
„ отопленіе, освѣщеніе и проч.	18 „ 6 „
А всего.	135 руб. 38 коп.

Какъ ни ничтожно, повидимому, количество означенныхъ издержекъ, однако выручить ихъ крестьянамъ было почти невозможно. Сопоставляя доходы крестьянъ отъ земли и заработковъ съ необходимыми расходами, мы лучше всего оцѣнимъ ихъ матеріальное положеніе. Съ этой цѣлью мы съ особенной подробностью остановимся на условіяхъ быта государственныхъ крестьянъ, какъ потому, что свѣдѣнія о нихъ, собранныя Соловьевымъ, отличаются значительной точностью, такъ и потому, что ихъ положеніе, оставшееся безъ существенныхъ измѣненій послѣ реформы 1861 года, можетъ служить весьма удобнымъ мѣриломъ для сравненія съ нимъ положенія помѣщичьихъ крестьянъ, какъ до реформы, такъ и послѣ нея.

По свѣдѣніямъ 1852 года, государственныхъ крестьянъ, поселенныхъ на казенныхъ земляхъ ¹⁾, числилось 91,987 душъ мужского пола, съ 470,366 десятинами удобной земли. Среднимъ числомъ на

¹⁾ Кромѣ государственныхъ крестьянъ, поселенныхъ на казенныхъ земляхъ, числилось 2105 душъ, жившихъ на собственныхъ земляхъ въ количествѣ 16,065 дес.

душу приходилось по 5 десятинъ; цифра эта измѣнялась по уѣздамъ отъ $3\frac{3}{4}$ десят. для сычевскаго, до $5\frac{1}{4}$ д. для бѣльскаго уѣзда. Пахатной земли на каждую душу приходилось 2,5 десятины и конопляника 133 квадр. сажень ¹⁾. Крестьяне, за исключеніемъ зажиточныхъ, почти не занимали пахатныхъ земель; но за то занимали въ значительномъ количествѣ дуга у помѣщиковъ и ихъ крестьянъ, что было вполне необходимо для поддержанія ихъ хозяйствъ ²⁾. На семью въ 8 душъ обоего пола приходилось пахатной земли 10 дес. и огорода 732 кв. сажени, доходъ же отъ пахатной земли въ двухъ поляхъ составлялъ 67 руб. 73 коп. и отъ конопляника 7 руб. 60 к., а всего 75 руб. 33 к. Такимъ образомъ доходъ отъ земли былъ недостаточенъ для одного прокормленія семьи, на что требовалось отъ 83 р. 85 к. до 75 р. 32 к. Этотъ недостатокъ выражался тѣмъ, что крестьяне, хотя и продавали часть ярового урожая, а также коноплю и пеньку, но за то должны были прикупать ржи на большую сумму. Придерживаясь расчетовъ Соловьева ³⁾, ежегодный недостатокъ въ хлѣбѣ для семьи составлялъ 3 четв. 2 четв. Определенія дохода отъ земли и расчетъ хлѣба, недостающаго на продовольствіе, если и грѣшатъ противъ дѣйствительности, то развѣ тѣмъ, что доходъ слишкомъ преувеличенъ, а количество хлѣба, необходимаго на продовольствіе, уменьшено. Дѣло въ томъ, что доходъ отъ земли Соловьевъ опредѣлялъ по урожаю ржи въ 3,5 зерна и овса въ 2,8 зерна; но въ другомъ мѣстѣ онъ опредѣлялъ урожай ржи у государственныхъ крестьянъ въ 3,25 зерна ⁴⁾. По официальнымъ же даннымъ за то же время онъ былъ еще ниже ⁵⁾. Расчетъ ржи на продовольствіе уже потому можно считать уменьшеннымъ, что не было принято въ расчетъ, что рожь идетъ въ кормъ и скоту (на посылку).

Во всякомъ случаѣ доходъ отъ земли былъ недостаточенъ для прокормленія семьи; этотъ недостатокъ, а также всѣ остальные расходы семьи, считая, кромѣ того, и подати, должны были быть покрыты изъ заработковъ; отсюда видно, какое громадное значеніе

¹⁾ Свѣдѣнія о количествѣ казенныхъ земель у государственныхъ крестьянъ и о распредѣленіи ихъ по угодьямъ вполне точны, такъ какъ основаны на измѣреніи, произведенномъ при оцѣнкѣ ихъ для опредѣленія повинностей.

²⁾ Соловьевъ. Статистика, стр. 180.

³⁾ За вычетомъ сѣмянъ, урожай съ $3\frac{1}{2}$ дес. ржаного поля составлялъ $12\frac{1}{2}$ четвертей; на продовольствіе 2-хъ взрослыхъ мужчинъ по 3 чет. каждому, 2-хъ взрослыхъ женщинъ по 2 чет. 2 мѣры, а для дѣтей и стариковъ вполонину, а всего 15 чет. 6 мѣръ.

⁴⁾ Соловьевъ, стр. 300.

⁵⁾ По отчетамъ смолен. губернаторовъ за 1847—1857 гг. урожай ржи 2,20 зерна, овса 2,04. Цебрикова, стр. 193.

нѣли заработки въ бытовой жизни крестьянъ. Но условія для работковъ были крайне невыгодны: государственные крестьяне обрабатывали столько же земли, сколько обрабатывали ее и помѣщичьи барщинные крестьяне для себя; свободнаго же времени они имѣли вдвое больше, и потому могли отпускать на заработки половину работниковъ и работницъ; а между тѣмъ по свѣдѣніямъ, собраннымъ Соловьевымъ, изъ 100 работниковъ въ великорусскихъ уѣздахъ промышляло заработками только 32, а въ бѣлорусскихъ всего 17. Нельзя же согласиться съ Соловьевымъ, что число крестьянъ-промышленниковъ далеко не достигало числа лицъ, свободныхъ отъ земледѣлія, и что въ этомъ выражалось слабое развитіе промышленной дѣятельности губерніи. Къ тому же, господствующіе промыслы принадлежали къ числу мало-прибыльныхъ: извозы уменьшали средства къ удобренію полей; работники по земледѣлію и судорабочіе зарабатывали немного; выше другихъ были заработки плотниковъ и фабричныхъ. Годовыя прибыли за исключеніемъ расходовъ на содержаніе Соловьевъ опредѣлялъ для восточныхъ уѣздовъ отъ 17 руб. (для земледѣльческаго работника) до 35 руб. (для фабричнаго), и для западныхъ уѣздовъ отъ 13 до 30 рублей. Въ западныхъ уѣздахъ преобладали относительно невыгодные промыслы, преимущественно наемъ въ работники по земледѣлію; фабричныхъ между ними почти не было. Въ восточныхъ уѣздахъ крестьяне нанимались на фабрики и заводы, какъ мѣстные, такъ и столичные, и вообще зарабатывали больше.

Итакъ, благодаря существовавшимъ условіямъ заработковъ нашей семьи былъ настолько ничтоженъ, что едва ли могъ покрывать расходы на покупку хлѣба и уплату податей, которые составляли на душу 4 руб. 67 коп., а на семью 18 руб. 68 коп. Затѣмъ, всѣ остальные расходы семьи должны бы составить ежегодный, весьма значительный дефицитъ, и, только допуская, что крестьяне совсѣмъ не тратили денегъ на одежду и обувь, отопленіе, освѣщеніе и ремонтъ построекъ и удовлетворяли расходамъ на эти потребности изъ домашнихъ средствъ, что въ пищу они употребляли не чистый, а пушной хлѣбъ, — мы будемъ въ состояніи объяснить, какимъ образомъ они сводили концы съ концами въ своихъ приходахъ и расходахъ и удовлетворяли тѣ потребности, которыя составляли *minimum* того, что необходимо для самаго скуднаго и жалкаго существованія. Недостатокъ въ средствахъ и вообще тяжелыя условія жизни вынуждали государственныхъ крестьянъ, особенно изъ тѣхъ уѣздовъ, гдѣ они были надѣлены меньшимъ количествомъ или худшимъ качествомъ земли, переселяться за предѣлы губерніи ¹⁾. Изъ всего вышесказан-

¹⁾ Съ 1835 по 1852 годъ переселилось изъ смоленской губ. государств. крестьянъ 14,321 душа обоюга пола. Соловьевъ, Статистика, стр. 102.

наго мы могли легко убѣдиться, что положеніе государственныхъ крестьянъ было далеко неудовлетворительно; несмотря однако на это недоимки на нихъ были незначительны. Такъ, въ 1858 году на нихъ числилось только по 40 к. на душу ¹⁾. Затѣмъ, до 1867 года недоимки не превышали 63 коп. на душу ²⁾, и только послѣ неурожая они увеличивались значительнымъ образомъ; такъ, послѣ неурожая 1850 года они составляли на душу по 10 руб. 41½ коп. ³⁾, а послѣ неурожая 1867 года и послѣдующихъ лѣтъ по 5 руб. ⁴⁾.

Положеніе помѣщичьихъ крестьянъ смоленской губ. представляло существенныя особенности сравнительно съ положеніемъ государственныхъ крестьянъ. Сколько они имѣли земли до изданія Положенія 19 февраля—сказать довольно трудно; какъ Соловьевъ, такъ и рецензентъ его, Ивановъ, считали у крестьянъ кругомъ по 11 десятинъ на душу мужского пола; но они дѣлали ту ошибку, что раскладывали всю помѣщичью землю и даже лѣса по числу душъ мужского пола. Въ матеріалахъ редакціонныхъ комиссій надѣлъ считался только въ 4,1 десят. на душу ⁵⁾; но это, очевидно, невѣрно, такъ какъ, несмотря на значительныя отрѣзки земли при введеніи уставныхъ грамотъ, крестьяне все-таки получили среднимъ числомъ по 4 десят. на душу, какъ видно изъ отчетовъ о ходѣ выкупной операціи. Можно думать, что помѣщичьи крестьяне имѣли не меньше, если не больше земли, чѣмъ государственные крестьяне, и пользовались бѣльшими удобствами относительно выгоновъ и пастбищъ. Ивановъ признаетъ, что помѣщичьи крестьяне имѣли земли несравненно болѣе, чѣмъ государственные, и этимъ объясняетъ, что въ помѣщичьихъ имѣніяхъ при переселеніяхъ число крестьянъ не только не убавилось, но, напротивъ, увеличилось ⁶⁾. Число пахатной земли у помѣщичьихъ крестьянъ было также не меньше, чѣмъ у государственныхъ; Ивановъ утверждалъ, что оно было больше ⁷⁾. Соловьевъ, по приблизительнымъ разсчетамъ, опредѣлялъ количество пахатной земли на душу въ 2,4 дес., и этотъ разсчетъ вполне подтверждался официальными свѣдѣніями о количествѣ хлѣба, высѣваемаго помѣщи-

¹⁾ „Статистическій обзоръ государст. имуществъ за 1858 годъ“. Изд. мин. госуд. имуществъ, 1861 г.

²⁾ Извлеченіе изъ трудовъ комиссій, призванной въ 1870 году, подъ предсѣдат. г. с. Гирса, въ прилож. къ докладу сел. ком. Прил. 1, отд. III, стр. 26—36.

³⁾ Соловьевъ, стр. 246.

⁴⁾ Докладъ ком. Прилож. 1, отд. III, стр. 26—36.

⁵⁾ „Военно-Статистическій Сборникъ“, т. IV, стр. 106.

⁶⁾ Ивановъ, Очеркъ, стр. 606.

⁷⁾ Тамъ же, стр. 796.

чѣмъ крестьянами ¹⁾. Средніе урожанъ съ земель помѣщичьихъ крестьянъ Соловьевъ принималъ нѣсколько ниже, чѣмъ съ земель государственныхъ крестьянъ; но это едва ли было правильно, такъ какъ по официальнымъ свѣдѣніямъ урожанъ у нихъ были даже выше ²⁾, что отчасти объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что число рогатаго скота у помѣщичьихъ крестьянъ было не меньше, а число лошадей, вслѣдствіе отбыванія барщины, даже больше, чѣмъ у государственныхъ крестьянъ ³⁾.

Изъ числа помѣщичьихъ крестьянъ передъ реформой было оброчныхъ крестьянъ 91,619 душъ муж. пола ⁴⁾, т.-е. почти столько же, сколько и государственныхъ крестьянъ; положеніе ихъ весьма мало отличалось отъ положенія казенныхъ крестьянъ; они также должны были испытывать недостатокъ въ средствахъ продовольствія, и также страдать отъ недостатка заработковъ. Оброкъ съ рабочаго тягла былъ 25 руб. 8 коп., а съ души 10 руб. 50 коп. ⁵⁾. Кроме того, приходилось съ души казенныхъ повинностей 1 р. 65 к., а всего 12 р. 15 к. Такимъ образомъ, помѣщичьи крестьяне платили значительно больше денежныхъ повинностей, чѣмъ государственные. По мнѣнію Иванова, эта разница уравнивалась большимъ надѣломъ помѣщичьихъ крестьянъ и пользованіемъ владѣльческими лѣсами ⁶⁾. Нельзя также не принять въ расчетъ того обстоятельства, что помѣщичьи оброчные крестьяне находились почти исключительно въ великорусскихъ уѣздахъ, гдѣ заработки были легче и выгоднѣе, тогда какъ большинство, а именно $\frac{3}{5}$ казенныхъ крестьянъ находились въ бѣлорусскихъ уѣздахъ, гдѣ помѣщичьи крестьяне, по мнѣнію Соловьева, за недостаткомъ заработковъ не могли бы вынести и самаго легкаго оброка ⁷⁾.

Большинство помѣщичьихъ крестьянъ, а именно 245,908 душъ мужского пола ⁸⁾, было на издѣльной повинности. Кроме казенныхъ вдатей въ количествѣ 1 р. 65 к. на душу, они не несли никакихъ денежныхъ повинностей въ пользу владѣльцевъ; но за то обработки-

¹⁾ По Соловьеву, помѣщичьи крестьяне должны были сѣять ржи 418,402 $\frac{1}{2}$ чет. (стр. 282). По отчетамъ губернатора за 1847—1857 гг., они сѣяли среднимъ числомъ до 422,783 четв. Цебриковъ, Смоленская губ., стр. 193.

²⁾ По отчетамъ губернатора за 1847—1857 годы средній урожай у казенныхъ крестьянъ: ржи 2,20, ярового 2,04; у помѣщичьихъ крестьянъ ржи 2,66, ярового 2,23.

³⁾ Ивановъ, Очеркъ, стр. 795.

⁴⁾ Матеріалъ редакц. комиссіи, т. 3, кн. 2.

⁵⁾ Тамъ же. Всѣхъ помѣщичьихъ крестьянъ считалось 337,527 душъ м. п.; тяголъ 141,800, т.-е. на тягло 2,38 души.

⁶⁾ Ивановъ, Очеркъ, стр. 621.

⁷⁾ Соловьевъ, стр. 194.

⁸⁾ Матер. редакц. комиссіи, т. III, кн. 2.

вали ихъ земли и вообще исполняли различныя работы по хозяйству. При этомъ существовало двѣ системы отбыванія работъ: или половина работниковъ постоянно находилась на господскихъ работахъ, или же вся господская запашка дѣлилась по тягламъ, которыя были обязаны обрабатывать земли. Первая система преимущественно преобладала въ западныхъ уѣздахъ. По мнѣнію Иванова, благосостояніе крестьянъ было выше тамъ, гдѣ повинности ихъ были опредѣлены не днями работы, а количествомъ обрабатываемой земли; въ этомъ случаѣ собственныя выгоды побуждали крестьянъ къ трудолюбію и дѣятельности, тогда какъ на барщинѣ крестьяне часто проводили время безъ работы и старались дѣлать какъ можно меньше и какъ-нибудь ¹⁾; хотя денежные повинности барщинныхъ крестьянъ были не велики, но чтобы уплатить ихъ, а также купить недостающее количество хлѣба на продовольствіе, соли и проч. имъ также приходилось зарабатывать на сторонѣ, но ясно, что заработки для нихъ, по недостатку свободнаго времени, были крайне затруднительны и развѣ только зимой они могли промыслять извозами. Вотъ чтѣ по этому поводу говорится въ „Хозяйственномъ календарѣ смоленскаго помѣщика“ ²⁾: „Въ январѣ, а если зима установится, то и въ декабрѣ крестьяне отправляются въ дальніе извозы, въ чемъ не должно имъ препятствовать, напротивъ, надо поощрять, въ противномъ случаѣ они должны будутъ продать весь свой хлѣбъ для удовлетворенія своихъ необходимыхъ денежныхъ повинностей“. Тутъ же авторъ добавляетъ, „что отъ крестьянина, отправляющагося въ извозъ, должно требовать, чтобы онъ, вмѣсто себя, оставлялъ человека и по одной лошади на тягло для отправленія господскихъ работъ и поставки хлѣба, тѣмъ болѣе, что извозами занимаются лучшіе двory“.

Сравнивая положеніе помѣщичьихъ и государственныхъ крестьянъ смоленской губерніи въ до-реформенное время, мы видимъ, что ихъ хозяйства ничѣмъ не отличаются между собою; въ быту ихъ также едва ли была значительная разница. Правда, оброчные крестьяне платили больше денежныхъ повинностей, чѣмъ государственные крестьяне, но за то они пользовались болышими удобствами въ земельныхъ угодьяхъ, не нанимали, подобно государственнымъ крестьянамъ, пастбищъ и луговъ и даже отдавали въ наймы луга государственнымъ крестьянамъ. Что же касается барщинныхъ крестьянъ, то хотя они имѣли вдвое меньше свободнаго времени, чѣмъ государственные крестьяне, однако вслѣдствіе затрудненія въ заработкахъ, особенно

¹⁾ Ивановъ. Очеркъ, стр. 617 и 623.

²⁾ Хозяйств. календарь, Храповицкаго, 1844 г.

въ западныхъ уѣздахъ, этотъ излишекъ свободнаго времени почти пропадалъ даромъ, и барщина потому была удобнѣе самыхъ низкихъ оброковъ. По тому же самому крестьяне, по отзыву Соловьева, охотно отбывали казенныя повинности натурой и весьма неохотно соглашались на замѣну ихъ деньгами. Недоимки на помѣщичьихъ, даже въ тяжелые годы, были меньше, чѣмъ у государственныхъ крестьянъ; такъ, послѣ неурожая 1850 г., когда на государственныхъ крестьянахъ было по 10 р. 41½ коп. недоимки на душу, на помѣщичьихъ крестьянъ было всего по 3 р. 50 на душу; это можетъ служить подтвержденіемъ, что бытъ помѣщичьихъ крестьянъ былъ, во всякомъ случаѣ, не хуже быта государственныхъ крестьянъ.

Все, что было говорено до сихъ поръ о положеніи крестьянъ, мы полагаемъ, достаточно убѣждаетъ, какъ трудно было имъ зарабатывать средства для удовлетворенія самыхъ скудныхъ потребностей; о затратахъ на улучшеніе хозяйства, о сбереженіяхъ на черный день, конечно, не могло быть и рѣчи. Между тѣмъ постоянное, хотя и незамѣтное оскудѣніе выпахиваемой зсмли должно было понижать средніе урожаи, увеличивать число неурожайныхъ лѣтъ, а съ ними неизбежныя затрудненія и бѣдствія. Лучшее доказательство постоянного ухудшенія быта крестьянъ мы находимъ въ постепенномъ уменьшеніи ежегоднаго прироста населенія губерніи: съ 1816 г. (7-я ревизія) по 1835 годъ (8-я ревизія) населеніе ежегодно возрастало на ½%; съ 1835 г. по 1851 годъ (9-я ревизія) на ⅓%, а съ 1851 по 1859 г. на ⅓%¹⁾.

Оканчивая обзоръ сельско-хозяйственнаго быта помѣщиковъ и крестьянъ въ 50-хъ годахъ, мы считаемъ необходимымъ указать на тѣ мѣры, которыя въ то время признавались полезными для улучшенія хозяйства и быта населенія.

Первою мѣрою для улучшенія сельскаго хозяйства г. Ивановъ²⁾ полагалъ временное уменьшеніе запашекъ съ цѣлью возстановить истощенное плодородіе почвы; по его мнѣнію, „при уменьшеніи пространства пахатныхъ земель будетъ возможность лучше удобрять оставшіяся поля, а вмѣстѣ съ тѣмъ запущенная подъ лугъ пашня дастъ средство прокормить большее число скота; посѣвъ травъ по этимъ запускамъ еще болѣе увеличитъ массу кормовыхъ средствъ и улучшить состояніе почвы запущенныхъ пространствъ. При такихъ условіяхъ можно будетъ надѣяться на сворое возстановленіе плодородія оставшихся пахатныхъ земель, что также усилитъ скотоводство увеличеніемъ урожая соломы“. По достиженіи этого результата

¹⁾ Цебриковъ, Смоленская губ., стр. 139.

²⁾ Ивановъ, Очеркъ, стр. 828—830.

можно будетъ снова увеличить запашку, но осторожно и постепенно „не должно думать,—добавляетъ Ивановъ,—чтобы при истощенной почвѣ уменьшеніе запашки уменьшило доходъ; сосредоточенныя на меньшемъ пространствѣ средства удобренія и воздѣлыванія дадутъ съ меньшихъ полей ту же массу зеренъ и соломы, какая при большемъ количествѣ труда получалась съ большого пространства“. Второй мѣрой для экономическаго развитія мѣстности онъ считалъ устройство достаточнаго числа заводовъ и фабрикъ, для чего представлялись всѣ удобства—обиліе топлива и строительныхъ матеріаловъ, низкая заработная плата и пути сообщенія. Кромѣ того, онъ указывалъ на необходимость усилить сбытъ лѣса и сельско-хозяйственныхъ произведеній улучшеніемъ путей сообщеній. Всѣ эти мѣстныя мѣры должны были, по его мнѣнію, предоставить смоленской губерніи весьма значительное мѣсто въ общей производительной и промышленной дѣятельности нашего отечества.

II.

Отмѣна крѣпостного права произвела великую перемѣну въ условіяхъ сельскаго хозяйства; она, по выраженію доклада комиссіи, изслѣдовавшей положеніе сельскаго хозяйства, *разсыкла* существовавшую въ до-реформенное время хозяйственно-земельную группу угодій на двѣ отдѣльныя, другъ отъ друга независимыя группы—помѣщичью и крестьянскую. Помѣщичье хозяйство не-черноземной полосы въ особенности испытало на себѣ тяжесть наступившаго кризиса. Недостатокъ капиталовъ, отсутствіе поземельнаго кредита и необходимыхъ въ хозяйствѣ практическихъ свѣдѣній—сдѣлали переходъ отъ обязательнаго труда къ наемному крайне затруднительнымъ; оказалось, что многія земли, обрабатываемыя даровымъ трудомъ, вслѣдствіе ихъ малой урожайности не только не было выгодно, но даже убыточно обрабатывать наемнымъ трудомъ. Запашки стали сокращаться; это явленіе—общее для всѣхъ не-черноземныхъ губерній Россіи, за исключеніемъ остзейскаго края, котораго, впрочемъ, и не коснулась реформа 1861 г. Въ смоленской губерніи запашки, по общему мнѣнію, уменьшились у помѣщиковъ на половину и даже на двѣ-трети. Во многихъ мѣстахъ, по объясненію Чеславскаго ¹⁾, земля была такъ истощена, что хозяйство и совсѣмъ нельзя было вести вольно-наемнымъ трудомъ.

Уменьшеніе запашекъ, какъ мы видѣли, предлагалось еще до

¹⁾ Докладъ ком. Прилож., т. VI, часть 1, стр. 80.

реформы, съ цѣлью возстановить плодородіе почвы, а потому нельзя не видѣть въ этомъ первый шагъ къ болѣе рациональной системѣ полеводства; затѣмъ требовалось увеличеніе кормовыхъ средствъ для развитія скотоводства, которое въ свою очередь дало бы необходимое удобрение. Однако, въ десятилѣтіе послѣ реформы скотоводство не только не увеличилось, но значительно уменьшилось, такъ что въ 1871 году числилось:

Лошадей	308,000
Рогатаго скота	300,000
Овецъ	431,000
Свиной	125,000 ¹⁾

Противъ 1861 года число лошадей уменьшилось на 37%, а число рогатаго скота на 17%; къ сожалѣнію, неизвѣстно, насколько именно уменьшилось число скота у помѣщиковъ. Можно предполагать, что уменьшеніе числа лошадей произошло исключительно у крестьянъ,—съ одной стороны, отъ недостатка выгоновъ и пастбищъ, и вообще упадка ихъ хозяйствъ, и съ другой стороны, отъ прекращенія извозовъ съ открытіемъ желѣзныхъ дорогъ; напротивъ, помѣщики съ переходомъ къ вольнонаемному труду должны были увеличить, а большинство даже вновь завести рабочихъ лошадей. Если предположить, что абсолютно число скота у помѣщиковъ уменьшилось, то во всякомъ случаѣ оно увеличилось въ отношеніи сократившихся запасовъ. По свѣдѣніямъ Высочайше утвержденной комиссіи, большинство помѣщичьихъ хозяйствъ въ смоленской губерніи находится въ упадкѣ отъ недостатка улучшеній, капиталовъ и слабого развитія скотоводства; однако у иныхъ помѣщиковъ оно и улучшилось. Нельзя не признать, что существующія условія сбыта сельскохозяйственныхъ продуктовъ таковы, что, конечно, не могутъ способствовать процвѣтанію хозяйства въ смоленской губерніи. Орловско-витебская желѣзная дорога, прорѣзавъ губернію, открыла сбытъ хлѣба въ балтійскихъ портахъ для черноземныхъ губерній, съ которыми соперничать смоленская губернія не въ силахъ. Главный продуктъ хозяйства—рожь—требуется темеръ только для продовольствія мѣстныхъ жителей и на мѣстные винокуренные заводы, и только овесъ и ячмень идутъ еще къ балтійскимъ портамъ и за границу; цѣны на хлѣбъ въ пятилѣтіе послѣ реформы хотя и повысились, но весьма не много ²⁾, а между тѣмъ цѣны на рабочія руки растутъ все болѣе и болѣе. Такимъ образомъ, смоленскимъ хозяевамъ приходится вести свое хозяйство при двойномъ дѣйствіи увеличиваю-

¹⁾ Тамъ же, т. IV, свѣдѣнія изъ отчетовъ губернаторовъ.

²⁾ Вильсонъ, Объясненія къ С. X. атласу, стр. 212.

щейся конкуренціи хлѣбородныхъ губерній и постоянномъ возрастаніи цѣны на трудъ. Ясно, что при такихъ условіяхъ самое улучшение хозяйства требуетъ величайшей осторожности и благоразумія; является также необходимость ввести культуру такихъ растений, которыя могли бы давать наиболѣе дохода и нашли бы болѣе легкій сбытъ; во многихъ мѣстностяхъ такимъ растеніемъ можетъ быть ленъ, который даетъ значительные доходы. Развитие фабрикъ и заводовъ для переработки мѣстныхъ произведеній и улучшение быта и средствъ крестьянъ, мы полагаемъ, должны также помочь помѣщичьимъ хозяйствамъ. И теперь крестьяне охотно берутъ помѣщичью землю въ наемъ или съ половины, а также нуждаются въ выгонахъ и пастбищахъ; съ развитіемъ же ихъ хозяйствъ потребности въ землѣ и угодьяхъ сдѣлаются сильнѣе, а вмѣстѣ съ тѣмъ возрастеть цѣнность и доходность помѣщичьихъ земель. Вліяніе развитія фабричной дѣятельности на цѣнность земель лучше всего доказывается примѣромъ владимірской губерніи, скудныхъ земли которой цѣнятся дороже плодородныхъ земель волынской губерніи ¹⁾.

Винить реформу 19-го февраля за упадокъ благосостоянія смоленскихъ помѣщиковъ было бы крайне несправедливо. Въ видѣ выкупной суммы, не считая дополнительныхъ платежей, они получили не только хорошую цѣну за землю, поступившую въ надѣлъ крестьянъ, но и значительное вознагражденіе за отчужденіе ихъ дарового, личнаго труда; съ проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ открылся сбытъ для лѣса, цѣны на который во многихъ мѣстахъ поднялись значительно; цѣнность земель также возвысилась, а это указываетъ на увеличеніе ея доходности. Упадокъ сельскаго хозяйства помѣщиковъ признавался еще до реформы, и причинами его считались истощеніе почвы и недостатокъ скотоводства; отчужденіе крѣпостного права только приблизило тотъ кризисъ, который неминуемо долженъ былъ разрѣшиться вслѣдствіе тѣхъ же самыхъ причинъ, которыя имѣютъ столь рѣшительное вліяніе на положеніе хозяйства въ губерніи въ настоящее время—экономическаго развитія хлѣбородныхъ губерній и постройки желѣзныхъ дорогъ, открывшихъ сбытъ для ихъ произведеній.

Хотя докладъ комиссіи и признаетъ, что крестьянское хозяйство въ переходное время, слѣдовавшее за реформой 19-го февраля, было обставлено лучше, чѣмъ хозяйство помѣщичье, тѣмъ, что оно не только не испытывало на себѣ какого-либо потрясенія, но, наоборотъ, благодаря этому потрясенію на другой половинѣ, землевладѣльческой, получило возможность располагать суммою удвоенныхъ

¹⁾ Прилож. къ докладу, т. IV, свѣдѣнія статистическія.

рабочихъ рукъ; однако же, по ея выводамъ, во всѣхъ центральныхъ, не-черноземныхъ губерніяхъ, восточныхъ и сѣверныхъ, за исключеніемъ сѣверо-западнаго края, ухудшились и даже иногда значительно, и хозяйство и бытъ крестьянъ. Въ быту оказался недостатокъ заработка, недостатокъ хлѣба, соли, топлива и всего, чѣмъ держится крестьянская жизнь; въ хозяйствѣ оказался недостатокъ земли, выгона, лѣса, сѣнокоса и рабочаго скота. Вслѣдствіе этого большинство крестьянъ обѣднѣло даже сравнительно съ до-реформенною обѣдностью. Нечего говорить, что все это выпало на долю и смоленскому крестьянину.

Полнѣйшее отсутствіе статистическихъ данныхъ относительно хозяйства и быта крестьянъ въ десятилѣтіе послѣ реформы 1861 года, дѣлаетъ затруднительнымъ рѣшеніе и самаго вопроса, которому посвящена наша статья; несмотря однако на это, мы будемъ держаться уже принятой нами методы и сравнимъ положеніе помѣщичьихъ крестьянъ послѣ введенія положенія 19-го февраля съ положеніемъ государственныхъ крестьянъ въ то же время.

Положеніе государственныхъ крестьянъ до 1861 года, какъ мы видѣли, если и нельзя было назвать удовлетворительнымъ, то по крайней мѣрѣ сноснымъ. Въ десятилѣтіе 1861—1871 г. въ ихъ хозяйствѣ и бытѣ не произошло никакой особой перемѣны. Если съ постояннымъ истощеніемъ почвы, возрастаніемъ населенія и повышеніемъ цѣнъ на хлѣбъ увеличились расходы на продовольствіе, то, съ другой стороны, повысились цѣны на трудъ; положеніе помѣщичьихъ крестьянъ до реформы, по крайней мѣрѣ въ отношеніи размѣра хозяйственныхъ угодій, признавалось выгоднѣе положенія государственныхъ крестьянъ. Съ введеніемъ положенія 19-го февраля, помѣщичьи крестьяне, вслѣдствіе установленныхъ надѣловъ, лишились значительнаго количества земель; ихъ надѣлъ сразу понизился до 4 десятинъ и меньше, и сдѣлался гораздо менѣе надѣла государственныхъ крестьянъ; кромѣ того, они лишились пастбищъ, выгоновъ, пользованія лѣсомъ и прочихъ угодій. Между тѣмъ, освобожденные отъ барщины, которая отнимала половину времени, крестьяне могли обрабатывать для себя вдвое болѣе земли, чѣмъ прежде. Это одновременное удвоеніе рабочихъ силъ и уменьшеніе орудій производства, составляющее столь существенное противорѣчіе въ принятой системѣ надѣловъ,—не могло не потрясти весьма сильно хозяйство, особенно барщинныхъ крестьянъ. Въ оброчныхъ имѣніяхъ уменьшенію надѣла отчасти соотвѣтствовало и уменьшеніе оброковъ до 8 руб. съ души; кромѣ того, оброчные крестьяне уже привыкли употреблять свободное отъ хозяйства время на заработки, а потому происшедшая перемѣна могла быть для нихъ нечувствительной; со-

всѣмъ иное дѣло—барщинные крестьяне: имъ предстояло сохранить размѣръ хозяйства по крайней мѣрѣ въ прежнемъ видѣ, что отчасти и достигалось правомъ крестьянъ въ теченіе первыхъ пяти лѣтъ удержатъ въ своемъ пользованіи, однако за особыя повинности, пашни и луга, подлежашіе отрѣзкѣ; затѣмъ было необходимо буда либо приложить всю сумму труда, сдѣланнагося свободнымъ съ отпѣною барщины. Для этого же представлялось два пути: или расширить полевое хозяйство наймомъ помѣщичьихъ земель, или обратиться къ заработкамъ. Вопросъ о томъ, увеличились ли записки помѣщичьихъ крестьянъ смоленской губерніи со времени реформы, представляетъ чрезвычайную важность; но для рѣшенія его не имѣется почти никакихъ данныхъ. По отчетамъ губернатора, въ трехлѣтіе 1864—1866 г. въ губерніи высѣвалось среднимъ числомъ на мужскую душу всѣхъ сословій:

Ржи	1,18 четверти.
Ярового хлѣба	2,24 " 1)

До реформы, по свѣдѣніямъ изъ отчетовъ за 1847—1857 гг., высѣвалось:

Ржи	1,26 четверти.
Ярового	4,50 "

и въ томъ числѣ одними помѣщичьими крестьянами, на душу:

Ржи	1,16 четверти.
Ярового	2,29 " 2)

Свѣдѣнія о посѣвахъ, извлеченныя изъ отчетовъ губернаторовъ, составленныхъ на основаніи донесеній мѣстныхъ властей, безъ всякаго сомнѣнія, не могутъ отличатся достовѣрностью, и конечно, нуждаются въ тщательной провѣркѣ; но за неимѣніемъ другихъ мы по волеѣ должны придерживаться ихъ, тѣмъ болѣе, что самая однородность этихъ свѣдѣній за большое число лѣтъ уже придаетъ имъ извѣстное значеніе. Итакъ, на основаніи этихъ свѣдѣній мы никакъ не можемъ признать, чтобы посѣвы крестьянъ въ первое пятилѣтіе послѣ реформы увеличились, несмотря на то, что въ это пятилѣтіе урожаи были весьма удовлетворительны и крестьяне имѣли возможность сохранить тѣ земли, которыя подлежали отрѣзкѣ. Въ послѣдующіе годы, вслѣдствіе неурожаевъ, запашки значительно уменьшились, такъ что по свѣдѣніямъ 1870 года всѣми сословіями высѣвалось среднимъ числомъ на душу мужского пола:

Ржи	0,68 четв.
Ярового	1,46 " 2)

1) Военно-статистич. сборникъ, т. IV, стр. 252.

2) Цебриковъ, Смол. губ., стр. 193.

3) Докладъ ком., Прил. т. IV.

Вышеприведеннымъ свидѣніямъ о количествѣ посѣвовъ, повидѣному, противорѣчить тотъ фактъ, что крестьяне весьма охотно нанимаютъ или берутъ исполу земли помѣщиковъ и даже покупаютъ ихъ; но противорѣчіе тутъ только кажущееся: дѣйствительно, крестьяне охотно нанимаютъ земли у помѣщиковъ—въ этомъ выражается ихъ потребность, нужда въ землѣ; но слѣдуетъ предположить, что крестьяне, несмотря на это, все-таки не могутъ увеличить своихъ запасекъ выше того размѣра, который у нихъ былъ передъ изданіемъ положенія и отрѣзки земель. Въ гжатскомъ уѣздѣ, по отзыву одного изъ землевладѣльцевъ, крестьянскія запашки послѣ реформы сократились на четвертую часть ¹⁾, а гжатскій уѣздъ одинъ изъ лучшихъ въ смоленской губ., гдѣ благосостояніе крестьянъ наиболѣе удовлетворительно.

Если мы допустимъ, что крестьянскія хозяйства послѣ реформы 19 февраля даже не измѣнились по количеству запасекъ, то несомнѣнно, что они измѣнились къ худшему во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. Количество собственной земли крестьянъ уменьшилось, и потому для поддержанія хозяйства въ прежнихъ размѣрахъ нужно было нанимать земли, луга; въ большинствѣ случаевъ крестьяне лишились пользованія топливомъ изъ лѣсовъ помѣщиковъ и выгоновъ, а которые имъ приходится или платить деньги, или отработывать помѣщикамъ. Недостатокъ выгоновъ, по мнѣнію комиссіи, пріѣзжавшей въ смоленскую губернію въ 1870 г., особенно чувствуется крестьянами западныхъ уѣздовъ, которымъ приходится за пользованіе выгонами платить по рублю и по два съ души; уменьшеніе скота у крестьянъ признается всѣми; мы уже видѣли, какъ уменьшилось количество лошадей за 10 лѣтъ; объ упадкѣ скотоводства у крестьянъ можно судить уже потому, что изъ числа 66,975 дворовъ въ западныхъ уѣздахъ въ 1870 году въ 5,433 дворахъ не имѣлось ни одной лошади, а въ 2615 ни одной лошади ²⁾; ничего подобнаго не было не могло быть до реформы, такъ какъ собственный интересъ помѣщиковъ заставлялъ заботиться, чтобы крестьяне не оставались безъ побочнаго скота: съ уменьшеніемъ скота истощенная почва должна была не болѣе истощиться, а средніе урожаи понизиться, хотя этого пока нельзя вывести изъ официальныхъ статистическихъ данныхъ.

Такъ какъ крестьянскія хозяйства послѣ реформы не расширились, помѣщики, уменьшивъ свои запашки, требовали сравнительно съ

¹⁾ Тамъ же, прил. 1, извлеченія изъ весьма обширной записки гжатскаго землевладѣльца, фамилія котораго не названа.

²⁾ Извлеченія изъ записки т. с. Гирса въ матер. комиссіи С. х., т. I, отд. III, стр. 26.

прежнимъ гораздо меньше рабочихъ рукъ, то ясно, что масса свободного крестьянскаго труда должна была устремиться къ разнаго рода промысламъ и заработкамъ. Мы видѣли, что до реформы промышленная дѣятельность смоленской губерніи была ничтожна и что въ то время только небольшое число рабочихъ рукъ могло находить себѣ занятіе. Въ десятилѣтіе послѣ реформы въ этомъ отношеніи мало что измѣнилось; желѣзныя дороги хотя и открыли нѣсколько новыхъ видовъ заработковъ, но за то они убили извозъ и тѣмъ лишили крестьянъ возможности держать лошадей, которыхъ теперь они не въ состояніи прокармливать зимою. Заводская и фабричная дѣятельность хотя и расширилась нѣсколько въ отношеніи числа фабрикъ и суммы производства, но число рабочихъ послѣ 1851 года даже уменьшилось, что, конечно, слѣдуетъ приписать введенію машинъ и вообще улучшенію способовъ производства. Въ 1851 году на смоленскихъ заводахъ и фабрикахъ числилось всего 2929 рабочихъ, а въ 1870 г. только 2381 ¹⁾. Высокая рабочая плата, которую предлагаютъ наниматели изъ южныхъ губерній, весьма соблазняетъ крестьянъ; но отхожіе промыслы имѣютъ ту невыгоду, что они отвлекаютъ крестьянъ отъ хозяйства и семьи, приучаютъ къ бродячей жизни, служатъ причиной распространенія заразительныхъ болѣзней; однимъ словомъ, ведутъ къ деморализаціи. Кромѣ того, часто случается, что только немногіе приносятъ заработанныя деньги домой, большинство же растрчиваетъ свои барыши на чужбинѣ, доставляя доходъ тамошнимъ кабакамъ.

„Въ не-черноземной полосѣ Россіи,—говоритъ г. Чеславскій,—заработки необходимы крестьянамъ для продовольствія и уплаты податей; гдѣ есть промыслы, крестьяне живутъ лучше; въ смоленской губерніи промысловъ нѣтъ“ ²⁾. Мы знаемъ нѣсколько деревень въ рославльскомъ уѣздѣ, гдѣ крестьянскій надѣлъ, состоящій изъ песчаной неплодородной земли, даже въ хорошіе годы едва возвращаетъ сѣмена; дохода такая земля давать не можетъ; но она служитъ точкой опоры для крестьянской семьи, живущей, благодаря заработкамъ на сосѣднихъ фабрикахъ и отъ извозовъ, безбѣдно. Въ восточныхъ уѣздахъ, гдѣ издавна существуютъ промыслы, бытъ и хозяйство крестьянъ находятся, по мнѣнію комиссіи, пріѣзжавшей въ смоленскую губернію въ 1870, въ болѣе удовлетворительномъ положеніи, чѣмъ въ уѣздахъ западныхъ, гдѣ промысловъ нѣтъ. Однако и въ восточныхъ уѣздахъ крестьяне послѣ реформы 19 февраля обѣднѣли; такъ,

¹⁾ Докладъ комиссіи. Прилож., т. IV, свѣдѣнія статистическія.

²⁾ Докладъ. Прилож., т. VI, часть I, стр. 80.

въ гжатскомъ уѣздѣ, по опредѣленію мѣстнаго землевладѣльца, въ 1860 году на сто душъ крестьянъ было:

Достаточныхъ крестьянъ	24%
Посредственныхъ	30 „
Бѣдныхъ	46 „

а въ 1872 году:

Достаточныхъ	10 „
Посредственныхъ	24 „
Бѣдныхъ	66 „ ¹⁾

Ухудшеніе хозяйства и отсутствіе заработковъ на мѣстахъ, конечно, не могло не отразиться и на ухудшеніи быта крестьянъ. Если прежде крестьяне должны были прикупать хлѣбъ на продовольствіе, то теперь, вслѣдствіе бѣльшаго истощенія почвы и меньшей урожайности и сокращенія запашекъ, если не у всѣхъ, то у нѣкоторыхъ крестьянъ, они должны были прикупать его больше; кромѣ того, цѣны на хлѣбъ повысились, а это въ свою очередь не могло не отразиться на бытѣ смоленскихъ крестьянъ, которые производили его всегда меньше, чѣмъ нужно на ихъ продовольствіе. Правда, въ то же время цѣны на трудъ также повысились; но это имѣло и имѣетъ значеніе только для тѣхъ дворовъ, которые могли и могутъ отпускать на заработки своихъ членовъ; въ малорабочихъ дворахъ,—а число таковыхъ съ увеличеніемъ числа раздѣловъ составляетъ большинство,—повышеніе цѣны на хлѣбъ дѣйствуетъ прямо въ ущербъ крестьянъ; по нашему мнѣнію, это одна изъ причинъ, почему большинство крестьянъ, какъ удостовѣряетъ докладъ высочайше утвержденной комиссіи, обдѣлало даже сравнительно съ до-реформенною бѣдностью.

По изслѣдованіямъ комиссіи, бывшей въ 1870 г. въ смоленской губерніи, доходъ отъ хозяйства крестьянъ въ западныхъ уѣздахъ, за исключеніемъ духовщинскаго и краснинскаго, не покрываетъ расходовъ на прокормленіе, на сумму въ 425,174 руб. 44 коп.; по ея же выводамъ оказывается, что если предположить, что въ каждой много-рабочей семьѣ работникъ добудетъ заработкомъ 30 руб. въ годъ, а въ малорабочей 15, то, за отчисленіемъ расхода только на одно продовольствіе, на каждую ревизскую душу мужского пола изъ дохода отъ земли и промысла останется:

Въ бѣльскомъ уѣздѣ	3 руб. 54 коп.
„ смоленскомъ	4 „ 18 „
„ порѣвскомъ	5 „ 40 „
„ рославльскомъ	10 „ 54 „
„ ельнинскомъ	11 „ 44 „
„ духовщинскомъ	11 „ 75 „
„ краснинскомъ	16 „ 75 „

¹⁾ Докладъ. Прилож., т. I, сводъ свѣдѣній о хозяйствѣ.

Изъ этихъ остатковъ должны быть покрыты всѣ остальные расходы семьи и уплачены повинности, которыя составляютъ при вышемъ надѣлѣ отъ 10 руб. 58 коп. до 11 руб. 4 коп. для оброчныхъ крестьянъ, и отъ 9 руб. 4 коп. до 9 руб. 44 коп. для крестьянъ-собственникововъ ¹⁾. Бюджетъ отдѣльной крестьянской семьи показываетъ еще нагляднѣе недостаточность средствъ крестьянъ. Въ матеріалахъ, собранныхъ Высочайше утвержденной комиссіей для изслѣдованія сельскаго хозяйства, приведенъ расходъ и доходъ крестьянской семьи въ смоленскомъ уѣздѣ, состоящей изъ 2-хъ работниковъ, 2-хъ работницъ и 4—6 не-рабочихъ, имѣющей полный надѣлъ на 4 души, считая на душу по 3¹/₂ десятины:

Расходъ.

На уплату повинностей	38 руб.	
„ соль	8 „	
„ постное масло	6 „	
„ вино	9 „	60 коп.
„ одежду	15 „	
„ земледѣльческія орудія, желѣзо и проч.	5 „	50 „
„ церковныя требы	3 „	
Всего	85 руб.	10 коп.

Доходъ. — Кромѣ хлѣба, идущаго на продовольствіе при среднемъ урожаѣ:

5 пудовъ пеньки и 1 чет. конопли	18 руб. 50 коп.
Заработокъ лѣтомъ 2-хъ душъ, мужчины и женщины	42 „
Всего	60 руб. 50 коп.

Недостаетъ 25 руб. ²⁾.

Если въ многорабочей семьѣ, несмотря на ограниченность расходовъ, несмотря на повинности въ размѣрѣ только 9 рублей на надѣлъ, несмотря на произвольное допущеніе, что средніе урожаи хлѣба достаточны для прокормленія семьи, — такъ великъ недостатокъ въ доходахъ, то, конечно, онъ долженъ быть еще болѣе въ малорабочей семьѣ. Вообще же, тѣ хозяйственныя условія жизни крестьянъ, на которыя мы указали, настолько неблагоприятны, что, конечно, потребности крестьянъ въ десятилѣтіе послѣ реформы не могли расширяться и быть ихъ улучшиться; напротивъ, дефицитъ въ доходахъ долженъ былъ выразиться въ ухудшеніи ихъ быта и въ накопленіи недоимокъ, которыя въ свою очередь оказали воздѣйствіе на ухудшеніе хозяйствъ и упадокъ благосостоянія. По мнѣнію сельско-хозяйственной комиссіи, мѣстности не-черноземныя положительно бѣдствуютъ подъ бременемъ накопившихся недоимокъ. Послѣ голода

¹⁾ Докладъ ком. Прилож. т. III, отд. I, ст. 26—36,

²⁾ Докладъ. Прилож. т. I, ст. 32.

1867 г. и послѣдующихъ неурожайныхъ лѣтъ, недоимки въ смоленской губерніи возросли особенно сильно. Мы видѣли, что до 1867 года на казенныхъ крестьянахъ числилось недоимокъ только по 60 к. на душу, а къ 15-му января 1870 года ихъ уже числилось по 5 руб. Къ этому же времени на помѣщичьихъ крестьянахъ числилось недоимокъ на душу:

Въ смоленскомъ уѣздѣ	22 руб. 20 коп.
» краснинскомъ	17 „ 73 „
» духовщинскомъ.	16 „ 4 „
» рославльскомъ	9 „ 38 „
» норѣчьскомъ.	6 „ 31 „
» ельнинскомъ.	6 „ 3 „
» бѣльскомъ	3 „ 4 „

Впрочемъ, цифры эти не выражаютъ дѣйствительнаго накопленія недоимокъ, потому что при этомъ не были приняты въ расчетъ недоимки оброковъ, а недоимки выкупныхъ платежей разложены не на однихъ крестьянъ-собственниковъ, а на общее число помѣщичьихъ крестьянъ. Какъ велики были недоимки послѣ неурожая, можно судить по тому, что въ нѣкоторыхъ обществахъ крестьянъ краснинскаго, духовщинскаго и рославльскаго уѣздовъ, они достигали до 30 и 40 рублей на душу. Въ восточныхъ уѣздахъ, гдѣ условія хозяйства и быта крестьянъ, вслѣдствіе развитія промысловъ и заработковъ, лучше, недоимки сравнительно ничтожны; а именно: къ 15-му января 1870 года ихъ числилось на душу:

Въ вяземскомъ уѣздѣ.	66 коп.
» сичевскомъ	44 „
» юхновскомъ	37 „
» дорогобужскомъ	16 „
» гжатскомъ	12 „

Всѣхъ же недоимокъ, за исключеніемъ оброчныхъ, на помѣщичьихъ крестьянахъ было къ 15-му января 1870 года 2.127,031 руб., въ томъ числѣ выкупныхъ платежей 1.741,492 р., т.-е. въ полтора раза болѣе годового оклада ¹⁾. Кромѣ этихъ недоимокъ послѣдствіемъ неурожая было накопленіе долговъ частнымъ лицамъ, и главнымъ образомъ въ продовольственный капиталъ. Такъ, въ 1868, 1869 и 1870 году роздано было въ ссуду на продовольствіе и обмѣненіе полей 1.866,371 руб. 85 коп., въ счетъ которыхъ къ концу 1873 года было уплачено только 153,803 руб. ²⁾.

Мы видѣли какъ ничтожны доходы помѣщичьихъ крестьянъ семи

¹⁾ Всѣ свѣдѣнія о недоимкахъ извлечены изъ записки т. с. Гирса, прилож. къ докладу, т. III, стр. 26—36.

²⁾ Журналы смоленск. губ. собранія съ 4-го по 15-е декабря 1873 года, стр. 156.

западныхъ уѣздовъ смоленской губерніи отъ земли и заработковъ, какъ не велики остатки отъ доходовъ за отчисленіемъ одного только расхода на прокормленіе; между тѣмъ, съ освобожденіемъ крестьянъ на нихъ палъ выкупъ за земли, отведенныя въ надѣлы, и они должны были платить или выкупные платежи, или оброки; понятно, что весь ходъ крестьянскаго хозяйства сталъ естественнымъ образомъ въ зависимость отъ вопроса: въ какой мѣрѣ выкупные платежи и оброки соотвѣтствовали дѣйствительной доходности земель?

Въ 1 мая 1874 г. число крестьянъ, вышедшихъ на выкупъ, составляло 250,229 душъ, т.-е., 77,28% общаго числа помѣщичьихъ крестьянъ. Въ ихъ собственность поступило 1.004,753 дес. 995 кв. саж. земли, и на эту землю палъ долгъ въ количествѣ всей выкупной суммы, выданной помѣщикамъ, а именно 27.369,689 руб. 04 коп., что составляетъ на десятину 27 руб. 34 к. ¹⁾; ежегодный платежъ процентовъ и погашенія составляетъ съ десятины 1 руб. 63,4 коп.; платежъ оброчныхъ крестьянъ составляетъ на десятину 2 руб., а въ смоленскомъ уѣздѣ 2 руб. 28 коп. Средняя доходность земли для обложения земскимъ сборомъ опредѣляется въ 86,5 коп.; такимъ образомъ выкупные платежи почти вдвое болѣе чистаго дохода отъ земли. Если допустить, что земскія оцѣнки ниже дѣйствительныхъ, то и тогда слѣдуетъ признать, что выкупные платежи чрезмѣрны съ дѣйствительной доходностью крестьянскихъ надѣловъ. Сельско-хозяйственная комиссія въ своемъ докладѣ отнесла смоленскую губернію къ той группѣ губерній, гдѣ выкупные платежи крестьянъ отъ 30—50% выше дѣйствительной доходности земель, накопленіе недоимокъ въ выкупныхъ платежахъ, въ послѣднее время, шло весьма правильно, указывая на ихъ чрезмѣрность; такъ—

въ 1868 году	поступило	менѣ	оклада	на	42 ⁷ / ₁₀ %
” 1869 ”	”	”	”	”	на 27 ⁴ / ₁₀ %
” 1870 ”	”	”	”	”	на 22 ¹ / ₁₀ %
” 1871 ”	”	”	”	”	на 28 ⁴ / ₁₀ % ²⁾

Уменьшеніе крестьянскихъ надѣловъ послѣ реформы 19 февраля и чрезмѣрность выкупныхъ платежей, несомнѣнно, рѣшительнымъ образомъ повліяли на упадокъ благосостоянія помѣщичьихъ крестьянъ смоленской губерніи. Это доказывается, съ одной стороны, тѣмъ, что бытъ и хозяйство крестьянъ въ сѣверо-западномъ краѣ, гдѣ также не существуетъ заработковъ и промысловъ, улучшились именно потому, какъ признаетъ сельско-хозяйственная комиссія, что крестьяне получили большіе надѣлы и вслѣдствіе дешевизны выкупа. Съ другой стороны, тѣмъ, что бытъ и хозяйство государственныхъ кре-

¹⁾ „Правительственный Вѣстникъ“ 1874 г. № 111.

²⁾ Ежегодникъ министерства финансовъ 1869—1873 г., 4 вып.

стать, положеніе которыхъ до реформы, какъ мы видѣли, было вовсе не лучше положенія помѣщичьихъ крестьянъ, находится въ болѣе удовлетворительномъ состояніи и во всякомъ случаѣ не возбуждаетъ опасеній. Въ сосѣдней, моголевской губерніи крестьяне получили въ надѣль 5 десятинъ, и на каждую десятину палъ долгъ только въ 19 руб. 89 коп. ¹⁾; ежегодный выкупной платежъ съ десятины составляетъ 1 руб. 19,3 коп., т.-е. на 34% менѣе того, что платятъ крестьяне-собственники смоленской губерніи. Это различіе настолько было важно по своимъ послѣдствіямъ, что хозяйство и бытъ крестьянъ моголевской губерніи, которые считались до реформы еще бѣднѣе крестьянъ смоленской губерніи, начали улучшаться; бытъ же и хозяйство крестьянъ смоленской губерніи стали ухудшаться.

Оброчная подать казенныхъ крестьянъ въ смоленской губерніи составляетъ всего 57,7 коп. съ десятины, а потому выкупные платежи на 183,1% болѣе платежей казенныхъ крестьянъ. Кромѣ выкупныхъ платежей, значительная часть крестьянъ-собственниковъ должна была уплачивать или отработывать помѣщикамъ дополнительный платежъ или такъ-называемую пятую копейку оброка же, выше платежей казенныхъ крестьянъ на 246—295%; послѣ этого нѣтъ ничего удивительнаго, что благосостояніе казенныхъ крестьянъ гораздо удовлетворительнѣе положенія бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ. Если перенести подушную подать крестьянъ на земли, то оказывается, что имъ приходится платить по 45,4 коп.; у казенныхъ же крестьянъ вслѣдствіе большого надѣла подушная подать падаетъ только въ количествѣ 32,2 коп. на десятину, т.-е. на 40,9% меньше, чѣмъ у помѣщичьихъ крестьянъ ²⁾. Въ смоленской губерніи кромѣ казенныхъ крестьянъ, платящихъ оброчную подать за земли, есть государственные крестьяне, которые были поселены на своихъ земляхъ и потому платили только подушную подать; наконецъ, въ смоленской губерніи не мало однодворцевъ и дворянъ земледѣльцевъ, которые по размѣрамъ своей поземельной собственности не отличаются отъ государственныхъ и бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ. Весьма важно изучить положеніе хозяйства и быта земледѣльцевъ каждой изъ этихъ группъ, съ цѣлью опредѣлить сравнительное вліяніе различнаго рода повинностей и въ различномъ размѣрѣ на состояніе этихъ земледѣльческихъ группъ. Къ сожалѣнію, подобнаго рода вслѣдованія, входящія въ область земской статистики, не были

¹⁾ „Правит. Вѣстникъ“ 1874 г. № 111.

²⁾ Податной вопросъ Л. Буха. „Вѣстн. Европы“, 1874 г., февраль.

производимы въ смоленской губерніи, да и сама земская статистика еще не зарождалась въ нашемъ земствѣ.

По изслѣдованіямъ комиссін, прїѣзжавшей въ смоленскую губернію въ 1870 г. для изученія экономическаго состоянія крестьянъ, всѣ вообще подати и повинности бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ составляли въ западныхъ уѣздахъ губерніи отъ 2 р. 48 к. до 3 руб. 28 коп. съ десятины, и въ восточныхъ уѣздахъ отъ 3 руб. 15 коп. до 3 руб. 35 коп., т.-е. больше средней доходности земли (86,5 коп.) отъ 186 до 287%; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ они не только поглощаютъ, но и превышаютъ значительно валовой доходъ отъ земли. Никто бы не повѣрилъ, да этого и дѣйствительно нѣтъ, чтобы частный владѣлецъ, получающій отъ своей земли, положимъ, 1000 рублей чистаго дохода въ видѣ аренды, долженъ былъ уплачивать податей и повинностей отъ 2,860 до 3,870 рублей, а именно въ такомъ невозможномъ положеніи находятся бывшіе помѣщичьи крестьяне смоленской губерніи. На земли частныхъ владѣльцевъ подати падаютъ всего въ количествѣ отъ 8,8 до 9,5 коп. съ десятины въ западныхъ уѣздахъ и 12,5 коп. въ восточныхъ уѣздахъ, то-есть берутъ около 10% чистаго дохода ¹⁾.

Такимъ образомъ очевидно, что повинности бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ смоленской губерніи не только берутъ всю поземельную ренту, но и ложатся значительнымъ образомъ на трудъ, на заработокъ крестьянъ; размѣръ этого личнаго налога, при полномъ надѣлѣ крестьянъ въ западныхъ уѣздахъ, составляетъ для оброчныхъ крестьянъ до 7 руб. 58 коп., для крестьянъ-собственниковъ до 5 руб. 98 коп. съ мужской души ²⁾; съ взрослоаго работника онъ будетъ отъ 12 руб. 67 коп. до 16 руб. 5 коп. ³⁾. Нужно припомнить, что и косвенные налоги на потребление, въ концѣ-концовъ, выплачиваются изъ заработковъ. Взявъ въ основаніе среднее потребление вина въ Россіи, можно принять, что каждый взрослый рабочій уплачиваетъ одного акциза 11 руб. 56,4 коп. ⁴⁾, всего же изъ заработ-

¹⁾ Докладъ Прилож. т. III, I отд., стр. 26.

²⁾ На стр. 34 объяснено, что въ западныхъ уѣздахъ, при полномъ надѣлѣ, повинности оброчныхъ крестьянъ составляютъ до 11 р. 04 к., а собственниковъ до 9 руб. 44 к. Доходъ чистый съ надѣла въ 4 десятины, считая съ десятины 86,5 к., 3 руб. 46 коп.; остается непокрытыхъ повинностей отъ 5 руб. 98 коп. до 7 руб. 58 к.

³⁾ По академику Буяковскому, въ 100 душ. муж. пола находится рабочихъ отъ 18 до 55 лѣтъ 47 человекъ,—это число и принято для опредѣленія личнаго налога работника.

⁴⁾ По свѣдѣніямъ акцизнаго управленія, въ 1870 г. потреблялось въ Россіи на душу 0,98 ведра водки въ 40% по Траллесу; предполагая число мужчинъ въ половину общаго числа населенія (хотя оно въ дѣйствительности меньше), мы получимъ потребление водки въ 1,96 ведра; на душу мужского пола, а на каждого рабочаго отъ 18 до 55 лѣтъ 4,18 ведра акцизъ съ ведра составляетъ 2 руб. 80 коп.

ковъ смоленскому рабочему, не считая налога на соль, приходится выплачивать отъ 24 руб. 23 коп. до 27 руб. 61 коп. И это при заработной платѣ отъ 28 до 50 руб. въ годъ ¹⁾.

Мы рассмотрѣли главнѣйшія условія, въ которыхъ находится хозяйство и бытъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ смоленской губерніи; послѣ реформы 19 февраля мы не остановимся на второстепенныхъ факторахъ, какъ-то: беспорядкахъ въ крестьянскомъ самоуправленіи, эксплуатаціи крестьянъ различными міроѣдами, пьянствѣ, частыхъ прогулахъ, раздѣлѣ дворовъ и проч.; въ суммѣ причинъ, вредно влияющихъ на благосостояніе крестьянъ, они конечно занимаютъ известное мѣсто, но было бы неправильно приписывать имъ исключительное влияние на упадокъ благосостоянія крестьянъ уже потому, что означенныя причины не могли помѣшать улучшенію хозяйства и быта крестьянъ не только черноземныхъ губерній, но даже самыхъ бѣдныхъ губерній сѣверо-западнаго края.

Сводя все вышеизложенное, мы необходимо приходимъ къ слѣдующимъ выводамъ:

1) Послѣ реформы 19 февраля 1861 г. положеніе бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ смоленской губерніи ухудшилось, въ особенности въ западныхъ уѣздахъ, гдѣ отсутствіе мѣстныхъ промысловъ лишаетъ крестьянъ возможности зарабатывать достаточныя средства для уплаты повинностей и покрытія самыхъ необходимыхъ расходовъ.

2) Ухудшеніе хозяйства крестьянъ обусловливается уменьшеніемъ надѣловъ, недостаткомъ луговъ и выгоновъ, оскуднѣніемъ выпашиваемой почвы, уменьшеніемъ скота.

3) Ухудшеніе быта крестьянъ зависитъ отъ постояннаго уменьшенія средствъ продовольствія, доставляемыхъ надѣломъ; отъ всеобщей дороговизны и, въ частности, возвышенія цѣнъ на хлѣбъ; отъ недостатка и малоприбыльности заработковъ на мѣстахъ и низкихъ цѣнъ на трудъ и отъ значительныхъ налоговъ, падающихъ на трудъ и потребление крестьянъ.

4) Ближайшими причинами упадка хозяйства и быта бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ въ смоленской губерніи слѣдуетъ признать, кромѣ слабого развитія промысловъ, главнѣйшимъ образомъ недостаточность земельныхъ надѣловъ и несоразмѣрность общихъ повинностей за землю съ ея доходностью.

¹⁾ Докладъ комиссіи Прилож., т. I, св. свѣдѣній о положеніи хозяйства.

III.

Если упадокъ благосостоянія крестьянъ смоленской губерніи зависить отъ тѣхъ причинъ, которыя мы только-что указали, то не трудно назвать частныя мѣры, способныя улучшить хозяйство и быть крестьянъ. Это — увеличеніе земельныхъ угодій крестьянъ; уменьшеніе платежей за ихъ земли, соответственно ихъ дѣйствительной доходности, и развитіе фабричной и промышленной дѣятельности въ губерніи. Указывать на способы, которыми возможно практически осуществить означенныя мѣры, мы не будемъ, находя, что весь вопросъ объ улучшеніи быта смоленской губерніи, въ особенности послѣ тѣхъ заключеній, въ которыхъ, какъ мы увидимъ ниже, пришло земство, нуждается въ дальнѣйшей разработкѣ; мы позволяемъ себѣ по этому поводу сдѣлать только нѣсколько замѣчаній.

Недостатокъ крестьянскихъ надѣловъ и чрезмѣрныя повинности крестьянъ за земли, отведенныя въ ихъ пользованіе, безспорно составляютъ тѣ особенности въ принятой системѣ разрѣшенія крестьянскаго вопроса, которыя въ не-черноземной полосѣ Россіи рѣшительнымъ образомъ подѣйствовали на упадокъ хозяйства и быта крестьянъ. Поэтому, чтобы помочь бѣднѣющему населенію, необходимо сдѣлать такъ-сказать нѣкоторыя поправки въ ихъ положеніи; нѣтъ надобности доказывать, что поправки эти могутъ быть сдѣланы только правительствомъ и на его счетъ, такъ какъ нѣтъ ни теоретическихъ основаній, ни практической возможности отнести ихъ на счетъ бывшихъ помѣщиковъ, большинство которыхъ уже прекратило свои отношенія къ крестьянамъ. Для правительства же весь вопросъ можетъ заключаться только въ томъ, чтобы эти поправки не шли въ разрѣзъ съ главными основаніями положенія 19 февраля и не были убыточны для государственнаго казначейства. Хотя для исправленія вѣковыхъ несправедливостей крѣпостнаго права не слѣдовало бы останавливаться ни передъ какими жертвами, но, по счастью, тѣ поправки, о которыхъ мы говоримъ, даже вовсе не требуютъ жертвъ отъ правительства.

Прежде всего спѣшимъ объяснить, что подѣ *увеличеніемъ земельныхъ угодій крестьянъ* мы вовсе не разумѣемъ надѣленія крестьянъ какимъ-либо дополнительнымъ надѣломъ: такой дополнительный надѣлъ въ настоящее время невозможенъ. Если въ редакціонныхъ коммиссіяхъ, при обсужденіи вопроса объ устройствѣ крестьянъ, отыскивались нормы земельного надѣла для различныхъ мѣстностей; если въ то время размѣръ надѣла былъ опредѣленъ къ невыгодѣ крестьянъ, въ томъ отношеніи, что имъ не былъ предоставленъ сунце-

ствовавший надѣлъ, какъ это предполагалось первоначально, и отъ земель, находившихся въ нихъ пользованіи, сдѣланы значительныя отрѣзки,—то это вовсе не можетъ служить основаніемъ, чтобы этотъ вопросъ былъ возбуждаемъ снова. Для современнаго изслѣдователя положеніа крестьянъ гораздо важнѣе вопроса о томъ, при какомъ количествѣ земли можетъ быть обезпеченъ крестьянинъ въ своемъ хозяйствѣ, и то общее явленіе, что крестьянское населеніе, сидящее на землѣ, постоянно возрастаетъ, надѣлъ же по своимъ размѣрамъ остается все тотъ же, а по своему качеству дѣлается хуже отъ постоянного выпахиванія. Такимъ образомъ, тотъ надѣлъ, который вчера былъ достаточенъ, обезпечивалъ существованіе семьи крестьянина, завтра можетъ оказаться недостаточнымъ, тѣснымъ. Правда, производительность крестьянскаго надѣла можетъ быть увеличена удобреніемъ и лучшей обработкой земли; но, при отсутствіи у крестьянъ средствъ и вообще при существующей у нихъ системѣ хозяйства, они охотнѣе расходуютъ свои сбереженія на покупку новыхъ земель, чѣмъ на улучшеніе старыхъ. Докладъ комиссіи сельскаго хозяйства свидѣтельствуетъ, что крестьяне какъ черноземныхъ, такъ и не-черноземныхъ мѣстностей Россіи охотно, а въ иныхъ мѣстахъ даже съ жадностью покупаютъ землю. Въ этомъ нельзя не видѣть потребности, нужды крестьянъ въ землѣ; нельзя также не признать, что въ тѣхъ не-черноземныхъ губерніяхъ Россіи, гдѣ у крестьянъ нѣтъ силъ своими средствами пополнить этотъ недостатокъ въ землѣ, правительство легко могло бы придти на помощь крестьянамъ съ слѣдующими мѣрами: 1) дозволить крестьянамъ переселяться на казенныя земли въ другія губерніи; 2) облегчить крестьянамъ выходъ изъ общества; 3) продавать казенныя земли сосѣднимъ крестьянамъ на льготныхъ основаніяхъ, и 4) выдавать долгосрочныя ссуды подъ залогъ тѣхъ земель, которыя крестьяне будутъ покупать съ вольной руки. Одна изъ упомянутыхъ мѣръ уже дарована въ видѣ особой льготы для семи западныхъ уѣздовъ смоленской губерніи Высочайше утвержденнымъ, 13 іюля 1873 г., журналомъ главнаго комитета объ устройствѣ сельскаго сословія, а именно разрѣшено, по представленіямъ губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, переселеніе крестьянъ нѣкоторыхъ селеній на болѣе удобныя казенныя земли.

Гораздо важнѣе увеличенія земельного пользованія крестьянъ представляется пониженіе выкупныхъ платежей. Въ сельско-хозяйственной комиссіи многія лица выразили мнѣніе, что узелъ вопроса объ улучшеніи хозяйства крестьянъ заключается въ податной реформѣ. „Я полагаю,—говорилъ губернской предводитель дворянства нетербургской губерніи, графъ А. П. Шуваловъ,—что въ настоящее время предъ податнымъ вопросомъ всѣ остальные являются ничтож-

ными, и что по этому предмету необходимо собрать полныя свѣдѣнія. Повинности, лежащія на частной поземельной собственности, довольно значительны: онѣ составляютъ, сколько мнѣ извѣстно, отъ 7 до 10, 12 и даже 16% съ доходности земли, въ средней сложности до 10%. Что же касается крестьянскаго надѣла, то для меня не подлежитъ сомнѣнiю, что въ общей сложности налоги превышаютъ доходность (ренту) земли, такъ что даже невозможно признать ихъ поземельными, а лишь замаскированными личными налогами; самъ же крестьянскій надѣлъ является тутъ не какъ дѣйствительная собственность, а какъ способъ соединенiя—приуроченiя плательщиковъ къ одному мѣсту, для цѣлей фиска. Смѣю утверждать, что покуда, подъ предлогомъ поземельной собственности, налоги будутъ ложиться на трудъ, прикрѣпляя людей къ землѣ, и пока заработки отдѣльныхъ лицъ будутъ идти на уплату какихъ-то общихъ долговъ, то не предстоитъ возможности какими-либо мѣрами подвинуть впередъ наше хозяйство. Въ общинномъ владѣнiи, равно какъ и въ круговой поруцѣ, я не усматриваю настоящаго корня зла. Народы, общества могутъ процвѣтать и при владѣнiи обществами значительнаго количества земли. Суть цѣли не въ томъ, кому принадлежитъ земля и существуютъ ли коллективныя тяжести для членовъ общества, а въ томъ, какъ великъ итогъ этихъ коллективныхъ тяжестей и каковъ порядокъ пользованiя общественнымъ имуществомъ... Цифру платежей съ душевого надѣла вообще во всей Россiи можно принять 12—14 рублей. Я придаю мало вѣры всѣмъ отдѣльнымъ мѣрамъ поощренiя, покровительства и т. п., съ цѣлью поднятiя уровня сельскаго хозяйства, и считаю дѣйствительною только одну мѣру—скорое разрѣшенiе податнаго вопроса въ смыслѣ полного освобожденiя рабочаго труда; но, признавая необходимымъ освободить крестьянскiе надѣлы отъ чрезмѣрныхъ налоговъ, я не считаю однако возможнымъ перенести ихъ на частную поземельную собственность... “ Вотъ тотъ заколдованный кругъ, въ которомъ находится въ настоящее время податной вопросъ, а слѣдовательно и вопросъ объ улучшенiи хозяйства крестьянъ; но если предположить, что податная реформа совершится весьма скоро, конечно, не въ смыслѣ полного освобожденiя крестьянскаго труда, что и не имѣется въ виду, а въ смыслѣ привлеченiя всѣхъ сословiй къ уплатѣ тѣхъ подушныхъ сборовъ, которые до сихъ поръ уплачиваютъ только одни крестьяне, то и тогда нельзя ожидать, чтобы она принесла существенныя облегченiя сельскому сословiю. Въ упомянутой выше статьѣ „Податной вопросъ“, Л. К. Бухъ ¹⁾ доказалъ весьма наглядно, что возмож-

¹⁾ «Вѣстникъ Европы», 1874 г., февраль.

ное сложение половины подушных сборовъ съ крестьянъ и перемѣненіе ихъ на другія сословія выразятся только въ уменьшеніи крестьянскихъ повинностей на 15%, а такое уменьшеніе крайне ничтожно; напротивъ, пониженіе выкупныхъ платежей, соотвѣтственно дѣйствительной доходности земель въ такихъ губерніяхъ, какъ смоленская, сразу освободитъ крестьянскій трудъ отъ значительнаго налога, и притомъ оно можетъ быть произведено безъ увеличенія податныхъ тягостей другихъ сословій, на средства самихъ же крестьянъ. Известно, что правительство, вслѣдствіе опасенія недоимокъ въ выкупныхъ платежахъ, установило, вмѣсто 37-лѣтняго срока, въ теченіе котораго при уплатѣ 6% погашается выкупная ссуда, — 49-лѣтній срокъ. Ежегодный взносъ выкупного платежа въ количествѣ 6 руб. 40 к. за полный крестьянскій надѣлъ въ смоленской губ., въ теченіи 12 лишнихъ лѣтъ, считая и сложные проценты, составитъ 126 руб., т.-е. сумму болѣе той ссуды, которую получили отъ правительства помѣщики (106 руб. 67 коп.). А такъ какъ опыты показали, что въ общей сложности недоимки по выкупу не достигаютъ и 10%, то ясно, что выкупной фондъ будетъ такъ значителенъ, что на его счетъ могутъ быть приняты, безъ всякаго ущерба для казны, не только навоинившіяся недоимки, но и пониженіе въ такихъ губерніяхъ, какъ смоленская, выкупныхъ платежей, соотвѣтственно дѣйствительной доходности земель.

Бѣдственное положеніе смоленской губ., послѣ голода 1867 года и послѣдующихъ неурожайныхъ лѣтъ, обратило на себя вниманіе правительства, которое въ числѣ различныхъ льготъ, между прочимъ, согласно Высочайшему повелѣнію 13-го іюля 1873 года, разрѣшило для нѣкоторыхъ крестьянъ-собственникововъ 7-ми западныхъ уѣздовъ смоленской губерніи разсрочки недоимокъ и отсрочки во взносѣ казенныхъ сборовъ и выкупныхъ платежей. Высшій срокъ разсрочекъ недоимокъ 15-лѣтній, а высшій срокъ во взносѣ повинностей—10-лѣтній; причѣмъ выкупные платежи сокращены на половину или на одну треть. По истеченіи льготныхъ сроковъ губернскому по крестьянскимъ дѣламъ присутствію предоставлено войти съ представленіемъ о порядкѣ дальнѣйшаго взыскаія недоимокъ и платежа окладовъ; ему же предоставлено входить съ представленіями о распространеніи упомянутыхъ льготъ на тѣ селенія, которыя не были указаны въ протоколахъ комиссіи, по предположеніямъ которыхъ дарованы означенныя льготы. Нѣтъ сомнѣнія, что эти льготы окажутъ серьезную помощь тѣмъ крестьянамъ, которымъ онѣ дарованы; но онѣ все-таки льготы, и потому значеніе ихъ только переходящее: онѣ вызваны накопленіемъ недоимокъ и имѣютъ цѣлью временно облегчить населенію тѣ затрудненія, которыя происходятъ отъ этого;

между тѣмъ накопленіе недоимокъ только одно изъ послѣдствій упадка благосостоянія губерніи, а потому, чтобы устранить накопленіе недоимокъ, чтобы устранить вообще причины обѣднѣнія губерніи и поднять уровень благосостоянія населенія, необходимы не льготы, а мѣры—мѣры коренныя. Къ числу такихъ мѣръ мы главнѣйшимъ образомъ относимъ *пониженіе выкупныхъ платежей соотвѣтственно дѣйствительной доходности земель.*

Говоря о пониженіи выкупныхъ платежей, нельзя обойти молчаніемъ и оброчовъ. Несомнѣнно, что они еще тяжелѣе выкупныхъ платежей; но вопросъ о пониженіи ихъ въ практическомъ отношеніи представляетъ значительныя затрудненія. Такъ какъ тутъ дѣло касается самыхъ существенныхъ интересовъ помѣщиковъ, то ясно, что здѣсь уже не можетъ быть установлена какая-либо общая норма пониженія, а потребуетъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ опредѣлять, насколько оброки превышаютъ поземельную ренту; но, независимо отъ того, что означенныя опредѣленія потребуютъ весьма много времени, возникаетъ вопросъ, было ли бы справедливо понижать въ настоящее время оброки, когда положеніемъ 19-го февраля установленъ 20-лѣтній срокъ для переоброжекъ? Было ли бы справедливо съ пониженіемъ оброковъ выдавать тѣмъ непогнѣмъ владѣльцамъ, крестьяне которыхъ еще на оброкѣ¹⁾, выкупную сумму въ значительно меньшемъ размѣрѣ; между тѣмъ, какъ земли въ ихъ имѣніяхъ, отошедшія въ надѣлъ крестьянъ, вѣроятно, не хуже, а быть можетъ и лучше земель, уже выкупленныхъ крестьянами, чѣмъ, быть можетъ, объясняется то обстоятельство, что владѣльцы не спѣшили предоставить ихъ въ собственность крестьянъ. Все эти соображенія настолько серьезны, что, мы полагаемъ, въ настоящее время было бы крайне несправедливо непосредственно понизить оброки временно-обязанныхъ крестьянъ. Тамъ, гдѣ крестьяне, несмотря на очевидныя преимущества выкупа передъ оброкомъ, не соглашались выходить на выкупъ только подъ вліяніемъ неосновательныхъ надеждъ, что уплаченные ими оброки будутъ зачтены, — пониженіе выкупныхъ платежей, мы думаемъ, подвинетъ ихъ къ переходу на выкупъ; но тамъ, гдѣ сами владѣльцы почему-либо не желаютъ выпускать крестьянъ на выкупъ, окончаніе крестьянскаго дѣла, вопреки интересамъ государства, можетъ затянуться на неопредѣленное время. Вотъ почему мы, съ своей стороны, полагаемъ, что обязательный выкупъ, съ выдачею помѣщикамъ всей суммы, былъ бы самымъ удобнымъ вы-

¹⁾ Къ 1 мая 1874 г. на выкупѣ были 77,38% общаго числа помѣщичьихъ крестьянъ; теперь ихъ, конечно, еще болѣе, а слѣдовательно временно-обязанныхъ крестьянъ не болѣе одной пятой части.

ходою для устранения тѣхъ затрудненій, которыя существуютъ въ не-черноземной полосѣ Россіи къ улучшенію хозяйства крестьянъ и что онъ, вмѣстѣ съ пониженіемъ выкупныхъ платежей соотвѣтственно доходности земель, довершилъ бы устройство быта сельскаго сословія. Мы также думаемъ, что тѣ соображенія, которыя помѣшали правительству, въ 1861 году, принять на себя вполне расчеты съ бывшими помѣщиками, выдачею имъ выкупной суммы въ полномъ размѣрѣ, едвали могутъ имѣть силу въ настоящее время.

Мы уже говорили, что въ не-черноземныхъ мѣстностяхъ Россіи, гдѣ скудная почва даетъ ничтожные урожаи, гдѣ суровый климатъ сокращаетъ періодъ полевыхъ работъ, и гдѣ вообще крестьянскій надѣлъ недостаточенъ, чтобы покрыть расходы крестьянъ на продовольствіе и уплату повинностей,—посторонніе заработки вполне необходимы для благосостоянія крестьянъ. Поэтому, развитіе промышленной и фабричной дѣятельности въ смоленской губерніи весьма желательно: но мы и не думаемъ, чтобы искусственное развитіе какихъ-либо отраслей промышленности, путемъ поощреній и привилегій, какъ это предполагаетъ смоленское земское собраніе, способно было упрочить развитіе фабрикъ и заводовъ губерніи. Напротивъ, мы думаемъ, что только вполне свободное развитіе экономической жизни въ Россіи способно направить частную предпринимчивость на разработку и переработку нашего сырья въ тѣ мѣстности, которыя представляютъ къ тому наиболѣе удобства. Для развитія фабрикъ и заводовъ смоленская губернія имѣетъ всѣ необходимыя условія—дешевыя рабочія руки, обиліе топлива и хорошіе пути сообщенія.

Вотъ тѣ небольшія замѣчанія, которыя мы считали нужнымъ сдѣлать по поводу вопроса о мѣрахъ, необходимыхъ для подъема уровня благосостоянія смоленской губерніи. Посмотримъ теперь, въ какихъ выводахъ пришло смоленское земство въ своихъ изслѣдованіяхъ о положеніи смоленской губерніи, и какими мѣрами предполагаютъ оно улучшить бытъ населенія.

IV.

Вопросъ о необходимости коренныхъ мѣръ для улучшенія благосостоянія смоленской губерніи возникъ при самыхъ тяжелыхъ обстоятельствахъ; неудовлетворительное положеніе сельскаго населенія вообще послѣ неурожаевъ 1867 и 1868 г. сдѣлалось рѣшительно бѣдственнымъ; крайній недостатокъ въ средствахъ продовольствія и въ сѣменахъ на посѣвъ, какъ яровыхъ, такъ и озимыхъ хлѣбовъ, принудилъ земство не только израсходовать весь губернскій продоволь-

ственный капиталъ, но и сдѣлать значительныя позанимствованія изъ общаго продовольственнаго капитала имперіи; пришлось также ходатайствовать о различныхъ льготахъ для населенія. Правительство, кромѣ значительной ссуды для продовольствія и отсрочки въ уплатѣ податей, разрѣшило постройку московско-смоленской желѣзной дороги съ цѣлью открыть заработки нуждающемуся населенію. Однако, новый неурожай въ 1871 году сдѣлалъ положеніе населенія едва ли не болѣе бѣдственнымъ, чѣмъ въ голодѣ 1868 г. Земство, имѣя въ виду, что выдача ссудъ „лишаетъ рабочее сословіе должной энергіи и предусмотрительности и обременяетъ его неоплатнымъ долгомъ“, отказалось выдавать какія-либо ссуды на продовольствіе. Правительство и тутъ пришло на помощь населенію: кромѣ отъѣны рекрутскаго набора, новыхъ отсрочекъ въ уплатѣ новинностей и разсрочки продовольственнаго долга, оно выразило готовность выдать въ ссуду для продовольствія населенія еще 400 т. руб. Принимая, скрѣпя сердце, эту ссуду, земство выразило убѣжденіе, „что безъ принятія коренныхъ мѣръ какъ къ улучшенію матеріальнаго быта, такъ и къ развитію умственнаго и нравственнаго состоянія сельскаго сословія никакія льготы правительства не только не обезпечатъ поступленіе ссудъ, но и не представляютъ никакой гарантіи, чтобы, можетъ быть въ самомъ близкомъ будущемъ, не представилось опять необходимости въ чрезвычайныхъ пособіяхъ дѣйствительно нуждающемуся населенію. Такимъ образомъ, явилась впервые мысль о необходимости коренныхъ мѣръ для улучшенія быта губерніи. Для изысканія означенныхъ мѣръ была тогда же (23-го марта 1872 г.) образована особая коммиссія, затѣмъ самый вопросъ о коренныхъ мѣрахъ, пройдя въ теченіе 2-хъ лѣтъ черезъ двѣ коммиссіи, послѣ нѣсколькихъ перипетій рѣшенъ окончательно въ чрезвычайномъ земскомъ собраніи, бывшемъ въ февралѣ и началѣ марта 1874 г. 1).

Твердое убѣжденіе земства о необходимости коренныхъ мѣръ для улучшенія быта губерніи и тѣ тяжелыя условія, которыя выдвинули на очередь этотъ вопросъ, давали полное право предполагать, что земство съ особымъ вниманіемъ остановится на изученіи положенія сельскихъ обывателей и въ немъ будетъ искать необходимый матеріалъ для рѣшенія вопроса; прежде чѣмъ отыскивать лекарство, понятно, необходимо узнать свойство тѣхъ болѣзней, которыя необходимо излечить. Къ удивленію, ни земскія коммиссіи, ни само земское собраніе не считали нужнымъ составить себѣ ясное и опредѣленное понятіе о положеніи населенія: они не только не собрали для этой цѣли необходимыхъ статистическихъ данныхъ, но оставили безъ

1) Журналъ чрезвѣч. смоленскаго земскаго собранія за февраль и мартъ 1874 г.

вниманія даже тѣ готовыя свѣдѣнія, которыя уже имѣлись подъ руками. Поэтому, самые существенные вопросы о положеніи сельскаго хозяйства крестьянъ до реформы и послѣ, о доходахъ крестьянъ отъ земли и заработковъ, о различіи въ положеніи земледѣльцевъ, отбывающихъ различныя повинности и надѣленныхъ различнымъ количествомъ земли—не были даже затронуты; хотя отсутствіе различныхъ свѣдѣній о положеніи крестьянъ смоленской губерніи и представляетъ весьма чувствительный пробѣлъ въ трудахъ смоленскаго земства, однако это одно еще далеко не можетъ объяснить, почему земство стало искать причины упадка губерніи не въ фактахъ, представляемыхъ дѣйствительнымъ положеніемъ ея жителей, а въ общихъ соображеніяхъ о неудовлетворительности условій сельской жизни вообще въ цѣлой имперіи, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые изъ гг. гласныхъ въ своихъ письменныхъ и устныхъ мнѣніяхъ весьма рѣшительнымъ образомъ указывали на неудовлетворительность экономическихъ и хозяйственныхъ условій губерніи, какъ на мѣстныя причины упадка хозяйства и быта сельскихъ обывателей. Еще менѣе можно объяснить то рѣзкое противорѣчіе, въ которое вступило смоленское земство съ самимъ собою. Высказавъ убѣжденіе о необходимости коренныхъ мѣръ для улучшенія матеріальнаго быта населенія, земство тѣмъ самымъ признало, что матеріальная сторона быта сельскихъ обывателей неудовлетворительна; и что же? не проходитъ послѣ того двухъ лѣтъ, какъ земство не только утверждаетъ, что причинами обѣднѣнія губерніи нельзя признать скудость почвы, недостаточность крестьянскихъ надѣловъ, низкую заработную плату, вздорожаніе предметовъ потребленія, постоянное возвышеніе акциза на вино и несоразмѣрность выкупныхъ платежей съ дѣйствительною доходностью земель,—но и старается доказать противное, находя, что смоленская губернія по своимъ условіямъ представляетъ чуть ли не обѣтованную землю, гдѣ должно бы процвѣтать сельское хозяйство и благоденствовать хлѣбопашецъ!

Всѣ разсужденія земства по этому поводу настолько интересны, и вся аргументація настолько своеобразна, что мы позволяемъ себѣ по-дольше остановиться на нихъ вниманіе читателя.

Земство признаетъ, что скудость почвы не составляетъ причины обѣднѣнія губерніи, на томъ основаніи, что почва смоленской губерніи не хуже, а даже лучше, чѣмъ въ сосѣднихъ, а въ особенности въ сѣверо-восточныхъ губерніяхъ; что неурожаи бывають вездѣ; что черноземная почва не спасаетъ отъ страшной бѣдности, какъ это доказалъ самарскій голодъ, и что вообще земля смоленской губерніи такова, что съ избыткомъ окупаетъ земледѣльческій трудъ. Если неурожаи бывають вездѣ, если послѣдствіемъ ихъ бываетъ голодъ и бѣдность даже въ чер-

ноземныхъ плодородныхъ губерніяхъ, то развѣ это говоритъ что-либо въ пользу почвы смоленской губерніи; это только указываетъ, какъ должно быть тяжело положеніе смоленской губерніи, гдѣ почва во всякомъ случаѣ менѣе плодородна, чѣмъ въ губерніяхъ черноземныхъ, и гдѣ неурожай перестали уже быть исключительнымъ бѣдствіемъ, а сдѣлались явленіемъ почти хроническимъ. Что почва смоленской губерніи, быть можетъ, лучше почвы сѣверо-восточныхъ губерній — объ этомъ никто не споритъ; но это также ничего не доказываетъ. Всякому извѣстно, что природа и ея богатство вовсе не имѣютъ абсолютнаго вліянія на уровень благосостоянія населенія; оно обусловливается многими условіями: такъ, скудость почвы сѣверо-восточныхъ губерній съ избыткомъ выкупается промышленнымъ развитіемъ этихъ губерній; во владимірской губерніи, кромѣ кустарныхъ и домашнихъ промысловъ, мѣстныя фабрики дають занятія 73-мъ тысячамъ рабочихъ; въ смоленской же губерніи на мѣстныхъ фабрикахъ требуется только 2000 рабочихъ; что же удивительнаго, что быть жителей владимірской губерніи, независимо отъ качества ея почвы, гораздо лучше, чѣмъ во многихъ черноземныхъ мѣстностяхъ Россіи. Говорятъ, что земля смоленской губерніи съ избыткомъ окупаетъ земледѣльческій трудъ; но въ такомъ случаѣ зачѣмъ было бы землевладѣльцамъ сокращать свои запашки; вѣдь въ сосѣдней орловской губерніи, несмотря на болѣе низкія цѣны на хлѣбъ и болѣе высокія цѣны на рабочій трудъ, запашки все увеличиваются; ясная вещь, что скудость смоленской почвы такова, что землевладѣльцамъ не могутъ служить въ помощь ни относительно высокія цѣны на хозяйственные продукты, ни болѣе дешевый трудъ, и что урожай отъ многихъ земель не покрываетъ издержекъ обработки. Само земство признаетъ однако, что малая производительность смоленской почвы обусловливается недостаткомъ удобрительныхъ средствъ и неумѣніемъ, а часто и нежеланіемъ обрабатывать ее, какъ слѣдуетъ. Кто споритъ, что значительныя затраты и улучшенная обработка земли способны увеличить производительность всякой почвы; но вѣдь вопросъ не въ томъ, можно ли улучшить производительность смоленскихъ земель, а въ томъ, выгодно ли дѣлать затраты и въ какомъ размѣрѣ на улучшеніе сельскаго хозяйства въ смоленской губерніи; а онъ, мы думаемъ, далеко не рѣшенъ практикой смоленскихъ хозяевъ, которыхъ трудно упрекать если не въ отсутствіи умѣнья, то по крайней мѣрѣ желанія обрабатывать земли, какъ слѣдуетъ.

Земство также признаетъ, что крестьянскіе надѣлы достаточны, мотивируя свое заключеніе тѣмъ, что недостаточность надѣла немнѣшма тамъ, гдѣ крестьяне не желаютъ пользоваться отрѣзными землями, гдѣ они не берутъ въ наймы земель окрестныхъ владѣльцевъ

и гдѣ они отказываются отъ обработки части своихъ собственныхъ полей; а подобныя явленія, по мнѣнію земства, почти повсемѣстны. За неимѣніемъ положительныхъ свѣдѣній о размѣрѣ крестьянскихъ запасокъ, земство пускаетъ въ ходъ доказательства чисто отрицательнаго свойства, особенность которыхъ та, что они чрезвычайно легко могутъ быть обращены противъ выводовъ земства. Въ самомъ дѣлѣ, если даже допустить, что крестьяне не берутъ въ наемъ помѣщичьихъ земель, то не значить ли это, что средства крестьянъ для веденія хозяйства послѣ отрѣзки земель уменьшились; еслибъ отрѣзка земель была произведена еще въ большемъ размѣрѣ, то можно думать, что крестьянамъ не было бы возможности и совсѣмъ вести хозяйство: известно, что положеніе крестьянъ, получившихъ въ даръ только четвертую часть надѣла, всюду самое бѣдственное. Въ дѣйствительности крестьяне, какъ мы видѣли, весьма охотно берутъ въ наймы или исполу земли помѣщиковъ, а также нанимаютъ у нихъ выгоны; правда, много помѣщичьихъ земель лежатъ все-таки впустѣ; но нельзя же требовать чтобы крестьяне обрабатывали такія земли, которыя не находятъ выгоды обрабатывать и сами владельцы. Несомнѣнно также, что послѣ неурожаевъ многія земли крестьянъ оставались незасѣянными; но это также не доказываетъ, чтобы надѣлъ крестьянъ былъ достаточенъ. Уже то обстоятельство, что крестьяне при крѣпостномъ правѣ имѣли земли болѣе, чѣмъ теперь, когда они имѣютъ вдвое болѣе свободнаго времени; что надѣлъ государственныхъ крестьянъ въ 5 десятинъ до реформы и послѣ не только не обезпечивалъ ихъ, но былъ недостаточенъ для доставленія однихъ средствъ прокормленія—рѣшительнымъ образомъ указываетъ на недостаточность надѣла помѣщичьихъ крестьянъ.

Не собравъ свѣдѣній о размѣрѣ крестьянскихъ заработковъ, о цѣнѣ на трудъ, о наемной платѣ за землю и проч., земство могло весьма свободно утверждать, что цѣна на рабочій трудъ весьма высока, что заработки прибыльны и что оброки и выкупные платежи соответствуютъ дѣйствительной доходности земель. Однако стѣбитъ сопоставить выводы земства хотя съ тѣми свѣдѣніями, которыя были собраны Высочайше утвержденной комиссіей для изслѣдованія положенія сельскаго хозяйства, чтобы придти къ противоположнымъ заключеніямъ. Земство находитъ заработную плату высокой, потому что признаетъ, что средняя стоимость обработки земли составляетъ 12 руб. за десятину; но такая цѣна не только не можетъ быть признана за среднюю, но едва ли гдѣ-либо существуетъ какъ исключеніе. Въ матеріалахъ сельской комиссіи мы находимъ свѣдѣнія о цѣнахъ за обработку земли, которыя составляютъ отъ 3 руб. 50 коп. до

10 руб. ¹⁾). Земство также указывает на то, что цѣны за пилку дровъ возрасли съ рубля до двухъ за сажень и что, соотвѣтственно тому, повысились цѣны за возку дровъ и вообще за поденныя работы; но вѣдь пилкой и возкой дровъ занимаются только крестьяне, живущіе близъ желѣзной дороги, да и для нихъ часто едва ли приближеть этотъ заработокъ. По вычисленію священника села Данкова, возка дровъ въ смоленскомъ уѣздѣ давала крестьянину на его харчакъ отъ 16 до 23 коп. въ день заработка ²⁾); а этого едва ли достаточно было для дневного продовольствія крестьянина и его лошади. Мы уже говорили, что цѣны рабочему въ смоленской губерніи доходятъ только до 50 руб. въ годъ; тому же рабочему при наймѣ его въ кievскую и другія южныя губерніи даютъ вдвое болѣе. Что рабочія руки въ смоленской губерніи дешевы—это не возможно и оспаривать. А. Энгельгардтъ ³⁾), самъ смоленскій землевладѣлецъ, фактами доказалъ, что крестьянинъ, обрабатывая издѣльно господскія поля, еле-еле зарабатываетъ буквально корку хлѣба.

Мы уже говорили, что весь ходъ крестьянскаго хозяйства послѣ реформы сталъ въ зависимость отъ вопроса, въ какой мѣрѣ выкупныя платежи соотвѣтствуютъ дѣйствительной доходности земель. И что же: для рѣшенія столь важнаго вопроса единственнымъ матеріаломъ для земства послужили слова того изъ земскихъ ораторовъ, который доказывалъ, что валовой доходъ отъ 4-хъ-десятиннаго крестьянскаго надѣла составляетъ отъ 58 до 90 рублей. Такимъ образомъ, по его расчетамъ, выкупной платежъ въ 6 руб. 40 коп. составляетъ только отъ 7¹/₉ до 10²/₃% валового дохода. Если бы это было въ дѣйствительности такъ, то конечно не могло бы быть и рѣчи о несоразмѣрности выкупныхъ платежей. Но на чемъ же основалъ земскій ораторъ свои выводы о валовой доходности крестьянскихъ земель? На среднихъ урожаяхъ? Нѣтъ; данныя о среднихъ урожаяхъ онъ находитъ слишкомъ шаткими, и, чтобы придать своимъ выводамъ больше твердости, онъ привелъ слѣдующія соображенія: плата за обработку десятины земли составляетъ, по его удостовѣренію, отъ 12 до 20 руб. за десятину; а такъ какъ крестьяне охотно берутъ у помѣщиковъ земли съ половины, несмотря на то, что половину урожая имъ приходится ожидать 8 или 9 мѣсяцевъ послѣ весенняго посѣва, то ясно, что валовая доходность десятины, отдаваемой съ половины, составляетъ отъ 24 до 40 рублей. Крестьян-

¹⁾ Докладъ. Приложение, т. VI, опись имѣній заложенныхъ въ обществѣ посяг. кредита.

²⁾ Докладъ. Приложение 1, сводъ свѣдѣній о хозяйствѣ, стр. 156, 2 отд.

³⁾ Отечеств. Записки, 1873 г., № 2, статья „Дороговизна рабочихъ рукъ составляетъ ли большое мѣсто нашего хозяйства“.

скій надѣлъ, по удостовѣренію его же, земскаго оратора, состоитъ въ пахатной земли, *отками удабриваемой*, а потому нѣтъ ничего удивительнаго, что валовой доходъ отъ крестьянскихъ земель не можетъ быть ниже дохода помѣщичьихъ земель, отдаваемыхъ исполу. Въ крестьянскомъ надѣлѣ предполагаются двѣ десятины занятыми озимымъ и яровымъ хлѣбомъ, одна подъ паромъ и одна — лугомъ; доходъ съ двухъ десятинъ пашни будетъ отъ 48 до 80 руб., и валовая доходность десятины луга принимается въ 10 руб. Хотя эти расчеты и не были оспорены въ земскомъ собраніи, но мы беремъ на себя смѣлость опровергать ихъ. Во-первыхъ, мы уже говорили, что цѣна за обработку земли въ 12 руб., а тѣмъ болѣе въ 20 руб. отъ десятины, составляетъ явленіе совершенно исключительное, а потому на ней нельзя основать прочныхъ выводовъ; но если мы даже допустимъ, что таковы въ дѣйствительности цѣны за обработку земли, то мы приобретаемъ доказательство въ пользу того, что заработныя цѣны дѣйствительно высоки, но не въ пользу того, что валовой доходъ отъ земли таковъ, какъ его вычислили. Чтобы согласиться, что десятина какъ помѣщичьей запольной, такъ и крестьянской земли даетъ отъ 24 до 40 рублей валового дохода, нужно доказать, что средніе урожаи ржи достигаютъ отъ 5 до 7 зеренъ; но мы уже видѣли, что и въ прежніе годы средніе урожаи въ смоленской губерніи опредѣлялись для ржи въ 3 зерна, а для овса въ $2\frac{1}{2}$ зерна, а между тѣмъ исполу помѣщичьи отдаютъ свои худшія земли. Крестьянскія же земли всегда считались по урожайности ниже помѣщичьихъ, и это вполне понятно, если мы вспомнимъ что крестьянскія земли въ теченіи вѣковъ не удобрялись, а истощались отъ выпашиванія. Еслибы валовой доходъ съ помѣщичьихъ запольныхъ земель достигалъ 24 до 40 рублей, а рента съ нихъ составляла отъ 12 до 20 руб. отъ десятины, то мы могли бы поздравить землевладельцевъ смоленской губерніи съ такимъ поземельнымъ доходомъ, который не оставляетъ желать ничего лучшаго; но дѣло въ томъ, что само земское собраніе едвали ошибается на счетъ свойства этихъ утѣшительныхъ выводовъ. Да они и нужны не надолго: когда шла рѣчь о доходности крестьянскихъ земель, оказалось, что крестьяне весьма охотно берутъ исполу помѣщичьи земли; когда же нужно было доказать достаточность крестьянскихъ надѣловъ, оказалось, что крестьяне совсѣмъ не берутъ помѣщичьихъ земель и даже оставляютъ безъ обработки свои собственные земли; когда нужно было доказать незначительность выкупныхъ платежей, тогда валовая доходность помѣщичьихъ и крестьянскихъ земель достигла отъ 24 до 40 рублей съ десятины, и выкупной платежъ съ десятины въ 1 руб. 58 коп. (за надѣлъ 6 р. 40 к.) оказался ничтожнымъ; когда

же зашла рѣчь вообще о податяхъ, падающихъ на землю землевладѣльцевъ, то они оказались тяжестію, поражающей доходъ отъ земли, и одной изъ причинъ обѣднѣнія; а они, какъ мы видѣли, для частныхъ владѣльцевъ составляютъ отъ 8—12 коп. съ десятины. Сама метода, которую употребило земское собраніе при рѣшеніи вопроса о несоразмѣрности выкупныхъ платежей, въ высшей степени любопытна; собраніе всѣ крестьянскія повинности раздѣлило на двѣ части: меньшую—подати, земскіе сборы и проч., оно признаетъ тяжестью для поземельнаго дохода; большую же—выкупные платежи, оно находитъ не обременительной для земли.

Средніе урожан хлѣбовъ и наемныя цѣны за землю—вотъ единственныя данныя для опредѣленія валовой и чистой доходности земли и для рѣшенія вопроса о соразмѣрности или несоразмѣрности оброковъ и выкупныхъ платежей съ доходностью земли. Правда, данныя эти часто недостаточны, чтобы опредѣлить насколько выкупные платежи превышаютъ доходность земли въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ; но это, какъ мы видѣли, вовсе и не требуется практическими цѣлями. Достаточно уже и того, чтобы вопросъ былъ рѣшенъ въ общихъ чертахъ. Такъ довлѣдъ Высочайше утвержденной комисіи объ изслѣдованіи сельскаго хозяйства относить смоленскую губ. къ той группѣ, гдѣ выкупные платежи на 30—50% выше доходности земли. Данными для этого комисіи, конечно, послужили, какъ подробныя свѣдѣнія о чистомъ доходѣ, получаемомъ въ имѣніяхъ, заложенныхъ въ обществѣ взаимнаго поземельнаго кредита, такъ и вообще свѣдѣнія о наемныхъ цѣнахъ на землю. Въ отношеніи смоленской губерніи самыя подробныя свѣдѣнія имѣются о гжатскомъ уѣздѣ, благодаря обширной запискѣ одного изъ землевладѣльцевъ, котораго, судя по выпискамъ изъ его записки, вовсе нельзя обвинить въ пристрастіи къ крестьянамъ; по свѣдѣніямъ, сообщеннымъ имъ, наемная цѣна за землю въ 25-ти имѣніяхъ составляетъ отъ 61—65 коп. съ десятины; а вѣдъ гжатскій уѣздъ принадлежитъ къ числу лучшихъ въ смоленской губ. Какъ ничтоженъ валовой доходъ крестьянъ отъ земли, мы уже говорили,—онъ часто не покрываетъ однихъ повинностей крестьянъ.

Отмѣтимъ еще два противорѣчія, въ которыя впадаетъ земство при оцѣнкѣ матеріальныхъ условій жизни сельскихъ обывателей смоленской губерніи.

Всеобщая дороговизна самыхъ необходимыхъ предметовъ потребленія признается всюду однимъ изъ самыхъ неблагоприятныхъ условій жизни въ настоящее время, которое слишкомъ тяжело отзывается на потребителяхъ и вообще людяхъ труда; между тѣмъ земское собраніе отрицаетъ ея значеніе въ упадкѣ благосостоянія сельскаго со-

слонія, которому, вслѣдствіе его возрастанія и вслѣдствіе истощенія земель, приходится все болѣе и болѣе прикупать хлѣба на свое продовольствіе. Неужели же смоленская губернія такой счастливый оазисъ, который находится внѣ всѣхъ экономическихъ условій?

Налогъ на соль смоленское земство признаетъ одной изъ причинъ об'ѣднѣнія населенія; что же касается повышенія акциза на вино, то оно не признаетъ его вліянія на упадокъ благосостоянія населенія. Между тѣмъ налогъ на соль даетъ государственному казначейству 12 мил., акцизъ же съ вина въ 1870 г. давалъ 138 мил. Возвышеніе акциза въ 1873 г. до 7 коп. съ градуса должно было увеличить доходъ на 23 мил., т.-е. сразу потребовать отъ населенія вдвое болѣе того, что даетъ весь налогъ съ соли. Въ интересахъ народнаго здравія и сельскаго хозяйства желательна была бы полная отмена налога съ соли; но нельзя также не признать, что постоянное возвышеніе акциза съ вина ложится страшной тяжестью на народное потребленіе. Употребленіе вина при суровомъ и холодномъ климатѣ Россіи, при скудной пищѣ и необходимости въ какомъ-либо физическомъ возбужденіи, представляется вполне естественнымъ; раздѣръ же потребленія въ 0,92 ведр. на душу является весьма умѣреннымъ, а между тѣмъ налогъ въ видѣ одного акциза съ вина, не считая патентнаго сбора, который выплачивается также потребителями, составляетъ для взрослога рабочаго сумму въ 11 руб. 57 к. ¹⁾, тогда какъ англійской рабочей при большемъ употребленіи спиртныхъ напитковъ и при высшей заработной платѣ платить, по Леону Леви, косвенныхъ налоговъ съ спиртныхъ напитковъ и пива только 16 франк. 25 сант. Пьянство въ Россіи зависитъ вовсе не отъ количества потребляемаго вина, а отъ беспорядочности въ его употребленіи, а потому вздорожаніе вина вслѣдствіе возвышенія акциза не только не могло его уменьшить, а скорѣе должно было увеличить, что отчасти и доказывается тѣмъ, что въ привислянскихъ губерніяхъ, гдѣ акцизъ съ вина меньше, гдѣ употребленіе вина правильнѣе, оно значительно слабѣе. Послѣ всего вышесказаннаго едва ли нужно доказывать, что постоянное возвышеніе акциза, отнимая отъ крестьянъ значительныя суммы, которыя бы пошли на улучшеніе ихъ хозяйства и быта, поражая чрезмѣрно потребленіе и вовсе не способствуя уменьшенію пьянства — составляетъ одну изъ главныхъ причинъ, вредно вліяющихъ на упадокъ благосостоянія населенія такой бѣдной губерніи, какъ смоленская.

Если матеріальныя условія въ смоленской губерніи не только удовлетворительны, но и въ высшей степени благопріятны для раз-

¹⁾ См. стр. 340, примѣч. 4.

витія хозяйства сельскихъ жителей, то гдѣ же причины упадка ея благосостоянія?

Смоленское земство признаетъ причинами обѣднѣнія губерніи: 1) неблагопріятность условий, въ которыя поставлена поземельная собственность вообще; 2) тяжесть прямыхъ податей и повинностей, падающихъ преимущественно на землю и освобождающихъ отъ налоговъ мануфактурную промышленность и денежные капиталы; 3) деморализацію народа въ смыслѣ повального пьянства, отсутствія добросовѣстности при исполненіи различнаго рода обязательствъ, пристрастія и подкупности волостныхъ судей и проч.; 4) пьянство; 5) отсутствіе промысловъ; 6) налогъ на соль; 7) широкія безконтрольныя права, которыми пользуются желѣзно-дорожныя компании какъ при постройкѣ, такъ и при эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ; 8) присутствіе значительнаго числа евреевъ. Всѣ эти причины, за исключеніемъ отсутствія промысловъ, какъ мы легко можемъ видѣть, существуютъ не для одной смоленской губ., а присущи всей Россіи. Обращаясь къ вопросу о томъ, насколько могли онѣ повліять на упадокъ именно смоленской губ., мы рѣшительно не можемъ приписать имъ ближайшаго, тѣмъ больше исключительнаго вліянія. Никто не станетъ спорить, что эксплуатація, въ чемъ бы она ни проявлялась, вредна для населенія; никто не станетъ также отрицать, что лѣнь, пьянство и отсутствіе твердыхъ нравственныхъ началъ въ средѣ нашего просто-народія вліяетъ на ихъ матеріальный бытъ; но нужно быть увѣримъ моралистомъ, чтобы считать ихъ единственными причинами обѣднѣнія извѣстной мѣстности. Наоборотъ, гораздо проще и естественнѣе видѣть въ нихъ только послѣдствія, результаты бѣдности и скудости средствъ населенія для удовлетворенія самыхъ насущныхъ матеріальныхъ и нравственныхъ потребностей. Чтобы признать за ними значеніе исключительныхъ причинъ обѣднѣнія смоленской губерніи, нужно было бы доказать, что матеріальныя и экономическія условія губерніи вполнѣ благопріятны; но земство этого не сдѣлало и не могло сдѣлать, несмотря на все свое желаніе. Оно, какъ мы видѣли, впало только въ противорѣчія, допустило натяжки и преувеличенія; но если бы земство и доказало это, то нужно было бы доказать еще, что лѣнь, пьянство и недобросовѣстность смоленскихъ крестьянъ имѣютъ особыя специфически-зловредныя свойства, такъ какъ въ другихъ мѣстностяхъ Россіи, не говоря уже о черноземныхъ, тѣ же пороки крестьянъ не мѣшаютъ имъ улучшать свое хозяйство и бытъ.

Бывшіе помѣщики смоленской губерніи весьма склонны видѣть въ теперешнихъ порядкахъ, и главнѣйшимъ образомъ въ нравственной испорченности крестьянина,—единственныя причины упадка хозяйства и вообще всѣхъ бѣдствій смоленской губерніи. Корреспон-

дентъ „Гражданина“ г. К—въ, въ своей корреспонденціи, которую онъ и называлъ письмомъ помѣщика, съ большимъ искусствомъ вводитъ читателя въ глубь помѣщичьихъ воззрѣній по этому предмету ¹⁾. Означенная корреспонденція появилась вскорѣ послѣ обсужденія вопроса о коренныхъ мѣрахъ для улучшения быта губерніи, когда журналы земскаго собранія еще не были напечатаны; а такъ какъ въ ней мы встрѣчаемъ съ буквальной точностью тѣ воззрѣнія, которыя высказывались въ собраніи, но развитыя съ болѣею подробностью и откровенностью, то вся эта корреспонденція можетъ служить весьма полезнымъ комментариемъ къ вопросу о коренныхъ мѣрахъ къ улучшенію быта губерніи и пролить свѣтъ на то направленіе, которое онъ получилъ при своемъ разрѣшеніи.

Развернувъ весьма мрачную картину тѣхъ неудобствъ, которыя представляетъ сельская жизнь, сгруппировавъ весьма тщательно тѣ факты изъ обыденной жизни, которые слишкомъ хорошо знакомы читателю изъ смоленскихъ хозяйствъ, авторъ корреспонденціи весьма искусно попадаетъ въ тонъ читателя, который затѣмъ уже легко соглашается съ его выводами; но если взглянуть въ эти выводы впристальнѣе, то не трудно убѣдиться, что это только туманъ, хотя и весьма тонкій, который разстилается передъ вашими глазами.

Перечисливъ всѣ возможные случаи „недобросовѣстности“ и „неуваженія къ чужой собственности“ крестьянъ, авторъ корреспонденціи утверждаетъ, что бороться съ этими неудобствами сельской жизни хозяину трудно, что противъ нихъ бессильна всякая энергія, не устоятъ никакіе капиталы и что, поэтому, нѣтъ охотниковъ затрачивать ихъ на сельско-хозяйственную промышленность. Еслибы это было въ дѣйствительности такъ, то, конечно, никто бы не покупалъ имѣній и земель въ смоленской губерніи, а, между тѣмъ, имѣнія покупаются весьма часто и по относительно высокимъ цѣнамъ. Покупщики, чуждые преданій крѣпостного права, хорошо знакомы съ нашими порядками и безпорядками; они не обманываются на счетъ качества почвы и прочихъ хозяйственныхъ условій губерніи, но все-таки покупаютъ имѣнія, находя въ этомъ болѣе или менѣе выгодное помѣщеніе для своихъ капиталовъ. Самымъ важнымъ послѣдствіемъ тѣхъ же неудобствъ авторъ корреспонденціи считаетъ уменьшеніе запасекъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и средствъ помѣщиковъ, хотя климатическія, почвенныя и экономическія условія губерніи, по его мнѣнію, настолько удовлетворительны, что сомнѣніе въ этомъ онъ считаетъ nepозволительной дерзостью. „Была полная увѣренность,—говоритъ корреспондентъ „Гражданина“,—что съ уничтоже-

¹⁾ „Гражданинъ“, за апрѣль 1874 г., № 15 и 16.

нiемъ крѣпостного права мы не только не уменьшимъ своихъ запашекъ, но увеличимъ ихъ, потому что свободный крестьянинъ долженъ бы, казалось, быть трудолюбивѣй“. Въ этомъ былъ увѣренъ г. К—ъ, но едвали въ этомъ были увѣрены другіе, хоть, напримѣръ, г. Ивановъ, который своей полезной земскою дѣятельностью оказалъ не мало услугъ смоленской губерніи; а онъ еще въ 1857 г. совѣтовалъ помѣщикамъ, вслѣдствіе крайняго истощенія земель, уменьшить запашки и сдѣлать хозяйство интенсивнѣе. То же самое совѣтуетъ теперь и докладъ сельско-хозяйственной комиссіи. То же самое думаетъ и крестьянинъ, когда онъ говоритъ, что пахаря „кормить не поле—а нива“. Но, къ сожалѣнію, эта агрономическая истина еще не находитъ практическаго осуществленія. Предполагать, что крестьяне, ради трудолюбія и искусства, пренебрегая своими выгодами, будутъ обрабатывать такія земли помѣщиковъ, которыя и при даровомъ трудѣ имъ совѣтовали оставить подъ выпуски и луга—это абсурдъ; а между тѣмъ главную вину крестьянъ и главную причину ихъ бѣдности корреспондентъ „Гражданина“ видитъ въ томъ, что они пренебрегаютъ, вслѣдствіе лѣни и распущенности, подручнымъ заработкомъ, т. е. не берутъ вънаймы помѣщичьихъ земель. Авторъ корреспонденціи ждетъ спасенія для крестьянъ смоленской губерніи не отъ пониженія платежей и вообще улучшенія условій матеріальной жизни, а отъ точнаго исполненія законовъ, трезвости, добросовѣстности, трудолюбія и проч. добродѣтелей; въ награду за нихъ онъ рисуетъ вдаль, въ легкихъ очеркахъ, свѣтлую картину того благополучія, которое наступитъ въ смоленской губерніи: „но,—добавляетъ онъ,—во всякомъ случаѣ, если земли нашей губерніи будутъ лежать невоздѣланными, какъ теперь, разстройство губерніи и ея полная несостоятельность неминуемы“. Къ сожалѣнію, авторъ забылъ назвать ту коренную мѣру, которая бы заставила крестьянъ, конечно, въ ихъ интересѣ, обрабатывать всѣ земли помѣщиковъ.

Мы не менѣе автора корреспонденціи желаемъ нравственнаго преуспѣянія нашему простолюдину; но мы крѣпко сомнѣваемся, чтобы смоленскій крестьянинъ, будь онъ добродѣтельнѣе своихъ помѣщиковъ, уважалъ онъ законы и выполнялъ свои гражданскія обязанности добросовѣстнѣе любого корреспондента „Гражданина“,—сталъ бесплодно тратить свой трудъ на обработку истощенныхъ запольныхъ земель помѣщиковъ. Напротивъ, при его будущихъ добродѣтеляхъ, ему будетъ гораздо легче и выгоднѣе сохранить и принести сполна домой тѣ сто рублей, которые онъ уже теперь получаетъ, какъ рабочую плату, въ южныхъ губерніяхъ, чѣмъ рассчитывать на валовой доходъ отъ помѣщичьей земли даже въ количествѣ 24—40 рублей отъ десятины; если же ему можно будетъ заработать на мѣстной

фабрикѣ даже менѣе ста рублей, то тѣмъ лучше. Мы думаемъ также, что не принесетъ пользы помѣщикамъ это хищническое выпаживаніе ихъ земель, которыя теперь или запускаются подъ лѣса, приобретающія день ото дня все бѣльшую цѣнность, или же отдаются, какъ выгоны, внаймы и на обработку тѣмъ же крестьянамъ.

Послѣ того, что мы уже говорили, намъ нѣтъ надобности доказывать, что самообольщеніе, какъ корреспондента „Гражданина“, такъ и вообще всѣхъ тѣхъ, которые надѣляются смоленскую губернію всѣми выгодными условіями для процвѣтанія хозяйства и блаженства крестьянина, крайне непрочны; но въ такомъ случаѣ къ чему же, спросить читатель, эти иллюзіи, которыя разрушить такъ легко? Для корреспондента „Гражданина“ все это, очевидно, нужно было, чтобы ополчиться на ту зловредную ересь, которая смущаетъ умы тѣхъ вольнодумцевъ, въ которыхъ, къ несчастью, принадлежитъ и авторъ настоящей статьи и которые думаютъ, что помочь бѣднѣющему населенію можно главнѣйшимъ образомъ уменьшеніемъ выкупныхъ платежей. Корреспондентъ не находитъ достаточно словъ, чтобы осмѣять и опровергнуть это мнѣніе. Въ пониженіи выкупныхъ платежей онъ видитъ передѣлку положенія 19-го февраля на счетъ помѣщиковъ; докладываетъ кому нужно, „что эта передѣлка дастъ крестьянамъ поводъ надѣяться на увеличеніе своего благосостоянія на счетъ помѣщиковъ“; пугаетъ „что она замутитъ отношенія помѣщиковъ къ крестьянамъ“ и проч. Въ доказательство же, что суть дѣла вовсе не въ низкихъ платежахъ, онъ приводитъ въ примѣръ—на что съ той же цѣлью ссылались и въ земскомъ собраніи—имѣніе г-жъ Вистяцкихъ и Богуславскихъ, гдѣ крестьяне получили во владѣніе земли гораздо болѣе высшаго надѣла и гдѣ они обязаны уплачивать только по 1 руб. съ души на воспитаніе бѣдныхъ дворянъ, но и этой ничтожной суммы не вносятъ и бѣдствуютъ страшно. Выводъ изъ этого примѣра тотъ, что крестьяне бѣдны и несостоятельны тамъ, гдѣ надѣлы велики и повинности ничтожны; еще одинъ шагъ—и коренной мѣрой для улучшенія ихъ положенія слѣдуетъ признать уменьшеніе ихъ надѣловъ и возвышеніе повинностей. Всѣ доводы г-на К.—а противъ пониженія выкупныхъ платежей рѣшительно поразили бы это зловредное мнѣніе, еслибы еще ранѣе появленія его корреспонденціи не былъ обнародованъ докладъ комиссіи, который не только констатировалъ тотъ фактъ, что выкупные платежи въ большинствѣ не-черноземныхъ губерній Россіи выше доходности земель, но и распредѣлилъ эти губерніи на группы, смотря по тому, насколько именно % они выше доходности земель. Обвиненіе въ передѣлкѣ положенія было бы также весьма тяжкимъ обвиненіемъ, еслибы въ самомъ дѣлѣ рѣчь шла о ломкѣ коренныхъ основаній,

а не о поправкахъ, на которыя указала опытъ тринадцати лѣтъ. До появленія корреспонденціи, само правительство, какъ мы видѣли, Высочайшимъ повелѣніемъ 13-го іюля 1878 г., хотя и въ видѣ временной льготы, уже уменьшило выкупные платежи для нѣкоторыхъ селеній западныхъ уѣздовъ губерніи. Мы уже говорили, что тѣ поправки, которыя необходимы къ положенію 19-го февраля, нѣтъ ни возможности, ни основаній относить на счетъ помѣщиковъ; но у страха глаза велики, и вотъ, корреспондентъ „Гражданина“, въ порывѣ охранительныхъ чувствъ, хватается за свой собственный карманъ и бьетъ въ набатъ, пересыпая свою корреспонденцію всевозможными инсинуаціями.

Мы слишкомъ долго остановились на корреспонденціи „Гражданина“, хотя она вовсе того не заслуживала; повторяемъ, что единственнымъ основаніемъ къ тому было не внутреннее достоинство самой корреспонденціи, но то обстоятельство, что авторъ ея, повидимому, взялъ на себя трудъ развить тѣ воззрѣнія, которымъ патронировало большинство земскаго собранія, при обсужденіи вопроса о коренныхъ мѣрахъ для улучшенія быта смоленской губ. Вернемся же къ нашему предмету.

Не открывъ въ мѣстныхъ условіяхъ (за исключеніемъ отсутствія фабрикъ и заводовъ) причинъ обѣднѣнія смоленской губерніи, земское собраніе совершенно послѣдовательно отрицаетъ частныя мѣры для улучшенія быта населенія; впрочемъ, еще ранѣе, т.-е. до подробнаго разбора причинъ обѣднѣнія губерніи, земское собраніе не нашло возможнымъ раздѣлить мѣры улучшенія быта губерніи на общія и частныя, на томъ-де основаніи, что ни одна изъ предлагавшихся мѣръ не можетъ считаться исключительно мѣстной, т.-е. полезною только для смоленской губ. и что, вообще, нельзя придумать такихъ мѣръ, которыя не были бы въ то же время и обще-государственными; причѣмъ было найдено, что уменьшеніе выкупныхъ платежей, болѣе чѣмъ какая-либо другая мѣра, имѣетъ характеръ обще-государственный. Не отвергая, что обще-государственныя мѣры необходимы и желательны для улучшенія условій сельской жизни, мы однако думаемъ, что задача земства заключалась вовсе не въ разработкѣ общихъ мѣропріятій, чтб и не входитъ въ кругъ вѣдомства земскихъ учреждений, а именно въ изысканіи частныхъ мѣръ для устраненія мѣстныхъ причинъ упадка губерніи. Мнѣніе, что такихъ мѣръ нѣтъ и выдумать нельзя, опровергается дѣйствительнымъ положеніемъ населенія, еслибы земство обратило на него вниманіе; само земство, признавая необходимымъ привлеченіе капиталистовъ льготами и поощреніемъ къ учрежденію фабрикъ и заводовъ, именно указываетъ на одну изъ частныхъ мѣръ для смоленской губерніи, такъ какъ

никто не утверждаетъ, чтобы такая мѣра необходима была и для губерній московской или владимірской. Правительство, даруя въ различныхъ льготахъ преимущественно крестьянамъ западныхъ уѣздовъ смоленской губерніи, еще ранѣе земства пришло на помощь населенію съ исключительными средствами, которыми при своемъ дальнѣйшемъ развитіи могли бы стать вполне частными мѣрами для улучшенія быта губерніи.

Мы кончили обзоръ труда земства по вопросу объ упадкѣ быта губерніи и объ изысканіи коренныхъ мѣръ для ея улучшенія; въ нашу задачу не входило исчислять и вообще останавливаться на общихъ мѣрахъ, на общихъ улучшеніяхъ, предлагаемыхъ земствомъ; въ тому же мѣры, указываемыя земствомъ, не представляютъ чего-либо новаго, оригинальнаго: все, что обсуждалось земствомъ, еще раньше обсуждалось и разрабатывалось или въ правительственныхъ комиссияхъ, или въ нашей печати. Для насъ гораздо важнѣе вопросъ: чѣмъ можно объяснить всѣ выводы земства, достигнутые цѣною столькихъ противорѣчій и натяжекъ? Чѣмъ объяснить предвзятое отрицаніе частныхъ мѣръ для улучшенія быта губерніи? и спросить: въ какихъ практическихъ послѣдствіяхъ могли привести изслѣдованія и отрицанія земства? Еслибы отъ помѣщиковъ требовалось надѣлать вновь крестьянъ дополнительнымъ надѣломъ или уменьшить ихъ оброки, тогда бы были еще понятны усилія доказать достаточность надѣловъ, отиѣнное плодородіе почвы и ничтожность повинностей за земли; но такіа требованія, какъ мы видѣли, невозможны и могутъ тревожить только пугливое воображеніе тѣхъ изъ числа бывшихъ помѣщиковъ, представителей которыхъ можетъ считаться корреспондентъ „Гражданина“; но земское собраніе, состоящее изъ представителей всѣхъ сословій, повидимому, должно было отрѣшиться отъ сословныхъ предубѣжденій и неосновательныхъ страховъ нѣкоторыхъ изъ своихъ сочленовъ. Если корреспондентъ „Гражданина“, отрицая необходимость въ улучшеніи матеріальныхъ условій жизни крестьянъ смоленской губерніи, въ своемъ близорукомъ усердіи оказываетъ въ сущности только медвѣжью услугу тѣмъ, чьи интересы онъ беретъ подъ свою охрану, то для земства, кажется, должно было быть вполне ясно, что только съ улучшеніемъ матеріальныхъ условій хозяйства и быта крестьянъ, которые составляютъ миллионное населеніе губерніи, возможно поднять уровень благосостоянія и всей губерніи, такъ какъ благосостояніе крестьянъ должно естественнымъ образомъ оказывать вліяніе на улучшеніе дѣлъ землевладѣльцевъ и прочихъ сословій. Если крестьянская земля, трудъ и потребленіе будутъ облегчены отъ страшныхъ налоговъ, если для крестьянъ откоро-

ются заработки на мѣстныхъ фабрикахъ, то ясно, что только тогда у нихъ явятся средства для улучшенія и расширенія хозяйства; тогда только они будутъ въ состояннн расширить размѣръ потребленія продуктовъ самой первой необходимости и тѣмъ улучшить свой бытъ. Все это, безъ сомнѣннн, дастъ толчокъ мѣстной промышленности и торговлѣ. Тогда же явится аккуратность и состоятельность крестьянъ, какъ въ отношеннн фиска, такъ и въ отношеннн землевладѣльцевъ, у которыхъ они будутъ арендовать хутора, земли и вообще различныя угодья, чѣмъ занимается теперь только небольшое число зажиточныхъ крестьянъ; тогда же явятся средства для народнаго образованнн и нравственнаго развитнн. До тѣхъ же поръ, пока матеріальныя условнн крестьянскаго быта не улучшатся, бесполезно читать сухую мораль и толковать о какихъ-либо улучшенннхъ въ положеннн сельскаго населеннн губерннн.

Къ какому же заключеннн мы приходимъ о трудахъ смоленскаго земства? Не собравъ необходимыхъ свѣдѣннн и данныхъ для изученнн дѣйствительнаго положеннн населеннн, не выннхнувъ въ его нужды, допустивъ противорѣчнн въ оцѣнкѣ матеріальныхъ условнн его жизни, уклоняясь въ непрннадлежащую ему область за понесомъ какихъ-то общнхъ лезарствъ,—земство не только лишило себя твердой почвы для изслѣдованнн положеннн и упадка губерннн, не только не выполнило задачи относительно изысканнн веренныхъ мѣръ для улучшеннн быта губерннн, не только напрасно—*oleum et laborem perdidit*, но что еще хуже, своимъ неожиданнымъ оптимизмомъ, своимъ отрицанннмъ мѣстныхъ улучшеннн, оно способно было ввести въ заблужденнн правнтельство и общество, относительно дѣйствительнаго положеннн и потребностей населеннн и помѣшать къ дальнѣйшей разработкѣ тѣхъ мѣръ, начало которыхъ само правнтельство положило въ льготахъ, дарованныхъ 13-го юля 1873 г.

Заключимъ надеждою, что смоленское земство, ради собственныхъ интересовъ, вернется къ вопросу о положеннн хозяйства и быта сельскаго населеннн, къ вопросу о частныхъ мѣрахъ для устраненнн мѣстныхъ причинъ упадка губерннн, и изберетъ для рѣшеннн своей задачи другнн способы.

Ив. Давыдовъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-е ноября, 1875.

Вопросъ о вліяніи духовенства на народную нравственность.—Проектъ комиссіи объ уменьшеніи разгула въ народѣ.—Роль сельскихъ священниковъ.—Наставленіе преосвященнаго Хрисанова.—Взгляды въ печати на бытъ народа.—Необходимость экономическихъ реформъ, какъ противовѣса всякимъ вліяніямъ.—Отвѣтъ «досужныхъ» журналистовъ «недосужнымъ».

Однимъ изъ важнѣйшихъ средствъ противодѣйствія распространенію разрушительныхъ идей и въ нивелѣ, и въ массѣ, не получившей образованія, — у насъ издавна указывалось усиленіе вліянія духовенства на школы всѣхъ степеней и усугубленіе дѣятельности сельскаго духовенства по духовному просвѣщенію народа и укрѣпленію въ немъ нравственныхъ основъ поученіемъ и примѣромъ. Убѣжденіе это въ настоящее время составляетъ одно изъ общихъ мѣстъ ходячаго консерватизма. При этомъ слишкомъ часто забывается, что обращеніе государства къ помощи духовенства специально съ цѣлью умственнаго обученія у насъ было бы далеко не новостью. Подобныя попытки были уже дѣлаемы; остатки отъ системы, ими созданной, и остатки весьма видные, существуютъ до сихъ поръ. Еще всѣмъ памятно время, когда для противодѣйствія вреднымъ началамъ въ средѣ академическаго юношества, въ университетахъ, студентамъ всѣхъ разрядовъ читалось въ теченіе всѣхъ курсовъ богословіе, догматическое и нравственное, психологія и логика преподавались священниками. Далѣе этого искусственныя средства къ умственному обузданію путемъ воспитанія уже не могутъ идти. А между тѣмъ, тѣ средства оказались положительно бесполезными. Можно даже сказать съ убѣренностью, что они скорѣе противодѣйствовали предполагаемой цѣли, нежели вели къ ея достиженію, именно потому, что нельзя создать живой силы искусственными средствами, нельзя и замѣнить ими ея дѣйствія. Укажемъ на одинъ примѣръ прямого самопротиво-

рѣчя, въ какое становились подобныя мѣры. Въ основѣ богословія и религіознаго знанія вообще лежитъ вѣра, то-есть религіозное чувство. Богословіе не создаетъ религіознаго чувства, вѣры, но, наоборотъ, само утверждаетъ на вѣрѣ,—въ ней его корень и основаніе. Между тѣмъ при преподаваніи духовными лицами въ университетахъ психологіи весь критерій достовѣрности человѣческаго познанія утверждался прямо на такихъ основаніяхъ, чтобы достовѣрнѣе всякаго личнаго наблюденія и мышленія представлялось священное писаніе, то-есть откровеніе. Не ясно ли, что для учениковъ, стоявшихъ на уровнѣ университетскаго преподаванія, такое смѣшеніе понятій, при которомъ достовѣрность познанаго, то-есть правильное дѣйствіе человѣческаго мышленія утверждалась на основѣ, этому мышленію недоступной, должно было скорѣе вредить утвержденію въ слушателяхъ вѣры, чѣмъ служить къ укрѣпленію ея? Не будь этого искусственнаго внесенія одной сферы понятій въ другую, совершенно различную, одна положительная наука не изгладила бы религіознаго чувства въ студентѣ, который воспринялъ его отъ родителей или живого слова проповѣдника, стоящаго внѣ университета.

При дѣйствіи на необразованныхъ людей, на массу, духовное слово можетъ имѣть успѣхъ точно также не тогда, когда оно искусственно привывается администраціею, какъ орудіе, и является въ видѣ административнаго приѣма, но когда оно истекаетъ изъ внутренней потребности священника проповѣдывать божественное ученіе. Удивительно, какъ поразительные успѣхи нѣкоторыхъ религіозныхъ сектъ въ Россіи въ разныя времена доселѣ не убѣдили всѣхъ и каждаго, въ чемъ заключается важнѣйшее условіе для успѣха духовной дѣятельности среди народа. Дѣло не въ созданіи искусственныхъ средствъ къ поднятію вліянія церкви на общество и на весь народъ, не въ призывѣ свѣтской властью духовенства въ помощь себѣ для административныхъ цѣлей. Подобныхъ искусственныхъ средствъ у распространителей расколовъ нѣтъ, они не только не вызываются къ дѣятельности свѣтской властью и не находятъ въ ней поддержки, но, наоборотъ, ею преслѣдуются. А между тѣмъ, слово ихъ дѣйствовало неотразимо на народъ, и едва ли въ средѣ православныхъ сельскихъ священниковъ можно узвать примѣры такого вліянія на умы народа и столь усиленной пропаганды духовной истины, какія обнаруживались свободными проповѣдниками духовныхъ заблужденій. Отчего?—Оттого, что расколотители, хотя преслѣдуемые властью, были свободны отъ административнаго руководства и подчиненія, отъ цензуры поучительнаго слова, были исполнены той внутренней жизни, которая дается независимостью и необходима для вліянія на религіозное чувство. У насъ, когда призывали или признають полезнымъ

подчинять школу или общество наружному вліянію духовенства, какъ бы руководствуется въ этомъ прежнимъ примѣромъ государствъ католическихъ. Но дѣло въ томъ, что католицизмъ вступалъ въ союзъ съ государствомъ не иначе, какъ подъ условіемъ своего преобладанія надъ нимъ, подчиненія его себѣ, а не подчиненія своего государству. Такимъ образомъ, католическая церковь всегда оставалась независимой отъ государства, даже будучи въ союзѣ съ нимъ, и это обуславливало ея дѣйствительное вліяніе на общество. У насъ же призваланася для административныхъ цѣлей сила, которая силою не была, потому что положеніе церкви въ государствѣ было совершенно подчиненное. Мы уже не разъ указывали, какъ на одну изъ важнѣйшихъ потребностей и самой церкви, и общества,—на установленіе самостоятельныхъ отношеній между церковью и государствомъ.

Полнѣйшее подтвержденіе нашего взгляда встрѣчается въ слѣдующихъ строкахъ статьи профессора Горчакова, въ недавно-вышедшемъ второмъ томѣ „Сборника государственныхъ знаній“: „современная наука государственнаго права не только допускаетъ, но находитъ неизбѣжнымъ существованіе въ государствѣ обществъ, корпорацій, ассоціацій и разнаго вида общественныхъ союзовъ, состоящихъ подъ надзоромъ государства и пользующихся его покровительствомъ, но самостоятельныхъ въ достиженіи своихъ цѣлей, не противныхъ государству. Православная русская церковь, по своему догматическому ученію, духу и настроенію, по историческимъ преданіямъ и по заслугамъ передъ государствомъ и обществомъ, могла бы, намъ кажется, имѣть полное право на признаніе ея со стороны государства *общественнымъ союзомъ, самостоятельнымъ въ управленіи своими дѣлами и независимымъ отъ бюрократіи православною иерархіею*“. Это—совершенно та точка зрѣнія, которой мы неуклонно держались всегда, какъ только намъ приходилось касаться церковной области и положенія нашего духовенства. Съ этой точки зрѣнія мы признавали, что въ вопросѣ о духовно-судебной реформѣ голосъ епископовъ долженъ имѣть полное преобладаніе надъ проектомъ комиссін и отзывами консисторій; предлагали учрежденіе особаго церковнаго фонда, съ предоставленіемъ іерархіи и представителямъ духовенства права составлять и провѣрять ежегодныя смѣты по церковному управленію; указывали на необходимость отмены свѣтскихъ законовъ, направленныхъ противъ раскольниковъ, и законовъ, карающихъ за такіа нарушенія вѣроисповѣдныхъ требованій, которыя не подходятъ подъ свѣтско-уголовныя понятія. Съ той же точки зрѣнія, мы должны признать налицыми и невыгодными для обѣихъ сторонъ великія мѣры, направленные къ смѣшенію двухъ началъ и искусственному употребленію духовнаго элемента съ цѣлями государственнаго благоустрой-

ства. Таковы, напримѣръ, требованія свѣтскаго закона объ ежегодномъ соблюденіи таинствъ покаянія и причащенія, усиленное преподаваніе вѣроисповѣдныхъ предметовъ въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ и предписанія сельскому духовенству заботиться о народной нравственности. Когда церкви предоставлена была бы независимость отъ государства, когда въ ней возникла бы дѣятельная жизнь и самостоятельная сила, она могла бы исполнять свою священную миссію по нравственному вліянію на юношество, образованное общество и массу народа, съ гораздо болѣе вѣрнымъ успѣхомъ, чѣмъ тотъ, какой могутъ обуславливать для нея искусственные свѣтскія мѣры къ употребленію ея вліянія съ цѣлями благоустройства.

Преподаваніе духовныхъ предметовъ въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ всѣхъ родовъ установлено именно для цѣлей благоустройства, въ такихъ размѣрахъ, въ какихъ оно не существуетъ ни въ одной странѣ, хотя бы при самомъ елерициальномъ направленіи внутренней политики. Въ странахъ католическихъ религіозное преподаваніе въ школахъ ограничивается предѣлами нашего краткаго катихизиса съ обзоромъ священной исторіи; въ странахъ протестантскихъ, изложеніе катихизиса еще кратче, также сопровождается „библейскою исторіею“, но въ нему присоединяется еще изученіе нѣсколькихъ церковныхъ гимновъ, такъ какъ въ протестантскомъ богослуженіи участвуетъ народъ. У насъ же во всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, классическихъ, реальныхъ, военныхъ и женскихъ проходятся: сперва молитвы и краткій катихизисъ, потомъ пространный катихизисъ, священная исторія, изложеніе и объясненіе богослуженія, а въ нѣкоторыхъ училищахъ еще и исторія церкви. Вся эта совокупность вѣроисповѣднаго преподаванія представляетъ курсъ весьма сложный и трудный, такъ что еслибы требовать изученія его съ полной строгостью, то большинство учениковъ и ученицъ среднихъ учебныхъ заведеній, за недостаткомъ времени, положительно не выдерживало бы экзаменовъ изъ этихъ предметовъ. Если взять одинъ пространный катихизисъ Филарета, съ многочисленными его текстами, изъ которыхъ нѣкоторые занимаютъ значительную часть печатной страницы, текстовъ, которые должны быть изучаемы наизусть буквально, безъ малѣйшаго измѣненія, то уже одинъ этотъ предметъ оказывается непосильнымъ для ученика, обремененнаго множествомъ другихъ предметовъ. Поэтому, какъ то обыкновенно бываетъ, при чрезмѣрной требовательности какого-нибудь правила, является неизбежная снисходительность въ надзорѣ за его исполненіемъ, но при этомъ размѣръ снисходительности, разумѣется, зависитъ отъ экзаменатора, а потому въ нѣкоторыхъ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ вѣроисповѣдные предметы, при относительной строгости экзаменаторовъ, и считаются

самыми трудными изъ всего учебнаго курса. Мы могли бы указать даже на такіе примѣры, что въ нѣкоторыхъ высшихъ специальныхъ училищахъ, несмотря на то, что при поступленіи въ нихъ требовалось уже знаніе гимназическаго курса, преподаваніе духовныхъ предметовъ продолжалось во всѣхъ классахъ, такъ что воспитанники считали ихъ въ числѣ своихъ главныхъ предметовъ, и имѣли въ виду меньшую требовательность по нѣкоторымъ предметамъ своей специальности, чѣмъ по предметамъ духовнаго обученія. Спрашивается, какая цѣль достигается такимъ преувеличеніемъ программныхъ требованій, за которыми, въ большинствѣ случаевъ, слѣдуетъ послабленіе, то-есть нѣчто нерациональное, а затѣмъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ предоставляется полный просторъ для произвола экзаменаторовъ въ строгости, передъ которою въ дѣйствительности „никто оправдаться не можетъ“? При преувеличеніи требованій со стороны формалистики, при обремененіи учениковъ непосильнымъ затверживаніемъ наизусть, не ослабляется ли именно важнѣйшее религиозное вліяніе, вліяніе нравственное, сердечная воспримчивость и любовь къ священному ученію? Не лучше ли было бы, для нравственнаго вліянія законоучителя, еслибы предметъ его не требовалъ крайняго, истинческаго напряженія памяти, былъ бы посиленъ и привлекателенъ, а вмѣсто буквальнаго переспрашиванія немилосердно искажаемыхъ учениками трудныхъ текстовъ, законоучителю оставалось время пріобрѣтать нравственное вліяніе на учениковъ живымъ поученіемъ?

Обратимся къ другой сферѣ призыва государствомъ наружнаго содѣйствія духовенства для цѣлей благоустройства, къ сферѣ народнаго быта. Что пьянство у насъ весьма распространено — не подлежитъ сомнѣнію; что большое число праздниковъ въ году (число, доходщее до четвертой части всего числа дней въ году) способствуетъ поддержанію пьянства — весьма вѣроятно. Какое же однако средство предлагается для ограниченія этого зла? „Церковно-общественный Вѣстникъ“ сообщаетъ, что въ скоромъ времени имѣеть поступить на рассмотрѣніе государственнаго совѣта проектъ, выработанный особою комиссіею, назначенною для уменьшенія числа праздничныхъ дней и разгула въ народѣ“. Сообщаемыя названнымъ изданіемъ мѣры изъ предлагаемыхъ этимъ проектомъ, слѣдующія: 1) возложить на приходскихъ священниковъ, преподающихъ въ сельскихъ школахъ заповѣдь Божій, обязанность обращать особенное вниманіе на четвертую заповѣдь и излагать подробно и обстоятельно ученіе православной церкви о значеніи праздниковъ и воскресныхъ дней; 2) при устройствѣ новыхъ храмовъ располагать мѣстныхъ прихожанъ къ тому, чтобы храмъ посвященъ былъ во имя угодиниковъ и святыхъ, чтен-

ныхъ не въ извѣстномъ только мѣстѣ, а повсемѣстно; 3) земства могутъ, по своему усмотрѣнію, награждать крестьянъ, отличающихся благопріемлемъ и правильнымъ веденіемъ хозяйства, деньгами, хлѣбомъ и другими сельско-хозяйственными принадлежностями.

Извѣстно, что благопріемлемъ отличаются прежде всего волостные старшины и сельскіе старосты, иначе ихъ бы не выбрали въ эти званія; а правильнымъ веденіемъ хозяйства отличается не тотъ мужикъ, который одной лошадей больше вспашетъ или пойдетъ косить на другой день послѣ Петрова-дня, но тотъ, у кого лошадей больше и у кого косить работнее, хотя онъ самъ, быть можетъ, соблюдаетъ праздники угодниковъ, чтимыхъ во всѣхъ окрестныхъ мѣстностяхъ. Стало бытъ, послѣдній пунктъ—если онъ только что-нибудь прибавитъ къ нынѣшнему положенію дѣлъ, такъ какъ никто не запрещалъ земствамъ и нынѣ награждать крестьянъ—поведетъ къ раздачѣ земскихъ денегъ и сельско-хозяйственныхъ принадлежностей старшинамъ и старостамъ или ихъ зятямъ, по представленіямъ тѣхъ же старшинъ и старостъ.

Но ужъ если свѣтскіе законы будутъ не только возлагать на священниковъ духовныя поученія съ прямой цѣлью государственнаго благоустройства, а еще располагать, какимъ угодникамъ полезно посвящать храмы, и какимъ, въ тѣхъ же свѣтскихъ видахъ—не полезно, то это представитъ нѣчто въ самомъ дѣлѣ характеристическое и послужитъ намъ новымъ примѣромъ, до чего можетъ доходить смѣшеніе обѣихъ властей. Не ясно ли, что то, чего священники не дѣлаютъ безъ предписаній закона, они не въ состояніи будутъ сдѣлать по его предписаніямъ; что, напротивъ, чѣмъ болѣе службъ будетъ возлагать на нихъ свѣтскій законъ, тѣмъ менѣе онъ можетъ отказываться служить самъ чисто-церковнымъ цѣлямъ, какъ, напр., предписывать свѣтскія мѣры для поддержанія или распространенія православія среди раскольниковъ и иновѣрцевъ. Сверхъ того, возложеніе обязанностей предписаніями не можетъ не ослаблять въ духовенствѣ внутренней силы дѣйствія, тѣсно связанной съ свободнымъ выборомъ случаевъ и средствъ для поученія. Сошлемся на случай, недавно описанный гаветами. Священнику въ мѣстности, гдѣ завелись „штундисты“, предписывалось „дѣйствовать увѣщаніями“. Если бы священникъ самъ пожелалъ дѣйствовать увѣщаніемъ, то, разумѣется, выбралъ бы для этого и случай и нашелъ бы въ себѣ искреннія, понятныя народу слова, какія можетъ внушить только собственная охота; а еслибы зналъ, что никакой надежды на усмѣхъ увѣщанія въ такомъ-то мѣстѣ нѣтъ, то вовсе и не пошелъ бы туда. Но ему не было выбора; онъ долженъ былъ исполнить предписаніе, соображаясь при томъ съ „существующимъ на сей предметъ настав-

леніемъ". И вотъ священникъ идетъ къ штундистамъ и, твердо помня, что „наставленіе“ предписываетъ свѣтскія мѣры только противъ пропаганды и расколо-учителей, а не самихъ совратившихся, возстаетъ противъ ихъ „пропаганды“ и угрожаетъ ихъ „коноводамъ“. Обязанность на него возложенную онъ исполнилъ, но вотъ съ какимъ успѣхомъ: при проѣздѣ мѣстнаго архіерея, штундисты обратились къ нему съ жалобой на священника, утверждая, будто онъ говорилъ имъ „ваша вангелія—погана, пропагана“,— и обзывалъ ихъ „коноводами“, между тѣмъ, какъ они „никогда въ конокрадствѣ замѣчены не были“. Вслѣдствіе такой жалобы епископъ предписалъ священникамъ, чтобы они въ своихъ увѣщаніяхъ употребляли общепонятныя народу слова, избѣгая выраженій, народу не понятныхъ. А между тѣмъ, кто же лучше самихъ сельскихъ священниковъ можетъ знать, что народу понятно или непонятно, что ему для его духовнаго просвѣщенія потребно или не потребно? Не легче ли бы и епископамъ и священникамъ дѣйствовать духовнымъ поученіемъ на народъ, если бы первые не получали предписаній отъ канцелярій, а вторые не были бы стѣсняемы инструкціями, составленными по этимъ предписаніямъ? Не болѣе ли пользы можно бы ожидать, еслибы духовенство не призывалось къ достиженію свѣтскихъ цѣлей, но руководствовалось бы внутреннимъ побужденіемъ къ духовной проповѣди, а свѣтская власть полагалась бы для уменьшенія такихъ явленій, какъ народный разгулъ, не на предписываемое ею дѣйствіе духовенства, но на собственные свои свѣтскія мѣры къ улучшенію быта народа и къ распространенію въ немъ образованія?

Что церковь, предоставленная самой себѣ и пользуясь въ государствѣ самостоятельностью, какъ «общественный союзъ», по выраженію профессора Горчакова, сумѣла бы правильно избрать лучшія средства дѣйствія на народъ, способныя дать ей живое нравственное на него вліяніе, тому могутъ служить примѣромъ нѣкоторыя прекрасныя мысли, высказанныя епископомъ астраханскимъ Хрисанфомъ, въ пастырскомъ наставленіи священникамъ его епархіи, напечатанномъ въ „Церковномъ Вѣстникѣ“. „Священникъ,—пишетъ преосвященный Хрисанфъ,—есть не только совершитель таинствъ и обрядовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, и по этому самому, и руководитель нравственной жизни своихъ прихожанъ, *духовная власть и сила*, направляющая и устроющая нравственный бытъ пасомыхъ,.... Епископъ при этомъ замѣчаетъ: „не могу скрыть, что я встрѣчалъ священниковъ, которые выслушивали мои разсужденія съ ними по этому предмету—почти съ изумленіемъ, точно сообщалось имъ что-то новое.“ И дѣйствительно, не мудрено, что священникамъ привыкшимъ бояться всякаго собственного почина и дѣйствовать только для исполненія предписаній

могла казаться новою такая мысль, что они должны быть „духовная власть и сила“ и имѣть нравственное вліяніе на народъ. Далѣе епископъ дѣлаетъ весьма важное замѣчаніе: „необходимо нравственность понимать шире. Семейный бытъ, взаимныя отношенія членовъ семьи, воспитаніе дѣтей, даже отношеніе народной массы къ дѣламъ общественнаго характера, ихъ взглядъ на эти дѣла, ихъ отношеніе къ требованіямъ общественныхъ нуждъ, степень развитости въ нихъ чувства законности, ихъ сочувствіе или несочувствіе дѣлу общественной помощи и благотворительности, все это — проявленія нравственной жизни и нравственнаго быта“. Опредѣленіе прекрасное и, кажется, въ первый разъ провозглашаемое у насъ архипастыремъ съ такой ясностью и точностью. Дѣйствительно—вся сфера, въ которой проявляется нравственная жизнь человѣка, должна подлежать вліянію учителя нравственныхъ началъ, если только онъ не вооруженъ для вліянія свѣтскими средствами, потому что тогда онъ изъ учителя тотчасъ превратится въ чиновника, и чиновника тѣмъ болѣе тяжелаго; что сфера его вмѣшательства почти не имѣетъ предѣловъ, какъ сама область нравственной жизни. Если же священникъ въ самомъ дѣлѣ можетъ дѣйствовать только ученіемъ, не располагая никакими свѣтскими средствами, то вліянію его должна быть доступна именно вся область нравственной жизни, потому что иначе вліяніе его, замыкаясь въ одной церкви, будетъ ничтожно, такъ какъ человѣкъ живетъ и дѣйствуетъ не въ церкви.

Но, спрашивается, возможно ли у насъ, при нынѣшнихъ условіяхъ, подобное вліяніе священника? Вѣдь онъ принадлежитъ къ одному *вѣдомству*, а общественныя дѣла и нужды состоятъ въ другихъ вѣдомствахъ, общественная благотворительность находится также въ особомъ вѣдомствѣ. Какъ же можетъ членъ одного вѣдомства касаться, хотя бы словомъ, дѣйствій, относящихся къ предметамъ другихъ вѣдомствъ, ему постороннихъ? Священникъ потому и не „вторгается“ въ области, относящіяся къ другимъ вѣдомствамъ, что предвидеть жалобы на себя своему вѣдомству за всякое слово, относящееся къ дѣйствіямъ въ областяхъ другихъ, „постороннихъ“ вѣдомствъ; а между тѣмъ, замыкаясь въ церкви, въ школѣ, если онъ преподаетъ въ ней,—онъ упускаетъ изъ виду всю жизнь взрослого человѣка. Будь священникъ частнымъ лицомъ, стоящимъ внѣ всякихъ вѣдомствъ, онъ могъ бы, напримѣръ, сказать волостному старшинѣ, что такое, или такое его дѣйствіе несогласно съ нравственностью; всякій частный человѣкъ сказать это можетъ; но священникъ, служащій по вѣдомству, священникъ—официальное должностное лицо, за такое слово можетъ иногда лишиться своего мѣста, потому что ни одно вѣдомство не терпитъ вмѣшательства другого вѣдомства въ свои

дѣла, и не можетъ быть такого вѣдомства, которому принадлежало бы право судить о дѣйствіяхъ всѣхъ прочихъ вѣдомствъ.

Относительно церковной проповѣди, важнѣйшаго средства вліянія церкви на народную нравственность, преосв. Хрисанеъ говоритъ между прочимъ: „пустъ каждый изъ священниковъ и въ храмѣ говорить тѣмъ простымъ наставительнымъ тономъ, какимъ говорить съ прихожанами дома въ назидательной бесѣдѣ... Самый способъ произношенія поученій, которому слѣдуютъ почти всѣ священники, т. е. по тетради или по книгѣ—мертвъ, и требовалъ бы измѣненія на живую, *устную* рѣчь; устная, живая рѣчь всегда производитъ болѣе живое и сильное впечатлѣніе; тѣмъ болѣе нужно сказать это простомъ народѣ, который живетъ больше впечатлѣніями, чѣмъ разсудочными соображеніями.“

Изъ этихъ словъ явствуетъ, что преосв. Хрисанеъ предвидитъ живое дѣйствіе только отъ устной проповѣди, которая была бы свободна отъ благочиннической цензуры. Столь же просвѣщенные и справедливые взгляды высказываетъ епископъ астраханскій на способъ дѣйствія священниковъ относительно раскола и въ качествѣ законоучителей въ школахъ: „необходимымъ также считаю замѣтить,—пишетъ онъ,—что многіе изъ священниковъ держатся ложнаго взгляда относительно обращенія сектантовъ, думая, что дѣло это прежде всего подлежитъ дѣйствію полицейской власти и что безъ содѣйствія послѣдней невозможенъ никакой успѣхъ въ немъ. Такова *большая часть* отвѣтовъ, получаемыхъ мною отъ священниковъ на мои запросы о мѣрахъ къ ослабленію сектантства въ ихъ приходяхъ. Пусть всѣ они знаютъ и примутъ къ свѣдѣнію, что не къ тому теперь направляется наше законодательство и не таковы требованія современной общественной жизни“. Что „большая часть“ отвѣтовъ священниковъ были таковы, доказываетъ именно, что, пока будетъ существовать смѣшеніе властей духовной и свѣтской, священники будутъ полагаться на полицейскія мѣры, не чувствуя въ себѣ силы дѣйствія, даже не сознавая, что единственная, но за то огромная сила дѣйствія духовенства есть именно увѣщаніе лица, облеченнаго авторитетомъ священнымъ и независимаго отъ полицейскихъ внушеній. Взгляды, высказываемые преосв. Хрисанеомъ, содержатъ въ себѣ полную программу дѣйствій для приходскаго духовенства и свидѣтельствуютъ, что православная іерархія сдумала бы направить духовенство къ приобрѣтенію имъ живого нравственнаго вліянія на народъ, еслибы духовная власть у насъ была совершенно отдѣлена отъ свѣтской. Но, съ другой стороны, самая программа дѣйствій, начертанная епископомъ астраханскимъ, можетъ быть дѣйствительно приведена въ исполненіе не иначе, какъ при томъ же условіи, то-есть

при снятіи съ духовенства бюрократическихъ правъ и обязанностей и предоставленіи ему самостоятельности.

Жалуются на нравственную запущенность массы народа, на преобладаніе въ самомъ образованномъ обществѣ въ Россіи матеріальныхъ инстинктовъ, на продолжающееся еще въ нашемъ національномъ характерѣ, несмотря на полтора вѣка европейской жизни, присутствіе элемента дикости. Но могло ли быть иначе при тѣхъ условіяхъ, которыя еще недавно сковывали бытъ массы народа, и при тѣхъ, какія тяготѣли надъ обществомъ въ до-реформенное время? Не очевидно ли, что раціональный путь къ изглаженію дикости, къ возвышенію нравственнаго элемента въ жизни общества и всего народа, представляется не наложеніемъ узъ на всѣ нравственныя силы, на церковь, школу и печать, но наоборотъ—предоставленіемъ этимъ силамъ ббльшей самостоятельности, ббльшаго простора для дѣйствія, ббльшаго авторитета въ странѣ, немыслимаго при излишней бюрократической подчиненности? Извѣстный циркуляръ министерства народнаго просвѣщенія отъ 24 мая указывалъ, какъ на прискорбное явленіе—на отсутствіе солидарности у насъ между семьею и школой. Но если школу можно передѣлать вдругъ, съ семьею нельзя сдѣлать того же. Стало быть, сблизить семью со школой можно только такимъ путемъ, чтобы сблизить школу съ семьею, заботиться не столько о такой или такой учебной системѣ—умственное и нравственное развитіе достигается не одной системой,—но о соотвѣтствіи школы потребностямъ общества и возвышеніи ея авторитета самостоятельностью. Въ послѣднее время слухи о пропагандѣ коммунистскихъ ученій въ народѣ молодыми людьми изъ образованнаго класса и произведенныхъ по этому поводу арестованійхъ подали печати поводъ коснуться общаго вопроса о бытѣ и нравственномъ настроеніи массы народа. Мы обратимъ особенное вниманіе на статьи объ этомъ вопросѣ, появившіяся въ истекшемъ мѣсяцѣ въ газетѣ „Голосъ“.

Статьи „Голоса“ вообще представляютъ ходъ разсужденія болѣе правильнѣй, чѣмъ нѣкоторыя латинскія выраженія, ихъ украшающія, и нѣкоторыя предположенія, допускаемыя въ нихъ, очевидно, только для ббльшей эффектности. Когда въ тѣхъ статьяхъ говорится, что въ нашемъ обществѣ есть элементы недовольства, и при этомъ ссылаются на разныя, весьма несходныя между собою причины недовольства, указываютъ на крайне-неудовлетворительное экономическое и нравственное положеніе массы нашего крестьянства и на необходимость улучшеній въ податной и паспортной системахъ и умноженія народныхъ школъ,—то противъ всего этого нельзя спорить, и въ этомъ нѣтъ ничего новаго. Можно только замѣтить, что въ тѣхъ статьяхъ не

разъяснено, какую сравнительную численность и какое значеніе предполагается въ поименованныхъ разрядахъ недовольныхъ; не разъяснено, какое относительное значеніе можно придавать каждому изъ такихъ явленій, что „одни недовольны тѣмъ, что реформы пошли слишкомъ далеко“; другіе „недовольны тѣмъ, что реформы пошли недостаточно далеко“; а третьи „соболезнуютъ, что нѣкоторыя начала совершившихся уже реформъ ограничены, по ихъ мнѣнію, въ послѣдствіи“. Между тѣмъ, никакая политическая система не можетъ имѣть цѣлью удовлетворить *всѣхъ*, безъ всякаго, даже единичнаго исключенія, а потому для практическихъ государственныхъ цѣлей всего важнѣе было уяснить себѣ, въ какомъ разрядѣ „недовольныхъ“ можно предполагать только ничтожные десятки, въ какомъ сотни, а въ какомъ, быть можетъ, и тысячи людей, и притомъ, какое влияніе каждый изъ этихъ разрядовъ, по умственному своему развитію и степени искренности убѣжденія, можетъ оказывать на все общественное мнѣніе. Если допускать, какъ то дѣлаетъ „Голосъ“, три весьма различныхъ разряда „недовольныхъ“, — то необходимо спросить себя, который изъ нихъ можетъ быть ничтоженъ, а потому не стоить вниманія; который слабъ, и потому не можетъ служить поводомъ къ такому или другому направленію системы дѣйствій, и который, быть можетъ, представляетъ явленіе весьма важное для вниманія самого законодательства, соображающаго свои дѣйствія со всѣми крупными фактами народной жизни. Законодательство, строго говоря, вездѣ можетъ дѣйствовать независимо отъ всякихъ вліяній, постороннихъ данной законодательной сферѣ, но оно нигдѣ не можетъ дѣйствовать безъ компаса.

Ходъ разсужденія въ упомянутыхъ статьяхъ, повторяемъ, правленъ, но разсужденіе, во-первыхъ, не полно, потому что оно упускаетъ изъ виду весьма важный элементъ — среднее образованное русское общество, и останавливается преимущественно на пропагандистахъ, которые въ тѣхъ статьяхъ появляются неизвѣстно откуда, и на крестьянской массѣ, которой положеніе неудовлетворительно. Во-вторыхъ, разсужденіе „Голоса“ уснащено для эффекта нѣкоторыми догадками и предположеніями, которыя совершенно невѣрны, окрашиваютъ самыя статьи весьма непривлекательнымъ цвѣтомъ и вызываютъ необходимость опроверженія. Таковы догадки, будто „ученія, проповѣдываемыя разными заграничными изданіями, имѣютъ огромный успѣхъ среди молодежи, бросающей ученіе и бросающейся въ народъ“; будто „аресты считаются сотнями и обвиняемые принадлежатъ ко всѣмъ сословіямъ и возрастамъ“; будто „благодаря официальнымъ заявленіямъ, Европа теперь убѣждена, что Россіи грозитъ существенная опасность не отъ нелѣпой проповѣди нѣсколькихъ фа-

натиковъ, но отъ сочувствія, показываемаго этой проповѣди массою общества“. Таково же предположеніе, будто „распространеніе дурныхъ ученій способно породить смуту въ крестьянствѣ“; будто нельзя имѣть увѣренности, что „пропаганда не можетъ имѣть вліянія на массу“, и будто подъ вліяніемъ такой пропаганды „народъ можетъ сдѣлать сюрпризъ и дѣтъ черезъ двадцать оказаться воспитаннымъ въ иномъ духѣ“. Всѣ эти дополненія „Голоса“ къ тѣмъ безспорнымъ истинамъ, которыя составляютъ сущность его разсужденій, представляютъ рядъ произвольныхъ догадокъ о фактахъ, искаженій фактовъ и предположеній не-серьезныхъ, короче—натяжекъ, сдѣланныхъ для того, чтобы придать разсужденію тонъ „суперлативный“, который „Голосъ“ вообще любитъ и считаетъ необходимымъ условіемъ убѣдительности. Для такой риторической цѣли непозволительно взводить напраслину и на Европу, и на русскую молодежь, и русское образованное общество, которое выставляется „равнодушнымъ ко всему, что выходитъ за предѣлы мельчайшихъ каждодневныхъ интересовъ“, и на массу русскаго народа.

Начать съ того, что всѣ учебныя заведенія переполнены, что они могутъ вмѣщать только меньшую часть молодыхъ людей, являющихся на пріемные экзамены; если университеты составляютъ въ этомъ отношеніи исключеніе, то на это есть своя особая причина. Число желающихъ поступать во всевозможныя школы ежегодно возрастаетъ поразительнымъ образомъ, и въ виду такихъ-то положительныхъ фактовъ намъ рѣшаются высказывать голословную догадку, будто „молодежь бросаетъ ученіе и бросается въ народъ“, вслѣдствіе „огромнаго успѣха“, какой имѣютъ будто бы въ ея средѣ „заграничныя изданія!“ Допустимъ на минуту, что произведенные „аресты считаются сотнями“, допустимъ даже, что всѣ арестованные виновны; но вѣдь изъ словъ „Голоса“ же мы узнаемъ, что они принадлежатъ ко „всѣмъ возрастамъ“, стало быть, не къ одной молодежи; да наконецъ и сотни молодыхъ людей, подвергшихся арестованію, еще не давали бы „Голосу“ права говорить, что „молодежь бросаетъ ученіе и бросается въ народъ“, потому что въ однихъ университетахъ и гимназіяхъ, не говоря о всѣхъ другихъ высшихъ и среднихъ школахъ, состоитъ до 50-ти тысячъ учениковъ. Вѣдь если окажется, что число арестованныхъ молодыхъ людей стоитъ въ отношеніи къ общему числу учащихся какъ 1:1000, то взведеніе по этому поводу подозрѣнія на всю учащуюся молодежь должно будетъ назваться легкомысліемъ.

Пойдемъ далѣе. Берлинскій корреспондентъ газеты „Times“, упомянувъ о томъ мѣстѣ извѣстнаго циркуляра 24-го мая русскаго министра народнаго просвѣщенія, гдѣ заявлялось о сочувствіи образо-

важныхъ классовъ русскаго общества проповѣди коммунистовъ, спрашиваетъ себя: возможно ли такое явленіе,—и затѣмъ самъ положительно разрѣшаетъ этотъ вопросъ, говоря, что если есть сочувствіе русскаго общества къ партіи враждебной порядку, то оно все-таки не есть сочувствіе къ разрушительнымъ теоріямъ, но послѣдствіе недовольства по совершенно другимъ причинамъ. Мы считаемъ лишнимъ доказывать, что русское общество сочувствія къ „разрушителямъ“ не имѣетъ, считаемъ лишнимъ опровергать англійскаго корреспондента. Но, спрашивается, достаточно ли такого факта, какъ замѣчаніе одного корреспондента, который тутъ же оговаривается объ особомъ смыслѣ предполагаемаго „сочувствія“, дабы сказать, какъ говорить „Голось“, что, „благодаря официальнымъ заявленіямъ, Европа теперь убѣждена, что Россія грозитъ существенная опасность отъ сочувствія, показываемаго проповѣди (коммунистовъ) массой русскаго общества“? Не только слова одного корреспондента не представляютъ „убѣжденія Европы“, но самый циркуляръ министра народнаго просвѣщенія не могъ сообщить такого убѣжденія Европѣ, которая вовсе не обязана слѣдовать въ своихъ убѣжденіяхъ циркулярамъ. Да и самому корреспонденту, наведшему на „Голось“ такой страхъ, циркуляръ внушилъ убѣжденіе, едвали вытекающее изъ этого циркуляра, а именно: „не можетъ быть, чтобы русскіе культурные слои прониклись социалистическими ученіями; они хотятъ чего-то другого“.

Натяжкой, сдѣланною для приданія разсужденію поразительности, слѣдуетъ признать и то предположеніе „Голоса“, будто масса нашего крестьянства, вслѣдствіе неудовлетворительности своего экономическаго положенія, можетъ представить почву для насажденія коммунистическихъ началъ, такъ что дѣтъ черезъ двадцать русскій народъ можетъ „сдѣлать сюрпризъ“, оказаться „воспитаннымъ въ иномъ духѣ“. Предположеніе это—только полемическій приѣмъ, послужившій автору статей „Голоса“ для того, чтобы придать давно созрѣвшимъ въ обществѣ требованіямъ уменьшенія тягости подушныхъ податей, преобразованія паспортной системы и умноженія начальныхъ школъ—убѣдительность особаго рода, убѣдительность полицейскаго соображенія. „Голось“ какъ будто говорить: надо-моль поторопиться съ этими реформами потому, что иначе масса народа черезъ какихъ-нибудь двадцать лѣтъ можетъ оказаться проникнутой революціоннымъ духомъ, отъ котораго не можетъ спасти его приписываемый народу здравый смыслъ. Цѣль сама по себѣ хорошая, но средство, употребленное для ея достиженія, опять не совсѣмъ хорошо. Ускорить упомянутыя реформы слѣдуетъ просто потому, что онѣ необходимы для народа, и что онѣ созрѣли въ сознаніи образованнаго общества, какъ никогда созрѣла отиѣна крѣпостнаго права; но вовсе не потому, что

только проведеніемъ этихъ реформъ можно предупредить успѣхъ пропаганды западнаго коммунизма въ массѣ русскаго крестьянства. Такое возраженіе сдѣлаетъ „Голосу“ всякій безпристрастный, самостоятельно мыслящій человекъ. Что же касается людей, смотрящихъ на общественные вопросы съ точки зрѣнія исключительно полицейской, то ихъ никакими „полицейскими соображеніями“ нельзя поймать на удочку либеральныхъ реформъ; они всегда предпочтутъ мѣры чисто-полицейскаго свойства. Еслибы полицейскій аргументъ „Голоса“ могъ подѣйствовать на нихъ, то-есть усилить въ нихъ неувѣренность въ благонадежности самой массы русскаго крестьянства, то повѣрьте, что они отсюда вывели бы заключенія, прямо противоположныя тѣмъ, къ какимъ пришелъ „Голосъ“: они сочли бы необходимымъ не отмінуть существующей паспортной системы и введеніе свободы переселеній, но напротивъ — усиленіе строгости паспортной системы и воспрещеніе всякихъ переселеній, безусловное прикрѣпленіе къ землѣ; не умноженіе народныхъ школъ для сообщенія народу „здравыхъ финансовыхъ понятій“, но наоборотъ—строжайшій контроль надъ народными школами, уже существующими, и даже уменьшеніе ихъ числа; и все это они сдѣлали бы, ссылаясь на то, что „Голосъ“ пророчитъ какія-то опасности въ самомъ непродолжительномъ времени—лѣтъ черезъ двадцать. Такихъ людей, на полицейскія воззрѣнія которыхъ рассчитывалъ аргументъ „Голоса“—предполагая, что они у насъ есть—нельзя было бы убѣдить имъ; они увидѣли бы въ немъ только ловушку. А на людей безпристрастно-мыслящихъ, этотъ аргументъ дѣйствуетъ непріятно, какъ натяжка, къ тому же натяжка, низводящая великую народную потребность на степень полицейскаго соображенія.

Масса русскаго крестьянства представляетъ въ умственномъ отношеніи поле невоздѣланное, а въ отношеніи экономическомъ поле бѣдное, неурожайное; значительная часть ея представляетъ даже особый видъ пролетаріата, пролетаріата прикрѣпленнаго къ бездоходной землѣ. Это—фактъ, фактъ, истекающій изъ того, что масса, всѣ вѣка своего національнаго существованія служившая государству, несшая на себѣ всѣ тягости его, приносившая ему въ жертву, не только пассивно, но и сознательно, всѣ свои силы, была совершенно забыта государствомъ, не получала отъ него ничего, кромѣ именно охраны ея національнаго существованія и затѣмъ созданія ея національнаго могущества. Что новгородская Русь не отпала отъ владимірско-московской; что Сибирь, покоренная горстью людей, недавно стоявшихъ внѣ закона, осталась въ связи съ Москвой; что Смоленскъ и Кіевъ тотчасъ по присоединеніи плотно пристали къ московскому государству; что сама Украина сохранила понятіе о религіозной и племенной связи съ нимъ—это факты колоссальные, свидѣтельствующіе о безконеч-

ной преданности русскаго народа идеѣ національнаго существованія, то есть идеѣ государства, которой онъ жертвовалъ и страданіями и отреченіемъ отъ мѣстныхъ стародавнихъ вольностей. Потребовались не только крайнее напряженіе централизаціонныхъ мѣръ въ Москвѣ и затѣмъ въ Петербургѣ, но еще и экономическій и церковный перевороты, установленіе крѣпостнаго права и Никоновская реформа, чтобы вызвать въ этомъ народѣ нѣкоторыя оппозиціонныя стремленія, которыя, впрочемъ, въ крупнѣйшихъ своихъ проявленіяхъ, все-таки принимали государственныя же характеры, свидѣтельствовали о вѣрности самаго бунта въ Россіи идеѣ государства.

Настало, наконецъ, для русскаго народа время извлечь и выгоды изъ той громадной машины, которую онъ строилъ себѣ въ теченіе вѣковъ, нерѣдко снося свои избы для поддержанія въ кузницѣ огня, затѣвая своей одеждой трещины въ ковавшейся машинѣ, а порою смазывая и своей кровью ея колеса, когда они ржавѣли. Государство должно исполнить свое назначеніе, должно показать, что исторія русскаго народа не была ошибкой, что могущественнѣйшее въ свѣтѣ государство создано имъ для самого себя, для своего блага, для могущественнѣйшаго воздѣйствія на улучшеніе быта строившей его массы.

Великое начало тому положено. Государство, которое по мѣрѣ своего силоченія и усиленія, вмѣсто того, чтобы принять подъ свою непосредственную опеку и прямое свое покровительство создавшую его массу, наоборотъ, слагало съ себя эту обязанность, возлагая ее на вотчинниковъ; вмѣсто того, чтобы улучшить бытъ своихъ строителей рабочихъ, укрѣпило ихъ за своими прикащиками, которые опеку превращали въ безпощадную эксплуатацію, будучи, по выраженію Посошкова, „крестьянамъ невѣковыя владѣльцы, того ради они не весьма ихъ и берегутъ, а прямой ихъ владѣтель—Всероссійскій самодержецъ“,—государство въ наше время начало свои реформы съ того, что устранило эту посредственную опеку-эксплуатацію, призвало за крестьянами право на землю, которую они своими трудами отстаивали русскому государству и своими же трудами обрабатывали. Но этимъ, конечно, еще не исчерпано воздаяніе русскаго государства русскому крестьянству. Самый надѣлъ произвелъ во многихъ мѣстностяхъ отягощеніе земледѣльца и бездоходность пользованія имъ землею. Сверхъ того, освобожденіе совершилось только въ разграниченіи крестьянскихъ правъ и имуществъ съ правами и имуществами бывшихъ ихъ опекуновъ-владѣльцовъ. Затѣмъ, взятіе крестьянъ государствомъ подъ непосредственную опеку еще не успѣло выразиться почти ничѣмъ. Система податей сохранила характеръ крѣпостнаго времени—подушный, съ круговой порукой, а система нас-

портная, отъ которой зависитъ гражданская свобода, свобода личности въ пользованіи гражданскими правами, сохранила характеръ фискальный. Дальнѣйшія реформы на пользу массы необходимы, необходимы просто потому, что ихъ требуетъ очевидная справедливость, которая и есть народный интересъ, и лучшая политика. Но если мы уже непремѣнно хотимъ и впередъ раздѣлять эти три понятія и приписывать политикѣ особыя цѣли, ей самой присущія, независимо отъ интереса массы, то и такія специально-политическія цѣли указываютъ на необходимость помянутыхъ реформъ. Безъ нихъ, Россія какъ государство, съ теченіемъ времени, будетъ все болѣе и болѣе отставать отъ другихъ европейскихъ государствъ, которыя произвели у себя тѣ реформы въ первую половину текущаго столѣтія; съ упадкомъ быта массы населенія ослабѣетъ платежная въ государствѣ сила и сила производительная, упадутъ и земледѣліе и промышленность, а государство будетъ должать болѣе и болѣе—до ослабленія своего кредита. А такъ какъ функція капитала все возрастаетъ въ наше время, и не только въ производительности, но и въ вооруженной силѣ, то самое могущество государства въ тѣсномъ смыслѣ станетъ клониться въ упадку.

Вотъ каковы истинныя политическія соображенія въ пользу ускоренія реформъ для улучшенія быта массы, а не мелочное, къ тому же исторически невѣрное предположеніе, будто подобныя преобразованія необходимы для того, чтобы помѣшать десяткамъ или хотя бы сотнямъ пропагандистовъ западнаго коммунизма перевоспитать массу русскаго народа въ какихъ-нибудь двадцать лѣтъ!!!... Здѣсь разумѣется перевоспитаніе въ смыслѣ политическихъ и соціальныхъ воззрѣній. Но и сами наши пропагандисты западнаго коммунизма „идя въ народъ“, и самъ „Голосъ“, допуская, въ видѣ полемическаго приѣма, возможность пріобрѣтенія ими вліянія на міровоззрѣніе русскаго народа, забываютъ, что политическое и соціальное воспитаніе народныхъ группъ создается не по прихоти учителей, но тѣми бытовыми условіями, въ какія тѣ группы поставлены. Сами пропагандисты могутъ имѣть успѣхъ только тогда, когда они вызваны къ дѣятельности не своей прихотью или какими-либо „изданіями“, но бытовыми условіями или политическимъ кризисомъ, какой переживается народомъ, и пропагандируютъ только тѣ именно идеи, въ которыхъ условія эти отражаются. Тогда не требуется и „сотенъ“ пропагандистовъ; пропаганда какъ-бы сообщается самимъ воздухомъ, иногда нельзя даже услѣдить, какіе именно люди и сколько людей подготовляли смуту или настроеніе массъ въ извѣстномъ смыслѣ. Такъ, электричество не примѣтно, пока не блеснетъ молнія или не послышится громъ. Настроенія къ смутѣ и движенія

народныя бывали и въ Россіи не разъ. Но знаемъ ли мы, знали ли современники, кто подготовлялъ пугачевщину? Повидимому—никто; автору романа „Пугачевцы“ пришлось сочинить какого-то благообразнаго и таинственнаго юношу, когда онъ хотѣлъ обрисовать начало движенія. Какіе пропагандисты „воспитывали“ русское крестьянство къ протестамъ противъ злоупотребленій крѣпостнаго права, какіе пропагандисты смущали его безпрестанно возникавшими слухами объ освобожденіи и вызывали крестьянскіе бунты во всѣ царствованія, пока оно существовало? Такъ и теории о раздѣлѣ имущества, о правѣ вознагражденія сообразно потребности, о регламентаціи труда государствомъ, или хотя бы только о противодѣйствіи труда капиталу, тамъ, гдѣ теории эти въ самомъ дѣлѣ имѣли успѣхъ въ группахъ рабочей массы, были вызваны изъ книжекъ въ жизнь не прихотью нѣсколькихъ агитаторовъ, но бытовыми условіями. Тамъ, гдѣ вѣковое развитіе промышленности привлекло огромное большинство населенія (88% въ Англіи), или хотя бы въ половину его (51% во Франціи), въ города; гдѣ масса, стало быть, поставлена вся (какъ въ Англіи, включая и сельскихъ рабочихъ) или наполовину въ условія прямой зависимости отъ капиталистовъ; гдѣ рабочихъ изобиліе, а вслѣдствіе того они поодиночно были совершенно бессильны передъ фабрикантами; гдѣ накопленіе населенія, введеніе машинъ и промышленные кризисы вызывали по временамъ лишеніе многочисленныхъ группъ людей всякихъ средствъ къ существованію, а государственная власть давно отказалась отъ вмѣшательства въ бытовыя условія, такъ что въ моменты кризисовъ оставалось выбирать эмиграцію или голодную смерть; тамъ естественно могла возникнуть организованная борьба труда противъ капитала, искусственное поддержаніе заработковъ союзами рабочихъ, стачки въ отвѣтъ на отягощеніе условій работы. Тамъ, гдѣ, какъ во Франціи, при сходныхъ условіяхъ для половины населенія, оно приучено было видѣть вмѣшательство государственной власти во всѣ сферы дѣятельности проведеніемъ то той, то другой теории, гдѣ и политическая революція имѣла прежде всего характеръ борьбы противъ богатыхъ классовъ, злоупотреблявшихъ своими привилегіями, тамъ борьба рабочихъ съ капиталомъ должна была принять характеръ коммунизма революціоннаго, стремящагося овладѣть государственной властью для осуществленія той или другой теории. Пропагандисты при этомъ были, но не они вызывали извѣстное настроеніе народныхъ группъ: наоборотъ, оно само вызывало ихъ, оно подсказывало имъ слова, которыя они слогали въ теории и обращали въ клики возстанія. На одной сторонѣ стояли всѣ организованныя силы: государственный механизмъ, духовенство и капиталъ, на другой была сперва вся масса притѣсненная,

безправная. Оттого борьба, веденная противъ всѣхъ этихъ силъ, должна была произвести цѣлое новое мировоззрѣніе; она направилась сперва противъ государственной власти, противъ привилегій и противъ религіи; потомъ, по мѣрѣ того, какъ политическая свобода была приобрѣтена, но цѣлая половина населенія поступила въ прямую зависимость отъ капиталистовъ, борьба направилась противъ капитала, а вслѣдствіе неоднократныхъ пораженій его на полѣ вооруженнаго возстанія, обратилась, наконецъ, противъ самой идеи государства.

Теперь представимъ себѣ положеніе тѣхъ людей, которые единственно подъ вліяніемъ „заграничныхъ изданій“ „идутъ въ народъ“ у насъ, въ Россіи, и несутъ ему идеи западнаго коммунизма, идеи, возникшія изъ совершенно особыхъ, чуждыхъ ему бытовыхъ условій. На какой успѣхъ могутъ они рассчитывать? Вызваны ли они къ пропагандѣ народнымъ настроеніемъ, оно ли подсказало имъ слова, которыя имъ оставалось только сложить въ теорію, оно ли обѣщало имъ свою воспріимчивость къ революціоннымъ кликамъ и обѣщало свою силу для дѣйствія? Нѣтъ. Краснорѣчиво сознаніе самихъ публицистовъ, опасаящихся успѣха этихъ людей, что они сперва должны „воспитать въ иномъ духѣ“ русскій народъ, и могутъ это сдѣлать лѣтъ въ двадцать! Они этого не сдѣлаютъ и во сто, въ сотни лѣтъ, если не повторятся у насъ тѣ самыя условія, какими вызвано ихъ ученіе, а многія изъ этихъ условій и не могутъ уже повториться у насъ никогда, потому что быть нашей народной массы уже теперь опередилъ быть французской массы въ XVIII столѣтіи, и ни власть, ни сословныя привилегіи, ни духовенство не стоятъ уже въ тѣхъ отношеніяхъ къ народу, въ какихъ они стояли во Франціи наканунѣ революціи.

Нестъ русскому крестьянину отрицаніе Бога на томъ основаніи, что духовенство во Франціи боролось съ аристократіею противъ народа, убѣждать русскаго крестьянина, котораго быть можетъ мѣръ обидѣлъ передѣломъ, а круговая порука лишила коровы, что собственность должна быть общая, а условія работы должны быть регулированы государствомъ, когда онъ еще живо помнитъ обязательный трудъ и отсутствіе собственности крѣпостного, и регулированіе работъ бывшими управителями государственныхъ имуществъ—предпріятіе по истинѣ безнадежное. Стараться убѣдить русскую массу, что не нужно государственной власти потому только, что такъ сказано въ теоріи, возникшей послѣ кровавыхъ расправъ съ рабочими въ Парижѣ и Лионѣ, когда русское крестьянство въ продолженіи вѣковъ видѣло въ этой власти свой идеалъ, возлагало на нее, хотя и тщетно, долгое время, всѣ свои надежды, когда нѣтъ народа, бо-

лѣе крѣпкаго государственностью, чѣмъ народъ русскій, когда государственная власть, наконецъ, непосредственнымъ своимъ актомъ, освободила это крестьянство и признала за нимъ право на землю— не только попытка, которая „разобьется о здравый смыслъ русскаго народа“, какъ говорятъ иные, но попытка, противорѣчащая законамъ человеческого мышленія. Всѣ подобныя внушенія не смутятъ русскаго крестьянина, но просто покажутся ему „неподходящими“, словами непонятнаго языка, какъ еслибы ему внушать что по землѣ ходить— уставишь, да и сапоги износишь, а можно летать по воздуху, и вотъ— молъ, есть государства, въ которыхъ люди уже летаютъ. Таково приблизительное впечатлѣніе, какое могутъ производить „хитрыя механики“ на массу русскаго крестьянства. Нелишне сравнить и матеріальныя условія пропаганды на Западѣ и въ Россіи. Въ Россіи, населеніе, скученное въ городахъ и стоящее лицомъ къ лицу съ капиталистами, на которыхъ оно работаетъ, составляетъ едва 11% всего числа населенія; остальные 89% разбросаны по 318,267 сельскимъ поселеніямъ. Чтѣ общаго между такими условіями, какъ нѣсколько рѣчей, произнесенныхъ въ клубахъ рабочихъ въ Лондонѣ, Бэрмингемѣ и Лидсѣ, или въ Парижѣ, Ліонѣ и Сентъ-Этьеннѣ, и обходомъ Россіи, гдѣ и города-то отстоятъ въ среднемъ размѣрѣ на 90 верстъ одинъ отъ другого, и гдѣ пропагандѣ пришлось бы обойти сотни тысячъ селеній, чтобы о ней хотя бы только узналъ народъ.

Но главное, основное и положительное ручательство, что пропаганда западнаго коммунизма въ нашей массѣ не можетъ имѣть успѣха, заключается все-таки въ томъ, что она совершенно чужда бытовымъ условіямъ, не возникла изъ нихъ, а напротивъ, включаетъ въ себѣ основные элементы, прямо противоположные исторіи и духу русскаго народа. Ученія, которыя отражаютъ въ себѣ борьбу ручного труда съ капиталомъ производства, доселѣ не проникли въ земледѣльческую массу нигдѣ; а у насъ земледѣльческая масса—почти весь народъ. Но на Западѣ теоріи эти все-таки имѣютъ мѣстную окраску, у насъ же онѣ совершенно чужды. Тамъ, гдѣ большинство населенія сосредоточено на фабрикахъ, въ большихъ городахъ и по близости ихъ, гдѣ рабочая масса стоитъ лицомъ къ лицу съ капиталистами, есть въ самой жизни нѣкоторая подставка для подобныхъ теорій. Бэкстеръ, на основаніи данныхъ по сбору подоходнаго налога, полагаетъ, что весь годичный доходъ британскаго народа составляетъ 814 милліоновъ фунтовъ, и что изъ этого итога 489½ милл. фунтовъ приходится на долю высшихъ и среднихъ классовъ, представляя собой сложность дохода съ капиталовъ, барышей и окладовъ жалованья,—а только 324½ милл. приходится на долю рабочихъ, то-есть огромнаго большинства населенія, представляя сложность заработковъ во-

обще. При такомъ неравенствѣ, масса населенія, стоящая лицомъ къ лицу съ капиталистами, для которыхъ она работаетъ за плату, недостаточную вслѣдствіе дороговизны припасовъ и помѣщеній, существующей въ промышленныхъ центрахъ, работаетъ въ полной зависимости отъ временныхъ кризисовъ, хода дѣлъ фабрикантовъ и даже отъ произвола приказчиковъ, безъ надежды когда-либо выйти изъ этой зависимости, видя вокругъ себя вслѣую роскошь, вѣчно ее дразнящую и вѣчно ей недоступную,—можетъ имѣть мысль о борьбѣ. Навѣрное нѣтъ столь благоразумнаго рабочаго, который, среди такихъ въ высшей степени искусственныхъ условій быта, не спросилъ бы себя, когда-нибудь, въ часъ раздумья,—естественно ли это положеніе дѣлъ, и нѣтъ ли искусственныхъ средствъ для борьбы съ искусственными узами, его стѣсняющими.

Въ Россіи ничего подобнаго нѣтъ; всѣ бытовныя условія массы совершенно иныя. Пока у насъ масса крестьянства стояла лицомъ къ лицу съ владѣльцами, отягощенная искусственными узами еще болѣе тяжкаго характера, антагонизмъ къ владѣльцамъ постоянно таился и въ ней. Громадное развитіе побѣговъ, безпрестанно возникавшіе слухи объ „отписаніи крестьянъ на казну“, и даже крестьянскіе бунты противъ помѣщиковъ, проходящіе длиннымъ рядомъ черезъ исторію всѣхъ царствованій, начиная съ Петра I (хотя вѣроятно бывали и прежде), свидѣтельствуютъ, что извѣстнымъ бытовымъ условіямъ соответствовало и у насъ извѣстное расположеніе къ протесту; но у насъ протестъ имѣлъ иной характеръ, какъ иной характеръ имѣли и самыя условія, его вызывавшія. Во всякомъ случаѣ, условія эти нынѣ исчезли. Теперь нѣтъ класса, въ вѣчной зависимости котораго чувствовали бы себя наши крестьяне. Правда, и въ Россіи есть фабрики, есть рабочіе фабричныя. Но они составляютъ не большинство населенія, какъ въ Англіи, а всего менѣе $\frac{1}{2}$ милліона, съ женщинами и дѣтьми, на $81\frac{3}{4}$ -милліонное населеніе имперіи. Сверхъ того, большинство нашихъ фабричныхъ—фабричныя временныя, принадлежатшія къ сельскимъ сословіямъ. Но главное—у насъ не избытокъ рабочихъ, а недостатокъ; фабричный у насъ никогда въ работѣ нуждаться не можетъ,—вотъ что даетъ ему большую отъ фабриканта самостоятельность. Показаніе по дѣлу Долгушина, впрочемъ, обнаружило, какъ мало доступна пропагандѣ оказалась у насъ даже среда рабочихъ столичныхъ.

Но могутъ намъ сказать—вы сами признаете и нельзя не признать неудовлетворительности экономическаго и умственнаго положенія массы населенія въ Россіи; положимъ, бытовныя условія у насъ совсѣмъ иныя, чѣмъ тамъ, гдѣ возникли коммунистскія ученія; однако не могутъ ли самая бѣдность народа въ Россіи, его невѣжество и со-

отвѣтствующая распространенность пьянства представить у насъ все-таки такія условія, которыя вызовутъ въ массѣ настроеніе, благоприятное для пропаганды революціонныхъ ученій? И на этотъ вопросъ слѣдуетъ отвѣтить рѣшительнымъ отрицаніемъ. Конечно, тягость поборовъ, еслибы они оказались уже совершенно несообразными съ платежными средствами нѣкоторыхъ мѣстностей и еслибы притомъ взискивались крутыми мѣрами, можетъ производить смуты, безпорядки въ тѣхъ мѣстностяхъ, но это были бы именно только безпорядки, безъ всякой революціонной идеи. Настроеніе революціонное въ смыслѣ политическомъ, а тѣмъ болѣе социальномъ, всегда предполагаетъ въ своемъ основаніи, сверхъ матеріальныхъ причинъ, еще какой-нибудь нравственный мотивъ, которымъ и бываетъ всегда сознаніе какой-нибудь несправедливости, преимущественно—социальной. Безъ такого мотива, одно матеріальное отягощеніе и нравственное запущеніе производить только упадокъ, и если способны порождать безпорядки, то только безпорядки, таковы-сказать, безыменные, механическіе, безцѣльные. Въ русской исторіи было не мало моментовъ незаконечно-худшаго положенія народа, чѣмъ то, которое видимъ нынѣ, и болѣе нравственной распущенности, но никогда такіе моменты не вызвали въ народѣ настроенія, враждебнаго существовавшему политическому порядку. Не разъ въ Россіи бывали времена „запустѣнія и шатанія великаго“, а что касается невѣжества и пьянства, то въ этомъ отношеніи прежніе вѣка далеко превосходили наше время; не далѣе, какъ въ прошломъ столѣтіи существовали даже особня русскія вакханаліи, а именно почитаніе Ярилы, бога пьянства. Праздники Ярилы были днями чудовищнаго пьянства, о какомъ мы не можемъ себѣ составить понятія. Говорятъ о существующей акцизной системѣ, о томъ, что трудно серьезное противо-дѣйствіе пьянству, когда водка даетъ главный источникъ доходовъ казны; недавно еще одна газета указывала на разъясненіе министерства финансовъ, направленное противъ запрещеній, сдѣланныхъ нѣкоторыми городскими думами заводить кабаки иначе, какъ на землѣ, составляющей собственность города. Все это справедливо, но справедливо въ смыслѣ относительномъ. Акцизная система, какова бы она ни была, все же лучше откупной; а откупная система Канкринна была лучше откуповъ прошлаго вѣка. И въ двадцатыхъ годахъ боялись, что народъ въ скоромъ времени совѣмъ сопьется. Карамзинъ писалъ, что въ старину на его памяти крестьяне „гуляли только въ одни большіе годовые праздники, а нынѣ будни сдѣлались для нихъ праздникомъ, и люди услужливые, подъ вывѣскою орла, вездѣ предлагаютъ имъ средство избавляться отъ денегъ, ума и здоровья“. И въ старину еще болѣе отдаленную отъ насъ, если когда встрѣчалась съ

какой-либо стороны попытка противодѣйствовать пьянству, то блюстители казеннаго интереса, еще болѣе рѣзко останавливали эту попытку изъ опасенія ущерба для казны. Такъ, послѣдній по времени изъ святыхъ, признанныхъ нашей церковью, епископъ воронежскій св. Тихонъ въ XVIII в. выступилъ съ проповѣдью противъ крайняго пьянства и праздника Ярилы и по донесенію откупщиковъ былъ лишенъ управленія епархіею.

Нѣтъ, матеріальное отягощеніе и нравственное распущеніе, зависящее отъ невѣжества, никогда не произведутъ въ массѣ нашего народа настроенія, враждебнаго государственному порядку. Скорѣе все придетъ въ упадокъ: и народное хозяйство, и народное здоровье и національное могущество. Только крутой поворотъ къ воссозданію какой-либо соціальной несправедливости, къ поставленію вновь крестьянства въ зависимость отъ богатаго класса, могъ бы возобновить ту опасность, какая впрочемъ постоянно существовала до 1861 года, и вѣроятно въ усиленной степени. Народу не будетъ вреда отъ пропагандистовъ ученій, неимѣющихъ ничего ему близкаго, роднаго, мѣстнореального. Но если достовѣренъ фактъ, что такихъ пропагандистовъ, ушедшихъ изъ школы, есть нѣкоторое число, то фактъ этотъ важенъ опять не для массы народа, а только для той школы, изъ которой уходятъ люди отчаянные, и для того образованнаго русскаго общества, къ которому они принадлежатъ. Мы имѣемъ полное основаніе отвергать, что явленіе этихъ людей—продуктъ бытовыхъ условій массы народа; но мы не имѣемъ права отрицать положительнаго факта, что люди эти—болѣзненный продуктъ русскаго образованнаго общества. Что они „пошли въ народъ“—это намъ не важно, потому что появленіе ихъ не можетъ быть опасно для народа; но что они „вышли“ изъ русскаго общества, отреклись отъ его условій и объявили имъ войну, что они „ушли“ отъ ученія со злобой и намѣреніемъ безсильными, но несомнѣнными, противъ самого государства, — вотъ на что долженъ обратить вниманіе публицистъ, обсуждающій какъ условія, которыми обставлена школа, такъ и условія, опредѣляющія современную жизнь русскаго образованнаго общества. Само необыкновенное, почти фантастическое вліяніе, повидимому, оказанное на нихъ заграничной печатью на русскомъ языкѣ, ставитъ вопросъ о томъ, почему же русская печать оказалась въ ихъ глазахъ безъ авторитета и не могла предохранить ихъ отъ отчаянія, преступленія и несчастія?

Подъ предлогомъ возраженія на указанное въ предшествующемъ нашемъ обзорѣ различіе между положеніемъ консервативныхъ и либеральныхъ органовъ печати вообще, а въ особенности въ Рос-

сін, газета „Русскій Міръ“ сокрушается за либеральную печать о той участи, какая постигнетъ ее тогда, „когда съ либерализма снята будетъ спасающая его цензурная оболочка и когда онъ принужденъ будетъ выдти на свѣтъ Божій во всей неприкрашенной наготѣ своей“. „Либерализмъ оказался бы тогда нулемъ въ политическомъ смыслѣ“. Не знаемъ, скоро ли произойдетъ предусматриваемое „Русскимъ Міромъ“ явленіе, но искренно желаемъ, чтобы консерваторы постоянно рекомендовали только это одно средство къ уничтоженію своихъ противниковъ. До тѣхъ же поръ, пока упомянутое явленіе не произошло, „Русскій Міръ“ извинить насъ, если мы откажемся послѣдовать его приглашенію „обратиться на путь болѣе рискованный“, чѣмъ тотъ, какой намъ указали обстоятельства, и не „ждать разрѣшенія начальства для высказыванія своихъ мыслей“, такъ какъ это было бы противно положительному закону, который прямо предписываетъ намъ въ теченіе узаконеннаго срока ожидать разрѣшенія начальства для выпуска нашихъ книгъ. Мы легко повѣримъ, что нѣкоторымъ консерваторамъ было бы весьма пріятно, — въ ожиданіи того времени, когда либерализмъ въ печати будетъ обращенъ въ нуль посредствомъ „снятія спасающей цензурной оболочки“, — увидѣть обращеніе въ ничто либеральныхъ органовъ инымъ, болѣе легкимъ средствомъ, какъ только они выступили бы на „болѣе рискованный путь“. Но если „Русскій Міръ“ дозволитъ русскому либерализму выборъ рода смерти, то мы предпочитаемъ быть обращенными въ нуль именно тѣмъ средствомъ, которое онъ указалъ сперва, то-есть „снятіемъ спасающей оболочки“. Съ другой стороны, входитъ въ преириятельство съ „Русскимъ Міромъ“, что „способно доставлять хлѣбъ досужимъ журналистамъ“, — мы не видимъ надобности; если есть журналисты не-досужіе, но служащіе и кормящіеся на счетъ тѣхъ подушныхъ податей, о преобразованіи которыхъ они горячо разсуждаютъ, то очевидно—тѣмъ лучше для нихъ, тѣмъ самостоятельнѣе, независимѣе они могутъ быть отъ „увлеченія общественнаго мнѣнія“. Съ своей стороны, мы не посоветуемъ „Русскому Міру“ выступать на какой-либо рискованный путь; въ современной жизни слишкомъ много прискорбныхъ явленій, чтобы можно было легкомысленно рисковать тѣмъ, что доставляетъ публикѣ забаву и развлеченіе; а ничего, кромѣ забавы, не можетъ обѣщать такой органъ, который объявляетъ свое намѣреніе разрабатывать задачи общественной жизни одною „русскою народностью, прямою и трезвостью“, отрицая и либерализмъ, и консерватизмъ „въ западно-европейскомъ смыслѣ“, отвергая всякую связность политической мысли, какъ „предвзятую тенденцію“. Быть „русскимъ человѣкомъ“, хотя бы самымъ „прямымъ и самымъ трезвымъ“, недоста-

точно даже и для того, что бы „сапоги точать“; даже для этого дѣла знаніе и толкъ не менѣе нужны, какъ и трезвость. Что же касается нѣкотораго вліянія на общественное мнѣніе, то, чтобы пріобрѣсть его, необходимы не только знаніе и толковость, связность въ собственныхъ мысляхъ, но еще и нѣкоторая доля порядочности, о чемъ мы, къ сожалѣнію, вынуждены напомнить газетѣ „Русскій Мірѣ“, послѣ помѣщенной въ ней выходки не-досужныхъ журналистовъ противъ „досужихъ“.

КОРРЕСПОНДЕНЦІА ИЗЪ ЛОНДОНА.

12/24 октября, 1875 г.

Армія и флотъ въ Англіи.

Не пугайтесь заглавія: въ немъ воинственны одни его слова; мнѣ даже кажется, что никогда Англія не думала меньше о войнѣ, чѣмъ въ настоящую минуту, и не столько герцеговинское возстаніе, сколько различными катастрофа на морѣ, за послѣднее время, привлекли общественное вниманіе на состояніе, въ какомъ находятся морскія силы Англіи, а въ связи съ ними и сухопутныя. Судно перерѣзано пополамъ яхтой королевы, причемъ трое утонуло; одинъ изъ прекраснѣйшихъ кораблей англійскаго флота потопленъ своимъ собратомъ; оставленъ отъ должности командиръ; другой подвергся выговору; адмиралъ заслужилъ порицаніе; совѣтъ адмиралтейства заподозрѣнъ въ худомъ управленіи — этого слышеомъ уже достаточно, чтобы взволновать населеніе Сити, редакцію „Times“, а за тѣмъ все общество и всю печать.

Что касается арміи, то хотя это и не столь животрепещущій вопросъ, однако не лишень интереса и находится въ связи съ вопросомъ о флотѣ. Организациа и порядокъ набора войска въ Англіи вообще очень мало извѣстны. Кажущееся отсутствіе регулярности въ этой организации находится въ связи съ той подчиненностью воинскаго элемента гражданскому, какая всегда существовала въ Англіи, что не мѣшало англійской арміи одерживать блистательныя и прочныя побѣды. Мы далеки отъ тѣхъ временъ, когда войска короля Эдуарда III, осаждавшія Калѣ, получали жалованья по 3 денье (3 пенса) въ день среднимъ числомъ, рыцари получали 2 шиллинга, бароны 4, графы и епископъ Дергемскій 6 шил. 8 д. Совѣмъ тѣмъ,

хотя цѣны возрасли, но сущность системы осталась та же самая, съ той разницею, что вербовка происходитъ въ настоящее время болѣе добросовѣстнымъ и правильнымъ образомъ. Вопросъ о постоянной арміи былъ вѣчнымъ мотивомъ къ ссорѣ между парламентомъ и короной; и послѣ гражданскихъ войнъ первой революціи и пораженія короля, парламенты, несмотря на реставрацію, ревнивѣе, чѣмъ когда-либо, наблюдали за тѣмъ, чтобы войска, собираемыя на случай войны, распускались немедленно по заключеніи мира.

Конституція категорически запрещала содержать армію помимо разрѣшенія парламента. Но вотъ что случилось вскорѣ за тѣмъ (въ 1689 г.). Одинъ изъ полковъ возмутился и высказался въ пользу Якова II, но былъ обезоруженъ. А такъ какъ содержаніе этого войска не было разрѣшено парламентомъ, то нѣтежныхъ солдатъ нельзя было судить какъ военныхъ, а какъ простыхъ гражданъ. Вильгельмъ III обратился къ парламенту, и вотъ тогда былъ изданъ первый „*Militia Act*“; возобновляемый съ тѣхъ поръ ежегодно, онъ составляетъ и по нынѣшнее время легальную фикцію, освѣщающую существованіе англійской арміи. Безъ этого закона, постоянно возобновляемаго, было бы совершенно невозможно поддержать воинскую дисциплину; а слѣдовательно и существованіе арміи было бы невозможно.

Кромѣ того, парламентъ, какъ и во всѣхъ другихъ конституціонныхъ государствахъ, вотируетъ ежегодно сумму, необходимую для содержанія войскъ, по представленію главнокомандующаго и военнаго министра. Что касается вербовки, то она совершается почти тѣмъ же путемъ, какъ и во времена Эдуарда III и битвы при Кресси. Англія—единственная страна, въ которой сохранилась изъ двухъ возможныхъ системъ набора: насильственнаго или конскрипціи и добровольной вербовки—последняя. Злоупотребленія, въ которыхъ обвиняли эту систему: насильственное отторженіе молодыхъ людей отъ ихъ семей, невѣсты, матерей, спайваніе въ кабакахъ и пр. принадлежатъ теперь къ области легендъ или по крайней мѣрѣ составляютъ рѣдкое исключеніе. Недавній законъ „*Enlistment Act*“ 1870 г. регулируетъ условія вербовки. Въ солдаты принимаются молодые люди отъ 18—23 лѣтъ, неженатые, хорошо сложенные ¹⁾. Послѣ вербовки—производимой черезъ посредство офицеровъ, уполномоченныхъ сержантовъ—новобранцу дается шиллингъ и приказъ явиться къ судѣ въ теченіи сутокъ. Тамъ онъ вправе отказаться отъ своего обяза-

¹⁾ Ростъ, опредѣленный въ 1873 г., составляетъ 3 фута 3 дюйма (англійскихъ) для пѣхоты, 3 фута 8 дюймовъ для тяжелой кавалеріи, 3 фута 6 дюймовъ для легкой кавалеріи.

тельства, уплативъ штрафъ въ одинъ фунтъ стерлинговъ: сумму, конечно не превышающую его средствъ. Въ противномъ случаѣ онъ считается завербованнымъ въ армію на двѣнадцать лѣтъ: часть этого времени проводится имъ въ резервѣ. Въ настоящее время срокъ службы опредѣленъ въ 6 лѣтъ для пѣхоты и шесть остальныхъ для резерва. По прошествіи двѣнадцати лѣтъ, солдатъ можетъ возобновить свое обязательство еще на девять лѣтъ; въ цѣломъ—21 годъ, по истеченіи которыхъ онъ имѣетъ право на отставку съ пенсіей. Каждый солдатъ получаетъ въ пѣхотѣ 1 шиллингъ въ день; въ кавалеріи 1 шил. 2 п. и, сверхъ того, раціонъ, оцѣненный въ 6 п., такъ что онъ получаетъ въ годъ отъ 38 до 41 фунта стерлинговъ (капралы получаютъ 47, сержанты 70). Если принять во вниманіе, что крестьянинъ въ Англіи и въ Шотландіи зарабатываетъ отъ 35 до 43 фунтовъ стерлинговъ въ годъ—и гораздо меньше въ Ирландіи,—то надо признать, что положеніе солдата отнюдь не невыгодно, въ особенности въ виду того, что трудъ и усталость его менѣе велики.

Въ настоящее время, послѣ отмены продажи чиновъ въ 1871 г., офицеры набираются главнымъ образомъ путемъ конкурса. Первая категорія офицеровъ, это подпоручики (*sub-lieutenants*). Они назначаются послѣ экзамена, сдаваемого передъ комиссарами „*Civil service*“. Кроме того, существуютъ еще знаменитыя коллегіи Вульвича и Саидгёрста. Затѣмъ повышеніе происходитъ, какъ и въ другихъ странахъ, частію по выбору, частію по старшинству.

Опредѣлить наличный составъ англійской арміи не очень легко, вслѣдствіе путаницы, существующей между регулярными войсками, индійскими и проч. Всего лучше принять официальное раздѣленіе военныхъ силъ британской имперіи, причемъ мы получимъ 4 части:

1) *Регулярная армія*, распадающаяся на слѣдующія части:

Войска, служація на британскихъ островахъ . . .	103,494
„ „ въ Индіи	62,924
„ „ „ колоніяхъ	21,670

—включая сюда 23 тысячи лошадей и 674 пушки.

2) Резервъ и вспомогательныя силы:

1-й классъ резерва	7,993
2-й „ „	23,804
Миліція: артиллерія	13,735
„ пѣхота	123,283
Yeomanry кавалерія	13,086
Волонтеры: артиллерія	30,730
„ пѣхота	130,000
	342,651

„Милиція“—одно изъ учреждений, свойственныхъ Англіи, этой странѣ либерализма и прогресса, и вмѣстѣ съ тѣмъ упорной традиціи. Начало ея относится къ Альфреду-Великому, постановившему, что каждая семья или, лучше сказать, каждый родъ обязанъ доставлять извѣстный контингентъ защитниковъ отечества. Въ настоящее время каждое графство обязано поставить извѣстное число людей: они набираются вербовкой, какъ и регулярная армія. Но въ случаѣ недостатка въ людяхъ, жители графства, имѣющіе отъ 18—33 лѣтъ отъ роду, мечутъ жребій, причемъ существуютъ нѣкоторыя исключенія. Милиція ежегодно собирается мѣсяца на три для военного обученія.

Что касается волонтеровъ, составляющихъ, собственно говоря, національную гвардію (citizen-force) Великобританіи, то происхожденіе ихъ относится къ 1803 г., когда первый Бонапартъ угрожалъ Англіи: тогда насчитывалось до 463 тысячи волонтеровъ. Вторичное движеніе этого рода произошло въ 1839 г., и съ тѣхъ поръ волонтеры не переставали быть значительной силой, которая при случаѣ можетъ оказать существенныя услуги.

3) Войска *Индій и колоній*, насчитывающія 127,449. Они состоятъ изъ туземцевъ, сипаевъ и другихъ. Изъ нихъ 124,000 принадлежатъ Индіи.

4) Наконецъ, *колоніальная милиція* Австраліи, африканскихъ владѣній и проч., доходящія до 81,880 человекъ.

Эти двѣ послѣднія категоріи имѣютъ второстепенное значеніе и надо считать цифру 342,000 человекъ настоящей цифрой наличнаго состава англійской арміи: изъ 342,000 только 189 т. регулярныхъ войскъ въ собственномъ смыслѣ, и изъ нихъ 103,000 находятся въ Англіи. Что касается содержанія арміи, то суммы, вотируемыя на это, доходятъ 14.416,400 фунтовъ стерлинговъ.

Обратимся теперь къ флоту, который, по общему мнѣнію, представляется далеко не въ такомъ благопріятномъ свѣтѣ, принимая, разумѣется, во вниманіе претензіи и славное прошлое англійскаго флота. Извѣстно, что матросы набираются посредствомъ добровольной вербовки, какъ и солдаты: по этой части нельзя сказать ничего новаго или интереснаго. Броненосный флотъ, единственный, который отнынѣ можетъ имѣть значеніе, состоитъ или, лучше сказать, состоитъ изъ 62 кораблей до послѣдней катастрофы. Эти 62 корабля раздѣляются на семь классовъ. Первый классъ состоитъ изъ четырехъ громаднхъ *мониторовъ*: „Devastation“ („*Опустошеніе*“), „Thunderer“ („*Громовержецъ*“), „Inflexible“ („*Неумолимый*“) „Fury“ („*Ярость*“); этотъ послѣдній въ 10 тысячъ тоннъ. Можно сказать, что ихъ имена говорятъ за нихъ. 2-й классъ состоитъ только изъ

двухъ: „Rupert“ и „Hotspur“, предначиненныхъ главнымъ образомъ для абордажа. Къ 3-му классу причисляются семь кораблей, предначиненныхъ специально для обороны береговъ: „Cyclors“ и проч. Четыре остальныхъ класса заключаютъ корабли, предначиненные главнымъ образомъ къ плаванію: „Inflexible“, „Vanguard“, „Audacious“, „Iron Duke“ и проч.

Давно уже не существуетъ здѣсь ни „Морского адмирала англійскаго короля“, ни „Lord High Admiral“, хотя этотъ послѣдній титулъ былъ возобновленъ, съ 1827 по 1828 г., для герцога Кларанскаго, вполнѣнствіи Георга IV. Со времени королевы Анны, управленіе флотомъ поручено совѣту „лордовъ адмиралтейства“, официально извѣстныхъ подъ именемъ „Lords commissioners for executing the office of Lord High Admiral“. Ихъ всего пять. Первый лордъ адмиралтейства, въ настоящее время членъ кабинета, есть достопочтенный сэръ Уардъ Гентъ, и въ рукахъ его сосредоточивается общее управленіе флотомъ; второй, называемый „Senior naval Lord“, распорядится движеніемъ флота; третій—доками и постройкой судовъ; четвертый, „Junior naval Lord“, распорядится содержаніемъ эскадры. Пятый, „Civil Lord“, наблюдаетъ за счетной частью, а на „Financial secretary“ возложена покупка кораблей.

Все это, повидимому, прекрасно организовано, и что бы ни думали о коллегіальномъ управленіи вообще, это послѣднее до сихъ поръ шло безпрепятственно. Но вотъ, съ нѣкоторыхъ поръ, началъ раздаваться глухой ропотъ неодобренія. Неодобреніе шло все *crescendo*, и въ прошедшемъ іюнѣ мѣсяцѣ въ „Fraser's Magazine“ появилась статья, подписанная *A commander*, изъ которой я приведу слѣдующее мѣсто: „странное сопоставленіе возникаетъ въ нашемъ умѣ въ ту минуту, какъ мы пишемъ эту статью, между королевскимъ флотомъ Англій и императорской арміей Франціи. И тотъ, и другая унаслѣдовали великую славу; и тотъ, и другая были главнымъ орудіемъ своей страны, которая ихъ считала, безъ всякой провѣрки, превосходными какъ по вооруженію, такъ и по наличному составу. И въ томъ, и въ другой офицеры одинаково отличались своимъ тщеславіемъ и хвастовствомъ; молодые офицеры исполнены безпечности; и въ томъ, и въ другой посредственность завладѣла самыми важными постами. Люди истинно-талантливые въ нихъ рѣдки, и зависть царитъ между офицерами высшихъ ранговъ. Имѣя на глазахъ жестокой и недавній разгромъ французской арміи, не пора ли нашимъ согражданамъ опомниться и изслѣдовать черезъ парламентъ или прессу, чего можно ожидать отъ флота, который является нашимъ единственнымъ оружіемъ въ случаѣ континентальной войны“¹⁾.

¹⁾ Fraser's Magazine, June, 1875 (t. XI, p. 618).

Два зловѣщихъ происшествія придали нѣкоторое основаніе этимъ обвиненіямъ. 6/18 прошлаго августа, королева, по своему обыкновенію, оставила островъ Уайтъ и отправилась въ Шотландію. Переѣздъ отъ Осборна въ Портсмутъ совершался на яхтѣ „Альберта“, командуемой официально принцемъ Лейнингенъ, а на самомъ дѣлѣ однимъ изъ самыхъ опытныхъ капитановъ королевскаго флота, капитаномъ Вельхъ. Королевская яхта налетѣла на нарусное судно, принадлежавшее одному манчестерскому банкиру, и буквально перерѣзала его пополамъ. Самъ банкиръ находился на своемъ суднѣ, съ нѣсколькими матросами и двумя невѣтками, изъ которыхъ одна утонула вмѣстѣ съ капитаномъ и однимъ матросомъ.

Первое слѣдствіе пронаведено было воронеромъ надъ трупомъ капитана „Mistletoe“—такъ называлось погибшее судно,—который былъ затѣмъ же найденъ: жюри никакъ не могли придти къ единодушному рѣшенію. Кажется, изъ 12-ти присяжныхъ 11 были того мнѣнія, что слѣдуетъ привлечь офицеровъ „Альберты“ къ уголовному суду, какъ виновныхъ въ убійствѣ. Нѣсколько дней спустя новое слѣдствіе было проведено надъ трупомъ утонувшаго матроса.

На этотъ разъ присяжные пришли къ соглашенію и, объявивъ, что все происшествіе есть дѣло чистаго случая, постановили: „что съ стороны офицеровъ „Альберты“ было сдѣлана ошибка, и что менѣе быстрый ходъ, особливо въ лѣтнее время, болѣе соответствовалъ бы требованіямъ общественной безопасности; что, впрочемъ, было бы желательно, чтобы на будущее время выказывалось болѣе осмотрительности“. Этотъ приговоръ былъ встрѣченъ свисткомъ и въ залѣ суда, и въ прессѣ: всѣмъ хотѣлось признанія офицеровъ виновными. Одинъ изъ офицеровъ „Альберты“, неудачно выразился о корабляхъ, которые изъ любопытства приближаются слишкомъ близко къ королевской яхтѣ и стѣсняютъ ея движенія. Было доказано до очевидности, что жертвы катастрофы нисколько не думали приближаться затѣмъ, чтобы *помянуть на королеву*. Имя этой послѣдней, конечно, было устранено изъ преній, но публика находила самый фактъ потопленія наруснаго судна нахальнымъ со стороны офицеровъ ея величества. Въ немъ видѣли также доказательство ихъ неумѣлости. „Такъ какъ принцъ Лейнингенъ,—говорила одна газета,—будетъ въ непродолжительномъ времени адмираломъ, а капитанъ Вельхъ долженъ считаться человекомъ болѣе свѣдущимъ, чѣмъ большинство нашихъ флотскихъ офицеровъ, то надо надѣяться, что пройдетъ еще не мало времени, прежде чѣмъ Англія затѣетъ войну на морѣ“.

Не успѣли еще умы успокоиться отъ этой катастрофы, даже слѣдствіе еще не было окончено, какъ пришло извѣстіе о другомъ столкновеніи, менѣе роковомъ—въ томъ отношеніи, что при немъ на-

кто изъ людей не погибъ, но болѣе важномъ съ политической и морской точки зрѣнія. 20-го августа (1-го сентября) резервная эскадра покидала Кингстоунъ въ 10 часовъ утра, подъ командой вице-адмирала Тарьтоу. Флотилія дѣлала по семи узловъ въ часъ, какъ вдругъ наступилъ одинъ изъ тѣхъ густѣйшихъ тумановъ, какіе бываютъ только въ Англіи. Нѣсколько минутъ спустя, броненосный корабль „Iron Duke“ налетѣлъ со всей силой на своего собрата „Vanguard“ и пробилъ въ немъ большую дыру; черезъ часъ времени — что позволило спасти экипажъ — пробитый корабль пошелъ ко дну.

Удачное нападеніе — нечего сказать, и можно было только поздравлять другъ друга съ успѣхомъ, съ какииъ таранъ „Iron Duke“ исполнилъ свое назначеніе. Но, съ другой стороны, нельзя было не оплакивать, что „Vanguard“ такъ худо выдержалъ столкновеніе: оба корабля были равны по количеству тоннъ и вооруженію (14-ть пушекъ); оба числились въ 5-мъ изъ вышеупомянутыхъ классовъ. Военному суду, немедленно созванному, приходилось основываться на слѣдующихъ трехъ несомнѣнныхъ фактахъ: первое, что адмиралъ не только не замедлилъ ходъ, несмотря на туманъ, но велѣлъ стрѣлять изъ пушки, въ знакъ того, что флотъ долженъ идти прежнимъ ходомъ; второе, что капитанъ Vanguard'a, Даукинсъ, не слыжавъ сигнала, самовольно замедлилъ ходъ; третье, что командиръ „Iron Duke“ самовольно ускорилъ ходъ. Судъ рѣшилъ отставить отъ должности капитана Даукинса, объявивъ, кромѣ того, что первой причиною столкновенія былъ слишкомъ быстрый ходъ флотиліи среди тумана, и порицалъ командира „Iron Duke“ за то, что онъ безъ всякаго резона ускорилъ ходъ.

Словомъ, изъ трехъ офицеровъ, притянутыхъ къ суду, трое — включая и адмирала — были признаны виновными въ важныхъ ошибкахъ и уличены въ очевидной неспособности. Этого не могли стерпѣть лорды адмиралтейства. Они, какъ высшая инстанція, кассировали рѣшеніе военного суда, оправдали командира „Iron Duke“ и признали виновнымъ его лейтенанта, а главное — освободили адмирала отъ всякой отвѣтственности. Конечно, они думали спасти этимъ честь администраціи. Плохой расчетъ, потому что насколько рѣшеніе военного суда было принято благосклонно, настолько ихъ приговоръ вызвалъ неудовольствія и жалобъ. „Одной глупостью стало больше, — говоритъ „Morning-Advertiser“, отъ 14-го октября, — страна, мы не сомнѣваемся, осудитъ ее со всей строгостью военного суда. Единственнымъ мотивомъ приговора адмиралтейства было желаніе оправдать вице-адмирала, которому въ противномъ случаѣ пришлось бы вѣдаться съ военнымъ судомъ. Къ тому же вице-адмиралъ, эксъ-лордъ адмиралтейства, пользуется большимъ вліяніемъ. Не-

уже ли мы пришли къ тому, что послѣдуемъ примѣру китайцевъ, у которыхъ, говорятъ, существуетъ обыкновеніе казнить самыхъ незначительныхъ служителей, для искупленія преступленій, въ которыхъ провинились высокопоставленные лица“.

Адмиралтейству не везетъ въ послѣднее время, и положеніе сэра Уарда Гента не изъ завидныхъ. Съ мѣсяць тому назадъ совѣтъ обнаружилъ циркуляръ, довольно безтолево написанный, но въ окончательномъ результатѣ запрещающій командирамъ королевскаго флота принимать на свои корабли бѣглыхъ невольниковъ, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда имъ угрожаетъ смерть. Печать подняла громкій крикъ, и оставляя въ сторонѣ всякую сантиментальность, надо сознаться, что подобный циркуляръ былъ по меньшей мѣрѣ безтактенъ въ странѣ, которая носится съ своей пропагандой противъ невольничества. Кабинетъ уступилъ общественному мнѣнію, и циркуляръ былъ если не отмѣненъ, то приостановленъ.

Другое затрудненіе, если не флотское, то колоніальное, произвело довольно сильное волненіе въ официальныхъ сферахъ. Это дѣло „Наталя“ и „Лангалибалела“. Всѣмъ извѣстно, что такое Наталь, англійская колонія (съ 1843 г.) на юго-западной оконечности Африки; губернаторъ его подчиненъ губернатору мыса Доброй Надежды, но пользуется извѣстной независимостью дѣйствій, и въ послѣднее время главнымъ городамъ даны муниципальные учрежденія. Но, боюсь, что читателямъ менѣе извѣстно, кто такой Лангалибалель, и поэтому необходимы нѣкоторыя объясненія на этотъ счетъ. Надо знать, что съ нѣкоторыхъ поръ, особенно со времени открытія алмазныхъ копей, колонія Наталь приняла очень значительные размѣры. Цифра вывоза доходила въ 1871 г. до 300,000 фунтовъ стерлинговъ, а цифра ввоза до 400,000 фунтовъ стерлинговъ. Населенія насчитываютъ около 300.000, изъ которыхъ европейцы составляютъ только одну седьмую. Остальное населеніе состоитъ изъ каффровъ, остатковъ племени зулу. Въ 1848 г. племя *Элуби*, спасаясь отъ притѣсненій каффрскаго тирана, исвало убѣжища въ Наталь, и губернаторъ отвелъ имъ довольно обширную территорію на границахъ колоніи. Онъ поручилъ ихъ вождю охранять границы: этого вождя звали Лангалибалель, что, кажется, означаетъ „лучезарное солнце“. Онъ привелъ съ собою 8 тысячъ головъ рогатаго скота и въ теченіе 23 лѣтъ успѣшно охранялъ границы отъ вторженія страшныхъ бушменовъ. Все шло хорошо до 1869 г., когда началась разладица изъ-за вопроса, которому суждено служить вѣчнымъ камнемъ преткновенія для человечества: изъ-за женщинъ. Впрочемъ, на этотъ разъ вопросъ поднялся въ очень оригинальной формѣ. Извѣстно, что каффры полигамисты: они покупаютъ себѣ женъ за нѣсколько штукъ рогатаго скота. Въ 1869 г.

правительство опредѣлило стоимость женщины въ 10 коровъ и 5 фунтовъ стерлинговъ. Но такая цѣна показалаcя слишкомъ дорогою, и Лангалибалель замѣтилъ, что женщины никогда не ходили по такой высокой цѣнѣ: шесть, восемь коровъ — вотъ была крайняя низъ цѣна. Неудивительно, если его подданные ропщутъ.

Вскорѣ присоединилась новая причина къ неудовольствію. Съ нѣкоторыхъ поръ туземцы начали покупать въ большомъ количествѣ водку и ружья. Водку-то бы куда ни шло, и пожалуй, даже хорошо, потому что она содѣйствуетъ истребленію туземцевъ, но ружья могли имъ послужить противъ колонистовъ. И вотъ вышелъ указъ, предписывавшій занести въ списки все ружья, купленныя туземцами. Служа нѣсколько мѣсяцевъ губернаторъ узнаеть, что указъ не исполненъ: Лангалибалель, считающійся отвѣтственнымъ лицомъ, принимается въ Морнцбургъ, столицу. Онъ путается и отказывается исполнить предписаніе, подъ какимъ-то предлогомъ; новое предписаніе остается безъ отвѣта. Элуби теряютъ голову и собираются покинуть колонію и увести свой скотъ. Они готовились привести въ исполненіе это намѣреніе, когда отрядъ волонтеровъ, изъ бѣлыхъ, занялъ проходъ въ горахъ Дракенсбергъ, у подножья которыхъ племя было поселено. Вопреки приказаніямъ своего вождя, элуби стали стрѣлять и убили трехъ волонтеровъ, и въ числѣ ихъ сына сепетаря колоніи; остальные разбѣжались.

Вскорѣ затѣмъ племя было покорено и разгромлено. Скотъ былъ конфискованъ; та же участь постигла и сосѣднее племя нутини, обвиненное въ сообщничествѣ. Лангалибалель былъ осужденъ на пожизненную ссылку, а 13 тысячъ каффровъ лишены всего своего имущества и доведены до нищета. Мѣстный епископъ, знаменитый богословъ Коленао, авторъ смѣлыхъ комментариевъ на библію, былъ возмущенъ несправедливостію и жестокостію бѣлыхъ, и отправился въ Лондонъ; благодаря его заступничеству, племя нутини получало если не весь свой скотъ обратно, то нѣкоторое за него вознагражденіе, и новый губернаторъ былъ назначенъ въ колонію. Этотъ губернаторъ не кто иной какъ сэръ Гарнетъ Уэлслей, побѣдитель ашантиевъ. Корреспонденція, напечатанная въ „Times“ отъ 21 августа и по всей вѣроятности написанная подъ вліяніемъ новаго губернатора, намекаетъ на то, что самымъ лучшимъ средствомъ разрѣшить затрудненіе была бы „война съ каффрами“. Надо сказать, что бѣлые были бы очень рады такому исходу. Они очень худо встрѣтили епископа Коленао по его возвращеніи въ колонію: они немногочисленны, ихъ всего 20 тысячъ, между тѣмъ какъ каффровъ 200 тысячъ, и имъ кажется вполне простымъ и практичнымъ прибѣгнуть къ истребленію туземцевъ. Но въ данномъ случаѣ это и не прак-

тично, и глупо: каффы сравнительно народъ интеллигентный, способный цивилизоваться и оказывать значительныя услуги колоніи, которая не может процвѣтать съ какими-нибудь двадцатью тысячами бѣлыхъ. Какъ бы то ни было, дѣло на этомъ остановилось, и будущее совсѣмъ неопредѣленно и шатко, а министру колоній, лорду Карнарвону, заботъ и хлопотъ не меньше, чѣмъ первому лорду адмиралтейства.

За то кабинету посчастливилось въ столкновеніи съ Китаемъ и Бирманскою имперіей, и война, грозившая было одну минуту возгорѣться, теперь совсѣмъ устранена. Я уже писалъ объ этомъ столкновеніи въ послѣднемъ письмѣ ¹⁾. Переговоры по этому дѣлу окончились въ обоюдному удовольствію: телеграфъ сообщилъ съ вѣдѣлю тому назадъ, что назначается слѣдствіе въ той мѣстности, гдѣ былъ убитъ англійскій подданный, и одинъ изъ членовъ британскаго посольства будетъ наблюдать за ходомъ всей процедуры. Можно быть заранѣе увѣреннымъ, что убійцы не будутъ розысканы, но англійскія газеты направятъ на тотъ фактъ, что китайское правительство уступило публично и въ глазахъ всѣхъ своихъ подданныхъ справедливымъ требованіямъ англійскаго правительства. Такимъ образомъ Небесная Имперія, грозившая сдѣлаться недоступной европейцамъ, остается по прежнему доступной имъ. „Англин, — говоритъ „Saturday Review“, — первой посчастливилось открыть доступъ въ Китай, и она всегда занимала первое мѣсто въ торговыхъ сношеніяхъ, ставшихъ доступными и для всѣхъ другихъ европейцевъ. На этотъ разъ другія торговыя націи снова воспользуются уступками, полученными отъ китайскаго правительства. Ссора съ Китаемъ и Бирманскою имперіей были тѣсно связаны, и принятіе правительствомъ послѣдней страны условій, поставленныхъ вице-королемъ Индіи, обуславливалось главнымъ образомъ неготовностью послѣдняго къ вооруженному сопротивленію. Будущія сношенія съ западными провинціями китайской имперіей будутъ идти черезъ бирманскую территорію подъ прикрытіемъ военной силы, и право торговать съ Китаемъ опять формально признано. Между тѣмъ, какъ успѣхи русскаго владычества въ центральной Азіи постоянно ограничиваютъ поле свободныхъ торговыхъ сношеній, эти сношенія, недавно завязавшіяся съ новыми провинціями Китая, могутъ получить со временемъ большое значеніе“ ²⁾.

Кажется, что съ англійской точки зрѣнія центръ восточнаго вопроса рѣшительно перемѣстился изъ Константинополя въ Самаркандъ. Недавняя экспедиція въ Коканъ опять разбредила рану, хотя об-

¹⁾ См. „Вѣстникъ Европы“, августъ, 1875 г.

²⁾ „Saturday Review“, октябрь, 1875.

шее заключеніе такое, „что благоразумно будетъ допустить то, чему нѣгазь не можешь помѣшать“. Должно быть, изъ тѣхъ же соображеній Англія съ такой сдержанностью относится къ послѣднимъ событіямъ въ Турціи. Я приводилъ въ послѣднемъ письмѣ одну звучную фразу „Times“ отъ 21 іюля, заявлявшую, „что Россія и Англія уже ссорились изъ-за Турціи, и весьма возможно, что снова поссорятся. Мы надѣемся, прибавлялъ редакторъ, что этого не случится, но дипломатія и стратегія занимаются тѣмъ, что есть и что служитъ для безопасности, а не тѣмъ, что желательно“ и пр. Нѣсколько времени спустя вспыхнуло возстаніе въ Герцеговинѣ, а тонъ „Times“ и остальной прессы далеко не соотвѣтствовалъ этимъ надменнымъ словамъ: пробужденіе, которое я предсказывалъ, еще не совершилось.

Правительство Дизраэли ступевывается въ виду турецкихъ усложненій. Одна изъ наиболѣе авторитетныхъ французскихъ газетъ, „Journal des Débats“, указывая на это обстоятельство, обвиняетъ Англію въ томъ, что она измѣнила свое отношеніе къ восточному вопросу, и потому именно, что не можетъ больше разсчитывать на Францію и на Наполеона III. Такое рѣзкое обвиненіе заставило „Times“ видти изъ обычной сдержанности и дать довольно сбивчивое объясненіе, которое резюмируетъ современную политику британскаго кабинета. Органъ Сити замѣчаетъ прежде всего, что лишніи двадцать лѣтъ значительно мѣняютъ положеніе дѣлъ, и прибавляетъ затѣмъ: „единственный пунктъ, на которомъ мы должны теперь настаивать и который имѣетъ важное значеніе для всеобщаго мира и для нашихъ интересовъ, — чтобы турецкое правительство не было низвергнуто внезапно и чтобы его провинція не стали жертвой сосѣднихъ державъ. Англійскіе принципы въ дѣлѣ внѣшнихъ сношеній съ Турціей, какъ и съ Китаемъ, заключаются въ томъ, чтобы какъ можно менѣе тревожить правительство и вводить реформы черезъ ихъ посредство, а не помимо ихъ желанія. Между тѣмъ, что бы ни говорили, а въ Турціи все еще существуетъ правительство, пользующееся значительнымъ авторитетомъ. Весьма возможно и даже вѣроятно, что важныя преобразованія совершаются въ средѣ христіанскаго населенія, находящагося подъ его владычествомъ; но мы не должны путаться въ эти преобразованія, которыя совершаются естественнымъ путемъ, разрушая внезапно традиціонную организацію страны: мы не должны допускать населенія, предоставленныя самимъ себѣ, истощаться въ разрѣшеніи задачи *self-government*, или же бростися въ объятія первой державы, которая предложитъ избавить ихъ отъ анархій“.

Вотъ общее настроеніе всей англійской прессы, за исключеніемъ лишь нѣсколькихъ радикальныхъ журналовъ, которые, какъ „Exami-

пег“, объявляютъ, что „турка“ надо изгнать изъ Европы, гдѣ его терпѣли достаточно долго; да за исключеніемъ еще лорда Джона Росселя, недавняя манифестація котораго подняла цѣлый гвалтъ. Лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ, благородный лордъ, присутствуя на собраніи у одного именитаго вига (лорда Фицъ-Уилльяма) подписалъ 30 фунтовъ стерлинговъ въ пользу освобожденія Греціи. „Узнавъ,— говоритъ одна газета,— что другіе инсургенты дерутся съ турками въ Герцеговинѣ, лордъ Россель ничего не придумалъ умнѣе, какъ подписать другіе 30 фунтовъ стерлинговъ, не принимая во вниманіе, стбитъ ли вниманія все дѣло и не соображаясь ни съ интересами Англіи, ни съ усложненіями европейской политики“.

Поступокъ лорда Росселя не имѣетъ, конечно, ничего общаго съ политикой, такъ какъ Англія рѣшилась поддерживать *statu-quo*, и при существующихъ условіяхъ это самое разумное, что она можетъ сдѣлать, и никто не можетъ упрекать ее за это.

Когда я говорю „никто“, то забываю про владѣльцевъ акцій турецкихъ займовъ, которые съ охотой допустили бы Турціи провалиться сквозь землю, лишь бы только имъ возвратили ихъ деньги. На этой недѣлѣ происходило собраніе этихъ злосчастныхъ акціонеровъ, на которомъ говорились самыя забавныя вещи. Нѣкто Галлоуэй, у котораго этихъ акцій на 130,000 фунтовъ стерлинговъ, объявилъ, „что мало ли декретовъ отмѣняется въ наше время, и что еслибы съ султаномъ поговорили какъ слѣдуетъ, то онъ бы отмѣнилъ этотъ злополучный декретъ, изданный по недосмотру (!). Что касается его самого (т.-е. м-ра Галлоуэй), то онъ знаетъ турковъ и знаетъ, что они могутъ и хотятъ заплатить“. Вслѣдъ за этимъ раздались ярыя рукоплесканія, среди которыхъ послышался рѣзкій голосъ, провозгласившій, „что нельзя выдавить крови изъ камня“. Все это завершилось голосованіемъ и адресами правительству, которое просятъ вмѣшаться въ дѣло тѣмъ или инымъ способомъ, путемъ дипломатіи или оружія, и заставить турокъ возвратить деньги. „Отдай мнѣ мои деньги, мошенники! — кричитъ Гарпагонъ у Мольера. — Увы! мои бѣдныя денежки! Мои милые друзья! меня лишили васъ! Я лишился своей опоры, своего утѣшенія, своей радости! Скорѣе зовите комиссаровъ, полицейскихъ, солдатъ, судей, палачей! Ставьте висѣлицы!“ И присовокупляетъ: „они всѣ глядятъ на меня и хохочутъ!“ То же самое происходитъ въ настоящую минуту въ Англіи: конечно, я вовсе не желаю сравнивать бѣдныхъ акціонеровъ съ Гарпагономъ, но денежные потери обыкновенно трогаютъ лишь тѣхъ, кто отъ нихъ страдаетъ, и вся англійская пресса хохочетъ надъ „Turkish bondholders“.

Изъ всего этого явствуетъ, что турецкія дѣла не особенно инте-

щее заклю- въ настоящую минуту общественное мнѣніе и оно спокойно
никакъ не вліяетъ на дальнѣйшіе событія.

А пока—общественное вниманіе привлечено послѣдними уголов-
ными процессами, которые взбудоражили всё слою общества, отъ са-
мыхъ вышнихъ до самыхъ низшихъ. Быть можетъ, въ настоящую
минуту уже несвоевременно толковать о процессѣ полковника Бек-
вера, но онъ надѣлалъ такого шума, что невозможно пройти о немъ
молчаніемъ въ хроникѣ, имѣющей претензію служить вѣрнымъ от-
голоскомъ общественной жизни, столько же, сколько и политической,
англійскаго народа. Этотъ процессъ самъ по себѣ не важенъ, но по-
лучилъ важное значеніе только отъ званія обвиняемаго, занимавшаго
видное мѣсто въ англійской арміи и брата знаменитаго путешествен-
ника, сэра Самуила Беквера.

Несчастное приключеніе съ нимъ извѣстно, и излишне было бы
сообщать о немъ въ подробности. Извѣстно, что этотъ офицеръ,
высшаго ранга, женатый и отецъ семейства, насчитывающій пятьде-
сятъ лѣтъ отъ роду, имѣлъ несчастіе ѣхать наединѣ въ вагонѣ 1-го
класса съ молодой и очень хорошенькой англичанкой: какъ эта особа
по имени, Ребекка Дивинсонъ, имѣла неосторожность вступити въ
бесѣду съ незнакомымъ путешественникомъ, какъ этотъ послѣдній
мало-по-малу оказался въ двусмысленномъ положеніи и его рука
очутилась около ботинокъ дѣвщины (*about my boots*, показывала она
на судѣ; не правда ли, это напоминаетъ Тристрама Шанди?); какъ
наконецъ—эта новая Лукреція открыла дверцу и пробѣжала нѣ-
сколько миль на подножій вагона, причѣмъ ее поддерживала въ
этомъ положеніи рука соблазнителя—обстоятельство, котораго не
слѣдуетъ забывать. Результатомъ всего этого для галантнаго полков-
ника вышло: одногодичное тюремное заключеніе. Безполезно прибав-
лять, что онъ уволенъ отъ службы, разорень, и карьера его испор-
чена.

Одна часть прессы возмущилась „мягкостью“ приговора. Съ дру-
гой стороны, извѣстный англійскій романистъ, Чарльзъ Ридъ, на-
печаталъ въ „Daily Telegraph“ письмо, въ которомъ сѣтуется на стро-
гость наказанія. И несомнѣнно, что на континентѣ полковникъ былъ
бы оправданъ: во Фрайціи уже пошли въ ходъ „кареты Дивинсонъ“.

Другой процессъ, о которомъ мнѣ остается сообщить, ужасенъ и
представляетъ дивовиный примѣръ вліянія поэзіи на развитіе сердца,
если не ума. Въ половинѣ прошлаго столѣтія странное событіе
произошло въ небольшомъ городѣ Йорншира. Одинъ баншичанинъ,
по имени Кларкъ, пропалъ безъ вѣсти и въ теченіе 14 лѣтъ о
немъ ничего не было слышно. Общественное мнѣніе объясняло его
исчезновеніе преступленіемъ, какъ вдругъ открыли въ роцѣ, близъ

города, скелетъ, который тотчасъ же былъ признанъ за башмачниковъ. Это повело къ арестованію одного школьнаго учителя, жившаго на мѣстѣ преступленія, въ эпоху его совершенія. Этотъ школьный учитель, по имени Евгений Арамъ, былъ человекъ необыкновенный. Сынъ простаго садовника, онъ забралъ себѣ въ голову, что сдѣлается ученымъ и одинъ, безъ помощи учителя, научился латинскому, греческому, еврейскому и кельтскому языкамъ; онъ оставилъ недоконченнымъ сравнительный словарь этихъ языковъ. Онъ самъ защищалъ себя съ необыкновеннымъ талантомъ, но былъ признанъ виновнымъ, сознался въ преступленіи и, послѣ неудавшейся попытки самоубійства, былъ повѣшенъ 33 лѣтъ отъ роду въ Йоркѣ, въ 1739 г. Таковъ герой романа сэра Вульвера Литтона и одного знаменитаго стихотворенія Томаса Гуда, озаглавленнаго: *Сонъ Евгенія Арама*, не считая драмы, весьма популярной въ Лондонѣ и во всей Англїи.

Съ мѣсяць тому назадъ полиція арестовала въ извозничьей каретѣ одного господина, довольно хорошо одѣтаго, ѣхавшаго вмѣстѣ съ молодой женщиной. Въ ногахъ у нихъ лежали два довольно объемистыхъ тюка, и очень зловонныхъ. Это происходило не далеко отъ Лондонскаго моста, въ предмѣстьѣ, извѣстномъ подъ названіемъ *Мыстечка* и у дверей необитаемаго дома, украшеннаго пасторальной вывѣской: *Насѣдка съ цыплятами* (*Hen and chickens*). Господинъ готовился снести тюки въ этотъ домъ, когда констэбли схватили его, несмотря на то, что онъ предлагалъ имъ 100 фунтовъ стерлинговъ. Когда они раскрыли тюки, то нашли въ нихъ трупъ молодой женщины, разрѣзанной на куски.

Этотъ субъектъ, котораго зовутъ Генри Уэпрайтъ—имя отнынѣ знаменитое въ судебныхъ анналахъ—забралъ эти тюки изъ другаго необитаемаго дома, находящагося на Уайтъ-Чепель-Родъ и принадлежащаго ему. Онъ пригласилъ къ себѣ на помощь молодого человека, бывшаго у него въ услуженіи когда-то. Они вдвоёмъ снесли связанные тюки на тротуаръ, и тамъ Уэпрайтъ ушелъ за извозничьей каретой, оставивъ тюки подъ охраной своего товарища.

Послѣднему вздумалось полюбопытствовать, что находится въ тюкахъ, и онъ чуть не упалъ въ обморокъ,—по его словамъ,—увидѣвъ руку, отрѣзанную и высохшую. Однако онъ ничего не сказалъ, усадилъ своего патрона въ карету вмѣстѣ съ двумя тюками и пустился бѣжать вслѣдъ за кэбомъ, сзывая всѣхъ полицменовъ, попадавшихъ ему на дорогѣ и сообщая имъ о своемъ открытіи. Всѣ смѣялись надъ нимъ, пока наконецъ двое констэблей согласились освидѣтельствовать, что въ нихъ содержится.

Нѣсколько дней спустя инспекторъ полиціи получилъ увѣдомленіе объ исчезновеніи нѣкоей миссисъ Кингъ, жившей въ Маплъ-

Эндѣ, другомъ предмѣстьѣ Лондона, и которую не видали уже годъ. Имя Кингъ было вымышленное. Настоящее имя молодой женщины было Гарриетъ Ленъ. Она была очень хороша собой, съ чудесными бѣлокурыми волосами, была любовницей Уэпрайта, называвшаго себя Кингомъ въ томъ кварталѣ, и имѣла отъ него двоихъ дѣтей.

Ее видѣли въ послѣдній разъ 11-го сентября 1874 г., а годъ спустя въ тотъ самый день арестовали Уэпрайта. Это не романъ, а настоящее происшествіе, и остатки человѣческаго тѣла, найденныя въ тюкахъ обвиненнаго, были признаны тѣломъ несчастной Гарриетъ Ленъ. Уэпрайтъ женатъ, у него пять человѣкъ дѣтей; предполагаютъ, что онъ убилъ свою вторую и незаконную жену, потому что она ему надоѣла и, разрѣзавъ ее на куски, зарылъ ее въ погребѣ, но вынужденъ былъ вырыть ее оттуда, потому что полиція обратила вниманіе на зловоніе, царствовавшее въ окрестностяхъ этого мѣста.

Этотъ Уэпрайтъ человѣкъ съ нѣкоторымъ положеніемъ въ обществѣ. Сынъ одного почтеннаго коммерсанта, онъ получилъ довольно хорошее образованіе и поступилъ въ члены одного изъ „*debating societies*“, столь многочисленныхъ въ Лондонѣ. Тамъ онъ выказалъ большой талантъ къ декламациі, сдѣлался членомъ *клуба Шеридана* и занимался публичными чтеніями въ Лондонѣ и въ провинціи. Онъ называлъ ихъ: „*вечеръ съ Диккенсомъ*“ „*вечеръ съ Гудамъ*“, и пр. Любимымъ стихотвореніемъ его, и которое онъ читалъ съ наибольшимъ успѣхомъ, было: „*Сонъ Евгенія Арама*“ Томаса Гуда. Поэтъ заставляетъ Евгенія Арама рассказывать своимъ ученикамъ кошмаръ, въ которомъ ему грезилось о совершенномъ имъ преступленіи. Убійца старается скрыть свою жертву и бросаетъ ее въ прудъ; но на другой день прудъ высыхаетъ и трупъ видѣнъ на днѣ. Онъ уноситъ его въ лѣсъ и прикрываетъ грудой сухихъ листьевъ, но вѣтеръ развѣваетъ листья и трупъ обнаруживается. И тогда, говоритъ убійца, я заплакалъ, потому что увидѣлъ, что земля отказывается схоронить трупъ:

Ay! through he's buried in a cave
And trodden down with stones
And years have rotted off his flesh
The world shall see his bones! ¹⁾.

Говорятъ, Уэпрайтъ былъ великолѣпенъ, произнося эти стихи, и у слушателей волосы становились дыбомъ на головѣ. Но на него, надо полагать, стихи эти не производили такого сильнаго впечатлѣнія, если только не признать, что ему хотѣлось доставить *pendant* къ исторіи Евгенія Арама. Тутъ философамъ и криминалистамъ представляется интересный вопросъ для изученія.

¹⁾ „Увы! хотя бы онъ былъ зарытъ въ погребѣ или заваленъ камнями, и хотя бы время уничтожило его истлѣвшее тѣло, міръ увидитъ его кости!“

Молодая дѣвушка, арестованная въ каретѣ вмѣстѣ съ нами и съ тѣмъ поръ уже выпущенная на свободу, знакомая ему танцовщица, которую онъ встрѣтилъ въ то время, какъ ѣхалъ и приглашалъ съ собой, изъ фанфаронства или изъ расчета, неизвѣстно.

Дѣло это будетъ разсматриваться въ ближайшихъ ассизахъ и, конечно, представить значительный интересъ. Мнѣ нравится послѣ этого замѣчаніе „Lloyd“, воскреснаго журнала, расходящагося въ нѣсколькихъ стахъ тысячахъ экземпляровъ, который, говоря объ убійствахъ въ Римѣ, восклицаетъ съ самодовольствомъ: „въ Англии по крайней мѣрѣ мы не дошли до этого: у насъ нѣтъ наемныхъ убійцъ“.

Наемные или нѣтъ,—а я нахожу, что когда обладаешь Уэспрайтомъ, то можешь соперничать съ кѣмъ угодно.

R.

ПАРИЖСКІЯ ПИСЬМА.

VIII *).

ФЛОБЕРЪ И ЕГО СОЧИНЕНІЯ.

I.

Я неоднократно говорилъ вамъ о современномъ французскомъ романѣ. Недавно еще, по случаю новаго изданія сочиненій гг. Жюль и Эдмона де-Гонкуръ, мнѣ представилась возможность написать разборъ ихъ сочиненій. Въ настоящее время, правда, у меня нѣтъ никакого предлога подъ руками, но тѣмъ не менѣе я не могу не говорить о личности и произведеніяхъ Гюстава Флобера: я закончу Флоберомъ замѣтки, которыя я уже набросалъ вамъ, о реалистическомъ движеніи во Франціи. Я покажу во главѣ этого движенія знаменитаго писателя, талантъ котораго закрѣпилъ побѣду за этимъ движеніемъ.

У гг. де-Гонкуръ я отмѣтилъ, какъ характеристическую черту, нововведенія въ формахъ языка, нервное изложеніе самыхъ мимолетныхъ впечатлѣній. У Флобера же выступаетъ на первый планъ

*) См. „В. Е.“ мартъ, 441 стр.; май, 492; июль, 874; июль, 381; авг., 825; сент., 400; октябрь, 857 стр.

новый методъ сочиненія, и это ставитъ его во главѣ цѣлой школы, какъ изобрѣтателя новыхъ законовъ въ искусствѣ слова.

Когда появилась „Madame Bovary“, она произвела настоящій литературный переворотъ. Казалось, что формулы новѣйшаго романа, разсѣяныя въ колоссальномъ твореніи Бальзака, резюмированы и ясно изложены на четырехъ-стахъ страницахъ новаго романа. Кодексъ новѣйшаго искусства былъ написанъ. „Madame Bovary“ отличалась ясностью и мастерствомъ, дѣлавшими этотъ романъ типомъ, образцомъ этого рода. Романистамъ оставалось только идти по указанному пути, удерживая свой личный характеръ и пытаясь дѣлать личныя открытія. Конечно, второстепенные рассказчики продолжали колотить деньгу своими скучными исторіями; писатели, избравшіе себѣ спеціальность развлекать дамъ, продолжали фабриковать приторные рассказы, но всѣ мало-мальски талантливые дебютанты получили неизгладимое впечатлѣніе. И никто изъ тѣхъ, чей талантъ въ настоящую минуту созрѣлъ, не можетъ не признать учителя во Флоберѣ. Онъ, повторяю, расчистилъ и освѣтилъ непроходимый лѣсъ Бальзака. Онъ произнесъ вѣрное и правдивое слово, котораго всѣ дожидались.

Я не хочу проводить здѣсь параллели между Бальзакомъ и Флоберомъ. Мы слишкомъ близки къ тому и другому, чтобы судить о нихъ съ должнымъ безпристрастіемъ; къ тому же ихъ качества слишкомъ различны, чтобы такой приговоръ могъ состояться, не увлекая въ слишкомъ сложныя соображенія. Но, избѣгая пространной параллели, укажу лишь на характеристическія черты произведеній Флобера, и тогда его новая метода станетъ понятнѣе.

Первая черта реалистическаго романа, образцомъ котораго является „Madame Bovary“, это—точное воспроизведеніе жизни и безусловное отсутствіе всякаго романческаго вымысла. Сочиненіе романа состоитъ теперь лишь въ выборѣ сценъ и извѣстнаго гармоническаго порядка ихъ развитія. Сцены сами по себѣ могутъ быть первыя попавшіяся; но справедливо сказать, что авторъ старательно выбираетъ и уравниваетъ ихъ, такъ чтобы сдѣлать изъ своего произведенія памятникъ науки и искусства. Это—реальная жизнь, вдвинутая въ искусно созданныя рамки. Всякій вымыселъ изгнанъ изъ нея. Въ ней не встрѣчаешь дѣтей, отмѣченныхъ при рожденіи, затѣмъ потерянныхъ, чтобы быть найденными при развязкѣ. Нѣтъ рѣчи о мебели съ секретными ящиками, о документахъ, являющихся въ самый критическій моментъ, чтобы спасти угнетенную невинность. Нѣтъ даже никакой, хотя бы даже самой простой интриги. Романъ развертывается самъ собою, сообщаетъ явленія изо дня въ день, не готовить никакихъ сюрпризовъ, и когда его дочитаешь, то кажется, будто съ улицы вернулся къ себѣ домой. Бальзаку въ своихъ мастерскихъ произведеніяхъ: „Eugène Grandet“, „Les Parents pauvres“, „Le

Père Goriot", тоже далъ страницы безъ всякихъ прикрасъ, въ кото-рыхъ изображеніе его довольствовалось тѣмъ, что изображало правду. Но прежде чѣмъ дойти до стремленія изображать правду, онъ долго блуждалъ въ самыхъ диковинныхъ выдумкахъ, гонялся за живыми страхами и величіемъ. Можно даже сказать, что онъ никогда не могъ вполне отдѣлаться отъ пристрастія къ чрезвычайнымъ происшествіямъ, что придаетъ болѣе части его произведеній характеръ лихорадочнаго сновидѣнія, которое мерещится человѣку на-яву.

Но гдѣ разница связывается особенно рельефно, такъ это во второй чертѣ реалистическаго романа. Розовымъ образомъ романистъ убиваетъ героевъ, если не признаетъ обычнаго хода человѣческой жизни. Подъ героями я подразумѣваю личностей не въ мѣру раздутыхъ, деревянныхъ куколъ, превращенныхъ въ колоссовъ. Когда не заботишься о логикѣ, объ отношеніяхъ вещей между собою, о точныхъ пропорціяхъ всѣхъ частей произведенія, то вскорѣ теряешь мѣру и начинаешь преувеличивать характеры, къ которымъ испытываешь особенную симпатію. Напротивъ того, дѣйствующія лица умаляются и получаютъ свой настоящій видъ, когда задашься цѣлью дать правдивое изображеніе жизни. Если ухо вѣрно, то первая страница уже задаетъ тонъ всѣмъ остальнымъ, устанавливается гармоническая тональность, и пренебрегать ею нельзя больше, не рискуя произвести ужасную фальшь. Захотѣлъ рисовать будничную жизнь—ну, и держись ея. Красота произведенія заключается уже не въ преувеличеніи какого-нибудь лица, которое перестаетъ быть скупцомъ, обжорой и проч., и становится воплощеніемъ скупости, обжорства и пр. Красота его заключается въ правдѣ изображенія, въ безусловной реальности картины, въ которой всѣ детали занимаютъ свое мѣсто, и только свое мѣсто. Что почти всегда обезображиваетъ романы Бальзака—это страшное преувеличеніе его героевъ. Ему все кажется, что лица его еще недостаточно громадны, и онъ постоянно стремится создавать колоссы. Реалистическая формула естественно осуждаетъ этотъ избытокъ, эту прихоть творчества, благодаря которой лица сверхъестественнаго роста прогуливаются среди карликовъ. Нивелирующая черта проводится надъ всѣми головами, потому что рѣдко представляется случай вывести на сцену человѣка дѣйствительно возвышающагося надъ уровнемъ.

Укажу, наконецъ, третью черту. Реалистическій романистъ старательно исчезаетъ позади дѣйствія, которое изображаетъ. Онъ скрытый двигатель всей драмы. Никогда не заявляетъ онъ о своемъ существованіи какой-нибудь фразой. Не слышно, чтобы онъ смѣялся или плакалъ вмѣстѣ съ своими лицами, или бы позволялъ себѣ судить объ ихъ поступкахъ. И даже отличительной чертой его является

это кажущееся нравственное безпристрастіе. Напрасно было бы искать вывода, морали или нравоученія изъ фактовъ. Дается одно лишь изложеніе фактовъ, похвальныхъ или непохвальныхъ. Авторъ не моралистъ, но анатомъ, который довольствуется тѣмъ, что сообщаетъ о томъ, что онъ нашелъ въ человѣческомъ трупѣ. Читатели сами сдѣлаютъ выводъ, если пожелаютъ, извлекутъ мораль, почерпнутъ нравоученіе изъ книги. Что касается романиста, то онъ держится въ сторонѣ, изъ уваженія къ искусству, чтобы сообщить своему произведенію характеръ полной объективности. Онъ полагаетъ, что его личное чувство только стѣснитъ чувство дѣйствующихъ лицъ, что его сужденіе ослабитъ гордый урокъ, даваемый фактами. Это совсѣмъ новая поэтическая доктрина, измѣняющая характеръ романа. Стоитъ только вспомнить романы Бальзака, его вѣчное вмѣшательство въ разговоръ, его авторскія замѣчанія, прорывающіяся безпрестанно, всякаго рода мораль, которую онъ извлекаетъ изъ своихъ произведеній. Онъ безпрестанно объясняется съ читателями. Уже я не говорю объ отступленіяхъ по поводу различныхъ вещей. Иные изъ его романовъ настоящая болтовня съ публикой, если ихъ сравнить съ реалистическими романами, появившимися за послѣднія двадцать лѣтъ, такими строгими и чопорными въ этомъ отношеніи.

Бальзакъ, повторяю, составляетъ у насъ еще силу, съ которой не разсуждаютъ. Въ немъ, какъ и въ Шекспирѣ, есть творческій духъ, создавшій цѣлый міръ. Его произведенія, несмотря на ихъ смѣшанный характеръ, на частые переходы отъ превосходнаго къ самому плохому, все же остаются гигантскимъ усиленіемъ самаго крупнаго ума нынѣшняго вѣка. Но, не унижая его, я могу показать, что Флоберъ сдѣлалъ послѣ него для романа: онъ подчинилъ его неизмѣннымъ правиламъ наблюденія надъ жизнью, избавилъ его отъ фальшивой надутости дѣйствующихъ лицъ и превратилъ въ произведеніе искусства, гармоническое, объективное и прекрасное въ самомъ себѣ, какъ прекрасная мраморная статуя. Вотъ какою переломною произвелъ авторъ „Madame Bovary“. Послѣ литературнаго разсвѣта, послѣ плодотворной производительности 1830 г. онъ нашелъ средство изобрѣсти новый родъ и положить основаніе новой школѣ.

Его произведенія въ особенности отличаются безукорыненной формой и мастерскимъ выполненіемъ. Послѣ періода лихорадочной дѣятельности, послѣ ужасающаго потока книгъ, написанныхъ небрежно, онъ явился какъ-бы затѣмъ, чтобы напомнить писателямъ о красотѣ формы, о медленной выработкѣ, о произведеніяхъ, наполняющихъ цѣлую жизнь человѣка. И такимъ образомъ онъ стоитъ во главѣ современныхъ романистовъ, и въ его произведеніяхъ въ яркихъ краскахъ изложены законы натуральной школы.

II.

Гюставъ Флоберъ родился въ Руанѣ. Ему за пятьдесятъ лѣтъ. Это широкоплечій, очень высокой нормандецъ, съ великолѣпными голубыми глазами. Онъ живетъ въ безусловномъ уединеніи; проводитъ нѣсколько зимнихъ мѣсяцевъ въ Парижѣ, остальное время работаетъ въ помѣстьѣ, которымъ владѣетъ близъ Руана, на берегу Сены. Но мнѣ кажутся лишними даже тѣ немногія подробности, которыя я сообщаю объ его личной жизни. Флоберъ весь высказывается въ своихъ книгахъ; напрасно было бы искать его внѣ ихъ. У него нѣтъ страстей; онъ не собираетъ рѣдкостей; не любитъ охоты и даже не гастрономъ. Онъ пишетъ свои книги, и больше ничего. Онъ вступилъ въ литературу, какъ въ былыя времена поступали въ какой-нибудь монашескій орденъ, чтобы сосредоточить на немъ всѣ свои радости и въ немъ умереть. Такимъ образомъ, онъ осудилъ себя на уединеніе; пишетъ одну книгу лѣтъ десять сряду и кладетъ въ нее всю свою душу. Я не знаю человѣка, который бы болѣе заслуживалъ титулъ писателя; онъ всю свою жизнь отдалъ своему искусству.

Надо, значить, какъ я уже сказалъ, искать его въ книгахъ. Человѣкъ, живущій степеннымъ буржуа, не представляетъ ничего интереснаго. Въ наши дни великіе труженики устраиваютъ свою жизнь возможно простѣйшимъ и безхитростнымъ образомъ, чтобы имѣть весь день въ своемъ распоряженіи и работать съ утра до ночи, какъ такіе-нибудь методическіе коммерсанты, засѣдающіе за конторкой. Работа въ опредѣленные часы является первымъ условіемъ для созданія выработаннаго и цѣльнаго произведенія.

Флоберъ трудится какъ какой-нибудь бенедиктинецъ. Онъ пишетъ лишь на основаніи точныхъ данныхъ, которыя имѣлъ возможность лично провѣрить. Если ему понадобится справка въ спеціальныхъ сочиненіяхъ, онъ въ теченіе нѣсколькихъ недѣль будетъ посѣщать библиотеки, пока, наконецъ, не найдетъ желаемаго свѣдѣнія. Чтобы написать, примѣръ, десять страницъ, эпизодъ романа, гдѣ онъ выведетъ лица, занимающіяся земледѣліемъ, онъ не отступитъ передъ скукой прочесть двадцать-тридцать сочиненій, трактующихъ объ этомъ предметѣ, и будетъ, кромѣ того, разспрашивать компетентныхъ людей, станетъ даже ходить на поле, чтобы вставить свой эпизодъ съ полнѣйшимъ знаніемъ дѣла. Если дѣло коснется какого-нибудь описанія, онъ отправится на мѣсто и будетъ тамъ жить. Такимъ образомъ, ради первой главы „Éducation sentimentale“, для которой, какъ извѣстно, рамкой служитъ пароходъ, поднимающійся вверхъ по Сенѣ между Парижемъ и Монтерб, онъ проѣхалъ вдоль берега рѣки въ кабриолетѣ, такъ какъ пароходъ уже давно тутъ не

ходить. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ избираетъ какой-нибудь воображаемый уголокъ сцены для своего романа, то ищетъ въ природѣ такого уголка, который бы вполне подходилъ къ тому, который ему мерещится. И такимъ образомъ онъ старается почерпнуть изъ дѣйствительности малѣйшую подробность. Онъ справляется съ гравюрами, съ журналами, книгами того времени; изучаетъ людей и предметы той эпохи. Каждая страница стѣбитъ ему немовѣрныхъ трудовъ, потому что описаніе костюмовъ, историческихъ событій, всякіе техническіе вопросы влекутъ за собой безконечныя справки. Чтобы написать книгу, ему приходится перерыть вселенную. Въ „Madame Bovary“ онъ помѣстилъ наблюденія своей молодости, уголокъ Нормандіи и людей, которыхъ онъ встрѣчалъ въ первые тридцать лѣтъ своей жизни. Когда онъ написалъ „Éducation sentimentale“, то двадцать лѣтъ передъ тѣмъ занимался политической и нравственной исторіей нашего общества; онъ собралъ громаду матеріаловъ, доставленныхъ цѣлымъ поколѣніемъ людей. Наконецъ, чтобы написать „Salammbô“ и „La Tentation de Saint-Antoine“, трудъ былъ еще значительнѣе: онъ путешествовалъ по Африкѣ и на Востокѣ, тщательно изучалъ древность, отряхивалъ пылъ многихъ вѣковъ.

Такая добросовѣстность составляетъ одну изъ характеристическихъ чертъ таланта Флобера. Онъ, повидимому, не хочетъ ничѣмъ быть обязаннымъ своему воображенію. Онъ рисуетъ только съ натуры. Когда онъ пишетъ, то больше всего заботится о выработкѣ; онъ любитъ быть у себя дома и говорить только о томъ, что ему извѣстно вдоль и поперекъ. И эта литературная честность проистекаетъ отъ страстнаго желанія совершенства, составляющаго его индивидуальность. Онъ не допускаетъ ни малѣйшей ошибки, хотя бы самой незначительной. Ему нужна увѣренность, что произведеніе его по возможности безукоризненно. Малѣйшее пятнышко сдѣлало бы его несчастнымъ человѣкомъ, преслѣдовало бы его угрызениемъ совѣсти, какъ дурной поступокъ. Онъ вполне спокоенъ только тогда, когда увѣренъ въ безусловной правдѣ всѣхъ подробностей, находящихся въ его трудѣ.

Понятна роковая медленность такого рода труда. Это объясняетъ, почему Флоберъ, будучи такимъ ретивымъ работникомъ, написалъ всего четыре книги, появившіяся въ длинные промежутки: „Madame Bovary“ въ 1856 г.; „Salammbô“ въ 1863 г.; „l'Éducation sentimentale“ въ 1869 г. и „La Tentation de Saint-Antoine“ въ 1874 г. Онъ двадцать лѣтъ работалъ надъ этой послѣдней книгой, откладывалъ ее на время, снова принимался, передѣлывалъ по пяти-шести разъ цѣлыя отрывки.

Что касается слога, то онъ такъ же тщательно выработываетъ и его. Миѣ всегда какъ-то совѣстно подсматривать за процессомъ

творчества какого-нибудь писателя; но при этомъ бывають поучительныя открытія, составляющія достояніе исторіи литературы. Флоберъ, прежде чѣмъ написать первую страницу своей книги, припасаетъ матеріала на цѣлыя три, въ видѣ замѣтокъ, приведенныхъ въ полную ясность и полный порядокъ. Зачастую цѣлая страница справокъ даетъ ему всего одну строчку. Онъ работаетъ по плану, зрѣло обдуманному и подробно выработанному во всѣхъ частяхъ. Что касается остального, т. е. самой методы редакціи, то я думаю, что онъ редактируетъ сразу и сравнительно быстро нѣсколько страницъ сряду, цѣлый отрывокъ. Затѣмъ возвращается къ нему, переѣлываетъ, измѣняетъ неудачныя выраженія, не пропускаетъ ни малѣйшей небрежности, прибираетъ наиболѣе подходящія слова. Такимъ образомъ первый набросокъ бываетъ зачастую черновымъ, надъ которымъ онъ работаетъ цѣлыя недѣли. Онъ хочетъ, чтобы страница выходила изъ его рукъ, какъ-бы высѣченная въ мраморѣ безупречной правильности и безсмертной красоты. Вотъ мечта, терзаніе, потребность, заставляющая его долго обсуждать каждую строчку, по цѣлымъ мѣсяцамъ ломать голову надъ неудачнымъ выраженіемъ до тѣхъ поръ, пока ему не удастся замѣнить его болѣе подходящимъ.

Перехожу къ слогу Флобера; онъ самый отборный изъ всѣхъ, какіе я знаю; не то, чтобы авторъ отличался классическимъ пошибомъ, застывшимъ въ узкой грамматической правильности; но, какъ я уже сказалъ, онъ выработываетъ его до послѣдней запятой и сидитъ надъ страницей по цѣлымъ днямъ, если нужно, для того, чтобы выработать ее. Онъ употребляетъ невѣроятныя усилія, чтобы избѣжать малѣйшихъ стилистическихъ неровностей. Я часто слышалъ отъ него, что страницу хорошей прозы гораздо труднѣе написать, чѣмъ страницу хорошихъ стиховъ. Проза сама по себѣ отличается неопредѣленностью контуровъ, необыкновенной растяжимостью, благодаря которой ее очень трудно вылить въ опредѣленную форму. Онъ хотѣлъ бы, чтобы она была крѣпка, какъ бронза, ярка, какъ золото.

Говоря о Флоберѣ, вы всегда возвращаетесь къ идеѣ о безсмертіи, къ мощному честолюбію создать вѣчное твореніе. И только онъ одинъ умѣетъ бороться съ гибельмъ языкомъ, постоянно готовымъ ускользнуть изъ рукъ. Я знаю молодыхъ людей, которые, доводя стремленіе создать мраморную прозу до маниі, доходятъ до того, что начинаютъ бояться языка. Слова ихъ пугаютъ; они не знаютъ, за которыя ухватиться; отступаютъ передъ всѣми выраженіями и создаютъ себѣ свои собственные эстетическія теоріи, въ силу которыхъ отвергаютъ тѣ или другія выраженія; они высказываютъ большую строгость на счетъ нѣкоторыхъ выраженій и не замѣчаютъ, что впадаютъ въ странную небрежность относительно другихъ. Это вѣчное напряженіе ума, это строгое преслѣдованіе малѣйшихъ укловеній

пера приводить. въ концѣ-концовъ, людей съ ограниченнымъ умомъ къ безплодію и лишаетъ ихъ всякой оригинальности. Флоберъ же, который съ этой стороны представляется образцомъ, весьма опаснымъ для подражанія, приобрѣлъ на этомъ свое значеніе непогрѣшимого писателя. Строгость, погоня за совершенствомъ составляютъ его величіе. Его мечтой, безъ сомнѣнія, было бы написать всего одну книгу въ жизни: онъ бы безпрестанно ее передѣлывалъ, безпрестанно улучшалъ; онъ не прежде рѣшился бы представить ее на судъ публики, какъ при послѣднемъ издыханіи, когда перо выпало бы изъ его окоченѣвшихъ рукъ, и онъ бы не могъ его далѣе передѣлывать. Онъ повторяетъ иногда, что одинъ человѣкъ можетъ написать всего одну книгу въ жизни.

Главнымъ достоинствомъ Флобера при такой работѣ, естественно, является его сдержанность. Всѣ его усилія клонятся къ тому, чтобы сдѣлать коротко и полно. Въ своихъ пейзажахъ онъ довольствуется тѣмъ, что указываетъ главныя линіи и цвѣтъ; но хочетъ, чтобы линіи рисовали, а цвѣтъ живописалъ весь пейзажъ. Такъ точно и относительно своихъ лицъ, онъ желаетъ охарактеризовать ихъ однимъ жестомъ, однимъ словомъ. Чѣмъ зрѣлѣе становился онъ, тѣмъ больше стремился создать такъ-сказать алгебраическія формулы въ литературѣ. Онъ старается обойти второстепенныя дѣйствія, идетъ прямо къ концу книги и никогда не повторяется. Кромѣ того, такъ какъ онъ относится объективно къ ея содержанію, никогда лично не вмѣшивается въ ходъ дѣйствія, не выдаетъ своего чувства, то наблюдаетъ за тѣмъ, чтобы слогъ былъ вездѣ ровенъ и такъ же прозраченъ, какъ зеркало, отчетливо отражающее его мысль. Это сравненіе съ зеркаломъ очень вѣрно, потому что честолюбіе его, конечно, заключается въ томъ, чтобы отразить въ своей книгѣ вещи и людей точно такими, какими онъ ихъ видѣлъ. Замѣтьте, что одной ясности Флоберу мало: онъ хочетъ еще вдохнуть жизнь въ свои произведенія. Прозрачная, сухая и жесткая форма восемнадцатаго столѣтія ему не по вкусу. Виѣсть съ ясностью, онъ стремится придать цвѣтъ, оживленіе, силу своимъ произведеніямъ. Тутъ мы сталкиваемся съ личностью Флобера, съ сущностью его таланта и новой формулой, которую онъ принесъ съ собой.

Флоберъ родился въ самый разгаръ романтизма. Ему было пятнадцать лѣтъ въ періодъ наибольшей славы Виктора Гюго. Вся его молодость прошла озаренная лучомъ славы 1830 г., и на немъ остался какъ-бы отблескъ отъ той эпохи лирической поэзіи, которую онъ пережилъ. И даже у него должно храниться гдѣ-нибудь въ ящикахъ множество стиховъ, въ которыхъ трудно было бы признать строгаго и шепетильнаго прозаика „Education sentimentale“. Позднѣе, въ тотъ часъ, когда оглядываешься на себя и на окружающую жизнь,

онъ понялъ въ чемъ заключалась его оригинальность, и сталъ великимъ романистомъ натуральной школы, неумолимымъ живописцемъ людской глупости и пошлости. Но двойственность осталась въ немъ. Лирикъ не умеръ, онъ живетъ рядомъ съ романистомъ, и заявляетъ подчасъ о своихъ правахъ, но впрочемъ настолько благоразуменъ, что не суется не впопадъ. На этой двойственности природы, на этой потребности въ пламенной поэзии и холоднаго наблюденія выросъ оригинальный талантъ Флобера. Я охарактеризую его слѣдующими словами: это—поэтъ, который однако настолько хладнокровенъ, что видитъ вещи въ ихъ настоящемъ свѣтѣ. Миѣ надо углубиться еще дальше въ разборъ этого интереснаго темперамента. Флоберъ ненавидитъ только глупость; но за то крѣпко ненавидитъ ее. Онъ, конечно, пишетъ романы, чтобы удовлетворить этому чувству. Наклонный къ ипохондріи, онъ видитъ все въ черномъ цвѣтѣ, и ему хочется окунуть публику въ грязь. Глупцы для него личные враги, которыхъ онъ старается поразить. Каждая изъ его книгъ приводитъ къ заключенію о глупости и пошлости человѣческаго рода вообще. Самое большее, если онъ выкажетъ порою нѣкоторую мягкость къ женщинѣ; женщину онъ любитъ и относится къ ней съ отеческой нѣжностью. Когда онъ наводитъ свое увеличительное стекло на какое-нибудь лицо, то не пренебрегаетъ ни одной бородавкой, не обойдетъ самой небольшой ранки. Долгіе годы онъ осуждаетъ себя созерцать безобразіе вблизи, не разставаться съ нимъ, ради удовольствія изобразить его и насмѣяться надъ нимъ, выставить его на позоръ передъ цѣлымъ свѣтомъ. И, несмотря на удовлетворенное мщеніе, несмотря на радость, съ какой онъ бичуетъ безобразное и глупое въ своихъ произведеніяхъ, это все же бываетъ подчасъ тяжкимъ бременемъ для него, потому что лирикъ, живущій въ немъ, его другое я, плачетъ отъ отвращенія и грусти, что ему приходится влачиться съ обрѣзанными крыльями въ толпѣ тупыхъ и пошлыхъ буржуа. Когда авторъ пишетъ „Madame Bovary“ или „l'Éducation sentimentale“, лирикъ огорчается ничтожествомъ дѣйствующихъ лицъ, невозможностью создавать великіе характеры въ средѣ этихъ смѣшныхъ карликовъ, но довольствуется только тѣмъ, что пуститъ тамъ-и-сямъ огненное слово, размахистую фразу. Затѣмъ иногда, въ нѣкоторыя роковыя минуты, романистъ натуральной школы соглашается отсутствовать на задній планъ. Тогда забьетъ чудный родникъ свѣта и поэзіи. Авторъ пишетъ „Salammbô“ или „La Tentation de Saint-Antoine“; онъ перенесся въ древній міръ, далеко отъ современной жизни, отъ нашей тѣсной одежды, отъ нашихъ желѣзныхъ дорогъ и сѣраго неба, которое онъ ненавидитъ. Подъ руками у него пурпурныя ткани и золотыя ожерелья. Онъ не боится больше дать волю своему воображенію, не взвѣшиваетъ каждой фразы изъ боязни вложить въ

уста деревенскаго аптекаря живописные образы восточнаго поэта. Но воалѣ лирика остается романсикъ натуральной школы; онъ держитъ перваго на уздѣ и требуетъ правды даже въ самомъ блескѣ.

Понятна теперь оригинальность слога Флобера, такого сдержаннаго и такого яркаго. Онъ составленъ изъ вѣрныхъ и великолѣпныхъ образовъ. Это—правда, наряженная поэтомъ. Съ нимъ всегда ходишь на твердой почвѣ, чувствуешь подъ ногами твердую землю, но ходишь легко и плавно. Когда онъ нисходитъ до самой вульгарной фамильярности, въ погонѣ за правдой, то все-таки сохраняетъ какое-то благородство, скрапывающее самую намѣренную небрежность. Всегда чувствуешь, слѣдуя за нимъ въ самую пошлую среду, что идеешь воалѣ писателя и поэта — къ тому же нѣтъ ничего противнаго въ этомъ постоянномъ изображеніи у него людскаго безобразія. Дойдешь до уличной грязи, а картина все будетъ сіять красотой отдѣлки. Я говорилъ, что Флоберъ расчистилъ непроходимый, зачастую, глѣсъ Бальзака и прорубилъ въ немъ широкую просѣку, черезъ которую все стало видно. Прибавлю, — онъ выразилъ въ своей формулѣ двухъ гениевъ 1830 г.: точный анализъ Бальзака и яркость слога Виктора Гюго. Онъ первый осуществилъ это чудо: живо писать и не лгать.

III.

Перехожу къ произведеніямъ Флобера, и естественно группирую ихъ попарно: „Madame Bovary“ и „l'Éducation sentimentale“, „Salammbô“ и „La tentation de Saint-Antoine“, не обращая вниманія на порядокъ изданія.

Я уже говорилъ, что появленіе „Madame Bovary“ было крупнымъ событіемъ, между тѣмъ сюжетъ книги, интрига совсѣмъ не романичны. Его можно высказать въ двадцати строкахъ. Шарль-Бовари, посредственный деревенскій врачъ, женится вторично на дочери фермера, Эммѣ, получившей образованіе выше своего класса; она настоящая дама, играетъ на фортепіано, читаетъ романы. Чета поселяется въ Йонвиллѣ, небольшомъ мѣстечкѣ, въ нѣсколькихъ километрахъ отъ Руана. Тамъ мадамъ Бовари овладѣваетъ страшная скука женщины, выбитой изъ своей колени. Она видитъ, какой ничтожный человекъ ея мужъ, она томится сѣрой провинціальной жизнью, ея овладѣваетъ смутная и непонятная тоска. Само собой разумѣется, оканчивается это незаконной любовью. Однако она борется; она любитъ сначала молодого человека, Леона Дюпюи, клерка йонвилльскаго нотариуса, любитъ его скромно и даже не помышляетъ о наденіи. Только позднѣе, когда Леонъ уѣзжаетъ, она внезапно отдается другому человеку, Рудольфу Буланже, окрестному помѣщику.

Тутъ она точно съ ума сходитъ. Она чувствуетъ себя торжествующей и отмищенной; она становится такой требовательной, такой надобдливой, мечтаетъ о бѣгствѣ съ своимъ любовникомъ, о заключеніяхъ, вѣчной любви, что Рудольфъ приходитъ въ ужасъ и бросаетъ ее. Она видѣ себя, разыгрываетъ роль мученицы своей любви, бросается, хотя безплодно, въ религію, до того дна, какъ встрѣчаетъ Леона въ Руанѣ. Новая незаконная любовь, и на этотъ разъ съ бѣльшимъ пыломъ. Такъ продолжается до тѣхъ поръ, пока она не надѣла и не напугала въ свою очередь Леона. Эмма надѣлала долговъ; когда любовникъ бросаетъ ее, она отравляется мышьякомъ. Горемыка мужъ оплакиваетъ ее. Позднѣе онъ узнаетъ объ ея безпорядочномъ поведеніи, но все-таки продолжаетъ ее оплакивать. Въ одно прекрасное утро онъ встрѣчаетъ Рудольфа, распиваетъ съ нимъ бутылку пива и говоритъ ему: „я на васъ не сержусь“.

Вотъ все. Въ газетѣ это заняло бы десять строкъ подъ рубрикой *faits divers*. Но надо прочитать самую книгу, всю животрепещущую жизнь. Въ ней есть знаменитыя мѣста, мѣста, ставшія классическими: замужество Эммы, земледѣльческій сѣвѣдъ, на которомъ Рудольфъ ухаживаетъ за молодой женщиной, смерть и похороны м-ше Бовари, нарисованныя съ такой страшной правдой. Къ тому же, все произведеніе, до малѣйшихъ подробностей, отличается живымъ интересомъ, интересомъ новымъ, незнакомымъ до этой книги, интересомъ правды, интересомъ драмы, ежедневно созерцаемой въ жизни. Оно захватываетъ васъ съ ненюбдвдимой силой, какъ зрѣлище чего-то такого, что дѣйствительно совершается передъ вашими глазами. Тѣ факты, которые въ немъ описываются,—вы двадцать разъ бывали ихъ свидѣтелями; дѣйствующія лица—да это все ваши короніе знакомые. Вы точно у себя дома въ этомъ произведеніи, и все, что въ немъ происходитъ, напоминаетъ вамъ о средѣ, васъ окружающей. Этимъ объясняется то волненіе, которое вами овладѣваетъ. Прибавьте къ этому изумительное искусство писателя. Во всемъ у него вѣрный тонъ и глубокая правда. Дѣйствіе идетъ такъ, какъ бываетъ въ жизни, безъ всякихъ скачковъ воображенія, безъ всякихъ вымысловъ. Движеніе, краски производятъ иллюзію. Писатель совершаетъ чудо: вполне ступешивается и однако во всемъ даетъ чувствовать свое искусство.

Личность м-ше Бовари, типъ безъ сомнѣнія наблюденный и выхваченный изъ жизни Флоберомъ, поступила въ разрядъ великихъ типовъ человѣческаго творчества. „Это Бовари“—говорятъ подобно тому, какъ въ семнадцатомъ столѣтіи говорили; „это Тартюфъ“. А это потому, что м-ше Бовари, несмотря на всю ея характерность, представляетъ общій типъ. Ее вездѣ встрѣчаешь во Франціи, во всѣхъ слояхъ, во всѣхъ обществахъ. Она—женщина, выбитая изъ

своей колени, недовольная своей судьбой, испорченная вздорной сентиментальностью, выбитая изъ роли жены и матери. Она—женщина рововымъ образомъ осужденная на позорную любовь. Наконецъ она типъ беззаконной любви, паденія, сперва робкаго и поэтическаго, затѣмъ торжествующаго и наглаго. Флоберъ употребилъ тщательныя усилія, чтобы не пропустить ни одной черты этого типа; онъ прослѣдилъ за нимъ съ дѣтства, и сколько смягчающихъ обстоятельствъ нашелъ авторъ: вы чувствуете, что онъ поясняетъ и прощаетъ! Всѣ вокругъ Эммы столько же виновны, сколько и она. Она умираетъ отъ глупости своей среды. Только въ дѣйствительности драма не всегда служитъ развязкой такого рода исторіямъ: незаконная любовь, чаще всего, умираетъ своей смертью, спокойно и мирно.

Личность Шарля выполнена еще съ бѣльшими, быть можетъ, мастерствомъ. Надо самому быть писателемъ, чтобы знать, какъ трудно ярко охарактеризовать дурака. Ничтожество само по себѣ безвѣстно. А между тѣмъ этотъ горемыка Шарль вышелъ невѣроятно рельефенъ. Онъ наполняетъ книгу своимъ ничтожествомъ; его видишь на каждой страницѣ жалкимъ врачомъ, жалкимъ мужемъ, жалкимъ и злополучнымъ всегда и во всемъ. И это безъ всякаго нелѣпаго преувеличенія. Онъ остается крайне правдивъ и естественъ. Онъ даже симпатиченъ, бѣдняга. Онъ внушаетъ подъ конецъ жалость и нѣжность. Онъ только глупъ, тогда какъ оба любовника Эммы, Рудольфъ и Леонъ, жестокіе эгоисты. Какъ далеки они отъ влюбленныхъ идеалистической школы! Вотъ любовь, какою ее видѣлъ авторъ; вотъ она молодость, чувственность, случай—все, что наталкиваетъ на незаконную любовь, изъ десяти разъ девять. Сколькимъ мужчинамъ, будь они откровенны, пришлось бы сознаться, что они сходились въ жизни съ одной или двумя Эммами? Все въ этихъ связяхъ, слѣдующихъ одна за другой, плоско и удивительно; это документъ изъ людской жизни поразительной правды, страница, вырванная изъ исторіи нашего общества. Этотъ Рудольфъ, этотъ Леонъ, — да это типичный мужчина, дюжинный мужчина, если хотите. Наша новая литературная школа, утомясь героями и ихъ лживостью, сообразила, что ей стѣбитъ только нагнуться, разоблачить перваго встрѣчнаго, чтобы создать нѣчто страшное и великое. Я не знаю ничего страшнѣе сцены, гдѣ Рудольфъ обсуждаетъ, увлечется ли ему Эммой, или нѣтъ, затѣмъ бросаетъ ее, когда она ему надоѣдаетъ. Или еще той, гдѣ Леонъ, робкій влюбленный въ первыхъ главахъ романа, дѣлается преемникомъ Рудольфа, утопаетъ по уши въ наслажденіяхъ до той минуты, когда страхъ испортить свою будущность и просьба дать денегъ обращаютъ его въ серьезнаго человѣка.

Точно такъ, какія страшныя и трогательныя слова, слова, сказанныя Боваря Рудольфу, по смерти жены: „я не сержусь на васъ“.

Въ этомъ высказался весь горемыка. Въ нашей литературѣ не существуетъ слова, болѣе глубокаго, болѣе обнажающаго бездну слабости и доброты, вѣдрящихся въ сердцѣ человѣческомъ. Откровенное признаніе фактовъ такими, каковы они въ дѣйствительности, и вѣрная оцѣнка каждой подробности—вотъ въ чемъ заключается весь секретъ могучаго обаянія, производимаго этимъ произведеніемъ, сильнѣе захватывающаго духъ, чѣмъ всевозможныя фантасмы.

Къ несчастію, у меня нѣтъ мѣста для подробной оцѣнки каждаго изъ его романовъ. Я невольно долженъ быть неполонъ. Такія книги—цѣлыя міры. Въ „Madame Bovary“ есть цѣлый рядъ второстепенныхъ лицъ, которыхъ нельзя забыть: сельскій патеръ, облѣнившійся въ своемъ ремеслѣ; провинціальныя маніаки, ведущіе существованіе моллюсковъ; необыкновенное общество, крайне любопытное для изученія, какъ семейство мокриць или таракановъ. Но особенно выдается фигура аптекаря Голіе, олицетвореніе нашего Жоржа Прудомма. Голіе выражаетъ собой провинціальную спѣсь, ученость захоластья, самодовольную глупость цѣлаго края. Съ этимъ вмѣстѣ онъ прогрессистъ, свободномыслящій человѣкъ, врагъ іезуитовъ. Онъ даетъ своимъ дѣтямъ знаменитыя имена: Наполеонъ и Аталія. Онъ публиковалъ брошюру: *О сидрѣ, ея производствѣ и ея качествахъ, съ присоединеніемъ нѣсколькихъ новизнъ размислений объ этомъ предметѣ*. Онъ пишетъ въ „Руанскомъ Маякѣ“. Типъ до того рельефенъ, что имя Голіе стало нарицательнымъ, оно характеризуетъ извѣстный классъ глупцовъ. Я, съ своей стороны, не могу войти въ деревенскую аптеку безъ того, чтобы не искать позади прилавка величественнаго г. Голіе, въ туфляхъ, въ фригійскомъ колпакѣ, перебирающаго свои медикаменты съ снисходительной важностью человѣка, которому знакомы ихъ латинскія и греческія названія.

Въ массѣ публики одно обстоятельство придало „Madame Bovary“ громкую извѣстность. Прокуратура вздумала преслѣдовать автора по обвиненію въ оскорбленіи общественной нравственности и религіи. Тогда свирѣпствовала чопорность первыхъ годовъ имперіи. Я не могу умолчать объ этомъ процессѣ, принадлежащемъ къ исторіи нашей литературы. Шумъ преній наполнялъ всѣ журналы, и Флоберъ вышелъ изъ этого испытанія прославленнымъ, популярнымъ, признаннымъ главою новой школы. Вотъ одинъ изъ удачныхъ походовъ правосудія. Обвинительный актъ наполеоновскаго прокурора, Эрнеста Пинара, весьма любопытный документъ. Флоберъ публиковалъ его при послѣднемъ изданіи своего романа, и въ настоящее время нельзя читать его безъ глубокаго удивленія. Мастерское произведеніе нашей литературы признается въ немъ преступленіемъ. Наполеоновскій адвокатъ пишетъ на него жалчайшую и шутовскую критику, нападаетъ на прекраснѣйшія страницы, барахтается въ искусствѣ, какъ

сбитый съ толку чиновникъ, и высказываетъ по поводу литературы рѣзкія осужденія, которыя ему слѣдовало бы приберечь для случаевъ грабежа и убійства. Нѣтъ ничего потѣшнѣе серьезнаго чело-вѣка, берущагося не за свое дѣло, воображающаго, что ему слѣдуетъ лѣтъ на помощь нравственности, на которую никто не думаетъ нападать. Эрнестъ Пинарь, игранный поздиѣ довольно жалкую политическую роль, навѣки опозорился. Потомство будетъ помнить о немъ только одно: что онъ пытался вычеркнуть изъ нашей литературы одно изъ капитальнѣйшихъ произведеній нынѣшняго столѣтія. Флоберъ, послѣ блистательной защиты Сенара, былъ оправданъ. Искусство вышло торжествующимъ изъ этой борьбы. Но, высказавъ оправдательный приговоръ, шестая палата исправительнаго суда въ Парижѣ сочла необходимымъ высказать свое мнѣніе о натуральной школѣ и современномъ романѣ. Вотъ одна изъ заключительныхъ статей приговора: „принимая во вниманіе, что не позволительно, подъ предлогомъ изображенія характера или мѣстныхъ нравовъ, воспроизводить въ ихъ уклоненіяхъ дѣйствія, слова и манеры лицъ, которыхъ писатель поставилъ себѣ задачей описать; что подобная система, примѣняемая къ произведеніямъ ума, равно какъ и къ произведеніямъ искусства, привела бы къ реализму, который былъ бы отрицаніемъ красоты и добра, и который, порождая творенія, равно оскорбительныя для взоровъ, какъ и для ума, наносилъ бы непрестанныя оскорбленія общественной нравственности и добрымъ нравамъ...“

Итакъ, реализмъ осужденъ судомъ исправительнаго трибунала. Слава Богу! все наше поколѣніе писателей перешло черезъ него, все дальше и дальше шло на пути изысканія истины, анализа чело-вѣка, изображенія страстей. Такіе приговоры не могутъ задержать развитія чело-вѣческой мысли.

Я заговорился о „Madame Bovary“ и отвѣду гораздо меньше жѣста „Éducation sentimentale“. Въ этомъ второмъ романѣ Флоберъ расширилъ свои рамки. Сюжетомъ его была уже не одна жизнь женщины, и дѣйствіе происходило не въ уголку Нормандіи. Авторъ описывалъ цѣлое поколѣніе и охватывалъ историческій періодъ времени отъ 1840 г. по 1852 г. Рамками ему служили медленная и тревожная агонія іюльской монархіи, лихорадочное существованіе республики 1848 г., перемежаемое ружейными выстрѣлами въ февралѣ, іюнѣ и декабрѣ. Среди этихъ декораций онъ помѣстилъ людей, съ которыми сталкивался въ юности, своихъ современниковъ, цѣлую толпу, озабоченную, живущую жизнью той эпохи. Это сочиненіе—единственный истинно-историческій романъ, какой я знаю, единственный правдивый, точный, законченный, гдѣ воскрешеніе прошлаго произведено не на живую нитку. Для тѣхъ, кто знаетъ, какую тщательность вноситъ

Флоберъ въ изученіе магіянныхъ подробностей, такая попытка представляется колоссальной. Но планъ самой книги дѣлалъ исполненіе еще затруднительнѣе. Флоберъ не хотѣлъ вводить никакой романтической факціи, вокругъ которой бы вертѣлось все дѣйствіе. Онъ хотѣлъ изобразить жизнь день за день, такою, какою она представляется со всею цѣльностью мелкихъ, будничныхъ явленій, изъ которыхъ въ концѣ-концовъ складывается сложная и остринная драма. Нѣтъ эпизодовъ, искусно подготовленныхъ, а кажущаяся разрозненность фактовъ, обычная сумятица событій, лица попадаютъ на встрѣчу, затѣмъ теряются изъ виду, потомъ снова попадаютъ, пока не скажутъ своего послѣдняго слова; все фигуры прохожихъ, толкающихся на ближайшемъ тротуарѣ. Это было однимъ изъ самыхъ оригинальныхъ, самыхъ смѣлыхъ, самыхъ трудныхъ для выполненія замысловъ, какіе только проявлялись въ нашей литературѣ, у которой не было недостатка въ смѣлости. Флоберъ довелъ свой планъ до конца съ тѣмъ мастерствомъ, которое составляетъ его силу.

Но это не все. Самое большое затрудненіе въ „Éducation sentimentale“ происходило отъ выбора дѣйствующихъ лицъ. Флоберъ хотѣлъ изобразить въ немъ то, что происходило у него на глазахъ въ описываемые имъ годы, постоянное разложеніе человѣчества, непроходимое и нескончаемое царство глухости. Настоящимъ заглавіемъ книги было: „Les Fruits secs“. Всѣ его лица дѣйствуютъ въ пустотѣ, вертятся, какъ флюгарки, бросаютъ добычу въ погонѣ за тѣнью, мельчаютъ съ каждымъ новымъ приключеніемъ и идутъ въ ничтожество;—кровавая сатира по сущности, страшное изображеніе растеряннаго, сбитаго съ толку общества, живущаго со дня на день, грозная книга, гдѣ пошлость принимаетъ эпическіе размѣры, гдѣ человѣчество приобретаетъ значеніе муравейника, гдѣ безобразное, мелкое, ничтожное царитъ и мечется въ глаза. Это храмъ изъ чуднаго мрамора, возведенный въ честь ничтожества. Изъ всѣхъ произведеній Флобера, это безъ сомнѣнія самое субъективное, всего шире задуманное, то, которое стоило ему наибольшаго труда и которое долго будетъ оставаться непонятнымъ.

Разборъ „Éducation sentimentale“ невозможенъ. Нужно было бы прослѣдить дѣйствіе, страница за страницей; въ немъ ничего нѣтъ, кромѣ фактовъ и лицъ. Однако я могу объяснить въ нѣсколькихъ строкахъ то, что подало автору мысль озаглавить—и надо сознаться довольно неудачно—такъ свое произведеніе. Его герой—если только это герой—молодой человѣкъ, Фредерикъ Моро, натура мелкая и слабая, съ сильно развитой чувственностью, но съ слабой волей, которая не позволяетъ ему удовлетворять ей. Четыре женщины содѣйствуютъ его сантиментальному воспитанію: одна честная женщина, которая замужемъ и у ногъ которой онъ расходуется всѣ свѣжія и

юныя силы свои; куртизанка, не могущая его удовлетворить и которой онъ отдаетъ свои зрѣлыя годы; знатная дама, тщеславная мотта, отъ которой онъ пробуждается съ отвращеніемъ и презрѣніемъ; маленькая дикарка, фантастическое существо, которое одинъ изъ его друзей перебиваетъ у него. И послѣ того какъ всѣ эти четыре любви истинная, чувственная, тщеславная и квинтэссенціонная пытались образовать изъ него мужа, онъ въ одинъ прекрасный вечеръ сидитъ, постарѣвшій, у камня вмѣстѣ съ товарищемъ своего дѣтства, Делорье. Этотъ послѣдній добивался власти такъ же безплодно, какъ и Фредерикъ счастливой любви. Тогда оба, оплакивая отлетѣвшую молодость, вспоминаютъ, какъ о лучшемъ днѣ своей жизни, одно весеннее утро, когда они отправились къ публичнымъ женщинамъ, но не осмѣлились переступить за ихъ порогъ. Сожалѣніе о желаніяхъ и цѣломудріи шестнадцатилѣтняго возраста—вотъ единственный результатъ этого любовнаго воспитанія.

Я едва успѣю указать въ толпѣ лицъ нѣсколько силуэтовъ: Ариу, дѣлецъ той эпохи, поочередно продавецъ картинъ, фабрикантъ фаянса, торговецъ священными предметами, бѣлокурый провансалецъ, луизианка, милый человѣкъ, обманывающій жену съ умиленіемъ, разоряющійся, изобрѣтая самыя хитрыя проекты къ обогащенію. Дамбрѣзь, крупный землевладѣлецъ, банкиръ и политическій дѣятель, олицетворяющій собою всѣ низости и безсовѣстность денежныхъ людей. Мартинонь—торжество глупости, надутое и прилизанное ничтожество, будущій сенаторъ, не изъ щекотливыхъ, ухаживающій за тетками, чтобы жениться на племянницахъ. Кежинбаръ, политикъ задняго двора, шутовская и зловѣщая фигура господина въ толстомъ пальто, неизвѣстно откуда взявшагося, который торчатъ въ однихъ и тѣхъ же кофейняхъ, въ одни и тѣ же часы, напуская на себя молчаливую хандру и приобретающій славу человѣка весьма глубокаго ума, благодаря двумъ-тремъ фразамъ, которыя онъ произноситъ иногда о положеніи дѣлъ въ странѣ. Я вынужденъ ограничиться этимъ. А сколько сценъ, сколько картинъ законченныхъ, характеризующихъ эпоху съ ея искусствомъ, политикой, нравами, удовольствіями, пороками! Тутъ есть вечера въ большомъ свѣтѣ и въ полу-свѣтѣ; дружескіе завтраки, дуэль, прогулка на скачки, клубъ 1848 г., баррикады, уличная схватка, ваятіе Тюльери, очаровательный эпизодъ любви въ лѣсу Фонтенблѣ, внутренняя буржуазная обстановка очаровательной женщины, жизнь цѣлаго народа.

Въ „Éducation sentimentale“ Флоберъ съ наибольшей опредѣленностью выразилъ новыя литературныя правила, введенныя имъ: отрицаніе романтическаго элемента въ интригѣ, извѣденіе героевъ съ недестала, вѣрность оцѣнки мельчайшихъ явленій; въ этомъ произведеніи онъ оригиналенъ до послѣдней степени; я увѣренъ, что

оно стоило ему наибольших усилий, потому что адъсь онъ всего усерднѣе занялся изображеніемъ человѣческаго безобразія, и никогда лирику, выходящую въ нѣтъ, не приходилось вѣрнѣе такъ гляже. Въ этомъ длинномъ трудѣ, самомъ длинномъ изъ всѣхъ, написанныхъ имъ, онъ ни разу не выпалъ изъ опредѣленныхъ границъ. Онъ прямо шелъ къ цѣли, несмотря на всю скуку задачи, не вставлялъ, какъ Вальзакъ, цѣлыя разсужденія, въ которыхъ еще можно облегчить свою душу, а велъ непрерывную нить повѣствованія. Нѣтъ сомнѣній, что онъ былъ также безмалостонъ къ самому себѣ, какъ и къ простымъ людямъ, которыхъ изображалъ.

IV.

Приступаю теперь къ „Salammbo“ и „La Tentation de Saint-Antoine“, двухъ произведеній, гдѣ представлялась для лирическаго поэта полная возможность развернуться. Флоберъ—восточный поэтъ, перекосившій въ чуждый ему край. Чувствуешь, что онъ особенно счастливъ тогда, когда можетъ писать яркими красками, не прибѣгая къ жи. Произведенія особенно для него дороги, тѣ, которыя онъ создавалъ безъ всякаго утомленія, несмотря на громады изслѣдованій, какія они должны были повлечь за собою—это „Salammbo“ и „La Tentation de Saint-Antoine“.

Въ одномъ письмѣ къ Сентъ-Бѣву онъ даетъ драгоцѣнное указаніе по поводу перваго изъ этихъ произведеній.

„Я хотѣлъ дать крѣпкую форму миру, — говоритъ онъ, — пришедши къ древности правила современнаго романа“. Ходъ дѣйствій, дѣйствительно, какъ и въ „Madame Bovary“, состоитъ изъ пѣлаго ряда картинъ, эпизодовъ, гдѣ дѣйствующія лица сами характеризуютъ себя своими словами и поступками. Но только наученіе среды выступаетъ на первый планъ, драма стѣснена волнообразіемъ рамокъ, описанія занимаютъ больше мѣста, чѣмъ анализъ. Тутъ мы также нѣмѣе дѣло съ человѣчествомъ, вывернутымъ наизнанку; но только это люди иного міра, иной цивилизаціи, описаніе которой должно было соблазнить такого живописца, какъ Флоберъ.

Въ нашей литературѣ не существуетъ вступленія, которое могло бы соперничать съ первой главой „Salammbo“. Это какое-то волшебство. Наземныя войска шируютъ въ садахъ Гамильяра, праздная годовщина побѣды при Эривесѣ. Грубость и обшорство солдатъ, великолѣпіе стола, странныя блюда, убранство сада съ мраморнымъ дворцомъ въ глубинѣ и четверыя террасами, приобрѣтаютъ удивительный блескъ въ этомъ мощномъ и колоритномъ слогѣ, гдѣ каждое слово

приводить должное впечатлѣніе. Но затѣ появляется Саламбѣ, спускающаяся съ лѣстницы дворца и идущая облачивая священныя ризы, убитыхъ въ садахъ наемниками. Тутъ возникаетъ ревнивое соперничество ливійца Мато и нунидійскаго военачальника Наргаваса, до безумія влюбляющіеся въ дочь Гамилъкара. Я не могу, къ несчастію, даже вскользь привести великія страницы романа, и самое бѣльшее, если могу себя позволить рассказать въ нѣсколькихъ строкахъ общій планъ. Каррагенъ, ослабѣвшій, боится наемныхъ войскъ, помогавшихъ ему въ послѣднія войны; ему нечѣмъ заплатить имъ, и онъ не знаетъ, какъ отъ нихъ отдѣлаться. Гамилъкаръ, полководецъ ихъ, куда-то скрылся. Тогда послѣ пира, которымъ начинается романъ, Каррагенъ посылаетъ ихъ въ Сикву, и запираетъ за ними ворота. И вотъ тутъ-то Спендіусъ, невольникъ грекъ, котораго освободилъ Мато, изъ мщенія направляетъ наемниковъ на городъ. Въ то же самое время онъ поощряетъ страсть ливійца, котораго Саламбѣ околдовала. Онъ проводитъ его въ Каррагенъ, черезъ каналъ одного аквадука, и убѣждаетъ украсть священныя ризы Таниты, который дѣлаетъ невидимымъ. Мато, укутанный въ плащъ, видится съ Саламбѣ; она отталкиваетъ его, проваливается, и онъ проходитъ по городу подъ прикрытіемъ плаща, среди жителей, которые смотрятъ, какъ уходитъ ихъ счастье. Наемники разбиваютъ градоправителя Ганнона, республика наканунѣ своей гибели, когда возвращается Гамилъкаръ. Онъ одерживаетъ надъ матежскими солдатами побѣду при Махарѣ, но усилія его остались бы тщетными быть можетъ, еслибы Саламбѣ, подстрекаемая Шахобаримомъ, великимъ жрецомъ евнухомъ Таниты, не отдалась бы Мато въ его палаткѣ. Затѣмъ, во время его сна, она убѣгаетъ, унося съ собою священныя ризы. Тѣмъ временемъ Спендіусъ снова грозитъ погубить городъ, отвѣдя отъ него воду. Тутъ находится великолѣпный эпизодъ, человѣческое жертвоприношеніе Молоху, съ цѣлью умилостивить бога; у Гамилъкара требуютъ его сына Ганнибала, котораго онъ воспитываетъ въ тайнѣ и котораго ему удается спасти. Затѣмъ идетъ дождь; Наргавасъ измѣняетъ Мато, съ которымъ было заключенъ союзъ; Каррагенъ спасенъ. Въ заключеніе Гамилъкаръ загналъ наемниковъ въ ущелье Гапъ и моритъ ихъ тамъ съ голоду; страшная агонія цѣлой арміи составляетъ одно изъ удивительнѣйшихъ мѣстъ книги. Мато, взятый въ плѣнъ, приговоренъ къ тому, чтобы пройти весь городъ нагимъ, подъ ударами жителей, встроенныхъ на его пути, и приходитъ весь окровавленный, избитый, умереть у ногъ Саламбѣ, которой торжествующій Наргавасъ подаетъ брачный кубокъ. Саламбѣ падаетъ помертвѣлая и ооченѣвшая съ полуоткрытыми губами.

„Такъ умерла дочь Гамильяра за то, что притронулась въ плащу Таниты“.

Личность Саламбó одна изъ странностей книги. Въ письмѣ, о которомъ я говорилъ, Флоберъ пишетъ Сентъ-Бёву, упрекающему его за то, что онъ повторилъ карагенскую *madame Bovary*: „вовсе нѣтъ! М-ме Бовари волнуема разнообразными страстями; Саламбó, напротивъ того, вся поглощена одной *idée fixe*. Она маниакаль, нѣчто въ родѣ св. Терезы“.

И это прекрасно сказано: Саламбó, дѣйствительно, вѣрна одной идѣй: мы видимъ ее на террасѣ, съ поднятыми въ лугѣ руками, къ этой Танитѣ, которой она поклоняется. Если она одается Мато, то лишь по совѣту жреца Шакобарима. Она желаетъ спасти свою родину и боговъ, больше ничего. Позднѣе она остается вѣрна тому, кто ею обладалъ. Ее преслѣдуетъ воспоминаніе о немъ, и она чувствуетъ, что отнынѣ принадлежитъ ему, и умираетъ на его трупѣ, отъ ужаса и отчаянія, и спасается такимъ образомъ отъ объятій Наргаваса. Этотъ характеръ такимъ образомъ остается какъ-бы типомъ языческаго мистицизма. Впрочемъ, Флоберъ сознается, что этотъ типъ всецѣло принадлежитъ его фантази. „Я не увѣренъ въ его реальности, — говоритъ онъ, — потому что ни вы, ни я, и никто изъ древнихъ или новѣйшихъ людей не можетъ знать восточной женщины, потому что невозможно съ нею познакомиться“.

Остальные лица также всѣ вѣрны себѣ. Мато — животное, поглощенное любовью; она держитъ его въ тискахъ, ослѣпляетъ его и всѣ его поступки совершаются подъ ея вліяніемъ. Спендіусъ хитеръ, какъ грекъ, и злопамятенъ. Гамильяръ — величественная фигура, нѣсколько мрачная; Наргавасъ очерченъ вскользь; градоправитель Ганнонъ, страдающій проказой, одинъ изъ самыхъ оригинальныхъ портретовъ книги, трусливый, жестокой, подлый. Сентъ-Бёвъ, упрекавшій Флобера за сложный характеръ его варваровъ, читалъ книгу какими-то странными глазами. Я ихъ нахожу, напротивъ того, кѣльными, руководимыми своими инстинктами, идущими къ одной цѣли. Мы далеки отъ тысячи мелочей въ анализѣ современнаго міра. Мато, сраженный любовью, на первой страницѣ, оглушенъ ею въ теченіе всей книги и наконецъ умираетъ отъ нея. У остальныхъ подобнаго же рода побужденія, всецѣло отдающимъ ихъ во власть инстинктовъ.

* Но сколько великолѣпныхъ сценъ, сколько изумительныхъ описаній! Я уже говорилъ о пирѣ; упомяну еще о воззваніи Саламбó къ лугѣ, посвѣщеніи храма Таниты Мато и Спендіусомъ, когда они идутъ похищать священный плащъ, посвѣщеніи Гамильяромъ подземелья, гдѣ онъ прячетъ свои сокровища, битву при Мадарѣ, гдѣ

есть атака словъ, ставшая знаменитою, сцена въ палатѣ, Саламбô, бросающаяся въ объятія ливійца, жертвоприношеніе Молоху, агонія наемныхъ войскъ въ ущельи Гашъ, наконецъ, безумный бѣгъ Мато, преслѣдуемаго ударами цѣлаго города, но ничего не видящаго, кромѣ Саламбô, и прибѣгающаго умереть у ея ногъ. Эти картины очерчены не съ лирическимъ опыянтіемъ, съ какииъ набросалъ бы ихъ Викторъ Гюго. Какъ я уже говорилъ, Флоберъ постоянно остается точнымъ писателемъ, владѣющимъ мельчайшими подробностями красокъ, наглядываемыхъ имъ. Поэтому онъ придаетъ неподражаемый блескъ всему, что изображаетъ. Золото, драгоценныя каменья, пурпурныя ткани, мраморъ возникаютъ подъ его перомъ, но безъ всякаго излишества. Самые необыкновенныя вещи: аллеи распятыхъ львовъ, градоуправитель Ганнонъ, макающій руки въ крови убитыхъ цѣльныхъ, чтобы вылечиться отъ проказы, пиронъ, обвивающій нагіе и прелестныя члены Саламбô, цѣлая армія, умирающая съ голода—кажутся естественными и не колятъ глазъ. Все произведение написано съ чрезвычайнымъ мастерствомъ, подъ которымъ угадываешь старательное изученіе данныхъ, полное знакомство съ тѣми вещами, которыя авторъ берется описывать. Въ эпоху появления Саламбô, нѣкто Фрѣнеръ, кажется нѣмецъ, внавалъ на книгу, обвиняя ее въ невѣрности болѣе части историческихъ подробностей. Флоберъ разсердился, говоря, что предоставляетъ критикѣ разбирать литературную сторону его произведенія, но что намѣренъ отстаивать его историческую и научную сторону. Тогда онъ привелъ списокъ всѣхъ своихъ источниковъ. Списокъ вышелъ чудовищный. Онъ перерылъ всю древность, греческихъ, латинскихъ писателей, все, что хоть сколько-нибудь касалось Карфагена. Онъ съ такою же тщательностью воспроизвелъ эту отжившую цивилизацію, съ какою описывалъ въ „Éducation sentimentale“ февральскіе дни, 1848 г., событія которыхъ проходили у него на глазахъ.

„La Tentation de Saint-Antoine“—последняя книга, изданная Флоберомъ. Она вышла всего года полтора тому назадъ. Это самое странное и блестящее изъ его произведеній. Онъ двадцать лѣтъ положилъ на этотъ трудъ. Постараюсь въ краткомъ разборѣ дать понятіе объ этомъ произведеніи.

Св. Антоній стоитъ на порогѣ своей хижины, на вершинѣ горы, въ Оивандѣ. День погасаетъ. Отшельникъ утомленъ дневными лишениями, постомъ и трудомъ. И вотъ, въ сумеркахъ онъ изнемогаетъ. Дьяволъ, стерегущій его, убаюкиваетъ его и навѣваетъ ему грѣшныя сны. Онъ переживаетъ долгую ночь жестокаго кошмара и жгучаго соблазна. Сначала св. Антоній сожалѣетъ о своемъ дѣтствѣ, о своей невѣстѣ, Аммонаріи, которую онъ нѣкогда любилъ, и вотъ мало-по-малу онъ начинаетъ сѣтовать на свою судьбу; ему хотѣлось

бы быть грамматикомъ и философомъ, солдатомъ, мытаремъ, взимающимъ пошлину у какого-нибудь места, богатымъ и женатымъ купцомъ. Голоса, несущіеся изъ мрака, предлагаютъ ему женщинъ, груди золота, столы, уставленные кушаньями. То первый приступъ соблазна, грубыя наслажденія, удовлетвореніе животнаго. Онъ мечтаетъ, что онъ довѣренное лицо императора, что онъ всемогущъ. Затѣмъ, видитъ себя въ освѣщенномъ дворцѣ, на лиру Навуходоносора, и, пресытившись лствами и всеянимъ наслажденіями, испытываетъ желаніе превратиться въ животное, ходить на четверенькахъ и мычать, какъ быкъ! Затѣмъ, когда онъ кончилъ бичевать себя за это видѣніе, ему представляется другое: онъ видитъ царя Сабу, предлагающую ему свои сокровища и свою особу. Потомъ все исчезаетъ, дьяволъ принимаетъ образъ Иллариона, его бывшаго ученика, и колеблетъ въ немъ вѣру. Онъ доказываетъ ему неясность и противорѣчія стараго и новаго завѣта. Онъ проноситъ его черезъ длинный рядъ религій и боговъ: сначала онъ созерцаетъ религій, сотни ересей, одна чудовищнѣе другой, всѣ формы безумія и неистовства людскаго; послѣ того появляются боги, цѣлый рядъ боговъ, отвратительныхъ и нутевскихъ, одинъ за другимъ исчезающихъ въ ничтожество, начиная съ кроваваго бога первыхъ вѣковъ и кончая поэтическими и величавыми богами Греціи. Путешествіе оканчивается въ пространствѣ среди обломковъ міровъ, среди неба современной науки, которую дьяволъ показываетъ отшельнику, сидящему у него на спинѣ и которая ужасаетъ его своей безконечностью. Сатана выросъ и сталъ наукой. Св. Антоній, упавшій на землю, слышитъ ужасающій споръ между Сладострастіемъ и Смертью, между Сфинксомъ и Химерой. Наконецъ онъ исчезаетъ въ толпѣ баснословныхъ животныхъ, земныхъ чудовищъ; онъ спускается все ниже; онъ въ самыхъ нѣдрахъ земли, онъ вселяется въ растенія, которыя суть живыя существа, въ камни, которыя суть растенія. И вотъ его послѣдній крикъ: „я желаю бы летать, плавать, лаять, мычать, выть. Я желаю бы имѣть крылья, щитъ, кору, извергать дымъ, носить хоботъ, извивать свое тѣло, распадаться на безконечныя части, быть во всемъ, испариться вмѣстѣ съ благоуханіями, развиваться, какъ растенія, течь какъ вода, звучать какъ звукъ, блестя какъ свѣтъ, принимать всѣ формы, проникать каждый атомъ, спуститься до самой сущности матеріи—быть матеріей!“

Поэма кончена, ночь наступила. Это не что иное, какъ кошмаръ, разсѣявшійся вмѣстѣ съ мракомъ. Солнце выходитъ и въ его дискѣ сіяетъ образъ Христа. Св. Антоній крестится и снова становится на молитву.

Никто еще не давалъ такой пощечины человѣчеству. Мы теперь даже оставили за собой скромную сатиру и скрытый смѣхъ „Madame Bovary“ и „l'Éducation sentimentale“. Флоберъ описываетъ уже глупость

не одного какого-нибудь общества, а цѣлаго міра. Валеть человѣчество съ колнбелн, помазатъ его во всѣ эпохи его существованія въ крови и въ грязи, тщательно отмѣгать каждый его ложный шагъ, доказать его бессиліе, неразуміе и ничтожество—вотъ долго желѣнная и тщательно подготовленная цѣль автора. Глава, гдѣ онъ показываетъ различныхъ еретиковъ, ужасна; нѣтъ такой мерзости, такого безумія, такой жестокости, которой бы они не выдумали; краткость переходовъ, быстрота разсказа, столько мерзостей и глупостей, скупенныхъ на нѣсколькихъ страницахъ, возбуждаютъ головокруженіе и тошноту. А глава съ богами еще ужаснѣе, этой процессіи нѣтъ конца; человѣкъ все обоготворилъ; боги валятся въ грязь, толкая другъ друга; проносятся цѣлыя тысячелѣтнія негнѣпныхъ и кровавыхъ вѣрованій, идолы, состоящіе изъ одного трева, идолы съ звѣринными головами, идолы деревянные, мраморные и картонные, обирадывая другъ друга и присвоивая себѣ чужія ученія и догматы, борятся со смертью, роговой смертью, уносящей общества съ ихъ религіями—необъятное зрѣлище, безпримѣрная картина непрерывнаго разрушенія религіозныхъ представленій человѣка. Затѣмъ еще послѣдняя глава, это—успокоеніе Антонія въ матерн, этотъ вопль желанія въ виду черныхъ и глубокихъ нѣдръ земли, этотъ выводъ о всеобщей боли, о вѣчномъ обманѣ жизни. Даже когда святой снова становится на молитву, то это является только новой ироніей, въ виду міра, опустѣвшаго отъ боговъ; онъ преклоняется по привычкѣ и внушаетъ только безконечную жалость! Флоберъ весь высказался въ этомъ произведеніи. Онъ уступилъ желанію отрицанія, безусловнаго сомнѣнія, осудивъ всѣ религіи въ равной степени, и выказавъ, быть можетъ, нѣкоторую нѣжность только къ греческимъ богамъ красоты. Если онъ остановился на легендѣ св. Антонія, чтобы отвести душу и показать людямъ глупость безумія, въ которомъ они вращаются съ первыхъ дней своего созданія, то это потому только, что тутъ онъ сталкивался лицомъ къ лицу съ древнимъ міромъ, съ Востокомъ, который онъ такъ любитъ и гдѣ ему можно развернуться, и создавать колоссальные и яркіе образы. Избравъ современные раммы, пришлось бы все умалить и написать комедію вмѣсто поэмы.

„La Tentation de Saint-Antoine“ содержитъ мѣста красоты неподражаемой. Я говорилъ объ эпизодѣ съ королевой Саба, насквозъ пропитанномъ восточной нѣгой, и гдѣ фразы звучатъ странной музыкой, звукомъ кимваловъ, скрытыхъ за пурпурными драпировками. Я упомянулъ также о пиршествѣ Навуходоносера, гигантской оргн, заглѣ, гдѣ яства возвышаются горами, гдѣ животное, осмыанное драгоцѣнностями, царить. Слѣдуетъ прибавить описаніе Александрін, поразительной исторической вѣрности; это—страница, выхвачен-

ная изъ исторіи Египта, гдѣ эта страна оживаетъ съ своими драмами, своими благоуханіями, всей своею угасшею цивилизаціей; наконецъ споръ Сфинкса и Химери, двухъ чудищъ безпрерывно терзающихъ человѣка, мрачной загадки, прикрасивой къ землѣ крылатой фантазіи, ударяющейся лбомъ о звѣзды.

Такое произведеніе, — я говорю только о художественномъ замыслѣ и выполненіи, не касаясь философской стороны, которая бы увлекла меня слишкомъ далеко—могло выдти изъ-подъ пера великаго писателя, величайшаго, каковаго только насчитываетъ въ настоящую минуту наша литература. Флоберъ, несмотря на колебанія публики и недоумѣніе критики, выказался въ немъ еще крупнѣйшимъ талантомъ, чѣмъ во всѣхъ остальныхъ.

V.

Не могу окончить настоящаго этюда, не приведа нѣсколькихъ страницъ изъ сочиненій Флобера. Надо подтвердить мой разборъ приблизительно. Это пополнить тотъ пробѣлъ, какой я могъ все-таки оставить.

Я выбралъ изъ „Éducation sentimentale“ довольно длинный эпизодъ о наводненіи Тюльери народомъ въ февралѣ 1848 г. Читатели увидятъ, какимъ живымъ языкомъ пишетъ авторъ исторію. Въ этомъ отрывкѣ отразился весь современный романъ, съ его точностью, его превосходной формой, его искуснымъ анализомъ людей, явленій и вещей.

„Фредерикъ поневолѣ остановился передъ Пале-Рояльской площадью. Ее наполняли вооруженныя группы, роты пѣхоты занимали улицы Сентъ-Томъ и Фроманто. Громадная баррикада закрывала улицу Валуа. Дымъ, носившійся надъ ея верхушкой, разсѣялся; люди бѣжали по ней, махая руками; затѣмъ исчезали; затѣмъ ружейный огонь возобновился. Гауптвахта отвѣчала на нихъ, хотя никого не было видно внутри, потому что ея окна, защищенныя дубовыми ставнями, были пробиты бойницами; а монументъ, съ его двумя этажами, двумя флигелями, его фонтаномъ внизу и маленькой дверцой посрединѣ, начиналъ патнаться маленькими бѣлыми патышками надъ градомъ пуль. Его крыльцо изъ трехъ ступенекъ было пусто.

„Возлѣ Фредерика человѣкъ въ фригійской шапкѣ и съ патрон-ташемъ, переброшеннымъ поверхъ вѣсевой куртки, ссорился съ женщиной, новязанной платкомъ. Она ему говорила:

— Да пойдѣмъ домой! пойдѣмъ же!

— Оставь меня въ покоѣ!—отвѣчалъ мужъ.—Ты и одна можешь управиться въ сторожкѣ. Граждане, спрашиваю васъ, развѣ это справедливо? Я всегда выполнялъ свой долгъ и въ 1830 г. и 1832 г., и въ 1834 и 1839 г. Сегодня дерутся! и я долженъ драться!—Убирайся.

„Привратница уступила, наконецъ, его доводамъ и доводамъ на-

національгарда, стоявшаго воцѣлѣ нѣтъ, восьмидесятилѣтняго старика, добродушное лицо котораго сѣвѣло узкой бѣлой бородой. Онъ заряжалъ ружье и стѣблялъ, разговаривая выѣтъ съ тѣтъ съ Фредерикомъ, такой же свободный среди возстанія, какъ садовникъ въ своемъ саду. Между тѣтъ молодой мальчикъ, одѣтый въ дерюгу, умолялъ его дать ему патроновъ, чтобы пустить въ дѣло ружье, красивый охотничій карабинъ, данный ему однимъ „господиномъ“.

— Возьми ихъ въ кошель патронташѣ и уходи! тебя убьютъ!

„Барабаны били приступъ. Раздавались пронзительные крики, слышалось восторженное ура! Толпа постоянно прибывала. Фредерикъ, притиснутый съ обѣихъ сторонъ, не трогался съ мѣста, очарованный; ему было очень весело. Раненные, падавшіе около него, мертвецы, лежавшіе тутъ же, не походили на настоящихъ раненныхъ или мертвецовъ. Ему казалось, что онъ присутствуетъ на какомъ-то спектаклѣ.“

„Среди всей этой массы людей, надъ всѣми этими головами видѣлся старикъ, одѣтый въ черное, веркомъ на бѣлой лошади и на бархатномъ сѣдлѣ. Въ одной рукѣ у него была зеленая вѣтвь, а въ другой бумага, и онъ упорно махалъ обѣими. Наконецъ, отчаявшись добиться слова, удалился.“

„Линейныя войска ушли, и одни муниципальные солдаты оставались для обороны гауптвахты. Толпа хребрецовъ бросилась на крыльцо; ихъ положили на мѣстѣ; другіе заняли ихъ мѣсто, и дверь затрещала подъ ударами желѣзныхъ дѣловъ; муниципальные солдаты не сдавались. Но вотъ подкатили къ стѣнамъ коляску, палоченную сѣвомъ и вывалившую какъ громадный фаваль. Притащили носчѣнно дровъ, соломы, боченокъ съ водкой. Огонь принялся лизать камни; зданіе задымилось и пламя съ трескомъ прорывалось между стропиль террасы. Первый этажъ Пале-Рояля былъ занятъ національгардами. Изъ всѣхъ оконъ, выходившихъ на площадь, стрѣляли; пули свистали; вода разбитаго фонтана смѣшалась съ кровью и образовала лужи на землѣ; ноги скользили по грязи, натыкались на обломки, обрывки платья, каски и оружіе. Фредерикъ почувствовалъ подъ ногою что-то мягкое; то была рука сержанта въ сѣрой шинели, лежавшаго лицомъ въ грязи. Но новыя толпы народа постоянно прибывали, толкая осаждающихъ къ дверямъ. Перестрѣлка становилась торопливѣе. Винные погребки открылись; время отъ времени сражающіеся уходили въ нихъ выкурить трубку, вынуть кружку пива, потому снова уходили драться. Заблудившаяся собака выла. Это смѣшило нѣкоторыхъ.“

„Фредерикъ едва удержался на ногахъ; на него навалился человекъ, сраженный пулей; голова его упала ему на плечо, и онъ захрипѣлъ. Этотъ выстрѣлъ, направленный быть можетъ въ него, разъ-

грязь его; онъ бросился было впередъ, но его остановилъ одинъ націоналистъ.

— Безполезно! король уѣхалъ.—Ахъ! если бы мы не вѣрите,—такъ ступайте поглядите!

„Это заявленіе утомило Фредерика.

„Площадь Каруселя приняла спокойный видъ. На ней по прежнему одиноко стоялъ Нантскій отель; и домъ позади него, крыша Лувра напротивъ, длинная деревянная галерея направо и все пространство вплоть до балагановъ торговцевъ, какъ-бы утопало въ сѣрою дымкѣ, и отдаленный говоръ смѣшивался съ сумерками,— между тѣмъ какъ на другую сторону площади, рѣзкій свѣтъ, пробивавшійся сквозь облака и падавшій на фасадъ Тюльери, озарялъ его окна бѣлымъ свѣтомъ. Возлѣ триумфальной арки валялась мертвая лошадь. Позади рѣшетки группы въ пять-шесть человѣкъ разговаривали. Двери дворца были раскрыты; слуги, стоявшіе на порогахъ, пропускали всѣхъ.

„Внизу, въ маленькой залѣ, подавали стаканы кофе. Нѣсколько звѣзг шумливо разсѣлись; другіе стояли, и между ними какой-то извощикъ. Онъ схватилъ обѣими руками стаканъ съ мелкимъ сахаромъ и, беспокойно оглядѣвшись вокругъ себя, принялся жадно ѣсть сахаръ.

„Въ сѣняхъ парадной лѣстницы кто-то вписывалъ свое имя въ книгу. Фредерикъ узналъ его.

— Это ты, Гюссоне?

— Я самый!—отвѣчалъ гуляка.—Я представляюсь ко двору. Вотъ забавная штука, неправда ли?

— Пойдемъ наверхъ.

„И они вошли въ залу маршаловъ.

„Портреты этихъ знаменитостей, за исключеніемъ портрета Бюжб, проткнутого въ животъ, были нетронуты. Они опирались на сабли,— позади нихъ возвышался лафетъ пушки, — въ грозныхъ позахъ, не подходящихъ къ настоящей обстановкѣ. Большіе стѣнные часы показывали двадцать минутъ второго.

„Но вдругъ раздалась Марсельеза. Гюссоне и Фредерикъ перепугались черезъ перила. То былъ народъ.

„Онъ бросился вверхъ по лѣстницѣ; показался одуряющій потокъ обнаженныхъ головъ, касокъ, красныхъ шановъ, штывковъ, плечъ, въ которомъ нельзя было ничего разобрать; отдѣльныя лица терялись въ этой влокочущей массѣ, все прибывавшей, подобно рѣкѣ, гонимой морскимъ приливомъ, съ продолжительнымъ ревомъ и съ не удержимой силой. Затѣмъ, дойдя до верху, она разлилась по поламъ и гнѣие замолкло.

„Слышался только топотъ ногъ и говоръ голосовъ. Безобидная толпа довольствовалась тѣмъ, что глядѣла.

„Но время отъ времени въ даже́ что-нибудь придавливалъ локтемъ стекло въ оконѣ или же какая-нибудь ваза или статуэтка сватывалась на полъ. Деревянные перегородки трещали. Всѣ лица были красны; потъ катился градомъ; Гюссоне зашѣвлялъ:

— Герои не хорошо пахнутъ!

— Ахъ! какой вы несносный!—возразилъ Фредерикъ.

„И, увлекаемые толпой, они вошли въ покой, гдѣ съ потолка спускался красный, бархатный балдахинъ. На тронѣ, стоявшемъ подъ нимъ, сидѣлъ пролетарій съ черной бородой, съ растегнутой рубашкой, съ улыбающимся и глупымъ, какъ у глиняной куклы, лицомъ. Другіе всходили по ступенькамъ, чтобы сѣсть на его мѣсто.

— Вотъ мнѣ!—сказалъ Гюссоне.—Передъ нами самодержавный народъ!

„Кресло было подхвачено нѣсколькими руками и пронесено по залу, причѣмъ сильно качалось.

— Ишь ты! какъ качается! Кормило правленія стало игрушкой бурнаго моря! Эхъ! какъ оно подпрыгиваетъ, вотъ такъ подпрыгиваетъ!

„Кресло поднесли къ окну и среди свистковъ выкинули вонъ.

— Бѣдный старина!—произнесъ Гюссоне, вида, какъ оно упало въ садъ, гдѣ его живо подхватили, чтобы донести до Бастиліи и тамъ сжечь.

„Тогда вдругъ раздались крики буйной радости, точно на мѣсто трона взошла заря безграничнаго счастья, и народъ, не столько изъ мести, сколько затѣмъ, чтобы заявить о своемъ владычествѣ, перебилъ зеркала, порвалъ занавѣсы, поколотилъ люстры, канделябры, поломалъ столы, стулья, табуреты, всю мебель и даже альбомы съ рисунками и рабочія корзинки съ канвовымъ шитьемъ. Развѣ побѣдителямъ нельзя позабавить себя! Чернь съ ироніей нарядилась въ кружева и кашемиры. Золотая бахрома болталась вокругъ рукавовъ блузъ, шляпы съ страусовыми перьями красовались на головахъ фузнецовъ. Ленты Почетнаго Легіона послужили поясомъ для проституттокъ. Каждый удовлетворялъ своему капризу; одни плясали, другіе пили. Въ комнатѣ королевы одна женщина помадила себѣ волосы за ширмами; два любителя играли въ карты. Гюссоне показавъ Фредерику на субъекта, курившаго трубку на балконѣ. И опынѣніе все росло; слышался непрерывный трескъ разбитаго фарфора и хрусталя, звенѣвшаго какъ пластинки гармоніи.

„Вскорѣ народная ярость приняла болѣе мрачный характеръ. Съ циничнымъ любопытствомъ принялась толпа шарить всѣ углы, всѣ закоулки, отпирала всѣ ящики. Каторжники запускали голыя руки въ постели принцессъ и валялись на нихъ. Другіе, съ болѣе зловѣщими лицами, молчаливо бродили, ища что-нибудь украсть; но толпа была слишкомъ велика. Въ раскрытыя двери виднѣлось, вдоль афилады

покобъ, темная масса народа, среди поволоты, въ облакъ пыли. Грудь тяжело вдыхалась; жара становилась все удушливѣе, и оба друга, боясь задохнуться, вышли вонъ.

„Въ передней, на грудѣ платья, стояла публичная женщина, изображая статую свободы,—неподвижная, съ широко-раскрытыми глазами, страшная.

„Они прошли всего какихъ-нибудь три шага, когда имъ встрѣтился отрядъ муниципальныхъ сержантовъ въ шинеляхъ; они, снявъ свои полицейскія шапки и обнаживъ слегка плѣшивыя головы, низко поклонились народу. При этомъ заявленіи почтенія оборванные побѣдители пріосанились. Самимъ Гюссоне и Фредерикъ это доставило нѣкоторое удовольствіе.

„Ими овладѣло какое-то волненіе. Они вернулись въ Пале-Рояль. Передъ улицей Фроманто, труны солдатъ лежали на соломѣ. Они безстрастно прошли мимо, гордясь, что не робѣютъ.

„Дворецъ былъ биткомъ набитъ. Во внутреннемъ дворѣ пылали семь костровъ. Въ окна выбрасывали фортепіано, кофоды и часы. Пожарныя трубы накачивали воду до самихъ крышъ. Нѣсколько желобаевъ пытались перерѣзать рукава саблями. Фредерикъ убѣждалъ одного политехника вмѣшаться. Но политехникъ не понималъ, да и вообще казался совсѣмъ глупъ. Кругомъ чернь, завладѣвъ погребами, упивалась до безконечности. Вино текло ручьями; мочило ноги; мазурики пили его прямо изъ горлышекъ бутылокъ и изрыгали ругательства.

— Пойдемъ вонъ,—сказалъ Гюссоне,—этотъ народъ мнѣ противенъ.

Вдоль Орлеанской галлерей раненые лежали на полу на матрадахъ, покрытые вмѣсто одѣялъ пурпуровыми занавѣсками, и женщины приносили имъ бульонъ, бѣлье.

— Нужды нѣтъ! — провнесь Фредерикъ, — я все-таки нахожу народъ великимъ.

„Большія сѣни кишели свирѣпыми лицами; толпа хотѣла пробраться въ верхніе этажи, чтобы окончательно все разрушить тамъ; національгарды на ступеняхъ старались удержать ихъ. Самымъ неустрашимымъ казался какой-то егеръ, съ обнаженной головой, взерошенными волосами, въ разорванномъ мундирѣ. Рубашка просовывалась между его панталонами и мундиромъ, и онъ съ остервенѣніемъ врался впередъ. Гюссоне, очень дальзоркій, издали узналъ Арну.

„Послѣ этого они прошли въ Тюльерійскій садъ, чтобы подышать чистымъ воздухомъ.

„Они сѣли на скамейку и просидѣли нѣсколько минутъ съ полуоткрытыми глазами, одурѣвъ такъ, что не имѣли силы говорить.

„Вокругъ нихъ толпились прохожіе. Герцогиня орлеанская провозглашена была регентшей; все было кончено и всѣми овладѣвало

то чувство успекоснѣа, которое наступаетъ вслѣдъ за быстрыми раз-
вѣнами, когда въ каждой изъ дворцовыхъ мансардъ показались
лакен, разрывавшіе свои диврен. Они бросали ихъ въ садъ, въ знанъ
того, что отрѣкаются отъ прежней роли. Народъ ихъ освѣстала. Они
скрылись“.

VI.

Мнѣ остается указать, какъ относится публика къ Флоберу.

Я говорилъ, что успѣхъ „Madame Bovary“ былъ поразительный.
Въ какую-нибудь недѣлю Флоберъ сталъ извѣстенъ, знаменитъ, по-
пулярень. Нельзя привести другого примѣра, чтобы въ нашъ вѣкъ,
когда двадцать произведеній съ трудомъ доводятъ имя автора до
свѣдѣнія публики, человѣку сразу удалось составить себѣ имя. И то
была не одна популярность, но слава. Его поставили въ первомъ ряду,
во главѣ современныхъ романистовъ. Съ тѣхъ поръ въ теченіе два-
дцати лѣтъ онъ сохранялъ вокругъ чела ореолъ этого перваго успѣха.

Но публика выместила на немъ эту славу. Можно подумать, что
она захотѣла наказать его за откровенный, неудержимый восторгъ,
возбужденный „Madame Bovary“. Каждая новая книга его встрѣчала
самую рѣзкую критику, и эта злопамятность, эта враждебность кри-
тики все усиливалась съ каждымъ новымъ произведеніемъ. „Salammbô“
произвела еще громкій шумъ, среди котораго уже слышалось много
насмѣшекъ. „L'Éducation sentimentale“—это произведение, столь слож-
ное и столь глубокое, вышедшее въ эпоху предсмертной агоніи им-
періи—прошло почти незамѣченнымъ среди отупѣлаго равнодушія.
Наконецъ, въ послѣднее время „La Tentation de Saint-Antoine“ встрѣ-
тило ожесточенныя нападки, и не нашлось ни одного серьезнаго
критика, который бы осмѣлился разобрать произведение серьезно и
указать на его дивныя красоты. Печальная истина заключается въ
слѣдующемъ: произведенія Флобера проникнуты слишкомъ глубокимъ
убѣжденіемъ и слишкомъ оригинальны для парижской публики.
Легкомысленные читатели бульварныхъ журналовъ усматриваютъ въ
нихъ только сюжеты для забавы. Карриатура искажаетъ все произ-
ведение и вскорѣ поднимается всеобщій хохотъ по поводу вещей,
несколько несмѣшныхъ.

Надо знать эту удивительную публику, насчитывающую всего
какихъ-нибудь нѣсколько тысячъ человѣкъ, но которая шумитъ такъ,
какъ будто бы ея нѣсколько сотъ тысячъ, чтобы получить понятіе
о необычайныхъ сужденіяхъ, произносимыхъ ею. Писатель двадцать
лѣтъ трудился надъ своимъ произведеніемъ; какой-нибудь баринъ
пробѣжитъ его въ какихъ-нибудь двадцать минутъ и броситъ, говоря:
„какая скука“—и кончено: книга осуждена!

Надо сказать и то, что свободное развитіе таланта Флобера не можетъ привлечь ему симпатій толпы. У него требуютъ второй „Madame Bovary“, не желая понять, что писатель мельчаетъ, когда проходить зады. Онъ повиновался требованіямъ своего таланта, расширилъ свой анализъ. Каждое изъ его произведеній представляетъ новую попытку, осмысленную, выполненную съ удивительной твердостью. Прибавлю, что каждое изъ нихъ было шагомъ впередъ, новымъ фазисомъ этого таланта вполне характернаго и добросовѣстнаго. Мнѣніе критики объ „Éducation sentimentale“ и „La Tentation de Saint-Antoine“ должно еще измѣниться. Необходимо, чтобы публика созрѣла для ихъ пониманія. Несмотря на нападки, которымъ подвергается Флоберъ со стороны критики, онъ занимаетъ самое видное мѣсто въ современной французской литературѣ. Всѣ относятся къ нему съ почтеніемъ, а молодое поколѣніе литераторовъ признаетъ въ немъ учителя. Но поглядите, какая странность: Флоберъ живетъ въ уединеніи, окруженный всего лишь нѣсколькими друзьями, безъ шума, не таская за собою толпу поклонниковъ, между тѣмъ какъ другой писатель, который не можетъ написать письма, не надѣлавъ шуму на весь Парижъ, драматическій писатель, впавшій въ тихое безуміе, котораго я не хочу называть, собираетъ вокругъ себя цѣлый дворъ, даетъ совѣты деюбтантамъ, занимаетъ собой общественное мнѣніе и стагаетъ за границей славу представителя французскаго гениа. Въ этомъ заключается гигантскій подлогъ, который меня безконечно досадуетъ. Гений французскій, въ настоящую минуту французскій языкъ въ его чистотѣ и красотѣ, составляютъ достояніе отшельника, покинутаго всѣми; надъ нимъ смѣются, и имя его журналы не упомянуть и разъ въ мѣсяцъ. А между тѣмъ именно онъ долженъ былъ бы возбуждать восторгъ публики, потому что онъ въ самомъ дѣлѣ составляетъ честь и славу Франціи.

Эм. Зола.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЗАМѢТКА

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ РУССКАГО ОБЫЧНАГО ПРАВА.

Обычное право. Выпускъ первый. Матеріалы для библиографіи обычнаго права, Е. Якушкина. Ярославль, 1875. XXXVI и 249 стран.

Вопросъ о народномъ юридическомъ бытѣ, или обычномъ правѣ, возникъ въ нашей литературѣ съ различныхъ сторонъ, и чѣмъ далѣе, тѣмъ больше долженъ привлекать къ себѣ вниманія. Сначала онъ явился, какъ одна изъ частностей въ томъ изученіи „народно-

сти", которое нѣсколько десятилѣтій тому назадъ стало живымъ интересомъ литературы. Въ ряду народныхъ преданій и обычаевъ, исследователи стали замѣчать и обычаи юридическіе, какъ образчики народныхъ воззрѣній, или еще памятной старины. Первые примѣры вниманія къ народнымъ обычаямъ, въ смыслѣ правоописательнаго любопытства, представила еще литература прошлаго столѣтія. Но съ распространеніемъ этнографическихъ изученій, болѣе внимательный взглядъ на предметъ открылъ, что эти обычаи могутъ быть не только предметомъ случайнаго любопытства; научная этнографія вскорѣ указала въ нихъ, во-первыхъ, чрезвычайно важный историческій источникъ; во-вторыхъ, въ изученіи ихъ указала средство для серьезнаго знакомства съ современной народной жизнью: въ обычаяхъ сохранилось давнее народное воззрѣніе, пережившее вѣва исторіи и гнѣтъ чуждой народному быту администраціи; это воззрѣніе заключало въ себѣ живые слѣды народнаго чувства юридической правды, — которые заслуживаютъ полнаго вниманія людей, изучающихъ народную жизнь, и вниманія самого законодательства.¹

Въ этомъ серьезномъ смыслѣ, между прочимъ, поняло вопросъ наше Географическое Общество, которое къ своей этнографической программѣ, еще въ 50-хъ годахъ, прибавило и программу изученія юридическихъ обычаевъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, программа Общества была возобновлена въ болѣе подробной формѣ и съ болѣе точными требованіями.

Съ другой стороны, вопросъ о народныхъ юридическихъ обычаяхъ поставила сама практическая жизнь. Народный юридическій обычай съ древнѣйшихъ временъ держался въ быту сельскаго населенія — въ тѣхъ отношеніяхъ, за которыми не могла услѣдить мѣстная власть, или о которыхъ забывало законодательство; гдѣ только было можно, народъ издавна предпочиталъ свой юридическій обычай, набѣгая чиновничьей или дворянской юстиціи. Такъ шло многіе годы, цѣлыя столѣтія. Въ послѣднее время реформа коснулась народной жизни и въ этой области. Масса крѣпостнаго народа получила гражданскія права и требовала къ себѣ много вниманія; при новомъ образованіи судоустройства, естественно представился вопросъ о формахъ суда для сельскаго населенія, въ извѣстныхъ границахъ его мѣстныхъ отношеній. Этнографическій интересъ къ народному обычаю дѣлался и интересомъ правительственнымъ. Особо назначенная коммиссія, изучавшая на мѣстѣ дѣйствія волостныхъ судовъ, собрала обширный матеріалъ въ извѣстныхъ „Трудахъ“, которые, кромѣ своей важности для законодательныхъ опредѣленій, представляютъ и великій научный интересъ.²

До настоящаго времени накопилось, такимъ образомъ, много любопытнаго матеріала для изученія народныхъ понятій въ области

юридическихъ и общественно-нравственныхъ отношеній. Это—цѣлое обычное право, распространяющееся на самыя разнообразныя явленія и случаи народной жизни, и идущее отчасти изъ отдаленной древности. Наша наука, обратившись къ этому предмету, уже всерьѣзъ ушла оцѣнить его археологическое и историческое значеніе. И здѣсь, какъ во множествѣ другихъ изученій, оперу дала европейская наука. Знаменитыя „*Rechtsalterthümer*“ (1828) Ялова Гримма указали, какой драгоценный историческій источникъ заключается въ народномъ обычѣ, и съ своей стороны внушали сочувствіе къ народной старинѣ.

Для юридическихъ обычаевъ у славянскихъ народовъ до сихъ поръ есть только одно цѣльное изслѣдованіе, принадлежащее Богинчу (1867—1874).

Въ нашей литературѣ о народномъ обычѣ собралось до настоящей минуты множество матеріала, но почти исключительно въ частныхъ замѣткахъ и описаніяхъ, которые относятся или къ отдѣльнымъ подробностямъ обычного права, или къ специальнымъ мѣстностямъ. Лучшей попыткой объясненія народныхъ обычаевъ въ историко-археологическомъ смыслѣ остаются до сихъ поръ извѣстныя статьи К. Д. Кавелина („*Современникъ*“, 1848), въ которыхъ онъ предпринялъ научную обработку матеріала, собраннаго въ вышедшей тогда книгѣ Терещенка „*Бытъ русскаго народа*“. Другой трудъ, въ которомъ съ большимъ знаніемъ фактовъ затронуты нѣкоторыя стороны вопроса, была книга покойнаго Аванасьева: „*Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу*“. Но затѣмъ литература этого предмета состоитъ, какъ мы сказали, или въ изданіяхъ матеріала, частныхъ описаніяхъ, или частныхъ изслѣдованіяхъ, въ числѣ которыхъ были и труды съ большими достоинствами. Таковы работы гг. Калачова, Тарновскаго, Чубинскаго, Костомарова, Мушлова, Ефименка и др. Г. Калачову принадлежитъ и та заслуга, что онъ не одинъ разъ напоминалъ этнографамъ и юристамъ о необходимости этихъ изученій.

Итакъ, этотъ любимый и важный предметъ еще ожидаетъ изслѣдователя, который понялъ бы его въ цѣломъ составѣ. При нынѣшнемъ состояніи нашей науки, и особенно при положеніи этого вопроса, трудно еще было бы ожидать цѣльнаго изслѣдованія, которое начертало бы полную картину нашего обычного права, въ его главнѣйшихъ сторонахъ; но нельзя не желать, чтобы собранъ былъ уже приобретенный матеріалъ, указано и то, что сдѣлано и что остается сдѣлать. Обобщеніе уже становится возможнымъ,—и даже необходимымъ для того, чтобы самая разработка частныхъ могла найти прочное рациональное основаніе.

Поэтому мы встрѣтили съ большимъ интересомъ книгу г. Якушкина, которая, повидимому, должна быть именно трудомъ, обнимаю-

щимъ въ цѣлости предметъ, настоятельно требующій къ себѣ вниманія и въ научномъ, и въ общественно-практическомъ смыслѣ. Трудъ г. Якушкина состоитъ изъ двухъ частей: введенія и библиографическаго обзора того матеріала, каковой представляетъ въ настоящую минуту литература по обычному праву русскаго народа и также по обычаямъ инородцевъ. Довольно обширное введеніе авторъ посвятилъ нѣкоторымъ общимъ замѣчаніямъ о практическомъ и историческомъ значеніи обычаевъ, сохраняющихся доселѣ въ народномъ быту, объясненію нѣкоторыхъ спорныхъ вопросовъ, указанію правильной точки зрѣнія. Въ этихъ замѣчаніяхъ есть много поучительнаго, и вообще введеніе свидѣтельствуетъ о большихъ знаніяхъ автора въ русской и иностранной литературѣ предмета, о близкомъ знакомствѣ съ нашимъ обычнымъ правомъ не изъ однихъ книгъ, но и изъ личного наблюденія, о серьезномъ и сочувственномъ отношеніи къ дѣлу.

Относительно библиографіи, занимающей въ книгѣ до 200 страницъ, авторъ указываетъ въ самомъ началѣ книги на неблагопріятныя условія, въ которыя поставлена библиографическая работа въ провинціальномъ городѣ и которыя могутъ служить извиненіемъ недостатковъ его труда. И безъ этихъ обстоятельствъ, непопулярна можетъ быть очень естественна въ библиографической работѣ по новому, мало разработанному предмету; она есть, вѣроятно, и въ настоящемъ трудѣ. Но, съ другой стороны, книга г. Якушкина представляетъ для занимающагося предметомъ другія выгоды,—рѣдко представляемыя у насъ подобными изслѣдованіями. Въ концѣ книги, авторъ поимѣнилъ внимательно составленные указатели: во-первыхъ, систематическій, гдѣ весь матеріалъ, собранный въ библиографіи подѣленъ общими отдѣлами („Значеніе обычного права“, „Гражданское и уголовное право“, „Свадебные обычаи“, „Обычное право инородцевъ“ и проч.), указанъ до самыхъ частныхъ фактовъ по подробнымъ рубрикамъ управленія, суда, гражданского и уголовного права и т. д.; во-вторыхъ, указатель этнографическій, гдѣ матеріалъ приведенъ по народностямъ; въ-третьихъ, указатель географическій—по мѣстностямъ; наконецъ, указатель сочинителей.

Такимъ образомъ авторъ даетъ не сырой матеріалъ книжныхъ указаній, но матеріалъ, уже значительно разобранный и подготовленный. Понятно, до какой степени это облегчитъ работу тѣмъ, кто предпринялъ бы изученіе той или другой стороны предмета, и какииъ серьезнымъ трудомъ русская этнографическая литература обязана г. Якушкину. Остается пожелать, чтобы авторъ не замедлилъ продолженіемъ своего почтеннаго труда.

А. Н.

ПИСЬМО КЪ РЕДАКТОРУ

По поводу смерти гр. А. К. Толстого.

Буживаль (возлѣ Парижа), 5-го (17) октября, 1875.

Любезнѣйшій М. М.,—третьяго дня вечеромъ получилъ я вашу телеграмму: горестной скорбью наполнила она мое сердце.—Я зналъ и прежде, что Толстому не суждено было долго жить на землѣ: не далѣе какъ три мѣсяца тому назадъ его докторъ въ Карлсбадѣ сказывалъ мнѣ, что нашему бѣдному другу не просуществовать и года; но трудно сразу примириться даже съ ожидаемой потерей, особенно съ потерей такого человѣка, каковъ былъ Толстой.—Я далекъ отъ намѣренія представить теперь же его полную оцѣнку, опредѣлить его мѣсто и значеніе въ современной русской словесности: это—дѣло будущихъ его биографовъ;—мнѣ хочется только высказать нѣсколько мыслей, внушенныхъ воспоминаемъ о симпатической личности отошедшаго въ вѣчность поэта.

Я сказалъ: поэта. Да; онъ былъ имъ несомнѣнно, вполне, всѣмъ существомъ своимъ: онъ былъ рожденъ поэтомъ—а это въ наше время, вездѣ—и пуще всего въ Россіи—большая рѣдкость. Однимъ этимъ словомъ опредѣляется поколѣніе, къ которому онъ принадлежалъ—(извѣстно, что у насъ въ нынѣшнее время *молодыхъ* поэтовъ не нѣется) опредѣляются также его убѣжденія, его сердечныя наклонности, всѣ его безкорыстныя и искреннія стремленія.—Положеніе Толстого въ обществѣ, его связи открывали ему широкій путь ко всему тому, что такъ цѣнится большинствомъ людей;—но онъ остался вѣренъ своему призванію—поэзіи, литературѣ; онъ не могъ быть ни тѣмъ инымъ какъ только именно тѣмъ, чѣмъ создала его природа; онъ имѣлъ всѣ качества, свойства, весь пошибъ литератора, въ лучшемъ значеніи слова. Толстой обладалъ въ значительной степени тѣмъ, что одно даетъ жизнь и смыслъ художественнымъ произведеніямъ—а именно: собственной, оригинальной и въ то же время очень разнообразной физиономіей; онъ свободно, мастерской рукою распоряжался роднымъ языкомъ, лишь изрѣдка поддавался то искушеніямъ виртуозности—желанію пощеголять арканческими— правда, иногда весьма счастливыми—оборотами; то другимъ, мгновеннымъ соображеніямъ, въ сущности чуждымъ, какъ вообще все политическое—его сердцу и уму.—Онъ оставилъ въ наслѣдство своимъ соотечественникамъ прекрасные образцы драмъ, романовъ, лирическихъ стихотвореній, которые—въ теченіе долгихъ лѣтъ—стыдно бу-

дети не знаютъ всякому образованному русскому; онъ былъ создателемъ новаго у насъ литературнаго рода—исторической баллады, легенды; на этомъ поприщѣ онъ не имѣетъ соперниковъ—и въ послѣдней изъ нихъ, помѣщенной въ октябрьскомъ № „Вѣстника Европы“ (въ день извѣстія о его смерти!),—онъ достигаетъ почти Дантовской образности и силы.—Наконецъ—и какъ бы въ подтвержденіе сказаннаго выше о многосторонности его дарованія, кто же не знаетъ, что въ его строго-идеальной и стройной натурѣ была свѣжимъ ключомъ струя неподдѣльнаго юмора—и что графъ А. К. Толстой, авторъ „Смерти Іоанна Грознаго“ и „Князя Серебрянаго“—былъ въ то же время однимъ изъ творцовъ памятнаго всѣмъ „Кузьмы Пруткова“?

Вотъ поэтъ, котораго мы лишились—и который едва ли скоро будетъ замѣненъ. И пусть тѣ, которымъ эти строки попадутся на глаза, не пожимаютъ плечами и не думаютъ, что эта утрата преувеличена мною; смѣю увѣрить ихъ, что проложить и оставить за собою слѣды будетъ со временемъ въ состояніи только тотъ, кто пойметъ и признаетъ эту утрату...

Я попытался набросить нѣсколько чертъ физиономіи Толстого, какъ поэта; что сказать о немъ, какъ о человѣкѣ?—Всѣмъ, знавшимъ его, хорошо извѣстно, какая это была душа, честная, правдивая, доступная всякимъ добрымъ чувствамъ, готовая на жертвы, преданная до нѣжности, неизмѣнно вѣрная и прямая. „Рыцарская натура“—это выраженіе почти неизбѣжно приходило всѣмъ на уста при одной мысли о Толстомъ; я бы позволилъ себѣ употребить другой, въ наше время нѣсколько занозорѣнный—но прекрасный, и въ данномъ случаѣ самый умѣстный—эпитетъ. Натура гуманная, глубоко гуманная!—вотъ что былъ Толстой—и какъ у всякаго истиннаго поэта, живиъ котораго неуклонно переливается въ его творчество—эта гуманная натура Толстого сквозитъ и дышетъ во всемъ, что онъ написалъ.

Мнѣ бы не хотѣлось кончить это письмо чѣмъ-нибудь касающимся до моей личности; но передъ этой еще свѣжей могилой чувство благодарности заставляетъ умолять всѣ другія: графъ А. К. Толстой былъ однимъ изъ главныхъ лицъ, способствовавшихъ прекращенію изгнанія, на которое я былъ осужденъ въ самомъ началѣ пятидесятихъ годовъ...

Миръ праху твоему, незабвенный русскій человѣкъ и русскій поэтъ!...

Я знаю, что вы глубоко сочувствуете нашему общему горю—и въ силу этого сочувствія крѣпко и дружески жму вашу руку.—Преданный вамъ—

Ив. Турчневъ.

НЕКРОЛОГЪ

Графъ Алексѣй Константиновичъ Толстой.

Въ воскресенье вечеромъ 28-го сентября скончался, на 59-мъ году жизни, графъ Алексѣй Константиновичъ Толстой, въ своемъ черниговскомъ имѣнии, Красный Рогъ, близъ города Почепа; покойный родился въ Петербургѣ, 24-го августа 1817 года. Его образованность, обширныя и основательныя свѣдѣнія въ новѣйшихъ иностранныхъ литературахъ,—все это говоритъ въ пользу того домашняго воспитанія которое онъ получилъ въ домѣ своего дяди А. А. Перовскаго; оно оказалось достаточнымъ и для официальныхъ программъ того времени, такъ какъ юноша могъ приступить прямо къ окончательному университетскому экзамену, и выдержалъ его въ Москвѣ. Положение въ свѣтѣ и родственныя связи предназначили его къ дипломатической и придворной службѣ; во время крымской кампаніи онъ изъ церемоніймейстеровъ перешелъ майоромъ въ стрѣлковый полкъ, и въ началѣ нынѣшняго царствованія былъ назначенъ флигель-адъютантомъ Его Величества. Въ этомъ званіи онъ участвовалъ, какъ дѣлопроизводитель, въ устроенномъ тогда комитетѣ для изученія вопроса о раскольникахъ. Въ началѣ 60-хъ годовъ, А. К. Толстой устранился отъ всякой практической дѣятельности; онъ только носилъ до своей смерти придворное званіе егермейстера, но затѣмъ пользовался своимъ временемъ совершенно свободно и проводилъ его болѣею частью за границей... Вотъ все, что мы можемъ привести изъ свѣтской карьеры покойнаго: но какъ ни скудны эти извѣстія, ими можно удовлетвориться, когда дѣло идетъ о жизни *поэта*...

Итакъ, конецъ пятидесятихъ годовъ былъ вмѣстѣ концомъ и тѣхъ слабыхъ отношеній къ „злобѣ дня“, въ которыхъ А. К. Толстой находился до того времени. Его дальнѣйшее и уже настоящее поприще къ тому времени опредѣлилось впрочемъ ясно: первыя стихотворенія А. К. Толстого, появившіяся въ „Современникѣ“, въ самомъ началѣ пятидесятихъ годовъ, обратили сразу вниманіе на него отличнымъ знаніемъ народнаго быта и его исторической судьбы. Болѣе крупныя его произведенія той эпохи, появившіяся въ „Русской Бесѣдѣ“ и „Русскомъ Вѣстникѣ“, какъ поэма „Іоаннъ Дамаскинъ“ и драма „Донъ-Жуанъ“,—свидѣтельствовали уже о крупномъ талантѣ, обѣщавшемъ еще многое впереди...

Съ начала шестидесятихъ годовъ А. К. Толстой всецѣло посвя-

щаетъ себя служенію литературы, и онъ очень скоро успѣлъ занять въ ней мѣсто, достойное его таланта. Въ 1861 г. Толстой былъ авторомъ историческаго романа „Князь Серебряный“, напечатаннаго въ „Русскомъ Вѣстникѣ“; въ 1866 г.—авторомъ драмы „Смерть Іоанна Грознаго“, напечатанной тогда же въ прежнихъ „Отечественныхъ Запискахъ“ и вскорѣ поставленной на сцену ¹⁾).

Съ 1868 года, когда нашъ журналъ присоединилъ къ своей спеціальной программѣ отдѣлъ литературы, начались и наши личныя сношенія съ А. К. Толстымъ, которыя не прерывались и для журнала, можно сказать, до послѣдняго дня жизни поэта, такъ какъ послѣднее его произведеніе появилось въ „Вѣстникѣ Европы“ мѣсяць тому назадъ, въ одинъ день съ печальнымъ извѣстіемъ объ его кончинѣ. Одинъ простой перечень трудовъ покойнаго въ нашемъ журналѣ покажетъ, какъ много мы обязаны ему въ недавнемъ прошедшемъ и сколько мы потеряли въ будущемъ. Изъ нижепомѣщеннаго письма къ намъ А. К. Толстого видно, что смерть остановила его жизнь среди новыхъ литературныхъ плановъ, осуществленіе которыхъ было бы важнымъ вкладомъ въ литературу и вмѣстѣ новымъ украшеніемъ для нашего журнала.

Вотъ перечень трудовъ А. К. Толстого въ „Вѣстникѣ Европы“:

- 1868 г. — 1) **Былина:** „Надъ свѣтлымъ Дѣвиромъ, средѣ могучихъ бояръ“.. (февр., 425 страница).
 2) **Боринская невѣста**, изъ Гёте (мартъ, 1 стр.).
 3) **Царь Федоръ Іоанновичъ.** Трагедія (май, 5 стр.).
 4) **Проектъ постановки на сцену трагедіи:** „Царь Федоръ Іоанновичъ“ (дек., 506 стр.).
- 1869 г. — 5) **Пѣсня о Гаральдѣ и Ярославѣ** (апр., 789 стр.).
 6) **Пѣсня о трехъ побойцахъ** (май, 154 стр.).
 7) **Пѣсня о походѣ Владиміра** (сент., 5 стр.).
- 1870 г. — 8) **Царь Борисъ.** Трагедія (мартъ, 196 стр.).
- 1871 г. — 9) **Ругевитъ** (мар. 5 стр.).
 10) **Гаконъ Слѣпой** (мар., 8 стр.).
 11) **Ушкунинъ** (мар., 9 стр.).
 12) „Въ монастырѣ пустынномъ близъ Бордовъ“... (мар., 11 стр.).

¹⁾ По этому поводу мы должны сдѣлать возраженіе неизвѣстному намъ составителю некролога гр. А. К. Толстого, помѣстившему свои воспоминанія о немъ въ „Сиб. Вѣд.“, № 266, за подписью Б., и присланныя имъ изъ Краснаго Рога. Описанныя имъ подробности перваго представленія на сценѣ „Смерти Іоанна Грознаго“ болѣе чѣмъ невѣрны. Смыслъ словъ покойнаго совершенно искаженъ; мы знаемъ отъ весьма уважаемыхъ свидѣтелей, что эти слова не относились къ приведенному г-мъ Б. факту; по редакціи г-на Б., покойный Толстой является съ такимъ характеромъ, какового онъ вовсе не имѣлъ. Мы не имѣемъ права восстанавливать искаженное у г-на Б., но мы думаемъ, что было бы лучше не приводить факта вовсе, если нельзя было привести его такъ, какъ то слѣдовало.

- 1871 г. — 13) „То было раннею весной“... (дек., 603 стр.).
 14) На тягѣ (дек., 604 стр.).
 15) „Удара тяжкаго далекие раскаты“... (дек., 605 стр.).
- 1873 г. — 16) Эдвардъ. Шотландская баллада (январь, 257 стр.).
 17) „Про подвигъ слышалъ я Кротонскаго бойца“... (январь, 260 стр.).
 18) „Темнота и туманъ застилаютъ мнѣ путь“ (январь, 261 стр.).
 19) Кануть. Легенда (мартъ, 249 стр.).
 20) Слѣпой. Былина (май, 158 стр.).
- 1874 г. — 21) Портретъ. Повесть въ стихахъ (сентябрь, 73 стр.).
- 1875 г. — 22) „Ты почтѣ, злая кручавушка“... (январь, 157 стр.).
 23) „Прозрачныхъ облаковъ спокойное движенье“... (январь, 158 стр.).
 24) Драконъ. Рассказъ въ стихахъ (октябрь, 561 стр.).

Въ январѣ нынѣшняго года,—последняго года своей жизни,—А. К. Толстой напечаталъ въ журналѣ одно изъ поименованныхъ стихотвореній, гдѣ онъ какъ бы съ поэтическимъ предвидѣніемъ изобразилъ обстановку осени, среди которой ему суждено было покончить жизнь, и обратился къ самому себѣ съ послѣднимъ вопросомъ:

..... Намъ тихій свой привѣтъ
 Шлетъ осень мнѣрля. Ни рѣвккъ очертаній,
 Ни ярккъ красокъ нѣтъ. Землей пережита
 Пора роскошныхъ силъ и мощныхъ трепетаній;
 Стремленья улеглись; иная красота
 Слѣпила прежнюю; ликующаго глѣта
 Лучами сильными ужъ болѣе не согрѣта,
 Природа вся полна послѣдней теплоты;
 Еще вдоль влажныхъ междъ красуются цвѣты,
 А на пустыхъ поляхъ засохшія былинны
 Опутываетъ сѣтъ летучей паутины;
 Кружася медленно въ безвѣтріи глѣсномъ,
 На землю желтій листъ снадеаетъ за листомъ;
 Невольно я слѣшу за ними взоромъ думинимъ,
 И слышится мнѣ въ ихъ паденіи безшумномъ:
 — Всеу насталь покой, прими-жь его и ты,
 Цвѣецъ, державшій стагъ во имя красоты;
 Провѣръ, усердно ли ея святое сѣмя
 Ты въ борозды бросалъ, поингута всѣми,
 По совѣсти-ль тобой задача свершена,
 И жатва дней твоихъ обильна или скудна?

Намъ кажется, что нельзя не признать вполне справедливымъ утвердительный отвѣтъ на главные вопросы,—въ вышепомѣщенномъ письмѣ, которое Ив. С. Тургеневъ прислалъ намъ, по поводу перваго извѣстія о смерти А. К. Толстого. Наши многолѣтнія личныя сношенія съ покойнымъ могли бы представить также не одно доказательство безусловной справедливости той характеристики его, какъ челоуѣка, какую даетъ намъ почтенный авторъ письма. Друзья могли быть

всегда увѣренными въ искренности и беззащитности дружбы покойнаго; но что еще важнѣе и рѣже: при встрѣчахъ съ противными мнѣніемъ, онъ обнаруживалъ всегда всю свою правдивую и вмѣстѣ незлобивую натуру. Этими качествами обусловливалась его людскость, крайняя довѣрчивость, неизмѣнно веселый и всѣмъ одинаково пріятный нравъ, котораго не могла поколебать даже послѣдняя, продолжительная и подчасъ тяжкая своими припадками болѣзнь.

Теперь еще не время приводить его письма, — прекрасный матеріалъ для будущаго его біографа; — но мы позволимъ себѣ остановиться на одномъ изъ его послѣднихъ писемъ къ намъ, именно потому, что это письмо служитъ комментариемъ къ „Дракону“, помѣщенному въ предыдущей книгѣ журнала, и вмѣстѣ вызываетъ въ насъ воспоминанія о нашемъ послѣднемъ съ нимъ свиданіи лѣтомъ, въ юнѣ нынѣшняго года, въ Карлсбадѣ.

Въ этотъ день А. К. Толстой былъ такъ веселъ, разговорчивъ, что только медикъ могъ бы отнестись недовѣрчиво къ состоянію его здоровья. Между прочимъ, рѣчь зашла о „Драконѣ“, лежавшемъ на столѣ въ черновыхъ спискахъ. Чтеніе было отложено до прихода Ив. С. Тургенева, который вскорѣ и явился. До него мы обсуждали вопросъ, хорошо ли называть переводомъ съ несуществующаго итальянскаго подлинника то, что собственно было оригинальнымъ произведеніемъ.

— Пусть Анджело де-Губернатисъ (извѣстный профессоръ итальянской литературы во Флоренціи и нашъ общій знакомый), — засмѣялся весело Толстой: — поломаешь себѣ голову и пороется въ старыхъ изданіяхъ, отыскивая оригиналъ!

Однако, авторъ все-таки нашелъ болѣе удобнымъ вычеркнуть слово: *переводъ*, и оставилъ одно: *съ итальянскаго*, что въ самомъ дѣлѣ было почти вѣрно: до такой степени поэтъ усвоилъ себѣ Дантовскую манеру.

На слѣдующій день послѣ свиданія, мы уѣхали въ Киссингенъ, а Толстой обѣщалъ прислать туда на-дняхъ списокъ, который онъ уже заказалъ одному изъ причетниковъ русской церкви въ Карлсбадѣ... Мы объясняемъ всѣ эти подробности, чтобы сдѣлать болѣе яснымъ содержаніе письма Толстого къ намъ изъ Карлсбада въ Киссингенъ.

19-го іюня ст. ст., рукопись пришла въ Киссингенъ; при свободномъ времени на водахъ, она была тотчасъ же просмотрѣна, и автору послано короткое извѣщеніе о благополучномъ ея прибытіи и нѣсколько бѣглыхъ замѣтокъ, съ обѣщаніемъ писать подробнѣе уже въ Красный Рогъ. Пова было замѣчено то, что рукопись писана не авторомъ, а въ то же время не подписана имъ, такъ что, — приба-

ВЛИ МЫ, — НЕЛЬЗЯ ИМѢТЬ УВѢРЕННОСТЬ, ЧТО ПЕРЕПИСЧИКЪ ПЕРЕПИСАЛЪ ДО КОНЦА, ИЛИ АВТОРЪ МОГЪ ЗАБЫТЬ НА СТОЛѢ ПОСЛѢДНІЙ ЛИСТЪ; НАКО-НЕЦЪ, — ГОВОРИЛИ МЫ, — ПОСЛѢДНІЙ СТИХЪ РАЗСКАЗА ОСТАЕТСЯ ЕДИНСТВЕН-НЫМЪ ВЪ НОВОЙ ТЕРЦИНѢ: КАКЪ СЪ НИМЪ ПОСТУПИТЬ — ПРИМЕНИТЬ ЛИ ЕГО КЪ ПРЕДЫДУЩЕЙ ИЛИ СДѢЛАТЬ ИЗЪ НЕГО НОВУЮ ТЕРЦИНУ, 194-Ю, — ИЛИ ОНА БУДЕТЪ СОСТОЯТЬ ИЗЪ ОДНОГО ТОЛЬКО СТИХА? НАШЕ ПИСЬМО БЫЛО ОТПРАВЛЕНО ВЪ ТОТЪ ЖЕ ДЕНЬ; 22 ІЮНЯ, ТОЛСТОЙ ПОЛУЧИЛЪ ПИСЬМО И ВЪ ТОТЪ ЖЕ ДЕНЬ ОТВѢЧАЛЪ НА НЕГО, ПЕРЕМѢШИВАЯ ПО СВОЕМУ ОБЫЧАЮ СЕРЬЕЗНОЕ СЪ ШУТКОЙ, БЕЗЪ КОТОРОЙ ОНЪ РѢШИТЕЛЬНО НЕ МОГЪ ЖИТЬ. ВОТЪ ЭТО ПИСЬМО, СЪ НЕБОЛЬШИМИ ПРОПУСКАМИ МѢСТЬ СОВЕРШЕННО ЛИЧ-НАГО ИНТЕРЕСА:

„Carlsbad, Marienbaderstrasse, Haus „Stadt Wien“.
4 іюля (22 іюня). Свѣц. муч. Евсевія. Мц. Юліанія, Зины.
(Ап. Рим. V, 1—10; Ев. Мат. VI, 22—23). Отъ Р. X.
1875.—Отъ сотвор. міра 7883.—Отъ основанія Рус. госуд.
1013.—Отъ употребленія морфины 1-й.

„Стараясь, любезный и многоуважаемый М. М., хотя издали упо-добиться вамъ аккуратностью (Толстой говоритъ такъ по случаю скорости отвѣта)... Еслибы жившій на рѣкѣ Ловати родъ Богомила, а на рѣкѣ Надѣѣ родъ Борислава, а на рѣкѣ Волховѣ родъ Госто-мысла состояли изъ вась, то, конечно, не пришлось бы имъ звать варяговъ, а напротивъ, варяги позвали бы ихъ къ себѣ. Сейчасъ получилъ я ваше письмо изъ Киссингена. Дѣйствительно, я забылъ подписать *Дракона*, и прошу васъ сдѣлать это за меня; а если оста-нется еще чернило на перѣ, то взять на себя трудъ измѣнить пер-вый стихъ 30-й строфы слѣдующимъ образомъ:

„Лишь тутъ спалъ шлемъ съ усталой головы я...“

„Шлемъ какъ-то проще, чѣмъ *шеломъ*. Что касается до послѣдней строфы, отъ которой есть только первый стихъ, позвольте—faire un petit étalage d'érudition, которую я этой зимой (въ Италиі) приобрѣлъ отъ Michel Angelo Gaetani, duca di Sermonata. Терцинами писали въ Италиі и до Данта, но Данте первый сталъ заканчивать свои главы *четвертымъ* стихомъ, безъ котораго или послѣдняя строфа осталась бы безъ рѣзны, или бы, по сложности и непрерывности *терциной или*, никогда нельзя было бы кончить, ибо одна строфа требуетъ непременно другую. Въ изданіяхъ Данта, которыя мнѣ случалось видѣть, жотъ четвертый стихъ (единственный четвертый въ концѣ каждой главы) стоитъ какъ у меня; или же онъ слитъ съ послѣд-ней строфой, или поставленъ послѣ нея уступомъ, но безъ нумера-ціи. Ставить точки я считаю неудобнымъ, ибо это предполагало бы неоконченность стихотворенія. Я думаю, лучше выпустить послѣд-нюю цифру и применить стихъ:

„Обычнѣе тамъ ведшей разговоръ“

—къ строфѣ 193-й, сдѣлавъ небольшой уступъ, или, говоря пра-вильнѣе, немного отступа.

„.....Въ Красномъ Рогѣ я буду черезъ десять дней. Былъ бы и раньше, но мы съ Тургеневымъ затѣвали публичное чтеніе въ пользу жителей Моршанска, что совершится въ будущую субботу (какъ извѣстно, это чтеніе имѣло блестящій результатъ).

„Мы, т.-е. я съ женой, предполагаемъ ѣхать въ Парижъ въ концѣ сентября...

Быть можетъ, въ теченіе зимы я предложу вамъ въ „Вѣстн. Европы“ новую работу, а именно: „Охотничьи воспоминанія“, въ прозѣ, которыя я уже началъ набрасывать. Туда войдетъ, сверхъ настоящихъ охотничьихъ приключеній, которыми я очень богатъ, множество анекдотовъ о живыхъ и мертвыхъ, и вообще все, что взбрѣдетъ въ голову. Оно, если удастся, можетъ выдти характерно и интересно...

„Крѣпко жму вашу руку и остаюсь искренно вашъ—

А. Толстой.

Доскажемъ до конца исторію рукописи „Дракона“, которой пришлось быть концомъ всей поэтической дѣятельности Толстого. Экземпляръ, посланный въ Киссингенъ, не увидѣлъ печати. Авторъ, возвратившись въ Красный Рогъ, снова пересмотрѣлъ весь текстъ и переработалъ его въ такой степени, что нельзя уже было ограничиться сообщеніемъ однихъ перемѣнъ; черезъ мѣсяцъ было получено письмо отъ Толстого съ просьбою истребить карлсбадскую рукопись; взаимѣть ея была выслана изъ деревни новая, подписанная авторомъ, но переписанная не имъ,—если не ошибаемся, женскою рукою, быть можетъ, рукою того, теперь осиротѣвшаго, лица, которое съ такой преданностью и съ такимъ самоотверженіемъ окружало больного, можно сказать, материнскими заботами и попеченіемъ, за все продолжительное время его страданій и мучительныхъ припадковъ, возвращавшихся къ нему безпрестанно въ теченіе двухъ-трехъ послѣднихъ лѣтъ; это, конечно, обязанность жены,—но честь исполненія обязанностей принадлежитъ всецѣло лицу и можетъ служить ему единственнымъ утѣшеніемъ въ тяжелую минуту воспоминаній о невозвратной утратѣ...

„Да будетъ нашему поэту, — по древнему выраженію, — земля легка“, какъ навсегда останется легкой и доброю память о немъ среди друзей и почитателей его таланта и его человѣческаго достоинства...

М. С.

18-го октября, 1875.

М. Стасюлевичъ.

УЧЕНЫЯ БАРЫНИ

КОМЕДІЯ МОЛЬЕРА

ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

КРИЗАЛЬ, буржуа.

ФИЛАМИНТА, жена Кризала.

АРМАНДА
ГЕНРІЭТТА } ихъ дочери.

АРИСТЪ, братъ Кризала.

БЕЛИЗА, сестра его.

КЛИТАНДРЪ, обожатель Генріэтты.

ТРИССОТЕНЪ, салонный поэтъ.

ВАДІУСЪ, ученый.

МАРТИНА, служанка.

ЛЕПИНЪ, слуга Кризала.

ЖУЛЬЕНЪ, слуга Вадіуса.

НОТАРІУСЪ.

Дѣйствіе въ Парижѣ, въ домѣ Кризала.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

СЦЕНА I.

АРМАНДА и ГЕНРИЭТТА.

АРМАНДА.

Какъ?! Замужъ ты идешь безъ колебанья,
 Разсудку здравому и скромности на зло?
 И не на шутку въ голову пришло
 Тебѣ такое пошлое желанье?

ГЕНРИЭТТА.

Да, не шутя.

АРМАНДА.

Рѣшилась смѣло ты?
 Я слушать не могу тебя безъ тошноты.

ГЕНРИЭТТА.

Но что-жъ въ замужствѣ видишь ты дурного?

АРМАНДА.

Мой Богъ!

ГЕНРИЭТТА.

Что? объясни.

АРМАНДА.

Пойми ты это слово:

За-муж-ство!.. Нѣтъ, его произнося,
 Отъ отвращенія я содрагаюсь вся...
 Какія намъ оно картины открываетъ!
 Какія грязныя желанья порождаетъ!
 И можешь ты отъ страха не дрожать,
 Послѣдствія замужства понимая?

ГЕНРИЭТТА.

Послѣдствія?... я, какъ жена и мать,
 Обязанности, долгъ свой исполняя,
 Не понимаю, чѣмъ меня смущать бы такъ
 Мой добровольный бракъ.

АРМАНДА.

И ты съ такой судьбой готова помириться?

ГЕНРИЭТТА.

Чего-жь еще желать въ мѣсяцъ года:
 Съ любимымъ человѣкомъ навсегда
 Слить жизнь свою и сердцемъ подѣлиться,
 Устроить для себя счастливый уголокъ
 Любви и нѣжности, вдали отъ всѣхъ тревогъ...
 Ужели гнѣздышко такое не уютно,
 Не хорошо?

АРМАНДА.

Какъ ты не развита!
 Какою ролью жалкой занята:
 Въ хозяйскихъ дразгахъ жить ежеминутно,
 Изъ мужа дѣлать идола, ребятъ
 Плавсивыхъ нянчить по недѣлямъ!..
 Нѣтъ, пусть живутъ мѣщане, какъ хотятъ,
 А ты должна стремиться къ высшимъ цѣлямъ
 И радостей осмысленныхъ исцать:
 Не чувствами живи одними ты, но чутко
 Прислушивайся къ голосу разсудка.
 Примѣръ передъ глазами — наша мать.
 Своей ученостью она извѣстна въ свѣтѣ,
 А матери должны достойны быть и дѣти;
 Страсть къ знанію скрывается въ крови
 Семейства нашего, а потому въ любви
 Къ наукѣ — ты ищи духовныхъ наслажденій;
 Чѣмъ замужъ выходить, безъ дальнихъ разсужденій
 Въ мужа ты философію возьми.
 Она насъ возвышаетъ надъ людьми,
 Власть разума надъ нами расширяя
 И всѣ животныя инстинкты убивая,
 Которыя безъ всякаго труда
 До степени скотовъ низводятъ насъ всегда.
 Ученые друзья, широкій міръ науки —
 Вотъ что спасаетъ насъ отъ праздности и скуки,
 А все, что тѣшитъ женщинъ большинство,
 Считаю я за вздоръ и баловство.

ГЕНРИЭТТА.

Ужъ видно таково судьбы предначертанье,
Что есть у каждаго особое призванье.

Ты, напримѣръ, паришь на высоты
Глубокой мудрости, отъ суеты далеко, —

А я не залетаю такъ высоко

И отъ земли не бѣгаю, какъ ты.

Не станемъ же противиться природѣ:

Пусть каждая изъ насъ отдастся своему
Влеченію. Ты дѣйствуй на свободѣ,

Просторъ дай философскому уму,

А я начну вкушать безъ всякаго смущенья
Замужства своего земныя наслажденья.

Что-жь! въ крайностяхъ своихъ все-жь будемъ подражать

Мы нашей матери, хоть разными путями;

Ты — область духа станешь изучать,

А я — дѣйствительность и жизнь съ ея страстями;

Ты будешь жить тревогами ума,

А я — родить дѣтей и ихъ кормить сама.

АРМАНДА.

Мы выбирать должны, разсудкомъ предрѣшая,

Примѣры лишь хорошіе одни:

Вѣдь людямъ подражать, какъ кашляютъ они,

Сама ты согласишься, заслуга небольшая.

ГЕНРИЭТТА.

Когда бы наша мать такой имѣла взглядъ,

Ты, вѣроятно бы, на свѣтъ не появлялась;

И въ юности своей она, наврядъ,

Одною философіей плѣнялась.

Не дѣлай же сердитаго лица,

На слабость женщины смотри ты съ снисхожденьемъ,

(Ты этой слабости обязана рожденьемъ)

И не препятствуй мнѣ міръ подарить явленьемъ

Малютки-мудреца.

АРМАНДА.

Я вижу, хочешь ты, во что бы то ни стало,

Быть замужемъ; не стану спорить я.

Но знать твой выборъ мнѣ-бы не мѣшало:
Не прочишь же себѣ Клитандра ты въ мужа?

ГЕНРИЭТТА.

А почему же нѣтъ? Онъ мнѣ не пара что-ли?
Не знала я о томъ до сей поры.

АРМАНДА.

По-моему, безчестнѣе нѣтъ роли,
Какъ отбивать побѣду у сестры:
Кто этого не знаетъ —
О комъ Клитандръ давно уже вздыхаетъ.

ГЕНРИЭТТА.

Но не пошли вздыханья эти въ прокъ...
Отъ нашихъ слабостей твой разумъ такъ далекъ,
Что на дѣвичество себя ты осудила
И философіи всю душу посвятила;
Поэтому, не все-ль тебѣ равно
Кому любить Клитандра суждено?

АРМАНДА.

Разсудокъ, въ насъ обуздывая страсти,
Такъ далеко не простираетъ власти —
И если мужа я въ Клитандрѣ не ищу,
То все-жь поклонника терять въ немъ не хочу.

ГЕНРИЭТТА.

Талантами твоими восхищаться
Ему я право полное дала;
Его любовь я только приняла,
Которую отвергла ты...

АРМАНДА.

Признаться,
Дивлюсь тебѣ. Ты вѣришь, какъ дитя,
Любовнику отвергнутому... Или
Онъ такъ плѣненъ тобой, что не шута
Меня забылъ?

ГЕНРИЭТТА.

Да. Искренни такъ были
Его слова: я вѣрила ему.

АРМАНДА.

И только потому,
 Что ты, мой другъ, ужасно легковѣрна.
 А если говорить Клитандръ, что онъ безмѣрно,
 Безъ памяти въ одну тебя влюбленъ,
 То самъ себя обманываетъ онъ.

ГЕНРИЭТТА.

Не знаю, можетъ быть; но всѣ сомнѣнья
 Рѣшить легко. Чтобъ кончить этотъ споръ,
 Пусть скажетъ самъ Клитандръ: которой изъ сестеръ
 Отдастъ онъ предпочтенье?

СЦЕНА II.

ТЪ ЖЕ и КЛИТАНДРЪ.

ГЕНРИЭТТА—Клитандру.

Меня сестра въ сомнѣнiе ввела.
 Пожалуйста, скажите откровенно:
 Которая изъ насъ настолько вамъ мила,
 Что вы ее любить готовы неизмѣнно?

АРМАНДА.

Нѣтъ, нѣтъ, мой другъ! Еще не такъ я зла,
 Чтобъ требовать подобнаго признанья:
 Такая откровенность тяжела,
 И въ правѣ вы, Клитандръ, не нарушать молчанья.

КЛИТАНДРЪ.

Вы ошибаетесь. Я никогда не лгу
 И вамъ признаться искренно могу,
 Безъ всякаго стѣсненья, громогласно, —

Указывая на Генриэтту.

Что вотъ магнитъ, къ которому меня
 Притягиваетъ страсть сильнѣе день отъ дня,
 И если вы смущаетесь — напрасно!
 Вѣдь это дѣло только вашихъ рукъ.
 Я васъ любилъ и изнывалъ отъ мукъ,
 Надеждами бесплодными терзался;
 Я васъ любилъ; какъ рабъ, вамъ покорялся,
 Но той любовью вы пренебрегли

И даже скрыть презрѣнья не могли.
 Измученъ тираніею такою,
 Сомнѣньями, безумною тоскою,
 Другой любви и сердца понѣжигѣй
 Я сталъ исцѣлять —

Указывая на Генріэтту.

И отыскалъ ихъ въ ней,
 Въ ней, полной состраданья и участья,
 И, наконецъ, узналъ, что значить въ жизни счастье,
 Которымъ, какъ святыней, дорожу;
 А потому теперь вамъ доложу,
 Что вы напрасно стали бы пытаться
 Завоевать любовь мою опять.

АРМАНДА.

Съ чего же взяли вы, что вами заниматься
 Мнѣ въ голову пришло? Я не могу понять
 Подобной наглости. Вы, сударь мой, въ умѣ ли?

ГЕНРИЭТТА.

Потихе. Гдѣ жъ твоя любимая мораль?
 Вотъ случай доказать на дѣлѣ,
 Что сильный гнѣвъ и сильную печаль
 Мы сдерживать должны.

АРМАНДА.

Не ты бы говорила,
 Когда сама про нравственность забыла:
 Дашь согласіе идти съ нимъ подъ вѣнецъ,
 Забывъ, что у тебя и мать есть и отецъ.
 Подумай же, что ты безъ ихъ рѣшенья
 Не можешь замужъ выпрыгнуть никакъ,
 И что, рискнувъ на этотъ шагъ,
 Ты сдѣлаешь, конечно, преступленье.

ГЕНРИЭТТА.

Благодарю тебя за добрый твой совѣтъ.
 Съ тобою совершенно я согласна,
 А чтобъ сама ты убѣдилась ясно,
 Что у меня подобной мысли нѣтъ,
 Васъ при сестрѣ, Клитандрѣ, прошу я неотступно:
 Безотлагательно руки моей просить,

Чтобъ васъ могла открыто я любить
И не была въ глазахъ людей преступна.

КЛИТАНДРЪ.

Рѣшенья этого я только ждалъ отъ васъ
И съ радостью примусь за дѣло хоть сейчасъ.

АРМАНДА.

Не торжествуй, сестра: ты думаешь, быть можетъ,
Что это все меня волнуетъ и тревожитъ?

ГЕНРИЭТТА.

Я? Вовсе нѣтъ. Извѣстно мнѣ давно,
Что, подь контролемъ правилъ неизмѣнныхъ,
Ты выше слабостей людей обыкновенныхъ,
Что сердце у тебя уму подчинено.
Нѣтъ, не печалиться, я думаю, ты станешь,
Но руку помощи скорѣе мнѣ протянешь —
И ускоришь день свадьбы нашей. Да?

АРМАНДА.

Нѣтъ, это уже слишкомъ:
Остричь съ ничтожнымъ, крошечнымъ умишкомъ!
И чѣмъ же ты горда?
Смѣшно же сердцемъ брошеннымъ гордиться!

ГЕНРИЭТТА.

Пусть брошено оно, — не вижу въ этомъ зла,
И еслибъ ты поднять его могла,
То, вѣрно-бъ, потрудилась наклониться.

АРМАНДА.

Когда мнѣ говорятъ подобный вздоръ,
То я не унижаюсь до отвѣта.

ГЕНРИЭТТА.

Честь и хвала тебѣ! Да, полно, ты-ли это?
Куда-жъ дѣвался прежній твой задоръ?

Арманда уходитъ.

СЦЕНА III.

КЛИТАНДРЪ и ГЕНРИЭТТА

ГЕНРИЭТТА.

Сестру признанье ваше поразило.

КЛИТАНДРЪ.

Мою безцеремонность заслужила
Она за глупое тщеславіе вполнѣ.
Но, Генриэтта, вы согласье дали мнѣ,
И въ вашему отцу иду я...

ГЕНРИЭТТА.

Погодите!

Вы мать мою сначала убѣдите.
Отца мы опасаться не должны,
Его сопротивленье не опасно;
Отецъ всю жизнь, покорно и безгласно,
Привыкъ плясать подъ дудочку жены.
Она—глава семьи, и въ ней одной вся сила,
Все дѣлается такъ, какъ пожелаетъ мать.
Вотъ почему я васъ бы попросила
Стараться ей и тетѣ угождать,
А маленькая лесть и угожденья
Приобрѣтутъ вамъ ихъ расположенье.

КЛИТАНДРЪ.

Я слишкомъ прямъ, чтобъ льстить кому-нибудь,
И, если душу мнѣ предъ вами распахнуть,
Ученыхъ барынь всѣхъ я уважаю мало.
Не спору, хорошо, чтобъ женщина все знала,
Но возмутительно, когда онѣ спѣшать
Поверхостными знаньями кичиться.
По моему, милѣй та женщина въ сто-кратъ,
Которая по скромности боится
Ученость выставлять предъ всѣми на показъ.
Я уважаю въ женщинахъ познанья
Безъ хвастовства, безъ заученыхъ фразъ
И безъ цитатъ изъ моднаго изданья.
—Конечно, ваша мать воспитана, умна,
Но вздоръ, съ которымъ носится она,

Я восхвалять не въ силахъ, ставши эхомъ
Того, къ чему я отношусь со смѣхомъ
И даже съ бѣшенствомъ. Я не могу понять
Ея благоговѣнья къ Триссотену!

Вѣдь въ гени она готова записать
Педанта этого. Какую можетъ цѣну
Имѣть въ ея глазахъ освистанный глупецъ,
Котораго труды—замѣтить вамъ не худо—
На рынкахъ продаются пыньче съ пуда.

ГЕНРИЭТТА.

Согласна съ вами я: онъ—скуки образецъ,
Но такъ какъ онъ на мать мою влияетъ,
То вамъ сойтись съ нимъ не мѣшаетъ.
Влюбленный человекъ всѣмъ долженъ угождать:
И здѣсь поспѣть, и тамъ не опоздать,
И даже, наконецъ, обязанъ для потачки
Быть въ домѣ въ милости у комнатной собачки.

КЛИТАНДРЪ.

Вы правы, но, повѣрьте—гадокъ мнѣ
Настолько Триссотень, что даже и во снѣ
Я не могу дойти до униженья—
Расхваливать его произведенья.
Едва ихъ прочиталъ,
До встрѣчи съ нимъ его уже я зналъ:
Въ его твореніяхъ, гдѣ капли нѣтъ таланта,
Я ясно увидалъ хвастливаго педанта,
Тщеславнаго, довольнаго собой,
Который къ славѣ доброй не стремится
И такъ двусмысленной извѣстностью гордится,
Что и съ фельдмаршаломъ судьбой
Не помѣняется.

ГЕНРИЭТТА.

Дивлюсь я, какъ могли вы
Заочно быть такъ прозорливы.

КЛИТАНДРЪ.

Я даже по стихамъ, которыми весь свѣтъ
Готовъ онъ угощать чуть-чуть не ежечасно,
Нарисовалъ себѣ его портретъ;
Его черты мнѣ представлялись ясно

ю всей фигурую отъ головы до пять,
 [, встрѣтившись съ нимъ разъ, я бился объ закладъ,
 то это Триссотень—быть не могло иначе!
 !—выигралъ пари.

ГЕНРИЭТТА.

Вы шутите?

КЛИТАНДРЪ.

Клянусь!

Теперь же пожелайте мнѣ удачи.
 ! ваша тетюшка идетъ сюда. Рѣшусь
 Я, наконецъ, ей вѣрить тайну нашу,
 тобъ дѣйствовать потомъ чрезъ тетку на мамашу.

Генриэтта уходитъ.

СЦЕНА IV.

БЕЛИЗА и КЛИТАНДРЪ.

КЛИТАНДРЪ.

Позвольте случаемъ воспользоваться мнѣ
 И съ вами здѣсь наединѣ
 Поговорить чистосердечно.

БЕЛИЗА.

Ахъ, бойтесь откровенности!.. Конечно,
 въ кругу обожателей своихъ я васъ ввела,
 но чувствъ высказывать вамъ права не дала.
 Пусть говорятъ глаза, не то за оскорбленье

Сочту иной я способъ выраженья.
 Вдыхайте, мучайтесь, любите вы меня,
 Но чтобъ о томъ не знала я.

Потова снисходить, не замѣчая словно,
 Я къ чувствамъ, выражаемымъ безмолвно,
 Но если въ нихъ виѣшается явнѣ,
 съ глазъ васъ прогоню, повѣрьте, въ тотъ же мигъ.

КЛИТАНДРЪ.

Пусть не пугаетъ васъ предположенье это:
 Предметъ моихъ желаній—Генриэтта,
 ! вы, надѣюсь я, такъ будете добры—
 замолвите за насъ словечко у сестры.

БЕЛИЗА.

Вы такъ увёртливы, что я не ожидала...
 Ей-Богу, ничего умнѣй до сей поры
 Я ни въ одномъ романѣ не читала.

КЛИТАНДРЪ.

Увёртку видите вы тамъ на этотъ разъ,
 Гдѣ истина одна словами руководить.
 Повѣрьте: Генріетта не выходитъ
 Изъ головы моей; связали крѣпко насъ
 Любви невидимые путы.
 Я только жду блаженной той минуты,
 Когда мнѣ Генріетту отдадутъ.
 Вы мнѣ поможете? возьмете этотъ трудъ?..

БЕЛИЗА.

Въ смыслъ вашихъ словъ я, вѣжета, проникла.
 Идея хороша, преловкѣй оборотъ!
 Но такъ какъ и себя я сдерживать привыкла,
 То вамъ одно скажу я, въ свой чередъ,
 Что наша Генріетта—противъ брака,
 И замужъ ни за что, навѣрно, не пойдетъ.

КЛИТАНДРЪ.

Вы сильно заблуждаетесь, однако! .
 Я искренно во всемъ признался вамъ...

БЕЛИЗА.

О, Боже! Перестаньте отпираться!
 Куда вы мѣтите—я вижу по глазамъ.
 Пока и тѣмъ должны вы утѣшаться,
 Что можете уловку продолжать,
 Что въ формѣ, допускаемой приличьемъ,
 Рѣшаются любовь отъ васъ принять,
 Но только съ тѣмъ, замѣтите вы, различьемъ,
 Чтобъ ваша страсть вполнѣ была честна
 И самыхъ чистыхъ помысловъ полна.

КЛИТАНДРЪ.

Послушайте!

БЕЛИЗА.

На этотъ разъ довольно.
Я увлеклась и безъ того невольно.

КЛИТАНДРЪ.

Но ваше заблужденье...

БЕЛИЗА.

Кончимъ споръ.
Краснѣю даже я за этотъ разговоръ.

КЛИТАНДРЪ.

Когда я васъ люблю, пускай меня повѣсятъ!

БЕЛИЗА.

Нѣтъ, нѣтъ, не слушаю...

Уходить.

СЦЕНА V.

КЛИТАНДРЪ—одинъ.

Кого она не взбѣситъ?
Я дурь такихъ не видывалъ. Чортъ съ ней!...
Фантази и бредни—что ни слово...
Пойду искать помощника другого,
Который былъ бы нѣсколько умнѣй.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

СЦЕНА I.

АРИСТЪ—провожаая уходящаго КЛИТАНДРА.

Васъ скоро о рѣшительномъ отвѣтѣ
 Я извѣщу и чѣмъ могу
 Вамъ услужить,—то, вѣрьте, помогу.
 Народъ нетерпѣливѣйшій на свѣтѣ
 Всѣ женихи...

СЦЕНА II.

КРИЗАЛЬ и АРИСТЪ.

АРИСТЪ.

А! съ добрымъ утромъ, братъ.

КРИЗАЛЬ.

Здорово, другъ, здорово!

АРИСТЪ.

Скажи-ка, братъ, теперь ты на-угадъ —
 Зачѣмъ я здѣсь?

КРИЗАЛЬ.

Ты? Честное, братъ, слово,
 Не знаю. Повѣсти ты лучше самъ о томъ.

АРИСТЪ.

Давно, скажи, съ Клитандромъ ты знакомъ?

КРИЗАЛЬ.

Давненько; онъ у насъ бываетъ часто въ домѣ.

АРИСТЪ.

Что-жъ можешь ты сказать о немъ?

КРИЗАЛЬ.

Да, кромѣ

Хорошаго, что я могу сказать!
 Людей такихъ—съ огнемъ днемъ нужно повскать.

АРИСТЪ:

Такое мнѣнше радъ услышать я отъ брата.
Съ тобой поговорить Клитандръ меня просилъ.

КРИЗАЛЬ.

Его отца я въ Римѣ звалъ когда-то.

АРИСТЪ.

Да?

КРИЗАЛЬ.

И могу сказать: вотъ истый баринъ былъ!

АРИСТЪ.

Слыхалъ о томъ.

КРИЗАЛЬ.

Лѣтъ подъ тридцать намъ было;
Какъ я, онъ былъ отчаянный кутила.

АРИСТЪ.

Не сомнѣваюсь въ томъ.

КРИЗАЛЬ.

Зналъ цѣлый Римъ,
Какъ волочились мы за женщинами съ нимъ
И въ свѣтѣ шли рассказы
Про наши шалости и всякія проказы.

АРИСТЪ.

Прекрасно, но теперь мы къ дѣлу перейдемъ.
Я долженъ объяснить, зачѣмъ сюда явился...

СЦЕНА Ш.

ТЪ ЖЕ и БЕЛИЗА—слушаетъ въ дверяхъ.

АРИСТЪ.

Меня къ тебѣ Клитандръ прислалъ своимъ носломъ:
Онъ въ Генріотту, видишь-ли, влюбился.

КРИЗАЛЬ.

Какъ? въ дочь мою?

АРИСТЪ.

Да, по уши влюбленъ
И отъ любви приходить въ изступленье.

БЕЛИЗА—Аристу.

Остановись. Все это ложь. Введень
Клитандромъ ты въ большое заблужденье.

АРИСТЪ.

Какъ понимать тебя?

БЕЛИЗА.

Онъ лжетъ. и отдана
Его привязанность совсѣмъ не Генріэттѣ.

АРИСТЪ.

Ты шутишь?

БЕЛИЗА.

Нѣтъ, я въ томъ убѣждена.

АРИСТЪ.

Помилуй, онъ клялся мнѣ всѣмъ на свѣтѣ...

БЕЛИЗА—значительно.

Да?

АРИСТЪ.

Да, и, не откладывая дня,
Уговорить родныхъ онъ умолялъ меня.

БЕЛИЗА.

Я вижу, ты блуждаешь, какъ во мракѣ.

АРИСТЪ.

И я настаивать хочу на этомъ бракѣ.

БЕЛИЗА.

Чась отъ часу не легче! Мой дружокъ,
Тебя Клитандръ провелъ хитро и ядовито:
Все это сватовство, новѣрь, одинъ предлогъ,
И въ женщинѣ другой имъ только страсть прикрыта.

Я знаю эту тайну, хоть молчу,
Но все-таки тебѣ глаза раскрыть хочу.

АРИСТЪ.

Но, если знаешь ты такъ много,
Кого же любить онъ, скажи намъ, ради Бога?

БЕЛИЗА.

Желаешь знать?

АРИСТЪ.

Кого?

БЕЛИЗА.

Меня.

АРИСТЪ.

Тебя?

БЕЛИЗА.

Меня.

АРИСТЪ.

А! Гмъ!..

БЕЛИЗА.

Что значить это восклицанье?

Свои достоинства хотъ нѣсколько цѣня,
Могу-жъ такое сдѣлать я признанье,—
Когда Дорантъ, Дамисъ, Клеонтъ и Лисидасъ
Въ своей любви клялись мнѣ столько разъ!

АРИСТЪ.

Они? Тебѣ?

БЕЛИЗА.

Всѣмъ сердцемъ и душою.

АРИСТЪ.

И признавались въ томъ?

БЕЛИЗА.

Съ большою,

Конечно, осторожностью. Они

Такъ предо мной благоговѣютъ,

Что только взглядами высказываться смѣютъ,

Но языкомъ... Фи!.. Боже, сохрани!..

АРИСТЪ.

Но стали рѣдки здѣсь Дамиса посѣщенья.

БЕЛИЗА.

Я вижу въ этомъ дань любви и уваженья.

АРИСТЪ.

Дорантъ острѣтами колотъ тебя привыкъ.

БЕЛИЗА.

Ревнивцы всё имѣютъ злой языкъ.

АРИСТЪ.

Блеонтъ и Лисидасъ давно женились оба.

БЕЛИЗА.

Съ отчаянья. Понятна мнѣ ихъ злоба.

АРИСТЪ.

Нѣтъ, это вонъ изъ рукъ! Одумайся, сестра!..

КРИЗАЛЬ.

Отъ всѣхъ такихъ химеръ отстать тебѣ пора!

БЕЛИЗА.

Химеры, говоришь ты? Вотъ такъ ново!
Химеры! нравится мнѣ очень это слово!
Самой мнѣ невдомѣкъ, что я заражена
Химерами...

Уходитъ.

СЦЕНА IV.

КРИЗАЛЬ.

Чтоъ сталося съ ней? Она
Совсѣмъ съ ума сошла.

АРИСТЪ.

И я того же мнѣнья.
Но возвращусь въ Клитандру я опять:
Онъ любитъ Генріэтту и рѣшенья
Ждетъ твоего. Чтоъ можешь ты сказать?

КРИЗАЛЬ.

Меня и спрашивать объ этомъ не годится:
За честь особую сочту съ нимъ породниться.

АРИСТЪ.

Но онъ не такъ богатъ.

КРИЗАЛЬ.

Пускай! Я это зналъ.

Его достоинства—вотъ лучший капиталъ.

Къ тому-жь, съ его отцомъ душа мы въ душу жили.

АРИСТЪ.

Съ женой, однако, ты поговори сперва.

КРИЗАЛЬ.

Все будетъ такъ, какъ мы съ тобой рѣшили.

Не вѣришь развѣ мнѣ?

АРИСТЪ.

Но пусть твои слова

Супруга подтвердить. Все лучше, братецъ, будетъ.

КРИЗАЛЬ.

Трунишь ты надо мной? Нѣтъ, милый другъ, повѣрь,

Какъ самъ я захочу, такъ и жена разсудить.

АРИСТЪ.

Но...

КРИЗАЛЬ.

Дѣйствовать мнѣ предоставь теперь:

Я съ ней сейчасъ объ этомъ потолкую.

АРИСТЪ.

А мнѣ къ племянницѣ толкнуться нужно въ дверь,

Чтобъ бѣдненькой подать надежду кой-какую.

Уходить.

КРИЗАЛЬ.

Я слово далъ и—баста! Лишь къ женѣ

На пару словъ сходить придется мнѣ.

СЦЕНА V.

КРИЗАЛЬ и МАРТИНА.

МАРТИНА.

Вотъ счастье-то! Попала чуть не въ драку!

Недаромъ говорить пословица одна:

Кто вздумаетъ топить свою собаку,

Тотъ всѣмъ кричить, что бѣшена она.
Вотъ вамъ и служба наша!..

КРИЗАЛЬ.

Что случилось?

Мартина, что съ тобой?

МАРТИНА.

Со мною что?

КРИЗАЛЬ.

Ну, да.

МАРТИНА.

Да то, что барыня сегодня взбѣленилась
И прогнала меня.

КРИЗАЛЬ.

Какъ это?

МАРТИНА.

Навсегда.

КРИЗАЛЬ.

Въ толкъ не возьму.

МАРТИНА.

Еще прибить грозится,

Коль я не уберусь.

КРИЗАЛЬ.

А я не отпущу.

Нѣтъ, барыня твоя ужъ слишкомъ горячится;
Доволенъ я тобой и, знай, не допущу,
Чтобъ мнѣ...

СЦЕНА VI.

ТѢ ЖЕ, ФИЛАМИНТА и БЕЛИЗА.

ФИЛАМИНТА—увидя Мартину.

Какъ? это ты, негодная? Ты смѣла
Остаться здѣсь? Прочь съ глазъ моихъ сейчасъ!

КРИЗАЛЬ.

Послушай-ка...

ФИЛАМИНТА.

Что я сказала разъ,
То рѣшено...

КРИЗАЛЬ.

Да, но...

ФИЛАМИНТА.

Я ей велѣла
Оставить насъ.

КРИЗАЛЬ.

Но въ чемъ ея вина?

ФИЛАМИНТА.

Что-жъ, подъ твоей защитой она?

КРИЗАЛЬ.

Нисколько.

ФИЛАМИНТА.

За нее ты вздумалъ заступаться?

КРИЗАЛЬ.

Да нѣтъ же, Боже мой! Хотѣлъ я только знать,
Что сдѣлала она.

ФИЛАМИНТА.

Не трудно догадаться,
Что я за пустяки ее не стала-бъ гнать.

КРИЗАЛЬ.

Не спорю, но съ прислугой, примѣрно...

ФИЛАМИНТА.

Я этой дряннѣ въ домѣ не стерплю.

КРИЗАЛЬ.

Конечно, такъ; тебѣ она грудила, вѣрно?

ФИЛАМИНТА.

Противорѣчій я, ты знаешь, не люблю.

КРИЗАЛЬ.

Согласенъ.

ФИЛАМИНТА.

Ну, а ты, — хорошій мужъ ты тоже! —
Взять сторону жены обязанъ.

КРИЗАЛЬ.

И возьму!

Мартинъ.

Безстыдница! на что-жь это похоже?
Нѣтъ извиненія поступку твоему.

МАРТИНА.

Да что-жь я сдѣлала?

КРИЗАЛЬ—тихо.

Не знаю, хотъ повѣсьте!

ФИЛАМИНТА.

Она еще глядитъ на это, какъ на вздоръ.

КРИЗАЛЬ.

Да объясни же мнѣ, прошу я, ради чести:
Трюмо она разбила? нашъ фарфоръ?

ФИЛАМИНТА.

Да развѣ гнать ее за это я бы стала?
За пустяки я не сержусь ни мало.

КРИЗАЛЬ—Мартинъ.

Ну, что я тутъ пойму?

Филаминтъ.

Такъ, значить, не шутя

Она набѣдокурила?

ФИЛАМИНТА.

Еще бы!

Не взбалмошная я какая, не дитя.

КРИЗАЛЬ.

Она изъ жадности, быть можетъ, иль со злобы
Вещь цѣнную осмѣлилась стянуть?

ФИЛАМИНТА.

И это-бъ ничего.

КРИЗАЛЬ—Мартинъ.

Несчастливая! Злодѣйка!

Филаминтъ.

Въ обманѣ ты ее поймала какъ-нибудь?

ФИЛАМИНТА.

Гораздо хуже.

КРИЗАЛЬ.

Хуже?

ФИЛАМИНТА.

Хуже!

КРИЗАЛЬ—Мартинъ.

Смѣй-ка,

Змѣя, заговорить!

Филаминтъ.

Скажи, хоть въ двухъ

Словахъ...

ФИЛАМИНТА.

Она меня нахальствомъ возмутила

И послѣ тридцати уроковъ оскорбила

Такой ошибкой грубою мой слухъ,

Такимъ невѣжествомъ...

КРИЗАЛЬ.

А, вотъ въ чемъ преступленье!

ФИЛАМИНТА.

Какъ! Несмотря на всѣ мои внушенья,

Рѣшаться колебать основу всѣхъ наукъ—

Грамматику, которая вокругъ

Законы королямъ предписываетъ даже.

КРИЗАЛЬ.

Ну, я воображалъ проступокъ поврूपнѣй.

ФИЛАМИНТА.

Проступка, сударь мой, противнѣй нѣтъ и гаже.

КРИЗАЛЬ.

Конечно...

ФИЛАМИНТА.

Отыщи ты оправданье ей,

Попробуй.

КРИЗАЛЬ.

Не рѣшусь.

ФИЛАМИНТА.

Жалю. Развѣ можно
Согласованье словъ коверкать такъ безбожно,
Когда сто разъ законы языка,
Практически, наглядно,
Мы объясняли ей?

МАРТИНА.

Вы толковали складно,
Да только говоръ вашъ мнѣ не дался пова.

ФИЛАМИНТА.

Не дерзость ли? Какъ это вамъ приятно?
Изысканный языкъ нашъ «говоромъ» клеймить.

МАРТИНА.

По моему, кто говоритъ понятно,
Тотъ, значить, и вальготно говоритъ.

ФИЛАМИНТА.

«Вальготно?» вотъ еще образчикъ слога..
Вамъ нравится?

БЕЛИЗА—Мартинѣ.

Ты не боишься Бога!
Ужъ мы ли не щадили всѣхъ заботъ,
Чтобъ говорить могла ты научиться,
А у тебя, едва раскроешь ротъ,
Въ неправильныхъ словахъ со счегу можно сбиться.

МАРТИНА.

Создатель мой! Чему же тутъ дивиться!
Не смыслю вѣдь — наплюйте мнѣ въ глаза —
Въ ученостяхъ я вашихъ ни аза!

ФИЛАМИНТА.

Ахъ, слушать не могу!

БЕЛИЗА.

Не выношу я чуши!

ФИЛАМИНТА.

Какъ тутъ имѣть чувствительныя уши?

БЕЛИЗА—Мартинѣ.

Ты тупостью своей, мнѣ кажется, горда.

Такъ помни же: «ученость» говорится

Въ числѣ единственномъ всегда.

Ты на грамматику обязана молиться.

МАРТИНА.

Не знаю я угодницы такой ¹⁾.

ФИЛАМИНТА.

Она рѣшительно смущаетъ мой покой!

БЕЛИЗА—Мартинѣ.

Ты должно поняла грамматики значенье,

Хоть слова этого давно

Тебѣ объяснено происхожденье.

МАРТИНА.

Пусть происходитъ, барышня, оно

Отъ рода знатнаго, иль отъ простого рода,

Мнѣ, право, все равно.

БЕЛИЗА.

Мужичка! Не тебя-ль учили мы два года?

Грамматика — припомни — учить насъ

Спряженьямъ и склоненьямъ

Глаголовъ и именъ съ мѣстоименъемъ.

МАРТИНА.

Сударыня, убейте хоть сейчасъ,

Но эти господа мнѣ вовсе не знакомы.

ФИЛАМИНТА.

Какая мѣка съ ней!

¹⁾ Здѣсь непереводаемая игра словъ: *grammaire* и *grand'mère*. Какъ въ этомъ, такъ и въ другихъ подобныхъ случаяхъ переводчику приходилось, если не выпускать, то вымѣнять такіе каламбуры, насколько они возможны въ русской рѣчи.

БЕЛИЗА.

Рѣчь о словахъ идетъ:

Согласованью словъ тебя уже давно мы
Учили, глупая!

МАРТИНА.

А много мнѣ заботъ —
Живуть они согласно, иль дерутся.

ФИЛАМИНТА—Белизѣ.

Ахъ, кончимъ, наконецъ, мы этотъ разговоръ.

Кризаль.

И ты ее не выгнать до сихъ поръ?

КРИЗАЛЬ.

Какъ хочешь. [*Тихо*] Мнѣ никакъ не увернуться!

Мартинъ.

Ступай и барыню напрасно не тревожь.

ФИЛАМИНТА.

Какъ? ты стѣсняешься съ канальей этой? Что-жь,
Будь вѣжливъ; ей нужна твоя поблажка.

КРИЗАЛЬ.

Нѣтъ, я... [*Рѣзко*] Проваливай! [*Тихо*] Иди, моя бѣдняжка!

СЦЕНА VII.

ТЪ ЖЕ, безъ МАРТИНЫ.

КРИЗАЛЬ.

Поступокъ твой, ей-Богу, безтолковъ, —
Сважи о томъ хоть недругу, хоть другу:
Нельзя-жь изъ-за подобныхъ пустяковъ,
Поднявши пылъ до облаковъ,
Гнать съ мѣста расторопную прислугу.

ФИЛАМИНТА.

Могла-ли я сносить, — иль въ это ты не вникъ? —
Когда она терзала слухъ мой вѣчно,
Коверкала слова безчеловѣчно
И, варварски уродуя языкъ,

Лишь упражнялась въ грубыхъ поговоркахъ,
Употребляемыхъ на рынкахъ и задворкахъ.

БЕЛИЗА.

Ахъ, нарушая всякій разъ
Все то, чему училъ насъ Вогеласъ,
Она двухъ словъ не скажетъ точно;
Она терзаетъ слухъ и мнѣ:
То какофоніи однѣ,
То плеоназмы, какъ нарочно.

КРИЗАЛЬ.

Про Вогеласа ей и толковать не слѣдъ,
Когда она не портитъ нашъ обѣдъ.
Пусть лучше, никого не беспокоя,
Въ согласованьи словъ она совретъ,
Чѣмъ вкусный соусъ подождетъ,
Иль пережаритъ все жаркое.
Не болтовней, я супомъ только сытъ,
А Вогеласъ вашъ супу не сваритъ:
Малербъ, Бальзакъ чего-чего не знали,
А предъ кухаркою на кухнѣ-бъ спасовали.

ФИЛАМИНТА.

Что за циническій, за безобразный тонъ!
Тотъ человѣкомъ можетъ ли назваться,
Кто духомъ не способенъ возвышаться,
Въ матеріальныхъ заботы погруженъ?
Прилично ли заботиться о тѣлѣ,
О жалкой скорлупѣ? Иль нѣтъ серьезнѣй цѣли?

КРИЗАЛЬ.

Я тѣла своего — покорнѣйшій слуга,
И эта скорлупа мнѣ очень дорога.

БЕЛИЗА.

Но тѣло безъ души немислимо, помилуй!
И если вѣруешь ты въ умственный прогрессъ —
Надъ тѣломъ духъ всегда имѣетъ перевѣсъ,
А потому всю жизнь свою, мой милый,
Духовной пищей мы должны себя питать.

КРИЗАЛЬ.

Ну, это кушанье совсѣмъ не аппетитно;
 Но если для тебя оно такъ сытно,
 Тебѣ, конечно, нечего скучать
 И поднимать булгу...

ФИЛАМИНТА.

Ахъ! Въ гробъ я лечь готова... —
 Откуда выкопалъ подобное ты слово?

БЕЛИЗА.

Ужъ чисто допотопное.

КРИЗАЛЬ.

Пора!

Все выскажу, и съ плечъ спадеть гора...
 Вы злость разбудите и въ человѣкѣ кроткомъ;
 Къ вамъ всѣ относятся давно, какъ въ сумасбродамъ...

ФИЛАМИНТА.

Что хочешь ты сказать?!

КРИЗАЛЬ.

Я ей, не вамъ. Сестра!

Мнѣ собственно съ тобой потолковать пора.
 Ошибки въ языкѣ тебя волнуютъ шибко,
 Межъ тѣмъ, вся жизнь твоя есть странная ошибка.
 Вѣдь въ книгахъ проку нѣтъ, — ты лучше ихъ сожги,
 И только одного Плутарха сбереги:
 Мои воротнички на немъ отлично гладить; —
 Съ наукой же оставь однимъ ученымъ ладить.
 Затѣмъ, распорядись, почтеннѣйшая, чтобъ
 Убрали съ чердака твой длинный телескопъ,
 Котораго пугаются зѣваки;
 И чѣмъ луну разсматривать во мракѣ,
 Ты оглянись кругомъ и — вѣрно, цѣлый домъ
 Идетъ вверхъ дномъ...
 Нѣтъ, каждой женщинѣ внушить бы нужно строго:
 Учись, да не заучивайся много,
 Воспитывай дѣтей, долгъ матери неси,
 Въ хозяйствѣ каждый грошъ на черный день паси,

Забывъ о томъ, что значить лѣнь и скука, —

Вотъ философія и женская наука.

Не дурно бы примѣръ намъ съ нашихъ предковъ взять:

Они искали въ жены не всезнайку,

А ловкую хозяйку,

Довольствуясь и тѣмъ, чтобъ отличать

Жена могла отъ панталонъ фуфайку.

Жизнь нашихъ бабушекъ безъ книгъ спокойно шла,

Ихъ воспитаніемъ одно хозяйство было,

А библіотекой — напѣрстокъ, да игла,

Чтобъ дочерямъ приданое мать шила,

Да штопала чулки, избравъ благую часть.

А нынче?.. Женщины съ усердіемъ упрямымъ

Пустились сочинять, чтобъ въ авторы попасть;

Къ ученой болтовнѣ у нихъ явилась страсть,

Особенно... вотъ въ этомъ домѣ самомъ.

Здѣсь знаютъ то, чего и знать нельзя:

Всѣ тайны на небесной нашей сферѣ,

Всю подноготную на Марсѣ и Венерѣ,

И, голову свою загромоздя

Чортъ знаетъ чѣмъ, подумать не желаютъ —

Какой тамъ для меня обѣдъ приготавлиютъ.

Прислуга же, — звони хоть десять лѣтъ —

Сидитъ за книжкой, барыни въ угоду,

И разсуждать у насъ вошло въ такую моду,

Что для разсудка мѣста больше нѣтъ.

Я ѣсть хочу, а поваръ мой читаетъ;

Хочу я пить — слуга стихи кропаетъ,

И я, въ концѣ-концовъ, имѣя слугъ,

Не вижу никогда отъ нихъ услугъ...

Одна мнѣ бѣдная служанка оставалась,

Проказой вашею она не заражалась,

Но и ее прогнали за порогъ

За то, что не дался изысканный ей слогъ.

Не нравится, сестра, такой мнѣ безпорядокъ, —

Замѣть, что я во всемъ виню тебя одну, —

Латынщиковъ твоихъ я день и ночь клянупу,

А этотъ Триссотенъ особенно мнѣ гадокъ:

Своими виршами онъ отуманилъ васъ;

Безъ ерунды двухъ словъ онъ никогда не свяжетъ,

А если что и свяжетъ,

Такъ видно полоумнаго сейчасъ.

ФИЛАМИНТА.

И мысль пошла, и пошло изложенье!

БЕЛИЗА.

Въ одномъ лицѣ найдется-ль гдѣ-нибудь
 Мѣщанской узкости такой соединенье?
 Ужель я одного съ тобой происхожденья?
 Ты братъ мой? Нѣтъ, и думать позабуди.
 Мнѣ стыдно говорить съ тобой.

Уходитъ.

СЦЕНА VIII.

ТѢ ЖЕ, безъ Белизы.

ФИЛАМИНТА.

Желаетъ

Еще пустить стрѣлу?

КРИЗАЛЬ.

Я? Нѣтъ. Коль позволяешь,
 Сведу я на другое разговоръ.
 Дочь наша старшая на бракъ глядитъ сурово,
 И я о ней ни слова:
 Умъ философскій въ ней былъ видѣнъ съ давнихъ поръ,
 И ты ее отлично воспитала;
 Но Генриетта съ ней имѣетъ сходства мало,
 И выбрать мужа ей, мнѣ кажется, пора.

ФИЛАМИНТА.

Я думала объ этомъ не вчера,
 И вотъ мой планъ, до сихъ поръ тайной бывшій.
 Тотъ самый Триссотень, тебѣ не угодившій,
 Котораго ты ставишь намъ въ упрекъ,
 Мной избранъ ей въ мужа. Конечно, могъ
 О немъ ты думать, что тебѣ угодно,
 Но я его узнала превосходно,
 А потому со мной ты лучше и не спорь
 И съ дочерью пова меня не ссорь:
 Въ ея согласи я почти не сомнѣваюсь
 И съ ней сама поговорить собираюсь;
 Тебя-жь я прошу молчать...

Уходитъ.

СЦЕНА IX.

КРИЗАЛЬ и АРИСТЬ.

АРИСТЬ.

Ну, что? Ушла жена?

Ты съ нею говорилъ? Что думаетъ она?

КРИЗАЛЬ.

Она-то?

АРИСТЬ.

Отвѣчай! Ну, что же—въ шляпѣ дѣло?

Согласна?

КРИЗАЛЬ.

Не совсѣмъ.

АРИСТЬ.

И слышать не хотѣла?

КРИЗАЛЬ.

Не то!

АРИСТЬ.

Колелблется? Была одна изъ сценъ?

КРИЗАЛЬ.

Не то!

АРИСТЬ.

Такъ что же?

КРИЗАЛЬ.

Зять другой есть на примѣтѣ.

АРИСТЬ.

Другой?

КРИЗАЛЬ.

Вотъ именно.

АРИСТЬ.

Такъ кто же?

КРИЗАЛЬ.

Триссотень.

АРИСТЬ.

Какъ? Триссотень?

БРИЗАЛЬ.

Который всѣмъ на свѣтѣ
Латынью и стихами надоѣлъ.

АРИСТЪ.

Не согласился ты?

КРИЗАЛЬ.

О, нѣтъ, избави Боже!

АРИСТЪ..

Протестоваль?

КРИЗАЛЬ.

Положимъ, не успѣлъ,
Но своего согласья не далъ все же.

АРИСТЪ.

И это хорошо. Шагъ все-таки впередъ,
Но о Клитандрѣ ты сказалъ ей въ свой чередъ?

КРИЗАЛЬ.

Нѣтъ, выслушавъ жену свою, признаться,
За лучшее я счелъ о немъ не заигаться.

АРИСТЪ.

Ну, осторожностью ты можешь удивить,
Но тамъ, гдѣ нужно волю прозавить,
Нѣтъ у тебя ни силы, ни споровки.
Не стыдно ли настолько слабымъ быть,
Что можетъ женщина вить изъ тебя веревки?

КРИЗАЛЬ.

Все это вѣрно, братъ,
Но шума всякаго боюсь я очень; страстно
Люблю я тишину, въ раздорахъ вижу адъ,
Жена же въ гнѣвѣ просто мнѣ ужасна.
Хоть книжной мудростью и чванится она,
Но злость отъ этого не меньше въ ней сильна;
Ея мораль строга—мы это всѣ слышали,
Но желчь расходится,—и въ чорту всѣ морали.
Коль ей не угрожу, такъ Боже упаси,
Тогда хоть всѣхъ святыхъ изъ дома выноси,

И отъ домашняго дракона, кромѣ шутокъ,
Скрываюсь иногда по нѣсколько я сутокъ,
А между тѣмъ въ глаза, всё чувства затая,
Я долженъ говорить — «мой другъ», «душа моя»...

АРИСТЪ.

Поди! Все это вдоръ. Скажу тебѣ я прямо:
Ты трусь, вотъ почему жена твоя упряма,
И видя, что успѣлъ ты въ работѣпство впасть,
На слабости твоей основываетъ власть.
Ты за носъ самъ водить себя даль право;
Ты виновать во всемъ, а не жена неправа,
И бѣди твоей тебѣ я не прощу.
Нѣтъ, съ духомъ соберись; хотъ только разъ единый
Власть женщины страхни и сдѣлайся мужчиной,
Сказавъ настойчиво и смѣло: я хочу!..
Неужто дочерью, какъ самый трусь послѣдній,
Готовъ ты жертвовать изъ-за семейныхъ бредней,
И состояніе глушцу отдать готовъ
Ты за полдюжину его латинскихъ словъ,
Глушцу, котораго съ энтузіазмомъ дикимъ
Привыкла называть твоя жена
Постомъ и философомъ великимъ?
Нѣтъ, роль твоя жалка и такъ смѣшна,
Что всё тебя поднять на смѣхъ скоро.

КРИЗАЛЬ.

Да, да, ты правъ; достоинъ я убора...
Мнѣ нужно, наконецъ, власть мужа показать.

АРИСТЪ.

Лично сказано.

КРИЗАЛЬ.

Безчестно сознавать
Сѣбя рабомъ жены.

АРИСТЪ.

Ты правъ.

КРИЗАЛЬ.

Она ехидно
Хотѣла пользоваться еротостью моею.

АРИСТЪ.

Сомнѣнья въ этомъ нѣтъ.

БРИЗАЛЬ.

Шутила такъ обидно

Надъ добротой моей.

АРИСТЪ.

Конечно.

БРИЗАЛЬ.

И, ей-ей,

Я власть свою сегодня доважу же
И выберу для Генріетты мужа.

АРИСТЪ.

Вотъ молодець! Ты будь такимъ всегда.

БРИЗАЛЬ.

Клитандра адресъ знаешь ты? Такъ мигомъ
Ступай за немъ и привези сюда.

АРИСТЪ.

Бѣгу, лечу!

БРИЗАЛЬ.

Довольно жить подъ игомъ:
До этихъ поръ — ни мужъ я, ни отецъ...
Пора же стать мужчиной, наконецъ!..

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

СЦЕНА I.

ФИЛАМИНТА, АРМАНДА, БЕЛИЗА, ТРИССОТЕНЪ и ЛЕПИНЪ.

ФИЛАМИНТА.

Мы выберемъ удобный уголокъ,
Чтобъ выслушать стихи отъ слова и до слова.

АРМАНДА.

Я жажду слушать ихъ.

БЕЛИЗА.

Я умереть готова

Отъ ожиданія.

ФИЛАМИНТА—Триссотену.

Все ваше—мысль и слогъ—

Очаровательны.

АРМАНДА.

Восторгъ и наслажденье!

БЕЛИЗА.

Для слуха моего нѣтъ выше упоенья.

ФИЛАМИНТА.

Такъ не томите же, пожалуйста, вы насъ!

АРМАНДА.

Не медлите!

БЕЛИЗА.

Молю! На этотъ разъ

Не мучайте насъ долго...

ФИЛАМИНТА.

Въ эпиграммѣ

Осмѣйте нетерпѣнье наше сами.

ТРИССОТЕНЪ—Филаминтѣ.

Мое новорожденное дитя

Должно, сударыня, въ васъ пробудить участие:

Родиться въ свѣтъ оно имѣло счастье
Въ гостиной вашей и...

ФИЛАМИНТА.

И не шута
Оно мнѣ дорого: его отца я знаю.

ТРИССОТЕНЬ.

А ваше одобренье, полагаю,
Ему замѣнить мать.

БЕЛИЗА.

О, что за умъ!

СЦЕНА П.

ТЪ ЖЕ и ГЕНРИЭТТА.

ФИЛАМИНТА—Генриэттъ.

Куда?

Постой же уходить.

ГЕНРИЭТТА.

Явилась я не въ пору
И не хочу мѣшать такому разговору
Пріятному.

ФИЛАМИНТА.

Останься. Никогда
Чудесь подобныхъ ты, навѣрно, не слыхала.

ГЕНРИЭТТА.

Въ повѣи я смыслу очень мало.

ФИЛАМИНТА.

Пустое! Объясню я въ пять минутъ,
Чего ты не поймешь.

ТРИССОТЕНЬ—Генриэттъ.

Ученый всякій трудъ
Вы оставляете, я вижу, безъ вниманья.
Вамъ свойственъ лишь одинъ талантъ очарованья.

ГЕНРИЭТТА.

Въ послѣднемъ вы ошиблись.

ВЕЛИЗА.

Господа,
Къ новорожденному, пожалуйста, вернемся.

ФИЛАМИНТА—Лепину.

Мы състь хотимъ, дай вресла намъ сюда.

Лепинъ падаетъ.

Взгляните на глупца, съ которымъ всѣ мы бьемся!
До этихъ поръ ужель ты не имѣлъ
Понятія о равновѣсьи тѣлъ?

ВЕЛИЗА.

Чѣмъ объяснишь ты намъ свое паденье?
Ты центру тяжести дозволилъ уклоненье,
А потому и на полъ полетѣлъ.

ЛЕПИНЪ.

Когда упалъ, я понялъ это.

ФИЛАМИНТА—уходящему Лепину.

Олухъ!

Мнѣ стыдно за подобнаго осла.

ТРИССОТЕНЪ.

Какъ счастливъ вашъ слуга, что онъ не изъ стекла.

АРМАНДА.

Что за находчивость!

ВЕЛИЗА.

Въ острѣтахъ и уволахъ

Неустоцимъ!

Садится.

ФИЛАМИНТА.

Итакъ, вы намъ должны
Задать роскошный пиръ: мы ожидаемъ чуда.

ТРИССОТЕНЪ.

Мнѣ кажется, вы слишкомъ голодны,
Чтобъ изъ восьми стиховъ единственное блюдо
Могло насытить васъ, а потому не худо

Я сдѣлаю, расширивъ свой обѣдъ,
И съ эпиграммою соединю сонетъ:
Его я написалъ въ альбомъ одной принцессѣ,
Вторая стихи не знала какъ хвалить;

Надѣюсь, что и вы найдете, можетъ быть,
Аттическую соль въ моей альбомной пьесѣ.

АРМАНДА.

Сомнѣнья въ этомъ нѣтъ!

ФИЛАМИНТА.

Мы чтенья жадно ждемъ.

БЕЛИЗА—перерывая Триссотена каждый разъ,
какъ онъ собирается читать.

Волненіе свое скрываю я съ трудомъ.
Повѣя меня всегда съ ума сводила,
Особенно, когда въ стихахъ я находила
Изящество... Но можно угадать...

ФИЛАМИНТА.

Онъ не начнетъ сонета,
Пока мы будемъ всѣ его перерывать.

ТРИССОТЕНЪ.

Соне...

БЕЛИЗА.

Потише, Генріетта!

АРМАНДА.

Ахъ, дайте-жъ, наконецъ, ему читать!

ТРИССОТЕНЪ.

Сонетъ принцесса Ураніи
на ея мхорадку ¹⁾:

Вы вашу мудрость усвоили,
Иначе-бъ ночью или днемъ
Вы благосклонно не впустили
Врага закятаго въ свой домъ.

БЕЛИЗА.

Въ началѣ изумительное что-то!

¹⁾ Этотъ сонетъ находится въ „*Oeuvres galantes en prose et en vers de M. Co-
tin*“. Etienne Loyson, Paris, 1663. Онъ озаглавленъ: „*Sonnet à mademoiselle de
Longueville à présent duchesse de Nemours, sur sa fièvre*“.

АРМАНДА.

Нельзя придумать лучше оборота.

ФИЛАМИНТА.

По граціи стиха вы лучшей нашъ поэтъ!

АРМАНДА.

Вы мудрость усыпили... Безподобно!

БЕЛИЗА.

Врага заклятого, — какъ тонко и какъ злобно
Дается тутъ высканный совѣтъ.

ФИЛАМИНТА.

Въ словахъ же: *благоклонно не впустили* —
Какой сарказмъ и благородство въ стилѣ.

БЕЛИЗА.

Но будемъ слушать далѣе сонетъ.

ТРИССОТЕНЬ.

Вы вашу мудрость усыпили,
Иначе-бъ, ночью, или днемъ
Вы благоклонно не впустили
Врага заклятого въ свой домъ.
Толкайте жъ гостью вашу, или
Не много будетъ толку въ томъ,
Что завершите вѣчнымъ сномъ
Вы жизнь прекрасную въ могилѣ.

БЕЛИЗА.

Чудесно! дайте мнѣ, пожалуйста, вздохнуть.

АРМАНДА.

Позвольте не спать намъ насладиться.

ФИЛАМИНТА.

Я чувствую, какъ замираетъ грудь
Отъ этихъ строфъ и голова кружится.

АРМАНДА.

Толкайте жъ гостью вашу, или
Не много будетъ толку въ томъ...

Какъ ловко и съ какииъ умомъ
Метафору вы здѣсь употребили!

ФИЛАМИНТА.

Толкайте жъ гостью вашу, или...

Ахъ, это—геніально-смѣлый стихъ!

АРМАНДА.

Великія слова! Я безъ ума отъ нихъ!

ВЕЛИЗА.

Не говори! Восторгъ и восхищенье!..

АРМАНДА.

Сама такъ написать желала бы я страхъ!

ВЕЛИЗА.

Стихъ этотъ стѣбитъ цѣлаго творенья!

ФИЛАМИНТА.

Но красоту такого выраженья
Поймутъ ли всѣ?

АРМАНДА и БЕЛИЗА.

Ахъ! ахъ!

ФИЛАМИНТА.

Толкайте гостью вашу, или
Не много толку будетъ въ томъ...

Другіе что-бъ ни говорили,
Но въ стихъ двухъ строкахъ прочла я цѣлый томъ.

ВЕЛИЗА.

Глубокъ ихъ смыслъ; вполне согласна въ томъ.

ФИЛАМИНТА.

Когда очаровательное *или*
Пришло вамъ въ голову, могли ли
Вы сами оцѣнить тогда, что тѣмъ
Таланта въ немъ, и силы, и ума?

ТРИССОТЕНЪ.

Гы!..

АРМАНДА.

А межъ тѣмъ, какая скрыта злоба
Въ двухъ строчкахъ! Выразиться можно ли острѣй?

ФИЛАМИНТА.

Блестательны четверостишья оба;
Но перейдемъ къ трехстишямъ скорѣй.

АРМАНДА.

Ахъ, еслибы еще вы повторили.

ТРИССОТЕНЪ.

Чтобъ вышелъ толкъ—толкните, или...

АРМАНДА, БЕЛИЗА и ФИЛАМИНТА.

Ахъ, это *или, или, или!*

ТРИССОТЕНЪ.

Не много будетъ толку въ томъ,
Что завершите вѣчнымъ сномъ
Вы жизнь прекрасную въ могилѣ!..

АРМАНДА, БЕЛИЗА, ФИЛАМИНТА.

Ахъ! *Жизнь прекрасную въ могилѣ!..*

ТРИССОТЕНЪ.

Какъ? Васъ она терзаетъ, жжетъ,
Кровь воспаляетъ,—безъ заботъ
О вашихъ прелестахъ и санѣ?
Идите-жъ въ ванну съ ней, и тамъ
Безъ словъ, прибравъ ее къ рукамъ,
Нахалку утопите въ ваннѣ.

ФИЛАМИНТА.

Что можетъ выше быть?

БЕЛИЗА.

Сравненье съ чѣмъ найдешь?

АРМАНДА.

Отъ наслажденія, какъ-будто, умираешь.

ФИЛАМИНТА.

Испытываешь сладостную дрожь,
А почему—сама не знаешь.

АРМАНДА.

Идите-жъ въ ванну съ ней, и тамъ...

БЕЛИЗА.

Безъ словъ, прибравъ ее къ рукамъ...

ФИЛАМИНТА.

Нахалку утопите въ ванны!..

АРМАНДА.

У васъ въ стихахъ, что слово, то алмазъ.

БЕЛИЗА.

Гуляешь въ нихъ, какъ въ рощѣ ароматной..

ФИЛАМИНТА.

По драгоценностямъ ступая каждый разъ.

ТРИССОТЕНЬ.

Итакъ, сонетъ...

ФИЛАМИНТА.

Сюрпризъ для насъ пріятный.

Въ такихъ созданіяхъ соперниковъ вамъ нѣтъ.

БЕЛИЗА—Генріэттъ.

Одну тебя не взволновалъ сонетъ.

Ты странный видъ имѣешь, Генріэтта.

ГЕНРІЭТТА.

Ахъ, тетушка, у всякаго свой видъ,

И каждому нельзя имѣть талантъ поэта.

ТРИССОТЕНЬ.

Васъ чтеніе мое, скажите, не гнѣвитъ?

ГЕНРІЭТТА.

Нисколько. Я не слушаю.

ФИЛАМИНТА—Триссотену.

Но сами
Хотѣли перейти вы къ эпиграммѣ.

ТРИССОТЕНЬ.

На новую карету,
подаренную одной дамѣ друломъ ея сердца ¹⁾).

ФИЛАМИНТА.

Въ заглавіяхъ всегда онъ чѣмъ-нибудь блеснетъ.

АРМАНДА.

Ихъ новизна сулитъ вамъ множество остроумъ.

ТРИССОТЕНЬ.

Любовь не дешева,—скажу вамъ по секрету...

ФИЛАМИНТА, АРМАНДА и ВЕЛИЗА.

Ахъ!

ТРИССОТЕНЬ.

Чтобъ каждый день Лансъ кучера
Спѣшили заложить блестящую карету,
Имѣніе свое я заложилъ вчера.

ФИЛАМИНТА.

Неподражаема двухъ этихъ словъ игра!

ТРИССОТЕНЬ.

Наслѣдства своего не берегаа,
Могу я промотаться до нага.
Ахъ, для меня Ланса дорога я —
Во всякомъ смыслѣ очень дорога ²⁾).

АРМАНДА.

О, это сверхъ всѣхъ нашихъ ожиданій!

ФИЛАМИНТА.

Онъ создалъ новый родъ плѣнительныхъ посланій!

¹⁾ Эта эпиграмма помѣщена въ томъ же сборникѣ, гдѣ напечатанъ сонетъ. Она носитъ названіе: „*Sur un carrosse de couleur amarante acheté pour une dame, Madrigale*“.

²⁾ Въ оригиналѣ эпиграмма вертится на непереводимой игрѣ словъ: *amarante* и *à ma rente*.

БЕЛИЗА.

Могу я промотаться до вага.
Ахъ, для меня Ланса дорогая
Во всякомъ смыслѣ очень дорога!!

ФИЛАМИНТА.

Не знаю, противъ васъ была-ль когда-нибудь
Я восстановлена, но къ вашимъ сочиненьямъ
Всегда я относилась съ восхищеньемъ.

ТРИССОТЕНЪ.

Восторгъ и въ насъ могли бы вы вдохнуть,
Рѣшившись прочесть намъ для финала
Произведенья вашего пера.

ФИЛАМИНТА.

Мнѣ не знакома риземъ блестящая игра,
Стиховъ я не пишу, но сильно бы желала
На дняхъ, подружески, прочесть вамъ восемь главъ
О женской академіи — планъ цѣлый—
Въ защиту женщинъ всѣхъ и погранныхъ ихъ правъ.
Еще Платонъ въ полетѣ мысли смѣлой
На этотъ планъ вниманье обраталъ
Въ трактатѣ о Республикѣ. Сама же
Я думаю, по мѣрѣ средствъ и силъ,
Развить проектъ. Невыносима даже
Несправедливость та, съ которой не хотятъ
На здравый смыслъ намъ выдать аттестатъ,
Стараются убить въ насъ высшія стремленья
И мѣста не дають намъ въ храмѣ просвѣщенья.

АРМАНДА.

Поддерживая мысль въ досужихъ головахъ,
Что разсуждать способны мы прекрасно
О выкройкахъ однихъ и модныхъ вружевахъ,
Не значить-ли насъ оскорблять ужасно?

БЕЛИЗА.

Такому мнѣнію должны мы дать отпоръ
И снять съ себя безславный приговоръ.

ТРИССОТЕНЬ.

Я, какъ поклонникъ дамъ, до нынѣ имъ остался.
И если блескомъ глазъ ихъ часто любовался,
То блескомъ ихъ ума былъ восхищенъ всегда.

ФИЛАМИНТА.

И этимъ каждая изъ насъ была горда;
Но многимъ умникамъ, которые съ презрѣньемъ
Глядятъ на насъ, мы доказать хотимъ,
Что намъ въ наукѣ все доступно, какъ и имъ;
Что женщины одарены умѣньемъ
Ученныя собранья составлять
И въ нихъ порядковъ строгій соблюдать:
Соединять достоинство съ свободой,
Науки высшя съ изящнымъ языкомъ;
Посредствомъ опытовъ знакомиться съ природой
И людямъ партій всякихъ — о какомъ
Вопросѣ рѣчь зайдетъ — дать право безъ смущенья
Высказывать тѣ, иль другія мнѣнья.

ТРИССОТЕНЬ.

На вашихъ преняхъ, безъ всякаго сомнѣнья,
Стоялъ бы я за перипатетизмъ.

ФИЛАМИНТА.

А я за платонизмъ.

АРМАНДА.

Я Эпикуромъ больше увлекаюсь.

БЕЛИЗА.

Мириться съ пустотою я боюсь
И тѣмъ охотнѣе къ матеріи склоняюсь.

ТРИССОТЕНЬ.

Во многихъ мнѣнйяхъ съ Декартомъ я схожусь.

АРМАНДА.

Я вихри у него люблю.

ФИЛАМИНТА.

Предпочитаю
Главу о звѣздахъ падающихъ.

АРМАНДА.

Я

О нашей академіи мечтаю,
Гдѣ, что-нибудь открывъ, изобрѣта,
Прославиться могу я не шутя.

ТРИССОТЕНЬ.

Узнавши васъ, мнѣ это ясно стало:
Во всей природѣ тайнъ для васъ осталось мало.

ФИЛАМИНТА.

А о себѣ скажу, и въ этомъ вѣрите мнѣ:
Я жителей открыла на лугѣ.

БЕЛИЗА.

Я ихъ не видѣла — въ томъ увѣрять напрасно,
Но башни на лугѣ я разглядѣла ясно.

АРМАНДА.

Наукѣ посвятивъ себя вполне,
Мы въ философіи найдемъ отдохновенье.

ФИЛАМИНТА.

Въ исторіи послѣдней есть черты
Плѣнительныя. Сколько красоты
Въ любви философовъ!.. Но нынче предпочтенье
Я стойкамъ открыто отдаю:
Великій ихъ мудрецъ достоинъ удивленья.

АРМАНДА.

Еще одинъ проектъ отъ васъ не утаю:
Готовимъ въ языкѣ большія мы реформы.
Не вынося въ немъ многихъ словъ дурныхъ,
Произнесемъ имъ смертный приговоръ мы
На засѣданіяхъ своихъ,
Подвергнемъ ихъ всѣмъ строгостямъ гоненья
И прозу и стихи избавимъ навсегда
Отъ ихъ употребленья.

ФИЛАМИНТА.

Но выше и похвальнѣй вѣтъ труда,
Чтобъ нашу академію прославить,

Кагъ предпріятіе—оно въ моихъ рукахъ—

Которое въ вѣкахъ

Намъ можетъ имя громвое составить:

Избавимъ мы языкъ отъ грязныхъ всѣхъ слоговъ,

Марающихъ языкъ посредствомъ эквивоковъ,

Двусмысленностей сальныхъ и намѣковъ.

Мы ихъ считать привыкли за враговъ

Всѣхъ женщинъ цѣломудренныхъ и скромныхъ.

ТРИССОТЕНЪ.

Проекты мудрые; и слава вамъ и честь.

ВЕЛИЗА.

Мы думаемъ на дняхъ вамъ свой уставъ прочесть.

ТРИССОТЕНЪ.

Я отъ него достоинствъ жду огромныхъ.

АРМАНДА.

Мы будемъ судьями единственными всѣхъ

Въ стихахъ и прозѣ новыхъ сочиненій,

Тагъ что отъ смысла нашихъ только мнѣній

Зависѣть будетъ ихъ успѣхъ, или неуспѣхъ;

Но, строгія къ другимъ, мы, вѣрныя программѣ,

За лучшихъ авторовъ себя признаемъ сами.

СЦЕНА III.

ТЪ ЖЕ и ЛЕПИНЪ.

ЛЕПИНЪ—Триссотену.

Какой-то господинъ желаетъ видѣть васъ;

Весь въ черномъ, говоритъ онъ тихо...

Всѣ всгавтъ.

ТРИССОТЕНЪ.

Это, вѣрно,

Ученый тотъ, мой другъ, который много разъ

Представиться желалъ вамъ.

ФИЛАМИНТА.

О, безмѣрно

Мы рады этому; вашъ другъ—намъ тоже другъ.

Триссотень уходитъ.

СЦЕНА IV.

ФИЛАМИНТА, АРМАНДА, БЕЛИЗА и ГЕНРИЭТТА.

ФИЛАМИНТА.

Принять его должны почётно мы въ свой кругъ.

Генриэттъ, которая хочетъ уйти.

Постой же! я тебѣ сказала,—безъ сомнѣнья
Ты слышала.

ГЕНРИЭТТА.

Но для какихъ же дѣлъ?

ФИЛАМИНТА.

Узнаешь скоро все. Минуточку терпѣнья.

СЦЕНА V.

ТЪ ЖЕ, ТРИССОТЕНЪ и ВАДУСЪ.

ТРИССОТЕНЪ.

Вотъ человекъ, который весь сгорѣлъ
Желаніемъ свести знакомство съ вами,
И, смѣю думать я, что удалось сыскать
Мнѣ собесѣдника, достойнаго блистать
Межъ вашими высокими умами.

ФИЛАМИНТА.

Вашъ выборъ цѣнимъ мы.

ТРИССОТЕНЪ.

Онъ занять цѣлѣй вѣкъ,
Всѣхъ древнихъ классиковъ цитируетъ свободно
И говорить по-гречески, какъ грекъ.

ФИЛАМИНТА—Белизѣ.

По-гречески, сестра, онъ знаетъ! превосходно!

БЕЛИЗА—Армандѣ.

По-гречески, Арманда!

АРМАНДА.

Онъ великъ!

ФИЛАМИНТА.

О, знайте, такъ люблю я греческій языкъ,
 Что васъ обнять по-дружески желаю.

Вадіусъ обнимаетъ Белву и Арманду.

ГЕНРИЭТТА—Вадіусу, который хочетъ обнять и ее.

Позвольте, — право, я по-гречески не знаю.

Всѣ садятся.

ФИЛАМИНТА.

Въ восторгѣ я отъ греческихъ творцовъ.

ВАДІУСЪ.

Боюсь, сударыня, что я въ концѣ-концовъ

Наскучу вамъ тѣмъ жаромъ неподдѣльнымъ,
 Который на поклонъ привелъ меня сюда.
 Быть можетъ, помѣшалъ я разговорамъ дѣльнымъ?

ФИЛАМИНТА.

Вы, зная греческій языкъ! О, никогда!..

ТРИССОТЕНЬ—указывая на Вадіуса.

Въ тому же, онъ въ стихахъ и прозѣ—просто чудо!
 Поэта лучшаго не знаю я покуда.

ВАДІУСЪ.

У многихъ авторовъ главнѣйшій ихъ порокъ,—

Переступивъ черезъ чужой порогъ,
 Въ толпѣ, или во дворцѣ, безъ всякаго стѣсненья
 Читатъ снотворныя свои произведенья.

По-моему, злосчастнѣйшій нѣтъ пѣвца,
 Поймавшаго врасплохъ довѣрчивыя уши
 И въ потѣ своего усталого лица
 Герзающаго ихъ наборомъ всякой чуши.

Я глупостью такой не зараженъ,
 И греку одному въ томъ слѣдую, обычно
 Поставившему всѣмъ философамъ въ законъ—
 Въ Аѳинахъ не читать трудовъ своихъ публично;
 Но вамъ охотно я прочту стихишки одни,
 Чтобъ знать, достойны ли вниманія они.

ТРИССОТЕНЬ.

Въ стихахъ соперниковъ найдете вы едва-ли.

Томъ VI.—Декабрь, 1876.

82/4

ВАДУСЪ.

А ваши—граціи вамъ, будто, диеговали.

ТРИССОТЕНЪ.

У васъ что ни строка, то бриллиантъ.

ВАДУСЪ.

У васъ самихъ блистательный талантъ.

ТРИССОТЕНЪ.

Въ вѣлогахъ вы сильнѣй, вамъ признаюсь по чести,
Виргилія и Теокрита вмѣстѣ.

ВАДУСЪ.

А благородный тонъ блестящихъ вашихъ одъ?
Туть и Горацій самъ въ сравненіе нейдетъ.

ТРИССОТЕНЪ.

А что милѣе вашихъ шансонетоевъ?

ВАДУСЪ.

Сонеты ваши! сколько въ нихъ души!

ТРИССОТЕНЪ.

А въ маленькихъ рондо какъ всякій стихъ вашъ мѣтоевъ!

ВАДУСЪ.

Какъ ваши мадригалы хороши!

ТРИССОТЕНЪ.

А вы въ балладѣ выше подражанья.

ВАДУСЪ.

Въ экспромтахъ вы достойны обожанья.

ТРИССОТЕНЪ.

Когда бы Франція могла вамъ цѣну знать...

ВАДУСЪ.

И еслибъ геніевъ умѣли мы вѣнчать...

ТРИССОТЕНЪ.

Возили-бъ васъ въ каретѣ триумфальной...

ВАДУСЪ.

Вамъ монументъ воздвигли-бъ колоссальный.

Ахъ, встать... о балладѣ. Мнѣ пора

Знать ваше мнѣніе. Какіе недостатки...

ТРИССОТЕНЪ—перебивая его.

Читали вы сонетъ о лихорадѣѣ
Ураніи?

ВАДУСЪ.

Да, въ обществѣ одномъ вчера
Читали мнѣ его.

ТРИССОТЕНЪ.

И автора сонета

Вы знаете?

ВАДУСЪ.

Не знаю. Только это

Извѣстно мнѣ, что очень плохъ сонетъ.

ТРИССОТЕНЪ.

Имъ восхищается, однако, высшій свѣтъ.

ВАДУСЪ.

Но, тѣмъ не менѣе, онъ стѣбитъ сожалѣнья,
Въ чемъ убѣдитесь вы и сами по прочтеніи.

ТРИССОТЕНЪ.

Едва-ли, я о немъ имѣю взглядъ такой,
Что писанъ онъ рукою мастерской.

ВАДУСЪ.

Избави Богъ меня отъ мастерства твоего!

ТРИССОТЕНЪ.

На мнѣніи своемъ настаиваю снова:

Сонетъ написанъ мной; я самъ его творецъ.

ВАДУСЪ.

Вы?

ТРИССОТЕНЪ.

Я.

ВАДУСЪ.

Да какъ же такъ случилось, наконецъ?

ТРИССОТЕНЪ.

Не угодилъ я вамъ, мнѣ очень неприятно.

ВАДУСЪ.

Я былъ вчера разсѣянъ, вѣроятно,
Иль чтецъ былъ плохъ. Забудьте мой уворъ:
Къ балладѣ собственной клонилъ я разговоръ.

ТРИССОТЕНЪ.

Баллады, кажется, давно уже не въ модѣ —
И пошло сочинять стихи въ подобномъ родѣ.

ВАДУСЪ.

Но все же есть любители балладъ.

ТРИССОТЕНЪ.

А я на нихъ другой имѣю взглядъ.

ВАДУСЪ.

Отъ этого онѣ не сдѣлаются хуже.

ТРИССОТЕНЪ.

Педанты одобряютъ только ихъ.

ВАДУСЪ.

Такъ вамъ не одобрять ихъ почему же?

ТРИССОТЕНЪ.

Нельзя-ли качествъ собственныхъ своихъ
Мнѣ глупо не навязывать...

Всѣ встаютъ.

ВАДУСЪ.

Однако,
Вы сами нагло дѣйствуете такъ...

ТРИССОТЕНЪ.

Молчи, пачкунъ, бессмысленный писака!

ВАДИУСЪ.

Прочь, виршенплётъ, кривляка изъ кривлякъ.

ТРИССОТЕНЪ.

Литературный воръ!

ВАДИУСЪ.

Педантишка!

ФИЛАМИНТА.

О, Боже!

Постойте, господа! На что-жь это похоже?

ТРИССОТЕНЪ—Вадіусу.

Ступай и возврати, безстыдный шарлатанъ,
Все, что укралъ у грековъ и римлянъ.

ВАДИУСЪ.

Покайся предъ Парнасомъ, если можно,
Что ты Горація коверкалъ такъ безбожно.

ТРИССОТЕНЪ.

Припомни книгу собственную ты,
Гдѣ не разрѣзаны никѣмъ еще листы.

ВАДИУСЪ.

Припомни о своемъ книгопродавцѣ прежде,
Который отъ тебя въ больницу даже слѣгъ.

ТРИССОТЕНЪ.

Извѣстности моей не подточить невѣждѣ.

ВАДИУСЪ.

Такъ автора «Сатиръ» ¹⁾ припомни, мой дружокъ!

ТРИССОТЕНЪ.

Ты тоже не забудь.

ВАДИУСЪ.

Меня онъ уважаетъ,
Я въ этомъ убѣжденъ, хотя и задѣваетъ
Онъ, мимоходомъ, кончикомъ пера
Меня съ извѣстными любимцами двора,

¹⁾ Буало.

А ты, какъ образецъ и цвѣтъ дѣлакъ бездарныхъ,
Сталъ жертвой вѣчною остротъ его коварныхъ ¹⁾.

ТРИССОТЕНЬ.

Но развѣ этимъ я не вознесенъ?
Тебя, какъ жалкаго, съ толпой мѣшается онъ,
Однимъ ударомъ на смерть поражая, —
Меня же, какъ борца съ талантомъ уважая,
Съ которымъ нужно силы напрягать,
Разить онъ для того, чтобъ снова поражать,
Доказывая этимъ очень ясно,
Что побѣдить меня старается напрасно.

ВАДУСЪ.

Печатно я хочу помѣряться съ тобой.

ТРИССОТЕНЬ.

Еще почувствуешь ты руку Триссотена!

ВАДУСЪ.

Я въ прозѣ и стихахъ зову тебя на бой.

ТРИССОТЕНЬ.

Мы встрѣтимся другъ съ другомъ у Барбена! ²⁾

СЦЕНА VI.

ТЪ ЖЕ, безъ ВАДУСА.

ТРИССОТЕНЬ.

За увлеченіе простите вы меня.
Вашъ взглядъ на мой сонетъ, сударыня, цѣня,
Нападковъ я не могъ оставить безъ отвѣта.

ФИЛАМИНТА.

Хотѣлось бы мнѣ успокоить васъ...
Забудемъ этотъ споръ. Послушай, Генриетта!
Я съ болью сердца думала не разъ,
Что умъ развитъ твой слишкомъ мало,
И я тебѣ лекарство приискала.

¹⁾ Известно, что въ личности Триссотена Мольеромъ изображенъ аббат Котанъ.

²⁾ Книгопродавецъ того времени.

ГЕНРИЭТТА.

Напрасный трудъ вы вняли на себя.
 Я на ученныя бесѣды неспособна
 И, надъ собой усилій не любя,
 Не мудрствуя, могу прожить удобно;
 Я честолюбья вашего чужда
 И лучше дурочкой оставусь навсегда,
 Чѣмъ голову ломать напрасно буду,
 Придумывая острое словцо.

ФИЛАМИНТА.

И это говоришь ты матери въ лицо?
 Такъ значить, я за дочь краснѣть должна повсюду?
 Послушайся меня и разсуди сама,
 Что вѣшней красоты минутно обаянье:
 Цвѣтотъ сорвутъ и — нѣтъ благоуханья.
 Вся сила женщины лишь въ красотѣ ума,
 Которую не заглушаютъ годы,
 Несчастья и житейскія невзгоды.
 Давно искала средства я, чтобъ ты
 Вкусила сладость этой красоты,
 Чтобъ съ жаждою неутолимой знанья
 Въ великій мѣръ науки ты вошла
 И для себя супруга избрала
 Высокаго ума и дарованья.

Указывая на Триссотена.

Вотъ человекъ, котораго въ мужья
 Должна ты выбрать.

ГЕНРИЭТТА.

Какъ, мамаша? Я?

ФИЛАМИНТА.

Да, ты. Не корчи дурочку напрасно.

БЕЛИЗА—Триссотену.

Я поняла вашъ взглядъ и возвратить согласна
 Любовь, которая принадлежала мнѣ.
 На этотъ бракъ даю вамъ разрѣшенье
 И счастья вамъ желаю я исполнѣ.

ТРИССОТЕНЬ—Генриэттъ.

Восторгъ мой не находить выраженья,
И я не знаю, какъ мнѣ вась благодарить —
За честь и счастье...

ГЕНРИЭТТА.

Нельзя ли погодить!
Поспѣшно слишкомъ вы благодарите.

ФИЛАМИНТА.

Что за отвѣтъ? Гдѣ набралась ты прыти?
Такъ знай же, если... ты понять меня должна.

Триссотену.

Пойдемте! Пусть опомнится она.

СЦЕНА VII.

ГЕНРИЭТТА и АРМАНДА.

АРМАНДА.

Какъ о тебѣ заботится мамаша!
Вѣдь будущій твой мужъ такъ знаменить, пойми...

ГЕНРИЭТТА.

Желаешь, такъ себѣ въ мужья его возьми.

АРМАНДА.

На это воля матери, — не наша.

ГЕНРИЭТТА.

Какъ младшая сестра, могу я уступить
Тебѣ его охотно.

АРМАНДА.

Можетъ быть,
Что отъ него бы я не отказалась,
Когда бы тоже замужъ порывалась.

ГЕНРИЭТТА.

А еслибы педантами во снѣ
Я бредила, какъ ты, то, можетъ быть, и мнѣ
Такая партія блистательной казалась.

АРМАНДА.

Во всякомъ случаѣ, хоть разный вкусъ у насъ,
Родителямъ должны мы все же покоряться:
Желанье матери для дочери приказъ,
А потому тебѣ сопротивляться...

СЦЕНА VIII.

ТЪ ЖЕ, КРИЗАЛЬ, АРИСТЪ и КЛИТАНДРЪ.

КРИЗАЛЬ—подводя Клитандра къ Генриэттѣ.

Ну, дочка, согласиться ты должна:
Хочу, чтобъ руку вы другъ другу крѣпко сжали.
Вотъ будущій твой мужъ, а вотъ ему жена.
Такъ пожелалъ отецъ твой. Поняла ли?

АРМАНДА—Генриэттѣ.

Сговорчивѣе ты глядишь на этотъ разъ.

ГЕНРИЭТТА.

Родителямъ, сестра, должны мы покоряться:
Желаніе отца — для дочери приказъ.

АРМАНДА.

Повиновеніе должно согласоваться
И съ волей матери.

КРИЗАЛЬ.

Что тамъ ты говоришь?

АРМАНДА.

Замѣтила я лишь,
Что наша мать совсѣмъ иного мнѣнья.
Другой женихъ...

КРИЗАЛЬ.

Болтунья, замолчи!

Съ ней философствовать ступай до пресмыченья,
А какъ мнѣ поступать, трещѣтка, не учи,
Да мать предупреди, шепни ей на ушко ты,

Что трескотню ея мнѣ слушать нѣтъ охоты.
Ступай же!

СЦЕНА IX.

ТЪ ЖЕ, безъ АРМАНДЫ.

АРИСТЪ.

Чудеса! Да это ты ли, братъ?

КЛИТАНДРЪ.

Свою судьбу благословлять я радъ.

БРИЗАЛЬ—Клитандру.

Идите же впередъ вы въ комнату къ невѣстѣ,
Какъ голубки, съ ней поворкуйте вмѣстѣ.

Аристу.

Смотря на нихъ, самъ молодѣю я;
Ихъ счастье меня, какъ-будто, обновляетъ,
И въ памяти неволью оживаетъ
Вся золотая молодость моя.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

СЦЕНА I.

ФИЛАМИНТА и АРМАНДА.

АРМАНДА.

Да, въ заблужденіи своемъ она упорна
И, только по наружности поворна,
Ждетъ-не-дождется брачнаго вѣнца.
Сестра, — кто этого теперъ не замѣчаетъ? —
Не столько слѣдуетъ желанію отца,
Какъ матери идти напереворъ желаетъ.

ФИЛАМИНТА.

О, я ей докажу, кого изъ насъ изъ двухъ
Ей нужно слушаться! Еще узнаетъ дочка
Что выше и сильнѣй — безсмертный духъ,
Иль брeнная, земная ободочка?

АРМАНДА.

Приличья никакого нѣтъ у нихъ,
И этотъ господинъ, непрошенный женихъ,
Желаетъ стать насильно вашимъ зятемъ.

ФИЛАМИНТА.

Но никогда ему не стать имъ.
Порядочнымъ онъ былъ, казалось мнѣ, сперва,
Его любовь къ тебѣ я даже одобряла,
Но всѣ его поступки и слова
Я въ новомъ свѣтѣ скоро увидѣла.
Онъ знаетъ, напримѣръ, что хвалить всѣ мой слогъ,
Что я пишу статьи и, несмотря на это,
Ни разу не просилъ прочесть ему двухъ строгъ.

СЦЕНА II.

ТЪ ЖЕ и КЛИТАНДРЪ—слушаетъ въ дверяхъ.

АРМАНДА.

Будь я на вашемъ мѣстѣ — Генріетта
Забыла бы про этотъ глупый бракъ.

Вы понимаете, что говорю я такъ
 Безъ всякой зависти или досады личной.
 Нѣтъ, разумъ мой, къ анализу привычный,
 Находить въ философіи оплотъ
 И выше всякихъ будничныхъ заботъ.
 Не за себя — за васъ оскорблена я;
 Вашъ долгъ не уступать, намѣреня ихъ зная,
 Тѣмъ больше, что Клитандръ доказывалъ сто разъ,
 Что онъ не уважаетъ вовсе васъ.

ФИЛАМИНТА.

Глупецъ!

АРМАНДА.

Когда о вашей славы всюду
 Трубить молва, — онъ холоденъ, какъ ледъ.

ФИЛАМИНТА.

Бездѣльникъ!

АРМАНДА.

А стихи всѣ ваши онъ зоветъ
 Наборомъ словъ.

ФИЛАМИНТА.

Наглецъ! Не позабуду

Я дерзости такой.

АРМАНДА.

Я съ нимъ вступала въ споръ,
 И если-бъ знали вы, какой ужасный ведоръ...

КЛИТАНДРЪ—Армандѣ.

Позвольте! Будьте хоть немного,
 Сударыня, правдивы и честны.
 Какое зло, скажите, ради Бога,
 Я сдѣлалъ вамъ? Гдѣ всѣ мои вины,
 Рождающія въ васъ такое озлобленье?
 За что меня вы стали такъ чернить
 Въ глазахъ людей, которыхъ снисхожденье
 Теперь особенно хочу я заслужить?
 За что же гнѣвъ такой, скажите откровенно?

АРМАНДА.

На васъ я не сержусь, но вѣрите, сударь, мнѣ,
 Что гнѣва моего достойны вы вполне:
 Въ насъ чувство первое бываетъ такъ священо,
 Что, обманувшись разъ, въ разбитомъ сердцѣ вновь
 Не скоро загорается любовь.
 Невѣрность сердца хуже преступленья:
 Клятвопреступнику одинъ отвѣтъ — презрѣнье.

КЛИТАНДРЪ.

Не я вамъ измѣнилъ, а сами вы меня
 Своимъ бездушіемъ надменно оттолкнули,
 Мнѣ душу холодомъ суровымъ леденя, —
 Такъ вашъ упрекъ выслушивать могу-ли?
 Я привязался къ вамъ, какъ самый близкій другъ,
 Два года для меня вы были всѣхъ дороже,
 Я не жалѣлъ заботъ, вниманья и услугъ,
 На жертву всякую готовъ былъ я — и что же?
 Ни нѣжности моей, ни страсти раздѣлять
 Не пожелали вы... чего же было ждать?
 И я съ другой тѣмъ чувствомъ подѣлился.
 Кто-жъ виновать, скажите мнѣ, изъ насъ?
 Я-ль бросить васъ рѣшился,
 Иль вы меня прогнали съ глазъ?

АРМАНДА.

Вы, кажется, понять не захотѣли,
 Что не гнала я васъ, а добивалась цѣли
 Единственной—въ васъ нравственность поднять
 И чувству вашему дать высшее значенье.
 Привязанности чистой раздѣлять
 Вы не могли и въ жаждѣ упоенья
 Восторговъ чувственныхъ искали, но огня
 Такого не нашли вы у меня.
 Нѣтъ, для высокихъ душъ съ ихъ чистотой духовной
 Любовь подобная—является грѣховной;
 И въ нихъ горитъ огонь, но въ немъ—небесный свѣтъ,
 Неодолимый сумракомъ полночнымъ...
 Мы любимъ для того, чтобы любить, и нѣтъ
 Желаній грязныхъ въ сердцѣ непорочномъ;
 На счетъ ума привыкнувъ жить давно,
 Забыли мы совсѣмъ, что тѣло намъ дано.

КЛИТАНДРЪ.

Къ несчастью, убѣдился я на дѣлѣ,
 Что состою изъ тѣла и души,
 Которая имѣетъ нѣжду въ тѣлѣ...

Быть можетъ, ваши мнѣнья хороши,
 Но въ мудрости такой мнѣ небо отказало,
 И не могу я жить душой своей одной.

Конечно, правы вы: прекраснаго не мало

Въ привязанности чистой, неземной
 Но не по мнѣ она: когда овладѣваетъ
 Мной сильная любовь и пламенная страсть,
 Тогда меня всего всесильно поворачаетъ

Ея неограниченная власть.

На свѣтѣ, кажется, всѣ люди въ этомъ родѣ,
 И браки до сихъ поръ въ большемъ ходу и модѣ.
 Ужели оскорбить я только тѣмъ васъ могъ,

Что искренно хотѣлъ на васъ жениться

И подаль вамъ предлогъ

За это на меня серьезно разсердиться?

АРМАНДА.

О, если ужъ на то пошло

И чувственность въ любви для васъ такъ неизбежна,

Что, всѣмъ моимъ теоріямъ на зло,

Вы можете привязаны быть нѣжно

Не иначе, какъ цѣпью брачныхъ узъ,

Я, такъ и быть, рѣшаюсь на союзъ,

Когда на предложенье ваше

Согласье дастъ мамаша.

КЛИТАНДРЪ.

Не поздно ли? Не возвратится вновь

Привязанность, отвергнутая вами:

Вся жизнь моя и вся моя любовь

Принадлежатъ другой...

ФИЛАМИНТА.

Я вашими словами

Возмущена. При выборѣ жены,

Довѣрившись обманчивой надеждѣ,

Вы были бы, я думаю, должны

Матери ея просить согласья прежде.
 Вы слишкомъ занесли; опомнитесь. Къ тому-жь,
 давно ужъ выбранъ мной для Генриэтты мужъ.

КЛИТАНДРЪ.

Кого-жь избрали вы себѣ въ зятя такъ скоро?
 Избавьте вы меня, молю васъ, отъ позора
 Имѣть соперниковъ такихъ, какъ Триссотенъ.
 Мнѣнусь, противника нельзя придумать хуже!..

Конечно, въ жизни, полной переменъ,
 Нашъ вѣкъ, упадокъ вкуса обнаружа,
 Знчаетъ лаврами бездарнѣйшихъ творцовъ,
 Но Триссотена всѣ отлично разгадали,
 И пошлыя его творенія едва-ли

Найдутъ восторженныкъ чтецовъ.

А вы.... меня всегда вы изумляли,
 Превознося его едва не до небесъ

И видя верхъ чудесъ
 Въ его напыщенномъ и пошломъ риѣмоплѣтствѣ.

ФИЛАМИНТА.

Вы мнѣніе одно составили о немъ,
 Другое—мы, а при такомъ несходствѣ
 Другъ друга никогда мы не поймемъ.

СЦЕНА III.

ТЪ ЖЕ и ТРИССОТЕНЪ.

ТРИССОТЕНЪ.

Я съ важной новостью. Представьте, до разсвѣта
 Сегодня близко такъ прошла отъ насъ комета,
 Что намъ едва погибнуть не пришлось.
 Когда бы ей съ землей столкнуться довелось,
 Она бы—такова чудовищная сила—
 Планету нашу въ дребезги разбила.

ФИЛАМИНТА.

Ахъ, этотъ разговоръ на время прекратимъ:
 Мы гостю нашему наскучить можемъ имъ.

Невѣжество взявъ смѣло на поруки,
 Цитаетъ ненависть къ уму онъ и къ наукѣ.

КЛИТАНДРЪ.

Вы исказили истину, меня
 Защитникомъ невѣжества рисуя.
 Науку по достоинству цѣня
 И предъ ея могуществомъ пасуя,
 Я только не люблю идей,
 Вносящихъ порчу въ общество людей.
 Невѣжды иногда почтеннѣе мудреныхъ
 Всезнаекъ нынѣшнихъ и записныхъ ученыхъ.

ТРИССОТЕНЪ.

Мнѣ кажется, наука никогда
 Не можетъ быть источникомъ вреда.

КЛИТАНДРЪ.

А я такъ думаю, въ томъ убѣдись невольно,
 Великихъ дураковъ творить она довольно.

ТРИССОТЕНЪ.

Но это парадоксъ!

КЛИТАНДРЪ.

Нисколько, и мой взглядъ
 Примѣры ясны отлично подтверждать.

ТРИССОТЕНЪ.

Смотря, какой примѣръ вы приведете.

КЛИТАНДРЪ.

О, за примѣромъ мнѣ ходить не далеко.

ТРИССОТЕНЪ.

Не вижу я его.

КЛИТАНДРЪ.

Ищите и найдете,
 А вамъ особенно найти его легко.

ТРИССОТЕНЪ.

Все-жъ отъ невѣжества скорѣе, чѣмъ отъ знаній,
 Плодятся дураки.

КЛИТАНДРЪ.

Есть больше основаній
Предполагать, что глупъ еще не такъ
Невѣжда, какъ ученѣйшій дуракъ.

ТРИССОТЕНЪ.

Отъ правды далеко ушли мы:
Глупецъ съ невѣждой—синонимы.

КЛИТАНДРЪ.

Ужъ если доводить сравненіе до конца:
Педантъ походить больше на глупца.

ТРИССОТЕНЪ.

Невѣжда пропадетъ, познаній не усвоитъ.

КЛИТАНДРЪ.

Отъ книжной мудрости педантъ тупѣетъ вдвое.

ТРИССОТЕНЪ.

Вѣдъ знанья—нѣтъ заслугъ; въ немъ—мудрости вѣнецъ.

КЛИТАНДРЪ.

Отъ знанія пошлѣй становится наглець.

ТРИССОТЕНЪ.

Въ невѣжествѣ для васъ такая прелесть скрыта,
Что защищать его готовы вы открыто.

КЛИТАНДРЪ.

Но это съ тѣхъ лишь поръ,
Какъ привелось вступить мнѣ въ разговоръ
Съ известными учеными.

ТРИССОТЕНЪ.

Короче

Узнайте ихъ.

КЛИТАНДРЪ.

Но слушать ихъ—нѣтъ мочи.

ФИЛАМИНТА—Клитандру.

Однако, вы...

Томъ VI—Декабрь, 1875.

38/3

КЛИТАНДРЪ.

Позвольте кончить мнѣ.
Надѣюсь, что силенъ противникъ мой вполне
И помощи не ждетъ. Къ тому же, я стараюсь
Не нападать, а только защищаюсь.

АРМАНДА.

Но раздражительность и ѣдкость вашихъ словъ...

КЛИТАНДРЪ.

Еще помощница? я замолчать готовъ.

ФИЛАМИНТА.

Я допускаю споръ, но личные нападки
Въ немъ неприличны, сударь мой, и гадки.

КЛИТАНДРЪ.

Ахъ, Боже мой! Безъ злобы я смѣюсь,
И шутку онъ пойметъ, какъ истинный французъ.
Къ тому-жъ, отъ смѣха—будь смѣхъ колкій и злорадный—
Онъ защищенъ извѣстностью громадной.

ТРИССОТЕНЬ.

Я вовсе не дивлюсь, что собесѣдникъ мой
Горой стоитъ за мракъ. Вполнѣ довольный тьмой,
Старается двору потворствовать онъ лестно:
Дворъ разума не чтить, какъ это всѣмъ извѣстно,
И за невѣжество стоять имѣетъ интересъ:
Оно въ глазахъ двора имѣетъ полный вѣсъ.

КЛИТАНДРЪ.

На этотъ бѣдный дворъ вы сердитесь ужасно,
И вѣрно онъ скорбитъ, смотря, какъ ежедневно
Такіе остряки, какъ вы, его громятъ,
Талантовъ вашихъ всѣхъ признать въ немъ не хотятъ,
А потому, въ рѣчахъ своихъ горячихъ,
Дворъ обвиняете вы въ вашихъ неудачахъ,
И за безвкусіе корите этотъ дворъ.
Позвольте-жъ мнѣ сказать, чтобъ заключить нашъ споръ,
Что вы съ собратьями разумнѣе бы были,
Когда бы о дворѣ помягче говорили.

Поистинѣ, не всѣмъ такъ северно при дворѣ,
 Какъ вамъ разсказывать угодно:
 И въ немъ заботятся о знаньѣ, о добрѣ,
 И въ немъ есть умъ, способный благородно
 Заслуги награждать и, нѣтъ сомнѣнья въ томъ,
 Хорошій вкусъ развиться можетъ въ немъ.

ТРИССОТЕНЬ.

Намъ факты говорить про этотъ вкусъ иное.

КЛИТАНДРЬ.

Что-жь говорить? Дурное?

ТРИССОТЕНЬ.

Еще бы нѣтъ! Мы всѣ убѣждены,
 Что Бальдусъ, напримѣръ, и Равіусъ должны,
 Какъ гордость Франціи, повсюду прославляться,
 А при дворѣ—въ томъ совѣстно признаться—
 Лишаютъ ихъ вниманья и награды.

КЛИТАНДРЬ.

Вашъ гнѣвъ понятенъ мнѣ. Изъ скромности похвальной
 Себя забыли вы поставить съ ними въ рядъ.
 Но въ чемъ же состоитъ ихъ подвигъ колоссальный?

Въ наборѣ громкихъ фразъ?

Чѣмъ, говорю, конечно, не о васъ,—

Чѣмъ замѣчательны всѣ ихъ произведенья,
 Что сдѣлали они, чтобъ обвинять нашъ дворъ

За грубое его пренебреженье?

Какъ! Геніи они? Съ какихъ же это поръ?

Какъ! Франція нуждается въ ихъ знаньѣ

И долженъ дворъ цѣнить ихъ умъ и дарованье?

Пигмен жалкіе! Кто могъ увѣрить ихъ,

Что мы читать должны подобныхъ пустозвоновъ,

Что ихъ перо и каждый новый стихъ

Распоряжается судьбой коронъ и троновъ,

Что осыпать ихъ долженъ градъ

Великихъ милостей, подарковъ и наградъ,

Что цѣлый міръ, сложивъ благоговѣйно руки,

Глядитъ на нихъ, и что въ родной странѣ

Обязаны считать ихъ свѣточемъ науки?

За что-жь? отвѣйте мнѣ.

За то ли, что они съ усердіемъ упрямымъ
Латынью пичкались лѣтъ тридцать, можетъ быть,
И торопились головы набить

Различнымъ книжнымъ хламомъ?

Въ наукѣ, повторяя намъ зады,
Всѣ эти книжники, отъ знаній сбившись съ толку,
Жизнь цѣлую, болтая безъ умолку,
Негодны ни къ чему, разсудка лишены
И, наглостью одной одарены,
Надоѣдаютъ всѣмъ до отвращенья
И лишь безславятъ дѣло просвѣщенья.

ФИЛАМИНТА.

Вы слишкомъ горячи; волненье въ васъ растеть...
Конечно, съ вами спорить тотъ,
Чье имя такъ извѣстно и такъ славно...

СЦЕНА IV.

ТЪ ЖЕ и ЖУЛЬЕНЪ.

ЖУЛЬЕНЪ.

Ученый, посѣтившій васъ недавно,
Которому имѣю честь служить,
Велѣлъ, сударыня, записку вамъ вручить
И поклониться низко.

ФИЛАМИНТА.

Хотя бы важности большой была записка,
Но вы понять должны, мой другъ,
Что въ домъ чужой нельзя врываться безъ доклада:
Вамъ прежде обратиться было надо
Къ кому-нибудь изъ здѣшнихъ слугъ.
Такъ поступаюгъ всѣ обыкновенно,
О чемъ и васъ не забывать прошу.

ЖУЛЬЕНЪ.

Я въ памятную книжку непременно,
Сударыня, все это запишу.

ФИЛАМИНТА—читаетъ.

«Милостивая государыня! Триссотенъ хвалится, что онъ же-
нится на вашей дочери. Я васъ предупреждаю, что его филосо-

«фія вергитса овокo вaшeгo бoгaтствa, и вы хoрoшo сдѣлaетe, eсли нe зaклoчитe этoгo брaкa, пoкa я нe кoнчу пoэмy, кoтoрyю прoтивъ нeгo сoчиняю. Въ oжидaнiи этoгo прoизвeдeнiя, гдѣ я нaмѣрeвaюсь изoбрaзить eгo сaмыми яркими крaскaми, пeснy слaю вaмъ Гoрaцiя, Виргилiя, Тeрeнцiя и Кaтуллa съ oтмѣткaми нa пoляхъ всѣхъ мѣстъ, выгрaдeнныхъ г. Триссотeнoмъ.»

У истинныхъ заслугъ всегда враги найдутся.

А! если такъ,—

Отъ зависти онъ можетъ задохнуться:

Сегодня-жъ сдѣлаю я шагъ

Рѣшительный, и Генріэтты бракъ,—

Пусть знаетъ клеветникъ, писавшій эти строчки,—

Устрою я безъ всякой проволочки.

Жульену.

Ступайте-жъ къ господину своему

И передайте, милый мой, ему,

Какъ выраженъе полнаго вниманья

Къ словамъ его достойнаго посланья:

Указывая на Триссотена.

Какъ будущій мой зять, съ сегодняшняго дня

Онъ будетъ принятъ въ домѣ у меня.

СЦЕНА V.

ТѢ ЖЕ, безъ ЖУЛЬЕНА.

ФИЛАМИНТА—Клитандру.

Семейства нашего я другомъ васъ считаю,

А потому надѣюсь видѣть васъ

При подписи контракта: приглашаю

Быть непременно въ этотъ часъ.

А ты займись, Арманда, приглашеньемъ

Нотариуса къ намъ и извѣсти сестру

О томъ, что рѣшено сегодня поутру.

АРМАНДА.

Къ чему же? Къ Генріэттѣ съ извѣщеньемъ

Самъ господинъ Клитандръ навѣрно поспѣшитъ

И такъ ее настроитъ, убѣдитъ,

Что, не мигнувши глазомъ,

Она отвѣтитъ вамъ рѣшительнымъ отказомъ.

ФИЛАМИНТА—уходя.

Еще увидимъ мы—чья власть надъ ней сильнѣй
И трудно ли управиться мнѣ съ ней.

СЦЕНА VI.

ТЪ ЖЕ, безъ ФИЛАМИНТЫ.

АРМАНДА.

Могу увѣрить васъ, что я едва не плачу,
Въ исканьи вашемъ видя неудачу.

КЛИТАНДРЪ.

Она еще не столько велика,
И сокрушаться вамъ не слѣдуетъ пова.

АРМАНДА.

Мнѣ жаль, но въ вашу успѣхъ я вѣрю очень мало.

КЛИТАНДРЪ.

Но вы, такъ думая, ошиблись, можете быть.

АРМАНДА.

Я, право, ошибиться бы желала.

КЛИТАНДРЪ.

Надѣюсь, что вы мнѣ не станете вредить
И даже помогать начнете въ этомъ дѣлѣ,
Взявъ сторону сестры и своего отца?

АРМАНДА.

Отъ всей моей души!

КЛИТАНДРЪ.

И я, добившись цѣли,
Признателемъ вамъ буду безъ конца.

СЦЕНА VII.

КРИЗАЛЬ, АРИСТЪ, ГЕНРИЭТТА и КЛИТАНДРЪ.

КЛИТАНДРЪ.

Вамъ поддержать меня теперь необходимо:

Супруга ваша такъ была неумолима,
Что Триссотена мнѣ открыто предпочла.

КРИЗАЛЬ.

Какъ эта чепуха ей въ голову взбрела?
Ну, что она нашла въ подобной образинѣ?

АРИСТЪ.

Способностью слагать куплеты по-латыни
Онъ надъ соперникомъ своимъ взялъ перевѣсъ.
И въ душу матери, какъ бѣсъ лукавый, влѣзъ.

КЛИТАНДРЪ.

Она сегодня же намѣрена, однако,
Устроить сватовство, не отлагая брава.

КРИЗАЛЬ.

Сегодня?

КЛИТАНДРЪ.

Вечеромъ.

КРИЗАЛЬ.

Такъ вечеромъ я самъ
Свое согласие вамъ официально дамъ.

КЛИТАНДРЪ.

Для составленья брачнаго контракта
Нотариуса ждѣть въ себѣ она.

КРИЗАЛЬ.

За нимъ и я пошлю для заключенья акта.

КЛИТАНДРЪ—указывая на Генриэтту.

И ваша дочь черезъ сестру должна
Узнать—кому обѣщана она.

КРИЗАЛЬ.

А я заставлю дочь,—вотъ честное вамъ слово,—

За васъ идти, ни за кого другого.

О, я имъ покажу, что въ домѣ я одинъ—

Глава и властелинъ!..

Генриэттѣ.

Ты подожди насъ здѣсь и брось свое смущенье...

Аристу.

Пойдемъ-ка, братъ, ко мнѣ.

ГЕНРИЭТТА—Аристу.

Ахъ, поддержите это настроенье
Въ моемъ отцѣ.

АРИСТЪ.

Довѣрься мнѣ вполнѣ.

СЦЕНА VIII.

ГЕНРИЭТТА и КЛИТАНДРЪ.

КЛИТАНДРЪ.

Какую-бъ помощь мнѣ въ любви ни обѣщали,
Но я на васъ надѣюсь больше всѣхъ.

ГЕНРИЭТТА.

Вы знаете—и въ счастья, и въ печали
Я ваша всей душой.

КЛИТАНДРЪ.

О, если такъ,—помѣхъ
Я не страшусь и долженъ называться
Счастливейшимъ изъ смертныхъ!..

ГЕНРИЭТТА.

Да, но все-жъ
Хотать насъ разлучить. Сегодня стоворъ.

КЛИТАНДРЪ.

Ложь!

Пока вы за меня, мнѣ нечего бояться.

ГЕНРИЭТТА.

Для исполненія моихъ завѣтныхъ грѣзъ
Я все употребляю, но еслибъ привелось
Намъ навсегда разстаться,
То есть убѣжище съ священной тишиной,
Гдѣ никому другому не удастся
Назвать меня своей женой.

КЛИТАНДРЪ.

Вы любите меня,—довольно! и, повѣрьте,
Я буду этотъ день благословлять до смерти.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

СЦЕНА I.

ГЕНРИЭТТА и ТРИССОТЕНЬ.

ГЕНРИЭТТА.

Давно хотѣлось съ вами мнѣ

Поговорить наединѣ;

Я буду откровенна, не слушаю

И правду всю васъ выслушать заставлю.

Мнѣ очень хорошо извѣстно, что за мной

Вы думаете взять приданое большое;

Но знаю также хорошо я,

Что счастье не въ богатствѣ, хоть иной

Иначе думаетъ. Вы, какъ философъ въ жизни,

Чтобъ не подвергнуться всеобщей укоризнѣ,

Должны доказывать не на однихъ словахъ,

Что золото для васъ—ничтожество и прахъ.

ТРИССОТЕНЬ.

Клянусь, я чуждъ корыстныхъ побужденій!

Меня въ вамъ привлекаетъ не расчетъ;

Нѣтъ, ваши прелести, умъ, грація движеній,

Глубокой взглядъ, улыбка ваша—вотъ

Сокровища, предметъ моихъ желаній,

Моей любви и пламенныхъ мечтаній!..

ГЕНРИЭТТА.

За это отъ души я васъ благодарю,

Но — съ сожалѣньемъ это говорю —

Взаимности вы отъ меня не ждете.

Могу васъ уважать, когда хотите,

Но полюбить... люблю Клитандра я,

А двухъ любить, вы знаете, нельзя.

Я вижу, что Клитандръ васъ несравненно хуже,

Что я слѣпа, такого выбравъ мужа,

Что за таланты многіе свои

Вполнѣ вы стоите восторженной любви;

Я это сознаю, но лишена искусства

Насильно возбудить въ себѣ такое чувство.

ТРИССОТЕНЪ.

Но съ вашею рукой, обѣщанной мнѣ, я
 Надѣюсь получить и ваше сердце тоже,
 И, не щадя заботъ, которыхъ нѣтъ дороже,
 Успѣю, можетъ быть, дожидаться дня,
 Когда меня полюбите вы страстно.

ГЕНРИЭТТА.

Нѣтъ, чувству первому останусь я вѣрна,
 И всякая надежда въ васъ — напрасна,
 Въ чемъ я признаться искренно должна,
 Въ правдивости своей не видя оскорбленя.
 Любовь чуждается сухого разсужденя
 И не достоинствъ ищетъ въ людяхъ милыхъ... нѣтъ:
 Любовь — капризь. Дадимъ ли мы отвѣтъ,
 Чѣмъ именно намъ дорогъ другъ любимый?
 Законъ любви — законъ неуловимый...
 Ахъ, еслибы надъ ней могъ властвовать нашъ умъ,
 Предвидя неудачи и удачи,
 За васъ бы я пошла безъ всякихъ долгихъ думъ, —
 Но, видно, сердце думаетъ иначе.
 Оставьте-жъ вы меня съ моею слѣпотой,
 Не пользуйтесь жестокой властью той,
 Съ которою хотятъ меня заставить
 Идти за васъ. Подумайте: нужна, вѣдь,
 Особенная низость — черезъ мать
 Себѣ жену насильно добывать! .
 Нѣтъ, честный человекъ ей не навяжетъ счастья
 Отверженной любви и тяжелыхъ брачныхъ узъ,
 И никогда не вступить съ ней въ союзъ
 Безъ добровольнаго согласья.
 Не прибѣгайте же къ родительскимъ правамъ
 И не насилуйте, прошу, моихъ желаній.
 Не лучше-ль дѣвушку другую выбрать вамъ,
 Достойную всѣхъ вашихъ дарованій?

ТРИССОТЕНЪ.

Гдѣ средство васъ къ себѣ привлечь хоть чѣмъ-нибудь?
 Приказывайте мнѣ, повелѣвайте мною...
 Васъ не любить нельзя; вы сдѣлались одною
 Моей мечтой! Вы...

ГЕНРИЭТТА.

Дайте отдохнуть!

Не въ первый разъ, съ присущимъ вамъ талантомъ,
 Въ посланіяхъ къ Ирисамъ, къ Амарантамъ .
 Вы говорите съ жаромъ этимъ...

ТРИССОТЕНЬ.

Нѣтъ!

Я ими восхищался, какъ поэтъ:
 То говорилъ мой умъ, — не сердце. Сердце это
 Любовью бьется къ вамъ одной лишь, Генриэтта!

ГЕНРИЭТТА.

Иль замолчите вы, иль я уйду сейчасъ?

ТРИССОТЕНЬ.

Вы оскорбляетесь? Но я на этотъ разъ
 Себѣ прощу такое оскорбленье.
 Любовь, которую я такъ срывалъ отъ васъ,
 Ничто не сокрушитъ: ни гнѣвъ вашъ, ни презрѣнье.
 Могу ли я отъ счастья убѣгать,
 Когда и ваша мать
 Въ немъ приняла горячее участие?
 Всѣ средства хороши для достиженья счастья.

ГЕНРИЭТТА.

Но думали ли вы хотя единый мигъ,
 Къ чему ведетъ насиліе такое?
 Вѣдь вы рискуете, скажу вамъ напрямикъ,
 Лишиться сна, душевнаго покоя,
 Подобнымъ способомъ устраивая брань.
 Жена-невольница для мужа первый врагъ.

ТРИССОТЕНЬ.

О, этотъ врагъ меня не беспокоитъ.
 Ко всѣмъ случайностямъ мудрецъ себя готовитъ.
 Отъ легкихъ слабостей освободясь на вѣкъ
 И подчиняя ихъ разсудку безусловно,
 Благоразумный человекъ
 Смотрѣть на многое обязанъ хладнокровно.

ГЕНРИЭТТА.

Отъ философіи таковой,
 На всѣ случайности махающей рукой,
 Въ восторгѣ, просто, я, и видя въ васъ такъ много
 Душевной твердости, молитъ готова Бога,
 Чтобъ вашу жизнь связалъ онъ съ лучшею женой,
 Которую ни въ чемъ нельзя равнять со мной.

А мнѣ чужда подобная отвага,
 Мои достоинства не столько велики,
 И я, клянусь, для вашего же блага
 Вамъ не отдамъ своей руки.

ТРИССОТЕНЬ—уходя.

Посмотримъ. Намъ идти, однако, не пора-ли?
 Нотариусъ насъ ждетъ уже, навѣрно, въ залѣ.

СЦЕНА II.

ГЕНРИЭТТА, КРИЗАЛЬ, КЛИТАНДРЪ и MARTINA.

КРИЗАЛЬ—Генриэттѣ.

А, милая! ты очень встати здѣсь.
 Однимъ желаніемъ теперь живу я весь,
 Что поворнись ты вполне отцовской волѣ.
 Знай: матушку твою я проучить хочу,
 Ей поглажать не стану болѣ
 И, въ доказательство, что вовсе не шучу,
 Вернулъ Мартину я и въ домѣ водворяю.

ГЕНРИЭТТА.

Рѣшимость вашу я, отецъ мой, одобряю,
 Не измѣнила-бъ только вамъ она.
 Брѣпитесь же, настойчивымъ явитесь
 Въ своихъ желаніяхъ; главой семьи кажитесь:
 Въ ней мать командовать надъ вами не должна.

КРИЗАЛЬ.

Что-жъ, я волнакъ, по-твоему?

ГЕНРИЭТТА.

Ни мало,

Помилуйте!

КРИЗАЛЬ.

Фатишка? вѣтрогонъ?

ГЕНРИЭТТА.

Но развѣ что-нибудь такое я сказала?

КРИЗАЛЬ.

Иль думаютъ, что я характера лишень?
Что тряпца я?

ГЕНРИЭТТА.

О, нѣтъ, отецъ!

КРИЗАЛЬ.

Ужели

Я не сѣумѣлъ бы, въ самомъ дѣлѣ,
Въ мои года

Быть въ домѣ господиномъ полновластнымъ?

ГЕНРИЭТТА.

Конечно.

КРИЗАЛЬ.

Или я смотрю такимъ несчастнымъ,
Котораго безъ всякаго труда
Супруга водить за носъ?

ГЕНРИЭТТА.

Никогда

Такимъ вы не были.

КРИЗАЛЬ.

Башмакъ я,—да? Прекрасно,
Сударыня. Смѣшите вы меня.

ГЕНРИЭТТА.

Невольно, можетъ быть, васъ оскорбила я.

КРИЗАЛЬ.

Вы слушаться должны меня всѣ!

ГЕНРИЭТТА.

Это ясно.

БРИЗАЛЬ.

И предо мною ни гу-гу!
Въ семействѣ я одинъ повелѣвать могу.

ГЕНРИЭТТА.

Вы правы, батюшка!

БРИЗАЛЬ.

Мой голосъ первый въ домѣ.

ГЕНРИЭТТА.

Согласна съ вами я.

БРИЗАЛЬ.

Я мужъ, а не вознакъ,
И замужъ дочь отдать никто не смѣетъ, кромѣ
Ея отца.

ГЕНРИЭТТА.

Конечно, это такъ.

БРИЗАЛЬ.

Надъ вами власть я получилъ отъ Бога.

ГЕНРИЭТТА.

Кто-жъ въ этомъ сомнѣвался хоть немного?

БРИЗАЛЬ.

И постараюсь я на дѣлѣ доказать,
Что въ выборѣ супруга,—знай заранѣ,—
Должна меня ты слушать, а не мать.

ГЕНРИЭТТА.

Ахъ, это лучшее изъ всѣхъ моихъ желаній!
Вась буду слушаться во всемъ я съ этихъ поръ.

БРИЗАЛЬ.

Посмотримъ же, какъ мнѣ наперекорь
Пойдетъ жена.

КЛИТАНДРЪ.

Вотъ и она, а съ нею

Нотариусъ.

БРИЗАЛЬ.

И встати очень. Ну,
Всѣ стойте за меня.

МАРТИНА.

Я и одна съумѣю,
И нужное словцо, гдѣ слѣдуетъ, вверну.

СЦЕНА III.

ТѢ ЖЕ, ФИЛАМИНТА, БЕЛИЗА, АРМАНДА, ТРИССОТЕНЬ и НОТАРИУСЪ.

ФИЛАМИНТА—Нотариусу.

Въ контрактѣ вашемъ слогъ ужасенъ. Хоть немного
Займитесь, васъ прошу, вы исправляемъ слога.

НОТАРИУСЪ.

Нашъ слогъ? Чѣмъ дуренъ онъ? Глупцомъ бы я прослылъ,
Когда бы въ немъ хоть слово измѣнилъ.

БЕЛИЗА.

Какъ? въ центрѣ Франціи возможна дичь такая?
По крайней мѣрѣ, въ цѣль научную внивая,
Не можете ли вы счетъ франковъ измѣнить
На мины и таланты въ капиталѣ,
А самое число изобразить
Календами и Идами нельзя ли?

НОТАРИУСЪ.

Мои товарищи меня бы осмѣяли,
Когда-бъ рѣшился я исполнить вашу капризь.

ФИЛАМИНТА.

Мы бесполезнымъ споромъ увлеклись.
Въ своей обязанности, сударь, приступите:
Вотъ столъ,—садитесь и пишите.

Замѣтивъ Мартину.

Негодница опять явилась здѣсь! Когда?
И кто осмѣлился ввести ее сюда?

КРИЗАЛЬ.

Объ этомъ толковать теперь намъ не у мѣста,
У насъ есть дѣло нѣсколько важнѣй.

НОТАРИУСЪ.

И приступлю къ контракту. Гдѣ-жъ невѣста?

ФИЛАМИНТА.

Дочь младшая моя.

НОТАРИУСЪ.

Такъ.

КРИЗАЛЬ,—указывая на Генриэтту.

Имя ей—

Пишите—Генриэтта.

НОТАРИУСЪ.

Превосходно.

А кто женихъ?

ФИЛАМИНТА,—указывая на Триссотена.

Вотъ мнѣ кого угодно

Назначить ей въ мужа.

КРИЗАЛЬ—указывая на Клитандра.

А мужъ, котораго ей назначаю я—

Вотъ онъ!

НОТАРИУСЪ.

Два мужа!!...

Не много ли?

ФИЛАМИНТА.

Пишите. Почему же

Остановились вы? Вотъ Триссотенъ—мой зять.

КРИЗАЛЬ.

А я въ зятя хочу Клитандра взять.

НОТАРИУСЪ.

Нельзя ли вамъ войти въ такое соглашенье,
Чтобъ выбрать жениха,—конечно, одного.

ФИЛАМИНТА.

Я высказала вамъ свое рѣшенье.

КРИЗАЛЬ.

Меня вы слушайте и больше никого.

НОТАРИУСЪ.

Кого же, наконецъ, мнѣ слушать, въ самомъ дѣлѣ?

ФИЛАМИНТА—Кризаль.

Вы мнѣ противорѣчить захотѣли?

Нельзя ли помолчать, совѣтъ дамъ добрый вамъ.

КРИЗАЛЬ.

Я только не хочу—вотъ вся моя забота—
Чтобъ брали дочь мою изъ одного расчета:
Приданое ея прибрать къ своимъ рукамъ.

ФИЛАМИНТА.

Не прибѣгайте вы къ подобнымъ пустякамъ.
О средствахъ умный мужъ заботиться обязанъ.

КРИЗАЛЬ.

Съ Клитандромъ, наконецъ, я честнымъ словомъ связанъ.

ФИЛАМИНТА—указывая на Триссотена.

А я ему согласіе дала,
Вотъ выборъ мой,—и болѣе ни слова.

КРИЗАЛЬ.

Не много-ль, матушка, ты на себя взяла?

МАТИНА.

Я сторону мужчинъ принять готова,
Не бабы дѣло ими помѣшать.

КРИЗАЛЬ.

Мысль вѣрная.

МАТИНА.

Къ тому-жъ, и то сказать,
Предъ пѣтухомъ молчать должны всѣ куры.

КРИЗАЛЬ.

Отлично сказано!

МАТИНА.

Найдутся балагуры—

И мужа осмѣютъ и доведутъ до слезъ,
Коль онъ женѣ далъ власть во все совать свой носъ.

Томъ VI.—Декабрь, 1875.

84/6

КРИЗАЛЬ.

Конечно, такъ.

МАРТИНА.

И, вотъ вамъ крестъ, сама я
 Не вышла-бъ ни за что за мужа вадлака.
 Мужъ въ домѣ—голова и правая рука,
 А если-бъ, мужа бранью донмая,
 Дурить я начала, вполне онъ былъ бы правъ,
 Мнѣ потасовку сильную задавъ.

КРИЗАЛЬ.

Какъ говорить! Умно и полноувно.

МАРТИНА.

Нашъ баринъ справедливъ. Отцу, конечно, лестно
 Найти для дочери лучше муженька.

КРИЗАЛЬ.

Еще бы нѣтъ!

МАРТИНА.

Охота велика
 Отказывать красавчику такому,
 Любезному и молодому,
 И брать ученаго... Вотъ не видали бѣды!
 Не пара барышнѣ ученый книжникъ... Нѣтъ.
 Она не маракуетъ по-латыни
 И за него идти по той причинѣ
 Не слѣдъ ей.

КРИЗАЛЬ.

Мнѣнїе такое-жъ и мое.

ФИЛАМИНТА.

И нужно выносить подобное вранье!

МАРТИНА.

Всѣ эти умники лишь ловки въ краснобайствѣ,
 И для себя не выбрала бы я
 Ни одного изъ нихъ въ мужа.
 Ученость—дѣло лишнее въ хозяйствѣ;
 Гдѣ книги завелись, тамъ въ домѣ все вверхъ дномъ,
 И, если мнѣ признаться можно въ томъ,
 Желала-бъ для себя такого я супруга,

Чтобъ книгу онъ любилъ одну —
Свою жену;

Чтобъ понималъ буквварь французскій туго,
Ну, словомъ (барыня пусть недовольна мной),
Мужъ долженъ быть ученъ лишь для меня одной.

ФИЛАМИНТА—Кризалью.

Конецъ или нѣтъ? Я слишкомъ терпѣливо
Молчала. Все сказалъ вашъ милый адвокатъ?

КРИЗАЛЬ.

По-моему, Мартина справедлива.

ФИЛАМИНТА.

Довольно. Диспутъ конченъ. Поспѣшать
Пусть волю матери исполнить абсолютно.
Не повторять же мнѣ ежeminутно:
Вотъ дочь моя, а вотъ ея женихъ.
Не возражайте мнѣ. Соединяю ихъ
Обоихъ навсегда и съ этого мгновенья.
Когда же съ васъ Клитандръ возьмъ слово, наконецъ,
Пусть съ старшею сестрой идетъ онъ подъ вѣнецъ.

КРИЗАЛЬ.

Вотъ вамъ, въ концѣ-концовъ, и наше соглашенье!

Клитандру и Генриэттѣ.

Довольны вы?

ГЕНРИЭТТА.

Отецъ!..

КЛИТАНДРЪ.

Могу-ль...

БЕЛИЗА.

Что до меня,
Я знаю, кто зажечь въ немъ можетъ пылъ любовный,
Но... мы на сторонѣ любви духовной
И чистой, какъ свѣтло днѣ.

СЦЕНА IV.

ТЪ ЖЕ и АРИСТЪ.

АРИСТЪ.

Друзья мои, мнѣ очень неприятно
Являться вѣстникомъ печали въ этотъ часъ.

Вотъ два письма. Прочтите; вѣроятно,
Посланыя поразятъ громовой вѣстью васъ.

ФИЛАМИНТЪ.

Во-первыхъ, къ вамъ одно письмо отъ прокурора.

КРИЗАЛЬ.

Другое же къ тебѣ съ Лионской почты, братъ.

ФИЛАМИНТА.

Какія же несчастья намъ грозятъ?

АРИСТЪ.

Прочтите и узнаете все скоро.

ФИЛАМИНТА—читаетъ.

«Милостивая государыня! Я просилъ вашего брата передать
«вамъ это письмо, изъ котораго вы узнаете то, что я не осмѣли-
«ваюсь передать вамъ лично. Большая небрежность, съ каковою
«вы относились къ вашимъ дѣламъ, была причиной того, что клеркъ
«вашего докладчика не извѣстилъ меня во-время и вы положи-
«тельно проиграли процессъ, который должны были выиграть».

КРИЗАЛЬ.

Проигранъ вашъ процессъ!

ФИЛАМИНТА.

Чего-жъ смутились вы?

Такое малодушье непростойно,
И я, не опуская головы,
Ударъ судьбы перенесу спойно.

«Недостатокъ заботливости обойдется вамъ въ 40 тыс. экю.
«По приговору суда вы присуждены уплатить эту сумму вмѣстѣ
«съ судебными издержками».

По при-го-во-ру! Я при-су-жде-на!
Однихъ преступниковъ третировать такъ можно!

АРИСТЪ.

Конечно, выразился онъ неосторожно:
 Стилистика его васъ возмущать должна.
 Онъ написать обязанъ былъ безспорно:

Судъ проситъ васъ покорно

Всѣ деньги уплатить въ узаконенный срокъ.

ФИЛАМИНТА.

Другое же письмо?

КРИЗАЛЬ.

Въ немъ нѣсколько лишь строкъ.

Чтаетъ.

«М. Г. Дружба, связывающая меня съ вашимъ братомъ,
 «дастъ мнѣ нѣкоторое право интересоваться и вашими дѣлами.
 «Мнѣ известно, что Аргантъ и Дамонъ, въ рукахъ которыхъ на-
 «ходится вашъ капиталъ, объявлены въ настоящее время бан-
 «кротами».

Я разоренъ, мой Боже, совершенно!

ФИЛАМИНТА.

Вы взволновались черезчуръ!

Что за отчаянье? Для избранныхъ натуръ

Все это такъ обыкновенно:

Богатство потерявъ, они въ самихъ себѣ

Его найдутъ. Поэтому, судьбѣ,

Не унывая, нужно покориться.

Указывая на Триссотена.

Онъ самъ богатъ и съ нами подѣлится.

ТРИССОТЕНЪ.

О, нѣтъ, сударыня. Вы можете назадъ

Взять ваше обѣщанье.

Я вижу — цѣлмй свѣтъ единодушно радъ

Разстроить наше бракосочетанье,

А жить съ людьми въ ладу — одно мое желанье.

ФИЛАМИНТА.

Но вы иначе думали, пока

О нашемъ разореньи не узнали.

ТРИССОТЕНЬ.

Я, наконецъ, усталъ. Хоть очень велика
Та честь, которую вы мнѣ предоставляли,
Но я скорѣй отъ счастья откажусь,
Чѣмъ противъ общаго желанія женюсь.

ФИЛАМИНТА.

Въ моихъ глазахъ упали вы позорно.
И я въ васъ вѣрила, такъ долго, такъ упорно!..

ТРИССОТЕНЬ.

Смотрите на меня, какъ вамъ угодно: нѣтъ
До этого мнѣ никакого дѣла.
Презрительный отказъ я получилъ въ отвѣтъ
Моей любви, и я — мнѣ совѣсть повелѣла —
Переносить безчестья не могу,
Хотя меня всегда считайте смѣло
За вашего покорнаго слугу.

Уходить.

СЦЕНА V.

ТЪ ЖЕ, безъ ТРИССОТЕНА.

ФИЛАМИНТА.

Продажная душа! Теперь все ясно стало!
Онъ на философа походить очень мало.

КЛИТАНДРЪ.

Хоть не философъ я, но предлагаю вамъ
Всего себя и все, что я имѣю,
Готовый съ вами, если только смѣю,
Дѣлить бѣды и счастье пополамъ.

ФИЛАМИНТА.

Цѣню и чувствую великодушье ваше.
Вы любите, я вижу, дочь мою:
Берите-жь Генріэтту.

ГЕНРИЭТТА.

Нѣтъ, мамаша.

Я голосъ противъ подаю
И съ вашей волею должна не соглашаться.

КЛИТАНДРЪ.

Какъ? васъ ли слышу я? Могу-ль не изумляться?

Когда препятствія отъ насъ устранены,
Вы...

ГЕНРИЭТТА.

Знаю я, что вы, Клитандръ, бѣдны.
Мечтая быть женою вашей, прежде,
Давъ волю самой сладостной надеждѣ,
Я часто думала о томъ, что этотъ бракъ
Разстройство вашихъ дѣлъ поправить. Но не такъ
Случилось: обѣднѣли мы, и я ли,
Любя васъ искренно и свято, допущу,
Чтобъ вы невзгоды наши раздѣляли?

КЛИТАНДРЪ.

Но съ вами и въ бѣдахъ я счастье отыщу,
А жизнь безъ васъ—томительная мука.

ГЕНРИЭТТА.

Въ васъ говорить любовь, любовь же—близорука.
Нѣтъ, лучше жизни мы не будемъ отравлять.
Ничто не портитъ такъ любви и наслажденья,
Какъ нужды и житейскія лишенья,
Которыя родятъ потомъ—какъ знать?—
Упреки, жалобы и сердца охлажденье.

АРИСТЪ.

И у тебя причины нѣтъ иной
Отказывать ему?

ГЕНРИЭТТА.

Нѣтъ, но его женой
Не буду я, ему добра желая.
Онъ слишкомъ дорогъ мнѣ, чтобъ за него пошла я.

АРИСТЪ.

Такъ будьте счастливы вы оба съ этихъ поръ.
Банкротство, нищета—все это сущій вздоръ,
Комедія невинная и ловко
Придуманная мной военная уловка,
За тѣмъ, чтобъ доказать и убѣдить сестру,
Что намъ ея мудрецъ совсѣмъ не во двору.

Хвала Создателю!
 КРИЗАЛЬ.
 ФИЛАМИНТА.

Я безконечно рада.
 Мнѣ представляется неволью та досада
 Нахала этого, когда парижскій свѣтъ
 Заговорить о пышной свадьбѣ всюду:
 Для жадности глупца урока лучше нѣтъ.

КРИЗАЛЬ—Клитандру.
 Я зналъ впередъ, что вашимъ тестемъ буду.

АРМАНДА—Филаминтъ.
 Такъ вы меня имъ въ жертву принесли?

ФИЛАМИНТА.
 Да, къ этому, ты видишь, всё пришла.
 А ты... ты поворись такому приговору
 И въ философін найди себѣ опору.

БЕЛИЗА.
 А все-таки Клитандръ въ одну меня влюбленъ
 И женится съ отчаянїя онъ.

КРИЗАЛЬ—нотариусу.
 Пишите же контрактъ съ моею волей сходно,
 Какъ я вамъ приказалъ, какъ было мнѣ угодно.

ДМИТРИЙ МИНАЕВЪ.

ПОЛОЖЕНІЕ ССЫЛЬНЫХЪ

ВЪ

С И Б И Р И

Окончаніе.

IV *).

ПРЕСТУПЛЕНІЯ ССЫЛЬНЫХЪ.

Однимъ изъ самыхъ печальныхъ результатовъ неудовлетворительнаго состоянія ссыльныхъ являются преступленія ихъ, обнаруживающія свое вліяніе на общій уровень нравственности. Конечно, ссыльные не приносятъ съ собою нравственныхъ элементовъ, — но сторонними ссылами выражаютъ всегда мнѣніе, будто преступники въ Сибири съ перемѣною мѣста и среды теряютъ свои дурныя наклонности и становятся нравственнѣе. Мало того, составилось мнѣніе, что Сибирь представляетъ даже меньшую преступность, чѣмъ Россія. Въ виду такого утвержденія необходимо повѣрить, дѣйствительно ли все это такъ. Мы уже видѣли, что обстановка ссыльныхъ и ихъ настоящее неудовлетворительное положеніе никакъ не могло способствовать особенному сохраненію нравственности. Тяжелія условія труда, нищета и бѣдность, отсутствіе осѣдлости, праздность и бродяжество, наклонность къ побѣгамъ не могли не усилить наклонности къ преступленіямъ.

*) См. выше: ноябрь, 313 стр.

Точно также не могъ благопріятствовать нравственности ссыльныхъ целибатъ, преобладаніе въ нихъ мужского населенія надъ жепскимъ, предшествовавшая жизнь по острогамъ, долгое этапное странствованіе по прежнимъ тюрьмамъ, — все это не могло не отразиться на нравахъ ссыльныхъ. Но оставимъ все это въ сторонѣ и возьмемъ ссыльнаго, какъ человѣка; независимо отъ прошедшей его жизни; каково окажется развитіе его нравственности исключительно подъ вліяніемъ условій сибирской жизни?

Обращаясь къ мнѣніямъ лицъ, близку сталкивавшихся съ ссыльнымъ населеніемъ, къ отчетамъ мѣстнаго начальства, наконецъ къ мнѣнію сибирскихъ обществъ и крестьянства, мы приходимъ къ заключенію, что отзывы эти о нравственности ссыльныхъ въ большинствѣ не особенно благопріятны и не даютъ права заключить многого объ ихъ способностяхъ и поведеніи.

Администрація, управлявшая ссыльными въ Сибири, давнымъ-давно высказывала взглядъ не особенно выгодный о жизни ссыльныхъ и ихъ нравственномъ достоинствѣ.

Изъ позднѣйшихъ отзывовъ мы можемъ указать на слѣдующее; вотъ что свидѣтельствуетъ иркутскій ревизоръ поселеній: «ссыльные ремесленники не отличаются нравственностью и въ большинствѣ пьянствуютъ. Ссыльные, иногда хорошіе работники и ремесленники, по низкой степени своей нравственности, лѣни и безпечности дѣлаются неспособными къ постоянному труду, почему и предаются бродячеству или же уходятъ въ золотые промыслы, гдѣ работа временная и требуетъ не искусства, а физической силы. Съ подобными рабочими частная предприимчивость не можетъ двигаться». Такой отзывъ приводитъ томское начальство въ 1873 году. Енисейское губернское начальство говоритъ: «изъ цифръ, приведенныхъ въ статьѣ, «народная нравственность», очевидно, что громадный процентъ преступленій ссыльныхъ въ сильной степени подрываетъ и благосостояніе и нравственность населенія, среди котораго они живутъ». Якутское начальство даетъ слѣдующій отзывъ: «большинство поселенцевъ, находящееся въ заработкахъ на золотыхъ приискахъ, развратившееся въ тюрьмахъ, ваторжной работѣ, арестантскихъ ротахъ и во время продолжительнаго слѣдованія ихъ въ Сибирь, продолжаетъ и здѣсь развивать всѣ дурныя наклонности. Они нисколько не безпокоятся о своей будущности, и все, что зарабатываютъ на приискахъ, оставляютъ въ питейныхъ заведеніяхъ и снова занимаются въ работу, гдѣ и продолжаютъ свое существованіе, до негодности ихъ къ работѣ, нищенствуя, бродяжа и дѣлая преступленія». Всѣ отзывы сводятся къ тому, что единственный трудъ, доступный

для сыльныхъ—золотопромышленный, дѣйствуетъ на нихъ исключительно деморализующимъ образомъ. Что касается отзывовъ мѣстнаго населенія, то оно исполнено еще большихъ предубѣждений. Названіе поселщика всегда намекаетъ въ Сибири на сомнительное нравственное качество. Поведеніе сыльныхъ не пользуется репутаціей, а трудъ ихъ чрезвычайно низко цѣнится по его достоинству. Что касается сыльныхъ изъ бродягъ, то они совсѣмъ оказываются неспособными къ труду. Мѣстами отношенія туземнаго населенія къ сыльному элементу доходятъ до ненависти. Не довѣряя вполне сложившемуся предубѣжденію, точно также какъ и считая его довольно неточнымъ опредѣленіемъ, мы должны однако обратиться къ болѣе доказательнымъ даннымъ въ оцѣнкѣ сравнительной нравственности сыльныхъ и ихъ вліянія на окружающую среду. Единственно безспорною и опредѣленною мѣркою, здѣсь могутъ быть цифры уголовной статистики и сумма преступности въ Сибири. Къ сожалѣнію, такихъ-то изслѣдованій и не доставало. Поэтому намъ составило не мало труда выдѣлить и добыть нѣкоторыя свѣдѣнія по этой части ¹⁾.

Несмотря на то, уже нѣкоторыя общія данныя по уголовной статистикѣ вообще Россіи указываютъ на участіе ссылки въ распредѣленіи преступленій. Уголовныя свѣдѣнія г. Алучина представляютъ намъ постоянное возрастаніе преступленій и увеличеніе преступности отъ запада къ востоку. Maximum этой преступности возрастаетъ въ приуральскихъ губерніяхъ. Къ сожалѣнію, уголовныя данныя эти кончаются предѣломъ Урала и не охватываютъ Сибири, которая не вошла еще въ нашу уголовную статистику. Но уже первое мѣсто по преступленіямъ, принадлежащее пермской и оренбургской губерніи, дало поводъ заключить изслѣдователю, что развитіе преступленій стоитъ здѣсь въ связи съ распространеннымъ бродяжествомъ бѣглыхъ и сыльныхъ, возвращающихся изъ Сибири, что подтверждается и циф-

¹⁾ Обыкновенно преступленія сыльныхъ, находившихся въ Сибири, смѣшивались съ преступленіями всѣхъ другихъ сословій въ Сибири. Въ общей же суммѣ преступности въ Сибири входила въ общіе итоги преступности всей Россіи. Вторыхъ, отчеты о преступленіяхъ сыльныхъ доставлялись только изъ судебныхъ мѣстъ, между тѣмъ какъ значительная часть преступленій совершенно не входила въ счетъ, такъ какъ сыльно-поселенцы и каторжане и особенно бродяги подлежали въ Сибири разбирательству различныхъ учреждений: на каторгѣ—заводскому начальству, на крѣпостяхъ—горному начальству, въ городахъ—гражданскимъ судамъ, судамъ военнымъ, полицейскимъ учрежденіямъ, разбиравшимъ исключительно бродягъ,—трехъ-тому начальству и т. д., которыя никогда не соединялись въ одну вѣдомость, а о многихъ до сихъ поръ свѣдѣній не имѣется.

рами (Анучинъ, Матер. къ Угол. Статист. Россіи. Ч. I, ст. 188). Это одно уже даетъ намѣкъ, что востокъ въ дѣлѣ уровня преступности едва ли подлежитъ особому исключенію, и что положеніе его не можетъ находиться въ лучшихъ условіяхъ, чѣмъ со-сѣднія съ нимъ губерніи. Напротивъ, возрастающая прогрессія преступности по направленію къ Уралу намекаетъ на совершенно обратное.

Позднѣйшія свѣдѣнія министерства юстиціи за 1867 и 1868 годы указываютъ, что сибирскія губерніи въ общемъ распре-дѣленіи преступленій также занимали не послѣднее мѣсто, въ связи съ сѣверо-восточными губерніями Россіи; хотя данныя эти со-браны только изъ однихъ судебныхъ мѣстъ, но и изъ этихъ свѣдѣ-ній видно, что наибольшее число приговоренныхъ было по гу-берніямъ *казанской*, *нижегородской*, *пензенской* и *пермской*. По бродяжеству болѣе всего осужденныхъ въ *пермской*, *херсонской* и *енисейской*. По смертоубійству въ 1867 году первыя губерніи *бакинская*, *полтавская* и *томская*. Въ 1868 г. осужденныхъ за убійства болѣе всего въ *киевской* и *тобольской*. Оставленныхъ въ подозрѣніи болѣе всего въ *пермской*. По нарушенію монетнаго устава судилось болѣе всего въ *тобольской* губерніи.

Число преступленій, сдѣланныхъ поселенцами и каторжными и бывшихъ на разсмотрѣніи судебныхъ мѣстъ въ Сибири, по свѣдѣніямъ, доставленнымъ въ министерство юстиціи, считалось въ 1867 году — 93 и 1868 — 98. Первое мѣсто занимали по преступленіямъ ссыльныхъ бродяжество, второе — убійство, третье — воровство, четвертое — зажигательство. Цифра 98 преступленій однако составляетъ, какъ мы увидимъ ниже, только ничтожную часть общаго числа преступленій ссыльныхъ въ Сибири. То же подтверждается и опубликованной таблицей о преступленіяхъ ссыль-ныхъ съ 1838 по 1847 г., взятой, вѣроятно, изъ отчетовъ при-каза о ссыльныхъ (таблица эта напечатана нынѣ въ иркутскомъ календарѣ на 1875 г., стр. 177). Какъ ни неполны подобныя свѣдѣнія, но распредѣленіе преступленій и въ ней показываетъ, что вслѣдъ за бродяжествомъ, которое мы не вносимъ въ число уголовныхъ преступленій, первую роль играетъ у ссыльныхъ убій-ство, вторую — воровство, третью — грабежъ, четвертую — поддѣлка ассигнацій. Но для насъ, конечно, болѣе интересны самыя поз-днѣйшія и болѣе полныя свѣдѣнія. Собственно преступленій по послѣднимъ отчетамъ во всей Сибири значилось: въ иркутской губерніи въ 1872 г. 426, и число осужденныхъ 160; въ 1873 г. число преступленій было 473, число осужденныхъ 113; въ ени-сейской губерніи по статистикѣ 1873 г. преступленій 1545 и

осужденныхъ 1188, на населеніе въ 372,000; въ томской губерніи преступленій было 826, осужденныхъ 401; въ забайкальской области въ 1873 г. число преступленій 73, число осужденныхъ 137; въ приморской области за тотъ же годъ преступленій 35, осужденныхъ 102; въ якутской области преступленій 112, осужденныхъ 43; въ Семипалатинской области преступленій 285, осужденныхъ 41. (Въ Семипалатинской области ссыльныхъ нѣтъ). По уголовнымъ отчетамъ, въ сибирскихъ губерніяхъ первое мѣсто по роду преступленій занимаетъ смертоубійство, второе—поддѣлка кредитныхъ бумагъ, третье мѣсто—кража, четвертое—нанесеніе ранъ. Въ эти дѣла судебныхъ мѣстъ не вошло бродяжество, которое занимаетъ конечно первое мѣсто въ Сибири. Распределеніе преступленій, какъ мы видимъ, совершенно оригинально. Въ российскихъ губерніяхъ распределеніе преступленій идетъ въ такомъ порядкѣ: кража, грабежъ, смертоубійство, заживгательство, увѣчья и раны ¹⁾. Проявленіе въ Сибири на первомъ планѣ такихъ преступленій, какъ убійство, грабежъ, поддѣлка монеты, нанесеніе ранъ, показываетъ уже на какія-то особыя условія проявленія преступленій. Нѣтъ сомнѣнія, что здѣсь имѣетъ вліяніе ссылка. Значеніе цифръ мѣстной уголовной статистики объясняется слѣдующими характеристиками мѣстной нравственности въ отчетахъ губернаторовъ. Мѣстную уголовную лѣтопись сибирскіе начальники губерніи дополняютъ слѣдующими характеристиками: пополняясь людьми, не имѣющими твердыхъ нравственныхъ убѣжденій, томская губернія, какъ и вся Сибирь, представляетъ больше всякой другой страны вѣроятности для проступковъ и преступленій. Вообще ссылки обнаруживаютъ на нравственность народа самое неблагоприятное вліяніе, и это вліяніе тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе отношеніе ссыльныхъ къ коренному населенію. Преступленія въ томской губерніи увеличились въ такомъ порядкѣ: въ 1870 г. ихъ было 639; въ 1871 г.—893; въ 1872 г.—766; въ 1873 г.—826, т. е. въ годъ увеличились на 60. Кражъ было 206; убійствъ—100; увѣчий и нанесеній ранъ—82. Число преступленій по нарушенію устава монетнаго и поддѣлки кредитныхъ билетовъ равнялось: въ 1870 г.—83-мъ; въ 1871 г.—132-мъ; въ 1872 г.—90; въ 1873 г.—93-мъ. Фальшивые кредитные билеты входятъ въ губернію путемъ провоза ихъ арестантскими партіями и проходящими бродягами; часть ихъ поддѣлывается на мѣстѣ преимущественно ссыльными. Сбытъ ихъ произ-

¹⁾ См. общ. обз. дѣятельности судебныхъ мѣстъ и статистическихъ свѣдѣній о подсудимыхъ, изд. министерства юстиціи, 1874 г.

водится инородцамъ и малограмотнымъ крестьянамъ. Бродягъ поимано въ четыре года 3869 человекъ (Томскій отчетъ).

Еще болѣе наглядную картину преступленій представляетъ енисейская губернія по отчетамъ губернатора. Въ теченіе 1873 г. разсмотрѣно было въ судебныхъ мѣстахъ 1545 дѣлъ; число осужденныхъ въ общемъ населеніи губерніи составляетъ больше 0,4% или 4 осужденныхъ на 1000 человекъ. Противъ 1872 г. число осужденныхъ болѣе на 267 человекъ и число преступленій на 554. По многочисленности первое мѣсто между преступленіями занимаетъ смертоубійство, составляя 72% въ общемъ числѣ преступленій; затѣмъ слѣдуютъ: воровство-кража и воровство-мошенничество—23,3%; нанесеніе ранъ и увѣчій—15,6%; нарушеніе уставовъ монетныхъ—5,9%; грабежи—4,6%; преступления по службѣ государственной и общественной—3,3%; бродяжество—2,9%; личные оскорбленія—2,4%; нарушенія по питейному сбору и акцизу—2,0%; разбой—1,4%; нарушеніе осторожности отъ пожаровъ—1,1%; остальные преступления составляютъ 9,5% общаго числа преступленій. Число же осужденныхъ по каждому изъ преступленій въ общему числу осужденныхъ представляется въ слѣдующемъ процентномъ отношеніи: въ смертоубійствѣ число осужденныхъ 24,6%; въ кражѣ—23,2%; въ нанесеніи ранъ и увѣчій—18,3%; въ нарушеніи уставовъ монетныхъ—6,0%; въ грабежѣ—5,1%; въ преступленияхъ по службѣ государственной и общественной—3,8%; въ бродяжествѣ—2,5%; въ разбой—1,5% и по нарушенію осторожности отъ пожаровъ—1,1%. Осужденные во всѣмъ остальнымъ преступленіямъ составляютъ только 10,0%. Преступныя женщины составляютъ 7,4% общаго числа осужденныхъ. По сословіямъ, въ числѣ осужденныхъ было дворянъ потомственныхъ и личныхъ—1,2%; купцовъ и мѣщанъ—15,5%; крестьянъ—23,5%; военнаго сословія—7,3%; инородцевъ—13,1%; поселенцевъ—30,6% и ссыльно-каторжныхъ—8,8%. Принимая во вниманіе, что въ числѣ крестьянъ есть крестьяне изъ поселенцевъ, оказывается, что болѣе половины всѣхъ преступленій совершено уже раз осужденнымъ въ російскихъ губерніяхъ населеніемъ: поселенцами, каторжными и крестьянами изъ поселенцевъ. Изъ 507 человекъ поселенцевъ и ссыльно-каторжныхъ, осужденныхъ за всѣ преступления, обвинено: въ смертоубійствѣ 135 чел., что составитъ 26,7% общаго числа обвиняемыхъ; въ воровствѣ-кражѣ и въ воровствѣ-мошенничествѣ—21,1%; въ нанесеніи ранъ, увѣчій и другихъ поврежденій—19,5%; въ нарушеніи уставовъ монетныхъ—5,0%; въ остальныхъ 22-хъ разныхъ преступленіяхъ обвинено изъ 507

чел. вошью 65, или 12,9%, слѣдовательно, это пришлое население совершаетъ самыя важныя преступленія.

О преступленіяхъ Иркутской губерніи, выпадающихъ на долю ссыльныхъ, мы собрали слѣдующія свидѣнія: въ 1868 г. осуждено было къ каторгѣ 19 чел., къ ссылкѣ и на водвореніе — 5 и къ исправительнымъ наказаніямъ — 51 ч. Изъ числа 19 приговоренныхъ къ каторгѣ 11 ч. ссыльно-поселенцевъ. Въ 1871 году, къ каторгѣ приговорено 30 чел., изъ нихъ поселенцевъ 26 ч., къ исправительнымъ наказаніямъ 85 чел., въ числѣ ихъ ни одного поселенца; въ 1872 г. къ каторгѣ приговорено 42 ч., въ томъ числѣ 31 поселенецъ; къ исправительнымъ наказаніямъ 118 чел., въ числѣ приговоренныхъ 31 поселенецъ и 39 другихъ сословій. По вѣдомости о преступленіяхъ за 1873 г. видно, что ссыльныхъ осуждено было 38 ч. по губерніи, т.-е. столько же, сколько крестьянъ, не считая осужденныхъ бродягъ; все это показываетъ, во-первыхъ, что число уголовныхъ преступленій въ четыре года увеличилось болѣе, чѣмъ вдвое, и, во-вторыхъ, что болѣе важныя преступленія совершаются исключительно ссыльными ¹⁾. То же самое обнаруживается и изъ другихъ вѣдомостей. Въ забайкальской области въ 1873 г. совершено было 73 преступленія, изъ которыхъ главную роль играли убійство, нанесеніе ранъ и кража; въ теченіе года ссыльно-каторжными сдѣлано было 50

¹⁾ Въ дополненіе къ этимъ даннымъ приводятся слѣдующія свидѣнія. Въ сибирскія тюрьмы, какъ извѣстно, перемещены ссыльно-поселенцами: изъ 189 подсудимыхъ арестантовъ, содержащихся съ 1-го октября 1874 г. въ Иркутской тюрьмѣ, 86 чел. поселенцы, 15 каторжные и только 42 чел. люди полноправные; итакъ, 69% содержащихся арестантовъ приходится на долю ссыльнаго элемента; слѣдующая таблица показываетъ, за что именно содержится большинство поселенцевъ.

Побѣги и бродяжество	85
Кража со взломомъ.	12
Мошенничество	8
Убійство	7
Переимѣна имени и фамиліи.	5
Нанесеніе ранъ	4
Грабежъ.	3
Подлогъ.	4
Поддѣлка монеты.	2
Переводъ хитринческаго золота.	2
Захватъ.	1
Проживаніе по фальшивому виду.	1
Оскорбленіе должностныхъ лицъ	1
Разбой	1
Итого	86

преступлений; сверхъ того, судилось пойманныхъ 372 бродяги. О нравственности якутской области, начальникъ области въ 1873 г. заявляетъ: преступленийъ въ 1873 году, въ сравненіи съ предшествовавшимъ годомъ, увеличилось на 60, и прибавляетъ, что большинство осужденныхъ ссыльные, лишенные всѣхъ правъ состояніи за прежнія преступления, и какъ безнравственны, уже разъ сосланы въ отдаленную область.

Такимъ образомъ, уголовная статистика приводитъ насъ къ совершенно другимъ результатамъ, чѣмъ до сихъ поръ предполагалось. Она показываетъ, что ссыльное населеніе далеко не такъ добродѣтельно и нравственно, какъ думали, а Сибирь далеко не обладаетъ такимъ спокойствіемъ, какъ увѣряютъ.

Мѣстная уголовная статистика открываетъ намъ: 1) что преступность въ Сибири превосходитъ всѣ другія мѣстности; 2) мѣстница преступленийъ представляетъ то оригинальное явленіе, что здѣсь крупныя и самыя опасныя преступления стоятъ въ первомъ ряду, какъ убійство; 3) Сибирь, благодаря ссылкѣ, обладаетъ нѣкоторыми специфическими преступлениями, какъ-то: бродяжествомъ и поддѣлкой монеты и кредитныхъ бумагъ, стоящими—бродяжество на первомъ мѣстѣ передъ убійствомъ, а преступленіе по поддѣлкѣ монеты на второмъ мѣстѣ послѣ убійства; 4) усиленіе преступленийъ въ Сибири годъ-отъ-году возникаетъ въ неизвѣрно быстрой прогрессіи. Такъ, въ томской губ. оно увеличивается ежегодно на 60 по отношенію къ цифрѣ 600. Въ якутской тоже на 60, въ енисейской возрасло въ годъ на 500 съ 1000 и въ иркутской увеличилось въ четыре года болѣе чѣмъ вдвое; 5) въ заключеніе, исчисленія уголовной статистики обнаруживаютъ, что преступления въ Сибири падаютъ въ большинствѣ на долю ссыльныхъ. Такъ, по официальному отчету енисейской губерніи заявлено, что болѣе 50% самыхъ тяжкихъ преступленийъ совершалось ссыльными. Осужденныхъ изъ крестьянъ было 23,54, поселенцевъ и ссыльно-ваторжныхъ—39,04. Въ иркутской губерніи отношенія осужденныхъ ссыльныхъ къ свободнымъ сословіямъ, по тяжко-уголовнымъ дѣламъ, выражается въ такомъ отношеніи: сослалось въ три года въ ваторгу 11 ссыльныхъ на 8 крестьянъ, 24 на 4, 31 на 11, и въ 1873 г. осужденныхъ было какъ ссыльно-поселенцевъ, такъ и крестьянъ по 38. Но при этомъ надо принять еще во вниманіе число тѣхъ и другихъ. Количество преступленийъ ссыльныхъ распредѣляется на ихъ число въ 40 и 45,000, число же преступниковъ остальныхъ сословій на количество жителей въ 327,000 и 328,000 жителей—это разница огромная. При такой пропорціи численное преобладаніе количества преступ-

леній ссыльныхъ обнаруживаетъ, что преступность между ссыльнымъ сословіемъ является не только не ничтожною, но поразительною. Вотъ факты, которые не могутъ не быть признаны знаменательными.

Въ дополненіе къ уголовнымъ свѣдѣніямъ и анализу преступленій въ Сибири, мы предприняли просмотръ всѣхъ происшествій и уголовныхъ случаевъ, публикуемыхъ въ «Сибирскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ», чтобы имѣть понятіе объ ихъ характерѣ и участи ссыльнаго элемента. Несмотря на числовыя отмѣтки этихъ случаевъ, мы не могли, однако, ими воспользоваться въ хронологическомъ порядкѣ, такъ какъ въ губернскихъ вѣдомостяхъ происшествія и случаи велись безъ всякаго порядка, доставлялись случайно и неаккуратно; но и здѣсь участіе ссыльнаго элемента не можетъ не быть замѣчено. Такъ, въ группѣ происшествій и уголовныхъ случаевъ повсюду фигурируютъ поселенцы. Точно также отношеніе ихъ и здѣсь довольно значительно: отъ 20—60 на 100 случаевъ.

Происшествія, публикуемыя въ губернскихъ вѣдомостяхъ, точно также даютъ намъ возможность составить себѣ понятіе объ особенностяхъ многихъ сибирскихъ преступленій и ихъ мѣстномъ типическомъ характерѣ. Вотъ нѣкоторыя изъ этихъ преступленій.

Въ богородской волости произошелъ пожаръ—подозрѣвается ссыльно-поселенецъ въ поджогѣ.

Найдено мертвое тѣло, принадлежащее ссыльно-поселенцу.

Ссыльно-поселенецъ N пробовалъ лишить себя жизни шиломъ въ банѣ, страдая въ послѣднее время тоской по родинѣ.

Найдено въ полѣ мертвое тѣло неизвѣстнаго человѣка съ «гузсомъ» и «котомкой», очевидно бродяга; трупъ уже разложился (одинъ изъ 400,000 пропавшихъ въ Сибири безъ вѣсти).

Въ канскомъ округѣ на повосѣ поселенца Чистякова найдены человѣческія кости.

Вверху рѣки Оми проплылъ трупъ.

Въ курганскомъ округѣ въ болотѣ найдено мертвое тѣло.

Въ Курганѣ найдена отпиленная мертвая рука (часто убитыхъ бродягъ крестьяне изрѣзываютъ и разбрасываютъ, чтобы не попался трупъ).

Бродяга зашелъ переночевать къ крестьянину, который засталъ его въ любовной связи съ женой и убилъ его. (Томск. Губерн. Вѣдомост. 1859 г.).

Бродяги увели женщину съ повоса.

Крестьяне распяли пойманнаго бродягу, за кражу, на деревѣ;

крестьяне подковали бродягу, т.-е. отбили пятки за кражу въ погребѣ, ночью.

У крестьянъ на пашнѣ украдено 2 сошника.

Въ маріинскомъ округѣ боготольской волости ссыльный поселенецъ Иванъ Опявъ, бѣжавшій изъ арестанской роты во время поимки, нанесъ раны ножомъ 2 человѣкамъ, ловившимъ его.

Поселенецъ, жившій въ услуженіи, убилъ семейство и раскроилъ голову младенцу.

Бѣгло-каторжный татаринъ зарѣзалъ на дорогѣ беременную женщину.

Крестьянинъ NN волости попался въ кабаки съ фальшивою бумажкою и объявилъ, что получилъ ее отъ ссыльно-поселенца.

Кромѣ того, образчикомъ преступленій могутъ быть слѣдующія. «Иркутскія Губернскія Вѣдомости» сообщаютъ, что въ кренскомъ округѣ, въ деревнѣ Чугуевой, 10-го мая, въ одиннадцатомъ часу вечера, поселенцы: (ссыльные) Вувановъ 22 лѣтъ, и Мухамедъ Непомнящій 50 лѣтъ, чрезъ взломъ окна въ питейномъ заведеніи крестьянина Якова Черкашина, вошли въ горницу, гдѣ спали самъ Черкашинъ съ женою, оба пьяные и дочери ихъ: Анна 15 лѣтъ, у которой были на рукахъ отцовскія деньги, и Авдотья 5 лѣтъ. Злодѣи изранили прежде всего маленькую дѣвочку, которая вскорѣ и умерла затѣмъ; допытываясь денегъ у Анны, нанесли ей нѣсколько тяжелыхъ ранъ, и отнявъ деньги, хотѣли убить, но въ это время постучался поселенецъ Вороновъ. Узнавъ его голосъ, Анна начала кричать и звать на помощь, что и заставило бѣжать убійцъ.

Изъ Ишима, отъ 28 февраля 1875 года, извѣщали въ «Биржу»: въ послѣдній день масленицы, 22 февраля, въ нашемъ городѣ было совершено звѣрское, неслыханное преступленіе. Подъ вечеръ этого дня, къ устроенной среди народа горѣ для катанья подѣхало трое ухарей, схватили въ свои сани дѣвушку тринадцати лѣтъ и увезли ее за городъ, несмотря на отчаянныя вопли несчастной жертвы. За городомъ дѣвочка была растлѣна и изнасилована троици похитителями поочередно. Потомъ негодяи возвратились въ городъ и выбросили полумертвую дѣвочку на улицу. Полиція, не могшая предупредить звѣрскаго преступленія, хотя и оказала энергію при розыскѣ злодѣевъ, но дѣвочкѣ это не было утѣшеніемъ: она черезъ сутки умерла въ городской больницѣ.

Недавно изъ Красноярска было рассказано такое событіе. Въ мѣстной женской гимназіи пропала горничная. Вслѣдъ затѣмъ найдена была на берегу обезображенная голова, косы продѣты

въ уши. Далѣе, собака таскала по городу человѣческую руку. По этимъ частямъ узнали пропавшую дѣвушку; она была варварски умерщвлена и изрѣзана, у ней вырѣзаны были груди, половыя части и проч. Одновременно въ городѣ исчезли швейцаръ женской гимназіи и писарь изъ какой-то канцеляріи, на которыхъ и падало подозрѣніе. Вскорѣ оказалось, что они были оба ссыльно-каторжные, жившіе въ Красноярскѣ по фальшивымъ паспортамъ, и одинъ изъ злодѣевъ былъ даже сторожемъ дѣвическаго заведенія. Наконецъ, характеристическимъ происшествіемъ можетъ служить преступленіе въ Иркутскѣ, 5 октября 1873 г. Въ Иркутскѣ была убита вдова, купчиха Чурина, съ дочерью, кухарка, буряты работникъ и дворникъ; послѣдніе двое брошены въ Ангару, на набережной которой стоялъ домъ Чуриныхъ; горничная дѣвушка была обезчещена однимъ изъ убійцъ и задушена петлей, но по счастливой случайности осталась жива и явилась впослѣдствіи единственной обличительницей преступниковъ. Вообще убійство это сопровождалось возмутительнѣйшими изъясненіями. Конечно, обстоятельство это надѣлало много шума въ столицѣ нашей ссыльной страны, хотя подобныя убійства не рѣдкость въ здѣшнемъ краѣ. Убійство было совершено по заранѣе обдуманному плану и составляло, говорятъ, первое изъ задуманныхъ. Въ преступленіи участвовали трое ссыльно-поселенцевъ и трое бродягъ. Преступники вели себя на судѣ, какъ и передъ наказаніемъ, весьма хладнокровно. Нѣкоторые изъ нихъ сознавались на судѣ въ совершенномъ злодѣйствѣ, говорили весьма спокойно: «взялъ да и придушилъ», или: придушилъ да и бросилъ въ Ангару». Нѣкоторые изъ нихъ въ тюрьмѣ еще обѣщались перерѣзать половину города; они были уроженцы витебской, каменецъ-подольской и тверской губерній, ссыльные въ Сибирь, попавшіе въ чуждую страну, озлобленные на все ихъ окружающее. Въ виду звѣрскаго преступленія трое изъ главныхъ преступниковъ, виновныхъ въ убійствѣ и грабежѣ, судимы были военнымъ судомъ и приговорены къ повѣшенію. Иркутскъ былъ свидѣтелемъ самаго ужаснаго зрѣлища.

Значительная часть сибирскихъ преступленій отличается звѣрствомъ и грубостью. Это зависитъ какъ отъ свойства преступниковъ, озлобленныхъ каторжниковъ, артистовъ преступленія, такъ и отъ мѣстныхъ суровыхъ и огрубляющихъ условій жизни. Въ Сибири, какъ въ странѣ дѣвственной, пустынной, при слабомъ вліяніи власти и полиціи, преступленіе становится смѣлѣе и необузданнѣе; наконецъ, благодаря простотѣ жизни, патріархальности и слабо развитой гражданственности и отсутствія громад-

своей цивилизаціи, которая всегда предполагаетъ большую осторожность преступленія, проявляются безъ утонченности и хитрости, а въ самыхъ грубыхъ и простыхъ формахъ. Люди, наблюдавшіе жизнь ссыльныхъ на золотыхъ пріискахъ, передавали напримѣръ, что въ Сибири тонкій мошенникъ часто дѣлается грубымъ злодѣемъ; гдѣ онъ дѣйствовалъ прежде утонченными средствами съ помощью хитрости, обмана, изобрѣтательности, тамъ, въ Сибири, дѣйствуетъ просто «обухомъ топора», потому что и изобрѣтательности такой не требуется.

Однако въ Россіи сложилось мнѣніе, что въ Сибири рѣшительно не замѣчается опасности для гражданской жизни, и мѣстные жители никогда не жалуются на преступленія, а потому заключили, что самыя преступленія, исключительны и рѣдки. Чтобы выяснитъ себѣ это, мы составили хронику за два послѣдніе года обо всѣхъ печатавшихся, выходившихъ изъ ряда событіяхъ, въ газетахъ, которая можетъ довершить картину мѣстной жизни.

Хроника эта содержитъ 33 возмутительныхъ происшествія и дополняется слѣдующими свѣдѣніями о нѣкоторыхъ городахъ. При перепискѣ томской городской управы по поводу усилившихся преступленій оказывается, что съ 1 іюля по 7 октября 1874 г. въ городѣ было 30 случаевъ убійствъ и воровства, а по полицейской вѣдомости показано 58 преступленій этого рода, — въ три мѣсяца. По обнародованнымъ свѣдѣніямъ газеты «Сибирь», въ районѣ иркутскаго военного округа ежегодно рѣшается отъ 30 до 40 дѣлъ, которыя превращаются за неотысканіемъ виновныхъ. Наконецъ, изъ Енисейска намъ пишутъ далѣе, какъ въ нынѣшнюю зиму сообщалось слѣдующее: «лишь только успѣли несчастные обыватели оправиться отъ горя и успокоиться послѣ страшной катастрофы (извѣстнаго пожара), какъ неожиданно, негаданно у нихъ явилась новая тревога и новое безпокойство за свою жизнь и имущество. Въ городѣ, въ теченіе самаго короткаго періода времени, было совершено нѣсколько убійствъ, грабежей и кражъ. Нѣкоторыя изъ этихъ преступленій, по своему звѣрскому характеру, смѣлости и неразборчивости въ отношеніи мѣста и времени ихъ совершенія, положительно выходили, какъ говорится, изъ ряду вонъ: были случаи кровавыхъ сценъ среди бѣлаго дня, на людныхъ улицахъ. Паника до того овладѣла мѣстнымъ обществомъ, что, несмотря на его привычное равнодушіе ко всякаго рода преступленіямъ, въ средѣ его раздались сильныя протесты и явное негодованіе на бездѣйствіе мѣстной полиціи».

Такіе факты не даютъ повода заключить о значительной без-

опасности жизни въ краѣ. Но фактъ незамѣченности преступленій въ Сибири точно также получилъ настоящее объясненіе въ послѣднее время: онъ объясняется привычкою къ преступленіямъ. Самыя ужасныя преступленія здѣсь не производятъ впечатлѣнія. Вотъ что объ этомъ пишетъ одинъ изъ наблюдателей сибирской жизни: «въ одну зиму, часовъ въ 6 вечера, было невозможно ходить по улицамъ. Какіе-то молодцы, съ пѣснями, на тройкѣ, въ кошевѣ разѣзжали по городу и ловили арканомъ и баграми проходящихъ и проѣзжающихъ по улицамъ. И все это сходило съ рукъ и считается вещью крайне обыкновенною, къ которой жители привыкли и приглядѣлись. Предметъ для разговоровъ всегда есть; но тонъ самыхъ разговоровъ идетъ какъ о погодѣ. Какая-нибудь кумушка совершенно хладнокровно, нисколько не возмущаясь, рассказываетъ объ убійствѣ или воровствѣ, какъ будто дѣло идетъ о зарѣзанномъ теленкѣ или разбитой посудинѣ. Въ первое время я удивлялся подобнымъ вещамъ, потомъ мало-по-малу *совершенно привыкъ и обжился*» ¹⁾).

Сибирь въ этомъ случаѣ похожа на постоянное поле битвы, гдѣ оставшіеся въ живыхъ весьма мало говорятъ объ убитыхъ. При темнотѣ и невѣжествѣ сибирской массы населенія, общество долго не замѣчало окружающихъ явленій, оно не жаловалось на ссылку и совершенно сжилось съ своимъ положеніемъ. Если заявлялись жалобы по поводу преступленій, то обвинялась обыкновенно недостаточная бдительность полиціи. Такихъ жалобъ мы не мало встрѣчаемъ въ корреспонденціяхъ, а въ послѣднее время въ Томскѣ объ этомъ загорѣлось цѣлое дѣло. Городская управа, въ виду усилившихся грабежей и кражъ (а уголовная хроника этого города, какъ видно, поразительная), просила полицію усилить бдительность и наблюдать за ночными сторожами. Полиція обидѣлась. А за представленіе томскому губернатору на видъ этихъ происшествій вся городская управа въ наличномъ составѣ отдана была подъ судъ. Дѣло это перенесено въ сенатъ. На самомъ дѣлѣ въ городѣ съ 1 іюля по 7 октября 1874 г. было 30 случаевъ убійства и воровства, а по «Полицейскимъ Вѣдомостямъ» показано 58 преступленій этого рода въ три мѣсяца. Вотъ источникъ этихъ пререканій! Такія пререканія не рѣдкость въ Сибири въ виду мѣстныхъ особенностей края.

Однако настоящія причины преступленій начинаютъ все чаще выясняться.

Нравственное вліяніе ссылки, кромѣ того, отражается и мно-

¹⁾ См. Не столь отдаленныя мѣста Сибири. „Отеч. Зап.“ 1876, іюль, ст. 19.

гими другими явленіями въ Сибири. Такъ, указывается на развитіе разврата, незаконныхъ сожитій и увеличеніе незаконныхъ рожденій въ краѣ. Иркутская губернія, по числу незаконныхъ рожденій, напримѣръ, занимаетъ второе мѣсто. (Въ иркутской губерніи на 100 т. жителей приходилось 391 незаконнорожденный, въ Петербургѣ 497, въ Москвѣ 237, а въ саратовской и рязанской губ. 51—52). Несоразмѣрность половъ между ссыльными естественно влечетъ къ разврату; тѣ же явленія замѣчались и въ Австраліи и, по словамъ Дюэна, составляютъ самую невыгодную сторону ссылки.

Точно также указываютъ въ Сибири на распространеніе сифилиса, заносимаго партіями. Въ иркутской губерніи называютъ цѣлыя селенія, гдѣ эта страшная болѣзнь поражаетъ людей, совокупно семьями, не исключая грудныхъ и рождающихся дѣтей. Д-ръ Шпрекъ о томъ же свидѣлствуетъ на Амурѣ. Кромѣ того, ссылка, говорятъ, не могла остаться безъ нравственнаго вліянія на самое воспитаніе сибиряковъ, на ихъ нравы. Наши учителя, пишетъ одинъ сибирякъ, няньки, гувернеры, капиталисты, мѣстная интеллигенція и даже самыя власти, напримѣръ волостные писаря—изъ ссыльныхъ, что не могло остаться безъ послѣдствій. Мѣстное общество заражалось вліяніемъ преступниковъ. Ссылные научили сибирское крестьянство страсти къ промыслу фальшивыми билетами; здѣсь существуетъ цѣлый воровской промыселъ срѣзыванія чаевъ, въ которомъ не рѣдко участвуютъ сами купцы, какъ недавно отерылось въ Канскѣ.»—Въ Сибири существуетъ множество спекулянтовъ, которые служатъ только организаторами преступленій, для которыхъ исполнителей доставляетъ бродячее сословіе; организаторъ долженъ скрыть и спроводить продуктъ преступленія, и конечно ему достается львиная часть при этомъ. Сосланные конокрады, фальшиво-монетчики, срѣзыватели чаевъ, находятъ у подобныхъ лицъ пріютъ и практику; поѣтому неудивительно, что торговля не распространяется, и въ нѣкоторыя мѣста бываетъ иногда не безопасно купцу ѣздить. Отсутствію личной безопасности слѣдуетъ приписать отсталость Сибири въ промышленномъ отношеніи, вялость взаимныхъ сношеній и невѣжественное состояніе края. Ссылка производитъ растлѣвающее вліяніе и на другія сферы общественной жизни. Оно охватываетъ сибирскую промышленность, практику чиновничества и наконецъ даже простирается на воспитаніе дѣтей. Г. Максимовъ говоритъ, что сибирскіе варианты русскихъ сказокъ наполняются бродяжескими персонажами; извѣстно также, что си-

бирскія дѣти играютъ «въ бродягъ», «въ поджоги», и даже разыгрываютъ сцены бродяжескаго самосуда.

Понятія о собственности и гражданственности въ Сибири поэтому болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, поколеблены, пренебреженіе къ чужому интересу развило хищничество и неразборчивую наживу; борьба съ ссылными породила самосудъ, массу безправія; наконецъ самая ссылка извратила до извѣстной степени нравы администраціи. — Вредное вліяніе неравноправности сибирскаго населенія отражается и на нравахъ полицейской администраціи Сибири. Привывши болѣею частью практиковать свою власть на бродягахъ, сибирскій чиновникъ практикуетъ тѣ же средства для узнанія истины, или для исправленія зла, и на полноправной части сибирскаго населенія. Лучшимъ примѣромъ этого можетъ служить слѣдующій случай: 1871 г., смотритель барійскаго золотого промысла, Демидовъ, открылъ убійство, совершенное однимъ каторжнымъ; чтобы раскрыть всѣ подробности преступленія, Демидовъ пыталъ черезъ палача жену убійцы, которая была женщина свободная, пришедшая въ Сибирь съ мужемъ добровольно и, слѣдовательно, избавленная отъ тѣлеснаго наказанія; потомъ онъ пыталъ одиннадцатилѣтнюю дочь убійцы; дѣвочку держали на воздухѣ и палачъ сбѣлъ ее розгой съ головы до пятъ; ребенку даже было дано нѣсколько ударовъ плетью, и, когда она попросила пить, ей подали соленого омуля. Плетей дано было бы и больше, еслибы самъ палачъ не отказался продолжать битье. И между тѣмъ жестокость Демидова есть естественное послѣдствіе того воспитанія, которое онъ долженъ получить, долго управляя ссылкой массой. Все это далеко не свидѣтельствуетъ о благотворительномъ нравственномъ вліяніи ссылки. Въ заключеніе мы считаемъ не лишнимъ привести нѣсколько выписокъ изъ корреспонденцій, выражающихъ отношеніе мѣстнаго общественнаго мнѣнія къ ссылкѣ. Въ корреспонденціяхъ чаще и чаще слышатся жалобы на бродягъ, безпаспортныхъ и безпріютныхъ ссылныхъ, наполняющихъ города и порождающихъ преступленія. Такъ, въ 1873 году корреспондентъ изъ Омска, рисуя положеніе осаждаемаго бродягами и преступленіями города, восклицаетъ: «постоянная ссылка въ Сибирь ненужнаго для европейскихъ губерній люда ставить насъ въ постоянную блокаду отверженныхъ людей. И нигдѣ, кажется, эта блокада не чувствуется такъ сильно, какъ въ омскомъ округѣ» («Камско-Волжская Газета» 1873 г. № 89, корреспонденція изъ Омска). Изъ Енисейска въ январѣ 1875 г. сообщаютъ по поводу уголовного случая, совершеннаго поселенцемъ (вражи въ церкви): «въ послѣднее время пролетаріатъ

нашъ усилился наплывомъ новыхъ лицъ, изъ которыхъ ббольшая часть приписана сюда въ мѣщане и, по отсутствію здѣсь работъ, въ зимнее время положительно бѣдствуетъ. Они же совершаютъ преступленія» («Новое Время», 1875 г. № 12) ¹⁾. Изъ той же губерніи посылается далѣе такое извѣстіе:— «Сибирь» сообщаетъ, что большой наплывъ ссыльныхъ и бродягъ былъ причиной того, что въ енисейской губерніи, въ первые только пять мѣсяцевъ нынѣшняго года, было ограблено семь церквей и, сверхъ того, было четыре покушенія на ограбленіе. При одномъ случаѣ въ селѣ Югѣевскомъ, на 17 апрѣля, убитъ трапезникъ. Къ счастью, почти всѣ злоумышленники пойманы. При изслѣдованіи открылось, что воры изобрѣли новый способъ проникать въ церкви, черезъ разборку дымовыхъ трубъ.

Наконецъ, въ послѣднее время всѣ корреспонденціи изъ Омска, Томска, Красноярска, Енисейска и Иркутска сливаются въ единогласный протестъ противъ ссылки въ край. Передавая о бѣдственномъ положеніи ссыльныхъ, корреспондентъ изъ Енисейска въ 1875 г. прибавляетъ: «ссылка эта приноситъ чистѣйшій вредъ краю; отрицать вредъ ея для Сибири и признавать ея пользу и необходимость могутъ только люди, не жившіе въ Сибири и не видѣвшіе массу ссыльныхъ на новой, чуждой имъ сторонѣ. Чѣмъ скорѣе Сибирь избавится отъ этихъ подневольныхъ, пришлыхъ людей, тѣмъ она больше выиграетъ въ нравственномъ и матеріальномъ отношеніи» («Биржевыя Вѣдомости», № 40, 1875 г.).

«Сибирь, какъ извѣстно, служитъ для Россіи какъ-бы вентиляторомъ,—пишетъ корреспондентъ изъ Томска, объясняя мѣстные преступленія, и въ который выходитъ все ненужное.—И все это группируется по ббольшей части въ нашихъ большихъ городахъ, въ особенности въ Томскѣ. Каждое лѣто присылаются тысячи поселенцевъ, которые, войдя въ Сибирь, выпускаются, какъ говорится, на всѣ четыре стороны, рѣшительно безъ всякихъ средствъ къ жизни. Незнаніе мѣстности, новизна обстановки и трудность достать какую-нибудь работу, при изобиліи рабочихъ рукъ, невольно заставляютъ поселенцевъ прибѣгать безъ разбора ко всевозможнымъ средствамъ къ существованію. Легко понять, какъ у насъ при такой обстановкѣ должны процвѣтать всякіе виды мошенничества и безобразія. Даже при хорошей полиціи было бы трудно совершенно гарантировать жителей отъ грабежей, убійствъ и проч.,

¹⁾ Мы могли бы привести подобныя корреспонденціи массу, которыя мы имѣли подъ рукою за два послѣднихъ года, но ограничиваемся только нѣкоторыми.

между тѣмъ у насъ въ настоящее время полиціи на дѣлѣ почти не существуетъ, если же она и вздумаетъ заявить о своемъ существованіи, то въ такихъ исключительныхъ случаяхъ приносить жителямъ болѣе вреда чѣмъ, пользы». Наконецъ, иркутскій корреспондентъ, по поводу слуховъ объ отмівѣ ссылки, выражается такимъ образомъ: «хотите ли знать, что думаютъ сибиряки о ссылкѣ? Вліяніе ея давно испытывается Сибирью, и отношеніе населенія къ ней довольно опредѣленно выяснилось, хотя бы потому, что нѣтъ ни одной проѣзжей дороги, гдѣ можно было бы ѣздить безопасно. Недавно разбойничали около Нерчинска, Томска и Тобольска, такъ что не было проѣзда у этихъ центровъ Сибири. Этимъ путемъ создается у насъ искусственная осада городовъ; легенды «о двѣнадцати разбойникахъ», явившіяся въ прошломъ столѣтіи, осуществляются и въ наше время: еще на дняхъ, въ окрестностяхъ Иркутска, поймана шайка, систематически грабившая въ городѣ и окрестностяхъ. Лѣтомъ убиты были двѣ беззащитныя женщины, теперь, по слухамъ, идетъ процессъ одного адвоката изъ ссыльныхъ, обвиняемаго въ отравленіи иркутской дамы, своей довѣрительницы. При генералѣ Синельниковѣ повѣшено трое ссыльныхъ бродягъ, изрѣзавшихъ въ Иркутскѣ цѣлое семейство. Но это только преступленія изъ ряду выходящія. Сколько ссыльныхъ вторгается въ семейную жизнь, съ помощью денегъ и связей, сколько обмановъ и неуловимыхъ мошенничествъ — и не перечестъ! Ссылные становятся здѣсь въ главѣ промышленныхъ предприятий; они играютъ видную роль въ обществѣ, они являются интеллигенціей.

«Несмотря на то, что ссылные не пользуются у насъ довѣріемъ, они, тѣмъ не менѣе, производятъ на все общество глубоко развращающее вліяніе. Намъ извѣстно, сколько разврата, подъ вліяніемъ нищеты, поселили ссылные въ мѣстностяхъ, прилегающихъ къ частнымъ золотымъ приискамъ. Пониженіе нравственнаго уровня города Иркутска, выражающееся въ громадномъ развитіи проституціи, положительно объясняется бѣдностью ссыльныхъ женщинъ; умноженіе преступленій противъ чужой собственности опредѣляется нищетою преступниковъ. Думаютъ, что безъ ссыльныхъ въ Сибири не будетъ рабочихъ рукъ, что упадетъ земледѣліе и не станетъ ремесленниковъ. Мы знаемъ, что земледѣльцемъ дѣлается изъ ссыльныхъ развѣ одинъ изъ ста, да и то едва ли. Съ открытіемъ ремесленныхъ швобъ, намъ рабочіе изъ ссыльныхъ вовсе не понадобятся. А если понадобятся труженики на прииски и на фабрики, то только кликните кличъ — и цѣлыя артели являются изъ европейскихъ губерній, какъ те-

перь они являются отвсюду даже на амурскіе пріиски, какъ свидѣтельствуя факты. Ссылка сдѣлала то, что Сибирь стала неудобно-обитаемою для самихъ сибиряковъ и они бѣгутъ изъ нея безъ оглядки». («Голось», № 26, 1875 г.).

Указанія эти и отзывы, слышащіеся изъ самой Сибири, не могутъ теперь уже не заслужить нѣкотораго вниманія, въ виду подтверждающихъ фактовъ уголовной статистики и общаго положенія ссыльныхъ. Они показываютъ, что мнѣніе о нравственномъ и морализующемъ значеніи нашей ссылки въ тѣхъ формахъ, въ какихъ она проявляется, миновало и должно утратить свое значеніе.

V.

Стоимость ссылки казни и обществу.

Въ заключеніе нашего очерка остается сдѣлать небольшія соображенія, во что обходится ссылка государству и мѣстному населенію, чтобы имѣть понятіе о выгоды и дешевизнѣ этого наказанія.

Какъ за-границей, такъ и у насъ утвердилось мнѣніе, что ссылка, какъ наказаніе, представляетъ необыкновенно удобный и дешевый способъ избавляться отъ преступниковъ. Выгоды его основывались обыкновенно на томъ, что государству чрезвычайно мало стодитъ переправа преступника въ другую мѣстность, и затѣмъ оно слагаетъ уже всякія заботы о немъ съ себя, предоставляя его собственнымъ силамъ. Дешевизна эта обусловливается вообще прежнимъ возрѣніемъ на наказаніе и на личность преступника. Самый дешевый способъ отдѣлаться отъ преступника былъ, конечно, смертная казнь, которая и практиковалась въ древнѣйшее время. Затѣмъ явились изгнаніе и ссылка. Древнія формы ссылки не отличались особенною заботливостью и попеченіемъ о преступникѣ. Англія перевозила преступниковъ, какъ рабовъ, на корабляхъ и продавала на плантаціи. Наша пѣшеходная гоньба ссыльныхъ, въ прежнее время, также могла считаться дешевымъ наказаніемъ. Ихъ гнали цѣлыми тысячами, связанными цѣпами, какъ стада. Селили, какъ попало, часто въ мѣстностяхъ, гдѣ они тотчасъ же вымирали; такъ, на примѣръ, Чичеринъ погубилъ тысячи ссыльныхъ на болотистой Барабѣ, во время проведенія дороги. Жизнь ссыльнаго мало цѣнилась. Но со временемъ ссылка, однако, требовала все большіе и боль-

шихъ попеченій, по приложенію къ ссыльному, и большихъ государственныхъ расходовъ, не говоря уже о томъ, что дешевизна наказанія никогда не говорила за его совершенство.

При защитѣ ссылки, какъ наказанія, въ современныхъ формахъ и въ доказательство дешевизны его, обыкновенно ссылаются на незначительность расходовъ на нее по нашимъ смѣтамъ; но мы позволимъ себѣ здѣсь нѣкоторое выясненіе этихъ цифръ, точно также какъ и уважемъ на болѣе полную оцѣнку стоимости нашей ссылки. Расходы, числящіеся на ссылку и тюремную часть, на основаніи нѣкоторыхъ смѣтъ, могутъ почестъся дѣйствительно весьма малыми. Такъ, напримѣръ, по смѣтѣ министерства внутреннихъ дѣлъ на 1875 г., указано на расходы казны для всего тюремнаго дѣла въ Россіи, включая сюда и пересылку, всего 7.461,626 р. Это можетъ дать поводъ заключить, что сюда входятъ всѣ расходы по нашей пересылкѣ. Но, очевидно, что это не такъ; во-первыхъ, это бюджетъ одного министерства только, а въ расходахъ по пересылкѣ участвуютъ и другіе; второе, нѣкоторыя другія данныя того же министерства внутреннихъ дѣлъ пополняютъ эти свѣдѣнія. При сводной вѣдомости, составленной, при томъ же министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, въ 1872 г., г. Юферовымъ, видно, что сумма, ассигнуемая на упомянутый предметъ, была 9.546,388 р. 26¹/₂ коп., а къ этому нужно прибавить еще расходуемые 1.141,388 руб. 26¹/₂ коп. печатными о тюрьмахъ обществами. При этомъ тюремный бюджетъ доходилъ до 10.688,038 руб., но и здѣсь не были приняты многіе другіе расходы. Изъ опубликованной государственной росписи и отчета министра финансовъ за прошлый годъ видно, что расходы по тюремной части не уменьшились, но даже увеличились на 224,580 руб. (см. докладъ министерства финансовъ и государственная роспись, № 11 «Голоса»).

Что касается расходовъ на пересылку, то они обыкновенно оцѣниваются въ 2 съ половиною милліона, но это только затраты на продовольствіе и одежду препровождаемыхъ. По росписи г. Юферова, занесенной въ тюремную статистику, пересыльная часть обходилась въ 5.788,000 р. (см. таблицы 8 и 9 при матеріалахъ, изд. Юферовымъ), но и здѣсь пересыльная часть не вполне вычислена, хотя и болѣе полно; такъ, не приняты экстраординарныя суммы, расходуемыя по губерніямъ, земскія суммы по содержанію тюремъ и препровожденію. Затѣмъ, приводимые итоги касаются одной пересылки ссыльныхъ въ Сибирь, но не входятъ въ счетъ расходы горнаго вѣдомства по изысканію и устройству рудниковъ, содержаніе казенныхъ заво-

довъ для ссыльныхъ и выдача имъ поселенческихъ капиталовъ на водвореніе. Безъ оцѣнки всѣхъ этихъ тратъ стоимость ссылки и пересылки не можетъ считаться полною. При этихъ же расходахъ она явится громадною.

Стоимость пересылки для казны въ Сибирь одного арестанта нынѣ вычисляется среднимъ числомъ въ 50 р., принимая снабженіе его и одежду; но здѣсь разумѣются одни путевыя издержки, т.-е. одни кормовыя, притомъ принято препровожденіе только по главному сибирскому тракту, имѣющему искусственныя пути по Волгѣ, Камѣ, и перевозкою отъ Перми до Тюмени на подводахъ, что составляетъ только одну вѣтвь пересылки. За то не принято во вниманіе содержаніе тракта, который хотя и сокращаетъ время на препровожденіе арестанта, но стѣбитъ довольно дорого, что до сихъ поръ затрудняло его введеніе на другихъ трактахъ. Затѣмъ, не причислено препровожденіе ссыльнаго по пѣшеходному тракту до главнаго сибирскаго и препровожденіе по Сибири пѣшимъ путемъ до мѣста назначенія, что значительно подниметъ содержаніе арестантовъ въ дорогѣ, такъ какъ 1000 верстъ дѣлается здѣсь въ 68 дней. До Сибири доходитъ арестантъ въ полгода и нерѣдко въ годъ ¹⁾. Ничто ссыльному не препятствовало оставаться въ больницѣ и, наконецъ, за нимъ на казенный счетъ часто слѣдовала и семья. (Съ 1867 г. по 1871 годъ прослѣдовало въ Сибирь за ссыльными 5581 женщина и 12,627 дѣтей). Къ этому надо причислить содержаніе ссыльнаго въ тюрьмѣ, до отправки въ Сибирь и до распредѣленія на мѣстѣ, наконецъ, содержаніе ссыльнаго (въ тюрьмѣ) до весны, вслѣдствіе приостановки съ 1867 г. зимняго препровожденія. Все это должно возвысить на него издержки. Препровождающія команды также должны войти въ счетъ пересылки, которыя хотя въ числѣ 14,867 нижнихъ чиновъ и употребляются для конвоирования не однихъ ссыльныхъ, но и пересыльныхъ; но 20 командъ съ 1386 чел. конвоя служатъ на главномъ ссыльномъ трактѣ исключительно ссыльной системѣ, точно также какъ и другія команды, особенно въ Сибири. Все это увеличиваетъ стоимость пересылки. Уже г. Юферовымъ вычислено было препровожденіе одного арестанта съ издержками въ 142 р., но если присчитать содержаніе его до весны въ центральномъ пунктѣ, стоющее не менѣе 60 руб., разложить расходы на семейства, содержаніе четырехъ экспедицій, инспекторовъ по пересылкѣ и

¹⁾ Съ 1-го мая по 1-е октября 1874 г. отправлено изъ Тюмени 7614 мужчинъ, женщинъ и дѣтей пѣшимъ порядкомъ.

водворенію ссыльнаго, затраты на водвореніе, то цифра эта окажется вдвое, если не втрое болѣе. Дальнѣйшіе матеріальные и нематеріальные убытки отъ ссыльной системы, какъ, на примѣръ, побѣги, содержаніе бродягъ въ тюрьмѣ насчетъ казны цѣлыя годы, не подвергаются точному вычисленію, но они тоже не могутъ быть опущены въ общемъ расчетѣ ссыльной системы. Все это подало поводъ послѣдней редакціи въ запискѣ о тюремной и ссыльной реформѣ, въ комитетѣ тайнаго совѣтника Зубова, при окончательномъ разсмотрѣніи тюремной реформы дать слѣдующія заключенія: «сибирская ссылка обходится для государства весьма дорого. Расходы на ссыльныхъ въ настоящее время производятся изъ разнообразныхъ источниковъ, какъ-то: изъ суммъ общества попечительнаго о тюрьмахъ, изъ государственнаго казначейства, изъ тюремнаго капитала, капитала министерства внутреннихъ дѣлъ, изъ государственнаго земскаго сбора, изъ городскихъ доходовъ, изъ суммъ приказа о ссыльныхъ, а значительная часть ихъ отбывается, кромѣ того, сибирскими жителями въ видѣ натуральной повинности. Если стоимость ссылки опредѣлять тѣми только расходами, которые производятся изъ суммъ государственныхъ, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, то дешевизна ея въ сравненіи съ другими мѣрами наказанія стояла бы внѣ всякаго сомнѣнія. Однако государственнымъ расходомъ слѣдуетъ признавать не только тотъ, который заносится въ сметы министерства финансовъ, но и всѣ другіе расходы на общія цѣли, производимые жителями въ видѣ денежной или натуральной повинности. Разъ признавъ эту безспорную истину, необходимо согласиться, что сибирская ссылка — мѣра въ высшей степени дорого стоящая для государства. Одна пересылка арестантовъ въ предѣлахъ европейской Россіи, несмотря на послѣдовавшія по этой части улучшенія и достигнутую экономію, обошлась въ 1869 г. въ 5.778,000 р., не считая расходовъ на содержаніе управленій центральныхъ и губернскихъ. Общее число всѣхъ пересылаемыхъ въ европейской Россіи арестантовъ доходить до 120,000, такъ что пересылка одного человѣка обходится въ 49 р.; изъ этого числа пересылаемыхъ по распоряженіямъ судебныхъ мѣстъ 12,000 человѣкъ, остальные же пересылаются обыкновенно на весьма незначительныя расстоянія, иногда лишь изъ одного уѣзда въ другой той же губерніи, такъ что стоимость пересылки не меньше 200 руб. Въ Сибири передвиженіе арестантовъ составляетъ натуральную повинность жителей; если даже расходы на передвиженіе тамъ вдвое меньше, чѣмъ въ европейской Россіи, то окажется, что средняя стоимость передвиженія одного арестанта до мѣста ссылки обхо-

дится въ 300 р. с., т.-е. расходы, употребляемые теперь на передвиженіе одного арестанта до мѣста ссылки, были бы достаточны для содержанія его по меньшей мѣрѣ въ теченіе 4 лѣтъ въ самой дорогой тюрьмѣ европейской Россіи. Принявъ же во вниманіе, что значительное число тяжкихъ преступниковъ, вслѣдствіе побѣговъ, ссылаются въ Сибирь по два раза и болѣе, даже до 16 разъ, окажется, что издержки на пересылку каждаго арестанта должны быть приняты въ болшихъ еще размѣрахъ. Этимъ серьезнымъ расходомъ далеко не закончиваются издержки, которыя необходимо затратить на ссыльно-поселенцевъ и ссыльно-каторжныхъ. Постройка тюремъ и ремонтъ ихъ требуетъ громадныхъ текущихъ расходовъ, несмотря на ихъ неудовлетворительное состояніе. Содержаніе всѣхъ ссыльныхъ, которые, вслѣдствіе болѣзней и дряхлости, впадутъ въ невозможность поддерживать свое существованіе, ложится на мѣстное населеніе; и такъ какъ болѣзни, вслѣдствіе изнуреній въ пути, бродяжества и неправильной жизни въ острогахъ, между ссыльными весьма часты, то понятно, до какой степени тяжела для мѣстныхъ жителей эта обязанность. Содержаніе же ссыльно-каторжныхъ въ тюрьмахъ всецѣло ложится на государство и, какъ показалъ долговременный опытъ, отнюдь не окупается производимыми работами. Ко всему вышеизложенному слѣдуетъ еще прибавить, что сравнительная незначительность суммы, расходуемой въ настоящее время на отправленіе карательной ссылки, объясняется лишь тѣмъ, что правительство уклонялось отъ дорого стоящихъ мѣръ, которыя были бы необходимы для правильнаго ея отправленія. Число должностныхъ лицъ, имѣющихъ надзоръ за ссыльными, далеко меньше необходимаго, получаемое ими содержаніе весьма незначительно, ссыльные не имѣютъ школъ, требуемая закономъ богадѣльни не устроены, даже сибирская стража до того незначительна, что изъ сибирскихъ остроговъ и мѣстъ поселенія не бѣгаетъ почти только тотъ, кто самъ не желаетъ. Словомъ, при существующемъ бюджетѣ не могутъ быть достигнуты ни карательныя, ни охранительныя, ни исправительныя задачи ссылки, и для того, чтобъ поставить ссылку сколько-нибудь удовлетворительно, было бы необходимо произвести громадныя затраты, передъ которыми 10 милліоновъ руб. ежегоднаго расхода представляются ничтожною песчинкою». Поэтому можно судить, что издержки на ссылку должны оцѣниваться, за одно передвиженіе арестанта по 300 р., минимумъ въ 4.800,000 ежегодно при существующемъ контингентѣ ссыльныхъ. Къ этому должно быть причислено содержаніе этапнаго тракта и военнаго вонвоа съ 14,867 ч. нижнихъ чиновъ, со-

держаніе на пути тюремныхъ замковъ, этаповъ и прочее; наконецъ, подводная повинность, выполняемая населеніемъ, которая должна войти въ счетъ государственныхъ расходовъ ¹⁾. Содержаніе половины пересыльной стражи, по вычисленію г. Лохвицкаго, должно быть не менѣе 2.000,000 и всѣхъ расходовъ на ссылку болѣе 5.000,000 р., а тогда стоимость на арестанта будетъ равняться уже не 300, а 800 руб. ²⁾. Все это—казнь, а сколько еще стѣять она обществу? Дешевизна ссылки до сихъ поръ тѣмъ и обуславливалась, что значительная часть издержекъ падала непосредственно на общество, въ видѣ особой натуральной повинности. Начиная уже съ того, что государство ссылкею преступника въ другое общество слагало всякую заботу о немъ и предоставляло содержаніе его собственнымъ его силамъ; когда же ссыльный не могъ помочь себѣ, онъ ложился всею тяжестью на общество. Судя по тому, въ какомъ неудовлетворительномъ состояніи находится наша ссылка, надо заключить, что это было въ большинствѣ именно такимъ образомъ. Еслибы казна продолжала держать преступника въ тюрьмѣ, она расходовала бы по 74 р. на человѣка. Теперь же обществу приходится содержать ссыльнаго. Принимая даже арестантское содержаніе, на 12,000 ежегодно идущихъ ссыльныхъ потребуется 880,000 р. Но весь континентъ ссылки, проживающій въ Сибири, равняется 202,834 человѣкамъ и на прокормленіе его необходимо 15.009,716 р. Извѣстно, что ⁴/₅ ссыльныхъ не обзаводятся хозяйствомъ и бродяжать Богъ знаетъ гдѣ; предполагая однако только половину

¹⁾ До чего доходить и какъ годъ отъ году увеличивается содержаніе сибирскихъ замковъ и этаповъ, видно изъ слѣдующихъ свѣдѣній: въ послѣднее время въ Иркутской губерніи построено 10 новыхъ этапныхъ тюремъ, предстоить еще построить 16; на покрытие этого расхода исчисленъ капиталъ въ 452,592 р., да въ предшествовавшее трѣхлѣтіе издержано на тотъ же предметъ 133,500 р. Въ Томскѣ построена центральная пересыльная тюрьма, для избѣжанія крайней тѣсноты, и поглотила значительные капиталы; то же предполагается сдѣлать и въ Красноярскѣ. Въ томской губерніи возведено 13 этапныхъ зданій, на что въ 1870 и 1871 годахъ ассигновано 44,000 рублей; въ 1870 году на исправленіе томскаго замка ассигновано 19 717 рублей 38 коп., издержано 16,000 руб.; въ 1873 году предполагенъ для той же цѣли новый расходъ въ 16,000 рублей, которые, конечно, и употреблены по назначенію. Даже въ уединенныхъ городахъ: Канскѣ, Барнаулѣ, Бійскѣ и Маринскѣ, вслѣдствіе тѣсноты тюремныхъ помѣщеній отъ притока бродягъ и пересыльныхъ, оказалось необходимымъ устроить новыя тюрьмы, которыя уже проектированы. Словомъ, расходы на постройку и ремонтъ тюремно-этапныхъ помѣщеній въ Сибири весьма значительны и увеличивается съ каждымъ годомъ. См. всеподданнѣйшіе отчеты губернаторовъ Сибири за 1871, 1872 и 1873 годы.

²⁾ Въ Англій пересылка арестантовъ обходилась, надо замѣтить, еще болѣе, а именно 180 фунт. стерл., то-есть 1080 р.

бродягъ, прокормленіе ссыльныхъ обойдется обществу въ $7\frac{1}{2}$ милліоновъ. Вычисленные и призванные 40,000 бродягъ, шатающихся по Сибири, одни стбуютъ 2.960,000 р. крестьянству ежегодно. Къ этому необходимо прибавить содержаніе тюремъ городами и мѣстными обществами, добавочные расходы по содержанію этаповъ, подводную повинность для партій, убытки крестьянства и больничные расходы на поселенцевъ, недоимки ихъ, уплачиваемыя населеніемъ, наконецъ, убытки отъ преступленій, совершаемыхъ ссыльными.

Содержаніе тюремъ въ сибирскихъ городахъ падаетъ на мѣстное общество; такъ, по отчетамъ губернаторовъ видно, что тюрьмы содержатся въ Красноярскѣ изъ государственныхъ и земскихъ сборовъ, въ Ачинскѣ, Канскѣ и Минусинскѣ на счетъ городскихъ доходовъ, въ Енисейскѣ же *на счетъ сбора съ жителей*. Подводная повинность ложится значительной тяжестью на крестьянъ. Такъ, по официальному отчету въ одной енисейской губерніи пересылка и препровожденіе арестантовъ требуетъ ежегодно 5202 человекъ и 5296 подводъ. На сельскія общества ложатся значительныя недоимки за ссыльныхъ, по податамъ, по уплатѣ больничныхъ денегъ за поселенцевъ, приходящіяся по 300—400 р. съ одного сельскаго общества; наконецъ, расходы по содержанію усиленнаго штата волостного правленія, въ виду множества поселенческихъ дѣлъ и переписки о нихъ ¹⁾; такой расходъ доходить до 50 к. съ души сверхъ платимыхъ за собственныя надобности. Одинъ уже этотъ расходъ можетъ составить значительную сумму въ сложности. Все это въ совокупности составляетъ нести мѣстное населеніе, кромѣ содержанія ссыльнаго, цѣлую массу новыхъ налоговъ за него ²⁾. Замѣтимъ, что вся тяжесть системы падаетъ на одну часть населенія имперіи, и именно на Сибирь; въ Сибири же исключительно по преимуществу на крестьянство. Край такимъ образомъ выполнялъ тюремную повинность по содержанію преступниковъ за цѣлое государство. Если нѣкоторые лица въ Сибири находили ее выгодною какъ, напр., золотопромышленники, черпавшіе изъ контингента ссылки свою наемную силу, если привилегированные классы

¹⁾ Въ Сибири въ самыхъ малыхъ волостахъ у волостного писаря по пяти и шести человекъ помощниковъ, а въ большинствѣ 10 и 12, съ жалованьемъ отъ 15-ти до 45-ти руб., смотря по мѣсту и дороговизнѣ предметовъ жизни. Расходъ въ Иркутской губ. равняется на волостное правленіе въ 4500 р. и сходеть по $74\frac{1}{2}$ коп. съ души. Такія волостныя правленія выпускають до 10 и 20,000 исходящихъ дѣлъ въ годъ и $\frac{2}{3}$ переписки относятся къ ссыльно-поселенческому управленію.

²⁾ Такъ, напримѣръ, нинѣ взыскивають съ общества за пересылку бродягъ.

не замѣчали ее, какъ избавленные отъ налоговъ, то крестьянство въ Сибири не могло ею не тяготиться. Уплаты за поселенцевъ, которыхъ общества часто не видало и въ глаза, кромѣ партій, борьба съ бродяжествомъ, постоянныя погражи, поджоги «замокъ» (хуторовъ), избушекъ, не могли не подрывать матеріальнаго благосостоянія крестьянъ и не давать себя чувствовать. Крестьянамъ часто предписывалось брать ссыльныхъ въ работники, снабжать ихъ землю присѣвкомъ и проч.; такимъ образомъ въ Сибири пробовала привиться система, практиковавшаяся въ Австраліи «assignment system» или система кабальная, но она ничего не давала крестьянамъ, кромѣ убытка, ибо ссыльный просто садился на шею мужика. Поэтому крестьянство сплошь и рядомъ отказывалось отъ приѣма ссыльныхъ и выражало протесты противъ приписки ссыльныхъ. Нѣкоторые мѣстные акты свидѣлствуютъ объ этихъ протестахъ, облеченныхъ въ легальную форму. Напр., въ 1806 г. Иркутскій земскій исправникъ Оладьянъ прислалъ верхоленскому комиссару подробный проектъ о принятіи крестьянами ссыльно-поселенцевъ въ работники, съ условіемъ снабженія ссыльныхъ за работу пищею, одеждою, денежною платою и присѣвками, на что крестьяне верхоленскихъ общинъ, въ полномъ своемъ составѣ, отвѣтили слѣдующимъ актомъ, который мы считаемъ необходимымъ привести цѣликомъ: «въ полномъ собраніи народа, въ единогласномъ и твердомъ мнѣніи утвердили, общественнымъ прошеніемъ отказать отъ предписанія исправника и комиссара, скромно предпосылая въ то же время своимъ возраженіямъ оговорку, что хотя общество предписаніямъ начальства всегда должно съ крайнимъ усердіемъ повиноваться, но что въ настоящемъ случаѣ, по значительному числу въ крестьянскомъ обществѣ бѣдныхъ крестьянъ, изъ сельскихъ мирскихъ старожилловъ, нуждающихся въ наемной работѣ у своихъ общинниковъ, по малости запашекъ и присѣвковъ у самихъ крестьянъ, не имѣющихъ силы и могутъ распахать много земли по общей скудости достатковъ у большей части ихъ, общество ленскихъ крестьянъ никакъ не можетъ согласиться съ предписаніемъ господина исправника о принятіи крестьянами поселенцевъ въ работники съ снабженіемъ ихъ присѣвками по двѣ десятины и проч. 1)». Обременительность повинностей по содержанію и устройству ссыльныхъ, какъ и по прокормленію дряхлыхъ и старыхъ (процентъ которыхъ огроменъ), за неимѣніемъ богатѣльнъ, и которые исключи-

1) Имястія Сибирск. Отдѣла Импер. Геогр. Общества. Т. VI, № 3, 1875 г., стр. 108.

только процитываются на счетъ сельскихъ обществъ, порождаятъ и до сихъ поръ многочисленныя жалобы сибирскихъ сельскихъ обществъ.

Теперь мы можемъ довольно точно оцѣнить, чего стоила Сибирь есиаеа. Мы указали уже, что значительная часть каторжниковъ должна была содержаться правдою и ей предоставлялось уходить въ бѣга. Что касается поселенцевъ, то всѣ они являлись безъ средствъ, безъ всякой помощи, проклиная новую мѣстность, часто не зная чѣмъ заняться, и, по отзывамъ правительственныхъ ревизій и исследователей, жили «нищенствомъ и преступленіемъ». Весь этотъ контингентъ ссылки бродяжилъ и питался подаеніемъ насчетъ мѣстнаго населенія. Такимъ образомъ, вся тяжесть ссылки по содержанію преступника падала на бѣднаго сибирскаго земледѣльца. Крестьяне пригрѣвали въ первое время поселенцевъ, отводили имъ нѣбы, кормили ихъ и снабжали подаеніемъ. Если мы представимъ себѣ около 200,000 населенія, постоянно пробивающагося всѣми средствами оболото туземцевъ, на которыхъ Сибирь должна произвести хлѣбъ, одежду и проч., въ томъ числѣ отъ 30 до 40,000 бродягъ, расхаживающихъ по дорогамъ и питающихся исключительно подаеніемъ и воровствомъ, мы поймемъ тогда, во что это обходилось Сибири. Сверхъ того, мы не считаемъ значительной части повинностей, которыя несетъ крестьянство и страна, какъ послѣдствія ссылки. Для ссыльной системы отъ Урала до Амура построены этапы и въ городахъ обширныя тюрьмы на 1,500 и 2,000 ссыльныхъ, которыя построены и содержатся мѣстными обществами и постройки которыхъ обходилась не менѣе 200,000 р. каждая. Постройка тюремъ годъ отъ году увеличивается и неизвѣстно, каковъ предѣлъ будетъ этимъ увеличивающимся расходамъ. Нечего говорить, что все это не можетъ почесться справедливымъ, ложась на одинъ край. Ссылка создала у насъ изъ цѣлаго края одну «волосальную тюрьму», который несетъ всѣ неудобства и тягости этой тюрьмы. Вотъ почему замѣчаніе, что Сибирь несла цѣлые вѣка всѣ грѣхи своей праматери, высказанное вѣмъ-то, не лишено основанія. Мы видимъ, что она несла, кромѣ того, и значительныя матеріальныя пожертвованія и лишенія. Сдѣлавъ въ Сибири стоиць нечистотъ, сонла породила безчисленныя безпорядки и неудобства, легшія всею тяжестью на край. Слѣжавъ громадное населеніе съ ссыльнымъ, она дала полную возможность развитію преступленій, породила два равноправныхъ класса, развила кабалу, содѣйствовала въ край антагонизму сословій, наконецъ, джкорализировала населеніе и извратила жизнь общества, а потому се

ставляетъ нынѣ положительное ярмо и «язву края», какъ выражаются многіе официальные документы. Гибельныя послѣдствія ссылки дали себя знать такими чувствительными результатами Сибири, что она, какъ увѣряютъ, едвали скоро отъ нихъ оправится. Ссылка задерживала и парализовала жизнь мѣстности и устанавливала на нее особыя исключительныя возрѣнія, которыя можно назвать *каторжными*: «обширный край, — прекрасно замѣчаетъ вице-адмиралъ Посыетъ, въ своей запискѣ о ссылкѣ, — пространствомъ въ 2¹/₂ раза ббльшій европейской Россіи, богатства котораго еще недостаточно оцѣнены и изслѣдованы, осужденъ быть мѣстомъ жительства тяжкихъ преступниковъ изъ среды 70 милліоновъ населенія. Мѣра эта имѣла основаніе, когда Сибирь, кончаясь Камчаткой и Охотскимъ моремъ и имѣя за собой пустынный Тихій Океанъ, сама считалась пустынною землею и обитателями имѣла по преимуществу одни дикіе и вочующіе народы. Теперь, когда Тихій Океанъ, съ каждымъ днемъ, все болѣе обращается въ новое Средиземное Море; когда чрезъ пріобрѣтеніе Амурской области Россія придвинулась къ этому морю; когда сопредѣльныя Россіи государства открылись и быстро развиваются, теперь необходимо дать и Сибири возможность вступить на путь развитія, необходимо снять тяготѣющее на ней клеймо «страны преступниковъ». Постоянная ссылка такихъ людей въ продолженіе двухъ вѣковъ въ страну мало населенную не могла не имѣть развращающаго вліянія на это населеніе. Ссылка служить главнымъ основаніемъ жалобъ, въ настоящее время, и общества и начальства въ Сибири на недостатокъ людей, заслуживающихъ довѣрія и могущихъ быть употребляемыми съ пользою для края. Такое состояніе населенія останавливаетъ развитіе страны, составляетъ главную причину общаго равнодушія къ богатой Сибири и къ ея обитателямъ, хотя, говоря вообще, мало нравственнымъ, но весьма способнымъ. Страна остается какъ-бы забытою, и вмѣстѣ съ этимъ, съ каждымъ днемъ, все болѣе отстаютъ отъ сосѣднихъ ей странъ Востока». Такимъ образомъ, цѣною ссылки приносилось въ жертву самое существованіе и развитіе нашего Востока.

Всѣ неудобства и тяжести ссылки при настоящихъ условіяхъ приводятъ насъ къ заключенію и неизбѣжному выводу, что стоимость ссылки и затраты, дѣлаемыя на нее казною и обществомъ, не выкупаются ея результатами.

Въ самомъ дѣлѣ, къ чему сводятся результаты нашей ссылки

на основаніи представленныхъ фактовъ?—Къ исчезновенію и вымиранію всего ссыльнаго населенія въ Сибири безъ всякаго слѣда, что выражается въ потерѣ 500,000 населенія въ одно нынѣшнее столѣтіе.

Изъ существующаго нынѣ контингента, приписаннаго къ волостямъ, какъ оказывается, находится на лицо только одна пятая часть; остальные въ бѣгахъ и неизвѣстной отлучкѣ.

Современное положеніе раскрываетъ самый ужасный и растлѣнный бытъ ссыльнаго населенія; ссыльные бѣдствуютъ, и Сибирь, вмѣсто полезныхъ работниковъ, наводнена массою бездомнаго и празднаго пролетаріата. Вмѣсто исправленія, при печальныхъ условіяхъ ссыльнаго быта, наказаніе это даетъ обратные результаты, а именно: испорченность, бродяжничество и преступления ссыльныхъ.

Вмѣсто огражденія общества путемъ изолированія и перемѣщенія преступника, ссылка у насъ способствовала возвращенію преступниковъ, наконецъ, наводнила Сибирь преступлениями, годъ отъ году увеличивающимися въ невѣроятныхъ размѣрахъ, и такимъ образомъ цѣлая мѣстность лишилась безопасности, и жизнь Востока представила такія условія, которыя несовмѣстны съ жизнью кадаго-либо гражданскаго края.

Столь печальные результаты естественно вынуждаютъ обратиться къ реформѣ этого наказанія, къ устраненію всѣхъ золъ, нынѣ имъ порождаемыхъ, и созданію такихъ началъ,—будутъ ли они примѣнены, въ видѣ особыхъ земледѣльческихъ колоній, въ мѣстахъ незаселенныхъ, или среди срочныхъ тюремъ,—которыя бы содѣйствовали обезпеченію преступника, исправительному его воспитанію и, наконецъ, самой безопасности гражданскаго общества, гдѣ бы оно ни существовало—въ Россіи или въ Сибири.

Вотъ къ чему приводитъ насъ обзоръ современнаго состоянія ссылки.

Н. Ядринцевъ.

ГРАФЪ А. К. ТОЛСТОЙ

КАКЪ

ЛИРИЧЕСКІЙ ПОЭТЪ *)

Немногочисленная семья современныхъ нашихъ поэтовъ недавно лишилась одного изъ лучшихъ своихъ сочленовъ. Русское общество въ правѣ теперь ожидать полнаго собранія сочиненій покойнаго, написавшаго далеко не мало послѣ книжки стихотвореній 1867 г. Такое изданіе вызоветъ въ свое время и обстоятельную критику. Моя же задача пока — только высказать нѣсколько поминальныхъ мыслей передъ свѣжей еще могилой.

Что произведенія гр. А. К. Толстого выливались непосредственно изъ души, какъ совершенно свободный актъ его поэтического творчества, что онъ настоящій поэтъ—это, я думаю, не подлежитъ сомнѣнію. Но время наше таково (можетъ быть, это одна изъ его односторонностей), что даже и величайшее совершенство *художественной формы* цѣнится главнымъ образомъ потому, что при такомъ совершенствѣ сильнѣе дѣйствуетъ *содержаніе*. Въ чемъ заключается это послѣднее—вотъ къ чему сводится для насъ все. Что же отвѣтить на этотъ вопросъ, имѣя въ виду поэтическія произведенія гр. А. К. Толстого?

Въ своемъ посланіи къ другому поэту, но поэту и вмѣстѣ съ тѣмъ публицисту, растворявшему огнемъ вдохновенія даже свои всѣмъ памятные передовыя статьи, къ И. С. Аксакову,—гр.

*) Читано въ общемъ собраніи литературнаго фонда, 26-го октября.

А. К. Толстой старается отклонить отъ себя упрекъ въ нѣкоторой отрѣшенности отъ текущихъ явленій:—Я,—говоритъ онъ—

....Не чуждъ и здѣшней жизни,
Служа таинственной отчизнѣ,
Я и въ пылу душевныхъ силъ,
О томъ, что близко, не забывъ....

И всё мнѣ дороги явленья,
Тобой описанныя, другъ,
Твои гражданскія стремленья
И честной рѣчи трезвый звукъ.

Но онъ прямо сознается, что не можетъ остановиться на одномъ этомъ; онъ замѣчаетъ про самыя выдающіяся явленія дѣйствительности:

Я въ нихъ иному гласу внемлю,
И, жизнью смертною дыша,
Гляжу съ любовію на землю,
Но выше просится душа;

И что ее, всегда чаруя,
Зоветь и манить вдалекѣ,
О томъ повѣдать не могу я
На ежедневномъ языкѣ! ¹⁾

А между тѣмъ поэтический языкъ гр. Толстого никогда не является языкомъ *приподнятымъ*; стихи его никакъ нельзя упрекнуть собственно въ такъ называемой «торжественности» и «недостаткѣ простоты». (Хотя объ этихъ упрекахъ и говорится въ томъ же оправдательномъ посланіи въ И. С. Аксакову). Напротивъ, по своему языку Толстой совершенно близокъ въ дѣйствительной жизни; въ этомъ смыслѣ и онъ вполне захваченъ теченіемъ современнаго реализма. Дѣло вовсе не въ языкѣ, а въ содержаніи, — въ томъ, что его поэзія не является вполне поглощенной «злобою дня». Она, какъ и у Пушкина, еще далеко не чужда *отвлеченно-идеальнымъ* стремленій уединяться порою, для «сладостныхъ звуковъ» и для «молитвъ»—

На берега пустынныхъ волнъ,
Въ широкошумныя дубровы,

или даже «приподнимать ту завѣсу», которою, по выраженію Жуковскаго, «задернуть отъ насъ горній міръ». Даже тѣ наслажденія чувствомъ художественной любви въ красотѣ, воплощенной въ женщинѣ, тѣ поэтически-страстные наслажденія, которые; по-

¹⁾ Стихотворенія, изд. 1867 г., стр. 1—8.

добно Пушкину, воспѣваются А. К. Толстымъ въ цѣломъ рядѣ глубоко - задушевныхъ элегій, проникаются у него своего рода мистическою возвышенностью, рѣшительно напоминающею высреннѣйшій подпѣвъ Жуковскаго. Вспомнимъ, на примѣръ, слѣдующіе стихи Толстого:

О, не слѣши туда, гдѣ жизнь свѣтлѣй и чище,
Среди міровъ иныхъ,
Помедли здѣсь со мной, на этомъ пепелищѣ
Твоихъ надеждъ земныхъ.....

Сліясь въ одну любовь, мы цѣпи безконечной
Единое звено,
И выше восходить, въ сіянье правды вѣчной,
Намъ врозь не суждено ¹⁾.

Но тутъ же невольно припоминается и слѣдующее, также небольшое стихотвореніе, составляющее своеобразный *pendant* къ Лермонтовскому: «по небу полуночи»... И тутъ представляется проносящаяся по небесамъ, безъ сомнѣнія, женская, глубоко любящая душа, только она тутъ не на землю летитъ, а съ земли улетаетъ...

Встрѣчныя тихо ее вопрошали свѣтила:
Что ты грустна, и о чемъ эти слезы во взорѣ?
Имъ отвѣчала она: я земли не забыла,
Много оставила тамъ я страданья и горя.

Здѣсь я лишь ликамъ блаженства и радости вземлю,
Праведныхъ души не знаютъ ни скорби, ни злобы—
О, отпусти меня снова, Создатель, на землю,
Было-бъ о вомъ пожалѣть и утѣшить кого бы ²⁾.

У Толстого не было уже и малѣйшихъ отзвуковъ той *идеализации чувственной красоты и чувственной любви*, которая иногда сказывалась у Пушкина, какъ наслѣдіе французской эротической поэзіи XVIII ст., имѣвшей на него такое вліяніе въ его молодости. Женскіе образы А. К. Толстого постоянно оказываются обладающими *душевною красотой*, и онъ лишь съ тѣмъ большимъ правомъ позволялъ себѣ отдыхать, созерцая ее, своею поэтическою душой—отъ міра дѣйствительности со всеміи его тревоженіями:

Меня, во мракѣ и въ пыли
Досель влачившаго оковы,
Любови крылья воамесли
Въ отцизву пламени и слова

¹⁾ Стихотворенія, стр. 102.

²⁾ Стихотворенія, стр. 84.

И съ горней выси я сошелъ,
Проникнуть весь ея лучами,
И на волнующійся долъ
Взираю новыми очами... 1)

Съ одной стороны, любовь въ этомъ возвышающемъ, облагораживающемъ значеніи, съ другой—природа съ ея вѣчными красотами, поэтически-надѣляемая сочувственною человѣку душою, постоянно побуждали Толстого (употребляя выраженіе Пушкина) къ «поэтическимъ побѣгамъ» изъ міра дѣйствительности.

Но къ этимъ двумъ вѣчнымъ источникамъ поэтическихъ наслажденій, къ идеальной любви и идеализированной природѣ, у Толстого, какъ и у Пушкина, присоединяется еще одинъ—самый актъ творчества—независимо отъ какихъ бы то ни было цѣлей и примѣненій. Вспомнимъ стихотвореніе уже послѣднихъ годовъ—«Слѣпой» 2), въ которомъ выведенъ пѣвецъ, не замѣчающій, что слушатели разошлись отъ него въ то время, какъ онъ весь отдался порыву своего вдохновенія; узнавая объ этомъ, пѣвецъ говоритъ:

И пѣлъ одиноко, но тужить и роптать
Мнѣ, старому, было-бъ грѣшно и не стать—
Наградъ мое сердце не ждало.

Убогому пѣть не тяжелый былъ трудъ,
А пѣсня ему не въ хвалу, и не въ судъ,
Зане онъ надъ нею не воленъ.
Не вѣдаетъ грозный источникъ, когда
Потокомъ онъ въ стени стремится,
И бьетъ, и кипитъ его, пѣвась, вода,—
Придутъ ли къ нему пастухи иль стада
Струями его освѣжиться!

Этотъ поэтический образъ независимости и непроизвольности творчества соотвѣтствуетъ тому, которымъ воспользовался Пушкинъ въ своемъ стихотвореніи «Эхо», — только Пушкинъ, кромѣ непроизвольности поэтическихъ отзвуковъ, указываетъ еще на то, что они вызываются рѣшительно *вслухъ* въ природѣ. Но и эта сторона Пушкинскаго опредѣленія поэзіи вполнѣ оправдывается А. К. Толстымъ. И его поэтическое участие вызывалось даже скучной обителью такова, повидимому, непоэтическаго лица, какъ какой-нибудь станціонный смотритель, захрапѣвшій подъ сонный звукъ маятника, или запущеннымъ видомъ повинуята барскаго дома, или наконецъ унылой картиной деревни въ сѣрый и па-

1) Стихотвореніе, стр. 87.

2) „Вѣстн. Европы“, 1873 г., май.

сиурный день, съ какимъ-нибудь оборваннымъ евреемъ — въ видѣ мало утѣшительнаго дополненія къ этому незагнѣнному ландшафту. Поэтъ нашъ находилъ одинаковый художническій интересъ и въ заоблачномъ мірѣ свѣтлыхъ и темныхъ духовъ, спорящихъ изъ-за души гениальнаго Донъ-Жуана, въ которой возвышенная жажда свободы должна была переродиться въ разнузданность страсти, и въ нравственномъ одиночествѣ русскаго мальчика, который подростаетъ въ пустынѣ роскошныхъ палатъ, при гувернерѣ-педантѣ, и силою неизбежно разыгрывающагося, при такихъ условіяхъ, воображенія создаетъ себѣ любящее и любимое существо — въ оживляющемъ для него «Портретѣ»¹⁾. На самомъ закатѣ своей художнической жизни поэтъ, перенесясь въ средневѣковую Италію, заставилъ и насъ невольно участвовать, вмѣстѣ съ нимъ, въ суевѣрно-окрасившемся тамъ предчувствіи приближающагося канора нѣмцевъ, отъ чего и мерещился итальянцамъ залегшій все небо ужасный «Драконъ». И мы невольно повѣрили нашему поэту, что это переводъ съ итальянскаго (тогда какъ оказывается, что поэма эта вполне оригинальна), до такой степени провинился онъ тутъ духомъ старо-итальянской поэзіи. Муза Толстого (если еще позволительно употребить это выраженіе, ни разу не попадающееся въ его стихахъ, совершенно отрѣшившихся отъ той псевдо-классической завески, которая еще сказывалась порою у Пушкина), — муза Толстого то заводила его въ сумрачный міръ шотландскихъ или скандинавскихъ преданій, нерѣдко связывая эти послѣднія съ древне-русскими²⁾, то, зайдя съ нимъ въ балтійскимъ славянамъ, рисовала ему картину ихъ ожесточенной борьбы съ насильно навязываемымъ имъ христіанствомъ³⁾, или же, перейдя въ древнюю Русь, заглядывала въ душу князю Владимиру, слѣдя въ ней за тою внутреннею борьбой, которая разрѣшилась, наконецъ, полнѣйшей готовностью смиренно склониться главой подъ благое иго христіанской вѣры⁴⁾. Одна и та же отзывчивая душа поэта и живо увлекалась перерожденіемъ «Грѣшницы» подъ благостнымъ взоромъ Спасителя, и сочувственно вторила ратованью «язычника» Гёте (какъ онъ самъ себя называлъ) во имя правъ чувственности, беспощадно приносившихся въ жертву христіанской идеѣ «духа» («Вѣстн. Евр.», мартъ, 1868 г.).

Коснувшись поэмы «Грѣшница», нельзя не замѣтить, что

1) „Вѣстн. Европы“, 1874, январь.

2) Въ стихотвореніи: „Пѣсня о трехъ побойцахъ“. „Вѣстн. Европы“, 1869 г., май.

3) „Вѣстникъ Европы“ 1871 г. май.—„Всегда“ 1871 г. январь.

4) „Вѣстн. Европы“ 1869 г. сентябрь.

поэтъ нашъ совершенно проникся въ ней чисто религиозной идеей личнаго обращенія къ Богу грѣшной души. Ни мало не затронута иль *соціальная* сторона вопроса, а ей не трудно бы было коснуться, еслибы онъ прямо держался прекрасной евангельской повѣсти съ многосодержательными словами Спасителя: «кто ивъ вась безъ грѣха, пусть тотъ первый броситъ въ нее камень». Уже и на основаніи этихъ словъ, которыми вовсе не воспользовался нашъ поэтъ, можно бы было выставить грѣхъ этой женщины—грѣхомъ всего общества, естественнымъ слѣдствіемъ установившихся въ немъ порядковъ,—а такая постановка дѣла прідала бы разсказу старинны отдаленной живой интересъ современности, прямо бы связала его со «злостью дна».

За то нашъ поэтъ въ полномъ смыслѣ связалъ таковой связью и съ нашимъ, и съ будущими вѣками другое свое произведение религиознаго содержанія, — свое поэтическое житіе Іоанна Дамаскина. Изъ отдаленнаго прошлаго, изъ міра отшельническихъ легендъ христіанскаго Востока заимствованн тутъ черты не старѣющаго міроваго характера. Дамаскинъ, считающій себя невольникомъ среди того блеска, которымъ его окружилъ калифъ, и на высотѣ той власти, которую онъ ему передалъ, служить своеобразнымъ воплощеніемъ того стремленія въ художественной независимости, которымъ былъ до такой степени преисполненъ и самъ поэтъ ¹⁾. Вспомнимъ слова Іоанна:

Иные призваніемъ влекоу
Я не могу народомъ править:
Простымъ рожденъ я бытъ вѣвцомъ,
Глаголомъ вольнымъ Бога славить.
Въ толпѣ вельможъ всегда одинъ,
Мученья полонъ я и скуки;
Среди пировъ, въ главѣ дружить
Иные слышатся мнѣ звуки.
Неодолимый ихъ призывъ
Къ себѣ влечетъ меня все болѣ —
О, отпусти меня, калифъ,
Дозволь дышать и пѣть на волѣ ²⁾.

Отъ пустыни придворныхъ палатъ перейдя къ другой—къ той «матери пустынѣ», которая такъ сочувственно воспѣвается въ нашихъ народныхъ «стихахъ», — Дамаскинъ поэтъ гимнъ; про-

¹⁾ Со временемъ, когда сдѣлается возможною полная біографія А. К. Толстого, должна будетъ обнаружиться непосредственная связь „Іоанна Дамаскина“ съ обстоятельствами жизни поэта, принадлежавшаго къ числу тѣхъ рѣдкихъ натуръ, у которыхъ слово не расходится съ дѣломъ.

²⁾ Стихотвореніе, стр. 205.

никнутый живѣйшею радостью, что пришлось наконецъ очутиться съ глаза на глазъ съ самѣй природой. Такое поэтическое чувство несомнѣнно существовало у нѣкоторыхъ отшельниковъ первыхъ вѣвовъ христіанства; съ этой именно стороны оно понятно и такъ ярко выставлено пламеннымъ перомъ Златоуста. Такою-то поэтически-отшельническою натурою является и Іоаннъ Дамаскинъ, устами котораго нашему поэту можно было опять высказывать и собственныя свои задушевыя мысли:

Благословляю васъ, лѣса,
Долины, нивы, горы, воды,
Благословляю я свободу
И голубя небеса!

О, если-бъ могъ всю жизнь смѣшать я,
Всю душу виѣсть съ вами слить;
О, если-бъ могъ въ мекъ объятья,
Я васъ, враги, друзья и братья,
И всю природу заключить! ¹⁾

Но живая любовь къ людямъ требуетъ постояннаго общенія съ ними *eo vultu*. Брезгливое устраненіе себя отъ «злобы дня» съ ея обычными житейскими дразгами, бѣгство отъ нихъ въ незараженную высь созерцательной жизни — сопряжено съ опасностью всецѣло уйти въ самого себя, важно умереть въ этой нравственной могилѣ. Такого рода опасность воплощается для Іоанна Дамаскина въ лицѣ того суроваго отшельника, которому отданъ онъ подъ начало. Но этотъ непреклонный старикъ является только исполнѣй логическимъ представителемъ отшельническаго направленія. Онъ требуетъ, чтобы новый житель пустыни исполнѣй отложилъ—

Неужныхъ думъ безплодное броженье,

требуется, чтобы онъ отдался исполнѣй релігіозно-практической заботѣ о соблюденіи себя отъ міра. Пусть онъ откажется отъ того, что вѣдь и нужно лишь для общенія съ другими;—не только отъ своихъ пѣсенъ, но и отъ самаго дара слова. И Дамаскинъ увлеченъ на время непреклонной логикой старика;—не даромъ онъ восклицаетъ:

Такъ вотъ гдѣ ты таилось, отреченье,
Что я не разъ въ молитвахъ обѣщалъ
Моей отрадой было пѣснопѣнье,
И въ жертву ты, Господь, его избралъ! ²⁾

¹⁾ Стихотворенія, стр. 208.

²⁾ Стихотворенія, стр. 216.

И точно, если пѣснопѣнье—только *его собственная отрада*, если оно существуетъ исключительно для *него самого*, а его убѣждаютъ, что ради *себя*, ради *своей души*, ему надобно отъ него отречься,—то какъ же не повиноваться подобному убѣжденію? — Но Дамаскину приходится наконецъ сознать, что пѣснопѣнья его *нужны ближнему*; въ нему приходитъ другой, такой же отшельникъ, какъ онъ, но еще не порвавшій всѣхъ своихъ связей съ міромъ, а потому и изнывающій отъ скорби по своему умершему братѣ. А скорбь эта такъ велика, что даже не знаетъ слезъ; но источникъ ихъ можетъ открыться отъ пѣсни Дамаскина. И вотъ, невольно исторгнутая мольбами скорбящаго, эта пѣсня опять пролилась неудержимымъ потокомъ, а съ ней полились и слезы изъ глазъ, такъ упорно ихъ не дававшихъ:

Надъ вольной мыслью Богу не угодны
Насиліе и гнѣтъ:
Она, въ душѣ рожденная свободно,
Въ оковахъ не умреть.

Сказано ли это отъ лица Іоанна, сказано ли поэтотъ прямо отъ себя,—но въ этомъ, очевидно, выражается мысль поэмы; она развивается далѣе въ слѣдующихъ вопросахъ:

Ужели вправду мнишь ты, близорукій,
Сковать свои мечты?
Ужель попать въ себѣ живые звуки
Насильно думалъ ты? ¹⁾

Но самымъ ходомъ поэмы сказано несравненно болѣе; изъ нея невольно вытекаютъ еще и такіе вопросы: «ужели могъ ты видѣть въ твоемъ дарѣ пѣсенъ только *свою отраду*? кто далъ тебѣ право утаить этотъ животворный даръ отъ живыхъ людей? Не на то ли этому чудному дару и подобаетъ *свобода*, чтобы онъ смѣло вторгался въ самую «злобу дня» и звучалъ, по выраженію Лермонтова,—

Какъ колоколъ на башнѣ вѣчевой
Во дни торжествъ и бѣдъ народныхъ!»

Не ясно ли послѣ этого, что Толстой своимъ «Дамаскинымъ» приведенъ былъ къ такому же взгляду на *общественное служеніе поэта*, въ какому, послѣ долгихъ отъ него отклоненій, пришелъ и Пушкинъ въ заключительныхъ словахъ Бога къ «Пророку»:

... Обходя моря и земли,
Глаголомъ жги сердца людей!

¹⁾ Стихотворенія, стр. 223.

«Иоаннъ Дамаскинъ», эта лучшая изъ поэмъ Толстого по красотамъ изложения, есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, и самая сочувственная и живая по своей основной мысли.

Извѣстно, что поэма эта впервые появилась въ литературномъ органѣ такъ называемыхъ *славянофиловъ*, «Русской Бесѣдѣ», служа, по этой основной мысли, вполне подходящимъ выраженіемъ того, что составляетъ одну изъ основныхъ сторонъ славянофильскаго ученія. Но мысль о неотъемлемой свободѣ слова, этого существеннѣйшаго признака, по которому отличается человѣкъ отъ прочихъ созданій, — мысль въ равной мѣрѣ сочувственная и людямъ другихъ направленій. Отозвавшись въ ученіи славянофиловъ собственно на такую мысль, поэтъ нашъ никогда и не думалъ отдаваться ихъ направленію вполне, какъ не могъ отдаться вполне и противоположному направленію. Своей *идеѣ полнѣйшей поэтической независимости* оставался онъ вѣренъ и въ жизни, хотя и глубоко сознавалъ всю трудность неизбѣжно-вытекавшаго изъ такой независимости одиночества:

Двухъ становъ не боецъ, но только гость случайный,
За правду я бы радъ поднять мой добрый мечъ;
Но споръ съ обоими досель мой жребій тайный,
И въ клятвѣ ни одинъ не могъ меня привлечь;
Союза полнаго не будетъ между нами —
Не купленный никѣмъ, подъ чье-бъ ни сталъ я знамя,
Пристрастной ревности друзей не въ силахъ снести,
Я знамени врага отстаивалъ бы честь ¹⁾.

Однажды, правда, поэтъ нашъ подалъ поводъ думать, не рѣшится ли онъ окончательно стать въ славянофильскій станъ, откликнувшись, повидимому, сочувственно на одну изъ самыхъ спорныхъ сторонъ его историческаго ученія извѣстными своими стихами: «Государь ты нашъ батюшка, государь Петръ Алексѣевичъ» ²⁾. Но цѣлый рядъ другихъ произведеній изъ русской исторіи ни мало не оправдалъ такихъ — съ одной стороны *надеждъ*, съ другой — *опасеній*.

Здѣсь не мѣсто входить въ оцѣнку того пониманія отечественной исторіи, которое, каково бы ни выходило оно у нашего поэта, оставалось вполне независимымъ отъ какой-либо историко-политической школы.

Къ числу его произведеній изъ русской исторіи принадлежатъ, какъ извѣстно, и его драматическая трилогія, которая

¹⁾ Стихотворенія, стр. 42.

²⁾ Напечатана въ газетѣ „День“.

ждать еще обстоятельнаго разбора. Я же теперь касаюсь ея, какъ и другіе его произведеній изъ отечественной исторіи, собственно съ цѣлью напомнить о томъ, что поэтъ нашъ является и тутъ, какъ во всемъ, не принесшимъ, по его собственному выраженію, стѣснительной вліяты никакому стану. Онъ постоянно старался подходить, такъ - сказать, лицомъ къ лицу къ своему народу, отстраняя чье-либо наставительное посредничество, и исключительно опираясь на свое живое художническое чутье. И что же? несмотря на помѣхи, неизбежно вытекавшія изъ самыхъ свойствъ воспитанія и образованія въ той искусственной средѣ, которой принадлежалъ поэтъ, ему нрѣдко удавалось достигать въ столь высокой мѣрѣ непосредственнаго общенія съ народомъ, что въ его художественные стихи вторгались живемъ народныя думы, или же задушевыя мысли поэта облекались въ первобытный народный стихъ и въ стародавніе образы и обороты народнаго творчества. Въ этомъ именно отношеніи Толстой сдѣлалъ шагъ впередъ послѣ Пушкина, которому народность, какъ извѣстно, не сразу далась, да и до конца, можетъ быть, не далась въ такой мѣрѣ. Не самъ ли народъ, напримѣръ, говоритъ въ слѣдующихъ стихахъ Толстого?

Ой, какъ Волга матушка да вспать побѣжала,
Кабы можно, братцы, начать жить сначала!
Ой, кабы зимой цвѣты расцвѣтали!
Кабы мы любили да не разлюбили!

Кабы всегда чарка доходила до рта!
Да кабы приказныхъ по боку да къ чорту!
Да кабы звенѣли завсегда карманы!
Да кабы намъ, братцы, да свои кафтаны!
Да кабы голодный всякій день обѣдалъ!
Да баюшка-царь нашъ всю правду бы вѣдалъ! ¹⁾

Что, какъ не чисто народная иронія, сказывается въ слѣдующей ярко своеобразной картинѣ:

Ходить Спѣсь надумавшись,
Съ боку на бокъ переваливаясь.
Ростомъ-то Спѣсь аршинъ съ четвертью,
Шапка то на немъ во цѣлу сажень...

А и зашелъ бы Спѣсь къ отцу къ матери,
Да ворота не крашены!
А и помолился-бъ Спѣсь во церкви Божіей,
Да полъ не метены!

¹⁾ Стихотворенія, стр. 174.

Идетъ Снѣгъ, видитъ: на небѣ раду;,
 Повернулъ Снѣгъ во другую сторону:
 «Не пригоже-де мнѣ нагибаться» ¹⁾).

Не чисто-ли русская *мирога* возрѣнія, никакъ не уживающаяся съ тѣмъ, что называется *середкой на половинкѣ*, поражаетъ васъ въ слѣдующихъ стихахъ Толстого:

Коль любить, такъ безъ разсудку,
 Коль грозить, такъ не на шутку,
 Коль ругнуть, такъ споряча,
 Коль рубнуть, такъ ужъ сплеча!

Коли спорить, такъ ужъ смѣло!
 Коль карать, такъ ужъ за дѣло!
 Коль простить, такъ всей душой!
 Коли пирь, такъ пирь горой ²⁾).

Извѣстно, что въ стихотвореніяхъ поэта нашего черѣдко называется грусть-тоска. Пораженный однажды классическимъ образомъ Милона Кротонскаго, обносившаго каждый день вокругъ города маленькаго теленка, который все росъ и росъ и наконецъ обратился въ быка, тѣмъ не менѣе, въ силу привычки, приходившагося ему по силамъ, — поэтъ сейчасъ же воспользовался этимъ образомъ для такого сравненія:

Въ дни юности моей, съ судьбой въ отважномъ спорѣ,
 Я, какъ Милонъ, взвалилъ себѣ на плечи горе,
 Не замѣчая самъ, что бремя тяжело;
 Но съ каждымъ днемъ оно невидимо росло,
 И голова моя подъ нимъ ужъ поспѣла —
 Оно же все растетъ безъ мѣры и предѣла ³⁾).

Но какъ было именно въ этомъ случаѣ не найти подходящихъ красокъ и въ нашихъ народныхъ пѣсняхъ и сказкахъ, когда онѣ съ такимъ глубокимъ чувствомъ выносливости рисуютъ не менѣе художественные въ своемъ родѣ образы «горя-гореванья»? Толстой и воспользовался и на этотъ разъ готовыми чертами народной поэзіи не въ одномъ изъ своихъ стихотвореній ⁴⁾, но я приведу лишь слѣдующій поразительно вѣрный образъ для той же идеи, задуманный и выполненный нашимъ поэтомъ въ совершенно народномъ духѣ:

1) Стихотворенія, стр. 166.

2) Стихотворенія, стр. 66.

3) „Вѣстн. Европы“ 1873 г. январь.

4) Стихотворенія, стр. 62, 72.

Не божимъ громомъ горе удариво,
 Не тяжелой скалой навалилося,
 Собиралось оно малыми тучками,
 Затянули тучки небо ясное,
 Посыпало горе мелкимъ дождичкомъ
 Мелкимъ дождичкомъ осеннимъ.
 А и съеть оно давнымъ давно
 И съчеть оно безъ умолку...

Но такъ медленно изводиться станеть не въ моготу и при величайшей выносливости, — и у поэта невольно тутъ вырывается пожеланье въ томъ же чисто народномъ вкусѣ:

А и бывало-жъ другимъ счастьеце:
 Налетало горе-вихремъ бурю,
 Ворочало горе дубы съ корнемъ вонъ ¹⁾.

Но, кромѣ злодѣя-горя, къ человѣку бываетъ приставлено еще и другое безобразное существо, приходящееся сродни первому. Поэтъ намъ рисуеть и это новое чудище тѣми же, взятыми у народа, красками:

Нѣтъ, ужъ не вѣдать мнѣ, братцы, ни сна, ни покоя!
 Съ жизнью бороться приходится, съ бабой-ягою!
 Старая крѣпко меня за бока ухватила,
 Сломится, такъ и гляжу, молодецкая сила!
 Пусть бы хоть молча, а то вѣдъ накинудась съ бранью,
 Слухъ утомляетъ мнѣ, сплетница, всякою дрянью.
 Охъ, насолили мнѣ дразги и мелочи эти!
 Баба, постой, погоди, не одна ты на свѣтѣ!
 Сила и воля нужны мнѣ для боя иного;—
 Послѣ, пожалуй, съ тобою мы схватимся снова ²⁾.

Но сила и воля подкашиваются не оттого только, что имъ приходится постоянно разгребать передъ вами наваливаемый на вашу дорогу житейскій соръ;—онѣ нерѣдко остаются безъ дѣла и отъ избытка внутреннего содержанія, отъ нехотѣнна-неумѣны вставить его въ какія-либо опредѣленные рамки, такъ какъ всѣ эти рамки неизбѣжно стѣсняють вашу свободу. Дорожа всего болѣе безграничною независимостью духа, поэтъ нашъ вполне сознавалъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что она въ состояннн доводитъ до (въ своемъ родѣ) гамлетовскихъ безвыходныхъ колебаній. Свое откровенное признаніе въ этомъ облекъ онъ опять въ обороты народной поэзіи, и облекъ совершенно удачно—³⁾потому, надо думать, что въ самомъ нашемъ народномъ характерѣ въ сильнѣйшей

¹⁾ Стихотворенія, стр. 50.

²⁾ Стихотворенія, стр. 57.

степени развита та ширь, которая не позволяет уставиться раз навсегда под какой-либо одинъ уголъ зрѣнія, или отдать себя, такъ сказать, въ кабалу одному какому-нибудь «толку». А жутко приходится иногда отъ этой черты характера, и невольно завидуется тому, въ комъ нѣтъ ея непокладистой шири. Вотъ народная дума о томъ Толстого:

Хорошо, братцы, тому на свѣтѣ жить,
У кого въ головѣ добра не много есть,
А сидитъ тамъ одно одишенько,
А и сидитъ оно крѣпко на крѣпко,
Словно гвоздь, обухомъ вколоченный.

А хорошо оно потому, что такой человекъ всегда знаетъ, куда ему надо —

...Знай преть впередъ, на проломъ идти,
Давить встрѣчнаго-поперечнаго.
А бѣда тому, братцы, на свѣтѣ жить,
Кому Богъ далъ очи зоркія,
Кому видѣть далъ во всѣ стороны,
И тѣ очи у него разбѣгаются...
И дойдетъ онъ до распутья,
Не одну видить въ погѣ дороженьку,
И онъ станетъ—призадумается,
И пойдетъ впередъ, воротится,
Начинаетъ идти сызнова...
И всѣ люди его корятъ-бранятъ:
«Ишь, идетъ-молъ, озирается,
Ишь, стоитъ-молъ, призадумался,
Ему бы мѣрить все да взвѣшивать,
На всѣ боки бы поворачивать... 1)

А время между тѣмъ идетъ себѣ да идетъ, жизнь не терпитъ, не дожидается, и обладающій подобнымъ избыткомъ душевныхъ силъ, тяготящимъ его самого какъ богатыря Святогора, такъ же точно ихъ бесплодно носившаго, — обладающій подобнымъ ненужнымъ избыткомъ силъ оканчиваетъ наконецъ тѣмъ, что «найдетъ себѣ гору, да на ней и заляжетъ» — подобно тому же Святогору богатырю, этому первому изъ нашихъ «Обломовыхъ». Но поэтъ нашъ схватилъ и эту сторону народнаго типа — при помощи опять-же народныхъ красокъ:

Ты невѣдомое, незнаемое,
Безъ виду, безъ образа,
Безъ имени-прозвища, —
Полно гнуть меня ко сырой землѣ,
Донимать меня, добра молодца!

1) Стихотворенія, стр. 47.

Какъ съ утра-то встану здоровешенекъ,
Здоровешенекъ, кажись, гору сдвинулъ-бы,
А къ полудню уже руки опускаются,
Ноги словно къ землѣ приросли.

А новое, особое чудище, стоящее и безобразной бабичи съ ея соромъ-дразгомъ, и гореваньница-горя, наваливающегося на плечи молодцу,—новое чудище сидитъ себѣ да сидитъ у его въ-головьница, да надъ нимъ же и насмѣхается:

<Ой, удалъ-силенъ добрый молодець,
Еще много ли на боку полежано,
Силы-удали понакоплено,
Отговорокъ-то понахожено?
А и много ли богатырскихъ дѣлъ
На печи сидючи понадумано,
Вахлавами другихъ поругано,
Себѣ спину почесано?> 1)

Но если такъ легко переходъ отъ колебательнаго стоянія на распутіи къ спокойному сидѣнію на печи,—то тутъ за то не рискуешь попасть въ положеніе тѣхъ братьевъ, которые, въ извѣстной притчѣ Толстого *о правдѣ* 2), перебились изъ-за нея до смерти, а всё оттого, что каждый смотрѣлъ на нее съ *одного* своего конца и не допускалъ возможности посмотреть и съ *какого-нибудь другого*.—Спасая отъ такого пагубнаго задора, стоянье внѣ всякаго опредѣленнаго стана представлялось нашему поэту особенно привлекательнымъ потому, что ограждало его независимый духъ отъ всякаго рода соблазновъ—даже отъ соблазна *похвалъ* и *хулы* своихъ же сторонниковъ. И поэтъ нашъ до конца оставался вѣренъ тому идеалу, который начертанъ имъ, между прочимъ, въ слѣдующихъ давнишнихъ его стихахъ:

Ни предъ какой земною властью
Своей онъ мысли не таятъ,
Не льститъ неправому пристрастью,
Враждѣ неправой не кадитъ.
Ни предъ вѣнчанными царями,
Ни предъ судилищемъ молвы,
Онъ не торгуется словами,
Не клонитъ рабски головы.
Друзьямъ въ угодность, боязливо
Онъ никому не шлетъ укоръ;
Когда-жъ толпа несправедливо
Свой поставитъ приговоръ,
Одинъ, не слѣдуя за нею,
Предъ тѣмъ, что чисто и свѣтло,

1) Стихотворенія, стр. 53.

2) Стихотвор. стр. 172—174.

Дерзаетъ онъ, благоговѣя,
Склонить свободное чело ¹⁾.

Эта-то смѣлая рѣшимость плыть и *противъ теченія* привела нашего поэта къ тѣмъ стихотвореніямъ позднѣйшаго времени, въ которыхъ онъ, какъ памятно всѣмъ намъ, враждебно затронулъ нѣкоторыя, бывшія тогда самоновѣйшими, а теперь, пожалуй, уже и постершіяся угловатости. При этомъ поэтъ нашъ могъ въ значительной мѣрѣ руководиться своимъ чувствомъ художника, оскорбившагося прежде всего за свое божество—красоту; этимъ, по крайней мѣрѣ, отзывается у него слѣдующая характеристика:

Они звона не терпятъ гусларнаго,
Подавай имъ товара базарнаго!
Все, чего имъ не взвѣсить, не смѣрять,
Все, кричатъ они, надо похѣрять!..

.
И приемы у нихъ дубоватые
И ученье-то ихъ грязноватое... ²⁾

Во всякомъ случаѣ на явленія этого рода поэтъ нашъ взглянулъ съ той же отвлеченно-художнической точки зрѣнія, которая сказалась у него и въ поэмѣ «Грѣшница». Какъ тамъ онъ усмотрѣлъ исключительно вину самой личности въ томъ, что должно быть отнесено и на счетъ всего общества, такъ и тутъ—въ этихъ «дубоватыхъ приемахъ» и въ этомъ «грязноватомъ ученіи»—ему видѣлась только какая-то странная прихоть извѣстнаго рода людей, тогда какъ направленіе ихъ непосредственно вытекало изъ цѣлаго ряда предшествовавшихъ явленій..

Но я ограничусь однимъ указаніемъ на то, какъ могли появиться у нашего поэта и принять такой склонъ эти его сатирическія произведенія, во всякомъ случаѣ остающіяся столько же искренними, какъ и все, что выливалось изъ-подъ его пера. Боясь отдаться въ полонъ «зlobѣ дня», онъ, какъ живой человѣкъ, нерѣдко касался ея, не измѣняя при этомъ той *вѣчной правды* и *вѣчной красоты*, которой по преимуществу служить художникъ; но постоянное опасеніе этой «зlobы» держало его нѣсколько въ сторонѣ отъ дѣйствительной жизни, а это-то и помѣшало ему, неволью отозвавшись и на упомянутыя явленія недавней поры, постановить о нихъ такой приговоръ, который вполне бы удовлетворялъ неумытной правдѣ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и чувству художнической мѣры и безпристрастія.

Тяжело бы было теперь, когда мы, какъ я выразился вначалѣ, стоимъ еще «передъ свѣжей могилой» перебирать, одно за

¹⁾ Стихотвор., стр. 28—29.

²⁾ Стихотвор., стр. 176 (Павтелей цѣлитель).

другимъ, тѣ произведенія, въ которыхъ нашему поэту пришлось волею-неволею, за свое излишнее опасеніе «злобы дня», поплатиться принесеніемъ ей же таковой щедрой дани, которая вышла въ ущербъ и его поэтическому дару, и его чувству самостоятельности—такъ какъ дань эта на время придвинула его очень близко къ одному изъ весьма выдававшихся становъ. Надо думать, что онъ самъ почувствовалъ это, и, остановившись во время, сберегъ и свой честный характеръ, и свой чистый поэтическій даръ... Во всякомъ случаѣ, вѣрно то, что Толстой былъ искрененъ всегда, оставался искреннимъ и въ самыхъ своихъ одностороннихъ увлеченіяхъ; его натура была цѣльная, и какъ всѣ подобныя натуры, онъ не былъ преднамѣренъ, а потому иногда не былъ и послѣдователенъ; мы теперь еще не можемъ имѣть правильнаго понятія о его уклоненіяхъ, такъ какъ въ печать попали пока уклоненія его только въ одну сторону; въ рукописной литературѣ найдется, конечно, не мало уклоненій его и въ другую сторону—еще болѣе рѣзкихъ и уже не имѣющихъ ничего общаго съ тѣмъ станомъ, которому нравились первыя.

Въ заключеніе этой поминальной замѣтки приведу стихи, вылившіяся у гр. Толстого уже давно и обличающіе, какъ это часто бываетъ у лириковъ, въ душѣ самого поэта то, что вмѣстѣ съ тѣмъ подлежитъ обличенію и въ цѣломъ обществѣ. Стихи эти затрогиваютъ тотъ нашъ недугъ, который долженъ бы былъ возбуждать опасенія пуще всякихъ другихъ недуговъ. Въ самомъ дѣлѣ, по какимъ бы ложнымъ путямъ ни направлялись живыя силы, — и самое блужданіе ихъ должно быть предпочтено тому мертвенному застою, о которомъ съ такимъ нравственнымъ ужасомъ говорилъ поэтъ:

Я задремавъ, главу понуря,
И прежнихъ силъ не узнаю;
Дохни, Господь, живящей бурей,
На душу сонную мою!
Какъ гласъ упрека, надо мною
Свой громъ призывный прокати,
И выжи ржавчину покоя,
И прахъ бездѣйствія смети!
Да вспрану я, Тобой подъятый,
И, ввявъ карающимъ словамъ,
Какъ камень отъ удара млата,
Огонь таившійся издамъ! ¹⁾

Многіе ли могутъ сказать, что имъ не понадобится такая, вылившаяся устами поэта, возбуждательная молитва?

Ор. Миллеръ.

¹⁾ Стихотвор., стр. 55.

ШЕРРЪ-ЖОЗЕФЪ ПРУДОНЪ

ВЪ ПИСЬМАХЪ

Correspondance de P.-J. Proudhon, précédée d'une Notice sur P.-J. Proudhon par J.-A. Langlois. Paris. A. Lacroix et C-ie. 1875. Tomes I-XIV.

СТАТЬЯ ЧЕТВЕРТАЯ.

Окончаніе.

IV *).

Личныя дѣла Прудона, съ наступленіемъ 1854 г., нисколько не улучшились, что связывается въ письмѣ его отъ 1-го января къ Матею. Онъ жалуется на цензурныя преслѣдованія, на невозможность продолжать писательскую карьеру. А дѣловая дорога по прежнему для него закрыта. Въ мірѣ внѣшней политики ему неначѣмъ успокоиться. Въ этомъ письмѣ мы находимъ подробность, показывающую, что тесть его, Пьегарь, несмотря на приговоръ суда, остался на свободѣ. Нѣсколько позднѣе Прудона обнадежили тѣмъ, что его критическій журналъ будетъ разрѣшенъ. Это такъ его одушевляетъ, что онъ говоритъ въ письмѣ къ Феррари, отъ 10-го января: «не правда ли, что появленіе «*Revue du Peuple*» будетъ болѣе важнымъ событіемъ, чѣмъ 2-е декабря?»

*) См. выше: мартъ, 154; май, 78; июль, 88; авг. 523; сент. 113; окт. 530; нояб. 231 стр.

Мы уже знаемъ, что Прудонъ написалъ по заказу книгопродавца анонимную книжку: «Manuel du speculateur à la Bourse». Про эту вещьцу онъ пишетъ г. Мадье-Монжб: «брошюра очень много и сочувственно читается рабочими; но все ея значеніе заключается лишь въ томъ, что она представляетъ собою родъ инвентаря *захваченнаго* у народа *достоянія*, т.-е. первую вещь, вакую слѣдуетъ тотчасъ же потребовать на случай революціи, цѣнность отъ 12-ти до 15-ти *миллиардовъ!*. Въ ней показываютъ также, въ подробностяхъ, секреты спекуляціи и игры, значеніе различныхъ финансовыхъ и промышленныхъ учрежденій: все это вещи очень поучительныя для народа; ихъ достоинство то, что онѣ ясно устанавливаютъ революціонный *объектъ*, чего до сихъ поръ никогда не дѣлали. Это — чудовищная бомба, брошенная на парижскую мостовую рукою революціи; но какъ литературное произведеніе, оно не стоить того, чтобы вы имъ занялись».

Начиная съ этого письма къ Мадье-Монжб, Прудонъ довольно горячо занимается восточнымъ вопросомъ и близостью войны съ Россіей. Его взглядъ на эту «кутерму» (такъ онъ называетъ столкновеніе въ Иерусалимѣ) интересенъ въ особенности для насъ, русскихъ. Можно было впередъ сообразить, что Прудонъ взглянетъ на все это дѣло гораздо трезвѣе, чѣмъ масса его соотечественниковъ; но и на русскій взглядъ подобная смѣлость, правдивость и честность соображеній—вѣчто совершенно выходящее изъ ряда вопъ. Онъ начинаетъ съ того, въ письмѣ отъ 10-го января, что называетъ восточное столкновеніе *интригой*, затѣянной въ Тюльери, подъ ненавистнымъ ему клерикальнымъ вліяніемъ. По его мнѣнію, и греки, и русскій императоръ были вполне правы, отстаивая свое положеніе на Востокъ. Онъ такъ ясно и рѣзко это формулируетъ, что мы приведемъ соответственное мѣсто цѣликомъ:

«Вы, конечно, легко поймете, что еслибъ вы сами были въ подобномъ положеніи—царемъ, повелителемъ націи въ 70.000,000 душъ, съ арміей въ 800,000 человекъ, вы не потерпѣли бы, чтобъ Франція, по поводу Гроба Господня, выхватила у васъ изъ-подъ носа вліяніе на Востокъ, и производила его въ оскорбительномъ для васъ смыслѣ. Лучше было бы уже связать Франціи возьмите Сирію, или Бессарабію, или Польшу!»

Вообще, для Прудона вся эта исторія лишена какого бы то ни было прогрессивнаго смысла. Онъ надѣется только, что Наполеонъ III, впутавшись въ войну, долженъ будетъ, такъ или иначе, послужить дѣлу революціи. Себѣ же лично онъ желаетъ немного побольше свободы, «чтобы докончить важные и велико-

лѣнные труды». Не теряетъ онъ надежды и на то, что ему разрѣшатъ журналъ «Peuple». Тогда онъ выступитъ опять съ энергическимъ починомъ: «я сдѣлаю все что можно, — говоритъ онъ, — чтобы открыть революціонные плюсы, и когда я увижу, какъ имперія плаваетъ на этомъ океанѣ, съ кормчими-либералами и съ фанатическимъ экипажемъ, это меня легко утѣшитъ въ злословіи и неблагодарностяхъ нашей старой демократіи. Бѣдная демократія, проникнутая монархическимъ духомъ до мозга костей и взявшая у революціи однѣ лишь театральныя фразы! Поэтому-то она меня никогда и не понимала. Она не поняла, что моя сила заключалась и будетъ заключаться завтра — если мнѣ позволить писать — въ томъ, что я вовсе не вождь, не трибунъ, не особа. Какъ личность, я остаюсь пролетаріемъ, человѣкомъ ничтожества, неспособнымъ къ трибунѣ, неспособнымъ къ власти, во всякаго рода *представительности*. Я — отрицаніе *личностей*, я представляю собою разумъ коллективный, *безличный, анархическій, невидимый*, послѣдній предѣлъ революціи...»

Въ самомъ концѣ письма есть новый приговоръ французской демократіи: «она погибла, — утверждаетъ Прудонъ, — отъ формализма своего принципа (всеобщая подача голосовъ) и отъ незнанія своей сущности (экономическая реформа); для того, чтобы вернулась опять демократія, надо, чтобы она сдѣлалась революціонная, не во вкусъ г. Бюшеза, подарившаго намъ поповъ, не во вкусъ Робеспьера, великаго творца централизаціи и полиціи, а въ духъ федералистовъ 89 г., кордельеровъ 93, въ духъ Клотца, Шометта, Камбона, всѣхъ этихъ *разрушителей* жречества, Капитолія и государства!»

Печальныя соображенія по личнымъ дѣламъ находятся въ письмѣ къ Морису, отъ 18 го января. Прудонъ жалуется на невыносимость своего шаткаго положенія и хочетъ, во что бы то ни стало, чѣмъ-нибудь покончить. Политическія событія продолжаютъ возбуждать въ немъ все тотъ же протестъ противъ интриги, которая вызвала столкновеніе на Востокѣ. Въ двухъ письмахъ къ Жозефу Феррари, отъ 14-го и 21-го января, онъ высказывается все въ томъ же духѣ критическаго пессимизма, и не задумывается надъ тирадами въ родѣ слѣдующей:

«Мнѣ снилось въ эту ночь, что русскіе вошли въ Константинополь; я на этомъ проснулся и сказалъ про себя: браво! такъ должно быть и такъ будетъ! Надо выгнать наконецъ турка изъ Европы; смѣшно и недостойно думать о томъ, чтобы ввести этихъ варваровъ въ *европейскую систему*. Къ тому же, подъ полумѣсяцемъ стоятъ угнетенные народы, требующіе *возврата* и не

желающіе ждуть приличій западныхъ дипломатовъ. Греція кричитъ всѣми своими органами: долой отсюда татарина! И вся славянская раса поднимается для его изгнанія. Развѣ не венгерцы и не славяне уже останавливали захваты турокъ, всѣ эти Гуніади и Собѣскіе? И не выходитъ ли, что царь преслѣдуетъ историческую миссію? И не кажется ли вамъ отступничествомъ тотъ фактъ, что англо-французскій флотъ угрожаетъ ему? Нашей политикѣ слѣдовало бы допускать полегонечку эту неизбежную отплату, приобрѣтая свою долю вліянія и заручаясь прочными мѣстами; а мы, вмѣсто того, умѣемъ только идти на буксирѣ Англіи, этого эксплуататора народовъ и морей. Намъ за это постигнетъ кара, и по дѣломъ; она уже началась. Пока Россія и Англія борются: первая изъ-за окончательнаго торжества цивилизаціи, вторая изъ-за всемірнаго торгашества, Франція, точно глупая фигурантка, собирается воевать изъ-за реликвіи!.. Какъ бы ни кончилась борьба, мы останемся двойниками (sosie) пшесы. Изъ-за такой великой чести намъ, разумѣется, нужно истратитъ 500.000,000 фр. и 100,000 человекъ».

Надо сказать правду: Прудонъ преувеличивалъ фактическое могущество Россіи и смотрѣлъ на нашу роль съ меньшей критикой, чѣмъ на поведеніе французскаго правительства. Онъ слишкомъ скоро сталъ предсказывать успѣхи русскихъ; но его безпощадный языкъ нисколько не умаляетъ патриотическаго чувства: Францію онъ по прежнему любитъ и, негодуя на роль ея въ восточномъ вопросѣ, не перестаетъ надѣяться на то, что ичальный исходъ столкновенія по внѣшней политикѣ дастъ новый толчокъ революціонному движенію. Этотъ взглядъ высказанъ особенно ясно въ началѣ письма, отъ 1-го февраля, къ тому же Феррари, гдѣ онъ опять занимается восточнымъ вопросомъ. Ему противенъ французскій шовинизмъ, разыгравшійся до того, что даже яеобинцы рукоплещутъ войнѣ и сулятъ смерть казакамъ.

Личное положеніе Прудона описано въ письмѣ, отъ 2-го февраля, къ доктору Magé въ такихъ чертахъ:

«Я нахожусь въ состояніи почти полнаго преобразованія. Властью правительства и волею яезуитовъ я почти пересталъ существовать какъ писатель. Мои изданія сняты съ эталажей и вычеркнуты изъ каталоговъ; ни одинъ книгопродавецъ не желаетъ взять на себя изданіе чего бы то ни было, вышедшаго изъ-подъ моего пера.

«Что въ особенности поучительно, это то, что въ глубинѣ души всѣ партіи, даже враждебныя правительству, даже красныя рукоплещутъ этому, и я въ правѣ говорить, какъ я уже и дѣ-

далъ въ протестаціи, обращенной къ министру, что имперія есть не что иное, какъ коалиція всѣхъ старыхъ партій противъ февральской мысли, а въ этомъ качествѣ—самое законное изъ правительствъ».

Но какъ ни плохо приходилось ему, онъ не могъ не откликаться на политическія событія, и въ письмѣ, отъ 12-го февраля, къ Мадье-Монжю съ ббльшей подробностью разбираетъ текущія событія, дѣлая изъ русскаго императора безсознательное орудіе того общественнаго движенія, которому Прудонъ желалъ всегда служить. Онъ чертитъ даже цѣлый планъ русскаго военнаго захвата и боится одного лишь, чтобы царь не испугался такой программы. И чѣмъ больше развивался шовинизмъ вокругъ Прудона, тѣмъ рѣзче и независимѣе дѣлался онъ въ своихъ взглядахъ. Это дошло до того, что онъ пишетъ, отъ 25-го февраля, Жозефу Феррари:

«Война императорская, консервативная, война капиталистовъ и католиковъ, война анти-демократическая, анти-греческая, противная принципу національностей: такова отнынѣ восточная война.

«А итальянская національность?

«А венгерская національность?

«А національность христіанскихъ сербовъ, болгаръ, румыновъ, эшпротовъ?

«Эти національности, любезный другъ, могутъ ждать и еще подождать!.. Не для національностей *поджаривается колбаса*, гласитъ марсельеза Куртили и Тюльери» (Ce n'est pas pour les nationalités que le boudin grille! dit la marseillaise de la Courtille et des Tuileries).

И опять онъ того мнѣнія, что революція должна совершиться новымъ путемъ. Чѣмъ бы война ни кончилась, экономическій принципъ долженъ взять верхъ:

«Это прекурёзная перипетія, —выводитъ онъ въ заключеніе: — подобной еще не было, видно, въ исторіи. Она уже доказываетъ, какъ чужды своему вѣку люди, умѣвшіе только волноваться въ 1848 г.!»

Точно также и въ письмѣ къ Шарлю Эдмону, отъ 26-го февраля, Прудонъ выражаетъ свое недовѣріе къ такъ-называемому восточному вопросу, гдѣ онъ видитъ одну бонапартовскую гордыню, поддержанную различными интригами, клонившимися къ тому, чтобы сдѣлать подъ всевозможными предлогами популярною войну «avec les Cosaques». Прудонъ не вѣритъ въ то, чтобы европейскія державы послушали Наполеона III, грозившаго имъ *революціонной войной*. Онъ смотритъ на Бонапарта, какъ

на человѣка потеряннаго и ждетъ въ ближайшемъ будущемъ его отреченія. «Наполеонъ III, — разсуждаетъ Прудонъ, — сталъ въ то же положеніе, что и Карлъ X, и Луи-Филиппъ; если онъ, хоть сколько-нибудь, заботится о своей фамиліи и о своемъ имени, пускай онъ не дотягиваетъ до послѣдней минуты. Онъ долженъ убираться, а съ его кузеномъ, которому онъ законно оставитъ свою власть, пусть начнется *республиканская эра*». И далѣе, въ концѣ письма, онъ восклицаетъ: «отреченіе, говорю я вамъ. Бейте въ этотъ волококлъ, пустите этотъ лозунгъ; пускай Наполеонъ III и его Евгенія отправляются въ Новую Каледонію, въ Гвіану, въ Нука-Гиву добывать себѣ владѣнія по плечу; а Франція пусть пойдетъ по настоящему пути своихъ традицій и своего призванія».

Свои взгляды Прудонъ отдаетъ на судъ пріятеля, говоря, что онъ приходитъ къ извѣстнымъ выводамъ внѣ всякихъ политическихъ сплетенъ и салонныхъ разговоровъ: такой методъ считалъ онъ всегда наилучшимъ.

Первое письмо шестого тома, гдѣ продолжается переписка 1854 г., адресовано Бергману, отъ 5-го марта. Читатель припомнитъ, что это былъ ближайшій пріятель Прудона, съ которымъ онъ когда-то переписывался часто и много; но съ февральской революціи переписка эта прекратилась, безъ всякаго разрыва между ними. Бергманъ послалъ Прудону, въ первыхъ числахъ марта 1854 г., по экземпляру своихъ новѣйшихъ брошюръ, не сдѣлавъ на нихъ никакой надписи. Прудонъ понялъ и почувствовалъ этотъ молчаливый упрекъ друга, и отвѣтилъ ему большимъ, весьма искреннимъ посланіемъ. Въ немъ простой и правдивый человѣкъ оказывается по прежнему; а самая форма изліяній представляетъ собою живой біографическій интересъ.

«Ты лучше меня, мой милый Бергманъ, — начинаетъ Прудонъ, — ты пересилилъ своего стараго друга столько же сердцемъ, сколько и умомъ, какіе ты влагаешь въ твою дружбу. Ты понялъ, что я бѣднякъ, стыдящійся своего долгаго молчанія, что я, слишкомъ хорошо сознавая свои вины, не осмѣливался снова подойти къ тебѣ. Еще разъ говорю, ты лучше меня, Бергманъ: не скажу тебѣ ничего больше; если я преклоняюсь предъ тобою, повѣрь, я дѣлаю это не потому, чтобы презиралъ такъ самого себя; когда я сравниваю себя съ другими, клянусь тебѣ, я по совѣсти назначаю себѣ довольно хорошее мѣсто».

Такъ какъ онъ не писалъ Бергману цѣлыхъ шесть лѣтъ, то и разсказываетъ ему свои испытанія тотчасъ послѣ вступленія, дитированнаго нами. Въ этомъ мѣстѣ письма нѣтъ ничего осо-

бенно новаго въ смыслѣ біографическомъ; но его интимный тонъ для насъ драгоценнѣе, и мы сообщимъ здѣсь въ выпискахъ все то, что потеряло бы въ болѣе краткомъ изложеніи:

«Вернулся я въ Парижъ въ концѣ 47 г., и занимался моими любимыми работами, когда разразилась февральская революція. Я провелъ въ уединеніи первые два мѣсяца, мартъ и апрѣль, слѣдя за ходомъ событій и страдая въ душѣ отъ ужаснаго положенія, въ какомъ я видѣлъ нашу страну. Расположеніе нѣкоторыхъ демократовъ, какого я совсѣмъ не добивался, а потомъ нападки журналовъ, мною вовсе невызванныя, кинули меня въ дѣятельную политику; журнализмъ сдѣлалъ меня депутатомъ; и какъ я только попалъ въ Собраніе, слѣпая ненависть консервативной партіи принудила меня нарушить молчаніе, а въ концѣ-концовъ ожесточеніе противъ моей личности, возбудивъ меня до ярости, сдѣлало изъ меня то, что было видно впоследствии...

«Такая жизнь не могла долже длиться. Ассизный судъ заперъ меня, съ разрѣшенія Собранія, на три года въ тюрьму. Обойдась со мною съ такою суровостью, судьи спасли мнѣ жизнь. Вотъ уже около 5-ти лѣтъ, какъ былъ произнесенъ мой приговоръ, и въ это время я много работалъ, много видѣлъ, много чему выучился; конечно, я не измѣнился; но я сталъ всѣмъ тѣмъ, чѣмъ я могу быть, и, надѣюсь, будущность докажетъ моимъ друзьямъ и недругамъ, что я лучше моей репутаціи, и что во мнѣ дѣйствительно есть кое-что».

Высказавшись съ такой искренностью, Прудонъ спрашиваетъ друга, почему тотъ не писалъ ему ни разу въ теченіе трехлѣтней тюрьмы? Про себя же, т.-е. про тѣ мотивы, которые удерживали его отъ переписки, онъ высказывается съ неменьшей простотой:

«Во-первыхъ, я твой должникъ, позволь мнѣ напомнить тебѣ это, и я всегда льстилъ себя надеждой послать тебѣ при письмѣ платежный вексель. Когда я былъ народнымъ представителемъ, съ содержаніемъ по 25 франковъ въ день, когда я былъ главнымъ редакторомъ журнала, расходившагося въ 80,000 экземплярахъ, мнѣ горячо хотѣлось покрыть долгъ, болѣе чѣмъ чести, долгъ благодарности».

«Пословица говоритъ: *ce qui vient de la flûte s'en va au tambour*. Двадцать-пять франковъ вознагражденія уходили на потребности, связанныя съ положеніемъ, на пособія бѣднымъ гражданамъ, на подписки и т. д., и я могу тебя завѣрить, что кромѣ нѣкоторыхъ пошляковъ, нашедшихъ въ депутатскомъ званіи чѣмъ поживиться, вся республиканская лѣвая вела себя достойно, и

благороднымъ образомъ употребляла такія скромныя средства. Тѣ, кто пришелъ бѣднымъ, ушли еще бѣднѣе, послѣ каторжной жизни!

«Что же до журнализма, ты легко поймешь, что онъ далъ мнѣ еще менѣе, чѣмъ депутатское званіе. Подо мной было убито четыре журнала; съ февральской эпохи меня разоряли четыре раза; я потерялъ сумму въ 3,000 франковъ, которые я добылъ отъ изданій различныхъ сочиненій, помѣстивъ ихъ въ видѣ залога въ журнальное предпріятіе. До истеченія 1850 г. я очутился, какъ и наканунѣ февраля, *ни съ чѣмъ!*»

Прудонъ самъ задаетъ за своего друга вопросъ о собственной женитьбѣ и объясняетъ ее тѣми побужденіями, какія имъ уже видѣли, напирая главнымъ образомъ на свою потребность въ отеческихъ привязанностяхъ.

«Въ четыре года, — говоритъ онъ, — признательность моей жени доставила мнѣ три краснощекихъ и бѣлокурыхъ дѣвочки, которыхъ мать кормила сама; ихъ существованіе наполняетъ теперь почти всю мою душу. Пускай говорятъ, сколько хотятъ, что я поступилъ неблагоразумно; что недостаточно родить дѣтей, что слѣдуетъ ихъ воспитать и обезпечить; для меня несомнѣнно лишь то, что отеческія чувства наполнили во мнѣ огромную пустоту, что они дали мнѣ тотъ балластъ, въ какомъ я нуждался, ту пружину, какою я въ себѣ никогда не зналъ. Я сожалѣю о томъ, что уже въ 48 г. не былъ отцомъ семейства, по крайней мѣрѣ пять или шесть лѣтъ!»

Не нужно быть крайнимъ мальтузианцемъ, чтобы не соглашаться съ особымъ видомъ эгоизма, по которому человѣкъ, находящійся постоянно въ нуждѣ, обзаводится женой и дѣтьми изъ одного лишь желанія отеческихъ чувствъ, особливо если этотъ человѣкъ такъ сурово смотритъ на женщину и права главы семейства...

Далѣе, Прудонъ повторяетъ свои жалобы на невозможность продолжать писательское дѣло и на такую же невозможность составить себѣ карьеру практическаго дѣятеля: «*Terra et aqua interdixtus sum!*»

«Впрочемъ, — прибавляетъ онъ, — жизнь моя спокойна: я не испытываю никакого тревоженія. Полиція знаетъ, что я за человѣкъ; она знаетъ, что я также въ сущности презираю якобинскую партію, какъ и партію легитимистовъ, что я равнодушенъ къ политической формѣ, свѣпиченъ относительно всякой власти, и гораздо болѣе обезпечиваюсь самымъ дѣломъ правителей, чѣмъ ихъ титуломъ. Поэтому-то система, разъ мною поддержанная,

смертельная партіямъ и сектамъ, въ одно и то же время охраняетъ меня со стороны правительства и навлекаетъ на меня непримиримую ненависть его соперниковъ».

Онъ не оправдывается по поводу тѣхъ нелѣпныхъ слуховъ, какіе могли дойти до Бергмана о его выгодной женитьбѣ и железнодорожныхъ дѣлахъ.

«Такова, дорогой Бергманъ,—кончаетъ онъ,—сокращенная исторія моей интимной жизни въ послѣднія шесть лѣтъ. Въ моемъ умѣ, въ моемъ сердцѣ и въ моемъ состояніи остался я точно такимъ же, какимъ ты меня всегда зналъ. Бѣдность не особенно мнѣ убыточна; если я сожалею кой-о-чемъ по этой части, то о томъ лишь, что не могъ еще покрыть моихъ обязательствъ. Въ 48 и 49 г. я думалъ одну минуту, что литературный трудъ позволитъ мнѣ совсѣмъ высвободиться. Случай прошелъ, и я не могъ имъ воспользоваться. Впрочемъ, время текло такъ быстро, что я не могу даже хорошенько сказать: полно, былъ ли когда у меня этотъ случай?»

Заключительное обращеніе къ Бергману показываетъ, что житейскія испытанія ни мало не охладили въ Прудонѣ стараго дружескаго чувства.

«Ты знаешь, дорогой Бергманъ, что благотворительность налагаетъ обязанности. Если ты мнѣ послалъ твои произведенія, ты долженъ мнѣ и написать. Эта молчаливая посылка отъ тебя, эти брошюры безъ адреса и подписей ударили меня прямо въ сердце; ты меня покаралъ; забудемъ же все. Протяни мнѣ руку, и такъ, какъ древній философъ говорилъ: *«мой другъ спитъ, я иду разбудить его; такъ какъ, прибавлю я, ты самъ пришелъ разбудить нашу дружбу, то не дѣлай же, какъ виргиліева Галатея, quae fugit ad salices»*.

Въ письмѣ, отъ 29-го марта, къ Шарлю Белю, Прудонъ говоритъ, что готовить къ печати второе изданіе своего «Руководства для биржевого спекулянта», и хочетъ посвятить цѣлую главу рабочимъ ассоціаціямъ. Онъ видѣлся съ вліятельными рабочими и ждетъ отъ нихъ различныхъ свѣдѣній. Ему нужно знать, въ какомъ положеніи находятся къ рабочимъ ассоціаціямъ: активъ, пассивъ, прибыль, оборотный и запасный капиталы, цифра уже поконченныхъ дѣлъ, средняя задѣльная плата, число членовъ, составъ управленія и т. д.

«Вы видите,—добавляетъ онъ,—что для меня важно не обсуждать принципы, а заявлять факты и официально подтвердить, на мѣсть, существованіе этой новой силы, которая, конечно, могла бы получить дальнѣйшее развитіе».

Онъ предостерегаетъ своего корреспондента на счетъ рискованныхъ предпріятій, въ какія рабочія общества могли бы удаться; а въ небольшой запискѣ, отъ 5-го апрѣля, проситъ того же Белэ посѣтить съ нимъ вмѣстѣ ассоціацію, которую тотъ поддерживалъ, соболѣзнуя о томъ, что рабочіе испытываютъ въ ту минуту такой тяжелый кризисъ.

Завязавшаяся снова переписка съ Бергманомъ переноситъ насъ въ той эпохѣ, когда Прудонъ такъ подробно высказывался пріятелямъ по всѣмъ своимъ идеямъ, трудамъ и стремленіямъ.

«Ты спрашиваешь меня,—пишетъ онъ, послѣ дружескаго вступленія,—что я думаю дѣлать; ты мнѣ напоминаешь прелестную нѣмецкую поговорку: «чтобы птица сѣла, надо ей зеленую вѣтку».

«Милый другъ, зеленая вѣтка для моего гнѣзда еще не выросла, и я въ настоящую минуту только прививаю ее. Восточная война разстроила меня, какъ и столькохъ другихъ, и если она продлится, чего я боюсь, она заставитъ меня, быть можетъ, искать спасенія въ эмиграціи. А пока вотъ что я дѣлаю и каковъ мой операционный базисъ. Еслибы печати возвратили хоть каплю свободы, я могъ бы еще извлекать изъ моего литературнаго капитала, въ худой годъ, отъ пяти до шести тысячъ франковъ, изъ которыхъ, по крайней мѣрѣ, треть пошла бы въ сбереженіе; поэтому я и не могу рѣшиться бросить эту цѣнность, вполнѣ или почти-что уничтоженную теперь, и все еще думаю, даже подъ этимъ суровымъ режимомъ (болѣе суровымъ со мною, чѣмъ съ вѣмъ-либо), произвести воскрешеніе моей дѣятельности.

«Вотъ уже десять лѣтъ, т.-е. съ самаго изданія моихъ «Экономическихъ Противорѣчій», на которыя я смотрю, какъ на трудъ съ серьезной критикой и съ научной обработкой, не переставалъ я работать надъ созданіемъ экономіи, науки, до сихъ поръ еще не выясненной, существующей въ такомъ видѣ, что никто не можетъ сказать, въ чемъ она состоитъ.

«Сдается мнѣ, что я, среди всѣхъ моихъ полемикъ, сильно подвинулъ этотъ трудъ, и кажется, у меня есть хорошія вещи. Если только я не обманываюсь, я въ состояніи выпустить, наконецъ, трудъ, отвѣчающій моимъ надеждамъ и съ точностію показать, опираясь на солидность моихъ изслѣдованій, что исторія, просвѣщенная экономіей, сама по себѣ — неистощимая экономія. Принципы просты, ясны, опредѣлительны, легки; но какъ въ каждой наукѣ, достойной этого имени, примѣненія, развитіе принциповъ, словомъ, совокупность явленій или поступательный ходъ идеи идутъ безконечно и во всѣхъ возможныхъ направленіяхъ.

«При настоящемъ порядкѣ вещей я не осмѣлился бы надѣяться на успѣхъ, имѣя дѣло съ предубѣжденнымъ обществомъ, которое и безъ того увлечено другими заботами и стоитъ слишкомъ далеко въ сторонѣ отъ воспоминаній соціальной республики. Надо мнѣ подвигаться шагомъ, надо поправить свое положеніе полегоньку, скромными и чисто утилитарными трудами. Я это и дѣлаю въ настоящую минуту съ помощію нѣсколькихъ друзей, сочувствующихъ, какъ и ты, моей невзгодѣ и понимающихъ мысль мою лучше, чѣмъ вульгарная публика».

Онъ сообщаетъ потомъ вкратцѣ неудачную исторію своихъ дѣловыхъ попытокъ и переходитъ опять къ своимъ теоретическимъ занятіямъ:

«Рядомъ съ экономіей, въ одно время съ нею и посредствомъ ея, я началъ изучать исторію и скоро дошелъ до убѣжденія, что исторія, просвѣщенная новой наукой, сама становится какъ бы новымъ міромъ, еще совсѣмъ неизвѣданнымъ. У меня на *десять тысячъ франковъ* замѣтокъ и изысканій, собранныхъ уже какъ мною самимъ, такъ и моими сотрудниками; расходы по этимъ трудамъ приняты были на себя однимъ несчастнымъ книгопродавцемъ, обанкротившимся по милости 2-го декабря. Ты понимаешь также, что я не могу отказаться отъ этого труда, цѣнность котораго могла бы быть легко увеличена вчетверо или даже вдесятеро, еслибы мнѣ удалось довести его до конца. Я придалъ этому труду, единственному въ своемъ родѣ, насколько мнѣ по крайней мѣрѣ извѣстно (ты опять скажешь, что я честолюбивъ) имя *Хроноса*, чтобы сдѣлать pendant къ книгѣ А. Гумбольдта «*Космосъ*», тебѣ, конечно, извѣстной.

«Вотъ, около этихъ-то двухъ важныхъ произведеній, которыя я веду разомъ въ теченіе четырехъ лѣтъ, и будутъ вращаться всѣ мои ежедневныя думы. Мнѣ еще остается ужасно много сдѣлать, и хотя я далеко еще не исчерпалъ предметъ, я могъ уже подтвердить тотъ рѣшительный въ моихъ глазахъ фактъ, что методъ, цѣпленіе всѣхъ положеній находится въ связи съ «*Математическими принципами*» Ньютона, «*Сравнительной Анатоміей*» Льюэ и т. д., и т. д. То, что я говорю, очень высокоумно; ю примѣни, если хочешь, во мнѣ изреченіе: *si parva licet componere magnis* и, посокративши что слѣдуетъ, ты получишь, мнѣю сказать, настоящее понятіе о моемъ произведеніи. Самъ же ты говорилъ: въ 1848 — 49 году я выбросилъ мою мысль, не давши ей достаточно созрѣть; грубое зерно не было понято и не дало ростка; оно упало на камни и въ колючіе шипы, и должно было высохнуть и заглохнуть».

«Я, милый другъ, и работаю теперь надъ исправленіемъ того, о чемъ ты жалѣлъ за меня въ 1848 г., и кажется я этого добился. Экономическая наука, этотъ сборникъ безсвязныхъ наблюдений, болѣе переэквивалюющихся, чѣмъ планетныя орбиты, наука, приводящая въ отчаяніе по своимъ противорѣчіямъ—позволила мнѣ схватить ея характеръ и методъ; мнѣ кажется, я могу представить ее въ видѣ *аксіомъ*, *теоремъ*, *демонстрацій* и всего, что отсюда вытекаетъ, чего никто еще не попытался сдѣлать».

Въ этихъ сообщеніяхъ Прудона гораздо меньше рѣзвостей и самообольщеній, чѣмъ прежде бывало; но вѣра въ свои силы остается все та же, несмотря на очень крутыя обстоятельства. Мало того, надежда возобновить газету «*Peuple*» продолжаетъ пріятно волновать его, что онъ высказываетъ въ письмѣ отъ 11-го апрѣля, къ Морису-ла-Шатрѣ. Онъ увѣряетъ только своего корреспондента, что не намѣренъ дѣлать правительству ни малѣйшихъ уступокъ, ни въ принципахъ, ни въ формѣ. Если ему удастся возродить свой органъ, онъ вѣритъ въ то, что произойдетъ новый государственный переворотъ, въ интересахъ революціи, *какъ онъ ее разумѣлъ*. Онъ сознается, что его пріятели осмѣиваютъ такую надежду; но тутъ же поддерживаетъ ее оригинальными соображеніями. По его взгляду выходитъ, что во Франціи, съ эпохи февральской революціи вплоть до крымской войны, господствовала система реакціи, которая и приходитъ, по мнѣнію Прудона, къ концу.

«Вотъ эта-то система, — продолжаетъ онъ, — шесть недель или два мѣсяца тому назадъ и дала восточному вопросу, легкомысленно поднятому тюльерійскимъ дворцомъ, видъ *священнаго союза*, направленного разомъ и противъ царя—главы греко-славянскаго возстанія, и противъ революціонеровъ-соціалистовъ, болѣе или менѣе вѣрно представляемыхъ Кошутами, Мадцини и проч.

«Отсюда — сумбуръ, съ каждымъ днемъ все болѣе очевидный, куда бросается западная Европа, отсюда же явное безсиліе англо-франко-турецкой коалиціи противъ движенія къ рѣшительному высвобожденію, какое подготовлялось въ теченіе двухъ вѣковъ и поддерживается имп. Николаемъ среди христіанскихъ населеній европейской Турціи.

«Помилуйте, что можетъ реакція, подписанная Друэнъ де-Люисомъ, Джономъ Росселемъ и Решидъ-пашой, противъ соединенныхъ силъ царя и *возстанія!*

«Что могутъ сдѣлать сорокъ съ небольшимъ тысячъ человѣкъ,

чтобы осилить главу государства, располагающаго миллиономъ солдатъ, *являющагося представителемъ свободы*, когда онъ начинаетъ съ того, что сжигаетъ свои порты, переселяетъ во внутрь страны приморскихъ жителей и, не принимая морского сраженія, уводитъ свои корабли и засыпаетъ пескомъ всё проходы Дуная, Балтики и Чернаго моря?

«Мы долго бы пришлось объ этомъ говорить. Предпріятіе это не выдержать и до истеченія трехъ мѣсяцевъ; мы увидимъ, что политика Друэновъ и Росселей продырявится насквозь и будетъ освястана.

«*Революціи противопоставляютъ резолюціи.* Греки, подобно итальянцамъ, хотятъ быть господами у себя дома; ничего не можетъ быть справедливѣе этого. Они призываютъ на помощь имп. Николая: это ихъ право. До сихъ поръ западной революціи нечему тутъ противиться. Она не можетъ, ни подъ какимъ предлогомъ, стоять за турокъ, и съ этой точки зрѣнія я очень сожалѣю, что вашъ другъ, господинъ де-Жирарденъ, выступилъ въ противномъ смыслѣ.

«Западной революціи слѣдуетъ дѣлать вотъ что: подтвердить новую національность и протестовать противъ всякаго раздѣла и всякаго расчлененія.

«Королевство, имперія, республика или федерація—возьмите какую угодно форму; но необходимо, чтобы провинціи европейской Турціи образовали изъ себя *новое государство* и притомъ независимое: вотъ что можетъ сдѣлать Франція, вотъ что имѣетъ право требовать революція.

«Реакція 48—54 годовъ вздумала устроить въ Константинополѣ второе изданіе своей римской экспедиціи; для этого возбудили шовинистскій духъ страны противъ казаковъ; глупо декламировали противъ царя, тогда какъ слѣдовало согласиться съ нимъ и повончить при его помощи съ турками, съ тѣмъ, конечно, чтобы потомъ драться за независимость новаго государства. А теперь, надѣлавши весь этотъ рядъ ошибокъ, хвастаются тѣмъ, что поведать сѣвернаго самодержца съ нѣсколькими полками, забывая, что *великій человекъ* (онъ хочетъ сказать Наполеонъ I) проигралъ кампанію съ 500,000 человекъ!

«Говорю вамъ, г. ла-Шагръ, реакція 48 г. сама заговала себя въ дѣлѣ; *система* ея подходитъ къ концу, и прежде чѣмъ династія Бонапартовъ будетъ выгнана, такъ какъ она этого заслуживаетъ, очень возможно, очень вѣроятно, что она рѣзко повернетъ и будетъ искать спасенія на обширномъ лонѣ революціи...

«Если такъ случится, позвольте мнѣ рассчитывать на ваше содѣйствіе и я на него дѣйствительно рассчитываю. Истинные друзья народа должны смотрѣть за тѣмъ, чтобы дѣла не попадали опять въ руки *умпренныхъ* пошляковъ, такихъ же эггистовъ, трусовъ и реакціонеровъ, что нами управляютъ, или въ руки мнимыхъ *красныхъ*, равно лишенныхъ и ума, и добросовѣстности...

«Дайте мнѣ мѣсяць свободной прессы, и я вамъ приведу массу пролетаріата въ то же самое броженіе, какъ и въ лучшіе дни 48 г. Тогда правительство будетъ очень тонко, если уйдетъ отъ движенія, а буржуазія очень сильна, если дастъ намъ отпоръ».

Кто же скажетъ, что это писалъ французъ въ самый разгаръ парижскаго шовинизма, направленнаго противъ *казаковъ* и русскаго императора? Но мало того, что оно само по себѣ чрезвычайно замѣчательно, при всѣхъ слабыхъ сторонахъ общаго взгляда и подробностей, текуція политическія событія въ Турціи придаютъ этимъ цитатамъ особое значеніе. Живи Прудонъ теперь, и высказавшись онъ о славянскомъ движеніи, которое врядъ ли будетъ подавлено однѣми силами султана, мнѣніе его звучало бы правдивой и логической нотой въ хорѣ двоедушныхъ, трусливыхъ или непослѣдовательныхъ голосовъ, и на этотъ разъ уже не французскихъ, а другихъ западно-европейскихъ прессъ. Онъ навѣрно сказалъ бы то же самое и о «больномъ человѣкѣ», и о движеніи національностей...

V.

Весьма забавнымъ можетъ показаться тотъ эпизодъ, который представляетъ собою письмо отъ 16 апрѣля къ доктору Кретену. Читатель припомнитъ, что этотъ медикъ, находясь въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ Прудономъ, былъ постояннымъ врачомъ его семейства. Какъ оказывается изъ письма, онъ наука лечитъ дочь Прудона гомеопатіей и такъ сильно настаивалъ на исполненіи своихъ предписаній, что между ними вынелъ крупный разговоръ. Докторъ Кретень сильно обидѣлся и написалъ Прудону рѣзкое письмо, на которое тотъ и отвѣчаетъ. Замѣчательно въ отвѣтѣ его то здравое воззрѣніе на практическую медицину, какое онъ высказываетъ, стараясь, въ то же время, условить раздраженнаго пріятеля ласковыми и добродушными доводами. Какъ незначительный защитникъ свободы во всѣхъ ея формахъ, Прудонъ и тутъ защищаетъ свободу. больного—оспаривать распоряженія медика,

прибавляя, что иначе доктора занимались бы не врачеваніемъ людей, а коновальнымъ искусствомъ.

«Я могу ошибиться, — доказываетъ Прудонъ, — одинъ разъ, десять разъ, сто разъ въ моихъ оцѣнкахъ, я рискую убить самого себя, думая, что вылечусь: совсѣмъ этимъ я согласенъ; но есть вещь гораздо болѣе драгоценная, чѣмъ сама жизнь, вещь, которую я хочу развить въ себѣ во что бы то ни стало, рискуя всѣмъ на свѣтѣ, это — право распоряжаться самимъ собою, свободно управлять своимъ тѣломъ и моею душой. Поэтому, пожалуйста, не угрожайте мнѣ, какъ Пюргонъ, апепсіей, а потомъ бродипепсіей, а потомъ апоплексіей, если я откажусь поставить себѣ вашу клистиръ; этотъ абсолютизмъ меня раздражаетъ, отнимаетъ у меня чувство послушанія и вовсе нейдетъ къ вамъ. Настоящій медикъ тотъ, повторяю вамъ, кто просвѣщаетъ мой умъ, помогаетъ моему инстинкту, поправляетъ мое сужденіе; внѣ этого, говорю я вамъ, вы вовсе не медикъ, вы просто знахарь, или ваша больная не что иное, какъ болванъ».

Но этимъ письмомъ не кончилась переписка о гомеопатіи. Приятель-докторъ не унимался, и Прудонъ долженъ былъ опять убѣждать его, въ письмѣ отъ 7-го мая. Хотя объясненіе имѣетъ на половину личный характеръ, но натура Прудонова ума такова, что онъ въ каждый частный фактъ способенъ былъ владывать крупное общее содержаніе. Даже въ споръ о правахъ больного и медика вносилъ Прудонъ беспощадный духъ анализа и руководящей логики.

«Я ограничусь тѣмъ, — пишетъ онъ доктору Кретену, — что разъ навсегда объявляю вамъ, не за тѣмъ, чтобъ вамъ отвѣчать, а чтобъ выгородить собственную честность: каковъ мой настоящій взглядъ на медицину и медиковъ.

«Я не обезьяню ни съ Руссо, ни съ Мольера и вовсе не исповѣдываю того преувеличеннаго свептицизма, который нанесъ бы мнѣ самому больше вреда, чѣмъ тѣмъ, на кого бы я обращалъ его. Я смотрю на медицинскую науку, взятую во всѣхъ ея развѣтвленіяхъ, какъ на одну изъ самыхъ возвышенныхъ, хотя она и удерживаетъ постоянно, въ своей практикѣ, нѣчто существенно-гадательное; я думаю, что она можетъ оказывать человечеству все болѣшія и болѣшія услуги, если только будетъ руководиться философіей и освободитъ себя отъ матеріализма, въ которомъ сидитъ ея настоящій камень преткновенія.

«Въ частности я полагаю, что гомеопатія обладаетъ, въ своемъ двойномъ принципѣ, драгоценнымъ открытіемъ, и что она — шагъ впередъ въ искусствѣ излечивать; я ее хвалю въ осо-

бенности за то, что она своимъ динамизмомъ стремится, болѣе чѣмъ всякая другая теорія, въ тому, чтобы убѣждать отъ грубаго матеріализма, упомянутаго мною».

Взглядъ Прудона на гомеопатію страдаетъ метафизическимъ отбѣномъ; но то, что онъ говоритъ о матеріализмѣ медицины, нужно принимать не въ прямомъ смыслѣ, а въ смыслѣ грубой экспериментации, ненаучнаго леченія по симптомамъ, которое только въ новѣйшее время стало изгоняться изъ медицинской практики.

Дальнѣйшія соображенія Прудона настолько же занимательны:

«Все это, говоритъ онъ, не мѣшаетъ мнѣ смотрѣть на *предписываніе лекарствъ* (médication) въ тѣсномъ смыслѣ, какъ на вещь сворѣй гадательную, чѣмъ демонстративную и методическую, почему я и думаю, что въ каждомъ живомъ существѣ можетъ быть медицинскій инстинктъ, почему я и не буду имѣть въ медвека, каковъ бы онъ ни былъ, безусловной вѣры, почему я только съ ограниченіемъ принимаю предписанія, почему я только отчасти вѣрю въ ихъ дѣйствіе даже тогда, когда исполняю ихъ, почему степень моего довѣрія къ доктору и будетъ лишь всегда выражаться такой сомнительной формулой: *«хорошо, очень хорошо, или: совсѣмъ не годится принимать къ сведѣнію»*.

«Я могу рисковать жизнію, позволяя себѣ судить о вашихъ предписаніяхъ; но я смотрю на такой рискъ, какъ на гораздо меньшее зло для самого себя, тѣмъ на абсолютную потерю моей свободной воли или, если хотите, моихъ внутреннихъ побужденій и предчувствій.

«То, что я дѣлаю съ медивомъ, то самое дѣлаю я и со всѣми на свѣтѣ, и жалѣю лишь о томъ, что недостаточно это дѣлаю. Я отрвеса бы отъ всей моей эвономической науки, я сталъ бы отрицать законъ *раздѣленія*, еслибы онъ долженъ былъ имѣть результатомъ созданіе взаимности деспотизма, гдѣ никто не имѣлъ бы права мыслить самъ собою, исследовать и выбирать внѣ своей спеціальности».

Конецъ письма, такой же оригинальный, заключаетъ въ себѣ дружеское обращеніе въ доктору, котораго Прудонъ проситъ быть выше мелочнаго раздраженія и посѣщать его хоть върѣдка, удерживая за собою право слушаться его предписаній, когда ему это захочется.

Восточная война продолжаетъ входить главнымъ мотивомъ въ его переписку съ Шарлемъ Эдмономъ. Тотъ спросилъ Прудона, какъ онъ смотритъ на текуція событія, и въ письмѣ отъ 9-го

юля Прудонъ заново формулируетъ свои взгляды, оставаясь вѣрнымъ самому себѣ и относясь къ русской политикѣ съ безпристрастіемъ, хотя и не съ особенной симпатіей:

«Царь,—говоритъ онъ,—это—олицетвореніе всѣхъ интересовъ, добывающихся смерти бѣдной Турціи, интересовъ съ извѣстной долей эгоизма, а слѣдовательно несправедливости... Еслибъ царь желалъ повончить съ Турціей, когда поняли его политику, ему слѣдовало, по-моему, поступить такъ: сказать европейскимъ державамъ, что онъ требуетъ *эмансипации христіанъ*, что равнялось бы отходной «больного человѣка», и что еслибъ Порта отказала ему, онъ ее принудитъ; но что въ то же время, еслибы державамъ самимъ угодно было взяться за это дѣло, онъ бы имъ охотно это предоставилъ и удовольствовался бы выжидательнымъ поведеніемъ, не беря на себя никакого обязательства. Почти то же предлагаетъ онъ въ настоящее время и Австріи. Почему не сдѣлать онъ этого раньше?... Какъ только англо-французы попали бы въ Константинополь и приобрѣли бы должный опытъ по этому вопросу, кто сталъ бы оспаривать у Николая Добруджу? И, подъ вонецъ, похоронили бы мертвеца, поладивъ между собою.»

Политику Англіи и Франціи считаетъ Прудонъ *постыдной и лицемерно-скандалѣзной*; этими самыми словами клеймитъ онъ дипломатію лорда Сеймура и г. Друэна де-Люиса. Ихъ лживую политику Прудонъ объясняетъ подвохами европейскаго ретроградства.

«Вы знаете, любезный другъ,—говоритъ онъ Шарлю Эдмону,—что старое европейское общество находится въ такомъ же положеніи, какъ и Турція; оно очень больно, оно издыхаетъ. Оно чувствуетъ это, оно это знаетъ, оно цѣпляется за всѣ мадонны, оно призываетъ всѣхъ знахарей, оно упивается всѣми снадобьями.

«Во Франціи, напримѣръ, реакція 48 г. продолжается ожесточенная, болѣе яростная и безпощадная, чѣмъ когда-либо. Дѣло дошло до того, что еслибъ имперія пала, у вась завтра были бы министрами Гизо-Лабурдоннэ, Брольи-Полиньякъ и Бузень-Трестальонъ. За неизвѣніемъ факта сліянiя (*fusion*), нео-якобинцы позабавились бы, начавши гильотинаду Клотцемъ, Эберомъ, Демуленомъ, Шометтомъ, Жавомъ Рү, Варлэ, Монморо и другими анархистами и атеистами. И это продолжалось бы до тѣхъ поръ, пока сабля, вытянутая изъ штановъ нео-христіанина Бюшэза, не взялась бы восстанавливать порядокъ и добрые принципы въ издыхающемъ обществѣ»

«Это и доказываетъ, что старый свѣтъ, въ сущности, при-

шелъ въ соглашенію, хотя въ формулахъ, повидимому, противорѣчащихъ, и руководится тѣми же рутинами, тѣми же предрасудками. Напримѣръ, что же можетъ, скажите на милость, выдумать бывшій первый ученикъ, прозывающійся Друзъ де-Люкомъ, какъ не закрѣпленіе *европейскаго равновѣсія*, т.-е. все тѣ же традиціи священнаго союза, Риншелье, вестфальскаго мира? А по части турокъ, развѣ у насъ нѣтъ другой традиціи, Франциска I?... Вы говорите: а національности? — Национальности! Это также традиція, т.-е. революціонная болтовня (*blagologie révolutionnaire*). Пусть революція покажетъ только кончикъ уха, и принципъ національностей будетъ мгновенно устраненъ. Кто этого захотѣлъ?.. Друзъ де-Люкъ, т.-е. все то же старое общество, исчадія котораго онъ и его сотоварищи. Ужъ, конечно, ни орлеанизмъ, ни легитимизмъ, ни партія сліянія не поддерживали войны, но что они сдѣлали, будучи не въ состояніи всему помѣшать, это то, что война стала въ одно и то же время, и противореволюціонною и враждебною народамъ».

Прудонъ возвращается къ своей мысли о необходимости отреченія для Наполеона III, и объясняетъ политику Англии смѣсью шовинизма съ задѣтымъ честолюбіемъ аристократіи. Исходъ войны для него во всякомъ случаѣ печальный, хотя бы Франція и добилась побѣды. Но въ немъ живетъ настолько объективности, что онъ не выдаетъ своихъ соображеній за приговоры, а желаетъ основывать ихъ на фактахъ и цифрахъ:

«Я стараюсь,—вончается онъ письмо,—угадывать событія по расположенію умовъ; поѣтому-то для меня, въ этомъ восточномъ вопросѣ, какъ Гробъ Господень давно уже ничего не значить, такъ и Турція ничего не значить и Россія точно также; что имѣетъ значеніе, въ чемъ заключается настоящее дѣло, такъ это — мистификація Германіи, завоываніе въ цѣпи демократіи и революціи, и *слава* Англии».

Восточная война такъ волнуетъ Прудона, среди его усиленныхъ занятій, что онъ, отрываясь отъ нихъ, продолжаетъ обсуждать ее въ пріятельскихъ письмахъ съ такою яркостью и энергіей, точно въ передовыхъ статьяхъ собственнаго политическаго журнала. Письмо къ Ланглюа, отъ 9-го іюля, наполнено все тѣми же интересомъ минуты. Прудонъ, и въ этомъ случаѣ, головой выше всѣхъ своихъ единомышленниковъ и силится объяснить имъ настоящій смыслъ восточныхъ событій:

«Сколько же времени надо будетъ вамъ, плохо исправившійся явобинецъ, жидкій соціалистъ,—спрашиваетъ онъ Ланглюа,—чтобы понять вашу вѣкъ и узнать вашихъ современниковъ?»

«То, что происходит на Востоке и что scandalуется васъ такъ, какъ будто бы вы не должны были этого ожидать, есть не что иное, какъ война, объявленная революціи. Уже давно вопросъ Гроба Господня ничего не значитъ. (И тутъ стоитъ перифраза изъ предыдущаго письма). Дѣло заключается опять, какъ и всегда, въ спасеніи Старога Свѣта, взволнованнаго неожиданною нескромностію имп. Николая.

«Французы и англичане, побывавши на мѣстѣ, гдѣ они видѣли своими глазами и потрогали своими руками трупъ, должны были признать, что царь сказалъ правду: мертвое тѣло, какъ Лазарь, уже издавало зловоніе. Слѣдовало, стало быть, согласиться между собою, тѣмъ болѣе, что прибытіе союзниковъ и выжило эту, весьма мало сожалительную кончину. Но мозги слишкомъ взбудоражены, чтобы дѣло пошло такимъ образомъ; въ тому же сабля вышла изъ ноженъ и надо ей поработать.

«Что же происходитъ и какъ оно тамъ у васъ отражается?

«Европа больна, очень больна; она отходить, какъ и Турція, схватываясь за всякія снадобья, молясь передъ всѣми мадоннами; вы и безъ Николая, самодержца всероссійскаго, хорошо знали это.

«Боясь своей летаргіи, старое общество вздумало воевать; оно вообразило, что это его вылечить.

«Въ Англіи есть старая аристократія, эгоистичная и сварливая; ея гордость страдаетъ оттого, что палата общинъ надъ нею преэмируетъ и толкаетъ ее впередъ: меркантильная буржуазія, кобденизмъ, чартвизмъ, агитація на материкъ въ сторону такой будущности, гдѣ она ровно ничего не видитъ. Эта старая аристократія зампшляетъ въ настоящую минуту нѣчто въ родѣ войны Питта съ республикой и имперіей; восточнымъ вопросомъ воспользовались, какъ предлогомъ, и добились союза съ Наполеономъ III, чтобы послать его упражнять свою воинственность на Дунай, Балтику и на Черное море, гдѣ онъ менѣе опасенъ, чѣмъ на Ламаншѣ. Албіонскую толпу, не менѣе нашей падеую на шовинизмъ, заставили кричать ура, министерство было увлечено и вошли всякіе Непиры, Дондасы, Рагланъ!

«Въ Германіи буржуазія четверо туше нашей и упрамо добивается парламентскихъ учреждений. Нѣмецкая буржуазія, не менѣе парижской и англійской аристократіи, чувствуетъ ужасъ къ социальнымъ демократамъ, но она не хочетъ и монархіи по священному праву; она стоитъ за свою конституціонную хартію, а кто изъ ея малыхъ врагъ хартій? Царь. Она думаетъ, что если царь будетъ побѣжденъ, то парламентская свобода не встрѣтитъ уже никакого препятствія; отсюда та громадная популярность,

кавою пользуется въ Германіи англо-французское предпріятіе. Во все это вмѣшалась чернь, всѣмъ бросилась въ голову ненависть къ славянамъ и весь свѣтъ оретъ: долой казаковъ!

«Очень хорошо, милѣйшіе мои буржуа. Но вспомните 1814—1815 г.: какъ только Наполеонъ былъ побѣтъ, короли, какъ истые побѣдители, уже не помнили больше своихъ обѣщаній. Подите, требуйте хартій у побѣдителей!

«Подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія, отличающагося всегда по части интеллигенціи, Пруссія и Австрія двинулись впередъ. Боже мой, какъ всѣ бросились подкладывать имъ дощечки! Я только и вижу вокругъ себя людей, нисколько не понимающихъ ихъ политики, а между тѣмъ она, какъ нельзя больше, ясна.

«Естественное дѣло, прусскій король и нѣмецкій императоръ были раздражены (*embêtés*) придирками своихъ буржуа, демократическими и революціонерными происками, а также немного утомлены своимъ высокимъ и могущественнымъ протекторомъ! Что же выходитъ! Вдругъ правительство Франціи и Англіи гарантируетъ ихъ отъ всякихъ демагоговъ; англійская аристократія выказываетъ себя гораздо менѣ пылкой въ дѣлѣ свободы; французская буржуазія, провинившаяся въ 89; 93, 99, 1814, 1830, 1848 годахъ, восклицаетъ: *mea culpa!* Нѣмецкая буржуазія предлагаетъ имъ свои деньги на покупку ружей противъ казаковъ и этихъ негодаевъ—республиканцевъ; султанъ при послѣднемъ издыханіи проситъ своего добраго друга, Фердинанда, овладѣть *Молдо-Валахіей!* И вы удивляетесь, клубные простаки, тому, что Австрія, ничѣмъ однако особеннымъ не рискуя, начинаетъ склонять ухо къ просьбамъ Наполеона III, главы новаго священнаго союза?...

«А Россіи вы не очень боитесь: допускаю, что ее побѣтъ, сожгутъ ея флоты, чего особенно добивается Англія; послѣ того каждый заберетъ кусочекъ наслѣдства Абдуль-Меджида, и все это не мысля лукаво, ибо никто, кромѣ царя, не желалъ его кончины.

«Если дѣла пойдутъ такъ,—а какъ же имъ иначе идти?—то Франція, истощенная деньгами и людьми, съ обузой Алжира на рукахъ, консервативная Франція закричитъ Наполеону: стой! — Стой!—т.е. мнѣ тебя больше не нужно, другъ мой, убирайся! И если только императоръ Николай, послѣ сожженія его флота англичанами, почувствуетъ себя удовлетвореннымъ и войдетъ въ общій строй державъ, священно-союзническихъ и консервативныхъ, то Наполеонъ III, лишенный партій и всякихъ корпей, превратится въ какую-то закуску (*hors-d'oeuvre*), въ какую-то бессмыслицу, принужденъ будетъ отречься въ пользу графа Париж-

скаго, а тотъ, болѣе великодушный, чѣмъ узурпаторъ 2 декабря, награждаетъ его пенсіей на хлѣбъ насущный.

•Тогда, если социалисты не будутъ изгнаны — на что я надеюсь, но не увѣренъ,—они начнутъ опять споръ; а пока они могли бы, начиная съ настоящей же минуты, не будь они трусливѣе якобинцевъ, раздувать священный огонь, воздѣлывать сѣмена 1848 г., и кто знаетъ, создавать мало-по-малу гарантіи для республики на случай болѣе и болѣе вѣроятной династической или правительственной перемѣны.

•Вотъ, милый другъ, то, что многіе начинаютъ уже предвидѣть. Одна только Гора ничего въ этомъ не понимаетъ: она видитъ во всемъ Наполеона и имперію. Буржуазія позволяетъ ей перетирать свои зубы объ эту пилу, которую она разобьетъ когда угодно однимъ взмахомъ кулака.

•Взрослый вы, наконецъ, человѣкъ? Заслуживаете ли вы жить въ обществѣ мыслящихъ людей? Вамъ кричали: вашъ врагъ вовсе не человѣкъ 2-го декабря, а такъ же, какъ и прежде, люди 13-го іюня; вопросъ не въ Тюльери, а всегда, какъ и въ 49 году, въ улицѣ Пуатье; задача вовсе не въ конституціи 48 года, ни даже въ конституціи 93-го—нелѣпая противорѣчивая задача, поставленная въ выраженіяхъ абсолютизма, а въ Сень-Симонѣ, Фурье, Оуэнѣ, въ февральскихъ принципахъ; задача убитыхъ въ іюнѣ 48 года».....

Письмо это написано человѣку, отправившемуся служить султану, во имя западнаго либерализма. Прудонъ не хотѣлъ удерживать Ланглау отъ поѣзденія въ Турцію, зная вѣроятно, что для того надо было куда-нибудь дѣваться; но читатель видитъ, въ какой степени выше стоялъ Прудонъ надъ неразсчетливымъ либерализмомъ и радикализмомъ своихъ единомышленниковъ, кричавшихъ объ истребленіи «казаковъ», не понимая, что борьба началась не между варварствомъ и цивилизаціей, а между старымъ европейскимъ обществомъ и тѣмъ «возстаніемъ вещей», на которое Прудонъ не переставалъ возлагать свои упованія.

VI.

Отсутствіе всякаго прочнаго положенія, необходимость пробаваться черновой, и притомъ случайной работой, сдѣлали то, что Прудонъ дорожилъ каждымъ часомъ своего времени и почти на четыре-пятыхъ сократилъ свою интимную переписку. Но его дѣльность и добросовѣстность были таковы, что онъ не могъ

оставить безъ обстоятельнаго отвѣта ни одного дѣльнаго обращенія къ нему не только друга, но и простаго знакомаго. Такъ, Бергманъ, бывшій до того времени равнодушнымъ къ экономическимъ вопросамъ, сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній на брошюру Прудона о желѣзныхъ дорогахъ, и Прудонъ немедленно и весьма подробно отвѣчаетъ ему письмомъ отъ 15-го іюля. За періодъ, разбираемый нами, особенно цѣнны тѣ рѣдкія письма, гдѣ Прудонъ обращается къ пріятелямъ, съ которыми давно не переписывался и обозрѣваетъ свою жизнь за послѣднее время. Такое письмо отъ 27-го іюля отправлено имъ г-ну Тришу.

«Вы хотите знать, — спрашиваетъ онъ, — въ какомъ я нахожусь положеніи?»

«Скажу вамъ это въ нѣсколькихъ словахъ: бесполезно, въ настоящую минуту, много говорить обо мнѣ.

«Разумѣется, я бѣденъ, и живу со дня на день; оно понятно, потому что съ самаго 2-го декабря, за исключеніемъ брошюры, разрѣшенной Наполеономъ, мои книги должны были повсемѣстно исчезнуть съ полокъ книжныхъ магазиновъ; ни одинъ разносчикъ ихъ не продаетъ и многіе боятся скомпрометтироваться, читая ихъ. Я оцѣниваю стоимость всего мною напечатаннаго около 50,000 франковъ. Теперь все это проглотило. Я могъ бы легко добывать ремесломъ журналиста отъ 5 до 6,000 франковъ въ годъ; но мнѣ это запрещено, формально запрещено; ни одинъ главный редакторъ журнала не согласился бы взять меня.

«Остается у меня одинъ ресурсъ: составлять за деньги, то для того, то для другого, компилятивныя книжки или же писать большія ученые сочиненія, нисколько не занимательныя для публики.

«Несмотря на все это, я вовсе не прихожу въ отчаяніе. Этотъ порядокъ угнетенія не можетъ долго длиться, и я уже приготавливаюсь въ тому, чтобъ съ честью воскреснуть.

«Пока весь свѣтъ засыпаетъ въ общемъ молчаніи, я работаю, я иду впередъ, и, черезъ годъ или два, я также опережу самого себя, какъ я опередилъ другихъ въ 1848 г.

«Мое положеніе не блестяще; но оно то, чѣмъ можетъ быть, и такъ какъ я его знаю доподлинно, такъ какъ мнѣ извѣстны его причины и исходы, то я удваиваю энергію и считаю себя увѣреннымъ въ успѣхъ.

«Думаютъ вообще, что я раздавленъ, умеръ, совсемъ умеръ и привонченъ. Цервовъ, магистратура, старыя партіи, равныя семьи радуются этому. А я только нырнулъ; но если я не оши-

баюсь въ собственныхъ силахъ, въ скоромъ времени всё замѣтять, что знали до сихъ поръ лишь половину моей личности».

Къ этому вѣрному, печальному, но смѣлому подведенію итоговъ Прудонъ приписываетъ фразу, гдѣ сказывается весь чело-вѣкъ, умѣвшій всегда сливать слово съ дѣломъ:

«Тотъ, кто не способенъ терпѣть и ждать, — не мужчина. Я слишкомъ волновалъ Старый Свѣтъ, чтобъ онъ немножко не мстилъ мнѣ; помолчимъ и пождемъ».

Небольшая записка къ Э. Жирардену, отъ 2-го августа, показываетъ, что Прудонъ продолжалъ сношенія довольно близкаго знакомства съ редакторомъ «Прессы». Онъ пользуется даже этимъ поводомъ, чтобъ заявить Жирардену несогласіе по вопросу восточной войны.

«Что вы одобряете политику какого бы то ни было правительства, когда она вамъ кажется хорошею, это ровно ничего не значить въ нашемъ положеніи, всѣмъ достаточно извѣстномъ; но развѣ все, что мы дѣлаемъ на Востокѣ и въ другихъ мѣстахъ, имѣетъ здравый смыслъ? У меня нѣтъ журнала, и я не могу вѣрить въ вѣчность всего этого, почему я и силуюсьйти дальше моихъ современниковъ и приготовить свое воскресеніе».

Еще болѣе краткая записка къ нѣкоему г. Вильоме, отъ 10-го августа, заключаетъ въ себѣ весьма цѣнный біографическій фактъ. Извѣстный пасквилянтъ Миркуръ уже и въ это время началъ составлять свои грошова біографіи современниковъ и обливать ихъ грязью по своему произволу. Миркуръ являлся обыкновенно къ какой-нибудь извѣстности или знаменитости, выпрашивалъ позволеніе составить ея біографію, или же черезъ общихъ знакомыхъ добывалъ біографическія подробности. Такъ онъ началъ подѣзжать и къ Прудону, черезъ г. Вильоме. Прудону было неприятно такое приставанье: вѣроятно, онъ уже предчувствовалъ, какъ обработаетъ Миркуръ его личность и труды.

«Такъ какъ г. Миркуръ вашъ другъ, — пишетъ онъ Вильоме, — то я не могу сомнѣваться въ томъ, что онъ порядочный чело-вѣкъ. Но я долженъ вамъ сознаться, что про него говорятъ очень дурно, и мнѣ будетъ особенно пріятно убѣдиться въ томъ, что онъ, подобно мнѣ, лучше своей репутаціи.

«Впрочемъ, я не желаю вовсе стѣснять его пера и заговаривать его критику; онъ повредитъ и себѣ и мнѣ, если пощадитъ меня. Но къ чему всѣ эти біографіи?».....

Біографія появилась, и она-то подава вѣншній поводъ къ

полемиѣ Прудона съ однимъ крупнымъ прелатомъ, въ формѣ которой было написано самое убѣжденное и такъ-сказать *центральное* сочиненіе Прудона: «De la Justice».

Въ промежутокъ между 10-мъ августа и 1-мъ сентября поразилъ Прудона новый ударъ. Послушаемъ, какъ онъ самъ рассказываетъ объ этомъ въ письмѣ къ Бергману отъ 1-го сентября:

«Три недѣли тому назадъ я былъ пораженъ эпидеміей, и смерть посѣтила меня. Я потерялъ одну изъ моихъ дочерей, около трехъ лѣтъ отъ роду: она была точно убита молніей.

«Въ ту минуту, когда выносили трупъ, я лежалъ недвижимо, истощенный діарреей, рвотой, паденіемъ силъ. Наконецъ, гомеопатія спасла меня; но я все-таки еще не чувствую подъ собою ногъ. Мнѣ нужно, по крайней мѣрѣ, еще двѣ недѣли на выздоровленіе.

«Моя жена и два моихъ другихъ ребенка также были захвачены бичомъ; словомъ, мы всѣ прошли *черезъ колуду*.

«Эта болѣзнь (онъ говоритъ про холеру) проявляетъ всѣ признаки отравленія. Но невозможно не признать въ ней присутствія нравственныхъ причинъ, и я съ своей стороны, не колеблясь, думаю, что ужъ съ годъ носилъ холеру въ своихъ внутренностяхъ. Слишкомъ много потрясеній и огорченій подтачивали меня въ теченіе года, чтобы не вышло какого-нибудь взрыва, и я могу сказать безъ фатализма: случилось то, что было предназначено».

Картину страданій Прудона и его семейнаго разстройства мы находимъ и въ дальнѣйшихъ пріятельскихъ письмахъ. Сообщенія свои онъ исключительно дѣлалъ доктору Маге; письмо отъ 17-го сентября все чрезвычайно характерно:

«Любезный другъ, не шлите мнѣ ничего, я не ѣмъ.

«Съ самаго начала моего выздоровленія я имѣлъ уже да возврата: вещь почти неизбежная въ этихъ болѣзняхъ.

«Въ тотъ день, когда я вамъ отправилъ первое мое письмо, я думалъ, что уже очень окрѣпъ; три дня спустя, меня опять схватила діаррея, и вотъ уже шесть дней, какъ я живу супомъ и бульономъ.

«Необходима система предосторожностей, для того, чтобы я могъ ѣсть. Я совсѣмъ потерялъ вкусъ вина.

«Сегодня я опять чувствую себя лучше: мнѣ совершенно ясно то, что моя теперешняя слабость происходитъ гораздо больше отъ діеты, чѣмъ отъ болѣзни; а недѣлю тому назадъ было совсѣмъ наоборотъ.

«Стало быть, какъ только я въ состояніи буду ѣсть биф-

птексь и воглету, и поѣмъ ихъ въ теченіе трехъ дней, я по всей вѣроятности осилю и поѣздки.

«Я пожертвовалъ болѣзни цѣлыхъ шесть недѣль; стало быть, у меня есть времени еще до 1-го октября.

«Если же, какъ я на то надѣюсь, я достаточно окрѣпну въ четвергъ или пятницу, я увѣдомлю васъ объ этомъ, и мы назначимъ день моей поѣздки».

По поводу своей болѣзни онъ дѣлаетъ такіа обобщенія:

«1854-ый годъ полонъ бѣдъ:

«Чума, голодъ, война, задержка въ торговлѣ и промыслахъ, и все это подъ покрывшкою деспотизма.

«Въ эту минуту царствуетъ полное отсутствіе дѣль. Глубокая нищета въ Парижѣ. Всѣ стоятъ на сторожѣ».

Кончаетъ онъ не веселыми ожиданіями отъ восточной войны и пророчествуетъ кривись, какъ только французы будутъ побиты въ Крыму. Но и въ началѣ октября Прудонъ чувствовалъ себя еще очень слабымъ и не надѣялся поправиться раньше двухъ мѣсяцевъ. Другому другу, Сюшэ, онъ описываетъ отъ 3-го октября свои горькія отеческія ощущенія:

«Лишился я не старшей моей дочери Катерины, а второй — Марсели. Ударъ былъ не менѣе чувствителенъ. Я очень дорожилъ этимъ ребенкомъ, который лучше сестеръ своихъ воспроизводилъ типъ отца, и общалъ мнѣ энергическій умъ и характеръ. Такъ-то судьба караетъ насъ за тщеславіе. Да и зачѣмъ создавать всегда самолюбивые планы за дѣтей, вмѣсто того, чтобы довольствоваться воспитаніемъ ихъ въ трудѣ и добрыхъ нравахъ? Какое значеніе имѣетъ все остальное, рядомъ съ этими истинными благами, а отъ насъ зависятъ передать ихъ нашимъ дѣтямъ».

Мы уже имѣли случай замѣчать, что Прудонъ искалъ въ семейной жизни удовлетворенія своихъ личныхъ потребностей, съ суровостію и безсознательнымъ эгоизмомъ простолюдина. Такъ точно и любовь его къ дѣтямъ проявляется, въ приведенномъ отрывкѣ, значительное отеческое себялюбіе, хотя и смягченное ударомъ судьбы. Но рядомъ съ этимъ выступаетъ сильная натура, способная на самыя великодушныя чувства.

«Человѣку съ сердцемъ, — пишетъ онъ дальше, — ничего не значитъ страдать; но истинное мученіе смотрѣть, какъ страдаютъ и умираютъ близкіе. Въ теченіи одной недѣли я, моя жена и трое моихъ дѣтей были поражены; когда я былъ всего плоше, бѣдная моя Марсель умирала, точно сраженная ударомъ молніи. Цѣлую недѣлю отъ меня скрывали эту потерю, говоря, что ее

отдали въ квартиру перваго этажа подъ надзоръ одной моей знакомой.

«Вы и г-жа Сюшэ, такая бодрая и преданная, легко представите себѣ, сколько должна была страдать моя жена, принужденная ходить за самой собой, быть постоянно около меня, такъ какъ я ее безпрестанно требовалъ, глотать свои слезы и улыбаться мнѣ, боясь огорчить меня своей грустью.

«Любезный другъ, я вамъ говорилъ не одинъ разъ: я считаю мужчину выше женщины по мовговой и мышечной силѣ; но сердцемъ онѣ куда лучше насъ! По крайней мѣрѣ я самъ съ охотою отдаю имъ это предпочтеніе».

Нѣсколько поздно пришелъ Прудонъ къ такому выводу. Для этого понадобился ударъ судьбы и усиленная преданность жены его. Но, съ годами, Прудонъ все увѣрлялся въ своихъ одностороннихъ и вовсе ненаучныхъ взглядахъ на женщину, выраженныхъ имъ и въ посмертной его книгѣ, явившейся въ Парижѣ тотчасъ послѣ его «Переписки». Книга эта называется «La République, ou les femmes dans les temps modernes». Содержание ея не представляетъ впрочемъ ничего новаго въ интересахъ объективной критики.

Отмѣтимъ и то, что тяжкая болѣзнь смягчила взглядъ Прудона и на молодое поволеніе.

«Я постоянно слышу вокругъ себя, какъ злословятъ напѣвѣхъ и теперешнюю молодежь. Я не знаю молодежи и мало ее вижу; но судя по нѣкоторымъ образчикамъ, я убѣжденъ напротивъ, что наши дѣти, любезный Сюшэ, будутъ лучше и пойдутъ дальше насъ».

Свою бѣдность Прудонъ не скрываетъ, и говоритъ о ней въ благородныхъ и трогательныхъ выраженіяхъ.

«Мы бѣдны,— замѣчаетъ онъ въ концѣ письма,— и я право не знаю, сколько еще времени мы останемся бѣдняками. Но мы не гордимся нашей бѣдностью; мы остаемся простыми и скромными людьми, прикрывая наши прорѣхи, насколько можемъ, живя со дня на день, по средствамъ, и силою труда, при чистой совѣсти и добрыхъ друзьяхъ, и вончимъ, быть можетъ, тѣмъ, что станемъ счастливѣе тѣхъ, чья роскошь иногда оскорбляетъ насъ.

«Надѣюсь, что у насъ всегда будетъ gigot и курица со стаканомъ вина для добраго друга. Долой гордость! Когда пріятель, живущій въ довольствѣ, предлагаетъ мнѣ обѣдъ въ 20 ф., я его подчую обѣдомъ въ 100 су; и по-моему тутъ соблюдено равенство, потому что есть пропорціональность».

И въ письмѣхъ въ Морису, отъ 17-го октября, повторяются по-

дробности о болѣзни Прудона и смерти дочери. Про свои работы онъ сообщаетъ больше въ видѣ предположеній. Надѣется онъ, что большее сочиненіе по экономіи позволитъ ему высвободиться изъ тисковъ нужды и получить на немъ до тридцати тысячъ франковъ. И другая работа, «Общая хронологія», въ семи или восьми томахъ, должна ему дать до 8,000 фр. Оба эти труда возьмутъ у него не меньше десяти лѣтъ, а въ этотъ періодъ онъ разсчитываетъ на полную переѣзку политическихъ событій.

«Однимъ словомъ, любезный Морисъ, — заканчиваетъ онъ, — я положительно разсчитываю на то, что 1855 г. увидитъ мое воссрешеніе и что, какъ писатель или какъ человѣкъ заработка, я пойду дальше, чѣмъ въ 1842 г.»

Поглощенный чрезмѣрною работою, не приносившею ему ничего кромѣ насущнаго куска хлѣба, Прудонъ долженъ былъ еще больше сократить свою корреспонденцію, что онъ съ открытостью и говоритъ нѣвоему г. Боннону, обратившемуся къ нему съ чисто-литературнымъ письмомъ. Только событія восточной войны заставляютъ его касаться общихъ интересовъ въ своей интимной перепискѣ.

Взглядъ Прудона на крымскую кампанію все такой же — рѣзко-отрицательный.

«Съ самаго начала, — пишетъ онъ, — эта кампанія, какъ съ военной, такъ и съ политической точки зрѣнія — длинная нелѣпость».

Эта рѣшительная фраза стоитъ въ письмѣ къ Эдмону отъ 22 ноября; а нѣсколько позднѣе, отъ 29-го, онъ пишетъ Гильмену:

«Восточная война принимаетъ положительно роковой и разорительный характеръ; но она, какъ я думаю, все-таки не задержитъ нашего предпріятія (онъ говоритъ тутъ о дѣловомъ предпріятіи, затѣянномъ нѣкимъ г. Вердо). Причина этого та, что всѣ должны, не менѣе правительства, поладить съ необходимостію продолжительной войны, войны въ нѣсколько лѣтъ, и быть можетъ безъ всякаго исхода; и нужно будетъ, такъ или иначе, приняться за дѣла, ибо нельзя же жить не работая».

Къ концу 1854 г. переписка дѣлается еще скуднѣе, и на декабрь мѣсяцъ приходится всего два письма, отправленныхъ въ одинъ и тотъ же день, 19-го декабря. Второе изъ нихъ, г-ну и г-жѣ Сюшэ, замѣчательно выходной противъ демократовъ-якобинцевъ, въ лицѣ Барбеса, который, какъ извѣстно, несмотря на свой радикализмъ, рукоплескалъ восточной войнѣ и съ гордо-стію называлъ себя *шовинистомъ*.

«Впрочемъ, такова наша демократія,—заканчиваетъ Прудонъ:—несмотря на официальные заявленія императора и министровъ, несмотря на союзъ съ Австріей, на половину заключенный, наши демократы хотятъ непременно обратить восточную войну въ войну революціонную, и держась за эту химеру, они рующеплещуть и подтапливаютъ къ войнѣ. Самые дальновидные уже начинаютъ распознавать въ чемъ дѣло; но масса, представляемая газетами «Siècle», «Charivari», «Presse» и проч., продолжаетъ пѣть Марсельезу.—Говорю вамъ, есть тайная связь между яacobинцами и имперіалистами; въ ней не смѣютъ признаться, но она дѣйствительно существуетъ.

«Я, дорогие друзья, стараюсь какъ можно больше уединиться, и нахожу свое утѣшеніе и свой кусокъ хлѣба въ трудѣ. Знаю, что демократія, разъяренная тѣмъ, что потеряла власть, особенно съ той поры, какъ у ней передъ глазами зрѣлище имперіи — ненавидитъ меня, какъ одного изъ виновниковъ ея паденія. Я оплачиваю ей за ненависть презрѣніемъ. Одна династія стоитъ другой; къ чему же мнѣ выбирать непременно между Бурбонами, Орлеанами, Бонапартомъ, Кавеньякомъ, Ледрю-Ролленомъ? Свобода, прогрессъ, воспитаніе народа, его освобожденіе отъ нищеты и суевѣрія—вовсе не съ ними. Я это связалъ. Въ этомъ—мое преступленіе. Надѣюсь, что мнѣ придется и еще разъ повторить то же самое»...

Хотя 1854 г. и оказался бѣднѣе по количественному содержанию, чѣмъ предыдущіе, но заканчивается онъ, какъ читатель видитъ, настоящей Прудоновской нотой...

Последніе восемь томовъ переписки Прудона обнимаютъ собою послѣднія десять лѣтъ его жизни (1855—1864 гг.).

Д — Е В Ъ.

ИЗЪ „ЛАЗАРЯ“

ГЕЙНЕ.

I.

ЗЕМНОЕ ПОПРИЩЕ.

Если взысканъ кто щедро судьбой,
Еще болѣе тотъ получаетъ, —
Кто-жъ немного имѣлъ за душой,
Тотъ навѣрное все потеряетъ!

И, увы! если нищъ ты и нагъ —
Схоронись подъ доской гробовою:
Права жить не имѣеть бѣднякъ,
Жить нельзя здѣсь съ пустою сумою.

II.

ВОСПОМИНАНІЯ.

На кухнѣ вселенной всѣхъ блюдъ я ѣдалъ,
 Всѣ лакомства, запахи, сласти узналъ;
 Я всѣмъ наслаждался на бѣломъ семь свѣтѣ,
 Какъ врьдѣ-ли другой кто на нашей планетѣ!
 Я кофе пивалъ, заѣдалъ пирожками,
 И кулоокъ милыхъ плѣнялся глазами;
 Въ жилетѣ и модномъ гулялъ въ скортубѣ;
 Бряцали дуваты въ моемъ кошельѣ.
 Какъ Геллертъ, ѣзжалъ я на борвомъ конѣ;
 Друзья собиралися въ замокъ во мнѣ.
 Персонѣ моей улыбнулося счастье,
 Мнѣ солнце свѣтило, не зналъ я ненастья.
 Лавровый вѣнокъ у меня на челѣ!
 Съ нимъ громкая слава! Я былъ какъ во снѣ:
 То—вѣчный былъ май, вѣчно юныя розы,
 То—полныя нѣги смѣнялися грѣзы.
 Къ обѣду мнѣ голубей жареныхъ въ ротъ
 Судьба послала безъ дальнихъ хлопотъ.
 Нерѣдко и ангель, на легкихъ крылахъ,
 Являлся съ шампанской бутылкой въ рукахъ.
 Тѣ милыя грѣзы исчезли безслѣдно,
 Какъ мыльный пузырь; прозябаю я, бѣдный.
 Я въ членахъ обрѣлъ ревматичную боль,
 Извѣдалъ и стыдъ, и печалей юдоль.
 Платилъ я сторицей за каждый мигъ счастья,
 Годами болѣзней, тревогъ и ненастья.
 Обрушились бѣды — и стая клоповъ
 Кусала мой жалкій, изсохшій остовъ.
 Забота-старуха въ груди угнѣздилась,
 Въ душѣ моей нивость и ложь поселилась:
 Я гордую выю предъ сильнымъ согнулъ,
 Какъ нищій я руку свою протянулъ...
 Усталъ я, довольно тревогъ и волненья.
 Я жажду покоя, могилы и тлѣнья.
 Живите, о, братья! мы свидимся тамъ,
 Гдѣ мѣста не будетъ печалямъ, грозамъ.

III.

ПРЕДЪ СМЕРТЬЮ.

Въ погонѣ за счастьемъ оставишь свой домъ,—
Вернешься въ лохмотьяхъ, съ пустымъ кошелькомъ;
Въ чужбинѣ, съ нѣмецкой душой и нарядомъ,
Осыпанъ ты будешь лишъ волкостей градомъ.

Больной, истомленный, домой добредешь
И отдыхъ желанный въ могилѣ найдешь.
Средь отчихъ полей широко и раздольно,
Уснуть тамъ такъ сладко, тепло и привольно.

А сколько людей умираетъ безъ силъ,
Вдали отъ родимыхъ домовъ и могилъ,
Къ странѣ дорогой простираячи руки,
Съ душой, полной скорби, рыданья и муки.

IV.

ВЪ РУБИЦѢ.

Чтобъ въ чѣрствую душу богатыхъ пролѣзть
Ты лести безъ стыда и безъ мѣры:
Вѣдь золото плоско; понятно, и лестъ —
Чѣмъ площе, тѣмъ больше ей вѣры.

И если вознудся ты этой стези,
Златому тельцу поклонился,
Валяйся въ пыли, пресмыкайся въ грязи,
Чтобъ гордый кумиръ умилился.

Сталь хлѣбъ дорожать, тяжело бѣднякамъ,
На лестъ же всегда есть кредитъ;
Кто оду напишетъ богатаго псамъ,
Тотъ будетъ навѣрное сытъ.

V.

МУДРЫЯ ЗВѢЗДЫ.

Цвѣты такъ легко попираютъ ногой,
 Изъ нихъ ущѣлѣетъ немного;
 Прохожій безжалостно давитъ пятой
 Красивыхъ, какъ самыхъ убогихъ.

Повоится жемчугъ въ морской глубинѣ;
 Его изъ пучинъ добываютъ,
 Въ богатомъ уборѣ, въ красивомъ перстнѣ,
 Въ армо золотое вставляютъ.

Но мудрыя звѣзды далеко отъ насъ
 На сводѣ небесномъ мерцаютъ,
 И темною ночью, въ полуночный часъ,
 Какъ факелы мѣръ освѣщаютъ.

VI.

ПОМИНКИ.

По мнѣ панихиды не стануть служить,
 Хвалебныхъ рѣчей не составлять,
 Не будутъ надъ гробомъ ни пѣть, ни кадить,
 И тѣло въ покоѣ оставить.

Какъ тихо на мирномъ кладбищѣ моемъ!
 Матильда съ Полиною лѣтомъ
 Придетъ погулять и поплакать вдвоемъ
 Надъ бѣднымъ усопшимъ постомъ.

Могилу она иммортелей вѣнкомъ
 Украситъ, усыплетъ цвѣтами,
 Вдыхая промолвить: «*rauuge homme*»,
 И глазки зальются слезами.

Какъ жаль, я живу черезчуръ высоко,
 Матильдѣ усталой и милой
 Мнѣ стулъ предложить не совсѣмъ-то легко.
 Головку она наклонила—

О, милый ребенокъ, не можешь отнюдь
 Домой ты пѣшкомъ возвращаться:
 У самой ограды нанять не забудь
 Фіакръ—они тамъ толпятся.

VII.

НОВАЯ ВСТРѢЧА.

Густая жимолость, прохладный вечеръ,
 По прежнему мы вмѣстѣ у овна;
 На небѣ ясномъ свѣтится луна,
 Но мы не радостны: какъ будто зимній вѣтеръ

На насъ пахнулъ; не даромъ, видно,
 Дѣвнадцать раздѣляетъ лѣтъ
 Отъ прежнихъ насъ мечтаній и бесѣдъ;
 Простыла страсть,—какъ это ни обидно.

Сидѣлъ я молча, а болтунья рядомъ,
 Въ волѣ любви старалась изъ всѣхъ силъ
 Раздуть минувшій жаръ, вернуть любовный пылъ;
 Упреки, вздохи сыпалися градомъ.

Я выслушалъ рассказъ, пространный и примѣрный,
 О добродѣтеляхъ ея и о борьбѣ со зломъ,
 И о моемъ вліяніи губительномъ. Съ лицомъ
 Преглупымъ я сидѣлъ; да! было северно

Въ душѣ моей.—Я, наконецъ, простился.
 Деревья, освѣщенные луной,
 Какъ привидѣнія мелькали предо мной,
 Когда домой я ночью возвратился.

VIII.

СИДѢЛКА-ЗАБОТА.

Какъ мошекъ лѣтомъ веселый рой
 На солнцѣ летаетъ, кружится;
 Такъ милыхъ друзей окруженный толпой,
 Я думалъ всю жизнь веселиться.
 Друзья дѣлились моимъ добромъ,
 Пока поживились послѣднимъ грошомъ.

Минуло счастье и пусть кошель;
 За ними друзья улетѣли,
 Потускло солнце, поетъ мятель,
 Всѣ мошки давно околѣли.
 Въ несчастьи, какъ мошки ночной порой,
 Исчезли друзья, повернулись спиной.

Въ полночный часъ, у постели моей,
 Дежурить сидѣлка-забота;
 Въ заплаткахъ кофта, чепецъ на ней,
 Очки и чулокъ для работы;
 Скрипитъ табакеркой, грозитъ клюкой
 И страшно сѣдою трасеть головой.

Задремлешь часто, и снится вновь:
 Вернулись былия мгновенья,
 Весеннее солнце, дружба, любовь...
 Скрипитъ табакерка — исчезли видѣнья,
 И, вмѣсто завѣтной любимой мечты,
 Зловѣщей старухи я вижу черты.

IX.

ДУРНОЙ СОНЪ.

Я спалъ, и, мнилось, возвращались
 Мнѣ бодрость, свѣжесть прежнихъ лѣтъ,
 Мы внизъ, бѣгомъ, съ горы спускались
 Съ Оттилей; вился горный слѣдъ.

Что за прелестное созданье:
 Глазокъ зеленый смотреть вдаль—
 Въ обрывъ крутой—безъ содроганья;
 Гибка, какъ трость; вѣтряка, какъ сталь.

Звучить такъ чудно голосъ милый;
 Душа прозрачна, какъ кристалль,
 Въ ея рѣчахъ и умъ, и сила,
 А губки—розы и коралль.

Я не болѣлъ любви томленьемъ,
 Не бредилъ я, мой мозгъ былъ цѣль;
 Къ ея рукѣ лишь въ умиленьи,
 Безъ словъ припалъ я и блѣднѣлъ.

Мнѣ помнится, я далъ ей лиллю,
 Эмблему чистой красоты,
 Сказалъ: «будь мнѣ женой, Оттиля,
 Добра примѣромъ, чистоты...»

Слова отвѣтныя, увы! не долетѣли
 До слуха моего. Проснулся я, и вновь—
 Старикъ, призованный болѣзнями къ постели,
 Пока возьмутъ съ нея подъ гробовой покровъ.

X.

ПОТУХАЕТЪ.

Спустили занавѣсъ; театрѣ
 Пустѣеть; всѣ спѣшать домой.
 Погибла пьеса, бѣдный авторъ!
 Онъ палъ, непонятый толпой.
 Почтила публика поэта:
 Освистанъ милостиво онъ.
 Всѣ вышли, нѣтъ огня и свѣта,
 Все тихо, смолкъ людской гомонъ.

Но, чу! со сцены, въ тѣмѣ кромѣшной,
 Раздался жалобный аккордъ:
 Струна порвалась тамъ, конечно,
 У старыхъ ветхихъ клавибордъ.
 Въ партерѣ, тутъ и тамъ, нахально,
 Съдая крыса пробѣжить;
 Повсюду сырость, смрадъ; прощальный
 Последней лампы свѣтъ дрожить;
 Вотъ меркнетъ бѣдная — погасла:
 То жизнь моя, увя, угасла.

А. М.

ДВИЖЕНІЕ УМОВЪ

ВЪ РИМСКОЙ ИМПЕРІИ

ПРИ ФЛАВІЯХЪ, ТРАЯНЪ И АДРИАНЪ

98—138 гг.

A. Hausrath, Neutestamentliche Zeitgeschichte. Dritter Theil. Heidelberg.
1873 и 1874.

Въ концѣ 1874 г. вышла въ свѣтъ послѣдняя часть сочиненія Гаусрата: «Исторія временъ новаго завѣта», о первыхъ томахъ котораго мы говорили вскорѣ по появленіи ихъ въ свѣтъ ¹⁾. Поставивъ себѣ задачей изображеніе исторической обстановки, историческихъ условій, при которыхъ возникли одна за другою книги новаго завѣта, Гаусратъ довелъ свою работу только до той эпохи, въ которой, по его мнѣнію, относится появленіе повдѣйшихъ изъ числа этихъ книгъ—до конца первой половины II-го вѣка. Моментъ, на которомъ, такимъ образомъ, остановился Гаусратъ, не составляетъ рубежа между двумя рѣзко отличающимися другъ отъ друга періодами, не имѣетъ рѣшительнаго значенія ни въ исторіи римской имперіи, ни въ исторіи древней цивилизаціи, ни въ исторіи христіанства. На императорскомъ престолѣ Антонины были не только преемниками, но и продол-

¹⁾ „Вѣст. Евр.“, ноябрь, 1873 г., стр. 262.

жателями Траяна и Адриана; въ дѣлѣ соглашенія и примиренія старыхъ вѣрованій съ новыми философскими ученіями, Маркъ Аврелій, нео-платоники, апологеты политеизма шли по стопамъ Сенеки, Эпиктета, Плутарха; въ средѣ христіанства организація церкви и борьба ея съ ересями, наполняющія собою вторую половину II-го и весь III-й вѣкъ, начались гораздо раньше Агониновъ. Сочиненію Гаусрата, обрывающемуся посрединѣ всѣхъ этихъ тѣсно связанныхъ между собою движеній, неизбѣжно должно недоставать полноты, законченности, заключенія. Остается надѣяться, что картина угасающаго язычества и распространяющагося христіанства будетъ дорисована Гаусратомъ, въ другой книгѣ, съ такимъ же искусствомъ, съ какимъ онъ ее началъ.

Изъ богатаго матеріала, заключающагося въ третьемъ томѣ «Исторіи временъ новаго завѣта», мы и на этотъ разъ выбираемъ только то, что болѣе доступно для изложенія въ нашей печати, и останавливаемся прежде всего на предметѣ, которому была преимущественно посвящена первая наша статья о Гаусратѣ—на религіозномъ движеніи въ средѣ языческаго греко-римскаго міра.

I.

Царствованіе первыхъ двухъ Флавіевъ—Веспасіана и Тита—было эпохой реакціи противъ политической и нравственной распущенности, овладѣвшей имперією при Неронѣ и слабыхъ, эфемерныхъ его преемникахъ. Строгій къ другимъ и къ самому себѣ, сдержанный, въ высшей степени практичный, Веспасіанъ настойчиво стремился къ тому, чтобы возстановить порядокъ въ финансахъ, въ администраціи, а если можно—и въ умахъ своихъ подданныхъ. Поддержаніе старыхъ вѣрованій было въ его глазахъ однимъ изъ средствъ къ достиженію этой цѣли. Самъ Веспасіанъ былъ религіозенъ на подобіе древнихъ римлянъ; онъ былъ суевѣренъ, совѣщался съ оракулами—не исключая и тѣхъ, которые прорицали въ храмахъ египетскихъ или мало-азиатскихъ,—обращалъ вниманіе на знаменія; но мистицизмъ, мечтательность, увлеченіе новизною не были свойственны его простой, тревожной натурѣ. При такомъ настроеніи духа, всего естественнѣе было бы для него, повидимому, вступить въ союзъ со стоиками, какъ это сдѣлали Траянъ и въ особенности Маркъ-Аврелій—со стоиками, усилія которыхъ уже въ то время были направлены къ воссерещенію древняго благочестія, хотя и на нѣсколько измѣненныхъ

основахъ. Но стоическая школа I-го вѣка по Р. Х. соединяла съ религіознымъ рвеніемъ другого рода рвеніе, дѣлавшее невозможнымъ сближеніе ея съ императоромъ. Она лелѣла преданія и чувства республиканской эпохи, поклонялась памяти Катона Младшаго, Брута и Кассія, проповѣдывала вражду къ тиранніи и тиранамъ. Правда, въ большей части случаевъ вражда эта не шла дальше фразъ и уживалась какъ нельзя лучше съ покорностью, даже съ подобострастіемъ передъ царствующимъ императоромъ, подобно тому, какъ стоическая философія часто уживалась съ погоней за наслажденіями ¹⁾; но и однихъ фразъ было достаточно, чтобы возбудить въ высшихъ сферахъ недовѣріе и нерасположеніе къ стоицизму. Сначала Веспасіанъ позволилъ всѣмъ философамъ, изгнаннымъ изъ Рима Нерономъ, возвратиться въ столицу; но это не примирило ихъ съ Флавіями. Глава тогдашнихъ римскихъ стоиковъ, Гельвидій Прискъ, зять казеннаго при Неронѣ Тразен, противился въ сенатѣ всѣмъ мѣрамъ Веспасіана, отказывался называть его императоромъ; однако, онъ былъ допущенъ въ исправленію обязанностей претора и изгнанъ изъ Рима только тогда, когда публично, въ засѣданіи сената, оскорбилъ императора. Титъ, раздѣлявшій съ своимъ отцомъ управленіе имперією, былъ менѣе снисходителенъ, чѣмъ Веспасіанъ: когда стоики и циники стали нападать на связь его съ Береникой—еврейкой изъ рода Ирода,—онъ велѣлъ казнить однихъ, изгнать другихъ, и, вѣроятно по его настоянію, состоялся, наконецъ, декретъ сената объ изгнаніи всѣхъ стоиковъ и циниковъ изъ Рима ²⁾. Къ искорененію философской оппозиціи клонилось, съ другой стороны, учрежденіе кафедръ греческаго и римскаго краснорѣчія, съ щедрымъ вознагражденіемъ преподавателей и съ избраніемъ ихъ изъ среды извѣстнѣйшихъ риторомъ того времени, не враждебныхъ, въ принципѣ, существующему порядку вещей. Съ помощью этой мѣры Веспасіанъ надѣялся изъять воспитаніе

¹⁾ „Ты хочешь быть свободнымъ?—спрашиваетъ Марціалъ одного изъ такихъ мнѣхъ стоиковъ:—лжешь, ты не хочешь быть свободнымъ, а еслибы хотѣлъ, то могъ бы: стоило бы только тебѣ не обѣдать на чужой счетъ, утолять жажду дешевымъ виномъ, носить простую тогу, пренебрегать золотыми блюдами мерзавца, нагибаться, чтобы войти подъ кровлю своего жилища. Было бы у тебя столько силъ, столько душевнаго мужества—свободѣе тебя не могъ бы жить ни одинъ нареявскій государь“.

²⁾ Во главѣ стоической оппозиціи стояли при Флавіяхъ, вмѣстѣ съ мужчинами, и женщины—напримѣръ, Фаннія, дочь Тразен и жена Гельвидія Приска. Гаусратъ приписываетъ этому обстоятельству ожесточеніе, съ которымъ стоики нападали на связь Тита съ Береникой, такъ какъ вліяніе еврейки должно было быть особенно ненавистно римскимъ матронамъ,—и вообще анекдотическій характеръ обвиненій, распушенныхъ ими противъ Флавіевъ.

юношества изъ-подъ вліянія стоиковъ, руководившихъ имъ почти исключительно въ республиканскомъ или, лучше сказать, псевдо-республиканскомъ духѣ. Самымъ блестящимъ изъ числа новыхъ профессоровъ былъ Квинтиліанъ, выдвинувшій на первый планъ изученіе Гомера, Т. Ливія, Цицерона, вмѣсто тенденціозной литературы, съ которою до тѣхъ поръ преимущественно знакомилъ учениковъ. Вмѣстѣ съ Квинтиліаномъ Веспасіанъ приближалъ къ себѣ другого серьезнаго писателя, Плинія Старшаго, удаливъ отъ двора литературныхъ паразитовъ—Марціала, Стація и т. п.,—процвѣтавшихъ при Неронѣ и опять возвысившихся при Домиціанѣ. Титъ, вступивъ на престолъ, дѣйствовалъ въ томъ же духѣ, какъ и Веспасіанъ; но при послѣднемъ изъ Флавіевъ, Домиціанѣ, все перемѣнилось. Онъ оказывалъ внѣшніе знаки уваженія къ богамъ, издавалъ законы въ огражденіе общественной нравственности, преслѣдовалъ нарушителей ея, казнилъ весталокъ, заподозрѣнныхъ въ нарушеніи обѣта цѣломудрія. Но, прославляя боговъ, онъ думалъ только о прославленіи самого себя; Марціаль, его стихотворный прислужникъ, называетъ боговъ неоплатными должниками Домиціана, за все то, что онъ въ честь ихъ сдѣлалъ, за всѣ храмы, которые онъ имъ построилъ, за всѣ богатства, которыя онъ имъ посвятилъ. Охраненіе нравственности полицейскими и карательными мѣрами, бесплодное само по себѣ, могло только возмущать общественную совѣсть, исходя отъ чело-вѣка, который самъ былъ образцомъ безнравственности. Подъ конецъ царствованія Домиціана философы всѣхъ школъ внезапно подверглись преслѣдованію, ничѣмъ съ ихъ стороны не вызванному и гораздо болѣе жестокому чѣмъ то, которое стоики испытали при Веспасіанѣ. При Траянѣ они, напротивъ того, пользовались спокоевствомъ и почетомъ. Лично во многомъ похожій на Веспасіана, только болѣе предприимчивый и даровитый, Траянъ, подобно первымъ двумъ Флавіямъ, старается возвратиться къ стремленіямъ и политикѣ древняго Рима. И дѣйствительно, успѣхи его оружія, мудрость его управленія возбуждаютъ на время въ римскихъ сердцахъ отголосокъ прежняго горделиваго сознанія римской силы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и желаніе поддержать вѣрованія предковъ, преданія старины, столь богатой славными воспоминаніями. Этимъ, между прочимъ, объясняется преслѣдованіе христіанъ при Траянѣ, какъ и впоследствии при Маркѣ-Авреліѣ.

Но возрожденіе древне-римскаго духа не было ни глубоко, ни продолжительно. Преемникъ Траяна, Адріанъ, является римляниномъ только по имени; про него, съ бѣльшимъ еще основа-

нѣмъ чѣмъ про Юліана, можно сказать, что онъ былъ «романтикомъ на тронѣ Цезарей». Первымъ дѣломъ его царствованія былъ рѣшительный разрывъ съ воинственной политикой Траяна, которую послѣдній, какъ истый римлянинъ, считалъ необходимою не только для безопасности границъ, но и для нравственнаго здоровья государства. Завоеванія Траяна на востокѣ — Арменія, Месопотамія — уступаются обратно парянамъ; отъ Дакіи, съ такимъ трудомъ доставшейся Траяну, Адріанъ также думаетъ отказаться, но не исполняетъ своего намѣренія, въ виду слишкомъ явнаго неодобренія, съ которымъ отнеслись къ нему даже друзья императора. Постоянные мосты черезъ Рейнъ и Дунай уничтожаются, какъ-бы для того, чтобы устранить всякую мысль о наступательныхъ войнахъ, о новыхъ завоеваніяхъ. Миролюбіе Адріана не даетъ, однако, его подданнымъ прочнаго спокойствія: то паряне, то алане, то сарматы, то африканскія племена вторгаются въ предѣлы государства. Вопреки древне-римскому правилу, Адріанъ не всегда отражаетъ варваровъ мечомъ, а иногда *покупаетъ* у нихъ миръ, — конечно, не надолго. Въ противоположность своимъ предшественникамъ, Адріанъ живетъ больше въ провинціяхъ и для провинцій, чѣмъ въ Римѣ и для Рима, постоянно переносится съ одного конца имперіи на другой, изъ Британніи въ Сирію, съ береговъ Дуная въ Египетъ — и далеко не всегда съ государственнымъ цѣлямъ, а чаще для созерцанія красоты природы и произведеній искусства, для поклоненія мѣстнымъ святынямъ, или просто въ погоню за новыми, сильными ощущеніями. Онъ поднимается на горы, чтобы видѣть отсюда восхожденіе солнца, присутствуетъ въ Атикѣ при элевзинскихъ мистеріяхъ, руководить въ качествѣ архонта празднествами въ честь Вакха, учреждаетъ новыя игры своего имени; на мѣстѣ, гдѣ стояла Троя, онъ разыскиваетъ кости Аякса и празднуетъ предполагаемую ихъ находку; около египетскихъ Оивъ онъ прислушивается къ звукамъ, издаваемымъ статуей Мемнона. Современники смѣялись надъ этою лихорадочною подвижностью; позднѣйшимъ писателямъ она внушила нѣсколько рассказовъ, герой которыхъ — римлянинъ, вѣчно чего-то ищущій и ни на чемъ не останавливающийся — явная копія съ вѣнценоснаго путешественника. Подобно Нерону, Адріанъ считаетъ себя не только знаткомъ и цѣнителемъ изящныхъ искусствъ, но и мастеромъ въ нихъ. Онъ занимается философіей, поэзіей, діалектикой, юриспруденціей, поетъ, рисуетъ, лѣпитъ статуи, лечитъ больныхъ, въ Александріи публично диспутируетъ съ софистами. Желая все знать, всѣмъ быть, онъ относится ко всему съ легкостью и поверхностью дилеттанта, ничѣмъ не чувствуетъ себя

удовлетвореннымъ, соединяетъ тщеславіе съ завистью, окружаетъ себя философами и художниками, бесѣдуетъ съ ними, повидному, какъ съ равными, но на самомъ дѣлѣ требуетъ отъ нихъ поклоненія и велитъ умертвить архитектора Аполлодора за рѣзкій отзывъ объ одномъ изъ художественныхъ произведеній императора. Идеализмъ и мечтательность не мѣшаютъ Адриану предаваться чувственнымъ, даже противоестественнымъ, грязнымъ наслажденіямъ. Въ области религіи, какъ и во всемъ другомъ, онъ постоянно къ чему-то стремится и ничего не находитъ. Онъ поклоняется древне-римскимъ богамъ, но это его не удовлетворяетъ; на ряду съ ними онъ ставитъ египетскихъ боговъ, строитъ имъ храмъ въ своей виллѣ близъ Рима, окружаетъ себя жрецами Изиды. Элевзинскія мистеріи, какъ и все относящееся къ ученію о безсмертіи души, представляютъ для него особенную прелесть. Всѣ боги, всѣ богини, начиная съ священной змѣи Индіи и священнаго быка Египта, внушаютъ ему почтительное вниманіе. Если онъ неблагоговѣнно относится къ евреямъ (въ концѣ своего царствованія), христіанамъ ¹⁾ и поклонникамъ Митры, то причину этому слѣдуетъ искать отчасти въ политическихъ соображеніяхъ, отчасти въ народной молвѣ, обвинявшей сторонниковъ двухъ послѣднихъ ученій въ совершеніи человѣческихъ жертвоприношеній. Во время своихъ путешествій Адрианъ воздвигаетъ въ разныхъ мѣстахъ таинственные храмы безъ изображенія боговъ или богинь, посвящая ихъ вѣроятно тому неизвѣстному богу (*seu deo seu deae*), въ существованіе котораго онъ смутно вѣрилъ. Исполненный суевѣрія, онъ приноситъ, послѣ каждаго общественаго бѣдствія, искупительныя жертвы, погружается въ таинства магіи и астрологіи, читаетъ свою будущность то въ звѣздахъ, то въ журчаньѣ Кастальскаго источника, вѣритъ въ свою способность творить чудеса, которыхъ преданія, сохраненныя биографомъ его Спартіаномъ, и приписываютъ ему не мало.

¹⁾ Нѣкоторые изъ позднѣйшихъ христіанскихъ писателей выставляютъ Адриана расположеннымъ къ христіанству, даровавшимъ ему терпимость и даже охрану иконовъ; но это не согласуется съ другими, болѣе ранними и достоверными свѣдѣніями, свидѣтельствующими о томъ, что преслѣдованіе христіанъ, начатое при Траянѣ, не прекратилось и при Адрианѣ, хотя и не достигало обширныхъ размѣровъ. Всѣ вѣдательные современники Адриана—Тацитъ, Светоній, Эпифанъ—относятся къ христіанству съ большимъ или меньшимъ недоброжелательствомъ. Представленіе объ Адрианѣ, какъ о покровителѣ христіанства, объясняется съ одной стороны тѣмъ, что при немъ христіане начали считать возможнымъ обличеніе съ правительствомъ, отдавать императору апологіи своей вѣры, съ другой стороны — самымъ характеромъ Адриана, склоннаго къ новизнѣ въ религіи, какъ и во всемъ другомъ, и не находившаго успокоенія въ преданіяхъ и вѣрованіяхъ политеизма.

Какъ настоящій ученикъ современной ему философіи индивидуализма, онъ сосредоточиваетъ всю свою заботливость на своей собственной личности—и не достигаетъ ни счастья, ни даже спокойствія. За чѣтыре года до смерти, усталый, больной, преждевременно состарѣвшійся, онъ поселяется въ Италіи, чтобы больше уже не оставлять ея. Всегда раздражительный, недовѣрчивый, онъ становится теперь капризнымъ тираномъ, бичомъ для всѣхъ его окружающихъ; лучшія стороны его характера—доступность, привѣтливость обращенія ¹⁾—исчезаютъ безслѣдно. Ревниво дорожающій властью, онъ принужденъ, вслѣдствіе упадка силъ, раздѣлить ее съ другимъ, прискать себѣ преемника и соправителя. Избирая на это мѣсто своего любимца, Луція Вера, пустого, развратнаго юношу, онъ руководствуется—если вѣрить преданію—предсказаніемъ (а можетъ быть и предположеніемъ, основаннымъ на слабомъ здоровьи Вера), что Веръ умретъ прежде него. И дѣйствительно, Веръ умираетъ еще при жизни Адріана. Если выборъ императора падаетъ затѣмъ на Антонина, вполне достойнаго власти, то это былъ счастливый случай, такъ какъ побудило къ тому Адріана только суевѣріе; въ одну изъ тѣхъ минутъ, когда онъ размышлялъ о необходимости замѣнить Л. Вера, онъ увидѣлъ Антонина, съ нѣжною заботливостью ведущаго подъ руку своего престарѣлаго тестя—и принялъ это за отвѣтъ самихъ боговъ на вопросъ, его занимавшій. Суевѣріемъ же объясняется и выборъ Адріаномъ Марка-Аврелія въ преемники Антонину; во время религиозныхъ игръ, при которыхъ бросались вѣнки на статую Марса, М. Аврелій, будучи еще ребенкомъ, попалъ своимъ вѣнкомъ прямо на голову статуи, — и Адріанъ увидѣлъ въ этомъ предзнаменованіе высокой судьбы, ожидающей мальчика. Болѣзнь Адріана становится между тѣмъ все сильнѣе и сильнѣе; онъ ищетъ помощи не столько у докторовъ, сколько у жрецовъ и знахарей; невыносимыя мученія заставляютъ его желать смерти, просить о ней. Онъ хочетъ уморить себя голодомъ, но не находитъ въ себѣ достаточно къ тому силы, — наконецъ намѣренно погрѣшаетъ противъ діеты и умираетъ, 62-хъ лѣтъ отъ роду. Многочисленные его бюсты вполне соотвѣтствуютъ тому, что мы

¹⁾ Въ началѣ царствованія Адріана женщина изъ народа, желавшая о чемъ-то просить его, остановила его на улицѣ; онъ отвѣчалъ, что ему нѣтъ времени, и пошелъ дальше. „Въ такомъ случаѣ, затѣмъ же ты Цезарь“, закричала она ему въ слѣдъ; онъ возвратился, выслушалъ ее и исполнилъ ея просьбу. Если этотъ расказъ и принадлежитъ къ числу анекдотовъ, то во всякомъ случаѣ онъ выражаетъ собою нѣжнѣе, которое имѣли въ древности о первыхъ годахъ правительственной дѣятельности Адріана.

о немъ знаемъ. «Тысяча безпокойныхъ морщинъ на истощенномъ лицѣ — говоритъ Гаусратъ — рассказываютъ намъ исторію впечатлительнаго, измѣнчиваго, увлекающагося человѣка, постоянно переходившаго отъ одного возбужденія къ другому, никогда не знавшаго внутренней гармоніи духа, пока наконецъ время не превратило вѣчнаго безпокойства въ одно непрерывное чувство усталости. Отсюда отвисшія щеки и направленный внизъ, какъ-бы застывшій взглядъ. Эти черты не внушаютъ ни любви, ни довѣрія — и все-таки притягиваютъ насъ къ себѣ и возбуждаютъ искреннее состраданіе». Адрианъ ближе къ намъ, чѣмъ большинство героев древности; вмѣсто античной цѣльности, въ немъ преобладаетъ внутренняя тревога, внутренній разладъ — *moderne Zerrissenheit*, по выраженію Гаусрата, — хорошо знакомые нашему времени ¹⁾.

Одинъ изъ эпизодовъ царствованія Адриана имѣетъ большое значеніе для характеристики этой эпохи. Во время путешествія императора по Египту любимецъ его, Антиноя, утонулъ въ Нилѣ. Было ли это случайностью или самоубійствомъ — съ точностью неизвѣстно; но большинство древнихъ писателей вѣрили въ послѣднее, объясняя его безграничною преданностью Антиноя Адриану, которому египетскіе прорицатели будущаго обѣщали долгія лѣта или успѣхъ въ какомъ-то предпріятіи, если кто-нибудь добровольно рѣшится пожертвовать ему своею жизнью. Правда, рядомъ съ этимъ поэтическимъ объясненіемъ было въ ходу и другое, видѣвшее въ самоубійствѣ Антиноя желаніе спастись отъ безразственныхъ замысловъ императора. Какъ бы то ни было, самъ Адрианъ считалъ Антиноя принесшимъ себя ему въ жертву, и утѣшно горевалъ по немъ, и, вѣря въ сопричисленіе его къ богамъ, сталъ оказывать ему божескія почести. Халдейскіе астрологи указали Адриану звѣзду, будто бы появившуюся въ первый разъ на небѣ въ моментъ смерти Антиноя и принявшую его безсмерт-

¹⁾ Ошибочно было бы думать, что управленіе Адриана не принесло никакой пользы имперіи. Ученые юристы, которыми онъ окружилъ себя, способствовали приведенію въ порядокъ прежнихъ законовъ и дополненію ихъ, такъ что въ исторіи римскаго права эпоха Адриана имѣетъ значеніе едва ли менѣе важное, чѣмъ эпоха Юстиніана. Подъ вліяніемъ новыхъ релігіозныхъ идей и гуманнѣхъ чувствъ, носившихся тогда въ воздухѣ, Адрианъ улучшилъ положеніе рабовъ, запретилъ самовольное умерщвленіе ихъ господами и продажу ихъ для непотребства, отменилъ варварскій законъ, въ силу котораго убійство господина однимъ изъ его рабовъ имѣло послѣдствіемъ казнь всѣхъ остальныхъ. Мы уже сказали, что онъ принималъ къ сердцу благосостояніе провинцій. Въ виду противорѣчій, которыми полна какъ дѣятельность, такъ и личность Адриана, понятны колебанія древнихъ писателей по вопросу о томъ, въ какомъ императорамъ слѣдуетъ отнести его — къ дурнымъ или хорошимъ.

ную душу. Близъ того мѣста, гдѣ Антиной бросился въ Нилъ, Адрианъ основалъ городъ, названный по его имени Антиноополемъ, и построилъ храмъ, въ которомъ египетскіе жрецы организовали поклоненіе новому богу. Въ другихъ мѣстахъ, преимущественно въ Греціи, ему также воздвигнуты были храмы. Въ воображеніи древняго міра онъ занялъ мѣсто подлѣ Озириса, Адониса и Вакха, потому что, подобно имъ, представлялъ собою страждущее, *добровольно* страждущее за другихъ божество. Тогдашнему настроенію умовъ представленіе это было особенно близко—и вотъ почему культъ Антиноя распространился съ быстротою, которую никакъ нельзя приписать одному желанію угодить Адриану. Сто лѣтъ спустя встрѣчаются еще извѣстія объ оракулахъ, изрекающихъ отъ его имени, о чудесахъ, совершающихся въ его храмѣ. Римское искусство избрало его однимъ изъ своихъ любимыхъ типовъ. Мы видимъ его изображеннымъ то какъ Вакха, опирающагося на тирсъ, то какъ Адониса, бога весны, съ увядающими цвѣтами въ рукахъ, съ признаками близкой смерти на лицѣ, то какъ Озириса, творящаго судъ надъ умершими, то какъ Меркурія, мрачно, съ поникшей головой размышляющаго о тайнахъ подземнаго царства. Глубокая тоска, тяготящая надъ греко-римскимъ міромъ, нашла себѣ олицетвореніе въ меланхолическихъ чертахъ Антиноя.

Въ другихъ скульптурныхъ произведеніяхъ этого времени, равно какъ и въ его архитектурѣ, отражается то же чувство усталости, унынія—чувство, такъ рѣзко запечатлѣвшееся въ словахъ, приписываемыхъ Аполлонію Тианскому: «несчастье заключается въ бытіи, а не въ небытіи». Въ литературѣ оно привело къ пессимизму Тацита. Тацитъ вѣрить въ божество, но считаетъ его разгнѣваннымъ противъ міра, желающимъ не блага, а гибели человѣку. Въ противоположность древнимъ римлянамъ, онъ ищетъ точки опоры не въ этой жизни, а въ будущей, не имѣя однако и въ нее твердой, безусловной вѣры. «*Если* для благочестивыхъ душъ,—говоритъ онъ обращаясь къ Агриколѣ, умершему среди преслѣдованій и гора,—существуетъ гдѣ-либо пріютъ, *если* духъ, какъ учатъ мудрецы, не угасаетъ вмѣстѣ съ тѣломъ, то покойся въ мирѣ!» По мѣрѣ того, какъ Тацитъ приближается къ концу своей дѣятельности, онъ становится все болѣе и болѣе суевѣрнымъ; въ первыхъ книгахъ «Лѣтописей»—его послѣдняго произведенія—онъ еще дѣлаетъ оговорки противъ народныхъ предразсудковъ, но, дойдя въ своемъ разсказѣ до 51 г., начинаетъ отмѣчать всѣ чудеса, всѣ знаменія, о которыхъ сохранилось преданіе. Позднѣйшіе писатели II-го вѣка—Діонъ (по прозванію Златоустъ), Мавсимъ Тирскій, Эліанъ и др.—почти всѣ болѣе

или менѣ мистики, почти у всѣхъ вѣра въ чудеса играетъ важную роль; законы природы, постоянно нарушаемые сверхъестественнымъ вмѣшательствомъ, для нихъ какъ бы не существуютъ. Со времени Перикла до времени Адриана научный духъ, научная мысль сдѣлали по крайней мѣрѣ такой же шагъ назадъ, какъ со времени Адриана до самой темной средневѣковой эпохи.

Самыми выдающимися представителями философіи II-го вѣка были Эпиктетъ и Плутархъ. Первый, родомъ изъ Фригіи, былъ вольноотпущенникъ, сначала учившій въ Римѣ, потомъ, вслѣдствіе гоненія Домиціана, перенесшій свою дѣятельность въ небольшой эфирскій городъ Никополь, гдѣ его навѣстили Адрианъ ¹⁾. Основаніе философіи, по ученію Эпиктета, — сознание вины, чувство безпомощности; ея назначеніе — укрѣпить усталую душу, утѣшить того, кто убѣдился въ ничтожествѣ всего земного; ея предметъ — не изслѣдованіе естественной причины вещей, естественнаго отношенія между ними, а мистическія предположенія о ихъ источникѣ и свойствѣ. Философъ — слуга боговъ, посланникъ Зевеса; для больной души онъ то же самое, что врачъ для больного тѣла. Его орудія — не только разсужденія, но и религіозныя вѣрованія. Не онъ требуетъ послушанія отъ учениковъ, но Зевесъ черезъ его посредство — Зевесъ, говорящій его устами. Философія — таинство, къ которому нельзя относиться легкомысленно. Прежде чѣмъ вступить въ ея святилище, ученикъ долженъ спросить себя: «убѣжденъ ли я въ томъ, что я ничего не знаю? Иду ли я къ учителю, какъ къ оракулу, которому я обязанъ безусловно повиноваться? Не заключается ли вся моя цѣль въ томъ, чтобы ознакомиться съ внѣшнею стороною философіи, съ книгами, которыя до сихъ поръ были для меня непонятны?» Онъ долженъ постоянно помнить всевѣднѣе божества и стремиться къ добру, какъ къ божественному дару, безъ всякихъ постороннихъ побужденій. Философъ, съ своей стороны, долженъ заботиться не о славѣ, не объ успѣхѣ, а о духовномъ благѣ своихъ слушателей. Если первое впечатлѣніе ученика, по выслушаніи учителя — удивленіе изяществу, стройности его рѣчи, то учитель не заслуживаетъ имени философа: ученикъ долженъ выходить отъ него не восхищеннымъ, а пораженнымъ, не съ чувствомъ пріятнаго удовлетворенія, а съ сокрушеніемъ сердечнымъ, съ признаніемъ своей грѣховности, съ рѣшимостью измѣнить свой образъ дѣйствій. Вліаніе философа должно быть основано столько же на словахъ, сколько и на примѣрѣ; жизнь его

¹⁾ По другимъ извѣстіямъ Эпиктетъ умеръ еще въ царствованіе Траяна.

должна быть для всѣхъ открыта и для всѣхъ служить образцомъ. Всего лучше, если онъ остается безбрачнымъ, для того чтобы, по возможности, удалаться отъ земныхъ дѣлъ и интересовъ. Примиреніе человѣка съ божествомъ, поддержаніе колеблющихся, спасеніе нравственно-погибающихъ — вотъ главная его задача. «О люди, — восклицаетъ Эпикетъ, — куда вы стремитесь, зачѣмъ ищете счастья внѣ самихъ себя? Въ богатствѣ, въ господствѣ, въ могуществѣ вы его не найдете. Посмотрите на сильныхъ земли, прислушайтесь къ ихъ стонамъ и вздохамъ! Я доказываю вамъ своимъ примѣромъ, что можно быть счастливымъ безъ дома и двора, безъ рабовъ, безъ имущества, безъ отчизны. У меня ничего нѣтъ, — а я не знаю ни горя, ни страха, я свободенъ!» Исходя изъ убѣжденія, что всѣ люди — сыны одного бога, и, слѣдовательно, братья, Эпикетъ требуетъ уничтоженія гладиаторскихъ игръ, перемѣны къ лучшему въ положеніи рабовъ; онъ проповѣдуетъ прощеніе обидъ, любовь къ врагамъ, воздаяніе добромъ за зло ¹⁾. Сходство этого ученія съ христіанской моралью не требуетъ доказательствъ; но оно не привело Эпикета къ сближенію съ христіанами, которыхъ въ Никополѣ было не мало. Онъ отдаетъ справедливость мужеству, съ которымъ «галилеяне» стоятъ за свою вѣру, но называетъ ее безумствомъ (маніей) и смѣшиваетъ ее съ іудайзмомъ.

Плутархъ отличается отъ Эпикета и отъ громаднаго большинства своихъ современниковъ болѣе свѣтлымъ взглядомъ на жизнь, на настоящее и на будущее. Родомъ изъ беотійскаго города Херонеи, онъ возвратился туда изъ Рима въ то же время, какъ Эпикетъ поселился въ Никополѣ, и жилъ тамъ до самой своей смерти. Онъ игралъ большую роль въ дѣлахъ своего города, былъ избранъ въ архонты, сдѣлался жрецомъ Аполлона, руководилъ пивійскими играми и оракуломъ въ Дельфахъ. Эта скромная, узкая дѣятельность, вмѣстѣ съ занятіями философій, была достаточна для его сповойствія и счастья. Сознывая вполнѣ всю ограниченность власти, оставленной Римомъ за выборными мѣстнаго населенія, онъ находилъ, что и этою властью можно пользоваться ко благу согражданъ, что и ея стобить искать и добиваться. Онъ помнитъ и учитъ другихъ не забывать, что надъ головой архонта или беотарха висятъ, по его выраженію, *башни*

¹⁾ Къ ученію Эпикета чрезвычайно близко подходитъ ученіе послѣдняго великаго представителя стоицизма, императора Марка-Аврелія (см. замѣчательную статью Целлера „*Marcus Aurelius Antoninus*“, въ его „*Vorträge und Abhandlungen geschichtlichen Inhalts*“, Leipzig, 1865).

маки римскаго проконсула, и сравниваетъ перваго съ актеромъ, послѣдняго—съ суфлеромъ, котораго актеръ долженъ слушаться, тѣмъ болѣе, что за уклоненіе отъ словъ суфлера актеру въ данномъ случаѣ угрожаетъ не шиванье публики, а казнь или ссылка на отдаленные острова. «Возвышенною эту политическую точку зрѣнія, конечно, назвать нельзя, — говоритъ Гаусратъ, — но по крайней мѣрѣ она благоразумна. Трезвымъ признаніямъ Плутарха нельзя не отдать предпочтенія передъ лживой и надутой дельтамаціей риторовъ стоической или цинической школы, потому что филистерская мудрость перваго была внушена честною заботливостью объ интересахъ родного городка, между тѣмъ какъ за громкими словами послѣднихъ скрывается одна только безусловная пустота». Главная черта Плутарховой философіи — искренняя и глубокая религіозность. Послѣдователь Платона, онъ превращаетъ его ученіе въ религіозную доктрину, опирающуюся на народныя вѣрованія, хотя въ сущности далеко не во всемъ съ ними сходную. Самый методъ его гораздо болѣе религіозный, чѣмъ философскій; святое, по его мнѣнію, нужно принимать на вѣру, а не изслѣдовать, и онъ находитъ вполне понятнымъ, что мщеніе боговъ постигаетъ того, «кто хочетъ удостовѣриться въ истинѣ древняго мѣта, какъ въ дѣйствительномъ существованіи картины, посредствомъ оцупыванья». Отъ прежней увѣренности, что міръ можетъ быть познанъ разумомъ, у Плутарха не осталось и слѣда. Богъ противопоставляется Плутархомъ матеріи, міру; онъ одинъ — истинное бытіе, онъ одинъ вѣченъ и неизмѣненъ, въ нему одному относится слово, начертанное на Дельфійскомъ храмѣ: «ты существуешь». Людямъ, созданіямъ одного дня, поставленнымъ между рожденіемъ и смертію, нельзя приписывать бытіе; ихъ жизнь—все равно что текущая вода: удержать, остановить нельзя ни ту, ни другую. Другіе боги—посредники между единымъ высшимъ богомъ и людьми; первое мѣсто между ними занимаетъ солнце. Всѣхъ боговъ Плутархъ не перечисляетъ, ограничиваясь въ этомъ отношеніи ссылкой на вѣру отцовъ, на освященное древностью преданіе. Какъ верховный богъ одинъ, такъ и вѣра въ сущности одна; всѣ существующія религіи — только ея видоизмѣненія, всѣ народы поклоняются одному и тому же богу, только называя его различными именами. Переходную ступень между богами и людьми занимаютъ демоны, доступные страстямъ и заблужденіямъ, поэтому иногда добрые, иногда злые, иногда покровительствующіе человѣку, иногда старающіеся вредить ему. Вообще, Плутархъ вѣритъ въ существованіе злого начала, въ особенности воплощеннаго въ матеріи, въ злой душѣ

вселенной. Человѣкъ состоитъ изъ тѣла, души и духа; тѣло, при рожденіи, даетъ ему земля, душу—луна, духъ—солнце. Умирая, онъ отдаетъ землѣ только тѣло; душа, въ соединеніи съ духомъ, сначала витаетъ между землей и луной, искупая свои неправые поступки, очищаясь постепенно отъ тѣлесной нечистоты, и затѣмъ поселяется на лунѣ, купается въ ея эфирѣ, наслаждается созерцаніемъ красоты вселенной, помогаетъ другимъ душамъ достигнуть того же мирнаго пріюта, иногда спускается на землю, чтобы говорить устами оракула, присутствовать при мистеріяхъ, карать пороки и защищать добродѣтель. Если при этомъ она позволить себѣ какуюнибудь несправедливость, она вновь заковывается въ узы тѣла; въ противномъ случаѣ для нея наступаетъ высшая награда—духъ отдѣляется отъ души и соединяется съ солнцемъ, съ божествомъ; душа продолжаетъ нѣсколько времени вести призрачную, словно сонную жизнь, и наконецъ сливается съ луною. Каждая изъ составныхъ частей человѣка возвращается, такимъ образомъ, къ своему первоначальному источнику. Плутархъ вѣритъ въ Провидѣніе, доказываетъ, противъ эпикурейцевъ, постоянное его вмѣшательство въ дѣла человѣческія. Если злое дѣло не тотчасъ влечетъ за собою божественную кару, это объясняется мудростью и долготерпѣніемъ божества, дающаго грѣшнику возможность исправиться, и будущю жизнью, уразловѣшивающею всѣ кажущіяся несправедливости настоящей. Уступая духу своего времени, Плутархъ признаетъ человѣка несчастнѣйшимъ изъ всѣхъ существъ, но слѣдуетъ прибавить, что источникъ несчастья—въ самомъ человѣкѣ, въ его грѣховности. Стоитъ только ему любить боговъ, какъ они его любятъ—и жизнь перестанетъ быть ему въ тягость; онъ увидитъ въ ней празднество, уготованное для него богами, и не захочетъ испортить праздничное настроеніе ни жалобами на судьбу, ни избыткомъ веселья или горя; радость его будетъ ясна и спокойна, къ прошедшему онъ будетъ относиться съ благодарнымъ воспоминаніемъ, къ будущему—съ надеждой. Сочиненія Плутарха о нравственности—а къ числу ихъ слѣдуетъ отнести и біографіи великихъ людей, въ которыхъ очень мало историческаго въ строгомъ смыслѣ этого слова—нѣсколько широкоувѣщательны и водянисты, не чужды банальности и даже тривіальности; но общій ихъ характеръ вполне заслуживаетъ сочувствія. Подобно Эпиктету, Плутархъ возстаетъ противъ жестокаго обращенія съ рабами, даже съ животными, противъ гладіаторскихъ игръ, противъ тѣхъ позорныхъ привычекъ, въ которыхъ современники не безъ основанія подозрѣвали самого Адриана; онъ превозноситъ

женскую добродѣтель, отнюдь не отвергая семейной жизни, даже цѣна ее чрезвычайно высока. Онъ представляетъ собою какъ-бы заключеніе того монотеистическаго и этическаго движенія, которое началось во времена Сократа и внесло въ политизмъ, не сходя съ его почвы, столько новыхъ, чуждыхъ ему прежде идеаловъ, столько гуманности, столько любви къ человѣку, какъ къ человѣку, а не какъ къ гражданину того или другого государства, не какъ къ послѣдователю того или другого положительнаго вѣроученія.

Въ первой половинѣ II-го вѣка вліяніе философскихъ представленій, въ особенности платонизма и стоицизма, становится замѣтнымъ въ средѣ христіанскаго міра. Это и не могло быть иначе, съ тѣхъ поръ, какъ христіанство стало пріобрѣтать приверженцевъ между людьми, получившими образованіе въ языческихъ школахъ или почерпнувшими его изъ чтенія языческихъ писателей. Прослѣдить это вліяніе для насъ всего удобнѣе на одной изъ главныхъ ересей занимающей насъ эпохи — на гностицизмѣ, который, какъ замѣтилъ уже въ концѣ II-го вѣка римскій епископъ Ипполитъ, былъ именно философскимъ ученіемъ, облеченнымъ въ христіанскія формы. Гностицизмъ распадался на множество сектъ, но различіе между ними, по замѣчанію того же Ипполита, обуславливалось преимущественно тѣмъ, что одни гностики были послѣдователями Гераклита, другіе — Пифагора, третьи — Платона и т. д. Большую роль у гностиковъ, — какъ и у стоиковъ, какъ и у Филона — играла аллегорія, аллегорическое объясненіе священныя книгъ или преданій, съ тою, конечно, разницею, что стоики примѣняли этотъ способъ объясненія къ греко-римскимъ мифамъ, Филонъ — къ ветхому завѣту, а гностики — преимущественно къ новому завѣту. Всѣ главныя числа евангельской исторіи — *тридцать* лѣтъ земной жизни Христа, *три* года его учительской дѣятельности, *дванадцать* апостоловъ — имѣютъ въ глазахъ гностиковъ глубокой мистическій смыслъ. Потерянная и потомъ найденная овца, кровоточивая женщина, дочь Іаира, потерянный динарій — все это изображаетъ собою, по ихъ ученію, частицы свѣта, попавшія въ матерію и стремящіяся обратно къ своему источнику. Три мѣры муки, въ которыя женщина вкладетъ закваску (Ев. отъ Маттея, XIII, 33) — это три класса людей: саркики (въ которыхъ преобладаетъ тѣло), психики (въ которыхъ преобладаетъ душа) и пневматики (въ которыхъ преобладаетъ духъ), а женщина — мудрость (софія), образовательница низшаго міра. Это господство аллегоріи у гностиковъ — явле-

ніе вполне естественное. «Аллегорія — говоритъ Бауръ ¹⁾, — посредница между философіей и религіей; вотъ почему она развивается въ широкихъ размѣрахъ каждый разъ, когда рядомъ съ положительной религіей появляется независимое отъ нея философское міросозерцаніе, но вмѣстѣ съ тѣмъ существуетъ потребность согласовать идеи и ученія философіи съ содержаніемъ религиозныхъ вѣрованій. Простой къ тому способъ—истолкованіе послѣднихъ въ духѣ первыхъ, причѣмъ религиознымъ представленіямъ и рассказамъ придается значеніе совершенно отличное отъ ихъ первоначальнаго, буквального смысла». Это дѣлается въ большинствѣ случаевъ совершенно добросовѣстно и серьезно, т. е. толкователь самъ вѣритъ въ правильность своего толкованія. Больше чѣмъ гдѣ-либо аллегорія процвѣтала въ Александріи, откуда и вышли двое изъ главныхъ проповѣдниковъ гностицизма — Валентинъ и Василидъ; основателемъ ученія считается Керинъ, іудействующій христіанинъ (Judenchrist) ²⁾, принадлежавшій, по всей вѣроятности, къ тѣмъ александрійски-образованнымъ евреямъ, представителемъ которыхъ въ I-мъ вѣкѣ служилъ Филонъ. Не ограничиваясь аллегорическимъ объясненіемъ св. писанія, гностики подвергали тому же процессу всю греческую литературу, всю астрономію и физику; вездѣ и во всемъ они искали и находили образъ или символъ того, что они принимали за истину. Если методъ ихъ имѣлъ, такимъ образомъ, много общаго съ методомъ современныхъ имъ языческихъ философовъ, то не меньше заимствованнаго представляло и самое содержаніе ихъ доктрины. Въ основаніи ея лежалъ тотъ же дуализмъ, та же противоположность между матеріей и духомъ, какъ и у Плутарха, у повдѣйшихъ стоиковъ, у нео-платониковъ; преобладающій характеръ ея — явно пессимистическій. Міръ, какъ вмѣстилище матеріи, не могъ быть сотворенъ Богомъ, чуждымъ всему матеріальному; да и вообще онъ не могъ быть *сотворенъ*, потому что матерія столь же вѣчна, какъ и духъ, а могъ быть только *образованъ* существомъ высшимъ, могущественнымъ, но отдѣльнымъ и отличнымъ отъ Бога. Такимъ существомъ является демиургъ, игравшій ту же роль въ ученіи Платона. Какъ и у платониковъ, демиургъ гностиковъ — олицетвореніе образовательной силы идей, отразившихся

¹⁾ *Baur*, Kirchengeschichte der drei ersten Jahrhunderte (первый томъ его Geschichte der christlichen Kirche), стр. 179.

²⁾ Подъ именемъ Judenchristen нѣмецкіе писатели разумѣютъ тѣхъ христіанъ I-го и начала II-го вѣка, которые, перейдя въ христіанство изъ іудейства, не вполне разрывали съ нимъ связь и считали необходимымъ держаться многихъ его обрядовъ и правилъ.

въ мірѣ. Его область преимущественно психическая, занимающая средину между матеріальною и пневматическою, духовною; поэтому демиургъ и можетъ служить посредникомъ между Богомъ и вселенной, по крайней мѣрѣ въ томъ движеніи, которое идетъ сверху внизъ, отъ перваго къ послѣдней. Кромѣ демиурга посредничество это, по ученію большинства гностиковъ, принадлежитъ зонамъ, длинному ряду существъ или олицетвореннымъ идей, составляющихъ переходъ отъ духа къ матеріи. Существованіе міра есть зло; образованіе его у многихъ гностиковъ объясняется, поэтому, злобой или безразсудствомъ образователя. Все, что есть духовнаго въ мірѣ, стремится возвратиться къ своему источнику или подъ вліяніемъ тоски по чемъ-то высшемъ и лучшемъ, или подъ вліяніемъ божественной любви и состраданія. Когда это стремленіе будетъ удовлетворено, тогда, по ученію Василида, все погрузится въ *великую безсознательность* (*μεγάλη ἄγνοια*), въ блаженное спокойствіе, среди котораго нѣтъ больше желаній и хотѣній, а есть только забвеніе, дарованное Богомъ. Истинное знаніе (*γνώσις*, откуда и наименованіе секты) доступно только для избранныхъ, для пневматиковъ, носящихъ въ себѣ божественную искру; они одни только могутъ возвратиться послѣ смерти въ высшія сферы, для нихъ однихъ только имѣетъ искупительную силу смерть Христа. Такъ какъ воссоединеніе свѣтлыхъ элементовъ съ ихъ источникомъ происходитъ непрерывно, то страннаго суда нѣтъ и быть не можетъ. Какъ относились гностики къ христіанству — это вопросъ, подробное разсмотрѣніе котораго не входитъ въ предѣлы нашей задачи; общее понятіе о немъ можно, впрочемъ, составить себѣ по всему, сказанному выше. Прибавимъ только, что, исходя изъ своего взгляда на матерію, какъ на нѣчто безусловно враждебное духу и никогда непосредственно съ нимъ не соприкасающееся, гностики не допускали дѣйствительнаго воплощенія Христа и учили, что Христось только повидимому (*κατὰ δόξαν*) былъ человѣкомъ; отсюда названіе *декетистовъ*, данное имъ древнею церковью. Между христіанами II-го и III-го вѣка существовало предположеніе, что гностики позволяютъ себѣ всевозможныя отступленія отъ правилъ нравственности, считая ихъ обязательными только для психиковъ, но не для пневматиковъ, подобно тому, какъ сырость производитъ ржавчину на желѣзѣ, но не дѣйствуетъ на золото. Весьма вѣроятно, что нѣкоторые проповѣдники гностицизма, какъ, на примѣръ, ученикъ Валентина — Маркъ, о которомъ сохранилось извѣстіе у Иринея, употребляли во зло свое вліяніе, въ особенности на женщинъ, и оправдывали всякое плотское увлеченіе софизмами, въ

родѣ только-что приведеннаго; но другіе гностики — напримѣръ Сатурнинъ—вдавались въ противоположную крайность, въ самый суровый аскетизмъ, возставали противъ брака, запрещали своимъ послѣдователямъ употребленіе вина, мяса и всего *рожденнаго*, такъ какъ рожденіе нечисто. Отсюда ясно, что чувственная разнузданность не простекала изъ самой сущности гностицизма.

Характеристика гностицизма въ томъ видѣ, въ какомъ онъ является около половины II-го вѣка, составляетъ послѣднюю главу сочиненія Гаусрата, такъ какъ борьбѣ съ гностицизмомъ посвящены, по его мнѣнію, позднѣйшія книги новаго завѣта. На Востокѣ, т.-е. на родинѣ гностицизма, непосредственное вліяніе его было продолжительнѣе, чѣмъ на Западѣ; слѣды гностической доктрины замѣтны и въ ученіи Оригена, и въ позднѣйшихъ ересьяхъ, особенно въ манихействѣ, хотя источникъ послѣдняго и слѣдуетъ искать больше въ восточныхъ религіозныхъ системахъ, чѣмъ въ греческой философіи. Черезъ посредство манихейства и его многочисленныхъ видоизмѣненій дуализмъ гностиковъ соприкасается съ дуализмомъ катаровъ, альбигойцевъ XII и XIII-го в. ¹⁾ Умственная работа, совершавшаяся въ нѣдрахъ языческой философіи время упадка, не прекратилась такимъ образомъ со смертію этой философіи. На склонѣ среднихъ вѣковъ, на рубежѣ новаго міра происходитъ борьба за тѣ же идеи, которыя занимали мыслителей въ эпоху Адриана и Антониновъ.

II.

Исторія немногихъ народовъ такъ богата контрастами, какъ исторія евреевъ. Крайняя мечтательность и крайняя прагматичность, преданность отвлеченной идеѣ и страсть къ наживѣ, одинаковый интересъ къ богословію и къ торговлѣ — всѣ эти свойства, всѣ эти черты, повидимому несомѣстимыя, характеризуютъ евреевъ и въ цвѣтущую эпоху іудейскаго царства, и во время борьбы ихъ за государственную самостоятельность, и послѣ полного прекращенія ихъ политической жизни. Никогда, можетъ быть, эта двойственность еврейскаго типа не выражалась такъ ярко, какъ въ I-мъ вѣкѣ по Р. Х., непосредственно передъ паденіемъ Іерусалима. Въ то самое время, когда въ Палестинѣ готовится борьба на жизнь и на смерть, когда одинъ пророкъ смѣняется другимъ,

¹⁾ *Baur*, Geschichte der christlichen Kirche. Band II, Seite 66 — 78; B. III. S. 22—25, 181—190.

возстаніе слѣдуетъ за возстаніемъ и національно-религіозное чувство переходитъ въ болѣзненное изувѣрство, — въ діаспорѣ, т. е. въ средѣ евреевъ, разсѣянныхъ по всему пространству римской имперіи, кипитъ торговая дѣятельность, навопляются капиталы, что не мѣшаетъ ей однако слѣдить съ напряженнымъ вниманіемъ за всѣми вѣстами изъ Іерусалима. Изъ числа іудейскихъ общинъ діаспоры всего многочисленнѣе и сильнѣе, послѣ александрійской, была община римская, оживленную картину которой мы находимъ у Гаусрата. Евреи поселялись въ Римѣ издавна, но число ихъ тамъ въ особенности увеличилось въ I-мъ вѣкѣ до Р. Х., послѣ покоренія Палестины римлянами; еврейскихъ военноплѣнныхъ, какъ и другихъ, продавали въ рабство, но они были крайне неудобными рабами, не хотѣли ѣсть одну пищу съ другими, отказывались работать въ субботу, избѣгали сопрікосновенія съ разными нечистыми, по ихъ мнѣнію, вещами, — и никакая сила въ мірѣ не могла сломить ихъ упрямства. Поэтому ихъ болѣею частью спѣшили отпустить на волю, тѣмъ болѣе, что въ качествѣ вольноотпущенниковъ они могли быть и дѣйствительно были полезными своимъ прежнимъ господамъ, оказывая имъ, съ свойственною евреямъ ловкостью, самыя разнообразныя услуги. Эти-то вольноотпущенники присоединялись цѣлыми массами къ соотечественникамъ своимъ, прежде привлеченнымъ въ Римъ торговыми дѣлами. Когда, въ 59 г. до Р. Х., Цицеронъ долженъ былъ произнести рѣчь, по содержанію своему неприятную для евреевъ ¹⁾, они собрались на форумѣ въ такомъ количествѣ, что ораторъ сомнѣвался, дадутъ ли они ему возможность высказаться вполне передъ судьями. Вообще Цицеронъ гордился тѣмъ, что имѣлъ мужество навлечь на себя ненависть этого безповойнаго и непримиримаго племени. Юлій Цезарь покровительствовалъ евреямъ; послѣ его умерщвленія, они нѣсколько ночей сразу собирались вокругъ костра, на которомъ были сожжены его останки, и пѣли надъ нимъ погребальныя гимны. Послѣ смерти Ирода, при Августѣ, восемь тысячъ евреевъ собралось на палатинскомъ холмѣ, чтобы поддержать передъ императоромъ просьбу посланныхъ изъ Іерусалима о восстановленіи въ Іудеѣ прежняго теократическаго государственнаго устройства. Эдикты Тиверія и Клавдія объ изгнаніи евреевъ изъ Рима имѣли только скоропреходящее дѣйствіе; при Неронѣ ихъ числилось въ столицѣ до 30,000. Для жительства ихъ былъ сначала назначенъ четырнадцатый округъ

¹⁾ За Флавея, обвинявшагося въ присвоеніи себѣ храмовой казны нѣсколькихъ малоазіатскихъ еврейскихъ общинъ.

города, по-ту сторону Тибра, гдѣ сосредоточивались въ силу закона всѣ промыслы и ремесла, производящіе нечистоту. Грязь, тѣснота, избытокъ населенія были отличительными чертами еврейскаго квартала. Вскорѣ евреи перешли и на другой берегъ Тибра, заняли улицы около Капуанскихъ воротъ, близъ самой аристократической части города, проникли даже на Марсово поле. Надписями доказано, что у нихъ въ Римѣ было семь синагогъ, но весьма вѣроятно, что на самомъ дѣлѣ число молитвенныхъ еврейскихъ домовъ было еще больше. Среди еврейскаго населенія столицы можно было найти и величайшую бѣдность, и величайшее богатство. Образцомъ навязчиваго нищаго является у Марціала еврей съ той стороны Тибра, съ ранняго утра выкрикивающій на улицѣ свой дрянной товаръ, предлагающій его въ обмѣнъ на битое стекло, еще отъ матери своей научившійся попрошайничеству. Ювеналь, подходя утромъ къ окну, видитъ, какъ оборванная еврейка крадется въ богатый домъ, чтобы предсказывать знатнымъ дамамъ будущее и толковать ихъ сновидѣнія, въ какомъ угодно смыслѣ, за сходную цѣну ¹⁾. Но еще ненавистнѣе, чѣмъ еврей-нищій, былъ для римлянина еврей-ростовщикъ, еврей-маклеръ. Всѣ почти знатные римляне были должниками евреевъ, умѣвшихъ захватить въ свои руки и значительную часть столичной торговли. Способствовали этому ихъ обширныя связи съ діаспорой всѣхъ концовъ имперіи, быстрота, съ которой они отовсюду получали важныя для нихъ извѣстія. Среди богатыхъ римскихъ евреевъ находились и такіе, которые не чуждались языческихъ забавъ и наслажденій, не отставали отъ римской аристократіи въ утонченномъ развратѣ, влялись «храмомъ громовержца», сочиняли стихи, писали рецензіи, хвастали своею свѣтскою ученостью. Это не спасало ихъ, впрочемъ, отъ сарказма поэтовъ, которые, начиная съ Горация и Овидія до Марціала и Ювенала, постоянно избирали евреевъ предметомъ своей сатиры. Въ глазахъ римлянъ были одинаково смѣшны и эманципированные евреи, съ ихъ неудачными попытками скрыть свое происхожденіе, и евреи, вѣрные старинѣ, съ ихъ обычаями, непонятными для посторонняго наблюдателя. Празднованіе субботы, соблюденіе постовъ, безпрестанныя омовенія, ночныя молитвы, обрѣзаніе, запрещеніе ѣсть свинное мясо—надъ всѣмъ этимъ римляне не уставали изощрять свое остроуміе, и ничѣмъ нельзя было такъ легко возбудить смѣхъ театральной

¹⁾ *Aere minuto qualiacumque voles Judaei somnia vendunt.* (Сатира 6-я, стихи 546 и 547).

публики, какъ насмѣшкой надъ презираемымъ ею народомъ. Одинъ изъ еврейскихъ писателей сохранилъ для насъ нѣсколько примѣровъ такихъ сценическихъ выходовъ противъ евреевъ. На сцену выводятъ верблюда, покрытаго траурнымъ покрываломъ. «Почему верблюдъ въ траурѣ?» — «Потому, что евреи, соблюдая субботу, не хотятъ ѣсть даже травъ, а питаются репейникомъ, отнимая такимъ образомъ у бѣднаго верблюда его пищу». Является шутъ съ печальнымъ выраженіемъ лица. «Почему горюетъ шутъ?» — «Потому что масло вздорожало». — «Почему же оно вздорожало?» — «Изъ-за евреевъ! Они проѣдаютъ въ субботу все, что заработали въ теченіе недѣли, у нихъ не остается даже дровъ, чтобы готовить кушанье. За недостаткомъ другого топлива они сжигаютъ свои кровати, и затѣмъ спятъ на полу, валяются въ пыли; чтобы счистить грязь, такимъ образомъ на нихъ накопляющуюся, они употребляютъ ужасно много масла — вотъ почему оно и поднимается въ цѣнѣ!» До крайности дивной и забавной казалась римлянамъ и та суматоха, которую часто поднимали въ еврейскомъ кварталѣ богословскіе споры его обитателей, и которая вызывала иногда даже внимательство римскихъ властей, съ цѣлью восстановленія порядка. Какъ ни единодушны были евреи въ столкновеніяхъ своихъ съ язычниками, внутреннія несогласія между ними доходили нерѣдко до насильственныхъ дѣйствій. «Если ты не убѣдишься моими доводами, — такъ заключаетъ Горацій шутливый споръ съ своимъ противникомъ по какому-то эстетическому вопросу, — я призову на помощь поэтовъ, они всѣ согласны со мною, и разъ, что на нашей сторонѣ будетъ большинство, мы, подобно евреямъ, силой присоединимъ тебя къ нашему лагерю».

Несмотря на всѣ эти насмѣшки, несмотря на нерасположеніе, съ которымъ относятся къ евреямъ и серьезныя умы описываемой нами эпохи — напримѣръ Тацитъ, — несмотря на взаимную національную антипатію между римлянами и евреями, въ Римѣ, какъ и вездѣ, образовалась мало-по-малу довольно значительная община прозелитовъ, т.-е. язычниковъ вполнѣ или отчасти обращенныхъ въ іудейство. Въ чемъ заключалось его обаяніе, его притягательная сила — объ этомъ мы уже говорили въ нашей первой статьѣ о Гаусратѣ. Большинство между римскими прозелитами составляли женщины; нѣкоторыя изъ нихъ принадлежали къ извѣстнѣйшимъ родамъ римской аристократіи — къ родамъ Фульвіевъ, Флавіевъ, Ветуриевъ, Валеріевъ и т. п. Поппея, жена Нерона, была такъ близка къ іудайзму, что выразила желаніе быть погребенной по еврейскому обряду — и желаніе это, къ великому ужасу и соблазну римлянъ,

было исполнено Нерономъ. Уже во времена Горація многіе римляне соблюдали субботу, постились по четвергамъ, воздерживались отъ употребленія извѣстныхъ родовъ пищи, предпринимали поѣздки въ Иерусалимъ съ благочестивою цѣлью. Вступленіе въ ряды прозелитовъ обнаруживалось не одними этими внѣшними признаками; по словамъ Тацита и Ювенала, обращенные въ иудаизмъ становились равнодушными къ семейству (конечно, если оно не слѣдовало за ними въ новую вѣру), къ отечеству, начинали презирать и римскихъ боговъ, и римскіе законы, и завѣщали это презрѣніе своимъ дѣтямъ. Какъ бы то ни было, умноженіе числа прозелитовъ свидѣтельствуетъ о томъ, что въ римской еврейской общинѣ, несмотря на нравственную распущенность многихъ ея членовъ, несмотря на меркантильныя стремленія большинства, не угасала глубокая религіозная жизнь, не ослабѣвало умственное движеніе. Еще лучшимъ доказательствомъ этому служить образованіе въ средѣ римскихъ евреевъ христіанской общины, уже при Неронѣ достигшей значительныхъ размѣровъ. Судя по нѣкоторымъ указаніямъ, заключающимся въ посланіи апостола Павла къ римлянамъ, можно предполагать, что въ этой общинѣ, а слѣдовательно и вообще между римскими евреями было не мало zelотовъ, съ которыми мы сейчасъ познакомимся ближе, говоря о положеніи Палестины.

Оппозиція, то тайная, то открытая, противъ римскаго владычества началась въ Палестинѣ съ самаго покоренія ея Помпеемъ, и никогда не прекращалась совершенно ¹⁾. Прежде, при первыхъ Маккавеяхъ, евреи относились къ римлянамъ довольно сочувственно, какъ потому, что видѣли въ нихъ естественныхъ союзниковъ противъ тогдашняго врага своего—противъ Сиріи,—такъ и потому, что не приходили съ ними въ непосредственное соприкосновеніе. Но когда Помпей, вступившій въ Иерусалимъ подъ предлогомъ посредничества между Гирканомъ и Аристовуломъ—послѣдними Маккавеями, оспаривавшими другъ у друга верховную власть,—обманомъ овладѣлъ городомъ, предалъ казни членовъ синедріона, объявилъ плѣнными и продалъ въ рабство массу молодыхъ евреевъ и евреекъ, и, что всего важнѣе, силою проникъ въ храмъ и вступилъ, не снимая обуви, въ самое «святая святыхъ», тогда римляне сразу сдѣлались въ глазахъ евреевъ

¹⁾ Кромѣ третьяго тома Гаусрата, мы руководствуемся въ этой части нашей статьи первымъ томомъ его „Исторіи времени новаго завѣта (стр. 151—171, 300—315) и сочиненіемъ Ренана: „l'Antechrist“, составляющимъ четвертую часть его „Histoire des origines du christianisme“.

прирожденными врагами ихъ національности, ихъ вѣры. Это первое впечатлѣніе не изгладилось, а перешло въ глубокое, неискоренимое чувство. Со времени маккавейскихъ войнъ вся частная и общественная жизнь евреевъ находилась подъ властью ихъ религіознаго закона, составляла съ нимъ какъ-бы одно цѣлое. Ничто не было предоставлено произволу отдѣльнаго лица. Обычай и празднества, работа и отдыхъ, молитвы и пѣсни, очищенія и омовенія, даже родъ пищи—все это было установлено для всѣхъ и каждаго заранѣе, разъ навсегда, на каждый день, почти на каждый часъ. Отъ точнаго исполненія всѣхъ установленныхъ правилъ зависѣла для еврея его чистота, его права передъ закономъ, безъ которой ему недоступна благодать, ниспосланная его народу. Отсюда вѣчная тревога, вѣчная боязнь осквернить себя, сдѣлать себя нечистымъ, проникающая во всѣ слои общества, хотя и не во всѣхъ одинаково сильная. Простой еврей избѣгаетъ соприкосновенія съ язычниками и самарянами, фарисей чуждается толпы, ессеи удаляется отъ всего человѣчества и не убѣжденъ даже въ чистотѣ членовъ своего собственнаго союза. Къ самой странѣ своей еврей относится съ чувствомъ скорѣе религіознаго, чѣмъ патріотическаго характера. Она освящена въ его глазахъ святыней, которую она въ себѣ вмѣщаетъ, обрядами и жертвами, которые въ ней совершаются, даже десятиной, которая вносится со всѣхъ ея произведеній въ пользу храма и духовенства, т.-е. какъ-бы самому Богу. Понятно, что всякому вѣрующему еврею подчиненіе его страны язычникамъ, появленіе ихъ въ Иерусалимѣ, городѣ священномъ по преимуществу, вступленіе ихъ въ ограду храма, должно было казаться оскорбленіемъ святыни, постоянно повторяющимся, постоянно вносящимъ нечистоту въ жизнь народа, постоянно угрожающимъ союзу его съ Богомъ. Понятно, что раввины ўзнавали въ Римѣ четвертаго звѣря Данилова пророчества, звѣря съ желѣзными зубами и мѣдными когтями, попирающаго ногами освященный народъ. «Ты погибнешь—говоритъ еврейскій писатель I-го вѣка, обращаясь къ римскому орлу,—ты погибнешь, послѣдній изъ четырехъ звѣрей, съ твоими страшными крыльями, погаными когтями и проклятыми головами; ты погибнешь, и страна освободится отъ твоей власти, и отдохнетъ, и возложитъ надежду на милосердіе того, кто ее создалъ». Съ своей стороны, римляне не понимали и не могли понять евреевъ,—такъ различно было міросозерцаніе обоихъ народовъ. Трезвый, практическій смыслъ римлянъ, съ земной точки зрѣнія заботившихся объ устройствѣ земныхъ дѣлъ, не имѣлъ ничего общаго съ пламеннымъ вообра-

женіемъ евреевъ, все подчинявшихъ своей теократической системѣ. Всегда готовые признать боговъ, которымъ поклонялись покоренныя племена, римляне ожидали и требовали отъ послѣднихъ такой же готовности въ отношеніи къ богамъ римскимъ — и находили ее вездѣ, за исключеніемъ Палестины. Ненависть евреевъ къ чужимъ богамъ разсматривалась римлянами, какъ богохульство, какъ отрицаніе всякой религіи; замкнутость еврейской жизни — какъ доказательство вражды евреевъ ко всему человѣческому роду. Отсюда легковѣріе, съ которымъ римляне принимали всѣ преданія, всѣ слухи, неблагоприятныя для евреевъ. Источникомъ такихъ преданій и слуховъ служила преимущественно Александрія, т. е. александрійскіе греки, соперники евреевъ въ торговлѣ, въ научныхъ занятіяхъ и въ управленіи городомъ. Они увѣрили, что поводомъ къ изгнанію евреевъ изъ Египта служило распространеніе между ними чесотки, проказы и другихъ заразительныхъ болѣзней; что этимъ объясняется уваженіе ихъ къ свиньѣ, какъ животному наравнѣ съ ними подверженному проказѣ; что въ святилищѣ еврейскаго храма стоитъ ослиная голова, которой поклоняется народъ; что Моисей былъ прежде жрецомъ Озириса, и, сдѣлавшись отступникомъ отъ своей вѣры, завѣщалъ евреямъ ни къ кому не питать любви, всякому давать дурныя совѣты и вездѣ разрушать храмы; что празднованіе субботы — не что иное, какъ поощреніе народою лѣни; что однажды въ годъ евреи приносятъ въ жертву челоуѣка (конечно, язычника), и т. п. Такіе рассказы повторялись даже серьезными писателями, напимѣръ Тацитомъ и Плиніемъ Старшимъ, и усиливая нерасположеніе греко-римскаго міра къ евреямъ, тѣмъ самымъ еще болѣе отдаляли послѣднихъ отъ перваго.

Когда, въ началѣ I-го вѣка по Р. Х., Иудея, утомленная долговременной тиранніей Ирода и его сына Архелая, перешла подъ непосредственное управленіе римской власти — прокуратора, подчиненнаго проконсулу сирійской провинціи, — народъ принялъ эту перемѣну безъ большаго ропота, не предполагая, чтобы положеніе его могло сдѣлаться еще хуже, чѣмъ было до тѣхъ поръ; но спокойное настроеніе умовъ продолжалось недолго. Проконсулъ П. Сульпицій Квириній, челоуѣкъ рѣзкій и непреклонный, сразу возбудилъ противъ себя евреевъ, предписавъ произвести въ Иудеѣ общую народную перепись. Въ глазахъ римлянина это была самая простая, обыкновенная правительственная мѣра; но евреи еще со временъ Давида относились къ переписи съ особымъ недовѣріемъ и считали ее дѣломъ нечестивымъ, допуская ее только въ такой своеобразной формѣ или об-

ставляя ее такими условіями ¹⁾, о которыхъ Квириній не хотѣлъ и слышать. Еще сильнѣе возмущало евреевъ установленіе поземельнаго налога, такъ какъ земля, по понятіямъ евреевъ, была дана имъ самимъ Богомъ, и одному только Богу они должны платить налогъ съ земли, въ видѣ десятины съ ея произведеній. Всеобщее возстаніе было близко; но первосвященнику Іоазару, поддержанному наиболѣе умѣренными изъ числа фарисеевъ, удалось успокоить народъ и склонить его къ уступчивости ²⁾. Платежъ налоговъ, установленныхъ римлянами, остался однако камнемъ преткновенія для евреевъ, постоянно поддерживая въ нихъ злобу противъ римлянъ и желаніе избавиться отъ тягостной, унижительнои обязанности. Отъ партіи фарисеевъ отдѣлилась именно въ это время партія *зелотовъ*—особенно ревностныхъ исполнителей закона, находившихъ, что фарисеи слишкомъ легко подчиняются совершившемуся факту и слишкомъ спокойно довольствуются словесными выходками противъ римскаго нечестія. Сборщики (или, вѣрнѣе, откупщики) налоговъ—мытари—сдѣлались предметомъ ненависти для всего народа, отверженными паріями общества. Мы знаемъ изъ евангелія, что для еврея I-го вѣка слово «мытарь» было однозначительно съ словами «язычникъ, убійца, разбойникъ, грѣшникъ» и т. п. Свидѣтельство мытаря не имѣло силы передъ еврейскимъ судомъ; всякое общеніе съ нимъ оскверняло, дѣлало нечистымъ. Нужно замѣтить, что, и независимо отъ религіозныхъ предрасудковъ, римскіе налоги тяжело отзывались на Палестинѣ. Такъ какъ они были отданы на откупъ, то сборщики ихъ всячески старались увеличить собираемую сумму, и народъ платилъ несравненно больше, чѣмъ сколько получало правительство. Найти защиту противъ злоупотребленій сборщиковъ было почти невозможно, такъ какъ изъ класса всадниковъ, къ которому они болѣею частью принадлежали, назначались и судьи. Сношенія между городами были крайне затруднены дорожными, мостовыми, пограничными и другими пошлинами и сборами. Въ тридцатыхъ годахъ перваго вѣка по Р. Х. Палестина представляетъ явные признаки обѣднѣнія. Безжалостные кредиторы преслѣдуютъ разорившихся должниковъ и сажаютъ ихъ въ

¹⁾ Число жителей опредѣлялось обыкновенно по числу овецъ, принесенныхъ въ жертву во время празднованія Пасхи. Въ рѣдкихъ случаяхъ производилась и настоящая перепись, но съ тѣмъ, чтобы для искупленія содѣланнаго съ нею грѣха вносилась въ пользу храма известная сумма, чтобы переписи подлежали только мужчины старше 20 лѣтъ и чтобы отъ нея было изъято все козѣно Левинно.

²⁾ Возстаніе вспыхнуло только въ Галилеѣ, хотя на нее перепись и не распространялась, и было быстро подавлено римлянами.

тюрьму или продаютъ въ рабство. Ростовщики въ короткое время увеличиваютъ свой капиталъ въ пять, въ десять разъ. Поземельная собственность раздробляется, постройки остаются неоконченными. Исчезаетъ довѣріе къ будущему, исчезаетъ предприимчивость; сѣкровища зарываются въ землю, цѣлое состояніе обращается въ одну жемчужину, чтобы удобнѣе было скрыть его. При такомъ положеніи дѣлъ, всякое столкновение съ римской администраціей, съ римскими солдатами должно было возбуждать продолжительное волненіе въ народѣ; а въ поводахъ къ столкновениямъ, при раздражительности и придирчивости евреевъ, при безцеремонности римскихъ прокураторовъ, никогда не было недостатка. Бюстъ императора, выставленный въ виду храма, доска съ изображеніемъ имени императора, прибитая къ крѣпостной стѣнѣ, римлянинъ, случайно перешедшій за черту храмовой ограды—все служило предметомъ смуты или по крайней мѣрѣ грозныхъ жалобъ, которымъ иногда уступалъ даже прокураторъ. Ко всѣмъ элементамъ броженія присоединилось ожиданіе Мессіи, съ которымъ большинство евреевъ, какъ извѣстно, соединяло надежду на чисто земное торжество избраннаго народа надъ всѣми остальными. Самарія, вообще говоря, была менѣе воспримчива въ этой надеждѣ, чѣмъ Іудея или Галилея; однако въ 35 г. самаряне увлеклись проповѣдью фанатика, обѣщавшаго имъ указать мѣсто, гдѣ зарыты Моисеемъ въ землю священные сосуды,—а моментъ открытія этихъ сосудовъ долженъ былъ, по народному вѣрованію, совпасть съ моментомъ пришествія Мессіи. Обманутый народъ толпами устремился къ горѣ Гаризиму, и, чтобы остановить движеніе, понадобилось вмѣшательство вооруженной силы. Въ 59 г. какой-то египетскій еврей сзывалъ народъ на Элеонскую гору, чтобы видѣть оттуда, какъ, по мановенію его руки, падутъ стѣны Іерусалима—и толпа вѣрила ему, такъ что для восстановленія порядка опять пришлось прибѣгнуть къ кровопролитію.

Въ царствованіе Нерона положеніе дѣлъ въ Палестинѣ было болѣе натянуто, чѣмъ когда бы то ни было. Длинный рядъ неспособныхъ, алчныхъ, жестокихъ прокураторовъ истощилъ терпѣніе народа ¹⁾. Послѣдній изъ нихъ, Гессій Флоръ, превзошелъ въ этомъ отношеніи всѣхъ своихъ предшественниковъ, такъ что его не безъ основанія подовѣрвали въ намѣреніи довести евреевъ до отчаянія, чтобы затѣмъ разомъ покончить съ ними. Малая

¹⁾ Такого мнѣнія не только еврейскихъ писателей, но и римскихъ. Самъ Тацитъ говоритъ (Hist. 5, 9): „терпѣніе евреевъ продолжалось до прокураторства Гессія Флора“.

война, безпрестанно вспыхивавшая на разныхъ пунктахъ, казалась ему болѣе тяжелой и опасной, чѣмъ открытое, всеобщее возстаніе. Съ другой стороны, обстоятельства вынуждали евреевъ на рѣшительное предпріятіе противъ имперіи. Управление Нерона, достигшаго къ 66 г. геркулесовыхъ столбовъ безумія и жестокости, повсюду внесло безпорядокъ и дезорганизацію; на Востокъ только-что былъ заключенъ съ парянами непрочный миръ; въ Британніи продолжалось, въ Галліи готовилось возстаніе; германцы угрожали вторженіемъ въ предѣлы государства. Нерасположеніе къ римскому владычеству между восточными народами было всеобщее; позволительно было надѣяться, что при первомъ рѣшительномъ успѣхѣ евреевъ всѣ сосѣди ихъ поднимутся противъ Рима. Отъ діаспоры, отъ вавилонскихъ евреевъ можно было ожидать богатой помощи людьми и деньгами. Нельзя не замѣтить, впрочемъ, что всѣ эти политическія соображенія были доступны только для немногихъ изъ числа палестинскихъ евреевъ; для большинства побудительными причинами къ немедленному возстанію были невыносимый гнетъ римскаго господства, слѣпой фанатизмъ, слѣпая вѣра, что Іегова не оставитъ своихъ избранныхъ и дастъ имъ побѣду надъ нечестивыми. Само собою разумѣется, что не всѣ классы, не всѣ партіи между евреями одинаково желали войны противъ Рима. Партія высшаго духовенства (саддукеи), богатая, изнѣженная, себялюбивая, склонная къ религіозному индифферентизму, давно уже находилась въ дружескихъ отношеніяхъ къ римскимъ мѣстнымъ властямъ и къ центральному правительству, и ничего, въ сущности, не имѣла противъ сохраненія *status quo*, хотя, конечно, предпочла бы полное отдѣленіе Палестины отъ римской имперіи и возстановленіе въ ней безусловно-теократическаго государственнаго устройства. За-одно съ саддукеями дѣйствовали приверженцы дома Иродова, представителями котораго въ это время были Агриппа II-й, управлявшій, съ титуломъ царя, Галилеей и частью Перее, и сестра его Береника, сохранявшая, несмотря на свои сорокъ лѣтъ, обаяніе красоты, которою она, два года спустя, плѣнила Тита. Ессее, отрѣшившіеся отъ всего земнаго, конечно, не могли увлекаться чисто-свѣтскою мыслью о возсозданіи сильнаго іудейскаго царства, и держались, наравнѣ съ палестинскими христіанами, вдали отъ воинственнаго движенія, овладѣвшаго странюю. Умѣренные фарисеи ненавидѣли римлянъ, мечтали объ освобожденіи изъ-подъ ихъ ига, но были слишкомъ разсудительны, чтобы рассчитывать на прочное торжество надъ ними. За войну, во что бы то ни стало, стояли zeloty, болѣе чѣмъ когда-нибудь экзальтированные,

потерявшіе всякую способность разсуждать, болѣею частью совершенно бѣдные и потому ничѣмъ не рискувавшіе, исполненные одинаковой ненависти и къ римлянамъ, и къ саддукейской и фарисейской аристократіи. Еще задолго до войны они стали прибѣгать къ тайному убійству, какъ въ средству держать въ страхѣ враговъ своихъ, и получили названіе сикаріевъ (кинжальщиковъ). Къ zelotамъ присоединялись выкодцы изъ Иудеи и другихъ окрестныхъ странъ, разбойники по профессіи, въ сущности равнодушные къ религіознымъ вопросамъ, видѣвшіе въ войнѣ только удобный случай къ грабежамъ и насиліямъ всякаго рода. Въ то время, когда первосвященникъ и вліятельнѣйшіе изъ раввиновъ еще вели переговоры съ Агриппой и Гессіемъ Флоромъ, Менахемъ—сынъ Иуды изъ Гамалы, который руководилъ возстаніемъ въ Галилеѣ въ началѣ I-го вѣка—овладѣлъ крѣпостью Мазадой, вооружилъ найденнымъ тамъ оружіемъ собравшуюся вокругъ него толпу zelotовъ, занялъ Иерусалимъ ¹⁾ и открылъ военныя дѣйствія противъ римлянъ. Однимъ изъ первыхъ дѣлъ его было умерщвленіе первосвященника Ананіи, болѣе чѣмъ всѣ другіе саддукей, ненавистнаго народу. Оправившись отъ своего перваго испуга, аристократы схватили Менахема, передали его мучительной казни; но остановить начатую войну они не рѣшились и оставили веденіе ея на время въ рукахъ zelotовъ. Римскія войска, шедшія противъ Иерусалима подъ начальствомъ самого проконсула Цестія, были разбиты и обращены въ бѣгство; новаго нападенія, при томъ положеніи, въ которомъ тогда находилась имперія, въ скоромъ времени ожидать было трудно. Все, повидимому, благопріятствовало евреямъ; но между ихъ сосѣдями нена-

¹⁾ Самый городъ Иерусалимъ былъ очищенъ Гессіемъ Флоромъ безъ борьбы, какъ только начались беспорядки; римскій гарнизонъ удалился въ цитадели, господствовавшія надъ городомъ. По мнѣнію Ренана, это было большою ошибкой со стороны Гессія Флора. „Вооруженная власть,—говоритъ онъ,—имѣетъ право покинуть занимаемый ею и возмущившійся городъ не иначе, какъ истощивъ всѣ средства сопротивленія. Еслибы Флоръ остался въ городѣ, іерусалимлянамъ едвали удалось бы одолѣть его, и такимъ образомъ были бы предупреждены всѣ послѣдующія бѣдствія“ (стр. 241). Между тѣмъ, немного раньше (стр. 227) Ренанъ утверждаетъ, что кризисъ былъ неизбеженъ, что причины его коренились глубоко въ прошедшемъ еврейскаго народа; логично ли, затѣмъ, ставить весь ходъ событій въ зависимость отъ той или другой ошибки Гессія Флора? Противорѣчіе, въ которое впасть Ренанъ, объясняется тѣмъ, что, говоря объ іудейской войнѣ 66—70 г., онъ постоянно имѣетъ въ виду аналогическіе факты изъ исторіи Франціи,—въ особенности послѣднюю парижскую коммуну,—и слишкомъ ревностно старается извлекать изъ прошедшаго поученія для настоящаго. Упрекая Гессія Флора за преждевременное оставленіе Иерусалима, Ренанъ въ сущности упрекаетъ Тьера за слишкомъ поспѣшное удаленіе французскихъ войскъ изъ Парижа въ мартѣ 1871 г.

висть къ нимъ оказалась болѣе сильною, чѣмъ ненависть къ имперіи. Не только никто не присоединился къ борьбѣ, начатой евреями противъ Рима, но она послужила сигналомъ къ избіенію евреевъ цѣлыми массами въ городахъ Сиріи, Финикіи, Египта. Началось оно въ Кесаріи, въ смѣшанномъ населеніи которой давно уже кипѣла взаимная вражда, и въ которую удалился Гессій Флоръ, полный бѣшенства противъ евреевъ. Евреи, въ отмщеніе за своихъ кесарійскихъ единовѣрцевъ, стали убивать сврійцевъ во всѣхъ городахъ Палестины, сжигать ихъ села; отвѣтомъ на это были новыя побоища евреевъ въ Аскалонѣ, Тирѣ, Акрѣ, Дамаскѣ и многихъ другихъ мѣстахъ. Всего ужаснѣе было кровопролитіе въ Александріи, гдѣ евреи составляли почти половину населенія; по исчисленію современныхъ писателей, ихъ погибло тамъ до пятидесяти тысячъ. Когда всѣ эти вѣсти дошли до Иерусалима, онѣ не утѣшили zelotovъ, а только увеличили ихъ ожесточеніе. Не подѣйствовало на нихъ и то, что помощь изъ діаспоры и изъ Вавилона далеко не достигла ожидаемыхъ размѣровъ, что аравитяне, несмотря на кровное родство свое съ евреями, приняли сторону Рима; не испугало ихъ, наконецъ, и назначеніе Лицинія Муціана проконсуломъ Сиріи, Флавія Веспасіана—начальникомъ расположенныхъ въ Сиріи войскъ, хотя и тому и другому предшествовала репутація людей талантливыхъ и энергичныхъ. Рѣшено было сопротивляться до конца, въ надеждѣ на высшую помощь.

Несмотря на то, что война противъ римлянъ была исключительно дѣломъ zelotovъ, саддукеевъ и фарисеевъ скоро удалось присвоить себѣ большую долю участія въ веденіи военныхъ дѣйствій и вообще въ управленіи странкою. Объясняется это тѣмъ, что на сторонѣ ихъ была опытность, привычка къ власти, и что многіе изъ нихъ притворялись пламенными приверженцами воинственной политики. Главную роль между этими мнимыми патриотами игралъ бывшій первосвященникъ Анна, типъ надменнаго, властолюбиваго эгоиста, гонитель христіанъ, притѣснитель низшаго духовенства. Повидимому, дѣйствуя за-одно съ главою zelotovъ, Элезаромъ, онъ поддерживалъ негласныя сношенія съ римлянами и тайно вооружалъ своихъ приверженцевъ, чтобы при первомъ удобномъ случаѣ овладѣть властью. По настоянію Анны и его сообщниковъ, командованіе войсками въ Галилеѣ было ввѣрено Иосифу, молодому фарисею, будущему автору извѣстныхъ сочиненій объ іудейской войнѣ и объ исторіи еврейскаго народа. Галилея, по географическому положенію своему, должна была выдержать первый натискъ римлянъ; защита ея имѣла поэтому

огромную важность для Иерусалима и требовала полководца опытнаго и рѣшительнаго. Иосифу одинаково недоставало обоихъ этихъ качествъ. Мѣстомъ дѣятельности его была до тѣхъ поръ исключительно синагога, раввинская школа. Ученіемъ фарисеевъ, онъ рано перешелъ на сторону саддуеевъ, въ союзъ съ которыми легче было достигнуть богатства и власти. Но духъ времени былъ такъ силенъ, что даже сухая, холодная натура Иосифа должна была заплатить ему дань, прежде чѣмъ окончательно выдти на настоящую свою дорогу. Носившіяся въ воздухѣ идеи о нечистотѣ всего земнаго, о необходимости уединенія, покаянія, аскетическаго образа жизни увлекли Иосифа въ пустыню, гдѣ онъ присоединился къ одному изъ ессейскихъ братствъ, и въ продолженіи трехъ лѣтъ подчинялся всѣмъ строгимъ правиламъ этой секты; затѣмъ, терпѣніе его истощилось, и онъ возвратился въ Иерусалимъ, обманувъ надежды ессеевъ, видѣвшихъ въ немъ одного изъ будущихъ столповъ ихъ ученія. Изъ общенія своего съ ессеями Иосифъ вынесъ только усиленную заботливость о внѣшней чистотѣ, усиленное рвеніе къ формальнымъ требованіямъ закона. Онъ присоединился къ той фарисейской школѣ, для которой золото въ храмѣ было дороже самаго храма, цѣлость священнаго хлѣба—дороже сохраненія человѣческой жизни, неприкосновенность освященныхъ орудій—дороже національной самостоятельности. Съ этимъ наружнымъ благочестіемъ Иосифъ соединялъ величайшій эгоизмъ и страсть къ почестямъ и власти. Онъ провелъ нѣсколько времени въ Римѣ, и, видѣвъ вблизи его могущество, не могъ раздѣлять тѣхъ иллюзій, тѣхъ надеждъ на легкую и полную побѣду, которыми увлекались zeloty. При такомъ взглядѣ на дѣло, единственной честной политикой со стороны Иосифа было бы открытое сопротивленіе войнѣ, открытое стремленіе къ примиренію съ Римомъ. Настоящіе единомышленники его были между приближенными Агриппы, а не между защитниками Иерусалима. Но при дворѣ Агриппы Иосифа ожидала только роль второстепеннаго придворнаго, а участіе въ возстаніи обѣщало ему господствующее вліяніе, можетъ быть, даже верховную власть. До крайности самолюбивый, онъ считалъ себя необходимымъ для евреевъ и надѣялся на свои связи и на свое дипломатическое искусство, чтобы достигнуть соглашенія съ римлянами.

Послѣдствія назначенія Иосифа командующимъ войсками въ Галилеѣ не замедлили обнаружиться ¹⁾. Вмѣсто того, чтобы го-

¹⁾ Въ помощь Иосифу были даны не два офицера, какъ этого можно было бы ожидать при неопытности главнокомандующаго, а два священника, которые обра-

товиться въ защитѣ, ученый фарисей, внезапно обращенный въ воина, занялся установленіемъ въ провинціи, ему вѣренной, такого гражданскаго устройства, которое по возможности приближалось бы къ преданіямъ еврейской старины. Онъ осматривалъ крѣпостныя постройки въ городахъ не для того, чтобы удостовѣриться въ ихъ годности въ оборонѣ, а для того, чтобы узнать, нѣтъ ли въ нихъ какихъ-либо изображеній, отсылающихъ къ язычеству. Ревизуя магазины, онъ обращалъ вниманіе не на то, достаточно ли они снабжены провіантомъ, а на то, приготовлено ли въ нихъ масло въ надлежащей чистотѣ, согласно съ Моисеевымъ заковомъ. Объ организаціи и обученіи войска Іосифъ не думалъ, ограничиваясь только произнесеніемъ отъ времени до времени воинственныхъ спичей. Къ мелкимъ партизанскимъ отрядамъ, образовавшимся въ Галилеѣ еще до прибытія Іосифа и доказавшимъ свою храбрость въ нѣсколькихъ стычкахъ съ римлянами, Іосифъ относился враждебно, потому что зналъ, что они состоятъ изъ zelotovъ. Противъ римлянъ онъ не предпринималъ ничего; городамъ, за вѣдомо державшимъ ихъ сторону, предоставлялъ полную свободу; транспорты, шедшіе въ лагерь враговъ и перехваченные еврейскими партизанами, тайно возвращалъ Агриппѣ, но противъ zelotovъ онъ нѣсколько разъ выступалъ съ оружіемъ въ рукахъ и предавалъ разграбленію города, въ которыхъ они преобладали. Вожди іерусалимскихъ zelotovъ нѣсколько разъ наставляли на отозваніи Іосифа изъ Галилеи, старались даже подкупить съ этою цѣлью Анну и друзей его; но попытки ихъ не имѣли успѣха. Къ какому коварству, къ какому лицемерію былъ способенъ Іосифъ, достойный представитель худшихъ сторонъ фарисейства—это мы узнаемъ изъ собственныхъ его сочиненій; онъ самъ перечисляетъ всѣ клятвы, данныя и неисполненныя имъ, всѣ обманы, ему удавшіеся; самъ рассказываетъ, какъ вожди враждующихъ партій рѣшили однажды собраться въ тиверіадской синагогѣ, чтобы помолить передъ лицомъ Бога всѣ свои распри, какъ на самоѣ дѣлѣ каждая партія надѣялась перебить при этомъ удобномъ случаѣ своихъ безоружныхъ противниковъ, и какъ замыселъ не удался ни той, ни другой сторонѣ только потому, что объ явилась въ синагогу съ оружіемъ, скрытымъ подъ костюмомъ богомольца, и каждая своевременно замѣтила вооруженіе противниковъ. Не лучше Іосифа поступали военачальники, избранные аристократіей, и въ другихъ частяхъ Палестины, такъ что натискъ римлянъ, начавшійся весною 67 г.,

тихъ все свое вниманіе на сборъ десятины и на наполненіе собственныхъ своихъ казночъ.

вслѣдъ за прибытіемъ новаго полководца, Веспасіана, вслѣдъ за-
 стала евреевъ одинаково неприготовленными даже къ защитѣ.
 Одинъ видъ римскаго войска, стройнаго, дисциплинированнаго,
 сроднивагося съ войною, часто наводилъ паническій страхъ на
 евреевъ, неопытныхъ въ военномъ искусствѣ, непривыкшихъ
 дѣйствовать сообща, молившихся, когда нужно было готовиться
 къ бою, праздновавшихъ субботу, когда нужно было укрѣплять
 лагерь или возвышать крѣпостныя стѣны. Цѣлыя толпы гали-
 леянъ бѣжали изъ-подъ знаменъ Іосифа при одной вѣсти о при-
 ближеніи римлянъ; храбро держались только мѣста, защищае-
 мые zealотами. Въ одно изъ такихъ мѣстъ, крѣпость Іотопату—
 укрѣлся Іосифъ, оставленный своимъ войскомъ. Подъ вліяніемъ
 необходимости, онъ не безъ искусства руководилъ обороной Іото-
 паты, пока не убѣдился въ невозможности дальнѣйшаго сопро-
 тивленія; тогда онъ хотѣлъ оставить гарнизонъ на произволъ
 судьбы и спастись бѣгствомъ, но былъ удержанъ собственными
 своими солдатами, и послѣ взятія крѣпости попалъ въ плѣнъ
 къ римлянамъ. Изъ числа защитниковъ Іотопаты немногіе избѣ-
 жали смерти, но Іосифу была дарована жизнь, а нѣсколько
 позже и свобода. Первоначальнымъ поводомъ къ такому снисхож-
 денію было желаніе Веспасіана, чтобы главнокомандующій гали-
 лейскими войсками украсилъ собою его триумфъ въ Римѣ; но
 затѣивъ ловкій фарсезей счумѣлъ войти въ милость и къ Веспасіану,
 и къ Титу, предсказывая имъ, что они достигнутъ верхов-
 ной власти, называя Веспасіана Мессіей, который обѣщанъ
 евреямъ, и оказывая Титу всякаго рода услуги, даже противъ
 соотечественниковъ своихъ. Онъ находился при Титѣ во все
 время осады Іерусалима, руководя его своими совѣтами. Послѣ
 взятія Іерусалима онъ сопутствовалъ Титу въ Римъ, получилъ
 пенсію отъ императора, сталъ называться Іосифомъ Флавіемъ, и
 съ рѣдкимъ искусствомъ счумѣлъ удержаться въ милости и у До-
 миціана; ненавидѣвшаго всѣхъ тѣхъ, кто служилъ его отцу и
 брату. Сочиненіе Іосифа объ іудейской войнѣ, написанное въ
 Римѣ, просмотрѣнное Агриппой и одобренное Титомъ, конечно,
 не можетъ считаться достовѣрнымъ изложеніемъ событій. Оно
 тенденціозно отъ начала до конца, представляя собою апологію
 самого Іосифа, обвинительный актъ противъ zealотовъ и панегирикъ
 Веспасіану и Титу. «Все ужасное,—говоритъ самъ Іосифъ;
 —слѣдуетъ приписывать іерусалимлянамъ, все справедливое—рим-
 лянамъ». Основная мысль книги—это необходимость Рима, вся-
 кое возстаніе противъ котораго наказывается самимъ Богомъ.
 Повѣтливо, что такую книгой слѣдуетъ пользоваться съ крайнею

осторожностью. По справедливому замѣчанію Ренана, сужденіи Іосифа о зелотахъ имѣють такую же доказательную силу, какую имѣли бы сужденія Дюмурье о яебинцахъ. Замѣчательно, что, измѣнивъ своему народу, сдѣлавшись прислушникомъ злѣйшихъ враговъ его, Іосифъ остался фарисеемъ, и, по предположенію Гаусрата, сохранилъ даже вѣру въ скорое пришествіе Мессіи. Его позднѣйшія сочиненія, его автобіографія, его защита евреевъ противъ Аппіана, его трактатъ о древностяхъ—дышать ревностью къ буквѣ закона, вѣрой въ божественное призваніе избраннаго народа. Всѣ попытки Іосифа защитить евреевъ противъ нападеній язычниковъ, опровергнуть предразсудки послѣднихъ противъ первыхъ остались безплодными и даже не примирили съ нимъ его единовѣрцевъ, продолжавшихъ преслѣдовать его своею ненавистью до самой его смерти.

Вѣсть о паденіи Іотопаты, о повореніи Галилеи римлянами, объ измѣнѣ Іосифа ускорила давно готовившійся разрывъ между зелотами и умѣренною партіею въ Іерусалимѣ. Первые не безъ основанія возлагали на послѣднюю отвѣтственность за неудачи, постигшія національное дѣло. Партизаны изъ среды зелотовъ, успѣвшіе бѣжать изъ Галилеи въ Іерусалимъ — первое мѣсто между ними занималъ Іоаннъ изъ Гишала — возбуждали въ народѣ негодованіе противъ фарисеевъ и саддукеевъ, и вѣсть съ тѣмъ увѣряли его, что побѣда надъ римлянами вовсе не такъ трудна, что Іерусалимъ для нихъ неприступенъ. Съ другой стороны, Анна и его единомышленники больше чѣмъ когда-нибудь номышляли о примиреніи съ римлянами, о тайной сдачѣ изъ Іерусалима. Первосвященникомъ въ это время былъ Маттѣй, получившій свое званіе еще изъ рукъ Агриппы и потому подозрительный въ глазахъ зелотовъ. Они потребовали его удаленія; аристократія не хотѣла о томъ и слышать. Тогда Элезаръ и другіе представители партіи дѣйствія созвали членовъ единственнаго изъ всѣхъ левитскихъ семействъ, державшаго сторону зелотовъ, и приказали имъ бросить жребій, кому изъ нихъ быть первосвященникомъ. Это отступленіе отъ обычая переполнило мѣру терпѣнія умѣренной партіи; Анна призвалъ ее къ оружію, отгнѣснилъ зелотовъ въ ограду храма и былъ близокъ въ побѣдѣ, но не рѣшился взломать священныя ворота храма и пропустить такимъ образомъ удобную минуту. Зелоты призвали на помощь идумеянъ, сдѣлали удачную вылазку, разбили на-голову своихъ враговъ и произвели между ними страшное кровопролитіе, при которомъ погибли Анна и другіе главные вожди саддукеевъ и умѣренныхъ фарисеевъ. «Слабость всякаго временнаго правитель-

ства, организованнаго съ цѣлью національной обороны,—говорить по этому поводу Ренанъ,—заключается въ томъ, что оно не можетъ перенести пораженія. Постоянно тѣснимое крайними партіями, оно падаетъ, какъ только не можетъ дать толпѣ того, для чего оно было создано, т.-е. побѣды... Партія, стоящая за войну во что бы то ни стало, всегда дѣйствуетъ тираннически; умѣренность никогда еще не спасала отечества, потому что первый принципъ ея—уступать обстоятельствамъ, а геройство, въ большей части случаевъ, есть рѣшимость не слушаться рассудка. Принудить къ крупнымъ жертвамъ націю, не имѣющую династїи—династїя сама по себѣ есть въ сущности не что иное, какъ постоянный, правильный терроръ—можно только терроризмомъ ¹⁾. Масса всегда робка; но въ революціонное время робкіе въ соображеніе не принимаются. Людей экзальтированныхъ всегда немного, но они присваиваютъ себѣ господство, отрѣзывая всѣ пути къ отступленію. Однимъ словомъ, въ критическія минуты народной жизни власть всегда достается крайней партіи, политики ²⁾ всегда бываютъ безсильны». Когда Ренанъ писалъ эти строки, онъ по всей вѣроятности имѣлъ въ виду не столько Іудею I-го вѣка по Р. Х., сколько Францію 1793 и 1870 гг. Несмотря на свой политическій консерватизмъ, Ренанъ становится здѣсь на сторону монтаньяровъ противъ жирондистовъ, на сторону Гамбетты противъ современныхъ французскихъ монархистовъ. Вѣрный преданіямъ фаталистической школы французскихъ историковъ, школы Минье и Тьера, онъ оправдываетъ, во имя необходимости, насиліе крайней партіи надъ среднею, если оно направлено къ усиленію національной обороны противъ внѣшнего врага. Онъ упускаетъ при этомъ изъ виду, что событія іудейской войны далеко не во всемъ аналогичны съ событіями великой французской революціи или послѣдней войны между Франціей и Германіей. Жирондисты были такими же патріотами,

¹⁾ Образъ дѣйствій аэниада при вторженіи Ксеркса, 1612-й годъ въ Россіи, вся исторія Англіи достаточно опровергаютъ парадоксъ Ренана о необходимости терроризма.

²⁾ Въ концѣ XVI-го вѣка партія, занимавшая во Франціи среднее мѣсто между католической лигой и протестантами, была известна подъ именемъ *партіи помѣнчатъ*; съ тѣхъ поръ французскіе писатели часто называютъ этимъ именемъ всю среднюю, умѣренную партію, склонную къ уступкамъ и компромиссамъ. Говоря о безсиліи политиковъ, Ренанъ забылъ, что въ концѣ XVI-го вѣка побѣда въ междоусобной войнѣ, раздиравшей Францію, осталась за Генрихомъ IV-мъ, который, будучи врагомъ лиги, не принадлежалъ и къ крайней протестантской партіи—дополнительнымъ доказательствомъ этому служитъ переходъ его въ католицизмъ,—и скорее всего можетъ быть причисленъ въ тогдашнимъ *молочникамъ*.

кавъ и монтаньяры; приписывать побѣды французскихъ республиканскихъ войскъ паденію Верньо и его товарищей, террору, парижской коммуны или комитету общественнаго спасенія—значитъ разсуждать по правилу: *post hoc, ergo propter hoc*. Въ самый разгаръ террора, въ 1793 г., военныя дѣйствія шли неудачно для французовъ, гораздо неудачнѣе, чѣмъ при Дюмурье, полководцѣ умѣренной партіи. Успѣхи 1794 и 1795 г. объясняются лучшей организаціей французскихъ войскъ, появленіемъ во главѣ ихъ болѣе даровитыхъ полководцевъ, постоянно увеличивающагося анархіей въ рядахъ союзниковъ; что касается до энтузіазма французскихъ солдатъ, то при Дюмурье и Кюстинѣ онъ былъ не менѣе силенъ, чѣмъ при Пишегрю и Журданѣ. Нѣтъ основанія утверждать, что оборона Франціи въ рукахъ жирондистовъ привела бы къ другимъ, худшимъ результатамъ, чѣмъ въ рукахъ якобинцевъ, — точно также какъ нѣтъ основанія считать геройство за нѣчто противоположное здравому смыслу, за нѣчто безусловно несомѣстное съ разсудкомъ. Въ 1870—71 г. Гамбетта не былъ представителемъ крайней партіи; въ Парижѣ, въ Лионѣ, въ Марсели она дѣйствовала не заодно съ нимъ, а противъ него—однако усилія Гамбетты организовать, поддержать борьбу едвали могли бы быть превайдены бѣмъ-либо изъ будущихъ вождей парижской коммуны. Умѣренная партія, какъ и всякая другая, способна отстоять независимость государства, способна спасти отечество,—но конечно только тогда, когда она вѣрится въ предпринятое ею дѣло и предава ему безъ всякой задней мысли. Этой преданности, этой вѣры не было у іудейской аристократіи I-го вѣка; вотъ почему она была неспособна и недостойна руководить національной обороной противъ римлянъ. Названіе умѣренной партіи вовсе не идетъ въ ней; это была партія столь же крайняя, какъ и зелоты—и конечно, въ противоположномъ направленіи, — готовая на измѣну, на рабство, лишь бы только сохранить букву закона и въ особенности свое привилегированное положеніе среди народа. Несчастье евреевъ состояло именно въ томъ, что между ними не было настоящей умѣренной партіи, которая могла бы, отстранивъ неосуществимыя притязанія аристократовъ и зелотовъ, установить внутреннее спокойствіе и заключить съ римлянами почетный миръ, основанный на глубокомъ убѣжденіи въ невозможности успѣшнаго сопротивленія. При отсутствіи такой умѣренной партіи, торжество зелотовъ было дѣйствительно неизбежно, потому что нельзя же было совнательно оставлять веденіе войны въ рукахъ людей, готовыхъ купить миръ даже цѣною измѣны.

Побѣда зелотовъ надъ саддукейской и фарисейской аристократіей имѣла ближайшимъ послѣдствіемъ не столько усиленіе обороны Іерусалима, сколько страшныя кровопролитія въ средѣ самихъ осажденныхъ. Въ разсказѣ Іосифа о террорѣ, наступившемъ въ Іерусалимѣ послѣ паденія Анны, безъ сомнѣнія много преувеличеннаго; онъ выставляетъ зелотовъ какъ-нибудь дикими звѣрями, чуждыми всякаго человѣческаго чувства, не объясняя, что же руководило ими въ такомъ случаѣ при геройской защитѣ Іерусалима, что внушало имъ презрѣніе къ опасности, что возвышало ихъ надъ страхомъ мученій и смерти. Обыкновенные злодѣи, по справедливому замѣчанію Ренана, не могли бы такъ сражаться, такъ умирать. Смотрѣть на событія іудейской войны съ точки зрѣнія Іосифа было бы столь же безразумно, какъ видѣть во французской революціи дѣло нѣсколькихъ тысячъ каторжниковъ, сорвавшихся съ цѣпи. «Истина, — говоритъ Ренанъ, — заключается въ томъ, что народныя возстанія, какъ произведеніе смутнаго чувства, а не разума, не переносятъ беззависанно собственнаго своего успѣха. Подобно всѣмъ другимъ движеніямъ этого рода, іерусалимская революція обезглавила сама себя»¹⁾. Лучшіе патріоты, наиболѣе способствовавшіе побѣдамъ 66-го года, были казнены; почти всѣ достаточные люди погибли. Особенно сильное впечатлѣніе произвела смерть Захаріи, сына Барухова, пользовавшагося большою любовью въ Іерусалимѣ. Онъ былъ поставленъ на судъ передъ синедріономъ, нѣсколькими днями и кое-какъ составленнымъ; однако и этотъ революціонный трибуналъ не убѣдился въ его виновности и произнесъ оправдательный приговоръ. На оправданнаго тотчасъ же бросились два свекря и умертвили его посреди храма, а судей зелоты разогнали сабельными ударами. Горевать, плакать о погибшихъ считалось преступленіемъ. Покончивъ съ своими противниками, зелоты обратились другъ противъ друга; приверженцы Элеазара вели открытую борьбу съ приверженцами Іоанна изъ Гиналы; главнымъ театромъ ея была ограда храма, въ которомъ вмѣсто крови жертвъ беспрестанно лилась кровь гражданъ. Это оскверненіе храма приводило въ ужасъ священниковъ и всѣхъ благочестивыхъ людей, видѣвшихъ въ немъ «мерзость запустѣнія», предвѣстіе послѣдняго часа для Израіля. Множество мирныхъ гражданъ — въ томъ числѣ іерусалимскіе христіане — удалились изъ города, оставленнаго Богомъ и обреченнаго на гибель. Воспасаіагъ, почти не встрѣчая сопро-

¹⁾ „L'Antechrist“, p. 289.

тивленія, приблизился къ Іерусалиму, обложилъ его со всѣхъ сторонъ; катастрофа казалась близкой, но случайное событіе—смерть Нерона—отдалило ее на два года. Сначала ожиданіе вѣстей изъ Рима, приказаній новаго императора, потомъ заботы о присвоеніи и удержаніи верховной власти заставили Веспасіана отступить изъ-подъ стѣнъ Іерусалима. Въ началѣ 70 г. вся имперія подчинилась Веспасіану; онъ отправился въ Римъ занять императорскій престолъ, и поручилъ сыну своему Титу усмирненіе мятежнаго города, не смѣвшаго воспользоваться отсрочкой, давною ему обстоятельствами.

Междоусобныя распри продолжались въ Іерусалимѣ непрерывно. Къ двумъ прежнимъ вождямъ zelotovъ присоединились третій, Симонъ-баръ-Гіора (сынъ Гіоры), предводитель партизанскаго отряда или разбойничьей шайки—различіе между тѣмъ и другою въ это время бывало иногда весьма небольшое,—призванный іерусалимлянами, чтобы укротить Элезара и Іоанна, но принесшій съ собою только новые элементы смуты и безурядка. «Фанатизмъ,—говоритъ Ренанъ,—не исключаетъ ненависти, недовѣрія, соперничества. Убѣжденные, страстные люди, принужденные дѣйствовать вмѣстѣ, обыкновенно подозрѣваютъ другъ друга—и это для нихъ источникъ силы, потому что взаимныя подозрѣнія соединяютъ ихъ какъ-бы желѣзною цѣпью, предупреждаютъ слабость и измѣну. Наружное согласіе—привнакъ политикѣ искусственной, отсутствія убѣжденій. Интересы создаютъ востерію; принципы вызываютъ разногласіе, побуждаютъ къ измѣненію, взбѣненію, истребленію враговъ. Кто судить о событіяхъ съ буржуазной точки зрѣнія, тотъ склоненъ думать, что революція погибла, когда революціонеры *поддаются другъ друга*. Наоборотъ, именно тогда революція обладаетъ полною энергіей, именно тогда ею руководитъ безличное рвеніе (*ardeur impersonnelle*). Всего яснѣе это видно въ страшной іерусалимской драмѣ. Дѣйствующія ея лица какъ-бы договорились умереть. Подобно адской плясѣ, созданной средневѣковымъ воображеніемъ—плясѣ, въ которой сатана увлекаетъ за собой въ фантастическую пропасть рядъ людей, держаныхъ другъ друга за руки,—революція никому не позволяетъ выходить изъ шествія, которое она ведетъ. Терроръ стоитъ за спиною актеровъ; то экзальтируя другихъ, то въ свою очередь экзальтируемые, они стремятся къ безднѣ; никто не можетъ отступить, потому что позади каждаго—скрытый мечъ, заставляющій его идти впередъ, какъ только онъ хочетъ остановиться»¹⁾. Въ этихъ словахъ Ренанъ впадаетъ прежде всего въ

¹⁾ „L'Antechrist“, p. 495—496.

противорѣчіе съ самимъ собою. Припомнимъ, что, по собственному его выраженію, іудейская революція, какъ и другія, *обезглавила сама себя*, когда жертвой ея, вмѣсто общаго врага, стали падать, одинъ за другимъ, сами революціонеры. Что обезглавленная революція обречена на гибель—это не требуетъ доказательствъ. Ея *безличное рвеніе* не можетъ быть ни продолжительнымъ, ни успѣшнымъ. Когда Дантонъ послалъ на казнь жирондистовъ, Робеспьеръ—Дантона, термидоріанцы—Робеспьера, французская революція стояла именно на томъ пунктѣ, съ котораго началось обратное движеніе. Іюньскіе дни 1848 года были могилой февральской революціи. Борьба плодотворна, когда она ведется между различными принципами, а не между приверженцами одного и того же принципа, изъ-за какихъ нибудь отѣнковъ въ его осуществленіи, изъ-за вліянія и власти, или вслѣдствіе недоразумѣній. Борьба за принципъ вызываетъ въ каждомъ изъ борющихся лагерей не разногласіе, а единодушное стремленіе къ общей цѣли, исчезающее только тогда, когда война, если можно такъ выразиться, изъ внѣшней становится внутренней, междоусобной. Подозрительность не можетъ служить источникомъ силы ни для подоврѣвающихся, ни для подоврѣваемыхъ. Энергія, поддерживаемая только тѣмъ скрытымъ мечомъ, о которомъ говоритъ Ренанъ—это лихорадочное, искусственное возбужденіе, которое не можетъ создать ничего прочнаго. Изъ того, что Іерусалимъ храбро защищался противъ Тита, еще не слѣдуетъ, чтобы іудейская революція въ это время была въ своемъ апогеѣ. У однихъ это была храбрость отчаянія, у другихъ—храбрость фанатизма, до послѣдней минуты не допускавшаго и мысли, чтобы Богъ могъ оставить своихъ борцовъ, чтобы жилище его могло сдѣлаться добычей нечестивыхъ.

Послѣдній фазисъ осады, со времени перехода ея въ руки Тита, продолжался съ небольшимъ три мѣсяца; въ началѣ августа 70-го г. храмъ былъ взятъ приступомъ, а вслѣдъ затѣмъ заняты и всѣ остальные части города. Сильно укрѣпленный Сіонъ былъ сданъ почти безъ бою, именно потому, что паденіе храма сокрушило мужество іерусалимлянъ. Симонъ-баръ-Гіора и Іоаннъ изъ Гипсалы были взяты въ плѣнъ, Элеазаръ бѣжалъ въ крѣпость Махерусъ и долго еще сопротивлялся тамъ римлянамъ. Другая крѣпость, Мазада, держалась цѣлыхъ два года послѣ взятія Іерусалима, и когда римляне, наконецъ, вступили въ нее, они нашли живыми только одну женщину съ пятью дѣтьми; всѣ остальные защитники крѣпости, уцѣлѣвшіе во время осады, предпочли плѣну самоубійство. Удивляться этому нельзя, потому что

они знали, по примѣру Іерусалима, какая судьба ожидаетъ военно-плѣнныхъ евреевъ. Распредѣленные между большими городами имперіи, они были предаваемы мучительной смерти въ циркахъ, передъ глазами любопытной и жестокой толпы; многіе были выведены на арену по два, по три раза, чтобы продлить удовольствіе зрителей; полуистерзанные звѣрами, они были удаляемы изъ цирка и сберегаемы до слѣдующаго представленія. Понятно, какой запасъ ожесточенія долженъ былъ накопляться въ сердцахъ евреевъ, безъ того уже до крайности возбужденныхъ паденіемъ Іерусалима, разореніемъ и оскверненіемъ храма. При Флавіяхъ одно возстаніе евреевъ слѣдовало за другимъ, то въ Египтѣ, то въ Кириѣ, то въ Сиріи, каждый разъ подавляемое, каждый разъ вызывающее жестокія репрессаліи, въ свою очередь поддерживающія жажду мщенія. При Траянѣ, евреи сначала держали себя спокойно, но при первой, преувеличенной вѣсти о неудачахъ, постигшихъ его во время войны съ парезнами, они поднялись съ оружіемъ въ рукахъ на весь Востокъ, и подавленіе ихъ потребовало со стороны Рима величайшихъ усилій. Адрианъ, въ началѣ своего царствованія систематически дѣйствовавшій напереворъ своему предшественнику, отнесся къ евреямъ снисходительно, даже милостиво; есть основаніе думать, что онъ обѣщалъ имъ возстановленіе іерусалимскаго храма. Тѣмъ сильнѣе было разочарованіе, когда надежды, возбужденныя Адрианомъ, не осуществились, и онъ оставилъ Востокъ, ничего не сдѣлавъ для Іерусалима. Отъѣздъ его въ Грецію, въ 132 г., былъ сигналомъ новаго, страшнаго возстанія, на этотъ разъ послѣдняго, — такъ дорого оно стоило евреямъ ¹⁾. По окончаніи борьбы, евреямъ было запрещено, подъ страхомъ смерти, не только жить въ Іерусалимѣ, но даже приближаться къ нему; запрещеніемъ обрѣзанія Адрианъ хотѣлъ уничтожить самую еврейскую національность, но эта крайняя мѣра была отмѣнена Антониномъ. Отчужденіе евреевъ отъ остальнаго человѣчества сдѣлалось теперь еще полнѣе, чѣмъ прежде; съ христіанствомъ они разорвали всякую связь, іудеохристіане потеряли всякое значеніе и низошли на степень небольшой секты. Уже вслѣдъ за паденіемъ Іерусалима въ средѣ еврейскихъ законниковъ и учителей появляется стремленіе, враждебное принятію прозелитовъ, т.-е. обращенію язычниковъ въ іудейство; послѣ рѣшительной катастрофы при Адрианѣ, это стрем-

¹⁾ Беспорядки между евреями были и при Антонинѣ, и при Септиміи Северѣ, но они не имѣли большого значенія и не могутъ быть поставлены на одинъ уровень съ возстаніями временъ Нерона, Траяна и Адриана.

леніе становится всеобщимъ, прозелитизмъ исчезаетъ почти совершенно. Способствовало этому, безъ сомнѣнія, и то, что, разрѣшивъ обрѣзаніе евреямъ, Антонинъ строго запретилъ имъ совершать его надъ лицами другой національности. Греческій языкъ перестаетъ быть предметомъ изученія для большинства евреевъ. Отрѣзанная такимъ образомъ отъ вѣшняго міра, заключенная въ тѣсныя рамки неизмѣнимаго закона, еврейская мысль принимаетъ все болѣе и болѣе консервативный, односторонній характеръ. Эліезеръ, одинъ изъ вліятельнѣйшихъ раввиновъ конца I-го вѣка, держался того начала, что мудрость вся заключается въ ученіи предковъ, что прибавить къ нему ничего нельзя, и на какое-нибудь новое мнѣніе отвѣчалъ обыкновенно: «этого я никогда не слыхалъ». Всѣ усилія раввинскихъ школъ направляются къ тому, чтобы *оградить законъ заборомъ* и поддержать непркосновенность этого забора. Разногласія между школами продолжаютъ однако по прежнему, чаще всего обращаясь въ личное соперничество между учителями. Наибольшую извѣстностью, послѣ паденія Иерусалима, пользовалась школа, основанная въ Ямнии раввиномъ Иохананомъ. Ученикъ его Гамалиилъ — внукъ великаго Гамалиила — изгоняетъ его изъ Ямнии, преслѣдуетъ преемника его Эліезера, враждуетъ съ раввиномъ Акибой, пока, наконецъ, самъ не теряетъ своего мѣста. «Грѣйся у очага учителей, — говоритъ Эліезеръ, — но не обожгись объ уголья ихъ, ибо укушеніе ихъ — укушеніе лисицы, ихъ жало — жало скорпіона, ихъ шипѣнье — шипѣнье дракона». Болѣе жизненными и свѣжими, чѣмъ схоластическія предписанія раввинской мудрости — кодификаціи которыхъ, позже образовавшей талмудъ, положилъ начало раввинъ Акиба — представляются тѣ произведенія еврейской литературы I-го и II-го вѣка, которыя внушены паденіемъ Иерусалима и всѣми послѣдовавшими за тѣмъ бѣдствіями. Въ «Пророчествѣ Моисея», «Апокалипсисѣ Баруха» и др., отчаяніе и скорбь еврейскаго народа выражаются съ силой, напоминающей иногда великихъ пророковъ временъ вавилонскаго плѣна. По предположенію Гаусрата, большая часть этихъ произведеній написаны въ Римѣ, іудейская община котораго продолжала, такимъ образомъ, вмѣщать въ себѣ самые противоположные элементы. Во времена Флавіевъ и Траяна, какъ и при Неронѣ, нигдѣ, кромѣ Рима, нельзя было найти евреевъ до такой степени чуждыхъ своему народу, равнодушныхъ къ его несчастью, близко связанныхъ съ его врагами — и рядомъ съ ними евреевъ, до такой степени вѣрныхъ преданіямъ, законамъ и надеждамъ іудаизма.

Лѣтъ пятнадцать тому назадъ, говоря по поводу сочиненія

Эвальда (*Geschichte des Volkes Israel*) объ исторіи еврейскаго народа ¹⁾, Ренанъ высказалъ мысль, что народъ, миссія котораго заключается въ умственномъ или религіозномъ вліяніи на другіе, приноситъ въ жертву этому блестящему, но опасному призванію свою національность, свое самостоятельное существованіе. «Могущественное дѣйствіе греческаго генія на древній міръ началось только тогда, когда Греція не играла болѣе политической роли. Первою причиною упадка Италіи было стремленіе ея къ универсализму, къ умственному первенству въ Европѣ, котораго она надолго и достигла, но за которое она заплатила полнѣйшимъ безсиліемъ во внутреннихъ, домашнихъ дѣлахъ своихъ. Кто знаетъ, не распространятся ли повсюду французскія идеи, когда сама Франція не будетъ болѣе существовать? Национальности, крѣпко привязанныя къ своей почвѣ, не заботящіяся о распространеніи своихъ идей между другими народами, обладаютъ у себя дома большою силою сопротивленія, но не играютъ значительной роли въ общемъ мировомъ движеніи. Чтобы дѣйствовать на міръ, нужно умереть для самого себя; народъ, дѣлающійся миссіонеромъ религіозной мысли, не имѣетъ, кромѣ нея, другого отечества, такъ что въ этомъ смыслѣ слишкомъ большая религіозность убиваетъ народъ, препятствуетъ чисто національной его организаціи.» Ту же самую мысль Ренанъ развиваетъ и въ послѣднемъ сочиненіи своемъ «l'Antechrist» (стр. 227—28, 540—545). «Нація, посвящающая себя религіознымъ и социальнымъ задачамъ, — говоритъ онъ, — погибаетъ для политической жизни. Въ тотъ день, когда Израиль сдѣлался «царскимъ священіемъ и зывомъ святымъ, избраннымъ отъ всѣхъ языкъ» (Исходъ XIX, 5 и 6), было рѣшено, что онъ не будетъ похожъ на другіе народы. Противоположныя призванія несомвѣстимы; за превосходство въ одномъ отношеніи всегда приходится платиться слабостью въ другомъ... Еврейскому народу не было дано образовать самостоятельную національность; онъ постоянно мечталъ о чемъ-то международномъ; идеаль его — не государство, а синагога, свободная религіозная община... Нужно было быть слѣпымъ, чтобы не видѣть, что идеальныя учрежденія, къ которымъ стремился Израиль, исключали всякую мысль о національной независимости. Учрежденія эти, неспособныя образовать армію, военную власть, могли существовать только подъ сѣнью обширнаго государства, оставляющаго своимъ вассаламъ, своимъ райамъ значительную долю сво-

¹⁾ Статья Ренана объ этомъ предметѣ напечатана въ его „*Études d'histoire religieuse*“.

боды, освобождающаго ихъ отъ политическихъ тревогъ, не требующаго отъ нихъ военной службы. Этими условіямъ соотвѣтствовала Персія (при Ахеменидахъ), господство которой было такъ легко для евреевъ, — соотвѣтствовали позже калифатъ и оттоманская имперія... Народамъ предстоитъ выборъ между долгимъ, спойвиннымъ, безвѣстнымъ существованіемъ того, кто живетъ только для самого себя, и бурнымъ, смутнымъ поприщемъ того, кто живетъ для человечества. Нація, волнуемая социальными и религиозными проблемами, какъ *нація* почти всегда бываетъ слаба. Страна, мечтающая о царствѣ Божіемъ на землѣ, живущая для общихъ идей, работающая надъ дѣломъ всемірной важности, приноситъ этимъ самымъ въ жертву свою собственную будущность, теряетъ свое государственное, политическое значеніе. Такова была судьба Іудей, Греціи, Италіи; такова, быть можетъ, будетъ судьба Франціи. Носить въ себѣ огонь нельзя безнаказанно. Іерусалимъ, предоставленный своимъ гражданамъ, людямъ средняго уровня, долго, можетъ быть, влачилъ бы свое безцвѣтное существованіе; но на долю его выпала несравненная честь стать колыбелью христіанства—и это отдало его на жертву Іоаннамъ изъ Гишалы, сыновьямъ Гіоры, повидимому, бичамъ отечества, на самомъ дѣлѣ — орудіямъ его апогеозы. Эти zeloty, которыхъ Іосифъ называетъ убійцами и разбойниками, были политиками низшаго разряда, малоспособными воинами; но они геройски погубили отечество, которое спасено быть не могло. Они погубили матеріальный городъ, но положили начало царству духовнаго Іерусалима, гораздо болѣе славнаго въ своемъ заупустѣніи, чѣмъ во дни Ирода и Соломона. Въ самомъ дѣлѣ, чего хотѣли консерваторы-саддукеи? Они хотѣли чего-то мелочнаго, узкаго—поддержанія небольшой теократіи, небольшого государства, управляемаго священниками. Конечно, они не ошибались, говоря, что взрывы энтузіазма—гибель для націи; революція и мессіаниззмъ дѣйствительно погубили еврейскую національность—но революція и мессіаниззмъ тѣмъ не менѣе были настоящимъ призваніемъ еврейскаго народа, долей участія его въ общемъ дѣлѣ цивилизаціи. Мы также не ошибаемся, когда говоримъ Франціи: «откажись отъ революціи, или ты погибла»; но если будущее принадлежитъ одной изъ тѣхъ идей, которыя незамѣтно вырабатываются въ средѣ народа, Франція возвысится именно благодаря тому, что было въ 1870 и 1871 г. источникомъ ея слабости и ея несчастья. Наши сыновья Гіоры, наши Іоанны изъ Гишалы никогда не сдѣлаются великими гражданами; но будущее, отдавая имъ справедливость, признаетъ, можетъ быть,

что въ тайны судьбы они были посвящены болѣе, чѣмъ благоразумные люди ихъ эпохи».

Таковы, въ главныхъ чертахъ, соображенія Ренана по поводу катастрофы, постигшей еврейскій народъ въ I-мъ в. по Р. Х. Нельзя отказать имъ въ эффектности, въ поэтической силѣ; но можно ли признать за ними прочное историческое основаніе? Прежде всего въ нихъ поражаетъ слѣдующая явная неточность. Отличительною чертою еврейскаго народа всегда была національная замкнутость, исключительность; прозелитизмъ, какъ мы видѣли, былъ дѣломъ діаспоры, а не палестинскихъ евреевъ, и достигалъ значительной силы только въ точкахъ соприкосновенія іудаизма съ греко-римской цивилизаціей. Величія и счастья на землѣ, спасенія въ загробной жизни евреи ожидали только для самихъ себя, съ присоединеніемъ развѣ тѣхъ, которые подчинятся всѣмъ ихъ обрядамъ и откажутся отъ всякой связи съ прежней своей національностью. Идеаломъ евреевъ было не общеніе, не сліяніе, а обособленіе, несовмѣстимое съ «мечтою о чемъ-то международномъ». Если понятіе объ отечествѣ было для евреевъ нераздѣльно съ понятіемъ о святинѣ, если они любили Иерусалимъ не только какъ свою родину, но и какъ вмѣстилище храма, какъ видимое мѣстопробываніе Божества, то это могло только усилить ихъ національное чувство, ихъ равнодушіе или вражду ко всему чуждому, неосвященному, непричастному союзу Израиля съ Іеговой. Итакъ, работая надъ религіозными задачами, еврейскій народъ не сходилъ съ національной, даже съ узко-национальной почвы, не имѣлъ въ виду всемірныхъ интересовъ человѣчества, *не умирая для самого себя*. Правда, человѣчество извлекло громадную пользу изъ нѣкоторыхъ результатовъ его работы (осложненныхъ, впрочемъ, множествомъ другихъ условий); но вѣдь именно отъ этихъ результатовъ еврейскій народъ, *какъ народъ*, какъ цѣлое, рѣшительно оторкся; онъ не призналъ ихъ за свое достиженіе—и дѣйствительно, они шли въ разрѣзъ съ вѣковыми *национальными* стремленіями евреевъ. Другіе примѣры, приведенные Ренаномъ въ подтвержденіе его главной мысли, также не могутъ быть признаны убѣдительными. Греки, и въ цвѣтущую пору своей жизни, и въ эпоху упадка, относились къ другимъ народамъ съ высочайшимъ презрѣніемъ, называли ихъ варварами и не только не заботились о томъ, чтобы раздѣлять съ ними результаты своей умственной работы, но считали эти результаты для нихъ недоступными, къ нимъ непримѣнными. По справедливому замѣчанію самого Ренана, могущественное дѣйствіе греческаго гения на древній міръ началось только тогда, когда

Греція не играла болѣе политической роли; но если политическій упадокъ Греціи предшествовалъ умственному вліянію ея на другіе народы, то разгадку перваго, очевидно, слѣдуетъ искать не въ послѣднемъ. Итальянцы XIV — XVI в. смотрѣли на своихъ сосѣдей почти такими же глазами, какъ греки на варваровъ, и были равнодушны къ ихъ внутренней жизни; съ другой стороны, раздробленность Италіи — эта главная причина ея политическаго безсилія — началась гораздо раньше эпохи возрожденія, т. е. эпохи умственнаго преобладанія Италіи надъ Европой. Что касается до Франціи, то мысль о непрестанномъ печалованіи ея по всемъ челоуѣчествѣ, о трудахъ и страданіяхъ, добровольно принимаемыхъ ею на себя для общей пользы, представляетъ много лестнаго для національнаго самолюбія, и поэтому была высказываема много разъ французскими ораторами и публицистами; но въ научнои сочиненіи встрѣтить ее нѣсколько странно. Французскій народъ, какъ и всякій другой, боролся и борется за свои интересы, за свои нужды, не отступая передъ нарушеніемъ чужихъ интересовъ, если они кажутся ему противоположными его собственнымъ; достаточно вспомнить о притязаніяхъ Франціи на лѣвый берегъ Рейна, осуществленныхъ съ оружіемъ въ рукахъ въ самый разгаръ революціи и повторенныхъ не дальше какъ въ послѣднемъ письмѣ В. Гюго на имя конгресса мира. Но, можетъ быть, Ренанъ хотѣлъ указать только на то, что народъ, углубляющійся съ особенною энергіей въ разработку религіозныхъ и социальныхъ задачъ, хотя бы и безъ намѣренія приобрѣсти умственное господство надъ другими, хотя бы и безъ самоотверженной преданности общимъ, міровымъ интересамъ, обрекаетъ себя этимъ самымъ на преждевременную смерть или на политическое безсиліе? Въ этомъ видѣ мысль Ренана является менѣе парадоксальной, но согласиться съ нею все-таки нельзя. Еслибы существовалъ такой народъ, который посвящалъ бы всѣ свои силы умственной дѣятельности и забывалъ бы изъ-за нея о всемъ остальномъ, то, безъ сомнѣнія, ему трудно, почти невозможно было бы сохранить свою самостоятельность посреди воинственныхъ, предприимчивыхъ, честолюбивыхъ сосѣдей; но такого примѣра исторія намъ не представляетъ. Мы знаемъ, какую роль играла политическая жизнь въ Греціи, въ Италіи, какую роль она играетъ во Франціи. Въ исторіи еврейскаго народа она стоитъ, правда, на второмъ планѣ; тѣмъ не менѣе, въ религіозныхъ стремленіяхъ евреевъ политическому элементу всегда принадлежало видное мѣсто. Умственная работа каждаго народа совершается, помимо его воли, на общую пользу; ея результаты становятся, мало-по-малу,

достояніемъ всего человѣчества или по крайней мѣрѣ всѣхъ цивилизованныхъ народовъ. Всѣ передовыя націи подходятъ, такимъ образомъ, подъ опредѣленіе Ренана; всѣ онѣ живутъ не только для самихъ себя, но и для великаго цѣлаго, въ составъ котораго онѣ входятъ; одна даетъ ему больше, другая—меньше, но это разница только въ степени, а не въ родѣ. Изъ черты, общей всѣмъ, нельзя выводить специальное предсказаніе для одного; нельзя видѣть залогъ упадка націи въ той сторонѣ ея жизни, которая существуетъ и у всѣхъ другихъ, стоящихъ на той же ступени развитія. Уже въ древнемъ мірѣ умственная дѣятельность не была принадлежностью однихъ грековъ; не говоря о египтянахъ и финикіянахъ, вліяніе которыхъ на Грецію не подлежитъ никакому сомнѣнію, римляне много сдѣлали для общаго развитія человѣчества—однако Ренану не приходится въ голову объяснять этимъ паденіе римской имперіи. Въ новой исторіи взаимодѣйствіе народовъ становится еще болѣе замѣтнымъ; преобладающая роль въ умственной сферѣ принадлежитъ то итальянцамъ, то англичанамъ, то французамъ, то нѣмцамъ,—или, лучше сказать, каждый передовой народъ постоянно вноситъ въ общую массу новыя приобрѣтенія, измѣрить и сравнить внутреннюю цѣнность которыхъ—задача далеко не легкая. Если новизна, идущая изъ Франціи, ассимилируется съ особенною легкостью и быстротою, то это еще не даетъ французамъ права разсматривать себя какъ жертву, погибающую на алтарѣ человѣчества, спасающую его своею кровью. Если долговѣчность народа обратно пропорціональна интенсивности и экспансивности его умственной жизни, то почему же моментъ упадка насталъ для Испаніи гораздо раньше, чѣмъ для Франціи, почему же военное и политическое могущество націи такъ часто идетъ рука объ руку съ умственнымъ ея развитіемъ? Объяснять пораженія Франціи въ 1870 и 1871 г. избыткомъ умственной работы, совершающейся въ ея нѣдрахъ, можетъ только ослѣпленный патріотизмъ, ищущій утѣшеній во что бы то ни стало. Никто не станетъ отвергать, что въ концѣ прошедшаго вѣка Франція жила несравненно болѣе глубокою и широкою умственною жизнью, чѣмъ при Наполеонѣ III—однако это не помѣшало ея побѣдамъ надъ цѣлымъ рядомъ коалицій.

Строго-католическое воспитаніе оставило въ Ренанѣ отбѣнокъ мистицизма, котораго не могла изгладить вся послѣдующая его дѣятельность. «Передъ событіями 66—70 г.,—говоритъ онъ (стр. 226),—историкъ, колеблясь между удивленіемъ и ужасомъ, останавливается съ уваженіемъ, какъ передъ ослѣпъ тѣмъ, что

идеализмъ. Подъ вліяніемъ этой мысли, или, лучше сказать, этого чувства, Ренанъ слишкомъ идеализируетъ велотовъ, представляя ихъ создателями духовнаго Іерусалима, виновниками его апофеоза, его безсмертной славы. Онъ забываетъ, что основаніе этой славы—вовсе не защита города противъ римлянъ, хотя ей и нельзя отказать въ героизмѣ, а тѣ воспоминанія и представленія, которыя сопряжены съ именемъ Іерусалима для послѣдователей религіи, исповѣдуемой всѣми цивилизованными народами. Остался ли бы Іерусалимъ въ рукахъ еврейской теократіи, подчинился ли бы онъ безъ сопротивленія власти Рима, палъ ли бы онъ подъ ударами какой-нибудь естественной катастрофы — Голгофа, Сіонъ, Элеонская гора во всякомъ случаѣ сохранили бы свое значеніе для милліоновъ вѣрующихъ, для длиннаго ряда поколѣній. То, что Ренанъ называетъ духовнымъ Іерусалимомъ, было воздвигнуто за тридцать слишкомъ лѣтъ до Іоанновъ изъ Гишала и сыновей Піоры. Совершенно неправильно ставить на одинъ уровень, какъ это дѣлаетъ Ренанъ, еврейскую революцію и мессіанизмъ; мировое значеніе принадлежитъ одному послѣднему, первая играетъ крупную роль только въ исторіи еврейскаго народа ¹⁾. Ошибочный взглядъ на событія 66—70 г. приводитъ Ренана къ еще болѣе ошибочному заключенію относительно современнаго положенія Франціи. Исходя изъ той мысли, что стремленіе, безумное съ точки зрѣнія здраваго разсудка, можетъ заключать въ себѣ всѣ данныя для торжества истины, что тайна будущаго непроницаема и не допускаетъ вѣрнаго сужденія о настоящемъ, Ренанъ, несмотря на свой консерватизмъ, не рѣшается утверждать, что Франціи слѣдуетъ отказаться отъ революціи. Одной изъ идей, смутно бродящихъ въ средѣ французскаго народа, принадлежитъ, быть можетъ, будущее; осуществить эту идею можетъ только революція; отказаться отъ революціи, значило бы, слѣдовательно, отказаться отъ славной инициативы въ созданіи новаго, лучшаго будущаго—вотъ цѣль разсужденій, заставившихъ Ренана впасть въ противорѣчіе съ его обычными взглядами. Между тѣмъ, второе звено этой цѣпи заключаетъ въ себѣ явную ошибку. Развѣ революція — единственное, необходимое средство для осуществленія новой идеи? Развѣ отреченіе отъ революціи равносильно отреченію отъ умственной жизни, отъ

¹⁾ По мнѣнію Ренана, паденіе Іерусалима, разрушеніе храма способствовало распространенію христіанства и быстрому, полному отдѣленію его отъ іудейства. Не вводя въ подробный разборъ этого мнѣнія, замѣтимъ только, что *решающее* событіе въ исторіи распространенія христіанства—проповѣдь апостола Павла—завершилось еще раньше, чѣмъ началось возстаніе 66-го года.

движенія впередъ, отъ замѣны стараго новымъ? Развѣ идея, отъ которой зависитъ будущее, можетъ заглухнуть, исчезнуть только потому, что не будетъ употреблено насиліе для доставленія ей немедленной и полной побѣды? Да и что значить отреченіе отъ революціи, которое теперь проповѣдуется во Франціи даже значительнымъ отдѣломъ радикальной партіи? Это только отреченіе отъ насильственнаго переворота, какъ отъ *article de foi*, какъ отъ единственной панацеи, какъ отъ послѣдняго слова политической мудрости — отреченіе, не имѣющее ничего общаго съ пассивною покорностью судьбѣ или съ систематическимъ безучастіемъ къ общественнымъ интересамъ. Если во Франціи есть свои Іоанни въ Гипшалахъ, свои сыновья Піоры, которые *никогда не сдѣлаются великими гражданами*, то благоразумно ли возбуждать или поддерживать въ нихъ мысль, что они — таинственные орудія Провидѣнія, болѣе посвященные въ тайны будущаго, чѣмъ *разсудительные* ихъ современники? Благоразумно ли ставить какія-то неопредѣленные предчувствія и смутныя догадки выше указаній разума, основанныхъ на положительномъ знаніи? Стремясь стать наукой въ полномъ смыслѣ этого слова, исторія, въ наше время, задаетъ себѣ задачей установить точные законы развитія, которые позволили бы намъ и въ этой области — *savoir pour prévoir*. При такомъ направленіи исторической науки, въ ней не должно быть мѣста для мистическихъ предположеній въ родѣ тѣхъ, которые иногда увлекаютъ Ренана.

К. АРСЕНЬЕВЪ.

ДРЕВНІЙ ПЕРІОДЪ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

И ОБРАЗОВАННОСТИ.

Сравнительно-историческіе очерки.

II. Византійцы *).

Вопросъ о византійцахъ старый, но все еще не рѣшенный или рѣшаемый весьма различно.

Одни, указывая связь религіозную—введеніе христіанства изъ Византіи, введеніе церковныхъ учреждений, церковнаго книжнаго ученія, мало разсуждаютъ о томъ, чѣмъ вообще отозвалась эта связь на характеръ старой русской образованности и исторіи. Другіе смотрятъ шире и придаютъ отношеніямъ къ Византіи величайшее и счастливое значеніе для всей исторической жизни русскаго народа, —потому что въ ней самой видятъ выраженіе великаго принципа особенной цивилизаціи, принципа, который послѣ паденія Византіи остался русскому народу драгоцѣннымъ историческимъ завѣтомъ. Третьи признаютъ за Византіей историческую заслугу, оказанную введеніемъ христіанства и сообщеніемъ писанія на народномъ языкѣ, но принципъ ея цивилизаціи понимаютъ только въ извѣстныхъ историческихъ границахъ, а нѣкоторыя бытовыя понятія и формы, отъ нея унаслѣдованныя, считаютъ далеко не благотворными для національнаго развитія.

*) См. выше: ноябрь, стр. 99.

Это послѣднее мнѣніе ¹⁾, едва ли не всего больше распространенное и, быть можетъ, наиболѣе вѣрное исторически, у нѣкоторыхъ писателей было высказано съ рѣзвостью, которая, хотя и не могла считаться доказанной фактическимъ изслѣдованіемъ, но вызывалась превознесеніемъ византіиства со стороны писателей славянофильскихъ. Такъ это было, напримѣръ, у «западно-кружка» въ сороковыхъ годахъ. И до сихъ поръ, съ вопросомъ о значеніи Византіи для русскаго историческаго развитія мы вступаемъ на спорную почву, и дѣйствительно, съ тѣмъ или другимъ пониманіемъ этого вопроса связаны существенные пункты въ объясненіи нашего прошедшаго: на основаніи его, одни хотятъ нашему настоящему развитію сообщить особое направленіе, въ смыслѣ византійскихъ воспоминаній; другіе, напротивъ, — освободиться отъ нихъ.

Матеріалъ для объясненія историческихъ отношеній Византіи къ русской исторіи далеко нельзя назвать ни вполне собраннымъ, ни достаточно разъясненнымъ ²⁾. Въ исторіи и древней литературѣ все еще идутъ поиски и находки; археологія памятниковъ быта и искусства едва только устанавливается. Съ другой стороны, въ самой греческой литературѣ среднихъ вѣковъ до сихъ поръ идетъ собраніе и разработка источниковъ. Нѣкоторые изъ нашихъ ученыхъ, занятыхъ такою же разработкою нашихъ литературныхъ памятниковъ въ связи съ византійскими, думаютъ даже, что въ настоящее время и въ настоящемъ положеніи источниковъ весь вопросъ о «вліяніи Византіи» останется «безплодною фразою» для историка, — пока не будутъ обслѣдованы частныя подробности, въ чемъ и какъ выражалось это вліяніе ³⁾.

Но обслѣдованіе частныхъ, какъ извѣстно, не имѣетъ предѣловъ, когда рѣчь идетъ о столь обширномъ историческомъ явленіи, какъ отношенія Византіи къ русской исторіи, явленіи, которое распространяется на цѣлое тысячелѣтіе по времени, и на весьма разнообразныя области историческаго быта. Есть, конечно, предѣлы нашимъ письменнымъ памятникамъ (и основной характеръ ихъ уже довольно извѣстенъ); ихъ собраніе можетъ быть

¹⁾ Ср., между прочимъ, о немъ въ статьѣ Н. И. Костомарова, „Вѣстн. Евр.“ 1870, дек., стр. 526—529.

²⁾ Этому предмету посвящено цѣлое обширное изслѣдованіе г. Иконникова. Въ немъ собрано много фактическаго матеріала для исторіи стараго быта подъ византійскими вліяніями, но вопросъ вообще недостаточно видѣнъ или поставленъ иногда слишкомъ вѣдшимъ образомъ.

³⁾ А. Попова, „Ист.-литер. обзоръ древне-русскихъ полемическихъ сочиненій противъ латинянъ“. М. 1875, стр. IV.

завершено; рѣшеніе одной доли вопроса можетъ достигнуть гораздо ббльшей точности, чѣмъ теперь, — но и это не положить предѣла изученію: потребуется вновь всестороннее изученіе самой Византіи, ея роли въ средневѣковомъ мірѣ и христіанствѣ, — и опять новыя долги изысканія, историческія комбинаціи, которыя будутъ мѣняться и совершенствоваться съ успѣхами цѣлой исторической науки, и т. д. Словомъ, и этотъ вопросъ, какъ и всякій обширный историческій вопросъ, связанъ съ цѣлымъ развитіемъ науки, которому невозможно назначить границы.

Тѣмъ не менѣе, и при нынѣшнемъ положеніи изслѣдованій является потребность опредѣлить основныя стороны вопроса — потребность совершенно законная, во-первыхъ, въ смыслѣ общеннаго образованія, которое нуждается въ обобщеніяхъ, необходимыхъ для цѣлаго пониманія нашей исторіи; во-вторыхъ, и въ чисто научномъ смыслѣ, потому что предварительныя рѣшенія подводятъ итогъ собраннаго матеріала, и вмѣстѣ съ этимъ указываютъ новыя возникающіе вопросы, требующіе отвѣта, и, слѣдовательно, направляютъ послѣдующій трудъ изыскателей.. Что эта потребность постоянно существуетъ, можно видѣть изъ того, что вопросъ дѣйствительно возвращается отъ времени до времени въ литературѣ съ новымъ освѣщеніемъ, аргументами и выводами.

Мы не думаемъ предлагать здѣсь новыхъ рѣшеній. Тотъ старый взглядъ, — который въ общихъ чертахъ высказывался въ сороковыхъ годахъ, и кажется намъ наиболее близкимъ въ исторической истинѣ, — хотя далеко не былъ обставленъ должными фактическими подробностями, не опровергнутъ въ своей сущности ни новыми памятниками, ни новыми историческими соображеніями. Мы сдѣлаемъ лишь нѣсколько общихъ замѣчаній по поводу новаго трактата объ этомъ предметѣ, явившагося въ последнее время и написаннаго въ славянофильскомъ смыслѣ ¹⁾. Точка зрѣнія новаго трактата — прежняя славянофильская точка зрѣнія Бирѣвскихъ и Хомякова, но развитая и старательно обставленная историческими фактами, долженствующими доказать, что греко-славянскій міръ есть особое явленіе, идущее съ первыхъ вѣковъ христіанства, заключающее въ себѣ его истинныя

¹⁾ Это — статья г. Ламанскаго въ „Славянскомъ Сборникѣ“ (Сиб. 1875, стр. 413—584), написанная живо, съ убѣжденіемъ, съ большой массой историческаго знанія. Она требуетъ вниманія, какъ выраженіе известной школы, являющееся съ новыми доказательствами. Статья еще не кончена, но основныя положенія уже ясны и достаточно уменьшаютъ ходъ разсужденія.

начала, — явление, противоположное германо-романскому міру, — вратившему эти начала, — совмѣстившее въ себѣ лучшія преданія древности, т.-е. истинное (восточное) христіанство и политическую идею римской имперіи (сохранявшуюся послѣ паденія Рима именно въ Византіи), — наконецъ, явление, которое послѣ паденія Византіи продолжается въ Россійской имперіи. Мы встречаемъ въ этомъ трактатѣ самое крайнее выраженіе взгляда, котораго не раздѣляемъ, и потому не могли миновать его въ своемъ изложеніи.

Чтобы указать значеніе Византіи для славянскаго міра, съ первыхъ начатковъ его цивилизаціи, авторъ восходитъ ко временамъ римской имперіи. Идея имперіи есть высокое созданіе греко-римской цивилизаціи, завѣщанное ею новому времени, могущественная форма человѣческаго общежитія, доступная усовершенствованію и дающая условія для обширнаго развитія цивилизаціи. Всякая широкая образованность и литература возможны только въ сильномъ государствѣ: условіе ихъ успѣха — независимая государственность и выработанный литературный языкъ. Если замѣчательная литература развивалась и у народовъ, не имѣвшихъ государственной независимости, какъ у грековъ подъ римскимъ владычествомъ, то всегда было такъ, что начало литературы восходило еще ко временамъ самобытности. Государство стоить дорого, и народомъ, не имѣющимъ сказать ничего новаго человечеству, не приходится и хлопотать объ этомъ дорогомъ сооруженіи. Напротивъ, постоянное стремленіе къ образованію подобной силы свидѣтельствуеетъ о вѣрѣ народа въ свое историческое призваніе. «Въ этой вѣрѣ и въ этомъ сознаніи народа, а не въ привязанности его къ тѣмъ или другимъ историческимъ лицамъ или семействамъ надо искать объясненія продолжительности и упорства замѣчательной борьбы». Государственное величіе, создаваемое великими вождями съ помощью восторженной арміи и увлеченнаго народа, не бываетъ долговѣчно и рухнетъ. Если самая форма, которую народы хотятъ дать своему государственному развитію, бываетъ заимствована, это нисколько не говоритъ противъ способности ихъ къ созданію сильнаго государственнаго единства. У новыхъ европейскихъ народовъ вся ихъ цивилизація истекаетъ изъ началъ греко-римскихъ, утвержденныхъ имперіей; самыя религіозныя преданія евреевъ усвоены ими въ формахъ греко-римскихъ.

Прямое римское вліяніе въ западной Европѣ, собственно говоря, никогда не прекращалось. Съ утвержденіемъ христіанства начинается непосредственно вліяніе христіанскаго Рима черезъ

латинскій богослужебный языкъ. Варварскіе вожди не только не уничижали, но напротивъ сохраняли римскія учрежденія, и вообще имперія внушала имъ высокое уваженіе. Авторъ указываетъ, что эти вожди даже съ радостью принимаютъ отъ римскаго императора (царившаго тогда въ Византіи) различные титулы; такъ, Хлодвигъ получаетъ званіе консула; его потомокъ даже завоеванную имъ «Провинцію» получаетъ въ даръ отъ императора Юстиніана. Императоръ въ Константинополѣ все еще былъ въ понятіяхъ варваровъ преемникомъ Августа и Траяна. Самъ авторъ, какъ увидимъ, утверждаетъ, что, послѣ паденія Рима, настоящая законная римская имперія находилась именно въ Византіи. Столь же высокое понятіе объ имперіи, какъ у западныхъ народовъ, авторъ предполагаетъ и въ славянскихъ племенахъ. Этимъ уваженіемъ варваровъ къ имперіи объясняется то господствующее значеніе, какое имѣла «имперія» въ умахъ западныхъ и славянскихъ народовъ, и центральное вліяніе Рима и Византіи на судьбы, европейской цивилизаціи.

Что же дѣлалось въ самой имперіи? Она состояла еще въ античномъ періодѣ изъ двухъ основныхъ элементовъ — римскаго и греческаго; имперія связала ихъ другъ съ другомъ и, казалось, должна была объединить ихъ окончательно, особенно когда было утверждено христіанство, какъ господствующая религія, когда столица и самыя учрежденія и формы имперіи перенесены были на греческій востокъ, а съ другой стороны, римскій епископъ остался первымъ епископомъ церкви. Греки оставили свое старое имя и стали называть себя римлянами (ромеями), и считать свою имперію римскою. Но объединеніе не совершилось. Старое раздвоеніе римскаго и эллинскаго характера возникло вновь; имперія эллинизировалась на востокѣ: въ то же время совершались нашествія германскія и основаніе новыхъ государствъ на западѣ, и нашествія славянскія на востокѣ имперіи. Съ VI до IX вѣка совершается постоянное ослабленіе имперіи, которымъ облегчилось событіе, имѣвшее сильныя, роковыя вліянія на судьбы и запада и востока (основаніе западной имперіи Карла Великаго).

Это ослабленіе имперіи авторъ объясняетъ вовсе не нашествиями варваровъ, какъ обыкновенно это говорятъ. Онъ утверждаетъ, напротивъ, что на варваровъ имперія производила сильное впечатлѣніе своимъ единствомъ и могуществомъ, что, за немногими исключеніями, варвары не думали объ ея разрушеніи. Главную причину ослабленія онъ видитъ въ эллинизациі имперіи. Не только латинскій языкъ смѣнился греческимъ языкомъ

туземного большинства, но самия учрежденія видовмѣнялись въ новой обстановкѣ. Греки, подѣ римскимъ господствомъ, давнѣ отвыкшіе отъ государственности, не переняли у римлянъ ихъ удивительнаго умѣнья обращаться съ варварами, привязывать ихъ къ себѣ безпристрастіемъ, дарованіемъ широкихъ правъ, внушать имъ гордость римскимъ именемъ и, наконецъ, романизировать ихъ. По положенію своей народности на востокѣ, по воспоминаніямъ древней славы, по заслугамъ въ новомъ христіанскомъ образованіи, греки изъ всѣхъ народностей востока безъ сомнѣнія имѣли полное право на господствующее положеніе въ имперіи; этого положенія не могли нивѣкъ занять другія племена, составлявшія сильный элементъ въ восточной имперіи, какъ армяне или славяне; — но грекамъ не достало государственнаго смысла, которымъ были такъ богаты римляне. Другое обстоятельство еще отлевало ихъ отъ практическаго государственнаго дѣла, это — увлеченіе теоретическими вопросами, внесеніе въ область религіи діалектическихъ тонкостей, которыми они увлекались до того, что забывали о другихъ интересахъ ¹⁾.

Послѣдствіемъ этой эллинизациі было то, что отношеніе романскихъ и германскихъ народовъ въ римскимъ императорамъ Константинополя совершенно измѣнилось. Какъ ни чувствовала восточная Италия необходимость имперіи для защиты отъ готовъ и лангобардовъ, но не могла не отвращаться отъ константинопольскаго правительства, которое присылало управлять ею окре-

¹⁾ Авторъ такъ говоритъ объ этомъ. „Самое богатство діалектической и эстетической стороны организациі эллиновъ побуждало ихъ всецѣло отдаваться вопросамъ теоретическимъ и отвлеченнымъ до забвенія прочихъ интересовъ. Торговая дѣятельность также занимала и увлекала эллина, ибо давала полный просторъ его волюлюбивой, самолюбивой личности, неспособной на всякаго рода выдумки, соображенія и затѣи; но скромное, терпѣливое служеніе государству, требова точнаго исполненія часто самой невидной работы, строгаго подчиненія и покорности долгу, закону, уставу, было немыслимо для грека... Съ сильнымъ по природѣ и съ окрѣпшимъ въ преніяхъ діалектическимъ умомъ, греки, раздѣленные на множество партій, безнадочно преслѣдовали въ ученіи и мнѣніяхъ своихъ противниковъ казавшихся имъ ложь и невѣрность какъ въ первоначальныхъ ихъ посылкахъ, такъ и въ послѣдствіяхъ ихъ заключеніяхъ, точно также какъ изъ-за личныхъ интересовъ и изъ-за любви въ борьбѣ не задумывались нивогда подсаживать и топить другъ друга, гдѣ было мѣсто Требуя строгаго логическаго послѣдовательности и всецѣлаго обладанія истиною, греки, при неустанной борьбѣ своихъ безчисленныхъ партій, не шли ни на какія вышнія сдѣлки и примирительные компромиссы. Со страстію отдавались наукообразному развитію и теоретическому формулированію новаго, принятаго ими ученія христіанскаго, цѣлою выставленною ими плеядою высоко-даровитыхъ ересіарховъ и учителей и отцовъ церкви, греки вновь раскрыли все богатство своей умозрительной природы“ и пр. (стр. 480).

ченыхъ азіатовъ и варваровъ. Рядъ политическихъ ошибокъ, сдѣланныхъ Византіей особенно при Юстиніанѣ II и иконоборцахъ, еще усилилъ это недружелюбное расположеніе, такъ что, наконецъ, въ Италіи возникла мысль объ отложеніи отъ Византіи. Эта мысль постоянно развивалась и привела къ формальному отложенію отъ Византіи, когда папа Левъ III вѣнчалъ короля франковъ, Карла Великаго, римскимъ императоромъ (800). Мы приводимъ въ примѣчаніи ¹⁾ объясненіе, какое даетъ авторъ этому событію. Это была революція, измѣна, нарушеніе права византійской имперіи. Событіе совершилось съ помощью лжи, и папство соединилось съ западной имперіей въ несправедливый союзъ, жертвой котораго стала Византія: папство и западная имперія тѣсно были связаны другъ съ другомъ, были ли они въ союзѣ или въ борьбѣ,—но раздоръ, нерѣдко ихъ раздѣлявшій, прекращался, когда нужно было соединиться противъ Византіи.

Къ политической лжи и узурпаціи присоединилась ложь религіозная—догматическій раздоръ съ Византіей и окончательное отдѣленіе отъ восточной церкви. Римъ вводилъ новые догматы, новые церковные обычаи, нетерпимость къ національному христіанству (недопущеніе перевода св. писанія на народныя языки,

¹⁾ „Это было явное и полное отложеніе римскаго запада отъ греческаго востока, — говоритъ авторъ. — Этимъ актомъ вѣнчанія короля франковъ и торжественнымъ провозглашеніемъ его римскимъ императоромъ, и римскій епископъ и римляне до сей минуты *подданные* римскихъ императоровъ въ Константинополѣ, открыто вступили на путь мятежа, революціи и громко заявили міру, что римская имперія въ Константинополѣ перестала законно существовать... Принятіемъ императорскаго вѣнца отъ папы Льва III Карлъ V. признавалъ тѣмъ самымъ за епископомъ Рима совершенно новое, самовольно присвоенное себѣ послѣднимъ право развѣнчивать одного императора и короновать другого, а за римлянами и вообще итальянцами — право избранія и провозглашенія императоровъ... Безъ высокомѣрныхъ притязаній римскаго епископа, безъ узурпаціи со стороны папы не могла состояться на Западѣ и узурпація имперіи. По понятіямъ Запада, съ имперією Карла V. и потомъ Оттона I возстановлена была единая и цѣлая имперія римская, а не возобновлялось только старинное дѣленіе римской имперіи на западную и восточную. Только въ этомъ послѣднемъ смыслѣ могли бы еще греки признавать имперію на Западѣ, и только при такомъ добровольномъ признаніи грековъ, основаніе имперіи на западѣ не нуждалось бы въ узурпаціи римскаго епископа. Фикція о перенесеніи римской имперіи отъ грековъ къ франкамъ и потомъ къ вѣнцамъ нуждалась въ фикціи подлинности дарственной грамоты Константина V. и же-Исидоровыхъ декреталій... Правда, уже въ средніе вѣка, особенно въ разгаръ борьбы съ императорами, развивалась на Западѣ цѣлая теорія. Она выводила происхожденіе императорской власти Карла V. и Оттона I и ихъ преемниковъ непосредственно изъ права силы и завоеванія, достойно приобретеннаго мужествомъ и доблестью франковъ и вѣнцевъ, которымъ безпрекословно подчинились и римскіе епископы и граждане Рима“, и проч. (стр. 438—441, и далѣе).

и происходившая отсюда вражда въ славянскому христіанству), притязаніе на главенство въ церкви и т. д.

Таковъ былъ моментъ, когда славяне, занявъ мѣсто въ областяхъ имперіи, принимали христіанство, и вступали въ отношенія съ двумя имперіями, съ двумя лагерями культурнаго государственнаго міра. Со стороны Рима ожидали ихъ властолюбивыя притязанія и нетерпимость римскаго папства и германскаго императорства; въ Византіи они нашли для себя національную церковь, чистое христіанство, св. писаніе и богослуженіе на народномъ языкѣ. Славянству предстояли двѣ дороги: на одной они должны были встрѣтить ложь, коварство и вражду; на другой—основы истинной христіанской цивилизаціи. Мы не будемъ слѣдить за всѣми подробностями изложенія: довольно сказать, что въ исторіи разрыва между востокомъ и западомъ авторъ не жалѣлъ темныхъ красокъ для послѣдняго.

Автору важно было дать идеѣ «имперіи» указанный характеръ и значеніе, потому что въ ней, по его мнѣнію, заключается существенная политическая идея, завѣщанная античнымъ міромъ новому времени, идея, въ кругу которой только можетъ совершаться истинное національно-христіанское развитіе. Если мы не очень ошибаемся, дальнѣйшая мысль его должна состоять въ томъ, что какъ Византія была законной преемницей и продолжательницей идеи римской имперіи, такъ послѣ ея паденія это преемство перешло къ Россіи. Разсказавъ объ «узурпаціи», авторъ въ слѣдующихъ чертахъ изображаетъ значеніе христіанской имперіи, какую представляла въ средніе вѣка Византія.

«Въ средніе вѣка, въ самыхъ отдаленныхъ отъ центра имперіи земляхъ, иногда вовсе даже не покорявшихся ей мечу, какъ, напр., въ велико-моравской державѣ Ростислава, въ вѣчевой и удѣльной Руси, сверхъ того, въ Сиріи, въ Грузіи, у разныхъ малыхъ народовъ Кавказа всюду славилась и чествовалась власть восточнаго римскаго императора, власть царя православнаго, верховнаго вождя всего восточнаго христіанскаго міра. Уваженіе къ ней всѣхъ этихъ милліоновъ людей разныхъ племенъ и разныхъ государственныхъ союзовъ, но одной вѣры и церкви, не утверждалось ни на какой внѣшней, матеріальной силѣ... Опора и основа этого авторитета была чисто идеальная, внутреннее убѣжденіе народовъ восточно-христіанскихъ, безъ различія племенъ, въ необходимости и вѣчности на землѣ, до кончины міра, до явленія антихриста, единаго христіанскаго царства, обнимающаго въ себѣ самыя различныя страны и племена съ ихъ частными мѣстными правительствами и племенами... Какъ

исходство языковъ въ богослуженіи, обрядовъ и обычаевъ помѣстныхъ церквей нисколько не противорѣчило, а вполне уживалось съ единствомъ вселенской церкви, также точно разнообразіе и смѣсь племенъ, странъ и правленій ни мало не мѣшали имъ всеѣмъ составлять одно христіанское царство, единую имперію»... Восточную имперію нельзя ограничивать только собственными ея предѣлами, и къ среднимъ вѣкамъ вообще неприменимы нынѣшнія мѣрки. Болгары или русскіе не были ей подчинены, но всегда были въ известной степени ея союзниками, — и они почти никогда не имѣли полной государственной независимости, національнаго самодержавія. «Это самодержавіе принадлежало восточному или, какъ говорить одна народная пѣсня о Петрѣ В., единому императору на землѣ, царю православному, «царю христіанъ», этому верховному вождю и главѣ никакими писанными законами не обставленнаго и никакими трактатами и договорами не опредѣленнаго, но тѣмъ не менѣе существовавшаго и въ живомъ обычномъ правѣ признаннаго, международнаго союза всеѣхъ различныхъ восточно-христіанскихъ, православныхъ земель съ общимъ центромъ въ Цареградѣ».

Приведенное изображеніе не есть только идеалъ (который можетъ и совсѣмъ не походить на дѣйствительность); авторъ понимаетъ его какъ фактъ. На самомъ дѣлѣ, въ опредѣленіи тѣхъ историческихъ правъ и высокаго положенія, какимъ авторъ надѣляетъ византійскую имперію, онъ забываетъ многія обстоятельства, значительно измѣняющія дѣло. Мы видѣли, что свои заключенія объ отношеніи Рима къ Византіи авторъ основываетъ на историческомъ правѣ. Известно, какое обоюдоострое оружіе вообще представляетъ это историческое право, какъ часто оно приводится въ защиту и оправданіе гнилой старины, отжившей привилегіи и насилія противъ свѣжей (хотя иногда и грубой) жизни и свободы. Притомъ, историческое право Византіи передъ Западомъ и мало доказано у автора.

По его собственному справедливому замѣчанію, національная противоположность, или различіе римскаго и греческаго начала идутъ еще изъ античныхъ временъ. Это были двѣ высшія національности древняго міра, соединившіяся въ созданіи классической цивилизаціи, литературы, искусства; но различіе ихъ бросалось въ глаза, и историки новѣйшіе давно указывали особая области каждому изъ нихъ. Авторъ справедливо говоритъ о великомъ историческомъ значеніи римской имперіи, ея авторитетѣ въ варварскомъ мірѣ и ея дѣйствительномъ и громадномъ вліяніи на этотъ міръ. Этотъ авторитетъ и эту заслугу авторъ спокойно

переносить потомъ на Византію, считая то и другое ея историческимъ правомъ. Но, во-первыхъ, перенесеніе столицы въ Византію (330—395 г.) не означало перенесенія стараго историческаго значенія старой имперіи, и дѣйствительно Римъ, и при Византіи, оставался старымъ Римомъ, производившимъ свое впечатлѣніе на варварскій міръ, возбуждавшимъ не только его алчность, но и смутное чувство почтенія. Затѣмъ, при раздѣленіи имперіи, — которое авторъ какъ-то обходитъ, — столицами той половины раздѣленной имперіи, гдѣ выросъ ея историческій авторитетъ, были опять (съ 395) Римъ и Равенна. Самое дѣленіе не было, конечно, однимъ династическимъ соображеніемъ и удобствомъ. Западная римская имперія еще около столѣтія вела свою отдѣльную исторію, печальную исторію, съ нашествіями и господствомъ варварскихъ вождей, съ разрушеніями самой столицы; но во всякомъ случаѣ исторію отдѣльнаго государства, за которымъ все-таки была наибольшая доля «историческаго права». Въ Италіи, по словамъ самого автора, въ особенности никогда не прекращалось дѣйствіе старыхъ римскихъ преданій. Идея, право хранится конечно въ живыхъ людяхъ, а не въ перенимаемыхъ формулахъ и титулахъ.

Византія, съ своей стороны, не была чужда римскимъ преданіямъ. Въ первое время имперія жила въ новой резиденціи, повидимому, со всѣми чертами стараго Рима, учрежденіями и языкомъ. Но это продолжалось недолго. Римской жизни нельзя было перенести цѣликомъ на новую, уже начавшую колебаться почву; съ раздѣленіемъ имперіи; римское оказалось въ самомъ Римѣ, хотя и умирающемъ, а Византія все больше и больше начинала отражать въ себѣ мѣстную жизнь, т.-е. греческую, — ту самую, которая и по мнѣнію автора не умѣла усвоить ни римскихъ учрежденій (которыя стали въ ней вырождаться), ни римской политической практики. — Чего же можно было у нея зурпировать тамъ, гдѣ все-таки была самая почва римскихъ преданій?

Могутъ сказать, что однако Римъ, послѣ паденія варварскихъ царствъ въ Италіи, былъ «подданнымъ» византійскаго императора. Но это подданство было дѣломъ внѣшней необходимости и никакъ не означало отказа отъ традиціи, еще жившей въ умѣ итальянцевъ. Византія должна была завоевывать Италію, и тяжелыя обстоятельства могли заставить итальянцевъ на первое время предпочитать соединеніе съ Византіей, родственной по общей цивилизаціи, подчиненію германскимъ вождямъ, еще порядочно варварскимъ. Опять по словамъ самого автора, Византія, не сдумѣвшая настоящимъ образомъ понять политическаго завѣта

римской имперіи, сдѣлала возбудить въ итальянцахъ отвращеніе къ посылаемымъ ею правителямъ и конечно къ источнику правленія. «Огреченные азіаты» уже одни могли пробудить въ итальянцахъ чувство собственнаго достоинства и напомнить ихъ старое господство надъ тѣмъ Востокомъ, который теперь такъ мало ихъ понималъ. Съ теченіемъ времени измѣнились и отношенія Италіи къ варварскому міру: онъ смѣнился христіанскими государствами, романскіе элементы всплывали съ преданіями римской цивилизаціи; образовывалась новая политическая почва; подъ вліяніями римскаго христіанскаго центра выростала новая культура. Старые инстинкты римской личности возродились въ новыхъ условіяхъ, и стремленіе осуществить независимость естественно могло перейти въ дѣло, и перешло — въ основаніе новой имперіи. «Узурпація» состояла въ томъ, что живые, дѣятельные элементы не могли и не хотѣли укладываться въ чужія формы, какія налагала Византія, но которыхъ не могла поддержать никакою дѣйствительною силой, ни матеріальною, ни моральною.

Авторъ негодуетъ на «фикціи» (поддѣлка «Декреталій» и т. п.), къ которымъ прибѣгло папство и новая имперія. Онѣ не подлежатъ сомнѣнію и поддѣлка не есть похвальное дѣло; конечно, и все папство цѣлкомъ не возбуждаетъ въ насъ ни малѣйшей симпатіи, какъ слишкомъ часто лицемѣрная и своекорыстная теократія, — но значеніе его отношеній къ Византіи, основаніе новой имперіи, не исчерпываются этими фикціями и не опредѣляются только ими. — Фикція дѣйствительно была устроена, такъ какъ считалась нужной, по состоянію тогдашнихъ умовъ, для утвержденія совершившагося факта, но фактъ былъ вызванъ самой жизнью. Средніе вѣка переполнены фикціями. Сколько фикцій представляла сама Византія и въ политическомъ и въ религіозномъ отношеніи!

Такимъ образомъ, идеальная имперія, изображенная авторомъ, далеко не соответствуетъ фактамъ. Если римское преданіе составляетъ такую важную долю въ этомъ идеалѣ, то по историческимъ справкамъ оно вовсе не было полною собственностью Византіи. Оно, по крайней мѣрѣ, было раздѣлено между Италіей и Востокомъ, и въ дѣйствительности одинаково подвергалось извращенію и уtratѣ; и на западѣ и на востокѣ оно само одинаково становилось фикціей. Авторъ чувствовалъ нѣчто подобное. Относительно Италіи онъ называетъ это «историческое право» давно прожитымъ и утраченнымъ (къ половинѣ среднихъ вѣковъ); но то же самое, еще въ большей степени, слѣдовало признать и от-

носителю Византіи ¹⁾. Ея государственная исторія исполнена фактами, въ которыхъ трудно отыскать подобіе римскому преданію. Авторъ самъ признаетъ, при началѣ своихъ объясненій, что съ эллинизацией восточной имперіи утратился великій государственный смыслъ старой римской имперіи, что греки никогда не умѣли устроить своихъ отношеній съ варварами, составлявшими большинство населенія въ ея европейской области, — такъ, какъ это дѣлали римляне. Нѣтъ сомнѣній, что было немалымъ подвигомъ Византіи сохранить на цѣлую тысячу лѣтъ христіанство и образованность среди самыхъ тяжелыхъ обстоятельствъ, отъ варварскихъ нашествій, падавшихъ на имперію съ сѣвера, востока, юга, и отъ самаго запада; должно признать и заслугу отчаянной борьбы, которую окончилось существованіе Византійской имперіи ²⁾; невозможно не признать обширной доли, внесенной изъ Византіи въ источники европейской цивилизации, какая существуетъ теперь ³⁾. Но слѣдуетъ опредѣлить мѣру историческаго и политическаго достоинства имперіи, и мѣру умственного запаса, составлявшаго ея собственный самостоятельный вкладъ.

Идеальная картина христіанской имперіи, которую рисуетъ авторъ статьи «Славянскаго Сборника», не мирится и съ его собственными аргументами.—Византія не установила съ варварскимъ міромъ, который проникалъ въ ея области, той тѣсной государственной связи, какую умѣлъ завязывать Римъ въ Галліи, Испаніи, Британіи, на самомъ востокѣ, и съ которою распространялась римская цивилизация. Византія создавала себѣ свой авторитетъ,

¹⁾ Впрочемъ, мы встрѣчаемъ у автора противорѣчія, которыя показываютъ, что повидимому онъ не выяснилъ себѣ достаточно этого предмета. Такъ, въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ о томъ, какъ „хвастливы и неумѣстны бывали горделивыя притязанія римлянъ и итальянцевъ вообще на первенство (primatus) въ Европѣ, будто бы имъ принадлежащее въ силу ихъ историческаго права, *даже отчасти прожитое и утраченное*“; но вслѣдъ затѣмъ онъ говоритъ нѣчто совсѣмъ иное. „Безъ національнаго чувства отвращенія итальянцевъ къ готамъ, лангобардамъ и грекамъ, никогда бы римскіе епископы не приобрѣли себѣ независимаго положенія въ отношеніи къ царградскому правительству и не рѣшились бы прибѣгнуть къ помощи франковъ. Франки же Карла V. и нѣмцы Оттона I и преемниковъ, со всею своею военною силою и храбростію, никогда бы не имѣли повода кичиться своими имперіями, если бы въ Римѣ и вообще въ Италіи не *оскромнѣло преданіе древне-римской славы и цивилизаций*“ (стр. 444). Эти преданія не могли назваться даже прожитыми и утраченными, если могли послужить основаніемъ для такихъ явленій, какъ имперія Карла V. или Оттона I.

²⁾ Laurent, Etudes sur l'hist. de l'humanité. La papauté et l'empire, стр. 362. „Слав. Сборн.“ 574—575.

³⁾ См. патетическую защиту историческихъ заслугъ Византіи въ этомъ отношеніи, у Rambaud, L'Empire Grec au dixième siècle. Paris, 1870. Предисловіе.

производила иное сильное впечатлѣніе между новыми народами. Главнымъ элементомъ того и другого было христіанство. Византія была источникомъ, откуда христіанство пришло къ народамъ востока и юго-востока Европы, и религиозное единство составляло ихъ основную связь. Константинополь многія столѣтія привлекалъ массы богомольцевъ своими священными реликвіями, которыхъ было здѣсь чрезвычайно много, произведеніями своего церковнаго искусства; для славянской Руси это была ближайшая и знаменитая святиня; для христіанскаго Востока, кромѣ того, здѣсь была надежда спасти дѣло вѣры отъ наступавшаго все грознѣе магометанства. Но этого религиознаго интереса нельзя смѣшивать ни съ политическимъ значеніемъ, ни съ собственно культурнымъ. Авторъ статьи «Слав. Сборника», напротивъ, сливаетъ всѣ эти отношенія, и еще больше запутываетъ вопросъ, смѣшивая то, что принадлежало идеѣ, ученію христіанства, съ національностью и имперією. Политически Византія, безъ сомнѣнія, больше отталкивала, чѣмъ привлекала; національный характеръ былъ слишкомъ часто антипатиченъ и даже ненавистенъ. Не одинъ Несторъ, на первыхъ страницахъ лѣтописи говорившій о «льстивости» (въ тогдашнемъ смыслѣ слова,—коварствѣ и предательствѣ) грековъ, видѣлъ и указывалъ тогда эту черту. Въ отношеніи грековъ къ другимъ народамъ не было ни широты взгляда, ни великодушія: они могли относиться высокомерно къ грубымъ и языческимъ «варварамъ», но то же высокомеріе—которое въ случаѣ надобности не мѣшало и униженію—они сохраняли и тогда, когда эти народы становились христіанами. Отношеніе это было, конечно, мало «христіанское», мало плодотворное въ образовательномъ отношеніи, но и мало благоразумное политически: идеальная имперія не сплотила сильнаго политическаго тѣла, которое могло бы выдержать напоръ мусульманства. Ея тысячелѣтная исторія есть исторія постепеннаго распадѣнія ¹⁾).

Значеніе философско-христіанской стороны византійской идеи авторъ объясняетъ, восходя къ первымъ вѣкамъ христіанства. Упомянувъ о первыхъ столѣтіяхъ новаго ученія съ язычествомъ и первыхъ апологіяхъ, писанныхъ христіанами въ за-

¹⁾ То, что приводится авторомъ на стр. 467 въ объясненіе высокаго значенія власти восточнаго императора въ средневѣковой Руси, мало доказательно. Патріархъ могъ требовать (въ 1893) или, вѣрнѣе, убѣждать русскихъ, чтобы имя византійскаго императора поминалось въ церковныхъ молитвахъ; но требованіе импер. германскаго Короля (въ 1142), чтобы греческій императоръ «наказалъ русскихъ», и извѣщеніе Калояна, что онъ уже «распорядился» объ этомъ, есть историческое недоразумѣніе.

щиту своего ученія, онъ справедливо указываетъ, что вліяніе христіанства продлило самое существованіе имперіи поднятіемъ умовъ и характеровъ. Правственная сила христіанъ возвысила уровень. Эти апологіи, дѣятельность и писанія первыхъ отцовъ церкви обнаруживаютъ замѣчательную смѣлость рѣчи, по поводу посягательствъ высшей государственной власти, и высокое нравственное достоинство. Примѣры этого представляетъ и западная церковь въ знаменитомъ Амвросіѣ, и восточная—въ Іоаннѣ Златоустѣ, Василіѣ Великомъ и проч. Здѣсь было истинное, высокое христіанское ученіе. Но затѣмъ, съ развитіемъ папства, съ возраставшимъ дѣленіемъ Востока и Запада, послѣдній все больше удалялся отъ этихъ началъ свободы духа и дѣленія государства и церкви. На Западѣ начинается царить принудительность и насиліе, и начала свободы духа остаются исключительной принадлежностью восточнаго христіанства.

Мы приводимъ въ примѣчаніи ¹⁾ общія соображенія автора,

¹⁾ „Изъ всецѣлаго признанія христіанскаго ученія,—говоритъ онъ,— непосредственно вытекаетъ обязательное для христіанъ признаніе самой полной и широкой свободы совѣсти, проповѣди устной и письменной, свободы преподаванія, ученія, соинѣнія и изслѣдованія. Эта неограниченная свобода духа подразумѣваемо и прямо содержится въ провозглашенномъ и требуемомъ Христомъ, его учениками, апостолами и старшими изъ духу преемниками, началѣ свободы церкви отъ государства. Этотъ принципъ отдѣленія власти духовной отъ гражданской, разграниченія области нравственнаго закона и внутренней правды отъ области юридической; сферы мысли, убѣжденія, совѣсти и ихъ свободнаго выраженія въ словѣ отъ сферы внѣшнихъ поступковъ и дѣяній, могущихъ подвергаться известнымъ стѣсненіямъ и ограниченіямъ левѣя, этотъ великій плодотворный принципъ принадлежитъ собственно къ величайшимъ умственнымъ стяжаніямъ новаго христіанскаго человѣчества. Но въ силу самой высоты своей, это начало свободы церкви отъ государства, въ теченіе вѣковъ, въ исторической дѣйствительности, болѣею частію подвергалось такимъ недоразумѣніямъ и ложнымъ толкованіямъ, что людскія поколѣнія и христіанскія общества, наиболѣе преданныя свободѣ духа, часто выступали и выступаютъ въ высшей степени враждебно противъ этого начала свободы церкви, а люди и цѣлыя классы общества, наименѣе умѣющіе понимать и цѣнить свободу духа, провозглашали и провозглашаютъ себя ревностными поборниками свободы церкви“.

Для осуществленія этой христіанской свободы требовалось бы сочетаніе высокихъ умственныхъ и нравственныхъ качествъ, которое рѣдко и въ современныхъ наиболѣе образованныхъ обществахъ. Оно было трудно и въ древности. „Съ быстринъ распространіемъ христіанства въ различныхъ краяхъ римской имперіи въ III—IV в., особенно съ обращеніемъ императоровъ и ихъ окружающихъ, естественно должно было провойти, съ нѣкоторыми благотворными переизмѣненіями въ общественной жизни, и довольно значительное *потомженіе въ общемъ пониманіи христіанства*, его основныхъ задачъ и требованій. Сущность христіанскаго ученія отъ этого нисколько не пострадала, основная идея церкви отъ этого не измѣнилась, но этия открылись широкое поле для множества искаженій, жестолкованій и недоразумѣній“. Всѣ эти миллионы людей и самъ императоръ, которые съ половины IV в. называютъ себя

дѣ высказано много очень справедливаго о томъ, какое должно быть истинное христіанское ученіе въ дѣлахъ мысли и совѣсти,— и обратимся къ его примѣненіямъ, которыя опять натынуты и произвольны.

Въ этихъ общихъ положеніяхъ авторъ стоитъ на исторической почвѣ и мы охотно отдадимъ ему справедливость, что онъ очень вѣрно понимаетъ многія черты тогдашнихъ понятій. Но что касается до изложенія дальнѣйшей судьбы этихъ понятій, онъ былъ бы ближе къ исторической истинѣ, еслибы не забывалъ поставленныхъ имъ самимъ историческихъ посылокъ. Мудрено прежде всего согласиться, чтобы и за это время, IV-й вѣкъ, не пострадала «сущность» и не измѣнилась «основная идея». Она, безъ сомнѣнія, не измѣнилась въ своихъ источникахъ, но въ живой дѣйствительности она, безъ сомнѣнія, теряла свое значеніе. Въ обществѣ съ грубо-вещественными понятіями, прежде установленная, основная идея или не понималась, или также понималась грубо-вещественно. Авторъ дѣйствительно замѣчаетъ это въ дѣйствіяхъ и мѣрахъ Константина и его преемниковъ. Но развѣ эти дѣйствія и мѣры прошли безслѣдно; развѣ они не были практикой жизни, школой и авторитетомъ для послѣдующихъ поколѣній? Напримѣръ, преслѣдованіе ересей стало правиломъ, заняло нѣсколько столѣтій; ожесточеніе, съ какимъ оно велось, вызывало свою реакцію, напримѣръ, иконоборческую; ереси не уменьшались, и становились, быть можетъ, еще болѣе рѣшительны въ своемъ отрицаніи. Наконецъ, предпринятая со временъ Константина кодификація ставила дѣло уже вовсе не въ смыслѣ свободы вѣры и мысли; напротивъ, это была положительная

христіанами—„вообще говоря, гораздо менѣе измѣняютъ свои понятія и привычки, образу христіанскому ученію, чѣмъ вносятъ въ его пониманіе и осуществленіе свои прежнія идеи, вѣрованія и привычки“. Особенно мало понятно имъ было отдѣленіе божескаго отъ Cesarевскаго, свобода духа и совѣсти. Большимъ несчастіемъ было то, что Константинъ и его преемники—„безъ сомнѣнія подъ внушеніемъ своей еще болѣе чуждой ревности не по разуму“—не умѣли удержаться на точкѣ зрѣнія миланскаго эдикта 313 г., призваннаго полную свободу вѣры и совѣсти и совершенное отдѣленіе религіи отъ государства. Авторъ указываетъ потомъ, какъ грубо-вещественны были воззрѣнія самого Константина,—какъ несправедливы были многія мѣры и гоненія его преемниковъ противъ язычества и еретиковъ. Римскимъ императорамъ, конечно, не легко было отказаться отъ своихъ прежнихъ правъ на вмѣшательство въ дѣла вѣры (правъ, какія имѣлъ императоръ, какъ Pontifex Maximus). Но нельзя и отрицать, особенно припомнимъ мудрую политику императоровъ Юлиана и Валентиніана I, что, будь въ тогдашнемъ христіанскомъ обществѣ болѣе возмѣшанныя и чистыя понятія о христіанствѣ, не могли бы имѣть мѣста и такіа чисто языческія мѣры въ его пользу“ и т. д. (стр. 490—498).

и строгая регламентація, которая съ теченіемъ времени закрѣпила это положеніе вещей, такъ что IX-й вѣкъ, взятый въ свои самыя нормальныхъ (не случайныхъ) формахъ, былъ слишкомъ не похожъ на IV-й.

Подобное измѣненіе произошло и въ другомъ отношеніи. Если съ IV-го вѣка замѣчается внесеніе грубо-вещественныхъ понятій, то оно не прекратилось и послѣ. Мало того: эти понятія постоянно расширялись и, наконецъ, охватили въ умахъ до того, что стали цѣлымъ важнымъ элементомъ въ религиозныхъ представленіяхъ общества. Въ самой Византіи они вызвали отчаянную реакцію, которая, впрочемъ, не измѣнила дѣла. Основная идея первыхъ вѣковъ, конечно, не могла удержаться въ своемъ прежнемъ характерѣ...

Упустивъ изъ виду развитіе этихъ факторовъ, съ IV-го вѣка, авторъ продолжаетъ настаивать на полной силѣ началъ IV-го вѣка, и для объясненія противорѣчій, которыхъ не могъ онъ не видѣть въ дальнѣйшей исторіи восточной имперіи, и для поддержанія своей теоріи принужденъ слишкомъ часто прибѣгать къ объясненіямъ, заимствованнымъ отъ несовершенства человеческой природы, отъ частныхъ ошибокъ или заблужденій и т. п. Иды передъ собой массу фактовъ, тянущихся на многія столѣтія, фактовъ, которые не укладываются въ поставленную ими идеалистическую рамку, авторъ— вмѣсто того, чтобы искать въ нихъ исторически образовавшіяся свойства цѣлаго времени и общества—хочетъ считать ихъ исключеніями, отдѣльными ошибками, временными заблужденіями. Мы видѣли однако, что дѣло идетъ не о временныхъ и частныхъ случаяхъ, а на примѣръ о цѣлой кодификаціи, которая, давая обязательный идеалъ для послѣдующихъ вѣковъ, носитъ въ себѣ слишкомъ много слѣдовъ общественныхъ несовершенствъ своего времени... Усиліе автора указать именно старый идеалъ IV-го вѣка въ смутныхъ фактахъ послѣдующей исторіи, заявлявшей свои особенныя свойства, это усиліе приводитъ автора къ странному смѣшенію историческихъ эпохъ. Вниманіе къ фактамъ указало бы автору то различіе между IV-мъ и IX-мъ в., о которомъ мы говоримъ. Путь историческихъ измѣненій, какой прошла Византія въ теченіе этого періода, былъ пройденъ, съ малыми отличіями, и Римомъ. Назнунѣ раздѣленія церковей онѣ были въ единствѣ и совершенно понимали другъ друга: но къ этому времени основная идея IV-го вѣка испытала, въ умахъ общества и въ его нравахъ, столь сильныя измѣненія, что по сравненію съ ними значительно измѣняется и самая важность явленій, которыя повлекли за собой

окончательное дѣленіе Востока и Запада. То, что совершилось въ «основной идеѣ» въ теченіе IV—IX вѣва, было важнѣе того, что совершилось въ IX—X-мъ столѣтіяхъ.

Такимъ образомъ и дальнѣйшія заключенія автора представляютъ рядъ парадоксовъ. Эти парадоксы отчасти были указаны противниками того взгляда, который защищается авторомъ, — но онъ опять повторяетъ ихъ безъ отвѣта на возраженія.

Излагая отношенія Востока и Запада съ IX-го вѣва, авторъ обвиняетъ всеобщую несправедливость или заблужденіе западныхъ историковъ въ пониманіи Византіи и византійскихъ началъ. Источникъ этой несправедливости онъ видитъ въ старой враждѣ Рима къ Византіи, — которая и дѣйствительно могла здѣсь участвовать, хотя далеко не въ одномъ этомъ заключался и заключается источникъ неблагоприятныхъ историческихъ сужденій о византійской имперіи и цивилизаціи. Осуждая католическихъ историковъ, авторъ очень высокомерно относится и къ протестантскимъ, не дѣлая (по давнишнему примѣру Хомякова) почти никакой разницы между тѣми и другими. Отзвы о писателяхъ рационалистическихъ, какъ увидимъ, еще суровѣе.

Итакъ, авторъ не видитъ или не признаетъ вліяній историческаго періода, протекшаго между IV-мъ вѣкомъ (или и болѣе ранними вѣвами) и IX-мъ, не признаетъ того, что въ «основную идею» жванъ внесла такіе элементы, безъ которыхъ она уже и не понималась, что «идея» была въ обращеніи уже не въ своей первоначальной формѣ, а въ новомъ истолкованіи. Рядомъ съ этимъ мы встрѣчаемъ однако и другія сужденія. «Въ мірѣ греко-славянскомъ», — говоритъ авторъ, — въ идеальное ученіе церкви не вералось понятій, которыя бы унижали или омрачали возвышенность и чистоту христіанскихъ началъ. Но и въ немъ, хотя главнѣйше по другимъ причинамъ, чѣмъ на западѣ, далеко не *вошли въ жизнь* и не укоренились въ нравахъ и тѣмъ болѣе въ учрежденіяхъ христіанскія начала терпимости и свободы вѣры, мысли и ихъ выраженія. Двѣ главныя страны греко-славянскаго міра, которымъ выпало на долю стоять въ челѣ восточно-христіанскаго человечества, развивать теоретически и осуществлять на практикѣ начала христіанскія, были поражены двумя важными, крупными недостатками или пороками. Главный народъ Византіи, греки были всегда лишены великаго государственнаго смысла и не умѣли никогда осилить и совладать съ полученною въ наслѣдство отъ римлянъ имперією, дабы вполне преобразовать ее согласно съ новыми потребностями и задачами христіанской образованности. При томъ же... греки среднихъ вѣковъ мало

имѣли цѣльности быта и крѣпости нравовъ. Главный народъ московскаго царства и россійской имперіи, русскіе, своимъ замѣчательнымъ практически государственнымъ смысломъ, правда, приближаются быть можетъ къ римлянамъ и далеко оставляютъ за собою грековъ; своими же способностями къ умозрѣнію и совершенію русскіе во всякомъ случаѣ превосходятъ римлянъ и гораздо ближе къ грекамъ ¹⁾... Но при всемъ этомъ, вслѣдствіе *особенностей* своего историческаго развитія, русскій народъ находится до послѣдняго времени и отчасти по нынѣ находится вообще на такой еще низкой степени умственнаго образованія и развитія, что русскому обществу пока совершенно были не по силамъ смѣлая постановка и сознательное разрѣшеніе высшихъ вопросовъ свободы вѣры, мысли и слова» и т. д. Авторъ видитъ такимъ образомъ, что дѣйствительность не отвѣчала идеалу; онъ не отвергаетъ, что по исчисленнымъ у него условіямъ греко-славянскій міръ часто искажалъ и не могъ воплотить въ жизни этотъ идеалъ; но несмотря на все имъ самимъ сказанное, авторъ продолжаетъ настаивать на своей теоріи и превозносить восточный міръ, именно потому, что въ него не вкралось унижающихъ и омрачающихъ понятій, что его просвѣтительное начало «осталось въ сущности чуждо началу принужденія и насилія», которое онъ считаетъ отличительной чертой западнаго міра. Авторъ ссылается на рядъ замѣчательныхъ отцовъ церкви и церковныхъ писателей, которые чтутся до сихъ поръ на христіанскомъ востокѣ и которые никогда не спускались до оскверненія, или даже до признанія этихъ началъ принужденія и насилія. Писатели иного рода, наклонные къ началу принужденія, какъ византійцы: Теофанъ, или Константинъ Манассія, или какъ Іосифъ Волоцкій на Руси, по словамъ автора, никогда не пользовались у своихъ соотечественниковъ общимъ сочувствіемъ и, напротивъ, находили суровыхъ порицателей. Авторитетами же оставались отцы церкви какъ Василій В., Іоаннъ Златоустъ и пр.

Авторъ приводитъ нѣсколько случаевъ и изреченій этихъ отцовъ (IV вѣка), гдѣ обнаруживается христіанское признаніе свободы духа, и снова осуждаетъ западныхъ историковъ, которые, «не доказавъ», чтобы эти воззрѣнія замѣнились другими или были забыты, упрекаютъ Византію за подчиненіе духовной сферы—сферѣ принудительной ²⁾. Но въ слѣдующихъ тотчасъ строкахъ

¹⁾ Пропускаемъ доказательства, отчасти очень оригинальныя, которыя читатель можетъ найти на стр. 501 „Сборника“.

²⁾ „Не доказавъ, что приведенныя воззрѣнія отцовъ церкви или могли ирртыться съ ученіемъ церкви о подчиненіи и порабощеніи ея государству, или были ясныя“

авторъ говоритъ: «обыкновенно указываютъ при этомъ на *различные и многочисленные* случаи вторженія восточныхъ императоровъ во внутреннюю жизнь церкви». Такимъ образомъ, очередь доказательствъ вовсе не за историками западными, а именно за восточными. Авторъ соглашается, что случаи вторженія дѣйствительно бывали, и многочисленные, но, не опровергая фактовъ и дѣланнаго изъ нихъ вывода, опять утверждаетъ, что историко-культурное значеніе Византіи не будетъ оцѣнено вполне, пока не будутъ подробно раскрыты возрѣнія восточной церкви «отъ лица *отрѣшихъ ея духу* или высшихъ по дарованіямъ и заслугамъ, а *не по саму*, представителей ея» — возрѣнія ихъ на случаи подобныхъ вторженій государства въ область церкви (стр. 512). Понятно, сколько произвола въ этой ссылкѣ на «вѣрныхъ духу», когда рѣчь идетъ о томъ, чѣмъ дѣйствительно была въ то или другое время известная идея или учрежденіе.

Такъ вообще вѣрная отдѣльная оцѣнка фактовъ перемѣшана съ произвольными идеалистическими выводами. Минуя все историческое движеніе до IX-го вѣка и позднѣе, авторъ настаиваетъ на идеальныхъ представленіяхъ, принадлежащихъ четвертому вѣку, и думаетъ, что они могутъ характеризовать IX—XV вѣка. Но, хотя бы эти идеалы и не были впоследствии «забыты», историкъ не можетъ же обойти фактической дѣйствительности, не можетъ мѣшать книги съ жизнью, безъ опасности — оказаться въ чисто воображаемомъ мірѣ. Идеалъ имѣетъ великую историческую цѣну — для того времени, которому принадлежитъ; но если и для того времени его дѣйствительная сила должна быть пробрана живыми фактами, то тѣмъ менѣе этотъ идеалъ можетъ

стѣи совершенно забыты или замѣнены другими, грубыми представленіями о свободѣ вѣры, мысли и слова, — католическіе и обыкновенно въ этомъ случаѣ вторяющіе имъ протестантскіе, а нерѣдко и чисто рационалистическіе (не-христіане) историки западные упрекаютъ восточное христіанство съ IX в. и даже раньше, съ Юстиніана I, или съ иконоборцевъ, за принятіе въ принципъ — подчиненія церкви государству, сферы духовной — сферѣ принудительной» (стр. 510).

Оспаривая глосса къ «рационалистическимъ» писателямъ, сдѣланная, вѣроятно, опять по примѣру Хомякова, удивительна въ авторѣ, столь близко знакомомъ съ церковной литературой и вѣроятно понимающемъ значеніе словъ. «Рационалисты» — излѣстнѣйшій разрядъ *христіанскихъ* теологовъ и историковъ. Даже благоразумные изъ католиковъ, отвергающіе понятія рационалистовъ, не исключаютъ ихъ изъ христіанства. Авторъ, такъ горячо защищающій византійскую свободу духа, не замѣчаетъ, что такое мнѣніе о рационалистахъ гораздо меньше похоже на Василія Великаго, чѣмъ на палскую энциклику. Если же онъ разумѣлъ какихъ-нибудь другихъ, напримеръ, совсѣмъ атенстическихъ писателей (да они и рѣдко дѣлали изслѣдованія о Византійской теологіи), то слѣдовало упрекать болѣе свойственный терминъ, для изъясненія грубыхъ недоразумѣній, которыхъ у насъ и безъ того много.

характеризовать позднѣйшія времена, когда онъ, хотя и не забытый, сохраняемый въ книгахъ, могъ однако потерять самую сущность своего истиннаго смысла.

Что IX — XV вѣка не были и не могли быть похожи на IV в. — можно принимать просто а priori. Историческое развитие не знаетъ неподвижности, и вопросъ наслѣдованія состоитъ въ опредѣленіи совершающихся перемѣнъ. Какъ бытовыя формы, такъ и отвлеченный принципъ, наслѣдуемый отъ старины, не можетъ оставаться неизмѣннымъ въ средѣ развивающейся жизни; онъ также или совершенствуется въ своемъ внутреннемъ содержаніи, или въ неблагоприятныя эпохи падаетъ, — сохраняясь въ книгѣ; забывается въ практикѣ жизни, становится официальной формулой, не исполняемой на дѣлѣ; самый возвышенный принципъ, общественный или религіозный, поставленный въ неблагоприятныя условія, теряетъ смыслъ для послѣдующихъ поколѣній, дѣлается мертвою буквою. Задача историка въ томъ и состоитъ, чтобы опредѣлить его значеніе въ ту или другую эпоху, — когда онъ былъ дѣйствительнымъ выраженіемъ жизни и господствовавшего въ ней высокаго энтузіазма, и когда онъ былъ только формулой, смыслъ которой оставался мало понятенъ или вовсе непонятенъ для людей, повторявшихъ ея слова.

Эти вопросы вообще представляются въ исторіи идеи, — будетъ ли то идея религіозная, поэтическая, общественная, законодательная. Такая идея можетъ жить долгіе вѣка, но ея историческое значеніе можетъ быть весьма различно въ разное время — уже потому, что въ исторіи ея чистая отвлеченность разлагается на факты личной и національно-бытовой жизни. Она можетъ развиться въ другую еще болѣе широкую идею; можетъ видоизмѣниться подъ новыми условіями, смѣшаться съ другими элементами, наконецъ, ослабѣть и утратиться, — быть можетъ, для того, чтобы потомъ возникнуть вновь, съ новою силою и съ болѣею глубиною.

Идея, о которой говоритъ авторъ, подлежала такимъ же историческимъ условіямъ. Мало того: содержаніе ея было столь многозначительно, что средневѣковое общество, и западное, и восточное, было вообще мало способно «воплотить ее въ жизнь», и нужны были бы долгіе и трудные опыты, особое умственное развитие и успѣхи общественной нравственности для того, чтобы идея лучшихъ людей IV-го вѣка стала серьезно доступна умамъ, могъ найти практическія осуществленія. По мнѣнію самого автора, два народа, бывшіе главными представителями восточнаго христіанства, не были къ этому способны, — одинъ по недостатку

государственного смысла, другой — по долговому и уморному невѣжеству.

Такимъ образомъ, и по объясненіямъ самого автора выходитъ, что одно традиціонное присутствіе идеи еще не составляло дѣйствительнаго ея господства, что для такого господства требовались еще иныя условія національной жизни. Слѣдовательно, разсматриваемая исторически, идея можетъ быть оцѣнена только въ связи съ другими явленіями, которыя ее ограничивали, и только въ этомъ ограниченіи она была фактомъ жизни, оказывавшимъ историческое дѣйствіе.

Очевидно, поэтому, что если идетъ рѣчь о сообщеніи идеи однимъ народомъ другому, какъ Византія сообщала ее Руси, то переносилось не одно или не само отвлеченное представленіе, а явленіе дѣйствительной жизни, т. е. идея передавалась не въ своей полной чистотѣ, а съ тѣми ограниченіями, съ какими она существовала на практикѣ въ самой Византіи. Дѣйствительно, съ ней переходили всякія книжныя традиціи, обычаи, схоластическая кодификація; переходило свѣтское законодательство императоровъ, составившееся именно въ духѣ упомянутыхъ ограниченій и искаженій идеи; переходила нетерпимость, развившаяся въ борьбѣ съ Западомъ и еще раньше съ своими ересями, и уже совершенно противорѣчившая идеѣ. Не говоримъ о томъ, какія новыя ограниченія вносила сама принимавшая Русь.

Такимъ образомъ, чтобы опредѣлить дѣйствительно исторически сущность этой идеи, и ея примѣненія въ національной жизни народовъ восточнаго міра, необходимо брать ее не какъ отвлеченность, книжное преданіе, а наблюдать на дѣлѣ совершавшіеся факты, существовавшіе способы пониманія и приложенія къ жизни; при этомъ можетъ иной разъ оказываться, что, находя въ цѣлости книжное преданіе, мы иногда не найдемъ и слѣда идеи въ разныхъ, и многочисленныхъ, явленіяхъ самой дѣйствительности.

Авторъ статьи «Слав. Сборника» не сдѣлалъ этого: тѣ ограниченія идеи, которыя были именно чертой времени и общества и которыя должны бы привлечь его вниманіе, — онъ объясняетъ только ссылками на слабость человѣческой природы или выдаетъ ихъ за исключенія. Думаемъ, что этотъ приемъ не разъясняетъ дѣла, а только обходитъ вопросы. Авторъ бываетъ и неправъ въ частностяхъ. Въ примѣрѣ «исключеній» въ религіозной жизни древней Руси, онъ называетъ преп. Іосифа Волоцкаго и ставитъ его особнякомъ, утверждая, что его ученія «никогда не пользовались общимъ сочувствіемъ» и даже вызывали строгое порицаніе. Это не

вполнѣ точно: дѣйствительно, преп. Іосифъ Волоцкій не пользовался общимъ сочувствіемъ и имѣлъ противниковъ, но его дѣятельность вообще была признана тогдашнею церковью, такъ какъ онъ причтенъ былъ къ лику святыхъ. Точно также св. Димитрій Ростовскій. Но это еще не важно; а главное въ томъ, что русская исторія представляетъ цѣлую массу фактовъ, явленій, ставшихъ обычнымъ правиломъ, гдѣ именно господствовали «привудительные» взгляды Іосифа Волоцкаго (что іерархія не всегда могла прилагать ихъ къ дѣлу, какъ не могъ и Іосифъ Волоцкій, — это, конечно, другой вопросъ). Такова исторія русскихъ ересей и всего раскола. Какъ могъ авторъ забыть или обойти эти явленія — для насъ непонятно. Не будемъ касаться трудныхъ вопросовъ о положеніи идеи, излагаемой авторомъ, въ русскомъ обществѣ новѣйшихъ временъ: довольно извѣстно, что это положеніе далеко не соответствуетъ теоріи, такъ пылко защищаемой авторомъ. И это положеніе — не временное и не случайное.

Возвращаемся къ греко-славянской теоріи. Различный характеръ Запада и Востока обнаруживался еще до раздѣленія церкви, но съ этого времени онъ сталъ выказываться еще рѣшительнѣе, прежнія разногласія превратились въ открытый разрывъ и ожесточенную вражду. Отличительная черта латинской церкви было начало принужденія и насилія. Отличительныя черты восточнаго міра авторъ передаетъ такъ: «внутреннее стремленіе къ нравственной высотѣ и къ цѣльности разума, разграниченіе въ принципѣ области церковной и государственной, области свободнаго духа и области внѣшне-обязательной и принудительной, сильное участіе совѣщательнаго начала и участія мірянъ въ управленіи церкви, бракъ духовенства и признаніе правъ народнаго языка въ богослуженіи были общедоступными дарами и благами всѣхъ восточно-христіанскихъ земель» (стр. 514).

Опять тѣ же идеалистическія обобщенія, выставлемыя категорически безъ всякаго вниманія къ фактамъ. Оставимъ въ сторонѣ «внутреннее стремленіе къ нравственной высотѣ», которое авторъ отдастъ въ монополію Востоку, какъ-будто Западъ былъ поголовно пораженъ нравственной нищетою; оставимъ «цѣльность разума», мистическій терминъ, унаслѣдованный авторомъ отъ Карлѣвскаго и Хомякова, и который пора бы бросить, потому что онъ ничего не объясняетъ; — но и другія черты очень требуютъ разъясненія, прежде чѣмъ можно было позволить себѣ дѣлать изъ нихъ историческій принципъ и полемическій аргументъ. Мы упоминали выше о томъ, насколько въ исторіи византійскаго обще-

ства и древней Руси, по преимуществу близкой къ Византіи, обширна была «область свободнаго духа»; и въ послѣдствіи, когда въ нашей жизни расширились средства образованія, между прочимъ въ самомъ духовенствѣ, мы напрасно искали бы расширенія этой области, а также и «сильнаго развитія совѣщательнаго начала»: мы недоумѣваемъ, въ какихъ фактамъ нашего быта, прошлаго или современнаго, могутъ быть приложены эти или другія черты, которыя между тѣмъ авторъ ставитъ въ число самыхъ отличительныхъ принадлежностей Востока. Точно также мы недоумѣваемъ и относительно другой особенности — «участія мірянъ въ управленіи дѣлами церкви». Чтобы видѣть, насколько было «совѣщательнаго начала» и «участія мірянъ въ управленіи церковными дѣлами» въ южномъ славянствѣ, и какъ признавалась тамъ народная церковь, довольно вспомнить исторію фанариотовъ, исторію недавняго возстановленія болгарской церкви, или современное отношеніе греческаго духовенства къ славянскимъ мірянамъ: говорить здѣсь о «совѣщательномъ началѣ» или «участіи мірянъ» было бы неизвинительнымъ злоупотребленіемъ словами. Можно, пожалуй, и въ этихъ примѣрахъ сослаться на исключенія и слабость человѣческой природы, но не будетъ ли слишкомъ много исключеній и слабостей?

Далѣе авторъ изображаетъ противоположность латинскаго Запада съ греческимъ Востокомъ, указаніемъ на исторію папскихъ безобразій и на то, какимъ образомъ средневѣковые протесты противъ папства находили себѣ опору въ существованіи византійскаго христіанства. Папскія безобразія и фанатизмъ католическихъ изуверовъ извѣстны достаточно, но эти отрицательные факты еще не объясняютъ вопроса о Востокѣ. Что касается западныхъ протестовъ, то были, конечно, весьма естественны и справедливы ссылки на Византію, когда шли споры противъ целибата духовенства или подобныхъ церковныхъ обычаевъ. Протесты противъ папства болѣе широкіе соединялись обыкновенно съ ересями, потому съ реформой; авторъ и здѣсь даетъ инициативу Византіи. До тѣхъ поръ, пока не будетъ больше, чѣмъ теперь, разработана исторія международныхъ связей средневѣковаго протеста и еретичества, объ этомъ предметѣ трудно высказываться съ нѣкоторой положительностью; но относительно приводимыхъ авторомъ примѣровъ можно и теперь сказать, что они очень мало доказательны — когда, на примѣръ, онъ придаетъ значеніе такимъ западнымъ ссылкамъ на Византію, которыя дѣлались (отчасти со стороны людей, близко ея не видавшихъ) съ чисто полемическими цѣлями, какъ самое письмо Фридриха II къ греческому импе-

ратору Ватаци, какъ ссылки на Византію у приверженцевъ «Вѣчнаго Евангелія» и т. д.

Въ числѣ фактовъ этого рода есть одинъ, обставленный у автора болѣе обильными доказательствами. Это—вліяніе византійскихъ преданій на реформу Гуса,—тѣма, давно указанная г. Новиковымъ и потомъ продолженная Гильфердингомъ. Въ настоящемъ случаѣ она излагается болѣе убѣдительно, чѣмъ прежде, при помощи новыхъ историческихъ данныхъ и новыхъ соображеній, и этотъ эпизодъ—одинъ изъ самыхъ любопытныхъ въ статьѣ.

Но хотя бы этотъ фактъ участія византійскихъ вліяній при возникновеніи реформы Гуса можно было счесть доказаннымъ, остается несомнѣннымъ, что не одни воспоминанія о народной церкви, нѣкогда полученной изъ Византіи, подали основаніе къ гуситскому протесту; что развитіе реформы, еще при самомъ Гусѣ, шло дальше, чѣмъ допускала бы византійская (церковная) программа. При дальнѣйшихъ преемникахъ Гуса это было уже совершенно очевидно: то истинное христіанство, котораго искали гуситы, было не тогдашнее византійское христіанство, даже не христіанство IV—IX вѣка, а скорѣе христіанство I—IV вѣковъ, когда оно еще было болѣе нравственнымъ ученіемъ, нежели кодифицированной системой, сложной іерархіей и обрядомъ. Такимъ образомъ, византійскія воспоминанія могли быть однимъ изъ поводовъ, а самая сущность движенія могла быть независимымъ созданіемъ чешской жизни, почерпавшимъ силу въ средствахъ туземнаго національнаго возбужденія и туземной, т.-е. западной, образованности. Въ самомъ дѣлѣ, Гусъ, славянскій патриотъ, былъ вмѣстѣ и схоластическій ученый по западному образцу, релігіозный реформаторъ, идеи котораго были сродны западнымъ умамъ въ такой степени, что по ихъ сущности гуситство стояло въ исторической связи и съ предыдущимъ движеніемъ, напр. съ вивлефизмомъ, и съ послѣдующей реформой XVI-го вѣка.

Если мы признаемъ, кромѣ этого, и другіе факты релігіознаго возбужденія, исходившаго отъ Византіи и производившаго возстанія противъ папскаго самовластія и церковныхъ недостатковъ латинства, останется во всякомъ случаѣ вопросъ, требующій разъясненія: какимъ образомъ могло произойти, что движенія, возбужденныя (какъ говорятъ) изъ Византіи и несомнѣнно имѣвшія великое вліяніе на дальнѣйшіе успѣхи европейской общественности и умственнаго развитія, что эти движенія принесли свой плодъ именно на Западѣ, тогда какъ Востокъ остался въ сторонѣ и не воспользовался результатами, источникъ въ

орыхъ, повидимому, ему самому принадлежать? Могутъ сказать, что Византія уже владѣла всѣмъ тѣмъ, къ чему стремились оперь на Западѣ люди, выставившіе свои протесты и искавшіе реформы? Но этого не было, потому что эти движенія, какъ у Гуса, а и у Лютера, превышали византійскую программу; научное движеніе, порожденное, какъ говорятъ, также византійцами, уже скорѣ обнаружило силу, какой не знали византійцы. Нѣсколькочуждымъ образомъ, авторъ (если только мы правильно его понимаемъ) къ числу заслугъ Византіи въ содѣйствіи европейскому движенію ставить и вліанія византійскихъ еретиковъ, слѣдовательно людей, отрицавшихъ само византійское пониманіе христіанства ¹⁾).

Приведенная въ выносѣхъ цитата приводитъ насъ во взгляду втора вообще на отношенія восточной и западной образованности въ средніе вѣка. Первой онъ придаетъ гораздо болѣе обширное значеніе, чѣмъ думаютъ до сихъ поръ историки европейскаго образованія,—и особенно въ эпоху возрожденія, которое онъ считаетъ повидимому всего больше дѣломъ византійскаго возбужденія.

«...Вся ново-европейская цивилизація,—говоритъ онъ,—развилась подъ сильнѣйшимъ вліаніемъ греко-римской. Оно выразилося не только въ эпоху Renaissance: оно дѣйствовало неотра-

¹⁾ Вотъ его слова: „Протесты (противъ римскаго папства, въ концѣ среднихъ вѣковъ, на Западѣ) были двоякаго рода. Одни строго держались почвы христіанской; другіе, возставая противъ Рима и отрицая его ученія, подталкивались вообще подъ основы христіанства. Оба рода этихъ протестовъ получали сильный толчекъ, непосредственныя внушенія отъ грековъ, отъ восточной церкви и возникавшихъ въ ней расей...

„Всѣ эти протесты и движенія средневѣковой западно-европейской мысли, какъ христіанской, такъ и анти-христіанской, осмѣнили и оплодотворили ново-европейскую образованность. Только съ XVI или XVII в. эти идеи или начала стали развиваться вполне своеобразно на Западѣ, давать новые отростки и самостоятельныя плоды. До этого же времени греко-восточная мысль вообще была выше, глубже и са-любитѣе романо-германской, значительно ее опережала. Надлежитъ также прибавить, что Западъ не воспринялъ во всей полнотѣ и цѣльности мысль восточно-христіанскую. Онъ преимущественно и погнѣе принялъ отъ грековъ и съ XVI в. сталъ развивать далѣе рационалистическія ученія крайнихъ иконоборцевъ, павликіанъ, и такихъ греческихъ мыслителей, которые, какъ Гемистъ Плевонъ и др., отвергая христіанство, стремились возвратитъ человѣческую мысль къ древне-эллинскому научному просовершенію, къ чистой философіи Платона или Аристотеля. Средневѣковые протестники на Западѣ римскаго авторитета, стоятъ ли они на точкѣ зрѣнія христіанской или анти-христіанской, относятся къ восточной церкви или ея еретикамъ болѣе или менѣе ученически почитательно, указывая на нее или на нихъ, какъ на источникъ просвѣщенія — ex Oriente lux, какъ на примѣръ, достойный подражанія въ томъ отношеніи, въ коемъ сильнѣе выражалось ихъ недовольство Римомъ, папствомъ“ (стр. 568).

зимо и постоянно въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ. Самое начало такъ-называемаго Возрожденія относится собственно не къ взятію Константинополя турками, не къ переселенію многихъ ученыхъ грековъ съ рукописями въ Италію и вообще на западъ, но къ временамъ гораздо болѣе раннимъ, чѣмъ даже жилъ Петрарка (1304—1374). Еще до пятого крестоваго похода, до основанія латинской имперіи въ Константинополѣ (1204) и образованія множества французскихъ, итальянскихъ и частью испанскихъ владѣній въ азіатскихъ провинціяхъ восточно-римской имперіи, въ Моревъ и на островахъ Іонійскаго и Эгейскаго морей, народы западной, особенно латинской Европы, и преимущественно итальянцы состояли съ греками въ самыхъ тѣсныхъ и живыхъ сношеніяхъ, имѣя въ различныхъ углахъ восточной имперіи многочисленныя и многоязныя факторіи, родясь съ греками, выучиваясь ихъ языку, воспринимая и усвоивая себѣ ихъ культуру и цивилизацію, простирая эти заимствованія отъ модъ и правилъ общежитія, отъ шелководства и выдѣленія парчей и разныхъ матерій, до различныхъ приемовъ, мотивовъ и сюжетовъ живописи, архитектуры, до научныхъ свѣдѣній и религіозныхъ идей... Уже въ эпоху славы болонскаго и парижскаго университетовъ мы видимъ нѣкоторыхъ любознательныхъ лицъ на Западѣ, которые ѣдутъ для высшаго образованія къ грекамъ и по возвращеніи на родину сохраняютъ дорогія воспоминанія о просвѣщенныхъ взглядахъ и глубокой учености своихъ греческихъ наставниковъ.—Такъ, даже оставляя въ сторонѣ посредственное дѣйствіе греческой цивилизаціи на средневѣковой Западъ черезъ арабовъ, она, задолго до настоящаго Renaissance, прямо, непосредственно чрезъ Византію, болѣе или менѣе сильно дѣйствовала на страны западной Европы.

«До самаго водаренія въ Византію турокъ,—говоритъ авторъ въ другомъ мѣстѣ, — даже враждебному ей романо-германскому Западу, имѣвшему свои университеты, науку и литературы, Византія справедливо представлялась столицей высшаго образованія»¹⁾.

Выше мы замѣтили, что до болѣе полной разработки средневѣковой литературы греческой и западно-европейской трудно составить себѣ точное понятіе объ отношеніяхъ Византіи къ западнымъ церковнымъ движеніямъ; то же надобно сказать и относительно средневѣковой науки и литературы. Но авторъ во всякомъ случаѣ сказалъ слишкомъ много, поставивъ Западъ въ уче-

¹⁾ Стр. 419—421, 461.

ники Византіи. Въ этомъ вопросѣ о греческомъ или восточномъ воздѣйствіи на западную образованность должно отличать факты весьма различнаго значенія, и только при этомъ различеніи могутъ точнѣ опредѣлиться свойства самой византійской культуры и степень ея дѣйствительной заслуги.

Такимъ образомъ должно отличать, во-первыхъ, вліянія античныя, древне-греческія и, во-вторыхъ, вліянія древне-христіанскія, — гдѣ (въ томъ и другомъ случаѣ) Византія играла роль хранительницы и посредницы; въ-третьихъ, подобныя посредственныя вліянія древне-греческой литературы (особенно Аристотеля) черезъ арабскія школы и переводы; наконецъ, вліянія, принадлежавшія собственно Византіи, исходившія отъ ея труда и отъ ея мысли. Повѣстно, что первыя три категоріи не могутъ быть поставлены въ заслугу собственно-византійской, средне-греческой цивилизаціи, — онѣ не были ея созданіемъ, и она относительно ихъ совершала только трудъ посредства, сбереженія, — а иногда утраты и порчи.

Вліяніе античной цивилизаціи на новую Европу начинается еще въ то время, когда Римъ (поглощавшій тогда и Грецію) былъ языческимъ, а предки позднѣйшихъ европейскихъ народовъ были варварами. Съ начала IV-го вѣка Римъ сталъ официально христіанскимъ, имперія была перенесена на Востокъ, языческая древность стала испытывать гоненія, но продолжала существовать, еще въ томъ же IV-мъ вѣкѣ имѣла свой короткій, но не лишенный блеска возвратъ, и при всемъ могуществѣ переворота, совершеннаго христіанствомъ, употребляла послѣднія силы на сохраненіе старыхъ философскихъ преданій и на борьбу. Уже въ 529 г., при Юстиніанѣ, языческія школы были окончательно закрыты, по приказу этого императора.

Съ того же времени совершается эллинизация восточной имперіи, и вмѣстѣ возникаетъ особый національный типъ византійства, потому что «ромей» уже не были прежними греками ни по этнологическому составу народности (въ которую вошло много новыхъ элементовъ), ни по дарованіямъ. Здѣсь собственно только и начинается средне-греческая «Византія», какъ отдѣльное историческое явленіе, какъ особое государство, фазисъ національности, образованность... Несмотря на гоненія и закрытіе школъ античныя преданія еще хранились кое-гдѣ въ VI—VII вѣкѣ, а потомъ, утративши послѣдніе остатки живой силы, — они, вѣроятно по связи съ преподаваніемъ стили и реторики, стали привлекать любопытство собирателей, которые и сохранили многое изъ произведеній древности въ своихъ компіляціяхъ.

Такимъ образомъ очень долго сберегалась сама подлинная античная древность, и сохраненіе ея преданій до VI—VII-го вѣка не было дѣломъ Византіи, которая, напротивъ, сама старалась ихъ истреблять и многое истребила.

Во-вторыхъ, не должно смѣшивать византіиства съ христіанствомъ. Высокія идеи новаго ученія явились для собственно византіискаго періода готовыми; не только писатели первыхъ вѣковъ, но и патристическіе писатели IV-го вѣка, современные началу восточной имперіи, которымъ принадлежитъ великая заслуга объясненія и энергической защиты этихъ истинъ, развивались подъ влияніями старой образованности, которая въ IV-мъ вѣкѣ имѣла еще своихъ замѣчательныхъ представителей, какъ Прокль; Либаній могъ быть другомъ Василія Великаго. Собственная роль Византіи, или средне-греческой національности, въ развитіи христіанской философіи начинается нѣсколько позднѣе, съ возрастающимъ стремленіемъ къ кодификаціи ученій, съ новымъ законодательствомъ, съ тѣми безвѣчными метафизическими спорами, которые становятся на нѣсколько столѣтій господствующимъ интересомъ византіискихъ умовъ.

Въ-третьихъ, посредственная заслуга Византіи въ сообщеніи новой Европѣ философіи Аристотеля и другихъ произведеній древности, черезъ арабовъ,—эта заслуга была очень неопредѣлена, такъ что многіе ея вовсе здѣсь не находятъ, и приписываютъ ее именно арабамъ, — которые въ тѣ времена призывали къ себѣ ученыхъ, преслѣдуемыхъ въ самой Византіи, покупали греческія бібліотеки или получали ихъ по договорамъ какъ военный трофей, переводили древнихъ авторовъ на арабскій языкъ и распространяли въ своихъ школахъ.

Итакъ, элементы византіискаго образованности были весьма различны, и далеко не всѣ были ея собственнымъ приобрѣтеніемъ. Античная древность и первая древность христіанская ей не принадлежали (какъ не ея заслугой была и образованность арабовъ). Если византіискаго образованность усвоивала себѣ то и другое, изучала древнихъ, выбирала патристическіе авторитеты и продолжала ихъ религіозно-философскія задачи,—ея культура не отождествилась ни съ тѣмъ, ни съ другимъ. Она своеобразно относилась къ этому содержанію. Иногда ея мыслители и писатели умѣли быть на высотѣ воспринятой идеи; иногда (особенно, относительно научнаго содержанія античнаго міра) они были только компиляторами, собирателями, схолиастами; иногда, античныя преданія, напр. чисто научныя, были ею и совсѣмъ забыты; иногда

высокая идея вызывала въ нихъ только теоретическое резонерство, и живая истина утопала въ схоластикѣ.

Въ этой схоластикѣ, или религіозной философіи Византіи авторъ, кажется, и находитъ ея основную силу и придаетъ ей великое значеніе, повидимому, не только съ исторической точки зрѣнія. Онъ замѣчаетъ, что Западъ, который, по его мнѣнію, такъ много былъ обязанъ Византіи и только съ XVI и XVII в. началъ своеобразное развитіе,—«не воспринялъ во всей полнотѣ и цѣльности мысль восточно-христіанскую», т.-е. какъ она излагалась и развивалась византіяцами. По его мнѣнію, Западъ «преимущественно и полнѣе принялъ отъ грековъ и съ XVI в. сталъ развивать далѣе рационалистическія ученія крайнихъ иконоборцевъ»¹⁾. Но, сколько мы знаемъ, новѣйшая философія ведетъ нѣсколько иначе свою генеалогію, и въ схоластикѣ среднихъ вѣковъ, и западной, и византійской, не думаетъ видѣть источника, еще недовольно ею исчерпаннаго и къ которому ей еще не мѣшало бы возвратиться,—какъ авторъ повидимому хочетъ сказать²⁾,—и, напротивъ, считаетъ схоластику особымъ, завершеннымъ историческимъ періодомъ, и даже не философіей въ истинномъ смыслѣ слова³⁾.

¹⁾ Стр. 568; см. приведенную выше цитату.

²⁾ Другіе это говорили довольно положительно.

³⁾ Вотъ слова Льюиса,—котораго беремъ не какъ особый какой-нибудь авторитетъ, а какъ писателя, который доступенъ и въ русской литературѣ (наша литература не особенно счастлива въ знакомствѣ съ европейскими произведеніями этого рода).

„Древняя философія утала съ Прокломъ,—говоритъ Льюисъ.—Преемники его, хотя и назывались философами, но въ сущности были только религіозными мыслителями, употреблявшими философскія формулы. Ни одинъ изъ нихъ не покусился на рѣшеніе этихъ трехъ великихъ задачъ философіи: откуда взялся міръ? какова природа Бога? какова природа человѣческаго знанія? Эти религіозные мыслители много рассуждали, аргументировали, дѣлили и подраздѣляли понятія, но при всемъ этомъ они употребляли философію только какъ вспомогательное средство: при рѣшеніи всѣхъ великихъ задачъ вѣра была ихъ единственнымъ орудіемъ.

„Послѣдующія эпохи называются эпохами христіанской философіи; но это названіе есть абсурдъ. Христіанинъ, конечно, можетъ быть въ то же время и философомъ; но говорить о христіанской философіи значитъ злоупотреблять словами. Христіанская философія значитъ христіанская метафизика, т.-е. рѣшеніе метафизическихъ задачъ посредствомъ началъ христіанства. А чтó такое христіанскія начала, какъ не доктрины, возвышенныя намъ Откровеніемъ Христа, т.-е. такія доктрины, которыя потому и возвышены намъ откровеніемъ, что онѣ недоступны нашему разуму, и которыя мы можемъ воспринять не иначе, какъ вѣрою, потому что разумъ оказался въ этомъ отношеніи совершенно несостоятельнымъ.

„Рѣшеніе метафизическихъ проблемъ съ помощью разума—вотъ предметъ философіи, а между тѣмъ философіей называютъ такое рѣшеніе этихъ проблемъ, которое

Въ историческомъ развитіи средневѣковой схоластики, Византія во всякомъ случаѣ не занимала той особенной роли, какую приписываетъ ей авторъ. На Западѣ, по не прекращавшемуся преданію, независимо отъ Византіи знали Платона, неоплатоновъ, Аристотеля, отцовъ церкви до IV-го, даже V-го вѣка. До раздѣленія церквей, патристическіе писатели Востока и Запада были общимъ церковнымъ достояніемъ. Западная схоластика развивается позднѣе, потому что позднѣе образовалось самое общество, возникшее изъ племенного броженія по паденіи западной имперіи,—но она уже скоро стала самостоятельной школой. Нѣкоторые изъ первыхъ схоластиковъ съ IX-го вѣка знали византійцевъ, и гордились этимъ знаніемъ, потому что оно было уже рѣдко. Дальнѣйшій ходъ схоластики былъ вообще дѣломъ собственныхъ усилій западной школы, а не византійскаго руководства.

Напротивъ, исторія сочиненій Аристотеля и его средневѣкового значенія представляетъ совсѣмъ иные отношенія. Въ Византіи знали Аристотеля, но не отъ нея знакомство съ Аристотелемъ перешло къ западнымъ философамъ. На Западѣ, въ первое время среднихъ вѣковъ, до XII-го вѣка, извѣстна была только діалектика Аристотеля (въ изложеніи Боэтія). Съ XII-го вѣка вошли въ школу и физическія, метафизическія и этические сочиненія Аристотеля, которыя вскорѣ и положены были въ основаніе схоластической средневѣковой теологіи. Авторитетъ Аристотеля нѣсколько вѣковъ былъ непререкаемъ. Но западная схоластика заимствовала Аристотеля не отъ грековъ, но отъ испанскихъ арабовъ и евреевъ, вмѣстѣ съ ихъ комментаріями и объясненіями этой философіи.

Въ періодъ Возрожденія, византійская ученость оказала болѣе прямое и дѣйствительное участіе въ началѣ и развитіи этого умственнаго движенія. Но и здѣсь вліяніе исходило не изъ собственно византійскаго творчества, а изъ передачи античныхъ пре-

совершается не съ помощію разума, а съ помощію вѣри; сущность философіи состоитъ въ разсужденіи, а сущность религіи—въ вѣрѣ, слѣдовательно и не можетъ быть религіозной философіи: эти два выраженія не совмѣстны одно съ другимъ. Философія можетъ заниматься тѣми же задачами, какъ и религія; но она дѣйствуетъ по другимъ методамъ и зависитъ отъ совершенно иныхъ началъ. Религія можетъ и должна принимать себѣ на помощь философію, но въ такомъ случаѣ она отводитъ философіи недвучальное мѣсто, роль объяснительницы, примирительницы и примирительницы религіозныхъ догматовъ. Это будетъ не религіозная философія, а религія и философія, изъ которыхъ послѣдняя лишена права рѣшать вопросы самостоятельно, и допущена только въ качествѣ примирительницы рѣшеній религіи съ рѣшеніями разума". Льюиса „Исторія Философіи“, въ русскомъ переводѣ. Спб. 1866, стр. 343—344.

даній: греки облегчили движеніе, основнымъ источникомъ котораго были собственные запросы западной науки и литературы. Греки нашли въ Италіи подготовленную почву — покровительство ученымъ трудамъ, любовь къ древности и столь усердныхъ и даровитыхъ учениковъ, какихъ вѣроятно гораздо меньше находили на своей родинѣ. «Возрожденіе» нашло въ Италіи, Франціи, Германіи послѣдователей съ такимъ энтузіазмомъ и энергической дѣятельностью, что оно стало цѣлымъ культурнымъ явленіемъ, какимъ не было никогда въ самой Византіи. То же слѣдуетъ вѣроятно сказать и о вліяніяхъ Византіи въ области искусства, относительно которой авторъ слишкомъ мало оговариваетъ вліянія Византіи, когда говоритъ, напр., о заимствованіи мотивовъ и сюжетовъ живописи.

Въ практическихъ примѣненіяхъ византійскаго принципа, факты опять мало соответствуютъ тому идеалистическому представленію, какое даетъ авторъ. При всемъ преимуществѣ восточныхъ возрѣній надъ узкою и принудительною системою западной церковности, Византія не умѣла однако сохранить и тѣхъ приобретений, какия сдѣлала въ первоначальныхъ церквахъ славянскихъ. Въ IX-мъ и X-мъ вѣкѣ въ церковный союзъ съ греками вступили почти всѣ вѣтви славянскаго племени, болгары, сербы, словинцы, чехи, русскіе, поляки, отчасти и полабскіе славяне; но извѣстно, что восточное христіанство не удержалось у западныхъ вѣтвей и уступило латинству. Самъ авторъ признаетъ, что это была вина Византіи. Послѣ Кирилла и Меѳодія не нашлось людей, способныхъ продолжать ихъ дѣло. «Ничто такъ не говоритъ объ упадкѣ духовнаго просвѣщенія и христіанской жизни въ Византіи второй половины IX-го и слѣдующихъ столѣтій, какъ это полное въ ней отсутствіе людей, готовыхъ съ опасностью жизни и съ пренебреженіемъ всѣхъ трудностей и неприяностей идти въ западно-славянскія земли... и вступить тамъ въ прямую и открытую борьбу съ латинно-нѣмецкимъ духовенствомъ, отстаивать и охранять насажденіе Константина и Меѳодія и распространять на славянскомъ языкѣ христіанство въ тѣхъ западныхъ заголустяхъ славянскихъ, куда оно не проникло еще при этихъ первоучителяхъ. Тогдашніе многочисленные монастыри греческіе могли бы поставить цѣлыя полки такихъ миссіонеровъ... Но греки предпочитали заниматься теоретическими тонкостями и политическими интригами... А между тѣмъ живые, неутомимые, энергическіе латинно-германцы не щадили никакихъ средствъ и усилій, дабы вырвать съ корнемъ юное насажденіе Константина и Меѳодія и утвердить латинскую церковь вмѣстѣ съ своимъ полити-

ческимъ владѣтельствомъ и вліяніемъ въ западныхъ земляхъ славянскихъ»¹⁾). Византія должна была ограничиться югомъ и востокомъ, которые притомъ были почти совершенно недоступны географически вліяніемъ латино-германства.

Противоположность въ характерѣ и способѣ дѣйствія, здѣсь указанная, обнаруживалась не только въ однихъ церковныхъ дѣлахъ. Въ другихъ мѣстахъ самъ авторъ говоритъ о «составившихся» грѣхахъ византійскаго періода²⁾. И въ самомъ дѣлѣ, при многихъ замѣчательныхъ личностяхъ, при большомъ запасѣ преданій и образованности, византійское общество въ цѣломъ носило признаки упадка, истощенія и слабости, тогда какъ западное общество было еще очень богато непосредственными силами, какъ это чувствовали и сами византійцы: «неугомонность» и энергія, отличавшія западное общество, часто дѣлавшія его грубымъ и хищнымъ, дѣлали его однако смѣлымъ и сильнымъ и въ умственной жизни. «Латино-германство», каково бы оно ни было въ дѣлахъ религіозныхъ, достигало сильнаго объединенія въ моральныхъ и умственныхъ интересахъ, — какового въ своемъ кругѣ не давала Византія. Южное и русское славянство цѣлые вѣка были связаны съ Византіей тѣсными церковными узами, но Византія не сообщила имъ и тѣни познаній, какими все-таки была богата ея литература и главный запасъ которыхъ, послѣ ея паденія, перешелъ въ итальянцамъ и другимъ западнымъ народамъ, — да и вообще не передала Россіи особенно богатаго и выгоднаго умственнаго наслѣдства. Русскіе думали въ XV-мъ вѣкѣ (авторъ статьи «Славянскаго Сборника» и теперь это думаетъ), что послѣ паденія Константинополя Москва осталась преемницей и наслѣдницей Византіи, «третьимъ Римомъ», главой восточнаго христіанства. Дѣйствительно, Россія съ тѣхъ временъ стала самымъ сильнымъ государствомъ христіанскаго Востока, но стала благодаря собственной энергіи, а не византійскому наслѣдію; политическое могущество не сдѣлало Россію главою восточнаго христіанства, какъ была Византія; церкви восточныя съ XV-го вѣка и донныя были предоставлены собственнымъ средствамъ въ своемъ церковномъ бытѣ и просвѣщеніи; далѣе, тѣ бытовныя формы, которыя можно приписывать византійскому преемству, не были приобрѣтеніемъ, несомнѣнно выгоднымъ. Наконецъ, Россія не унаслѣдовала и преданій византійской образованности. Когда ученые византійцы покидали навѣсое от-

¹⁾ Стр. 456—457.

²⁾ Стран. 500.

чество, спасая преданія своей литературы, никому изъ нихъ не пришла мысль идти въ Москву, — тамъ имъ было нечего дѣлать, — и они шли въ Италію. Новѣйшая греческая ученость примыкала и примыкаетъ обыкновенно къ Западу.

Безспорно, великой заслугой Константина и Меѳодія было введеніе христіанства на народномъ языкѣ: для самыхъ истинъ христіанства было достойнѣе являться народамъ на живомъ языкѣ, говорить прямо уму и сердцу людей, не облакаясь въ странную официальность непонятнаго языка. Но не слѣдуетъ преувеличивать этой разницы восточнаго и западнаго христіанства. Дѣйствительно, на Западѣ латинскій языкъ является языкомъ богослуженія, церковнаго законодательства — но была и живая проповѣдь, поученіе на народномъ языкѣ. Господство латыни въ церкви сдѣлало ее языкомъ образованности, и эта образованность становилась достояніемъ *всей* западной Европы. То единство Запада, которое, напримѣръ, нашъ авторъ хочетъ объяснять фальшивыми и насильственными принципами папства и императорства, было, особенно, единствомъ образованности, которое, при помощи латинскаго языка, простиралось всегда дальше границъ имперіи, и пережило тѣ времена, когда авторитетъ папства во многихъ странахъ былъ подорванъ и уничтоженъ. Между прочимъ, обща образованность разносила вездѣ и протесты противъ этого папства. Устраненіе народнаго языка изъ официального христіанства на западѣ вознаграждалось богатымъ развитіемъ національныхъ литературъ, гдѣ мотивы народно-поэтическіе были разработаны въ такомъ обиліи, какаго никогда не видѣли славянскія литературы, начавшія съ перевода св. писанія. Съ другой стороны, появленіе писанія на древнемъ народномъ языкѣ у славянъ восточныхъ закрѣпило этотъ языкъ для церкви и образованія, и уже вскорѣ произвело два языка — одинъ для жизни, другой для книги. Это повлекло за собой свои крупныя неудобства. Языкъ книги съ вѣками становился непонятенъ для массы; невразумительность церковной рѣчи породила цѣлый расколъ; господство церковнаго языка затруднило самое образованіе литературы на живомъ языкѣ, которому только длиннымъ рядомъ усилій удалось завоевать себѣ право независимаго существованія, — но черезъ тысячу лѣтъ послѣ Константина и Меѳодія не удалось еще стать живымъ языкомъ религіи.

Мы замѣчали выше, что при международныхъ культурныхъ вліяніяхъ обыкновенно извѣстная идея, нравственный принципъ, знаніе не передаются въ своей чистой, отвлеченной формѣ, но что вмѣстѣ съ тѣмъ оказываютъ свое дѣйствіе способы пониманія,

этнографическія особенности, съ какими идея являлась у народа передающаго. Въ древней Руси византійскія вліянія не были только книжныя и отвлеченныя; напротивъ, съ перваго введеніи христіанства сами византійцы приходили въ Россію іерархами, художниками; съ ними встрѣчались русскіе духовные люди и паломники въ Цареградѣ, на Аѳонѣ, и т. д.; съ общимъ христіанскимъ знаніемъ, церковной литературой, легендами и сказаніями, почерпался и тотъ особый складъ религіозности, который отличалъ византійскихъ ревнителей. Само собою разумѣется, что была большая разница въ положеніяхъ и развитіи: древняя Русь не могла равняться византійцамъ въ ихъ церковно-схоластическую ученость; античныя изученія византійцевъ и вовсе оставались ей чужды и неизвѣстны; самый складъ византійской религіозности принимался съ извѣстнымъ выборомъ, ограниченіемъ или усиліемъ, смотря по обстоятельствамъ времени и собственнымъ наклонностямъ,—но общее вліяніе византійскихъ свойствъ не подлежитъ сомнѣнію.

Авторъ статьи «Слав. Сборника» вѣрно опредѣляетъ нѣкоторые изъ этихъ свойствъ «состарившихся» грековъ; въ дополненіе къ его замѣчаніямъ приводимъ еще характеристику, сдѣланную однимъ изъ нашихъ изслѣдователей византійства. Рѣчь идетъ о положеніи Византіи и характерѣ ея религіозности въ концѣ XI-го вѣка, въ тяжелыя времена, когда нападенія турокъ и печенѣговъ заставили Византію сознаться въ своемъ безліи и обратиться за помощію къ ненавистному и пренебрегаемому Западу,—но общія черты національно-религіознаго склада, здѣсь указанныя, найдутся, конечно, и ранѣе и позже этого времени онѣ принадлежали всему національному характеру.

«Первые годы послѣдняго десятилѣтія въ XI-мъ вѣкѣ,—говоритъ нашъ изслѣдователь,—это былъ моментъ, когда государственная Византія, гордая своими римскими преданіями, своимъ незапятнаннымъ православіемъ, своимъ безконечнымъ превосходствомъ надъ всѣмъ варварскимъ міромъ, грубыми инстинктами котораго она умѣла управлять съ такимъ искусствомъ, и въ средѣ котораго она причисляла какъ западныхъ христіанъ, такъ и своихъ славянскихъ единовѣрцевъ,—потеряла вѣру въ себя и въ высокія заслуги своего православія. Эти заслуги предъ судомъ исторіи, дѣйствительно, высоки, но онѣ, конечно, не оправдывали того *иудейскаго*, во всякомъ случаѣ не-христіанскаго воззрѣнія, что догматы и обрядъ составляютъ всю сущность христіанства—помимо духа любви христіанской; что общество, которое умѣетъ понимать и толковать всѣ глубины догмата и лучше

другихъ сохранило правильность обряда, есть уже новый сосудъ избранія, во всѣхъ случаяхъ какъ бы обязательно охраняемый самимъ Богомъ, что временныя несчастія и бѣдствія происходятъ только отъ случайныхъ и частныхъ нарушеній въ какомъ-то подразумѣваемомъ союзѣ съ божествомъ, а не отъ постоянного забвенія основной заповѣди о христіанскомъ братствѣ и любви»... ¹⁾).

Этотъ отзывъ тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что принадлежитъ ученому, извѣстному чрезвычайной осторожностью и точностью своихъ историческихъ заключеній. Въ самомъ дѣлѣ, этой черты невозможно не видѣть во многихъ, самыхъ существенныхъ явленіяхъ византійскаго быта и исторіи, и затѣмъ, можно услѣдить ея обнаруженія и тамъ, въ тѣхъ обществахъ, куда простирались и гдѣ дѣйствовали византійскія вліянія. Очевидно опять, что идеальная Византія, построенная авторомъ статьи «Слав. Сборника», получила бы иной видъ, еслибы онъ всмотрѣлся въ эту особенность византійства ²⁾).

Мы упоминали объ упрекахъ автора западнымъ писателямъ, католическимъ и протестантскимъ, за несправедливое отношеніе къ Византіи, источникъ котораго онъ видитъ въ давней ненависти латинскаго Запада къ православному Востоку. Особая католическая точка зрѣнія подобнаго рода дѣйствительно существуетъ, но думаемъ, что авторъ могъ бы не имѣть о ней заботы: для научнаго изслѣдователя она, конечно, имѣетъ столь же мало значенія, какъ и всякая чисто-клерикальная точка зрѣнія; въ русской научной литературѣ католическія осужденія Византіи (за то, что она не подчинилась папству) могутъ, кажется, имѣть также мало шансовъ. Тѣ осужденія Византіи, какія дѣлались

¹⁾ „Византія и Печенѣги“, В. Васильевскаго (Журн. Мин. Нар. Пр.), ст. II, стр. 260—261.

²⁾ Авторъ, между прочимъ, воествуетъ противъ отзывовъ о „растлѣнной“ Византіи, какія дѣлались разными писателями, между прочимъ, и нашими; и, полагая, что рѣчь идетъ объ испорченности нравовъ, старается доказать (стр. 614 и д.), что она была не больше, чѣмъ при разныхъ европейскихъ дворахъ, въ европейскихъ обществахъ и черни большихъ городовъ. Но, во-первыхъ, сравненіе не выдѣляетъ факта, и если напр. время Людовика XIV было растлѣнно, то это и здѣсь было признакомъ паденія, которое вскорѣ и востыло again гóгитe. Во-вторыхъ, дѣло все-таки не въ этомъ, — а именно въ томъ господствѣ высокомірнаго „іудейства“, которое не давало нѣста свѣжей жизни, замыкало византійцевъ въ самодовольный и лицензірный эгоизмъ, дѣлало ихъ званіе бесплоднымъ для общества и наконецъ извращало иногда самую религіозность.

историками протестантскими, отвергать труднѣе, — потому что, хотя авторъ и ставитъ ихъ въ ту же категорію, ихъ точка зрѣнія — болѣе свободная и критическая. Но есть и еще родъ сужденій, которыя шли изъ источника вовсе не-клерикальнаго — именно изъ оцѣнки общаго культурнаго значенія Византіи съ часто исторической точки зрѣнія.

Въ самомъ дѣлѣ, Византія была поставлена много выгоды Рима относительно преданій древней цивилизаціи, положившей первыя начала новѣйшаго развитія. Во времена варварскихъ нашествій, Византія не подвергалась такимъ опустошительнымъ нападѣніямъ, какія истребили въ Италіи множество всевозможныхъ памятниковъ древности — и однако не сберегла многого, что могла сберечь; иногда сама истребляла эти памятники, а послѣ, когда и въ ней возникъ интересъ къ древности, не умѣла изучать ихъ преданій такъ, какъ изучали ихъ на Западѣ. Еще Гиббонъ осуждаетъ константинопольскихъ грековъ, которые «держали въ своихъ безжизненныхъ рукахъ богатства своихъ предковъ, не заботясь о приобрѣтеніи того духа, который создалъ и облагородилъ ихъ достояніе», которые «въ теченіе десяти вѣковъ не сдѣлали ни одного открытія», которые не способны были создать ни одного высокаго поэтическаго произведенія, и т. д. Нашъ авторъ говоритъ, съ своей стороны, о великой учености византійцевъ, но не опровергнувъ (какъ бы сначала нужно было для его цѣли) такъ мало благоприятныхъ современныхъ свидѣтельствъ о состояніи этой учености, какія собраны, напримѣръ, еще у Галлама ¹⁾.

¹⁾ Рамбо, — какъ мы упоминали, — въ своей книгѣ „L'Empire Grec“, также замѣчаетъ византійцевъ и приписываетъ имъ великую заслугу въ сохраненіи многихъ древнихъ авторовъ, или по крайней мѣрѣ ихъ отрывковъ, — которые, безъ ихъ трудолюбія, были бы для насъ совершенно потерянны; но самъ жалуется на безпорядочность и неумѣлость компилацій Константина Багрянороднаго.

Наши новѣйшіе византинисты берутъ, кажется, въ обычай попрекнуть западныхъ ученыхъ за невниманіе и недовольное почтеніе къ византійцамъ. Въ предисловіи къ книгѣ г. Успенскаго о „Никитѣ Акоминатѣ“ (Спб. 1874) читаемъ въ первыхъ же строкахъ: „Писатель, составившій предметъ настоящаго послѣдованія, мало извѣстенъ какъ въ русской, такъ и въ иностранной литературѣ. За границей вообще не особенно занимаются византійской исторіей: ни одна историческая литература не представляетъ у себя отдѣльной монографіи о Никитѣ. Когда западнымъ ученымъ приходится говорить о Византіи, они рѣдко (?) обращаются къ византійскимъ писателямъ, довольствуясь извѣстными своимъ соотечественникамъ“. Незамыслительность европейской исторической литературы къ византійцамъ вообще и къ Никитѣ въ частности авторъ объясняетъ далѣе „ложнымъ самолюбіемъ и высокоумнымъ пренебреженіемъ, съ которыми относятся ученые къ востоку“.

Но спрашивается: откуда же мы знаемъ что-нибудь о византійцахъ, какъ не изъ этой иностранной литературы, не изъ изданій, приготовленныхъ этими же

Западные историки литературы въ особенности и имѣли въ виду эту сторону византійской образованности,—растрату античной цивилизаціи, недостатокъ самостоятельной разработкѣ, клерикальный духъ философіи, крайнее распространеніе риторической напыщенности, прикрывавшей бѣдность содержанія и т. п. ¹⁾.

страшными учеными? Неужели въ старину Дюканжъ, Вандурн или Фабрицій, въ новейшее время Газе, Тафель, Гопфъ, Николаи, Финлей и пр. и пр. „не охотно“ занимались Византійей? Гдѣ же охотно занимались ею — неужели у насъ? Авторъ жалуется, что въ иностранной литературѣ нѣтъ монографій о Никитѣ, а на стр. 10 цитируетъ такую монографію. Наконецъ, упрекъ западнымъ ученымъ за невнимательность къ Никитѣ Акоминату (изъ „ложнаго самолюбія“, которое находитъ авторъ у историковъ XIX-го вѣка относительно писателя XII-го столѣтія!) страннымъ образомъ опровергается первыми строками самаго сочиненія. Оказывается (на страницѣ 1-й и слѣдующихъ), что эта иностранная литература, столь невнимательная къ Никитѣ Акоминату, уже въ XVI-мъ столѣтіи имѣла нѣсколько изданій его сочиненій! „Одинъ изъ высокопоставленныхъ и образованныхъ людей этого времени, Антонъ Фуггеръ, — рассказываетъ авторъ, — приобрѣтилъ въ Цареградѣ списокъ исторіи Никиты, поручилъ просмотрѣть его Іерониму Вольфу, известному (еще въ XVI столѣтіи!) своимъ изданіями и критическими трудами по византійской исторіи“ и пр. Вольфъ приготовилъ съ величайшимъ вниманіемъ изданіе Никиты, за которымъ послѣдовалъ рядъ другихъ изданій, именно потому, что этотъ писатель привлекалъ къ себѣ вниманіе не только въ историческомъ, но и въ общественномъ смыслѣ. Въ послѣднія десятилѣтія нашего времени было еще два или три изданія. Все это оказывается на первыхъ же страницахъ книги г. Успенскаго — странное ребячество въ серьезной, впрочемъ, работѣ.

¹⁾ Ср. отзывы Бергарди (Grundriss der Griech. Litteratur,—въ изложеніи византійскаго періода), Николаи, въ трактатѣ о византійской литературѣ (Griechenland im Mittelalter und in der Neuzeit, Энциклопедія Эрша и Грубера, 1 Section, т. 87; 1869) и проч. Эту черту византійской образованности указываетъ и г. Успенскій: „Двадцатый вѣкъ представляетъ не мало имевъ, ученость, усердіе и знаніе которыхъ могли бы служить достаточнымъ признакомъ образованности и для болѣе благоприятнаго времени. Но почти на каждомъ писателѣ лежитъ общій отпечатокъ формальнаго направленія въ воспитаніи; искусная замѣна недостатка содержанія гладкой формой сдѣлалась обычною въ жизни и дѣятельности образованныхъ людей этого времени. Грамматика и риторика вызвали недовольство; искали успокоенія въ философіи; но и эта послѣдняя, питалась діалектикой, не отдѣляла истины отъ вымысла и вдавалась въ чуждую ей богословскую область“ („Никита Акомин“, стр. 20). Западные историки, между прочимъ, даже въ послѣднее время, напр. Николаи, упрекаютъ византійцевъ и за порчу классическаго эллинскаго языка, который все больше заволашевался у нихъ простонародными и варварскими словами. Этотъ упрекъ, конечно, страненъ: въ языкѣ происходило естественное фізіологическое измѣненіе; среднегреческій, какъ онъ существовалъ въ живомъ употребленіи, былъ уже непохожъ на классическій эллинскій и нѣтъ ничего страннаго, что въ устѣ народа и общества онъ сталъ проникать и въ книгу. Можно скорѣе удивляться тому, что книжный языкъ такъ долго и упрямно сопротивлялся вступленію элементовъ живой рѣчи: для историка, это — чистая потеря, потому что усиленное стараніе византійцевъ писать древнимъ классическимъ языкомъ и болѣе нарушить его извѣстность „варварскою грубостью“ возрождали натянутую условность, которая скрывала

Исторія точныхъ наукъ и изученія природы пропускаетъ со-всѣмъ періодъ средневѣковой схоластики, какъ совершенно ли-шенный научнаго духа, и прямо отъ ученыхъ александрійской эпохи переходитъ въ начало новѣйшихъ открытій въ XV—XVI столѣтіяхъ; между тѣмъ эта александрійская наука была грече-скимъ античнымъ преданіемъ, которое могло бы быть сохранено, но въ византійскомъ періодѣ заглохло и забылось. Понятно, что эти историческія заключенія не имѣютъ ничего общаго съ като-лической ненавистью къ Востоку, на которой настаиваетъ авторъ статьи «Слав. Сборника». Для западныхъ историковъ представ-лялось и сличеніе—съ тѣмъ умственнымъ движеніемъ, какое воз-никло изъ античныхъ вліяній въ Италіи XIV-го вѣка, а затѣмъ и во всей западной Европѣ.

Наконецъ, авторъ какъ-то особенно понимаетъ и все новѣй-шее развитіе европейской мысли, въ отвлеченномъ ея содержаніи и общественныхъ примѣненіяхъ. Ему кажется, что и это развитіе какъ-то связано съ отношеніями западнаго латинства и византій-ской философіи: этой послѣдней принадлежитъ, по его мнѣнію, привилегія истинной терпимости и свободы вѣры; въ западномъ латинствѣ и протестанствѣ этой свободы и терпимости нѣтъ, и здѣсь она является будто бы только у людей, отрекающихся отъ христіанства. «Оттого, — говоритъ онъ, — мы видимъ со временъ Вольтера (дѣло Каласа), люди, отдѣлившіеся отъ господствующаго на западѣ христіанства, въ двухъ его формахъ, католицизмѣ и протестанствѣ, отстаиваютъ и проповѣдываютъ начало терпимости и свободы вѣры, принимаютъ подъ свою защиту эти начала чи-сто христіанскія противъ нападоу и посягательствъ официаль-ныхъ поборниковъ христіанскаго ученія и нравственности»¹⁾. На это мнѣніе трудно даже отвѣчать. Авторъ до такой степени живетъ въ теоріи, что совсѣмъ забываетъ, какъ шла исторія. Оти-саявъ у восточнаго писателя, положимъ IV-го вѣка, мысль о терпимости и свободѣ совѣсти, онъ рѣшаетъ, что терпимость и свобода совѣсти составляютъ исключительную принадлежность Во-

подъ книжными выраженіями черты живого быта и нравовъ, и напр. даже сами имена народовъ, съ которыми приходилось имѣть дѣло византійцамъ.

¹⁾ Стран. 499. Дальше, говоря о насильственности и принудительности, какъ принципахъ латинскаго Запада, авторъ приводитъ въ примѣръ романо-германское рас-пространеніе христіанства. Выше мы упоминали, насколько принудительность была исключительнымъ свойствомъ Запада. Прибавимъ здѣсь, что награсно авторъ не вспомнилъ разсказа о тѣхъ, какъ напр., Добриня и Путята крестили огнемъ и кнотомъ новгородцевъ. Русское янчество было вообще яло, такъ что больше двухъ-трехъ примѣровъ этого рода не понадобилось; но примѣры были.

стока, — и не обращаетъ никакого вниманія на историческіе факты, указывающіе, что на дѣлѣ этой терпимости было очень немного. Вспомнивъ потомъ о Вольтерѣ, человѣкѣ западномъ и невѣрующемъ и который былъ ревностнымъ защитникомъ терпимости, онъ рѣшаетъ, что на Западѣ только люди, отступившіеся отъ церкви, могли понимать и защищать терпимость. Но въ томъ и дѣло, что ученія, возвышенныя христіанствомъ, были такъ возвышенны, что въ теченіе почти двухъ тысячъ лѣтъ, протекшихъ съ его основанія, человѣчество, въ массѣ, не въ состояніи было стать вполне на уровнѣ этихъ ученій, что всегда постигали ихъ вполне только лучшіе люди, что даже въ пору величайшаго энтузіазма, ни западное, ни восточное общество не способны были усвоить ихъ во всемъ объемѣ: эти ученія создавали много прекрасныхъ явленій въ личной жизни, смягчали грубость нравовъ, законодательствъ и понятій, но вообще слишкомъ мало исполнялись, или часто были понимаемы превратно въ учрежденіяхъ общественныхъ, такъ что нужны бывали цѣлыя вѣка для того, чтобы эти ученія хотя частію могли быть выполняемы достойнымъ образомъ въ общественной жизни. Въ этомъ долгомъ трудѣ уразумѣнія христіанства, и западное, и восточное человѣчество перешло цѣлый рядъ заблужденій, жило и питалось этими заблужденіями, возводило ихъ въ законъ и т. д. Въ эпоху гоненій, христіане должны были желать терпимости для себя самихъ. Когда христіанство стало господствующей религіей имперіи, тотчасъ явились принудительные законы противъ язычества и ересей; церковная кодификація IV—IX-го вѣковъ ни мало не оспаривала этой принудительности — и въ Византіи, и въ Римѣ, рядомъ съ ученіями христіанскаго братства и любви возникли клерикальные интересы, которые и тамъ, и здѣсь соединялись съ интересами матеріальными и равно вели въ нетерпимости. Поворотъ въ образованіи, совершенный западнымъ возрожденіемъ, именно приобрѣлъ то великое значеніе, что былъ реакціей противъ крайняго клерикализма, и содѣйствовалъ очищенію загроубѣвшихъ въ средніе вѣка понятій — обновленіемъ древнихъ идеаловъ. Дѣятели «возрожденія» не отказывались отъ христіанства, но прибавляли къ запасу нравственныхъ понятій новую сторону, источникомъ которой была древность. За «возрожденіемъ» естественно слѣдовала реформація: борьба противъ папства и средневѣкового клерикализма искала вмѣстѣ съ тѣмъ и *права изслѣдованія*, устраненнаго средневѣковой кодификаціей. Сама реформа, воспитанная въ старыхъ нравахъ, ожесточенная борьбой, не отличалась терпимостью, въ которой мало способно было и все общество, увле-

каемое ревностью не по разуму и недовольно развитое для свободы мысли и вѣры; но существенно было и заявленіе упомянутого права. Чтобы исправить заблужденія средних вѣковъ нужно было распространеніе образованности, увеличеніе умственныхъ силъ въ самыхъ массахъ общества. И дѣйствительно, распространеніе образованія иного, чѣмъ клерикальное образованіе (западное и восточное, все равно), было главной причиною, содѣйствовавшей развитію понятій о терпимости, давно забытыхъ на Западѣ и на Востокѣ: клерикалы, сословно исключительные, отсталые, часто вовсе невѣжественные, продолжали жечь еретиковъ, преслѣдовать расколы, но образованность (не-клерикальная) начинала просвѣщать умы, наука приучала къ критическому взгляду, къ разнообразію мнѣній, слѣдовательно, къ терпимости, и наконецъ развивала свои нравственно-общественныя теоріи въ болѣе человѣколюбивомъ (христіанскомъ) духѣ, чѣмъ тотъ, къ какому приучала клерикальная исключительность, одинаково сохранявшаяся отъ среднихъ вѣковъ въ обществѣ западномъ и восточномъ.

И нѣтъ ничего удивительнаго, что широкая идея, внушаемая наукою, могла иногда превышать достоинствомъ взгляды, господствовавшіе въ клерикальномъ мірѣ. Такъ, идея терпимости въ сущности христіанская, какъ замѣчаетъ авторъ, была развиваема въ XVIII-мъ вѣкѣ не однимъ Вольтеромъ, но цѣлой дѣстической французской философій, «просвѣтительной» литературой нѣмцевъ, скептической философій англичанъ. Эти вліянія не остались чужды и обществу русскаго, общества той Россіи, которую авторъ считаетъ главнѣйшей представительницей теперь греко-славянскаго міра: наша образованность прошлаго вѣка, между прочимъ, въ трудахъ самой императрицы Екаторины II, большой поклонницы французской философій, — наша литература при всей ограниченности своихъ размѣровъ, не мало позаимствовалась этими идеями и принесла несомнѣнную пользу нравамъ и понятіямъ русскаго общества. Несмотря на всѣ византійскія преданія, русское общество слышало о терпимости и свободѣ совѣсти — едва ли не въ первый разъ при Петрѣ Великомъ, благодаря его великому здравому смыслу, во второй разъ — при Екаторинѣ II, благодаря вліянію французской философій. И вообще если авторъ захочетъ искренно признать факты, онъ долженъ будетъ согласиться, что въ нашей жизни гораздо больше терпимости обнаруживалось тамъ, гдѣ дѣйствовали вліянія западной образованности, нежели тамъ, гдѣ дѣйствовали византійскіе принципы и воспоминанія.

Такимъ образомъ, ставя на мѣсто идеалистическихъ построеній факты исторіи, мы приходимъ къ заключеніямъ, весьма несходнымъ съ греко-славянскою теоріей.

Во-первыхъ, мы не находимъ въ исторіи самого греко-славянства. Греческій и славянскій — это два весьма непохожіе, во многомъ даже антипатичные одинъ другому міра; они бывали въ известныхъ культурныхъ отношеніяхъ, имѣли по нимъ общіе интересы, но ихъ историческая связь никогда не имѣла той степени прочности, какая была дѣйствительно въ противопологаемомъ имъ романо-германствѣ. Германскій міръ очень рано вступилъ въ историческія отношенія съ міромъ римскимъ, — еще во времена древней имперіи. Германцы участвовали долей своего національнаго цѣлаго въ созданіи новыхъ романскихъ народностей; принявъ христіанство, они получили общій съ народами романскими языкъ церкви, который сталъ общимъ языкомъ ихъ образованности; феодализмъ связывалъ ихъ сходствомъ общественныхъ учреждений; единство образованности, нравовъ производило наконецъ и общія явленія въ поэзіи и искусствѣ. Напрасно стали бы мы искать подобной связи въ такъ-называемомъ греко-славянскомъ мірѣ. Славянство было близко географически къ Византійской имперіи, которая прежде всего была для славянскихъ племенъ (южныхъ и восточныхъ) богатой страной, гдѣ можно было найти мѣсто для поселенія и поживиться добычей; византійцы — не только въ тѣ времена, но и долго послѣ — смотрѣли на славянъ едвали лучше, чѣмъ мы смотрѣли на Хиву и Тапкентъ. Принятіе христіанства установило между ними религіозныя отношенія, — которыя однако не были ни общими для всего славянства, ни довольно сильными, чтобы перенести въ славянству образованность, какою обладала сама Византія. Въ однихъ изъ славянскихъ странъ, христіанство, заимствованное изъ Византіи и принятое на народномъ языкѣ, уступило и потомъ утратилось юдъ римскими и нѣмецкими вліяніями (Чехія, Моравія, Польша и т. д.); оно сохранилось только на славянскомъ югѣ и востокѣ, въ земляхъ, непосредственно соедѣнныхъ съ Византіей или недоступныхъ западнымъ вліяніямъ. Такимъ образомъ, изъ цѣлаго племени, которое хотятъ засчитать въ греко-славянство, только южное славянство и Русь могли идти въ этотъ счетъ; для другихъ церковныя отношенія къ Византіи, повидимому все-таки не довольно тѣсныя, начавшіеся только въ IX-мъ вѣкѣ, продолжались едва нѣсколько десятилѣтій, и затѣмъ снова прервались. Самыя южно-славянскія племена такъ мало цѣнили «греко-славянскія» отношенія (которыя, по теоріи, должны бы быть для нихъ такъ до-

роги), что уже съ X-го вѣка начинается въ нихъ средѣ сильное еретическое движеніе; другіе уходили въ католицизмъ.

Что касается древней Руси, ея связи съ Византіей были преимущественно религіозныя, единовѣрныя. Таковой идеальной восточно-христіанской имперіи, каковую изображаетъ изложенны выше теорія, на дѣлѣ не существовало; наши историки, напротивъ, находили, что византійскія вліянія, несомнѣныя въ церковныхъ дѣлахъ, были очень незначительны въ другихъ отношеніяхъ внутренней жизни древней Руси ¹⁾: Царьградъ, конечно, пользовался въ древней Руси великой славой и почтеніемъ—по своимъ святынямъ; онъ былъ знаменитъ, какъ Іерусалимъ, Афонъ, гора Синай,—но его политическое вліяніе на дѣла было ничтожно, культурное движеніе, имъ сообщаемое, столь ограничено, что древняя Русь на много вѣковъ отстала въ этомъ отношеніи отъ западной Европы, и въ томъ числѣ отъ своихъ западныхъ единоплеменниковъ. Въ дѣлѣ образованія, самый Западъ былъ, и по признанію греко-славянской теоріи, гораздо ближе связанъ съ Византіей, чѣмъ была древняя Русь. Византія не передала древней Руси своихъ научныхъ знаній, даже схоластическихъ; античныя преданія, которыя при посредствѣ греческихъ ученыхъ создали такое движеніе умовъ на западѣ въ періодъ «возрожденія», у насъ были неизвѣстны,—или доходили отчасти въ skutномъ, отчасти просто въ карикатурномъ видѣ. Взамѣнъ того, сообщены были и развились, во-первыхъ, слишкомъ вещественное пониманіе религіозныхъ предметовъ въ массѣ, во вторыхъ, край-

¹⁾ Напомянемъ сужденія г. Соловьева:

„Русское государство,—говоритъ онъ,—образовалось на дѣвственной почвѣ, въ которой исторія, цивилизація другого народа не оставила никакихъ слѣдовъ; византійскія преданія, византійскія учрежденія не достались въ наслѣдство тому русскому обществу, которое должно было начать свою историческую жизнь съ одними собственными средствами... Новорожденное общество избѣгло чуждыхъ сильныхъ вліаній со стороны народовъ, поставленныхъ въ болѣе благопріятныя обстоятельства относительно гражданственности... Русь приняла христіанство отъ Византіи, которая вслѣдствіе этого обнаружила сильное вліяніе на жизнь юного русскаго общества, но... Греція обнаруживала свое вліяніе на Русь не во столько, во сколько сама хотѣла обнаруживать его, но во столько и въ такихъ формахъ, въ какихъ сами русскіе хотѣли принимать ея вліяніе; ни свѣтская, ни духовная власть восточной имперіи не могли имѣть рѣшительнаго вліянія на явленія древней русской жизни, не могли выставить начала равносильнаго господствовавшимъ въ ней началамъ, которыя хотѣли и развивались въ ней свободно и независимо; византійскія государственныя конктіи, проводимыя на Руси чрезъ духовенство, могли только тогда способствовать ованчательному сокрушенію нѣкоторыхъ формъ жизни, когда эти формы были уже рѣшительно волеблены вслѣдствіе внутреннихъ причинъ“ (Ист. Россіи, I, стр. 273—274).

ная нетерпимость, а вмѣстѣ съ ней и національная исключительность.

Въ XV-мъ вѣкѣ Византія, и еще раньше южное славянство подпали владычеству турокъ. Общее бѣдствіе не сблизило и теперь «греко-славянства», не внушило ему чувства христіанской солидарности; совсѣмъ напротивъ: фанариотское духовенство стало союзникомъ турокъ въ угнетеніи беззащитнаго славянскаго населенія. Эти «христіанско-культурныя» отношенія длились до послѣдняго времени; болгары освободились отъ этого гнета только недавно, добившись учрежденія своей независимой церкви, и аргументомъ, поддержавшимъ ихъ требованія, была историческая ссылка на давнюю отдѣльность отъ Константинополя существовавшей нѣкогда болгарской патриархіи въ Терновѣ; въ Боснѣ фанариотское угнетеніе продолжается и до настоящей минуты. Московское царство послѣ паденія Константинополя является единственнымъ сильнымъ государствомъ христіанскаго Востока; по мнѣнію греко-славянской теоріи, сюда перешло значеніе Византіи. Но и въ эту эпоху, Византія передала Москвѣ не тѣ запасы общечеловѣческой образованности, какіе въ ней были, а то, что было въ ней византійско-восточнаго, и, хотя византійскія идеи не остались безъ вліянія на свойства московскаго единодержавія, московское царство разрослось не въ силу принциповъ идеальной имперіи, изображаемой нашимъ авторомъ, а въ силу своего географическаго положенія и превосходства европейскаго племени надъ азіатскими, съ которыми оно тутъ встрѣтилось.

На этомъ кончились греко-славянскія отношенія. Съ ослабленіемъ старой московской національной и религіозной исключительности, для Россіи кончились средніе вѣка; пробудившаяся потребность въ образованіи покидаетъ византійскую традицію, которая была такъ бесплодна въ этомъ отношеніи, и стремленія къ образованности направляются къ западнымъ источникамъ. Съ признаками національнаго возрожденія и съ началомъ политическаго освобожденія у южныхъ славянъ, съ конца XVIII-го и начала XIX-го вѣка, и тамъ обнаруживаются тѣ же стремленія къ западному образованію. Сама возродившаяся Греція не помышляетъ о «греко-славянствѣ», возведенномъ у насъ въ историческій идеалъ, и обращается къ тѣмъ же западнымъ источникамъ Старый «греко-славянскій» міръ, если онъ когда-нибудь и существовалъ, стремится не къ выдѣленію, а къ объединенію съ западомъ въ общечеловѣческой образованности.

Такимъ образомъ, ни въ историческихъ фактахъ, ни въ современной дѣйствительности не находится особеннаго греко-сла-

вянскаго культурнаго міра. Византія имѣла свою историческую роль, которую давно исполнила; реставрировать ее также невозможно, какъ нельзя возвратитъ средніе вѣка. Она отжила свое время; но тѣ лучшіе элементы, на какіе указываетъ, на примѣръ, и нашъ авторъ, связывая ихъ неразрывно съ спеціально-византійскими традиціями, и которые, собственно говоря, далеко не выполнялись самою Византіей—эти лучшіе элементы составляютъ вообще достояніе истинно-христіанской морали, а не византійства: они имѣли свою исторію, имѣютъ свое будущее, но могутъ осуществиться и увѣряться въ умахъ не средствами византійскихъ преданій, а съ помощью большихъ успѣховъ свободнаго образованія.

Сдѣлаемъ еще замѣчаніе. Научные предметы до сихъ поръ понимаются у насъ большинствомъ нѣсколько грубовато, и у многихъ сохраняется привычка объяснять происхожденіе того или другаго взгляда на историческое явленіе не дѣйствительными основаніями этого взгляда, а «враждой» или «сочувствіемъ» къ самому предмету,—словомъ, привычка считать извѣстное мнѣніе дѣломъ прихоти, пристрастія или недоброжелательства. Можетъ быть, и нашъ взглядъ причислять къ «враждебнымъ». Въ этомъ будетъ мало смысла. Византія—замѣчательное историческое явленіе: изученіе ея можетъ быть исполнено интереса, и необходимо для объясненія русской исторіи; мы говоримъ только, что для этого изученія нужна не поэтическая идеализація, а историческая критика, которой нѣтъ дѣла ни до вражды, ни до дружбы.

А. ПИПЛИНЪ.

ВОСПОМИНАНІЯ

ИЗЪ ПУТЕШЕСТВІЯ ПО СЕРБІИ

въ 1867 году.

III *).

Д Р И Н А .

По-сербски гора—по-русски гѣсъ. — Дерево деръ и хребеть Церъ. — Два преданія въ Подерьи.—Троноша и Човешина (монастыри). — Растительность. — Лозница (окружный городъ): шанцы; родина Вука Стеф. Караджича; общественная жизнь; прота Игнатій.—На Дринѣ.—Дѣвичья скала.—Мѣстечко Крушавъ: канетанъ и его семейство.—Пограничная стража. — Мѣстечко Любовія: путешествіе подъ стражей. — Между крестьянами. — Пустыньность Дрины. — Одинокая механа и ночлегъ на берегу.—Характеристика Подринья. — Рача (монастырь): саборъ; коло. — Красота въ сербскомъ вкусѣ.—Переходъ къ Моравѣ: встрѣча съ хайдукомъ (разбойникомъ).

Всѣмъ славянамъ извѣстно слово *гора*, и во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ оно употребляется въ томъ самомъ значеніи, какъ у насъ, русскихъ; только сербъ горою называетъ гѣсъ, а для названія горъ у него есть слова: *планина*, *брдо*, *врхъ*. Откуда произошло такое отождествленье горы и гѣса, не берусь объяснить; но для Сербіи это оправдывается тѣмъ, что тамъ всѣ горы покрыты лѣсомъ, и онѣ собственно составляютъ главныя хранилища лѣсовъ, которые въ неизменностяхъ и равнинахъ давно уже исчезли или продолжаютъ исчезать. Кромѣ того, что горы

*) См. выше: ноябрь, 5 стр.

въ Сербіи всё вообще покрыты лѣсомъ и рѣдео гдѣ представляютъ голыя скалы, онѣ рѣдео гдѣ выходятъ изъ линіи лиственнаго лѣса, рѣдео гдѣ вступаютъ въ полосу лѣсовъ хвойныхъ. Богѣе распространенною порокою въ лѣсахъ Сербіи является дубъ, а на возвышенныхъ мѣстахъ, по горамъ, вездѣ растеть преимущественно одинъ видъ дуба, называемый по-сербски *цера* (*quercus serrata*). Это одинъ изъ красивѣйшихъ видовъ европейскаго дуба: стволъ его ровный, постепенно доходящій до тонкой, стрѣльчатой оконечности; вѣтви тонкія, длинныя; кора его вся въ глубокихъ продольныхъ бороздахъ, сѣвось которая просвѣчиваетъ красноватое тѣло; листь небольшой и съ менѣе глубокими выемками; жолуди гораздо крупнѣе, чѣмъ у другихъ видовъ, и сидятъ кучей, по пяти въ одномъ, снаружи мохнатымъ и колючемъ гнѣздѣ; въ церѣ много смолистаго вещества, и потому его считаютъ хорошимъ строительнымъ матеріаломъ и отличнымъ топливомъ; а жолудями его скорѣе всего откармливаются свиньи, составляющія одинъ изъ главныхъ источниковъ богатства Сербіи.

Церомъ преимущественно покрыты горы, при вступленіи въ которыя находится монастырь Петковица, и потому вѣроятно горы эти называются *Цера-планина*. Хребеть этотъ, не превышающій 1000 ф. высоты, даетъ множество притоковъ р. Савѣ и отдѣляетъ отъ нихъ р. Ядаръ, впадающую въ Дрину. Онъ не включаетъ въ себя ничего ни величественнаго, ни неприступнаго, но, господствуя надъ цѣлымъ пространствомъ въ углу между Дриной и Савой, всегда составляя пунктъ опоры, на что указываютъ существующія здѣсь развалины двухъ древнихъ городовъ, Троянова и Милошева.

Съ первымъ народная фантазія соединила общеславянское преданіе о царѣ Траянѣ, который здѣсь является въ роли Ивара: онъ имѣлъ возлюбленную въ Митровицѣ (на берегу Савы, въ австрійскихъ предѣлахъ) и леталъ къ ней на восковыхъ крыльяхъ, избирая для этого время, когда солнце не сильно грѣло; враги его постарались задержать его до полудня, а когда онъ полетѣлъ, крылья растопились, и онъ упалъ въ Саву, гдѣ и утонулъ.

Съ другимъ городомъ соединено воспоминаніе о героѣ Босовской битвы въ 1389 г., рѣшившей судьбы сербскаго царства, Милошѣ Обиличѣ, который убилъ турецкаго султана Мурата, самъ погибъ и навлекъ отчаянное мщеніе турокъ противъ сербовъ. Есть и еще преданія о Милошѣ. Когда онъ явился на Босово поле одинъ, въ сопровожденіи небольшой только свиты, — царь Лазаръ спросилъ:—гдѣ же твои воины изъ Мачвы?—Они остались дома пахать и сѣять, — отвѣтилъ Милошь. Тогда раз-

гнѣванный царь изрекъ проклятіе, чтобъ они сѣяли, а имъ ничего не доставалось, кромѣ тернія, чтобы жатвой ихъ пользова-лись турки. Проклятіе сбылось, и болѣе трехъ столѣтій урожай-ная богатая Мачва не знала мира и была постояннымъ воен-нымъ театромъ, переходя изъ рукъ въ руки, то въ туркамъ, то въ австрійцамъ, и всякій разъ подвергаясь опустошеніямъ. Съ тѣхъ поръ—

Србин ради, а турчин се слади;
Србин тече, а турчин растиче.

Но отсюда же выходятъ и сподвижники Чернаго Георгія, помогавшіе ему въ дѣлѣ освобожденія Сербіи: Милошъ Поце-рацъ и Чараничъ.

При каждомъ вторженіи турокъ со стороны Босніи черезъ Дрину, теряя шанцы надъ Дриной, сербы искали убѣжища въ Церъ-планинѣ, скрывались въ гущѣ его лѣса или въ монасты-ряхъ, которыхъ тамъ, кромѣ Петовицы, еще два: Човешина и Троноша. Всѣ они не разъ выдерживали осаду, а послѣдній извѣстенъ еще найденною въ немъ лѣтописью сербскихъ царей, извѣстною подъ именемъ *Цароставника*. Такъ попеременно имъ приводилось играть роль то убѣжища литературы и по-движниковъ вѣры, то военнаго укрѣпленія. Теперь же они по-чти пусты и представляютъ изъ себя то же самое, что Петовица. Отправясь на Ловницу черезъ нихъ, я нашелъ въ Троношѣ дво-ихъ монаховъ, а въ Човешинѣ троихъ. Въ первомъ я встрѣтилъ юношу 18-ти лѣтъ, который былъ въ полномъ монашескомъ по-стригѣ. Я удивился такому раннему постриженію. Оказалось, что всѣ родные его перемерли очень скоро одинъ за другимъ, осталась только сестра, которую взяли на воспитаніе, а его об-рекли монастырю, что онъ и исполнилъ. Но все же по уставу нельзя посвящать въ полные монахи раньше 30 лѣтъ. На это мнѣ юноша возразилъ:— «А какъ же вы посветили нашего митро-полита въ этотъ санъ, когда ему еще не было 30 лѣтъ? То нужно было, такъ и тутъ: я пропалъ бы; а теперь волей-неволей я монахъ».

— Но, вы тутъ ничего не дѣлаете, тогда какъ могли бы приносить пользу другимъ.

— Какъ ничего не дѣлаю? я молюсь. Хотѣлось бы почи-тать, да книгъ нѣтъ. А вотъ, если будетъ война, я пойду въ солдаты.

На этомъ мы съ нимъ и разстались.

Въ Човешинѣ я засталъ дома отца игумена: онъ съ цѣлой

компаніей сидѣлъ на миндерлукѣ. Передъ ними стояло вино, кофе, и всѣ курили трубки; сидѣли они, снявши обувь, чисто по-турецки, и вели бесѣду о политическихъ дѣлахъ.

Меня они встрѣтили очень радушно и жадно стали выпытывать о томъ, что дѣлается въ Бѣлградѣ, не затѣвается ли чего съ Турціей, не поможетъ ли тутъ Россія—и пошли тутъ здравицы, сопровождаемыя чашами краснаго вина.

Такъ мало въ этихъ людяхъ аскетическаго и такой живой интересъ принимаютъ они во всемъ мірскомъ, что ихъ никакъ нельзя считать чѣмъ-либо особеннымъ отъ народной жизни: нигдѣ, ни въ одномъ монахѣ я не встрѣтилъ отреченія отъ жизни—такого, какое встрѣтите въ нашихъ монастыряхъ. Всѣ они вмѣстѣ съ народомъ своимъ готовятся къ чему-то, всѣ живутъ живію наканунѣ.

Напоивъ, накормивъ, монахи отпустили меня съ миромъ и подарили два полотенца сербской работы, очень тонкія съ чрезвычайно изящнымъ узоромъ на концахъ.

Чтобы вывести меня на дорогу, мнѣ дали проводника, потому что кратчайшій путь идетъ черезъ горы тропинками, а иногда мы бросали тропинки и ложились прямо черезъ лѣсъ.

Лѣсъ этотъ однако не былъ такъ густъ и непроходимъ, какъ наши лиственные лѣса. Кромѣ дуба, изъ глубины долинъ поднимались буковые деревья съ бѣловатою корой и блестящимъ листомъ на тонкихъ вѣтвяхъ, раскинувшихся шатромъ; крапивистый вязъ и грабъ, чрезвычайно высокій яворъ (кленъ), изъ котораго сербъ дѣлаетъ музыкальный инструментъ—*гуслу* (однострунный скрипка), чтобы воспѣвать своихъ героевъ и погибшую славу своего отечества. Высокіе стволы этихъ деревьевъ сплошь убранны яркою зеленью плюща или перепутаны виноградною лозою, голыя вѣтви которой сажень на 20 перекидываются съ одного дерева на другое, точно гигантскія змѣи, толщиной въ руку и больше. Тутъ же, въ лощинахъ, вѣромъ раскидывается папоротникъ, а въ мощному дубу жметя цѣпкій липовникъ. Благодаря сокращенію пути, я очень рано вышелъ на дорогу, прошелъ селеніе Клубцы, и Лозница ужъ передо мною. Это небольшой окружный городокъ, пріютившійся у подножія хребта *Гучево* надъ Дриной, въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ нея, потому что берега она затопляетъ. Ничѣмъ не выдаются въ глаза его зданія: домъ начальника, небольшой гостинный дворъ, у каждаго почти домика садикъ; но мѣстоположеніе его очень живописно—между горъ, кругомъ въ зелени, и тутъ же, въ видѣ четырехугольника, обнесеннаго высокимъ землянымъ валомъ, съ глубокимъ ровомъ,

какое-то укрѣпленіе. По обыши кругомъ и заросшему травой пространству, видно было, что оно давно уже служило свою службу: посрединѣ его возникла уже церковь и еще кое-какіе домики, но все-таки городъ въ сторонѣ отъ него, и построенъ въ томъ видѣ, какъ теперь, гораздо позже. Это шанцы. Чьей они работы,—не знаю, но въ XVIII столѣтіи они не разъ служили австрійско-венгерской арміи, а въ началѣ XIX-го ими воспользовались сербы.

Немного выше Лозницы на Дринѣ существуетъ перевозъ, а въ сухое лѣто она даетъ броды, и потому не разъ случалось, что турки переправлялись здѣсь и дѣлали вторженіе внутрь Сербіи; за то не разъ приводилось имъ тѣмъ же путемъ возвращаться, спасая только себя и бросая въ воду все имущество. Послѣ одного такого бѣгства турокъ, сербы, въ числѣ другихъ вещей, нашли нѣсколько мѣшковъ вещества, въ родѣ гороха, котораго употребленія не знали. Догадываясь, что это нѣчто съѣдобное, они этотъ горохъ варили, толкли и все-таки ничего не выходило: это былъ кофе, который теперь найдете въ каждой, даже самой бѣдной избушкѣ простолюдина.

Послѣ 1807 г., года освобожденія Сербіи, турки продолжали собираться на той сторонѣ Дрины, но переходить не рѣшались. И въ 1810 г., 6-го октября, 30,000 турецкаго войска, подъ предводительствомъ визиря, потерпѣли тутъ полнѣйшее пораженіе. При этомъ сербовъ поддерживали русскіе: народное преданіе рассказываетъ, какъ русскіе казаки вогнали босняковъ въ рѣку и преслѣдовали ихъ на той сторонѣ. А три года спустя, лозницкіе шанцы были снова окружены турками, и сидѣвшій въ нихъ предводитель сербскаго отряда Петръ Молеръ, изнуренный голодомъ и не видя ни откуда помощи, въ темную ночь рѣшился бросить шанцы и пробиться съвозъ турецкое войско. Удалось это только ему съ очень немногими, остальные всѣ пали, и съ тѣхъ поръ на память бѣднаго Молера легло несправедливое обвиненіе въ томъ, что онъ измѣнилъ и не отстоялъ своего поста.

Это было моментомъ, когда счастье оставило сербовъ, и имъ пришлось снова покориться безчеловѣчнымъ туркамъ; а два года спустя, Милошъ Обреновичъ здѣсь же разбилъ и взялъ въ плѣнъ боснійскаго пашу, но отпустилъ его назадъ, надѣливъ всѣмъ необходимымъ для обратнаго пути и обдаривъ дарами его и его свиту, и тѣмъ обезпечилъ за собою дальнѣйшія побѣды, которыми онъ обязанъ именно тѣмъ, что великодушіемъ обезоружилъ правителя Босніи.

Въ такой короткій періодъ времени и столько катастрофъ, рѣшившихъ хоть на время судьбу цѣлаго края! И это приво-

дится сказать про всю Сербію, гдѣ каждое почти мѣстечко полито кровью и покрыто славою побѣдъ или геройской смерти сербскихъ юнаковъ.

Въ стратегическомъ отношеніи Лозница представляетъ важный пунктъ, такъ какъ она съ одной стороны находится въ непосредственной связи съ Мачвой, составляя ея естественное продолженіе, съ другой—посредствомъ долины р. Ядра отъ нея легко вступить въ Валеvское окружье, въ сердце Сербіи, такъ-называемую Шумадію.

Въ трехъ часахъ отъ Лозницы къ юго-востоку находится мѣстечко *Триичъ*, родина Вука Стефановича Караджича, который, рядомъ съ героями войны и политическими дѣятелями, основателями политической свободы Сербіи, помогая возрожденію сербской народной литературы и народнаго духа, собирая и передъ цѣлымъ свѣтомъ выставляя на судъ и удивленіе его превосходныя поэтическія произведенія. Тамъ, владея значительнымъ участкомъ земли, онъ обрабатывалъ ее, стараясь примѣнить тѣ способы, какіе употребляются въ другихъ образованныхъ странахъ, и научить имъ своихъ соотечественниковъ.

Духъ этого патриота и горячаго ревнителя народной музы и по смерти его даетъ себя чувствовать въ общественной жизни Лозницы. Несмотря на весь гнѣтъ, лежавшій на общественной жизни вслѣдствіе излишняго вмѣшательства въ нее администраціи, тамъ образовался кружокъ, который поставилъ себѣ задачей противодействовать убійственной системѣ, буда въ обществѣ самосознаніе путемъ живыхъ бесѣдъ и литературно-музыкальных вечеровъ. Нашелся небольшой домикъ, подъ сѣнью развѣсистыхъ платановъ, куда эти любители литературы и музыки стали собираться днемъ для чтенія, а по вечерамъ для бесѣдъ и пѣннй. Нашелся какой-то швабъ, который взялся держать буфетъ. Итакъ, образовались *читальнище*, *бесѣда* и *пѣвачко друштво* (пѣвческое общество).

Придя въ Лозницу передъ вечеромъ, я сразу попалъ въ это общество. По формѣ—это копія тѣхъ обществъ, какихъ встрѣтишь много въ Германіи и особенно много у чеховъ; но здѣсь нѣтъ того буржуазнаго духа, нѣтъ той погони за услажденіемъ себя, какое мнѣ встрѣчалось въ тѣхъ обществахъ. Предсѣдатель этого общества прота (протопопъ) Игнатій, старецъ лѣтъ подъ 60, а остальные члены—офицеръ, учитель, купецъ, какой-то чиновникъ и сосѣдніе крестьяне, по большей части все молодые люди. Домикъ, гдѣ собираются,—собственность Игнатія, и еще къ нему прикупили мѣстечко съ садикомъ, въ которомъ есть виноград-

нижъ, нѣсколько фиговыхъ деревъ, груши, сливы и цвѣты. Гости здѣсь не гонятся за комфортомъ и вкуснымъ угощеніемъ, что у австрійцевъ на первомъ планѣ, и нѣтъ здѣсь идола, которому бы курили ошіамъ: это все самые простые люди, и самая простая личность — предсѣдатель. Сѣдые волосы съ серебрянымъ блескомъ густо заросли и обрамляютъ его смуглое лицо, нѣсколько попорченное оспой; черты лица правильныя и суровыя, но смягчаются необыкновенно прямымъ, добродушнымъ взглядомъ свѣтлоголубыхъ глазъ, полныхъ жизни и огня. По движеніямъ и выраженію физиономіи — это юноша, поэтому съ нимъ такъ легко сходится молодежь, и такъ не сходится онъ со зрѣлымъ возрастомъ, который иногда отнимаетъ у людей искренность и благодушіе и дѣлаетъ изъ нихъ по большей части людей узкаго разчета, «фаха» и партіи.

Прота Игнатій не получилъ никакого почти образованія; но на его глазахъ складывался юный организмъ сербскаго государства, онъ видѣлъ еще въ живыхъ борцовъ за сербскую свободу, привыкъ понимать ее чутьемъ и здравымъ умомъ, и цѣнить выше всего. Его политическія убѣжденія заключаются въ томъ, что Сербіи нужно хорошее правительство; осуществить ли это князь какой бы то ни было династіи, или какое-нибудь коллективное лицо — ему все равно; онъ знаетъ только нужды и потребности своего народа, которыя всѣ выносятъ въ себѣ и знаетъ, что хорошее правительство должно ихъ удовлетворить, и такому правительству онъ готовъ оказывать полнѣйшее подчиненіе; мало того, готовъ любить его до самой крайней преданности.

Такъ онъ отнесся къ Александру Карагеоргіевичу, котораго призвали вмѣсто Милоша Обреновича, доходившаго въ злоупотребленіяхъ власти и народнаго богатства до нестерпимости. Въ новомъ князѣ онъ уважалъ сына героя, память котораго священна каждому сербу, и въ то же время видѣлъ въ немъ человека добраго и мягкаго характера. Если онъ не обнаруживалъ въ себѣ хорошаго правителя, то народная скупщина каждому правительству облегчаетъ дѣло, если ей дано надлежащее значеніе и въ ней обращаются съ должнымъ довѣріемъ и уваженіемъ. Надежды не оправдались; скупщина не созывалась, а на дѣла главное вліяніе оказывали иностранныя консулы, преимущественно австрійскій, и въ то же время были самыя рабочія отношенія къ Турціи. Противень сдѣлался князь народу, и Игнатій явился агитаторомъ въ пользу Обреновичей. Во время собранія скупщины онъ, въ виду окружавшаго ее войска, обратился къ народу прямо съ рѣчью, убѣждая призвать Обреновича. Онъ въ это время не

думалъ, что дѣло можетъ не удасться, и тогда по меньшей мѣрѣ ему грозила тюрьма, за которую въ перспективѣ была бы медленно подходящая, но непремѣнная смерть, а еще меньше думалъ онъ, что со стороны правительства этого же самаго Обреновича онъ подвергнется гоненію, какъ то случилось на дѣлѣ. Наканунѣ топчидерской катастрофы онъ былъ уже въ оппозиціи противъ князя Михаила, лично противъ котораго не имѣлъ ничего. На послѣдней скупщинѣ онъ высказалъ все, что имѣлъ противъ правительства князя, сохранивши привязанность къ нему лично за его щедрость и за его намѣреніе освободить бѣдную братію изъ-подъ турецкаго владычества. Замѣчательно, что при князѣ Михаилѣ подвергались гоненію лица, истинно преданны ему, а пользовались его довѣріемъ и всѣмъ распорядились или бездушные бюрократы, каковымъ былъ Никола Христичъ, или люди, дѣйствовавшіе въ своихъ личныхъ видахъ и на погибель князя, каковымъ, безъ сомнѣнія, былъ военный министръ Миливой Блазнавацъ.

Я остановился на личности отца Игнатія и взялъ его со стороны общественно-политической, потому что онъ представляетъ собою извѣстный типъ, — это типъ серба провинціального, котораго не тронула ни турецкая культура съ ея фанатическимъ самодовольствомъ, съ ея грубымъ деспотизмомъ, проявляющимъ себя варварствомъ и азіатскою хитростью и лестью, ни обратная сторона европейской цивилизаціи съ ея бездушнымъ, мелко-эгоистическимъ отношеніемъ къ человѣку и тысячей никуда непригодныхъ формулъ, подъ которыя хотятъ подвести жизнь человѣка. Это простая, цѣльная, свѣжая, здоровая натура, работающая не по извѣстной системѣ и не подъ вліяніемъ теоретическихъ соображеній, а по своему разумѣнію и по естественному побужденію дѣйствовать въ духѣ и на благо того народа, съ которымъ онъ живетъ нераздѣльною жизнью, и въ средѣ котораго дѣйствовать есть его истинное призваніе: вы можете замѣтить, что онъ измѣняетъ теоріи, но онъ никогда не измѣнитъ народу.

Бѣ сожалѣнію, такихъ личностей въ Сербіи становится все меньше; она успѣла обзавестись теоретиками, которые съумѣютъ, хотя съ натяжкой, оправдать свои дѣйствія подъ извѣстнымъ политическимъ взглядомъ, но служеніе народу является у нихъ только вывѣской.

Много симпатичнаго найдется въ отцѣ Игнатіѣ и какъ въ частномъ характерѣ. Онъ имѣлъ несчастье потерять всѣхъ сыновей и въ той порѣ, когда особенно жаль всякаго человѣка, именно

въ юрѣ первой юности: одинъ сынъ умеръ въ Берлинѣ, гдѣ слушалъ лекціи въ какомъ-то высшемъ военно-учебномъ заведеніи; другой былъ въ петербургскомъ университетѣ и умеръ, кажется, по возвращеніи оттуда въ Бѣградъ. Это его страшно убиваетъ, но по наружности вы не замѣтите; только оставаясь одинъ, онъ, говорятъ, отдается своему безысходному горю: Это нисколько не парализуетъ и его общественной дѣятельности. Всякое благотворительное или вообще полезное дѣло онъ всегда готовъ поддержать, сколько хватитъ его силъ. Есть у него одинъ талантъ или искусство — это фабрикація гуслы. Никто не сумѣетъ такъ хорошо выбрать дерева, дать такую форму и отдѣлку инструменту, чтобы простая шерстяная веревка, замѣняющая струну, издавала звуки, которые стонуть и задѣваютъ душу, несмотря на все ихъ однообразіе и негармоничность. Мнѣ говорили, что онъ своей работы гуслу подарилъ одному русскому путешественнику, который обѣщалъ ее передать какому-то общественному учрежденію.

До полночи провелъ я время въ пѣвческомъ обществѣ въ бесѣдѣ, сопровождавшейся пѣніемъ сербскихъ и другихъ славянскихъ народныхъ пѣсень, и здравицами, съ пожеланьями кому славы, кому счастья, а югославянству свободы и соединенія.

Когда мы вышли изъ бесѣды, на улицахъ была полнѣйшая тишина; все спало мертвымъ сномъ; только вдаль слышно было глухое рокотанье Дрины, которая въ то время была въ наводненіи, и этотъ-то шумъ невольно обратилъ вниманіе и на ту сторону, гдѣ тѣ же сербы — бѣдная, угнетенная райя, безгласная, безправная, потерявшая даже сознаніе своей народности; невольно подумалось: когда-то и имъ «блеснетъ свободы лучъ»?...

На другой день я взбирался на гору, любовался роскошною растительностью, дикимъ стремленіемъ мутной Дрины. По ту сторону, я видѣлъ, шелъ рядъ невысокихъ горъ, покрытыхъ, какъ и въ Сербіи, сплошнымъ лѣсомъ, поднимающихся, что ни дальше, все выше, повсюду не терялись онѣ совсѣмъ изъ виду, сливаясь въ туманной дали съ небомъ.

Въ тотъ же день я былъ уже на пути впередъ. Самое лучшее было бы идти по берегу Дрины, гдѣ пролегаетъ большая дорога; но мнѣ не совѣтовали, потому что тамъ были бы постоянныя остановки со стороны пограничной стражи. Впослѣдствіи я имѣлъ случай убѣдиться, что это одна изъ наибольшихъ неприятностей путешествія по Сербіи. Итакъ, я направился на мѣстечко Крупань, въ которомъ живетъ *капетанъ*, завѣдующій *срезомъ* (нѣчто въ родѣ стана, въ полицейскомъ дѣленіи нашихъ

увѣдочь). Часть пути привелось мнѣ сдѣлать съ попутчикомъ селякомъ, который шелъ туда же. Помню я особенно одно мѣсто. Дорога шла по краю долины, въ глубинѣ которой пробиралась какая-то рѣчушка. Внизу видны были нагроможденные камни известняка; видно было, что тутъ же добывали изъ него и известь; мѣстами скалы стояли прямо надъ краемъ и какъ-бы висѣли. Одна изъ такихъ скалъ особенно рѣзко выдавалась своимъ чисто монументальнымъ видомъ: это точно башня съ разрушеною крышей; на плоской верхушкѣ ея одиноко стояла бѣлая берега съ висящими вѣтвями и обвившимъ ее виноградомъ; плющъ со всѣхъ сторонъ свѣшивался внизъ длинными густыми космами, — все это такъ эффектно и какъ-бы рассчитанно, что невольно являлась мысль, не участвовала ли тутъ человѣческая рука.

Попутчикъ мой предупредилъ меня.

— А вонъ Дѣвичья скала, — сказалъ онъ, указывая на нее.

— Почему же она такъ называется?

— Дѣвка тутъ убилась.

— Нечаянно, или по своей волѣ?

— По своей волѣ, конечно: забралась на самый верхъ да и бухъ!

— Зачѣмъ же?

— Э! глупая была: не захотѣла замужъ идти.

Больше я отъ него не могъ ничего узнать, да и разъяснить собственно нечего; дѣло такъ просто: дѣвица здѣсь не выходитъ замужъ, а ее выдаютъ, не справляясь съ ея желаніемъ или нежеланіемъ; эта несчастная, можетъ быть, любила другого, или суженый ея былъ настолько ужасенъ, что она предпочла ему смерть, и по мнѣнію серба сдѣлала это по глупости.

Былъ ли въ дѣйствительности подобный случай, или онъ приуроченъ къ данной мѣстности народной фантазіей, для насъ все равно. Легенда доказываетъ возможность подобнаго трагическаго происшествія и даетъ указаніе на положеніе сербской женщины, съ которымъ мы еще познакомимся. А теперь мы отмѣчаемъ одну мелкую черту изъ картины природы, напоминающую намъ черты изъ народной жизни. Незамѣтно дошли мы и до Крупна.

Маленькое мѣстечко, почти въ одну улицу, со всѣхъ сторонъ сжато горами такъ, что раздаться некуда. Указалъ мнѣ попутчикъ домъ начальника и самого начальника, сидѣвшаго на галерей передъ домомъ, и простился со мною, своротивши въ сторону къ мельницѣ, которая, какъ въ щели, жалась между крутыми берегами горной рѣчки. Капетанъ человекъ ужъ не молодой, въ обыкновенномъ, нѣмецкомъ платьѣ, съ фесомъ на

головѣ, самъ подошелъ ко мнѣ и узнавъ, что нужно, указалъ механу, гдѣ мнѣ остановиться, и затѣмъ попросилъ къ себѣ.

Дома онъ встрѣтилъ меня очень радушно, и выразилъ радость, когда узналъ, что я русскій путешественникъ. По сербскому обычаю, хозяйская дочь, дѣвушка лѣтъ 15-ти, подала угощенье, но вмѣсто того, чтобы удалиться или стоять съ опущенными глазами, она сѣла тутъ же и начала меня спрашивать. Съ такимъ интересомъ и съ такою живостью говорила она, что отцу негдѣ было почти и слова вставить. Вскорѣ вышла мать, братишка и еще кто-то, такъ что собралась вся семья. Я почувствовалъ себя будто не въ Сербіи, гдѣ по бѣльшей части гость остается только съ хозяиномъ, а остальная семья развѣ покажется на минутку. Но всего больше меня удивила дѣвочка простотою и смѣлостью обращенія и любознательностью. Очень бы ей хотѣлось видѣть, какъ живутъ образованные народы, и пожить между ними; хотѣлось бы выучиться иностраннымъ языкамъ, чтобы читать на нихъ.

Почти изгладился изъ моей памяти этотъ туманный образъ: не вспомню имени ни ея, ни ея отца; но, глядя въ то время на нее, невольно задавался вопросомъ: что изъ нея выйдетъ? Не то же ли, что вообще изъ сербскихъ дѣтей: изъ живого, смѣлаго, не по лѣтамъ серьезнаго мальчика дѣлается со временемъ филистеръ и чиновникъ по преимуществу, идущій только за мѣстомъ, наживой и наслажденіемъ?...

А какая кругомъ глушь въ этомъ Крупнѣ! На востокъ отъ внутренности Сербіи отдѣляютъ его отроги хребтовъ Влапича и Медвѣдника; между нимъ и Дриной высокій хребетъ Ягодня, и тамъ за нимъ, на берегу рѣки, по эту сторону турецкая крѣпость Сакаръ, на той сторонѣ Зворникъ, а къ югу, тоже за горами, злополучный Соголь, не такъ давно покинутый турками. Отсюда я направляюсь уже къ Дринѣ. Вѣбираюсь на гору, спускаюсь и опять поднимаюсь; Дрина уже подлѣ, я вижу, какъ она сверкаетъ сквозь зелень обступившаго ее лѣса, извиваясь между тѣснящими ее горами; а вотъ и она вся: подбившись подъ этотъ берегъ, она подмываетъ цѣлую гору; деревья сваливаются внизъ, своими густыми вершинами, держась иногда корнями за берегъ. Рухнулась наконецъ цѣлая глыба, полетѣло съ нею и дерево, столѣтній дубъ, затрещали вѣтви, посыпался камень, взвилась пыль кверху, и ринулось дерево въ воду, гдѣ на время исчезло, а потомъ поднялось изъ воды, выставивъ наружу то голыя корни, то зеленныя вѣтви, точно утопающій. Глыба за глыбой валится берегъ, увлекая за собою рядъ тополей, овайлявшихъ его, и все это сначала крутится въ водоворотѣ,

потомъ, исчезая на нѣсколько мгновений подъ водою, выносятся на середину и покрываетъ рѣву сплошною массою, собирая на себя всякій мусоръ и грязную желтую пѣну. Изъ глубины водоворота, изъ образовавшейся въ немъ воронки, слышится глухое рокотанье.

Картина дивная и грозная. А тамъ, на другой сторонѣ, ровный зеленый лугъ у подножія такой же зеленой горы, и за ней рядъ горъ, съ мягкими очертаніями исчезающихъ въ синей дали; все это слегка подернуто тонкою мглою или неуспѣвшимъ еще убраться утреннимъ туманомъ.

Засмотрѣлся я на чудную картину, заслушался дикаго шума рѣвки, и не замѣтилъ, что подлѣ пасется стадо овецъ: не видно ни пастуха, и никакихъ знавовъ присутствія человѣка; единственнымъ сторожемъ былъ огромный, сѣрый, лохматый песъ, который съ остервенѣніемъ устремился на меня. Подбѣжавши, онъ остановился, уставился на меня своими сѣрыми, умными глазами и, какъ будто убѣдившись въ моей безвредности, тотчасъ измѣнилъ свое обхожденіе; обнюхалъ, посмотрѣлъ еще и пошелъ прочь, какъ бы говоря: ступай себѣ своей дорогой.

Отдѣлавшись отъ пса, я вскорѣ наткнулся на человѣка. Это былъ пандуръ, который завидѣлъ меня издали и ждалъ только, когда я подойду. Первый спросъ былъ о паспортѣ; подаю; читая онъ не умѣетъ и ведетъ дальше къ *карауль*, которая не что иное, какъ четырехсторонній срубъ въ родѣ башенки; жилье собственно наверху и передъ нимъ крылечко, а ходъ въ эту верхнюю часть или *чардакъ* — по лѣсенкѣ снаружи. Тамъ былъ *бумак-баша* — начальникъ караула, такой же простой сербъ и такой же безграмотный, пожилой и довольно разумный господинъ: сразу понялъ онъ, что я путешественникъ, котораго нечего опасаться, и пошелъ проводить дальше, чтобъ не остановили другіе пандуры.

Не такъ легко было отдѣлаться отъ болѣе цивилизованныхъ воиновъ, съ которыми мнѣ привелось имѣть дѣло въ Любони, куда лежалъ мой путь.

Тамъ въ это время было военное ученье, и потому кругомъ были разставлены пикеты. Здѣсь меня сразу же взяли подъ конвой два солдата съ ружьями и повели къ начальнику, т.-е. унтеръ-офицеру. Привели къ нему въ палатку, гдѣ сидѣло еще нѣсколько милиціонеровъ. Онъ съ важностью взялъ мой паспортъ и сталъ его разсматривать, не приглашая меня сѣсть; прочиталъ и понялъ, что было написано по-русски, но не могъ понять, зачѣмъ рядомъ то же самое по-нѣмецки, и началъ усматривать въ въ этомъ что-то не простое. Послѣ множества вопросовъ, задан-

нихъ мнѣ отчасти съ цѣлью попытать, не собьюсь ли я, отчасти изъ пустого любопытства, онъ порѣшилъ отправить меня въ срезскому капетану, и мнѣ привелось еще тащиться порядочное расстояние, такъ какъ лагерь былъ внѣ мѣстечка. Капетана не оказалось дома; онъ былъ въ гостяхъ, гдѣ игралъ въ карты. Я прошу, чтобы меня отвели въ механу (гостиницу), откуда я не уйду, но что мнѣ пора отдохнуть, такъ какъ я далеко шель. Не тутъ-то было: пандуръ, которому передалъ меня солдатъ, самымъ грубымъ тономъ крикнулъ на меня: «Ама тьюти!» (молчи).

И я ждалъ до половины 11-го часа ночи въ комнатѣ, гдѣ не было ни стула, ни скамейки. Капетанъ пришелъ, посмотрѣлъ мой паспортъ, и оставивъ его у себя, велѣлъ меня проводить въ механу. Вслѣдствіе такой процедуры и тамъ отнесли ко мнѣ, какъ къ человѣку, состоящему подъ стражей.

На другой день я поднялся очень рано, но мнѣ прислали паспортъ только въ 10 часамъ, потому что капетанъ все спалъ.

Признаюсь, мнѣ пріятно было оставить этихъ людей, креатуръ тупой дисциплины, и очутиться лицомъ къ лицу съ одною природой, тогда какъ человѣкъ собственно и интересовалъ меня и составлялъ главную задачу моихъ путевыхъ штудій. Отсюда путь мой шель постоянно по-надъ Дриной.

Къ полдню, когда уже сильно припекало, я пришелъ въ селеніе Бачевци. Селеніе собственно было подальше, а здѣсь одна механа, потому что Дрина тѣсно прижалась къ горѣ, и это узкое пространство было усѣяно свалившимися камнями; между ними многіе были, видимо, обдѣланные человѣческими руками въ видѣ огромныхъ сундуковъ, нѣкоторые были съ римскими надписями и изображеніями,—это были остатки когда-то бывшихъ здѣсь римскихъ военныхъ поселеній. Войдя въ механу, я поѣлъ мяса, выпилъ *сайдмикъ* (поль-бутылки) вина и легъ уснуть тутъ же на скамейкѣ. Когда я проснулся, то механа была полна народу. Всѣ сидѣли за столомъ и пили кто вино, кто кофе. Одинъ изъ нихъ первый поздоровался со мной, предложилъ выпить вина и сталъ спрашивать, кто я и проч. Въ концѣ-концовъ привелось-таки показать паспортъ. Грамотные читали и радовались, что они понимаютъ русскій языкъ, никогда не учившись ему; всѣ рѣшили, что русскіе говорятъ сербскимъ языкомъ. Скоро между нами завязалась самая живая и интимная бесѣда. Много между прочимъ они рассказывали объ отношеніяхъ къ боснякамъ. Постоянно они спрашиваютъ, когда придутъ къ нимъ сербы, и ждутъ они этого момента не дождутся, и не только христіане, но и магометане. Узнавши, что я инте-

ресуюсь стариной, они пошли показывать мнѣ камни съ надписями, таскали фесами воду, чтобы обмыть ихъ, и радовались, когда мнѣ удавалось снять надпись или срисовать какое-нибудь изображение съ камня. Оказалось, что они знаютъ бѣлградскій музей, нѣкоторые доставляли для него различныя древнія вещи и вполне понимаютъ, для чего дѣлаются эти собранія вещей. Не обошлось дѣло безъ жалобъ на Христича. Вдобавокъ, всѣ просили меня остаться погостить у нихъ.

Можно было бы здѣсь съ удовольствіемъ и съ пользою прожить хоть денежъ, но я торопился въ троицину дню попасть въ монастырь Рачу, гдѣ въ этотъ день *саборъ*, т.-е. празднество, на которое собирается народъ со всѣхъ сторонъ, слѣдовательно, можно будетъ видѣть различныя костюмы и типы, а отчасти, можетъ быть, и разницу нравовъ. Вотъ почему, какъ ни пріятно было бы остаться, я отправлялся дальше. Разставанье было самое сердечное и впечатлѣніе, произведенное на меня этими простыми людьми, совершенно изгладило воспоминаніе о мытарствѣ, претерпѣнномъ въ Любовіи.

Жаръ уже поспевалъ; шло съ легко и весело. Дрина, точивъ въ безповойствѣ, мечется туда и сюда: то ударится глубже въ Боснію и дастъ на этомъ берегу отлогость, то наоборотъ — жмется въ сербской сторонѣ такъ, что рѣшительно негдѣ жини пріютиться. Въ этихъ мѣстахъ всѣ отлогія мѣста были въ Босніи, потому здѣсь такая пустота и дикость. И тѣ маленькія пространства, на которыхъ возможно поселиться, такъ изолированы и другъ съ другомъ и съ остальными вязыми, что, кромѣ физическихъ неудобствъ, представляется постоянная опасность со стороны турецкой территоріи. На это очень ясно указываетъ одна сербская пѣсня:

Дрински вуче, што си обрѣло?
Невоља е мене обрѣяти:
Ово Дрине не има оваца.
Една овца, а три чобанина;
Еданъ спава, други овцу чува,
Третњи иде кутњи по ужину.

Дринскій волкъ! что ты искудаль?
По невољѣ искудаешъ:
Около Дрины нѣтъ овецъ.
Одна овца, а три пастуха;
Одинъ спитъ, другой овцу караулитъ,
Третій идетъ домой на ужинъ.

Къ вечеру, впрочемъ, довольно еще рано, я добрался до Овлетца, но селеніе было въ сторонѣ, а тутъ стояла только механа.

Живописное мѣстоположеніе.

Впереди, прямо изъ воды, поднимается отвѣсный утесъ съ нагроможденіями на самомъ верху; здѣсь Дрина дѣлаетъ крутой поворотъ и какъ-будто вытекаетъ изъ-подъ этого утеса; посре-

днѣ ея торчала скала и на-двое разбивала ея мутныя волны, которыя брызгами взлетали кверху и, огывая ея, съ ревомъ крутятся, сливались въ водоворотѣ. Солнце рано скрылось за горами и внизу все скоро потемнѣло; потомъ загорѣлась заря и краснымъ заревомъ своимъ облила обступившія кругомъ горы, надъ которыми высилась вершина Медвѣдника; побагровѣла и Дрина, отражая на темномъ фонѣ своемъ алое небо и кровавымъ дождемъ разлетались надъ скалою ея брызги.

Довольно обширная, но вся завопченная, механа смотрѣла какимъ-то вертепомъ. Грязно одѣтый хозяинъ сосалъ трубку, сидя передъ дверьми; у очага копался *момак* (слуга) съ попорченнымъ носомъ, оттопыренными татарскими ушами и вдобавокъ нѣмой. Неприятное впечатлѣніе производило его объясненіе съ хозяиномъ посредствомъ мимики, которая еще болѣе уродовала его и безъ того несчастную физиономію.

Подойдя къ механѣ, я положительно рѣшился не вступать внутрь ея и расположился на дворѣ. Хозяинъ, съ красными, болящими глазами и сонливымъ выраженіемъ, смотрѣлъ такъ безучастно на все, что прямо его не задѣвало; онъ даже не спрашивалъ меня ни о личности моей, ни о томъ, не желаю ли я поѣсть, а послѣднее, конечно, было бы встать. Какъ бы мнѣ хотѣлось уйти дальше, но не знаю, встрѣчу ли близко селеніе. Къ счастью, подошла цѣлая толпа крестьянъ изъ села, и ими только оживилась дикая мѣстность. Черезъ нѣсколько времени представилась довольно странная сцена: слѣпой старикъ сидѣлъ верхомъ на лошади, которую велъ въ поводу молодой парень. Старикъ, съ плачемъ, поднимая руки кверху, жаловался, что его ограбили въ какомъ-то мѣстѣ, гдѣ онъ былъ на ярмаркѣ или на базарѣ. Лошадь была поставлена у лавки, и, пока онъ покушалъ товаръ, ее увели. Полиціи удалось отыскать лошадь, но сѣдло пропало, а въ немъ были и деньги. Вся эта сцена была для меня непонятна; я видѣлъ только, что здѣсь нужно беречься.

Пора однако и поѣсть; но кромѣ домашняго сыра и *прои* (хлѣбъ изъ кукурузы) нѣтъ ничего. Сыръ твердый, кислый, покрытый плѣсенью, вино въ родѣ укуса, что, пожалуй, и встать при такомъ сырѣ: лучше растворить; проя — совершенно безвкусное вещество. Но разбирать нечего.

Вторая забота о ночлегѣ. Лѣтомъ это не составляетъ большой заботы: гдѣ сталь — тамъ и станъ. Въ механѣ же спать было невозможно: несмотря на полную ночь, рои мухъ жужжали точно пчелы въ ульѣ; другихъ насѣкомыхъ, по сознанію самого хозяина, также изобильно; главное же дѣло — грязь страшная. Вы-

бираю себѣ мѣстечко на пригорочкѣ: внизу, подъ ногами, шумитъ Дрина, а сбоку журчитъ потокъ, на которомъ тутъ же неподалеку стоитъ мельница; чтобы не скатиться къ ручью, кладу бревно, а въ ногахъ нагромоздилъ каменьевъ; подъ себя пледъ, имъ же накрылся; подъ голову сумка.

Кругомъ совершенная тишь, точно нигдѣ нѣтъ живого существа, только шумъ отъ воды, но шумъ пріятный, убаюкивающій. Крѣпко я заснулъ, однако не надолго. Тяжелый, непріятный сонъ заставилъ меня пробудиться. Мнѣ снилось, будто съ той стороны знакомый мнѣ голосъ ребенка зоветъ на помощь и плачетъ; я кидаюсь въ волны, борюсь съ ними, переплываю, выхожу на берегъ, ищу ребенка и, вмѣсто него, вижу безобразную фигуру нѣмого момака съ ослабленной миной; возвращаюсь, снова слышу голосъ и снова тотъ же обманъ, и подъ этимъ тяжелымъ впечатлѣніемъ просыпаюсь. Пледъ съ меня свалился; ночь свѣтлая; кругомъ также все безмолвно, также шумитъ Дрина, также обдастъ плескомъ скалу, взбивая вверху серебристыя брызги. Пропищала неподалеку сова; кинулась отъ моего изголовья собака, искавшая какой-нибудь поживы; фыркнула вошка, испуганная ею, и кинулась на дерево; за рѣвой раздался выстрѣлъ: должно быть боснякъ, стоя на караулѣ, отъ скуки выпалилъ въ воздухъ или ударилъ по мѣсяцу въ зайца. Не спитъ и хозяинъ: я вижу его, сидящаго передъ очагомъ, и съ нимъ еще какія-то личности, у дверей привязаны двѣ лошади. Былъ 12-й часъ, когда гости уѣхали. А за ними явились и еще гости.

Станнымъ показалось это тогда, а потомъ меня увѣрили, что сербскій механджія, какъ бы онъ бѣденъ ни былъ, пользуется такимъ довѣріемъ, что всякій, пріѣхавшій къ нему, смѣло отдаетъ ему кошелекъ съ деньгами, если боится, что у него ихъ могутъ вытащить. Но правы мѣняются, и это могло быть когда-то прежде; въ этомъ случаѣ такой поздній пріемъ гостей наводилъ нѣкоторое сомнѣніе. Мнѣ, впрочемъ, нечего было бояться, потому что у меня было слишкомъ мало имущества, чтобы кто-нибудь на него польстился; въ этой увѣренности я снова заснулъ.

Рано утромъ, когда я проснулся, была сильная роса, съ деревьевъ просто капало, трава приклонилась точно отъ дождя, а на моемъ пледѣ насыла она мелкимъ бисеромъ. Въ Дринѣ вода поднялась вровень съ берегами и по лощинкѣ пошла въ разливъ; скала исчезла, и шуму стало меньше.

Выпилъ я чашку кофе, закусилъ прои и, заплативъ за все

со вчерашнимъ ужинномъ 2¹/₂ гроша или 12¹/₂ коп., отправился дальше.

Десять дней я брожу все на Дринѣ или около нея, и не видалъ еще на ней не только ни одного судна или дощаника съ грузомъ, но и ни одной лодки, ни одной снасти рыболовной, а между тѣмъ, такое изобиліе воды! Правда, я видѣлъ ее въ наводненъе, но и въ обычное время она мало гдѣ даетъ броды, и на всемъ пройденномъ мною пространствѣ и нѣсколько выше, по отзываютъ людей знающихъ, по ней свободно можно бы сплавлять плоскодонныя суда съ грузомъ, по крайней мѣрѣ, по полутора тысячъ пудовъ. Выше Любови есть нѣсколько перекатовъ, которые однако легко уничтожить, и въ 1865 г. турецкимъ правительствомъ и было предпринято очищеніе русла до Вышеграда, лежащаго уже въ Босніи.

Долина Дрины довольно тѣсна для того, чтобы вмѣстить значительное населеніе и чтобы развилось въ ней въ широкихъ размѣрахъ земледѣліе; но при обилии водъ, со всѣхъ сторонъ стремящихся въ ней въ видѣ сильныхъ ручьевъ и горныхъ потоковъ, при богатствѣ лѣса, она представляетъ возможность развить въ широкихъ размѣрахъ промышленность; вромѣ того, здѣсь открыты, только вполнѣ не изслѣдованы, минеральныя богатства, есть серебряныя руды и мѣдныя. Но главное ея назначеніе—служить путемъ сообщенія. Теперь изъ сосѣднихъ турецкихъ областей идутъ караваны на лошадяхъ вьючнымъ способомъ, потому что кругомъ горы, представляющія большія затрудненія даже тамъ, гдѣ проложены шоссированныя дороги, вслѣдствіе ихъ значительной крутизны и трудности содержанія ихъ въ исправности при незначительности населенія. Поэтому, въ цѣломъ краю здѣсь тѣла большая рѣдкость, и почтовое сообщеніе по единственной главной дорогѣ совершается если не верхомъ, то на одноколѣ; а о возѣ съ грузомъ нечего и думать.

А между тѣмъ, посмотрите на карту, какою обширную область она захватываетъ: вершины ея Пива, Тара и Лимъ обнимаютъ всю сѣверную границу Черногорья, половину Герцеговины и Старой Сербіи, и на нихъ находится нѣсколько городовъ, какъ Вышеградъ, Фоча, Преполье, Сѣница и недалеко Новый-Базаръ, города, которые когда-то процвѣтали, благодаря свободному сообщенію.

Въ настоящее же время, благодаря политическому неустройству и личной небезопасности, вся эта область остается дньюю и пустынною.

Дрина въ народной пѣснѣ вездѣ называется «зеленою» и «холодною»; можно добавить къ этому, что она очень живописна, можно любоваться ею, но оживить ее должна свобода, которой такъ жадно ждуть и просятъ ея несчастные обитатели по-ту сторону.

Мы, между тѣмъ, сдѣлаемъ еще одинъ переходъ вверхъ по Дринѣ. Часа черезъ два хода Дрина измѣняетъ направленіе: она дѣлаетъ изгибы къ югу и къ востоку—и совершенно перемѣняется характеръ мѣстности. По обѣ стороны идутъ значительныя отлогости; тутъ степется лугъ, пересыпанный отдѣльными рощами смѣшаннаго лѣса и кустарниками, тамъ зеленѣетъ высокая кукуруза; на той сторонѣ также видѣются полосы обработанной земли и сады; въ одномъ мѣстѣ лежитъ до десятиа женцивъ; всѣ въ бѣломъ, какъ въ саванахъ, растянулись онѣ на зеленомъ пригоркѣ, предаваясь безмятежному сну—должно быть, успѣли ужъ наработаться. Становилось жарко и душно, чего я не испытывалъ во все время, покуда шелъ по-надъ Дриной. Довольно мертво: ни одинъ листъ не шелохнетъ, ни одна птица не подаетъ голоса; мелкія ящерицы быстро спуютъ туда и сюда, а на самой дорогѣ большая зеленая ящерица, съ голубыми щемами, покоится передъ солнышкомъ, перекинувшись черезъ чурбачокъ. Видимо, она нѣжится и находится въ пріятномъ полузабытій; хоть и открыты глаза, она не замѣчаетъ, что я стою надъ нею и люблюсь, и шмыгнула тогда только, когда я протянулъ руку, чтобы дотронуться. Не знаю научнаго названія ея, а по-сербски она называется *зеленбакъ*. Тутъ же, подъ липой, сидитъ галка, разинувши отъ жара ротъ; зашевелилась она, завидѣвъ мое приближеніе, но не летитъ, а вскочивъ на вѣтви, пробирается по нимъ вверхъ, не желая покинуть свое тѣнистое убѣжище.

Дѣлаю роздыхъ въ Баяной-Баштѣ, гдѣ застаю большое стеченіе народа, отправляющагося въ Рачу на празднѣе. Механджія, рассчитывая на посѣтителей, припасъ всего, а главнымъ образомъ хорошаго вина и молодыхъ барашковъ. Лучшаго мяса мнѣ не приводилось ѣсть нигдѣ въ Сербіи, какъ здѣсь: не знаю, было ли причиною тутъ свойство мяса, или умѣнье механджій испечь.

Тутъ завязываются у меня знакомства; между прочимъ знакомясь съ канетаномъ, котораго всѣ называютъ «господинъ Мита (Дмитрій)». Послѣ иду въ монастырь цѣлой компаніей. Игумена не было дома, и меня повели къ нему на кукурузу. У него *копали* (подбивали) кукурузу, и онъ, какъ ревностный хозяинъ, не только присутствуетъ на всѣхъ работахъ, но и самъ

работаетъ. Это крупный, довольно полный мужчина, лѣтъ сорока съ небольшимъ, съ крупными чертами лица, типъ работаги и добродушнаго человѣка. Онъ имѣетъ страсть къ хозяйству, и потому прежде всего мы занялись имъ. Отличныя лошади, множество разной птицы, между прочимъ множество индюшекъ и павлиновъ, свиней откармливаетъ, а на потокѣ Рачѣ устроилъ лѣсопильную мельницу. Устройство, конечно, самое простое; но строитель ея сербъ не изъ княжества, а изъ Старой Сербіи. Водяной столбъ, приводящій весь механизмъ въ движеніе, вышиною въ три сажени, и все-таки мастеру этого мало: ему хотѣлось бы взять воду еще повыше.

Припомнилась мнѣ при этомъ другая страна, также населенная славянскимъ племенемъ, также сжатая горами и обильная только лѣсомъ и водой — это Шумава и Чешскій лѣсъ въ южной части Богеміи. На каждомъ шагу заводы и фабрики: лѣсопильныя, древодѣльныя, хрустальныя, зеркальныя, которыя приводятся въ движеніе водой. Только войдете туда, отовсюду доносится до васъ стужъ волесь и шумъ падающей на нихъ воды; суровая природа, очень холодный климатъ и скудная болотная почва уступаютъ усиліямъ человѣка и мѣстность полна жизни.

Что же могло бы быть здѣсь, когда и почва, и климатъ даютъ возможность развить до высшей степени земледѣльческую культуру?

Недостаетъ Сербіи развитія и промышленнаго образованія. Игуменъ хотѣлъ бы и могъ бы развернуться, потому что имѣетъ всѣ средства, только не имѣетъ людей. Взять *шаабу* (т.е. австрійца) онъ боится, потому что случалось обманываться, и остается онъ со своимъ самоукомъ, свѣдаемый неудовлетворяемымъ желаніемъ поставить хозяйство на широкую ногу. Эксплуатація лѣса идетъ также страннымъ образомъ: онъ продалъ изъ своей дачи всѣ деревья извѣстной мѣры и достоинства, такъ что черезъ нѣсколько времени у него не останется ничего годнаго лѣса.

Покуда мы осматривали хозяйство, со всѣхъ концовъ набирался народъ и группами разиѣщался на луговинѣхъ подъ навѣсомъ тополей и липъ у подножія горы, на которой красовался монастырь Рача.

Забило клепало, призывая къ вечернѣ; потянулся народъ къ церкви. Мужчины входили внутрь, а женщины останавливались у крыльца: молились и потомъ, какъ нѣмыя, стояли молчаливо, сложивъ руки и смотря на церковь не то съ благоговѣніемъ, не то со страхомъ.

Большинство расположилось ночевать на дворѣ, внизу; другіе помѣстились на монастырскомъ дворѣ, а инымъ нашлось помѣщеніе въ монастырскихъ покояхъ, и въ то время, какъ одни скромно закусывали, сидя у маленькаго огонька, другіе шумно пировали. Заутреню я пропустилъ; но и обѣдня была рано, часовъ въ шесть утра. Народу было не особенно много, потому что большинство приходило не надолго и, немного помолвившись, удалялось. По окончаніи обѣдни былъ крестный ходъ вокругъ Рачи и Банной Башты. Въ это время происходили приготовленія къ празднеству: устраивались временныя лавки и механы въ видѣ навѣсовъ изъ жердей и вѣтокъ; жарили мясо, разливали изъ бочекъ въ мелкую посуду вино и ракію, и съ возвращеніемъ образцовъ изъ крестнаго хода все было готово и началось народное торжество.

Торжество это было очень несложное: оно состояло въ продажѣ и покупкѣ яствъ и питій и въ истребленіи ихъ, и въ пляскѣ «коло»; а въ отдѣльныхъ группахъ шли тихія бесѣды или шумные вовгласы. Для почетныхъ лицъ у отца игумена былъ обѣдъ; а послѣ всѣ вышли и разсѣлись на горѣ, кто на скамеечкѣ, кто прямо на землѣ, любуясь пестрою, чрезвычайною картиною внизу.

Я уже замѣчалъ о чрезвычайной сдержанности сербовъ. Какъ бы ни разгулялся сербъ, они никогда не выйдеть изъ предѣловъ благопристойности. Въ этой массѣ народу до тысячи или болѣе, вы видите веселыхъ людей, которые пришли съ тѣмъ, чтобы погулять, повеселиться и при этомъ, конечно, выпить, но вы не видите здѣсь пьяныхъ, разгульныхъ, до неприличія распущенныхъ, какихъ вы непременно найдете у насъ даже при самомъ маломъ собраніи.

Въ одной механѣ собралось человѣкъ до 100, всѣ пьютъ, ѣдятъ и ведутъ шумную бесѣду; изъ нихъ два-три человѣка затягиваютъ пѣсню, но пѣсня нейдетъ; приходитъ гайдашь (гайда—музыкальный инструментъ въ родѣ волынки): его угощаютъ виномъ, онъ наигрываетъ, а публика, увлекаясь, вторитъ ему и выкрикиваетъ; явился какой-то толстый, высокій парень въ одной рубашкѣ, безъ пояса, съ зобомъ на шеѣ, и пошелъ плясать топчась на мѣстѣ, какъ медвѣдь; по лицу видно, что это дурачокъ. Потѣшился кое-кто надъ нимъ, кто-то далъ ему шлепка по его жирному тѣлу, такъ что бѣдняга заплакалъ. Не повравилось это публикѣ, сдѣлали окрикъ на ударившаго, а несчастному бросили нѣсколько денегъ и прогнали. Тутъ же изъ публики кто-то оказался съ *ислой*. Вытащилъ онъ ее, заскрипѣлъ на ней одно-

образно скрипучую ноту, и все насторожилось. Запѣлъ онъ про сербскихъ юнаковъ, про царя Лазаря, про косовскую битву, и все замерло, только и слышенъ стонущій голосъ пѣвца, да въ антрактахъ нетерпѣливо ревущій звукъ гуслы.

А что дѣлается наружи?

Тамъ идетъ коло отъ самаго обѣда и будетъ идти до поздней ночи.

Коло—это не пляска собственно, хороводъ, только безъ пѣсни, которую замѣняютъ дудка или гайда; а можетъ замѣнять дудку и скрипка. Оно изображаетъ не обыденную житейскую сцену въ родѣ аллегорическаго изображенія отношеній жениха и невесты, мужа и жены или другихъ сторонъ семейной жизни, какъ это въ ббльшей части русскихъ хороводовъ, это скорѣе пляска, выражающая или отправленіе въ бой, или торжество побѣды.

Два или три парня схватили другъ друга за поясъ, или, положивши другъ другу руки на плечи, прыгаютъ на одномъ мѣстѣ, переминаясь съ ноги на ногу; къ нимъ пристають другіе парни и дѣвки, и когда ихъ наберется цѣлый рядъ, передній, *колыводья*, заворачиваетъ его въ кругъ спиралью, и такимъ образомъ человѣкъ до ста прыгаютъ, держась другъ за друга, на одномъ мѣстѣ, потомъ подвигаются впередъ, завивая кругъ, до тѣхъ поръ, пока будетъ ужъ некуда; тогда колыводья оборачивается назадъ, идетъ въ обратную сторону, и тутъ встрѣчаются два тока—одинъ впередъ, другой назадъ, и это самый живой моментъ и самая красивая фигура: мужчины страстно несутся впередъ, дѣлають порывистые прыжки и стремительно увлекаютъ за собою женщинъ, которыя тоже оживляются и отдаются общему порыву; лица у всѣхъ горятъ; мужчины и женщины, смотря другъ на друга черезъ плечо, въ обратномъ движеніи чуть не касаются страстными лицами, раздаются гиванье, топанье и шлепанье ногами, и звяканье нанизанныхъ на шеѣ и груди женщинъ монетъ и другихъ металлическихъ украшеній, и все несутся, какъ вихрь, крутятся и двигаясь впередъ. Въ коло участвуетъ не одна молодежь, но и пожилые люди,—всѣ, кто не утратилъ еще способности скакать и увлекаться, а сербы сохраняютъ юношескій жаръ до глубокой старости.

Коло въ Рачѣ совершенно было такое же, какое мнѣ привелось видѣть въ Бѣлградѣ. Разница въ томъ, что здѣсь было поменьше горожанъ и больше разнообразія женскихъ костюмовъ, которые, впрочемъ, главнымъ образомъ разнились только головными уборами. У большинства дѣвушекъ волосы заплетены въ одну косу сзади, у многихъ они зачесаны съ лѣвой стороны на

правую и, заплетенные въ мелкія косицы, положены на правой сторонѣ корзиной, убранный цвѣтами; у нѣкоторыхъ волосы заплетены въ мелкія косички или просто распущены сзади, а на головѣ вѣнокъ изъ лентъ, убранный цвѣтами; у иныхъ косы положены вокругъ головы, посерединѣ противъ лба павлинье перо или зеркальце — повернется она противъ солнца, такъ и засвѣтитъ; нѣкоторыя на головахъ имѣли фесы безъ висточки; прочій костюмъ состоитъ изъ рубашки, сверхъ которой у иныхъ юбки съ поперечными полосами по низу, разныхъ цвѣтовъ. У замужнихъ волосы скрыты подъ повязкой, сверхъ которой у иныхъ надѣвается въ видѣ коронки позолоченный ободокъ; подъ платкомъ иногда положена тарелка, такъ что верхняя часть выдается впередъ гребнемъ. Надо замѣтить, что костюмъ здѣсь различенъ по мѣстности, а не по личному вкусу, и потому я удивился разнообразію на такомъ небольшомъ пространствѣ. Разность по мѣстности сопровождается различіемъ происхожденія населенія: здѣсь вы имѣете представителей болѣею частью изъ Герцеговины и Старой Сербіи, затѣмъ изъ Босніи, изъ Болгаріи, изъ Македоніи, и все это выражается въ фізіономіяхъ.

Мужчины были чрезвычайно красивы, но между женщинами красавицъ очень мало. Выдавалась изъ всѣхъ своею миловидностью одна блондурная ужичанка, съ русою косою, съ голубыми глазами подъ темными рѣсницами и правильнымъ очертаніемъ лица; это было красивое личико, только казалось тупымъ или глупымъ вслѣдствіе особенной манеры держать себя, — манеры, усвоенной всякой благовоспитанной дѣвушкой, и обязательной для нея.

Лучше всего передаетъ это и поясняетъ народная пѣсня:

У Милице дуге трепавице
Покриле јой руген' јагодице,
Јагодице и бијело лице.
Ја и гледа три године дана,
Не мого јой очи сагледати,
Црне очи и бијело лице.
Ветъ сакупи коло девојка,
Не би ли јой очи сагледао.
Када коло на трави играше,
Беше ведро, пак се наоблачи,
По облаку засѣваше мунѣ.
Све девојке небу погледаше;
Ал' не гледа Милица девојка,
Ветъ преда се у зелену траву.

Девојке јой тно говораше
Ој, Милице, наша другарице!

У Милицы длинныя рѣсницы
Закрыли ей румяныя щечки,
Щечки и все бѣлое лице.
Ја смотрѣлъ ихъ времени три года,
Не могъ разсмотрѣть у ней глазъ,
Черныхъ глазъ и бѣлаго лица.
Тогда собралъ я дѣвницъ коло,
Не подсмотрю ли ея глазъ.
Когда коло на травѣ играло,
Было ведро, потомъ нашла туча,
По тучѣ засверкали молніи.
Всѣ дѣвицы стали смотрѣть къ небу;
Но не смотритъ Милица,
А (смотреть) впередъ себя въ зеленую
траву.

Дѣвицы ей тихо говорили:
Ој, Милица, ты наша подружка!

Иль си глуда, иль одвише мудра,
 Не све глеша у зелену траву,
 А не глеша с нама у облаке.
 Иль говори Милица девойка:
 Иль сам глуда, иль одвише мудра,
 Зашь девойка, да глешам преда се.

Иль глупа ты, иль мудра ужь очень,
 И все смотришь въ зеленую траву,
 А не смотришь съ нами на тучу.
 Отвѣчаетъ тутъ Милица дѣвица:
 Не глупа я, и не слишкомъ мудра я,
 На то дѣвица я, чтобъ смотрѣть впе-
 редь себя.

Вниманіе публики привлекала не блѣдная и нѣмая красота мондинки, а съ огненными глазами и страстными порывами брюнетка лѣтъ подь 20, съ круглымъ лицомъ, съ толстыми, черными юсами и зеркальцемъ наверху; она также смотритъ внизъ, но не для того только, чтобъ потомъ вскинуть глазами и какъ огонь палить.

Любуются ею старцы, сидя наверху на скамеечкѣ, расточаютъ ей похвалы, и отецъ игуменъ ласково улыбається; одинъ старецъ утъ же затынулъ пѣсню, приблизительно такого содержанія и утъ ли не собственной композиціи: «Ой, дѣвица, убей тебя Богъ! Югда я проходилъ мимо твоего окна, ты смотрѣла въ него своими огненными очами и сквозь стекло зажгла мое сердце». Есть и у Вука пѣсня, которая очамъ придаетъ такую силу, что отъ нихъ загорѣлся даже городъ:

Што се оно Травникъ заматлио!
 Или гори, иль га куга мори?
 Иль га Янья очимъ запалила?
 Или гори, иль га куга мори,
 Шель га Янья очимъ запалила:
 Изгореше два нова дутьяна,
 Два духана и нова механа,
 И мещьема, где кадія суди.

Что это Травникъ затуманился!
 Иль горитъ онъ, иль чума его морить?
 Иль зажгла его глазами Янья?
 Не горитъ, не моритъ его чума,
 А зажгла его глазами Янья:
 Сгорѣли двѣ новыя лавья,
 Два кабачка и новая механа,
 И палата, гдѣ кадія судить.

Коснувшись эстетической стороны серба, его понятія о красотѣ, встаетъ вопросъ о его собственными образами, словами его народной пѣсни охарактеризовать его идеалъ красоты. Вотъ какъ пѣсня описываетъ дѣвицу Хайкуну, сестру бѣга Любовича, «лучшій цвѣтъ, какой только когда-либо расцвѣтаетъ среди ровнаго поля Невесиньи» (въ Герцеговинѣ, откуда нынче началось возстаніе):

Струку е танка и висока,
 образу бѣла и румена;
 Шо да е до подне узрасла
 рема тном сунцу пролетнѣме.
 Чи су јой—два драга камена,
 обрве—морске пиваѣце,
 репавице—крила ластовице,

Станомъ она тонкая и высокая,
 Лицомъ—бѣлая и румяная;
 Какъ будто выросла она до подня
 Противъ тихаго весеняго солнца.
 Глаза у ней—два дорогихъ камня,
 Брови—пьявицы морекія,
 Рѣсницы—ласточкины крылья,

Руса коса—кита ибришима;
Уста су јой кутія шетьера,
Бѣли зуби—два низа бисера;
Руке су јой крила лабудова,
Бѣле дойке—два сива голуба;
Кад говори—канда голуб гуче;

Кад се сміе—канда сунце гріе.
Льепота се ньена разгласила
По свој Босни и Херцеговини.

Коса русая—плетенка изъ жупа,
Уста ея—коробочка сахару,
Бѣлые зубы—двѣ жемчужина синя;
Руки у ней—лебединыя крыла,
Бѣлыя груди—два сизае голуба;
Когда говорить—словно голубъ вор-
куетъ.

Засмѣется—словно солнце грѣть.
Красота ея разгласилась
По всей Боснѣ и Герцеговинѣ.

Красота дѣвицы еще больше возвышается, если она растетъ, что называется, не видя свѣта Божьяго и въ невинности, доходящей до полнѣйшаго невѣдѣнія самыхъ обыденныхъ вещей. Не разъ въ пѣсняхъ говорится:

Девойка е у кавезу расла,
Кажу, расла петнаест година,
Ни видѣла сунца, ни мѣсеца,
Нити знаде, како жито расте.

Дѣвица росла въ клѣткѣ,
Росла, говорятъ, пятнадцать лѣтъ,
Не видѣла ни солнца, ни мѣсеца,
Не знала, какъ хлѣбъ растеть.

Нельзя не замѣтить, что тутъ ужъ видно вліяніе турецкое, потому что только у турокъ женщина содержится въ гаремѣ, въ сторонѣ отъ всякой тяжелой работы и внѣ заботъ о житейскихъ нуждахъ. Поэтому такими красавицами въ сербской пѣснѣ являются или Хайкуна, видимо турчанка, хоть и называется сестрою бега съ сербскимъ именемъ, или венеціанка Роксанда, но не простая сербская дѣвушка.

Еще особенность сербской народной поэзіи: она не любитъ изображать красоту въ деталяхъ, какъ въ приведенной выше пѣснѣ, которая, по-моему, не совсѣмъ чистаго происхожденія, и если не подправлена, то составилаь подъ чужимъ вліяніемъ; она не довольствуется голымъ описаніемъ красоты, а ловить моментъ, чтобы показать, какъ она дѣйствуетъ; даже не дозволяетъ вамъ разсматривать, а старается только чуть приподнять скрывающее ее покрывало и поразить васъ моментально, неожиданно.

Въ одной пѣснѣ разсказывается, какъ сваты вели невѣсту къ жениху и не могли никакъ увидѣть ее, такъ какъ она была все время подъ покрываломъ; шли они нѣсколько дней и ночей, и только когда проходили ущельемъ, изъ горъ неожиданно удриль вѣтеръ и приподнял покрывало: тогда отъ лица ея гора и горы освѣтились.

То же самое повторяется и въ другой пѣснѣ:

Девойка е край горе стояла,
Сва се гора од лица сіала,
А од лица и зелена венца.

Дѣвица возлѣ гѣсу стояла,
Цѣлый гѣсъ отъ ея лица сіала,
Отъ ея лица и зеленого вѣнца.

Или еще:

Гек што они у ріечи бяху,
 За граду се отворише врата,
 Изидьоме два банова сина,
 Изведоме конья зеленого,
 За сувіем окитъена златом,
 И на конью Роксанду девојку,
 Жасуту мрежом од бисера
 Завр главе до зелене траве.

Только они стали говорить,
 Отворились городскія ворота,
 Вышли два банова сына,
 Выводили коня сѣраго,
 Убраннаго червоннымъ золотомъ,
 И на конѣ дѣвицу Роксанду,
 Осыпанную жемчужною сѣткой
 Съ головы до зеленой травы.

Въ пѣснѣ, изображающей, какъ три югославянскихъ юнака Марко Кралевичъ, воевода Милошъ (Обиличъ) и Реля Крылаый, отправились въ Венецію сватать извѣстную красавицу Роксанду, сестру капитана Леки, чудную картину представляетъ выходъ ея предъ женихомъ. Лека, предупредивъ сестру, самъ попель къ гостямъ, повелъ ихъ на высокой *чардакѣ* (свѣтлица, юмната наверху) и угощаетъ виномъ; въ это время—

Где звека висока чардака,
 Зазвечаше ситни басамаци,

Поднялся звукъ по высокой свѣтлицѣ,
 Зазвучали мелкія ступеньки (на хѣстницѣ),

Ютеовице ситне на папучамъ,
 Ал' это ти буљюк девојка,
 Медью нима Росанда девојка.
 А кад Роса додѣе на чардаке,
 Јину чардак на четире стране,
 Од њезина дивна одѣла,
 Од њезина стаса и образа.
 Погледнуше три србске войводе,
 Погледнуше, па се застидише,
 Заисто се Роси зачудише.

Тонкія подковки на башмакахъ,
 А вотъ вамъ толпа дѣвицъ,
 Между ними Росанда дѣвица.
 А когда Роса въ свѣтлицу вступила,
 Просіяла свѣтлица на четыре стороны
 Отъ ея дивнаго одѣанія,
 Отъ ея стана и лица.
 Посмотрѣли трое сербскихъ воеводъ,
 Посмотрѣли и застыдились,
 По истинѣ Росѣ дивовалися.

Много Марко чуда сагледао,
 И видѣо виле на плавини,

Много Марко видывалъ чудесь,
 И видѣлъ онъ вилъ (русалки, нимфы)
 въ горахъ,

И имао виле посестриме,
 Ни од шта се ніе препануо,
 Ни с'ода шта Марко застидно;
 Баш се Роси бѣше зачудио,
 И од Леке с' мало застидише,
 Погледнуше у земљичу црну.

Были у него вилы посестримы,
 Ни отъ чего онъ такъ не положился,
 Ни отъ чего Марко не стыдился,
 А вотъ Росѣ задивился,
 И передъ Лекой нѣсколько стало стыдно,
 Опустилъ глаза въ черную землю.

Надѣюсь, читатели не посѣтуютъ на обиліе выписокъ и особенно на то, что я привожу ихъ въ оригиналѣ на языкѣ мало кому понятномъ. Послѣднему обстоятельству помогаетъ, конечно, мой подстрочный переводъ, но одинъ переводъ не передалъ бы всей прелести поэтическихъ образовъ, пластичности формъ и гармоніи языка, что однако такъ доступно русскому слуху и

чутью, даже и тогда, когда бы не былъ вполне понятенъ самъ смыслъ.

Мнѣ остается еще досказать, чѣмъ кончился праздникъ. Я и дождался его конца и покинулъ въ тотъ моментъ, когда онъ разгулялся. Господинъ Мита (капетанъ) былъ въ числѣ самыхъ неугомимыхъ коловодей, а когда онъ отставалъ, то подгумившій поселяне запросто тянули его и онъ не могъ отмотиться. Этотъ капетанъ былъ больше сербинъ, чѣмъ чиновникъ; впоследствии я узналъ его ближе и убѣдился, что онъ дѣйствительно былъ хорошій человекъ, значить — народное чутье не ошибается.

Здѣсь былъ послѣдній пунктъ, до котораго я доходилъ и Дринъ, и отсюда, двинувшись на Ужицы, я вступалъ уже въ бассейнъ другой сербской рѣки — Моравы. Такъ какъ я отправился рано, то мнѣ не было ни одного попутчика, только одна женщина отправлялась туда же въ одно время со мною, и съ ней я могъ сдѣлать хоть часть пути, что для меня было очень важно такъ какъ легче всего сбиться съ дороги около селенья.

Скоро мы съ ней раздѣлились и я, какъ и всегда, остался одинъ. Скоро смерлось, настала ночь, но свѣтлая, тихая; дорога отличная и красивая мѣстность: слѣва гора съ лѣсомъ, вправо глубокая долина, также наполненная лѣсомъ, и на самой глубинѣ шумитъ потокъ, а за нею при лунномъ освѣщени въ легкомъ туманѣ рисуются горы. На дорогу передо мной безпрестанно падаютъ свѣтляки и разсыпаются искорками, вспыхивая фосфорическимъ свѣтомъ. Мѣстность не совсѣмъ пустая: въ нѣсколькихъ мѣстахъ стада овецъ въ огороженныхъ пригонахъ, но людей не видно ни собакъ; должно быть, подлѣ и самое селенье. Шмыгнувъ черезъ дорогу волкъ, подбираясь къ овечкамъ; а вонъ выходитъ изъ лѣсу на дорогу и человекъ съ длинною винтовкою за спиной (машицей) и съ большимъ ножомъ за поясомъ. Вотъ мнѣ и попутчикъ. Вышелъ онъ на дорогу и идетъ такъ медленно, — безъ сомнѣнiя, поджидаетъ меня. Догналъ я его; поздоровались и идемъ рядомъ. Послѣ обычныхъ разспросовъ, онъ щупаетъ мою сумку и спрашиваетъ, что въ ней.

— Все, что мнѣ нужно, — отвѣчаю ему.

— И деньги есть? — Есть. — Что же; ты не одинъ здѣсь, а тобою вѣрно ѣдетъ лошадь?

— Нѣтъ, одинъ — и весь тутъ.

— Какъ же это! ты вѣдь здѣсь въ первый разъ и не знаешь дороги?

Поясняю ему, что у меня есть карта и описаніе, а къ тому я вездѣ разспрашиваю людей.

Еще больше удивился, когда узналъ, что со мною нѣтъ ни вольвера, ни другого оружія.

— Какъ же такъ: одинъ, безъ оружія, съ деньгами, въ чужомъ аю?... Вѣдь здѣсь всякіе люди есть?

— Ну, слушай, я тебѣ объясню все: еслибъ кто-нибудь загѣлъ убить меня, онъ убьетъ изъ лѣса, такъ что я его не вижу, и тогда револьверъ не помощь; но убиваютъ людей нѣко разузнавши впередъ, есть ли у нихъ деньги и стоютъ ли и деньги того, чтобы убить человѣка; если же это навѣрное извѣстно, то зря убивать человѣка никто не станетъ; увидѣвши ловѣка въ первый разъ, да еще иностранца, всякій прежде его полюбопытствуетъ узнать, кто онъ такой, и, узнавши, что русскій и путешествую для того, чтобъ познакомиться и подружиться со своими единоплеменными и единовѣрными братьями, никто никогда и не подумаетъ сдѣлать мнѣ какое бы ни было зло. Такъ ли?

— Хорошо ты говоришь, братъ.—отвѣтилъ незнакомецъ съ димымъ участіемъ:—въ сербской землѣ никто тебя не тронетъ, тому что русскихъ всѣ мы любимъ. Иди смѣло по всей сербской землѣ и никто тебя не тронетъ.

И пошла у насъ бесѣда на другой ладъ. Когда мы ужъ подходили къ селенью, незнакомецъ, сказавъ мнѣ «съ Богомъ», шелъ назадъ и только кивнулъ, чтобъ я торопился, а то хану запруть.

Дѣйствительно, въ механѣ всѣ уже спали, кромѣ одного мала, который перемывалъ посуду. На мое счастье остался еще сокъ мяса и, слѣдовательно, я былъ съ ужиномъ. Разсказалъ я у про всѣ свои встрѣчи, про волка и про человѣка, котораго ель за лѣсного сторожа. Встревожило его извѣстіе о волкѣ, гчасъ побѣжалъ онъ послать кого-нибудь къ стаду, а про чевѣка спокойно сказалъ: «але то е био айдукъ, зао посо» (толь разбойникъ, худое ремесло), потому что никакихъ лѣсныхъ орожей у нихъ нѣтъ, и ни одинъ сербинъ ночью не станетъ яться, а норовитъ какъ можно раньше завалиться спать. «А скажи,—добавилъ онъ мнѣ:—вала Богу, да самъ добро дошо!» слава Богу, что благополучно прибылъ!

П. РОВИНСКІЙ.

КАКЪ МЫ ЖИВЕМЪ НЫНЧЕ

О ЧЕРКИ

ИЗЪ РОМАНА А. ТРОЛЛОПА.

Новѣйшій романъ Антони Троллопа ¹⁾ имѣеть цѣль, на которую указываетъ самое его заглавіе. Авторъ хотѣлъ показать мнѣніе, происшедшее въ обычаяхъ и воззрѣніяхъ современнаго англійскаго общества сравнительно съ весьма недавнимъ еще временемъ: ослабленіе исключительности и разборчивости, значеніе, легко пріобрѣтаемое нынѣ людьми новыми, вліяніе спекуляціи, кумовство въ печати, вообще, тѣ различныя явленія, которыя вызваны отчасти одинаковыми, отчасти разнородными причинами, повліявшими на прежній общественный складъ, общественные взгляды, вкусы и даже нравы. Обзоръ романа, состоящаго изъ четырехъ томовъ, всего на нѣсколькихъ десяткахъ страницъ представило бы нѣчто мало привлекательное для читателей. Притомъ, изъ такого обзора онъ не могъ бы, такъ-сказать, лично познакомиться съ главными типами. Мы предпочли представить нѣсколько цѣльныхъ очерковъ, сохранивъ обзоръ только для уясненія хода дѣйствія, а многими подробностями его и даже многими второстепенными лицами должны были, разумѣется, пожертвовать.

¹⁾ The way we live now, by Anthony Trollope, 1875—въ четырехъ томахъ.

I.

Леди Карбэри сидѣла за письменнымъ столомъ; ея книга, «Королевы-преступницы», только что вышла въ свѣтъ, и писательница, чувствуя необходимость поддержки со стороны влиятельныхъ газетъ, писала по этому предмету въ главы трехъ газетъ: «утренней», «вечерней» и «литературной», гг. Броуну, Альфу и Букеру. Всѣ трое бывали у нея въ домѣ, съ первымъ она шла даже въ дружбѣ. Незадолго до сочиненія писемъ, о которыхъ теперь упоминается, между ними произошелъ нѣсколько странный фактъ, почти анекдотъ. Однажды леди Карбэри предлагала г. Броуну рядъ своихъ статей и высказала надежду на получение за нихъ гонорара по № 1-му, хорошо сознавая, что Броунъ тѣми статьями не особенно интересовался, а если и интересовался, то скорѣе въ размѣрахъ гонорара по № 2-му и даже 3-му. Леди Карбэри была вполнѣ порядочная женщина; ей было 43 года, но она хорошо сохранилась, была женщина весьма красивая, и умѣла встать повліять на дѣла обаяніемъ расоты. Говоря съ увлеченіемъ о своихъ статьяхъ, она на мигу забыла свою мягкую, полную руку въ рукѣ г. Броуна, а въ увлеченіи съ своей стороны неожиданно поцѣловала писательницу, хотя былъ самъ человекъ пожилой и солидный. Изъ этого, конечно, ничего не произошло далѣе, и не могло произойти, такъ какъ леди Карбэри была дама порядочная. Результатъ былъ чисто-литературнаго свойства: г. Броунъ, получивъ мужескій выговоръ, принялъ статьи для газеты и общалъ гонораръ по № 1-му, и потерпѣвъ такимъ образомъ поражение на ихъ пунктахъ, съ немалымъ смущеніемъ поѣхалъ читать свои корректуры.

Итакъ, просьбу о поддержкѣ «Королевамъ-преступницамъ» можно было высказать редактору «утренней» газеты прямо, или другимъ редакторамъ. Просьба эта и высказывалась въ письмѣ къ нему совершенно ясно и просто, а затѣмъ все письмо было наполнено энтузіазмомъ писательницы къ избранному ея предмету, причемъ она наивно проговаривалась, что типъ Клеопатры заимствованъ ею у Шекспира, типы римскихъ императоровъ—у Гиббона, такъ что обнаруживалось, съ какой основательностью были составлены этюды; письмо входило еще въ подробности, почему къ историческимъ лицамъ писательница отнеслась такъ или иначе. Письмо, при всей краткости, обнаруживало не только громадность исполненной работы, но и страст-

ность, причудливость, артистичность природы самой писательницы, совершенно увлеченной, повидимому, своимъ предметомъ. Все это однакоже, если сказать правду впередъ, было вздоръ: и основательность работы, и страстность, причудливость и увлеченіе. Въ другомъ письмѣ, къ г. Букеру, редактору «литературной» газеты, леди Карбѣри была гораздо сдержаннѣе и просила отзыва о своей книгѣ также коротко, какъ коротко сообщала г. Букеру, что ей порученъ въ «утренней» газетѣ разборъ новой книги, которая написана имъ, г. Букеромъ, и что она желала бы знать, на что онъ хотѣлъ бы обратить вниманіе критиковъ своего сочиненія. Г. Букеръ не былъ издатель, а только редакторъ «литературной» газеты, за что и получалъ 500 фунтовъ въ годъ. Онъ былъ человѣкъ ученый и талантливый, человѣкъ съ литературнымъ вліяніемъ въ истинномъ смыслѣ. Но ему было 60 лѣтъ, онъ получалъ 500 фунтовъ въ годъ, и имѣлъ множество дочерей, изъ которыхъ одна была вдова съ дѣтьми, жившая у него же. Букеру было противенъ обмѣнъ «добрыхъ услугъ» въ родѣ того, какой ему предлагала теперь леди Карбѣри. Но безъ подобныхъ уступокъ онъ не могъ бы сводить конца съ концомъ въ своихъ дѣлахъ. Новые литературные обычаи были ему противны, но онъ былъ принужденъ имъ поборяться, то-есть, принужденъ, въ строгомъ смыслѣ слова, онъ не былъ, такъ какъ никто не запрещалъ ему бросить журналистику и пойти, на примѣръ, разбивать камни для мостовой. «Скверно оно, скверно,—думалъ про себя иногда г. Букеръ,—но что же дѣлать: не я сдѣлаю, другой сдѣлаетъ»,—и г. Букеръ обжился съ новыми обычаями. Онъ предвидѣлъ, конечно, что книга леди Карбѣри должна быть пустѣйшей, поверхностнѣйшей компиціей, съ путаницею фактовъ и хронологіи; ему было смѣшно предложеніе такой писательницы воспользоваться его взглядами для разбора его же книги, взглядами, которыхъ онъ бы не могъ ей и объяснить. Но похвальный отзывъ объ его книгѣ въ «утренней» газетѣ, къмъ бы онъ ни былъ написанъ, могъ быть весьма полезенъ для продажи его книги, а распродажа книгъ, которыя онъ выпускалъ ежегодно, была необходимымъ прибавленіемъ къ его 500 фунтамъ жалованья.

Третье письмо леди Карбѣри было обращено къ редактору и главному собственнику «вечерней» газеты, г. Альфу. Кто былъ г. Альфъ—не было извѣстно съ достовѣрностью. Что была его газета—также трудно было опредѣлить. Относительно политическаго цвѣта «утренней» газеты не было сомнѣнія; она была органъ либеральный; относительно «литературной» газеты не

было сомнѣнія, что она политическаго цвѣта вовсе не имѣла; но относительно газеты г. Альфа нельзя было сказать, какова ея политическая окраска, а между тѣмъ, она во всѣхъ вопросахъ, какъ литературныхъ, такъ и политическихъ, высказывала свои приговоры самымъ рѣшительнымъ образомъ. Она именно давала не мнѣніе, но приговоры; всегда и всѣмъ она была недовольна; все явила болѣе или менѣе тонко. Тутъ нельзя было различить, кого она считала союзникомъ, кого — врагами. Тѣ, кого она явила, могли быть враги, это понятно; но они могли быть и друзья, только «вечерняя» газета относилась къ нимъ съ ироніею, потому что считала ихъ недостаточно-умными, недостаточно-усердными, недостаточно-рѣшительными, однимъ словомъ, — несостоятельными. Отсюда истекали два выгодныя для «вечерней» газеты послѣдствія. Во-первыхъ, то, чего она не договаривала, очевидно должно было быть гораздо умнѣе того, что она повергала въ прахъ, такъ что, какъ бы умно ни поступилъ государственный человѣкъ, какую бы умную рѣчь ни сказалъ ораторъ, какую бы мудрую книгу ни написалъ признанный мудрецъ, — «вечерняя» газета казалась гораздо умнѣе каждаго изъ нихъ, хотя и не высказывала, что можно было бы сдѣлать на ихъ мѣстѣ. Во-вторыхъ, — «вечерняя» газета была занимательна; всегда было любопытно взглянуть, какъ тамъ отдѣлаютъ то и другое, и третье, а что отдѣлаютъ, — такъ это было несомнѣнно. Г. Альфъ сталъ извѣстенъ всего года два тому назадъ; откуда онъ явился — оставалось вопросомъ, который произвольно разрешался догадкою, будто онъ родился въ Германіи евреемъ. Но Англію онъ зналъ хорошо, зналъ англійскія обстоятельства такъ, какъ только англичанинъ могъ ихъ знать. Успѣхъ «вечерней» газеты былъ несомнѣненъ, а г. Альфу уже принадлежалъ домъ въ Бёркли-сверѣ и ежегодный доходъ съ газеты, примѣрно въ 6000 фунтовъ, изъ которыхъ онъ издерживалъ около половины. Онъ одѣвался просто, но отличпо. Не зная г. Альфа, не быть съ нимъ въ хорошихъ отношеніяхъ — значило принадлежать къ допотопному міру и вырождающимся родамъ и видамъ творенія.

Понятно, что и письмо къ нему лэди Карбэри было самое льстивое и смиренное. Она даже допускала, что ей достанется за невѣрность фактовъ и смѣлость браться за такой трудъ, но просила только, чтобы были оцѣнены «жизненная правда» и «осмысленность» портретовъ.

Кто была сама лэди Карбэри? Будучи бѣдной дѣвушкой, она вышла за офицера, служившаго въ Индіи, Патрика Карбэри, ко-

торый былъ слишкомъ вдвое старше ея. За военные отличія, онъ получилъ званіе баронета, вслѣдствіе чего она и была леди Карбэри. Онъ былъ человекъ грубый, пьяный и жестокій. Ее онъ билъ и оскорблялъ на всякомъ шагу. Это усилило въ ней природную склонность къ фальши. Еще дѣвущкой, даже ребенкомъ, она поняла, что красота ея давала ей право стать выше того скромнаго уровня, на которомъ она родилась, и что при умѣ можно было того достигнуть. Создать себѣ видное положеніе и сохранять, хотя бы внѣшнюю его обстановку—вотъ мысль, которая обратилась у ней въ природу. Она готовилась къ тому почти съ дѣтства, безъ расхода на то денегъ, которыхъ не было, и даже труда, просто одной догадливостью. Въ одномъ домѣ она схватила кое-какія верхушки общаго образованія, въ другомъ домѣ—свѣтскія манеры, въ третьемъ—нашла мужа, который могъ дать ей желанное положеніе. Все это не сдѣлало ее женщиною дурною, но пропитало ее фальшивостью. Мужъ ее билъ, и она всегда оставалась вѣрною женою, но употребляла всѣ средства, чтобы казаться довольною. Она улыбалась вскорѣ послѣ побоевъ. Однако однажды она-таки вынуждена была убѣжать отъ мужа, но потомъ возвратилась къ нему и ухаживала за нимъ до его смерти. У нихъ были сынъ и дочь. Сынъ сэръ Патрика, еще будучи мистеромъ Карбэри, то-есть при жизни отца, поступилъ въ одинъ изъ гвардейскихъ полковъ. Сэръ Патрикъ оставилъ ему 1000 фунтовъ дохода, и женѣ своей съ дочерью ровно столько же. Но Феликсъ Карбэри, наслѣдовавшій послѣ смерти отца его титулъ, въ четыре года промоталъ весь свой капиталъ и надѣлалъ еще много долговъ. Такимъ образомъ, леди Карбэри должна была на 1000 ф. дохода содержать себя, дочь и баронета. Отсюда явилась необходимость экономіи и работы. Леди Карбэри, какъ женщина умная и пополнившая свое образованіе чтеніемъ, нашла себѣ работу литературную, какъ болѣе выгодную во-первыхъ, и во-вторыхъ, какъ болѣе отвѣчавшую ея вѣчному стремленію проложить себѣ путь въ свѣтъ, чѣмъ всякій иной трудъ, доступный женщинѣ. Но такъ какъ сэръ Феликсъ жилъ на ея счетъ и постоянно выпрашивалъ у нея деньги, то положеніе матери его было крайне стѣсненное. Она обожала сына-негодая, и это было единственное истинное ея чувство; все остальное въ ней было притворство или расчетъ. Къ дочери она относилась нѣсколько равнодушно и считала естественнымъ, что та должна жертвовать собой брату, какъ жертвовала собою она, мать, своему сыну. Обожаемый сынъ былъ красавецъ, и леди Карбэри мечтала женить его на богатой наслѣдницѣ.

Сэръ Феликсъ былъ самъ вполне готовъ на это. Къ труду онъ былъ совсѣмъ неспособенъ, хотя не былъ глупъ. Онъ былъ даже настолько уменъ, что не казался занять собою. Но необыкновенная красота его бросалась всѣмъ въ глаза. При такомъ положеніи дѣлъ, вся забота матери заключалась въ томъ, чтобы какъ-нибудь продержаться своими средствами до богатой женитьбы сына. Для этого ей казалось необходимымъ, чтобы критика хвалила ея книги. Она работала весьма серьезно въ томъ смыслѣ, что производила въ короткое время массу исписанныхъ листовъ. При гибкости ума, ей не много стоило писать скоро и притомъ бойко, хотя и безсодержательно; притомъ она умѣла намазывать на бумагу весьма тонкимъ слоемъ все, что знала, такъ, чтобы знаніе ея покрывало возможно-большую поверхность. Въ сущности, она была равнодушна, хороша или дурна ея книга въ самомъ дѣлѣ; ей хотѣлось только, чтобы ея книгу хвалила критика. Еслибы г. Броунъ у себя въ кабинетѣ сказалъ ей, что ея книга—пустяки, но вмѣстѣ съ тѣмъ общалъ бы ей, что книга будетъ сильно расхвалена въ «утренней» газетѣ, то едва ли даже пострадало ея самолюбіе. Однимъ словомъ, она была вся проникнута фальшью, но у ней была и хорошая сторона — ея любовь къ сыну. Вообще слухи, основывавшіеся главнымъ образомъ на ея временномъ бѣгствѣ отъ мужа, были гораздо хуже, чѣмъ она была сама въ дѣйствительности.

У нея была въ виду великолѣпная партія для сына, а именно миссъ Мельмотъ, дочь милліонера, пышно жившаго въ Гровеноръ-Скверѣ. Что касается дочери лэди Карбэри, Генріотты или Гетты, какъ ее обыкновенно называли, то, еслибы она хотѣла исполнить желаніе своей матери, ей стоило бы только сказать одно слово троюродному брату ея, Роджеру Карбэри, который былъ влюбленъ въ нее что называется безъ ума, несмотря на свои сорокъ лѣтъ. Но Геттѣ больше нравился другъ Роджера, молодой Поль Монтегю, хотя Роджера она искренно уважала.

II.

Въ Гровеноръ-Скверѣ ожидался большой балъ; балъ въ самомъ дѣлѣ большой, не потому только, что онъ стоилъ большихъ денегъ, но и потому, что дѣлались большія усилія, дабы залучить на него «большихъ» людей, и самыя приготовленія производили большой эффектъ, такъ что уже за двѣ недѣли о балѣ у Мельмота говорилось въ томъ мірѣ, для котораго съ открытіемъ

парламента открылся сезонъ. Герцогиня Стивенеджъ прибыла изъ своего замка Ольбэри нарочно, съ цѣлю украсить балъ у Мельмота присутствіемъ своимъ и своихъ дочерей. Конечно, на то были причины. Извѣстно было, что братъ герцогини, лордъ Альфредъ Грендолль, находился въ весьма затруднительныхъ обстоятельствахъ, которыя неожиданно были поправлены изъ какого-то источника. Сверхъ того, второй сынъ лорда Альфреда, Майльзъ Грендолль, получилъ мѣсто въ какой-то компаніи, съ жалованьемъ, котораго, по мнѣнію его друзей, не могъ сдѣлать его трудъ. Само собою разумѣлось, что туда, куда могла ѣхать герцогиня Стивенеджъ, всѣ должны были стремиться. За день до бала распространилось извѣстіе, что на немъ будетъ даже одинъ изъ привцевъ королевскаго дома. Какимъ образомъ онъ былъ привлеченъ туда, того, конечно, нельзя было знать съ достовѣрностію, но былъ такой слухъ, будто брилліанты нѣкоторой дамы, заложенные у ростовщика, были выкуплены. Одного такого слуха достаточно, чтобы повѣять, на какую ногу дѣлались «приготовленія» къ балу. Первый министръ, къ сожалѣнію, не могъ обѣщать своего присутствія; но другой министръ и два-три товарища министровъ обѣщали, потому что не ровень часъ, и Мельмотъ могъ заручиться вліятельными голосами въ парламентѣ.

Этотъ великолѣпный балъ давалъ нѣкто Августъ Мельмотъ, отецъ той дѣвушки, на которую имѣли вилы лэди Карбери и ея сынъ сэръ Феликсъ Карбэри. Августъ Мельмотъ еще недавно почти-что считался въ Лондонѣ иностранцемъ; но такъ какъ онъ велъ огромныя дѣла, то свѣтъ повѣрилъ его увѣренію, что онъ родился въ Англіи, куда, впрочемъ, онъ прибылъ изъ Парижа всего года два назадъ. Поэтому его на конвертахъ стали называть Августъ Мельмотъ Esq., то-есть такъ, какъ писалось его имя въ спискахъ учредителей разныхъ компаній. Дочь его еще недавно называли m-lle Марі, но теперь также стали называть миссъ Мельмотъ. Зато жена его осталась въ общихъ понятіяхъ мадамъ, а не миссъ Мельмотъ. Онъ самъ говорилъ, что она иностранка, да и не могъ говорить иначе, такъ она мало понимала по-англійски, между тѣмъ какъ у самого Мельмота и его дочери едва-едва замѣтенъ былъ въ говорѣ акцентъ иностранный. Мельмота вообще окружала тайна; а такъ какъ онъ былъ на виду, то о немъ и его семействѣ ходили разные слухи, мало достовѣрные. О женѣ его говорили, что она еврейка изъ Богеміи и будто она не жена; о дочери—будто она не дочь мадамъ Мельмотъ. О немъ самомъ было достовѣрно извѣстно только то, что разбогатѣлъ онъ не въ Англіи, но во Франціи. По слухамъ же, у него бывали

дѣла въ разныхъ странахъ; такъ говорили, что онъ построилъ одну желѣзную дорогу въ Россіи, ставилъ провіантъ южанской арміи въ Америкѣ, снабжалъ Австрію оружіемъ и однажды скупилъ все готовое желѣзо въ Англии. Мельмотъ могъ одной покупкой или продажей бумагъ на биржѣ создавать или уничтожать значеніе компаній, могъ сдѣлать такъ, что деньги становились обильны или рѣдки. Все это говорилось о немъ въ смыслѣ удивленія и хвалы. Но говорилось также, что въ Парижѣ онъ имѣлъ репутацію величайшаго мошенника, какого когда-либо производилъ свѣтъ; что ему въ Парижѣ дольше нельзя было оставаться; что онъ оттуда перенесъ-было центръ своихъ операцій въ Вѣну, но былъ приглашенъ тамошнею полиціей уѣхать, и что, наконецъ, его привлекла къ себѣ британская свобода. Теперь онъ жилъ въ Гровеноръ-Скверѣ, а контора его находилась въ Сити, въ Абчёрчъ-Ленѣ. Все преобразование Мельмота изъ пріѣзжаго дѣльца въ признаннаго свѣтомъ богатаго англійскаго негодіанта произошло въ двѣнадцать мѣсяцевъ. И вотъ теперь—принцъ королевской крови, министръ ея величества и избранный будетъ герцогиня являлись гостями къ его женѣ, на балъ.

Мэри Мельмотъ танцевала съ сэромъ Феликсомъ Карбэри. Карбэри умѣлъ придавать своему голосу тотъ тонъ и своему лицу то выраженіе, которые обнаруживали влюбленность; но когда надо было сдѣлать признаніе въ любви, онъ оказывался несостоятельнымъ; всякое чувство было до такой степени чуждо его сухой, чисто-эгоистической натурѣ, что онъ не умѣлъ изобразить голосомъ страсть,—изображалъ, но не убѣдительно. Это странное обстоятельство было уже однажды причиною отказа, полученнаго имъ отъ дѣвушки съ приданымъ въ 40 тысячъ фунтовъ. Приданое Мэри Мельмотъ считалось безъ всякаго сравненія больше этой цифры. Карбэри мечталъ о немъ, но скучалъ необходимостью любовныхъ объясненій. Впрочемъ, дѣло теперь было еще только вначалѣ и баронетъ могъ еще только «заигрывать» въ любовь, а это не превосходило его способностей.

— Какъ вы хорошо вальсируете,—сказалъ онъ, приведя Мэри къ стулу.

— Да? Въ первый разъ слышу. Со мной, впрочемъ, никто не говорилъ обо мнѣ.

— А я охотно рассказалъ бы вамъ все, что васъ касается.

— Вы ничего не знаете.

— Я бы открылъ. О многомъ просто догадался бы. Напримѣръ, кто могъ бы вамъ понравиться больше всѣхъ.

— Кто же это?

- Кто полюбилъ бы васъ больше всего на свѣтѣ.
- Положимъ; но какъ же узнать это?
- Иного средства нѣтъ, миссъ Мельмотъ, какъ повѣрить.
- Ну, это не совсѣмъ надежно. Еслибы какая-нибудь дѣвушка сказала мнѣ, что любить меня болѣе всякой другой дѣвушки, я бы еще не знала, правда ли это. Надо было бы подождать и убѣдиться.
- А еслибы джентльмэнъ сказалъ вамъ то же самое?
- Нисколько бы ему не повѣрила и не искала бы убѣдиться. Но въ самомъ дѣлѣ, мнѣ хотѣлось бы найти такую подругу, дѣвушку, которую я могла бы любить, о! въ десять разъ больше, чѣмъ самоё себя.
- И мнѣ хотѣлось бы.
- Развѣ у васъ нѣтъ друга?
- Я говорю, мнѣ тоже хотѣлось бы найти подругу въ таковой дѣвушкѣ, которую я могъ бы любить, о! въ десять разъ больше, чѣмъ самого себя.
- Вы подтруниваете надъ тѣмъ, что я сказала, — отвѣтила миссъ Мельмотъ.
- Тутъ же, не далеко отъ нихъ, въ гостиной, разговаривали сестра Феликса Карбѣри Генриэтта и молодой Монтегю.
- Желательно бы знать, приведетъ ли это къ результату, — замѣтилъ Поль Монтегю, видя, что миссъ Карбѣри смотрѣла на брата и его собесѣдницу.
- Вы говорите о Феликсѣ и миссъ Мельмотъ? Мнѣ противно думать о такихъ видахъ, г. Монтегю.
- Что-жъ, для него это былъ бы великолѣпный случай.
- Жениться на дочери пошлыхъ людей оттого только, что у нея много денегъ? Вѣдь не можетъ быть, чтобы онъ въ самомъ дѣлѣ былъ привязанъ къ ней.
- Да, но ему такъ настоятельно нужны деньги! Мнѣ кажется, что Феликсу не можетъ быть иной дороги въ свѣтѣ, какъ стать мужемъ богатой наслѣдницы.
- Тяжело думать такъ о братѣ.
- Но развѣ это неправда? Вѣдь онъ сдѣлалъ себя нищимъ.
- О, г. Монтегю.
- И васъ съ вашей мамѣ разорить въ конецъ.
- Я о себѣ не особенно беспокоюсь.
- Но другіе беспокоятся. — Эти слова онъ провнесъ, впрочемъ, не обращаясь къ ней, вполголоса, какъ будто съ досадою.
- Между тѣмъ, г. Мельмотъ и г-жа Мельмотъ продолжали принимать вновь прибывавшихъ гостей. Мельмотъ былъ высокій и

плотный мужчина, съ густыми бабенбардами, густыми, жесткими волосами на головѣ, и густыми же бровями; въ очертаніи его рта и подбородка обнаруживалось замѣчательное могущество воли. Эта черта такъ преобладала въ его лицѣ, что, благодаря именно ей, выраженіе его не было пошло. Но видъ его и вся его манера держаться и говорить были непріятны и внушали недоверіе. Въ немъ легко угадывался мѣшокъ набитый деньгами, и грубиянъ. Мадамъ Мельмотъ, если она была еврейка, не была похожа на еврейку тѣмъ, что была толстая блондинка. Она стояла въ немаломъ смущеніи посреди дома, обращеннаго нѣкоторымъ образомъ въ волшебный міръ, и почти изнемогала подъ тяжестью своей роли. Около Мельмота почти неотлучно находился лордъ Альфредъ Грендолль, братъ герцогини Стивенеджъ; сынъ его, Майльзъ Грендолль, по порученію тетушки, распорядился танцами. Герцогиня приложила нѣкоторую заботливость, чтобы балъ удался; вѣдь Мельмотъ содержалъ и самого лорда Альфреда, и все его семейство. Герцогиня заранѣе приказала своему старшему сыну лорду Бѣнтингфорду открыть балъ съ Мэри Мельмотъ. Лордъ Бѣнтингфордъ согласился на это не безъ затрудненій; онъ былъ человѣкъ съ аристократическими идеями, не любилъ танцевать, былъ человѣкъ дѣловой и вмѣстѣ застѣнчивый. По этому случаю дома происходилъ такой разговоръ:

— Разумѣется, они пошлы, стѣбить ли говорить объ этомъ,— сказала герцогиня;—это такъ ясно, что наши встрѣчи съ ними, по самой своей нелѣпости, не могутъ особенно претить намъ. Что онъ не честный человѣкъ, это нисколько не удивительно: развѣ честный можетъ такъ разбогатѣть? Что мы все это дѣлаемъ съ опредѣленной цѣлью—это тоже разумѣется; легко сказать, что не слѣдуетъ, но что же намъ дѣлать съ дѣтьми Альфреда? Вотъ Майльзъ уже получилъ мѣсто въ 500 фунтомъ, да, между нами—вѣдь Альфредовы векселя благополучно спрятаны у Мельмота въ шкапу; Альфредъ заплатитъ, когда самъ захочетъ.

— Ну, они долго пролежать въ шкапу,—сказалъ лордъ Бѣнтингфордъ.

— Такъ вотъ, какъ же имъ не ожидать, что и мы сдѣлаемъ что-нибудь для нихъ; что стѣбить протанцевать? ну, протанцуй съ ней разъ.

Лордъ Бѣнтингфордъ съ мягкостью протестовалъ и согласился.

Когда Мэри сказала сѣру Феликсу, что «никто не говорилъ съ нею—о ней», то это были не пустяки слова; они имѣли свой смыслъ. Ее уже сватали не разъ, между прочимъ за лордовъ Ниддердэля и Грасслоу. Они дѣйствительно не говорили съ ней

— о ней; о ней они не заботились. Обоимъ нужны были ея деньги, а она представлялась не особенно пріятной придачей къ деньгамъ, хотя не была дурна, не была и совсѣмъ глупа, будучи однако дурочкой. Сперва она совсѣмъ свыклась съ мыслью выдти замужъ за перваго титулованнаго жениха, который будетъ ей указанъ отцомъ, не смѣла и думать о томъ, понравится ли ей женихъ и понравится ли она сама жениху. Но мало-по-малу въ ней стала возникать такая мысль; приведенныя слова ея обнаруживали начинавшійся уже въ ней перевероть. Прежде, когда лордъ Ниддердэль, сперва избранный ея отцомъ, равнодушно пригласилъ ее быть его женою, какъ зовуть на тавецъ, она и не ожидала ничего другого и тотчасъ согласилась исполнить желаніе отца. Но дѣло съ Ниддердэлемъ разошлось. Его отецъ, маркизъ Ольдъ-Рекки, требовалъ, чтобы сынъ взялъ въ приданое не менѣе полу-милліона фунтовъ. Мельмотъ не имѣлъ противъ этого ничего въ то время, такъ какъ съ герцогинями онъ еще знакомъ не былъ и сильно нуждался въ поддержкѣ маркизы. Но онъ хотѣлъ, чтобы капиталъ былъ записанъ на Мэри и оставался ея собственностью. Лордъ Ниддердэль требовалъ, чтобы капиталъ былъ врученъ ему, тѣмъ болѣе, что дѣла стараго маркиза были разстроены, а дѣла молодого лорда никогда не были особенно блестящи, но ужь конечно не были поправлены расточительной жизнью лорда Ниддердэля. — «Какъ же я могу дать такую сумму такому человѣку?» — возразилъ, нахмуривъ свои густыя брови, Мельмотъ, обращаясь къ нотаріусу маркиза, присланному къ нему для переговоровъ. — «Да вѣдь вы даете же ему единственное ваше дитя?» — нашелся съ своей стороны нотаріусъ. Мельмотъ нѣсколько секундъ посмотрѣлъ на него, потомъ нахмурилъ брови еще болѣе, сказалъ, что этотъ отвѣтъ ничего не значить, и ушелъ прочь. Такъ дѣло и разстроилось, что впрочемъ не помѣшало матери бывшаго жениха, маркизѣ Ольдъ-Рекки, присутствовать теперь на балѣ у Мельмота.

Возвратимся къ балу. Мэри нравилось танцовать съ Феликсомъ Карбэри; было новостью для нея самой, что она смѣла сознавать это. Она чувствовала, что выдти замужъ могло бы быть пріятно; изъ словъ и взглядовъ его ей казалось, что и она ему нравилась; а прекрасенъ онъ былъ какъ богъ. Вдругъ прошелъ по заламъ попотъ, что королевскій принцъ пріѣхалъ; Мельмотъ въ это время сидѣлъ за картами. Мэри все еще разговаривала съ Феликсомъ Карбэри. Ей тотчасъ было объяснено, что она должна выдти танцовать съ принцемъ. Представленіе ея совершено было совершенно дѣловымъ порядкомъ. Впередъ пошелъ Майльзъ Грендолль и нашелъ одну жертву этого торже-

ственного обряда—Мэри. По его слѣдамъ шла герцогиня Стивенеджъ съ другой жертвой—принцомъ; позади ихъ колыхалась мадамъ Мельмотъ, но ей не было предоставлено рѣшительно никакого участія въ этомъ дѣлѣ. Оркестръ, который игралъ галопъ, былъ внезапно остановленъ, къ полному замѣпательству танцовавшихъ. Въ двѣ минуты Майльзъ Грендолль устроилъ кадрили. Визави принцу и Мэри онъ сталъ самъ съ своей тѣткой, герцогиней Стивенеджъ, пока, уже на половинѣ кадрили, не былъ отысканъ молодой министръ остъ-индскихъ дѣлъ Леджъ-Уильсонъ, которому тогда Майльзъ и уступилъ свое мѣсто. Лордъ Бѣнтингфордъ уже уѣхалъ, но пойманы были и поставлены на мѣста объ дочери герцогини, которымъ даны были въ кавалеры лордъ Грасслоу и сэръ Феликсъ Карбери, послѣдній за то, что былъ красивъ и все-таки имѣлъ имя. Были еще другія пары, все исключительно изъ лицъ титулованныхъ, такъ какъ предназначено было, чтобы въ печати упомянуть именно объ этомъ кадрилѣ съ именами. Наемный репортеръ былъ тутъ же, приготавлиаясь летѣтъ немедленно со спискомъ именъ въ рукахъ, какъ только кадрили перейдетъ въ область совершившихся фактовъ. Что касается принца, то онъ самъ не совсѣмъ понималъ, зачѣмъ онъ здѣсь; тѣ, кто устраивали его ежедневную жизнь, устроили такъ, что въ настоящую минуту онъ былъ здѣсь. По всей вѣроятности, ему лично ничего даже не было извѣстно о выкупленныхъ брилльянтахъ одной дамы и о значительномъ пожертвованіи въ пользу больницы св. Георгія, которое было истребовано отъ г. Мельмота въ видѣ воздаянія за ту честь, которой онъ добивался. Мэри не легко было перенести эту честь; въ первую минуту ей казалось даже, что она не въ состояніи выдержать этой чести, и она охотно убѣждала бы, еслибы возможно было спастись бѣгствомъ. Но страшная минута прошла очень скоро, и въ дѣйствительности оказалась даже не очень страшною. Принцъ говорилъ ей пару словъ между каждой фигурой и, казалось, не ожидалъ отвѣта или привыкъ къ тому, чтобы облегчать бремя своего величія для тѣхъ, на кого оно случайно и на минуту возлагалось. Послѣ окончанія кадрили онъ тотчасъ уѣхалъ, исполнивъ впрочемъ еще одинъ обрядъ, а именно выпивъ одинъ бокалъ шампанскаго въ присутствіи хозяйки. Съ замѣчательнымъ искусствомъ присутствіе принца было скрыто отъ самого хозяина, Мельмота, до тѣхъ поръ, когда принцъ уже уѣхалъ. Мельмотъ, разумѣется, пожелалъ бы самъ налить, собственными руками, тотъ бокалъ вина и вдоволь натѣпшить свой языкъ «королевскими высочествами», вообще ока-

заяся бы надобдливымъ и неприятнымъ. Все это понималъ Майльзъ Грендолль и повелъ дѣло очень ловко.

— Какъ это... его королевское высочество уже пожаловалъ, и уже уѣхалъ!—воскликнулъ Мельмотъ.

— Вы были такъ заняты вистомъ съ моимъ батюшкой, — отвѣчалъ Майльзъ Грендолль, — что невозможно было васъ отрыватъ. — Мельмотъ не былъ глупъ и понималъ все; понималъ не только, что сочли за лучшее избѣгнуть его разговора съ принцомъ, но что, можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ это и было лучше. Ему нельзя было разомъ достигнуть всего. Майльзъ Грендолль былъ ему нуженъ, и Мельмотъ рѣшилъ въ умѣ не ссориться съ нимъ, по крайней мѣрѣ теперь.

— Альфредъ, не сыграемъ ли еще одинъ робберъ, — обратился онъ къ лорду Альфреду Грендоллю, когда уже разбѣжались. Это была его фамиллярная манера съ братомъ герцогини Стивенеджъ, который былъ такъ много ему обязанъ. Не разъ, при подобныхъ фамиллярностяхъ, въ душѣ лорда Альфреда внезапно возникалъ вопросъ: не дать ли ему пинга? Финансовой смѣлости на это у лорда Альфреда хватало бы, хотя Мельмотъ былъ моложе его. Но ему каждый разъ, въ такихъ случаяхъ, приходила мысль о веселяхъ, лежащихъ въ извѣстномъ швапу и о сыновьяхъ. И вопросъ разрѣшался тѣмъ, что «Альфредъ» сыгрывалъ еще робберъ или выпивалъ еще стаканъ шампанскаго. Это было тѣмъ легче, что шампанское было отличное, и Альфредъ его любилъ, а робберы кончались обыкновенно въ его же пользу, такъ какъ Мельмотъ вовсе не заботился о выигрышѣ и проигрывалъ ему весьма охотно, прибавляя только послѣ роббера: «Альфредъ, не выпить ли еще стаканчикъ шампанскаго?» Но на этотъ разъ случилось такъ, что лордъ Альфредъ уже выпилъ этихъ стаканчиковъ болѣе обыкновеннаго числа, а потому на приведенное обращеніе Мельмота сказалъ:

— Къ чорту эту манеру: называйте людей какъ слѣдуетъ, — и, сказавъ это, удалился изъ дому Мельмота, не произнеся болѣе ни слова.

По окончаніи бала Мельмотъ произвелъ допросъ мадамъ Мельмотъ относительно всѣхъ обстоятельствъ, сопровождавшихъ балъ и въ особенности о поведеніи Маріи. Мадамъ Мельмотъ не скрыла, что дѣвушка разговаривала съ сэромъ Феликсомъ Карбери болѣе, чѣмъ съ другими мужчинами. Мельмотъ не былъ еще готовъ тотчасъ положить на этомъ устномъ докладѣ резолюцію: одобрить или воспретить, потому что ничего не зналъ о средствахъ Карбери; зналъ только, что онъ — баронетъ. Но онъ

и не подозрѣвалъ, что разговоръ молодыхъ людей уже завелъ ихъ довольно далеко. А именно, при прощаньи, сэръ Феликсъ прошепталъ:

— Вы вѣдь знаете сами, кому вы нравитесь больше всего на свѣтѣ.

— Никому; перестаньте, сэръ Феликсъ.

— Мнѣ.—Онъ выучилъ эти слова впередъ, какъ урокъ, и сказать его не дурно. Она же заснула эту ночь съ свѣтлымъ сознаниемъ, что вотъ нашелся же человекъ, котораго она могла бы полюбить.

III.

— Скука смертная, — произнесъ сэръ Феликсъ, усаживаясь въ карету вмѣстѣ съ матерью и сестрой.

— А каково же было мнѣ, — возразила мать, — сидѣть ничего не дѣлая...

— Вотъ то-то и скука, что на мнѣ было дѣло. Кстати, — прибавилъ сэръ Феликсъ, — мнѣ надо заглянуть въ клубъ, прежде чѣмъ ѣхать домой. — И высунувшись изъ окна, онъ велѣлъ остановиться.

— Феликсъ, вѣдь два часа.

— Весьма вѣроятно, но я голоденъ; доброй ночи!

Дамы молча проѣхали домой. Только при прощаньи, мать поставила вопросъ:

— Играетъ онъ что-ли, какъ ты думаешь?

— У него нѣтъ денегъ.

— Нѣтъ, деньги я у него видала; если онъ играетъ, тогда все кончено. Мать простилась съ дочерью довольно холодно, потому что на замѣчаніе, зачѣмъ Гетта провела весь вечеръ съ Полемъ Монтегю, и что вѣрно изъ-за него она и отказывается своему троюродному брату, Гетта отвѣчала только, что отказывается не изъ-за Поля Монтегю, а такъ.

Между тѣмъ, въ томъ комфортабельномъ клубѣ для молодыхъ людей, который назывался «Медвѣжьей Ямой», два часа ночи были временемъ несколько не позднимъ. Это былъ таковой удобный клубъ, что часа для закрытія его вовсе не полагалось; только подразумевалось, что послѣ шести часовъ утра ужинъ и напитки уже не подаются. Такимъ образомъ, въ восьми часамъ наступавшаго утра, наши партнеры: Долли Лонгестафъ, лордъ Грасслоу, Майльзъ Грендолл и Феликсъ Карбѣри уже въ теченіе двухъ по-

слѣднихъ часовъ продовольствовались однимъ табачнымъ дымомъ. Надо было, наконецъ, сосчитаться. Наличныхъ денегъ хватило только на начало игры, которая затѣмъ шла уже на бумажки съ надписью I. O. I. (I owe you, я вамъ долженъ), и прописаніемъ цифръ и начальныхъ буквъ именъ. Такихъ лоскутковъ бумаги къ восьми часамъ у Карбэри, которому везло, накопилось не мало. Огъ одного лорда Грасслоу ихъ поступило на 2000 фунтовъ; благородный лордъ горько сомнѣвался въ такомъ фактѣ, но фактъ несомнѣнно удостовѣрялся собственными его надписями на бумажкахъ; даже Майльзъ Грендолль, который былъ призванъ сохранившимъ наиболѣе ясности въ сознаніи, не могъ сообразить этого итога. Самъ Грендолль проигралъ Феликсу Карбэри тоже въ бумажкахъ, конечно—400 фунтовъ, но ему это было все равно: четыреста или сорокъ тысячъ фунтовъ—ему одинаково невозможно было достать денегъ въ то время. У лорда Грасслоу тоже денегъ не было, но былъ отецъ; правда, и отецъ этотъ былъ безденежный; но все-таки съ него можно было надѣяться получить когда-нибудь что-нибудь. Доли Лонгестаффъ былъ совсѣмъ «готовъ», въ смыслѣ вакхическомъ; онъ не могъ даже сдѣлать суженіе, но Карбэри былъ съ нимъ пріятель; онъ отложилъ счетъ съ нимъ до другого времени.

— Вы вѣроятно будете здѣсь завтра,—то-есть сегодня вечеромъ?—сказала Майльзъ Феликсу.

— Конечно; но знаете что: мнѣ кажется, надо бы разсчитаться, прежде чѣмъ возобновлять игру.

— Въ какомъ смыслѣ вы это говорите? — запальчиво спросилъ Грасслоу.

— Дружокъ, въ такомъ смыслѣ, что вѣдь мы когда играемъ подразумеваемъ же, что играемъ на наличныя деньги. Но я все не буду притѣснять и вечеромъ дамъ реваншъ.

— Ну, конечно, все въ порядкѣ,—закключилъ Майльзъ Грендолль.

Но на него Карбэри былъ золъ за то, что онъ слишкомъ настоятельно велъ игру противъ него, явно выказывая желаніе обыграть его, Феликса Карбэри.

— Я говорилъ съ лордомъ Грасслоу,—отвѣтилъ онъ Майльзу.—Мы съ нимъ старые пріятели. А вы, мистеръ Грендолль, были рѣзковаты сегодня.

— Рѣзковать? какого чорта вы хотите этимъ сказать?

— И я полагаю,—продолжалъ Феликсъ,—что прежде чѣмъ играть опять съ вами, слѣдуетъ намъ съ вами расчитаться.

— Разсчетъ — разъ въ недѣлю, — вотъ мое правило, — сказалъ Майльзъ Грендолль.

Феликсъ Карбэри, когда ѣхалъ домой, дѣлалъ въ головѣ такую выкладку, что еслибъ получить все, что онъ выигралъ, то у него было бы болѣе 3000 фунтовъ; онъ могъ бы начать сызнова походъ жизни, со всѣми такъ сказать принадлежностями, какъ-то: лошадьми, слугами и сибаритствами разнаго рода.

Роджеръ Карбэри, владѣлецъ Карбэри-Голля, небольшого имѣнія въ Соффолькскомъ графствѣ, былъ глава рода Карбэри. Родъ Карбэри находился въ составѣ земельвладѣльческаго сословія этого графства издавна; достовѣрно, по крайней мѣрѣ, что, въ эпоху войны «алой и бѣлой розъ», Карбэри владѣли землями въ Соффолькѣ. Они всегда занимали положеніе почетное, но — не болѣе. Неизвѣстно даже, чтобы кто-либо изъ нихъ достигалъ хотя бы рыцарскаго званія до нѣкоего сэра Патрика Карбэри, который, перешагнувъ чрезъ это званіе, былъ сдѣланъ барономъ. Но они крѣпко держались своихъ земель, а земли держались при нихъ, несмотря на перевороты междоусобныхъ войнъ, реформаціи, республики и второй революціи, и глава дома Карбэри всегда владѣлъ Карбэри Голлемъ и пребывалъ въ этомъ имѣніи. При началѣ текущаго столѣтія, сквайръ Карбэри былъ человѣкомъ значительнымъ, если не въ цѣломъ графствѣ, то въ своемъ округѣ графства. Доходъ, какой онъ получалъ съ имѣнія, давалъ ему возможность жить среди обилія, и, соблюдая гостепріимство, пить портвейнъ, держать здороваго скакуна для охоты и старомодную громоздкую карету для развѣздовъ жены. У него былъ старый дворецкій, который никогда не служивалъ въ иныхъ домахъ, и деревенскій мальчикъ, бывший чѣмъ-то въ родѣ помощника дворецкому. Была кухарка, которая не стыдилась сама мыть посуду, были еще двѣ служанки, а управленіе хозяйствомъ находилось непосредственно въ рукахъ самой миссисъ Карбэри. Она лично мѣтила и выдавала бѣлье, заготовляла варенье и наблюдала за копченіемъ окороковъ. Однимъ словомъ, въ 1800 году, карбэрійское помѣстье было достаточно для содержанія дома Карбэри.

Съ тѣхъ поръ имѣніе это значительно поднялось въ цѣнности и арендныя платы съ фермеровъ возвысились. Но тѣмъ не менѣе, доходъ съ этого имѣнія оказывался уже недостаточнымъ для хозяйственныхъ потребностей англійскаго джентльмена. Въ наше время, когда человѣку достается имѣніе, передъ нимъ возникаетъ вопросъ, не послужить ли еще это ему въ ущербъ, развѣ если кромѣ имѣнія ему достается еще и особый доходъ

для поддержанія этого имѣнія. Земельная собственность въ наши дни есть роскошь, и даже роскошь наиболѣе дорого стоющая. Между тѣмъ Карбѣри никогда не имѣли ничего, кромѣ земли. Никакихъ угольныхъ или желѣзныхъ рудъ въ Соффолькѣ не открывалось, никакого большого города не выросло вблизи карбѣрійскаго помѣстья. Никто изъ старшихъ сыновей, то-есть владѣльцевъ этого имѣнія, не пустился въ торговлю, не достигалъ высокаго положенія въ какой-нибудь профессіи такъ, чтобы имѣть средства къ поддержанію родового богатства. Наконецъ, ни одному изъ нихъ даже не привелось жениться на богатой наслѣдницѣ. Правда, съ другой стороны, домъ Карбѣри не подвергался разоренію или особому бѣдствію. Но въ конечномъ результатѣ оказалось, что въ настоящее время сквайръ Карбѣри, владѣлецъ Карбѣри-Голя, былъ человекъ бѣдный, вслѣдствіе богатства другихъ. Положимъ, что онъ имѣлъ годового дохода около двухъ тысячъ фунтовъ. Съ этими средствами онъ, конечно, могъ бы жить весьма недурно, но—за границу, еслибы рѣшился отъѣхать свой домъ въ имѣніи въ наймы и поручить свои сношенія съ фермерами—управляющему. Но онъ жилъ не такъ; онъ пребывалъ на своей землѣ и жилъ въ средѣ мѣстныхъ землевладѣльцевъ, слѣдуя примѣру всѣхъ прежнихъ Карбѣри. И вотъ онъ былъ бѣденъ, потому что сосѣди его были богаты. Такъ, владѣльцы Кэвѣршема, семейство Лонгестаффовъ, которыхъ старшій сынъ и надежда былъ Долли Лонгестаффъ, считались весьма богатыми; между тѣмъ родоначальникомъ ихъ фамиліи былъ одинъ лондонскій лордъ-мэръ, по ремеслу своему не болѣе, не менѣе, какъ свѣчной торговецъ, не далѣе царствованія королевы Анны. Генвѣрты, другіе сосѣди, могли гордиться хорошей кровью, но не безъ примѣси, такъ какъ они женились на деньгахъ, недавно приобретенныхъ недавними же людьми. Третьи сосѣди—Примеро, всего полвѣка тому назадъ были испанскіе купцы, хотя теперь за старшимъ Примеро и былъ признаваемъ титулъ сквайра Примеро; свое имѣніе Бондлешемъ они купили у нѣкоего магната-герцога. Это все были ближайшіе сосѣди Карбѣри; въ нимъ надобно прибавить еще эльмемскаго епископа. Каждый изъ нихъ затмѣвалъ сквайра Карбѣри. Пусть бы затмѣвалъ его епископъ, это бы ничего; нашъ сквайръ питалъ убѣжденіе, что епископы должны быть окружены богатствомъ; преобладаніе надъ нимъ епископа нисколько бы не было ему въ тягость. Но величіе Лонгестаффовъ и роскошь такихъ людей, какъ господа Примеро, были ему въ тягость, хотя онъ былъ таковой человекъ, который не совнался бы въ томъ и ближайшему другу. По его убѣжденію—второе онъ,

впрочемъ, высказывать только въ интимной бесѣдѣ — положеніе человѣка въ свѣтѣ не должно бы зависѣть отъ его богатства. Такъ, Примеро несомнѣнно должны бы стоять на общественной лѣстницѣ ниже его, хотя у каждаго изъ молодыхъ Примеро было по три верховыхъ лошади, и фазановъ эти молодые люди убивали цѣлые легионы, причемъ каждый собственный фазанъ стоилъ имъ не менѣе десяти шиллинговъ. Генвѣртъ былъ порядочный человѣкъ, не напускавшій на себя никакого величія и понималъ свои обязанности сельскаго джентльмэна; но вѣдь и онъ не могъ быть выше Карбѣри — владѣльца Карбѣри-Голля; а между тѣмъ у Генвѣрта доходу было тысячъ семь фунтовъ. Чтò касается Лонгестаффовъ, то ихъ сосѣдство было всего тяжелѣе. У нихъ лакеи даже здѣсь, въ деревнѣ, были напудрены. Госпожа Лонгестаффъ носила титулъ лэди, по своему отцу, а именно называлась лэди Помона Лонгестаффъ. Дочери были воспитаны выдти замужъ за пэровъ. У Лонгестаффовъ былъ домъ въ Лондонѣ, собственный домъ, въ которомъ они жили во время сезона. Дѣвицы Лонгестаффъ всегда имѣли своихъ верховыхъ лошадей, какъ въ имѣніи, такъ и въ Лондонѣ. Сынъ старика — Лонгестаффа, Адольфъ, какъ уже сказано выше, имѣлъ отдѣльное имѣніе. Однимъ словомъ, Лонгестаффы жили съ роскошью, подавляющею обстановку старинныхъ мѣстныхъ родовъ. Мѣстные торговцы относились съ наибольшимъ уваженіемъ именно къ Лонгестаффамъ, которые и считались настоящими магнатами околотка. При всемъ томъ, у Лонгестаффовъ была постоянная нужда въ наличныхъ деньгахъ; счета они уплачивали нерегулярно и поздно, но, разумѣется, и не провѣряли ихъ съ точностію. За то къ Роджеру Карбѣри торговцы никакого особеннаго уваженія не питали; онъ былъ человѣкъ умѣренныхъ средствъ, жившій въ скромной обстановкѣ, платившій регулярно, но платившій не дороже того, чего каждая вещь стоила. А потому, хотя въ имѣніи его самого онъ, Роджеръ Карбѣри, владѣлецъ Карбѣри-Голля, то-есть носившій имя родового замка, которымъ владѣлъ, занималъ положеніе гораздо болѣе почетное, чѣмъ какіе-нибудь Лонгестаффы, — но въ глазахъ торговцевъ и буржуазіи вообще онъ былъ человѣкъ совсѣмъ не важный.

Одно было несомнѣнно для всѣхъ, а именно, что Роджеръ Карбѣри былъ человѣкъ безупречный въ нравственномъ отношеніи, притомъ прямой, энергичный и серьезный. Ближайшими родственниками его были сэръ Феликсъ и Генриетта Карбѣри. По смерти сэра Патрика Карбѣри, вдова его съ дочерью прожили нѣкоторое время въ имѣніи своего рода, то-есть въ имѣніи

Роджера Карбэри, троюроднаго брата Феликса и Генриетты. Роджеру было сорокъ лѣтъ и голова его была увѣнчана лысиной. Это не помѣшало ему однако влюбиться въ кузину и сдѣлать ей предложеніе, которое дѣвушка отвергла. Роджеръ возобновлялъ его внослѣдствіи и получилъ новый отказъ, несмотря на поддержку леди Карбэри, которой очень хотѣлось выдать дочь за человѣка обеспеченнаго и посвятить затѣмъ всѣ свои заботы баловню и негодяю — Феликсу.

Причина отказовъ дѣвушки уже была мимоходомъ указана выше. Она познакомилась съ Полемъ Монтэю, молодымъ человекомъ, который былъ многимъ обязанъ Роджеру и жилъ у него въ то время, когда вдова баронета гостила у него съ дочерью. Монтэю смотрѣлъ на Роджера какъ на старшаго брата, такъ много послѣдній сдѣлалъ для руководства его въ жизни, даже для его воспитанія. Но онъ не зналъ, что другъ его влюбленъ въ Гетту. Когда они обмѣнялись признаніями, то-есть Роджеръ и Поль Монтэю, было уже поздно для Монтэю устраниваться, чтобы не стать соперникомъ своего друга. Монтэю уже самъ былъ рѣшительно влюбленъ въ Гетту, и дѣвушка была уже неравнодушна къ нему, хотя онъ и не зналъ этого. Все, что могъ обѣщать Монтэю Роджеру, было — не перебивать ему дороги формальнымъ предложеніемъ, до тѣхъ поръ, пока не будетъ удостовѣренъ, что Гетта рѣшительно отвергнетъ Роджера; но затѣмъ, Монтэю оставлялъ за собой право выступить съ своимъ предложеніемъ. Роджеръ Карбэри во всемъ этомъ усмотрѣлъ самую непростительную неблагодарность своего друга, и они разстались съ тяжелымъ чувствомъ обиды на одной сторонѣ, несправедливости — на другой.

Когда миновалъ сезонъ, ознаменованный между прочимъ описаннымъ баломъ у Мельмота, леди Карбэри вновь приняла приглашеніе Роджера Карбэри погостить у него въ имѣніи, и поселилась у него съ своей дочерью, въ надеждѣ, что та согласится-таки выйти замужъ за своего кузена. Между тѣмъ у леди Карбэри была въ головѣ еще другая комбинація. Она знала, что въ это время Мельмоты будутъ гостить въ сосѣдствѣ, у Лонгестаффовъ, и рассчитывала на то, что сынъ можетъ навѣщать ее въ Карбэри-Голль, а оттуда навѣдываться къ Лонгестаффамъ и тамъ найти случай окончательно «завладѣть сердцемъ» богатой наследницы, миссъ Мэри Мельмотъ. Роджеръ Карбэри терпѣть не могъ сэра Феликса, но дѣлать было нечего; пригласивъ мать и сестру его, онъ не могъ запереть двери ему. Онъ ограничился только рѣзкимъ протестомъ, въ бесѣдѣ съ леди Карбэри, противъ видовъ

Феликса на Мэри Мельмотъ и даже далъ понять, какъ ему неприятно было, что эта «охота» на приданое будетъ производиться изъ его дома, что домъ его послужитъ какъ-бы стоянкой для этой охоты. Онъ понялъ, что сама лэди Карбэри пріѣхала къ нему и привезла свою дочь главнымъ образомъ именно въ этихъ видахъ. Лэди Карбэри, разумѣется, была «несчастлива» въ теченіе одного вечера послѣ такого разговора, и самъ же Роджеръ испугался впечатлѣнія, какое огорченіе имъ матери могло произвести на дочь, а потому сталъ только отмалчиваться, когда заходила рѣчь о Лонгестаффахъ и Мельмотахъ.

Сэръ Феликсъ пріѣхалъ, обошелся весьма «легко» съ своимъ кузеномъ и не терялъ времени. Было устроено такъ, что онъ остался въ саду у Лонгестаффовъ одинъ съ Мэри, и началъ разговоръ о любви въ третій разъ; во второй разъ разговоръ этотъ происходилъ еще во время сезона на вечерѣ у самой лэди Карбэри, куда Мельмоты однажды явились. Теперь, то-есть при третьемъ разговорѣ, произошло окончательное объясненіе. Мэри приняла признаніе и сама не только отвѣчала «да», но еще умоляла избраннаго ею жениха любить ее искренно. Для сэра Феликса разговоръ, дойдя до этой точки, сдѣлался пошлымъ, глупымъ, и онъ видѣлъ въ немъ скуку и божеское наказаніе. Онъ даже не могъ превозмочь себя, чтобы поцѣловать Мэри, которая очевидно того ожидала.

— О, Феликсъ, скажите, что вы меня любите...

— Конечно, люблю... Какъ вы думаете, здѣсь вѣдь, кажется, неудобно переговаривать съ г. Мельмотомъ?

— Но онъ теперь—въ духѣ.

— Въ духѣ, да какъ же мнѣ остаться съ нимъ наединѣ? Неудобно здѣсь.

— Неудобно?

— Да, да, знаете—въ чужомъ домѣ. Я лучше поговорю съ нимъ въ Сити, или у васъ въ домѣ.

IV.

Въ одно воскресенье, послѣ полудня, сэръ Феликсъ явился однако къ Мельмоту въ его домѣ, а не въ конторѣ, гдѣ ему показалось также неудобно.

Мельмотъ сидѣлъ у стола и курилъ сигару.

— Очень радъ васъ видѣть—и такъ далѣе, — сказалъ онъ,

увидя входящаго баронета, — но согласитесь, что этотъ день и часъ неудобны для дѣловыхъ объясненій.

Сэръ Феликсу при этихъ словахъ показалось, что гораздо лучше было бы сидѣть въ «Медвѣжьей Ямѣ».

— Мнѣ было бы очень жаль, еслибъ я помѣшалъ вамъ, г. Мельмотъ,—сказалъ онъ.

— Вѣрю. Впрочемъ, я сказалъ только такъ, а то вы, пожалуй, стали бы говорить о желѣзно-дорожныхъ дѣлахъ.

— О, нѣтъ.

— Ваша матушка выражала мнѣ, у Лонтестаффовъ, надежду, что вы усердно работаете въ нашемъ дѣлѣ. Я сказалъ ей, что тутъ вовсе не требуется работы.

— Матушка не понимаетъ этихъ дѣлъ, — отвѣтилъ сэръ Феликсъ.

— И вообще всѣ женщины. Ну, чѣмъ же я могу вамъ служить, такъ какъ вы пришли ко мнѣ?

— Г. Мельмотъ, я пришелъ, — пришелъ, чтобы.. Короче, г. Мельмотъ, я являюсь претендентомъ на руку вашей дочери.

— А, чортъ возьми! Неужели?

— Да, и надѣюсь на ваше согласіе.

— И она согласилась, чтобы вы обратились ко мнѣ?

— Да, то-есть согласилась въ нѣкоторомъ родѣ. Разуужьется, она понимаетъ, что все зависитъ отъ васъ.

— Вовсе нѣтъ. Она совершеннолѣтняя. Позволяетъ видѣти замужъ за васъ, и можетъ видѣти. Если вамъ только это надо, то ея согласія достаточно. Вы—баронетъ, кажется?

— О да, я—баронетъ.

— Стало быть, вы уже вступили во владѣніе вашимъ имуществомъ. Вамъ не надо выжидать смерти отца, и можетъ быть вопросъ о деньгахъ васъ не интересуеетъ?

Это было для баронета взглядъ совсѣмъ новый; необходимо казалось устранить таковой взглядъ на вещи, во что бы то ни стало.

— Не совсѣмъ,—сказалъ сэръ Феликсъ. — Конечно, я полагаю, что вы дадите своей дочери состояніе.

— А! Въ такомъ случаѣ удивляюсь, почему вы не обратились прежде ко мнѣ, а уже потомъ къ моей дочери. Если моя дочь выйдетъ замужъ согласно своимъ желаніямъ, я, конечно, дамъ ей деньги; сколько—это нейдетъ въ дѣлу. Если она выйдетъ замужъ согласно своему собственному желанію, безъ моего спроса, я ей не дамъ гроша.

— Но я надѣялся, что вы дадите ваше согласіе, г. Мельмотъ.

— Не знаю; можетъ быть. Вы — человѣкъ большого свѣта, имѣете собственный титулъ, и безъ сомнѣнiя — собственность. Если она достаточна для содержанiя моей дочери, я могу подумать объ этомъ, во всякомъ случаѣ. Какова ваша собственность, сэръ Феликсъ?

— Собственность, знаете, не очень большая.

— Меньше, чѣмъ у маркиза Уэстминстера ¹⁾? — сказалъ богатый, назальный мошенникъ.

— Да, будетъ поменьше, — отвѣтилъ баронетъ, болѣзненно усмѣхаясь.

— Но у васъ есть достаточно, чтобы жить какъ слѣдуетъ баронету? Гдѣ ваше родовое помѣстье?

— Замокъ Карбери, въ Соффолькѣ, въ сосѣдствѣ Лонгестаффовъ, вотъ помѣстье нашего рода.

— Значитъ, вы имъ не владѣете? — рѣзко спросилъ Мельмоть.

— Еще нѣтъ. Но я — наследникъ.

Баронетъ просто глалъ. Конечно, Роджеръ Карбери, не имѣя дѣтей, могъ завѣщать свое имѣнiе ближайшему родственнику — Феликсу, но былъ воленъ завѣщать кому хотѣлъ. Но англiйскiе законы о землевладѣнiи и титулахъ такъ сложны и непонятны для иностранцевъ, что Мельмоть не могъ отдать себѣ яснаго отчета.

— А, такъ вы наследникъ. Но вѣдь титулъ баронета носите вы. Какимъ же образомъ онъ владѣетъ родовымъ помѣстьемъ прежде васъ? Вѣдь вы — глава рода?

— Разумѣется, я — глава рода, — солгалъ сэръ Феликсъ Карбери. — Но это слишкомъ долго было бы объяснять, однимъ словомъ: имѣнiе можетъ достаться мнѣ только послѣ его смерти.

— А молодъ онъ?

— Не то, чтобы молодъ, но и не старъ.

— Ну, а если онъ женится и родитъ дѣтей, тогда какъ будетъ?

Сэръ Феликсъ начиналъ приходить въ полное замѣшательство.

— Право, не знаю. Но я выросъ въ той мысли, что наследникъ — я. Онъ едвали женится.

— Хорошо. А повамѣстъ, какая же ваша личная собственность?

— Отецъ оставилъ нѣкоторый капиталъ въ бумагахъ. Кромѣ

¹⁾ Владѣлецъ цѣлаго квартала въ Лондонѣ.

того, я — наслѣдникъ моей матери; — говоря это, сэръ Феликсъ внутренно пылалъ негодованіемъ противъ презрѣннаго, безыменнаго торгаша, мошенника-спекулянта, который смѣлъ задавать такіе вопросы ему, баронету, бывшему гвардейскому офицеру, какъ будто бы не зналъ, что зять явится къ нему только съ тѣмъ, чтобы продать титулъ за деньги. Развѣ у него, баронета, не было титула? чего еще требовалось этому богатому пошляку! Но вмѣстѣ съ негодованіемъ, въ сэрѣ Феликсѣ, не менѣе громко говорило другое чувство, а именно — онъ душевно желалъ бы находиться въ эту минуту въ «Медвѣжьей Ямѣ», а не у Мельмота въ домѣ.

— Вы, кажется, не совсѣмъ ясно понимаете ваши собственные обстоятельства, сэръ Феликсъ, — сказалъ наконецъ Мельмотъ, послѣ нѣкоторыхъ минутъ обоюднаго молчанія. — Не лучше ли вамъ уполномочить вашего нотаріуса написать мнѣ объ этомъ дѣлѣ?

— Можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ лучше, — заключилъ влюбленный молодой человѣкъ, и всталъ.

— Сдѣлайте такъ, или оставьте эту мысль. Дочь моя будетъ имѣть деньги, но деньги требуютъ денегъ. Въ эту минуту вошелъ въ кабинетъ лордъ Альфредъ Грендолль. — Вы запоздали сегодня, Альфредъ, — обратился къ нему Мельмотъ. — Позвоните пожалуйста, и велите подать содовой воды и коньяку.

Сэръ Феликсъ помялся, слегка поклонился своему товарищу по правленію желѣзной дороги и ушелъ.

— Вы знаете этого молодца? — спросилъ Мельмотъ лорда Альфреда, какъ только затворилась дверь за слугой.

— Онъ баронетъ безъ гроша въ карманѣ; былъ въ военной службѣ и долженъ былъ ее оставить, — отвѣчалъ лордъ Альфредъ, наклоняя лицо въ высокую кружку.

— Безъ гроша, — я такъ и думать. Но онъ наслѣдникъ помѣстья въ Соффолькѣ, а?

— Нисколько. Тоже имя и больше ничего. Оно — собственность г. Карбэри, который можетъ завтра отдать его кому захочетъ, хоть мнѣ; я бы взялъ, хотя имѣніе и маленькое. А этотъ молодецъ никакого права на то имѣніе не имѣетъ.

— Такъ-таки и не имѣетъ? — воскликнулъ Мельмотъ, и призадумался на минуту. Безстыдство, выказанное баронетомъ, вызвало въ немъ почти сочувственное удивленіе.

Выше упомянуто, что на руку Генріетты Карбэри, сестры сэра Феликса, было два претендента: Поль Монтэгю и троюродный братъ ея, Роджеръ Карбэри. Притомъ оба они были друзья

между собой. Но объ этомъ уже сказано; теперь надо рассказать о дѣлахъ и положеніи Монтэго. Полю Монтэго досталось отъ отца около 6000 фунтовъ. У него былъ дядя, тоже Монтэго, давно поселившійся въ Калифорніи и занимавшійся тамъ фермерствомъ. Поль, не кончивъ курса въ Оксфордѣ, вслѣдствіе нѣкоторой ссоры, за которую онъ былъ исключенъ, отправился въ Америку, къ дядѣ, надѣясь нажить себѣ фермерствомъ нѣчто болѣе 6000 фунтовъ. Поживъ въ Калифорніи, похозяинничавъ съ дядей, который принялъ его компаньономъ, наконецъ, чрезъ нѣсколько лѣтъ, не видя успѣха, уѣхалъ назадъ въ Англію, но своихъ 6000 фунтовъ отъ дяди получить не могъ, а вмѣсто того получилъ обѣщаніе опредѣленнаго дохода съ этого капитала. Но доходъ этотъ уплачивался не регулярно. Черезъ годъ, Поль опять поѣхалъ въ Калифорнію и ему удалось вырвать у дяди нѣсколько денегъ. Между тѣмъ, дядя Монтэго имѣлъ другого компаньона, который назывался Гамильтонъ К. Фискеръ; этотъ, весьма изобрѣтательный компаньонъ построилъ на общій счетъ мукомольную мельницу. Онъ же уладилъ дѣло между дядей и племянникомъ, совершивъ актъ, въ силу котораго они составляли одну фирму: «Фискеръ, Монтэго и Монтэго»; капиталъ Поля оставался въ дѣлѣ, а ему долженъ былъ производиться ежегодный доходъ въ 12⁰/₀. Поль терпѣть не могъ Фискера и охотно взялъ бы свои 6000 фунтовъ назадъ, но не могъ, а потому долженъ былъ возвратиться въ Англію членомъ американской фирмы.

Въ моментъ разсказа, Фискеръ неожиданно пріѣхалъ въ Лондонъ, узнавъ отъ Поля Монтэго, что тотъ былъ разъ на балѣ у Мельмота, и вытребовалъ у него рекомендательное письмо себѣ къ Мельмоту, для предложенія великому капиталисту проекта объ учрежденіи компаніи для постройки желѣзной дороги отъ линіи, соединяющей Санъ-Франсиско и Чикаго, чрезъ области Новую Мехику и Аризону, на территорію Мехиканской республики, на городъ Мехико и затѣмъ въ порту Вера-Крусъ. Никакихъ предварительныхъ изысканій еще сдѣлано не было, но была уже получена концессія сѣверо-американскаго конгресса и сдѣлано сношеніе съ правительствомъ мекхиканскимъ. Во всякомъ случаѣ, на-лицо были—красиво разрисованныя карты, съ видомъ поѣздовъ, снующихъ по берегамъ рѣкъ, уходящихъ въ туннели и выходящихъ изъ нихъ, съ изящными брошюрами, излагавшими программу предпріятія; на всемъ этомъ, въ разныхъ видахъ гѣстахъ, красовалась фирма «Фискеръ, Монтэго и Монтэго». Поль сперва испугался, особенно когда узналъ, что мельница

уже продана, и догадался, что всѣ эти красивыя издѣлія типографскаго и литографскаго искусствъ были оплачены частью изъ его же денегъ. Но дѣло было уже сдѣлано, а между тѣмъ, Фискеръ предлагалъ ему быть представителемъ этой желѣзно-дорожной фирмы въ Англіи и увѣрялъ его, что весь его капиталъ ничто въ сравненіи съ доходомъ, какой онъ можетъ получить на первыхъ же порахъ.

— Откуда же возьмутся деньги?—спросилъ онъ.

— Откуда деньги, сэръ? Какъ вы полагаете, откуда они берутся во всѣхъ подобныхъ предпріятіяхъ? Если удастся пустить акціи въ ходъ, то денегъ будетъ довольно. Мы сами удерживаемъ ихъ въ нашихъ рукахъ на три милліона долларовъ, приобретая ихъ по номинальной цѣнѣ. Пусть онѣ поднимутся только до 110, мы продаемъ по этой цѣнѣ и изъ вырученныхъ денегъ уплачиваемъ по 100 за взятые нами акціи. Вѣдь уже по 110 это составитъ 300 тысячъ долларовъ; но мы сдѣлаемъ лучше. Мнѣ положительно необходимо видѣться съ Мельмотомъ.

Фискеръ получилъ письмо отъ Поля Монтэгу къ Мельмоту, имѣлъ свиданіе съ великимъ капиталистомъ, показалъ ему свои концессію, карты и чертежи, предложилъ ему быть учредителемъ и предсѣдателемъ правленія общества этой дороги въ Англіи, предоставивъ ему назначить по усмотрѣнію его, Мельмота, прочихъ членовъ правленія, съ условіемъ, чтобъ въ числѣ ихъ былъ Поль Монтэгу, членъ американской фирмы, и—имѣлъ успѣхъ. Въ сущности, онъ предоставлялъ Мельмоту дѣлать что угодно съ почти неограниченнымъ количествомъ акцій, лишь бы Мельмотъ далъ свое имя, свою поддержку, чтобы пустить ихъ въ ходъ, создать имъ цѣнность на биржѣ. О самой постройкѣ желѣзной дороги заботились, конечно, наименѣе, если даже вообще и думали о ней сколько-нибудь. Послѣднія опасенія Поля Монтэгу за его капиталы были разсѣяны Фискеромъ, въ такихъ словахъ: «помилуйте, да если бы даже это предпріятіе лопнуло, то изъ обломковъ его, изъ его несостоятельности, для насъ уцѣлѣло бы несравненно больше того, что мы съ вами когда-либо бы приобрѣли на наши нищенскія тысячи долларовъ путемъ правильной торговли». Черезъ двѣ недѣли послѣ пріѣзда Фискера въ Лондонъ, предпріятіе было пущено въ Англіи, и англійская компанія составлена, съ правленіемъ, котораго предсѣдателемъ былъ г. Мельмотъ. Членами правленія были назначены лордъ Альфредъ Гредолль; сэръ Феликсъ Карбери, баронетъ; Самуилъ Когенлоу, эсквайръ, членъ парламента за Стейнсъ; и г. Поль Монтэгу, членъ американской фирмы учредителей «Фискеръ-Монтэгу и Монтэгу».

Акціи весьма скоро пошли вверхъ. Лорду Альфреду Мельмотъ предоставилъ нѣкоторое количество акцій въ полное распоряженіе, и тотъ, конечно, поспѣшилъ продать ихъ. Поль Монтэгу также получилъ акцій соотвѣтственно своему капиталу и суммѣ произведенныхъ на акціи взносовъ. Но когда члены правленія, лордъ Ниддердэлъ и сэръ Феликсъ Карбѣри стали просить, чтобы и имъ были выданы акціи, въ силу которыхъ они значились членами правленія, то Мельмотъ объяснилъ имъ, что акціи эти записаны за ними только номинально, въ томъ предположеніи, что они когда-нибудь произведутъ слѣдующіе по нимъ взносы; отданы же быть имъ въ руки онѣ могутъ только въ такомъ случаѣ, если они внесутъ въ дѣло соотвѣтствующій собственный капиталъ. Этотъ отвѣтъ имѣлъ послѣдствіемъ сдѣлку Феликса Карбѣри съ молодымъ Лонгестаффомъ.

V.

Партнеръ сэра Феликса Карбѣри въ «Медвѣжьей Ямѣ», Адольфъ Лонгестаффъ былъ въ проигрышѣ баронету свѣще 1000 фунтовъ. Таковъ былъ расчетъ между ними въ то время, когда Мельмотъ сталъ покупать у Лонгестаффа-отца родовое имѣніе его, Пивкерингъ. Это имѣніе, по англійскимъ законамъ, не могло быть продано безъ согласія ближайшаго наслѣдника, а наслѣдникомъ и былъ сынъ Лонгестаффа Адольфъ или Долли, какъ его фамиллярно звали. Но Долли былъ замѣчательнѣе тѣмъ, что онъ постоянно ссорился съ отцомъ. Онъ ни къ кому не былъ особенно придирчивъ, вромѣ какъ къ отцу; всѣ распоряженія отца казались ему ошибочны, и онъ старался, по крайней мѣрѣ, извлечь изъ нихъ личную для себя выгоду. Однажды Феликсъ Карбѣри сообщилъ ему, по секрету, что видѣлъ, какъ Майльсъ Грендолль передергивалъ карты въ игрѣ, когда всѣ были на-веселѣ. Долли Лонгестаффъ не только не выказалъ намѣренія придраться за это къ Майльсу, но, наоборотъ, былъ очень не доволенъ тѣмъ, что Карбѣри сообщилъ ему о своемъ открытіи: отчего именно ему — а не Ниддердэлю или кому другому, напримѣръ? Когда же Карбѣри спросилъ его, неужели и послѣ этого онъ будетъ играть съ Майльсомъ, который вдобавокъ никогда не платитъ даже карточныхъ долговъ, то Долли Лонгестаффъ только сказалъ: «что-жъ дѣлать бѣднягѣ, когда ему платить нечѣмъ?» Такъ добродушенъ оказывался Долли въ этомъ случаѣ. Но когда потребовалось его согласіе для продажи имѣнія, то онъ напрямки

сказалъ отцу, что согласится не иначе, какъ получивъ въ руки, на свою часть, «половину добычи», то-есть 25 т. фунтовъ изъ 50 тысячъ, за каковую сумму продавалось имѣніе. Отецъ сталъ сердиться и усовѣщевать его, а онъ пригрозилъ отцу своимъ адвокатомъ, мистеромъ Свѣркомомъ, котораго Лонгестаффъ сильно побаивался, видя въ немъ нѣкій Дамовловъ мечъ, повѣшенный надъ его головою собственнымъ его сыномъ.

— Хотъ и жалко продавать родовое,—говорилъ Долли Лонгестаффъ Феликсу Карбэри,—но, разумѣется, слѣдуетъ продать Пикверингъ. Вѣдь имѣніе даетъ намъ три процента, а старикъ занимаетъ деньги по 6-ти, а я занимаю по 25-ти. Но я не выпущу его изъ своихъ рукъ иначе, какъ получивъ 25 тысячъ на свою долю; этой суммой я покрою долги на имѣніи, которыхъ я владѣю, и которое досталось мнѣ отъ матери. Тогда у меня опять—широкій кредитъ и такъ далѣе. Теперь я слышу, старикъ поддается, и Мельмоту извѣстно, что я долженъ получить съ него. Стало быть, если деньги вамъ такъ нужны, какъ вы говорите, такъ мы поѣдемъ въ Мельмоту вмѣстѣ и онъ возьметъ мой долгъ вамъ на себя или устроитъ это иначе, какъ тамъ слѣдуетъ.

Такъ и было рѣшено. Феликсъ Карбэри потому и напомнилъ Лонгестаффу о карточномъ долгѣ, что слышалъ о предстоящей продажѣ имѣнія Лонгестаффовъ. А ему хотѣлось получить деньги съ особой цѣлью. Видя, что Поль Монтэгю, который вступилъ въ компанію мексиканской дороги съ малымъ капиталомъ, получилъ акціи и продавалъ ихъ съ барышомъ, Феликсъ Карбэри, имѣвшій доселѣ только номинально акціи, въ качествѣ номинальнаго же члена правленія, желалъ купить нѣкоторое количество этихъ акцій и потомъ продавать ихъ, какъ Поль Монтэгю, только умнѣе его: продавать по цѣнѣ высокой, а когда онѣ упадутъ—опять покупать ихъ; потомъ, выждавъ повышеніе, опять продавать ихъ,—все продавать и покупать, постоянно съ выгодой. Вѣдь это могло составить почти регулярный доходъ. Дѣло очевидно стѣбло того, чтобы положить въ него 1000 фунтовъ и получать съ нихъ, можетъ быть, годовой доходъ въ ту же сумму.

Когда они явились въ контору Мельмота въ Сити, великій капиталистъ принялъ ихъ съ любезностью; разумѣется, не было и намека на Мэри и на «собственность» баронета. Г. Мельмотъ легко понялъ, въ чемъ было дѣло молодыхъ людей, не сдѣлалъ никакого вопроса, напелъ все естественнымъ и посредствомъ всего двухъ подписей Долли Лонгестаффа и одной Феликса Кар-

ѣри дѣло было устроено: этой простой процедурой уже было произведено то, что г. Адольфъ Лонгестафъ уплатилъ сэру Феликсу Карбэри одну тысячу фунтовъ стерлинговъ, а сэръ Феликсъ овѣрилъ г. Мельмоту одну тысячу фунтовъ же стерлинговъ, для приобрѣтенія по курсу акцій желѣзной дороги на означенную сумму. Когда это было сдѣлано, сэръ Феликсъ хотѣлъ-было изъяснить свои финансовыя виды Мельмоту, на счетъ намѣренія продавать и покупать опять и т. д.; но Мельмотъ, несмотря на юльную предупредительность, не могъ вникать въ подробности: се было въ порядкѣ, а тамъ, какъ угодно. — «Вы пожелаете послѣ снова продать? — очень хорошо; — мы будемъ слѣдить за курсомъ для васъ». Когда молодые люди выходили изъ конторы Мельмота, то едва-ли они даже отдавали себѣ ясный отчетъ, кто чѣмъ обивался, хотя знали, что одинъ изъ нихъ заплатилъ ругому, а другой приобрѣтаетъ акціи.

— Однако, отчего же онъ не далъ вамъ квитанціи? — спрашивалъ Доули, когда они шли въ направленіи къ западнымъ частямъ города.

— Чтѣ-жь, я полагаю, у него это будетъ вѣрно, — сказала эръ Феликсъ.

— Еще бы. Ему тысяча фунтовъ все-равно что намъ два пиллинга съ половиной. Конечно, у него — вѣрно. А все-таки онъ, знаете, — естественнѣйшій мошенникъ. — При такомъ замѣчаніи, эръ Феликсъ едва не пожалѣлъ о своихъ тысячахъ фунтахъ.

Дѣла Мельмота рѣшительно шли въ гору. Компанія желѣзной дороги отъ Тихаго океана въ Мексику (South-Central-Pacific and Mexican railway—таковъ былъ ея полный титулъ) имѣла громный успѣхъ. Новые потоки денегъ устремились въ кассы Мельмота, уже прежде, повидимому, вмѣщавшія несмѣтные капиталы или обязательства, представлявшія капиталы. Потомъ, во сѣхъ газетахъ, которыя уже приучались слѣдить за каждымъ шагомъ милліонера, котораго молва выставляла богатѣйшимъ человекомъ въ богатой Англии, было сообщено, что г. Мельмотъ прибрѣлъ покупкою отъ г. Лонгестаффа великолѣпное имѣніе Инккерингъ и что домъ въ томъ имѣніи уже наполненъ столами и обойщиками, которымъ было поручено придать ему роскошную отдѣлку, необходимую для проживанія тамъ семейства Мельмота. Затѣмъ — въ Уэстминстерѣ, то-есть части Лондона, открылась вакансія члена палаты общинъ, и Мельмотъ выступилъ кандидатомъ на избраніе въ члены парламента, кандидатомъ консервативной партіи, и громадное богатство такого кандидата обѣщало ему успѣхъ. Но это было еще не все. Въ то время Лон-

домъ былъ удостоенъ присутствія въ его стѣнахъ влaствителя небесной имперіи. Все, что могли сдѣлать правительство и всѣ условія для оказанія великолѣпнаго приѣма столь великолѣпному монарху, было дѣлаемо; ему показывали театры, музеи, армію и флотъ; въ честь его давались всевозможныя официальные празднества; между ними былъ и торжественный обѣдъ въ официальной резиденціи лондонскаго муниципалитета. Но оказалось еще необходимымъ показать китайскому императору представителя торговаго могущества Великобританіи, такъ-сказать — неофициально, въ ихъ частномъ быту, чтобы дать богдыхану понятіе, каково должно быть величіе страны, въ которой простые купцы живутъ съ истинно-царскимъ великолѣпіемъ. Для этого нужно было найти такого негоціанта въ Сити, который могъ бы и хотѣлъ бы, считалъ бы почему-либо для себя выгоднымъ — издержать десятки тысячъ фунтовъ на такое дѣло, какъ частный пиръ въ честь китайскаго императора, пиръ, на которомъ, разумѣется, присутствовали бы не только первые негоціанты Сити и лорд-мэръ, но и королевская фамилія, и министерство, и самъ сынъ неба и братъ солнца.

Таковъ былъ именно—Мельмотъ. Подобное историческое торжество въ его домѣ еще болѣе, чѣмъ самое избраніе въ парламентъ, могло окончательно утвердить его положеніе, покорить ему навсегда лучшій цвѣтъ англійскаго общества. Мельмотъ вызвался взять на себя этотъ обѣдъ, и предложеніе его было принято. Въ половинѣ іюня дѣло было рѣшено и обѣдъ назначенъ на понедѣльникъ, 8-го іюля; но весь лондонскій свѣтъ уже за три недѣли до обѣда сталъ говорить о немъ и добиваться пригласительныхъ билетовъ. Не было вліянія и интриги, которыя бы не были пущены въ ходъ, чтобы добиться этой чести. Кто не могъ рассчитывать на самое высокое отличіе — сидѣть за этимъ обѣдомъ, вымаливалъ себѣ приглашеніе на раутъ, имѣвшій послѣдовать за обѣдомъ. Для распредѣленія билетовъ былъ устроенъ организаторами особый комитетъ, такъ какъ дѣло это, разумѣется, требовало величайшей внимательности и осмотрительности; нельзя же было всякаго посадить за столъ съ королевскою фамиліей. Приглашены были, конечно, министры и ихъ жены; но такъ какъ консерваторы были въ то время въ оппозиціи, а Мельмотъ выступалъ консервативнымъ кандидатомъ на выборы, то необходимо было пригласить еще полный «кабинетъ будущности», составленный изъ виднѣйшихъ консерваторовъ—претендентовъ на министерскія мѣста и консервативныхъ супруговъ этихъ будущихъ министровъ. Затѣмъ приглашены были пять посланниковъ и по-

славницъ, десять важнѣйшихъ перовъ Англіи съ ихъ супругами, и пятнадцать крупнѣйшихъ негодіантовъ изъ Сети. Сочтено было также необходимымъ пригласить на банкетъ трехъ мудрецовъ, двухъ поэтовъ, трехъ независимыхъ членовъ палаты общинъ, двухъ членовъ королевской академіи искусствъ, трехъ издателей газетъ, одного знаменитаго путешественника по Африкѣ, который только-что возвратился оттуда, и одного романиста; но джентльмены всѣхъ этихъ послѣднихъ категорій были приглашены въ видѣ неженатыхъ, то-есть безъ супругъ, которыя могли у нихъ быть. Три билета оставлены были про запасъ на случай неожиданнаго появленія въ числѣ кандидатовъ на обѣдъ такихъ особенно-надождливыхъ людей, которые имѣли бы средства произвести большія непріятности. Наконецъ, десять билетовъ были оставлены въ рукахъ самого хозяина для его родственниковъ и друзей. Что касается раута, то пригласительныхъ билетовъ собственно на рауть, безъ обѣда, было выпущено восемьсотъ. Изъ-за этихъ-то послѣднихъ билетовъ и происходило наиболѣе борьбы и возни всякаго рода. Приглашенія на обѣдъ—какъ уже показано—были распредѣлены съ дипломатической мудростью между силами признанными и авторитетами безспорными, въ соотвѣтствующемъ каждому размѣрѣ. Оттого на распредѣленіе ихъ и не было слышно жалобъ. Королевская фамилія, посланники и пары не жаловались, а жены перовъ если и жаловались, то ихъ жалобы только сливались съ потокомъ дамскихъ жалобъ относительно приглашеній на рауть. Три мудреца были избраны по лѣтамъ; поэтъ, носившій титулъ придворнаго лавреата, конечно, былъ приглашенъ, а съ нимъ и второй поэтъ, считавшійся его соперникомъ. Относительно академиковъ не было сомнѣнія, такъ какъ только двое изъ нихъ писали въ тотъ годъ портреты членовъ королевскаго дома; ихъ обоихъ и включили въ списокъ. Не трудно было избрать и троихъ независимыхъ ¹⁾ членовъ палаты общинъ, такъ какъ въ то время было именно только трое дерзкихъ и особенно-непріятныхъ независимыхъ членовъ въ парламентѣ. Что въ числѣ издателей газетъ были приглашены г. Альфъ и г. Броунъ, это никого не удивило; но были нѣкоторыя ироническія недоумѣнія по поводу того факта, что третьимъ былъ приглашенъ г. Буверъ. Почему онъ, будучи только редакторомъ, удостоился этой чести? Ужъ не оттого ли, что онъ хвалилъ переводъ Катутла, сдѣланный первымъ министромъ въ часы до-

¹⁾ Не принадлежащихъ къ партиямъ.

суга? ¹⁾ Африканскій путешественникъ самъ себя избралъ — тѣмъ, что пережилъ всѣ опасности и возвратился домой. Избранъ былъ одинъ романтистъ; но такъ какъ въ моментъ разсылки приглашеній потребовался лишній билетъ для двора, то этого джентльмена пригласили только на вечеръ. Его гордое сердце не перенесло этого равнодушию, и отъ вполсѣдствіи насмѣхался надъ празднествомъ дружно съ своими собратьями.

Между тѣмъ, Мельмота безпокоили домашнія дѣла. Переговоры между нимъ и маркизомъ Ольдъ-Рекви о женитбѣ сына маркиза, лорда Ниддердэля на Мэри возобновились и привели, наконецъ, къ результату. Мельмотъ предлагалъ теперь нѣсколько меньше, чѣмъ прежде, потому что уже не имѣлъ такой нужды въ поддержкѣ со стороны маркиза въ свѣтѣ, какъ прежде; Мельмотъ сталъ уже признанною силой, а Ниддердэлю деньги были еще нужнѣе, чѣмъ прежде, поэтому и онъ, и отецъ его, въ виду измѣнивагося положенія Мельмота, стали менѣе требовательны. Условлено было, что на Мэри и ея старшаго сына будетъ записанъ капиталъ съ ежегоднымъ доходомъ въ 15-ть тысячъ фунтовъ, а 20-ть тысячъ фунтовъ будутъ даны прямо въ руки Ниддердэлю, чрезъ шесть мѣсяцевъ послѣ свадьбы. Сверхъ того, Мельмотъ обязался купить и меблировать новобрачнымъ домъ въ Лондонѣ. Все это было условлено, но дѣло все-таки не устроивалось вслѣдствіе положительнаго отказа Мэри. Прежде она дала свое согласіе, но согласіе это было уничтожено тѣмъ, что сами отцы, т.-е. Мельмотъ и маркизъ, разошлись, и мысль объ этомъ бракѣ была оставлена, какъ казалось, совсѣмъ. Теперь Мэри прямо объявила и отцу своему, и лорду Ниддердэлю, что она перемѣнила мнѣніе, хотя отецъ гнѣвно твердилъ ей, что ея мнѣніе тутъ не при чемъ.

— Объ этомъ нечего и говорить, папá, — сказала она, — такъ какъ я не люблю его.

— Это по случаю того, другого негодяя? — грозно спросилъ Мельмотъ.

— Если вы разумѣете — сэра Феликса Карбѣри, то да, по случаю его. Вѣдь онъ говорилъ съ вами, а слѣдовательно и мнѣ молчать нечего.

— И помрете оба съ голоду; вотъ и все. — Ему было некогда; онъ взялъ ее за плечи и встряхнулъ.

— Вотъ, ей-Богу, — закричалъ онъ, — если ты заартачишься послѣ всего, что я для тебя сдѣлалъ, я заставлю тебя постра-

¹⁾ Гладстонъ перевелъ Гомера.

дать за это. Ты глупа; вѣдь этотъ человекъ—нищій. Вѣдь ему не на что юбку купить или пару чулокъ. Вѣдь онъ смотритъ только на то, чего у тебя-то еще нѣтъ, и никогда не будетъ, если ты выйдешь за него. Онъ денегъ хочетъ, денегъ, а не тебя, дура ты.

Но послѣ этого разговора она еще болѣе утвердилась въ своемъ намѣреніи. Между тѣмъ, молодой лордъ, устроивъ все съ ея отцомъ, не ожидалъ съ ея стороны особенныхъ затрудненій; онъ думалъ, что съ ней легко будетъ поправить дѣло. Красно-рѣчиваго любовника онъ представлять не умѣлъ, но былъ человекъ добродушный, по своей природѣ наклонный къ тому, чтобы искать всѣмъ понравиться и не склонный къ тому, чтобы кому-либо дѣлать неприятности. Онъ все могъ прощать и охотно дѣлалъ всякому одолженіе, если только это не требовало отъ него особаго труда.

— Ну что, миссъ Мельмотъ,—спросилъ онъ дѣвушку:—папеньки—народъ строгій, не такъ ли?

— Вашъ папá строгъ, милордъ?

— То-есть, я хочу сказать, что сынкамъ и дочкамъ приходится покоряться имъ. Думаю, вы понимаете, что я хочу сказать. Я вѣдь, въ тотъ разъ, въ душѣ питалъ къ вамъ нѣжнѣйшія чувства, право питалъ.

— Надѣюсь, вы не были слишкомъ огорчены, лордъ Ниддердаль.

— Вотъ это похоже на женщину; совсѣмъ похоже. Да развѣ мы можемъ жениться безъ согласія давшихъ намъ бытіе?

— Да и съ согласіемъ ихъ не можемъ,—сказала Мэри, нѣсколько разъ наклонивъ голову.

— На счетъ этого—не знаю. Тамъ было тогда какое-то недоразумѣніе—съ чьей стороны, право не знаю. (Недоразумѣніе было съ его же стороны, такъ какъ онъ требовалъ наличныхъ денегъ). Но теперь все въ порядкѣ. Старички сошлись между собой. Не можемъ ли мы составить-таки партію, миссъ Мельмотъ?

— Нѣтъ, лордъ Ниддердаль, не думаю.

— Вы говорите это серьезно?

— Серьезно, милордъ. Когда объ этомъ была рѣчь въ первый разъ, я не знала,—теперь я лучше понимаю вещи.

— И узнали кого-нибудь, кто больше вамъ понравился, чѣмъ я?

— Я не говорю объ этомъ, лордъ Ниддердаль. Мнѣ кажется, вамъ не слѣдовало бы осуждать меня, милордъ.

— Конечно, нѣтъ.

— Прежде было говорено, но вѣдь вы сами первый отступили, развѣ не такъ?

— Отступили-то, кажется, папеньки.

— Папеньки, вѣроятно, имѣютъ право отступать. Но я не думаю, чтобы который-нибудь папенька имѣлъ право принудить кого-либо къ браку съ кѣмъ-либо.

— Въ этомъ я съ вами согласенъ, — даже совершенно согласенъ, — сказалъ лордъ Ниддердэль.

— И никакой папенька не можетъ принудить къ этому меня. Я много думала послѣ того, и вотъ къ какому убѣжденію пришла.

— Но я не вижу, почему бы вамъ не выйти за меня по другой причинѣ — ну, вотъ хоть по такой причинѣ, еслибы я вамъ нравился.

— Да потому — что этого нѣтъ. То-есть — вы собственно нравитесь мнѣ, лордъ Ниддердэль.

— Благодарю — много, много разъ.

— Вы мнѣ очень нравитесь, — но только выйти за человѣка замужь, — это, знаете, другое дѣло.

— Это, конечно, — резонъ, отчасти.

— И я даже, пожалуй, скажу вамъ, — прибавила Мэри съ выраженіемъ почти торжественнымъ, — такъ какъ вы добры и не захотите впутать меня въ неприятности, если это отъ васъ зависить, — что мнѣ нравится нѣкто другой, и еще какъ!

— Вотъ я это самое и предполагалъ.

— Вотъ это и есть.

— Какая жалость, однако. Папеньки все это ужъ было устроили, и мы ужасно бы весело зажили. Всякіе тамъ вкусы и фантазіи, на которые бы вы пошли, и я бы на нихъ пошелъ. И хотя вашъ-то папенька немножко и притѣснилъ насъ насчетъ финансовъ, однако денегъ намъ бы все-таки хватало на все это. А вы не подумаете объ этомъ еще разъ?

— Я вамъ сказала, милордъ, я — влюблена.

— О, а, — да... Вотъ что вы хотѣли сказать. Ужасная досада. Вотъ и все. Я все-таки приѣду къ вамъ на вечеръ, если вы пришлете мнѣ билетъ.

И молодой лордъ уѣхалъ, не совсѣмъ однако потерявъ надежду, что, въ концѣ-концовъ, свадьба все-таки можетъ состояться. При всякихъ дѣлахъ, — такъ думалъ Ниддердэль, — обыкновенно бывають разныя скучныя препирательства, пока наконецъ все устроится.

VI.

За нѣсколько дней передъ этимъ разговоромъ, произошелъ странный случай: г. Броунъ сдѣлалъ самой леди Карбѣри формальное брачное предложеніе и получилъ отказъ, за который потомъ, обдумавъ хорошенько, былъ ей искренно благодаренъ. Поводомъ къ отказу леди Карбѣри былъ все тотъ же обожаемый ею сыночекъ, сэръ Феликсъ Карбѣри; она жила для него; мужъ стѣснилъ бы ее, а его, по всей вѣроятности, прогналъ бы изъ дому. Но она еще вѣрила въ возможность для Феликса блестящей будущности. Слѣдуя ея внушеніямъ, получивъ отъ Мэри Мельмортъ полное признаніе въ любви и встрѣтивъ рѣшительный отказъ со стороны Мельморта, онъ рѣшился наконецъ рискнуть всѣмъ или почти всѣмъ — увезти Мэри и обвиняться съ нею тайно. Мать его, леди Карбѣри, увѣрила его, что Мельмортъ долженъ будетъ простить дочь, такъ какъ ему нѣкому больше оставить свое состояніе. Но баронетъ имѣлъ въ виду еще нѣкоторые факты, неизвѣстные матери, побуждавшіе его къ рѣшительному шагу. Во-первыхъ, всѣ деньги, какія онъ доселѣ добылъ изъ картъ, онъ сънесъ на покупку акцій, а между тѣмъ выдачи акцій отъ Мельморта доселѣ не добился; во-вторыхъ, ему въ игрѣ болѣе не везло и у него не было денегъ; въ-третьихъ, онъ узналъ отъ Мэри Мельмортъ, что у нея былъ отдѣльный капиталъ въ нѣсколько десятковъ тысячъ фунтовъ, отложенный на ее имя въ банкъ въ то время, когда Мельмортъ не былъ увѣренъ въ своей будущности и считалъ необходимымъ на всякій случай скрыть для себя средства въ капиталѣ, внесенномъ на имя дочери.

Мэри Мельмортъ сама двигала своего обожателя на смѣлый шагъ, объяснила ему даже какъ можно было устроить бѣгство, при помощи ея гувернантки, мадамъ Дидонъ, за вознагражденіе. При этомъ Мэри выказала замѣчательную твердость воли и практической умъ. Условлено было, что миссъ Мельмортъ тайно уѣдетъ съ мадамъ Дидонъ въ Ливерпуль во времени отплытія парохода изъ этого порта въ Нью-Йоркъ; что Феликсъ послѣдуетъ за ними въ другомъ поѣздѣ и подойдетъ къ нимъ на пароходѣ уже только тогда, когда берегъ скроется изъ виду; что затѣмъ они повѣнчаются тамъ же, на пароходѣ, если найдутъ пастора, или въ Нью-Йоркѣ. Билеты на пароходъ были уже взяты. Узнавъ, что у Феликса Карбѣри въ ту минуту не было денегъ, миссъ Мельмортъ даже прислала ему съ мадамъ Дидонъ 250 фунтовъ,

полученныхъ изъ банка по чеку, подписанному Мельмотомъ и данному имъ въ числѣ безчисленныхъ чековъ, которые онъ выдавалъ женѣ на веденіе хозяйства, экипажи, наряды и т. д.

Но съ сэромъ Феликсомъ случилось несчастье. Денегъ у него уже давненько не было и давненько онъ не игралъ въ карты. Впрочемъ, онъ сознавалъ опасность ѣхать въ «Медвѣжью Яму»: что, еслибы онъ проигралъ эти деньги? Но его таяло въ клубъ. Въ понедѣльникъ онъ получилъ деньги, въ четвергъ онъ долженъ былъ ѣхать въ Ливерпуль съ поѣздомъ, отходившимъ въ пять часовъ пополудни изъ Лондона и приходившимъ въ Ливерпуль въ 11-мъ часу вечера; пароходъ отправлялся рано утромъ на слѣдующій день. Въ понедѣльникъ сэръ Феликсъ заѣхалъ въ клубъ, но не игралъ; во вторникъ онъ выпросилъ еще у матери послѣдніе ея 50 фунтовъ, сообщивъ ей о своемъ планѣ; въ среду онъ пошелъ не въ клубъ, но на музыкальный вечеръ, въ известномъ народномъ залѣ, рассчитывая встрѣтить тамъ одну дѣвицу, бѣжавшую за нимъ въ Лондонъ изъ деревни, но не встрѣтилъ. Только тогда онъ кончилъ тѣмъ, что поѣхалъ-таки въ клубъ. Тамъ онъ засталъ игру, притомъ игру на наличныя деньги, и сталъ играть. Въ тремъ часамъ ночи онъ проигралъ сто фунтовъ, и продолжалъ игру на другой день, принесъ свой чемоданъ въ клубъ. Въ часу ночи онъ проигралъ еще двѣсти фунтовъ, то-есть все, что у него было. Это было въ часъ ночи, между тѣмъ какъ ему еще въ пять часовъ вечера слѣдовало ѣхать въ Ливерпуль и ночевать тамъ, въ ожиданіи парохода. Но проигрывая и проигрывая, и надѣясь отыграться, сэръ Феликсъ все утѣшалъ себя мыслью, что онъ изъ клуба ночью отправится прямо въ Ливерпуль со слѣдующимъ поѣздомъ и еще поспѣетъ къ пароходу, лишь бы только вернуть деньги, безъ которыхъ нельзя было и ѣхать въ Нью-Йоркъ, потому что не на что было бы жить тамъ. Наконецъ, проигравъ все, онъ вышелъ пьяный изъ клуба, помня только свое горе, но не помня направленія улицъ; шелъ, спотыкался и сбивался съ дороги; зашелъ Богъ знаетъ куда; вспомнивъ, что чемоданъ его въ клубѣ, онъ хотѣлъ вернуться въ клубъ, но на половинѣ Бондъ-Стрита спотыкнулся. Подошелъ полицменъ съ распросами; Феликсъ долженъ былъ сказать ему гдѣ живетъ, и, однажды сказавъ свой адресъ, уже не почувствовалъ въ себѣ силы вернуться въ клубъ, взять вещи и ѣхать въ Ливерпуль. Въ седьмомъ часу утра онъ постучался домой. Лэди Карбѣри была крайне удивлена; она думала, что онъ—въ Ливерпулѣ.

— О, Феликсъ!—только воскликнула она.

— Все прр-пало,—сказалъ онъ, спотыкаясь на лѣстницѣ.

— Феликсъ, что случилось?

— Узнали!... будь они прокляты! Ста....рикъ ост-н-вилъ насъ. — И пьяный онъ совралъ. А Мэри Мельмотъ, съ мадамъ Дидонъ, выйдя въ 10 час. 15 мин. на станцію въ Ливерпулѣ, были остановлены полисменомъ, по телеграммѣ изъ Лондона, давшей полиціи право задержать миссъ Мельмотъ въ случаѣ нужды, по дѣлу о кражѣ чека въ домѣ Мельмота. Къ утру, она возвратилась на станцію въ Лондонѣ, гдѣ ее ожидалъ экипажъ Мельмота. Приѣхавъ домой, она немедленно была введена къ отцу. Мельмотъ кричалъ, дергалъ ее за руку, угрожалъ преслѣдовать баронета судомъ за кражу чека. Она объяснила, что деньги, полученные по чеку, дала сэру Феликсу она сама. Отецъ требовалъ, чтобы она тутъ же обѣщалась выдти за лорда Ниддердала. Она отвѣтила:

— Этого не будетъ.

Тогда Мельмотъ трясъ ее до тѣхъ поръ, пока она стала кричать.

Бываетъ такъ, что какой-нибудь вздоръ неожиданно является препятствіемъ и даже немаловажнымъ препятствіемъ на пути къ достиженію великихъ цѣлей. Такъ любовь Мэри мѣшала ея отцу осуществить все еще важный для него планъ—породниться съ маркизомъ Ольдъ-Рекки, что, по мнѣнію Мельмота, должно было какимъ-то необыкновеннымъ и непонятнымъ образомъ поставить его собственное, личное положеніе вѣтъ всякихъ подозрѣній. Другой вздоръ — жадность молодого Долли Лонгестаффа къ полученію какихъ-то глупыхъ 25 тысячъ фунтовъ, повела-таки къ тому, что этотъ легкомысленный молодой человекъ напустилъ своего нотариуса Сквѣркома на нотариусовъ своего отца, а чрезъ нихъ на самого Мельмота. Нотариусъ Сквѣркома былъ совсѣмъ не похожъ на традиционныхъ англійскихъ нотариусовъ, въ ихъ торжественныхъ черныхъ фракахъ и вѣчныхъ безукоризненно бѣлыхъ галстукахъ. Онъ былъ «новый» нотариусъ, какъ Мельмотъ былъ «новый» негоціантъ, какъ Лонгестаффъ былъ «новый» сквайръ, а герцогиня Стивенеджъ — герцогиня съ «новыми» взглядами. О Сквѣркома, какъ и о Мельмотѣ, говорили, что онъ — еврей; то же самое говорили, съ большей достовѣрностью, о мистерѣ Когенлюпѣ, членѣ парламента и членѣ правленія знаменитой мексиканской дорога; о мистерѣ Брегертѣ, который былъ впрочемъ негоціантъ уважаемый, хотя и дерзнулъ предложить руку и сердце одной изъ дочерей сквайра Лонгестаффа; объ издателѣ «вечерней» газеты г. Альфѣ; о мистерѣ Фоснерѣ, который былъ экономомъ, кассиромъ и ростовщикомъ «Медвѣжьей

Ямы». Поводомъ къ такому слуху бываетъ именно фактъ, что человекъ взялся неизвѣстно откуда. Нотариусъ Свѣркокъ носилъ цѣвтные жилеты и сѣрые брюки, работалъ самъ и дѣйствовалъ очень скоро, въ противность всѣмъ англійскимъ понятіямъ веденія судебныхъ дѣлъ вообще. Долли Лонгестафъ узналъ, что отецъ его уже совершилъ купчую на Пиккерингъ съ Мельмотомъ, при помощи вѣрительнаго письма своего сына и наследника. Между тѣмъ Долли, хотя отецъ предлагалъ ему къ подписи разныя бумаги, относившіяся къ дѣламъ имѣнія, отлично помнилъ, что онъ этого вѣрительнаго письма не подписалъ, отказавшись сдѣлать это до полученія обѣщанныхъ ему 25 тысячъ фунтовъ. Свѣркокъ былъ увѣренъ, что Долли Лонгестафъ говоритъ правду, а между тѣмъ узналъ стороною, что Мельмотъ, еще не уплативъ Лонгестаффу-отцу денегъ за Пиккерингъ, уже переваложилъ это имѣніе въ полной суммѣ его цѣнности и получилъ деньги подъ эту закладную; узналъ еще, что значительное количество акцій мексиканской дороги было продано на биржѣ Когенлюпомъ, и еще, что Мельмотъ, занимавшійся, между прочимъ скупкою земель и домовъ въ восточныхъ кварталахъ Лондона, недавно продалъ значительные участки, даже половину цѣлой улицы, и долженъ былъ получить огромную сумму и отъ этой сдѣлки. Все это усилило подозрѣнія Свѣркома. Онъ сталъ дѣйствовать, чтобы разъяснить ихъ, но дѣйствовалъ такъ, что дѣйствія его породили неприятныя для Мельмота слухи.

Приближался обѣдъ у Мельмота въ честь китайскаго императора, приближались выборы въ Уэстминстеръ, на которыхъ Мельмотъ являлся кандидатомъ, а между тѣмъ въ самомъ зданіи парламента говорили уже о слухѣ, будто открытъ подлогъ, совершенный Мельмотомъ съ купчею на имѣніе Лонгестаффа; иные предполагали даже, что великій финансистъ будетъ уже арестованъ полиціею какъ разъ въ то время, когда въ его домѣ будутъ кормить китайскаго императора. Замѣтка, составленная въ самыхъ неопредѣленныхъ выраженіяхъ, была уже пущена по этому предмету въ «вечерней» газетѣ г. Альфа, такъ какъ г. Альфъ выступалъ на выборахъ въ Уэстминстеръ противникомъ Мельмота, кандидатомъ либеральной партіи.

Такіе слухи вызвали сильное пониженіе въ достоинствѣ пригласительныхъ билетовъ на знаменитый обѣдъ съ китайскимъ императоромъ. Никому не можетъ быть пріятно обѣдать въ домѣ человека, который завтра можетъ быть объявленъ мошенникомъ судебнымъ порядкомъ. Тѣмъ менѣе это могло быть пріятно правительству, которое включило обѣдъ у Мельмота въ программу

увеселеній брата солнца и испросило уже присутствіе на этомъ обѣдѣ королевской фамиліи, наконецъ обязалось само присутствовать тамъ же. Вождь оппозиціи имѣлъ по этому случаю частный разговоръ съ первымъ министромъ, но оба рѣшили, что теперь уже поздно дѣлать измѣненіе, что свезть высокихъ гостей въ челоуѣку, который оказался бы потомъ мошенникомъ, было бы, конечно, весьма не хорошо, но что еще хуже было бы сдѣлать внезапный отказъ и произвести скандалъ на основаніи одного слуха, еслибы потомъ слухъ этотъ оказался ложнымъ. Но не на всѣхъ приглашенныхъ въ Мельмоту лежала столь тяжелая отвѣтственность и весьма многіе разсудили, что благоразумнѣе не ѣхать, чтобы тѣнь могущей быть катастрофы не пала на нихъ. Конечно, еслибы каждый изъ нихъ въ отдѣльности могъ имѣть увѣренность, что всѣ будутъ, то съ радостью поѣхалъ бы и самъ показать себя, и жену, и дочерей, и ихъ брильянты, хотя бы у мошенника, но въ присутствіи китайскаго императора и королевскаго семейства. Но въ томъ-то и бѣда, что такой увѣренности нельзя было имѣть. Вдругъ случилось бы такъ, что мистеръ такой-то пріѣхалъ бы, а всѣ его знакомые, равные его, не пріѣхали бы, да въ послѣднюю минуту правительство одумалось бы, не пустило бы ни китайскаго императора, ни королевскаго семейства? Вѣдь тогда мистеръ такой-то сыгралъ бы плохую роль, чисто скомпрометгировалъ бы себя.

VII.

Мельмотъ самъ ничего не зналъ о слухахъ. Въ торжественный часъ, онъ поставилъ жену въ гостинной, а самъ вышелъ на лѣстницу. Ровно въ назначенное время прибыли высочайшіе гости, и они прибыли всѣ. Достойный сожалѣнія въ эту минуту китайскій императоръ — нельзя не пожалѣть о монархѣ, на котораго возлагаютъ подобный трудъ — выступалъ съ невозмутимымъ и внушавшимъ благоговѣйный страхъ выраженіемъ достоинства въ своемъ лицѣ, предшествуемый г. Мельмотомъ, который шелъ задомъ впередъ, безпрестанно кланяясь и вѣроятно былъ принятъ императоромъ за особаго церемоніймейстера, избраннаго для этой роли именно за свое умѣнье ходить задомъ впередъ. Королевскіе принцы — которые тоже ничего не слыхали — всѣ подали руку Мельмоту, а принцессы почтили его наклоненіемъ головы. Сверхъ этихъ высочайшихъ гостей только немногіе высокіе гости были собраны съ ними въ гостинной нижняго этажа, и от-

туда введены затѣмъ на верхъ въ залъ банкета. Прочіе гости собирались, подъ руководствомъ лорда Альфреда Грендоля, на другой половинѣ, во второмъ этажѣ. Лордъ Альфредъ тоже ничего не зналъ. Все казалось обстояло благополучно, и Мельмотъ чувствовалъ себя на высотѣ величія: сегодня такое торжество, а завтра—выборы въ Уэстминстерѣ, и вѣроятное его избраніе.

Но когда всѣ были выведены въ залъ банкета и сѣли за столъ, вдругъ оказались весьма замѣтные пробѣлы. Человѣкъ двадцать приглашенныхъ, вмѣстѣ съ женами, оказались отсутствующими; въ числѣ ихъ былъ лордъ-мэръ. Половина негоціантовъ изъ Сити, половина консервативныхъ членовъ палаты общинъ и нѣсколько лордовъ не пріѣхали. Были высочайшіе гости, министры, главные вожди консервативной партіи, архіепископъ, двѣ герцогини, и т. д., но тѣмъ не менѣе нѣсколько десятковъ незанятыхъ стульевъ бросались въ глаза и производили весьма неприятное впечатлѣніе. Лордъ Альфредъ Грендоля, уже только по пріѣздѣ въ домъ Мельмота, узналъ отъ своего сына Майльса о слухахъ, распространенныхъ въ Сити и объ уклоненіи многихъ приглашенныхъ.

— Что это значить? — обратился Мельмотъ къ лорду Альфреду, который сидѣлъ съ нимъ рядомъ. — Отчего столько пустыхъ мѣстъ?

— Не знаю, — сказала лордъ Альфредъ, качая головой и упорно отказываясь взглянуть на собраніе.

— Что за чортъ, — продолжалъ Мельмотъ шопотомъ, — вѣдь вы распоряжались, вы увѣрили меня, что лишняго человѣка нѣкуда будетъ втиснуть?

— Не знаю что сказать, — отвѣчалъ лордъ Альфредъ, впирая взглядъ въ собственную тарелку.

— Чортъ меня возьми, если я не разъясню этого. Какая-нибудь дьявольская путаница или обманъ, что-ли: гдѣ сэръ Грегори Грейбъ?

— Вѣроятно, не пріѣхалъ.

— А гдѣ же лордъ-мэръ? — забывъ о присутствіи величества, Мельмотъ тутъ повернулся бокомъ къ столу. — Я знаю мѣсто каждаго изъ нихъ. Гдѣ же лордъ-мэръ?

— Не видалъ его.

— Гдѣ г. Килльгру и сэръ Давидъ Боссъ? Да тутъ множества недостаетъ. Половины недостаетъ. Альфредъ, что же это такое?

— Право, не знаю. Вѣдь я не могъ заставить ихъ силой пріѣхать. — Лордъ Альфредъ, видя, что Мельмотъ вертится и что

гости начинаютъ замѣчать это, наконецъ, сказалъ: — если вы будете дѣлать скандалъ, я уйду. Сидите спокойно, въ свое время узнаете достаточно. — Но Мельмотъ сидѣлъ не долго; скоро онъ всталъ и пошелъ позади стульевъ своихъ гостей. Онъ обратился къ одному мистеру Тодду и спросилъ его; тотъ отвѣчалъ уклончиво: — «но я, видите, пріѣхалъ». — Мельмотъ обратился къ одному изъ вождей консервативной партіи, съ тѣмъ же вопросомъ. Тотъ представилъ его своей женѣ, которая сидѣла рядомъ съ нимъ; а на вопросъ отвѣчалъ совершенно какъ мистеръ Тоддъ: «но я, видите, пріѣхалъ».

Между тѣмъ императоръ торжественно сидѣлъ. Вокругъ него сидѣли принцы и принцессы; всѣ они были родные и у всѣхъ было о чемъ говорить. Императоръ слушалъ ихъ, но самъ говорилъ мало. Его языкъ былъ языкъ манджурскій; одинъ переводчикъ передавалъ его слова на китайскомъ языкѣ; другой переводчикъ передавалъ этотъ китайскій текстъ на англійскомъ языкѣ; поэтому оживленнаго разговора у императора съ сосѣдями не было. Онъ сидѣлъ тутъ часа два, въ грозномъ, торжественномъ и молчаливомъ величій; кушалъ мало — такъ какъ это не была его манера кушать; пилъ мало — такъ какъ это не была его манера пить; и быть можетъ въ умѣ удивлялся, къ чему, наконецъ, приходитъ мѣръ, когда китайскій императоръ вынужденъ внѣшними обстоятельствами сидѣть тутъ, слушая жужжанье разговоровъ и стукъ ножей съ вилками. «И это, — быть можетъ думалъ онъ, — здѣсь на Западѣ называется подобающею монархамъ почестью».

Наконецъ, по какому-то знаку, къ-то данному, императора куда-то увели. Согласно программѣ, онъ и королевское семейство пили кофе въ особой комнатѣ, а потомъ вышли опять наверхъ, въ залъ, чтобы показаться всей массѣ гостей, которыхъ ожидали на раутъ вскорѣ послѣ обѣда. Все это было исполнено превосходно. Съ полчаса императоръ и другіе высочайшіе гости пробыли въ большомъ залѣ и удалились. А Мельмотъ сталъ блуждать по своему дому, отыскивая кого-то, и наконецъ нашелъ Майльза Грендоля.

— Скажите мнѣ, чтó значить эта исторія? — спросилъ онъ.

— Исторія, какая?

— Вы вѣдь знаете: полно, вѣдь надо же сказать мнѣ.

— Тамъ, въ Сити, что-то узнали, что-то толкуютъ о Пиккерингѣ.

— Толкуютъ, о... о Пиккерингѣ? Ну, и чтó же они говорятъ? Говорите же: неужели вы не понимаете, что мнѣ все равно, какую ложь про меня распускаютъ?

— Да, говорятъ будто есть подлогъ какой-то, по купчей, что-ли.

— А, такъ я совершилъ подлогъ? Вотъ что они говорятъ! И лордъ-мэръ не пріѣхалъ ко мнѣ въ домъ, принявъ мое приглашеніе, потому что слышалъ подобный разговоръ? Хорошо, Майльзъ, больше мнѣ ничего не надо, — и миллионеръ удалился въ свои внутренніе апартаменты.

Повятно, что слухи эти были подхвачены на другой день, на выборахъ. Но если ихъ распространяли въ надеждѣ повредить избранію Мельмота, то ошиблись. Масса избирателей повѣрила агентамъ Мельмота, что слухи эти именно и были избирательными маневрами. Самъ Мельмотъ, человекъ, котораго не легко было сломить, человекъ, у котораго, во всякомъ случаѣ, не было недостатка въ мужествѣ и энергіи для борьбы, явился передъ избирателями и произнесъ двѣ рѣчи. Рѣчи эти не были особенно убѣдительны или изящны, такъ какъ онъ въ сущности только все твердилъ: «пусть же они докажутъ, а они не доказали»; но мужество Мельмота рѣшило вопросъ въ его пользу; онъ былъ избранъ членомъ палаты общинъ за Уэстминстеръ. За то, подъ вліяніемъ слуховъ, акціи мексиканской дороги, которыя еще наканунѣ стояли 115, въ день выборовъ вдругъ упали ниже пары. Мистеръ Когенлюпъ, наиболѣе близкій къ дѣламъ Мельмота, былъ въ отчаяніи. Но самъ Мельмотъ не унывалъ; акціи — это было еще дѣло поправимое.

Сэръ Феликсъ Карбери, послѣ обнаруженной имъ предъ самимъ собой и всѣмъ свѣтомъ несостоятельности въ предпріятіи увезти богатую наслѣдницу, долго сидѣлъ дома, по большей части валяясь на кровати. Денегъ не было, играть было нельзя, да и не ловко идти въ «Медвѣжью Яму». Между тѣмъ, сестра его Генриетта, съ своей стороны давая слово Полю Монтэю, находилась въ это время въ большой тревогѣ вслѣдствіе любезно сообщеннаго ей братомъ факта, что Монтэю обѣщали одной американкѣ жениться на ней, то-есть на американкѣ, и постоянно посѣщалъ ее. Монтэю въ это время уже не былъ членомъ правленія мексиканской желѣзной дороги. Онъ успѣлъ продать свои акціи еще по хорошему курсу и подалъ въ отставку. На его мѣсто Мельмотъ назначилъ въ правленіе Лонгестаффа-отца. Сэръ Феликсъ Карбери, въ теченіе времени, еще до своей попытки увезти Мэри Мельмотъ, успѣлъ выпросить у Мельмота 400 фунтовъ деньгами. Теперь, сидя безъ денегъ, онъ написалъ ему, требуя возвращенія остальныхъ 600 фунтовъ, такъ какъ акціи онъ не получилъ. Это было уже послѣ выборовъ. Въ отвѣтъ на

это пришелъ человѣкъ изъ конторы Мельмота, принесъ ему на 600 фунтовъ акцій мексиканской дороги и взялъ съ него росписку въ полномъ полученіи денегъ. Но этихъ акцій баронетъ не могъ продать; мѣнялы говорили ему, что онѣ стоютъ, быть можетъ, половину своей цѣны, но отказывались купить ихъ, такъ что онъ долженъ былъ оставить ихъ на комиссію, для продажи. Что касается самой Мэри, то она, разумѣется, узнала впоследствии, что еслибы ее не задержали на станціи въ Ливерпульѣ, она отправилась бы въ Америку одна съ мадамъ Дидонъ, такъ какъ женихъ ея вовсе не ѣздилъ въ Ливерпуль. Она узнала и причину; узнала, что онъ проигралъ ея деньги и напился пьянъ. Но все это было бы для нея неважно, еслибы она знала, что ея Феликсъ любитъ ее. Но онъ былъ такъ холоденъ въ ихъ объясненіяхъ, что она не могла объяснять себѣ и проигрыша имъ ея денегъ, и пьянства, и неприѣзда въ Ливерпуль иначе, какъ именно полнымъ равнодушіемъ его къ ней. Убѣжденіе это усилилось въ ней, когда она увидѣла, что баронетъ не подавалъ болѣе признаковъ жизни, не искалъ съ ней встрѣтиться и, очевидно, считалъ все дѣло конченнымъ.

Поэтому, встрѣтись на раутѣ въ честь китайскаго императора съ леди Карбэри и ея дочерью, Мэри подошла къ Генриеттѣ и созналась ей, что продолжаетъ всей душой любить ея брата, и просила ее прямо спросить сэра Феликса, любитъ ли онъ ее или не любитъ, и считаетъ все между ними конченнымъ. Гетта исполнила ея желаніе, считая это долгомъ. Она переговорила съ братомъ, услышала отъ него самого то, въ чемъ впередъ была увѣрена, а именно, что лично до Мэри ему не было никакого дѣла и, вооружась геройствомъ, явилась сама въ домъ Мельмота, чтобы окончательно разувѣрить Мэри и возвратитъ ей спокойствіе и свободу.

— Такъ вы думаете, онъ не хочетъ попытаться снова? — допрашивала Мэри.

— Я убѣждена, что не хочетъ.

— Не понимаю, чего онъ боится. Я ничего не боюсь. Мы имѣли бы право открыто выдти съ нимъ изъ нашего дома. Папá могъ бы только прогнать меня, больше ничего. Я бы рѣшилась, еслибы только онъ...

— Мнѣ нельзя слушать такихъ плановъ, — возразила Гетта, все еще не рѣшаясь прямо сказать этой дѣвушкѣ всю правду о своемъ братѣ и его расположеніи; — право, мнѣ нельзя слушать. Братъ мой положительно... не можетъ...

— Не можете любить меня, Гетта! Скажите прямо, если это правда.

— Это — правда. — Лицо Мэри измѣнилось; на немъ появилось суровое, гнѣвное и упрямое выраженіе, выраженіе самого Мельмота. — Мой другъ, я не хочу васъ огорчать, — поспѣшила прибавить Гетта, — но вѣдь вы настаиваете на томъ, чтобы знать правду.

— Да.

— Вѣдь мужчины не таковы, какъ мы.

— Какіе луны, какія низкія созданія они! — тихо проговорила Мэри. — Кто принуждалъ его лгать мнѣ?.. Я не буду больше любить его, я стану его ненавидѣть, я нарочно выйду за другого; вотъ, когда онъ увидитъ, что я богатая, небось хотъ досадъ его возьметъ.

— Вы лучше просто простите ему, — сказала Гетта.

— Никогда. И не говорите ему, что я простила, запрещаю вамъ говорить это. Я, если встрѣчу его, взгляну на него такъ, что онъ никогда не забудетъ моего взгляда. Но скажите мнѣ, что, онъ такъ прямо и поручилъ вамъ передать мнѣ, что мнѣ не любить?

— Напрасно, право, я пришла.

— Нѣтъ, вы добры, что пришли, благодарю васъ за это. Но поручилъ онъ сказать, что не любить?

— Нѣтъ, не поручилъ сказать такъ.

— Такъ почему же вы знаете? Что же онъ сказалъ?

— Что все кончено.

— Потому что онъ боится папá? Да вы просто скажите мнѣ, какъ по вашему убѣжденію... вы сами убѣждены или нѣтъ, что онъ не любитъ меня?

— Убѣждена.

— Тогда онъ — скотъ, вонъ онъ что такое. Такъ и скажите ему, что я сказала, что онъ — бездушный лжець, что я топчу его ногой.

И Мэри ударила ступней по ковру. Тутъ она стала говорить громко, какъ будто ей все равно, пусть слышитъ кто хочеть.

— Я презираю его, презираю. Всѣ они — северные, но онъ — хуже всѣхъ. Папá меня бьетъ, но я сношу это. Мама́ ругаетъ меня, я и это сношу. Пусть бы онъ меня билъ, пусть бы онъ меня ругалъ, я бы это все переносила. Но думать, что все, все съ самаго начала, что онъ говорилъ — онъ лгалъ, этого я не могу перенести.

Тутъ она расплакалась.

Черезъ нѣсколько часовъ, въ тотъ же день, она вошла къ мадамъ Мельмотъ и сказала ей:

— Объявите папá, что я выйду за лорда Ниддердэля... Что я готова выйти за того человѣка, который мететь улицу; за кого онъ хочетъ. Да, я выйду за лорда Ниддердэля. Но я же устрою ему хорошую жизнь. Онъ раскается, что когда-либо встрѣтился со мной!

VIII.

Что бы ни говорили и что бы тамъ ни было въ дѣйствительности, но между тѣмъ Мельмотъ былъ членомъ парламента. Онъ былъ введенъ обычнымъ порядкомъ и сѣлъ на одну изъ заднихъ скамей оппозиціи. Сперва онъ сидѣлъ безъ шляпы, но замѣтивъ, что почти всѣ сидѣли въ шляпахъ, онъ тоже накрылся. Сидѣлъ онъ съ часъ, съ любопытствомъ посматривая кругомъ себя. До того времени онъ никогда не видалъ парламента. Зала казалась ему гораздо меньше, чѣмъ она представлялась ему въ воображеніи и вовсе не такъ страшна. Ему казалось, что ораторы говорили себѣ совершенно просто, какъ говорятъ люди въ другихъ мѣстахъ. Нѣкоторые изъ нихъ вставали только на одну минуту, тобы сказать нѣсколько словъ, и опять сажались. Однимъ словомъ, представленіе было самое обыкновенное. Но вотъ одинъ джентльмэнъ поднялся и началъ длинную рѣчь. Уставъ смотрѣть вокругъ, Мельмотъ сталъ прислушиваться, и услышалъ слова очень ему знакомыя. Ораторъ предлагалъ добавочную статью къ орговому трактату и сильно возставалъ противъ разорительной несправедливости, какую могло представить допущеніе въ Англію вѣзъ пошлины перчатокъ, фабрикуемыхъ въ такихъ странахъ, гдѣ не существуетъ подходящаго налога. Мельмотъ былъ равнодушенъ къ перчаткамъ и къ разоренію Англіи. Но при послѣдовавшихъ по этому предмету преніяхъ, возникъ вопросъ о цѣнности монеты, о размѣнѣ и обращеніи шиллинговъ въ доллары и франки. Это дѣло Мельмотъ понималъ отлично, и наострилъ уши. Одинъ изъ членовъ, нѣкто Броунъ (не издатель газеты), одинъ изъ тѣхъ егоціантовъ Сити, которые не пріѣхали къ нему на обѣдъ, хотя приняли его приглашеніе, стоялъ какъ разъ передъ нимъ, на то же сторонѣ палаты, съ трудомъ мямлил нѣчто о своихъ обственныхныхъ финансовыхъ соображеніяхъ, и Мельмоту показалось, то онъ говорилъ о томъ, чего совершенно не понималъ. Вотъ былъ прекрасный случай показать себя и вмѣстѣ отмстить Броуну,

и наконецъ доказать свѣту, что враговъ своихъ въ Сити онъ Мельмотъ, не боится. Правда, требовалось нѣкоторое мужество, чтобы выступать передъ палатой въ первый же день, не зная обычныхъ формъ. Но въ этомъ кризисѣ своей карьеры онъ постоянно твердилъ себѣ, что ничто не должно приводить его въ замѣшательство, ни передъ чѣмъ онъ не долженъ отступать. Мельмотъ почти уже рѣшился говорить, однако все еще колебался, какъ вдругъ Броунъ сѣлъ, и надѣлъ шляпу, безъ всякаго, по видимому, заключенія своей рѣчи. Въ первую минуту никто не всталъ; предметъ не требовалъ дальнѣйшихъ преній и вся палата понимала, что это — такой предметъ, по которому неизбѣжно было выслушать нѣсколькихъ членовъ-негоціантовъ, имѣвшихъ своихъ «вожьвовъ», и затѣмъ продолжать обсужденіе главнаго вопроса.

Вдругъ Мельмотъ поднялся съ мѣста. Такая неслышанная новость, что новый членъ произносилъ рѣчь въ самый день своего вступленія въ палату и любопытство, окружавшее Мельмота въ то время вообще, вызвали всеобщее молчаніе и внимательность. Пронесся только шопотъ, свойства почти сочувственной смѣлости Мельмота. Но какъ только Мельмотъ всталъ и окинулъ взглядомъ палату, значительная доля смѣлости его оставила. Палата, вовсе не казавшаяся ему величественною въ то время, когда мямлилъ Броунъ, теперь вдругъ представилась ему внушающею страхъ; онъ увидѣлъ обращенные на себя глаза великихъ людей. Какъ Броунъ ни мямлилъ, его рѣчь все-таки вѣроятно была приготовлена дома, и такія рѣчи онъ произносилъ раза въ четыре въ годъ, въ теченіе послѣднихъ пятнадцати лѣтъ. Мельмотъ же не зналъ, съ чего начать. Онъ полагалъ, что можетъ говорить такъ свободно, какъ говорилъ съ предсѣдательскаго кресла въ правленіи мексиканской дороги. Но теперь передъ нимъ былъ спикеръ и его три секретаря въ своихъ парикахъ, булавки парламента, и — хуже всего — цѣлый рядъ государственныхъ людей на другой сторонѣ палаты! На одно мгновеніе онъ даже позабылъ тотъ пунктъ преній, о которомъ хотѣлъ-было что-то сказать. Но въ этомъ человѣкѣ было слишкомъ много мужества, чтобы отступить немедленно. Онъ былъ красенъ, чувствовалъ, что потѣлъ, сознавалъ свое смущеніе, но рѣшился прямо ударить въ самую суть дѣла и тѣмъ спасти себя отъ этого замѣшательства.

— Мистеръ Броунъ совершенно неправъ, — произнесъ онъ. Начавъ говорить, онъ даже не снялъ шляпы. Броунъ медленно обернулся и посмотрѣлъ на него съ нижней скамейки. Кто-то сзади тронулъ Мельмота пальцемъ и сказалъ ему снять шляпу. Раздался крикъ «къ порядку», но Мельмотъ, разумѣется, не

понималъ его значенія. «Да, вы неправы», сказалъ онъ еще разъ, и притомъ съ гнѣвомъ, обращаясь уже лично къ бѣдному Броуну.

— Почтенный членъ,—произнесъ спикеръ самымъ добродушнымъ голосомъ,—вѣроятно еще не знаетъ, что ему не слѣдуетъ называть другого члена по имени. Ему слѣдовало бы относиться къ тому джентльмену, о которомъ онъ упомянулъ, въ качествѣ почтеннаго члена за Уайтчепель. И ему слѣдовало бы еще, произнося рѣчь, обращаться не къ кому-либо изъ почтенныхъ членовъ, но къ президенту.

— Снимите же шляпу,—повторилъ добрый джентльменъ, сидѣвшій позади Мельмота.

Что было дѣлать посреди столь сложныхъ наставленій, и возможно ли было исполнять ихъ и вмѣстѣ удерживать въ памяти ту линію аргументаціи, которой онъ хотѣлъ слѣдовать? Шляпу онъ снялъ, и разумѣется, еще больше вспотѣлъ и сконфузился.

— То, что онъ сказалъ, было все невѣрно,—продолжалъ Мельмотъ:—а казалось бы, что негоціантъ изъ Сити, каковъ мистеръ Броунъ, могъ бы знать дѣло получше.

Тогда нѣсколько разъ повторился крикъ: «къ порядку» и раздался громкій хохотъ на обѣихъ сторонахъ палаты. Ораторъ тѣмъ же менѣе все еще держался на ногахъ, собирая всю свою храбрость для новаго нападенія на Броуна, увѣряя себя, что никто не устраситъ его. Но нивакъ не могъ найти словъ. Наконецъ, онъ произнесъ: «мнѣ этотъ вопросъ долженъ быть извѣстенъ»,—и ѣлъ.

— Мы убѣждены,—сказалъ руководитель палаты,—что почтенному члену за Уэстминстеръ вопросъ хорошо извѣстенъ, и будемъ очень рады выслушать его замѣчанія. Палата, я увѣренъ, извинитъ незнакомство съ ея правилами въ новомъ членѣ.

Но Мельмотъ не хотѣлъ болѣе встать. Имъ уже сдѣлано было большое усиліе, и во всякомъ случаѣ онъ показалъ, что не боится показывать себя, несмотря на слухи. Онъ просидѣлъ на мѣстѣ, пока послышалось обычное топанье, возвѣщавшее, что большая часть членовъ идетъ обѣдать.

— Ну, молодецъ же вы,—сказалъ ему Когенлюкъ, беря его подъ руку въ корридорѣ.—А что; Лонгестаффу деньги уплачены?

— Вы, пожалуйста, не безпокойтесь о Лонгестаффѣ, и о деньгахъ,—отвѣчалъ Мельмотъ, садясь въ экипажъ.—Когда люди играютъ въ такую игру, какъ мы съ вами, они должны понимать, что не слѣдуетъ имъ пугаться перваго встрѣчнаго слуха.

— О, конечно,—заклучилъ Когенлюкъ;—надѣюсь, вы не

думаете, что я боюсь чего-нибудь?—Но въ эту самую минуту г. Когенлюпъ обдумывалъ, какъ бы покинуть опасную почву Англіи, и гдѣ бы найти такую страну, для которой не обязательно исполненіе требованій британской полиціи.—Когда Мельмотъ пріѣхалъ домой, мадамъ Мельмотъ сообщила ему, что Мэри согласна выдти замужъ за лорда Ниддердэля, но не передала ему, конечно, тѣхъ прибавокъ, какими Мэри украсила свое согласіе.

Что же было вѣрнаго въ слухахъ, распространенныхъ о Мельмотѣ? Не будемъ говорить о другихъ дѣлахъ, кромѣ покупки имѣнія Лонгестаффа; главное обвиненіе заключалось въ подлогѣ по этому дѣлу, и обвиненіе это было справедливо. Мельмотъ въ это время жилъ уже не въ Гровеноръ-Скверѣ, но въ Брутонъ-Стритѣ, въ домѣ Лонгестаффа. Лонгестаффъ-отецъ былъ вынужденъ обстоятельствами отдать свой домъ въ Лондонѣ въ наймы, и Мельмотъ его нанялъ. Но Лонгестаффу нужно было имѣть комнату для пріѣздовъ его въ Лондонъ, и такъ какъ Мельмотъ былъ человѣкъ знакомый, то Лонгестаффъ оставилъ свой письменный столъ въ своемъ прежнемъ кабинетѣ; а Мельмотъ поставилъ въ этомъ же кабинетѣ свой столъ. Мельмотъ съумѣлъ, посредствомъ какого-то инструмента, отворить ящикъ въ столѣ Лонгестаффа, но не съумѣлъ послѣ запереть его опять. Онъ просмотрѣлъ бумаги Лонгестаффа, между прочимъ переписку его съ нотариусомъ относительно требованій сына, и нашелъ въ особомъ пакетѣ заготовленную нотариусомъ Лонгестаффа довѣренность ему отъ сына на совершеніе продажи Пиккеринга. Будучи принужденъ скорѣе получить возможность взять подъ это имѣніе дополнительную ссуду и убѣдившись изъ переписки, что Долли Лонгестаффъ не согласится подписать довѣренность безъ выдачи ему 25 т. фунтовъ, то-есть половины всей суммы, которую Мельмотъ вовсе не думалъ платить до поправленія своихъ обстоятельствъ, — Мельмотъ скопировалъ на готовой довѣренности подпись Лонгестаффа-сына съ его писемъ и опустилъ конвертъ въ почтовой ящикъ. На конвертѣ былъ готовый адресъ нотариуса Лонгестаффа-отца, и нотариусъ, имѣя уже полномочіе отца и получивъ довѣренность сына, совершилъ продажу. Лонгестаффъ-отецъ, когда эта довѣренность была ему показана, сейчасъ узналъ эту бумагу и былъ убѣжденъ, что сынъ его подписалъ ее; а Долли Лонгестаффъ узналъ о дѣлѣ только тогда, когда оно уже совершилось. Онъ сталъ отрицать фактъ подписанія имъ довѣренности, но отецъ не хотѣлъ ему вѣрить, полагая, что это съ его стороны просто угроза, которую внушилъ Свѣркомъ, для скорѣй-

шаго полученія 25 т. фунтовъ. А какъ могъ Лонгестафъ-старшій отдать 25 т. ф. Лонгестаффу-младшему, когда онъ самъ не получилъ съ Мельмота за имѣніе не только 50 тысячъ, но и одного гроша? Между тѣмъ, Мельмотъ успѣлъ получить подъ Пиккерингъ дополнительную ссуду и началъ тамъ работы по передѣлкѣ дома, чтобы убѣдить Лонгестаффа, что поводомъ къ приобрѣтенію имѣнія было именно желаніе Мельмота жить въ немъ.

Когда Сквѣркомъ, побуждаемый Долли Лонгестаффомъ, приступилъ къ дѣйствіямъ, когда даже нотаріусъ старика Лонгестаффа, настоятельно потребовалъ уплаты за Пиккерингъ, то Мельмотъ еще быть можетъ какъ-нибудь извернулся бы, досталъ бы 50 т. ф. и уплатилъ бы Лонгестаффамъ; но кредитъ его внезапно былъ подорванъ тѣмъ, что Когенлюпъ бѣжалъ изъ Англии и акціи мексиканской дороги обратились въ ничто. Мельмотъ принужденъ былъ отказаться отъ немедленной уплаты и предложилъ выдать Лонгестаффамъ векселя на 50 т. фунтовъ, на шестимѣсячный срокъ. Но нотаріусы отвергли это предложеніе и обратились къ лорду-мэру, изъявивъ намѣреніе начать дѣло въ городскомъ судѣ. Тогда предъ Мельмотомъ явилась крайне непріятная альтернатива. У него были 50 тысячъ, и даже гораздо больше, чѣмъ 50 тысячъ; но это былъ капиталъ, внесенный имъ въ банкъ на имя дочери, капиталъ, который предназначался для того, чтобы, въ случаѣ несостоятельности, Мельмотъ могъ жить на него гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ. Онъ далъ себѣ торжественную клятву ни въ какомъ случаѣ не пускать этого запаснаго фонда въ свои обороты, хотя бы всѣ они должны были лопнуть. Но вѣдь теперь вопросъ былъ уже о несостоятельности только. Лонгестаффы, отецъ и сынъ, и ихъ нотаріусы являлись въ Брутонъ-Стритъ и свидѣтельствовали замкъ письменнаго стола; Долли и Сквѣркомъ громко твердили, что замокъ былъ открытъ Мельмотомъ и подписъ поддѣлана имъ; они начинали дѣло въ судѣ. Все это еще можно было остановить, пожертвовавъ изъ запаснаго фонда 50 т. фунтовъ; получивъ свои деньги, Лонгестаффы тотчасъ прекратили бы дѣло.

Но тутъ явилось препятствіе, совершенно неожиданное. Мари Мельмотъ, на имя которой капиталъ былъ внесенъ, когда отецъ велѣлъ ей подписать довѣренность на вынутіе вклада, самъ не предполагая въ этомъ ничего, кромѣ одной формальности, наотрѣзъ отказалась дать свою подпись. Она привыкла не вѣрить отцу. Онъ убѣждалъ ее, что надъ нимъ виситъ полное разореніе; она не вѣрила. Онъ билъ ее, такъ что она упала на полъ; она съ тѣмъ большимъ упрямствомъ держалась за свой капиталъ,

понимая, что въ немъ одномъ—средство для нея со временемъ избавиться отъ побоевъ и зависимости. Мельмотъ шелъ все далѣе и далѣе, и путь его становился болѣе и болѣе рискованнымъ. Онъ преспокойно подписывалъ необходимые документы подъ руку Мэри, поддѣлывалъ подпись своего конторщика Кролля въ качествѣ свидѣтеля, и свезъ эти бумаги въ банкиру Брегерту, давъ Лонгестафамъ торжественное обѣщаніе уплатить имъ деньги чрезъ нѣсколько дней, если они подождутъ съ начатіемъ процесса. Но случилась бѣда. Надо было шесть подписей Мэри и шесть подписей свидѣтеля. Мельмотъ сдѣлалъ первыя шесть, а вторыя только пять; одну забылъ! Брегертъ, увидѣвъ пропускъ — хоти былъ убѣжденъ, что подписи подлинныя, — поѣхалъ въ контору Мельмота вечеромъ и засталъ тамъ только конторщика Кролля; ему Брегертъ показавъ эти бумаги и указавъ на пропускъ. Тогда между ними все обнаружилось; Кролля своимъ недоумѣніемъ, при видѣ своихъ поддѣланныхъ подписей, выдалъ этотъ подлогъ. Брегертъ, не сказавъ ни слова, оставилъ бумаги у него, и Кролля принесъ ихъ на другой день утромъ въ Мельмоту въ домъ, ограничился тѣмъ, что просилъ уволить его отъ должности. Мельмотъ понялъ, что не только Кроллю, но по всей вѣроятности и Брегерту дѣло было ясно. Однако онъ былъ увѣренъ, что они не станутъ возбуждать этого дѣла; вѣдь бумаги были возвращены въ его руки. Разореніе было неминуемо и вѣроятно, нѣчто худшее чѣмъ разореніе, вѣроятно, — тюрьма, такъ какъ Лонгестаффы, не получивъ денегъ въ условленный срокъ, неминуемо начали бы дѣло о первомъ подлогѣ въ судѣ. Мельмотъ только приказывалъ женѣ и дочери спрятать ихъ бриллыанты и вообще драгоценности. Онъ долженъ былъ пасть. Это было неминуемо. Но у него было достаточно внутренней силы, чтобы, падая подъ ударами судьбы, завернуться въ тогу. Онъ рѣшился до конца показать «имъ всѣмъ» свою невозмутимость, до конца глядѣть прямо въ глаза всему враждебному ему нинѣ свѣту.

IX.

Какъ только распространилась вѣсть о бѣгствѣ Когенлюпа, весь кредитъ Мельмота исчезъ и всѣ были убѣждены въ полномъ его банкротствѣ. Грендолли, отецъ и сынъ, оставили его, никто не являлся болѣе къ нему въ домъ. Въ самой палатѣ общины, чрезъ два дня послѣ бѣгства Когенлюпа, банкротство Мельмота и вообще его судьба были главнымъ предметомъ частныхъ разговоровъ. Говорили, что начато дѣло о подлогѣ; гово-

рили, что Мельмотъ бѣжалъ по слѣдамъ Когенлюпа. Даже министры, сидя на своей скамьѣ и выдерживая обычную бомбардировку мелкихъ запросовъ, занимались между собой не этими запросами, но Мельмотомъ.

— Вамъ ничего неизвѣстно о немъ? — спросилъ канцлеръ казначейства министра внутреннихъ дѣлъ.

— Я имѣю свѣдѣнiе, что рѣшенiя объ арестованiи его пока не состоялось. По общему мнѣнiю, онъ совершилъ подлогъ; но еще вопросъ, достаточно ли собрано уличающихъ обстоятельствъ.

— Но все-таки онъ разорился, — сказала канцлеръ.

— Да я сомнѣваюсь даже, былъ ли онъ когда-нибудь богатъ. Одно вѣрно, — что онъ величайшiй плутъ, какого намъ случалось видѣть. Вѣдь онъ навѣрное издержалъ болѣе ста тысячъ фунтовъ въ теченiе этого года на личные расходы. Какъ-то императору это понравится, когда онъ узнаетъ правду, — прибавилъ министръ. Другой членъ кабинета вставилъ тогда замѣчанiе, что вѣроятно китайскiй императоръ легче перенесетъ это, чѣмъ первый лордъ казначейства (то-есть первый министръ Англiи).

Въ эту минуту въ палатѣ воцарилось вдругъ такое удивительное молчанiе, которое само какъ будто было слышно. Такъ дѣйствуетъ на слухъ внезапное прекращенiе гула сдержанныхъ разговоровъ. Августъ Мельмотъ, членъ парламента за Уэстминстеръ, входилъ въ палату. Видъ его былъ нахальнѣе, чѣмъ когда-либо. Шляпу онъ всегда носилъ нѣсколько на бекрень; теперь она была надѣта совсѣмъ на бокъ. Никто не поклонился ему, никто не сказалъ ему слова, никто не показалъ вида, что узнаетъ его. Ко всему этому Мельмотъ приготовился и твердо шелъ впередъ, какъ-будто ничего этого не замѣчая. Онъ хотѣлъ показать себя; рѣшился выдержать весь вечеръ въ этой обстановкѣ. Онъ уже разузналъ обычай палаты и, проходя мимо стола спикера и булавъ, съ нѣкоторой аффектацiею вѣжливости, приподнял шляпу выше, чѣмъ требовалось. Затѣмъ онъ пробрался на свою скамью и сѣлъ. Злополучный лордъ Ниддѣрдэль сидѣлъ возлѣ того мѣста, которое онъ занялъ. Въ послѣднiе два дня отецъ Ниддѣрдэля и онъ самъ должны были, наконецъ, убѣдиться, что женитьба его на дочери Мельмота невозможна.

— Были сегодня на верху, у Мэри? — спросилъ Мельмотъ своего сосѣда, какъ ни въ чемъ не бывало.

— Нѣтъ, — я не былъ, — отвѣчалъ молодой лордъ.

— Отчего же вы не бываете? Она теперь постоянно о васъ спрашиваетъ. Надѣюсь, что на будущей недѣлѣ мы опять переѣдемъ въ нашъ собственный домъ и увидимся съ вами тамъ.

«Неужели этотъ человѣкъ самъ не понимаетъ положенія своего дѣла?» думалось лорду Ниддѣрдэлю.

— Знаете, — сказалъ онъ, — вамъ бы слѣдовало опять пере-видѣться съ батюшкой.

— А что, развѣ что-нибудь?

— Право... не знаю, какъ вамъ сказать; но лучше вамъ повидаться; я теперь ухожу.

— Прощайте, дружокъ, — произнесъ Мельмотъ вслухъ, гораздо громче, чѣмъ обыкновенно ведутся частные разговоры въ палатѣ. Ниддѣрдэль въ смущеніи пошелъ къ двери; но едван кто-нибудь въ палатѣ не понималъ истиннаго значенія всего, чтó происходило въ эту минуту. Въ дверяхъ съ Ниддѣрдэлемъ встрѣтился одинъ изъ консервативныхъ вождей.

— Слыхали? — спросилъ онъ.

— То-есть, о Мельмотѣ, вѣроятно?

— Да, да; я сейчасъ узналъ, что онъ только-что схваченъ въ своемъ домѣ, по обвиненію въ подлогѣ.

— Съ сожалѣніемъ долженъ сказать, что нѣтъ. Войдите, и вы увидите его: онъ тутъ сидитъ.

Мельмотъ сидѣлъ до семи часовъ; тогда пренія были отсрочены до девяти. Онъ поднялся съ мѣста одинъ изъ послѣднихъ и пошелъ величественными шагами въ буфетъ, заказывать себѣ обѣдъ. Онъ былъ все-таки членъ палаты; онъ имѣлъ право обѣдать въ ея буфетѣ. Никто не сказалъ ему ни слова. Отобѣдавъ, онъ пошелъ въ курительную комнату, закурилъ громадную сигару и предложилъ такую же—г. Броуну, тому самому члену, на котораго онъ недавно производилъ нападеніе. Мельмотъ былъ большого роста, вѣрнѣй, сильный человѣкъ во всей фигурѣ и въ выраженіи своего лица. Г. Броунъ былъ маленькій, толстѣйшій человѣчекъ, лѣтъ за шестьдесятъ, постоянно старавшійся придать себѣ важность сжиманіемъ губъ и нахмуриваніемъ бровей. Смѣшно было видѣть, какъ г. Броунъ отскочилъ отъ грѣха, представляемаго Мельмотомъ и съ двойнымъ усиленіемъ нахмурился.

— Вы напрасно такъ обижаетесь тѣмъ, что я тогда сказалъ, — объяснилъ ему Мельмотъ: — я не хотѣлъ оскорбить васъ. — Сказавъ это, онъ испустилъ громкій, хриплый смѣхъ, и посмотрѣлъ вокругъ себя, какъ-бы наслаждаясь своимъ торжествомъ. Потомъ онъ сѣлъ и молчалъ. Еще разъ громко захохоталъ, какъ будто ему пришла въ голову очень смѣшная мысль; но не заговаривалъ болѣе ни съ кѣмъ. Послѣ девяти часовъ, онъ опять вошелъ въ залъ собранія и сѣлъ на прежнее мѣсто. За обѣдомъ онъ пилъ шампанское и прибавилъ еще три стакана воды съ коньякомъ. Теперь у него хватило бы смѣлости уже на что

удовно. Обсуждался вопросъ, относившійся къ законамъ объ охотѣ; Мельмотъ рѣшительно не смыслилъ въ этомъ. Но когда одинъ ораторъ опустился на мѣсто, онъ—всталъ. Спикеръ нарочно посмотрѣлъ на другого члена, который всталъ въ то же время. Когда тотъ кончилъ говорить, Мельмотъ опять всталъ. Еще разъ, спикеръ открылъ кого-то, кто хотѣлъ подняться и сталъ смотрѣть на того, что и дало тому право слова. Но когда и тотъ кончилъ—Мельмотъ всталъ въ третій разъ; потомъ въ четвертый. Наконецъ, никто другой не поднимался; спикеръ сдѣлалъ гримасу, взглянувъ на Мельмота, и прислонился къ спинѣ своего кресла. Желая выказать свою смѣлость, Мельмотъ рѣшился говорить; онъ былъ пьянъ; однимъ колѣномъ онъ упирался въ переднюю скамью. Но онъ самъ не зналъ, что говорить. Вдругъ онъ оступился впередъ; поправился, посмотрѣлъ вокругъ палаты и, еще разъ потерявъ равновѣсіе, упалъ головою внизъ на плечи одному изъ консервативныхъ вождей, сидѣвшему впереди его. Тотъ вскочилъ и хотѣлъ помочь пьяному. Но Мельмотъ поднялся скоро самъ, сѣлъ, надѣлъ шляпу, и попробовалъ смотрѣть такъ, какъ будто ничего особеннаго не случилось. Пренія шли дальше, безъ всякихъ мѣръ, потому что нѣтъ правила, какъ поступать въ палатѣ въ случаѣ пьянаго состоянія кого-либо изъ членовъ. Правила не предвидѣли этого. Около десяти минутъ Мельмотъ посидѣлъ еще, потомъ поднялся съ мѣста и пошелъ къ двери не совсѣмъ твердою поступью, но не натываясь ни на кого. У всѣхъ захватывало дыханіе въ ожиданіи, что что-нибудь случится. Но никто его не тронулъ; онъ прошелъ корридоры и сѣлъ въ свой экипажъ. Приѣхавъ домой, онъ отправился въ свой кабинетъ и велѣлъ подать себѣ еще коньяку и воды. Въ двѣнадцатомъ часу ночи, человѣкъ его вышелъ въ послѣдній разъ, оставивъ у него на столѣ бутылку коньяку, три или четыре бутылки содовой воды и ящикъ съ сигарами. Человѣку онъ даже не показался особенно пьянъ. Но въ девять часовъ слѣдующаго утра, служанка, войдя къ нему въ комнату, увидѣла, что онъ лежалъ на полу, мертвый. Онъ былъ пьянъ, но онъ сознавалъ свое положеніе, предвидѣлъ что должно было случиться, и повончилъ всѣ затрудненія дозою синильной кислоты.

Гетти Карбэри была нѣкоторое время несчастна вслѣдствіе предполагаемой невѣрности Поля Монтэгу. Но дѣло вскорѣ объяснилось, при помощи того же великодушнаго ея кузена, Роджера Карбэри. Онъ любилъ ее болѣе самого себя; онъ превозмогъ свое негодованіе противъ друга и рѣшился завѣщать свое имѣніе сыну Гетты и Поля Монтэгу, съ тѣмъ, чтобы онъ носилъ

имя Карбэри.—Дѣло матери и брата Генриетты устроилось такъ, что лэди Карбэри приняла вторично сдѣланное ей издателемъ «утренней» газеты, г. Броунъ, предложеніе, а сэръ Феликсъ Карбэри былъ отправленъ путешествовать — въ Берлинъ, подъ присмотромъ одного пастора, назначеннаго въ тамошнюю англійскую церковь; при этомъ деньги на содержаніе баронета были вручены пастору.

Мэри Мельмотъ жалѣла о потерѣ сэра Феликса горячо, но не долго. Капиталъ, внесенный на ея имя отцомъ, остался въ ея рукахъ. У нея осталось болѣе 100 тысячъ фунтовъ, которыхъ она была полной хозяйкой, такъ какъ по смерти Мельмота открылось, что мадамъ Мельмотъ рѣшительно не приходилась ей ничѣмъ. О происхожденіи самого Мельмота теперь стали говорить, что отецъ его былъ извѣстный дѣлатель фальшивой монеты въ Нью-Йоркѣ, ирландецъ, по фамилиі Мельмоди. Но Мэри не была законная дочь Мельмота, и капиталъ оставался при ней просто потому, что былъ положенъ на ея имя. Мадамъ Мельмотъ никакъ не могла понять, отчего весь уцѣлѣвшій капиталъ переходилъ такимъ образомъ въ руки одной Мэри; но та уступила ей всѣ притязанія на брилліанты, скрытые отъ конкурса, и это доставило вдовѣ утѣшеніе, хотя безъ всякаго сравненія меньшее, чѣмъ то, которое досталось дочери. Впрочемъ, вскорѣ явились и утѣшители. Фискеръ явился тотчасъ, когда узналъ о крушеніи компаніи, и сталъ распутывать дѣла, а вмѣстѣ сильно ухаживать за Мэри. Дѣла нельзя было распутывать безъ конторщика Мельмота, Кролля, и тотъ явился утѣшителемъ мадамъ Мельмотъ. Рѣшено было, что вдова и Кролля соединятся бракомъ. Фискеръ всѣхъ изъ уговорилъ ѣхать въ Америку; но мадамъ Мельмотъ и Кролля не хотѣли ѣхать далѣе Нью-Йорка, а Мэри соглашалась ѣхать съ Фискеромъ въ Калифорнію, но не давала ему рѣшительнаго отвѣта на его предложенія. Она очень хорошо понимала ходъ дѣла и цѣнила свою независимость.

— Истинная дочь своего отца,—замѣтилъ о ней Фискеръ въ разговорѣ съ Кроллямъ.

— Ахъ, да! — отвѣчала нѣмецъ: — но побольше его. Онъ увлекался и терялъ голову, и лопнулъ отъ своего величія.

При этомъ Кролля жестомъ изобразилъ лягушку, надувающуюся до размѣровъ вола.

— И лопнулъ, г. Фискеръ. Онъ былъ большой человекъ, но чѣмъ больше онъ дѣлался, тѣмъ дѣлался менѣе и менѣе благоразуменъ. Онъ ѣлъ такъ много, что отъ жиру не могъ уже послѣ видѣть, съѣдалъ ли онъ каждый день нужную порцію.

Такъ анализировалъ герръ Кролля характеръ своего хозяина.

— Но мадмуазель,—а, она не такъ. Она никогда слишкомъ много не скушаетъ, но покушаетъ всегда.

Такъ анализироваль онъ характеръ хозяйской дочки.

— Гораздо благопріятнѣе для васъ, миссъ Мельмотъ, будетъ вѣхатъ въ Сантъ-Франциско въ качествѣ замужней дамы или по крайней мѣрѣ дамы, уже давшей слово,—уговариваль Фисверъ.

— Развѣ незамужнія не пользуются уваженіемъ въ Калифорніи?

— Не то. Послушайте, миссъ Мельмотъ, вѣдь вы знаете, что я хочу сказать.

-- Знаю.

— Соединимъ свои судьбы на жизнь. Оба мы благополучно устроились. Я издерживаю 30,000 долларовъ въ годъ, живу въ собственномъ домѣ. Вы все увидите. Съ тѣмъ, что у меня есть и съ тѣмъ, что у васъ есть, мы можемъ ступать ногой за кѣмъ угодно,—такъ я предполагаю.

— Я ужь видѣла нѣчто въ этомъ родѣ, г. Фисверъ. Я не намѣрена ступать ногою туда, откуда нельзя ее вынуть обратно.

— Этого вы отъ меня не бойтесь, миссъ Мельмотъ. Я не буду имѣть права, по нашимъ законамъ, тронуть одного доллара изъ вашихъ денегъ. Такое торжество было бы вѣхатъ въ Франциско женой и мужемъ!

— Я не рѣшусь выдти замужъ, пока не осмотрюсь тамъ хорошенько.

— И не увидите дома? Ну,—въ этомъ есть резонъ. Только домъ есть, въ этомъ будьте увѣрены. И я не боюсь насчетъ того, что домъ вамъ навѣрное понравится. Наконецъ, какъ же вы однѣ будете въ Сантъ-Франциско? О, миссъ Мельмотъ, я питаю къ вамъ такое чувство!

— Такъ я скажу вамъ, мы вотъ какъ сдѣлаемъ: вы можете считать себя моимъ женихомъ.

— Я, счастливѣйшій человекъ на этомъ континентѣ! — воскликнулъ Фисверъ, забывая, что онъ еще не въ Америкѣ.

— Но,—продолжала Мэри: — если по приѣздѣ въ С.-Франциско я найду какой-нибудь поводъ измѣнить свое рѣшеніе, я измѣню его. Вы мнѣ довольно нравитесь, но я не хочу сказать куда-нибудь въ потемкахъ.

— Вѣрно, вѣрно; совершенно такъ.

Объ пары отплыли 3-го сентября изъ Ливерпуля въ Нью-Йоркъ. Вскорѣ по прибытіи въ Сантъ-Франциско, Мэри вышла за Фисвера.

Л. А — в ъ.

ПО СЕЛАМЪ И ЗАХОЛУСТЪЯМЪ

ДЕРЕВЕНСКІЕ РАЗСКАЗЫ О. ЗАВЫТАГО.

VIII *).

Чтець, пѣвецъ и свѣщеносецъ.

I.

Антонъ Герасимычъ—человѣкъ «родовитый». Отець его былъ въ одномъ уѣздномъ городѣ протоіереемъ и, такъ-называемымъ, присутствующимъ. Въ уѣздѣ его считали весьма умнымъ и ученымъ «батушкой». Онъ хорошо зналъ древніе языки и изъ новыхъ—французскій и нѣмецкій; часто говорилъ возвышенныя проповѣди, имѣлъ свою бібліотеку и любилъ читать книги. Особенное уваженіе и даже удивленіе къ себѣ онъ возбуждалъ тѣмъ, что на храмовые праздники рассылалъ нѣкоторымъ изъ своихъ товарищей по курсу пригласительныя письма на еврейскомъ языкѣ. Но несмотря на такія достоинства, отецъ Герасимъ былъ совсѣмъ бесполезенъ для семьи. Его отношенія къ своимъ дѣтямъ были какія-то странныя, дикія. Вотъ какъ Антонъ Герасимычъ самъ послѣ рассказывалъ о своемъ воспитаніи.

«Тянька мой, царство ему небесное, былъ умный человекъ,—ухъ, умный!—а чудакъ, и—Господи,—какой чудакъ! Онъ у насъ жилъ въ кабинетѣ, всегда въ кабинетѣ. Запретса тамъ

*) См. выше: май, 217; июнь, 786 стр.

и сидить—читаетъ, все читаетъ, все читаетъ, день и ночь читаетъ. Туда ему носили чай, тамъ онъ обѣдалъ и ужиналъ, тамъ и спалъ. Случится какая треба въ приходѣ,—сѣздить, и опять въ кабинетъ. Маменька моя и мы, дѣти, почти и не видали его, и боялись его, какъ звѣря лютаго. Бывало, кто скажетъ: тятенька идетъ,—мы всѣ отъ него въ рѣсыпъ, кто куда! И не любилъ же онъ насъ—страсть!—терпѣть не могъ. Бывало, выйдетъ изъ кабинета, а мы, не замѣчая его, вертимся въ залѣ: онъ бацъ въ затылокъ—то того, то другого! Чертенята, скажетъ, этакіе! Чтобы вашего духу здѣсь не было!... И пойдетъ; а мы ухватимся за затылки, и—со всѣхъ ногъ—въ кухню. Ничему-то онъ насъ не училъ, какъ есть ничему. Всѣхъ насъ повучила грамотъ маменька, да и то тайкомъ. Бывало, залѣзешь съ часословомъ въ кухню, на палати, и учишься, а маменька—сама страпааетъ, а сама подсказываетъ мнѣ. Разъ, сижу я такъ-то на палатахъ, вдругъ, откуда ни возьмись, тятенька.—Антошка, что ты дѣлаешь?—«Ничего, тятенька».—Врешь, говорить, ты что-то дѣлаешь.—«Часословъ,—говорю,—читаю».—Я тебѣ,—говорить,—дамъ часословъ... и ушелъ. Однажды только, помню, тятенька былъ отчего-то веселъ, очень веселъ. Это было ночью. Ночь была свѣтлая, тихая. Вотъ тятенька вышелъ къ намъ и говоритъ: «ребята, пойдѣте на дворъ». Мы стоимъ. «Чего-жъ вы,—говорить,—пойдѣте». Мы пошли, а сами прячемся другъ за друга, думаемъ: «багюшки, что это онъ хочетъ съ нами дѣлать»... Только мы вышли на дворъ-то, тятенька и говоритъ: «смотрите, ребята, на небо». Мы стали смотрѣть на небо. И началъ намъ тутъ тятенька объяснять насчетъ неба, какая звѣзда какъ называется, отчего млечный путь, и долго, долго объяснял... А на другой день опять колотить... Пришло время меня везть въ школу. Тятенька, сердитый-сердитый, отвезъ меня въ К., написалъ и съ тѣхъ поръ ни разу не ѣздилъ ни со мной, ни за мной,—а все, бывало, маменька. И плохо же мнѣ было жить! Протопоцскій сынъ, а разуть, раздѣтъ былъ, книгъ у меня почти не было. И стали меня сѣчь, то и дѣло, бывало, сѣкутъ. А тутъ тятенька померъ; взяли меня на казенное—и еще хуже мнѣ стало. Началъ я бѣгать изъ училища. Маменька, бывало, поколотила меня и поведетъ пѣшкомъ опять въ К. Дарить смотрителя ей было нечѣмъ, кромѣ утиральниковъ, да книгъ отцовскихъ. Всѣ книги и утиральники она передарила смотрителю, а меня все дерутъ и я все бѣгаю домой. Тринадцать разъ бѣгалъ! Какъ стали меня ребята дразнить: «тринадцатиразный бѣглякъ»,

я и говорю маменькѣ: «исключите меня, что-жъ тутъ?».. Она погоревала, погоревала — и исключила»...

II.

Получивъ желанное увольненіе, «тринадцатиразный бѣгль» очутился на распутіи. Цѣлую недѣлю просидѣлъ онъ на печи у матери, придумывая для себя родъ жизни и дѣятельности.

— Въ солдаты пойду, — выкрикивалъ онъ изъ своего темнаго уединенія, послѣ долгаго молчанья. — Буду маршировать разъ, два! Дослужусь до офицера, а тамъ и въ генералы; приѣду домой вотъ съ этакими эполетами!..

— Дуракъ, — произносила мать, заложивъ чулочную спицу за ухо и поглядывая на печку черезъ громадные, двадцатипятипятичные очки: — а какъ убьютъ на войнѣ, что ты тогда будешь дѣлать?

Антоша, не предусмотрѣвшій возможности такого казуса, синовился втупилъ, но только на время. Черезъ нѣсколько минутъ услужливое и плодовитое воображеніе рисовало ему ужъ другую картину будущности, не менѣе привлекательную, и онъ выкрикивалъ:

— Въ мужики пойду! Буду воздѣлывать землю, продамъ хлѣбъ, заведу постоянный дворъ, разбогачю и знать ничего не захочу.

— Оглашенный, что ты болтаешь? — снова возражала мать: — ну, что хорошаго ты нашелъ въ мужичествѣ? Мужикъ, какъ бы онъ богатъ ни былъ, все мужикъ; сиволапый да сиволапый, — только ему и чести. Какъ ты ни верти, лучше, благороднѣе и шего званья нѣтъ. У насъ и къ храму, и къ престолу божьему близко: удобнѣе и родителей поминать, и самому спасеніе пріобрѣсть. Ты выкинь изъ головы всякую пустошь и ступай ко мнѣ; прослезись и упади ему въ ноги: молю, ваше преосвященство, пристройте меня къ престолу божьему. Получишь ты и стечко въ своемъ званіи и успокоишь мою старость. Вотъ тебѣ мой совѣтъ. Лучшаго тебѣ ничего не придумать.

Антонъ Герасимычъ принялъ совѣтъ матери, но не могъ сразу обуздать разыгравшагося воображенія. Ворочаясь на печь съ боку на бокъ, онъ нѣсколько времени продолжалъ еще выражать себя въ различныхъ роляхъ: въ роли сапожника, приказнаго и т. п. Наконецъ, глубоко вздохнувъ, какъ-бы послѣ продолжительнаго, тяжелаго труда, онъ произнесъ: «преосвящен-

нѣйшій владыка... Господи... хоть бы, по крайности, въ городъ куда-нибудь»...

III.

Въ лѣто 18.., мая 13-го дня, протоіерейскій сынъ, Антонъ Герасимовъ, былъ посвященъ «въ чтеца, пѣвца и свѣщеносца» къ Покровской церкви города К., со взятіемъ въ замужество дочери умершаго той же церкви пономаря, Коблучкова. вмѣстѣ съ Серафимой Ивановной Антонъ Герасимычъ унаслѣдовалъ отъ своего предмѣстника крошечный полуразвалившійся домишка. Домишка этотъ находился въ одномъ изъ самыхъ глухихъ переулковъ города и помѣщался по сосѣдству съ самымъ жалкимъ мѣщанствомъ. Группа мѣщанскихъ домишекъ бѣжала по косогору въ глубокую пропасть оврага, а домикъ Антона Герасимыча, какъ-бы сознавая привилегированное положеніе своего владѣльца, выступалъ изъ линіи своихъ «подлыхъ» сосѣдей и конфузливо и стыдливо прятался за заборомъ на дворѣ. Какъ-бы въ отмщеніе за такую горделивость привилегированнаго домишка, сосѣдніе ребяташки постоянно изукрашивали заборъ Антона Герасимыча злостными эпиграммами. На заборѣ его постоянно красовались сдѣланныя мѣломъ крупныя, безграмотныя надписи, въ родѣ слѣдующей: «ресторация, которая продающа щи сквозятеной». Антонъ Герасимычъ злился, негодовалъ на такое поношеніе, и каждый день преусердно стиралъ ветошкой или мочалкой компрометирующія надписи; но злокозненныя надписи, какъ-бы по дѣйствию магической силы, каждое утро появлялись снова на привилегированномъ заборѣ. Потерявъ терпѣніе, Антонъ Герасимычъ, наконецъ, плюнулъ и пересталъ принимать мѣры противъ наглаго поношенія. Выходя изъ дома и созерцая ненавистныя надписи, онъ каждый разъ ограничивался только ворчаньемъ: «у, дьяволы! Самимъ бы вамъ подавиться этими щами!...»

Домикъ Антона Герасимыча занималъ весьма ограниченную территорію, точно онъ помѣщался не въ обширной Россіи. Весь домъ его занималъ не болѣе восьми квадратныхъ аршинъ. Онъ раздѣлялся на двѣ половины крошечными сѣнями. Собственно такъ-называемые покои Антона Герасимыча до того покосились на бокъ, что ведущая въ нихъ изъ сѣней дверь, казалось, не навѣшена была на петли, а приставлена къ притолкамъ подъ косымъ угломъ. Для сбереженія тепла въ комнатахъ въ холодное

время, хозяинъ набилъ на эту дверь безчисленное множество тряпокъ, влоковъ дерюги, рогожки и войлока, вслѣдствіе чего дверь сильно распухла и страшно отяжелѣла. Большія усилія требовались со стороны посѣтителя, чтобы эту укутанную дверь оттянуть отъ притоковъ на требуемое для прохода въ комнату разстояніе. Но за то, когда посѣтитель начиналъ притворять дверь за собою, то она съ такимъ усердіемъ и съ такою быстротою спѣшила сберечь своему владѣльцу тепло, что неопытнѣе и оплотнѣе гость, не успѣвшій во-время принять мѣръ предосторожности, рисковалъ сдѣлать хозяину визитъ съ подшибленными или ободранными пятками. Внутренность покоевъ Антона Герасимыча раздѣлена была худенькими ширмами на три отдѣленія. Одно изъ нихъ занимала широкая, скрученная веревками, кровать счастливой четы; въ другомъ помѣщались два сундука на которыхъ квартировалъ деревенскій мальчишка, Кузьмъ, отданный Антону Герасимычу въ наученіе книжное; въ третьемъ находились: столъ, большой высокій сундукъ, накрытый дерюгой и узурпаторски присвоившій себѣ значеніе дивана, три ширинихъ, неокрашенныхъ стула и низенькая сямеечка. Вотъ все комфортъ такъ-называемыхъ покоевъ Антона Герасимыча. Но, кромѣ этихъ покоевъ, у Антона Герасимыча была еще по другой сторону сѣней горница, величиною съ гардеробъ, которая, всматриваясь на существованіе въ ней микроскопической печки, называлась холодною,—вѣроятно потому, что квартировавшій въ ней за полтинникъ въ мѣсяцъ приказный хотя и прибавлялъ въ свою печку къ тремъ полѣнамъ хозяйскихъ дровъ нѣкоторое количество черновыхъ бумагъ и разнаго хлама, подобраннаго въ улицѣ, но все-таки долженъ былъ кутаться въ шинель и упрямиться въ сережкѣ зубы.

IV.

Антонъ Герасимычъ былъ хозяинъ образцовый,—хозяинъ во всѣ руки. Дрова онъ покупалъ всегда самъ, покупалъ всегда во время и всегда выгодно; кололъ ихъ на мельчайшія плашки также самъ, и затѣмъ выдавалъ плашки, какъ жемъ, такъ и квартиранту, по счету изъ-подъ замка. Замѣтитъ ли Антонъ Герасимычъ, что крыша протекаетъ въ какомъ-либо мѣстѣ—сейчасъ подыщетъ подходящую дощечку или щепочку, взгромоздится на чердакъ и мигомъ заложитъ предательскую дырку. Пойдетъ дождь,—Антонъ Герасимычъ послѣдитъ на чердакъ, сядетъ пор

своей недавней заплатой и съ торжествомъ подтруниваетъ надъ бессильной передъ его изобрѣтательностью стихіей: «что, взять? взять? На-ка вотъ тебѣ! Не на того попалъ, братъ, шалишь!»—съ сладкой улыбкой приговариваетъ онъ, сидя въ темнотѣ на корточкахъ.—Распятается ли столъ, прогнѣетъ ли подоконникъ, или обѣленная печка неосторожно обнажитъ красные кирпичи,—все это бдительный глазъ хозяина усмотритъ, а искусная, дѣловая рука его возстановитъ, исправитъ и приведетъ въ благоустроенное положеніе. Ни сапоговъ себѣ, ни башмаковъ женѣ онъ почти никогда не покупалъ и не заказывалъ, а все изготовлялъ самолично. Мастерству этому онъ обучился благодаря счастливой случайности. Это обстоятельство такъ замѣчательно, что стѣбитъ рассказать о немъ съ нѣкоторыми подробностями. Сторожъ Покровской церкви, при которой Антонъ Герасимычъ состоялъ церковнослужителемъ, былъ какъ-бы по призванію сапожникъ и весь свой досугъ употреблялъ на изготовленіе обуви, часто никому ненужной и нигуда несбываемой. Его-то искусство и эксплуатировалъ Антонъ Герасимычъ. Онъ былъ порядочный знатокъ души человѣческой и весьма искусно сумѣлъ подѣйствовать на слабую сторону сторожа Савельича, чтобы воспользоваться его почти даровыми уроками. (Говоримъ: почти даровыми, потому что можно ли считать достаточнымъ вознагражденіемъ за драгоценные уроки Савельича то, что Антонъ Герасимычъ иногда давалъ ему изъ своей табакерки понюхать, или въ иной праздникъ угощалъ его въ ближайшемъ кабацкѣ рюмкой водки?) Антонъ Герасимычъ давно слышалъ про таланты Савельича, но приступилъ къ нему не сразу, а исподоволь, чтобы не показать и вида, что онъ въ немъ нуждается (о, да и хитеръ же былъ Антонъ Герасимычъ!) Разъ была *его недѣля*. Это значило, что Антонъ Герасимычъ, оставивъ своего товарища по службѣ въ покоѣ, долженъ былъ въ теченіе недѣли каждый день благовѣстить ко всѣмъ службамъ и, стоя на правомъ клиросѣ, что называется, въ одно горло и пѣть, и читать почти всю службу. Вотъ, въ одинъ зимній, морозный будній день Антонъ Герасимычъ, взявши у попа ключи, отправился благовѣстить къ ранней обѣднѣ. Благовѣсть къ ранней обѣднѣ полагался въ городѣ К. чрезвычайно рѣдкій, такъ что одинъ ударъ колокола слѣдовалъ за другимъ минуты черезъ три-четыре. Кромѣ того, въ будніе дни полагалось благовѣстить въ сторожевой колоколь, отъ котораго была протянута веревка къ двери церковной караулки; Антонъ Герасимычъ дернулъ за веревку, произвелъ на колокольнѣ ударъ и юркнулъ въ караулку. Савельичъ, обложенный принадлежностями своего мастерства,

зажавъ между колѣвъ новый сапогъ, вбивалъ въ его подошву деревянные гвозди.

— Холодно, Савельичъ, обогрѣй,—проговорилъ Антонъ Герасимычъ, кракнувъ и потерявъ руки.

— Добро пожаловать, отвѣчалъ Савельичъ, замахиваясь на сапогъ молоткомъ.

— О, да и знатную же вещь ты сготовилъ! Кому это? губернатору ли?

— Губернатору не губернатору, а не стыдно и ему надѣть, ежели не въ парадъ, то хоть для простого обихода.

— Да ужъ я тебя знаю: ты своей руки не испортишь. Золотыя у тебя руки, посмотрю я. Тебѣ развѣ здѣсь шить-то? Тебѣ бы по настоящему на главную улицу, подъ золотую вывѣску: молъ, Савелій Болотинъ! Да золотой сапогъ этакъ наотлетѣ, на желѣзномъ прутѣ... Вотъ какъ тебѣ по настоящему-то!

Сказавъ это, Антонъ Герасимычъ высочилъ изъ караулки, произвелъ новый ударъ и снова предсталъ передъ Савельича.

— Ты говоришь: золотыя руки,—самодовольно проговорилъ Савельичъ,—а ты думаешь, я родился съ этимъ мастерствомъ-то? Руки руками, а безъ собственнаго занятія тутъ ничего не подѣлаешь. Какъ возымѣлъ я непрестанное занятіе, вотъ и пошелъ. А то, братъ, нѣтъ... не дается. Мало ли изъ нашихъ теперь... какъ есть не при чемъ, хоть что хошь дѣлай; а все оттого, что въ занятію не способны.

— Да я вотъ, кажется, и очень способенъ,—вкрадчиво началъ Антонъ Герасимычъ, а безъ указанія ничего не могу проивзвестъ. Кажется, еслибы кто изъ опытныхъ мнѣ въ этомъ дѣлѣ указаніе сдѣлалъ, вѣкъ бы такого человѣка уважать сталъ!

— Да ты вотъ ходи ко мнѣ, смотри да и навывай,—серьезно проговорилъ Савельичъ, откладывая конченный сапогъ въ сторону. Какой еще такой человѣкъ тебѣ нуженъ, коли есть вблизи свой опытный? Мы свои; бываетъ, и ты мнѣ на что-ни-на-есть пригодисься.

Опять высочилъ Антонъ Герасимычъ изъ караулки; съ особенной энергіей дернулъ онъ обѣими руками за веревку и, торжественно понюхалъ табаку...

Послѣ обѣдни Антонъ Герасимычъ домой не пошелъ, а отправился въ караулку и началъ тамъ свои желанные уроки, впоследствии такъ пригодившіеся ему въ хозяйствѣ.

Бережливость Антона Герасимыча была вполнѣ достойна подражанія. Онъ обладалъ рѣдкимъ искусствомъ носить платье и обувь по вѣскодьку лѣтъ, мало того что безъ починки, но даже

сохраняя въ нихъ свѣжесть и блескъ только-что сдѣланной об-
новки. Расколется ли ручка у ножа, Антонъ Герасимычъ тотчасъ
вдѣляетъ череное въ новую ручку. Лишится ли чайная чашка
своей хрупкой ручки, Антонъ Герасимычъ и не подумаетъ изъять
безрукую чашку изъ употребленія, а заставитъ пить изъ нея до
тѣхъ поръ, пока она не обратится въ черепки. Одну безрукую
чашку Антонъ Герасимычъ даже предпочиталъ всякой новой и
особенно любилъ изъ нея пить чай. Это потому, что онъ видѣлъ
въ этой чашкѣ —

...Память лучшихъ дней
Жены теперешней своей,
Когда, наивна и мила,
Она невѣстою была...

Въ прозѣ это означаетъ то, что деликатная Серафима Ива-
новна, бывши еще невѣстою, подарила эту чашечку Антону
Герасимычу въ день его ангела.

V.

Антонъ Герасимычъ былъ не только хорошій хозяинъ, но и
любящій супругъ. Если и были у него съ супругою размолвки,
то большею частію изъ-за нѣкоторыхъ его слабостей, которыя
Антонъ Герасимычъ считалъ вполне извинительными, даже вовсе
почти не считалъ слабостями, но съ которыми Серафима Ива-
новна никакъ не могла примириться. Самою главною слабостію
его была *слабость къ приобрѣтенію злыхъ духовъ*, которыми
изукрашены были не только стѣны его покоевъ, но даже и
потолокъ. Тутъ можно было видѣть и бѣса, обвѣшеннаго тьевы-
цами и идущаго соблазнять міръ, и группу бѣсовъ, поджари-
вающихъ въ котлѣ вѣдму, и бѣса, держащаго въ своихъ объ-
ятіяхъ Іуду съ кошелькомъ, и бѣсовскій танецъ въ келии Исакія
затворника, и толпу бѣсовъ, грозящихся кулаками изъ чаши лѣса
на преподобнаго Сергія и проч. и проч. Не довольствуясь этою
роскошною декорациею своихъ покоевъ, Антонъ Герасимычъ каж-
дый базарный день старался приобрѣсти какого-нибудь еще «но-
ваго бѣса». Тутъ-то вотъ и происходили у него столкновенія съ
Серафимой Ивановной. Сдѣлавши на толкучкѣ желанное при-
обрѣтеніе, и предвидя со стороны супруги невѣзбѣжную оппози-
цію, Антонъ Герасимычъ, для ббольшей стойкости и свѣжести въ
предстоящей самозащитѣ, выпьетъ и, въ видахъ смягченія Сера-
фимы Ивановны, что-нибудь купить для нея (напримѣръ, гре-

бенку, половникъ или что-нибудь въ этомъ родѣ). Является онъ къ супругѣ, и начинается сцена.

— Вотъ я тебѣ, Серочка, половничокъ купилъ, — думаю: дай я ей что-нибудь по хозяйству...

— На что мнѣ твой половникъ? У меня есть.

— Дурочка ты этакая! Ну, — вдругъ расколется? Тогда, вѣдь, все равно надо покупать. А то вотъ онъ и есть, готовый. Надо смотрѣть впередъ.

— То-то впередъ!.. Я знаю, къ чему все это: небось опять за пазуху нечистой силы напехаль?

— Я, душечка, только одного...

— Такъ и есть! Тыфу ты, навожденье!..

— Очень ужъ хорошъ: никакъ нельзя было не купить. Посмотри-ка.

— Отойди ты отъ меня и вымой руки, а то и за столъ не пушу.

— Нѣтъ, ты посмотри: ей-Богу, у меня такого во всемъ домѣ нѣтъ. Крылышки колючіе, какъ у ерша, съ перепончикою, а отъ нихъ точно синій огонекъ, а морда точь-въ-точь какъ у нашего старосты. Это паче всего и прельстило меня, а то бы пожалуй и... тово...

— Грѣхпроводникъ! Какъ тебѣ не совѣстно? А еще христианинъ называешься... Добрые люди стараются стѣны-то честными иконами изукрасить, а онъ на нихъ нечисти налѣпилъ, да еще и любитъся! Да воскреснетъ Богъ и расточатся... Вѣдь ужъ въ комнатѣ-то страшно стало одной оставаться, а тебѣ все еще мало *илъ*... Чего оскалешься-то? Съ тобой говорить. — только языкъ свернуть, да еще нализавшись при этомъ...

— Ну, а ты молчи, чистая! Такихъ чистыхъ-то за хвостъ, да палкой... Наладила: нечистый, нечистый! Послушала бы ты, какъ объ этомъ умные люди толкуютъ, такъ иное бы понятие получила въ разсужденіи этого предмета. Я вотъ недавно ходилъ на семинарскую квартиру стричь одного богослова, такъ онъ объ этомъ понимаетъ совсѣмъ напротивъ, и очень вѣрно понимаетъ. Что ты, въ самомъ дѣлѣ, плюешь на нечистыхъ-то? Да кабы я былъ уменъ и хитеръ, какъ бѣсъ, я бы тогда всѣхъ въ мірѣ важныхъ людей пересоблазнилъ и себѣ подъ сапогъ подложилъ! Да! У меня бы тогда всѣ подъ мою дудку заплясали; я бы тогда выстроилъ такія хоромы, что дворянское собраніе наше имъ въ подметку не годилось бы. Да! Понавѣшалъ бы люстры на потолокъ — страсть! и у меня было бы такое воспаленіе, какъ

въ соборѣ на храмовой праздникъ. Да! А то: нечистый, нечистый... Тогда ты первая сказала бы: чистый... Да!..

VI.

Антонъ Герасимычъ былъ въ значительной степени артистъ и даже нѣсколько поэтъ. Купивши на толкучкѣ скрипку за три четвертака, онъ самоучкой выучился играть на ней и въ добрыя минуты, обыкновенно вечеромъ послѣ чаю, услаждалъ слухъ Серафимы Ивановны. Сядетъ онъ на сундукъ, положить ноги на скамеечку, склонить голову на бокъ и подъ собственный аккомпаниментъ запоетъ: Реку Бо-гу, реку Бо-о-о-огу-у-у... Э-эхъ, —

Черная галка,
Чистая полянка...
Ты же Марусенька черноброва
Чего не почувешь дома?..

Послѣднее слово Антонъ Герасимычъ вытянетъ отчаяннѣйшимъ фальцетомъ и откинетъ голову назадъ.

— О, да и скрипка же, — прелесть! — заключить онъ: — пяти рублей теперь за нее не возьму.

— Скрипка-то хороша, да скрипачъ-то безалаберный, — замѣтитъ Серафима Ивановна: — точно кто толкаетъ его съ божественнаго-то; ни одного духовнаго пѣснопѣнія до конца не допоетъ.

— Ну, ничего, ничего; ты только слушай, — успокоительно проговоритъ Антонъ Герасимычъ и продолжитъ свой винигретный концертъ.

Не рѣдко вдохновенная фантазія Антона Герасимыча проявляла свою дѣятельность въ созданіи каррикатуръ — на попа, на благочиннаго и т. п. Наболѣе удачныя на его взглядъ каррикатуры онъ приклеивалъ надъ своей постелей, и, ложась спать, острилъ съ супругою надъ изображенными имъ лицами.

Особенно любилъ Антонъ Герасимычъ каррикурировать своего сотоварища — дьячка Ѳедота Ивановича, по прозванію Ребусъ. (Прозваніе это дали Ѳедоту Ивановичу квартировавшіе у него семинаристы, имѣя при этомъ въ виду не что иное, какъ изъѣденную оспою фізіономію своего хозяина). Въ какихъ только видахъ не изображалъ его Антонъ Герасимычъ! Причина, по которой онъ изощрялъ свое остроуміе надъ Ѳедотомъ Иванычемъ, заключалась въ томъ, что Ѳедотъ Иванычъ былъ задорный со-

перникъ и непримиримый врагъ Антона Герасимыча. Собственно говоря, Федотъ Иванычъ былъ добрый человекъ, но какъ на солнцѣ есть пятна, такъ и въ этомъ добромъ человекѣ было нѣчто недоброе. Дѣло въ томъ, что Федотъ Иванычъ страдалъ хроническимъ насморкомъ и поэтому вообразилъ, что у него есть бась. Это бы еще ничего: всякій человекъ можетъ заблуждаться, но Федотъ Иванычъ мало того, что заблуждался, но — что важнѣе всего — гордился передъ Антономъ Герасимычемъ своимъ фиктивнымъ басомъ и часто поставлялъ ему на видъ свое превосходство передъ нимъ съ этой стороны. «Таковыя гордыни» Антонъ Герасимычъ никакъ не могъ перенести, ибо какъ супруга его, такъ и прихожане единодушно увѣряли его, что у него голосъ гораздо «прорѣзистѣе», чѣмъ у Федота Иваныча, хотя и Антонъ Герасимычъ, — сказать по правдѣ, — не страдалъ настоящимъ басомъ. Вотъ Антонъ Герасимычъ и взялся досаждать своему дерзкому сопернику всѣмъ, чѣмъ только могъ. Не довольствуясь карриатурами на него, Антонъ Герасимычъ задумалъ прижать его въ дѣлежѣ. У него съ Федотомъ Иванычемъ заключено было условіе дѣлить вѣнчальные *подножки* такимъ образомъ, чтобы отъ одной свадьбы пользовался подножками Антонъ Герасимычъ, а отъ другой Федотъ Иванычъ и т. д. Случилась въ ихъ приходѣ свадьба. Подъ ногами вѣнчающихся оказался платокъ. Свадьба кончилась. Начался дѣлежъ. Антонъ Герасимычъ схватилъ платокъ, принадлежащій, по условію, Федоту Ивановичу, и говорить:

— Не дамъ тебѣ одному платокъ; давай дѣлить каждыя пополамъ.

— Да какъ же дѣлить пополамъ платокъ? — возразилъ Федотъ Ивановичъ: — разорвешь его, что же изъ него выйдетъ?

— А мнѣ какое дѣло! Пополамъ, и кончено.

— Ну, рви съ угла на уголь: по крайности косынка выйдетъ.

— Не хочу съ угла на уголь, давай вдоль.

— Съ ума что ли ты сошелъ? Куда же мнѣ тогда влобъ платка-то дѣвать? Бросить?

— Ну, и брось.

— Такъ лучше ужъ возьми — подавись одинъ.

— Вотъ такъ-то лучше, — съ торжествомъ проговорилъ Антонъ Герасимычъ и спряталъ платокъ раздора за пазуху.

Долго потомъ Антонъ Герасимычъ вспоминалъ объ этомъ дѣлежѣ и отъ души хохоталъ надъ побѣжденнымъ противникомъ.

VII.

Когда Антону Герасимычу приходилось сходиться съ такими собратіями, между которыми онъ не видѣлъ себѣ соперниковъ, то не было предѣловъ его хвастовству и самодурству. Разъ онъ, измѣривъ своими стопами восьмидесятиверстное пространство, явился къ своему зятю, сельскому дьякону, на храмовой праздникъ. У дьякона первое мѣсто между гостями занималъ отецъ его, дьячокъ уѣзднаго города В. Дѣло было лѣтомъ. Почетный гость сидѣлъ въ святомъ углу, въ длинномъ ваточномъ суконномъ скюртукѣ. Страшная жара душила его, и онъ, тряся бортами разстегнутаго скюртука, метался въ стороны и въ волненіи бормоталъ: ой-ой-ой, Господи! Что-жъ это за жара такая, царица небесная!

Антонъ Герасимычъ, безцеремонно снявъ съ себя все, что обыкновенно снимаютъ съ себя люди только ложась въ постель, сидѣлъ возлѣ почетнаго гостя и помѣшивалъ ложечкой чай, наполовину разбавленный ромомъ.

— Стойте, молчите!—кричалъ Антонъ Герасимычъ:—съ бубенями ѣдутъ.

Всѣ стихли, но бубеней не оказалось. Черезъ минуту, Антонъ Герасимычъ, продолжая мѣшать ложечкой свой чай, снова остановилъ гостей тѣмъ же возгласомъ. Бубеней и на этотъ разъ не оказалось. Дѣло объяснилось тѣмъ, что Антонъ Герасимычъ, въ смутномъ состояніи своихъ мозговъ, принялъ звонъ ложечки въ своемъ стаканѣ за звукъ бубеней. Произошелъ всеобщій смѣхъ.

— Вы чего смѣетесь?—вскричалъ иллюзіонеръ.—Каждый изъ васъ что такое? Нуль, ничего больше. Ты, бородачъ, чего залѣзъ въ большой уголь? Не тебѣ, а мнѣ тамъ сидѣть. Я губернскій, и имѣю басъ. Ты думаешь, у меня нѣтъ баса? Есть, только я берегу его для свадьбы; а коли хочешь, и сейчасъ покажу.

Антонъ Герасимычъ всталъ изъ-за стола, выпрямился и завопилъ: «а ж-жена да боится своего-о-о му-у-ужа»...

Онъ до того плѣнился своимъ басомъ, что почти неумоляемо повелѣвалъ женѣ бояться своего мужа. Одна изъ племянницъ Антона Герасимыча приняла, наконецъ, мѣры противъ его горлодѣрства. Она взяла платокъ и, подсѣвши къ безпокойному дядѣ, затыкала ему ротъ при каждомъ покушеніи съ его стороны возгласить: «а ж-жена»...

Антонъ Герасимычъ окончательно терялъ равновѣсіе духа и крайне безалаберничалъ.

— Ваничка, душенька, вѣдь я тебя люблю, — обращался онъ въ почетному гостю; но, замѣтивъ на его лицѣ насмѣшливую улыбку, вдругъ перемѣнялъ тонъ. — О, рыжій дьяволъ! Чего же ты осклаеешься? Ты вспомни только, гдѣ ты живешь. Вѣдь ты живешь въ самомъ тухломъ городишкѣ. Я былъ тамъ; знаю его хорошо: двѣ церкви, одна улица, да два оврага. Зашелъ въ лавку вашего главнаго купца — тѣфу! — висятъ рукавицы, да двое возжишекъ въ нитку толщиной. Это у нихъ торговля! Я бы въ такомъ городишкѣ недѣли не прожилъ.

— Ну, вы, губернскіе! — поддразнилъ почетный гость. — Ужъ гдѣ найти такихъ лизоблюдовъ, какъ вы? Чуть крестикъ въ святцахъ — бухъ въ большой колоколь! Клиторша именинница — бухъ въ большой колоколь.

— А чтó-жъ такое, — защищался Антонъ Герасимычъ: — у насъ по крайней мѣрѣ есть во что бухнуть: колокола-то чисто московскіе. А у васъ самый скверный колоколишка, у ямщика изъ-подъ дуги украл. А служба-то у насъ! Съ вашей что ли сравнить? По нашему, напримѣръ: а ж-же-на-а-а-бба!...

Племянница Антона Герасимыча заплембировала при этомъ ему ротъ и обезобразила его возгласъ.

VIII.

Какъ ни странно было поведеніе Антона Герасимыча у родныхъ на праздникѣ, онъ не только не потерялъ ихъ расположенія къ себѣ, но, отправляясь домой, получилъ отъ нихъ даже весьма важное порученіе — поучить уму-разуму и привѣтить племянника, который вскорѣ долженъ былъ поступить въ духовное училище города К.

Наступилъ сентябрь. Племянника Антона Герасимыча, Стѣпу, привезли въ губернский городъ и помѣстили въ огромную семинарскую артель, неподалеку отъ дома дядюшки.

— Будь ты ему, пожалуйста, вмѣсто отца родного, — въ десятый разъ упрашивала Антона Герасимыча мать Стѣпы, сквозь слезы: — наставь, вразуми, присмотри за нимъ. Самъ знаешь, дитя на чужой сторонѣ...

— Толковать тамъ еще! — съ достоинствомъ проговорилъ Антонъ Герасимычъ: — главное — пусть слушается, да не грубитъ, а ужъ я свое сдѣлаю.

Мать уѣхала, Стѣпа заскучалъ... Кончили уроки — скучно. Вышелъ за ворота, — посидѣлъ на скамеечкѣ — скучно. Куда дѣваться? Отпросился къ дядѣ.

— Ну, что, Стѣпа, скучно? — спросилъ Антонъ Герасимычъ, поздоровавшись съ племянникомъ.

— Скучно, дяденька, — тихо проговорилъ Стѣпа, комкая въ рукахъ фуражку.

— А ты убѣги домой, — спокойно и серьезно проговорилъ Антонъ Герасимычъ, ковыряя въ носу. — Что тутъ за жизнь? Каждый день учишь, ходишь въ классъ, а тамъ еще накажутъ. Пожалѣть некому. Кормятъ плохо: щи да каша. А дома-то? Ты вспомни... Чай каждый день два раза, лепешки, пироги; маменька приласкаетъ; на улицѣ съ ребятами поиграешь. Какъ же можно сравнить? Убѣги да и все.

— Что ты болтаешь? Въ умѣ ли ты? — вступилась Серафима Ивановна: — самъ бѣгалъ — много набѣгалъ? И другимъ того же желаешь?.. Хорошо, у тебя своихъ-то дѣтей имѣть... Не слушай его, Стѣпа, не слушай, батюшка. Учишь изо-всѣхъ силъ, чтобы непременно быть священникомъ, а не прохвостомъ какимъ.

— А ты молчи, не мѣшай, — ограничилъ Антонъ Герасимычъ упруго: — онъ не тебѣ поручень, а мнѣ... Стѣпа, ты видѣлъ бѣсовъ? Посмотри-ка вотъ... хорошъ вѣдь? а? Это, братецъ ты мой, у него тыквницы понавѣшены.

Стѣпа мѣлкомъ взглянулъ на тыквницы и, заверывшись фуражкой, вдругъ зарыдалъ.

— Чего же ты, дурачокъ такой? — мягко заговорилъ Антонъ Герасимычъ: — ты мальчикъ умный. Ну, перестань. Перейдешь въ семинарію — штаны тебѣ подарю. У меня есть отличные штаны, овершненно новенькіе, только они мнѣ велики. А ты будешь тѣлоложенія виднаго, и они тебѣ какъ разъ тогда въ пору придутся. (а что тамъ штаны! Я тебѣ еще и картузь подарю, не такой, какъ у Федотки Ребуса (ты, вѣдь, знаешь Федотку Ребуса?) У него на козырькѣ-то семьдесятъ-семь воронъ усядутся; а у тебя козырекъ будетъ аккуратненькій и будетъ блестять, какъ зеркальце, точно лакомъ покрытый.

IX.

Но прежде чѣмъ успѣлъ Стѣпа дойти до семинаріи, въ жизни его дядюшки произошла весьма важная перемена, совершенно разрушившая впослѣдствіи его убогое благосостояніе. Антонъ Герасимычъ почему-то внезапно позавидовалъ зажиточности сельскаго духовенства и рѣшилъ, во что бы то ни стало, перейти въ село, несмотря на сопротивленіе Серафимы Ивановны. Случай представился, и Антонъ Герасимычъ, уложивъ въ сундукъ всѣхъ своихъ вѣчныхъ духовъ, отправился на невѣдомое, но заманчивое новоселье.

Въ сельской глуши Антонъ Герасимычъ предался несчастной слабости, частію отъ тоски, частію отъ неудачъ, какія онъ терпѣлъ вслѣдствіе своего невѣжества въ сельскомъ хозяйствѣ. Боясь потерять мѣсто, онъ всячески старался подслужиться своему пону и почти закрѣпостился у него въ работники.

Между тѣмъ годы шли своимъ чередомъ. Стѣпа перешелъ въ семинарію. У новаго настоятеля Антона Герасимыча подростокъ сынъ и его положено было отвезти въ училище. Антонъ Герасимычъ вздумалъ воспользоваться этимъ обстоятельствомъ для своихъ видовъ и порекомендовалъ своего племянника пону въ репетитору для его сына...

Въ одно осеннее послѣ-обѣда, Антонъ Герасимычъ вмѣстѣ съ своимъ священникомъ и его мальчуганомъ явился въ квартиру Стѣпы, ставшаго уже Степаномъ Семеновичемъ.

Поздоровавшись съ племянникомъ, Антонъ Герасимычъ началъ рекомендовать ему своего настоятеля.

— Это вотъ... его высокоблагословеніе, нашъ батюшка..

— Священникъ села Звѣробойка, Иванъ Васильевичъ Стручковъ—свороговорною докончило высокоблагословеніе.— Ваше имя и отчество?

— Степанъ Семеновичъ.

— Вотъ, Степанъ Семеновичъ, мой сыночекъ (доклонись, Вася!) котораго я желалъ бы... къ вашему покровительству.

— Извольте, извольте,—съ удовольствіемъ.

— Я человекъ... какъ видите... Вотъ и Антонъ тоже... Герасимычъ Антонъ тоже засвидѣтельствуетъ. Мы съ нимъ такъ, что... онъ то и дѣло ко мнѣ. Возьмите въ особенное вниманіе Васю моего, чтобы онъ не зашалился и къ дѣлу былъ бы внимательнѣе.

— Да ужъ вы, ваше благословеніе, не беспокойтесь,—вмѣ-

пался Антонъ Герасимычъ: — онъ вамъ мальчика стготовить въ лучшемъ видѣ, такъ что и не узнаете, — вотъ какъ стготовить! Вы положитесь на меня. Вѣдь Степанъ-то мой; я его и воспитать-то, можно сказать... Стѣпка, слыпинь? — неожиданно строго проговорилъ онъ, обратившись къ племяннику: чтобы было все въ лучшемъ видѣ, иначе я тебя, мерзавца, хуже этого картуза сдѣлаю!

И Антонъ Герасимычъ съ ожесточеніемъ смялъ въ кулакѣ свой засаленный картузъ.

Степанъ Семеновичъ почувствовалъ себя весьма неловко. Отецъ Иванъ постарался сдѣлаться какъ можно болѣе любезнымъ къ нему и затѣмъ поспѣшилъ удалиться, утащивъ съ собою и грознаго дядю его.

Х.

Прошло нѣсколько лѣтъ. Степанъ Семенычъ, кончивъ курсъ въ семинаріи, поступилъ въ академію. Вспомнилъ онъ какъ-то своего дядюшку и послалъ ему любезное письмо съ своей фотографической карточкой. Антонъ Герасимычъ расчувствовался и сочинилъ племяннику отвѣтное посланіе.

«Пречистый твой образъ, — писалъ онъ ему, — я получилъ и возрадовался, и поклоняюсь ему. Только, судя по худощавости образа сего, хочу тебѣ по родству внушить замѣчаніе, въ разсужденіи твоего здоровья, а также и твоихъ занятій. Къ чему ты такъ убиваешься надъ наукой? Попалъ въ свое мѣсто, и дождайся своего высокаго рѣшенія. Твое отъ тебя теперь ужъ не уйдетъ. Вѣдь я знаю тебя съ училища еще. Ты, должно быть, и теперь такъ же, какъ и тогда: съ воскресенья готовишь уроки на среду. Ну, къ чему это? Ты подумай: сколько бы ты ни учился, Богомъ не будешь, и царемъ не будешь; стало быть, и толковать нечего. А здоровье вещь важная, — я по себѣ сужу! Я вотъ у попа надъ дровами какъ вѣдь себя насадилъ — страсть. Утромъ насилу встанешь. Не могу ужъ и стихи сочинять. Вотъ теперь письмо-то тебѣ стихами бы слѣдовало, а не могу. Въ селѣ только и сочинилъ одинъ стихъ:

У попа нашего псовъ,
Что у меня въ избѣ бѣсовъ.

Душевный дядя твой Антонъ Вороновъ».

Незадолго до окончанія курса въ академіи, Степанъ Семеновичъ получилъ отъ дяди еще письмо, написанное самымъ жалостнымъ и униженнымъ тономъ.

«Возлюбленный мой Степанъ Семеновичъ! — вѣнчалъ Антонъ Герасимовичъ:— скоро ты придешь въ своему концу. Сподобяйся, голубчикъ, сподобяйся. Времена тяжкія, — въ кому мы приближимся? Помнишь, какъ я бывало... съ тарелочкой обойду по церкви, сейчасъ и суну тебѣ копѣечку. Ну, да что объ этомъ толковать? Мы свои; отчего и не подѣлиться, когда есть чѣмъ?.. А погнѣмя меня пуще прежняго нагнетаетъ, не взирая на то, что я у него и дрова колю, и воду ношу и прочее дѣлаю. Все грозитъ, по случаю неисправности, донести. Господи, Господи! Лучше бы я въ мастеровые... Это меня все маменька тогда... царство ей небесное! Къ престолу, говорить, ближе; вотъ и приблизился: какъ Іовъ на гноищѣ сижу. Жена здорово хвораетъ, того и гляди— къ маменькѣ отправится. Да ужъ и мнѣ, должно быть, скоро. Не забудь въ царствіи своемъ сокрушеннаго и смиреннаго дядю твоего Антона».

Черезъ полгода Степанъ Семеновичъ узналъ, что дядя его умеръ у попа въ сараѣ, «отъ нетрезвости», и что Серафима Ивановна отправилась «къ маменькѣ» нѣсколькими недѣлями ранѣе своего супруга.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-е декабря, 1875.

Взятка прежде, и взятка теперь.—Московскій Ссудный банкъ, и акцизное дѣло въ виленской губерніи.—Отчетъ Публичной бібліотеки за 1874 г.—Поѣздка министра народнаго просвѣщенія на югъ.—Дѣла въ Коканѣ.—Сообщенія «Правительственнаго Вѣстника», и дѣйствія Англіи въ Египтѣ. — Кончина В. К. Чевкина.

Современный русскій прогрессъ, какъ еще всѣмъ памятно, начался съ весьма невиннаго дѣла, — съ обличенія взятокъ. Это было уже давно, гдѣтъ восемнадцать тому назадъ, а пожалуй и больше, если включить въ нашу эпоху Гоголевскаго „Ревизора“. О пользѣ гласности заговорили прежде всего въ примѣненіи къ обличенію взяточничества, и первое употребленіе гласности было сдѣлано именно съ этой цѣлью. Повторяемъ,—это было давно, или кажется намъ давно, потому что мы пережили съ тѣхъ поръ нѣсколько умственныхъ поворотовъ. Какъ отдаленно представляется намъ теперь то время, когда Шедо-Ферротъ издалъ свою брошюру о „злоупотребленіяхъ и неспособности въ администраціи“, и когда комедія „Свѣтъ не безъ добрыхъ людей“ имѣла огромный успѣхъ. Самыя цѣли тогдашняго обличенія кажутся намъ нынѣ устарѣлыми, онѣ объявлены были впоследствии мелкими и вышли изъ моды. Одной причиною тому было нѣкоторое самооболащеніе добросовѣстной русской печати, предположившей, что она призвана къ болѣе видной роли, что для нея возможно непосредственное вліяніе на болѣе важныя дѣла. Но другой причиною было то обстоятельство, что просто всѣмъ надобно обличеніе взяточниковъ мелкихъ.

Произведены были реформы, изъ которыхъ первою по времени была отмена откуповъ и введеніе акцизной системы сбора съ питей. Общество торжествовало успѣхъ; напрасно приверженцы стараго режима съ злорадствомъ повторяли слова Канкринна Киселеву при учрежденіи отдѣльнаго министерства государственныхъ имуществъ:

„такъ вы людей возьмете себѣ въ чиновники, а я, батюшка, полагаю, что вы возьмете ангеловъ“. Общество имѣло право торжествовать, радоваться само за себя: нашлись не ангелы, но люди порядочные для акцизной реформы, и она вполне удалась; далѣе, при осуществленіи величайшей изъ реформъ, нашлись еще порядочные люди — первые мировые посредники, которые честно и правильно поставили это дѣло, отбросивъ всякій сословный эгоизмъ. Общество радовалось за себя, радовалось такому свидѣтельству, что въ немъ сохранились элементы нравственного здоровья, несмотря на давній періодъ застоя. Съ благодарностью вспоминались свѣтлыя имена передовыхъ писателей, которые въ трудное время обязательнаго безмолвія или иносказанія сумѣли поддержать хоть въ нѣкоторой части русскаго общества стремленіе къ свѣту и правдѣ, стремленіе, которое спасло отъ полной деморализаціи цѣлое поколѣніе.

Но вотъ чрезъ русскую жизнь прошла новая пора условій, несовсѣмъ благоприятныхъ для того, чтобы мысль, однажды прояснившаяся, могла созрѣть и окрѣпнуть въ прочное, цѣльное и бесспорное общественное мнѣніе. Пора эта принесла свои разочарованія, смутна чистый потокъ юной общественной мысли; доказала однимъ, что многое, о чемъ они мечтали, невозможно; другимъ, что возможно лишь то, о чемъ и мечтать не стоить; третьимъ, что при такихъ обстоятельствахъ вѣрнѣйшее средство для всяческаго успѣха во всякой карьерѣ есть фальшивый либерализмъ на языкѣ, съ бюрократизмомъ въ душѣ, служеніе общественному дѣлу на словахъ, и подставленіе ему всякихъ тормазовъ въ дѣйствительности, честность въ рѣчахъ, а на дѣлѣ набиванье своего кармана такимъ образомъ, чтобы и „вѣшность сохранить, и капиталъ приобрести“. Такому подготовительному настроенію какъ нельзя болѣе соотвѣтствовало те развитіе барышничества и спекуляціи всякаго рода, которое было вызвано быстрою постройкою желѣзныхъ дорогъ, до 15-ти тысячъ верстъ, въ какія-нибудь семь лѣтъ, созданіе многихъ цѣнностей, особенно удобныхъ для спекуляціи, и умноженіе бумажныхъ денегъ, которое, производя дороговизну, наталкивало людей какъ-бы насильно на побочные пути, и вмѣстѣ, по экономическому закону, вызывало въ жизни множество промышленныхъ предпріятій, преимущественно спекулятивнаго характера. Въ самомъ дѣлѣ, промышленность производительнымъ развивалась въ Россіи за это время безъ всякаго сравненія медленнѣе и туже, чѣмъ концессионное дѣло съ учрежденіемъ акціонерныхъ обществъ, или торговля бумажными цѣнностями и банковое дѣло, на половину опирающееся на помощь государственнаго банка, на четверть — на призраки, и только, быть можетъ, на одну четверть — на собственные капиталы.

Къ какимъ же нравственнымъ результатамъ пришли мы теперь, мы, которымъ вопросъ „о взяткахъ“, поднятый 18-тъ лѣтъ тому назадъ, кажется устарѣлымъ, мелкимъ, не заслуживающимъ и воспоминанія, какимъ-то смутнымъ преданіемъ изъ нашей дѣтской комнаты? Официальными заявленіями при новомъ преобразованіи учреждений по крестьянскимъ дѣламъ, въ прошломъ году, положительно удосто-вѣрено, что „первыя“ мировыя посредники было гораздо лучше вторыхъ и послѣднихъ; судебными преніями въ виленскомъ судѣ въ истекшемъ мѣсяцѣ выяснено, что „старые“ дѣятели по акцизному управленію были лучше новыхъ. А что мы въ октябрѣ видѣли въ одномъ изъ московскихъ банковъ, какое мнѣніе читали мы въ ноябрѣ, высказанное въ „Русскихъ“ и „Московскихъ“ вѣдомостяхъ недавно еще избраннымъ городскимъ головой Москвы, г. Шумахеромъ? Мы видѣли, что всѣ члены совѣта московскаго ссуднаго банка и два члена правленія были привлечены къ слѣдствію по уголовному обвиненію; что до 31-го октября потерпѣвшихъ отъ ихъ дѣйствій лицъ оказалось уже 598 человекъ, и убытокъ ихъ исчисляется въ болѣе 4¼ милл. рублей. Мы читали, что московскій городской голова, узнавъ объ опасномъ положеніи банка, въ которомъ онъ былъ членомъ совѣта, не только поспѣшилъ взять изъ него около 140 т. р. изъ своихъ вкладовъ на текущемъ счету, не только считалъ возможнымъ воспользоваться свѣдѣніемъ, какое онъ получилъ, какъ членъ совѣта, о положеніи дѣлъ банка, чтобы вынуть изъ него три-четверти своего капитала, въ то время, когда другіе вкладчики *не знали* о положеніи банка,—но еще объявляетъ такое дѣйствіе вполне дозволеннымъ, оправдываетъ себя тѣмъ, что оно не запрещено положительнымъ закономъ, увѣряетъ, что это дѣло „совершенно невинное“; что членъ совѣта—такой же вкладчикъ банка, какъ и всякій другой; что если при этомъ могъ быть вредъ для кого-нибудь, то „развѣ только другимъ вкладчикамъ банка (которые ничего не знали), то-есть такимъ лицамъ, отъ которыхъ онъ (г. Шумахеръ) никакого полномочія не имѣлъ“. Человекъ, который былъ облеченъ довѣріемъ не только акціонеровъ банка, но всего московскаго городского общества, человекъ, котораго должно во всякомъ случаѣ считать однимъ изъ виднѣйшихъ представителей всего русскаго общества, проповѣдуетъ такую мораль; онъ, членъ совѣта съ окладомъ, оправдываетъ себя въ катастрофѣ банка полнымъ *незнаніемъ* его операций до 5-го октября и неучастіемъ своимъ въ теченіи цѣлаго года въ періодическихъ ревизіяхъ; а тотъ фактъ, что затѣмъ *знае* свое онъ употребилъ прежде всего для того, чтобы вынуть три-четверти своихъ вкладовъ, объясняетъ такъ: „такое дѣяніе никакимъ закономъ (!) не преслѣдуется по той простой причинѣ, что въ немъ нѣтъ не только ничего преступнаго, но и пред-

осудительнаго". Если *такой* человекъ думаетъ оправдать себя *такими* соображеніями передъ тѣмъ обществомъ, котораго онъ служилъ представителемъ, то какаго же онъ мнѣнія о нынѣшнихъ нравственныхъ возрѣніяхъ русскаго общества? Какаго мнѣнія мы сами должны быть о себѣ въ виду такихъ фактовъ?

Оставимъ въ сторонѣ приведенные примѣры. Каждому изъ насъ могутъ быть извѣстны другіе сходные, не менѣе краснорѣчивые, но пока еще не удостовѣренные гласно. Что такое вообще *дѣла*, въ настоящій моментъ русской жизни, какъ смотритъ на *дѣла* большинство людей, которые ими занимаются? Струсбергъ, говорятъ, въ управѣ благочинія упоминалъ о какихъ-то 40-ка процентахъ. Но кому же неизвѣстно, что негласные проценты бываютъ у насъ нынѣ *въ большинствѣ дѣла*. Для всякаго дѣла, при началѣ его, и потомъ во всѣхъ его фазахъ, нужно содѣйствіе лица или лицъ съ капиталомъ, и лица или лицъ со значеніемъ. Послѣднія у насъ необходимѣе, чѣмъ гдѣ-либо. Какъ приобретается то и другое содѣйствіе? Не отнесется ли затѣвающій или ведущій дѣло прямо въ правленіе банка съ предложеніемъ принять участіе въ дѣлѣ, могущемъ дать этому банку выгоды? Не пойдетъ ли онъ прямо къ главному начальнику—объяснять ему пользы, могущія послѣдовать для государства или мѣстности отъ предлагаемаго предпріятія? О, нѣтъ. Такъ наивно поступаютъ у насъ нынѣ только такіе изобрѣтатели, которые предлагаютъ новое рѣшеніе квадратуры круга или, пожалуй, аэростатъ новаго устройства. За то для такихъ предложеній, во всѣхъ мѣстахъ и у всѣхъ лицъ, и заведены особенные картонны. Но не такъ поступаютъ дѣльцы „серьезные“, предлагающіе „серьезныя“ же дѣла, въ смыслѣ исходатайствованія себѣ въ распоряженіе значительной суммы или значительнаго права. Они сводятъ знакомство съ человекомъ, который можетъ познакомиться ихъ только со знакомымъ какого-нибудь лица, близкаго тому человеку, который именно и нуженъ. Во всякомъ учрежденіи есть все-таки одинъ человекъ, отъ котораго наиболѣе все зависитъ. Спросите о желѣзныхъ дорогахъ, о банкахъ, чѣмъ они? — Знающіе вамъ прямо назовутъ въ каждомъ дѣлѣ фамилію того, отъ кого оно преимущественно зависитъ. Другое дѣло—административное мѣсто, конечно; не только департаментъ, но и никакая административная контора, конечно, никому не могутъ принадлежать. Но все-таки въ каждомъ мѣстѣ есть такой человекъ, который особенно вліятеленъ и далеко не всегда онъ — начальникъ того мѣста. Старую поговорку можно нынѣ измѣнить такимъ образомъ, что „не мѣсто держитъ человека, но человекъ держитъ мѣсто“—въ своихъ рукахъ.

И вотъ, по знакомымъ домамъ, а часто и по ресторанахъ, болѣе или менѣе роскошнымъ, начинается ищущій блага карабкаться вверхъ

по нити, которая передъ нимъ постепенно развѣрывается. Его „сводить“ съ нужными людьми,—это техническій терминъ. А свелъ его съ Б., который можетъ свести его съ В., а тотъ можетъ уговорить Г., отъ котораго уже все зависитъ. Остальное—одна формальность, которая имѣетъ серьезное значеніе только для наивныхъ людей, идущихъ путемъ формальнымъ. При постепенныхъ знакомствахъ съ разными буквами азбуки, ищущій блага оставляетъ на хвостикѣ каждой изъ нихъ ключокъ собственнаго имущества и обѣщаніе доли изъ искомаго блага. Обѣщаніе это почти всегда исполняется; нѣтъ на Руси столь вѣрныхъ векселей и закладныхъ, какъ эти обѣщанія между четырехъ глазъ, безъ всякаго документа, потому что всякому будетъ еще нужда впредь по тому же дѣлу, а кто разъ не сдержалъ обѣщанія, не раздѣлилъ добычи, тому никогда болѣе не будетъ хода: „съ нимъ нельзя имѣть дѣла“ — вотъ каковъ будетъ убійственный ему приговоръ; и то, что дали, когда-нибудь при случаѣ отнять, навредивъ вдвое. Вотъ гдѣ проявляется настоящій-то нашъ русскій современный кредитъ, на неразвитость котораго жалуются добрые ученые экономисты: какого же еще развитія кредита надо, когда вѣрять почти на слово и даютъ называться на чужой счетъ, вѣря въ честное исполненіе человѣкомъ даннаго имъ обѣщанія? Мимо того лица, которое свело его съ другимъ лицомъ, искатель блага уже никогда не долженъ и обращаться къ этому лицу, иначе прежній же посредникъ постарается испортить отношенія сведенныхъ имъ; если же и обращается прямо, то не иначе, какъ съ дѣлежомъ для посредниковъ, такъ чтобы доля каждаго изъ добытыхъ имъ благъ досталась въ пользу каждаго изъ участвовавшихъ въ посредничествѣ. Между тѣмъ, посредники эти въ болѣе части случаевъ не то, что профессиональные маклера, такъ-называемые *courtiers* или комиссіонеры. Они занимаютъ общественныя должности и получаютъ по нимъ оклады жалованья; они секретари, бухгалтеры, товарищи по управленію тѣхъ самыхъ лицъ, съ которыми сводятъ искателей. Иногда они только ихъ пріатели. Итакъ, въ первомъ случаѣ посредники эти пользуются своей службой и овазываемымъ имъ довѣріемъ для пріобрѣтеній, которыя должны быть признаны взятками; во второмъ случаѣ, они учитываютъ на чистыя деньги, продаютъ по частямъ свое пріятельское отношеніе къ лицу вліятельному, свое нравственное на него вліяніе.

Такимъ образомъ, серьезный человѣкъ, принимаясь за дѣло, успѣваетъ порядочно помоздержаться и обременить себя обязательствами еще ранѣе, чѣмъ дѣло будетъ окончательно рѣшено и обставлено формальнымъ образомъ. Плодомъ этихъ предварительныхъ усилій и издержекъ бываетъ еще только склонность вліятельнаго человѣка

выслушать проектъ просителя и вступить съ нимъ въ переговоры. Въ этихъ переговорахъ, конечно, принимается въ разсмотрѣніе самая сущность дѣла, степень дѣйствительной выгоды его; но одно это соображеніе дѣла не рѣшаетъ, иногда оно даже не бываетъ главнымъ. Существенный вопросъ теперь въ томъ, сколько можетъ лично нажать на устройствѣ этого дѣла тотъ вліятельный человѣкъ, который готовъ оказать ему свое содѣйствіе. Если дѣло не обѣщаетъ несомнѣнно-вѣрныхъ и скорыхъ доходовъ—а какое дѣло обѣщаетъ ихъ?—то вліятельный человѣкъ можетъ не удовольствоваться 25-ю процентами, со всей суммы, которую онъ побудитъ общество выдать искателю; онъ можетъ сообразить, что надо будетъ еще кого-нибудь склонить и настроить тѣми же средствами къ той же цѣли, и потребовать 40, 50 процентовъ съ денегъ, которыя между тѣмъ вѣдь выдаются только какъ ссуда, подлежащая возвращенію изъ доходовъ, съ уплатою еще 6, 8 или 10 процентовъ! Итакъ, львиную часть въ дѣлежѣ, происходящемъ помимо того учрежденія, чьи деньги обѣщаются въ ссуду, получаетъ вліятельный человѣкъ; это и есть его колоссальная взятка, это и есть настоящій его доходъ, безъ всякаго сравненія превышающій не только окладъ его жалованья, но и всѣ тѣ барыши, какіе онъ можетъ получить какъ участникъ учрежденія, если оно имѣетъ коммерческой, частный характеръ. Этимъ-то путемъ составляются въ нѣсколько лѣтъ состоянія, между тѣмъ какъ безкорыстный человѣкъ, пусть онъ ноль-жизни былъ директоромъ департамента, министромъ и членомъ государственнаго совѣта, умереть, оставивъ послѣ себя наслѣдство въ какія-нибудь 30 тысячъ рублей, взятая или за женой, или отложенная годами изъ содержанія.

А при чемъ остается компанія или учрежденіе, которое выдало ссуду подъ вліяніемъ вліятельнаго сочлена? Положимъ, не при семи милліонахъ убытку, какъ московскій ссудный банкъ; но нерѣдко оно втягивается такимъ путемъ въ безнадежное дѣло на милліонъ рублей для того, чтобы вліятельный сочленъ нажилъ 300 тысячъ личной выгоды.

Съ другой стороны, прожектёръ, который, получивъ наконецъ въ свое предпріятіе, положимъ, 200 тысячъ, уже издержалъ изъ нихъ 50—75 тысячъ впередъ, за самое полученіе ссуды, долженъ теперь разсчитывать свое предпріятіе такъ, чтобы съ остальныхъ 150 или 125 тысячъ добывать такой чистый доходъ, который далъ бы ему возможность уплачивать 8% съ капитала въ 200 тысячъ и погасить эту ссуду въ опредѣленное число лѣтъ. Само собою разумѣется, что при правильной коммерческой дѣятельности это невозможно. Но оно можетъ оказаться возможнымъ при разныхъ добавочныхъ усло-

віяхъ. Если онъ успѣлъ заинтересовать въ своемъ дѣлѣ, посредствомъ уступки части его, лицо вліятельное въ другомъ мѣстѣ, онъ можетъ получить средства извлечь и изъ безнадёжнаго, повидимому, дѣла большія выгоды. Такъ онъ можетъ получить казенный заказъ на такую сумму, что одни задатки дадутъ ему уже возможность возратить прежнюю ссуду, если она была кратковременная, или часть ея. Залоги же подъ задатки онъ найдетъ за проценты у тѣхъ же лицъ, которыя ему покровительствуютъ. Потомъ начинается исполненіе заказа, съ исходатайствованіемъ разныхъ отсрочекъ, льготъ и расрочекъ субсидій. Въ концѣ-концовъ, выжавъ изъ дѣла, что можно, онъ, при покровительствѣ, можетъ учредить для его эксплуатація акціонерную компанію и при этомъ получить обычные барыши учредителя. Такимъ образомъ, само дѣло служитъ для настоящихъ дѣльцовъ только предлогомъ для финансовыхъ оборотовъ разнаго рода, полученія ссудъ и расрочекъ, выпуска акцій и облигацій, и весьма часто случается, что на самое дѣло идетъ не болѣе половины тѣхъ денегъ, которыя были выручены разными лицами подъ его предлогомъ.

Не всѣмъ, конечно, выпадаетъ, завидная въ глазахъ массы посвященныхъ, роль покровительствуемаго концессіонера или предпринимателя. Не всѣмъ дѣльцамъ, хотя бы самымъ бойкимъ и безцеремоннымъ, достается положеніе вліятельныхъ членовъ. Само собою разумѣется, что куски соразмѣряются съ капиталомъ, связями, дѣятельностью и даже способностями каждаго. Но и меньшіе куски въ этой травлѣ акціонеровъ и вообще публики все-таки таковы, что въ сравненіи съ ними ничтоженъ самый высокій заработокъ. Серьезный дѣлецъ въ частномъ, то-есть коммерческомъ и преимущественно акціонерно-компанейскомъ быту, обыкновенно начинаетъ свою карьеру съ того, что, успѣвъ заслужить нѣкоторое довѣріе исполненіемъ комиссій, повышается къ роли фальшиваго, подставнаго акціонера въ общихъ собраніяхъ. Ему указывается, какъ подавать голосъ и предписывается что говорить, если онъ къ тому способенъ. Иногда отъ него не требуется даже много ораторскаго искусства, какъ только одна безцеремонность въ перерывахъ, восклицаніяхъ, знакахъ одобренія или неодобренія. За одну такую услугу, въ одно засѣданіе, онъ можетъ „заработать“ нѣсколько сотъ рублей, то-есть столько, сколько не заработаетъ въ одинъ день ни писатель, составившій эпоху въ своей литературѣ, ни величайшій государственный дѣятель, ни даже—модный докторъ. Удачное исполненіе такой роли, имѣющей значеніе интриги и обмана, даетъ дѣльцу виды на проведеніе его тѣмъ вліяніемъ, которому онъ служитъ, въ члены ревизіонной комиссіи. Здѣсь ему также не представляется никакой работы, въ прямомъ и

честномъ значеніи этого слова. Работу исполняютъ служащіе специалисты бухгалтеріи за малое, сравнительно, вознагражденіе. Его дѣло только въ томъ, чтобы „гнуть“ туда, куда слѣдуетъ. Человѣку, бывавшему членомъ ревизіонныхъ комиссій, открывается доступъ въ члены правленія или совѣта. На этомъ мѣстѣ онъ все-таки работать нисколько не обязанъ; даже чѣмъ меньше будетъ „соватьса“, тѣмъ лучше. Ему внушается, что дѣлать и говорить. Но за то ему не запрещается быть членомъ правленія или совѣта въ нѣсколькихъ обществахъ—и вотъ гдѣ главная приманка для дѣльцовъ средней руки. Забирание нѣсколькихъ, весьма значительныхъ окладовъ въ однѣ руки, *le cumul*,—вотъ что процвѣтаетъ на Руси въ настоящее время, и вотъ то увѣнчаніе зданія, какое имѣетъ въ виду начинающій дѣлецъ, лишенный капитала. Такимъ образомъ, люди безъ капитала и безъ особенныхъ способностей, успѣваютъ однако получать тысячь по двадцати въ годъ содержанія, а изъ этого „итога“ уже и отложить что-нибудь можно. „Кумулированіе“ должностей процвѣтаетъ не въ однихъ акціонерныхъ учрежденіяхъ, но и въ административныхъ, какъ общественныхъ, такъ и коронныхъ. Есть люди, которые успѣваютъ такъ-сказать служить по всѣмъ „реформамъ“: и по судебной части, и по городскому управленію, и въ кредитныхъ учрежденіяхъ, и въ нѣсколькихъ акціонерныхъ обществахъ. Они-то и познали истинный глаголь „настоящаго времени, когда“ вопросъ уже не въ обличеніи другихъ, какъ въ доброе давнее время, но въ обезпеченіи себя. Само собою разумѣется, что при такомъ захватѣ однимъ человѣкомъ множества должностей, онъ ни одной изъ нихъ не въ состояніи исполнить порядочно, что, впрочемъ, отъ него и не требуется. Такимъ образомъ дѣлецъ средней руки, начавъ свою карьеру со взятковъ за сведеніе людей и съ подлога при составленіи тѣхъ акціонерныхъ собраний, которыя состоятъ не изъ акціонеровъ, но распоряжаются ихъ деньгами, кончаетъ свою карьеру полученіемъ нѣсколькихъ большихъ окладовъ за то, чтобы ничего не дѣлать, чтобы въ правленіи правилъ одинъ человѣкъ, а совѣтъ обращенъ былъ въ подписывательную машину. Это вошло въ нравы, никто новидимому этому не удивляется, никто не находитъ этого предосудительнымъ, и членъ совѣта московскаго ссуднаго банка, г. Шумахеръ, даже оправдывается тѣмъ, что о важнѣйшихъ операціяхъ банка и близкой его несостоятельности онъ ничего не зналъ до самаго того времени, когда знаніе уже пригодилось ему для востребованія его вкладовъ изъ банка, которому министръ финансовъ отказалъ въ помощи. Заводчики и предприниматели, покупающіе себѣ непоимѣнными взятками ссуды изъ общественныхъ денегъ, затѣмъ становятся въ условіи, невозможныя для правильной, нормальной производительности, и ста-

раются посредствомъ новыхъ исканій и соглашеній заручиться пособіями въ разныхъ видахъ отъ казны. Банки, въ свою очередь, выдавая ссуды подъ вліяніемъ „вліятельныхъ членовъ“, во-первыхъ, увеличиваютъ свои обороты безъ всякой соразмѣрности къ своему основному и запасному капиталамъ, а во-вторыхъ, принимаютъ иногда въ обезпеченіе—цѣнности и обязательства столь сомнительнаго свойства, что еслибы при внезапномъ сильномъ востребованіи необусловленныхъ сроковъ вкладовъ, потребовалась реализація портфеля, то быть можетъ ни одинъ частный банкъ не устоялъ бы, безъ особой помощи со стороны государственнаго банка, на которую они и рассчитываютъ. А государственный банкъ, оказавъ такую помощь, можетъ быть этимъ только отсрочивалъ бы кризисъ и помогалъ бы частнымъ банкамъ сдѣлать ихъ положеніе еще болѣе опаснымъ, такъ что когда-нибудь могъ бы наступить такой „крахъ“, который уже и государственный банкъ оказался бы бессильнымъ остановить.

Наконецъ, крупнѣйшіе дѣльцы, вліятельнѣйшіе члены всѣхъ возможныхъ предпріятій—желѣзно-дорожные коммиссіонеры—не что иное, какъ представители новой системы откуповъ, которая можетъ доставлять обильные источники лицамъ, стоящимъ уже совершенно внѣ промышленной и коммерческой сферы,—лицамъ, которымъ должны подчиняться, уже и безъ дѣлежа, цѣлые ряды болѣе скромныхъ дѣятелей. Эти лица могутъ ходатайствовать о субсидіяхъ и заказывать тѣмъ предпріятіямъ, въ которыхъ имъ предоставлены акціи, имѣть свои заводы подъ чужими именами, и т. д. Однимъ словомъ, создается откупная система, со всѣми ея нравственными послѣдствіями для общества и самой администраціи, но только система гораздо болѣе могущественная, чѣмъ та, въ силу которой получали негласные оклады частные пристава, исправники и полиціймейстеры того времени.

Вотъ современное положеніе того вопроса о „взяткахъ“, который представляется нынѣ устарѣлымъ и забытымъ. У насъ не только не забыли брать взятки, но, наоборотъ, забыли, что взятку слѣдуетъ называть взяткой. Взятка въ новой формѣ стала называться „долею“, дозволеннымъ коммерческимъ вознагражденіемъ; пріобрѣтеніе возможно большихъ взятковъ такого рода стало только свидѣтельствомъ ума, коммерческой ловкости и опытности человѣка, оно вѣняется ему въ заслугу, какъ вполне современное отличіе. Такой человѣкъ является дѣльнымъ и даже либеральнымъ, потому что цѣнить не чины и кресты, но деньги. А между тѣмъ, сколько изъ такихъ людей должны быть признаны взяточниками самаго худшаго сорта. Мы никого не называемъ и не можемъ назвать по имени, а потому слова наши не должны быть относимы и къ тому имени, которое встрѣ-

тилось въ нашихъ цитатахъ. Полученіе оклада членомъ совѣта, безъ всякаго наблюденія съ его стороны за дѣлами банка, есть еще наименьшее и невиннѣйшее изъ золъ, на которыя выше указано.

Пора обществу очнуться и оцѣнить по достоинству всѣ нравственныя и матеріальныя послѣдствія, какія могутъ быть плодами такого положенія дѣлъ. Мы знаемъ, что для нравственного усилія для нравственного поворота въ обществѣ условія неблагопріятны. Періоды общественной апатіи не прекращаются, пока дѣйствуютъ причины, ихъ вызвавшія. Но пусть хоть опасеніе серьезныхъ матеріальныхъ потерь, возможность повторенія у насъ, вслѣдствіе особыхъ нашихъ обстоятельствъ, еще ббльшаго „краха“, чѣмъ тотъ, который былъ недавно вызванъ въ Вѣнѣ и Берлинѣ другими условіями, побудитъ общество требовать повѣрокъ, серьезнѣе относиться къ выбору лицъ, насколько оно можетъ имѣть вліяніе на ихъ избраніе, и не поощрять своимъ сочувствіемъ и вмѣстѣ своей завистью такихъ людей, которымъ вполне прилично преждее има взяточниковъ.

Что наступленіе болѣе серьезнаго кризиса на биржевыхъ рынкахъ у насъ возможно, это доказано тѣмъ пониженіемъ цѣны бумагъ, второе послѣдовало за крушеніемъ одного банка въ Москвѣ. Такъ, напримѣръ, венггерскія займы упали, въ какія-нибудь пять недѣль, съ 237 и 229 до 195 и 189. При чемъ было крушеніе одного частнаго банка въ такомъ паденіи государственныхъ цѣнностей? Въ немъ ясно сказалось опасеніе, что кризисъ однимъ этимъ банкомъ не ограничится, что на продажу можетъ быть предъявлена цѣлая масса запасныхъ средствъ, а покупателей можетъ вовсе не оказаться. Правда, въ то же самое время за границей, въ Берлинѣ и въ Лондонѣ, упали русскіе фонды вообще, и это объяснялось газетами—причинами политическими, опасеніями за нарушеніе мира. Но паденіе бумагъ собственно у насъ означало вовсе не это. Фонды держались у насъ крѣпко, и значительному пониженію подверглись только венггерскія займы, въ ихъ качествѣ бумагъ преимущественно спекулятивныхъ. Вмѣстѣ съ ними, значительно упали—было въ цѣнѣ другія спекулятивныя бумаги, какъ-то, московско-рязанскія и рыбннско-бологовскія акціи. Значитъ, испугались именно спекуляціи. Впрочемъ, еще болѣе положительное указаніе на причину этого перелома у насъ давало одновременное паденіе цѣны акцій всѣхъ частныхъ банковъ и преимущественно волжско-камскаго. Значитъ, въ пониженіи отразился именно прираокъ возможности „краха“.

По поводу несостоятельности московскаго ссуднаго банка, въ печати было высказано много соображеній о необходимости ограничить власть директоровъ-распорядителей, о приданіи ббльшаго значенія совѣтамъ, о назначеніи болѣе частыхъ ревизій, даже объ измѣненіи

закономъ, въ смыслѣ предоставленія правительству большаго контроля въ банковомъ дѣлѣ, причемъ, какъ всегда, повторился споръ о пользѣ и вредѣ регламентаціи въ промышленномъ дѣлѣ. Но не трудно понять, что всѣ эти отдѣльныя мѣры, какъ бы онѣ хороши ни были, и какъ бы строго онѣ ни примѣнялись въ первые мѣсяцы послѣ испуга, будутъ значить не много сравнительно съ общимъ смысломъ всего нашего положенія. При существующихъ условіяхъ и при тѣхъ понятіяхъ, которыя нынѣ устанавливаются въ обществѣ, отдѣльныя мѣры весьма скоро потеряютъ свою силу, и дѣло пойдетъ прежнимъ порядкомъ до новаго кризиса. Въ частности же, весь споръ о регламентаціи банковъ сводится на весьма простую альтернативу: если учрежденіе частнаго банка требуетъ законодательнаго утвержденія, а дѣйствія его подчинены контролю правительства въ известной мѣрѣ, то уже и слѣдуетъ держаться начала дѣйствительности этого контроля. Если же признать, что въ промышленномъ дѣлѣ конкуренція можетъ служить болѣе дѣйствительной гарантіей солидности и благоразумія предпріятій, чѣмъ регламентація, — въ такомъ случаѣ слѣдуетъ принять другое начало, а именно, осуществить принципъ свободы банковъ, такъ какъ нормальной и дѣйствительной конкуренціи не можетъ быть безъ свободы.

Переходя къ дѣлу, судившемуся въ истекшемъ мѣсяцѣ въ виленьской соединенной палатѣ уголовного и гражданскаго суда, по обвиненію въ разныхъ преступленіяхъ акціонныхъ чиновниковъ, гг. Ушакова и Чирикова — которые были оправданы — оставимъ сначала въ сторонѣ прямыя нарушенія закона, какія въ этомъ дѣлѣ отражались. Укажемъ сперва на весьма любопытный циркуляръ департамента неоплаченныхъ сборовъ, прочтенный при докладѣ этого дѣла: „Министръ финансовъ, — значитъ въ этомъ документѣ, — приказалъ сообщить правящимъ, что въ послѣднее время обнаружено нѣсколько случаевъ, что должностныя лица акціоннаго управленія довѣряли свои капиталы и имущество, за плату, винопромышленникамъ для представленія въ залогъ по расрочкамъ акціза, дѣлали у нихъ займы денегъ и вообще входили съ лицами, торгующими предметами, подлежащими акцізному надзору, въ денежныя расчеты и сдѣлки. Непозволительность подобныхъ дѣйствій, хотя бы они и не прямо воспрещались закономъ, — продолжалъ циркуляръ, — очевидно и не нуждается въ объясненіи“. Непозволительность подобныхъ дѣйствій, хотя бы они и не прямо воспрещались закономъ, повторимъ мы, дѣйствительно очевидно для всякаго, кто сохранилъ твердыя нравственныя бѣжденія. Но, прибавимъ мы, не менѣе очевидно и распространенность подобныхъ невозвратительныхъ дѣйствій, прямо закономъ не

воспрепятствованныхъ. Въдѣ, напримѣръ, все объясненіе г. Шумакера всецѣмъ построено на убѣжденіи, что дѣйствія, прямо закономъ не воспрепятствованныя, должны быть признаваемы позволенными, невинными и даже нравственно-безукоризненными. И еслибы тѣмъ акцизнымъ чиновникамъ, которыхъ имѣлъ въ виду приведенный циркуляръ, позволить сослаться на извѣстные всѣмъ или очень многимъ примѣры, то можно себѣ представить, какіе курьезные факты изъ современной русской жизни были бы въ первый разъ переданы на письмѣ. Законъ, само собою разумѣется, всѣхъ неправоуказанныхъ дѣйствій предвидѣть и специфицировать не можетъ. Въ законѣ не выражено, что вліятельное лицо не должно помещать своихъ капиталовъ въ такія предприятия, на ходъ дѣла которыхъ оно можетъ оказывать вліяніе, пользуясь своимъ официальнымъ положеніемъ. Это дѣлали некрупные административные чиновники, какъ мы узнаемъ изъ циркуляра. Но мало ли кто это же дѣлалъ, въ гораздо большихъ размѣрахъ, о чемъ всѣмъ намъ быть можетъ, извѣстно безъ помощи всякихъ циркуляровъ.

Но въ томъ специальномъ дѣлѣ, о которомъ мы говоримъ теперь, косвенно обнаруживаются не только неправоуказанныя дѣйствія, прямо невоспрепятствованныя закономъ, а еще злоупотребленія, закономъ предвидѣнные и составляющія прямое его нарушеніе. Дѣло о чиновникахъ Ушаковѣ и Чириковѣ имѣетъ значеніе не только по важности для государства открытія злоупотребленій, уменьшающихъ главный государственный доходъ, но еще и по характеристичности самаго факта, что подъ судъ, какъ видно изъ судебного приговора, попали именно честные люди, постоянно стремившіеся къ раскрытію злоупотребленій.

Акцизный доходъ доставляетъ казнѣ 186 милл. рублей. Записки подсудимыхъ, присяжный повѣренный Утинъ, въ рѣчи, которая можетъ почитаться образцовою, не усвоению себѣ ея авторомъ весьма сложной технической стороны дѣла и замѣчательной ясности ее изложенія, а также по той логической силѣ, съ которою въ этой аргументаціи выяснена истинная роль обѣихъ сторонъ, — замѣтилъ, что если предположить, что по всей Россіи въ акцизномъ дѣлѣ будутъ совершаться такія злоупотребленія, какія были обнаружены по двумъ заводамъ виленской губерніи, то убытокъ казны составилъ бы „болѣе 70 милліоновъ рублей, украденныхъ у казны и у народа“. Злоупотребленія совершаются преимущественно посредствомъ неправильнаго записыванія чиновникомъ показаній дѣйствующаго на каждомъ заводѣ контрольнаго снаряда. Этотъ снарядъ состоитъ изъ двухъ глиняныхъ частей: барабана со счетчикомъ, который показываетъ количество барабана и такимъ образомъ измѣряетъ, какое количество спирта въ ведрахъ и штофахъ прошло черезъ снарядъ, — и пробникъ.

въ который при каждомъ оборотѣ барабана выдѣляется частица вина, тамъ что въ пробникѣ собирается общая проба всего выкуреннаго вина, испытываемая впоследствии акцизнымъ надзоромъ. Такимъ образомъ, получаются всѣ данныя для учета, а именно показаніе объема и крѣпости выкуреннаго вина. Отъ акцизнаго чиновника, разумѣется, зависитъ записать эти показанія вѣрно или невѣрно. Если онъ станетъ записывать невѣрно, чтобы облегчить пошлину для завода, то впоследствии уже невозможно провѣрить несходство его удостовѣренія съ показаніемъ контрольнаго снаряда. Съ 1863 года, когда была введена въ дѣйствіе нынѣшняя акцизная система, сперва все шло хорошо, опредѣленные вначалѣ чиновники оказались и продолжаютъ оказываться честными до сихъ поръ. Но въ послѣдніе годы стали обнаруживаться злоупотребленія. Спеціально въ виленской губерніи съ конца 1871 года стало появляться корчемное вино, т.-е. такое, которое, не бывъ оплачено пошлиною, могло быть продаваемо дешевле оплаченнаго. Окружный надзиратель Чириковъ и бухгалтеръ Ушаковъ напали на слѣдъ злоупотребленій, которыя практиковались акцизными чиновниками на двухъ заводахъ, поставскомъ и будславскомъ, и раскрыли всю систему этихъ злоупотребленій. Провѣривъ заводскія книги, они нашли въ этихъ книгахъ очевидныя противорѣчія: въ винокуренной книгѣ показывалось выкуреннымъ вино, напр., въ 50 градусовъ крѣпости, а въ подвальной книгѣ показывалось отпущеннымъ съ завода вино крѣпостью въ 75 и до 87 градусовъ, то-есть такое, какое, судя по винокуренной книгѣ, на заводѣ совсѣмъ не выкуривалось. Чириковъ и Ушаковъ составили протоколъ и препроводили дѣло къ судебному слѣдователю; нежъ казны въ этомъ дѣлѣ простирался до 150 т. руб. Но управляющій акцизными сборами въ губерніи, г. Дихеусъ, какъ то удостовѣрено прокуроромъ, принялъ всѣ мѣры, чтобы повестъ это дѣло не судебнымъ порядкомъ, а административнымъ путемъ и вообще остановить обнаруженіе злоупотребленій. Чирикову на его донесенія онъ писалъ: „отъ васъ не требовалось никакихъ объясненій“, и т. д. Чирикова онъ перевелъ въ другой округъ а Ушакову далъ повышеніе и вслѣдъ затѣмъ зачислилъ его, безъ жалованья, по акцизному управленію, то-есть уволилъ отъ должности. Ушаковъ отправился въ Петербургъ и подалъ министру финансовъ докладную записку, въ которой объяснилъ всю систему злоупотребленій. Министръ послалъ ревизоромъ г. Вентцеля. При производствѣ дознанія, всѣ старые чиновники, представители перваго поколѣнія акцизнаго вѣдомства, сдѣлали заявленія, совершенно согласныя съ содержаніемъ докладной записки Ушакова. Дѣло было передано судебному вѣдомству, но заводы представили объясненіе, что несоответствіе показаній въ кни-

гахъ произошло оттого, что на заводахъ „гнали воду“, а не только вино. Департаментъ неокладныхъ сборовъ далъ отзывъ, что гоня воды на винокуренномъ заводѣ не запрещена закономъ, и примененные къ отвѣтственности были, на основаніи этого отзыва, освобождены отъ нея судомъ. Но замѣчательно, что затѣмъ заявленія чиновниковъ, согласныя съ докладомъ Ушакова, полученныя г. Вентцелемъ, не могли быть отысканы нигдѣ. Ревизоръ отозвался, что „оставилъ ихъ въ Петербургѣ“; департаментъ отозвался, что у него ихъ нѣтъ.

Далѣе, во время присутствія ревизора въ Вильнѣ, обнаружили злоупотребленія на заводѣ краснянскомъ; гг. Дихеусъ и Вентцель оставили ихъ безъ вниманія; затѣмъ злоупотребленія обнаружены на другихъ заводахъ; здѣсь уже одинъ изъ винокуровъ самъ сознался, что они значительно уменьшали количество градусовъ. Но ни управляющій, ни ревизоръ не подвергли ихъ преслѣдованію; дѣло началось опять независимо отъ нихъ, по частному заявленію. Между тѣмъ акцизный сборъ по губерніи понизился на 33% за два послѣдніе года, несмотря на то, что размѣръ акциза былъ возвышенъ за это время съ 6-ти коп. до 7-ми, то-есть, что увеличена подать съ народа. Результатомъ было, что злоупотребленія раскрыты не были, устранены были даже данныя для ихъ раскрытія, заключавшіяся въ донесеніяхъ чиновниковъ, согласныхъ съ запискою Ушакова; но за то эти чиновники были уволены управляющимъ отъ должностей, а Ушковъ и Чириковъ, по его представленію, были преданы суду по обвиненію въ многоразличныхъ преступленіяхъ, числомъ до двадцати. Въ числѣ собранныхъ противъ нихъ и представлявшихъ всевозможныя натяжки обвиненій находились, напр., такіа: обвиненіе въ покупкѣ лѣса для дома по цѣнѣ низшей, чѣмъ во сколько обошелся лѣсъ продавцу; между тѣмъ слѣдствіе показало, что лѣсъ покупался у лица, которое никакого отношенія къ акцизному дѣлу и винокурению не имѣло; обвиненіе въ утайкѣ 10-ти рублей, между тѣмъ какъ разслѣдованіе обнаружило, что въ своевременномъ внесеніи этихъ денегъ въ уѣздное казначейство имѣлась квитанція, и т. п.

Мы отзываемся такимъ образомъ о дѣйствіяхъ управляющаго и на одномъ основаніи разсужденій защитника подсудимыхъ, но на отзывѣхъ прокурорской власти, какъ-то: „всѣ подобныя распоряженія и дѣйствія г. Дихеуса никакъ не соотвѣтствуютъ тому довѣрію, которымъ г. Дихеусъ былъ облеченъ, какъ управляющій акцизными сборами губерніи, и показываютъ, что онъ не желалъ ни обнаруженія нарушеній на заводахъ, ни возбужденія по нимъ преслѣдованія, и потому выражалъ свое неудовольствіе тѣмъ, кому принадлежалъ починъ открытія этихъ злоупотребленій“. Другой отзывъ прокуроръ

скаго надзора по этому дѣлу: „изъ разбора настоящаго дѣла и всѣхъ указанныхъ въ немъ данныхъ, какъ общій выводъ, вытекають два обстоятельства: во-первыхъ, неосновательность и въ нѣкоторыхъ случаяхъ неблагоприятность обвиненій, взводимыхъ управляющимъ Дихеусомъ противъ бывшихъ надзирателя Чирикова и бухгалтера Ушакова, служебная дѣятельность которыхъ была вполнѣ честнаго и полезнаго направленія; и во-вторыхъ — дѣйствія самого г. Дихеуса не только были направлены къ удаленію отъ службы *честныхъ* лицъ акцизнаго надзора и къ поощренію *противоположной* дѣятельности, но и сами по себѣ составляли нарушенія закона въ разныхъ видахъ“.

Все, что сказалъ и что могъ сказать защитникъ въ пользу обвиненныхъ и противъ ихъ обвинителей, — все это блѣднѣетъ предъ такими полномѣсными и рѣшительными отзывами прокурорскаго надзора. Разумѣется, гг. Чириковъ и Ушаковъ были судомъ оправданы; по всей вѣроятности, за этимъ процессомъ возникнетъ другое судебное дѣло. Но важнѣе, необыкновенно характеристиченъ тотъ фактъ, что первымъ результатомъ указанія на дѣйствительныя злоупотребленія было преданіе суду—кого?—тѣхъ лицъ, которыя хотѣли раскрыть эти злоупотребленія, хотѣли исполнить свой долгъ. Положимъ, они оправданы, и, благодаря суду надъ ними, открылась вѣроятность новыхъ, болѣе основательныхъ обвиненій. Но такой результатъ, какъ онъ самъ по себѣ ни утѣшительнъ, не можетъ заслонить предъ нашими глазами той безотрадной картины, которой настоящее дѣло послужило зеркаломъ. Говорять, было время, когда почти всѣ брали взятки, а кто взятку не бралъ, такъ тотъ „за то въ Бога не вѣровалъ“. Говорять, эти времена прошли, они уже далеки отъ насъ. Но если оцѣнить по совѣсти то положеніе дѣлъ, которое отразилось хотя бы въ исторіи московскаго ссуднаго банка и въ дѣлѣ акцизныхъ злоупотребленій по виленской губерніи, то едва ли не слѣдуетъ сознаться, что упомянутыя времена вовсе еще не представляютъ баснословнаго періода, сравнительно съ нынѣшнимъ. Существенное различіе, быть можетъ, въ томъ только и состоитъ, что прежде, кто бралъ взятку, не скрывалъ ни отъ себя, ни отъ общества, что онъ беретъ взятку; вещи въ то время назывались по именамъ и новое поколѣніе подрастало безъ повязки на глазахъ. Молодые люди могли сознательно избирать путь грязный, подъ вліяніемъ грубаго эгонизма, или путь чистый, честный, подъ вліяніемъ своихъ добрыхъ истиннотъ, путь, на который имъ указывали передовые писатели. Вотъ отчего въ то время, несмотря на поврежденіе общественной нравственности, могли возрасти люди, которые явились потомъ честными дѣятелями для осуществленія реформъ. Нынѣ бѣда въ томъ, что вещи по именамъ не называются, понятія спутались,

и подроставшему поколѣнію путь безчестнаго обогащенія можетъ представляться украшеннымъ самыми модными, самыми „современными“ словами. Итакъ, обличеніе взятки, во всѣхъ ея видахъ, нынѣ составляетъ для честной печати обязанность никакъ не менѣе важную, чѣмъ въ доброе старое время.

Отъ наблюденій надъ общественной нравственностью, невольно вызываемыхъ нѣкоторыми недавними фактами, перейдемъ къ болѣе успокоительнымъ и безмятежнымъ фактамъ,—къ почтенной дѣятельности одного изъ учреждений, служащихъ дѣлу общественнаго просвѣщенія. Мы хотимъ поговорить объ отчетѣ здѣшней Публичной библіотеки, вышедшемъ въ минувшемъ ноябрѣ. Самое появленіе отчета библіотеки, за 1874 годъ въ 1875 году, представляетъ уже замѣтный успѣхъ. Отчетъ за 1873 годъ явился только въ началѣ 1875 года, такъ что въ текущемъ году вышли два отчета библіотеки. Чтò касается расположенія и содержанія нынѣшняго отчета, то въ нынѣшнемъ отчетѣ есть нѣкоторыя новости, въ сравненіи съ прежними. Такъ, производствъ служащихъ въ библіотекѣ въ слѣдующіе чины въ печатномъ отчетѣ вовсе нѣтъ, а указаны только награды за особые заслуги по библіотекѣ; вообще личному составу посвящена всего одна страница. Главную часть отчета, по прежнему, занимаетъ подробное прописаніе заглавій всѣхъ прибрѣтеній библіотеки. Свѣдѣній объ общемъ составѣ самой библіотеки, то-есть о числѣ состоящихъ въ ней книгъ, рукописей, эстамповъ и т. д.—по прежнему не имѣется; нѣтъ и свѣдѣній объ общемъ достигнутомъ доселѣ результатѣ по каталогизаціи библіотеки. Вѣдомости о расходахъ, о посѣтителяхъ и требованіяхъ составлены по прежнимъ нормамъ. Распредѣленіе денежныхъ средствъ библіотеки въ 1874 году отличалось отъ предшествующаго года тѣмъ, что, при нѣсколько ббльшихъ средствахъ, на содержаніе личнаго состава издержано было нѣсколько меньше, чѣмъ въ 1873 году. Сумма, употребленная на приобрѣтеніе новыхъ книгъ и рукописей и доставку ихъ изъ-за границы—17,030 р., весьма близка къ той, которая была употреблена съ той же цѣлью въ 1873 году. Затѣмъ, обратимся къ свѣдѣніямъ о пользованіи библіотекою, къ тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя въ отчетахъ наиболѣе разработаны.

Вѣдомости о числѣ читателей и посѣтителей библіотеки и числѣ выданныхъ книгъ въ теченіе 1874 года представляютъ явленіе благоприятное, въ противоположность предшествовавшему году. вмѣсто постепеннаго паденія этихъ цифръ за послѣдніе годы, за 1874 годъ оказывается значительное ихъ возрастаніе. Такъ, общее число читателей въ 1874 году было 164,895 чел., вмѣсто 113,553 чел., бывшихъ въ 1873 году; посѣтителей 4733, вмѣсто 3108. Книгъ было выдано

въ 1874 году, по отдѣленію сочиненій на русскомъ языкѣ—11,261 сочиненіе, вмѣсто 10,137 въ 1873 году; число отказовъ въ требованіяхъ нѣсколько уменьшилось: по русскому отдѣленію ихъ было въ 1874 году 3101, вмѣсто 3134, цифры предшествовавшаго года; по отдѣленіямъ книгъ на иностранныхъ языкахъ, въ 1874 году было выдано 6191 сочиненіе, противъ 5823, выданныхъ въ 1873 году; но число отказовъ здѣсь нѣсколько возросло, а именно было 2846; хотя это возрастаніе зависѣло, конечно, отъ возрастанія самаго числа требованій, но тѣмъ не менѣе цифра отказовъ вообще все-таки остается еще слишкомъ значительною. Распредѣленіе общей цифры отказовъ по причинамъ, ихъ вызвавшимъ, представляетъ ту же картину, на которую мы указывали въ апрѣлѣ нынѣшняго года, при разсмотрѣніи отчета библіотеки за 1873 годъ. Изъ 6200 отказовъ 2842 состоялись за неимѣніемъ сочиненій въ библіотекѣ и за неполученіемъ книгъ въ моментъ требованія изъ цензурныхъ установленій, въ томъ числѣ въ отдѣленіи русскихъ книгъ по 840 требованіямъ (соотвѣтствующія цифры за 1873 годъ — 2772 и 763). Итакъ, главной причиной отказовъ остается все-таки неимѣніе въ библіотекѣ требуемыхъ книгъ. Мы не будемъ повторять уже сказаннаго нами о необходимости скорѣйшей выписки вновь выходящихъ книгъ изъ-за границы. Но вѣдь русскія книги всѣ представляются при самомъ же изданіи; стало быть, если библіотека получаетъ ихъ поздно, то это можетъ зависѣть отъ медленности доставленія ей назначенныхъ для нея экземпляровъ изъ канцеларій цензурныхъ комитетовъ. Стало быть, библіотекѣ слѣдовало бы сдѣлать сношеніе объ устраненіи этой медленности. Что касается пополненія библіотеки новѣйшими иностранными сочиненіями, то въ этомъ отношеніи новый отчетъ указываетъ на весьма утѣшительный фактъ: „изъ числа потребованныхъ читателями сочиненій, которыя не имѣлись въ библіотекѣ, совѣтъ ея выписалъ изъ-за границы болѣе 300 названій“,—сказано въ отчетѣ. Этотъ фактъ и представляетъ самый примѣтный успѣхъ изъ всѣхъ тѣхъ, на которые отчетъ указываетъ. Далѣе, второй главной причиной отказовъ остается то, что требуемое сочиненіе уже выдано другому лицу, находится въ чтеніи. По этой причинѣ изъ общаго числа 6200 отказовъ состоялось 2110; это также весьма много, и нельзя не выразить вновь желаніе, чтобы увеличено было число дублетовъ тѣхъ сочиненій, которыя особенно часто спрашиваются. Для этого достаточно было бы поручить дежурнымъ чиновникамъ библіотеки сортировать требовательные листы, по которымъ состоялся отказъ по этой причинѣ, на разряды, хотя бы по языкамъ, а затѣмъ собирать вмѣстѣ тѣ, которые относились къ одному и тому же заглавію. Тогда получились бы вѣрныя указанія, какіе дублеты полезно было бы приобрести вновь. Число отка-

зовъ по случаю отдачи книгъ въ переплетъ, составляя около 6%, всего числа отказовъ, тоже слишкомъ велико; неужели нельзя переплетать скорѣе?

Въ одномъ изъ примѣчаній нынѣшняго отчета проглядываетъ какъ-бы жалоба начальства библиотеки на публику. Дѣло въ томъ, что изъ числа иностранныхъ періодическихъ изданій спеціальнаго характера вовсе не были потребованы 72 изданія, между тѣмъ какъ нѣкоторыя изъ этихъ поврежденныхъ изданій были выписаны библиотекою именно по неоднократному требованію читателей. Вотъ, по видимому, аргументъ, который можно представить въ опроверженіе допускаемаго нами общаго правила, что библиотека должна въ своихъ приобрѣтеніяхъ принимать во вниманіе требованія публики. Но на самомъ дѣлѣ проявленіе такого факта за одинъ годъ еще ничего не значитъ. Читатели требовали нѣкоторыхъ изданій и, удостоверившись изъ неоднократныхъ отказовъ, что изданій тѣхъ въ библиотекѣ не получается, перестали ихъ требовать. Но они могутъ быть потребованы другими читателями или и прежними требователями, когда тѣ узнаютъ, что изданія эти теперь имѣются. Вообще же статистика требованій собственно въ журнальной комнатѣ библиотеки показываетъ, что комната эта служитъ преимущественно для чтенія журналовъ, а не для справокъ изъ нихъ, вызываемыхъ какими-либо учеными работами. Такъ, въ числѣ изданій, которыя въ теченіе цѣлаго года не были потребованы ни разу, находятся такія, какъ напр. *Mémoires de l'Académie des Sciences de St.-Petersbourg* и *Centralblatt für die gesammte Unterrichtsverwaltung in Preussen*. Во главѣ потребованныхъ поврежденныхъ изданій на русскомъ языкѣ за 1874 годъ стояли „Отечественныя Записки“ (4502 требованія), „Дѣло“ (4278) и „Вѣстникъ Европы“ (3750). Во главѣ періодическихъ изданій на другихъ языкахъ польскіе журналы для чтенія „*Kłosa*“ (1465) и „*Tygodnik illustrowany*“ (1092), а за ними „*Revue des deux Mondes*“ (696); далѣе, въ порядкѣ постепенности идутъ все польскія изданія, такъ что изъ 18-ти наиболѣе требованныхъ въ теченіе года поврежденныхъ изданій на другихъ языкахъ,—13-ть были польскія и только 5—французскія и нѣмецкія. Если же мы сравнимъ число требованій того русскаго журнала, который стоитъ во главѣ списка, а именно „Отечественныхъ Записокъ“, т.-е. 4502, съ числомъ требованій польскаго журнала „*Kłosa*“, 1465, то окажется, что первая цифра только втрое больше второй, между тѣмъ, какъ въ общемъ составѣ грамотнаго населенія Петербурга поляки конечно составляютъ не четвертую, а быть можетъ только десятую часть. Изъ вѣдомости, въ которой лица, взявшія билеты на чтеніе, распределены по званіямъ, оказывается достойнымъ примѣчанія фактъ, что одинъ петербургскій

университетъ доставлялъ библіотекѣ болѣе десятой части всего итога ея читателей, а именно: всѣхъ лицъ, взявшихъ въ 1874 году билеты, числилось 11,448; изъ нихъ 944 были студенты петербургскаго университета, 267—кандидаты, и 47 дѣйствительные студенты того же университета, то-есть 1258 чел., безъ магистровъ и профессоровъ. Далѣе, довольно значителенъ процентъ занимавшихся въ библіотекѣ учителей гимназій и прогимназій—129 человекъ, что по числу этихъ училищъ въ Петербургѣ—12—составляетъ цифру замѣтную. Нѣкоторыя же цифры замѣчательны по своей скромности. Такъ, изъ членовъ академіи наукъ ¹⁾ и изъ членовъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія за годъ побывало въ Публичной библіотекѣ только по одному, то-есть ровно столько, сколько побывало въ ней генералъ-адъютантовъ и сенаторовъ (тоже по одному), и гораздо менѣе, чѣмъ ротмистровъ (12). Нѣкоторыя училища также замѣчательны по малому числу доставленныхъ ими Публичной библіотекѣ читателей: напр., пажескій корпусъ доставилъ всего 2-хъ, николаевское кавалерійское училище, повидимому—ни одного. Лицъ женскаго пола, взявшихъ билеты, было 980, значительно болѣе противъ цифры, найденной нами въ отчетѣ за 1873 годъ, а именно 848-ми.

Не выходя изъ круга дѣятельности министерства народнаго просвѣщенія, къ которому принадлежитъ Публичная библіотека, мы можемъ упомянуть о нѣкоторыхъ фактахъ, послужившихъ въ минувшемъ мѣсяцѣ предметомъ заявленій и замѣчаній въ разныхъ газетахъ, какъ-то: „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, „Биржевыхъ Вѣдомостяхъ“, „Голосѣ“ и др. Въ послѣднее время повѣзда министра народнаго просвѣщенія на югъ и осмотръ имъ учебныхъ заведеній южныхъ округовъ подали поводъ разнымъ мѣстнымъ дѣятелямъ и обывателямъ выступить впередъ съ произнесеніемъ рѣчей, которыя, каково бы ни было достоинство тѣхъ рѣчей, быть можетъ составить событіе въ личной исторіи каждаго изъ этихъ ораторовъ. „Московскія Вѣдомости“ записывали аккуратно всѣ эти рѣчи и отвѣты, на нихъ послѣдовавшіе, въ свои лѣтописи. Часть этихъ заявленій удостоилась быть напечатанною въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія“, съ нѣкоторыми, впрочемъ, пропусками. Другая часть, вѣроятно, будетъ напечатана тамъ же впоследствии. Печатаніе похвальныхъ рѣчей министерству въ официальномъ органѣ этого министерства показываетъ, что, отложивъ скромность, быть можетъ излишнюю, признано было неизлишнимъ для укрѣпленія классической школы выставить сочувствіе той самой „семьи“, о которой, мѣсяца три тому

¹⁾ У которой, впрочемъ, есть своя богатая библіотека.

назадъ, въ циркулярѣ министра народнаго просвѣщенія говорилось, что семья школѣ противодѣйствуетъ, и что школѣ у насъ въ Россіи приходится еще перевоспитывать „семью“. Впрочемъ, быть можетъ, съ мая по сентябрь школа уже успѣла въ значительной степени достигнуть этой цѣли, успѣла перевоспитать семью.

Мы хранили доселѣ молчаніе по поводу заявленій, сопровождавшихъ поѣздку. Даже помѣщеніе части этихъ заявленій въ официальномъ органѣ того вѣдомства, которое ихъ вызвало, не побудило бы насъ заговорить объ этомъ предметѣ. Высказывать въ печати разногласіе съ похвальными рѣчами весьма трудно, и одного этого факта уже достаточно для того, чтобы опредѣлить значеніе тѣхъ заявленій, съ которыми выступать было легко и которыя легко нашли доступъ даже въ печать официальную. Но въ одной изъ корреспонденцій „Московскихъ Вѣдомостей“ за истекшій мѣсяць приведенъ былъ произнесенный въ Кишиневѣ отвѣтъ на похвальные рѣчи, отвѣтъ, въ которомъ есть прямое обращеніе къ „нѣкоторымъ органамъ нашей печати“, которые рѣшались высказать свое мнѣніе объ учебной реформѣ, „забывъ, что педагогическое дѣло есть такая же специальность, какъ и всякія другія специальности“. Въ этомъ обращеніи говорится между прочимъ, что такіе органы „ввели въ заблужденіе общественное мнѣніе насчетъ самаго главнаго значенія и цѣли научнаго образованія“; что „они отвергали пользу изученія древнихъ языковъ, на которыхъ *не говорятъ* въ обществѣ“; что у насъ „говорили“, будто „классическая система отжила свой вѣкъ, что древніе языки — мертвечина, что это признано и всею Европой, желающею отбросить эту систему, замѣнить ее новою — *реальною!* Но всякій, кто бывалъ за границей, — разсуждалось въ томъ отвѣтѣ, — и не довольствовался тамъ ресторанами и театрами, кто заглядывалъ въ школы, тотъ знаетъ, справедливы ли эти толки. Остановитесь въ первомъ значительномъ городѣ Европы, куда васъ привезетъ паровая машина, хотя бы по сосѣдству вашему съ Австріей или на сѣверѣ съ Пруссіей, загляните въ школы и спросите: какаѣ здѣсь система воспитанія? Вы услышите вездѣ одинъ отвѣтъ, что система научнаго воспитанія въ Европѣ только одна, — *классическая*“. Далѣе, въ томъ же отвѣтѣ изъяснялось, что эта единственная, европейская система насаждена нынѣ и въ Россіи; что если смотрѣть на цѣль образованія исключительно съ утилитарной точки, какъ смотрѣли будто-бы „нѣкоторые органы нашей печати“, то легко можно доказать безполезность всѣхъ предметовъ гимназическаго курса; что самъ министр народнаго просвѣщенія, изучившій „всю обширную область математики, несмотря на свое высокое официальное положеніе, не принималъ въ жизни ничего болѣе, какъ четыре правила арифметики“ —

такъ говорилось въ отвѣтѣ. Слѣдуетъ ли изъ этого, что высшая математика, которую знаетъ министръ народнаго просвѣщенія, безполезна? Въ отвѣтѣ упоминалось и о реальныхъ училищахъ, что они учреждены у насъ; но замѣчательно, что о нихъ не было сказано, что училища эти поставлены у насъ *такъ же, какъ въ Европѣ*, а говорилось только, что министерство „съ большою готовностью способствуетъ учрежденію повсюду школъ для подготовки полезныхъ практическихъ дѣятелей“; и при этомъ прибавлено, что противъ этихъ-то школъ, то-есть „противъ нашихъ реальныхъ училищъ, особенно ратовали наши такъ-называемые реалисты, которымъ нужно было только помѣшать дѣлу реформы и не допустить у насъ правильной европейской школы“. Въ заключеніе, въ отвѣтѣ сказано, что принятая у насъ система образованія „уже начинаетъ приносить плоды, которые видны для всѣхъ и находятъ уже повсемѣстно сочувствіе и поддержку“. Эти послѣднія слова, произнесенныя съ столь компетентной стороны, представляются намъ утѣшительнымъ явленіемъ. Сопоставивъ ихъ съ извѣстнымъ циркуляромъ 24 мая нынѣшняго же года, мы должны снова утверждать, что школа въ послѣдніе мѣсяцы успѣла уже перевоспитать семью и настроить ее сочувственно къ себѣ, а это—фактъ весьма важный; при немъ можно ожидать, что и школа получить теперь новыя инструкціи въ смыслѣ сочувственномъ семьѣ, а не въ смыслѣ извѣстныхъ циркуляровъ г. Филонова, заставлявшихъ о себѣ такъ много говорить въ послѣднее время.

Но намъ невозможно, при всемъ желаніи, выразить столько же сочувствія къ приведеннымъ выше полемическимъ разсужденіямъ, прямо направленнымъ противъ „нѣкоторыхъ органовъ нашей печати“. Разсужденія эти положительно принуждаютъ насъ коснуться предмета, который мы хотѣли бы обойти молчаніемъ. Но еслибы мы промолчали теперь, то, чего добраго, при свидѣтельствѣ столь компетентномъ, вся наша посильная дѣятельность при обсужденіи этого вопроса такъ и осталась бы въ воспоминаніи многихъ лицъ въ видѣ объявленія нами, будто бы, древнихъ языковъ „мертвечиною“, и ратованія спеціально противъ реальныхъ училищъ, съ цѣлью „не допустить у насъ правильной европейской школы“. Обсуждать все, чего коснулся „отвѣтъ“, мы не станемъ, это значило бы повторять всю нашу аргументацію. Но мы должны сказать, что мы не говорили *ровно ничего* изъ всего того, что въ этомъ отвѣтѣ приписывается „нѣкоторымъ органамъ нашей печати“. За другихъ мы возражать не станемъ; что-то не помнится намъ однако, чтобы кѣмъ-нибудь въ печати были высказаны положительно вышеприведенныя мнѣнія. Быть можетъ, память измѣняетъ намъ.

Но есть французская пословица: „нѣтъ дыма безъ огня“; зна-

читать, утверждалось же что-нибудь подобное въ нашей печати. Дѣйствительно, мы припоминаемъ, что во время дня „Московскія Вѣдомости“ имѣли обычай въ своей полемикѣ съ противниками называть имъ самыя странныя мысли, и увѣрять публику, что реалисты готовы даже сжечь всѣхъ латинскихъ и греческихъ авторовъ и т. п. въ этомъ же родѣ. Что память насъ на этотъ разъ не обманываетъ, это видно изъ недавно напечатанныхъ въ „Голосѣ“ писемъ изъ Берлина („Русская Школа“, №№ 265 и 307):

„Изъ разговоровъ,—говоритъ берлинскій авторъ,—съ русскими педагогами и изъ внимательнаго чтенія педагогическихъ статей въ русскихъ журналахъ и газетахъ по поводу послѣдней училищной реформы, я вынесъ убѣжденіе, что въ Россіи всѣ считаютъ московскую газету самою ревностною, до фанатизма, поборницею классическаго образованія. Но такъ ли это въ дѣйствительности? Что касается меня, то, послѣ возможно тщательнаго изученія вопроса о преобразованіи русскихъ среднихъ учебныхъ заведеній, я пришелъ къ совершенно другому убѣжденію, именно, что всѣ энергическія усилія этой газеты направлены къ тому, чтобъ вообще не дать установиться въ Россіи никакой правильно устроенной средней общеобразовательной школѣ, ни классической, ни реальной. Я, конечно, не могу здѣсь представить вамъ, милостивые государи, во всѣхъ подробностяхъ тактику московской газеты въ данномъ вопросѣ и ограничусь только изложеніемъ самыхъ главныхъ приѣмовъ ея. Эти приѣмы—наши старые знакомые, точно такъ же, какъ и вся тактика газеты противъ несогласныхъ съ нею органовъ русской печати, о чемъ я уже подробно говорилъ въ моемъ первомъ чтеніи“.

Мы не станемъ приводить здѣсь изъ этого перваго чтенія подробностей объ этихъ приѣмахъ „Московскихъ Вѣдомостей“, и ограничимся только указаніемъ заключительнаго вывода: „всѣ эти крайне недобросовѣстные приѣмы,—говоритъ авторъ,—я, въ сожалѣнію моему, встрѣтилъ въ передовыхъ статьяхъ московской газеты, писанныхъ по поводу вышеупомянутаго пересмотра училищныхъ статутровъ 1862 года, которые я долженъ былъ вновь внимательно перечитать, чтобъ выиснять себѣ и представить вамъ дѣйствительныя причины настоящаго положенія русской школы. Во-истину, самый страшный вредъ, особенно по его обширнымъ, глубокимъ и продолжительнымъ послѣдствіямъ, причиняютъ странѣ подобныя властолюбивыя органы печати, когда они устремляются на школу, и имъ удается обойти училищныя власти, получить руководящее на школу вліяніе и поселить въ ней *духъ своихъ партій* (курсивъ въ подлинникѣ).

„Духъ партій въ школѣ! Несчастныя дѣти, которымъ приходится учиться въ такой школѣ! Мы (нѣмцы) хорошо знаемъ, какое это зло,

потому что на себѣ испытали и теперь испытываемъ гибельныя послѣдствія духа партій, заразившаго нашу школу. Прежде всего, когда проникаетъ духъ партій въ школу, становится совершенно невозможнымъ твердое, спокойное, правильное веденіе священнаго дѣла воспитанія юношества. Всѣ честные дѣятели — ректоры, учителя, воспитатели, заботящіеся единственно только о правильномъ и основательномъ умственномъ и нравственномъ развитіи учащагося юношества, тотчасъ же оставляютъ школу, если имѣютъ хоть какую-нибудь возможность пріобрѣсти средства на другихъ поприщахъ для своего существованія. Тѣ же изъ нихъ, которые, по своему безвыходному положенію, вынуждены оставаться въ школѣ, съ сокрушеннымъ сердцемъ и угнетеннымъ духомъ продолжаютъ свою безотрадную дѣятельность. Взамѣнъ этихъ честныхъ, опытныхъ дѣятелей, въ школу открывається широкій входъ всѣмъ людямъ вліяющей партіи — невѣждамъ, лицемѣрамъ, льстецамъ, ханжамъ, шпионамъ, іезуитамъ и т. д. Можетъ ли школа, при самомъ усиленномъ и сосредоточенномъ обученіи дѣтей древнимъ языкамъ, математикѣ или реальнымъ наукамъ, имѣть хотя какое-нибудь благотворное нравственное на нихъ вліяніе? У насъ еще до сихъ поръ высказывается нерѣдко мнѣніе, даже многими педагогами, что обученіе древнимъ языкамъ представляетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и главное средство для нравственнаго воспитанія юношества. Это — одинъ изъ самыхъ вредныхъ и самыхъ нецѣльныхъ педагогическихъ предразсудковъ! Преподаваніе древнихъ языковъ, какъ и всѣхъ другихъ предметовъ, сообщаетъ только извѣстныя познанія и можетъ сообщить извѣстное умственное развитіе; правильное же или ложное нравственное развитіе и направленіе учащагося юношества зависитъ отъ нравственныхъ качествъ его наставниковъ и воспитателей. Какое же честное, здоровое нравственное направленіе можетъ получить учащееся юношество, если въ его школу проникъ духъ партій, изгнавшій изъ нея опытныхъ, честныхъ дѣятелей? Мы всѣ, наши семьи, наше общество, нашъ народъ, все наше отечество, вся Германія испытываютъ на себѣ пагубныя послѣдствія духа партій, утвердившагося въ нашей школѣ. Современная упорная борьба, которую ведетъ наше правительство съ клерикалами и которая еще Богъ знаетъ чѣмъ кончится, есть прямое слѣдствіе духа клерикальной партіи, въ которомъ воспитывалось все наше юношество, особенно во время министерства фонъ-Мюлера!“

Но обратимся къ нашему предмету. Въ виду сдѣланнаго заявленія, что у насъ были органы печати, считающіе классическую литературу „мертвечиною“, мы должны были сказать, что нами никогда не утверждалось ничего подобнаго; еще менѣе мы могли

утверждать, что изученіе древнихъ языковъ излишне, потому что на нихъ „не говорятъ“; мы даже готовы опровергать тѣхъ ораторовъ изъ керченскихъ грековъ, которые выражали благодарность министерству и усматривали въ классической системѣ распространеніе въ Россіи ихъ „родного языка“; такія соображенія керченскихъ грековъ, претендующихъ на происхожденіе отъ Перикла, вовсе не основательны, и классическіе языки имѣютъ свой *raison d'être*, независимо отъ личныхъ выгодъ обывателей Керчи. Что не мы считали классическую литературу „мертвечиной“, доказательствомъ тому служить, наконецъ, и то, что мы допускали пользу преподаванія латинскаго языка въ реальныхъ училищахъ, подобно тому какъ оно введено въ реальныхъ училищахъ перваго разряда въ Германіи. Правда, мы не признавали обязательнымъ и полезнымъ для Россіи вводить на ново въ гимназіи все то, чтó въ Европѣ держится въ гимназіяхъ изстари, и потому именно не признавали, что вся новѣйшая исторія гимназіи въ Европѣ представляетъ рядъ отступленій отъ исключительнаго господства древнихъ языковъ въ пользу другихъ научныхъ предметовъ. Но вѣдь и не мы одни расходились съ примѣромъ Европы. Читатель нашихъ статей и цитируемаго нами нынѣ „отвѣта“, если паровая машина привезетъ его въ Пруссію, убѣдится, что реальные школы въ этой странѣ поставлены на строго научномъ основаніи, что онѣ даютъ всестороннее общее образованіе, даже съ однимъ древнимъ языкомъ, а не имѣютъ исключительной цѣлью „подготовку практическихъ дѣятелей“; онъ убѣдится, что въ Пруссіи, на которую ссылается, между прочимъ, „отвѣтъ“, воспитанники высшихъ реальныхъ училищъ давно допущены на нѣкоторые университетскіе факультеты какъ разъ передъ тѣмъ фактомъ, что у насъ воспитанники реальныхъ гимназій безусловно были лишены этого права. Если при этомъ допущено было, что для Россіи необязателенъ примѣръ Германіи въ реальныхъ училищахъ, то почему же и мы не имѣли право допустить, что не все еще неотмѣненное доселѣ въ германскихъ гимназіяхъ безусловно обязательно для Россіи, гдѣ оно вводилось вновь? Почему же думать, что, высказывая такіа мнѣнія, мы только имѣли намѣреніе „помѣшать дѣлу реформы и не допустить у насъ правильной постановки европейской школы?“

Но все же нельзя не видѣть въ официальныхъ заявленіяхъ, вывапныхъ привѣтствіями и тостами во время поѣздки, одну утѣшительную сторону, а именно указаніе на фактъ, что министерство народнаго просвѣщенія, повидимому, дорожить заявленіемъ изъ среды общества и перестало подозрѣвать семью во враждебномъ настроеніи. Должно само собою разумѣться, что оно дорожить въ этомъ искренностью, а не похвалами только. Стало быть, и искреннія ука-

занія на недостатки должны найти въ немъ вниманіе. Безъ этого, какую же цѣну имѣли бы только одні похвалы? Что касается свойства рѣчей, произнесенныхъ при торжественныхъ случаяхъ и тостахъ мѣстными дѣателями, то мы, нисколько не сомнѣваясь въ ихъ искренности и въ томъ, что представители всѣхъ другихъ мѣстностей имперіи повторили бы ихъ при подобныхъ же случаяхъ, а также отдали бы равную справедливость и заслугамъ всѣхъ другихъ министровъ, при посѣщеніи любымъ изъ нихъ нашихъ городовъ, — пожелали бы найти въ этихъ рѣчахъ нѣсколько болѣе опредѣленныхъ и живыхъ мыслей, чѣмъ сколько намъ случилось усмотрѣть нынѣ. Кромѣ искреннихъ выраженій благодарности и понятнаго сочувствія, мы не нашли въ этихъ рѣчахъ ничего такого, что могло бы служить полезнымъ указаніемъ для успѣха той самой реформы, къ которой сочувствіе выражалось такъ согласно со всѣхъ сторонъ. Въ Бердянскѣ сочувствіе учебной реформы, какъ она произведена въ Россіи, было даже высказано со стороны иностранныхъ державъ, въ лицѣ ихъ представителей. За обѣдомъ присутствовали консулы, и въ ихъ честь былъ провозглашенъ слѣдующій тостъ, переданный и „Московскими Вѣдомостями“ въ такихъ словахъ: „въ заключеніе министръ предложилъ тостъ за представителей (?) иностранныхъ державъ, своимъ присутствіемъ почтившихъ праздникъ русскаго народнаго образованія“. Вѣроятно, тостъ былъ переданъ московскою газетою невѣрно, такъ какъ изъ любого учебника международнаго права можно узнать, что консулы, которыхъ специальность—дѣла торговли, нигдѣ, кромѣ Азіи, представителями иностранныхъ державъ не признаются, и фактъ, что они въ Бердянскѣ были приглашены къ обѣду, вовсе не былъ равносильенъ признанію русской учебной реформы иностранными державами, какъ, быть можетъ, полагаютъ корреспондентъ московской газеты или сама редакція; такое незнаніе азбуки международнаго права съ ихъ стороны близко граничитъ съ классическимъ невѣжествомъ.

„Московскія Вѣдомости“ вообще легко впадаютъ еще и въ тотъ недостатокъ, который называется *indiscrétion*. Такъ, въ передовой статьѣ по поводу поѣздки русскаго министра, которая ничѣмъ въ сущности не отличалась отъ поѣздокъ другихъ русскихъ министровъ, развѣ напечатаніемъ рѣчей и тостовъ, московская газета слѣдила слѣдующее сравненіе: „вообще, нынѣшнее путешествіе графа Д. А. Толстого, сопровождающееся рядомъ блестящихъ овацій, напоминающихъ оваціи въ честь прусскаго министра народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ д-ра Фальва въ Прирейскихъ провинціяхъ, показываетъ, что дѣло недоброжелателей учебной реформы окончательно проиграно“. Сравненіе это не совсѣмъ вѣрно. Извѣстно, что оваціи въ При-

рейнской провинціи дѣлались г. Фальку не въ качествѣ министра народнаго просвѣщенія, но въ его качествѣ министра духовныхъ дѣлъ, и именно дѣлались противнику клерикальныхъ вліаній, автору законопроектовъ, устранившихъ всякое вліаніе духовенства на школы, и рѣшившемуся поддерживать на Рейнѣ реальныя училища въ ущербъ классическимъ, гдѣ преобладаютъ клерикалы и ультрамонтаны. Кромѣ того, оваціи въ честь Фалька дѣлались его избирателями, и имѣли значеніе политическаго факта. Но если, несмотря на такое несходство, оваціи, бывшія у насъ, могутъ свидѣтельствовать, что дѣло недоброжелателей учебной реформы окончательно проиграно, то мы первые тому порадуемся. Намъ останется только пожелать, чтобы министръ юстиціи совершилъ такое же путешествіе, и чтобы рѣчи сочувствія въ судебной реформѣ могли послужить залогомъ, что дѣло недоброжелателей ея въ редакціи „Московскихъ Вѣдомостей“ проиграно окончательно.

Передъ русскою политикою въ Средней Азіи недавно вновь представился вопросъ, столь часто возникающій при соприкосновеніи европейскаго государства съ неустроенными, полуварварскими племенами: идти еще далѣе впередъ, для обезпеченія уже приобрѣтеннаго ранѣе, или отказаться, во что бы то ни стало, отъ дальнѣйшаго расширенія территоріи, расширенія, которому не предвидится конца. Событія въ коканскомъ ханствѣ, изгнаніе Худояра-хана и послѣдовавшее затѣмъ нападеніе коканцевъ на территорію, занятую нашими войсками, привели къ занятію нами столицы ханства. Для обезпеченія нашихъ владѣній, мѣстное начальство признаетъ нужнымъ отодвинуть нашу границу съ Коканомъ до береговъ Сыръ-Дарьи и впадающей въ нее рѣки Нарына. Присоединеніе этой сѣверо-западной части коканскаго ханства объясняется необходимостью отдалить его границу съ нами отъ главныхъ пунктовъ нашихъ поселеній и нашей торговли. Затѣмъ, представлялся вопросъ, что дѣлать съ остальной частью Кокана: оставить ли за нимъ такую вассальную самостоятельность, какая оставлена за Живой, или включить все ханство цѣликомъ въ русскія владѣнія? Не трудно предвидѣть, что бывшія нестройства и ихъ послѣдствія могутъ повториться, и что тогда пришлось бы, пожалуй, вновь дѣлать то, что уже было сдѣлано—по слухамъ, не безъ особеннаго счастья, — въ сраженіи подъ Махрамомъ? Но, съ другой стороны, противъ этого представляются весьма вѣсныя соображенія. Во-первыхъ, гдѣ бы мы ни остановились, на половинѣ прежнихъ владѣній Кокана, или на крайней, юго-восточной его границѣ, исторія будетъ все та же, положеніе наше будетъ одинаково; сосѣдями нашими будутъ неустроенныя племена, съ которыми ника-

кая граница не можетъ быть обезпечена. Во-вторыхъ, положеніе дѣлъ въ Европѣ теперь таково, что Россія должна быть на-сторожѣ. Теперь менѣе, чѣмъ когда-либо—время вдаваться гадательнымъ образомъ въ глубь Средней Азіи и увеличивать сферу уязвимости нашей на далекомъ востокѣ. Намъ долженъ занимать въ настоящій моментъ тотъ „восточный“ вопросъ, который ближе средне-азиатскаго и гораздо важнѣе его. Вотъ почему нельзя не пожелать, чтобы изъ Петербурга предписано было въ Ташкентъ не подвигаться болѣе впередъ ни въ какомъ случаѣ и ни подъ какимъ предлогомъ.

Восточный вопросъ, повидимому, приближается къ той порѣ, когда его можно будетъ назвать открытіемъ наслѣдства послѣ оттоманской имперіи. Герцеговинское возстаніе само по себѣ могло быть только эпизодомъ, неоднократно повторявшимся въ дѣлахъ Европейской Турціи. Оно уже казалось направленнымъ на пути переговоровъ въ границы самаго умѣренного дипломатическаго соглашенія. Австрійскому правительству предоставлено было начертать условія, которыя три союзныя имперіи взяли бы предложить Портѣ. По всей вѣроятности, условія эти предоставили бы возставшимъ округамъ нѣкоторую автономію; автономія областей, пограничныхъ съ Австріею, вѣроятно, поставила бы ихъ подъ австрійское вліяніе по самой сущности дѣла, а не потому только, что Австрія редижировала бы условія этой автономіи. Но вотъ, дѣло неожиданно усложнилось приостановленіемъ платежей по иностраннымъ займамъ турецкой имперіей, короче—частнымъ банкротствомъ ея. Это обстоятельство рѣшительно повліяло на отношеніе къ вопросу о прочности оттоманской имперіи общественнаго мнѣнія Англіи и мнѣнія ея правительства. Представилась возможность, безъ всякой опасности какихъ-либо столкновеній, сдѣлать для Герцеговины и Босніи болѣе, чѣмъ предполагалось сдѣлать сперва. Этотъ оборотъ былъ благопріятенъ для осуществленія тѣхъ желаній, которыя въ русской печати—между прочими органами и нами—высказывались съ самаго начала, но высказывались безъ увѣренности, что имъ суждено осуществиться. Уже въ прошломъ октябрѣ, въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ появилось сообщеніе, въ которомъ, во-первыхъ, была та весьма примѣчательная черта, что согласіе трехъ дружественныхъ имперій въ первый разъ было названо *союзомъ*, причѣмъ было сказано, что „союзъ этотъ является предъ Европою не рѣшителемъ судьбы, а охранителемъ ея свободы и блюстителемъ ея спокойствія“, и прибавлялось, что „доступъ въ этотъ союзъ открытъ всѣмъ, ищущимъ мира“. Во-вторыхъ, въ томъ „сообщеніи“ высказывалось, что султанскаго „ираде“ не достаточно для успокоенія и обезпеченія

христіанскихъ жителей, которыхъ „довѣріе къ подобнымъ правительственнымъ актамъ поколеблено“. Заявлялось, что Россія не „принесла въ жертву союзу того сочувствія, которое питала постоянно къ угнетенному христіанскому населенію Турціи“, и въ заключеніе объявлялось, что „бѣдственный порядокъ вещей, продолжавшійся доселѣ въ Турціи, въ ущербъ интересамъ Порты, подданныхъ ея и Европы, долженъ будетъ прекратиться“.

Но за этимъ „сообщеніемъ“, вышедшимъ 17-го октября, появилось, 4-го ноября, второе. Въ промежуткѣ перемѣна въ настроеніи Англіи обозначилась настолько, что можно было не только обѣщать, что будетъ сдѣлаво нѣчто серьезное для обезпеченія Герцеговины и Боснии, но и имѣть увѣренность, что усилія, къ этой цѣли направленныя, не вызовутъ никакихъ столкновеній. Сообщение 4-го ноября опровергаетъ всѣ высказанныя въ европейской печати опасенія, и притомъ не упоминаетъ уже объ усиліяхъ трехъ имперій отдѣльно, но дважды говоритъ объ усиліяхъ трехъ сѣверныхъ державъ „при содѣйствіи другихъ европейскихъ кабинетовъ“, и приводитъ въ концѣ, какъ ручательство за мирное достиженіе благоприятнаго результата— „взаимное довѣріе и согласіе великихъ державъ“, то-есть всѣхъ шести главныхъ государствъ Европы.

Между тѣмъ, со стороны сентъ-джемскаго кабинета явилось не ожиданное, но краснорѣчивое свидѣтельство о томъ, что сама Англія смотритъ нынѣ на восточный вопросъ діаметрально-противоположно преданіямъ Пальмерстоновской политики, а именно такъ, какъ смотрѣла на него Россія въ послѣдніе годы царствованія императора Николая, то-есть видитъ въ восточномъ вопросѣ вопросъ о близкомъ открытіи наслѣдства оттоманской имперіи. Не иначе, какъ въ виду близости ея разложенія, англійское правительство сочло нужнымъ обезпечить себѣ сообщеніе съ Индією другимъ путемъ, а именно прибрать въ свои руки Египетъ, который нынѣ, по справедливому замѣчанію газеты „Temps“, есть только „приложеніе (аппендѣ) Суэзскаго канала“. Англійское правительство приобрѣло у хедива принадлежащія ему, въ качествѣ главнаго владѣльца Суэзскаго канала, 177 тысячъ акцій компаніи этого канала, цѣною на 100 миліоновъ франковъ, съ открытіемъ хедиву кредита на эту сумму въ лондонскихъ банкахъ, по воспослѣдованіи утвержденія этой сдѣлки палатою общинъ. Мы придаемъ этому факту цѣну преимущественно въ томъ именно смыслѣ, что онъ удостовѣряетъ примиреніе Англіи съ мыслью о близкомъ разложеніи турецкой имперіи. Въ англійскихъ же газетахъ, которыя нынѣ, подъ вліяніемъ національнаго самолюбія, сильно увязленного отиѣною нѣкоторыхъ статей трактата 1856 года и расширеніемъ нашихъ владѣній въ Средней Азіи, вообще

склонны привѣтствовать хотя бы малѣйшее проявленіе энергіи въ своемъ Foreign office, — неожиданный маневръ, произведенный графомъ Дѣрби и г. Дизраэли произвелъ нѣкоторый энтузіазмъ и вызвалъ выраженія самыхъ оптимистскихъ взглядовъ на будущность остъ-индскихъ владѣній, сохранность которыхъ нынѣ обезпечена подчиненіемъ Египта преобладанію Англіи, являющейся въ качествѣ главнаго акціонера Суэзскаго канала. Намъ можетъ казаться, что англійское общественное мнѣніе за время управленія г. Гладстона слишкомъ привыкло смотрѣть на вещи съ исключительно-коммерческой точки зрѣнія и видѣть реальную силу преимущественно въ коммерческихъ соглашенияхъ. Нѣтъ спору, что во время мира владѣніе 177-ю тысячами акцій Суэзскаго канала дастъ Англіи преобладающей голосъ въ Египтѣ. Но вѣдь оно не дастъ ей права строить форты и содержать свои гарнизоны въ странѣ, остающейся независимой. А въ моментъ войны важно будетъ не то, кто сколькоими акціями владѣетъ въ суэзской компаніи, но кто можетъ высадить на Суэскомъ перешейкѣ сто тысячъ человекъ, а это только двадцать. Англія приобрѣла акціи, но тѣмъ самымъ произвела весьма неблагоприятное впечатлѣніе на Францію, то-есть единственнаго союзника, который въ моментъ опасности могъ бы обѣщать ей десантъ въ достаточныхъ размѣрахъ. Но, впрочемъ, это—дѣло Англіи. Что же касается насъ, то такой оборотъ не можетъ представлять для Россіи ничего неблагоприятнаго; совсѣмъ напротивъ. Тѣмъ сильнѣе, очевиднѣе становится необходимость союза съ Россіею, въ моментъ всякаго кризиса, Франціи, а также и Италіи, другой державы, имѣющей интересы въ Африкѣ и немогущей быть равнодушною къ преобладанію англійскаго вліянія на Суэзѣ и въ Египтѣ вообще. Стало быть, тѣмъ болѣе ручательства въ содѣйствіи намъ другихъ европейскихъ державъ, кромѣ двухъ дружественныхъ Россіи нынѣ имперій. Могущество Россіи въ Европѣ, которое такъ много выиграло отъ событій послѣдняго пятилѣтія, нынѣ, сколько можно предполагать, должно еще возрасти, и позволительно ожидать, что она воспользуется своимъ положеніемъ какъ для прочнаго, благоприятнаго христіанамъ рѣшенія герцеговинскаго вопроса, такъ и для направленія всего восточнаго вопроса въ смыслѣ, согласномъ съ сочувствіемъ русскаго общества и преданіями русской политики.

Въ истекшемъ мѣсяцѣ Россія лишилась одного изъ своихъ виднѣйшихъ государственныхъ дѣятелей за послѣднее двадцатилѣтіе; 3-го ноября скончался въ Ниццѣ *Константинъ Владиміровичъ Чевкинъ*. Начавъ свою дѣятельность въ военной службѣ, съ 1823 года,

К. В. Чевкинъ, благодаря своимъ блестящимъ способностямъ и необыкновенному трудолюбію, обратилъ на себя особое вниманіе покойнаго Государя и сдѣлалъ весьма быструю карьеру: черезъ девять лѣтъ по выходѣ изъ пажескаго корпуса онъ уже былъ генерал-майоромъ. Военныя заслуги были имъ оказаны въ войнахъ персидской, турецкой и польской, въ чинахъ оберъ-офицерскихъ и штаб-офицерскихъ; въ генералы онъ былъ произведенъ уже не въ военное время, и вслѣдъ за этимъ производствомъ былъ назначенъ начальникомъ штаба корпуса горныхъ инженеровъ. Онъ, съ обычной своей добросовѣстностью и рвеніемъ къ труду, сталъ изучать незнакому ему горную спеціальность и не ограничился собственно ею, но вообще сталъ изучать инженерное и механическое дѣло, такъ что при учрежденіи комитета по постройкѣ первой большой желѣзной дороги въ Россіи былъ назначенъ его членомъ. Затѣмъ, въ 1856 году, онъ былъ назначенъ главноуправляющимъ путями сообщенія, послѣ графа Клейнмихеля, и при немъ положено было начать сѣти русскихъ желѣзныхъ дорогъ учрежденіемъ „Главнаго общества“, которое, впрочемъ, далеко не исполнило своей программы, вошло въ долги передъ казною и было впоследствии преобразовано, съ усиленіемъ правительственнаго въ немъ вліянія. Спеціальность гражданскаго строительства не была для Чевкина совершенно чуждою, и самъ онъ все-таки работъ никогда не производилъ и спеціалистомъ не былъ. Но чего ему не доставало въ этомъ отношеніи, онъ старался восполнить добросовѣстнымъ усвоеніемъ себѣ каждаго дѣла въ отдѣльности, и можно сказать не было ни одного проекта, который онъ бы утверждалъ или представлялъ на утвержденіе, не усвоивъ себѣ и совершенствѣ всѣ его основанія и условія. Если при этой дѣятельности Чевкина и произошли нѣкоторыя ошибки, то онѣ зависѣли не отъ непониманія имъ дѣла, но отъ недостатка полной самостоятельности; того личнаго вліянія, какое принадлежало его предмѣстнику, онъ не имѣлъ; быть можетъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ хотѣлъ бы дѣйствовать иначе, чѣмъ дѣйствовалъ.

Но главная заслуга Чевкина заключалась въ третьей спеціальной дѣятельности, къ которой онъ былъ призванъ въ званіи предсѣдателя департамента экономіи государственнаго совѣта. Уравновѣшеніе бюджета зависѣло отъ его неутомимыхъ трудовъ столько же, сколько отъ свѣтлыхъ идей и твердой воли покойнаго Татаринова и заботливости нынѣшняго министра финансовъ. Участіе въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ и въ мѣрахъ по объединенію царства польскаго съ имперією дополняетъ рядъ государственныхъ заслугъ того способнаго и трудолюбиваго дѣятеля, котораго нынѣ лишилась Россія и котораго исторія ея помянетъ своимъ добрымъ словомъ.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ БЕРЛИНА.

12/24 ноября, 1875.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНІЕ ГЕРМАНИИ НАКАНУНѢ
НОВОЙ СЕССИИ РЕЙХСТАГА.

Двѣ послѣднія мои корреспонденціи посвящены были исключительно экономическимъ и научнымъ вопросамъ; политическая сфера оставалась нетронутой почти въ теченіе шести мѣсяцевъ; но съ мая мѣсяца воинственные слухи, встревожившіе всю Европу, внезапно заглохли, и затѣмъ наступило полнѣйшее политическое затишье. Будущему историку нашей эпохи придется, по всей вѣроятности, посвятить Германіи за это полугодіе немного страницъ, такъ какъ за этотъ періодъ времени не произошло ни одного событія, сколько-нибудь выдающагося; даже самая поѣздка императора Вильгельма въ Миланъ, съ точки зрѣнія практическихъ результатовъ, прошла безслѣдною.

Когда князь Бисмаркъ уѣхалъ весною изъ Берлина, сессія прусскаго ландтага была еще не заключена. Она плелась безъ всякихъ интересныхъ происшествій и при полномъ безучастіи общества, особенно замѣтномъ, такъ какъ послѣ предшествовавшихъ воинственныхъ слуховъ наступила всеобщая апатія. Въ настоящее время трудно объяснить себѣ возникновеніе этихъ слуховъ, о которыхъ послѣднее слово еще не сказано. Только исторія можетъ разъяснить, дѣйствительно ли въ мартѣ и апрѣлѣ прошлаго года миру угрожала опасность, или все это была одна пустая тревога. Во всякомъ случаѣ всѣ очень обрадовались миру, такъ какъ несомнѣнно, что нѣмецкій народъ—народъ крайне миролюбивый и почти свободенъ отъ повинности. Эти миролюбивыя наклонности только усиливаются всеобщей воинской повинностью, и я увѣренъ, что всякій народъ, хоть разъ ерѣзно воевавшій при условіяхъ всеобщей воинской повинности, дѣлается весьма миролюбивымъ и можетъ быть съ успѣхомъ принимается къ оружію правительствомъ своей страны только въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда собственно война и умѣстна.

Но чтó бы ни думали о событіяхъ апрѣльскихъ и майскихъ, одно несомнѣнно, что въ ту пору въ политической сферѣ сказалось крайне иррациональное настроеніе. Алармисты въ Германіи и ихъ противники спорятъ теперь о томъ, кто былъ правъ, кто виноватъ. Первые утверждаютъ, что не будь этихъ слуховъ, французы пошли бы дальше, какъ что дѣло дошло бы, наконецъ, до настоящаго столкновенія; погнѣдніе же говорятъ, что если слухи были распущены съ этою цѣлью,

то это было совсѣмъ лишнее, такъ какъ французы никогда серьезно и не помышляли о войнѣ. Быть можетъ, обѣ партіи неправы. Слухи могли быть безцѣльны, но что французы въ первыя времена по заключеніи мира серьезно помышляли о войнѣ—кажется мнѣ не подлежащимъ сомнѣнію. Хотя одна испанская поговорка и говоритъ: „месть—такое блюдо, которое слѣдуетъ ѣсть холоднымъ“, но большинство людей и націй предпочитаетъ не откладывать мщенія въ дальній ящикъ, и война возмездія съ большимъ одушевленіемъ будетъ вестись націей подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ непріятельскаго вторженія, чѣмъ тогда, когда воспоминаніе о немъ сгладится. Если позволено высказывать личныя мнѣнія въ политическихъ дѣлахъ, то я откровенно сознаюсь, что до весны прошлаго года раздѣлялъ тотъ взглядъ, что французы предпримутъ войну возмездія при первой возможности, но что теперь я полагаю, — убѣдившись въ бесплодности войны возмездія, они спокойно занялись восстановленіемъ внутренняго порядка, преобразованіемъ арміи и будутъ выжидать благоприятнаго политическаго момента, такъ что съ этой стороны можно рассчитывать на продолжительный миръ.

Въ настоящее время очень легко смѣяться надъ тѣми, кого тревожили воинственныя стремленія Франціи; но если всѣ другіе аргументы за вѣроятность скорой войны возмездія и не выдерживаютъ критики, то слѣдующій безспоренъ, а именно: продолжительный миръ можетъ ослабить симпатизирующую французамъ партію въ Эльзасъ-Лотарингіи, подкрѣпить ту, которая симпатизируетъ Германіи и пріучить массу населенія къ отложенію отъ Франціи, къ присоединенію къ Германіи и вообще къ новому порядку вещей.

Стоить только поглядѣть на измѣнившійся образъ дѣйствій эльзасъ-лотарингскихъ депутатовъ въ рейхстагѣ, чтобы убѣдиться въ этомъ. Хотя при обсужденіи бюджета Эльзасъ-Лотарингіи, происходившемъ на-дняхъ, Герберъ (лучшій ораторъ изъ эльзасъ-лотарингскихъ депутатовъ) заявилъ массу жалобъ, однако не такъ враждебно держалъ себя, какъ прежде. Герберъ, впрочемъ, принадлежитъ къ ультрамонтанамъ, которые явились сюда затѣмъ, чтобы подкрѣпить собой ряды ультрамонтанъ, засѣдающихъ въ рейхстагѣ, а состоящая партія протеста (т. е. тѣ, которые были избраны лишь затѣмъ, чтобы своимъ единовременнымъ появленіемъ протестовать противъ присоединенія) держится въ сторонѣ отъ рейхстага; но населеніе, безъ сомнѣнія, вскорѣ придетъ къ заключенію, что участіе ихъ представителей въ рейхстагѣ можетъ дать имъ большія матеріальныя выгоды, а для массы это всегда сильная приманка.

Выгоды, представляемыя амальгамированіемъ Эльзасъ-Лотарингіи съ Германіей такъ очевидны, что германскіе государственные люди

должны были бы быть не въ мѣру воинственными, еслибы, несмотря на то, пожелали начать войну, такъ какъ что касается силы арміи, то Франція и Германія въ этомъ отношеніи могутъ поспорить другъ съ другомъ.

Настоящіе друзья правительства, имѣющіе значительныя политическія связи, не скрываютъ, что поднявшійся въ Германіи гвалтъ послужилъ предостереженіемъ для французовъ, но упрекаютъ правительство въ томъ, что этотъ воинственный гвалтъ чрезвычайно какъ повредилъ нѣмецкой промышленности, которая въ то время только-что начала оправляться отъ кризиса и приступать къ новымъ предпріятіямъ. Я не берусь рѣшить, основателенъ ли этотъ упрекъ, такъ какъ множество обстоятельствъ содѣйствовало тому, чтобы парализовать промышленность; а что касается биржи, условія которой, конечно, не тождественны съ условіями, въ какихъ стоитъ промышленность, но которая однако должна служить барометромъ и для промышленности, то на ней совсѣмъ не отозвался великій воинственный гвалтъ; между тѣмъ съ тѣхъ поръ, какъ весь міръ убѣдился въ прочности мира, она пришла въ весьма жалкое состояніе.

Какъ бы то ни было, одно несомнѣнно, что уже въ іюнѣ ни одна душа не заботилась о политикѣ, что во всей странѣ царствовалъ глубокой миръ, такой глубокой, что когда князь Бисмаркъ объявилъ о своемъ намѣреніи взять отпускъ и дѣйствительно взялъ его, то это не произвело даже никакой сенсаціи.

Исходъ Арнимскаго процесса, который, какъ извѣстно, уже въ декабрѣ мѣсяцѣ рѣшенъ былъ въ первой инстанціи, снова и ярко доказалъ, что князь Бисмаркъ превосходитъ знаніемъ политическаго положенія лицъ и проницательностью всѣхъ другихъ государственныхъ людей; но и это впечатлѣніе скоро улеглось, и только въ самое послѣднее время удалось графу Арниму снова привлечь вниманіе на этотъ фактъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что князь Бисмаркъ сталъ съ 1866 г. и въ особенности съ 1870 г. популярнымъ человекомъ въ Германіи, но лично онъ не симпатиченъ даже для своихъ ближайшихъ политическихъ единомышленниковъ и держится въ уединенномъ величіи и почти неприступной замкнутости, допуская въ свой интимный кружокъ два или три довѣренныхъ лица, которыя однако не болѣе какъ его орудія и даже не могутъ назваться въ настоящемъ смыслѣ политическими дѣятелями. Эти послѣдніе, принадлежатъ ли они къ парламентскимъ или правительственнымъ кружкамъ, постоянно чувствуютъ себя неловко въ сношеніяхъ съ канцлеромъ и сознаютъ, что они нужны ему лишь временно, и что когда онъ достигнетъ своихъ цѣлей, то безъ церемоніи устранить ихъ съ своего пути. Эта безза-

стѣнчивость или, если хотите, этотъ эгоизмъ канцлера составляетъ неоспоримый фактъ, и хотя съ нимъ примиряетъ мысль, что онъ эгоистиченъ не для себя, а для государства, тѣмъ не менѣе приращеніе не легко для тѣхъ, кто становится жертвой его эгоизма. Напомню, для примѣра, хотя бы о томъ, какъ въ началѣ прошлаго года, когда рейхстагу предстояло обсуждать военный законъ, князь Бисмаркъ оставлялъ своихъ ближайшихъ политическихъ друзей въ увѣренности, что правительство будетъ стоять за законъ безусловно, и какъ потомъ онъ неожиданно заключилъ съ національ-либералами известную сдѣлку, въ силу которой мирный наличный составъ войскъ опредѣленъ согласно удлиненному семилѣтнему сроку. Хотя консерваторы применили тогда къ сдѣлкѣ, но они не простили нанесеннаго имъ удара.

Политическіе дѣятели въ Германіи не поддерживаютъ другъ съ другомъ и съ своими единомышленниками такихъ постоянныхъ сношеній, какія существуютъ въ этомъ случаѣ въ Англіи и во Франціи. Какъ только въ этихъ послѣднихъ странахъ начнутся канкулы, такъ министры и депутаты предпринимаютъ различныя мѣрки съ цѣлью политической пропаганды. Въ Германіи каждый предается, послѣ совершеннаго труда, отдыху, какъ это дѣлаютъ дѣды, занимается личными дѣлами, газеты ведутъ политику въ свой собственный страхъ, и все обыкновенно приходитъ въ такій безпорядокъ, что при началѣ новой парламентской сессіи проходитъ нѣсколько недѣль, прежде чѣмъ политическіе единомышленники столкнутся между собой. Что такой порядокъ вещей крайне невыгодно отражается на политической жизни, — которая благодаря ему идетъ какими-то скачками, — это очевидно. Немало содѣлываетъ усиленію этой сумятицы замкнутость, въ какую заключилъ себя съ мая и держитъ по сіе время министерство иностранныхъ дѣлъ относительно прессы, съ которою прежде оно поддерживало многочисленныя, частію признанныя, частію непризнанныя сношенія. Тотъ чиновникъ, который руководилъ этими сношеніями, уволенъ въ отставку, и весь чиновничій міръ замкнулся въ ненарушимое молчаніе. Натурально, эти мѣры признаются за кару и отверженіе такъ называемой оффиціозной прессы, и эта послѣдняя, бывшая всегда безъ того предметомъ жаркихъ нападокъ, теперь предоставлена въ жертву всеобщей ненависти и презрѣнію. Вамъ извѣстенъ, конечно эпитетъ „пресмыкающихся“, которымъ обозначается эта пресса и по крайней мѣрѣ, тѣ журналисты, которые въ ней участвуютъ. Проложеніе его слѣдующее. Это слово уже съ давнихъ поръ довольно часто употреблялось въ политическихъ враждебныхъ партіяхъ Англіи, и въ „Пиквикскомъ клубѣ“, Диккенса, враждебные другъ

другу журналисты маленькаго провинціального городка, гдѣ происходитъ комическая избирательная борьба, взаимно обыываютъ другъ друга „пресмыкающимися“. Быть можетъ князь Бисмаркъ, который любитъ англійскую литературу, изъ нея почерпнулъ это слово, и употребилъ его въ рѣчи, которую произнесъ еще въ 1868 г. По случаю конфискаціи части имущества короля Георга Ганноверскаго, онъ говорилъ о тѣхъ людяхъ, которые для возстановленія Ганноверской династіи не пренебрегаютъ никакими средствами, даже союзомъ съ Франціей, о тайныхъ проискахъ нѣкоторыхъ агентовъ, и назвалъ этихъ людей пресмыкающимися, которыхъ слѣдуетъ истреблять въ ихъ норахъ. Это слово, пущенное въ ходъ Бисмаркомъ, было подхвачено его противниками и обращено противъ тѣхъ органовъ, которые поддерживали политику самого Бисмарка и считались официозными органами. Извѣстно, что нѣкоторый фондъ опредѣленъ на поддержку прессы, но я полагаю, что онъ тратится скорѣе на заграничные журналы, а внутри страны развѣ самая ничтожная сумма идетъ на это дѣло. Изъ берлинскихъ газетъ, напримѣръ, навѣрное ни одна не получаетъ ни одного пфеннига отъ правительства. Только строго официальный Staatsanzeiger издается на счетъ правительства, но суммы, употребляемыя на это, стоятъ въ бюджетѣ и ежегодно опредѣляются палатами. Я признаю, что между тѣми, кто нападаетъ на официозность прессы, есть много честныхъ людей. Несомнѣнно существуетъ опасность, что посредствомъ тайнаго вліянія правительства на органы, по наружности независимые, общественное мнѣніе будетъ ложно направляемо. Однако въ странѣ съ неограниченной свободой прессы правительство, въ конституціонномъ смыслѣ этого слова, не можетъ рассчитывать на прочное существованіе, если не будетъ имѣть за себя вліятельныхъ и многочисленныхъ представителей въ прессѣ. Въ Англии, до сихъ поръ еще остающейся образцомъ конституціонныхъ учрежденій, представительство это устраняется весьма легко и просто, такъ какъ пресса той партіи, изъ которой вышло министерство, беретъ на себя его защиту: сегодня консервативная, завтра либеральная пресса. Напротивъ того, въ Германіи министерства до сихъ поръ выходятъ не изъ парламентскихъ партій, а потому не могутъ рассчитывать на поддержку какой-бы то ни было части прессы, а тѣ газеты, которыя станутъ ихъ защищать, тотчасъ же будутъ сочтены всей оппозиціей за подчиненные, министерскіе, официозные органы. Если когда-нибудь образуется министерство изъ среды національно-либеральной партіи, то само собой разумѣется, что вліятельная національ-либеральная пресса станетъ его поддерживать. То же самое будетъ и съ министерствомъ прогрессивной партіи, когда она—что во всякомъ случаѣ будетъ не скоро—

выдѣлать изъ своей среды министерство. Когда установится такой порядокъ дѣлъ, тогда сами собой прекратятся взаимные переводы. Но можетъ, конечно, произойти и нѣчто иное. Независимость прессы—весьма хорошее слово и весьма благородное дѣло, очень часто принимается въ Германіи такъ, что ее слѣдуетъ удерживать даже и относительно политическихъ единомышленниковъ, разъ они попадаютъ въ члены правительства. На практикѣ это выражается обыкновенно такимъ образомъ, что газеты, которыя раздѣляютъ взгляды какого-нибудь политическаго дѣятеля, становятся къ нему въ оппозицію, какъ скоро онъ дѣлается министромъ, чтобы засвидѣтельствовать о своей независимости.

Въ Пруссіи такъ-называемое министерство новой эры (1859—1862), министерство либеральное, было такимъ образомъ оставлено либеральной прессой безъ всякой поддержки и потому самому намъ. Мысль, что только оппозиція составляетъ политическую роль, достойную независимаго человѣка, весьма глубоко укоренилась въ Германіи. Она, конечно, доказываетъ политическую незрѣлость, потому что политическое развитіе только тогда и возможно, когда политическія идеи, возникшія внѣ министерства, выработанныя неправительственными партіями, позднѣе становятся достояніемъ правительства, в средѣ котораго онѣ нѣсколько видоизмѣняются. Консервативные министры въ Англіи становятся менѣе консервативными, чѣмъ они были съ того времени, какъ заняли мѣсто на министерской скамьѣ, а либерализмъ самыхъ ярыхъ либераловъ нѣсколько блѣднѣетъ, когда они получаютъ портфель. Несмотря на то, первый остался все тѣмъ же консерваторомъ, какимъ былъ прежде, а второй тѣмъ же либераломъ. Но только практика нѣчто иное, чѣмъ теорія. Рядомъ съ независимостью существуетъ еще и другой лозунгъ для прессы: здравый смыслъ. Многіе представители прессы хвалятся тѣмъ, что не принадлежатъ ни къ какой партіи, или, какъ они обыкновенно выражаются, стоятъ выше партій. Они проводятъ свои собственныя идеи, пересказываютъ отъ одной партіи къ другой и иногда лично играютъ блестящую роль, если оригинальны и остроумны. Блестательнымъ образцомъ такой независимости является Эмиль-де Жирарденъ, но за то эта независимость самая худшая, какая только можетъ быть: она производитъ сумятицу въ партіяхъ, пріучаетъ массу публики къ нелогическому политическому мышленію, а къ современному государствѣ, какъ только оно доросло до конституціонныхъ формъ, постоянно прогрессивное движеніе возможно лишь при существованіи хорошо организованныхъ партій.

Неустойчивость внѣшней политики выказалась въ прессѣ особенно ярко на одномъ событіи, дѣйствительной важности, а именно:

возстаніи въ Герцеговинѣ. Какой-то инстинктъ тотчасъ же подсказалъ, что это возстаніе нѣчто иное, чѣмъ тѣ маленькія вспышки, которыя почти каждое лѣто происходятъ на Балканскомъ полуостровѣ. Европейская дипломатія, безъ сомнѣнія, давно уже знала о характерѣ новаго возстанія, потому что уже первыя незначительныя извѣстія возбуждали большое вниманіе. Пресса молчала нѣкоторое время и ограничивалась только сообщеніемъ фактовъ, но когда событія приняли извѣстное опредѣленное направленіе, она заговорила и съ болѣе рѣшимостью и единодушіемъ, чѣмъ когда-либо. Для каждаго, кто слѣдилъ за развитіемъ общественнаго мнѣнія въ послѣднія 25 лѣтъ, было въ высшей степени любопытнымъ явленіемъ то обстоятельство, что наконецъ-то догадались, что турецкіе угнетенные подданные христіане уже въ качествѣ христіанъ заслуживаютъ симпатію всѣхъ остальныхъ. Задолго до крымской войны въ Германіи установился формальный культъ относительно турокъ, заимствованный отъ Англіи, гдѣ его пророкомъ былъ извѣстный Уривардтъ. Для нѣмцевъ и англійскихъ туркофиловъ, турокъ былъ любезнѣйшій человекъ въ мірѣ, справедливый, кроткій, храбрый, экономный, умѣренный и даже, полагаю, несмотря на полигамію, образецъ цѣломудрія. Во всякомъ случаѣ считалось, что онъ и физически и умственно стоитъ гораздо выше варварскихъ христіанскихъ племенъ, находящихся подъ его управленіемъ. Немного лѣтъ тому назадъ прогрессивный, умный и крайне либеральный депутатъ Цеглеръ могъ возставать въ сѣверо-германскомъ рейхстагѣ противъ закона, который долженъ былъ расширить права и полномочія нѣмецкихъ консуловъ на Востокѣ, и доказывать превосходство турецкой юрисдикціи въ рѣчи, торжественно заключенной имъ словами: „я пойду судиться къ кади“. Много обстоятельствъ способствовало тому, чтобы произвести такую путаницу въ умахъ. Считалось признакомъ хорошаго тона и особенно просвѣщеннаго взгляда не давать политическихъ преимуществъ христіанской вѣрѣ. Не малую роль играла при этомъ и прирожденная любовь нѣмцевъ ко всему чужеземному, наконецъ въ то время все еще существовали нѣкоторыя опасенія и антипатіи относительно Россіи, которыя въ новѣйшее время вполне разсѣялись. Итакъ, первой мыслью прессы было, что турецкіе христіане, въ качествѣ христіанъ, заслуживаютъ симпатіи всѣхъ остальныхъ, а второе: дѣйствительно ли такъ безусловно необходимо поддерживать status quo въ Турціи, какъ это въ теченіе многихъ десятковъ лѣтъ утверждалось дипломатами Австріи и Англіи? Въ наше время столько незыблемыхъ на видъ политическихъ понятій развѣялось прахомъ, что естественно съ крайней недовѣрчивостью относиться къ политическимъ идоламъ. Я могу резюмировать результатъ въ слѣдующихъ

короткихъ словахъ: status quo уже больше не считается такой безусловной необходимостью. Всѣмъ ясно, что три европейскія восточныя державы могутъ, какъ скоро пожелаютъ, разрушить это status quo. Нѣмецкая пресса зашла еще далѣе. Она высказала мнѣніе, что австрійскому правительству слѣдуетъ воспользоваться представляющимся случаемъ, расширить свое вліяніе на Востокъ и способствовать образованію новаго независимаго государства. Эта мысль встрѣтила въ Австріи съ одной стороны сильный отпоръ, а съ другой—живѣйшее сочувствіе. Но кажется, что австрійское правительство почувствовало себя оскорбленнымъ тѣмъ, что нѣмецкая пресса какъ бы навязываетъ ему извѣстный политическій образъ дѣйствій, а можетъ быть и то, что германское правительство побоялось щекотливости дружественнаго ему австрійскаго правительства,—но только въ одинъ прекрасный день появилось въ „Staatsanzeiger“ официальное заявленіе, безусловно отвергавшее гадательную политику нѣмецкихъ газетъ и завѣрившее, что высказанные ею взгляды вовсе не гармонируютъ со взглядами на этотъ предметъ союзныхъ державъ. Этими положенъ былъ конецъ доброжелательнымъ усиліямъ прессы, и съ весьма понятнымъ смущеніемъ она оставила этотъ предметъ или, по крайней мѣрѣ, удержала при себѣ свои совѣты и предоставила дипломатіи рѣшать спорный вопросъ, который во всякомъ случаѣ имѣетъ меньшей прямой интересъ для Германіи, чѣмъ для Франціи или Россіи.

Объ ультрамонтанахъ въ послѣднее время что-то замолкли, хотя они и старались привлечь на себя вниманіе. Единственнымъ важнымъ моментомъ въ все еще не прекратившейся борьбѣ между государствомъ и церковью (кромѣ неудачной попытки баварскихъ ультрамонтанъ, низвергнуть настоящее министерство въ Баваріи), было присужденіе бреславльскаго архіепископа Гейнриха Фѵрстера къ лишенію сана, послѣдовавшее во время пребыванія императора въ Баденъ и совершившееся безъ всякаго скандала, такъ какъ архіепископъ за нѣсколько времени передъ тѣмъ предпочелъ удалиться въ австрійскій округъ своей епархіи. Но въ это самое время были измышлены въ ходъ различныя уловки, чтобы повліять на императора, которому выставляли на видъ—какъ сильно негодованіе католическаго населенія на преслѣдованіе его достопочтенныхъ епископовъ; но это вліяніе по прежнему осталось втунѣ, и ультрамонтанамъ придется пережить еще грустное зрѣлище, а именно, что кѣльскій архіепископъ будетъ также лишенъ своего сана. Послѣ неудачнаго похода въ Баваріи они нѣсколько присмирѣли, и такъ какъ отчаялись въ томъ, чтобы настроеніе императора Вильгельма измѣнилось въ благопріятномъ для нихъ смыслѣ, то недавно сдѣлали новую попытку, въ

достоверности которой нельзя сомневаться и которая проливает интересный свѣтъ на ихъ образъ мыслей. Они поручили одному изъ своихъ добиться свиданія съ кронпринцемъ, чтобъ узнать его мнѣніе о церковно-политическихъ дѣлахъ, и то, можно ли надѣяться при его управленіи на перемѣну системы.

Какъ и въ каждомъ монархическомъ государствѣ, гдѣ сверху поддерживается порядокъ, наследникъ престола не заявляетъ о своихъ политическихъ взглядахъ, такъ и кронпринцъ Фридрихъ-Вильгельмъ поступаетъ точно также, и естественно, что это обстоятельство порождаетъ самыя разнообразныя догадки и надежды.

Противники князя Бисмарка шепотомъ толкуютъ о томъ, что дни канцлера сочтены, когда императоръ Вильгельмъ закроетъ глаза, и ультрамонтаны увѣряютъ, что кронпринцъ ничего такъ не желаетъ, какъ возстановить миръ между государствомъ и церковью, т.-е. отмѣнить майскіе законы и предоставить епископамъ въ Пруссіи хозяйничать, какъ имъ вздумается. Правды въ этихъ обоихъ утвержденіяхъ нѣтъ нисколько. Всѣмъ извѣстно, да это и не тайна, а объ этомъ неоднократно заявлялось во всѣхъ газетахъ, что въ важныхъ случаяхъ кронпринцъ имѣлъ продолжительныя бесѣды съ княземъ Бисмаркомъ, напр. передъ тѣмъ, какъ онъ ѣздилъ въ прошломъ апрѣлѣ въ Италію, и нѣтъ никакого основанія не вѣрить людямъ, хорошо посвященнымъ въ эти дѣла, и которые утверждаютъ, что канцлеръ излагаетъ мотивы и цѣли своей политики кронпринцу такъ же, какъ и императору Вильгельму.

Съ ультрамонтанами повторилась та же исторія, что съ творцами послѣднихъ промышленныхъ мошенничествъ. Они такъ долго и успѣшно надували публику, что наконецъ сами повѣрили въ свои плутни, и въ бѣльшей части катастрофы стали ихъ первою жертвою. Итакъ, какъ я уже выше сказалъ, ультрамонтаны подослали посредника, отъ котораго могли въдобавокъ удобно отречься, каноника графа фонъ-Шпее, бывшаго нѣкогда членомъ партіи центра, къ кронпринцу, чтобы вывѣдать мнѣнія послѣдняго. Но кронпринцъ сказалъ имъ правду и объявилъ, что онъ не питаетъ ни малѣйшей вражды ни къ католическому духовенству, ни къ епископамъ, но что и то и другіе обязаны подчиняться законамъ. Хотя ультрамонтаны и отрекались, чтобы кто-либо изъ ихъ среды принималъ на себя роль посредника, но это чистѣйшая игра словъ, основанная на томъ, что графъ Шпее больше не членъ рейхстага. Несмотря на то, онъ очень близокъ съ партіей центра и былъ весьма пригоденъ для роли посредника, причемъ его партія, всегда дожидаящаяся приказаній изъ Рима, могла считать себя ни къ чему не обязанной его посредничествомъ. Случай этотъ показываетъ, что ультрамонтаны очень утом-

лены. Они очень хорошо видятъ, какой громадный вредъ вытекаетъ для ихъ церкви и для духовенства изъ борьбы, безнадежно проигранной, и не сегодня—завтра охотно подчинились бы церковно-политическимъ законамъ, еслибы изъ Рима, гдѣ положеніе дѣлъ въ Германіи совсѣмъ неизвѣстно, а сама Германія ненавидится и презирается, не приходило обратныхъ приказаній. Католическое духовенство въ Германіи и преданная ему клика суть для римской курии безнадежные посты, которые должны держаться до послѣдшаго человѣка, чтобы обезпечить благопріятный оборотъ дѣлъ для главной позиціи.

Можно было бы, пожалуй, счесть за дипломатическую тонкость обращеніе кронпринца съ каноникомъ Шпее, еслибы другія обстоятельства не поясняли образа мыслей кронпринца.

Въ числѣ знаменитыхъ противниковъ ультрамонтанства, стоитъ послѣ князя Бисмарка, д-ръ Фалькъ, министръ просвѣщенія и ненавистнѣйшій для ультрамонтанъ человѣкъ, которому они не пропускаятъ случая дать почувствовать свою ненависть.

Въ прошломъ году случилось такъ, что на одномъ придворномъ праздникѣ, императрица Августа прошла мимо д-ра Фалька, не удостоивъ его замѣтить. Случайно, недалеко отъ министра, стоялъ кронпринцъ, который ободрительно потрепалъ его по плечу и повторилъ ему тѣ слова, которыми одинъ храбрый рыцарь пытался утѣшить Лютера, когда этотъ послѣдній явился въ Вормсъ, чтобы отдать отчетъ въ своемъ еретичествѣ: „монашекъ, монашекъ, трудненько тебѣ приходится“.

Также и въ народѣ все больше и больше распространяется сознаніе, что движеніе ультрамонтанъ все болѣе и болѣе ослабѣваетъ. Аресты и низложенія епископовъ проходятъ почти совсѣмъ незамѣченными, недостатка въ священникахъ еще нигдѣ не проявлялось и такъ какъ число такихъ, которые заявили о своей готовности виноваться законамъ, ежедневно растетъ, то божественная служба совершается безпрепятственно. Надежды на усложненія во внѣшней политикѣ, которыя бы улучшили положеніе ультрамонтанъ, вполнѣ разсѣялись, и пуще всего вожди этой борьбы убѣдились, что и сами они не годятся въ мученики, да и государство вовсе не намѣревается производить ихъ въ чинъ мучениковъ. Въ рейхстагѣ центръ держитъ себя пока въ выжидательномъ положеніи, и такой порядокъ дѣлъ долго продлится, если только либеральная партія не сдѣлаетъ какой-нибудь крупной ошибки.

Рейхстагъ, открывшійся 27-го октября, до сихъ поръ отличался совсѣмъ особенной физиономіей. Единственное, что у него есть общаго съ прежними рейхстагами, это то, что въ своихъ первыхъ засѣда-

ніяхъ онъ былъ не въ томъ составѣ, какой требуется для постановки рѣшеній. Но за то прежніе рейхстаги, какъ скоро получали требуемый составъ, стремительно брались за дѣла и старались возможно больше вопросовъ порѣшить *in plenum*, чтобы избѣжать скучныхъ переговоровъ въ комиссіяхъ. Теперешній рейхстагъ мямлитъ, отсылаетъ одинъ проектъ за другимъ въ комиссіи, и приступилъ къ настоящей работѣ только послѣ трехнедѣльнаго существованія, всего нѣсколько дней тому назадъ, занявшись обсужденіемъ бюджета. Причину этого замедленія слѣдуетъ отчасти искать въ томъ, что не всѣ еще проекты правительства готовы. Однако все же недостатка въ нихъ не было, но и тѣ, которые уже готовы, не были обсуждаемы.

При этомъ замѣчается поразительный духъ оппозиціи: первой жертвой его сталъ генеральный почтъ-директоръ Стефанъ, обыкновенно пользовавшійся большой популярностью какъ въ самомъ рейхстагѣ, такъ и внѣ его, и которому предстоитъ теперь болѣе обширная сфера дѣятельности, такъ какъ телеграфное управленіе соединяется съ почтовымъ, и онъ будетъ стоять во главѣ того и другого. Первымъ изъ законопроектовъ, предложенныхъ на обсужденіе въ настоящую сессию, былъ проектъ о регулированіи отношеній почты къ желѣзнымъ дорогамъ, до сихъ поръ опиравшихся на разнообразныхъ опредѣленій различныхъ частныхъ законоположеній. Однимъ изъ важнѣйшихъ между ними былъ прусскій желѣзно-дорожный законъ 1838 г., который въ своихъ главныхъ чертахъ вошелъ въ составъ почтового закона, изданнаго рейхстагомъ 28-го октября 1871 г. Въ тридцатыхъ годахъ, когда построены были первыя желѣзныя дороги, правительство опасалось, какъ бы желѣзныя дороги не нанесли ущерба почтовой регалии, т.-е. почтовой перевозкѣ лицъ, писемъ и посылокъ. Поэтому концессіи желѣзно-дорожныя обставлялись тяжелыми обязательствами, главнымъ образомъ относительно бесплатной доставки почты, и эти условія съ теченіемъ времени становились все обременительнѣе. Внесенный въ настоящее время въ рейхстагъ законъ имѣетъ въ виду одно лишь объединеніе всѣхъ этихъ законоположеній, тѣмъ не менѣе противъ него составила оппозиція, утверждающая, что желѣзныя дороги слишкомъ обременены ради выгодъ почты и что вообще всѣми признанное превосходство почтового управленія оплачивается желѣзными дорогами. Понятно, что почта можетъ удерживать крайне дешевыя цѣны лишь въ такомъ случаѣ, когда желѣзныя дороги довольствуются ничтожнымъ вознагражденіемъ, а это особенно чувствительно теперь, такъ какъ дивиденды желѣзныхъ дорогъ быстро понизились въ послѣдніе годы. Почтовое управленіе, конечно, весьма недовольно этой оппозиціей и объявляетъ, что если его лишать теперешнихъ привилегій, то оно натурально должно

будеть повысить тарифъ и что такимъ образомъ, въ концѣ-концовъ, публикѣ придется вознаграждать желѣзныя дороги. Вопросъ этотъ во всякомъ случаѣ крайне сложный. Въ интересѣ большинства несомнѣнно лежитъ дешевый почтовой тарифъ, но нарушеніе интересовъ желѣзныхъ дорогъ отнюдь тоже не лежитъ во всеобщемъ интересѣ, потому что если старыя желѣзныя дороги будутъ приносить худой доходъ, то не станутъ строить новыхъ. До сихъ поръ вопросъ этотъ обсуждался въ комиссіи, которая неблагоприятна требованіямъ почтоваго управленія. Но еще далеко не рѣшено, что рейхстагъ станетъ на ту же самую точку зрѣнія. По всей вѣроятности, генеральный почтъ-директоръ и на этотъ разъ одержитъ побѣду, во впервые онъ встрѣтилъ оппозицію, и блескъ гармоніи, существовавшей между нимъ и рейхстагомъ, омраченъ.

Пренія по этому дѣлу доставили новыя аргументы тѣмъ лицамъ, которыя выставили на своемъ знамени отведеніе желѣзныхъ дорогъ въ вѣдомство правительства, потому что ясно, что столкновеніе интересовъ прекратится, какъ скоро почты и желѣзныя дороги будутъ въ вѣдѣніи правительства; всѣ расходы будутъ тогда оплачиваться изъ одной кассы, и всѣ приходы поступать въ одну кассу. Отведеніе желѣзныхъ дорогъ въ вѣдѣніе правительства—такая тѣма, которая часто обсуждалась, но безъ всякихъ практическихъ результатовъ. Въ прежнія времена руководящей нитью въ этихъ разсужденіяхъ служили главнымъ образомъ политическія соображенія. Противники правительственнаго завѣдыванія желѣзными дорогами исходили изъ той точки зрѣнія, что государство пріобрѣтаетъ съ нимъ слишкомъ большое вліяніе. Полчища его чиновниковъ, уже и безъ того значительныя, чрезвычайно какъ умножаются черезъ это, и вліяніе государства на выборы, на примѣръ, станетъ вдвое сильнѣе, чѣмъ теперь. Съ тѣхъ поръ, однако, взгляды нѣсколько измѣнились. Государство состоитъ, вѣдь, изъ всей массы народа и воля послѣдняго можетъ быть сдѣлана обязательной для правительства для созданія такихъ учреждений, которыя бы устранили зло, могущее произойти отъ слишкомъ большого числа чиновниковъ. Свободная конкуренція между желѣзными дорогами далеко не оказалась такою благодѣтельной, какъ того ожидали. Выгоды обращенія получились отъ нея небольшія, а самимъ желѣзнымъ дорогамъ она сильно повредила. Соперничество вѣтви отправляютъ одновременно на одни и тѣ же пункты свои поѣзды, между тѣмъ какъ одного поѣзда было бы совершенно достаточно. Съ громадными издержками строятся два или три моста близко одинъ отъ другого, черезъ одну и ту же рѣку, между тѣмъ какъ одного изъ нихъ было бы вполне достаточно. Въ аккуратности, во вниманіи къ путешествующимъ, въ заботливости объ устраниніи несчастныхъ слу-

чаевъ, государственныя желѣзныя дороги нисколько не уступаютъ частнымъ, но даже превосходятъ ихъ. Какое упрощеніе, если государство возьметъ на себя все управленіе и будетъ направлять его въ одной общей цѣли, избѣгать излишнихъ издержекъ и наилучшимъ образомъ эксплуатировать каждую вѣтвь. Наконецъ, не малымъ преимуществомъ было бы и то, что, благодаря такой операціи, увеличился бы государственный долгъ, безъ всякаго отягощенія для страны, потому что суммы, пускаемыя въ подобные обороты, въ высшей степени производительны. Чрезвычайно быстрое погашеніе государственнаго долга послѣ послѣдней войны имѣло, какъ извѣстно, сильное влияніе на усиленіе мошенническихъ предпріятій, потому что частныя капиталы лишены были возможности пріобрѣтать государственныя бумаги. Большой консолидированный заемъ, какой существуетъ, напримѣръ, въ Англіи и во Франціи, произвелъ бы весьма благодѣтельный переворотъ во всѣхъ экономическихъ отношеніяхъ. Такая сильная рента держала бы въ рукахъ биржу, оставила бы достаточное поприще для спекуляціи, которая нельзя совершенно убить, но итѣснила бы съ биржи пропасть негодныхъ бумагъ, которыми публику надуваютъ самымъ нахальнымъ образомъ. Не бывало еще болѣе удобнаго момента для приведенія въ исполненіе подобной идеи, какъ теперешній, когда акціонеры болѣе части желѣзныхъ дорогъ, напуганные цѣлымъ рядомъ плохихъ годовъ, удовольствовались бы самымъ скромнымъ вознагражденіемъ, и истинно-геніальный финансистъ, конечно, сумѣлъ бы устроить такую операцію. Но, какъ кажется, въ Германіи недостаетъ такого финансиста.

Плохое состояніе желѣзно-дорожнаго дѣла находится въ тѣсной связи съ все еще продолжающимся и даже усиливающимся застоємъ въ промышленности, который вызвалъ въ послѣдніе мѣсяцы сильную агитацію въ пользу протекціонистской системы и можетъ произвести жесточенную борьбу въ рейхстагѣ, предвозвѣстникомъ которой могутъ служить пренія въ рейхстагѣ по вопросу о бюджетѣ на 1876 г. Желѣзные промышленники первые выступили съ жалобами. Имъ, прочемъ, всего сильнѣе грозитъ опасность разоренія, такъ какъ въ силу закона 7-го іюня 1873 г., начиная съ января мѣсяца 1877 г. желѣзные товары, до сихъ поръ обложенные пошлиной въ 10 зильберггрошей съ центнера, будутъ ввозиться беспошлинно. Желѣзная промышленность уже теперь сильно страдаетъ отъ неблагоприятныхъ внутреннихъ условий, равно какъ и отъ конкуренціи съ Англіей и Франціей, и желѣзные промышленники того мнѣнія, что отиѣна пошлины разоритъ ихъ въ конецъ. Въ качествѣ ихъ органа выступилъ звѣстный депутатъ фонъ-Кардорфъ, который въ брошюрѣ, озаглавленной „Противъ теченія“, возстаетъ на господствующую въ настоя-

щее время въ Германіи экономическую политику. Брошюра, къ которой приверженцы свободной торговли относятся съ крайнимъ пренебреженіемъ, выдержала однако нѣсколько изданій и трактуетъ о многихъ пунктахъ съ большимъ толкомъ и остроуміемъ. Такъ, напримѣръ, господствующая въ настоящее время въ Германіи школа свободной торговли утверждаетъ, что свобода торговли—единственнымъ при всѣхъ возможныхъ условіяхъ правильная система торговли, и что при этомъ рѣшительно все равно, держатся ли сосѣднія страны свободной торговли или нѣтъ. Та страна, гдѣ такая система существуетъ, будетъ въ такомъ случаѣ оазисомъ среди пустыни.

Фонъ-Кардорфъ съ настойчивостью опровергаетъ эти воззрѣнія, ссылаясь для примѣра на Англію, славящуюся какъ образецъ свободы торговли, и въ которой, какъ извѣстно, впервые зародилась теорія о свободной торговлѣ. Онъ говоритъ, что для Англіи свобода торговли, вслѣдствіе особыхъ обстоятельствъ, дѣйствительно наиболѣе благоприятная экономическая система, но что англичане ни мало не стѣсняются отмѣнять эту систему тамъ, гдѣ она оказывается для нихъ бесполезной. И Германія какъ разъ стала жертвой такой отмѣны. Высокая пошлина на спиртъ, существующая въ Англіи, дѣлаетъ невозможнымъ привозъ спирта изъ Германіи, въ особенности изъ Пруссіи, для восточныхъ провинцій которой винокурение составляетъ главную отрасль сельскаго хозяйства. Далѣе: ввозъ скота въ Англію изъ сѣверной Германіи принялъ въ послѣдніе годы огромные размѣры. Подъ предлогомъ охраненія отъ заразы, которая въ Англіи существуетъ точно также, какъ и въ Германіи, изданы были такіа мѣры, которыя сдѣлали почти невозможнымъ ввозъ скота изъ Германіи и нанесли значительный ущербъ сельскому хозяйству послѣдней. Если же, наконецъ, Англія, вообще говоря, и представляется страной, гдѣ свобода торговли процвѣтаетъ и особенно выгодна, то это потому, что Англія, гдѣ главную промышленность составляютъ бумагопрядильная и желѣзная, не только непомѣрно богата каменнымъ углемъ и желѣзомъ, но еще имѣетъ въ своихъ колоніяхъ дешевыхъ поставщиковъ сырыхъ продуктовъ и покупателей дорогихъ фабричныхъ издѣлій. Ей удалось вслѣдствіе этого сосредоточить невѣроятный капиталъ для машинной обработки сырыхъ продуктовъ, приобрести громадный рынокъ для сбыта и достигъ изумительныхъ успѣховъ въ технику, и теперь она стала такимъ атлетомъ, съ которымъ, по крайней мѣрѣ по части бумагопрядильной и желѣзной промышленности, никто не въ состояніи тягаться. При этомъ немаловажную роль играетъ и богатство капиталовъ въ Англіи. Несмотря на существующую пошлину, англичане доставляютъ во всѣ прибрежныя области желѣзо по болѣе дешевой цѣнѣ, чѣмъ туземные (вестфальскіе и

верхвѣснѣе заводы). Само собой разумѣется, что доступная для англичанъ область значительно расширится съ отцѣной пошлины. Мало того, они станутъ на первое время работать въ убытокъ себѣ, съ тѣмъ, чтобы только убить нѣмецкую желѣзную промышленность, потому что, какъ скоро это случится, имъ можно будетъ установить какія угодно цѣны и съ избыткомъ вернуть то, что потеряли раньше.

Я былъ однажды свидѣтелемъ подобнаго эксперимента, который въ жизнь свою не забуду. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ построена была здѣсь однимъ англійскимъ обществомъ первая желѣзно-конная дорога, которая вела отъ одного пункта, неподалеку отъ дворца въ Шарлоттенбургѣ,—любимое гулянье берлинскихъ жителей. Обществу пришлось преодолѣть всевозможныя препятствія, прежде чѣмъ оно добилося концессіи. Такъ, ему не дозволили проложить двухколейные рельсы, потому что это стѣснило бы остальное обращеніе, не позволило вести путь черезъ улицу Подъ-Липами (которая была кратчайшимъ направленіемъ), такъ какъ это стѣснило бы проѣзжающихъ и прохожихъ и т. д. Берлинская публика точно также отвелась несочувственно къ нововведенію, привыкнувъ къ старымъ omnibusамъ, ходившимъ въ Шарлоттенбургъ, и оставалась имъ вѣрна. Желѣзно-конной дорогѣ приходилось плохо. Тогда она понизила цѣны до minimum'a (1 зильбергрoшъ до Шарлоттенбурга, т.-е. за разстояніе въ 1 нѣмецкую милю, а абонементные билеты были еще дешевле). Это подѣйствовало. Omnibusы не выдержали конкуренціи и прекратили свои поѣзды. Въ тотъ день, какъ проѣхалъ послѣдній изъ нихъ, желѣзно-конная дорога снова возвысила свой тарифъ, такъ какъ мертвые не воскресаютъ и нельзя было больше опасаться конкуренціи omnibusовъ: въ непродолжительномъ времени акціи желѣзно-конной дороги повысились на 300%, сообразно съ высокимъ дивидендомъ, приносимымъ ими.

Этотъ экспериментъ отлично можетъ повториться и въ болѣе крупныхъ размѣрахъ, причемъ потребуетъ только болѣе значительной затраты капитала. Но кто только осмѣливается высказать опасеніе, что англичане, послѣ отцѣны пошлины на желѣзо, могутъ воспользоваться этимъ случаемъ съ тѣмъ, чтобы убить желѣзную промышленность Пруссіи, того немедленно называютъ приверженцемъ запретительной системы торговли, что составляетъ такое же пренебрежительное слово, какъ при другихъ обстоятельствахъ и съ другихъ сторонъ слово „реакціонеръ“. Если желѣзная промышленность не можетъ существовать безъ пошлины, то пусть погибаетъ! Вотъ послѣднее слово защитниковъ отцѣны пошлины; а сколько милліоновъ капитала погибаетъ при этомъ—объ этомъ они не думаютъ. На ихъ

сторонѣ все сельское населеніе восточныхъ провинцій и купечество приморскихъ городовъ. Крупные землевладѣльцы утверждаютъ, что отъ пошлины на желѣзныя надѣлія страшно дорого сельско-хозяйственныя машины, въ которыхъ они крайне нуждаются. Въ этомъ они, конечно, правы, но забываютъ, что государство въ другихъ отношеніяхъ оказываетъ покровительство сельскому хозяйству, и это уравновѣшиваетъ невыгоду; такъ, напримѣръ, пошлиной на ость-индскій сахаръ, благодаря которой стала возможна туземная свеклосахарная промышленность. При введеніи безусловной свободы торговли все это должно измѣниться. Землевладѣльцы, конечно, такъ же эгоистичны, какъ и промышленники. Вслѣдствіе этого они также яростно отвергаютъ пониженіе желѣзно-дорожнаго тарифа для перевозки на дальнія разстоянія и въ большихъ количествахъ различныхъ продуктовъ, которые сдѣлаютъ возможною дешевую доставку хлѣба и другихъ вещей изъ производительныхъ странъ. Благодаря этому тарифу, хлѣбъ сталъ дешевъ, и если сельскимъ хозяевамъ это и не выгодно, за то все остальное населеніе въ выигрышѣ. Такимъ образомъ, со всѣхъ сторонъ сталкиваются самые разнообразныя интересы, и если правительство не хочетъ или не можетъ уравнять ихъ, то принципъ свободной торговли, конечно, имѣетъ за себя много, но только не слѣдуетъ тогда претендовать на жертвы, которыя онъ потребуетъ отъ страны въ теченіе нѣкотораго и, быть можетъ, весьма продолжительнаго времени.

Сельско-хозяйственные вопросы сильно занимаютъ также и рейхстагъ, и самъ князь Бисмаркъ принимаетъ въ нихъ участіе.

Да! самъ князь Бисмаркъ, такъ какъ варцбургскій пустынный снова прибылъ сюда въ прошлую субботу, и въ воскресенье имѣлъ аудіенцію у императора, а третьяго дня (въ понедѣльникъ) появился въ рейхстагъ, чтобы участвовать въ преніяхъ по вопросу о повышеніи налога на пиво.

Всѣмъ, конечно, любопытно было поглядѣть, каковъ собой на видъ канцлеръ, и общее мнѣніе таково: что онъ очень постарѣлъ. Черты лица его осунулись и хотя онъ все еще держится очень прямо, однако видно, что ему это стѣбитъ большихъ усилій. Но мрачнаго настроенія духа, которое ему приписывали, не было замѣтно и слѣда. Рѣчь его блистала тонкимъ юморомъ и вызывала неоднократный смѣхъ въ палатѣ, хотя онъ и самъ сознавалъ, что защищаетъ проигранное дѣло, такъ какъ налогъ на пиво также непопуляренъ внутри палаты, какъ и виѣ ея, и министръ финансовъ въ нѣкоторомъ родѣ какъ бы сознался въ субботу, при обсужденіи вопроса о бюджетѣ, что онъ равнодушно отнесется къ тому, если проектъ его будетъ отвергнутъ рейхстагомъ. Ну, а такое заявленіе не можетъ содѣй-

ствовать принятію новаго налога. Министръ финансовъ сознается, что въ 1876 г. нельзя опасаться дефицита, но онъ желаетъ обезпечить отъ дефицита и 1877 г. Но большинство того мнѣнія, что къ тому времени увеличатся также и приходы, и что неблагоприятно при существующихъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ еще усиливать ихъ новыми налогами.

Затѣмъ, князь Бисмаркъ развивалъ свои взгляды о рациональной системѣ налоговъ. Онъ предпочитаетъ косвенные налоги прямымъ, желаетъ подоходнаго налога и чисто финансовыхъ пошлинъ, которыя бы падали на весьма ограниченное число предметовъ, но были бы очень высоки. Совсѣмъ тѣмъ Бисмаркъ самъ сознался, что такой планъ составляетъ пока чистѣйшую фантазію, и что какъ ни простъ съ виду его проектъ, а ввести его на практикѣ оказалось бы весьма труднымъ. Но вообще какъ Кампгаузенъ, такъ и Бисмаркъ вели себя вполне конституціонно. Оба неоднократно подтверждали, что правительство вовсе не желаетъ оспаривать или ограничивать права рейхстага и что рѣшенія его будутъ оставлены безъ измѣненія, но съ тѣмъ, чтобы и отвѣтственность за результаты падала на него.

Появленіе Бисмарка въ рейхстагѣ имѣло еще другое значеніе. Утверждали, будто между нимъ и Кампгаузеномъ существуетъ размолвка. Другіе увѣряли, что онъ разошелся съ національно-либеральной партіей и желаетъ сблизиться съ консервативной и образовать изъ консервативныхъ фракцій новую правительственную партію. Образъ дѣйствій Бисмарка не подтвердилъ ни одного изъ этихъ слуховъ, и совсѣмъ невѣроятно, чтобы въ моментъ удачнаго проведенія монетной реформы, тотъ человѣкъ, который главнымъ образомъ создалъ ее, былъ отгѣсненъ назадъ. Что касается втораго слуха объ образованіи правительственной партіи, то князь Бисмаркъ часто высказывалъ, что такая партія была бы крайне необходима, но что онъ убѣдился въ невозможности ея образованія. Всего менѣе возможно образовать такое консервативное большинство въ строгомъ смыслѣ этого слова.

Демокритъ сказалъ, что никакъ нельзя выкупаться два раза сряду въ одной и той же водѣ. Не менѣе тѣмъ вода измѣнчиво и теченіе политической жизни. То, что было консервативно двадцать лѣтъ тому назадъ, теперь уже неконсервативно. Въ тѣ времена графъ Шверинъ и другіе, бывшіе впоследствии министрами, отвергались при выборахъ всѣмъ начальствомъ (какъ извѣстно, вліяніе на выборы было въ тѣ времена весьма сильно, и тогдашніе консерваторы утверждали, что въ этомъ и заключается настоящая избирательная свобода), и считались врагами короля; но нѣскольکو лѣтъ позже они были министрами, и никто больше не сомнѣвался въ томъ, что они консер-

ваторы. Въ періодъ быстрого развитія, понятія измѣняются весьма быстро. Либералы перваго національнаго французскаго собранія оказались консерваторами въ учредительномъ собраніи. Жирондисты были консерваторами сравнительно съ монтаньярами. Въ Испаніи недавно еще мы были свидѣтелями подобнаго превращенія партій, причѣмъ самыя крайніе либералы вдругъ становились консерваторами. Германія не переживаетъ такого революціоннаго движенія, но между тѣмъ, какъ прогрессивная партія, если можно такъ выразиться, нѣсколько понижала свои требованія, — уровень консервативной партіи нѣсколько повысился. Только та партія можетъ претендовать на названіе консервативной, которая стоитъ на почвѣ совершившихся фактовъ и, слѣдовательно, признаетъ образованіе новѣйшей германской имперіи за базисъ для возведенія дальнѣйшаго политическаго зданія. Не такъ смотрятъ на вещи остатки старой консервативной партіи, которые ненавидятъ совершившіяся перемѣны, а поэтому движеніе останется не прежде того, какъ національно-либеральная партія слѣдается партіей правительственной. Тогда она будетъ считаться консервативной и дѣйствительно станетъ ею, такъ какъ ей придется защищать то, что она создала вмѣстѣ съ княземъ Бисмаркомъ съ 1867 г.

Слѣдующія надѣли (къ Рождеству рейхстагъ долженъ покончить съ дѣлами) будутъ, конечно, весьма интересны и намѣренія князя Бисмарка обозначатся яснѣе.

Если только либеральная партія хоть сколько-нибудь понимаетъ свои интересы, она должна изъ всѣхъ силъ поддерживать канцлера, такъ какъ послѣдняя брошюра графа Арнима (*Pro nihilo*), о которой вы, конечно, уже знаете, снова доказала, съ какими трудностями приходится бороться князю Бисмарку. Изъ нея прежде всего вытекаетъ то, что вліяніе графа Арнима на императора Вильгельма долгое время парализовало вліяніе князя Бисмарка и побуждало послѣднему оказывать правительству Тьера такую нравственную поддержку, какъ ему было желательно.

Кажется невѣроятнымъ, что, несмотря на свои непрерывныя нескромности, графъ Арнимъ считается противниками Бисмарка какъ его соперникомъ, нѣмлющій большіе шансы на успѣхъ. Однако, это такъ и есть. Графа выдають за невинную жертву ярости Бисмарка, и графъ распространяетъ, что онъ одинъ можетъ возстановить миръ съ католиками. Партія ультрамонтанъ готова будто бы покориться всѣмъ тѣмъ законамъ, противъ которыхъ нынѣ возстаетъ, если только графъ Арнимъ будетъ министромъ, — само собою разумѣется, въ той надеждѣ, что въ его рукахъ эти законы станутъ совсѣмъ безвредными.

Но надежда эта не оправдывается, если только не будетъ совершена громадная ошибка, и я полагаю, что въ ближайшемъ будущемъ

„борьба за культуру“ будетъ омонтона, а ультрамонтаны спокойно подчинятся закону, безъ того, чтобы Бисмаркъ былъ принесенъ имъ въ жертву.

К.

ПАРИЖСКІЯ ПИСЬМА.

IX *).

ДРАМАТИЧЕСКАЯ СЦЕНА ВЪ ПАРИЖѢ.

I.

Театральный сезонъ уже начался. Теперь самый удобный моментъ обзрѣть главные парижскія сцены и изучить современное драматическое движеніе. Мнѣ всегда казалось, что объ интересахъ минуты стоить говорить лишь въ томъ смыслѣ, чтобы брать ихъ точной отправленія для развитія общихъ взглядовъ. Если мнѣ хочется поговорить о нашихъ театрахъ, о нашихъ комедіяхъ и драмахъ, обо всемъ, что происходитъ въ настоящую минуту за кулисами и на подмосткахъ, то главнымъ образомъ затѣмъ, чтобы показать, какой странный моментъ переживаетъ наша литература въ одной изъ своихъ самыхъ популярныхъ формъ.

Прежде всего я долженъ сознаться, что у меня очень рѣшительныя взгляды на этотъ вопросъ. Я вполне увѣренъ, что мы накануне возрожденія. Мнѣ кажется невозможнымъ, чтобы драматическое искусство не преобразилось и не расширило своихъ рамокъ въ очень близкомъ будущемъ. Я обсуждаю эту перемѣну чисто научнымъ образомъ. Какъ я уже говорилъ въ другомъ мѣстѣ, неудержимое стремленіе къ правдѣ и опытной наукѣ, которое съ прошлаго столѣтія все растетъ и охватываетъ все сферы человѣческаго ума, роковымъ образомъ захватитъ и драматическую форму, когда придетъ тому положенный часъ. Стоить только прослѣдить за постепеннымъ развитіемъ, за побѣдами, одержанными „правдой“. Толчкомъ былъ первоначально данъ новыми методами изслѣдованія, обратившимися къ изученію фактовъ. Исходя изъ этого пункта и создавъ прочное основаніе для

*) См. „В. Е.“ мартъ, 441; май, 482; июнь, 574; июль, 381; авг., 825; сент., 400; октябрь, 857; ноябрь, 401 стр.

науки, натуральная школа обновила критику и исторію, подчинивъ чловѣка и его произведенія точному анализу, правдиво передавшему всѣ обстоятельства, среду, свойства организма. Затѣмъ искусство и литература въ свою очередь подверглись вліянію этого великаго теченія. Живопись съ одной стороны стала совѣмъ реальною; пейзажъ у насъ убилъ историческую школу. Съ другой стороны, романъ, этотъ всеобщій этюдъ, съ его столь подвижными рамками, постоянно расширявшимися, занялъ все мѣсто, вытѣснивъ мало-по-малу другіе литературные роды, классифицируемые въ прежнихъ риторивахъ. Все это несомнѣнные факты, которыхъ нѣкто не станетъ отрицать. Неутомимая производительность чловѣческаго творчества занята въ настоящую минуту созданіемъ правды. Въ этомъ заключается вся сила вѣка. Все двигается дружнымъ фронтомъ въ извѣстную эпоху. Кто захочетъ вернуться назадъ или удалиться въ сторону, будетъ неизбѣжно раздавленъ всеобщимъ теченіемъ. Какъ! критика, исторія, искусство, литература постепенно пережили глубокія преобразованія, а драматическая литература останется неподвижной! Этого нельзя допустить. Всѣ формы мысли солидарны между собой; на всѣхъ отражается переворотъ, совершившійся въ которой-нибудь. Реальный романъ неизбѣжно поведетъ въ реальной драмѣ. Вотъ почему, повторяю, я убѣжденъ, что въ непродолжительномъ времени увижу, какъ натуральное движеніе захватитъ театръ, и внесетъ въ него силу правды, новую жизнь современнаго искусства.

Прежде чѣмъ идти дальше, необходимо сказать, что такое драматическое искусство во Франціи. Нашъ новѣйшій театръ—я нѣмъ въ виду послѣднее пятидесятилѣтіе,—такой милый и пользующійся расположеніемъ иностранцевъ за свою веселость, остроуміе, ловкую интригу, кончитъ тѣмъ, что станетъ нашимъ позоромъ, послѣ того, какъ составлялъ нашу славу. На нашей сторонѣ знаніе всѣхъ тонкостей ремесла, благодаря которому мы стали поставщиками водевилей на весь свѣтъ. Пьесы наши отличный товаръ для вывоза, фабрикуемый дюжинами по милымъ образцамъ. Но хуже всего здѣсь то, что такое ремесло неизбѣжно заражаетъ націю рутинной, ремесленнымъ направленіемъ искусства. Безъ сомнѣнія, не существуетъ народа, у котораго бы театръ находился въ болѣе жестокихъ тискахъ, чѣмъ у насъ. Всякое смѣлое нововведеніе намъ запрещено. У насъ есть извѣстныя формулы, отъ которыхъ ни критика, ни зрители не позволяютъ намъ отступать. Наши театральныя пьесы входятъ въ разрядъ того, что называется *l'article Paris*. Кроятъ, шьютъ, клеятъ, лакируютъ и производятъ предестныя бездѣлки, живущія одинъ сезонъ. Само собой разумѣется, что для фабрикаціи этихъ бездѣлокъ

необходимы мастерскія. Необходимо имѣть общія выкройки, знать тонкости ремесла, знать, что можетъ понравиться покупателямъ. Поэтому существуетъ цѣлый кодексъ, который нужно изучить. Надо знать навзустъ Скриба. Онъ учитъ, въ какой пропорціи можетъ входить любовь въ комедію; сколько можно подпустить въ нее злодѣйства; какимъ образомъ прилаживается развязка и какимъ образомъ наши дѣйствующія лица подвергаются превращеніямъ, точно отъ мановенія волшебнаго жезла. Онъ учитъ, словомъ, тому театральному „ремеслу“, котораго не зналъ Мольеръ, но которое признается въ настоящее время необходимымъ, если желаешь удостоиться чести заставить смѣяться или плакать своихъ современниковъ. И вотъ какимъ образомъ Скрибъ, этотъ ужасный Скрибъ, въ которомъ наши сосѣди имѣютъ неосторожность намъ завидовать, превратилъ нашъ театръ въ громадную мастерскую, двери которой заперты для всего оригинальнаго; она приучила публику къ пошлостямъ, отъ которыхъ не дозволяется больше отступать. Насъ, буквально, задушили наши успѣхи. Ахъ! сколько разъ я завидовалъ прекраснымъ, юнымъ вѣкамъ, свободнымъ и наивнымъ націямъ, литература которыхъ, еще неумѣлая, дозволяетъ произрастать всѣмъ смѣлымъ цвѣтамъ человѣческаго творчества!

Вотъ мы въ какомъ положеніи. Въ настоящую минуту у насъ есть комедія съ интригой, нѣчто въ родѣ игры въ пасьянсъ, игрушка, которою забавляютъ зрителей. Она царитъ, какъ совершенный типъ, и навязываетъ тотъ драматическій кодексъ, о которомъ я говорилъ выше и по которому все превращается въ длинноты. Вы обрисовываете характеръ—длиннота; вы развиваете драматическое положеніе—длиннота; вы увлекаетесь литературной фантазіей—длиннота. Въ наше время, безъ сомнѣнія, Мольеру посовѣтовали бы урѣзать „Мизантропа“ въ одинъ актъ. У насъ есть еще сентиментальная комедія, гдѣ проливаютъ глухія слезы въ промежутокъ между двумя куплетами, бессмысленный родъ произведеній, составляющій радость чувствительныхъ душъ. Но у насъ въ особенности развита комедія съ идеями, проповѣдь, перенесенная въ театръ, драматическое искусство, посвященное на исправленіе человѣческаго рода. Это триумфъ нашего времени. Наши авторы бросили изученіе людей и занимаются только социальными вопросами. Они изучаютъ спеціальные социальные случаи, такъ что ихъ произведенія, черезъ десять лѣтъ, утрачиваютъ свой смыслъ и становятся непонятными для новыхъ зрителей. Во всемъ этомъ ни одинъ авторъ не пытается дать на сцену человѣческой этюдъ, отмѣченный правдой, развивающійся отъ начала до конца въ силу логики характера и фактовъ, безъ всякихъ ухищреній.

И что же вслѣдствіе этого вышло? А то, что драма угаснетъ во Франціи, если ее не обновитъ новый притокъ жизни. Надо влить свѣжую кровь въ ея трупъ. Говорятъ, что оперетка и волшебныя пьесы убиваютъ драму. Неправда; драма умираетъ естественной смертью; она умираетъ отъ своей нелѣпости, лжи и пошлости. Если комедія еще жива, среди крушенія нашего театра, то это потому, что она ближе къ дѣйствительной жизни, что она зачастую бываетъ правдива. Пусть послѣдніе изъ романтиковъ попробуютъ дать высокопарную драму; средневѣковое тряпье, какъ потаенныя двери, отравленныя вина и все остальное, заставляютъ публику пожимать плечи. Мелодрама, — это буржуазное чадо романтической драмы, еще безнадежно утратила симпатію публики: ея живая чувствительность, ея ходульныя выдумки объ украденныхъ дѣтяхъ и найденныхъ бумагахъ; ея фанфаронады вызвали, наконецъ, такое всеобщее пренебреженіе къ ней, что всѣ пожимаютъ плечами, если она сдѣлаетъ видъ, будто бы собирается воскреснуть. Великія произведенія 1830 г., драмы Гюго и Дюма, останутся какъ воинственныя пьесы, какъ литературныя памятники гигантскихъ усилій, опрокинувшихъ старое классическое зданіе. Но теперь, когда все повергнуто въ прахъ, шпаги и каски бесполезны; пора писать правдивыя произведенія. Забывать классическую традицію традиціей романтической значило бы очень плохо воспользоваться свободой, завоеванной нашими старшими братьями. Не существуетъ больше никакихъ школъ, никакихъ формулъ, никакихъ первосвященниковъ; существуетъ только жизнь, громадное поле, которое всякій можетъ изучать, сколько хочетъ.

Слѣдовательно, спасеніе заключается единственно лишь въ натуралистическомъ движеніи. Пусть мнѣ скажутъ, откуда можно ждать помощи, дуновенія жизни, которое бы породило новыя великія произведенія. Конечно, прошлое умерло. Мы должны думать о будущемъ, а будущее—это человѣческая жизнь, изучаемая въ рамкахъ дѣйствительности, это отреченіе отъ всѣхъ басенъ, это драма и комедія, живущія двойной жизнью лицъ и среды, освобожденныя отъ бабьихъ сказокъ, отъ историческаго рублища, отъ глухихъ громкихъ словъ, отъ условныхъ пошлостей и фанфаронадъ. Гнилыя подмостки вчерашнихъ произведеній руются сами собой. Мѣсто должно быть расчищено. Извѣстные рецепты того, какъ завязывать и развязывать интригу, отжили свое время. Въ настоящее время нужно широкое изображеніе людей и вещей. За исключеніемъ нѣкоторыхъ специческихъ требованій, то, что называется „ремесломъ“, есть просто сбродъ ремесленныхъ тонкостей, узкая традиція, унижающая сцену, курсъ условнаго языка и заранее опредѣленныхъ положеній, отъ котораго каждый оригинальный умъ энергически отречется. Мы должны

черпать у самаго источника драматическаго генія во Франціи. Наши образцовые драматическіе писатели, если устранить отъ нихъ условія ихъ времени, представляются натуралистами, которыхъ пора принять за образецъ. Достаточно связать разорванную цѣпь правды и справедливости. Слѣдуетъ вернуться къ описанію характеровъ, въ которое образцовые писатели вкладывали главный интерес ихъ произведеній. Пусть наши авторы проникнутся презрѣніемъ къ хитро придуманнымъ исторіямъ; пусть они постараются создать живыхъ людей, вѣчные, правдивые типы; а главное, пусть они держатся современной среды, нашихъ нравовъ, костюмовъ, нашего общества. Метода проста: единственной цѣлью должна быть правда; средствомъ—свободная индивидуальность каждаго автора. Я желаю бы, чтобы театръ былъ настежь открытъ для анализа, для зрѣлища людской жизни, перенесенной съ улицы на сцену. Я хотѣлъ бы, чтобы Шекспиръ и Мольеръ ожили въ нашемъ обществѣ и изобразили бы его такъ, какъ его слѣдуетъ изобразить, безъ боязни, безъ смягченія, широкой и мощной кистью.

Бѣда въ томъ, что въ театрѣ всякое нововведеніе рискованно. Публика, когда ее приучили веселиться извѣстнымъ образомъ, не желаетъ больше веселиться на иной ладъ. Она становится ярмымъ сообщникомъ традиціи и рутини. Поэтому литературныя революціи съ большимъ трудомъ сообщаются сценѣ. Понятно, что тамъ должна быть послѣдняя цитадель лжи, которую правдѣ приходится брать приступомъ. То, что можно спокойно дозволить себѣ въ романѣ, становится крайне опаснымъ на сценѣ, потому что сужденія, произносимыя зрителями, равняются смертному приговору. Пьесу освищутъ, не давъ себѣ, зачастую, труда выслушать или обсудить ее. Отъ этого такъ трудно проводить свои идеи на сценѣ; надо умѣть убѣдить сразу. Но бывають и такіе моменты, когда публика становится безсознательной сообщницей новаторовъ; такими моментами бывають тѣ, когда, проигнувшись новыми идеями, наскучивъ вѣчнымъ вздоромъ, какими ее забавляютъ, она почувствуетъ непреодолимое стремленіе къ обновленію и оригинальности. Натуральная школа появится и восторжествуетъ на театрѣ, когда наступитъ та-кой психологическій моментъ.

II.

Мнѣ надо перейти къ событіямъ минуты, чтобы подчеркнуть ии этуъ примѣрами. Начну съ театровъ, гдѣ дають драмы.

Недалеко то время, когда драма царяла безусловно. Въ Парижѣ насчитывалось пять или шесть театровъ, на которыхъ она процвѣтала. Разрушеніе старинныхъ залъ на бульварѣ Тампля было, повидному, для нея первой катастрофой. Театрамъ пришлось разсѣяться по Парижу, публика перемѣнилась, наступили другія моды. Но упадокъ драмы происходитъ, главнымъ образомъ, какъ я уже сказалъ, отъ истощенія, отъ нелѣпныхъ и скучныхъ пьесъ, которыя мало-по-малу смѣнили мощныя произведенія поколѣнія 1830 г. Слѣдуетъ также прибавить безусловное отсутствіе новыхъ актеровъ, которые бы понимали и передавали этого рода пьесы, потому что каждая драматическая формула приноситъ съ собою своихъ истолкователей. Въ настоящее время, драма, изгоняемая съ одной сцены на другую, не ищетъ больше театра, посвященнаго собственно ей. Кое-когда развѣ отступитъ ей мѣсто среди другихъ пьесъ, бьющихся на эффектъ. Я, впрочемъ, перечислю театры, и обрисую въ краткихъ чертахъ положеніе, въ какомъ находится каждый изъ нихъ, оставивъ пока въ сторонѣ „Comédie Française“ и „Одеонъ“, о которыхъ слѣдуетъ говорить особо.

Театръ „Porte-St. Martin“ подъ управленіемъ двухъ весьма ловкихъ людей, гг. Ритга и Ларошеля, для отысканія своей новой жизни возобновилъ „Марію Тюдоръ“ Виктора Гюго. Они пытались-было ставить новыя драмы. Но сборъ дала только одна мелодрама Деннери „Двѣ сироты“. Да и то, это могло только отсрочить разореніе, если бы ихъ не поддержалъ колоссальный успѣхъ пьесы: „Восьмидесятидневное кругосвѣтное путешествіе“, о которомъ я буду говорить ниже. Въ настоящее время этотъ театръ, повидному, потерявъ для драмы. Роковымъ образомъ онъ будетъ возвращаться къ пьесамъ, бьющимъ на эффектъ, потому что онѣ однѣ могутъ обогатить его. Если подумаешь, что Викторъ Гюго и Александръ Дюма отдавали въ свои капиталныя произведенія театру Сентъ-Мартенскихъ воротъ! Это достаточно характеризуетъ, къ чему мы пришли.

Въ театрѣ „Gaieté“ та же исторія. Оффенбахъ принялъ въ послѣдніе годы управленіе этимъ театромъ. Его одушевляли, повидному, наилучшія намѣренія. Онъ поставилъ съ большой тщательностью драму Сарду: „Ненависть“, провалившуюся съ такимъ трескомъ. Съ тѣхъ поръ онъ отказался отъ управленія, испугавшись пучины, гдѣ сотни тысячъ франковъ терялись, какъ капли воды.

Ему наследовала Вицентини, но весьма сомнительно, чтобы онъ когда-нибудь обратился къ драмѣ. Онъ весь отдался опереткѣ и мечтаетъ, говорить, о народной оперѣ.

Исторія „Chatelet“ еще диеовиннѣе. Шателэ — громадная зала, вмѣщающая отъ трехъ до четырехъ тысячъ человѣкъ и гдѣ всѣ управленія, одно за другимъ, разорялись, потому что не могли заселить этой пустыни. Однако въ послѣдніе два года задача была разрѣшена обществомъ артистовъ, дававшимъ тамъ представленія. Расчетъ ихъ простъ: они возобновляютъ старыя пьесы, не тратятся ни на декорации, ни на костюмы, понижаютъ цѣны на мѣста и такимъ образомъ достигаютъ того, что привлекаютъ публику и получаютъ сносный доходъ. Кастеллано, управлявшій уже „Историческимъ театромъ“, нанялъ Шателэ, чтобы эксплуатировать его на этотъ ладъ. Но если онъ не ограничится повтореніемъ стараго и рискнетъ поставить новую пьесу, то ему можетъ плохо придтись. Въ настоящее время Шателэ, силою вещей, осужденъ, повидимому, на возобновленіе старыхъ вещей, потому что дирекція не выдержитъ большихъ издержекъ.

Остаются „Историческій театр“ и „Ambigu“, гдѣ драма еще у себя дома. Историческій театр не что иное, какъ „Лирический театр“, выстроенный заново послѣ пожара майскихъ дней 1871 г. Такъ какъ городъ отдалъ эту залу въ аренду съ аукціона, то ее арендовалъ Кастеллано, чтобы возобновить драмы, имѣвшія успѣхъ на бульварѣ Тампля, и попытаться поставить нѣсколько новыхъ драмъ. Попытка до сихъ поръ, повидимому, удастся. Что касается „Ambigu“, то никогда никакой еще театр не страдалъ такимъ непрерывнымъ рядомъ убійственныхъ неудачъ. Просуществовавъ съ грѣхомъ пополамъ, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, подъ управленіемъ скупого директора, онъ былъ совсѣмъ воняпрасну отдѣланъ заново и весь вызолоченъ; неудача преслѣдуетъ его, и пьесы проваливаются одна за другой. Вотъ гдѣ настоящій одръ смерти, на которомъ издыхаетъ драма. Въ непродолжительномъ времени мы, безъ сомнѣнія, увидимъ, что оперетка переселится въ „Ambigu“.

Такимъ образомъ, вотъ каковы въ настоящую минуту убѣжища драмы: два театра, изъ которыхъ одному грозитъ неминуемое разореніе, а другой ставитъ новую драму, какъ солдатъ тратитъ свой послѣдній зарядъ.

Спросите у авторовъ, у директоровъ, у актеровъ, они съ грустью отвѣтятъ вамъ, что публика не любитъ больше драмъ. Время отъ времени успѣхъ оживляетъ падающій духъ; но драма на сколькомъ пути и мало-по-малу скатывается въ пропасть забвенія. Если она и поднимается на минуту, то лишь затѣмъ, чтобы скатиться еще

ниже. Естественно—жалобамъ нѣтъ конца. Романтическій хвостъ въ особенности громко божится, что внѣ драмы нѣтъ спасенія для нашей литературы. Но ни одному автору не приходитъ въ голову, что если драма умираетъ, то это должно быть отъ старости, и что стоить только вдохнуть въ нее юность, чтобы открыть для нея славное прищипье. Въ настоящее время драма такъ же безнадежно отжила, какъ и трагедія; это—истощенная форма, мастерскія произведенія которой могутъ быть помѣщены въ разрядъ классиковъ. Ихъ было двѣ формы: трагедія и драма, и наступилъ часъ найти третью форму или, вѣрнѣе, удержать драму, преобразовавъ ее согласно потребностямъ нашего времени. Весь вопросъ, мнѣ кажется, заключается въ этомъ. Борьба идетъ между романтической драмой и тѣмъ, что я называю драмой натуральной школы. Когда послѣдняя будетъ найдена, пущена въ ходъ двумя-тремя мощными умами, мы увидимъ, что драматическіе театры освѣтятъ свои фасады и толпа зрителей будетъ тѣсниться въ ихъ вассѣ.

Я долженъ пояснить, что я подразумѣваю подъ романтическою драмой. Я называю этимъ именемъ всякую пьесу, искажающую правду событій и лицъ, въ которой разгуливаютъ маріонетки и, подъ предлогомъ какого-то идеала, неумѣло передразниваютъ Шекспира и Виктора Гюго. У каждой эпохи, повторяю, есть своя формула, и наша формула, разумѣется, не въ этомъ.

Мы прежде всего нуждаемся въ правдѣ, въ точномъ анализѣ. Напримѣръ, въ настоящую минуту употребляютъ невѣроятныя усилія, чтобы воскресить историческую драму. Толкуютъ о новой попыткѣ въ „Ambigu“. Одинъ журналистъ, Лафорѣ, также ищетъ залу набираетъ труппу, чтобы давать пять-шесть пьесъ, выбранных изъ зрѣломъ размышленія. Чего лучше! я не могу безусловно осудить историческую драму, несмотря на все мое предпочтеніе къ современнымъ сюжетамъ, но объявляю заранѣе, что историческія драмы будутъ имѣть мало цѣны, если будутъ скроены по образцамъ тѣхъ, которыя даются время отъ времени на нашихъ театрахъ. Ахъ! надо поглядѣть, какъ обращаются тамъ съ исторіей, какихъ диковинныхъ лицъ выводятъ въ нихъ подъ именами королей, великихъ полководцевъ или великихъ артистовъ, какимъ ужаснымъ соусомъ приправляютъ тамъ наши лѣтописи! Такъ какъ дѣло идетъ о прошедшемъ, то тамъ считаютъ все дозволеннымъ, всякія неправдоподобности, муртошные лица, непоправимую глупость, нелѣпыя безвкусныя мимика *couleur locale*. И какой странный языкъ! Францискъ I говоритъ языкъ базарейщикъ изъ улицы Сень-Дени. Рашель произноситъ тирады злодѣя изъ мелодрамы; Шарлотта Кордэ проливаетъ сантиментальныя слезы, какъ маленькая гризетка! Авторы этихъ чудовищныхъ драмъ,

повидимому, и не подозреваютъ, что историческій родъ самый благодарный и въ немъ всего необходимѣе тщательныя изслѣдованія: добросовѣстность, громадная способность наведенія и воскрешенія прошлаго. Я понимаю этого рода пьесы, когда онѣ написаны или гениальнымъ поэтомъ, или же людьми громадной учености, способными воскресить передъ зрителями цѣлую эпоху, съ ея особенностями, ея нравами, цивилизаціей. При такихъ условіяхъ создаются весьма любопытныя произведенія. Но только они очень рѣдки. Я знаю, что хотятъ воскресить приверженцы исторической драмы; а именно: старомодныя пьесы съ эффектами, съ трескучими фразами, пьесы живыя, ослѣпляющія глупую толпу, но повергающія въ униженіе всѣхъ умныхъ людей. Мы вернемся, слѣдовательно, къ той самой романтической, живой, нелѣпой драмы, которая уже осуждена на вѣрную смерть. Это значитъ желать, чтобы наша драматическая литература сдѣлала шагъ назадъ. Повторяю еще разъ: возрожденіе совершится лишь тогда, когда драматурги внесутъ въ свои произведенія заботу о художественной правдѣ, которую романисты преслѣдуютъ въ настоящее время въ своихъ произведеніяхъ.

Конечно, сценическая обстановка иная. Приходится создавать новое искусство, чтобы публика не встала на дыбы. Я съ охотой признаю, что осуществленіе натуральной драмы не легко. Такимъ образомъ факты, повидимому, меня опровергаютъ. „Историческій театръ“ возобновилъ свой сезонъ исторической драмой Жюль Клареси, писателя весьма ловкаго и умнаго. Пьеса называется: „Les Muscadins“, и дѣйствіе происходитъ при директоріи; интрига самая банальная: роялисты и республиканцы преслѣдуютъ другъ друга, убиваютъ, прощаютъ. Но вся эта исторія, довольно банальная, ловко сшита: происходить баталія на улицахъ, лошади скачутъ по сценѣ, а главное, дѣйствующія лица не произносятъ трехъ фразъ, не упоминая о Богѣ, отечествѣ, чести, свободѣ. Это рѣшило успѣхъ. Эта пьеса стараго цирка приводитъ въ восторгъ патристическія души. Напротивъ того, на-дняхъ пьеса Адольфа Бело „La Vénus de Gordes“ была освящена въ „Ambigu“, за то, что слишкомъ безцеремонно, хотя впрочемъ и безъ особеннаго таланта, выставила драму изъ уголовныхъ анналовъ, повѣствующую о женщинѣ слишкомъ пылкаго темперамента, заставляющей своего любовника убить ея мужа, чтобы всецѣло принадлежать ему. Конечно, я желалъ бы, чтобы послѣдняя драма была написана съ большимъ талантомъ, но въ концѣ-концовъ стою за Бело противъ Клареси; я предпочитаю пьесу освященную публикой, за безцеремонную откровенность, шовинистской пьесѣ, спекулирующей на сантиментальность публики, чтобы вызвать рукоплесканія. Вотъ въ чемъ великое препятствіе для оригинальныхъ попытокъ:

разбиваешься о лицемеріе критики и воспитанной въ пошлости толпы. Эта толпа, начинающая смѣяться надъ ребяческими выходками иныхъ мелодрамъ, зачастую еще ловится на тирады о прекрасныхъ чувствахъ, точно такъ, какъ продолжаетъ сердиться, если ей покажутъ общественную рану безъ прикрасъ. Но публика мѣняется: публика Шекспира, публика Мольера, не та, что наша. Надо рассчитывать на движеніе умовъ, на потребность въ правдѣ, которая всемірно растетъ. Сколько бы ни кричали послѣдніе романтики, что публика хочетъ того, что публика не хочетъ этого,—наступитъ день, когда зрители захотятъ изображенія дѣйствительности. Тогда наши драматическіе театры, въ настоящую минуту пустынные и унылые, не будутъ имѣть надобности возобновлять негѣпныя мелодрамы, какъ: „Latude“, „La Tireuse des cartes“, „La tour de Londres“, „Le Fils du Diable“.

III.

Перехожу къ волшебнымъ пьесамъ, такъ-называемымъ *féeries*, смѣшившимъ драму, на старинномъ бульварѣ Тампля. Грохотъ успѣхъ, выпадавшій на долю этихъ представленій, сдѣлалъ ихъ весьма сообразительными для директоровъ театровъ. Можно заработать отъ двухсотъ до трехсотъ тысячъ франковъ на волшебной пьесѣ, если она имѣетъ успѣхъ. Слѣдуетъ прибавить, что такъ какъ расходы на постановку весьма значительны, то директоръ разоряется сразу, если у него провалятся двѣ фееріи. На этомъ поприщѣ можно въ одинъ годъ очутиться на соломѣ или завести экипажъ. Хуже всего то, что такъ какъ литературный вопросъ не играетъ тутъ никакой роли, то феерія, которая выдержитъ двѣсти представленій, похожа какъ двѣ капли воды на такую, что выдержитъ не болѣе двадцати. Чтобы поймать удачную, надо имѣть особое чутье. Случай замѣняетъ талантъ. Декораторъ и костюмеръ пособляютъ случаю.

Феерія, такъ, какъ ее понимаютъ теперь, является зрѣлищемъ для однихъ глазъ. Лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ, въ эпоху, когда процвѣтали *Pied du mouton* и *Pilules du Diable*, феерія походила на большой водевилъ, переищанный куплетами, въ которомъ комизмъ игралъ важную роль. Тогда старались смѣшить, а не ослѣпить. Въмѣсто дворцовъ, сверкающихъ золотомъ и драгоценными камнями, вмѣсто апофеозы съ полуобнаженными женщинами, зрителей угощали различными превращеніями, жареными утками, улетающими съ тарелки голоднаго человѣка, древесными сучьями, надѣланными пощечинами прохожихъ. Но такого рода шутки вышли изъ моды, ста-

нная феерія показалаcя устарѣвшей и слишкомъ наивной. Тогда, въ предлогахъ обновленія этого рода, посредствомъ діалога, литературнаго достоинства текста, сократили на дѣлѣ до крайности діалогъ, превратили пьесу въ одинъ предлогъ для великолѣпной *mise en scène*. Ничего не можетъ быть пошлѣе сюжета фееріи; существуетъ планъ, принятый всѣми авторами: двое влюбленныхъ, любовь которыхъ подвергается гоненіямъ; причемъ имъ покровительствуетъ добрый геній и мѣшаетъ злой, а въ концѣ-концовъ, при развязкѣ, ихъ обвиняютъ послѣ сумасбродныхъ странствованій по всевозможнымъ странамъ. Странствованія и составляютъ главную суть пьесы, потому что позволяютъ декораторамъ и костюмерамъ водить себя по заколдованнымъ лѣсамъ, по перламутровымъ гротамъ, черезъ виданныя царства птицъ, рыбъ и гадовъ. Время отъ времени, авторы обмолвятся словечкомъ, но съ единственной цѣлью дать машистамъ время установить какую-нибудь сложную декорацию позади днѣй кулисы. Понятно, что для того, чтобы ставить подобныя пьесы, соперничающіе театры борются между собою помощью явочныхъ билетовъ. Они другъ передъ другомъ стараются выдумать новыя разорительныя декорации, самые ослѣпительные костюмы. Когда Парижъ узнаетъ, что такой-то директоръ истратилъ сто тысячъ франковъ на дворецъ десятой картины, Парижъ бѣжитъ смотрѣть въ этотъ дворецъ. Дошли до неслыханной роскоши, до безумныхъ затратъ, ослѣпляющихъ залу.

Сознаюсь, что не въ силахъ сердиться. Если разъ признано, что всякая литературная претензія отсутствуетъ, то для глазъ дѣйствительно представляется ослѣпительное зрѣлище. Авторы становятся блѣдыми и богато наряженными лицами, теряющимися въ какой-то объятной грѣзѣ. Можно представить себѣ, сидя въ театрѣ, что видишь и грезишь о золотѣ и блескѣ, и даже самыя глупыя слова, торжественно слышишь противъ воли, только представляютъ естественныя мнѣ пятна, портящія самыя лучшіе сны.

Валетъ обыкновенно бываетъ очарователемъ, потому что танцовщицѣ ничего не приходится говорить. Всегда бываетъ двѣ-три хошенькихъ актрисы, обнаженныхъ до послѣдней возможности. Тепло, тихо спокойно, смотришь, ни о чемъ не думаешь, убаюканный ровной музыкой. И когда наконецъ уйдешь изъ театра, то сознаешь, что провелъ пріятный вѣчеръ.

Два театра въ особенности производятъ фуроръ въ настоящую минуту: *Porte St. Martin* и *Gaieté*. Но они даютъ особенныя фееріи, заслуживающія упоминовенія. Надо сказать прежде всего, что когда Оффенбахъ былъ директоромъ *Gaieté*, онъ истощилъ всѣ ресурсы великолѣпія. Его издержки доходили до такой цифры, что

даже при полномъ сборѣ онъ не получалъ никакой выгоды. Въ теченіи двухъ лѣтъ онъ столько денегъ бросалъ за окошко, что дверь оказалась слишкомъ тѣсна, чтобы пропустить ихъ обратно. Поэтому, какъ я сказавъ выше, онъ удалился, чтобы избѣжать окончательной финансовой катастрофы. Но ударъ былъ нанесенъ. Ни одинъ директоръ не рѣшался подражать его безумнымъ издержкамъ, самой публикѣ пріѣхавъ выставка богатства, которую ей подносили. Феерія угрожала серьезная опасность, когда гг. Вернъ и Деннери изобрѣли научную феерію. Я объясню, въ чемъ состоитъ этотъ новый родъ. Созданы были новыя рамки, и для большихъ и малыхъ дѣтей явилась возможность провести еще нѣсколько веселыхъ вечеровъ.

Жюль-Вернъ—писатель остроумный, съ большимъ успѣхомъ популяризующій науку для невѣждъ, драматизируя ее въ маленькихъ романахъ, исполненныхъ живого интереса. Въ числѣ этихъ романовъ одинъ, на примѣръ, доказываетъ, что съ помощью пароходовъ и желѣзныхъ дорогъ можно объѣхать вокругъ свѣта въ восемьдесятъ дней. Все это пересыпано забавными эпизодами и любопытными географическими примѣчаніями. Вотъ на сюжетъ этого романа Деннери и построилъ свою феерію. По правдѣ сказать, ему не пришлось особенно ломать голову. И тутъ, какъ и въ старинныхъ пьесахъ, все дѣло въ странствіяхъ по бѣлу-свѣту. Но только никакъ нельзя было ввести ни фей, ни волшебниковъ. Верну и Деннери пришлось прибѣгать время отъ времени къ чисто-матеріальнымъ и житейскимъ препятствіямъ, для прегражденія пути своимъ героямъ. Вотъ, впрочемъ, въ краткихъ словахъ содержаніе ихъ пьесы. Одинъ англичанинъ, Филеасъ Фоггъ, членъ клуба эксцентриковъ, держитъ пари, что объѣдетъ вокругъ свѣта въ восемьдесятъ дней. Но, по прибытіи въ Александрію, его принимаетъ полицейскій агентъ Фиксъ за вора, котораго розыскиваетъ англійскій банкъ. Отсюда завязывается борьба между ними; одинъ пробирается впередъ, несмотря на всѣ препятствія, другой стремится задержать его. Такимъ образомъ они пробираются черезъ Индію, Тихій океанъ, Америку. Изъ всѣхъ эпизодовъ, я укажу только на одинъ: Филеасъ Фоггъ освобождаетъ индусскую вдову, которую брамины хотѣли сжечь на кострѣ мужа; онъ, естественно, въ нее влюбляется и женится на ней при развязкѣ. Наконецъ, вырвавшись изъ рукъ краснокожихъ, взорвавъ свое судно для того, чтобы прибыть въ назначенный день, Филеасъ Фоггъ обнаруживаетъ, что опоздалъ на двадцать-четыре часа; когда вдругъ открываетъ, что выгадалъ цѣлый астрономическій день, объѣзжая вокругъ свѣта. Въ этомъ главная перипетія пьесы. Онъ выигрываетъ свое пари. Вотъ вамъ и знаменитое „Восьмидесяти-дневное путешествіе“

твіе вокругъ свѣта“, которое уже больше года не сходитъ съ афинскаго театра Сень-Мартенскихъ воротъ.

И знаете ли? Я сожалѣю о старинной фееріи, о фееріи, щеголявшей нелѣпой роскошью и насмѣхавшейся надъ научными истинами и надъ самимъ здравымъ смысломъ. Конечно, я не противъ того, чтобы наука выступала на театрѣ; напротивъ того, я призываю ее туда всѣми помыслами души. Но я не хочу, чтобы, подъ предлогомъ популяризаціи истинъ, которымъ научаешься въ четвертомъ классѣ гимназіи, давались пошлыя вещи, болѣе лживыя, чѣмъ сказки въ родѣ „Ослиной кожи“ и „Сандрильоны“. Полицейскій агентъ, преслѣдующій по пятамъ вора на разстояніи многихъ тысячъ лѣтъ, на мой взглядъ самая нелѣпая выдумка въ мірѣ, и я ничего не знаю взыщительнѣе индусской вдовы, которую Филеасъ Фоггъ таскаетъ за собой изъ Калькутты въ Лондонъ, чтобы жениться на ней. Не понимаю, какимъ образомъ такія пошлости не возбуждаютъ въ публикѣ смѣха. Есть тамъ также предводитель краснокожихъ, оплакивающій свои лѣса, такъ, какъ бы французъ сталъ оплакивать Эльзасъ и Лотарингію,—одно изъ самыхъ нелѣпыхъ лицъ, какія я только запомню. Стбитъ ли тревожить науку, чтобы приплетать ее къ такому низкому ходу литературы. Я сержусь, видя научный ярлыкъ, пригипленный къ самой балаганной пьесѣ въ мірѣ. И декорации бѣдны, и костюмы жалки. Думаешь, что увидишь артистическую попытку, оригинальную и смѣлую попытку извлечь драму изъ географическихъ данныхъ, и, вмѣсто того, находишь пьесу съ сюрпризами ремесленника, состарившагося и опошлившагося въ ремеслѣ. Но что меня бѣситъ всего болѣе, такъ это успѣхъ этой дурацкой пьесы, успѣхъ колоссальный, неслыханный, какого не запомнить: слишкомъ триста-шестьдесятъ представленій сряду. На прошедшей недѣли театръ Сень-Мартенскихъ воротъ праздновалъ годовщину перваго представленія. Право, можно отчаяться въ умъ, въ артистическомъ воспитаніи публики. Главной причиной этого успѣха является то, что въ пьесѣ есть слонъ, маленький, очень безобразный слонъ, который проходитъ черезъ всю сцену. Парижъ въ теченіе года бѣгалъ смотрѣть, какъ этотъ слонъ выходитъ изъ одной кулисы и заходитъ за другую. Надо прибавить также, что это семейная пьеса, на которую можно водить благонравныхъ дѣтей. Но что-жъ изъ этого! Зала Сень-Мартенскихъ воротъ, въ которой Риш-Блазъ произносилъ свои пламенные рѣчи, заслуживаетъ лучшей публики, чѣмъ праздные гимназисты и унтеръ-офицеры, приводящіе своихъ землячекъ посмотрѣть на слона.

Великій успѣхъ „Восьмидесятидневнаго кругосвѣтнаго путешествія“, натурально, наведъ на размышленіе фабрикантовъ театральныхъ пьесъ, жадно слѣдящихъ за модой. Поэтому недавно въ „Gaieté“ по-

ставлено „Путешествіе на луну“, гг. Ванлоо, Летеррье и Морты. И дѣло на этомъ не остановится; всѣ свѣтила пройдутъ передъ нами поочередно. Путешествіе на луну совершается самымъ оригинальнымъ способомъ. Герои садятся во внутренность громаднаго ядра, которое выбрасываетъ гигантская пушка въ двадцать-лѣ длинной. Потомъ, когда они выходятъ изъ ядра на поверхность нашего спутника, то науку оставляютъ уже совсѣмъ въ сторонѣ, и ихъ путешествіе ставится лишь предлогомъ къ довольно-остроумной подчасъ сатиры; натурально, луна представляетъ карикатуру на землю или, вѣрнѣе сказать, идеальную землю, на которой жители безпрестанно поучаютъ другъ друга. Декораціи и костюмы здѣсь также гораздо оригинальнѣе. Упомяну о картинѣ потухшаго вулкана, снова просыпающагося, извергающаго лаву и дѣлкій дождь пепла. Упомяну также о лунномъ пейзажѣ, весьма любопытномъ воспроизведеніи одной изъ тѣхъ каменистыхъ равнинъ, сѣрыхъ, унылыхъ, какія намъ показываетъ телескопъ. Въ послѣдней картинѣ на горизонтѣ луны восходитъ земля, великолѣпная, яркая, свѣтъ которой медленно заливаетъ сцену огнемъ апогеоза. Лесть очень пріятна, и зрители сильно аплодируютъ. Наконецъ, не могу умолчать о прелестномъ балетѣ, который исполняютъ изящныя женщины, покрытыя снѣгомъ. Я, слѣдовательно, свиходительнѣе отношусь къ фееріи въ „Gaieté“. У ней нѣтъ ложной претензіи на науку; она витаетъ въ странѣ химеръ; сама пушка ея — забавный фарсъ, заставляющій улыбаться. Сколько инженеръ, строящій се ни стрѣляетъ въ публику страшными вычисленіями, ихъ не принимаютъ въ серъезъ. Мы ни на минуту не выходимъ изъ страны грѣзъ, и я вовсе не впадаю при этомъ въ противорѣчіе съ самимъ собой. Я всегда и вездѣ хочу стоять за правду. Но только рядомъ съ точнымъ анализомъ, непрерывнымъ анализомъ романиста и драматическаго автора, я допускаю свободную фантазію поэта. Слѣдуетъ престоавить широкое поле для воображенія. При изображеніи самой правды бываетъ иногда порываніе въ страну грѣзъ. И сколько гениальныхъ произведеній создано этими прогулками въѣ времени и пространства! Для театра, феерія представляетъ готовую рамку для такихъ мечтательныхъ прогулокъ. Конечно, трудно придумать болѣе чудесный родъ, соединяющій столько обаянія. Я скажу, какой бы фееріи мнѣ хотѣлось. Величайшій изъ нашихъ лирическихъ поэтовъ написалъ бы стихи, извѣстнѣйшій изъ музыкантовъ сочинилъ бы музыку; декораціи я поручилъ бы живописцамъ, составляющимъ славу нашей школы, и призвалъ бы первѣйшихъ изъ нашихъ скульпторовъ, чтобы разставить группы и наглядсти за совершенствомъ пластики. Но это не все: для того, чтобы разыграть эту феерію, понадобились бы красивыя женщины, силачи мужчины, актеры, знаменитые своиѣ

искусствомъ въ пѣніи, драмѣ и комедіи. Такимъ образомъ, всѣ чело-
вѣческія искусства, поэзія, музыка, живопись, скульптура, драма-
тический гений, и при этомъ красота и сила соединились бы для
оспроизведенія такого зрѣлища, которое бы очаровывало всѣ чув-
ства. Феерія входитъ въ область поэта. Развѣ Шекспиръ не напи-
салъ „Сонъ въ лѣтнюю ночь“? О! пора бы очистить сцену отъ
разныхъ пародій, пачкающихъ подмостки нашихъ лучшихъ теат-
ровъ, забросить въ помойную яму дурацкіе либретто, вся соль кото-
рыхъ заключается въ черствыхъ каламбурахъ и кривляньи, и пош-
ная партитуры, вѣчно повторяющія одни и тѣ же площадные на-
ѣвы; бросить великолѣпныя декорации, нелѣпо и буржуазно разукра-
шенныя. Возвратите эти театры великимъ поэтамъ, великимъ музы-
кантамъ, великимъ творцамъ. При нашихъ новѣйшихъ изслѣдова-
ніяхъ, послѣ дневного освѣченія труповъ, феерія была бы вечеромъ
номъ на яву, грѣзой, въ которой снилась бы челоѣвеческая красота
и челоѣвеческое величіе.

IV.

Если къ фееріи можно отнести милостиво, благодаря поэтиче-
скому раздолью, которое она представляетъ для творческой фантазіи,
о оперетка является общественнымъ бичомъ, и ее слѣдовало бы раз-
завить позади бутки суфлера, какъ зловерное насѣкомое. Въ на-
стоящую минуту она выражаетъ собой самую популярную формулу
французской пошлости. Успѣхъ ея можно сравнить съ успѣхомъ тѣхъ
идіотическихъ пѣсень, которыя во время дню раздавались на ули-
цахъ и оглушали всѣхъ, хотя никто не могъ отдать себѣ отчета,
куда онѣ берутся. Съ тѣхъ поръ, какъ воцарилась оперетка, улич-
ныя пѣсни исчезли; она ихъ замѣнила; она доставляетъ матеріалъ
для шарманокъ, она дѣлаетъ еще нестерпимѣе фортепьянное брен-
чанье честныхъ и безчестныхъ женщинъ. Губительное владычество
я до того растетъ, что людямъ со вкусомъ придется, наконецъ,
принимать мѣры и составлять заговоры для ея истребленія.

Оперетка первоначально была водевилемъ съ куплетами. Затѣмъ,
она выросла до размѣровъ небольшой оперы-буффъ. То были еще
времена скромнаго дѣтства; она дурачилась и ее терпѣли, потому
что она занимала мало мѣста. Къ тому же ей не придавали ника-
кого значенія; она обезоруживала критику сумасбродствомъ своихъ
пріемовъ. Но мало-по-малу она выросла, съ каждымъ днемъ стано-
ваясь, нахальнѣе, и изъ лагушки превратилась въ вола. Но хуже всего
то, что она разрослась, не утративъ своего грубаго характера, не
пріобрѣтя ни капельки таланта, отличаясь нелѣпнѣйшимъ сумасброд-

ствомъ, наводящимъ на мысль о кельяхъ дома умалишенныхъ. Изъ одного акта она разрослась до пяти. Публика, вмѣсто того, чтобъ какъ въ былое время, посидѣть съ полчаса, привыкла въ теченіе цѣлаго вечера глядѣть на эти припадки тупоумнаго бѣснованія. Съ тѣхъ поръ, почувствовавъ себя госпожей, она сбросила всякую уму. Она принялась канканировать безъ удержу; разоблачилась до послѣдней возможности. Она прославила актрису, весь талантъ которой заключался въ безстыдныхъ тѣлодвиженіяхъ. Весь парижскій порокъ набросился на нее, и можно назвать женщину, которая умѣнье подчеркивать гривуазные куплеты принесло блистательные доходы. Но это еще не все. Оперетка возмечтала объ апофеозѣ. Оффенбахъ, во время управленія театровъ „Gaieté“ выкопалъ свои старыя оперетки-буффъ, между прочимъ, „Орфея въ аду“, разыгрывавшагося въ былое время при скромной сравнительно обстановкѣ. Онъ выкопалъ ихъ и превратилъ въ эффектные представленія, изобрѣтая новыя картины, великолѣпныя декорации, одѣвая актеровъ въ пышные костюмы, избирая рамками для глухихъ діалоговъ и музыкальных кривляній весь Олимпъ. Однимъ прыжкомъ оперетка захотѣла достигъ величія лирической фееріи. Дальше идти ей некуда. Ея несообразности, ея глупый смѣхъ, ея непристойные прыжки, ея проза и стихи, написанные для кабацкихъ посѣтителей, на одно мгновеніе озарились пышнымъ блескомъ, точно грязь, упавшая на блестящее свѣтило. Но она забралась слишкомъ высоко, и чуть-было не сломала себѣ шею. Оффенбахъ больше не директоръ театра, и надо думать, что ни одинъ театръ не рискнетъ снова бросить двѣсти или триста тысячъ франковъ, чтобы показать драппенскую пѣвицу, раздѣтую до невозможности, и визжащую скверную пѣсню, при блескѣ электрическихъ огней. Все равно! Оперетка вознеслась было на самое небо—и урокъ поучителенъ и страшенъ.

Я не стану перечислять злодѣяній оперетки. Въ сущности, я ненавижу ее не какъ моралистъ, а ненавижу ее, какъ негодующій художникъ. Для меня худшее изъ ея преступленій заключается въ томъ, что она занимаетъ слишкомъ много мѣста, отвлекаетъ общественное вниманіе отъ серьезныхъ произведеній, доставляетъ пошлое и отупляющее развлеченіе, которое увлекаетъ толпу и портитъ ей вкусъ. Старинный водевиль былъ предпочтительнѣе. Онъ сохранялъ по крайней мѣрѣ дѣтское простодушіе. Съ другой стороны, несомнѣнно, что можно было чаще встрѣтить хорошаго водевиля, чѣмъ сносную оперетку. Причина этого очень проста. Авторы, набреда на забавную мысль, довольствовались тѣмъ, что разработывали ее въ одномъ актѣ, который выходилъ довольно выдержаннымъ и, вслѣдствіе этого, интересъ не ослаблялся до послѣдней минуты. Теперь нужно ту же мысль

развести на дѣлѣхъ три, а иногда и на пять актовъ. Тутъ, роковымъ образомъ, авторы растагиваютъ сцены, разбавляютъ сюжетъ, вводятъ посторонніе эпизоды, замедляющіе все дѣйствіе. Это объясняетъ, почему чаще всего первый актъ оперетокъ бываетъ забавенъ, второй блѣднѣе, а третій совсѣмъ безцвѣтенъ. Во что бы то ни стало надо занять весь вечеръ, чтобы ни съ кѣмъ не дѣлать доходовъ съ публики. А самое обычное закулисное мнѣніе, это: музыка все скрасить.

Оффенбахъ—великій преступникъ. Его живая, искрометная, не лишенная истиннаго дарованія музыка, составила успѣхъ оперетки. Безъ него ей никогда не восторжествовать бы такъ рѣшительно. Надо прибавить, что ему, конечно, много помогли и гг. Мейльякъ и Галеви, либретто которыхъ остаются, безъ сомнѣнія, образцовыми въ своемъ родѣ. Они не поддавались къ ходячимъ пошлостямъ, они создали свой родъ, утрируя нѣсколько комизмъ положеній, но все же сохраняя известное парижское остроуміе и нѣкоторое изящество формы. Можно сказать объ ихъ опереткахъ, что онѣ забавныя каррикатуры, главный недостатокъ которыхъ заключается въ томъ, что онѣ смяты достигъ размѣровъ высокой комедіи. Что касается до ихъ подражателей, которыхъ я не хочу даже называть, то они-то и увлекли оперетку въ грязь, гдѣ она теперь барахтается. Они, кажется, серьезно вообразили, что стоить только быть глупымъ, чтобы смѣшить. Когда либретто никуда не годно, а оперетка все же имѣетъ успѣхъ, то она этимъ обязана музыкантамъ. Оффенбахъ образовалъ школу. Гг. Лекокъ, Гербѣ и другіе производятъ фуроръ. Весь Парижъ ихъ пѣлъ. Лекокъ въ особенности своей „La fille de madame Angot“ прозвучалъ во всемъ мірѣ. Странные успѣхи, создаваемые неизвѣстно чѣмъ, зажигающіеся и горячіе точно пороховой фитиль и вызываемые, конечно, столкновениемъ легкомысленной посредственности автора съ снисходительной посредственностью публики! Слова, понятныя для всѣхъ умовъ, напѣвы, доступные всякимъ голосамъ—вотъ элементы, изъ которыхъ слагаются увлеченія толпы.

Существуетъ, однако, нѣкоторое утѣшеніе: нынѣшней зимой замѣчается значительное охлажденіе публики къ опереткѣ. Четыре театра пробавляются исключительно этого рода представленіями: „Renaissance“, „Bouffes“, „Variétés“, „Folies dramatiques“. Между тѣмъ, ни одному изъ нихъ не посчастливилось набрести, для открытія сезона, на такую пьесу, которая бы имѣла большой и прочный успѣхъ. Всѣ четыре новыя пьесы провалились болѣе или менѣе рѣшительно.

„Renaissance“,—зала, украденная опереткой у драмы. Когда этотъ театръ былъ выстроенъ, то долженъ былъ быть вторымъ „Gympase“, только болѣе смѣлымъ и не отступающимъ отъ новѣйшаго анализа.

Но нѣсколько послѣдовательныхъ неудачъ поставили управленіе въ страшныя денежныя затрудненія, и пришлось на слѣдующую зиму прибѣгнуть къ опереткѣ. Въ послѣдніе два года оперетка царитъ въ немъ. На его подмосткахъ увидѣла свѣтъ Божій „La jolie parfumeuse“; на нихъ же впервые появилась „Giroflé-Girofla“. Зала, торговали, слишкомъ нова и нарядна для драмы. Я надѣюсь, что драмы или комедія вернутся со временемъ на эту сцену, построенную для нихъ, и откуда ихъ согнала авантюристка, уличная гуляка. Нѣтъ театра въ Парижѣ, который я съ бѣльшей радостью избавилъ бы отъ позора бездарныхъ куплетовъ. „Renaissance“ для открытія своего сезона дала „Les filleules du roi“, шлепнувшуюся безъ милосердія. Три дня спустя ей пришлось прибѣгнуть къ прошлогоднимъ новинкамъ „Giroflé-Girofla“ и „La reine Indigo“. Конечно, она готовитъ еще иное. Но, сознаюсь, что я горячо желаю, чтобы это иное было оставлено безъ жалости. Еслибы директоры театровъ, гдѣ даются оперетки, обанкрутились одинъ за другимъ—я бы этому очень обрадовался. Только утомленіе публики и разореніе директоровъ могли насъ избавить отъ этой мерзости.

Въ „Буффахъ“ давали „Креолку“, слова Мильо, музыка Оффенбаха. Публика не особенно ею восхищалась и успѣхъ оперетки незначительный. Но судьбу этого рода пьесъ трудно заранѣе опредѣлить. Зачастую самыя глупыя нравятся всего больше. Къ тому же, авторъ принадлежитъ обыкновенно къ легкой прессѣ и умѣютъ шумѣть о своихъ произведеніяхъ. Когда цѣлая зала зѣваетъ отъ ихъ прокиденій, дружественные журналы кричатъ, что никогда публика столько не хохотала. Наконецъ, сами зрители нетребовательны и полагаютъ, что слѣдуетъ посмотреть пьесу, если театру удастся продержатъ ее на афишѣ дней пятьдесятъ сряду; а тамъ дальше уже нѣтъ причинъ пьесѣ не удержаться и на болѣе долгое время. Со всѣмъ тѣмъ, „Креолка“ должна доставлять мало дохода „Буффамъ“, и я надѣюсь, что театръ вынужденъ будетъ дать въ непродолжительномъ времени новую оперетку, которая будетъ имѣть еще меньше успѣха.

Но самое серьезное пораженіе потерпѣла оперетка въ „Variétés“. Тамъ все было сдѣлано, чтобы обезпечить успѣхъ. Рассчитывали на новую „Belle-Hélène“. Гг. Мейльякъ и Галеви написали либретто, Оффенбахъ взялъ на себя музыку. Кромѣ того, заглавіе: „La belle langère a des écus“, казалось, должно было привлечь публику. Въ оперетку включена была игривая пѣсенка эпохи регентства, тоже не малая приманка. Ну, и что же! Денежная булочница, несмотря на то, что должна была быть булочницей весьма легкаго поведенія, была холодно принята въ первый вечеръ, и въ настоящую минуту умираетъ естественной смертью. У булочницы, быть можетъ, и нѣтъ

дятся деньжонки, но она не доставитъ ихъ въ кассу „Variétés“. Конечно, гг. Мейльякъ и Галеви талантливые авторы, и я очень люблю ихъ остроуміе. Тѣмъ не менѣе я радуюсь ихъ неудачѣ. Какъ они не понимаютъ, что унижаютъ себя, составляя балаганные либретто. Увѣряютъ, что они постигли наконецъ, что компрометируютъ свой талантъ. Говорятъ, будто одинъ изъ нихъ побожился, что не станетъ больше писать оперетокъ послѣ того, какъ выполнить принятыя уже раньше обязательства.

Наконецъ, третья неудача постигла „Folies-Dramatiques“. „Le Pom-pom“, музыка котораго написана Лекокомъ, была просто освистана. Музыкантъ проигралъ крупное сраженіе. Послѣ колоссальнаго успѣха „La fille de madame Angot“, общее вниманіе было устремлено на него, а онъ оказался ниже самого себя, что много значить. Я надѣюсь, что онъ больше не встанетъ и что онъ окончательно сломалъ себѣ шею. Ненависть къ опереткѣ дѣлаетъ меня свирѣпымъ.

Итакъ, вотъ на чемъ мы пока остановились. Увы! я никакъ не рассчитываю, чтобы четыре проигранныхъ сраженія рѣшили дѣло. Быть можетъ, завтра оперетка, болѣе глупая, чѣмъ ея старшія сестры, будетъ имѣть одинъ изъ тѣхъ необъяснимыхъ успѣховъ, которые поддержать моду на этотъ жанръ еще на нѣсколько лѣтъ. Но несомнѣнно, что оперетка уже стоитъ на закатѣ своей славы. Она достигла своего апогея въ „Gaieté“ при Оффенбахѣ. Теперь она клонится къ упадку. Все дѣло во времени и прихотяхъ моды. Къ тому же, противъ нея воздвигнуто цѣлое гоненіе. Многіе критики, изъ самыхъ вліятельныхъ, преслѣдуютъ ее непримиримой враждой. Они знаютъ какой вредъ она приноситъ французскому уму. Когда мы отъ нея отдѣлаемся, то, конечно, изъ ея навоза вырастетъ новый чудовищный грибокъ, потому что надо же, чтобы глупость находила себѣ исходъ; но я сомнѣваюсь, чтобы насъ постигло худшее зло.

V.

Исторія нашихъ театровъ *жанра* плачевна. Въ продолженіи слишкомъ пятидесяти лѣтъ, они служили выраженіемъ французскаго драматическаго гения. Ихъ репертуаръ, переведенный на всѣ языки, сдѣлалъ насъ поставщиками театровъ цѣлаго міра. Они были настоящими мастерскими, откуда выходили тѣ драмы и комедіи, предназначенныя для вывоза, о которыхъ я говорилъ выше. Если наши водевили обоняли всю Европу, то мы имъ обязаны этой международной популярностью. А теперь они находятся при послѣднемъ изды-

ханін и не знаютъ, какъ имъ привлечь успѣхъ, повернувшійся къ нимъ спиною.

Этихъ театровъ три: „Gympase“, „Vandeville“, „Palais-Royal“. У каждаго своя особенная исторія, которую мнѣ надо рассказать, чтобы быть понятнымъ.

„Gympase“ былъ какъ-бы храмомъ *буржуазизма*. Громкіе успѣхи Скриба сдѣлали изъ него самый счастливый театръ Парижа, чистенькій, литературный, приносящій громадныя доходы. Надо прибавить, что имъ управлялъ человѣкъ весьма искусный, г. Монтиньи, чутье котораго обратилось въ пословицу. Всякая пьеса, принятая имъ, увѣнчивалась успѣхомъ. Монтиньи все еще управляетъ этимъ театромъ, но повидимому утратилъ свое чутье, потому что въ послѣдніе годы переживаетъ одну неудачу за другой. Въ концѣ каждаго сезона я слышу, какъ говорятъ: „Монтиньи потерялъ сто тысячъ франковъ; Монтиньи потерялъ пятьдесятъ тысячъ франковъ“. И фраза эта звучитъ, какъ похоронная пѣснь для „Gympase“, если только къ Монтиньи не вернется его былое чутье, благодаря которому онъ узнавалъ, будетъ ли имѣть успѣхъ пьеса, какъ только раскроетъ рукопись. Я, по правдѣ сказать, думаю, что директоръ „Gympase“ остался ловкимъ администраторомъ, человѣкомъ съ большимъ умомъ и тактомъ. Чутье не покинуло его; но времена перемѣнились; авторы не тѣ; публика не та; не тѣ актеры, моды; не то литературное направленіе. Когда все измѣняется, театръ не долженъ оставаться неподвижнымъ. Поклонники Скриба отжили свой вѣкъ, а также и вивѣры Баррьера, да даже и трехъ или пяти-актная проповѣдь Дюма. Недавно мнѣ случилось разговаривать съ Монтиньи. Я предсказывалъ ему то, что случается, я утверждалъ, что не выходя изъ своей обычной программы и не привлекая къ себѣ новыхъ авторовъ, онъ обратитъ въ окончательную пустыню свой театръ. Вчерашняя драматическая формула истощена, публикѣ надобно вѣчныя повторенія, мало-по-малу толпа устремляется въ другое мѣсто: въ оперетки, въ пьесы съ эффектной постановкой. Онъ качалъ головою и отвѣчалъ, что знаетъ гдѣ успѣхъ, и называлъ мнѣ: Дюма, Сарду, гг. Мейльяка и Галеви. Да, конечно, успѣхъ тамъ, но успѣхъ временный, успѣхъ непрочный. Мы натываемся тутъ въ рану, разъѣдающую наши театры.

Вотъ какъ разсуждаютъ директора нашихъ театровъ *эпохи*. Въ настоящее время въ Парижѣ существуютъ четыре или пять театровъ, пользующихся полной благосклонностью публики. Слѣдственно, нужно имѣть дѣло только съ ними. Вся штука заключается въ томъ, чтобы запастись на зиму произведеніемъ кого-либо изъ этихъ господъ. Потому, когда контрактъ подписанъ, то весь сезонъ

посвящается этой пьесѣ; всѣхъ другихъ авторовъ устраняютъ; играютъ однѣ посредственныя пьесы, чтобы лучше выставить свѣтло; тратятъ громадныя суммы на вербовку труппы и постановку. Если пьеса падаетъ, — что иногда бываетъ, — убытки громадны. Но допуская даже успѣхъ, результатъ все-таки не блистательный, потому что репертуаръ разстроены и зачастую теряются цѣлые мѣсяцы, весь сезонъ въ ожиданіи новой пьесы какого-нибудь извѣстнаго фабриканта. Къ тому же, все имѣетъ конецъ. Какъ я и говорилъ Монтиньи, я нахожу директороѣ страшно непредусмотрительными: они ставятъ все свое состояніе на одну карту; они не думаютъ о томъ, что гг. Дюма, Сарду, Мейльякъ и Галеви могутъ сойти со сцены: умереть или утратить любовь публики, и что, такимъ образомъ, они останутся совсѣмъ безъ пьесъ и безъ авторовъ. На всѣ эти доводы директора отвѣчаютъ, что они были бы и рады давать мастерскія произведенія, да ихъ не откуда взять; что еслибы они знали, что существуетъ хорошая пьеса въ какомъ-нибудь глухомъ предмѣстьѣ, гдѣ-нибудь на чердакѣ какой-нибудь лачуги, на самой окраинѣ города, они бы пѣшкомъ, въ проливной дождь, пошли бы за ней, только бы не упустить единственнаго случая. Все это вполне искренно, но дѣло въ томъ, что директора прикованы къ одному роду произведеній и трусятъ всякой новой попытки, цѣпляются за прошлое съ отчаяніемъ людей, нажившихъ много денегъ на извѣстнаго рода товарѣ и не могущихъ никакъ въ толкъ взять, отчего этотъ товаръ больше не въ ходу. Еслибы появилась новая драма съ мощнымъ анализомъ, Монтиньи не посмѣлъ бы конечно ее дать; а между тѣмъ спасеніе театра *жанра*, если только онъ не хочетъ перейти къ опереткѣ, заключается въ появленіи болѣе или менѣе близкомъ реальныя пьесы, которыхъ я желаю быть апостоломъ.

Я признаю справедливымъ затрудненіе, въ которое поставлены директора тѣмъ обстоятельствомъ, что никакъ не могутъ, несмотря на всѣ поиски, найти хорошую пьесу. Я вѣрю, что въ настоящую минуту нѣтъ спасенія внѣ гг. Дюма, Сарду, Мейльяка и Галеви. Но тѣмъ не менѣе утверждаю, что театръ погибнетъ, если драматическая формула не будетъ обновлена въ непродолжительномъ времени, если онъ не произведетъ новыхъ писателей, которые внесутъ въ него новую жизнь.

Положеніе „Vaudeville“ еще бѣдственнѣе. Въ былое время на него смотрѣли какъ на сцену, на которой все было дозволено. Когда авторъ писалъ драму или комедію, въ которой по его мнѣнію онъ безцеремонно отнесся къ публикѣ, онъ относилъ ее въ „Vaudeville“. Театръ помѣщался тогда на биржевой площади. Съ тѣхъ поръ онъ перенесся на новое мѣсто; основался на бульварѣ, на углу

Шоссе-д'Антенъ. Это ли переселеніе нанесло ему роковой ударъ, какъ утверждаютъ? Оно ли привлекло къ нему общество гулякъ обоого пола, неспособныхъ цѣнить литературу? Быть можетъ, въ этомъ мнѣніи есть своя доля правды. Но дѣло въ томъ, что неудачи начались уже на Биржевой площади. Причина гибели въ сущности та же, что и у „Gympase“. Пьесы модныхъ писателей производятъ пустоту, приучаютъ публику къ ударамъ грома и мѣшаютъ всякимъ новымъ попыткамъ. Въ послѣднія лѣтъ десять „Vaudeville“ бѣдствуетъ. Два-три успѣха, которые имѣлъ на немъ Сарду, только лучше освѣщаютъ пропасть, въ которую вслѣдъ затѣмъ скатывался театръ.

Въ „Gympase“ сезонъ начался съ неудачи новой пьесы „Wagon de Valjoli“. Къ тому же эта пьеса, весьма посредственная, предназначена, быть можетъ, только на то, чтобы служить фономъ для „Féféol“, великой комедіи Сарду, съ которою разсчитываютъ провести зиму. Идутъ уже послѣднія репетиціи; быть можетъ, она будетъ дана на будущей недѣлѣ. Если она провалится, то Монтинья очутится въ большомъ затрудненіи, потому что у него нѣтъ, мнѣ говорили, никакой другой пьесы. Сезонъ былъ бы для него потерянъ. Пришлось бы прибѣгнуть къ старому репертуару, который уже очень износился. „Vaudeville“ провалялся все лѣто „Procès Veaugadioux“, забавнымъ трехактнымъ фарсомъ Геннекена. Кромѣ того, онъ далъ первое представленіе пьесы Теодора Баррьера: „Un scandale d'hier“. Сюжетъ не страдаетъ наивностью. Дѣло идетъ о барышнѣ-компаньонкѣ, скомпрометтированной любовникомъ маркизы, у которой она живетъ; позднѣе, когда она выходитъ замужъ за одного молодого графа, ей бросаютъ въ лицо, какъ упрекъ, ея мнимое паденіе, и весь интересъ драмы заключается въ томъ, какъ она оправдывается. Впрочемъ, эта пьеса хорошо написана, но ужь конечно не она обновитъ современный театръ. Если „Vaudeville'ю“ удастся продержатъ ее два мѣсяца на афишѣ—тѣмъ лучше. Ждутъ мастерскихъ произведеній.

Мнѣ остается поговорить о пале-роальскомъ театрѣ. Здѣсь мы сталкиваемся лицомъ къ лицу съ весьма счастливымъ исключеніемъ. Лѣтъ уже тридцать сряду доходы его не измѣняются; они все попрежнему великолѣпны. Неудачи въ Пале-роаль весьма рѣдки; успѣхъ тамъ постояненъ. Конечно, часть этого успѣха можно поставить на счетъ трехъ директоровъ—гг. Плюкета, Колера и Дормейля. Но однимъ умомъ этихъ господъ нельзя объяснить этого результата. Я ставлю на первомъ ряду тотъ родъ произведеній, какія на немъ даются: чистѣйшіе фарсы или весьма тонкія комедіи, но всегда съ приправой фарса! Затѣмъ, у нихъ несомнѣнно лучшая труппа въ Парижѣ, та, въ которой замѣчается наиболѣе ансамбль и оригинальности; инымъ изъ нихъ актеровъ удастся набрести, несмотря на

экзажерацию, на правдивые типы, выхваченные из дѣйствительной жизни, которую наши французскіе комедіанты такъ рѣдко умѣютъ передавать. Наконецъ, традиція приводитъ къ нимъ, кромѣ парижской публики, всѣхъ провинціаловъ и всѣхъ иностранцевъ, которые наѣзжаютъ въ Парижъ. Во время оно „Gymnase“ также посѣщался путешественниками, но въ настоящее время они позабыли къ нему дорогу. Послѣ оперы, „Comédie Française“, они отправляются въ Пале-рояль. Лѣтомъ въ особенности, благодаря этой вочующей публикѣ, послѣдній театръ менѣе всего страдаетъ отъ пустоты, производимой жарой во всѣхъ театральныхъ залахъ. Пале-рояльскіе фарсы зачастую бываютъ гораздо превосходнѣе комедій, даваемыхъ на болѣе серьезныхъ сценахъ. Сюда гг. Мейльякъ и Галеви внесли лучшую часть своего остроумія, между тѣмъ какъ гг. Гондине и Лабиншъ весьма близко подходили къ высокой комедіи, оставаясь въ сферѣ неудержимаго смѣха. Конечно, желательно было бы болѣе литературнаго фарса, съ болѣе смѣлымъ пошибомъ, такого, какой писалъ Мольеръ. Но если Мольеръ и отсутствуетъ, то тѣмъ не менѣе Пале-рояль дѣлаетъ похвальныя усилія, чтобы не дать захнуть на театрѣ французской веселости. Впрочемъ, труппа вполне способна разыграть и мастерское произведеніе, еслибы такое было доставлено директорамъ. Первый актъ „Cagnotte“, первый актъ „Boule“ остались какъ образцы творческаго комизма. Повторяю мое желаніе: требуютъ мастерскихъ произведеній.

Слѣдуетъ, полагаю, сдѣлать слѣдующій выводъ изъ процвѣтанія Пале-рояля и медленнаго разоренія „Gymnase“ и „Vaudeville“. Публика, совсѣмъ безсознательно, идетъ туда, гдѣ чувствуетъ жизнь. А жизнь сосредоточилась въ Пале-роялѣ, въ тѣхъ новѣйшихъ комедіяхъ, гдѣ раздается громкій хохотъ, но которыя тѣмъ не менѣе носятъ отпечатокъ дѣйствительности. На этомъ театрѣ драматическое искусство несомнѣнно всего живучѣе, наименѣе заморожено условными понятіями; въ немъ можно изучать нравы, заходить такъ далеко, какъ хочешь, съ тѣмъ лишь условіемъ, чтобы маскировать мерзости людскія преувеличеннымъ комизмомъ. Публика не возмущается и даже рукоплещетъ, потому что не считаетъ себя обязанной быть щепетильной и чопорной.

Я знаю одного автора, у котораго въ портфель была свирѣлая комедія, крайне безцеремонная и рѣзкая по формѣ; ни одинъ театръ не осмѣливался дать ее; ему пришлось пойти дальше, довести врайность до безумія, и его пьеса имѣла большой успѣхъ въ Пале-роялѣ. Разъ авторъ смѣшить, онъ можетъ третировать зрителей такъ безцеремонно, какъ только захочетъ. Итакъ, публика обѣгаетъ „Vaudeville“ и „Gymnase“, гдѣ ей надоѣли старыя формулы, гдѣ она безсозна-

только чувствует ледяную агонию этихъ пьесъ, которыхъ не одушевляетъ никакое дуновение жизни, предпочитая сумасбродные водевили, въ которыхъ среди самыхъ нелѣпныхъ выдумокъ попадаются уголки точнаго анализа. Но пусть только драматическое искусство обновится, пусть только жизнь проснется въ комедіяхъ и драмахъ, и если въ Пале-рояль ходятъ кататься со смѣху, то въ „Gymnase“ и „Vaudeville“ пойдутъ затѣмъ, чтобы смѣяться и плакать болѣе возмужеными образомъ.

VI.

Я умолчалъ объ Одеонѣ и „Comédie-Française“, чтобы отвести имъ особое мѣсто. Тутъ мы имѣемъ дѣло съ театрами, получающими денежную субсидію отъ правительства, и которые являются какъ-бы консерваторіей для мастерскихъ произведеній нашего языка. Кромѣ того, на нихъ возложена миссія, по возможности, удлиннять списокъ этихъ произведеній, давая лучшія вещи новѣйшаго времени.

Одеонъ находится въ настоящую минуту не въ блестящемъ положеніи. Теперешній директоръ его, Дюженель, повидимому, заботится гораздо больше о томъ, чтобы положить субсидію себѣ въ карманъ, чѣмъ о томъ, чтобы употреблять ее на интересныя литературныя попытки. У него, кромѣ того, такая плохая труппа, что знаменитые авторы не рѣшаются отдавать ему своихъ произведеній. При открытіи каждаго сезона, онъ, кажется, рассчитываетъ прожить съ грѣхомъ пополамъ насчетъ одной какой-нибудь пьесы. Такимъ образомъ онъ выжималъ сокъ до послѣдней капли изъ „Jeunesse de Louis XIV“ и „Maitresse légitime“. Конечно, его бездѣятельность обусловливается финансовымъ расчетомъ: онъ не желаетъ рисковать субсидіей и предоставляетъ театру влачить жалкое существованіе. Всѣ драматическіе авторы жалуются на такое положеніе дѣлъ; Одеонъ какъ-будто не существуетъ. Надѣялись, что Дюженель удалится, но министерство не обращаетъ на него вниманія, и такое положеніе дѣлъ рискуетъ, кажется, продлиться. Въ этомъ году Одеонъ не могъ быть открытъ въ обыкновенное время. Въ немъ происходили значительныя передѣлки, благодаря которымъ двери его были заперты до послѣдняго времени. На немъ должна пойти въ непродолжительномъ времени драма русскаго автора, имя котораго остается тайной. Заглавіе пьесы: „Данишевы“. Говорятъ, что рукопись доставлена Дюма-сыномъ, такъ какъ пьеса, будучи сатирой, могла бы навлечь несправедливости автору. Кромѣ того, Одеонъ приготовляетъ пьесу Дюма-отца, просмотрѣнную Дюма-сыномъ. Поговариваютъ также о пьесѣ Жоржъ-Зандъ. Но всѣ эти обѣщанія меня не увлекаютъ. Одеонъ въ нынѣш-

немъ году, конечно, будетъ, какъ и въ прошломъ, большимъ провинціальнымъ театромъ, холоднымъ и меланхолическимъ, въ которомъ будетъ мерзнуть юношество нашихъ училищъ. Во главѣ этого театра требовался бы артистическій умъ, смѣльчакъ, который бы надѣлалъ долговъ, въ случаѣ крайности, чтобы провести дебютанта.

Что касается „Comédie-Française“, то она остается торжественнымъ, величественнымъ, непогрѣшимымъ судилищемъ. Она отличается большими достоинствами; ея труппа выше всякихъ похвалъ; она несомнѣнно, хотя и нѣсколько узко, заботится объ искусствѣ; приемы у нея самые приличные, даже слишкомъ изысканные. Словомъ, она составляетъ нашу славу. Ни въ одной странѣ, думаю, не существуетъ такого храма, такого корнуса драматическихъ первосвященниковъ, служащихъ во имя прекраснаго. Я, право, не рѣшаюсь упрекать ее за отсутствіе смѣлости. Это вовсе не ея назначеніе. Когда менѣе священные театры, какъ, напримѣръ, „Gymnase“ отступаютъ передъ пьесой, содержащей какія-нибудь человѣческія истины, маломальски рѣзко высказанныя, то какимъ образомъ требовать болѣе смѣлости отъ „Comédie-Française“. Она музей, въ которомъ приличія требуютъ, чтобы говорили вполголоса. Всякаго рода традиціи, не говоря уже о приличіяхъ, не допускаютъ никакихъ смѣлыхъ выходовъ. Къ тому же, если она отказывается ставить рискованныя пьесы, когда онѣ подписаны спорнымъ именемъ, за то преспокойно заимствуетъ у другихъ театровъ вещи, имѣвшія успѣхъ, казавшіяся нѣкогда рѣзкими, но у которыхъ время смягчило углы. Такимъ образомъ прошлой зимой она похитила у „Gymnase“ „Demi Monde“, которую во время оно считала слишкомъ неприличной пьесой. Она также снисходительно относится къ авторамъ-академикамъ, гг. Эмилю Ожье, Октаву Фейлье, Жюлю Сандо. Эти господа могли бы позволить себѣ все, что угодно; она бы и не поморщилась; правда и то, что они вовсе не злоупотребляютъ предоставленной имъ свободой. Ея крайняя строгость обрушивается, значитъ, главнымъ образомъ на новичковъ. О, эти послѣдніе должны быть примѣрнаго поведенія, если желаютъ, чтобы время отъ времени она удостоила принять отъ нихъ коротенькую вещицу въ одинъ актъ и въ стихахъ. Да и тутъ она все-таки предпочитаетъ, чтобы они поставили ее сначала въ какомъ-нибудь другомъ мѣстѣ. И, повторяю, нѣтъ силы на нее сердиться, потому что она кажется такою величественною особой, что не можешь представить ее себѣ въ пошлой, низменной средѣ. Съ своей стороны я жалѣю только объ одномъ, а именно, что такіе превосходные артисты потеряны для пьесъ дебютантовъ, произведенія которыхъ зачастую могли бы получить яркое освѣщеніе только отъ такого исполненія.

„Comédie Française“ имѣла въ послѣднее время большой успѣхъ съ драмой въ стихахъ г. Вернье: „Дочь Роланда“. Стихи очень посредственны, но произведеніе довольно живо. Оно имѣло успѣхъ главнымъ образомъ потому, что было неожиданно, и публика, слушая ее, отдыхала отъ пошлостей послѣднихъ лѣтъ. Я былъ бы однако очень удивленъ, еслибы она произвела серьезное обращеніе къ героической драмѣ. Подождемъ Вернье на его второй пьесѣ. „Comédie Française“ получила также хорошій сборъ, возобновивъ „Demi-Monde“, который однако показался вышедшимъ изъ моды и устарѣвшимъ, по первымъ актамъ. Теперь театръ взволнованъ „Иностранкой“, новой комедіей Дюма, которую авторъ прочиталъ недавно комитету и которая пойдетъ въ первыхъ числахъ будущаго года. Нельзя представить себѣ, каково восторгъ возбудитъ osoba г. Дюма. Объ его пьесѣ, вполне неизвѣстной публикѣ, толкуется больше, чѣмъ о всѣхъ пьесахъ, которыя играли въ послѣдній мѣсяцъ, вмѣстѣ взятыхъ. Чтеніе „Иностранки“ было великимъ событіемъ, о которомъ журналы возбѣщали за двѣ недѣли впередъ. На другой день послѣ этого торжества, одинъ журналъ напечаталъ длинную статью, въ которой сообщались мельчайшія подробности о томъ, какъ читалъ авторъ, о вниманіи, съ какимъ его слушали семеро актеровъ, составляющихъ комитетъ, о всѣхъ мелкихъ обстоятельствахъ, предшествовавшихъ и сопровождавшихъ это чтеніе. Все это, разумѣется, составлено такъ, чтобы не проронить ни одного лишняго слова, которое могло бы ослабить интересъ новинки, но обмолвившись нѣкоторыми, могущими затронуть всеобщее любопытство. Дюма—богъ, слѣды котораго дѣлуютъ; всѣмъ извѣстно, какъ онъ ѣстъ, какъ онъ работаетъ, какъ онъ спитъ. Къ его особѣ прикомандированы поклонники-журналисты, воспѣвающіе тѣ три вапги духовъ, которыми онъ душитъ свой носовой платокъ. Никогда и никто изъ нашихъ великихъ людей, ни Мольеръ, ни Вольтеръ, ни Викторъ Гюго—не пользовались такою популярностью въ среднемъ классѣ. Чтобы объяснить это явленіе, пришлось бы затронуть весьма сложные вопросы, показать, какими сторонами онъ закупааетъ публику, дѣлая при этомъ видъ, что беретъ ея восхищеніе съ бою. Я уже пытался сдѣлать это, но все еще не могу придти въ себя отъ этого поклоненія передъ человѣкомъ таланта ординарнаго и далеко не занимающаго въ настоящую минуту перваго мѣста въ средѣ нашихъ писателей.

Желаю, впрочемъ, „Comédie Française“ всякаго успѣха съ „Иностранкой“. Я сохлѣбу только о томъ, что Эмиль Ожье слишкомъ долго безмолвствуетъ, а Октавъ Фейлье пользуется этимъ молчаніемъ, чтобы чаще подносить себя публикѣ. Эмиль Ожье—самый мужественный талантъ въ нашей драматической литературѣ. Рядомъ съ нимъ

Октавъ Фэйлье только пріятный писатель, весьма приличный, пишущій специально для салоновъ. Онъ пишетъ банально и правильно, а когда пускается въ равныя страсти, то предоставляет толкователямъ придавать силу его прозѣ. „Comédie-Française“ управляется въ настоящую минуту очень умнымъ человѣкомъ, Перреномъ, мечты котораго сводятся на великолѣпную постановку, роскошныя декораціи. Онъ первый ввелъ, рядомъ съ древними, классическими декораціями, новыя, составившія эпоху; между прочимъ, декорація пятаго акта „Jean de Thommeau“, видъ на набережныя и Сену, вечеромъ, при газовомъ освѣщеніи, снятый съ угла улицы Сентъ-Пересь. Никогда не видывалъ я такого правдоподобнаго горизонта, уходящаго вдаль, подъ небомъ, на которомъ бѣгаютъ маленькія облачка, освѣщенныя луной. Казалось, какъ-будто дышаешь свѣжій воздухъ, доносящійся съ рѣки ночной порой. Перренъ открылъ правдивыя и грандіозныя декораціи, о которыхъ я мечтаю для натуральной драмы.

Прежде чѣмъ кончить, хочу сказать нѣсколько словъ о Россіи, великомъ итальянскомъ артистѣ, дающемъ въ настоящую минуту представленія въ Парижѣ. Онъ играетъ Шекспира, Александра Дюма-отца, Виктора Гюго, съ большимъ пониманіемъ ролей и весьма замѣчательнымъ одушевленіемъ. Талантъ его главнымъ образомъ основанъ на обдуманности, съ какой онъ относится къ своимъ ролямъ. Онъ производитъ большой эффектъ, благодаря ловкимъ переходамъ отъ мягкости къ энергіи. Но, сознаюсь, несмотря на его достоинства, онъ не приводитъ меня въ восторгъ. Итальянское театральное искусство, безъ сомнѣнія, самое фальшивое, какое только я знаю. Исполненные манерности, всегда напыщенные, итальянскіе актеры играютъ глазами, ртомъ, пальцами, не заботясь о равновѣсіи и правдѣ изображаемыхъ ими типовъ. Они не выходятъ изъ рамокъ своего стариннаго фарса, даже когда изображаютъ самую реальную драму. Россіи слишкомъ талантливъ, чтобы впадать въ эти грубыя ошибки, но въ немъ бессознательно проявляется итальянская напыщенность, осуждающая его на легендарныя роли. Нельзя себѣ представить его въ сюртукѣ, играющимъ въ новѣйшей пьесѣ. Прошлое принадлежитъ ему всецѣло; но будущее, полагаю, принадлежитъ другимъ.

Вопросъ объ актергахъ, объ исполнителяхъ—вопросъ первой важности. Они чаще всего рѣшаютъ успѣхъ представленія. Процвѣтаніе Пале-Рояля опирается на превосходномъ составѣ труппы; если „Guthrie“ упалъ во мнѣніи публики, то это отчасти потому, что Монтини не сумѣлъ сохранить прекраснаго ансамбля, необходимаго для полной художественной передачи произведенія. Наконецъ „Comédie-Française“ обязана своимъ успѣхомъ знаменитымъ артистамъ, появившимся въ ней одинъ за другимъ. Но исполнители, я говорю

о гениальныхъ, имѣютъ еще болѣе сильное вліаніе, прямое вліаніе на литературу своего времени. Когда рождается какая-нибудь Рашель, то трагедія какъ-бы воскресаетъ лѣтъ на двадцать. Когда литературное движеніе наталкивается на такого актера, какъ Фредерикъ Леметръ, то всякія сраженія и всякія побѣды становятся возможными. При этомъ представляется вопросъ: романтическое ли движеніе создало Фредерика Леметра, или Фредерикъ Леметръ создалъ романтическое движеніе? Полагаю, что бесплодно разсуждать объ этомъ, и предпочитаю помириться на компромиссѣ и вѣрнѣе въ счастливое совпаденіе. Актеръ появился вмѣстѣ съ писателями своего поколѣнія; онъ неизбѣжно сталъ ихъ истолкователемъ; онъ присоединилъ свой геній къ ихъ генію. Истина та, что послѣ Фредерика Леметра ни одинъ актеръ не былъ въ состояніи передать съ достаточной полнотою его ролей; романтическія драмы состарились и вышли изъ моды вмѣстѣ съ нимъ.

Часто думаю я объ этихъ вещахъ, которыя постараюсь формулировать въ одной фразѣ: каждая драматическая форма должна найти гениальнаго исполнителя, чтобы имѣть успѣхъ. Гдѣ же тогда тотъ великій актеръ, о которомъ я мечтаю для натуральной драмы? Я ежегодно обозрѣваю всѣ наши театры, и не нахожу его. Намъ нуженъ былъ бы человѣкъ, который отказался бы отъ традицій и согласился бы не играть больше пьесъ, а переживать ихъ; человѣкъ, наблюдательный и гениальный, который бы сбросилъ трагическія драпировки и ветошь исторической драмы, нашелъ бы трагизмъ, одѣтый въ пальто, страшную драму обиденной и дѣйствительной жизни. Когда подумаешь, что театральнй міръ есть міръ совсѣмъ условный, что первоначально учать воспитанниковъ его не быть правдивыми, лгать голосомъ, жестами и позами, то понимаешь, какъ трудно для современной драмы найти такого актера, который бы сумѣлъ ее воплотить. А между тѣмъ, повторяю, нужно, чтобы такой актеръ сыскался, если мыжелаемъ имѣть успѣхъ. Въ настоящее время, когда писатели-реалисты пытаются обратиться къ французской сценѣ, то они встрѣчаютъ такое полное непониманіе своихъ намѣреній у исполнителей, такое безусловное недоброжелательство въ режиссерахъ и во всемъ театральномъ персоналѣ, что ихъ произведенія, и безъ того трудно находящія себѣ доступъ на сцену, претерпѣваютъ искусственныя фіаско. Неужели мы живемъ въ самую неблагоприятную эпоху? Неужели мы пройдемъ, не встрѣтивъ желаннаго актера? Это было бы жестоко и несправедливо. За что же наша участь должна быть злополучнѣе участи нашихъ старшихъ братьевъ? Нѣтъ; любовь къ правдѣ выростетъ въ какой-нибудь великой душѣ гениальнаго актера. У насъ будетъ свой Тальма и свой

Фредерикъ Леметръ, не Агамемнонь Расина, не Рюи-Блазь Виктора Юго, но гражданинъ нашей эпохи, такой же великій и болѣе равдивный.

Вотъ характеристическій примѣръ необходимости для актера одѣться въ эпоху, которой толкователемъ онъ является. Одинъ актеръ „Comédie-Française“, снискавшій громкую славу, Муне-Сюлли, одавалъ великія надежды при первыхъ своихъ дебютахъ. Онъ игралъ Преста, Нерона и другія трагическія роли съ нѣскольکو натакнутой, о весьма любопытной оригинальностью. Въ роли Дидье, въ „Marion Delorme“ онъ показался блѣднѣе, подавленный воспоминаніемъ о Фредерикѣ Леметрѣ. Наконецъ, когда онъ взялся за современную роль въ „Jean de Thommeray“, то оказался ниже самого себя. Вотъ начитъ актеръ, который по крайней мѣрѣ сорока годами опоздалъ одѣться на свѣтъ. Онъ живетъ не въ свое время, ему слѣдовало жить въ 1830 г. Хуже всего то, что его несомнѣнными качества продадутъ даромъ для насъ, мечтающихъ о правдѣ. Если натуральная формула возьметъ верхъ на театрѣ, для него не будетъ новыхъ ролей, и ему придется ограничиться старыми репертуарами. Менѣе дохновенный актеръ, но болѣе заботящійся о точномъ анализѣ движеній человѣческой души, былъ бы для насъ полезнѣе.

VII.

Я долженъ кончить. Интересъ минуты ничего не значить; настоящей часъ пролетаетъ и оставляетъ свободное поле для будущаго. [люхія драмы, которыя проваливаются, идиотическія оперетты, имбюдія успѣхъ, счастливая или несчастливая для директоровъ парижскихъ театровъ зима—имбюють лишь относительное значеніе, когда осмотришь на постоянное движеніе драматической литературы. Ничто не остается неизмѣннымъ, формулы старѣются и видоизмѣняются дна за другой. Старинныя мистеріи превратились въ трагедію, которая въ свою очередь превратилась въ романтическую драму. Воображать, что человѣчество остановится на этой послѣдней формѣ, начало бы отрицать умственное движеніе, предсказывать ближайшую гибель французскаго языка. Мы, слѣдовательно, присутствуемъ въ настоящій моментъ при новомъ зарожденіи: изъ драмы романтической развивается натуральная драма. Это неизбежный исходъ въ нгу всѣхъ тѣхъ причинъ, которыя я высказалъ въ началѣ этого года.

Вѣчная забота, полное тревоги ожиданіе, не покидающее меня, оставляетъ по истеченіи каждаго года вопрошать себя, кто среди

насъ окажется гениальнымъ человѣкомъ. Если натуральной драмѣ предстоитъ осуществиться, то ее можетъ создать только гениальный человѣкъ. Очевидно, что великій драматургъ такъ же нуженъ намъ, какъ и великій актеръ. Корнель и Расинъ создали трагедію. Викторъ Гюгъ создалъ романтическую драму. Гдѣ же тотъ неизвѣстный писатель, который долженъ создать натуральную драму? Въ послѣдніи пять-шесть лѣтъ въ попыткахъ не было недостатка; я могъ бы назвать имена авторовъ, заглавія пьесъ; но потому ли, что публика не готова, потому ли, что никто изъ этихъ дебютантовъ не обладаетъ необходимымъ талантомъ, но только ни одна изъ этихъ попытокъ не увѣчалась полнымъ успѣхомъ. Въ этого рода борьбѣ, маленькіи побѣды ничего не значатъ, необходимы триумфы, которые бы раздали противниковъ, увлекли бы публику. Передъ истинно сильнымъ человѣкомъ зрители преклонились бы и признали бы все, что отрицаютъ въ настоящую минуту. Притомъ, этотъ человѣкъ принесъ бы съ собою ожидаемое слово, рѣшеніе задачи, какъ слѣдуетъ перенести дѣйствительную жизнь на сцену, приспособляя ее къ необходимымъ оптическимъ законамъ театра. Словомъ, онъ осуществилъ бы то, чего тщетно ищутъ дебютанты: умѣнье быть достаточно искуснымъ или достаточно сильнымъ, чтобы овладѣть умами, и при этомъ оставаться достаточно правдивымъ, чтобы искусство не могло привести его ко лжи.

А какое громадное мѣсто въ нашей литературѣ занялъ бы этотъ новаторъ, этотъ обновитель! Онъ возвысился бы головой надъ состарившимися или выдохшимися авторами. Онъ построилъ бы себѣ памятникъ среди бесплодной пустыни, черезъ которую мы переходимъ, среди грязныхъ лачугъ, которыми загромождены подмостки современнаго театра. Ему пришлось бы все передѣлать, расчистить засоренныя подмостки, создать міръ, элементъ котораго онъ бы взялъ изъ жизни, помимо принятыхъ традицій. Въ числѣ честолюбивыхъ мечтаній, которыми можетъ увлекаться писатель, конечно нѣтъ ни одного, которое было бы грандіознѣе. Въ настоящую минуту ищущая слава ждетъ гениальнаго человѣка, который, явившись продолжателемъ Мольера, выхватитъ изъ дѣйствительной жизни живую комедію, правдивую драму современнаго общества...

Эмиль Зола.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ЗАМѢТКА.

Новый сводъ русскихъ былинь.

Книга о кievскихъ богатыряхъ. Сводъ 24 избранныхъ былинь древне-кievскаго эпоса. Составилъ *В. П. Авенариусъ*. Съ портретомъ гѣвца былинь Рябинина, работы Л. А. Сѣрloва, и 12 картинками, гравированными на деревѣ, по рисункамъ А. В. Прохорова, въ иллюстрац. заведенiи Кнѣжа и Рохлицера въ Лейпцигѣ. Спб. 1875.

Составитель этой книги возмѣлъ благое намѣренiе заняться изученiемъ былинь и составить такой ихъ сводъ, который могъ бы сдѣлать ихъ доступными для большой публики, не нарушая ихъ подлиннаго стиля и только связывая ихъ темы въ болѣе цѣльное изложенiе. „Задача наша была,—говоритъ авторъ,—дать русскимъ читателямъ, и въ особенности русскому юношеству, возможность въ одной, не слишкомъ объемистой книгѣ (книга г. Авенариуса занимаетъ до 330 страницъ) близко ознакомиться съ лучшими перлами древне-кievскаго эпоса. Съ этою цѣлью сличивъ, по стихамъ, всѣ известныя варианты избранныхъ былинь какъ Владимiрова круга, такъ и предшествующаго ему круга „старшихъ богатырей“, тѣсно связаннаго съ нимъ мѣстомъ дѣйствiя (въ кievской Руси) и лицами (старшимъ богатыремъ Святогоромъ и дочерьми старшаго же богатыря Микулы Селяниновича), выбравъ лучшiе, по нашему мнѣнiю, стихи, устранивъ или смягчивъ все слишкомъ грубое и сгладивъ шероховатости стихосложенiя, затруднявшiя плавное теченiе стиховъ,—мы составили возможно полный сводъ каждой былины, причеъ не пренебрегли, конечно, ни былинами съ полуразрушеннымъ стихомъ или такъ-называемыми „побывальщинами“, ни прозаическими „богатырскими сказками“, представляющими только послѣднюю стадiю разложенiя былинь. Расположивъ затѣмъ былины въ хронологическомъ порядкѣ, мы позволили себѣ для болѣе интересности разсказа послѣдовать примѣру гѣвца Зимрока и финляндца Лѣврота, которые, въ новѣйшее время, разрозненныя отрывки древне-германской „пѣсни объ Амелунгахъ“ и финской „Калевалы“ сгруппировали въ связныя поэмы: не касаясь существа былинь, мы связали ихъ въ возможно послѣдовательную хронику; стоявшiя же отдѣльно отъ Владимiрова круга былины о „старшихъ“ богатыряхъ вложили въ уста славнаго „загусельщика“—Добрыни Никитича, какъ то часто встрѣчается и въ другихъ народныхъ эпическихъ пѣсняхъ“.

Составитель исполнилъ свой планъ очень удовлетворительно, и книга его съ пользой можетъ служить той публикѣ, которой трудно было бы одолѣть подлинныя изданiя, наполненныя сложной массой вариантовъ и не всѣмъ доступныя по цѣнѣ. Настоящiй сводъ обни-

масть всѣ существенные сюжеты такъ-называемаго кievскаго цикла, и, соединяя въ одну нить разнообразіе вариантовъ, безъ сомнѣнія можетъ облегчить для большой публики и для юношества знакомство съ этимъ отдѣломъ народной поэзіи. Въ началѣ своей книги составитель дѣлаетъ общую характеристику былинной поэзіи, указываетъ размѣры ея стиха, а въ концѣ прибавилъ рядъ примѣчаній, для объясненія равныхъ частныхъ содержанія былинь и наконецъ указатель собственныхъ именъ и необычныхъ словъ, встрѣчающихся въ былинахъ. Въ своей работѣ онъ пользовался указаніями г. Ореста Миллера, извѣстнаго спеціалиста по части былинь.

Но въ этой характеристикѣ былинь,—которую и необходимо было дать читателямъ,—можно бы только желать отъ автора большаго знакомства съ положеніемъ вопроса въ литературѣ. Этотъ вопросъ еще нельзя считать установленнымъ, и споръ, который еще недавно велся о происхожденіи былинь, по нашему мнѣнію, рано считать порѣшеннымъ. Но и кромѣ этого спора, въ литературѣ были, въ послѣднее время, высказаны мысли, сдѣланы указанія на новыя стороны дѣла,—которыхъ не слѣдовало упускать изъ виду. Авторъ предисловія, конечно, не ученый спеціалистъ,—но вся литература этого предмета такъ невелика, что познакомиться съ нею не представляло особеннаго труда. При этомъ знакомствѣ авторъ, быть можетъ поставилъ бы нѣсколько иначе свои опредѣленія о былинныхъ „дѣлахъ“, ихъ хронологіи, ихъ историческомъ развитіи въ народной поэзіи. Правда, предметъ еще мало выясненъ и въ самой ученой критикѣ,—но положеніе дѣла таково, что мы не удивились бы, если бы было со временемъ найдено, что, напримѣръ, „старшіе“ богатыри, въ родѣ Святогора или Микулы Селяниновича—не старшіе, а скорѣе младшіе; что первый источникъ нѣкоторыхъ изъ былинь была не своя „сѣдая“ до-историческая древность, а весьма историческая книга, чужой рассказъ, доступный историческому опредѣленію, и т. п.

Понятно само собою, что какъ бы ни рѣшался историческій вопросъ о происхожденіи былинь, это не измѣнитъ ихъ интереса, какъ замѣчательнаго произведенія народной поэзіи, и въ настоящемъ случаѣ нѣкоторыя неточности въ объясненіяхъ автора не мѣшаютъ своду былинь быть полезнымъ приобрѣтеніемъ для популярной литературы.

Рисунки, сдѣланные г. Прохоровымъ, очень недурны и въ сочиненіи ихъ видно стараніе соблюсти характеръ былинной старины; но нѣкоторымъ не помѣшало бы, если бы они были попроще и вели имѣли той балетной манеры, которою отличается, напримѣръ, фигура героя въ рисункѣ къ шестой былинѣ.

А. Н.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ИСПОВѢДЬ

ГРАФА А. К. ТОЛСТОГО.

Письмо къ проф. Анж. Де-Губернатису, во Флоренціи ¹⁾.

Ментона. 4-го марта, 1874.

Вилла „Parc Tranquille“.

Любезнѣйшій Д. Г., моя постоянная невралгія въ головѣ и удушье, оставляющія меня въ покоѣ рѣдко и ненадолго, мѣшали мнѣ до этой минуты поблагодарить васъ за присылку вашей драмы и за ваше дружеское намѣреніе говорить обо мнѣ на публичномъ чтеніи. Моя жена и я, мы читали вмѣстѣ *Romolo* и восхищались и вашимъ новымъ литературнымъ приѣмомъ, и добросовѣстною эрудиціею, и поэтической формою драмы. Съ своей стороны прибавлю, что хотя я вообще не партизанъ символизма въ поэзіи, но все же дѣлаю исключеніе для вашего *Romolo*, ради большой искренности вашихъ идей и той оригинальной окраски, какую вы умѣли имъ придать. Въ своемъ письмѣ къ моей женѣ вы просите біографическихъ подробностей относительно моего литературнаго поприща. Она вамъ писала на это, но и я, съ своей стороны, хотѣлъ бы доставить вамъ свою исповѣдь, полную по возможности: пусть это послужитъ вамъ доказательствомъ, насколько я признателенъ вамъ за ваше вниманіе, и какъ я цѣню то, чтобъ человекъ, подобный вамъ, имѣлъ обо мнѣ свѣдѣнія. Не пеняйте потому на меня, если такое желаніе сдѣлаетъ меня многословнымъ. Вы можете остановиться на томъ, что вамъ понравится, а за остальное вы меня простите во имя величайшаго моего довѣрія къ вамъ. Итакъ, я начинаю.

Я родился въ Петербургѣ въ 1817 г.; шестинедѣльнымъ меня увезли въ Малороссію мать и мой дядя съ матерней стороны, Алексій Перовскій, впоследствии попечитель харьковскаго университета, извѣстный въ русской литературѣ подъ псевдонимомъ Антона Пого-

¹⁾ Копію письма, писаннаго авторомъ по-французски, намъ обязательно доставилъ профессоръ Де-Губернатисъ, имя котораго давно уже знакомо нашимъ читателямъ. Оригиналъ будетъ напечатанъ, а можетъ быть въ эту минуту уже и вышелъ въ свѣтъ, въ „Rivista Eugorea“. Для будущаго біографа поэта настоящая его исповѣдь—весьма важный матеріалъ. Вышепомѣщенный этюдъ О. Ф. Миллера о Толстомъ, какъ лирическомъ поэтѣ, многое разъясняетъ въ этихъ признаніяхъ поэта, и во многомъ самъ найдетъ въ нихъ подтвержденіе своимъ выводамъ. Во всякомъ случаѣ это—интересный документъ, за сообщеніе котораго ми весьма благодаримъ г-ну Де-Губернатису.—Ред.

рѣльскаго. Онъ меня воспиталъ, и первые мои годы прошли въ его имѣннѣ, почему я смотрю на Малороссію, какъ на мое истинное отечество. Мое дѣтство было чрезвычайно счастливо и оставило во мнѣ чудныя воспоминанія. Бывъ единственнымъ сыномъ, не имѣвъ товарища игръ и одаренный пылкимъ воображеніемъ, я рано привыкъ къ мечтательности, которая вскорѣ сложилась въ рѣшительную склонность къ поэзіи. Мѣстная природа, окружавшая меня, много тому содѣйствовала; воздухъ и видъ нашихъ большихъ лѣсовъ, страстно любимыхъ мною, оставили во мнѣ глубокое впечатлѣніе, имѣвшее вліяніе на мой характеръ и жизнь, и не изгладившееся до сей поры. Мое воспитаніе продолжалось все дома. Восьми или девяти лѣтъ я поѣхалъ съ родителями въ Петербургъ, гдѣ я былъ представленъ великому князю цесаревичу, нынѣ Государю Императору, и допущенъ въ число дѣтей, составлявшихъ Его воскресное общество. Съ того времени благосклонность Его ко мнѣ никогда не оставляла меня. Въ слѣдующемъ году я отправился съ матерью и дядею въ Германію. Во время пребыванія нашего въ Веймарѣ, дядя свелъ меня къ Гёте, къ которому я инстинктивно проникся величайшимъ почтеніемъ за ту манеру, съ которою онъ говорилъ. Отъ этого посѣщенія у меня сохранились въ памяти величественныя черты Гёте, и еще то, что я у него сидѣлъ на колѣняхъ. Съ той эпохи и до 17-ти-лѣтняго возраста, когда я выдержалъ выпускной экзаменъ въ московскомъ университетѣ, я безпрестанно путешествовалъ съ моими родителями, то по Россіи, то за-границей, но часто возвращался въ деревню, гдѣ провелъ свои первые годы, и никогда я не могъ и дѣть тѣхъ мѣстъ безъ особеннаго волненія. По смерти моего дяди, сдѣлавшаго меня своимъ наследникомъ, я былъ, въ 1836 г., по желанію матери, прикомандированъ къ русскому посольству при нѣмецкомъ сеймѣ во Франкфуртѣ-на-Майнѣ; позже, я поступилъ во Пѣ-Отдѣленіе Собственной Его Величества канцеляріи, гдѣ редактируются законы. Въ 1855 г. я записался въ число охотниковъ, образовавшихъ стрѣлковый полкъ императорской фамиліи, съ тѣмъ, чтобы отправиться въ крымскую кампанію; но нашъ полкъ не имѣлъ случая быть въ дѣлѣ и достигъ только Одессы, гдѣ мы потеряли болѣе тысячи человекъ отъ тифа, полученнаго также и мною. Императоръ Александръ II-й, во время коронаціи въ Москвѣ, изволилъ назначить меня своимъ флигель-адъютантомъ. Но такъ какъ я вовсе не готовился быть военнымъ, и, поступая въ стрѣлки, имѣлъ напередѣ оставить службу тотчасъ по окончаніи войны, то я и представилъ мои сомнѣнія Его Величеству, и Государь Императоръ принялъ мою просьбу съ обычнымъ Ему благодушіемъ и назначилъ меня егермейстеромъ: этотъ титулъ я сохраняю и до настоящаго времени. Вотъ исторія

моей внѣшней жизни. Что же касается до исторіи моей души, то я постараюсь разсказать вамъ и ее, какъ сумѣю.

Съ шестилѣтняго возраста началъ я марать бумагу и писать стихи—такъ было поражено мое воображеніе произведеніями нашихъ лучшихъ поэтовъ, найденными мною въ какомъ-то толстомъ сборникѣ, дурно напечатанномъ и плохо переклеенномъ въ грязную красную обертку. Видъ этой книги отпечатлѣлся въ моей памяти и заставлялъ биться сердце всякій разъ, когда она мнѣ снова попадалась на глаза. Я таскалъ ее бывало съ собою всюду и прятался въ саду или въ лѣсу, чтобы, лежа подъ деревьями, изучать ее часами. Скоро я зналъ ее наизусть; я усвоивался музыкою разнообразныхъ ритмовъ и усвоивалъ себѣ ихъ технику. Какъ ни были нелѣпы мои первые опыты, я долженъ однако сказать, что въ метрическомъ отношеніи они были безупречны. Я продолжалъ учиться такимъ образомъ, усовершенствуя себя, насколько во мнѣ было силъ, въ теченіи многихъ лѣтъ, и появился въ печати только въ 1842 г., когда я дебютировалъ не стихами, но нѣсколькими разсказами въ прозѣ. Въ 1855 г. я отдалъ въ различные журналы ¹⁾ въ первый разъ мои лирическія и эпическія стихотворенія, а позже я помѣщалъ ихъ ежегодно въ „Вѣстникъ Европы“ или въ „Русскомъ Вѣстникѣ“.

Такъ какъ вы желали имѣть характеристичную мою нравственной жизни, то я вамъ скажу, что, независимо отъ поэзіи, я всегда испытывалъ непреодолимое влеченіе къ искусству вообще, во всѣхъ его проявленіяхъ. Та или другая картина или статуя, или прекрасная музыка, производили на меня такое сильное впечатлѣніе, что у меня волосы буквально поднимались на головѣ. Мнѣ было тринадцать лѣтъ, когда я сдѣлалъ первое путешествіе въ Италію. Невозможно изобразить силы моихъ впечатлѣній и переворота, совершившагося въ моей душѣ, когда я въ первый разъ увидѣлъ тѣ сокровища, о которыхъ имѣлъ уже смутныя понятія, прежде нежели встрѣтился съ ними. Мы начали съ Венеціи, гдѣ мой дядя сдѣлалъ большія покупки въ старомъ дворцѣ Гримани. Между прочимъ, былъ купленъ бюстъ молодого фауна, приписываемый Микель-Анджело,—великолѣпный экземпляръ, какой когда-либо мнѣ случалось видѣть: онъ находится теперь въ Петербургѣ и принадлежит графу Павлу Строганову. Когда статую перенесли въ нашъ отель, я не отходилъ отъ нея. Я вставалъ ночью посмотреть на нее, и мое воображеніе мучилось величайшими подозрѣніями. Я задавалъ себѣ вопросъ, что мнѣ дѣлать, если вспыхнетъ пожаръ въ отелѣ, и дѣлалъ опыты, могу ли я, въ случаѣ, унести статую на своихъ рукахъ. Изъ Венеціи мы отправились въ Миланъ, Флоренцію, Римъ и Неаполь; при каждомъ

¹⁾ „Современникъ“, „Русская Бесѣда“ и „Русскій Вѣстникъ“.

пощёщеніи мой восторгъ и любовь къ искусству возрастали; дѣло дошло до того, что, по возвращеніи въ Россію, я впалъ въ настоящую „тоску“ по Италіи, доходилъ до какого-то отчаянія, которое вставляло меня днемъ отказываться отъ пищи, а ночью рыдать, когда мои сны заносили меня въ мой потерянный рай. Подлѣ этой страсти къ Италіи вскорѣ началъ развиваться странный контрастъ, который съ перваго взгляда можетъ показаться противорѣчіемъ: это была страсть къ охотѣ. Съ двадцатаго года моей жизни она приобрѣла надо мною такую силу, и я предавался ей съ такимъ жаромъ, что охотѣ посвящалось все мое свободное время. Въ эту эпоху я былъ при дворѣ императора Николая и велъ весьма свѣтскую жизнь, которая для меня была не безъ приманен, но я часто ускользалъ отъ нея, чтобы проводить цѣлыя недѣли въ лѣсахъ, иногда съ товарищемъ, но обыкновенно въ одиночку. Между записными охотниками я скоро приобрѣлъ извѣстную репутацію за мою охоту на медвѣдей и лосей, и я, очертя голову, предался дѣлу, которое тѣмъ не менѣе согласовалось и съ моими артистическими инстинктами, и съ моимъ официальнымъ положеніемъ; оно даже не осталось безъ вліянія на окраску моей поэзіи. Мнѣ кажется, я обязанъ этой жизни охотника тѣмъ, что моя поэзія почти всегда писана въ мажорномъ тонѣ, между тѣмъ какъ мои соотечественники вослѣдуютъ по большей части въ минорномъ. Я откладываю до дней моей старости описаніе многихъ и трогательныхъ эпизодовъ этой жизни лѣсовъ, какъ я велъ въ лучшіе годы моей жизни, и которая, благодаря моей встоящей болѣзни, быть можетъ, закрыта для меня навсегда. Теперь я ограничусь однимъ замѣчаніемъ: моя любовь къ нашей дикой природѣ отразилась на моей поэзіи почти столько же, какъ и чувство пластической красоты.

Что касается нравственнаго направленія моихъ произведеній, то я могу характеризовать его, съ одной стороны, отвращеніемъ къ промаволу, съ другой — отвращеніемъ къ тому псевдо-либерализму, который желаетъ не низкое поднять до высокаго, а высокое опустить до низкаго. Я полагаю впрочемъ, что это мое двойное отвращеніе собственно есть одно и то же чувство — ненависти къ промаволу, въ какой формѣ онъ ни представлялся бы мнѣ. Я могу къ этому присоединить мое отвращеніе въ плоской доктринѣ объ утилитаризмѣ въ поэзіи... Мое убѣжденіе таково, что миссія поэта состоитъ не въ томъ, чтобы принести людямъ барышъ, или нею средствомъ выгоду, — поэзія должна возвышать ихъ нравственный уровень, внушая имъ любовь къ прекрасному, которая сдѣлаетъ сама найти себѣ примѣненіе, безъ того, чтобы ей нужна была та или другая поддержка.

Мое первое большое произведение — историческій романъ: *Князь Серебряный*. Оно имѣло три изданія; въ Россіи оно очень любимо, особенно низшими классами. Его перевели на французскій, нѣмецкій, англійскій, польскій и итальянскій языки. Этотъ послѣдній переводъ, сдѣланный въ Веронѣ профессоромъ Патуцци, при помощи нашего соотечественника, г. Задлера, появился, три года тому назадъ, въ миланскомъ журналѣ „Perseveranza“. Оно очень хорошо и выполнено весьма добросовѣстно. Затѣмъ, я написалъ трилогію: *Борисъ Годуновъ*, въ трехъ отдѣльныхъ драмахъ; изъ нихъ первая, *Смерть Иоанни Грознаго*, повторялась часто въ Петербургѣ и въ провинціи, гдѣ впрочемъ она теперь запрещена. Ее ставили на сцену въ Веймарѣ, и съ большимъ успѣхомъ, въ прекрасномъ переводѣ г-жи Павловой. Есть также переводы французскій, англійскій и польскій. Вторая драма трилогіи, *Царь Федоръ* (переведенная на нѣмецкій и польскій), была запрещена для сцены еще во время ея появленія въ свѣтъ. Изъ всего, что я написалъ въ стихахъ и въ прозѣ, это — самое лучшее, и на это обрушилось больше всего нападеній въ печати. Здѣсь я только укажу на брошюру, которую я посвятилъ объясненію постановки на сцену этой драмы, и гдѣ, между прочимъ, я опровергаю доводы, на основаніи которыхъ она попала въ театральнй „Index“. Третья часть трилогіи, *Царь Борисъ*, также не была допущена на сцену.

Есть еще одно собраніе моей лирической и эпической поэзіи, куда я присоединилъ драматическую поэму: *Донъ-Жуанъ*, переведенную на нѣмецкій г-жею Павловой. Со времени изданія этого сборника (1867) я напечаталъ много балладъ и лирическихъ стихотвореній, разсѣянныхъ главнымъ образомъ въ „Вѣстникѣ Европы“ и въ „Русскомъ Вѣстникѣ“; я надѣюсь скоро составить изъ этого новый сборникъ...

Чтобы дать вамъ вѣрнѣе понятіе о моемъ положеніи въ нашей литературѣ, я могу сказать, не безъ нѣкотораго удовольствія, что я преслѣдуемъ одними, и любимъ другими. Еще курьезный фактъ: — между тѣмъ какъ одни считаютъ меня ретроградомъ, административныя власти видятъ во мнѣ чуть не революціонера.

Вотъ моя внутренняя и внѣшняя исторія. Я боюсь, что она вамъ покажется слишкомъ длинною, но за то я избавилъ васъ отъ разсказовъ о положеніи моего сердца, которое, если принять въ соображеніе степень моихъ страданій, играло не малую роль въ моей жизни и должно было отдаваться и на моихъ сочиненіяхъ. Я полагаю, впрочемъ, что въ этомъ отношеніи я испыталъ участь, общую всѣмъ поэтамъ. Я кончаю этимъ мое безконечное письмо... Да сохранитъ васъ всѣхъ Богъ! Вашъ отъ всего сердца —

Алексѣй Толстой.

ИЗВѢСТІЯ

I. ОБЩЕСТВО ДЛЯ ПОСОБІЯ НУЖДАЮЩИМСЯ ЛИТЕРАТОРАМЪ И УЧЕНЫМЪ.

Засѣданія комитета 15-го сентября 1875 г.

- 1) Выслано 100 р. писателю, поставленному временно въ крайне затруднительное положеніе.
- 2) Опреѣлено уплатить 60 р. за воспитаніе малолѣтняго сына писателя, не оставившаго послѣ своей смерти никакого состоянія.
- 3) Опреѣлено внести 60 р. за обученіе дочери умершаго писателя въ одной изъ женскихъ гимназій.
- 4) Выдано 50 р. больному писателю, не имѣющему средствъ и леченіе.
- 5) Выдано 100 р. писателю и бывшему издателю журнала, болѣе 10 лѣтъ разбитому параличемъ и почти не встающему съ постели.
- 6) Выдано 75 р. въ пособіе и на уплату за слушаніе лекцій молодому писателю и переводчику, находящемуся безъ всякихъ средствъ къ жизни.
- 7) Выслано 150 р. стипендіату имени Е. П. Ковалевскаго въ харьковскомъ университетѣ.
- 8) Выслано 120 р. въ пособіе двумъ студентамъ юридическаго факультета харьковскаго университета.
- 9) Сообщено писателю о высылкѣ ему, по ходатайству комитета, редакціею одной газеты причитавшейся ему платы за напечатанныя статьи его.
- 10) Отказано въ пособіи одному лицу, за неизмѣнимъ основаній въ выдачѣ, и другому — за неоднократными и недавними выдачами.
- 11) Отказано одному лицу въ сношеніи съ издателемъ перевода его умершаго отца, такъ какъ комитетъ не принимаетъ никакого участія въ условіяхъ переводчика съ издателемъ.
- 12) Выдано въ ссуду одному лицу 180 р.
- 13) Изъявлена благодарность общества В. Н. Вестужеву-Рюмину и П. Е. Васистову за содѣйствіе комитету.
- 14) Прочитанъ отчетъ казначея за августъ. Къ 1 августа въ кассѣ было 65,166 р. 78 к. Поступило: пожертвованныхъ Государынею Императрицею 300 р., пожертвованныхъ М. А. Варшавскимъ 25 р. и Н. Бѣлелюбскимъ 6 р. и годовыхъ взносовъ 70 р. (по 10 р. за 1875 годъ отъ А. К. Гожева, К. И. Кессель, А. И.

Кишенскаго, Е. Е. Ковалевскаго, И. А. Корсакова, Д. Л. Мордовцева и М. А. Сердечнаго), всего 401 р. Израсходовано: на пенсіи 2 лицамъ 200 р., въ единовременное пособіе 2 лицамъ и на погребеніе 1 лица 350 р., въ продолжительное пособіе одному лицу 100 р. и на воспитаніе одного лица 70 р., всего 720 р. Въ кассѣ къ 1-му сентября 64,847 р. 78 к.

II. Отчетъ Совѣта Общества распространенія грамотности въ нижегородской губерніи съ 1-го ноября 1874 г. по 1-е ноября 1875 г.

[Прочтаны и утверждены въ Общемъ Собраніи членовъ, 2-го ноября 1875 г.]

Мн. Гг. Минуло три года со дня учрежденія Общества, и § 35 нашего устава даетъ намъ право просить дозволенія правительства объ измѣненіи или дополненіи устава на основаніи указаній опыта.

Въ видахъ ббльшаго удобства для гг. членовъ, которые пожелали бы изслѣдовать со всею подробностію, въ чемъ состоятъ отличительныя черты нашей дѣятельности за истекшій годъ по сравненію съ прошлымъ, Совѣтъ принялъ для настоящаго отчета прошлогоднюю программу.

I. Составъ Совѣта, и средства Общества.

Въ началѣ отчетнаго года составъ Совѣта былъ слѣдующій: предсѣдатель П. И. Носовичъ; члены: З. Я. Остафьева, А. А. Шипова, А. С. Гацискій, П. П. Ивановъ, священникъ Е. И. Мегорскій и А. Н. Столпаковъ.

Минувшимъ лѣтомъ выбылъ изъ числа членовъ Совѣта свящ. Е. И. Мегорскій, по случаю назначенія ректоромъ семинаріи въ Новгородъ. О. Мегорскій въ теченіе болѣе 1½ года исправлялъ обязанность секретаря Совѣта; въ прошломъ 1873—74 году онъ имѣлъ очень много дѣла вслѣдствіе значительнаго количества сношеній со школами. Совѣтъ отложилъ избраніе новаго члена вмѣсто о. Мегорскаго до настоящаго засѣданія потому, что въ отчетномъ году и особенно съ мая мѣсяца сношенія Совѣта были такъ ограниченны, что можно было легко обходиться безъ особливаго секретаря.

Членовъ Общества состоятъ теперь 342 человекъ, однимъ болѣе противъ прошлаго года. Изъ нихъ только 102 сдѣлали взносъ за отчетный годъ.

Класса Общества.

I. Къ 1-му ноября 1874 г. въ кассѣ было.	2186 р. 81 к.
II. Въ теченіе отчетнаго года вновь поступило.	1005 „ 18 „ (въ 1874 г.: 1739 р. 85 к.)
	<u>3141 „ 99 „</u>
III. Израсходовано.	811 „ 66 „
Къ 1-му ноября 1875 г. въ кассѣ на лицо.	<u>2330 „ 33 „</u>

II. Занятія Совѣта.

Въ теченіи цѣлаго года Совѣтъ имѣлъ только 8 засѣданій; въ прошломъ году было 26 засѣданій.

Занятія Совѣта состояли въ разсмотрѣніи разныхъ сообщений нашихъ членовъ-корреспондентовъ, а также и нѣкоторыхъ другихъ лицъ и учреждений, а именно:

1) По примѣру прежнихъ лѣтъ, Совѣтъ старался входить въ сношенія со школами въ видахъ оказанія пособія. Гг. члены не безъ интереса, вѣроятно, выслушаютъ о распредѣленіи по уѣздамъ школъ, съ которыми мы были въ сношеніи въ отчетномъ году сравнительно съ прошедшимъ годомъ:

въ Нижегородскомъ уѣздѣ съ 3-ми школами, а въ прошломъ году съ 32 школами.	
„ Лукоановскомъ „ „ 8 „ „ „ „ „ „ 17 „	
„ Арзамасскомъ „ „ 5 „ „ „ „ „ „ 28 „	
„ Горбатовскомъ „ „ 1 „ „ „ „ „ „ 13 „	
„ Сергачскомъ „ „ 1 „ „ „ „ „ „ 8 „	
„ Балахнинскомъ „ „ 1 „ „ „ „ „ „ 6 „	
„ Макарьевскомъ „ „ 2 „ „ „ „ „ „ 5 „	
„ Ардатовскомъ „ „ „ „ „ „ „ „ „ „	} ни съ одной „ „ „ „ „ „ 29 „
„ Васильскомъ „ „ „ „ „ „ „ „ „ „	
„ Княгининскомъ „ „ „ „ „ „ „ „ „ „	
„ Семеновскомъ „ „ „ „ „ „ „ „ „ „	

Итого въ отчетномъ году съ 21-й школой, а въ прошломъ съ 138-ю.

Нѣкоторыя изъ полученныхъ сообщеній о школахъ не лишены интереса, хотя вообще представляютъ развитіе положеній, высказанныхъ въ прошлогоднемъ отчетѣ. Совѣтъ полагаетъ поэтому болѣе удобнымъ, не называя авторовъ, ограничиться выраженіемъ искреннѣйшей признательности корреспондентамъ нашимъ. Соображенія подобнаго же рода вынуждаютъ Совѣтъ не приводить фактовъ свидѣтельствующихъ о продолженіи паденія церковно-приходскихъ школъ. Въ виду особеннаго расположенія народа къ такимъ школамъ нельзя не придавать значенія этому явленію, и Совѣтъ обращаетъ вниманіе гг. членовъ на данныя, изложенныя въ заключеніи настоящаго отчета, которыя, быть можетъ, выяснятъ, что, кромѣ мѣстныхъ обстоятельствъ, существуетъ болѣе общая причина, препятствующая развитію и учрежденію церковно-приходскихъ школъ.

2) Губернаторъ увѣдомилъ, что на устройство книжныхъ складовъ и библиотекъ для чтенія въ селеніяхъ разрѣшенія не послѣдовало. По сообщенію изложеннаго землевладѣльцу Сергачскаго уѣзда А. М. Ермолову, имѣвшему въ виду открыть въ селѣ Черновскомъ народную библиотечку, г. Ермоловъ поспѣшилъ всѣ пожертвованныя для этой библиотечки книги возвратитъ жертвователямъ. Такимъ образомъ, вопросъ объ учрежденіи народныхъ библиотекъ въ нашей губерніи имѣетъ до сихъ поръ исключительно теоретическое значеніе, и въ этихъ видахъ нельзя не пожалѣть о неудачѣ опыта предпринятаго А. М. Ермоловымъ, который, какъ извѣстно гг. чл-

намъ Общества, понимая, съ какою осторожностію слѣдуетъ приступать въ выбору книгъ, предлагаемыхъ для чтенія простому народу.

Директоръ Самарской учительской семинаріи, отъ 29-го іюня № 246, увѣдомилъ, что одинъ изъ двухъ стипендіатовъ Общества, пробывъ два года въ 1-мъ классѣ, уволенъ „за малосиѣбность“.

III. Заключение.

Скудны были доходы Общества, но еще скуднѣе, какъ можно было убѣдиться изъ предыдущаго, дѣятельность Совѣта, съ которымъ школы, по учрежденіи дирекціи народныхъ училищъ, совершенно почти прекратили сношенія.

Заканчивая столь неутѣшительнымъ результатомъ третій годъ своей дѣятельности, Совѣтъ долгомъ считаетъ, съ возможною откровенностію, высказать гг. членамъ Общества главнѣйшую причину упомянутой неудачи.

Причина эта заключается въ данной Совѣтомъ постановкѣ задачи нашего Общества—постановкѣ, одобренной предыдущими общими собраніями и которой Совѣтъ держался неуклонно съ перваго своего засѣданія.

Въ отчетѣ за первый годъ существованія Общества (1872—73 г.), когда Совѣтъ только приступалъ къ организаціи нашей дѣятельности, были приведены слова, сказанныя лѣтомъ 1873 года г. министромъ народнаго просвѣщенія на торжественномъ обѣдѣ, предложенномъ его сіятельству въ г. Кіевѣ. „Посмотрите,—сказалъ графъ,—что происходитъ въ Европѣ: перемѣняются министры, измѣняются самыя формы государственнаго правленія, а учебная система остается неизмѣною“...

„Слова эти“, позволили мы себѣ прибавить въ упомянутомъ отчетѣ, „по всей справедливости, заслуживаютъ самой обширной извѣстности. Дѣйствительно, въ нашемъ отечествѣ невозможно, къ прискорбію, наблюдать столь высоко цѣнимой г. министромъ устойчивости европейскихъ учреждений: у насъ обыкновенно періодически возникаетъ потребность радикальныхъ передѣловъ или частныхъ ломовъ, и нерѣдко, при новыхъ постройкахъ, мы переходимъ къ старому, отъ котораго нѣсколько лѣтъ тому назадъ отказывались, преслѣдуя съ свойственнымъ намъ увлеченіемъ какую-либо предвзятую идею, болѣею частію заимствованную за предѣлами нашего отечества“.

Мы бываемъ обыкновенно мало расположены отыскивать самостоятельно рѣшеніе нашихъ общественныхъ задачъ и очень склонны къ слѣпнымъ заимствованиямъ изъ странъ, опередившихъ насъ. Вотъ почему вполне установившаяся догматика для дѣла, только-что возникающаго—самое обыкновенное явленіе при многихъ изъ начинаній нашихъ. Земскія средства крайне ограничены, бюджетъ министерства народнаго просвѣщенія, особенно по начальному образованію, далеко не отличается роскошью, содержаніе и цѣль курса народной школы еще не установились до сихъ поръ ни на практикѣ, ни въ сознаніи мыслящей части нашей публики, а уже много

тѣмъ тому назадь и въ земскихъ собраніяхъ, и въ газетахъ и журналахъ всевозможныхъ направленій ломаются копья за и противъ обязательности первоначальнаго ученія!... Громадное множество школъ расположены въ деревенныхъ караулахъ и тому подобнымъ помѣщеніяхъ, лишены свѣта, тепла, чистаго воздуха, а на политехнической выставкѣ въ Москвѣ было возведено довольно обширное школьное зданіе, какъ будто главная причина нищеты школьной обстановки заключается въ томъ, что у насъ мало въ ходу проектовъ школьныхъ зданій!... Значительное число учителей не обладаетъ простою грамотностію, а имъ безпрестанно предлагаютъ разныя системы собранія всяческихъ коллекцій съ бѣдными деревенскими мальчиками!... Научная подготовка молодыхъ людей, поступающихъ въ учительскія семинаріи, не удовлетворяетъ самымъ скромнымъ требованіямъ, а наши народолюбцы не стѣсняются предложеніемъ широчайшихъ программъ для учебнаго курса семинарій!... Народъ религіозенъ, преданъ Государю, покоренъ правительству, а консервативный догматизмъ готовъ на самыя широкія денежные жертвы для развитія въ народѣ тѣхъ чувствъ, которыя сохранены имъ въ теченіе многихъ столѣтій безъ содѣйствія какихъ-бы то ни было охранныхъ и вопреки немалого количества неблагоприятнѣйшихъ историческихъ условій!...

Вотъ причины, которыя заставляли насъ придавать величайшее значеніе вышеприведеннымъ словамъ г. министра народнаго просвѣщенія. Дѣйствительно, у насъ до сихъ поръ какъ бы признается, что просвѣщеніе водворено въ Россіи только со вчерашняго дня и что только та мѣра на педагогическомъ поприщѣ плодотворна, которая самымъ радикальнымъ образомъ отрицаетъ все наше прошлое. А между тѣмъ, одно только прошлое можетъ сообщить устойчивость какимъ-бы то ни было общественнымъ учрежденіямъ. Поэтому, въ дѣятельности своей, Совѣтъ придавалъ всегда преимущественное значеніе возможно подробному изученію условій и способовъ къ существенному образованію, выработавшихся въ Нижегородскомъ Поволжѣ путемъ медленнаго процесса. Часть свѣдѣній, собранныхъ въ этомъ отношеніи, помѣщена въ прошломъ отчетѣ и вѣроятно показала гг. членамъ, какъ много въ губерніи лицъ, искренно преданныхъ дѣлу народнаго образованія, но, къ сожалѣнію, разобщенныхъ между собою на громадномъ пространствѣ губерніи. Совѣтъ предлагалъ сдѣлаться со временемъ центромъ сближенія и обмѣна мыслей и наблюденій для всѣхъ такихъ дѣятелей. Поэтому, кромѣ помѣщенія въ прошлогоднемъ отчетѣ выше-упомянутыхъ свѣдѣній, было предложено издать особою книжкою замѣчательнѣйшія изъ корреспонденцій Совѣта. Удовлетворяя прямой цѣли своей—сближенію посвятившихъ свою дѣятельность на образованіе народа—такое изданіе представило-бы, кромѣ того, нѣкоторыя доказательства слѣдующихъ положеній, постоянно служившихъ Совѣту руководящими началами.

Во-1-хъ. Данныя изъ разныхъ мѣстъ нашего края должны быть признаваемы болѣе надежнымъ критеріемъ для обсужденія вопросовъ по народному образованію, чѣмъ свѣдѣнія, насколько собираемыя за границей.

Во-2-хъ. Организанія какихъ-бы то ни было учебныхъ заведеній,

основанная на рабскомъ заимствованіи схемъ, выработанныхъ при иныхъ историческихъ условіяхъ, безъ предварительнаго глубокаго изученія отечественныхъ данныхъ, не можетъ имѣть залоговъ къ дальнѣйшему плодотворному развитію и угрожаетъ школамъ опасностью обратитъ ихъ въ распадниці всякихъ космополитическихъ ученій.

Въ 3-хъ. Охранительный надзоръ за школой долженъ опираться, главнымъ образомъ, на патриотическія чувства мѣстнаго населенія, а не исключительно на одну только регламентацію, которая, въ самомъ лучшемъ случаѣ, производитъ всегда нѣкоторое количество религіознаго или политическаго индифферентизма.

Предположенное изданіе не состоялось: Общество не имѣло достаточныхъ денежныхъ средствъ, а очередное Губернское Земское Собраніе 1874 года отказало въ выдачѣ денегъ для напечатанія собранныхъ матеріаловъ. Полученный Совѣтомъ отказъ (отъ 17-го марта 1875 г. № 1337) мотивированъ тѣмъ, что „новыми законоположеніями попеченіе о народномъ образованіи предоставлено совѣстно съ земствомъ только дворянству“. Мотивъ этотъ врядъ ли можно признать достаточнымъ, и не слѣдуетъ ли считать болѣе вѣроятною причиною отказа убѣжденіе губернскихъ земскихъ гласныхъ въ томъ, что, послѣ учрежденія дирекціи народныхъ училищъ, предположенное Совѣтомъ изданіе не можетъ имѣть никакого практическаго значенія. Дѣйствительно, распоряженія министерства нар. просвѣщенія, послѣдовавшія по изданіи положенія о народныхъ училищахъ, образовали вполнѣ обособленное вѣдомство, главнѣйшими органами котораго служатъ въ каждой губерніи:

- 1) училищные совѣты—губернскій и уѣздные;
- 2) предводители дворянства—губернскій и уѣздные; они же предсѣдатели соответствующихъ совѣтовъ.
- 3) директоръ и нѣсколько подчиненныхъ ему инспекторовъ (въ нижегородск. губ. двое) ¹⁾.

Инспекторамъ вѣрено завѣдываніе всѣми училищами, на какія бы средства они ни были учреждены—земскія, городскія или частныя.

Инспекторы разрѣшаютъ открытіе училищъ (ст. 10), закрываютъ временно училища въ случаѣ беспорядка или вреднаго направленія ученія (ст. 11), назначаютъ преподавателей (ст. 18), устраняютъ неблагонадежныхъ, по ихъ мнѣнію, преподавателей (ст. 24), постановляютъ всякія рѣшенія касательно учебной части училищъ (ст. 31), обязываются, своими замѣчаніями относительно способовъ и приемовъ преподаванія *всѣхъ безъ исключенія предметовъ*, содѣйствовать возможно лучшему усвоенію ихъ учащимися (ст. 31); право это не предоставлено никому кромѣ инспекторовъ.

Инспекторы, завѣдывая училищами на изложенныхъ основаніяхъ,

¹⁾ Ми не называемъ епархіальныхъ архіереевъ, которымъ предоставлено (ст. 17) только „дальнѣе наблюденіе за преподаваніемъ Закона Божія и религіозно-нравственныхъ направленіемъ обученія“ и которымъ, въ случаѣ замѣченныхъ ими злоупотребленій, не дозволено дѣлать какихъ-либо распоряженій, но за то дарована возможность сообщать свои замѣчанія и соображенія непосредственно самому министру народнаго просвѣщенія.

состоять въ исключительномъ и непосредственномъ подчиненіи директора, который, въ свою очередь, подчиняется на такомъ же основаніи попечителю.

Подобно тому, какъ архіереямъ предоставлено высшее наблюденіе за религіозно-нравственнымъ направленіемъ обученія, съ правомъ доводить свои замѣчанія до свѣдѣнія министра народнаго просвѣщенія, такъ и предводителямъ дворянства рекомендуется, „по общему званію попечителей народныхъ училищъ“, посѣщать училища, вѣдать во всё нужды ихъ и изыскивать всё мѣстные способы къ удовлетворенію этихъ нуждъ (ст. 39). При этомъ, безъ сомнѣнія, дабы не умалять значенія инспекторовъ введеніемъ вреднаго принципа многоначалія, предводителямъ не предоставлено никакого права дѣлать какія-либо распоряженія въ училищахъ, кромѣ устраненія неблагонадежныхъ преподавателей (ст. 24). Избавленные такимъ образомъ отъ необходимости распоряжаться текущими дѣлами народныхъ училищъ, что всецѣло подлежитъ инспекторамъ, директору и попечителю, предводители облечены за то правомъ „по всемъ дѣламъ, заслуживающимъ особаго вниманія“, входить въ сношенія съ попечителемъ округа помимо инспекторовъ и директора и даже съ самимъ министромъ народнаго просвѣщенія, въ случаѣ, разумѣется, особой важности (ст. 42). Последнее право предоставлено также и высшему охранителю государственныхъ основъ въ губерніи—губернатору (ст. 43), которому рекомендуется относиться прямо къ министру, минуя даже попечителя.

Мы не останавливаемся на нѣкоторыхъ другихъ не столь важныхъ правахъ и обязанностяхъ предводителей, каково, напримѣръ, предоставленное статьею 10-ю право давать свое согласіе, когда инспекторъ разрѣшаетъ открыть училище, право собирать училищныя совѣты непременно въ присутствіи чиновника министерства народнаго просвѣщенія для дѣйствительности рѣшеній совѣта (ст. 30) и тому подобныя.

Что касается до училищныхъ совѣтовъ, то законъ возлагаетъ на нихъ „попеченіе объ удовлетвореніи потребностей населенія въ начальномъ образованіи и о надлежащемъ нравственномъ направленіи онаго“ (ст. 19) и, кромѣ того, нѣкоторыя другія дѣйствія, въ родѣ, напримѣръ, снабженія училищъ учебными пособиями, утвержденію въ должности учителей (ст. 29), опредѣленныхъ уже инспекторамъ и т. п. Роль совѣтовъ охарактеризована довольно выразительно въ утвержденныхъ, 5-го августа текущаго года, г. министромъ народнаго просвѣщенія „правилахъ о временныхъ педагогическихъ курсахъ для учителей и учительницъ начальныхъ народныхъ школъ“. По статьѣ 3-й этихъ правилъ, предположеніе объ открытіи курсовъ можетъ (но не должно) исходить отъ уѣзднаго училищнаго совѣта, который, „если имѣетъ для того достаточныя денежныя средства“, обязывается, по статьѣ 4-й, поручить „инспектору народныхъ училищъ составить соображенія о предполагаемыхъ курсахъ и дать имъ надлежащій ходъ“, состоящій въ томъ, что инспекторъ препровождаетъ соображенія свои не въ совѣтъ для окончательнаго обсужденія, а директору, который представляетъ проектъ инспектора на утвержденіе попечителя только въ томъ случаѣ, если одобрить этотъ проектъ

(ст. 5). Такимъ образомъ, уѣздные училищные совѣты освобождены министерскими правилами не только отъ обязанностей разработать подробности устройства педагогическихъ курсовъ, но даже и отъ всякихъ заботъ по исходатайствованію утвержденія попечителя. Затѣмъ, все дѣло открытія, руководства и закрытія курсовъ находится, по изданнымъ правиламъ, въ всякаго вѣдѣнія училищнаго совѣта, чѣмъ, разумѣется, значительно упрощена возложенная закономъ на совѣтъ обязанность „попеченія объ удовлетвореніи потребностей населенія въ начальномъ образованіи и о надлежащемъ нравственномъ направленіи онаго“ (ст. 19). Упомянутыя правила предоставляютъ, впрочемъ, совѣту право ходатайствовать у инспектора о допущеніи къ курсамъ извѣстныхъ совѣту кандидатовъ на учительскую должность. Практика покажетъ, въ какой формѣ будутъ производиться эти ходатайства отъ цѣлой коллегіи у одного изъ членовъ ея.

Совѣтъ Общества считалъ необходимымъ обратить вниманіе гг. членовъ на организацію вновь возникшаго вѣдомства, съ тою преимущественно цѣлью, чтобы показать полную его обособленность. Роль, предоставленная училищнымъ совѣтамъ въ дѣлѣ народнаго образованія, не допускаетъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что значительная замкнутость признана существеннѣйшимъ условіемъ развитія этого вѣдомства. Относительно нашего Общества замкнутость эта выразилась, во-1-хъ, тѣмъ, какъ выше упомянуто, что, съ учрежденіемъ дирекціи, школы начали прекращать сношенія съ Совѣтомъ, и во-2-хъ, что теперь, съ возникновеніемъ цѣлаго вѣдомства, сосредоточившаго въ свое исключительное завѣдываніе всѣ вопросы по народному образованію, Совѣтъ не можетъ болѣе слѣдовать избранному имъ пути къ достиженію цѣлей, опредѣленныхъ въ уставѣ Общества, не надѣется также на открытіе иныхъ путей, такъ какъ изученію состоянія народнаго образованія въ губерніи положена преграда.

Такимъ образомъ, при настоящемъ составѣ своемъ, Совѣтъ не выполняетъ болѣе задачи Общества въ той постановкѣ, которая заслужила нѣсколько разъ одобреніе общихъ собраній. Убѣжденія членовъ Совѣта были и остаются неизмѣнными. Мы питали искреннѣйшее желаніе содѣйствовать прочной организаціи народнаго образованія и полагали, что въ этихъ видахъ, кромѣ всесторонняго изученія мѣстныхъ данныхъ, необходимо еще всѣмъ входящимъ въ какія-бы то ни было сношенія съ народной школой держаться строго законной почвы... Требованіе отнюдь оттого не такъ удобоисполнимо при настоящей фазѣ развитія вновь зарождающагося вѣдомства, какъ это кажется съ перваго взгляда. Въ доказательство приведемъ дословно § 91 инструкціи, для двухклассныхъ и одноклассныхъ училищъ, утвержденной г. министромъ народнаго просвѣщенія 4-го іюня текущаго года: „кромѣ правилъ, изложенныхъ въ сей инструкціи, по отношенію къ двухкласснымъ и однокласснымъ училищамъ, соблюдаются и тѣ правила, касающіяся сихъ училищъ, кои опредѣлены въ Высочайше утвержденной 29-го октября 1871 года инструкціи инспекторамъ народныхъ училищъ и *не измѣняются* настоящей инструкціею“...

Гг. члены Общества убѣдились вѣроятно теперь, что при нашемъ взглядѣ на роль и дѣятельность Общества распространенія грамот-

ности въ Нижегородской губерніи мы не можемъ болѣе управлять дѣлами Общества.

Отъ редакціи. — Въ редакціи получены: разсказъ Ив. С. Тургенева и повѣсть Ал. А. Потѣхина, и приготовленъ къ печати переводъ неизданнаго романа Зола, «Его Превосходительство, Эженъ Ругонъ», изъ временъ второй имперіи.

ПОПРАВКА.

На страницѣ 481, строка 12, вмѣсто:

Чтобъ вышелъ толкъ — толкайте, или...

слѣдуетъ читать:

Толкайте гостя вана, или...

На стран. 572, строка 8 сл., вмѣсто: **выжи, чит.: выжи.**

М. Стасюлевичъ.

МАТЕРИАЛЫ ЖУРНАЛЬНОЙ СТАТИСТИКИ.

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ВЪ 1875 ГОДУ.

Въ 1875-мъ году, экземпляры «Вѣстника Европы» распредѣлялись слѣдующимъ образомъ по мѣсту подписки:

Мѣсто подписки	экз.	Мѣсто подписки	экз.	Мѣсто подписки	экз.
Акмолинская обл. (260,000 жит.)	экз.	Ленкорань	1	Кутно	3
Акмоли	3	Куба	4	Кросневница	1
Петропавловскъ	3		26	Гостиница	1
Атбасарскъ	1	Бессарабская губ. (1,091,000 жит.)		Ловичъ	1
Омскъ	17	Кишиневъ	41	Минскъ (Ново-минскъ)	1
	24	Хотинь	4	Калуминь	1
Амурская обл. (23,000 жит.)		Сталинштетская	1		98
Благовѣщенскъ	3	Липяны	1	Виленская губ. (1,019,000 жит.)	
Албазинъ	3	Купчичская	3	Вильно, г. г.	37
	6	Глинная	1	Ошяны	2
Архангельская губ. (281,000 жит.)		Бѣльцы	6	Сморгоны	1
Архангельскъ, г. г.	13	Банштетская	2	Вилейка	1
Кемь	1	Новоселица	1	Свенцѣяны	1
Онега	1	Оргѣвъ	2	Дисна	2
Холмогоры	2	Сороки	6	Безданы	1
Шенкурскъ	1	Скуляны	3	Жосля	1
Емецкая	1	Бричаны	2		46
	19	Секуринская	1	Витебская губ. (884,000 жит.)	
Астраханская губ. (598,000 жит.)		Едипцы	1	Витебскъ	14
Астрахань, г. г.	27	Аккерманъ	3	Зарѣчье	1
Царевъ	1	Саратская	1	Невель	1
Черный Яръ	2	Камратъ, колонія	2	Сеньковская	1
Красный Яръ	2	Бендери	5	Динабургъ	7
	32		86	Рѣщина	1
Бакинская губ. (513,000 жит.)		Варшавская губ. (1,004,000 жит.)		Креславль	1
Баку, г. г.	14	Варшава, г. г.	77	Полоцкъ	7
Гокчайская	1	Новый Дворъ	4	Лепель	1
Шемаха	4	Сохачевъ	1	Бѣшенковичи	1
Сальяны	2	Стерневицы	2	Суражъ	1
		Александровъ Погран	1	Антопольскъ	1
		Влоцлавскъ	4		37
		Радзевъ	1		

Владимирская губ. (1.269,000 жит.)		экс.			Екатеринославская губ. (1,147,000 жит.)	экз.
Владимиръ, г. г.	13		Бобровъ	8	Екатеринославъ, г. г.	33
Александровъ	2		Острогожскъ	13	Нагнбѣдинскыя	1
Киржачъ ст.	1		Коротоякъ	3	Топильная	1
Переславль-Залѣскій	1		Землянскъ	6	Нейенбургъ	1
Разанцевская	1		Валуяки	6	Канцерово	1
Судога	2		Вирючь	3	Александровскъ	17
Вязники	3		Богучаръ	1	Верхнедѣпровскъ	9
Муромъ	5		Шестаковская	1	Николь	2
Ковровъ	1		Павловскъ	7	Ростовъ	28
Дежнева	1		Бычовская	2	Чумбургская	1
Никольское	1		Калачъ, слобода	2	Нахичевань	1
Шуя	3		Задонскъ	5	Ейскъ	1
Палеха	1		Михайловка	1	Азовъ	1
Иваново-Вознесенское	6			98	Бахмутъ	4
Озьянково	1		Выборгская губ. (243,000 жит.)		Благодатное	4
Гороховецъ	2		Выборгъ, г. г.	3	Ивановская	1
Суздаль	2		Вильманстрандтъ	2	Луганскій зав.	7
Юрьевъ-Польскій	2		Фридрихсгамъ	2	Михайловская	3
Орѣховская	1			7	Славяносербскъ	3
Второвская	1		Вятская губ. (2.442,000 жит.)		Орѣховская	2
	52		Вятка, г. г.	10	Таганрогъ	16
Вологодская губ. (1.008,000 жит.)			Орловъ	1	Маріуполь	6
Вологда, г. г.	19		Слободскій	5	Покровская	1
Великій Устюгъ	3		Глазовъ	3	Константиновская	1
Устьинскъ	2		Нолникъ	8	Павлоградъ	4
Вельскъ	2		Уржумъ	1	Новомосковскъ	2
Кадниковъ	1		Яранскъ	2	Перещепина	3
Тотьма	2		Котельничъ	2	Гривинская	1
	29		Малмыжъ	3	Надеждино	2
Волынская губ. (1.737,000 жит.)			Сарапулъ	5	Васильево	1
Житомиръ, г. г.	20		Ижевскій заводъ	4		171
Владимиръ	2		Елабуга	7	Елисаветпольская губ. (529,000 жит.)	
Ковель	2		Воткинскій заводъ	1	Елисаветполь, губ. г.	7
Луцкъ	2			45	Нуха	2
Дубно	3		Гродненская губ. (1.021,000 жит.)		Деляжанъ	1
Кременецъ	2		Гродно, г. г.	11	Тергерская	1
Радзивиловъ	2		Соколка	2	Шума	4
Ровно	5		Друсенки	1		15
Колки	1		Волковскъ	1	Енисейская губ. (529,000 жит.)	
Гоцанская	1		Зельвы ст.	1	Красноярскъ, губ. г.	9
Новоградъ Волынскъ	3		Слонимъ	2	Минусинскъ	2
Либарская	2		Пружаны	2	Корелино	1
Острогъ	3		Заполье	1	Абаканская	1
Старокостантиновъ	5		Бѣлостокъ	6	Енисейскъ	2
Купель	2		Бѣльскъ	3		15
Волочискъ	3		Высоколитовскъ	1	Забайкальская обл. (419,000 жит.)	
Фасовка	1		Кобринъ	2	Кяхта	9
Овручь	4		Брестъ-Литовскъ	8	Троицкосавскъ	1
Кривинъ	1			41	Верхнеудинскъ	1
Здохбуново	1		Дагестанская область. (448,000 жит.)		Укырская	1
	65		Темиръ-Ханъ-Шура	16	Петровский	2
Воронежская губ. (2.184,000 жит.)			Гунибъ	2	Семенгинскъ	1
Воронежъ, г. г.	32		Дашлагаръ	1	Чита	7
Бутурлиновка	4		Дербентъ	2	Кайдаловская	1
Новохоперскъ	3		Петровское	6	Нерчинскъ	4
Бестужевская	1		Чирь-Юргъ	2	Нерчинскій заводъ	2
				29	Шелоупунская	2

Стрѣтенская	эвз. 2	Кіевская губ. (2,215,000 жит.).	эвз.	Ветлуга	3
Средняя кара	1	Кіевъ, губ. г.	142	Черехта	6
Горбиченская	2	Бердичевъ	7		59
	36	Самгородокъ	1	Кубанская область.	
Закарпатскій округъ. (66,000 жит.).		Каневъ	5	(672,000 жит.).	
Закарпатл.	1	Радомысль	6	Екатеринодаръ	19
Иркутская губ. (872,000 жит.).		Фасовская	2	Ейскъ	6
Иркутскъ, губ. г.	35	Коростышевская	2	Уманская ст.	2
Кіренскъ	1	Липовець	9	Тифлисская ст.	2
Витимскъ	3	Васильковъ	2	Усть-Лабанская ст.	5
Орлинскъ	1	Худолѣвка	1	Майкопъ	5
Качутская пристань	1	Смѣла	7	Дабинская	2
Черемховская	1	Сквира	8	Прочный Окопъ	6
Тулуновская	1	Ружинъ	2	Крымское	2
	43	Бѣлая-Церковь	9	Темрюкъ	5
Казанская губ. (1,726,000 жит.).		Тараша	6	Славянская	1
Казань, губ. г.	73	Богуславъ	7	Кубанская	1
Чебоксары	1	Звенигородка	4		56
Цивильскъ	1	Шпола	7	Куошійская губ.	
Ядринъ	1	Умань	11	(210,000 жит.).	
Свіжскъ	2	Тальное	4	Куошій, губ. г.	1
Спаскъ	2	Чигиринъ	4	Курляндская губ.	
Мамадыя	3	Попельня	1	(620,000 жит.).	
Норманская	1	Лисьяга	1	Митава, губ. г.	6
Чистополь	7		243	Гомдингенъ	1
Дашевъ	3	Ковенская губ. (1,125,000 жит.).		Веневъ	1
Александровская	1	Ковно, губ. г.	14	Либава	5
	95	Тельши	1	Илукста	1
Калининская губ. (673,000 жит.).		Поневъжъ	1	Фридрихштадтъ	1
Калинъ, губ. г.	6	Юрбургъ	1	Якобштадтъ	1
Велюнь	3	Сяди	1		16
Верушевъ	1	Рорненская	1	Курская губ.	
Серадь	1	Россиени	3	(1,955,000 жит.).	
Правка	1	Таурогенъ	2	Курскъ, губ. г.	24
Ленчица	1	Яншики, ст.	1	Фатежъ	3
Ковинъ	1	Кейданы, м.	2	Старый-Осколь	4
Турекъ	1	Шавли	4	Бѣлгородъ	9
	15	Абели	1	Грайворонъ	1
Калужская губ. (1,132,000 жит.).		Субочъ	1	Новый-Осколь	7
Калуга, губ. г.	27	Ново-Александровскъ	2	Борисовка	1
Александровскій хуторъ	2	Удьян	1	Тамаровская	1
Таруса	2	Вилькомиръ	2	Кероча	3
Малоярославецъ	1		38	Щигри	8
Медвнъ	1	Костромская губ. (1,182,000 жит.).		Льговъ	1
Михѣвская	2	Кострома, губ. г.	21	Дмитріевъ на Свалѣ	4
Жиздра	4	Судиславъ	2	Суджа	4
Козельскъ	3	Воронье	1	Рильскъ	6
Лихвинъ	1	Макаръевъ	1	Мирополье	2
Мещовскъ	2	Евдокимово	1	Тимъ	3
Брянъ	1	Галичь	4	Обоянъ	1
Роговичи	2	Буй	2	Золотухино	1
Троицкая	2	Чухлома	1	Крюкова	1
Карася	1	Солнгалитчъ	3	Веселая Лопань	1
	51	Кологривъ	1	Дьяконово	1
		Кинешма	8	Коренево	2
		Вичуга	8	Глушкова	1
		Юрьевецъ-Повольскій	2	Колонтаевка	1
					90

Кутанская губ.
(606,000 жит.)

Кутанскъ, губ. г.	14
Почи	3
Зугдидя	1
Кыргильская	2
20	

Кълевская губ.
(529,000 жит.)

Къльцы, губ. г.	2
Пинчевъ	1
Стонница	1
Михайловицы	1
Шилца	1
6	

Лифляндская губ.
(1.001,000 жит.)

Рига, губ. г.	17
Дерптъ	7
Перновъ	1
Динамидъ	2
Венденъ	1
28	

Домжвинская губ.
(489,000 жит.)

Домжа, губ. г.	8
Остроленка	2
Шучинъ	1
Чухчевъ	1
Островъ	1
Пултускъ	3
Маковъ	1
Граево (посадъ)	1
18	

Люблинская губ.
(701,000 жит.)

Люблинъ, губ. г.	5
Ивангородъ	2
Новая-Александрія	3
Замостье	1
Красноставы	2
Хельмъ (Холмъ)	2
Щебрешинъ	1
Томашевъ	1
Яновъ-Замостьскій	1
18	

Минская губ.
(1.178,000 жит.)

Минскъ, губ. г.	18
Борисовъ	3
Городище	1
Пинскъ	3
Бобруйскъ	6
Мозырь	1
Якимовская	1
Ръчница	2
Слуцкъ	3
Городея	1
Марьино-Горская	2
Новогрудокъ	1

Несвижъ	2
Докшицы	1
Симоновичи	1
Руденскъ	1
47	

(Могилевская губ.)
(958,000 жит.)

Могилевъ, губ. г.	16
Рудня	1
Чериковъ	2
Орша	2
Горы-Горки	4
Сънно	2
Кописъ	1
Гомель	8
Рогачевъ	2
Быховъ	1
Чечерскъ	1
Климовичи	5
Кричевъ	1
41	

Московская губ.
(1.757,000 жит.)

Москва:

Черезъ газет. экспед.	106
Черезъ книжн. магаз.	
Соловьева	316
Черезъ книжн. магаз.	
Живарева	82
Черезъ книжн. магаз.	
Мамонтова	26
530	

Серпуховъ	8
Подольскъ	1
Каменка	1
Бронницы	2
Коломна	2
Завидовская	2
Кливъ	3
Волоколамскъ	1
Подсолнечная	2
Звенигородъ	1
Сергиевскій посадъ	3
Богородскъ	2
Веря	3
Дмитровъ	3
Можайскъ	3
Руза	2
Раменское	2
571	

Нижегородская губ.
(1.279,000 жит.)

Нижній Новгородъ	36
Горбатовъ	1
Лысково	2
Сергачъ	1
Мангушевская	1
Княгининъ	1

Дуконновъ	5
Починки	3
Арзамасъ	7
Воскресенское	2
Ардатовъ	2
Балахна	1
Городецъ	1
63	

Новгородская губ.
(1.011,000 жит.)

Новгородъ, губ. г.	19
Веребьянская	1
Бологое	2
Чудово Ямъ	1
Устюжна	1
Кыриловъ	2
Тихвинъ	2
Оскупская	1
Кудуйская	1
Валдай	1
Боровичи	5
Череповецъ	7
Вязоверскъ	4
Бахармовская	1
Старая Русса	1
Демянскъ	1
Крестцы	1
Медведь	1
Бронницы	1
Сомно	2
Торбьяно	1
56	

Нюландская губ.
(167,000 жит.)

Гельсингфорсъ, г. г.	7
Свеаборгъ	3
Ойсь	1
11	

Область Войска Донскаго.
(1.147,000 жит.)

Новочеркаскъ	38
Кагальницкая	1
Есауловская	1
Голодаевка	1
Шалаевская	2
Боковская	1
Урюпинская	2
Серебряновка	1
Устьмедвѣдичная	5
Тиховская	1
Константиновская	2
Тарасовка	1
Грушевская	4
Каменская	6
Нижечирская	3
Цимлянская	1
Матвѣевъ Курганъ	1
Филоново	3
Ильмовъ	2

губ.	жнт.	губ.	жнт.	губ.	жнт.
Котлубаль	1	Исса	1	Дунаевци	1
Сулинъ	1	Краснослободскъ	4	Ямполь	5
	77	Нечаевскій - Уметь	1	Ровенская	1
Олонекская губ.		Мокшани	4	Хмѣльницъ	1
(297,000 жнт.)		Титово	2	Проскурговъ	6
Петрозаводскъ, г. г.	10	Воейково	1	Баръ	2
Оштинскій погостъ	1	Симанщина	1	Ярмолинцы	2
Олонекъ	1		72	Летичевъ	1
Виттегра	4	Пермская губ.		Меджибожь	1
Бадожко-Конекская	1	(2.212,000 жнт.)		Брацлавъ	2
Каргополь	1	Пермь губ. г.	25	Гайсинъ	7
	18	Екатеринбургъ	23	Тульчинъ	4
Оренбургская губ.		Богословскій заводъ	2	Ольгополь	7
(980,000 жнт.)		Верхотурье	2	Вяничи	7
Оренбургъ, губ. г.	30	Долчатовъ	1	Немировъ	4
Челябинскъ	4	Ирбитъ	3	Литинъ	2
Троицкъ	2	Каменскій заводъ	1	Калиновка	1
Зѣриногородская	1	Кушвинскій заводъ	2	Рахин-Лѣвовская	1
Мѣисскій заводъ	1	Невьянскій заводъ	4	Круты	4
Коевская	1	Нижнетагильскій зав.	7	Кривое-озеро	4
Орскъ	2	Шадринскъ	6	Балта	4
Верхнеуральскъ	2	Сысертская	1	Дережня	2
	48	Вилимбаевскій заводъ	3	Волковичи	2
Орловская губ.		Веретя	2	Жмеринка	1
(1.589,000 жнт.)		Соликамскъ	2	Вашьяра	1
Орель, г. г.	83	Красноуфимскъ	3	Попелухи	3
Врянскъ	6	Чердынь	2		36
Карачевъ	7	Камниловъ	1	Полтавская губ.	
Трубчевскъ	3	Сугатская	1	(2.102,000 жнт.)	
Дмитровскъ	1	Кунгуръ	5	Полтава, губ. г.	47
Кромъ	2	Ключевская	1	Золотоноша	8
Котомки	1	Оханскъ	4	Переяславъ	9
Дросково	3	Оса	2	Борисполь	1
Мценскъ	6		103	Ромни	12
Болховъ	2	Петроковская губ.		Гадячъ	8
Малоярхангельскъ	5	(696,000 жнт.)		Миргородъ	5
Сѣвскъ	2	Петроковъ, губ. г.	5	Лохвица	4
Ливны	10	Лодзь	2	Зеньковъ	4
Елецъ	13	Згеръжъ	1	Опошня	1
Задонскъ	5	Рава	1	Хороль	5
Становой-Колодезь	3	Ченстоховъ	5	Пирятинъ	5
Александровка	1	Сосновицы	1	Прилуки	14
Измайлово	2	Граница	1	Яготино	2
Хотмынецъ	1	Бендизъ-Домброва	1	Лубны	11
Русскій Бродъ	1	Домброво	1	Рѣшетловка	3
	107		18	Бѣлоперовка	2
Нижегородская губ.		Плоцкая губ.		Кобеляки	11
(1.178,000 жнт.)		(480,000 жнт.)		Кременчугъ	20
Пенза губ.	26	Плоцкъ	8	Градижскъ	3
Керенскъ	1	Праснышъ	1	Жуки	1
Нижній-Домовъ	3	Млава	1	Семеновская	2
Наровчатъ	1	Добрынь	1	Константиноградъ	6
Чембаръ	8	Липно	1	Карловская	3
Каленка	1		12	Дмитровка	2
Городище	1	Нодольская губ.		Бѣлки	1
Садовка	1	(1.961,000 жнт.)		Гановка	1
Борисовская	1	Каменецъ, губ. г.	14		191
Саранскъ	7	Могилевъ	8	Примерская область.	
Исарь	8	Новая-Ушица (Ушица)	8	(43,000 жнт.)	
				Николаевскъ	4
				Софійскъ	1

Хабаровская	3	Вугульма	3	С.-Николевская	
Владивостокъ	7	Ставрополь	1	(155,000 жит.)	см.
Новгородскій	1	Мелекъ	1	Нейшлотъ	1
Камень-Рыболовъ	2	Чердалинская	4	Семипалатинская	
	18	Николаевскъ	3	(350,000 жит.)	
Исковская губ.		Новый-Узень	2	Семипалатинскъ	6
(786,000 жит.)			49	Каргаранъ	1
Псковъ, губ. г.	20	С.-Петербургская губ.		Бухторма	1
Порховъ	6	(1.291,000 жит.)		Зайсанскій постъ	1
Боровичи	2	С.-Петербургъ:			9
Островъ	9	По городской почтѣ 810		Семирѣченская обл.	
Холмъ	2	Черезъ книжный ма-		(543,000 жит.)	
Св. Горы	1	газинъ Базунова	330	Вѣрный, обл. г.	7
Новоржевъ	2	Черезъ книжный ма-		Лепинская	2
Новгородка	2	газинъ Черкесова	102	Копаль	2
Торопецъ	3	Черезъ Конт. ред.	102	Токмакъ	1
Таловская	1			Караколъ	3
Опочка	4		1344		15
Великіе-Луки	2	Гатчино	5	Сибирская губ.	
Вязаницы	1	Луга	3	(1.222,000 жит.)	
Сольцы	1	Гдовъ	4	Сибирскъ, г. г.	27
Орли	1	Чирковичи	2	Краснососновская	2
	57	Ямбургъ	1	Юрловская	3
Радомская губ.		Нарва	3	Ардатовъ	7
(540,000 жит.)		Тевзе, ст.	1	Алатиръ	2
Радомъ, губ. г.	8	Тосна	2	Волховская	1
Косеницы	1	Сестрорѣцъ	1	Бурминъ	3
Опатовъ	1	Новая Ладога	2	Пиловальные заводы	3
Сандомиръ	1	Минихинская	1	Промзано городище	1
Приисуха	1	Павловскъ	3	Тагаевская	4
Коксскъ	1	Царское Село	16	Корсунъ	6
	18	Петергофъ	4	Сенгилей	2
Рязанская губ.		Ораниенбаумъ	5	Сызрань	5
(1.496,000 жит.)		Красное Село	4	Терентульская	4
Рязань г. г.	18	Кронштадтъ	17	Решевка	1
Рябенбургъ	3		1418		71
Данковъ	3	Саратовская губ.		Смоленская губ.	
Скопинъ	3	(1.773,000 жит.)		(1.121,000 жит.)	
Пронскъ	3	Саратовъ, г. г.	42	Смоленскъ, г. г.	22
Ряжскъ	2	Балашиха	5	Рославль	1
Саложскъ	4	Царицынъ	7	Софійская	1
Касимовъ	4	Сосновка	1	Знаменское	3
Михайловъ	3	Аткарскъ	4	Юхновъ	1
Спасскъ	2	Колено	3	Починскъ	2
Ижевское	3	Турки	1	Ивановская	1
Брахтурская	2	Везово	2	Бѣлой	6
Егорьевскъ	3	Камышинъ	4	Духовщина	4
Гавриловское	2	Дубовскій посадь	1	Пречистенская	1
Ухововская	1	Камена	3	Ечестово	1
Зарайскъ	2	Петровскъ	3	Поръче	1
Ворки	2	Кузнецъ	6	Дорогобузь	6
Алексѣвка	1	Камышверъ	1	Бѣльня	2
	61	Чунаки	1	Красный	1
Самарская губ.		Сердобскъ	4	Сычевка	2
(1.863,000 жит.)		Кандакъ	2	Гжатскъ	4
Самара г. г.	24	Ключи	1	Вязьма	10
Вугурусланъ	2	Хвалынскъ	1	Уваровская	1
Павловская	2	Вольскъ	6	Издѣлково	1
Вузлукъ	4	Салтыковка	1	Ярцево	1
Сорокинская	1	Маринская	1	Духовская	1
Зимникова	2		102		73

Ставропольская губ. (437,000 жит.)		эвз.	Терская область. (485,000 жит.)		эвз.
Ставрополь, губ. г.	21	Перевопъ	1	Владикавказъ, г. г.	18
Прасковей, село	3	Мелитополь	5	Степновская	2
Песчанослопская	2	Спировская	1	Кизляръ	4
	26	Генгическъ	2	Нальчикъ	1
Сувапская губ. (531,000 жит.)		Бердяпскъ	7	Моздокъ	3
Сувапъ, г. г.	7	Нагапскъ	1	Грозпий	10
Верхоболовъ (Кпбарти).	1	Бпшекъ-Ламбатъ	1	Хасафъ-Юрть	2
Марпамполь	1		122	Шелкозаводская	1
Кальварп	1	Тамбовская губ. (2.157,000 жит.)		Георгпевскъ	5
Владпславовъ	1	Тамбовъ, г. г.	34	Патпгорскъ	12
Августовъ	1	Козловъ	14		58
Впльковпшкп	1	Усманы	4	Тифлпсская губ.	
	18	Лппецель	5	Тифлпсъ, г. г.	105
Сухумскпй округъ. (70,000 жит.)		Лебедяпъ	3	Царскпе Колодцп	2
Сухумъ-Кале	4	Шапцкъ	3	Лагодехская	1
Спдлепская губ. (542,000 жит.)		Моршаскскъ	5	Телавъ	4
Спдлепцъ, г. г.	6	Спасскскъ	2	Ахалцпхъ	4
Венгровъ	1	Грязп	3	Ахалкалакп	1
Гарвопнпъ	1	Новочеркутпно	1	Спгнахъ	1
Впа	3	Борпсопгпбскскъ	8	Горп	5
Луковъ	1	Расказово	1	Сурамская	1
Мендпзмржкскъ	2	Кпрсановъ	10	Вазпасская	1
	14	Тпмень	5	Впапнъ-Кпльчъ	1
Сыръ-Дарпнпсская обл. (835,000 жит.)		Тара	1	Думеть	1
Ташкентъ	25	Курганъ	2		127
Казалпнскъ	6	Ишпнпъ	2	Тобольская губ. (1.105,000 жит.)	
Перовскъ	1	Елатпма	2	Тобольскъ, губ. г.	8
Чпнкентъ	1	Темпнпковъ	2	Тпмень	5
Аулп-ата, укр.	1	Кадомъ-посадъ	1	Тара	1
Самаркандъ	8	Толстпновская	1	Курганъ	2
Ходжентъ	4	Кулпкп	1	Ишпнпъ	2
Катгы-Курганъ	2	Муралпевская	1		18
Чпназъ	1	Сенцевка	2	Томская губ. (784,000 жит.)	
	49	Хомутова	1	Томскъ, губ. г.	12
Тавастгуесткая губ. (185,000 жит.)		Мордово	1	Колыванъ	1
Опсь	1	Токарева	2	Верская	1
Таврпчпсская губ. (716,000 жит.)		Уметъ	1	Барнаулъ	6
Спмпферополь, г. г.	33		117	Впйскъ	1
Судавъ	1	Тверская губ. (1.503,000 жит.)		Зпфпнпгорскъ	5
Балаклава	1	Тверь, губ. г.	15	Марпнпскъ	2
Ешаторп	1	Торжокъ	6		28
Вакчпсарай	1	Корчева	3	Тургайская обл. (350,000 жит.)	
Алупта	1	Кпмрп	2	Илецкая Защпта	2
Севастополь	16	Старпца	4	Уральское, укрпнп	1
Феодосп	9	Ржевъ	9		3
Керчь-Епнпковъ	6	Зубцевъ	3	Тулская губ. (1.176,000 жит.)	
Ялта	15	Краспнпй-Холмъ	2	Тула, губ. г.	25
Карасубазаръ	4	Впажепскъ	5	Алеспнпъ	3
Гольбпгадтъ	1	Веспегонскъ	1	Еппфанъ	4
Орпховъ	8	Кашпнпъ	7	Еппгородпцель	4
Большой Токмазъ	2	Калазпнпъ	3	Дробпно	2
Кяховка	3	Впшпнпй-Волочовъ	1	Дульпновская ст.	1
Алешпн	2	Осташковъ	1	Чернь	2
		Селпжаровъ	1	Новоспль	2
		Впдропускъ	1	Одоевъ	3
		Осташковская	1	Ясенкп	1
		Сппровская	1	Брапкпвна	1
		Тропцкая	1		
		Максатпха	2		
			69		

Хомутово	экв. 1	Очаковъ	экв. 2	Нѣжинъ	10
Вашира	1	Джемурѣвская	1	Борзна	4
Веневъ	2	Новая-Прага	5	Плиски	3
Ефремовъ	9	Песчаный бродъ	1	Бобровица	3
Валевъ	5	Вознесенскъ	5	Красное	3
	66	Березовка	2		113
Уральская область.		Покровская	1	Черноморскій округ	
(520,000 жит.).		Александри	8	(15,000 жит.).	
Нижнеуральскъ	5	Лицевка	3	Туассе	3
Гурьевъ	3	Бобринецъ	1	Новороссійскъ	3
	8	Максимовская	2		6
Уфимская губ.		Новогеоргиевскъ	3	Эриванская губ.	
(1.395,000 жит.).		Ново-украинка	4	(452,000 жит.).	
Уфа, губ. г.	17	Елисаветградъ	19	Эриванъ, г. г.	11
Стерлитамакъ	3	Дубоссары	6	Новый-Валзеть	1
Саткинский заводъ	2	Ольвиополь	5	Каракинскъ	2
Дуванейская	2	Новомиргородъ	2	Александрополь	6
Поддубовская	1	Анаевъ	6	Вагаршапдская	2
Златоустовскій зав.	3	Марьяновская	3	Нахичеванъ	1
Бирскъ	1	Петровѣровская	1	Джульфы	1
Мензелинскъ	4	Павлншская	2		24
Байсарово	1	Тирасполь	5	Эстляндская губ.	
	34	Искровка	2	(323,000 жит.).	
Харьковская губ.		Ново-Воронцова	8	Ревель, г. г.	13
(1.820,000 жит.).		Бериславъ	2	Вейсенштейнъ	1
Харьковъ, губ. г.	80	Пантаевка	1	Талсъ	1
Ахтирка	6	Вирзула	1		14
Лебеднъ	7	Затишье	1	Якутская обл.	
Котельна, слобода	1	Ивановка	1	Якутскъ	3
Суми	14	Раздѣльная	1	Нохтуйскъ	3
Боромля	2	Новый Бугъ	1		6
Вѣлюполье	2	Вандурко	1	Ярославская губ.	
Валки	2		264	(988,000 жит.).	
Змиевъ	4	Черниговская губ.		Ярославль, губ. г.	37
Волчанскъ	8	(1.669,000 жит.).		Рыбинскъ	5
Водоуховъ	4	Черниговъ, губ. г.	23	Романовъ-Борисоглѣбскъ	6
Чугуевъ	4	Городня	3	Помехонье	3
Волоховоярская	2	Новгородъ-сѣверскій	6	Мышкинъ	1
Изюмъ	6	Стародубъ	3	Угличъ	1
Купянскъ	9	Погарь	1	Молога	1
Оеньовская	1	Новозыбковъ	2	Ростовъ	3
Новокатеринославъ	4	Елѣонское (Елѣонка		Борисоглѣбскія слободы	1
Старобѣльскъ	4	тоже)	2	Даниловъ	2
Вѣлюдовскъ	1	Понуровская	1	Еваново	1
Водолагская	2	Новый Ропскъ	3		51
Барвенкова	3	Сосница	5	За границей:	
Славянскъ	3	Почепъ	3	Англія	8
Рубежное	1	Мглинъ	3	Бельгія	2
Дергачи	1	Суражъ	3	Германія	61
Новоселки	1	Клици	3	Греція	3
Алексѣвка	1	Красный Рогъ	3	Италія	9
Коломакъ	1	Козелецъ	1	Китай	2
Тарановка	1	Остеръ	3	Молдавія	1
Алексѣвка	1	Воронежъ	1	Остъ-Индіа	1
Дружкова	2	Березна	1	Придунайскія княжест.	1
Буликво поле	1	Рѣпки	3	Сербія	1
	179	Шостка	1	С. Америка	3
Херсонская губ.		Глуховъ	1	Турція	4
(1.661,000 жит.).		Кролевецъ	4	Франція	29
Херсонъ, г. г.	18	Алтынговская ст.	3	Швейцарія	8
Одесса	106	Семипольская	1	Швеція	1
Николаевъ	82	Конотопъ	1	Японія	2
			9		137

ОБЩІЙ ИТОГЪ.

I. Въ губерніяхъ:

	экз.		экз.		экз.
1. Херсонская.	264	32. Кубанск. об.	56	63. Люблинская.	18
2. Кіевская.	243	33. Новгородск.	56	64. Оловецкая.	18
3. Полтавская.	191	34. Владимірск.	52	65. Петроковск.	18
4. Харьковская	179	35. Калужская.	51	66. Примор. об.	18
5. Екатериносл.	174	36. Ярославская	51	67. Тобольская.	18
6. Тифлисская.	127	37. Самарская.	49	68. Елисаветпол.	15
7. Таврическая	122	38. Сырь-Д. об.	49	69. Енисейская.	15
8. Тамбовская.	117	39. Милская. . .	47	70. Калышская.	15
9. Черниговск.	113	40. Виленская.	46	71. Курляндск.	16
10. Орловская.	107	41. Вятская. . .	45	72. Семирѣченс.	15
11. Пермская.	103	42. Иркутская.	43	73. Сѣдлецкая.	14
12. Саратовская	102	43. Оренбургск.	43	74. Эстляндская	14
13. Варшавская.	98	44. Гродненская	41	75. Радомская.	13
14. Воронежская	98	45. Могилеская.	41	76. Сувальская.	13
15. Подольская.	96	46. Московская.	41	77. Плоцкая. . .	12
16. Казанская.	95	47. Ковенская.	38	78. Нюландская	11
17. Курская. . .	90	48. Витебская.	37	79. Семипал. об.	9
18. Бессарабск.	86	49. Забайк. об.	36	80. Уральск. об.	8
19. Обл. В. Дон.	77	50. Уфимская.	34	81. Выборгская.	7
20. С.-Петербур.	74	51. Астраханск.	32	82. Амурск. об.	6
21. Смоленская.	73	52. Вологодская	29	83. Кѣлецкая. . .	6
22. Пензенская.	72	53. Дагест. обл.	29	84. Якутск. об.	6
23. Симбирская.	71	54. Лифляндск.	28	85. Черном. ок.	5
24. Тверская. . .	69	55. Томская. . .	28	86. Сухумск. об.	4
25. Тульская. . .	66	56. Бакинская.	26	87. Тургайс. об.	3
26. Волынская.	65	57. Ставропол.	26	88. Закатал. ок.	1
27. Нижегород.	63	58. Акмол. об.	24	89. Куопіоская.	1
28. Рязанская.	61	59. Эриванская.	24	90. С.-Михельск.	1
29. Костромская	59	60. Кутанская.	20	91. Тавастгустск.	1
30. Тверская. . .	58	61. Архангельс.	19		
31. Псковская.	57	62. Ломжинская.	18		4730

II. Въ С.-Петербурѣ. 1344

III. Въ Москвѣ. 590

IV. За границей. 137

Всего: экз. 6741

А. Хомиховскій
Экспедиція редакціи.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

АВТОРОВЪ И СТАТЕЙ

ПОМѢЩЕННЫХЪ ВЪ «ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ»

въ 1875 году.

А., В. Наше законодательство о раскольничьихъ бракахъ. Историческій очеркъ (февраль, 775).

А—въ, Л. Какъ мы живемъ нынче. Очеркъ изъ романа Троллопа (дек. 726).

Арсеньевъ, Е. К. Движеніе умовъ въ римской имперіи при Флавіяхъ, Траянѣ и Адрианѣ (дек. 609).

В., А. Изъ Гейне. Стихотвореніе (январь, 250). См.: Отъ редакціи, фев. 876.

Воборыкинъ, Н. Д. Въ усадьбѣ и на порядкѣ. Повѣсть (январь, 5).

Вагнеръ, Н. П. По поводу спиритизма. Письмо къ редактору (апрѣль, 855).

Вейсбергъ, П. И. Мелодіи изъ дома сумасшедшихъ. Стихотвореніе изъ Сырокомли (февраль, 513).—Изъ Дантова ада. Пѣснь третья (май, 115).

Веселовскій, А. Н. Отрывки византійскаго эпоса въ русскомъ: I. Поэма о Дигенисѣ — II. Девгеній-Дигенисъ. — III. Дигенисъ-Аника и отаршіе богатыри (апрѣль, 750).

Г., М. Первые представленія во-медіи «Горе отъ ума» въ 1827—1832 г. Изъ воспоминаній участника (июль, 319).

Г., Ю. Торговый балансъ и его значеніе (июнь, 792).

Гербель, Н. В. Жалоба Тасса. Изъ Байрона (февраль, 559).—Миньонъ. Изъ Гёте (июнь, 671).

Герье, В. И. Консерватизмъ у риландъ (сентябрь, 224).

Гилъровъ, Алексѣй. Изъ Гейне. Лирическія стихотворенія (июль, 124).

—**дтѣ.** Лора Лей. Баллада Климента Брентано (ноябрь, 95).

Давыдовъ, И. Н. Смоленское земство (ноябрь, 313).

Д—евъ. Признанія литературныхъ отговъ. Théophile Gauthier и Champfleury (январь, 196; февраль, 519).—Пьеръ-Жозефъ Прудонъ (мартъ, 154; май, 78; июль, 32; авг., 526; сен. 113; окт., 530; ноябрь, 221; дек. 573).

Драгомановъ, М. И. Евреи и поляки въ юго-западномъ краѣ (июль, 133).—Ново-вельтское и провансальское движеніе во Франціи (августъ, 688; сентябрь, 153).

Забитый, О. По селамъ и захо-
лустьямъ. Деревенскіе рассказы: I.—
Христославы. — II. Прощеный день
(май, 217). — III. Встрѣча. — IV. Ши-
рокая душа. — V. На роду написано. —
VI. Новый праздникъ. — VII. Ночь
подъ Крещенье (июнь, 739); VIII. Чтецъ,
пѣвецъ и свѣщеносецъ (дек. 780).

Зела, Эм. Проступокъ аббата Мурэ.
Романъ (январь, 253; фев. 694; мар.
271). — Парижскія письма: I. Новый
академикъ. По поводу приѣма А. Дю-
ма-сына во французскую академію
(мартъ, 441). — II. Парижъ въ апрѣлѣ
(май, 432). — III. Выставка картинъ
въ Парижѣ (июнь, 874). — IV. Шарль
де-Ремюза. — Свадьба и игра. — Тор-
жество въ память Бозальдѣ.—Осуж-
деніе Лафонтэна.—Трагическій Па-
рижъ (июль, 381). — V. Наводненіе (ав-
густъ, 825). — VI. Романъ г. Гонкуръ
(сентябрь, 400). — VII. Шатобрианъ и
празднество въ Сенъ-Мало (октябрь,
857). — VIII. Флюберъ и его сочиненія
(ноябрь, 401). — IX. Драматическая
сцена въ Парижѣ (дек. 845).

Ивановъ. Поездка на обновленные
кавказскія воды. Путевыя замѣтки
(октябрь, 678).

К—нъ, И. Сто-первый отвѣтъ на
вопросъ: что такое полиція? (октябрь,
827).

Кавелинъ, К. Д. Психологическая
критика. Замѣчанія Ю. Ф. Самарина
на книгу: «Задачи Психологіи» (май,
361; июнь, 777; июль, 333).

Каравинъ, Н. Н. Въ низовьяхъ Аму.
Путевые очерки (февраль, 651; мартъ,
186).

Кауфманъ, И. И. Реформа кредит-
ной денежной системы (мартъ, 365).

Костомаровъ, Н. И. Кудеяръ. Исто-
рическая хроника, въ трехъ книгахъ
(апрѣль, 461; май, 5; июнь, 465).

Крестовскій, В. (Псевдонимъ) Аль-
бомъ. Группы и портреты (февраль,
437; сентябрь, 5).

Курбскій, А. Американскіе пионеры
(июль, 214; августъ, 568).

Л., Е. Эмигрантъ. Сатирическій ро-
манъ Яна Лама (июль, 278; августъ,
425).

Лебедевъ, Амф. С. Исторія церкви,
какъ предметъ университетскаго пре-
подаванія (октябрь, 782).

М., А. Изъ «Лазаря», Гейне (дек.
601).

Марковъ, Евг. Л. Последніе моги-
кане русской педагогіи. По поводу
статей гр. Л. Н. Толстого и К. И.
Цвѣткова (май, 291).

Мечниковъ, И. И. Антропология и
дарвинизмъ (январь, 159).

Миллеръ, О. Ф. Графъ А. К. Тол-
стой, какъ лирическій поэтъ (дек. 557).

Минаевъ, Д. Д. Ученыя барыни.
Ком. Мольера (дек. 441).

Минаевъ, И. П. Львовый островъ.
Письма съ острова Цейлона (февраль,
568; июнь, 672). — Въ Непалѣ. Изъ пу-
тевыхъ замѣтокъ (сентябрь, 297).

Н., А. Англійскій переводъ Лермон-
товскаго демона (октябрь, 884). — Ма-
териалы для русскаго обычнаго права.
Обычное право, Е. Якушкина (ноябрь,
429). — Новый сводъ русскихъ былинъ
(декабрь, 875).

Н., В. Нѣсколько мыслей по поводу
письма проф. Вагнера о спиритизмѣ
(май, 458).

Н., В. Ученый диспутъ въ Москвѣ,
въ связи съ университетскимъ вопро-
сомъ (июнь, 900). — Нашъ аргументъ.
По поводу новыхъ статей и новыхъ
идей г. Любимова въ «Русскомъ Вѣст-
никѣ» (августъ, 741).

Орловъ, Ал. Паоло и Франческа.
Изъ Данта (августъ, 610).

П., В. Изъ записокъ рядового пер-
ваго призыва (сентябрь, 269).

П., Л. Дневникъ французскаго одно-
годичнаго волонтера (сентябрь, 340).

Петровский, Н. Ф. Очерки Кокан-
скаго ханства (октябрь, 722).

Полонскій, Л. А. Современный ро-
манъ въ Англіи. Литературные очерки
(ноябрь, 245).

Кеневъ, И. А. Вольный городъ Краковъ. 1815—1846 г. (январь, 107; февраль, 460; мартъ, 100; апрѣль, 618; май, 255; июнь, 689).

Петѣхнинъ, А. А. Хай-дѣвка. Повѣсть (мартъ, 5).

Праховъ, Адр. Микель-Анджело Бонаротти, зодчій, ваятель и живописецъ. 1476—1564. (июль, 5).

Пыпинъ, А. Н. В. Г. Бѣлинскій. Опытъ биографіи (февраль, 591; апрѣль, 549; май, 120; июнь, 549).—О сравнительно-историческомъ изученіи русской литературы (октябрь, 641).—Древній періодъ русской литературы и образованности: I. Племя, народность (ноябрь, 99); II. Византійцы (дек. 655).

Р., Ю. Специальный журналъ для русской публицистики. Сборникъ государственныхъ знаній, т. I. (апрѣль, 776).

Ремъяръ, А. Наука и литература въ современной Англіи. Письма изъ Англіи (январь, 330; июль, 180).

Ровинскій, П. А. Воспоминанія изъ путешествія по Сербіи, въ 1867 году (ноябрь, 5; дек. 699).

С., М. Университетскій вопросъ въ Германіи (сентябрь, 319).—Некрологъ. Гр. Алексѣй Константиновичъ Толстой (ноябрь, 435).

Свистунова, М. П. Грабоѣдовская Москва въ письмахъ М. А. Волковой къ В. И. Ланской (январь, 219; мартъ, 230; августъ, 660).

Соловьевъ, С. М. Наблюденія надъ историческою жизнью народовъ.—2.— Политическое соединеніе Италіи, Галліи и Германіи при Каролингахъ (апрѣль, 593).

Стоюнинъ, В. Я. Педагогическіе вопросы: Гдѣ же гнѣздилося наше зло? (октябрь, 758).

Стулинъ, Ф. С. Два раза замужемъ. Повѣсть (апрѣль, 670).

Суриковъ, И. З. По берегу моря.

Легенда (мартъ, 150).—Богатырская жена. Вышнина (ноябрь, 35).

Терентьевъ, М. Туркестанъ и туркестанцы (сентябрь, 65; октябрь, 49; ноябрь, 142).

Толстой, графъ А. Е. Стихотворенія: I. Ты почто, злая кручинушка—II. Прозрачныхъ облаковъ словесное движеніе (январь, 157).—Драконъ. Рассказъ XII-го вѣка, въ стихахъ (октябрь, 581).—Литературная исповѣдь въ письмѣ къ Де-Губернатису (дек. 87).

Толстой, Ю. В. Англія и ея видъ на Россію въ XVI-мъ вѣкѣ. По новымъ документамъ (августъ, 477).

Трачевскій, А. С. Германія накануне революціи. Историческіе этюды (май, 193; июнь, 595; июль, 78; августъ, 613).

Тургеневъ, И. С. Письмо къ редактору. По поводу смерти графа I. К. Толстого (ноябрь, 433).

Шеломовская, О. Сельцо Малновка. Повѣсть (ноябрь, 173).

Шкляревскій, А. С. Что думалъ о спиритизмѣ? По поводу письма профъ Вагнера (июнь, 906; июль, 409).

Э., А. Жермини Ласерте. Романы Э. и Ж. де-Гонкуръ (октябрь, 427).

Ядрищевъ, Н. Положеніе сильныхъ въ Сибири (ноябрь, 262; дек. 529).

Языковъ, А. И. Предсмертная пѣснь лѣтняго ковунга Рагнара (февраль, 692).—Стихотворенія: I. Бабушка—II. Изъ Гейне.—III. Чешская пѣснь (апрѣль, 613).

Якушинъ, Ив. Холера въ Тамбовѣ въ 1830 году. По рассказамъ очевидцевъ (сентябрь, 204).

Якобъ, Ю. Э. Населеніе Петербурга и его экономическій и социальный составъ по переписи 1869 года (октябрь, 606; ноябрь, 55).

Хроника.

I. Внутреннее Обозрѣніе. Январь: Вопросъ 1874 года 1875 году и послѣдующимъ: Что важнѣе: чѣмъ намъ быть? или: какъ намъ быть? Огульная характеристика современнаго общества и его печати.—„Лѣвыя мнѣнія“ и ихъ европейскіе корни.—Начало всеословности на Западѣ.—Самоуправленіе въ московской и до-московской Руси.—Правильность исторической почвы новѣйшихъ преобразованій.—„Культурный“ слой въ древней и новой Россіи.—Опытъ его самоуправления.—Вопросъ будущаго развитія (371 стр.).—Февраль: По поводу новой финансовой росписи. Десятилѣтіе судебной реформы.—Нынѣшнее ея положеніе.—Уголовная статистика за 1873 годъ.—Улучшеніе въ ея приемахъ.—Особенности въ дѣятельности судовъ.—Вопросъ о преступленіяхъ, ускользающихъ отъ названія.—Отношеніе грамотныхъ.—Слухи въ печати о новыхъ правилахъ относительно высшихъ училищъ.—Прощальный обѣдъ В. О. Коршу (791 стр.).—Мартъ: Бюджетъ на 1875 годъ.—Финансовое хозяйство и печать.—Балансъ нынѣшней росписи.—Отчетъ контроля за 1873 годъ.—Примѣрная роспись на основаніи отчетовъ.—Вопросъ объ ограниченіи сверхсѣмѣтныхъ расходовъ.—Проектъ устава о наймѣ рабочихъ.—Избиеніе адвокаты г. Марковымъ, по избіеніи литераторовъ г-ни Катковымъ и Леонтьевымъ (400 стр.).—Апрѣль: Судебная реформа въ царствѣ польскомъ.—Сессія петербургскаго дворянства.—Всесловная волость.—Дѣло г. Безобразова.—Приговоръ по дѣлу Исаева.—Общество и полиція.—Послѣдній отчетъ Императорской Публичной Библіотеки. (796 стр.).—Май: Преобразованія въ церковномъ управленіи и устройствѣ.—Отношенія церкви и государства.—Отчетъ обер-прокурора св. синода за 1873 годъ.—Древніе польскіе архивы въ Россіи.—Вопросъ о передачѣ польской метрики.—Дѣло Карлова и Казыненко и приговоры присяжныхъ.—Вопросъ о дуэли.—Оговорка о росписи на 1875 годъ (392

стр.).—Іюнь: Всеподданнѣйшій докладъ министра народнаго просвѣщенія о пересмотрѣ университетскаго устава.—Отчетъ десятилѣтія почтоваго управленія.—Почтовое вѣдомство и почтовое дѣло.—Отчетъ рижской городской гимназіи.—Нѣмецкія училища въ Петербургѣ.—Петербургскіе нѣмцы.—Полицейскія правила.—Особый видъ общественной „самодѣятельности“.—Съѣздъ машиностроителей (831 стр.).—Іюль: Десятилѣтіе земскихъ учреждений.—Городовое положеніе въ западныхъ губерніяхъ.—Вопросъ о введеніи земскихъ учреждений въ области войска донскаго.—Историческій взглядъ на военное управленіе областью.—Вопросъ о подвѣдомственности донскаго земства.—Земство уфимское.—Обзоръ дѣятельности рязанскаго земства.—Литературныя диковины (стр. 356).—Августъ: Наше финансовое положеніе.—Пятый выпускъ консолей.—Сравненіе возрастанія расходовъ и доходовъ.—Производительность отдѣльныхъ статей доходовъ.—Отчетъ министерства народнаго просвѣщенія за 1873 г.—Выпускные экзамены въ гимназіяхъ въ 1874 г.—Рѣшеніе вопроса о медико-хирургической академіи.—Полемика объ училищахъ военнаго вѣдомства (стр. 765).—Сентябрь: Вопросъ о желѣзно-дорожномъ строительствѣ.—Новая сѣть желѣзныхъ дорогъ.—Новыя правила о выдачѣ концессій.—Проектъ образованія таганрогской губерніи.—Вопросъ о миусскомъ округѣ.—Разрѣшеніе вольной продажи пороха.—Вопросъ о введеніи Городоваго положенія въ остзейскомъ краѣ.—Юбилей въ петербургской думѣ (стр. 360).—Октябрь: Взглядъ на русскую печать.—Судебная реформа въ Остзейскомъ краѣ.—Обязательность начальнаго обученія въ Петербургѣ.—Средства города.—Положеніе дѣтей на фабрикахъ и заводахъ (стр. 800).—Ноябрь: Вопросъ о вліяніи духовенства на народную нравственность.—Проектъ комисіи объ уменьшеніи разгула въ народѣ.—Роль сельскихъ священниковъ.—Наставленіе преосвященнаго Хрисанова.—Взгляды въ печати на бытъ народа.—Необходимость экономическихъ ре-

формъ, какъ противоясіа вслѣдствіи млініямъ. — Отвѣтъ „досужныхъ“ журналистовъ „недосужнымъ“ (стр. 863). — Декабрь: Вятка прежде, и вятка теперь. — Московскій Ссудный банкъ, и акціонное дѣло въ вилевской губерніи. — Отчетъ Публичной Библіотеки за 1874 г. — Поѣздка министра нар. просвѣщенія на югъ. — Дѣла въ Коканѣ. — Сообщенія „Правит. Вѣстника“ и дѣйствія Англіи въ Египтѣ (стр. 797).

II. Иностранное Обзорѣніе. Январь: Министерскій кризисъ въ Берлинѣ. — Столкновеніе Арнима съ Бисмаркомъ. — Дипломатическія разоблаченія. — Судъ надъ Арнимомъ. — Положеніе дѣлъ во Франціи (408 стр.). — Февраль: Отказъ Гладстона отъ управленія партіей. — Положеніе либеральной партіи въ парламентѣ. — Современные ея эмигранты. — Маркизъ Гартингтонъ. — Гладстонъ — публицистъ. — Новый переворотъ въ Испаніи. — Несостоятельность всѣхъ партій. — Необходимость воцаренія Альфонса (819 стр.). — Мартъ: Дешета англійскаго правительства объ опредѣленіи законовъ войны. — Два парламентскихъ избранія. — Слухи объ удаленіи германскаго канцлера. — Стастистика политической репрессіи Германіи. — Сессія французскаго собранія. — Конституціонные законы. — Соглашеніе центровъ. — Установленіе республики. (423 стр.). — Апрель: Программа министерства Бюффе. — Закрытіе сессіи національнаго собранія. — Докладъ Савари. — Прокламація Кабреры. — Его прошлое и его отношеніе къ донъ-Карлосу. — Ходъ военныхъ дѣйствій (818 стр.). — Сентябрь: Возстаніе въ Герцеговинѣ и восточный вопросъ. — Измѣненіе въ условіяхъ этого вопроса. — Положеніе дѣлъ въ 1862 году. — Султанъ Абдулъ-Азисъ и администрація. — Турецкіе финансы. — Положеніе райевъ. — Сербія и Черногорія. — Отношенія между державами.

III. Корреспонденціи. — I. Берлинъ: Общественныя замѣтки (февраль 834 стр.). — Обзоръ сессіи прусскаго ландтага (апр. 832 стр.). — Политическія тревоги (іюнь

856 стр.). — Финансовыя затрудненія и оппозиція. — Выборы въ Баваріи (август, 792 стр.). — Профессора и университеты въ Австріи и Германіи (окт. 837 стр.). — Политическое и экономическое возмѣненіе Германіи названуѣ новой сессіи рейхстага (дек. 827) — II. Лондонъ: Выѣзды полѣтика Англіи и средне-азиатскій вопросъ (фев. 855 стр.). — Англія на югѣ (май, 418 стр.). — Рабочій классъ и англійское законодательство (авг. 806 стр.). — Армія и флотъ въ Англіи (ноябрь, 866 стр.). —

IV. Библиографическій Листокъ. Январь: Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, т. XIII. — Исторія воссоединенія Руси. П. А. Кулиша, т. I. — Міровоззраніе шамудстовъ, въ выдержкахъ изъ главнѣйшихъ книгъ равниннаго письменности. Состав. по подлин. С. I. Филомъ и X. J. Камеленбогеномъ; пер. Л. О. Левади, с прирѣч. Л. О. Гордона, т. I. — Отвѣтственность при душевныхъ болѣзняхъ. Г. Мудсли. Переводъ съ англ., съ доп. Д. А. Чечотта. — Вопросъ о жизни и дѣлѣ Дж. Г. Льюиса. Перев. съ англ. — Жизнь европейскихъ народовъ. Географическіе рассказы, т. I. Жители юга. Е. Н. Водозовой, съ 25 рис. В. М. Васнецова. — Февраль: Замѣтки о русской адвокатурѣ, 1866—1874 г.г. К. К. Арсеньева. — Вопросъ о незаконнорожденныхъ. — Сол. А. И. — Монголія и страна Тамгутовъ. Трехлѣтнее путешествіе въ восточной горной Азіи. Н. Пржевальскаго, т. I. — Природа и жизнь. Научно-литературный сборникъ, для дѣтей старшаго возраста съ 38 политик., изд. М. Малышевой и А. Пѣловой. — Для народнаго чтенія. Изданіи московскаго комитета грамотности. Шестъ выпусковъ. — Полное собраніе сочиненій Гофмана, перев. и изд. п. р. Н. В. Гербеля и А. Л. Соколовскаго. — Мартъ: Василій Андреевичъ Жуковскій. Русская Библіотека, томъ IV. — Начала русскаго государственнаго права. А. Градовскаго, пр. Слб. Унив., т. I. О государственномъ устройствѣ. — Руководство къ изученію

сценическаго искусства, въ 2-тъ частяхъ. Состав. Н. Свѣдцовъ, преподав. сценич. искусства въ имп. театр. училищѣ. — Устройство и управленіе городовъ Россіи, т. I. Введеніе: города Россіи въ XVIII столѣтіи. И. Дяткина. — Астрономическій атласъ Брунса, профес. унв. и дирек. Лейпциг. Обсерваторіи. Второе изданіе. Перев. Е. А. Сисоевой, подъ ред. Р. Н. Гринина. Съ 12 таблицами. — Русскій работъ и сѣверо-американскаго плантатора. Воспоминанія, очерки и замѣтки. А. С. Курбскаго. — Исторія маленькой дѣвочки. Сочиненіе Е. А. С-вой. — Апрель: Путешествіе въ Туркестанъ. А. П. Федченко. т. I, ч. II. Въ Коканскомъ ханствѣ. Тетр. I-ая. Съ портретомъ, 3-ми картами, олеографіей, 4-ми литографіями и 9-ю политик. — Германская конституція. Ч. I. Историческій очеркъ германскихъ современныхъ учрежденій въ XIX вѣкѣ. А. Градовскаго. — Соловкн. Воспоминанія и рассказы изъ поѣздки съ богомольцами. В. И. Немировича-Данченко. — Априорная философія или положительная наука? По поводу диссертациі г. В. Соловьева. К. Кавелина. — Рѣчи, по-русски произнесенныя въ еврейскомъ молитвенномъ домѣ, въ Москвѣ, раввиномъ Э. Минворомъ. Вып. I. — Май: Александръ Сергѣевичъ Грибоедовъ. Русская Библиотека, томъ V. Портретъ, біографія, изъ критики Бѣлинскаго и Пушкина. — Англійскіе поэты въ біографіяхъ и образцахъ. Состав. Ник. Вас. Гербель. — Записки Имп. Рус. Геогр. Общества. По общей географіи, т. V. — Ученіе о слуховыхъ ощущеніяхъ, какъ физиологическая основа для теоріи музыки. Г. Гельмгольца. Перев. съ 3-го нѣм. изд. М. Пѣтухова. — Отдыхъ. Два рассказа для дѣтей. Е. Васильевской. — Июнь: Собраніе трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россією съ иностранными державами. Состав. Ф. Мартенсъ, проф. Спб. Универ., т. II. — Семнадцать первыхъ лѣтъ жизни императора Петра Великаго. Соч. М. П. Погодина. — Полное собраніе сочиненій Шиллера въ переводѣ русскихъ писателей, издан. п. р. Н. В. Гербеля, т. I. Изд. 5-ое. — Опытъ исторіи

мисли. Томъ первый, выпускъ 1-ый. — Путеводитель по Европѣ, томъ IV: Сѣверная Италия и Флоренція; томъ V: Римъ и южная Италия. Якубовича. — Июль: Сельско-хозяйственное дѣло Европы и Америки на вѣнской всемирной выставкѣ 1878 года и въ эпоху ея. А. Ермолова. — Новая азбука графа Л. Н. Толстого. — Изъ 25-лѣтней практики сельскаго учителя. — Воспоминанія, очерки и замѣтки Е. Стрѣльцова. Ч. I. Сельская школа, 1849—1864. — Барчуки. Картины прошлаго. Евгения Маркова. — Августъ: Новая русская литература (отъ Петра до настоящаго времени). Учебникъ для мужскихъ и женскихъ институтовъ, гимназій и учительскихъ семинарій. Составилъ П. В. Евстафьевъ. — Общинное земледѣніе. А. Посникова. Выпускъ I. — Пожарная книга. Постановленія закона о предосторожностяхъ отъ огня и руководство къ тушенію всякаго рода пожаровъ. Составилъ А. Н—въ. Въ текстѣ политическіе рисунки. — Сентябрь: Сборникъ Государственныхъ знаній, подъ редакціей В. П. Безобразова, т. II. — Историческая хрестоматія. Учебное пособіе для учащихся и преподавателей. Курсъ новой исторіи. Составлена А. Овсянниковымъ. Т. I. — У океана. Жизнь на крайнемъ сѣверѣ. В. И. Немировича-Данченко. — Октябрь: Россія и Англія. Первые сорокъ лѣтъ сношеній между Россією и Англією. 1558—1593 г. Грамоты, собранныя, переписанныя и изданныя Юріемъ Толстымъ. — Очерки исторіи и догматики международнаго права. Орд. пр. А. Н. Стоянова. Харьковъ. 1875 г. — Людвигъ Экардтъ. Руководство къ чтенію поэтическихъ сочиненій, съ приложеніемъ призматаній и краткаго учебника теоріи поэзіи. Для мужскихъ и женскихъ учебныхъ заведеній перевели и составили приложенія Н. Максимовъ и В. Островскій. — Женское специальное образованіе въ Петербургѣ. Состав. М. Л. Златковскій. — Сцены изъ бѣганской жизни (Scènes de la vie de bohème). Г. Мюрже. Переводъ съ французскаго. — Очеркъ исторіи русскаго дворянства отъ половины IX до

конца XVIII вѣка. Сочиненіе И. А. По-
рай-Копица. — Ноябрь: Архивъ Государ-
ственнаго совета. Т. I. V, ч. 1-ая и 2-ая. —
Дача на Рейнѣ. Романъ въ пяти частяхъ.
Б. Ауэрбаха. Съ предисловіемъ И. С.
Тургенева. Перев. съ нѣм. Три тома. —
Курсъ гражданскаго судопроизводства.
Соч. Крон. Малшова. Т. II. — Герцого-
вина въ историческомъ, географическомъ
и экономическомъ отношеніяхъ. — Солдат-
ское житье. Очерки изъ туркестанской
жизни. Д. Иванова. — Декабрь: Сбор-
никъ Рус. Ист. Общества. Т. XIV. —
Исторія Россіи, С. Соломьва. Т. XXV.
— Шиллеръ и его время. Соч. I. Шерра.
— Обязательственное право. Ф. К. Са-
вилья, пер. Фулсъ и Мандро. — Эпизодъ
пруссско-франц. войны. Э. Ватсона. — Руво-
водство къ геологіи. Германа Креднера.
Т. I. — Статистика русскихъ банковъ. Ч.
II. И. И. Кауфмана.

V. Мавѣстія. Общество для пособия
нуждающимся литераторамъ и ученикамъ
(январь, 426; февраль, 874; мартъ, 480;
апрѣль, 876; июнь, 919; июль, 419; августъ,
858; октябрь, 888; декабрь, 882). — Отчетъ
о дѣятельности комитета общества вспомо-
жествованія студентамъ с.-петербур-
гскаго университета (январь, 426). —
Отъ редакціи (февраль, 876.). — Отчетъ
Комитета общества для пособия лицамъ
женскаго пола, обучающимся на курсахъ
ученикъ акушеровъ при медико-хирурги-
ческой академіи и въ Педагогическихъ
курсахъ (июнь, 919.). — Высшіе женскіе
курсы въ Москвѣ (июнь, 919). — Коми-
тетъ общества земледѣльческихъ веломіи
(июнь, 919). — II. Отчетъ Совета Обще-
ства распространенія грамотности въ
нижегородской губерніи, за 1874—75
годъ (дек. 888).

СОДЕРЖАНІЕ ШЕСТОГО ТОМА

ДЕСЯТЫЙ ГОДЪ

НОЯБРЬ—ДЕКАБРЬ, 1875.

Книга одиннадцатая.—Ноябрь.

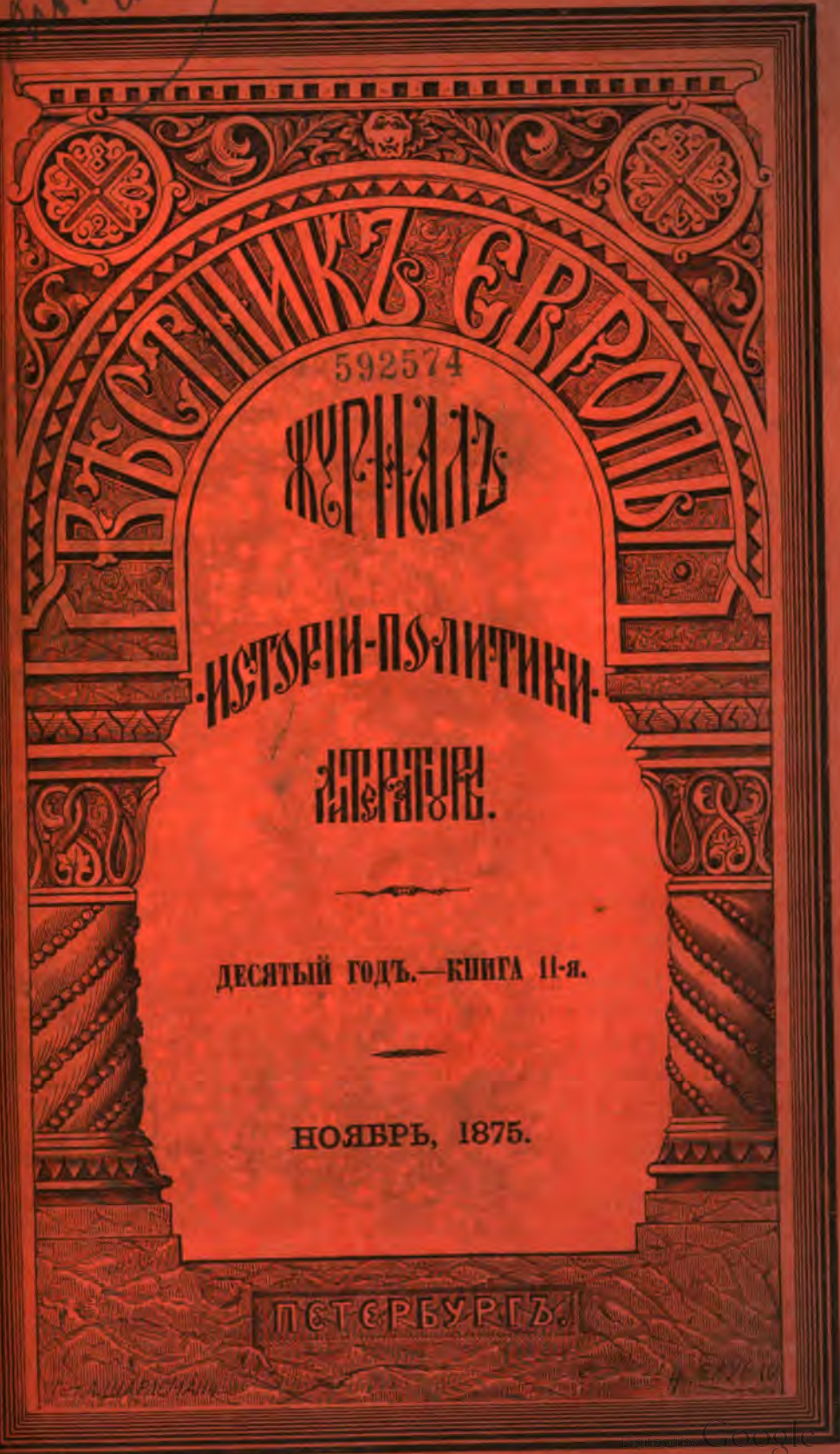
	СТР.
Воспоминанія изъ путешествія въ Сербію, въ 1867 г.—I-II.—П. А. РОВИНСКАГО.	5
Богатырская жена.—Былна.—И. З. СУРИКОВА	36
Населеніе Петербурга и его экономическій и социальный составъ, по переписи 1869 года.—III-IV.—Обозначеніе.—Ю. Э. ЯНСОНА	55
Дора Лей.—Баллада Клементъ Брентано.—ДТЬ	95
Древній періодъ русской литературы и образованности.—Сравнительно-историческіе очерки.—I. Пльмя, народность.—А. Н. ПЫПИНА	99
Туркестанъ и туркестанцы.—II.—Обозначеніе.—М. А. ТЕРЕНТЬЕВА	142
Сельцо Малюновка.—Повѣсть.—О. ШЕЛЕНШОВСКОЙ	173
Пьеръ-Жозефъ Прудонъ въ изысканіяхъ.—Congresso d'ance de P.-J. Proudhon.—Статья четвертая.—I-III.—Д—ЕВА	221
Современный романъ въ Англіи.—Литературные очерки.—Л. А. ПОЛОНСКАГО.	245
Положеніе сосѣднихъ въ Сивирѣ.—I-III.—Н. ЯДРИНЦЕВА	282
Хропка.—Смоленской зимовья.—По поводу вопроса объ упадкѣ благосостоянія смоленской губерніи.—И. Н. ДАВЫДОВА	318
Внутреннее Овозраженіе.—Вопросъ о вліяніи духовенства на народную нравственность.—Проектъ комиссіи объ уменьшеніи разгула въ народѣ.—Роль сельскихъ священниковъ.—Наставленіе преосвященнаго Хрисанеа.—Взгляды въ печати на бытъ народа.—Необходимость экономическихъ реформъ, какъ противоязія всякимъ вліяніямъ.—Отвѣтъ „досужихъ“ журналистовъ „недосужихъ“	363
Корреспонденція изъ Лондона.—Армія и флотъ въ Англіи.—R.	386
Парижскія письма.—VIII.—Фловъръ и его сочиненія.—ЭМ. ЗОЛА	401
Литературная замѣтка.—Материалы для русскаго общаго права.—Общное право, Е. Якушкина.—А. Н.	429
Письмо къ редактору.—По поводу смерти графа А. К. Толстого.—И. С. ТУРГЕНЕВА	438
Некрологъ.—Гр. Александръ Константиновичъ Толстой.—М. С.	435
Визвографическій Листокъ.	

Книга двѣнадцатая.—Декабрь.

- Ученныя варыны.—Комедія Мольера, въ пяти дѣйствіяхъ.—Д. Д. МИНАЕВА.
 Положеніе осыльныхъ въ Сибири.—IV-V.—Окончаніе.—Н. М. ЯРИНЦЕВА.
 Графъ А. К. Толстой, какъ лирическій поэтъ.—О. Э. МИЛЛЕРА.
 Пьерръ-Жозефъ Прудонъ въ письмахъ.—Correspondance de P.-J. Proudhon.—
 Статья четвертая.—IV-VI.—Окончаніе.—Д.—ЕВЪ.
 Изъ „Лазаря“ Гейне.—I-X.—Пер. А. М.
 Движеніе умовъ въ римской имперіи при Флавіяхъ, Траянѣ и Адрианѣ.—98—
 188 гг.—А. Haugath Neutestamentliche Zeitgeschichte, Dritter Theil.—
 К. К. АРСЕНЬЕВА.
 Древній періодъ русской литературы и образованности.—Сравнительно-истори-
 ческіе очерки.—II.—Византийки.—А. Н. ЦЫПИНА
 Воспоминанія изъ путешествія по Сербіи, въ 1867 году.—III.—П. А. РОВИН-
 СКАГО
 Какъ мы живемъ нынче.—Очерки изъ романа А. Тролопона.—Л. А-ВЪ.
 По селамъ и захолустьямъ.—VIII.—Чтець, павецъ и священносець.—Дере-
 венскіе рассказы.—О. ЗАБЫТАГО
 Хроника.—Внутреннее Овозрѣніе.—Взятая прежде и взята теперь.—Москов-
 скій Судный банкъ и акцизное дѣло въ виденской губерніи.—Отчетъ
 Публичной бібліотеки за 1874 г.—Повѣдка министра народнаго просвѣ-
 щенія на югъ.—Дѣла въ Кованѣ.—Сообщенія „Правительственнаго Вѣст-
 ника“, и дѣйствія Англіи въ Египтѣ.—Кончина В. К. Чевкина
 Корреспонденція изъ Берлина.—Политическое и экономическое положеніе
 Германіи наканунѣ новой сессіи Рейхстага.—К.
 Парижскія письма.—IX.—Драматическая сцена во Франціи.—ЭМ. ЗОЛА
 Библиографическая замѣтка.—Новый сводъ русскихъ виллинь.—Книга о
 кievскихъ богатиряхъ, В. П. Авенаріуса.—А. К.
 Литературная исповѣдь графа А. Б. Толстого, въ письмѣ къ проф. Де-Губерна-
 тису во Флоренціи.
 Известія.—I. Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ.—
 II. Отчетъ совѣта Общества распространенія грамотности въ нижегород-
 ской губерніи, за 1874—75 г.
 Материалы журнальной статистики.—„Вѣстникъ Европы“ въ 1875 году
 Алфавитный указатель авторовъ и статей, помещенныхъ въ „Вѣстникъ Европы“
 за 1875 годъ
 Библиографическій Листокъ.

КОНЕЦЪ ДЕСЯТАГО ГОДА.

Вост. европ.

592574

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ-ПОЛИТИКИ.

ЛЮБОВЬ.

ДЕСЯТЫЙ ГОДЪ.—КНИГА II-я.

НОЯВРЬ, 1875.

ПЕТЕРБУРГЪ.

КНИГА 11-я. — НОЯБРЬ, 1875.

- I.—ВОСПОМИНАНИЯ ИЗЪ ПУТЕШЕСТВІЯ ПО СЕРБІИ, въ 1867 году.—I-II.—
Н. А. Ровникова
- II.—БОГАТЫРСКАЯ ЖЕНА.—Былина.—И. З. Сурикова
- III.—НАСЕЛЕНІЕ ПЕТЕРБУРГА и его экономическій и социальный составъ, по
переписи 1869 года.—III-IV.—Окончаніе.—Ю. Э. Яснова
- IV.—ЛОРА ЛЕЙ.—Баллада Климента Брентаво.——Дтѣ
- V.—ДРЕВНІЙ ПЕРІОДЪ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ и ОБРАЗОВАННОСТИ.—
Сравнительно-историческіе очерки.—I. Племя, народность.—А. В. Пыльин
- VI.—ТУРКЕСТАНЪ И ТУРКЕСТАНЦЫ.—III.—Окончаніе.—М. А. Терентьева
- VII.—СЕЛЬЦО МАЛИНОВКА.—Повесть.—Ф. Шелешовскій
- VIII.—ПЬЕРРЪ-ЖОЗЕФЪ ПРУДОНЪ ВЪ ПИСЬМАХЪ.—Согласно произвѣс de P. J.
Proudhon.—Статья четвертая.—I-III.—Д—ева
- IX.—СОВРЕМЕННЫЙ РОМАНЪ ВЪ АНГЛІИ.—Литературные очерки.—Д. А. Во
лонскаго
- X.—ПОЛОЖЕНІЕ ССЫЛЬНЫХЪ ВЪ СИБИРИ.—I-III.—В. Ядрищева
- XI.—ХРОНИКА.—СМОЛЕНСКОЕ ЗЕМСТВО.—По поводу вопроса объ умаленіи без
госостоянія смоленской губерніи.—И. П. Давыдова
- XII.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Вопросъ о вліяніи духовенства на народную
правдивость. — Проектъ комиссіи объ уменьшеніи разгула въ изреченіи.—
Роль сельскихъ священниковъ. — Наставленіе преосвященнаго Хрисанія. —
Взгляды въ печати на бытъ народа.—Необходимость экономическихъ реформъ,
какъ противоясія вслѣдствію вліяній.—Откликъ „досушки“ журналистовъ „де
досушки“
- XIII.—КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ ЛОНДОНА.—Армія и флотъ въ Англіи.—В.
- XIV.—ПАРИЖСКІЯ ПИСЬМА.—VIII.—Фловеръ и его сочиненія.—Эм. Зола
- XV.—ЛИТЕРАТУРНАЯ ЗАМѢТКА.—МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ РУССКАГО ОБЫЧНАГО
ПРАВА.—Обычное право, Е. Якушкина.—А. Н.
- XVI.—ПИСЬМО КЪ РЕДАКТОРУ.—По поводу смерти графа А. К. Толстого.—И. С.
Тургенева
- XVII.—НЕКРОЛОГЪ.—Гр. Алексѣй Константиновичъ Толстой.—И. С.
- XVIII.—БИВЛОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОВЪ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ и ПРИЛОЖЕНІЯ см. ниже: I—XIV стр.

Объявленіе объ изданіи журнала „Вѣстникъ Европы“ въ 1876 г., см. ниже.

Объявленіе о пяти первыхъ книгахъ «Русской Библиотеки»: избранныя со
чиненія А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя, В. А. Жуковскаго и А. С. Грибоедова—см. въ отдѣлѣ объявленій, стр. XIV.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Архивъ Государственнаго Совѣта. Т. IV, ч. 1-я и 2-я. Спб. 1875. Стр. 588 и 1030.

Это изданіе, въ высшей степени важное для нашей государственной исторіи, началось еще въ 1869 г., когда былъ отпечатанъ первый томъ „Архива“, обнявшій собою все царствованіе Екатерины II въ двухъ отдѣленіяхъ: 1) историческое—касается военныхъ дѣйствій, дипломатическихъ сношеній и важнѣйшихъ внутреннихъ собитій; 2) юридическое—посвящено движению законодательства, суду и управленію. Настоящій томъ состоитъ также изъ двухъ частей, обнявъ собою послѣднія пятнадцать лѣтъ царствованія Александра I-го, а именно отъ 1810 г., когда Государственный совѣтъ собственно образованъ въ нынѣшнемъ его значеніи, и до 19-го января 1825 г. Въ интересахъ науки нельзя не рѣшиться изданію, которое распространитъ гласность, хотя бы историческую, на дѣятельность такого важнаго органа нашей государственной жизни. Подобный починъ дѣлаетъ собственную честь нашему времени; отъ быстроты успѣховъ дальнѣйшихъ работъ будетъ зависеть обогащеніе этой гласности къ новѣйшему времени и къ пролѣтатію свѣта на дѣятельность высшаго органа нашихъ государственныхъ людей, такъ какъ предполагалось послѣдующіе томы посвятить правленію императора Николая I-го и импѣрующему Государю Императору. Вся первая часть тома IV-го занята главнѣйшею задачею реорганизованнаго въ 1810 г. Государственнаго свѣта, а именно, рассмотрѣніемъ проектовъ уложеній гражданскаго, уголовного и торговаго; во второй мы находимъ составленіе, рассмотрѣніе и утвержденіе уставовъ по разнымъ частямъ законодательства. Въ концѣ приложены алфавиты: меншой, мѣстной и предметной; вообще, это изданіе, редактируемое Н. В. Калачовымъ, можно считать образцовымъ, по ясности распределенія частей и строго выдержанной системѣ.

Ада на Рейнѣ. Романъ въ пяти частяхъ, *Б. Ауэрбаха*. Съ предисловіемъ Н. С. Тургенева. Перев. съ нѣм. Три тома: стр. 509, 443 и 415. Спб. 1876. Ц. 6 руб.

Наши читатели были знакомы съ содержаниемъ этого романа, напечатаннаго въ журналахъ 368 и 69 гг., когда вышелъ и подлинникъ. Это—слѣдствіе введеніе знаменитаго романиста, французскаго или названнаго франко-прусской войной, потому его можно назвать также послѣднимъ, писаннымъ имъ съ полною свободой творческаго воображенія отъ востороннихъ искусствъ и вѣкъ и времени минутъ яля. Однимъ словомъ, и въ этомъ романѣ Ауэрбахъ явился еще такимъ, какиъ о охарактеризовалъ въ предисловіи къ началу романа Н. С. Тургеневъ. Послѣ радикальнѣйшей перемены въ жить-бытьѣ нѣмецкаго общества, послѣдовавшаго за войной, романъ пріобрѣтаетъ новый интересъ, какъ вѣрный слѣпокъ, слѣдующій дѣйствительно мастерской рукой. Романъ замѣчательнъ и во широтѣ плана: дѣйствіе не сводится на обихъ полушаріяхъ; и по разобранію задачъ: темою романа служатъ вопросы историческіе, философскіе, педагогическіе, социальніе, а потому содержаніе его отвѣчаетъ самымъ разнообразнымъ интересамъ, и въ томъ интересамъ, которые никогда не утрачиваютъ своей силы и своего обаянія.

Курсы гражданскаго судопроизводства. Соч. *Крон. Малышева*, доц. спб. унив. Т. II. Спб. 1875. Стр. 355. Ц. 2 р. 25 к.

Съ небольшимъ годъ тому назадъ мы указывали на появленіе перваго тома этого труда, а при второмъ находимъ уже объявленіе о скоромъ выходѣ втораго изданія перваго тома. Такой успѣхъ въ обществѣ подтверждаетъ одобрительные отзывы критики, которыми было встречено появленіе начала труда г. Малышева. Въ составѣ втораго тома вошло ученіе о заочномъ рѣшеніи, о отзывѣ и о прозводствѣ во всѣхъ инстанціяхъ. Этимъ авторъ закончилъ систему судопроизводства, такъ-называемаго, ординарнаго процесса, отложивъ особия его формы до слѣдующей книги. Задача автора въ настоящемъ томѣ состоитъ въ томъ, чтобы содѣйствовать къ созданію „практической теоріи“ процесса и къ постепенному укрѣпленію и развитію ея на реальной почвѣ, такъ какъ „судебное право не замкнуто въ книгахъ закона, какъ въ мертвой, неподвижной формѣ, и не оканчивается за предѣлами его буквы; оно живетъ и дѣйствуетъ въ быту народа, растетъ и совершенствуется по мѣрѣ развитія юридическаго сознанія и культуры народа“,—съ тѣмъ нельзя не согласиться.

Герцеговина въ историческомъ, географическомъ и экономическомъ отношеніяхъ. Спб. 1875. Стр. 60. Ц. 75 к. съ перес.

Настоящая брошюра, вызванная обстоятельствомъ времени, не утратившимъ своего значенія и до настоящей минуты, имѣетъ въ виду послужить обществу распространеніемъ болѣе подробныхъ свѣдѣній о краѣ, сосредоточивающемъ на себѣ вниманіе всей Европы. Читатели найдутъ здѣсь, сверхъ историческаго очерка, бытовую картину положенія населенія, которую можно считать мнѣрковомъ общаго положенія всего христіанскаго населенія Турціи. Довольно сказать, что въ Герцеговинѣ поселеніи изъ 120 рублей дохода издерживаетъ на правительственный механизмъ, въ видѣ всѣхъ платежей и налоговъ, 85 руб., и имѣетъ затѣмъ 35 руб. на годовое содержаніе. Такое отношеніе къ податной силѣ подрываетъ прежде всего самое существованіе оттоманской порты въ ближайшемъ будущемъ. Приложенная къ брошюрѣ карта даетъ удобство слѣдить за всѣми перипетіями возстанія.

Солдатское житье. Очерки изъ туркестанской жизни. *Д. Иванова*. Спб. 1875. Стр. 110. Ц. 2 р.

Солдатское житье, сдѣлавшись общою участію, должно теперь занимать cadaго. Авторъ, имѣя въ виду такую потребность минуты, началъ на счастливую мысль, въ формѣ разсказовъ и картинъ, познакомиться съ бытомъ нашего солдата, и избралъ для того пережитое и видѣнное имъ самимъ во время стоянокъ и походовъ въ Туркестанѣ. Расплѣтанные прежде по страницамъ „Военнаго Сборника“, эти очерки являютъ теперь дополненными и исправленными. Особенную цѣну этимъ очеркамъ и ихъ общее значеніе, независимо отъ мѣстности, къ которой они привазили, составляетъ именно то, что авторъ болѣе всего обратилъ вниманіе на домашнюю жизнь солдата и на сторону умственнаго и нравственнаго его развитія наканунѣ реформы воинской повинности.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“

въ С.-Петербургѣ, Вас. Остр., 2 л., 7.

ОТДѢЛЕНІЕ ГЛАВНОЙ КОНТОРЫ

въ Москвѣ: Книжный магазинъ Н. И. Мамонтова (А. И. Глазунова),
на Кузнецкомъ-Мосту.

На 1876-й годъ:

Подписная цѣна на годовой экземпляръ журнала, 12-тъ выходящихъ

Городскіе

въ С.-Петербургѣ: { 15 р. 50 коп. безъ доставки.
16 р. — „ съ доставкою на домъ.

Иногородные:

1) въ Москвѣ: { 16 р. — „ безъ доставки.
17 р. — „ съ доставкою на домъ.

2) въ губерніи: 17 р. — „ съ пересылкою.

Иностранные:

19 р. — вся Европа (кроме Франціи), Египетъ и Сѣв.-Ам. Штаты; 21 р. — Франція; 24 р. — Азія; 25 р. — острова Америки.

Примечаніе. Подписывающіеся въ восточномъ Отдѣленіи Главной Конторы, въ книжномъ магазинѣ Н. И. Мамонтова (бывш. А. И. Глазунова), на Кузнецкомъ-Мосту, могутъ получить при подпискѣ тамъ же всѣ прежде вышедшіе номера журнала.

Книжные магазины пользуются при подпискѣ обычною уступкою.

Отъ редакціи. Редація отблагодаритъ за точную и своевременную доставку журнала городскими подписчиками Главной Конторы, а также и въ иногородныхъ и иностранныхъ, которые выслали подписную сумму по имени въ Редацію „Вѣстникъ Европы“, въ Спб., Галерная, 20, съ обозначеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, отд. (NB) допущена выдѣлка курьеромъ.

О перемѣнѣ адреса проситъ извѣщать своевременно и съ сохраненіемъ прежняго мѣстоожительства; при перемѣнѣ адреса и въ городскіе въ иностранныхъ уплачивается 1 р. 50 к.; въ иногородныхъ въ городскіе—50 к.; въ иногородныхъ въ иностранныхъ въ иностранное—недостававшая до вышеуказанныхъ цифръ по государственному.

Жалобы выставляются исключительно въ Редацію, если послѣдняя была сообщена въ вышеуказанныхъ мѣстахъ, и, согласно объявленію отъ Почтоваго департамента, только по полученіи слѣдующаго номера журнала.

Билеты на полученіе журнала выставляются особо тѣмъ въ иностранныхъ, которые прилагаютъ къ подпискѣ суммъ 15 коп. почтовымъ марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА
Спб., Галерная, 20. Вас. Остр. 2 л., 7.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:
Вас. Остр. Авадем. пер., 9.

592574

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ-ПОЛИТИКИ.

ЛЮБИМЦЕВЪ.

ДЕСЯТЫЙ ГОДЪ. — КНИГА 12-я.

ДЕКАБРЬ, 1875.

ПЕТЕРБУРГЪ.

КНИГА 12-я. — ДЕКАБРЬ, 1875.

	Стр.
I.—УЧЕНЫЯ БАРЫНИ.—Комедія Мольера въ пяти дѣйствіяхъ.—Д. Д. Минаева.	641
II.—ПОЛОЖЕНІЕ ССЫЛЬНЫХЪ ВЪ СИБИРИ.—IV-V.—Окончаніе.—И. М. Ядри- цева.	649
III.—ГРАФЪ А. К. ТОЛСТОЙ, какъ лирическій поэтъ.—Ф. Ф. Миллера.	657
IV.—ПЬЕРРЪ-ЖОЗЕФЪ ПРУДОНЪ ВЪ ПИСЬМАХЪ.—Correspondance de P.-J. Proudhon.—Статья четвертая.—IV-VI.—Окончаніе.—Дева	673
V.—ИЗЪ „ЛАЗАРЯ“ ГЕЙНЕ.—I-X.—Пер. А. М.	691
VI.—ДВИЖЕНІЕ УМОВЪ ВЪ РИМСКОЙ ИМПЕРІИ ПРИ ФЛАВИЯХЪ, Траянѣ и Адрианѣ.—98—138 гг.—A. Hausrath, Neutestamentliche Zeitgeschichte. Drit- ter Theil.—К. К. Арсеньева	699
VII.—ДРЕВНИЙ ПЕРІОДЪ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ОБРАЗОВАННОСТИ.— Сравнительно-историческіе очерки.—II.—В заглѣдѣ.—А. П. Пыпина	655
VIII.—ВОСПОМИНАНІЯ ИЗЪ ПУТЕШЕСТВІЯ ПО СЕРБИИ, въ 1867 году.—III.— П. А. Ровникова	69
IX.—КАКЪ МЫ ЖИВЕМЪ ВЫНЧЕ.—Очерки изъ романа А. Троллопа.—Л. А. Къ. X.—ПО СЕЛАМЪ И ЗАХОЛУСТЬЯМЪ.—VIII.—Чтець, певецъ и священ- сецъ.—Деревенскіе рассказы.—Ф. Забытаго.	75
XI.—ХРОНИКА.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Взятка прежде и взятка теперь.— Московскій судный банкъ и акцизное дѣло въ вилънской губерніи.—Отчетъ Публичной библіотеки за 1874 г.—Поѣздка министра народнаго просвѣщенія на югъ.—Дѣла въ Коканѣ.—Сообщенія „Правительственнаго Вѣстника“, и дѣйствія Англіи въ Египтѣ.—Кончина В. К. Чевкина.	76
XII.—КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ БЕРЛИНА.—Политическое и экономическое положеніе Германіи наканунѣ новой сессіи Рейхстага.—К.	82
XIII.—ПARIЖСКІЯ ПИСЬМА.—IX.—Драматическая сцена во Франціи.—Эм. Зола.	86
XIV.—БИБЛОГРАФИЧЕСКАЯ ЗАМѢТКА.—Новый сводъ русскихъ выданныхъ.— Книга о кievскихъ богатыряхъ, В. П. Авенаріуса.—А. П.	87
XV.—ЛИТЕРАТУРНАЯ ИСПОВѢДЬ ГРАФА А. К. ТОЛСТОГО, въ письмѣ къ проф. Де-Губернатису во Флоренціи	87
XVI.—ИЗВѢСТІЯ.—I. Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ.— II. Отчетъ совѣта Общества распространенія грамотности въ нижегородской губерніи, за 1874—75 г.	88
XVII.—МАТЕРИАЛЫ ЖУРНАЛЬНОЙ СТАТИСТИКИ.—„Вѣстникъ Европы“ въ 1875 г.	89
XVIII.—АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ авторовъ и статей, помѣщенныхъ въ „Вѣстникъ Европы“ за 1875 годъ	90
XIX.—БИБЛОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.	

ОБЪЯВЛЕНІЯ см. ниже: I—XXII стр.

Объявленіе объ изданіи журнала „Вѣстникъ Европы“ въ 1876 г. см. ниже.

ОТЪ РЕДАКЦІИ. Въ редакціи получены: рассказъ Ив. С. Тургенева
и повѣсть Ал. Ан. Потѣхина, и приготовлены къ печати переводъ
изданнаго романа Эм. Зола: «Его Превосходительства, Эжель Рутцова».

№ 7-й КАТАЛОГА

КНИЖНАГО СКЛАДА и МАГАЗИНА

ТИПОГРАФИИ М. СТАСЮЛЕВИЧА.

С.-Петербургъ, Вас. Остр., 2-я л., 7.

Книжный складъ и магазинъ типографіи М. Стасюлевича принимаетъ на себя комиссію по постороннимъ изданіямъ, подписку на воѣ періодическія изданія и высылку книгъ иногороднымъ *).

ФИЛОСОФІЯ—ПСИХОЛОГІЯ—АНТРОПОЛОГІЯ.

Вопросы о жизни и духѣ. Дж. Г. Льюиса. Перев. съ англ. Т. I. Спб. 1875. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

Наслѣдственность таланта, ея законы и послѣдствія. Френсисъ Гальтонъ. Перев. съ англ. Спб. 1875. Ц. 2 р., вѣс. 2 ф.

Опытъ истеріи мысли. Т. I, выпускъ I. Спб. 1875. Ц. 1 р. 25 к., вѣс. 1 ф.

Отвѣтственность при душевныхъ болѣзняхъ. Маудсли. Пер. съ англ. Спб. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

Психологическія этюды. И. Сѣченова. Ц. 1 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

Подчиненность женщины. Соч. Джона Стюарта Милля, съ предисловіемъ М. Цебриковой. Ц. 1 р., вѣс. 2 ф.

Размышленія о представительномъ правленіи. Джона Стюарта Милля. Ц. 1 р. 20 к., вѣс. 2 ф.

Разсужденія и изслѣдованія Дж. Стюарта Милля. 2 ч. Ц. 2 р. 25 к., вѣс. 2 ф.

Спиритизмъ. Миръ духовъ или жизнь послѣ смерти. Соч. Одуаръ. Спб. 1875 г. Ц. 1 р. 50 к., вѣс. 1 ф.

СЛОВЕСНОСТЬ—КУЛЬТУРА.

Алексій Слободинъ. Семейная исторія, въ пяти частяхъ. П. Альминскаго. Стр. 457. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

Англійскіе поэты, въ біографіяхъ и образцахъ. Сост. Н. В. Гербель. Спб. 1875. Стр. 448 въ два столбца. Ц. 2 р. 50 к.; вѣс. 3 ф.

Барчукъ. Картины прошлаго. Евгенія Маркова. Спб. 1875 г. Ц. 1 р. 75 к.

Безземельный свидѣтель. Романъ Эдмунда Ятса. Спб. 1875 г. Ц. 1 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

Валли Орлица. Разсказъ изъ жизни въ Тирольскихъ Альпахъ. Вильгельмин фонъ-Гиллернъ. Спб. 1875 г. Ц. 1 р. 25 к., вѣс. 1 ф.

Въ глухую ночь. Романъ неизвѣстнаго автора. Спб. 1875 г. Ц. 1 р. 75 к., вѣс. 3 ф.

Въ ея власти. Романъ Джамса Пейна. Спб. 1875 г. Ц. 1 р., 50 к., вѣс. 2 ф.

Дача на Рейнѣ. Романъ въ пяти частяхъ Б. Ауэрбаха, съ предисловіемъ И. С. Тургенева. 3 т. Спб. 1875 г. Ц. 6 руб., вѣс. 6 ф.

Десять лѣтъ изъ моей жизни. 1862 — 1872. Изъ записокъ принцессы Сальмъ-Сальмъ. Спб. 1875 г. Ц. 1 р. 25 к., вѣс. 2 ф.

Девяносто третій годъ. Виктора Гюго. Ц. 2 р. вѣс. 3 ф.

* Женскій трудъ въ примѣненіи къ различнымъ отраслямъ промышленной дѣятельности, очерки 600 ремеслъ и занятій. Сост. А. Дауль. Ц. 1 р., вѣс. 2 ф.

Замокъ Шамбля. Уголовный романъ Констанана Геру. Спб. 1875 г. Ц. 1 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

Записки ссыльнаго, собранныя и приведенныя въ порядокъ авторомъ „Записокъ Шлюва“. Спб. 1875 г. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 8 фун.

Историческіе очерки русской народной словесности и искусства. Ѡ. Буслаева. 2 т. Ц. 7 р., вѣс. 12 ф.

Июльская Роза. Романъ М — съ Олифантъ. Спб. 1875 г. Ц. 1 р. 25 к., вѣс. 1 ф.

*) Книги, поступившія въ складъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ, обозначены звездочкою; на книгахъ, вышедшихъ въ текущемъ году, обозначенъ годъ изданія.

Ильг я отысылав Ливингстона. Генриха М. Стэнли. Съ рисунками и картами. Ц. 8 р., вѣс. 8 ф.

* Книга о кievскихъ богатыряхъ. Сводъ 24 избранныхъ былинъ древне-кievскаго эпоса. Составилъ В. П. Авенариусъ. Съ портретомъ гвѣзда былинъ Рабинина и 12 картинками. Слб. 1876 г. Ц. въ бумагѣ 2 р. 30 к., въ папкѣ 2 р. 50 к., въ переплетѣ съ золотымъ тисненіемъ 3 р., вѣс. 3 ф.

Мобзаръ. Т. Г. Шевченко въ переводѣ Н. А. Чмырева. Ц. 1 р. вѣс. 1 ф.

Мои сны. Виктора Гюго. Слб. 1876 г. Ц. 30 к., вѣс. 1 ф.

Маленькій человекъ. Исторія одного ребенка. Альфонса Додэ. Слб. 1875 г. Ц. 1 р. 25 к., вѣс. 1 ф.

* Миддмарчъ. Картины провинціальной жизни. Романъ въ восьми книгахъ. Соч. Джорджа Эллиота. Переводъ подъ редакціей М. Е. Салтыкова. Ц. 3 р., вѣс. 4 ф.

Мы и наши сосѣди, или гдѣтопись неждоной улицы въ Нью-Йоркѣ. Романъ изъ современной американской жизни. Герриета Бичеръ-Стоу. 2 т. Слб. 1875 г. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

Натанъ Мудрый, драматическое стихотвореніе Лессинга. Перев. В. Крылова. Слб. 1876. Ц. 2 р., вѣс. 2 ф.

Наша дѣтская литература. Опытъ библіографіи. Ф. Толля. Ц. 60 к., вѣс. 1 ф.

Новиковъ, Николай Ивановичъ, издатель журналовъ 1769—1785 гг. Исслѣдованіе А. Невзеленова. Слб. 1875 г. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 3 ф.

О литературной дѣятельности Н. А. Добролюбова. Н. А. Бибикова. Ц. 50 к., вѣс. 1 ф.

Полонинки зги и Левъ Пустыни. Романъ Густава Эмара. Слб. 1875 г. Ц. 1 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

Полное собраніе сочиненій Гофмана, переведенныхъ и изданныхъ подъ редакціей Н. В. Гербеля и А. Л. Соколовскаго. Т. I, II, III, IV. Ц. каждого тома отдѣльно 75 к., вѣс. 2 ф.

Н. Г. Помяловскаго, съ портретомъ и біографіей автора. 2 ч. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 3 ф.

Шиллера въ переводахъ русскихъ писателей, пятое изданіе подъ редакціей Н. В. Гербеля. Слб. 1875. Ц. за 2 тома 7 р.; съ 20 гравюрами 9 р.; въ перепл. 10 р. 50 к.; вѣс. 5 ф. Вышелъ томъ I.

Вѣстѣ труда. Литературный сборникъ, съ рисунками. Ц. 1 р. 80 к., вѣс. 2 ф.

Поэзія славянъ. Сборникъ лучшихъ поэтическихъ произведеній Славянскихъ народовъ въ переводахъ русскихъ писателей, изданный подъ редакціей Ник. Вас. Гербеля. Ц. въ бум. 3 р. 50 к., въ перепл. 4 р. 20 к., вѣс. 4 ф.

Примо изъ цѣли. Романъ изъ современной французской жизни. Амедея Ашара. Слб. 1875 г. Ц. 1 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

Преденсъ Пальфрей. Романъ изъ американской жизни. Томаса Альдриха. Слб. 1875 г. Ц. 1 р. 25 к., вѣс. 1 ф.

Пѣсни Бералле, 1810—1816, за исключеніемъ переведенныхъ В. Курочкинымъ и др. Переводъ Н. Лебедева. Кіевъ. 1875 г. Ц. 1 р. 25 к., вѣс. 2 ф.

Разорванное гвѣздо. (Слбтая гвѣзда). Комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ. Пѣсни и Сатиры Д. Д. Миннаева. Слб. 1875 г. Ц. 1 р. 25 к., вѣс. 1 ф.

Русская литература въ ея современныя представители. Критико-біографическіе этюды Семена Венгерова. Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ. Ч. 1 и 2. Слб. 1875 г. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

Смертельный выстрѣлъ. Романъ Майна Рида. Слб. 1875 г. Ц. 1 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

* Спириты и спиритизмъ. Романъ Флоренціи Марьеръ (жистрисъ Россъ Чертъ). Слб. 1875 г. Ц. 1 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

Соборъ парижской Богоматери (Notre Dame de Paris). В. Гюго, съ портретомъ автора. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

Собраніе сочиненій Я. П. Котляревскаго на малороссійскомъ языкѣ. Изданіе II-ое. Кіевъ. 1875 г. Ц. 2 р., вѣс. 2 ф.

Солдатское житье. Очерки изъ турестаской жизни. Д. Иванова. Слб. 1875 г. Ц. 2 р.

Сочиненія Лорда Байрона въ переводахъ русскихъ поэтовъ, изданныя подъ редакціей Н. В. Гербеля. Т. I, II и III. Ц. за каждый томъ въ бум. 2 р., въ переплетѣ 2 р. 60 к., вѣс. 4 ф.

Сочиненія Алексѣя Потѣхина. 7 томовъ. Ц. 12 р., вѣс. 12 ф.

Сочиненія М. Ю. Лермонтова. 2 т. Ц. 3 р. 50 к., вѣс. 4 ф.

Старослѣтская дѣвушка. Американскія повѣсти Луизы Олькотъ. Переводъ Е. Бекетовой. Слб. 1875 г. Ц. 1 р. 25 к., вѣс. 2 ф.

Столбы. Старая погулка на пошкѣ ильг Виктора Крылова. Ц. 1 р., вѣс. 1 ф.

Судьба Поля Гардинга. Романъ изъ бельгійской жизни. Адольфа Принца. Слб. 1875 г. Ц. 80 к., вѣс. 1 ф.

Сцены изъ цыганской жизни Г. Мюрге. Переводъ съ французскаго. Слб. 1875 г. Ц. 1 р. 50 к., вѣс. 1 ф.

Тульнская принцесса. Романъ Виллелямъ Блэка. 2 т. Слб. 1875 г. Ц. 3 р., вѣс. 3 ф.

У онеана. Жизнь на крайнемъ сѣверѣ Н. И. Немировича-Данченка. Слб. 1875 г. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

Францъ фонъ-Зиннингъ. Историческая трагедія въ 5-ти дѣйствіяхъ. Сочиненіе Я.

Дассала. Перев. А. и С. Крыль. Стр. 259. Ц. 1 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

* *Финляндія-Финъ, возвратившіеся назадъ.* Романъ Энтони Троллопа. Спб. 1875 г. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 3 ф.

Христоматія для всѣхъ. Русскіе поэты въ біографіяхъ и образцахъ, сост. Ник. Вас. Гербель. Ц. въ бум. 3 р., въ переп. 3 р. 70 к., вѣс. 4 ф.

Червоная Дама. Романъ Уильяма Коллинза. Спб. 1875 г. Ц. 1 р. 75 к., вѣс. 2 ф.

Шекспиръ въ переводѣ русскихъ писателей. Изданіе Н. А. Некрасова и Н. В. Гербеля. Т. I, II, III, IV. Ц. 14 р., вѣс. 8 ф.

Шиллеръ и его время. Соч. Іоганна Шерра. въ 3-хъ книгахъ. Москва. 1875 г. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 8 ф.

ИСТОРИЯ — БІОГРАФІЯ — ЭТНОГРАФІЯ.

Автобіографія Джона Стюарта Милля. Ц. 1 р. 20 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ въ Александровскую эпоху, 1799—1826 гг. П. Анненкова. Ц. 1 р. 75 к., вѣс. 2 ф.

Годъ Вѣстника Европы. Историко-политическое обозрѣніе за 1878—74 гг. Спб. Ц. 2 р., вѣс. 3 ф.—За 1872—73 г., т. I, ц. 2 р. вѣс. 3 ф.

Демократія въ Америкѣ. А. Токвилль. Ц. 3 р., вѣс. 6 ф.

Записки юго-западнаго отдѣла И. Рус. Географическаго Общества. Т. I. Ц. 1 р. 80 к., вѣс. 3 ф.

Исторія Франціи отъ низверженія Наполеона I до возстановленія имперіи, 1814—1852 г. А. Л. Рохау, 2 т. Ц. 3 р. 50 к., вѣс. 3 ф.

Исторія среднихъ вѣковъ, въ ея писателяхъ и изслѣдовавшихъ новѣйшихъ ученыхъ. М. Стасюлевича. Три тома. Т. I—783 стр.; Т. II—966 стр.; Т. III, часть первая—824 стр. Всѣ три тома—7 р. съ пересылкою.

Историческія очерки. С. С. Шашкова. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 25 к.

Историческія этюды. С. С. Шашкова. 2 т. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 3 ф.

* *Разсказы о временахъ Мерovingовъ.* Соч. Огюстена Тьерри. Ц. 75 к., вѣс. 1 ф.

Рискии женщины. Историческіе рассказы по Тациту. П. Кудравцева. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 3 ф.

Русская Исторія. К. Вестужева-Рюмина. Т. I. Съ билетомъ на получение т. 2 и 3. Цѣна 5 р., вѣс. 5 ф.

Русскія женщины новаго времени. Біографическіе очерки изъ русской исторіи. Сост. Д. Мордовцевъ. Ц. 5 р., вѣс. 3 ф.

Очеркъ исторіи русской женщины, съ при-

бавленіемъ статьи: Русская проституція. С. С. Шашкова. Ц. 1 р. 75 к., вѣс. 2 ф.
Очеркъ исторіи русскаго народа до XVII-го столѣтія. Общій бытъ древней Руси. Д. Д. Сонцова. М. 1875 г. Ц. 1 р. 25 к., вѣс. 2 ф.

ГЕОГРАФІЯ — ТОПОГРАФІЯ — ПУТЕШЕСТВІЯ.

Историческій атласъ Россіи. Н. И. Павлицева. Ч. 1 и 2. Ц. 4 р. 50 к., вѣс. 4 ф.
Путешествіе въ Туркестанъ. А. П. Федченко. Томъ I. Ч. II. Кокавъ. Ц. 3 р. 50 к.; вел. 5 р.; вѣс. 5 ф.

Путешествіе по Средней и Восточной Аравіи. Джиффордъ Пальгрэвъ. Переводъ съ англ. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 3 ф.

Русскій рабочій у стѣро-американскаго плантатора. А. С. Курбскаго. Спб. 1875. Стр. 445. Ц. 2 р., вѣс. 2 ф.

* *Сборникъ разсказовъ изъ путешествій и быта народовъ.* Сост. по Диллицу. Ц. 1 р. 75 к., съ перес. 2 р. 25 к.

Учебный атласъ всеобщей географіи. Сост. А. Линбергъ. Второе изданіе, исправленное и дополненное 38-ю таблицами. Ц. 4 р. 50 к., вѣс. 5 ф. Отдѣльно выпускъ I-й съ 23-мя таблицами. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 3 ф. Выпускъ II-й съ 15-ю таблицами. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 3 ф.

Учебный атласъ всеобщей географіи. Составилъ А. Линбергъ. Второе изданіе, исправленное и дополненное. Сокращенный атласъ. 18-ть таблицъ. Ц. 2 р. 70 к., вѣс. 3 ф.,—съ 26-ю таблицами цѣна 3 р. 60 к., вѣс. 4 ф.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ — СТАТИСТИКА.

Ассоціаціи. Настоящее положеніе рабочаго сословія и чѣмъ оно должно быть? Э. Пфейффера. Ц. 1 р., вѣс. 1 ф.

Мельзодорожное хозяйство. Его экономическія особенности и его отношенія къ интересамъ страны. А. Чупрова. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

Замѣчательныя богатства частныхъ лицъ въ Россіи. Экономическо-историческое изслѣдованіе. Е. П. Карновича. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

Кредитъ, банки и денежное обращеніе. Теорія и практика банковаго дѣла. И. И. Кауфмана. Ц. 4 р. 50 к., вѣс. 4 ф.

Основанія политической экономіи съ вѣкторми изъ ихъ примѣненій къ общественной философіи. Джонъ Стюартъ Милль. 2 т. Ц. 5 р., вѣс. 3 ф.

О свободѣ въ политической экономіи или теорія социальной реформы. Д-ра Генриха Мауруса. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

ПЕДАГОГИЯ—УЧЕБНИКИ—ДѢТСКІЯ И НАРОДНЫЯ КНИГИ.

Дѣтскіе рассказы. М. Цебриковой. Ц. 85 к., вѣс. 1 ф.

* Его не помнят. Повѣсть для дѣтей старшаго возраста. Соч. г-жи Монтгомерри. Ц. 80 к., вѣс. 1 ф.

Задачникъ къ ариметикѣ цѣлыхъ чиселъ. Сост. Н. В. Бугаевъ. Ц. 25 к., вѣс. 1 ф.

Задачникъ къ ариметикѣ дробныхъ чиселъ. Составилъ Н. В. Бугаевъ. М. 1875 г. Ц. 35 к., вѣс. 1 ф.

* **Изъ природы.** Рассказы для дѣтей по Герману Вагнеру. Ц. 1 р. 25 к., вѣс. 2 ф.

Исторія маленькой дѣвочки. Сочиненіе Е. А. С.—вой. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

русской литературы въ очеркахъ и біографіяхъ, сочиненіе П. Полевого. Ц. 4 р., вѣс. 4 ф.

Картины изъ Русской Исторіи. 3 вып. Ц. 3 р., вѣс. 3 ф.

Краткое руководство къ методическому изученію естественной исторіи съ многими задачами и вопросамъ. Августа Любена. Курсъ первый. Ц. 25 к., вѣс. 1 ф.

Краткое руководство геометріи съ 233 политипажами и 257 задачами на вычисленіе. Составл. Александромъ Вороновымъ. Спб. 1875 г. Ц. 1 р. 25 к., вѣс. 1 ф.

Куль хлѣба и его походы, рассказаны С. Максимовымъ. Съ 145 отдѣльными картинами и рисунками въ текстѣ. Ц. 2 р., вѣс. 2 ф.

Курсъ педагогикѣ. Составленъ по программѣ, утвержденной для женскихъ институтовъ вѣдомства учрежденій имп. Маріи. М. Чистяковымъ. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

Листы подвижныхъ нотныхъ знаковъ. Составилъ Н. А. Соловьевъ (Несмѣловъ). Ц. 10 к., вѣс. 1 ф.

Малютка. Первая книга послѣзвучки для народной школы и семьи. Сост. барономъ Н. А. Корфомъ. Ц. 85 к., вѣс. 1 ф.

Наглядное обученіе для дѣтей, только-что поступившихъ въ народную школу. Составилъ Я. Симоновичъ. Ц. 50 к., вѣс. 1 ф.

Народныя русскія сказки въ изложеніи П. Полевого, съ рисунками И. Панова. Ц. 4 р., вѣс. 2 ф.

сказанія. Сборникъ для юношества. Составилъ П. Полевой. Ц. 75 к., вѣс. 1 ф.

Народы — старцы: Китай, Японія, Индія. Историческія бесѣды. В. Андреева. Ц. 75 к., вѣс. 1 ф.

Начальное обученіе русской грамотѣ. Опытъ руководства къ одновременному обученію взрослыхъ письму, чтенію и счисленію. 128

рисунковъ и 3 портрета. Сост. Троицкій-Сенютовичъ. Ц. 40 к., вѣс. 1 ф.

Начальное образованіе. Книга для народныхъ школъ и домашняго обученія. Сост. В. Андреевъ. Ц. 1 р. вѣс. 1 ф.

Нашъ другъ. Книга для чтенія учащихъся въ школѣ и дома и руководство къ началному обученію родному языку. Сост. барономъ Н. А. Корфомъ. Ц. 50 к., вѣс. 1 ф.

* **Новыя сказки Андерсена съ 50 рисунками и портретами Андерсена.** Ц. 2 р., вѣс. 3 ф.

Общедоступная русская грамматика для младшаго возраста. Составилъ П. Полевой. Ц. 50 к., вѣс. 1 ф.

Общественное образованіе въ Соединенныхъ Штатахъ. Составилъ Гиппо. Ц. 1 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

Очерки практической педагогикѣ. Д-ра Ф. Диттеса. Ц. 1 р., вѣс. 2 ф.

Первые рассказы изъ естественной исторіи для семьи, дѣтскаго сада, пріютовъ и народныхъ школъ. Германа Вагнера. Книжка 1 и 2. Ц. за книгу по 1 р., вѣс. 2 ф.

Первая книжка для дѣтскаго пѣнія. Руководство для семьи, дѣтскихъ садовъ и элементарныхъ народныхъ школъ, со статьей о значеніи пѣнія въ народномъ образованіи. Сост. Н. А. Соловьевъ (Несмѣловъ) Ц. 40 к., вѣс. 1 ф.

Первые уроки ботаники. Руководство для элементарныхъ учителей и учительницъ, съ 63 рисунками въ текстѣ. Соч. Германа Вагнера. Ц. 70 к., вѣс. 1 ф.

* **Полное собраніе сказокъ Андерсена съ 117 гравированными политипажами.** Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.

Понемногу обо всемъ изъ трехъ царствъ природы. Рассказы для дѣтей. Составилъ К. К. Веберъ. Ц. 60 к., вѣс. 1 ф.

Приготовительный курсъ ботаники. Составленъ по Любену Н. Раевскимъ. Ц. 40 к., вѣс. 1 ф.

Простыя бесѣды о научныхъ предметахъ. Джона Гершеля. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

Путешествіе капли воды. I. Пиццетта. Ц. 1 р., вѣс. 1 ф.

Рассказы изъ исторіи. Для школы и для дома. Г. В. Штоля. Въ 2-хъ книгахъ: I. Передняя Азія и Греція. II. Римская имперія. Ц. 1 р. 25 к., вѣс. 2 ф.

Робинзонъ Крузе. А. Анненкова. Новая переработка темы де-Фоз. Съ 10-ю карт. в 35-ю политипажами. Изд. В. Лесевича. Ц. 2 руб.; перепл. 2 руб. 50 коп., вѣс. 2 ф.

Руководство къ ариметикѣ. Ч. I, ариметика цѣлыхъ чиселъ. Ч. II, ариметика дробныхъ чиселъ, Сост. Н. В. Бугаевъ. Ц. 95 к., вѣс. 2 ф.

Русская начальная школа. Руководство для земских гласных и учителей сельских школ. Сост. барономъ Н. А. Корфомъ. Ц. 1 р., вѣс. 2 ф.

Русская христоматія для третьяго и четвертаго классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Сост. Левъ Поливановъ. Ц. 1 р. 20 к., вѣс. 2 ф.

Русскія народныя сказки, пословицы и загадки. Чтеніе для начальныхъ училищъ. Сост. П. В. (Петръ Вейнбергъ). Ц. 20 к.

Сборникъ правилъ и программъ для поступления во всѣ учебныя заведенія на 1874—1875 г. Ц. 1 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

Сказки Массе и Стяля. Съ рисунками въ текстѣ. Ц. 1 р. 50 к., вѣс. 1 ф.

Слово о полку Игоревѣ. Пособіе для учащихся. Сост. В. М. Ц. 30 к., вѣс. 1 ф.

Слуги желудка. Письма о физиологической жизни человека. Массе. Ц. 1 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

Собраніе педагогическихъ сочиненій. Спб. 1875. К. Д. Ушинскаго. Ц. 3 р. 50 к., вѣс. 3 ф.

Университетское образованіе женщины. В. Бѣмертъ. Ц. 30 к., вѣс. 1 ф.

Уроки русскаго синтаксиса съ графическимъ анализомъ рѣчи. А. Сассъ-Тисовскій. Ц. 30 к., вѣс. 1 ф.

Физика. Профессора Бальфура Стюарта. Ц. 75 к., вѣс. 1 ф.

Эмаль XIX-го вѣка. Альфонса Эскироса, съ приложеніемъ статьи „Теорія воспитанія“ Спенсера. Ц. 1 р. 25 к., вѣс. 2 ф.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ—АРХЕОЛОГІЯ.

Азбука и смеронисъ XVII вѣка для нагляднаго изученія. М. 1875 г. Ц. 1 р., вѣс. 1 ф.

Grammaire théorique et pratique de la langue française, par D. Margot. 2 т. Ц. 1 р. 35 к., вѣс. 2 ф.

Краткій очеркъ греческихъ Древностей, составленный К. Θ. Страшкевичемъ. Ц. 8 р., вѣс. 3 ф.

Cours élémentaire et progressif de la langue française, par D. Margot. Ц. 80 к., вѣс. 2 ф.

Международные словари для среднихъ учебныхъ заведеній, составленные по программѣ министерства народнаго просвѣщенія Н. Макаровымъ. Часть французско-русская и русско-французская. Ц. 4 р., вѣс. 4 ф.

Мышл классической древности. Г. В. Штоля. 2 т. Ц. 4 р. 50 к., вѣс. 4 ф.

Опытъ русско-украинскаго словаря. Сост. Михайлъ Левченко. Ц. 1 р. 30 к., вѣс. 2 ф.

МАТЕМАТИКА — АСТРОНОМІЯ — ФИЗИКА — ХИМИЯ.

Алгебра. Иосифа Бертрана. 5 выпускъ. Ц. 1 р. 85 к., вѣс. 3 ф.

Былое и современное химіи. Общедоступная лекція Германа Коппъ. Ц. 30 коп., вѣс. 1 ф.

Геометрія теоретическая и практическая. Соннэ. Выпускъ I: о линіяхъ. Ц. 85 к., съ перес. 1 р.

Геометрія теоретическая и практическая. Соннэ. Выпускъ II. О плоскихъ фигурахъ до площадей. М. 1875 г. Ц. 70 к., съ пересл. 85 к.

Иллюстрированная популярная физическая географія, въ 3-хъ частяхъ. Н. И. Зуева. Ц. 5 р., вѣс. 6 ф.; отдѣльная часть 3 р., вѣс. 2 ф.

Исторія неба. К. Фламаріона. Съ рисунками. Ц. 3 р. 50 к., вѣс. 3 ф.

Курсъ наблюдательной физики, въ 2-хъ ч. Θ. Петрушевскаго. Ц. 4 р. 50 к., вѣс. 5 ф.

* Миморальный количественный анализъ. Р. Фрезеніуса. Переводъ подъ редак. Н. Та-вилъдарова. Спб. 1875 г. Ц. 4 р. 50 к., вѣс. 4 ф.

Начала космографіи, съ полнѣтнами. Составилъ К. Краевичъ. Ц. 75 к., вѣс. 1 ф.

Начальная алгебра съ дополнительными статьями, содержащими курсъ дополнительнаго класса реальныхъ училищъ. Составилъ І. Сомовъ. Ц. 1 р., вѣс. 2 ф.

Начертательная геометрія. Состав. І. Сомовъ. Ц. 2 р., вѣс. 4 ф.

Опредѣленіе планетныхъ орбитъ изъ трехъ наблюденій. П. А. Ганзена. Ц. 50 коп., вѣс. 1 ф.

Основанія физики. Сост. К. Краевичъ. Ц. 1 р. 60 к., вѣс. 2 ф.

Очеркъ теоріи соединений (въ объемѣ программы реальныхъ училищъ). Составилъ Р. Н. Гришинъ. Спб. 1875 г. Ц. 30 к.

Первые уроки изъ физики. Методическое руководство къ качественному изслѣдованію физическихъ явленій, съ атласомъ. Θ. Θ. Эвальда. Ц. 1 р. 60 к., вѣс. 2 ф.

Практическія упражненія въ геометріи, или собраніе геометрическихъ задачъ, по Вѣкелю, Шплицу и др. Состав. Д. Дмитриевъ. Ц. 70 к., вѣс. 2 ф.

Приготовительный курсъ геометріи. Сост. З. Вуликъ. Ц. 50 к., вѣс. 2 ф.

Приложеніе алгебры къ геометріи и начала аналитической геометріи на плоскости. Состав. А. Фроловъ. Ц. 1 р. 20 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Рациональная механика. Часть первая. Кинематика. Сост. І. Сомовъ. Ц. 2 руб. 50 к.; вѣс. 2 ф.

— часть II, выпускъ I, съ билетомъ

на получение II выпуска. Введение въ статью и динамику, и статика. Сост. I. Сомовъ. Ц. 2 р.; вѣс. 2 ф.

Руководство къ химическому изслѣдованію важнѣйшихъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ. Э. Вольфа. Ц. 50 к., вѣс. 1 ф.

Сборникъ математическихъ задачъ. Составилъ А. Ломовскій. Ц. 1 р. 50 коп., вѣс. 1 ф.

Физическая географія. Мери Сомервилля. Ц. 3 р. 50 к., вѣс. 3 ф.

Химическія дѣйствія свѣта и фотографія въ ихъ приложеніи къ искусству, наукѣ и промышленности. Д-ръ Германъ Фогель. Переводъ съ нѣмецкаго, подъ редакціей Я. Гутевскаго. Ц. 3 р.; вѣс. 2 ф.

ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ — СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО — ТЕХНОЛОГІЯ — МЕДИЦИНА.

Альпійскіе Ледники. Сочин. Джона Тиндалля. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

Болѣзни женскихъ половыхъ органовъ, Ф. В. Сканцони, 2 тома. Ц. 5 р. 20 к., вѣс. 4 ф.

— д-ра К. Шредера, выпускъ I. Ц. 70 к., вѣс. 1 ф.

Болѣзни мочевыхъ органовъ. Клиническія лекціи проф. Генри Томсона. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 3 ф.

Вліяніе холодной воды на здоровый и большой организмъ. Сост. д-ръ Н. Вонсовичъ. Ц. 20 к., вѣс. 1 ф.

Вода въ видѣ облаковъ и рѣкъ, льда и глетчеровъ. Популярныя лекціи Джона Тиндалля. Ц. 1 р. 25 к., вѣс. 1 ф.

Воздухъ и его жизнь. Популярныя очерки атмосферныхъ явленій съ 8-ю хромо-литографированными картинами и политипажамы. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

Двѣнадцать яблокъ моего сада. В. В. Кащенко. Роскошное изданіе съ иллюстрированными рисунками этихъ яблокъ. Спб. 1875 г. Ц. 5 р., въ переплетѣ 6 р. съ переплетомъ.

Древность чловѣка. Чарльзъ Лайвлъ. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 3 ф.

Единство мірозданія. Сочин. Гартвига. Ц. 2 р., вѣс. 2 ф.

Естествознание и политика. Мысли о прижизненіи началъ естественнаго подбора и наследственности къ политическому обществу. Вальтеръ Беджготъ. Перев. съ англійскаго, подъ редакціей Д. А. Коропчевскаго. Ц. 1 р. 50 к.; вѣс. 2 ф.

Исторія земли. Геологія на новыхъ основаніяхъ. Сочин. Фридриха Мора. Ц. 3 р. 50 к., вѣс. 3 ф.

Какъ растутъ сельско-хозяйственные растенія. Руководство для сельско-хозяйст-

венныхъ школъ и для самообученія. Самуэля Джонсона. М. 1875 г. Ц. 3 р., вѣс. 2 ф.

Картинны растительности земнаго шара. Людвигъ Рудольфа. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 3 ф.

Клиническія лекціи Грусса. 2 ч. Ц. 12 р., вѣс. 10 ф.

Compendium дѣтскихъ болѣзней, для студентовъ и врачей, Dr Johann Steiner. Переводъ подъ редакціей д-ра Липскаго. Кіевъ. 1875 г. Ц. 2 р. 25 к., вѣс. 3 ф.

Механика животнаго организма. Предисловіе по землѣ и по воздуху. Э. Марей. Съ 117 политипажамы, перев. съ франц. Ц. 2 р., вѣс. 2 ф.

* Море и его жизнь. Сочиненіе Гартвига. Ц. 3 р., вѣс. 3 ф.

На берегу моря. Зоологическіе этюды. Георга Генри Льюиса. Ц. 2 р., вѣс. 2 ф.

Настольная книга для русскихъ сельскихъ хозяевъ, составленная А. П. Людогоскимъ и др. Ц. 4 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

Настольныя и ихъ значеніе въ сельскомъ хозяйствѣ. О. Гримма. Ц. 1 р., вѣс. 1 ф.

* Натурализмъ на Амазонской рѣкѣ. Геа. Валь Бэтса. Ц. 3 р., вѣс. 3 ф.

Общая биологія. Извидора Жофруа Сентъ-Илера. 2 част. Ц. 2 р. 75 к., вѣс. 3 ф.

Общая естественная исторія насекомыхъ. Соч. Кэрби и Сиенсъ. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 3 ф.

Общее земледѣдіе. Карла Риттера. Ц. 1 р. вѣс. 2 ф.

Огородничество. Руководство къ разведенію овощей въ огородѣ и полѣ. Соч. Эд. Льюкаса. Ц. 2 р., вѣс. 3 ф.

Опытное руководство къ молочному хозяйству, съ 9-ю политипажамы въ текстѣ. П. М. Преображенскаго. М. 1875 г. Ц. 60 к., вѣс. 1 ф.

О происхожденіи видовъ путемъ естественнаго подбора, или о сохраненіи усовершенствованныхъ породъ въ борьбѣ за существованіе. Соч. Чарльза Дарвина. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

Основанія практической медицины. Д-ра К. Ф. Кунце. Ц. 1 р. 60 к. въ переплетѣ и 1 р. 30 к. безъ переплетѣ, вѣс. 2 ф. Спб. 1875 г.

Основны геологіи. Сост. Траутшольдъ. Ч. II. Палеонтологія. Около 300 политипажей. Ц. 2 р. 75 к., съ перес. 3 р.

Основны рациональнаго земледѣлія. Популярное практическое руководство для русскихъ земледѣльцевъ. А. Ф. Сергѣевъ. Ц. 40 к., вѣс. 1 ф.

Основны зоологіи. Руководство для слушателей высшихъ учебныхъ заведеній. Соч. д-ра Карла Клауса. 3 ч. Ц. 6 р. 50 к., вѣс. 3 ф.

Основы зоологии. Руководство для слушателей высших учебных заведений. Соч. доктора Клауса. Выпуск II, птицы и млекопитающія, съ 292 политипажами. М. 1875 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 25 к.

Основные начала геологии или новейшія измѣненія земли и ея обитателей. Чарльза Лайбля. 2 т. Ц. 5 р., вѣс. 5 ф.

* **О сохраненіи здоровья и развитіи умственныхъ силъ ребенка въ школѣ.** Бокка. Ц. 80 к., вѣс. 1 ф.

Очеркъ основъ санитарной дѣятельности. А. Доброславина. Ц. 2 р., вѣс. 2 ф.

Очерки животной жизни. Соч. Г. Г. Льюиса. Ц. 1 р., вѣс. 1 ф.

Переселяющіяся животныя. Соч. Карла Корнелиуса. Ц. 1 р. 25 к., вѣс. 1 ф.

Писчебумажное производство. Окраска бумаги. Технолога Н. П. Мельникова. Ц. 1 р. 25 к., вѣс. 2 ф.

Популярныя бѣстыя о природѣ и чело-вѣкѣ. Соч. Отто Уль. Съ политипажами въ текстѣ. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

Практическое земледѣліе. А. Розенбергъ-Диптинскій. Переводъ съ нѣмецкаго П. Костичева, съ измѣненіями и дополненіями въ примѣненіи къ Россіи. Ц. 3 р., вѣс. 3 ф.

— **рыболовство,** по Гааку, сост. О. А. Гриммъ. Ц. 75 к., вѣс. 1 ф.

Предохраненіе отъ венерическихъ болѣзней съ санитарно-полицейской, педагогической и врачебной точки зрѣнія. Сост. І. К. Прокшъ. Ц. 1 р., вѣс. 1 ф.

Природа и чело-вѣкъ на крайнемъ сѣверѣ. Соч. Гартвига. Ц. 2 р., вѣс. 3 ф.

Растеніе и его жизнь. Популярныя чтенія М. І. Шлейдена. Ц. 3 р., вѣс. 3 ф.

Ружейная охота на птицъ въ Россіи. Съ картинками. Соч. С. Романова. Ц. 2 р., вѣс. 2 ф.

Руководство къ геологій. Чарльза Лайбля. Т. I. Ц. 3 р., вѣс. 2 ф.

Руководство къ изученію садоводства и огородничества. Сост. Э. Ф. Рего. Ц. 2 р. 50 к., вѣс., 3 ф.

— **къ зоологій.** Животныя лучистыя и безформенныя Х. Г. Бронна. 2 т. 8 в. Ц. 6 р., вѣс. 4 ф.

Руководство къ изученію болѣзней кожи. Фердинанда Гебри. Т. I, выпускъ I. Спб. 1875 г. Ц. 2 р. 25 к., вѣс. 3 ф.

Руководство къ систематическому изученію ботаники, для школъ и самообученія. Августа Либена, составилъ А. Бекеговъ. 2 части. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 3 ф.

Руководство къ изученію глазныхъ болѣзней. Д-ра Эд. Мейера. Переводъ съ франц. подъ редакцію д-ра В. Добровольскаго. Спб. 1875 г. Ц. 4 р., вѣс., 3 ф.

Руководство къ частной патологій и терапіи, изданное профес. v. Zim�en'омъ.

Переводъ подъ редакціей и съ дополненіями профес. В. Г. Лашкевича. Выпускъ I, 2, 3. 1875 г. Ц. 3 р., вѣс. 3 ф.

Рыбы Россіи. Жизнь и ловля нашихъ прѣсноводныхъ рыбъ. А. П. Сабанъева, съ 6 картинками и 488 политипажами въ текстѣ. М. 1875. Ц. 3 р. 50 к., вѣс. 3 ф.

Рѣчи и статьи Дюна Тиндала. Ц. 85 к., вѣс. 1 ф.

Собираніе растений и составленіе гербарія, Н. И. Раевского. Ц. 40 к., вѣс. 1 ф.

Сохраненіе энергій. Вальфуръ Стъварта. Съ 14 политипажами, переводъ съ англійскаго, подъ редакціей П. А. Хлѣбникова. Ц. 1 р., вѣс. 2 ф.

Строеніе и жизнь чело-вѣческаго тѣла. Популярная физиологій съ 255 рисунками въ текстѣ. К. Реклама. Ц. 3 р. 50 к., вѣс. 3 фунта.

Тропическій міръ въ очеркахъ животной и растительной жизни. Соч. Гартвига. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

Уль и Вагнеръ. Руководство къ общей патологій. Переводъ съ шестого дополненнаго изданія 1874 г. студентовъ университета св. Владиміра. Подъ редакціей доцента общей патологій, д-ра Н. С. Афанасьева. Ц. 4 р., вѣс. 3 ф.

Учебникъ практической медицинъ, съ обращеніемъ особеннаго вниманія на патологическую анатомію и гистологій. Д-ра К. Ф. Куице. Т. 1 и 2. Спб. 1875 г. Ц. 8 р., вѣс. 6 ф.

Ученіе Дарвина о происхожденіи видовъ. Общепонятно изложено Фридрихомъ Ролле. Ц. 1 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

Ученіе о глазахъ болѣзняхъ. Шокальскій. М. 1875 г. т. I. Ц. 4 р., вѣс. 4 ф.

Физиологій обыденной жизни. Соч. Г. Г. Льюиса. Ц. 3 р., вѣс. 4 ф.

Физиологическія картины. Сочин. Людовика Бюхнера. Ц. 1 р. 25 к., вѣс. 2 ф.

Чудеса подземнаго міра. Соч. Гартвига. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 3 ф.

Этюды. Популярныя чтенія М. І. Шлейдена. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

ЗАКОНОВЪДѢНІЕ—ПОЛИТИКА.

Духъ римскаго права на различныхъ ступеняхъ его развитія. Рудольфа Гейринга. Часть I. Спб. 1875 г. Ц. 2 р. 25 к., вѣс. 2 ф.

* **Законы и жизнь.** Итоги изслѣдованія крестьянскихъ судовъ. М. И. Заруднаго. Ц. 1 р., вѣс. 1 ф.

Законы о гражданскихъ договорахъ и обязательствахъ. Общедоступно изложенные и объясненные, съ указаніемъ ошибокъ, допускаемыхъ въ совершеніи толкованія и исполненія договоровъ и приложеніемъ об-

разновъ всякаго рода договоровъ. Сост. мировой судья В. И. Фармаковскій. Изданіе второе. Вятка. 1876 г. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р., 50 к.

Значеніе римскаго права для новаго міра. Рудольфа Геринга. Ц. 20 к., вѣс. 1 ф. Изученіе социологіи. Г. Спенсера. Перев. съ англ. Т. I и II. Сиб. 1874—76. Ц. 3 р., вѣс. 3 ф.

Крестъииское дѣло въ царствованіе импер. Александра II. Четыре большіе тома (въ пяти книгахъ), 5,382 стр. А. И. Скребицаго. Удостоено Академіей Наукъ преміи графа Уварова. Ц. 20 р., съ перес. 22 р. (за 14 фунт.) на всѣхъ разстояніяхъ.

Курсъ римскаго гражданскаго права. Профессора Г. Ф. Пухты. Т. I. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 3 ф.

Курсъ русскаго уголовнаго права, Н. С. Таганцева. Часть общая. Книга 1-я. Ученіе о преступленіяхъ. Вып. 1-й. Сиб. 1874. Ц. 1 р. 75 к., вѣс. 2 ф.

Мошенничество по русскому праву. Сравнительное изслѣдованіе Ив. Фойницкаго. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 3 ф.

Новый уставъ о гербовомъ сборѣ, съ дополненіемъ всѣхъ обнародованныхъ узаконеній, вошедшихъ въ силу 1-го іюля 1875 г. Ц. 60 к., вѣс. 1 ф. Сиб. 1875 г.

Начала русскаго государственнаго права. А. Градовскаго. Т. I. О государственномъ устройствѣ. Спб. 1875. Стр. 450. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 3 ф.

Уголовной психологіи для врачей и юристовъ. Д-ра Крафта-Эббинга. Ц. 1 р., вѣс. 1 ф.

Общинное землевладѣніе. А. Посникова. Выпускъ I. Ярославль. 1875 г. Ц. 1 р. 25 к., вѣс. 2 ф.

О самоуправленіи. Сравнительный обзоръ русскихъ и иностранныхъ земскихъ и общественныхъ учреждений. Князя А. Васильчикова. 2 части. Ц. 2 р., вѣс. 4 ф.

Очерки Исторіи и Доктрины междуна-роднаго права. Профес. А. Н. Стоянова. Хар. 1875 г. Ц. 3 р., вѣс. 4 ф.

Очерки нашихъ порядковъ администра-тивныхъ и общественныхъ. Е. П. Карновича. Ц. 3 р., вѣс. 3 ф.

Первобытная собственность. Эмиль-де-Лавелъ. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

Сборникъ государственныхъ знаній. В. П. Безобразова. Т. I. Ц. 3 р., вѣс. 4 ф. т. II. Ц. 5 р., вѣс. 5 ф.

Систематическій Сборникъ рѣшеній гражд. кассац. департ. правительствующаго сената, за 1873 г. Сост. А. Книримъ и А. Боровиковскій. Вып. I. Матеріальное право. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 80 к.—Вып. II. Судопроизводство. Ц. 1 р. 75 к., съ перес. 2 р.

Уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ имперскими судьями. Н. С. Таганцева. Ц. 75 к., съ перес. 1 р.

Устройство и управленіе городовъ Россіи. Города Россіи въ XVIII столѣтіи. И. Дятлина. Ц. 2 р. 60 к., вѣс. 2 ф.

Учебникъ надѣлннаго права. Соч. пр. Вилдмейера. Т. I. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

Элементарный учебникъ общаго уголовнаго права. Общая часть. Т. I. А. Ф. Екстиковскаго. Киевъ. 1875 г. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 3 ф.

ИСКУССТВА—МУЗЫКА—ТЕАТРЪ.

Для сцены. Сборникъ пьесъ. Т. I: 1) Это мой маленький капризъ. 2) Роковое признаніе. 3) Дядя Беккеръ подшутилъ. 4) По кривой дорогѣ впередъ не видать. 5) До поры до времени. 6) Не хмѣлъ бѣда—похмѣлье. Изданіе Виктора Александрова. Ц. 1 р. 50 к., вѣс. 1 ф.

Т. II: 1) Сорви голову. 2) Завоеванное счастье. 3) Старое старится—молодое растетъ. 4) Дѣя скорби. 5) Клянъ клянью вышибай. 6) Въ погоню за прекрасной Еленой. Изданіе Виктора Александрова. Ц. 1 р. 50 к., вѣс. 1 ф.

Ученіе о слуховыхъ ощущеніяхъ, какъ физиологическая основа для теоріи музыки. Гельмгольца. Ц. 5 р., вѣс. 4 ф.

СПРАВОЧНЫЯ КНИГИ.

* Дневникъ. Настольный календарь на 1876 годъ, съ картою Европейской Россіи. Ц. 65 к., съ перес. 80 к.

* Календарь русскаго сельскаго хозяина на 1876 годъ. Ц. 1 р. 50 к., вѣс. 1 ф.

* Лѣсной календарь на 1876 годъ. Ц. 1 р. 25 к., вѣс. 1 ф.

* Петербургскій календарь на 1876 годъ. Съ картою Европейской Россіи. Ц. 35 к., съ пересылкою 50 к.

Пожарная книга. Постановленія закона о предосторожностяхъ отъ огня и руководство къ тушенію всякаго рода пожаровъ. Сост. А. Н.—въ. Въ текстѣ политическія рисунки. Ц. 3 р. съ пересылкою.

Сборникъ законовъ, правилъ, наставленій и распоряженій правительства для врачей, фармацевтовъ, ветеринаровъ и прочихъ медицинскихъ чиновъ. Въ 3-хъ частяхъ. Сост. И. Войно. Ц. 3 р. 50 к., вѣс. 3 ф.

Снаряженіе войскъ. Пѣхота, в. I. Сост. А. Невѣтровскій. Ц. 1 р. 50 к., вѣс. 1 ф.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ
НИКОЛАЯ ИВАНОВИЧА
МАМОНТОВА,

бывшемъ Александра Ильича Глазунова,

Москва, Кузнецкій мостъ, домъ Фирсанова.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ поступили въ продажу слѣдующія книги:

Врѣмя. Жизнь животных. Народное и школьное изданіе, обработанное Шедлеромъ. 2 т. Сиб. 1875 г. Ц. 8 р., съ перес. 9 р.

Лѣсной календарь на 1876 г. Сиб. 1875 г. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Календарь для врачей на 1876 г. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

Календарь на 1876 г., изд. Голице. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 30 к.; въ папкѣ 1 р. 30 к., съ перес. 1 р. 60 к.; въ перешитѣ 1 р. 50 к., съ перес. 2 р.

Русскій Календарь на 1876 г. Суворова. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 30 к.; въ папкѣ 1 р. 30 к., съ перес. 1 р. 60 к.; въ перешитѣ 1 р. 60 к., съ перес. 2 р.

Календарь ежедневникъ (отрывной) на 1876 г. Ц. 60 к., съ перес. 80 к.

Фединъ. А. Н. Островскій и П. М. Садовскій (съ портретами). М. 1876 г. Ц. 50 к., съ перес. 70 к.

Авенариусъ. Книга о кievскихъ богатиряхъ. Сиб. 1876 г. Ц. 2 р. 30 к., съ перес. 2 р. 50 к.

Справочная книга для архитекторовъ, художниковъ, скульпторовъ, живописцевъ, рѣшниковъ и всѣхъ интересующихся искусствомъ. М. 1876 г. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.

Соловьевъ. Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, т. 25-й. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 25 к.

Липскій. Compendium дѣтскихъ болѣзней для студентовъ и врачей. Кіевъ. 1876 г. Ц. 2 р. 25 к., съ пер. 2 р. 50 к.

Джонъ Гоуардъ. Самоотверженное человеколюбіе въ XVIII-мъ вѣкѣ. М. 1875 г. Ц. 20 к., съ перес. 35 к.

Въ подмосковной слободѣ. Щепиной. М. 1875 г. Ц. 15 к., съ перес. 30 к.

Смирновъ, протоіерей. О Законѣ Божіемъ и заповѣдяхъ по руководству православнаго катехизиса. М. 1875 г. Ц. 40 к., съ перес. 50 к.

Сорокинъ. Дѣтскій сборникъ. Изд. 2-е. Сиб. 1875 г. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.

Кунце. Учебникъ практической медицины. Сиб. 1875 г. Ц. 8 р., съ перес. 9 р.

Геометрія. Воронова. Сиб. 1875 г. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 50 к.

Уде, Отто. О выраженіи ощущеній. Псковъ. Ц. 40 к., съ перес. 60 к.

Золя, Эмиль. Коршунъ. М. 1875 г. Ц. 75 к., съ перес. 1 р.

Монтенепъ. Трагедія Париза. Сиб. 1875 г. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 30 к.

Малышевскій. Нотаріальная практика. Опытъ настольной книги для нотаріусовъ, старшихъ нотаріусовъ и мировыхъ судей. Одесса. 1875 г. Ц. 2 р. 75 к., съ перес. 3 р.

Магъ-Гаханъ. Военныя дѣйствія на Укесуѣ и паденіе Хивы. М. 1875 г. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Ожогинина. Первое знакомство съ тѣмъ, что мы видимъ каждый день. М. 1875 г. Ц. 80 к., съ перес. 1 р.

Требованія гл. городовыхъ исполняются немедленно.

Книгопродавецъ Н. И. МАМОНТОВЪ.

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ А. О. БАЗУНОВА

С.-Петербургъ, Невскій пр., № 30.

Въ ноябрѣ поступили въ продажу слѣдующія книги:

Нятое и шестое прибавленіе къ „Систематическому Каталогу“. Въ него вошли: перечень книгъ, вышедшихъ въ 1873—1874 гг., и перечень крит. замѣтокъ, какъ о книгахъ, вышедшихъ въ 1873 и 1874 гг., такъ и дополненія къ книгамъ, помѣщеннымъ въ предыдущихъ выпускахъ каталога. Спб. 1875 г. Ц. 2 р. 25 к., перес. за 2 ф. Цѣна полного каталога, со всѣми дополненіями, 9 р., перес. за 7 ф.

Соловьевъ, С. Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Т. 25-й. М. 1875 г. Ц. 2 р., перес. за 2 ф.

Терентьевъ, М. Россія и Англія въ борьбѣ за рынки. Спб. 1875 г. Ц. 1 р. 75 к., перес. за 2 ф.

Справочная книжка для русскихъ офицеровъ. Спб. 1875 г. Ц. 3 р. 50 к., перес. за 3 ф.

Толстой, Ю. Первые сорокъ лѣтъ сношеній между Россією и Англією. 1553—1593. Спб. 1875 г. Ц. 5 руб., перес. за 3 фунта.

Толстой, Ю. Московія Джона Мильтона. М. 1875 г. Ц. 75 коп., перес. за 1 ф.

Авенаріусъ, В. Книга о кievскихъ богатыряхъ. Сводъ 24 избранныхъ былинъ древне-кievскаго эпоса. Спб. 1875 г. Ц. 2 р. 30 к., перес. за 2 ф.

Сборникъ Императорскаго русскаго историческаго общества. Т. 14-й. Спб. 1875 г. Ц. 3 р., перес. за 3 ф.

Ватсонъ, Э. Эпизодъ прусско-французской войны. Очеркъ исторіи парижской коммуны 1871 года. Спб. 1875 г. Ц. 1 р. 50 к., перес. за 1 ф.

Аладьянъ, П. Пособіе гдсовладѣльцамъ осматривать и оцѣнывать свои имѣнія безъ помощи землемѣровъ, таксаторовъ и инструментовъ. М. 1875 г. Ц. 1 р., перес. за 1 ф.

Евтушевскій, В. Руководство для учителей и учительницъ къ преподаванію на-

чальной ариметики въ народныхъ школахъ. Спб. 1875 г. Ц. 75 к., перес. за 1 ф.

Стуколкинъ. Плоды досуга, источникъ веселья, забавы и смѣха. М. 1875 г. Ц. 4 р., перес. за 3 ф.

Голицынъ, Н. Всеобщая военная исторія новѣйшихъ временъ. Ч. 2-я. Спб. 1875 г. Ц. 5 р., перес. за 3 ф.

Миллеръ, Г. Зубы природные и искусственные. Исслѣдованіе доктора. Спб. 1875 г. Ц. 50 к., перес. за 1 ф.

Вушениъ, А. Ежегодникъ министерства финансовъ. В. 6-й. Спб. 1875 г. Ц. 2 р., перес. за 2 ф.

Вородинъ, А. Замѣтки о металлическомъ устройствѣ желѣзныхъ дорогъ. В. 1-й. Водоснабженіе. Спб. 1875 г. Ц. 1 р. 20 к., перес. за 1 ф.

Юзефовичъ, Л. О правѣ приращенія къ недвижимостямъ. Монографія по гражданскому праву. Одесса. 1875 г. Ц. 1 р., перес. за 1 ф.

Суворинъ, А. С. Русскій календарь на 1876 годъ. Спб. 1875 г. Ц. 1 р., перес. за 2 ф.

Ламоть, Убийца. Карлисты. Романъ. Перев. съ французскаго. М. 1875 г. Ц. 2 р., перес. за 2 ф.

Ламоть, Карлисты. Кровавый день. Романъ. Перев. съ французскаго. М. 1875 г. Ц. 2 р., перес. за 2 ф.

Иверсенъ, А. Сто-пятьдесятъ постепенныхъ практическихъ уроковъ начальной русской грамматики. Витебскъ. 1875 г. Ц. 30 к., перес. за 1 ф.

Никитинъ, В. Н. Вѣкъ пережить—не поле перейти (изъ рассказовъ отставнаго солдата).—Женитьба нищихъ (очеркъ изъ нравовъ петербургскихъ нищихъ).—Нтъ худа безъ добра (воспом. гробовщика).—Неурядица (очеркъ провинц. нрав.).—Несносная доля (исповѣдь женщины самоубійцы). Спб. 1875 г. Ц. 1 р. 25 к., перес. за 1 ф.

Гг. Иногородные благоволятъ адресоваться за всѣми вообще книгами, какъ вновь выходящими, такъ и прежде изданными.

ОБЪ ИЗДАНИИ ВЪ 1876 ГОДУ
ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЙ ГАЗЕТЫ
„НЕДѢЛЯ“

«НЕДѢЛЯ», какъ еженедѣльный общественно-политическій журналъ, имѣеть задачей давать читателямъ полныя обзорнія важнѣйшихъ фактовъ текущей жизни—русской и иностранной.

Эту цѣль преслѣдуютъ по преимуществу: передовыя статьи, хроники (внутренняя и иностранная), корреспонденціи (изъ провинціи и изъ-за границы), а также многія отдѣльныя статьи, очерки и этюды, посвящаемыя наиболѣе важнымъ и интереснымъ текущимъ событіямъ.

Внѣшній характеръ всѣхъ этихъ хроникъ и статей опредѣляется ихъ внутреннимъ содержаніемъ. Это не летучія извѣстія и замѣтки, вызываемыя какими-нибудь мимолетными фактами; это—обстоятельныя обзоры наиболѣе важныхъ и притомъ уже опредѣлившихся явленій, достойныхъ общественнаго вниманія.

Эти обзоры не представляютъ, однакоже, механической склейки фактовъ: въ основѣ ихъ всегда лежитъ извѣстная мысль, которая освѣщаетъ излагаемыя въ нихъ событія и выражаетъ взглядъ редакціи на текущія дѣла.

Но собственно обзоры составляютъ далеко не единственную задачу и даже не важнѣйшее содержаніе «НЕДѢЛИ». Рядомъ съ ними она даетъ очерки и рассказы, стихотворенія, критическія и библиографическія статьи, фельетонъ, и наконецъ замѣтки изъ текущей жизни.

При выборѣ очерковъ и рассказовъ, редакція всегда отдаетъ предпочтеніе тѣмъ изъ нихъ, которые взяты изъ дѣйствительной жизни и въ то же время представляютъ извѣстное художественное достоинство. Образцомъ такихъ очерковъ могутъ служить, изъ числа помѣщенныхъ въ «НЕДѢЛѢ» за текущій годъ: «Спириты и духи» (изъ сѣверо-американской жизни), «Зимній день въ казармѣ» (впечатлѣнія новобранца), «Лондонъ подъ землей и подъ водой», «Сутки между штудистами», «Божья дѣтя» (изъ быта нашихъ сельскихъ шволей), «Записки лягушки» (характеристика больничныхъ врачей), «Въ раскольниковѣй молебнѣ», «Царство журналистики», и др.

Въ статьяхъ литературно-и общественно-критическихъ, редакція, преслѣдуя общія цѣли, опредѣляемыя самымъ характеромъ такого рода статей, въ то же время ставитъ себѣ задачей раздвигать тѣ узкія, казенныя рамки, въ которыхъ съ нѣкотораго времени застыла русская мысль и которыя мѣшаютъ ея самобытному развитію. По убѣжденію редакціи, мы уже сдвинулись съ той «мертвой точки», на которой еще недавно стояла русская жизнь—пережили тотъ печальный періодъ, когда, казалось, изъ общественной дѣятельности вывѣтрилось всякое содержаніе и на первый планъ выступили наиболѣе грубые инстинкты,

когда литература готова была усомниться въ своей надобности и полезности, когда жизнь для многихъ была дешевле копейки; словомъ, тотъ періодъ, когда объ обществѣ можно было сказать переначенными словами Бѣлинскаго, что оно живетъ не мысля. Теперь въ самомъ обществѣ обнаруживаются признаки поворота къ иной, лучшей жизни. Правда, эти признаки пока еще очень слабы; но потому-то литература и должна помочь обществу выбраться изъ хаоса, въ которомъ оно живетъ: а этого, по мнѣнію редакціи «НЕДѢЛИ», можно достигнуть именно посредствомъ расширенія, если не совершеннаго разрушенія тѣхъ рамокъ, въ которыхъ гнѣвно покоилась русская мысль.

Направляя къ этой цѣли свои критическія статьи, редакція «НЕДѢЛИ» съ тою же цѣлью рѣшилась расширить съ будущаго года и библиографическій отдѣлъ въ своей газетѣ. Безпристрастные и серьезные отзывы о вновь выходящихъ книгахъ составляютъ лучшее средство для возбужденія интереса къ нимъ въ обществѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и къ поддержанію въ авторахъ и издателяхъ необходимой энергіи. Но такіе отзывы совсѣмъ перестали являться въ русскихъ журналахъ, которые если иногда и обращаются ко вновь вышедшей книгѣ, то не для того, чтобы говорить о ней самой, а чтобы по поводу ея высказывать тѣ или другія мысли. Редакція «НЕДѢЛИ» и съ своей стороны не отказывается отъ статей «по поводу» книгъ; но въ отдѣлѣ библиографіи она будетъ говорить исключительно о самыхъ книгахъ, чѣмъ надѣется оказать серьезную услугу и читающей публикѣ, и всему книжному дѣлу въ Россіи.

Въ отдѣлѣ библиографіи будутъ принимать участіе между прочимъ: проф. К. Н. Вестужевъ-Рюминъ, проф. А. Н. Веселовскій, К. Д. Кавелинъ, Н. И. Костомаровъ, проф. О. Э. Миллеръ и мн. др.

Сроки выхода «НЕДѢЛИ» остаются прежніе: она будетъ выходить ежедневно, по воскресеньямъ, въ количествѣ 52-хъ номеровъ въ годъ.

ПОДПИСКА НА 1876 ГОДЪ ОТКРЫТА:

Подписная цѣна „НЕДѢЛИ“: на годъ, съ 1-го января, 8 р., на полгода—5 р., съ пересылкой и доставкой.

Годовые подписчики, желающіе выписать вмѣстѣ съ газетой изданный редакціей сборникъ «Русскіе общественные вопросы», цѣна котораго 4 руб. пользуются уступкой и высылаютъ только 11 руб. Въ этомъ сборникѣ, составляющемъ большой томъ въ 50 печатныхъ листовъ, помѣщены статьи: П. С. Бялюстина, П. Д. Боборыкина, князя А. И. Васильчикова, П. А. Гайдебурова, А. Э. Жохова, Е. И. Конради, бар. Н. А. Корфа, И. Г. Орнанскаго, В. Н. Майнова, Н. В. Шелгунова, М. К. Цебриковой, А. В. Яковлева и др.

Подписка на «НЕДѢЛЮ» принимается: въ С.-Петербургѣ, въ редакціи «Недѣли», на углу Ивановской и Кабинетской, № 6—12.

ОБЪ ИЗДАНИИ ВЪ 1876 ГОДУ

ЕЖЕМЪСЯЧНАГО ИСТОРИЧЕСКАГО ИЛЛЮСТРИРОВАННАГО СБОРНИКА

„ДРЕВНЯЯ И НОВАЯ РОССІЯ“.

ВТОРОЙ ГОДЪ.

Въ 1876 году сборникъ „ДРЕВНЯЯ И НОВАЯ РОССІЯ“ будетъ издаваться по той же программѣ и на тѣхъ же условіяхъ, какъ и въ текущемъ году, но безъ предварительной цензуры. Такое облегченіе, полученное сборникомъ, послужитъ, разумѣется, къ существенному расширенію и улучшенію его историко-литературнаго отдѣла; что же касается внѣшности изданія, то въ ней произойдетъ лишь одна перемена: рисунки будутъ помѣщаться не въ текстѣ, а на отдѣльныхъ листахъ. Редакція не можетъ опредѣлить количества художественныхъ приложеній къ каждой книжкѣ, такъ какъ это зависитъ отъ содержанія статей, но въ теченіе года будетъ дано не менѣе 40—50 гравюръ на деревѣ, литографій и хромотографій.

Въ историко-литературномъ отдѣлѣ сборника „ДРЕВНЯЯ И НОВАЯ РОССІЯ“, въ 1876 году, будутъ принимать участіе слѣдующія лица, болѣею частію уже доставившія въ редакцію обѣщанныя ими статьи:

Проф. Н. Я. Аристовъ.—А. П. Барсуковъ.—Проф. К. Н. Бестужевъ-Рюминъ.—Н. Г. Богословскій.—Проф. А. Г. Бригнеръ.—Баронъ Ѳ. А. Бюлеръ.—Е. А. Бѣловъ.—Проф. В. Г. Васильевскій.—Ѳ. А. Витбергъ.—В. П. Гаевскій.—Проф. В. И. Герье.—П. А. Гильтебрандтъ.—Акад. Я. К. Гротъ.—Проф. М. П. Драгомановъ.—П. Я. Дашковъ.—М. Ѳ. Де-Пуле.—Г. В. Есиповъ.—И. Е. Забѣлинъ.—Проф. Е. В. Замысловскій.—Проф. В. С. Иконниковъ.—Проф. Д. И. Иловайскій.—В. П. Карновичъ.—Проф. Г. Ѳ. Карповъ.—Проф. В. О. Ключевскій.—Проф. Д. А. Корсаковъ.—Проф. Н. И. Костомаровъ.—А. М. Лазаревскій.—Проф. В. И. Ламанскій.—Л. Н. Майковъ.—В. Н. Майновъ.—П. К. Мартыановъ.—Проф. О. Ѳ. Миллеръ.—Д. Л. Мордовцевъ.—Проф. И. С. Некрасовъ.—В. И. Немировичъ-Данченко.—П. Н. Петровъ.—П. Н. Полевой.—Проф. Н. А. Поповъ.—А. Н. Поповъ.—В. П. Поповъ.—П. А. Ровинскій.—Проф. А. В. Романовичъ-Славатинскій.—А. И. Савельевъ.—Проф. Д. Я. Самосквасовъ.—М. В. Свирѣлинъ.—Акад. С. М. Соловьевъ.—В. В. Стасовъ.—Н. П. Степановъ.—А. А. Сонцовъ.—Акад. М. И. Сухомлиновъ.—И. А. Тихомировъ.—К. Н. Тихонравовъ.—Л. Н. Трефолевъ.—Ѳ. М. Уманецъ.—И. П. Хрущовъ.—Н. А. Чаевъ.—Проф. С. М. Шпилевскій.

Кромѣ того, въ сборникѣ 1876 года будутъ напечатаны посмертныя сочиненія академика Н. Г. Устрялова (Неизданная глава изъ 5-го тома „Исторія царствованія Петра Великаго“ и „Воспоминанія“) и М. Д. Хмырова.

Въ художественномъ отдѣлѣ сборника будутъ принимать участіе художники и граверы: П. Ѳ. Борель, И. И. Баулинъ, Н. А. Гоголинскій, Г. В. Глушковъ, И. А. Космаковъ, И. И. Матюшинъ, А. А. Шлиперъ.

Къ первой книгѣ сборника 1876 г. будетъ приложена, между прочимъ, большая литографія на тону съ картины проф. В. И. Якоби „Волинскій въ засѣданіи кабинета-министровъ“.

Сборникъ „ДРЕВНЯЯ И НОВАЯ РОССІЯ“ выходитъ ежемѣсячно книжками, въ размѣрѣ отъ десяти до двѣнадцати печатныхъ листовъ большого формата, in 4°, въ два столбца печати на страницѣ, съ нѣсколькими портретами и рисунками въ приложеніи, такъ что, по окончаніи года, составитъ три большихъ тома, отъ 120 до 150 печатныхъ листовъ, съ 40—50 гравюрами на деревѣ, литографіями и хромофотографіями.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на годовой экземпляръ сборника, состоящій изъ двѣнадцати книгъ:

Для гг. городскихъ подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ: 12 р. 50 к. съ доставкою на домъ, 12 р. безъ доставки. Для иногородныхъ: 1) въ Москвѣ: 13 р. 50 к. съ доставкою на домъ, 12 р. 50 к. безъ доставки. 2) въ губерніи: 13 р. съ пересылкою. Для заграничныхъ: 14 р. — всѣ Европа (кромя Франціи), 16 р. — Франція.

Подписка на 1876 годъ принимается въ Петербургѣ, въ конторѣ редакціи сборника, при хромофотографіи и типографіи издателя В. И. Граціанскаго, Невскій пр., д. № 46, рядомъ съ Пассажемъ; въ Москвѣ, въ кн. маг. И. Г. Соловьева, Страстной бульваръ, д. Алексѣева.

Иногородные исключительно обращаются въ контору редакціи.

Разсрочка платежа подписной суммы для частныхъ лицъ допускается по соглашенію съ конторою редакціи, для служащихъ — черезъ посредство ихъ казначеевъ.

Подписка на 1875 годъ продолжается.

Сборникъ «ДРЕВНЯЯ И НОВАЯ РОССІЯ» за 1875 годъ, состоящій изъ трехъ томовъ, по четыре книжки въ каждомъ, и заключающій около 150 печатныхъ листовъ большого формата, in 4°, въ два столбца печати на страницѣ, съ 65 гравюрами на деревѣ, литографіями и хромофотографіями, можно получать въ конторѣ редакціи по слѣдующей цѣнѣ: въ каленборовомъ переплетѣ, съ золотымъ тисненіемъ 15 р., въ папкѣ 13 р., въ бумажной обложкѣ 12 р.

О Б Ъ И З Д А Н І И Ж У Р Н А Л А

„ЗНАНИЕ“

В Ъ 1876 Г О Д У (Г О Д Ъ V I).

Журналъ «ЗНАНИЕ» будетъ издаваться въ 1876 году (съ 26-го января) по прежней программѣ и въ прежнемъ объемѣ.

Подписная цѣна журнала въ годъ:

Безъ доставки и пересылки. 12 р.
 Съ доставкою на домъ въ С.-Петербургѣ. 13 р.
 Съ пересылкою въ другіе города. 13 р. 50 к.

Подписка принимается:

Въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ редакціи, Литейная, № 62, и въ «Книжномъ магазинѣ для иногородныхъ», М. П. Надѣина, Невскій пр., № 44; въ Москвѣ—въ «Центральномъ книжномъ магазинѣ», Никольская, домъ Славянскаго базара и въ книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева, Страстной бульваръ домъ Алексѣева.

Г. иногородные благоволятъ обращаться исключительно въ редакцію журнала «ЗНАНИЕ», въ С.-Петербургѣ, Литейная, № 62.

Для подписавшихся въ редакціи допускается разсрочка на слѣдующихъ условіяхъ: при подпискѣ вносится 5 р. 50 к., къ 1-му мая—4 р. и къ 1-му сентября—4 р.

Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ продаются слѣдующія изданія редакціи журнала „ЗНАНИЕ“.

Джонъ Лэббокъ. Начало цивилизаціи. Умственное и общественное состояніе дикарей. Пер. съ англ. Ц. 2 р. 50 к.

Эдуардъ Тейлоръ. Первобытная культура. Исслѣдованіе развитія миеологии, философіи, религіи, искусства и обычаявъ. 2 тома. Пер. съ англ. Ц. за оба тома 6 р.

Джонъ Г. Льюисъ. Вопросы о жизни и духѣ. Т. I. Пер. съ англ. Ц. 2 р. 50 к.

Франсисъ Гальтонъ. Наслѣдственность таланта. Ея законы и послѣдствіе. Пер. съ англ. Цѣна 2 р.

Опытъ исторіи мысли. Вып. I. Ц. 1 р. 25 к.

Джиффордъ Пальгрэвъ. Путешествіе по Восточной и Средней Аравіи. Пер. съ англ. Ц. 2 р. 50 к.

Васни и сказки дикихъ народовъ. Пер. съ англ. Ц. 75 к.

Международная Научная Библіотека.

I. Вальтеръ Веджготъ. Естественное и Политика. Мысли о пригѣненіи началъ естественнаго подбора и наследственности къ политическому обществу. Пер. съ англ. Ц. 1. 50 к.

II и III. Гербертъ Спенсеръ. Изученіе соціологіи. Пер. съ англ. Ц. за два тома 3 р.

IV. Германъ Фогель. Химическія дѣйствія свѣта и фотографія въ ихъ пригѣненіи къ искусству, наукѣ и промышленности. Съ политипажами и фотографіями. Пер. съ нѣм. Ц. 3 р.

V. Э. Марей. Механика животнаго организма. Съ 117 политипажами. Пер. съ франц. Ц. 2 р.

VI. Вальфуръ Стюартъ. Сохраненіе энергіи. Пер. съ англ. Ц. 1 р.

VII. Гендри Маудсли. Отвѣтственность при душевныхъ болѣзняхъ. Пер. съ англ. Ц. 2 р. 50 к.

Выписывающіе означенныя изданія черезъ посредство редакціи журнала «ЗНАНИЕ» за пересылку ничего не платятъ, а подписчики журнала «ЗНАНИЕ» пользуются, кромѣ того, уступкою 20% съ объявленной цѣны.

ВЪ МУЗЫКАЛЬНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

Коммисіонеровъ Московскаго Отдѣленія Императорскаго Русскаго Музыкальнаго
Общества

I. ЮРГЕНСОНА,

С.-Петербургъ, Большая Морская, № 9
(на углу Невскаго проспекта)

П. ЮРГЕНСОНА,

Москва, Петровка, № 6
(на углу Кузнецкаго моста)

поступило въ продажу

НОВОЕ ДЕШЕВОЕ ИЗДАНІЕ ЮРГЕНСОНА:

Виллоба: „150 русскихъ народныхъ пѣсенъ“, переложенныхъ для одного фортепiano (1 р. 50 к.); для одной скрипки (1 р.); для виолончели (1 р.); для флейты (1 р.); для корнетъ-а-пистона (1 р.); для семиструнной гитары (1 р. 50 к.); для гармоніума или фисгармонки (1 р. 50 к.); для фортепiano со скрипкою (2 р. 50 к.); для фортепiano съ виолончелью (2 р. 50 к.).

Для фортепiano: Шопенъ, Всѣ 19 вальсовъ (1 р.); Всѣ 14 вальсовъ (1 р.). Мендельсонъ, Всѣ 48 пѣсенъ безъ словъ (2 р.). Дюбюкъ, 40 избранныхъ мелодій Шуберта (2 р.). Мендельсонъ, Полное собраніе его фортепiанннхъ сочиненій, въ 5 томахъ (8 р., вѣс. за 12 ф.). Шуманъ, Полное собраніе его фортепiанннхъ сочиненій, въ 6 томахъ (12 р., вѣс. за 16 ф.). Шопенъ, Полное собраніе его фортепiанннхъ сочиненій въ 6 томахъ (подписная цѣна 15 р., вѣс. за каждый томъ за 4 ф.). Тома: 1, 2, 3 и 4 вышли, а тома 5 и 6 печатаются. Шуманъ, Альбомъ для юности, „Jugend-Album“, op. 68 (1 р. 50 к.). Фляльдъ, 17 вальсовъ (60 к.). Огнискій, 14 польскихъ (50 к.). Куллакъ, „Kinderleben“, 24 легкихъ пьесъ, 2 гетр. (по 75 к.).

Для пѣнія: Чайковскій, Соч. 27. Шесть романсовъ: На сонъ грядущій; Смотри, вотъ облако; Не отходи отъ меня; Вечеръ; Али мать меня; Моя баловница (2 р. 50 к.). Соч. 28. Нѣтъ, никогда не назову; Корольки; Зачѣмъ; Онъ такъ меня любилъ; Ни отъ зова, ни слова; Страшная минута (2 р. 25 к.); Полныя оперы для пѣнія съ русскими словами: Волшебный стрѣлокъ (3 р.); Донъ-Жуанъ (4 р.); Фаустъ (4 р.); 50 избранныхъ романсовъ: Бетховена, Моцарта, Мендельсона, Мейербергера, Кюлена, Гумберта и др. съ русскими словами (3 р.).

Полныя оперы: Глинка, „Жизнь за Царя“ для пѣнія (15 р.); для фортепiano въ двѣ руки (6 р.); въ 4 руки (15 р.); „Русланъ и Людмила“ для пѣнія (15 р.); въ двѣ руки (6 р.). Даргомыжскій, „Русалка“, для пѣнія (15 р.); въ двѣ руки (6 р.). Стрѣвъ, „Рогнеда“, для пѣнія (16 р.); въ двѣ руки (6 р.). Верстовскій, „Аскольдова могила“, для пѣнія (12 р.); въ двѣ руки (4 р.).

За пересылку прилагается особо и взимается съ общаго вѣса посылки. Каталогъ дешевыми изданіями высылается безплатно. Требованія Гг. иногородныхъ исполняются съ первоотходящею почтою. Въ этихъ же магазинахъ можно получить всѣ музыкальныя произведенія, ками бы они ни были изданы и объявлены.

Принимается подписка на дешевый музыкальный журналъ для фортепiano „Die musikalische Welt“, на 1876 (годъ 5), издаваемый Г. Литольфомъ въ Брауншвейгѣ и содержащій ежемѣсячно отъ 5 до 6 новѣйшихъ пѣсь любимыхъ современныхъ композиторовъ. Годовая цѣна подписки 2 р. 70 к., съ пересылкою 4 р.

Принимается подписка на ежемѣсячное историческое изданіе,
выходящее въ С.-Петербургѣ:

„РУССКАЯ СТАРИНА“

1876 г. (седьмой годъ изданія).

Цѣна за 12-ть книгъ, со всѣми приложеніями: портретами, рисунками и снимками — **ВОСЕМЬ** рублей съ доставкой и съ пересылкой.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ конторѣ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ — въ книжномъ магазинѣ А. Ф. Ваунова (Невскій, 30); въ Москвѣ, въ книжномъ магазинѣ Ил. Григорьевича Соловьева — на Страстномъ бульварѣ, д. Алексѣева.

Гг. Иногородныякъ подписчиковъ просить обращаться исключительно въ редакцію „РУССКОЙ СТАРИНЫ“, въ С.-Петербургѣ, Надеждинская улица, д. Трута, кв. № 12.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки (мемуары) и воспоминанія. — II. Историческія изслѣдованія (монографіи), обзоры, очерки и рассказы объ отдѣльныхъ эпохахъ и событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII и XIX вѣковъ. — III. Живнеописанія достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, духовныхъ и свѣтскихъ писателей, артистовъ и пр. — IV. Очерки изъ исторіи русской литературы и искусства и матеріалы къ нимъ: ненаданныя почему-либо въ свое время произведенія извѣстныхъ отечественныхъ писателей и артистовъ, ихъ переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники, статьи полемическія и проч. — V. Историческіе рассказы и анекдоты; эпиграммы, пародіи, шутки изъ рукописной литературы XVIII и начала XIX в.

Въ „Русской СтаринѢ“ 1876 г. будутъ прилагаемы приготовленные уже для ея портреты русскихъ замѣчательныхъ дѣятелей, гравюры на мѣди акад. Пожалостина и гравюры на деревѣ акад. Сѣрякова; также рисунки, снимки съ писемъ, вишетенъ и проч.

Отпечатано и поступило въ продажу новое третье изданіе „Русской Старины“ 1870-го года съ портретами, снимками и съ приложеніемъ I-го тома записокъ Волотова, украшеннаго 60-ю рисунками, вновь исполненными акад. Л. А. Сѣряковымъ.

Цѣна „Русской Старины“ 1870 г. (первый годъ) третье изданіе 8 руб. съ пересылкой.

Цѣна „Русской Старины“ 1876 г. (седьмой годъ) 8 рублей съ пересылкой.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА
„ЖУРНАЛЬ ОХОТЫ“

(органъ императорскаго общества правильной охоты),

издаваемый подъ редакціей Л. Н. Сабанѣва.

(ГОДЪ ТРЕТІЙ).

Въ 1876 г. будетъ выходить ежемѣсячно, книгами въ 5 листовъ убористой печати (не считая приложений), на зеленой бумагѣ, съ хромолитографіей или литографіей въ каждой книгѣ и многими политипажамъ въ текстѣ.

Съ 1876 года начнутся печатаніемъ особыми приложениями: Записки всякаго охотника, П. М. Мачеварианова и охотничьи птицы Россіи, Л. П. Сабанѣва.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА 8 РУБ.; СЪ ПЕРЕСЫЛКОЙ И ДОСТАВКОЙ НА ДОМЪ 9 РУБ.

Лица, подписывающіеся въ конторахъ редакціи (Москва, Петровка, домъ Самариной, и С.-Петербургъ, Малая Садовая, домъ Демидова, кв. № 60) могутъ получать ЖУРНАЛЬ ОХОТЫ вмѣстѣ съ СБОРНИКОМЪ „ПРИРОДА“ на 1876 г.—за 20 р. съ пересылкою и доставкою на домъ.

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ, ИЗДАННЫЯ РЕДАКЦІЕЙ СБОРНИКА „ПРИРОДА“
 (подписчики пользуются уступкой 20%)

Рыбы Россіи. Жизнь и ловля нашихъ прѣсноводныхъ рыбъ. Л. П. Сабанѣва. Въ 3-хъ выпускахъ. Съ 6 отд. рисунками и 438 полит. рыбъ и снарядовъ для ловли и ужения рыбъ. Цѣна 3 р. 50 к. Одобрено Мин. Нар. Просв. для библиотекъ учебныхъ заведеній.

Устройство человѣческаго тѣла, представленное на раскладныхъ хромолитографическихъ рисункахъ. Изданіе 3-е. Съ текстомъ и полит. Цѣна 1 р. 50 к. Одобрено Мин. Нар. Просвѣщ. и Глави. Управ. Военноучебныхъ заведеній, какъ пособие для среднихъ учебн. заведеній.

Фламмаріонъ. Небесная свѣтила. Популярная Астрономія. Съ 75 политип. Цѣна 1 р. 50 к. Одобрено М. Н. Просв. для библиотекъ учебн. заведеній.

На дняхъ поступитъ въ продажу: Леббонъ. До-историческія времена. Съ 224 полит. Цѣна 3 р. 50 к.

„ПРИРОДА“

(ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ),

ПОПУЛЯРНЫЙ ЕСТЕСТВЕННО-ИСТОРИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ,

издаваемый подъ редакціей проф. С. А. Усова и Л. Н. Сабанѣва.

Одобренъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія для библиотекъ учебныхъ заведеній.

Въ 1876 году СБОРНИКЪ „ПРИРОДА“ будетъ выходить по прежней программѣ, 4 раза въ годъ, книгами большого формата, на зеленой бумагѣ, около 27 листовъ, съ 7—9 хромолитографіями (часть которыхъ будетъ исполняться съ оригинальныхъ рисунковъ художника Н. Ав. Мартынова, известнаго литографомъ Лемерсье, въ Парижѣ), фотолитографіями и литографіями, и 100—150 политипажамъ въ каждой книгѣ.

Подписная цѣна на 4 книги 12 р., съ перес. и доск. на домъ 18 р. 50 к. (въ отдѣльной продажѣ каждая книга по 4 р., съ пересылкою на счетъ редакціи).

Подписка принимается въ Москвѣ—въ редакціи Сборника „ПРИРОДА“ и „ЖУРНАЛА ОХОТЫ“ (Петровка, домъ Самариной, противъ Петровскаго монастыря), у книгопродавцевъ—И. Г. Соловьева, Н. И. Мамонтова (бывшій А. И. Глазунова), А. Л. Васильева и въ Центральномъ книжномъ магазинѣ; въ С.-Петербургѣ—въ отдѣльныхъ конторахъ редакціи (Малая Садовая, домъ Демидова, кв. № 60) и у всѣхъ главныхъ книгопродавцевъ. Инородные благоволятъ обращаться исключительно въ контору редакціи—въ Москвѣ, 4-ая книга Сборника на 1875 годъ выйдетъ въ непродолжительномъ времени, а 1-я на 1876 г.—въ январѣ.

Подписчики на 1876 годъ могутъ получать въ конторахъ редакціи книги Сборника по слѣдующей уменьшенной цѣнѣ:

Всѣ 14 книгъ (2 за 1873, 4 за 1874, 4 за 1875 и 4 за 1876 г.) за 38 р. съ пересылкой, 4 кн. 1875 и 4 кн. 1876 г.—24 р., 4 кн. 1874 и 4 кн. 1875 г.—22 р., 4 кн. 1875 г.—12 р., 4 кн. 1874 г.—11 р., 2 кн. 1873 г.—6 р. Каждую книгу 1873, 1874 и 1875 г. за 3 р.

„ДЛЯ ЛЕГКАГО ЧТЕНІЯ“

Тщательный выборъ литературныхъ произведеній, имѣющихъ особенный интересъ и могущихъ удовлетворить изящному вкусу и развитой мысли образованныхъ людей. Изящная внѣшность. Удобный форматъ. Каждое произведеніе помѣщается вполнѣ въ одномъ или нѣсколькихъ томахъ и поступаетъ въ отдѣльную продажу.

Независимо отъ отдѣльной продажи, редакция, для болѣе удобнаго распространенія издаваемыхъ ея книгъ, принимаетъ подписку по сериямъ, состоящимъ изъ 20 томовъ, а также на половину серіи или 10 томовъ, по слѣдующей цѣнѣ, общедоступной для всѣхъ любителей легкаго чтенія, вначительной пониженной противъ цѣнъ отдѣльной продажи:

За 20 томовъ 12 р., — съ перес. и дост. 13 р.
 > 10 > 6 > 50 > > > > 7

Изъ первой серіи 10 томовъ предоставляется выписывать по выбору изъ 20. По истощающему времени вышли 20 томовъ первой серіи и 7 томовъ второй. Въ нихъ напечатаны слѣдующія произведенія:

ПЕРВАЯ СЕРІЯ.

1-й томъ. Разказы Бретъ-Гарта. Изъ калифорнійской жизни. Ц. въ отдѣльной продажѣ 1 р. 50 к.

2 и 3. Некушленіе. Романъ Фанни Левальдъ. Изъ остзейскаго быта. Ц. 2 р. 75 к.

4 и 5. Эпигоны въ Ремеръ. Романъ Гр. Самарова. Изъ современныхъ политическихъ событій. Ц. 1 р. 75 к.

6 и 7. Двѣ Императорскія Короны. Романъ Гр. Самарова. Тоже. Ц. 2 р.

8 и 9. Последнее Прощаніе Легіонеровъ. Романъ Гр. Самарова. Тоже. Ц. 1 р. 75 к.

10, 11 и 12. Вальдорфидъ. Романъ (семейная хроника) изъ франко-германской войны. В. Ауэрбаха. Ц. 3 р. 50 к.

13. Большіе корабли. Романъ В. Клюшниковъ. Изъ московской жизни. Ц. 2 р.

14. Французскій театръ. Четыре новыя пьесы Октава Фелье, Александра Дюма, Эдмонда Гондиза и Эмиля Ожье. Ц. 2 р.

15 и 16. Тулійская Принцесса. Романъ новаго англійскаго писателя Вильяма Блэка. Ц. 3 р.

17. Пріемъ къ цѣли. Романъ Амедей

Ашара. Изъ современной парижской жизни. Ц. 1 р. 50 к.

18. Приюденъ Пальфрей. Романъ американскаго писателя Томаса Альдриха. Ц. 1 р. 25 к.

19. Вадли-Орлицъ. Романъ Вильгельмими фонъ-Гиллертъ. Изъ жизни въ Тирольскихъ Альпахъ. Ц. за 2 т. 3 р.

20. Кресть и Мечъ. Романъ Гр. Самарова. Томъ I. Ц. за 2 т. 3 р.

ВТОРАЯ СЕРІЯ.

21 томъ. Маленькій человекъ. Романъ Альфонса Додэ. Перев. съ французскаго. Ц. 1 р. 25 к.

22. Юннская Роза. Романъ м-сь Олифантъ. Перев. съ англійскаго. Ц. 1 р. 25 к.

23. Судьбы Поля Гардинга. Романъ Адольфа Приппа. Изъ современной бельгійской жизни. Ц. 80 к.

24. Кресть и Мечъ. Т. II и посл. 25 и 26. Мы и наши сосѣди. Новый романъ Бичеръ-Стоу. Ц. 2 р. 50 к.

27. Десять лѣтъ изъ моей жизни. Записки принцессы Сальтъ-Сальтъ. Ц. 1 р. 25 к.

Подписывающіеся на вторую серію получаютъ 1-й томъ романа „Кресть и Мечъ“ бесплатно. Выписывающіе первую серію получаютъ бесплатно 2-й томъ.

Подписка принимается въ редакціи „Для легкаго чтенія“, въ С.-Петербургѣ, на Николаевской ул., д. № 64. Въ отдѣльной продажѣ вышеозначенныя книги находятся у извѣстѣйшихъ книгопродавцевъ.

BULLETIN LITTÉRAIRE

de la librairie de CHARLES RICKER (A. M a n x).

St.-Petersbourg, Perspective de Nevsky, № 14.

Nouveautés d'Août 1875.

- AMARI, M.** Le epigrafi arabiche di Sicilia. 16 r.
- BACH, O.** Nationale Gegensätze. Roman. 2 Bde. 4 r. 50 k.
- BARKER.** Stationsleben auf Neuseeland. 1 r. 75 k.
- BAUDISSIN, GRAF. U.** Eine Wanderung durch Jahrtausende. Ein culturgeschichte. Novellencyclus. 3 r.
- BELOT.** Une maison centrale de femmes. 1 r. 20 k.
- BEMATZ, I.** Palestine. Nouvel album de la terre sainte. 13 r. 40 k.
- BOST, J.** Souvenirs d'Orient. 2 r. 80 k.
- BRANDE, V.** Glossarium illustrans bohémico-moravicae historiae fontes. 3 r.
- BUNGE, F.** Baltische Geschichtstudien. Lf. 2. Der Orden der Schwertbrüder. 1 r. 23 k.
- CARLOS DE BONILLA.** La guerre en Espagne 1833—1872. 2 r.
- CASTELAR, E.** Erinnerungen an Italien. Deutsch v. Schanz. 1 r. 50 k.
- CATALOGUE** of oriental coins in the british Museum. vol. I. 6 r.
- COMPARETTI, D.** Vergil im Mittelalter. Deutsch v. Dutschke. 3 r.
- COZZA, G.** Dell'antico codice della geografia di Strabone scoperto nei palinsesti della badia di Grotta ferrata. 1 r. 20 k.
- DELABORDE.** Le département des estampes à la bibliothèque nationale. 2 r.
- DIXON, H.** Whit conquest, America. 1875. 2 vls. 15 r.
- DRESSLER, O.** Grundriss der physischen Anthropologie als Grundlage der Erziehungslehre. I. 2 r.
- FEVAL.** Les cinq. 2 vls. 2 r. 40 k.
- FORCHHAMMER, F. W.** Daduchos. Einleitung in das Verständniß der hellenischen Mythen. 3 r. 50 k.
- GALEN, Ph.** Einsiedler vom Abendberg. 3 Bde. 9 r.
- GALLENGA.** Italy revisited. 2 vls. 15 r.
- GAUTIER, TH.** Poesies complètes. 1 r. 40 k.
- GOTTFRIED v. STRASSBURG.** Tristan u. Isolde. 2 Afl. uebers. v. N. Simrock. 4 r. 50 k.
- GOTTI, A.** Le gallerie e musei di Firenze. 3 r.
- GOTTI, A.** Vita di Michelangelo Buonarroti. 6 r.
- HAHN-HAHN, IDA v. Nirwana.** Eine Erzählung. 2 Bde. 4 r.
- JACOB, P.** Mystificateurs et mystifiés. Histoire comiques. 1 r. 20 k.
- JEVONS, W.** Money and the mechanism of exchange. 2 r. 50 k.
- KUNST, DEUTSCHE** in Bild u. Lied Hrsg. v. A. Träger. 1876. geb. 8 r. 50 k.
- LANG, W.** Transalpinische Studien. 2 Bde. 3 r.
- LIPP, A.** Der Kohlen-Export nach dem Ostan. 12 r.
- LIVRE, le, d'une mère.** Par Pauline L. 2 r. 40 k.
- LOOF, F. W.** Geschichte der Astronomie. 1 r. 50 k.
- LUDWIG, A.** Die philosophischen u. religiösen Anschauender. Veda in ihrer Entwicklung. 1 r. 20 k.
- MONSELET, C.** Les années de gaieté. 1 r. 40 k.
- MOTAIS, A.** Salomon et l'ecclésiaste. Étude eritique. 6 r.
- MÜLLER, K. O.** Geschichte der griechischen Literatur bis auf d. Zeitalter Alexanders. 3 Ausg. m. Anm. v. Heitz. I. 3 r.
- MÜLLER, H.** Chronik des hannoverschen Theaters. 2 r. 50 k.
- MÜLLER v. KÖNIGSWINTER, W.** Dichtungen e. rheinischen Poeten. 5 Bd. Rhein. Marchenbuch. 2 r.
- NADAL, E.** Impressions of London social life. 3 r. 75 k.
- NOTOMB.** Essai historique et politique sur la revolution belge. 2 vls. 4 ed. 4 r. 80 k.
- PAULUS.** Die Cernirung v. Metz im Jahre 1870. 4 r.
- PERROT, F.** Der Bank u. Actienschwindel. Abth. III. Das Actienschwinden. 2 r.

ВЪ КНИЖНОМЪ СКЛАДѢ ТИПОГРАФІИ М. СТАСЮЛЕВИЧА

С.-Петербургъ, Вас. Остр., 2-я лин., 7.

ПОМѢЩАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ ИЗДАНІЯ

СОЧИНЕНІЙ ГР. А. К. ТОЛСТОГО:

СТИХОТВОРЕНІЯ ГРАФА А. К. ТОЛСТОГО

Одинъ томъ. Спб. 1867. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

СМЕРТЬ ІОАННА ГРОЗНАГО

Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ.

Спб. 1866. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

ЦАРЬ ОЕДОРЪ ІОАННОВИЧЪ

Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ.

Спб. 1869. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

КНЯЗЬ СЕРЕБРЯНЫЙ

Повѣсть времянь Іоанна Грознаго.

Второе изданіе. Спб. 1869. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Книгопродавцы пользуются уступкою 25%.

75 КОПѢЕКЪ—КАЖДАЯ КНИГА

РУССКАЯ БИБЛИОТЕКА

ОБЩЕДОСТУПНОЕ ИЗДАНИЕ РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ.

I.—А. С. ПУШКИНЪ.

Первый отдѣлъ: Мѣднйй Всадникъ. — Полтава. — Борисъ Годуновъ. — Русалка. — Евгенийъ Онегинъ (гл. 2-я и 6-я). — Братья-разбойники. — Галубъ.

Второй отдѣлъ: Пѣсни, сказки и пр., всего 26.

Третій отдѣлъ: Арапъ Пегра Великаго. — Лѣтопись села Горохвина. — Дубровский.

II.—М. Ю. ЛЕРМОНТОВЪ.

Первый отдѣлъ: Демонъ (весь). — Пѣсни про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалаго купца Калашникова. — Дума. — Три Пальмы. — Мцыри (изъ исповѣди). — Сказка для дѣтей, и мелкія стихотворенія, всего до 40.

Второй отдѣлъ: I. Герой нашего времени: Максимъ Максимичъ; Тамань; Фаталистъ. — II. Два отрывка изъ начатой повѣсти.

III.—Н. В. ГОГОЛЬ.

I. Старосвѣтскіе помѣщики. — II. Вій. — III. Разсказъ о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ. — Ревизоръ (два послѣднія дѣйствія). — Мертвыя души (первыя четыре главы).

IV.—В. А. ЖУКОВСКІЙ.

Сельское кладбище. — Свѣтлана. — Пѣвецъ во станіи русскихъ воиновъ. — Аббадона. — Золота арфа. — Овсянникъ кисель. — Графъ Габсбургскій. — Орлеанская дѣва (Прологъ). — Шильонскій узникъ. — Торжество побѣдителей. — Спящая царевна. — Война мышей и лягушекъ. — Сказка о царѣ Берендѣѣ. — Ундина (9 главъ). — Рустемъ и Зорабъ (Третій бой). — Сказка о Иванѣ Царевичѣ. — Одиссея (9-я пѣсня). — Царскосельскій лебедь и др. мелкія стихотворенія.

V.—А. С. ГРИБОѢДОВЪ.

Первый отдѣлъ: Планъ драмы и сцена. — Лубочный театръ. — Хищникъ на Чегемѣ. — Своя семья, и пр.

Второй отдѣлъ: Горе отъ ума, комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ.

Третій отдѣлъ: Драматическій писатель и публика. — Грузинская ночь. — Письма къ друзьямъ.

При каждомъ томѣ: портретъ, біографія и извлеченіе изъ критики Вѣлинскаго.

Шестая книга — И. С. ТУРГЕНЕВЪ — выйдетъ въ декабрѣ.

ЦѢНА: Всѣ пять томовъ вмѣстѣ—3 р. 75 к. въ бум., и 5 руб. въ пер.; съ пересылкою: 5 р. въ бум., и 6 р. 25 к. въ пер.

Книгопродавцы, земскія управы и учебныя заведенія, обращающае въ Книжный Складъ Типографіи М. Стасюлевича, въ Спб., Вас. О., 2 лив., 7, пользуются уступкою 20% съ цѣны экземпляра: 3 р. въ бум. и 4 р. въ пер.; съ пересылкою: 4 р. 25 к. въ бум., и 5 р. 25 к. въ пер.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ЛИСТОКЪ.

борники Императорскаго русскаго историческаго Общества. Т. XIV. Сиб. 1875. Стр. 544. Ц. 3 руб.

Настоящій выпускъ „Сборника“ служить продолженіемъ историческихъ свѣдѣній объ Екатерининской комиссіи, и составляетъ именно пятій ихъ томъ. Это уже петербургскія записки 1768 года; депутаты разсуждаютъ о законахъ, относящихся до устройства и производства суда. Мы ограничиваемся теперь одними свѣдѣніями на выходѣ въ свѣтъ новаго выпуска этихъ интересныхъ и важныхъ для науки свѣдѣній, такъ какъ въ ближайшей книжкѣ журнала посвящается этому предмету особый статья.

Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Соч. Сергія Соловьева. Т. XXV. М. 1875. Стр. 379. Ц. 2 руб.

Съ настоящаго выпуска нашъ почтенный историкъ вступаютъ въ великую эпоху—царствованіе Екатерины II. Только первая глава посвящена непосредственному правленію имп. Петра III, а въ послѣднія остаются на одномъ первомъ годѣ новаго царствованія. Такъ далеко и въ такомъ широкомъ масштабѣ русская исторія не захватывала; со времени Екатерины II, можно сказать, она приобретаетъ весь интересъ современности, а потому начало новой эпохи въ трудѣ С. М. Соловьева и все дальнѣйшее продолженіе должно возбудить интересъ не только въ любознательныхъ, но и въ боютиныхъ. Авторъ не измѣняетъ своей прежней системы изложенія: безъ обобщеній, безъ зорковъ, безъ характеристикъ, онъ рассказываетъ фактъ за фактомъ, правда, рассказываетъ такъ, какъ то позволяютъ теперь повѣстия публционныя документальныя и открытій ему, до известной степени, доступны въ государственныя архивы. Потому долгое время самый трудъ нашего историка будетъ имѣть прежде всего значеніе историческаго акта. Настоящій выпускъ посвящается на вопросъ объ избраніи польскаго короля въ 1763 г., и приводитъ всѣ наши отношенія по этому дѣлу съ западными державами.

Взглядъ въ его время. Соч. Г. Шерра. Пер. съ нѣм. М. 1875. Стр. 428. Ц. 2 р. 50 к.

Мы имѣемъ на русскомъ языкѣ полное собраніе сочиненій Шиллера, а теперь весьма кстати явился переводъ лучшей его біографіи. Краткоземная жизнь великаго поэта (44 года жизни), юлившая однако собою весь образованный свѣтъ, вся состояла главнымъ образомъ изъ фактовъ творчества его гениа; и Шерръ потому даетъ біографію Шиллера въ порядкѣ его извѣстностей, группируя около нихъ личную жизнь и частную судьбу поэта. Потому д-ръ Шерра можетъ служить вмѣстѣ живымъ и ментаріемъ къ поэзіи Шиллера.

Зачѣмъ право. Ф. К. Савини. Пер. съ нѣм. В. Фуксъ и Н. Леандрю. М. 1876. Стр. 579. Ц. 3 р.

Весьма характеристично для предшествующей намъ эпохи, что ни одно изъ капитальныхъ сочиненій Савини не было въ свое время переведено на русскій языкъ. Появленіе настоящаго перевода обязано своимъ существованіемъ новому свѣду русскихъ юристовъ въ Москвѣ и въчлѣнію Н. В. Качаева, что резолюціи его о необходимости рассмотреть наши народныя обычаи и признать за ними, гдѣ слѣдуетъ, тѣ же источники права,—вообще не полая. Составляетъ основу исторической школы римскаго Савини. Изъ всѣхъ громадныхъ

трудовъ Савини переводчикъ весьма удачно выбрали его „*Obligationsrecht*“, такъ какъ болѣе близкое знакомство съ нимъ представляетъ самую настоятельную потребность для нашихъ юристовъ. Въ предисловіи помѣщенъ весьма обстоятельный біографическій очеркъ Савини и приложено вполнѣ удовлетворительный его портретъ. Авторъ разсматриваетъ свой предметъ съ двухъ его сторонъ, и потому вся книга раздѣляется на двѣ главы: природа обязательства и источники ихъ происхожденія.

Эпизодъ прусско-французской войны. Очеркъ исторіи парижской коммуны 1871 г. Э. Ватсона. Сиб. 1876. Стр. 221. Ц. 1 р. 50 к.

Признавалъ весьма справедливо невозможность въ наше время „исторіи“ парижской коммуны, при отсутствіи полнаго собранія матеріаловъ, авторъ задаетъ мысль собрать въ формѣ очерковъ только несомнѣнные факты и наблюденія лицъ, отъ которыхъ можно ожидать большаго безпристрастія. Называлъ, въ заключеніи, всю эту десятидневную междоусобную борьбу „тригемидіемъ“, авторъ тѣмъ не менѣе изслѣдуетъ въ началѣ весьма основательно причины движенія 18-го марта въ событіяхъ послѣднихъ лѣтъ существованія второй имперіи; прусская осада представила только удобный случай къ окончательному пррыву. Вотъ потому авторъ даетъ болѣе вѣри тѣмъ показаніямъ, которыя утверждаютъ, что скорѣе бонапартисты, нежели пруссаки, поддерживали коммуну, такъ какъ бонапартисты вообще не пренебрегаютъ никакими мѣрами для достиженія своихъ цѣлей. Въ изслѣдованіи г. Ватсона, какъ то и слѣдовало, обращено особенное вниманіе на обширный докладъ слѣдственной комиссіи, изслѣдовавшей событія 18-го марта—28 мая, по порученію національнаго собранія въ Версалѣ.

Руководство къ геологій. Германа Креднера. Перев. съ нѣм. (съ дополненіями) М. Ребиндера, А. Штуценберга и М. Тарасова. Т. I. Сиб. 1875 г. Стр. 371 и 7 таб. рис.

Руководство Креднера, весьма недавно появившееся въ оригиналѣ, успѣло выдержать уже нѣсколько изданій. Всѣ существенныя и важныя геологическія вопросы ообсѣдованы въ немъ съ тою полнотою, какой только можно требовать при его скатомъ изложеніи. Для русскихъ читателей особенно важенъ отдѣлъ о петрографической геологій, какъ составленный на основаніи повѣстныхъ данныхъ науки. Хотя книга главнымъ образомъ предназначается для нашихъ высшихъ учебныхъ заведеній, и даже издаетъ возможность пополнить тѣ пробѣлы, въ которыхъ книга Креднера наиболѣе отстываетъ отъ учебнаго курса, но тѣмъ не менѣе это руководство можетъ съ пользою заинтересовать собою вообще спеціалистовъ и практиковъ.

Статистика русскихъ банковъ. По поруч. цент. стат. ком. обработалъ Н. Н. Кауфманъ. Ч. II. Сиб. 1875. Стр. 545.

Все, что относится къ разъясненію банковаго дѣла, представляется теперь большою современною интересъ, а громадный трудъ, состоящій изъ однихъ таблицъ, г. Кауфмана, даетъ въ руки спеціалистовъ солидный матеріалъ. Въ настоящемъ выпускѣ заключенъ подробный сводъ ежемѣсячныхъ балансовъ отдѣльныхъ Госуд. Банка, съ дополнительными свѣдѣніями объ его операціяхъ и также полную статистику операцій всѣхъ русскихъ банковъ и всѣхъ русскихъ кредитныхъ установленій.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“

въ С.-Петербургѣ, Вас. Остр., 2 л., 7.

ОТДѢЛЕНИЕ ГЛАВНОЙ КОНТОРЫ

въ Москвѣ: Книжный магазинъ Н. П. Мамонтова (А. И. Глазунова),
на Кузнецкомъ-Мосту.

На 1876-й годъ:

Подписная цѣна на годовую экземпляръ журнала, 12-ть книгъ:

Городскіе

въ С.-Петербургѣ: { 15 р. 50 коп. безъ доставки.
16 р. — „ съ доставкою на домъ.

Иногородные:

1) въ Москвѣ: { 16 р. — „ безъ доставки.
17 р. — „ съ доставкою на домъ.

2) въ губерніи: 17 р. — „ съ пересылкою.

Иностранные:

19 р. — вел. Европа (кроме Франціи), Египетъ и Сѣв.-Ам.
Штаты; 21 р. — Франція; 24 р. — Азія; 25 р. — о-ва
Америки.

Примечаніе. Подписывающіеся въ московскомъ Отдѣленіи Главной Конторы, въ книжномъ магазинѣ Н. П. Мамонтова (быль А. И. Глазунова), на Кузнецкомъ-Мосту, могутъ получить при подпискѣ тѣмъ же всея прежде вышедшія номера журнала.

Книжные магазины пользуются при подпискѣ обычною уступкою.

Отъ редакціи. Редакція отвѣчаетъ вполнѣ за точную и своевременную доставку журнала городскимъ подписчикамъ Главной Конторы, и тѣмъ изъ иногородныхъ и иностранныхъ, которые выслали подписную сумму по почте въ Редакцію „Вѣстника Европы“, въ Спб., Галерная, 20, съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ (NB) допущена выдача журналовъ.

О перемѣнѣ адреса просить извѣщать своевременно и съ указаніемъ прежняго мѣстожительства; при перемѣнѣ адреса изъ городовъ въ иногородные оплачивается 1 р. 50 к.; изъ иногородныхъ въ городскіе—50 к.; а изъ городскіхъ въ иногородныхъ въ иностранне—недостающее до вышеуказанныхъ цѣнъ по государственн.

Жалобы выслаются исключительно въ Редакцію, если подписка была сдѣлана въ вышеуказанныхъ мѣстахъ, и, согласно объявленію отъ Почтоваго департамента, не позже, какъ по полученіи слѣдующаго номера журнала.

Билеты на полученіе журнала выслаются особо тѣмъ изъ иногородныхъ, которые прилагаютъ къ подписной суммѣ 15 коп. почтоваго маршала.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. СТАСЮЛЕНЧЪ.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:

Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:

Вас. Остр. 2 л., 7.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:

Вас. Остр. Академ. пер., 9.

ОСОБЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ. Для иногородныхъ—1) о подпискѣ на 1876 г. на военн. и литературный журналъ „Новый Русскій Базаръ“; 2) отъ княжнаго мар. Н. П. Мамонтова; 3) отъ княжнаго мар. М. О. Вольфа; 4) отъ Картографическаго заведенія А. Шенна; 5) о подпискѣ на вѣдѣст. еженед. журналъ „Живописное Обозрѣніе“.—Для городскихъ и иногородныхъ — 1) о подпискѣ на 1876 г. на вѣдѣст. журналъ „Нашъ“; 2) о подпискѣ на 1876 г. на вѣдѣст. журналъ „Всемирная Иллюстрація“; 3) отъ редакціи „Кіевскаго Народнаго Календаря“.

B'D. OCT 17 1913

